ВОССТАНИЕ В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ 1863-1864 гг

SUKILIMAS LIETUVOJE IR BALTARŪSIJOJE 1863-1864 м

ПАЎСТАННЕ У ЛІТВЕ І БЕЛАРУСІ 1863-1864 гг

POWSTANIE NA LITWIE I BIAŁORUSI 1863-1864 r

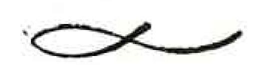
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1965

ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

POWSTANIE STYCZNIOWE

MATERIAŁY I DOKUMENTY

МОСКВА – WROCŁAW

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СЕРИИ:

С. КЕНЕВИЧ, В КОРОЛЮК, И. МИЛЛЕР, Ф. РАМОТОВСКАЯ, Э. ХАЛИЧ, Л. ЯКОВЛЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

В. ДЬЯКОВ, В. ЖИГАЛОВ, Ю. ЖЮГЖДА, С. КЕНЕВИЧ, И. МИЛЛЕР, В. НЕУПОКОЕВ, Е. РОЗАУСКАС, К. ШАБУНЯ

Текст к печати подготовили:

Л. Аржаева, С. Байкова, В. Бикулич, Н. Булдакова, М. Зараускайте, Г. Киселев, Т. Леонтьева, О. Максимайтене, В. Масилюнене, Р. Страздунайте, З. Тальвирская

VYRIAUSIOJI SERIJOS REDAKCIJA:

E. Haličius, L. Jakovlevas, S. Kenevičius, V. Koroliukas, I. Mileris, F. Ramotovskaja

TOMO REDAKCINĖ KOLEGIJA:

V. Djakovas, S. Kenevičius, I. Mileris, V. Neupokojevas, E. Rozauskas, K. Šabunia, V. Žigalovas, J. Žiugžda

Spaudai tekstą parengė:

L. Aržaeva, S. Baikova, V. Bikuličius, N. Buldakova, G. Kiseliovas, T. Leontjeva, O. Maksimaitiene, V. Masiliūniene, R. Strazdūnaitė, Z. Talvirskaja, M. Zarauskaitė

ГАЛОЎНАЯ РЭДАКЦЫЯ СЕРЫІ:

У. Каралюк, С. Кеневіч, І. Мілер, Ф. Раматоўская, Э. Халіч, Л. Якаўлеў

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ ТОМА:

У. Дзьякаў, Ю. Жугжда, В. Жыгалаў, С. Кеневіч, В. Неўпакоеў, І. Мілер, Я. Разаўскас, К. Шабуня

Тэкст да друку падрыхтавалі:

Л. Аржаева, С. Байкова, В. Бікуліч, Н. Булдакова, М. Зараўскайтэ, Г. Кісялёў, Т. Лянцьева, О. Максімайтэне, В. Масілюнене, Р. Страздунайтэ, З. Тальвірская

KOMITET REDAKCYJNY SERII:

E. Halicz, L. Jakowlew, S. Kieniewicz, W. Koroluk, I. Miller, F. Ramotowska

KOLEGIUM REDAKCYJNE TOMU:

W. Djakow, S. Kieniewicz, I. Miller, W. Nieupokojew, E. Rozauskas, K. Szabunia, W. Żygałow, J. Żiugżda

Do druku przygotowali:

L. Arżajewa, S. Bajkowa, W. Bikulicz, N. Bułdakowa, G. Kisielow, T. Leontjewa, O. Maksimajtene, W. Masilunene, R. Strazdunajte, Z. Talwirska, M. Zarauskajte

1—6—3
1005—65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии тесно связано с национально-освободительной борьбой польского народа. Характер восстания определялся исторической обстановкой в России на рубеже 1850—1860-х годов.

Реформа 1861 г. до предела обострила классовые противоречия в стране, привела к дальнейшему углублению кризиса «верхов». Свержение самодержавия, решение аграрного и национального вопросов и другие буржуазно-демократические преобразования составляли важнейшую задачу эпохи.

Как и в Польше, в Литве и Белоруссии в восстании 1863—1864 гг. приняли участие различные классовые и социальные силы общества. Это обстоятельство оказало глубокое влияние на программу и весь ход развернувшейся борьбы, породило сложное переплетение в ней различных тенденций.

В предисловии к тому «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» была уже дана характеристика политических группировок, отражавших интересы различных социальных слоев общества, которые определились еще накануне восстания. В силу сложившихся обстоятельств восстание в Польше вспыхнуло ранее намеченного срока — в январе 1863 г. Центральный национальный комитет опубликовал 22 января 1863 г. (н. ст.) программный манифест и аграрные декреты. Излагая общую политическую и социально-экономическую программу восстания, манифест провозгласил «всех сынов Польши без различия веры, племени, происхождения и сословия» свободными и равноправными гражданами страны. Аграрная программа предусматривала передачу помещичьим и государственным крестьянам земли, которой они владели, в собственность, отменяла существующие повинности за землю и обещала безземельным за активное участие в восстании надел земли в три морга. За передаваемую крестьянам землю помещики должны были получить возмещение из национальных фондов.

Революционный характер январской программы ЦНК несомненен. Как исходная позиция для решения аграрного вопроса и объединения всех демократических сил в борьбе с самодержавием она сыграла огромную мобилизующую роль. Аграрные декреты оказали активное воздействие на дальнейший рост крестьянского движения в Литве и Белорус-

сии, которое заставило царизм издать указ 1 марта 1863 г., расширяющий буржуазное содержание реформы 1861 г. По утверждению виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, январский манифест ЦНК разрушал «все установления правительства, изданные по предмету освобождения крестьян», будил «в умах сельского населения социальные идеи».

Однако в аграрных декретах ЦНК проявилась и классовая ограниченность «красных». Стремясь объединить под общим знаменем крестьян и помещиков, они предлагали компромиссное решение аграрного вопроса на базе сохранения помещичьего землевладения. Эта программа не соответствовала конечным интересам крестьянства.

Январская программа ЦНК опиралась на чуждую крестьянству идею «классового мира», которая развивалась во всех обращениях варшавского Национального правительства к народам Литвы и Белоруссии и широко пропагандировалась среди литовского и белорусского крестьянства как сторонниками помещичьей партии «белых», так и правыми «красными». Крестьян призывали к союзу с помещиками и убеждали, что помещики дали им свободу и добровольно «подарят» за участие в восстании «землю, которой они пользуются».

Однако в условиях особенного обострения борьбы за землю в деревне политика «классового мира» не пользовалась доверием у крестьян, а саботаж помещичьего руководства восстанием реализации аграрных декретов облегчал провокационные маневры царских властей, подстрекавших крестьян против восстания.

Возлагая особые надежды на развитие восстания за пределами конгрессовой Польши, Временное национальное правительство обратилось 29 января 1863 г. (н. ст.) с воззванием к жителям Литвы и Белоруссии. В воззвании указывалось: «Центральный пункт всей проблемы — в Литве; восстание Литвы решает вопрос о воскрешении Польши и гибели врага». Воззвание это было положительно встречено поляками, проживавшими в Литве и Белоруссии, особенно мелкими помещиками, «застенковой» шляхтой, интеллигенцией и городским населением. Эти элементы активно включались в национально-освободительную борьбу, начатую в Королевстве. Иначе было с литовцами и белорусами, которых призывали принять участие в восстании «за воскрешение Польши». Лозунг шляхты идти «за веру и отечество», в том смысле, как она его понимала, не мог иметь успеха среди литовского и тем более белорусского крестьянства.

Рассматривая «польское дело» как «дело свободы», революционные демократы Литвы и Белоруссии прекрасно понимали ограниченность январской программы и несостоятельность призывов шляхты к «классовому миру». На первый план они выдвигали ее революционную мобилизующую сущность и надеялись в ходе восстания под воздействием крестьянства радикально изменить программу.

Под влиянием К. Калиновского и его группы Литовский провинциальный комитет, ранее называвшийся Комитетом движения, действуя на основе январского манифеста и аграрных декретов, в чрезвычайно сложной обстановке повел борьбу за демократизацию программы восстания. Революционные демократы Литвы и Белоруссии последовательно защищали коренные социальные и национальные интересы литовского и белорусского народов.

Объявив себя революционным правительством Литвы и Белоруссии, Литовский провинциальный комитет опубликовал 20 января (1 февраля) свой революционный манифест (док. 3), который повторял основные положения манифеста и аграрных декретов от 10 (22) января 1863 г. Манифест от 1 февраля передавал реализацию аграрной программы в руки революционной власти, предлагая предавать «военному суду» всех, кто «не подчинится этому манифесту». Еще дальше в этом отношении шла «Инструкция» командирам повстанческих отрядов (док. 6). Недавно введенный в научный оборот, этот документ имеет исключительно важное значение. Требуя от командиров повстанческих отрядов немедленно приводить в исполнение «декрет Временного правительства о наделении крестьян землей» (§ 2), Литовский провинциальный комитет предписывал им: «Наиболее известных угнетателей крестьян для примера карать смертью по решению суда перед собранным сельским народом, не допуская самочинной расправы» (§ 8).

В седьмом номере «Мужицкой правды» (док. 14) вся земля «от дедов-прадедов» признавалась крестьянской собственностью. Это положение объективно соответствовало требованию крестьян Литвы и Белоруссии восстановить «батьковщину», т. е. вернуть им всю захваченную помещиками землю.

В борьбе революционных демократов Литвы и Белоруссии за демократизацию программы восстания особое место занимает «Приказ от польского правительства над всем краем литовским и белорусским к народам земли литовской и белорусской», изданный в июне 1863 г. (док. 16). Выдвигая на первый план аграрный вопрос и призывая крестьян восстать «во имя истинной свободы», «Приказ» всем своим содержанием был направлен против идеи «классового мира» («дело наше не дело панское») и царской пропаганды, пытавшейся представить восстание как попытку помещиков вернуть старые, крепостнические порядки. В «Приказе» крестьянам разъяснялась создавшаяся обстановка, излагались подлинные цели восстания и задачи будущего устройства общества. «Приказ» предписывал сурово расправляться с любыми пособниками царизма. Получив широкое распространение среди крестьян Западной Белоруссии и Литвы, «Приказ» оказал активное воздействие на дальнейшее развитие крестьянского аграрного движения в этих районах.

Революционные демократы Литвы и Белоруссии с первых дней восстания вели последовательную борьбу за более радикальное решение крестьянского вопроса. Степень развития восстания в различных частях Литвы и в особенности в Белоруссии была не одинаковой. Неоднородные в социальном отношении, повстанческие отряды Литвы в большинстве случаев состояли из крестьян, городских «низов» и деклассированной, безземельной и малоземельной шляхты. Как свидетельствует в своей записке К. Калиновский (от 28 февраля 1864 г.), повстанческие отряды Западной Белоруссии состояли «большею частью из крестьян казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей».

Социальный состав повстанческих отрядов в Литве и Белоруссии еще недостаточно изучен. Данные официальной царской статистики (док. 38) свидетельствуют о том, что за участие в восстании по Виленскому военному округу (включая Августовскую губ.) с начала восстания по 1 января 1865 г. временным полевым аудиториатом казнено, сослано на

каторгу и поселение, отдано под надзор полиции 21 712 человек. Из них: ксендзов — 294, лиц привилегированных сословий — 6443, «простолюдинов» — 14 975 человек. Эти цифры далеко не исчерпывают всей массы причастных к восстанию лиц (многие из них погибли или сумели избежать репрессий). Кроме того, анализируя эти цифры, следует иметь в виду, что в рубрике «привилегированные сословия» преобладают беспоместные дворяне и шляхтичи, а в графе «простолюдины» наряду с крестьянами фигурируют мещане, однодворцы, а также происходившие отчасти из крестьян, отчасти из деклассированной шляхты ремесленники, мелкие торговцы, домашняя прислуга и т. д.

Приведенные цифры дают лишь общую картину тех социальных сил, которые действовали в Литве и Белоруссии (включая Августовскую губ.), между тем различные районы Литвы и Белоруссии имели свои специфические черты как по размаху и времени действия повстанческого движения, так и по его социальному составу.

У литовских крестьян было довольно сильно развито национальное самосознание и религиозное чувство. В Западной Белоруссии значительно сильнее, чем в Восточной, сохранилась приверженность к униатской церкви, ликвидированной царскими властями. Эти факторы использовали А. Мацкявичюс и К. Калиновский в революционной агитации. Не следует, однако, объяснять отличие в отношении крестьян к восстанию в разных районах Литвы и Белоруссии одними только национальными и религиозными особенностями, как это делает буржуазная историография.

Массовое участие крестьян в повстанческих отрядах Литвы засвидетельствовано документами настоящего тома и многочисленными другими источниками.

В самом начале восстания Ф. Энгельс в известном письме к К. Марксу от 8 апреля 1863 г. (н. ст.) отмечал «большое участие» крестьян Литвы в восстании [1]. «Колокол» писал, что в Литве «крестьяне с каждым днем принимают более искреннее участие в восстании» [2]. Характеризуя «повстанческие отряды на Жмуди», А. Медекша пришел к выводу, что в таких отрядах, как отряд З. Цитовича (около 250 человек) и Т. Кушлейко (около 800 человек), «вся масса состояла из крестьян, между которыми редко встречался безземельный шляхтич или горожанин, которые, без сомнения, мало отличались от крестьян патриотизмом и степенью образованности» [3]. Отряд Э. Люткевича («Людобронского»), действовавший в Поневежском у., состоял «преимущественно из людей, вышедших из народа». Уточняя это положение, Люткевич писал: «Я сказал „преимущественно“, а не „исключительно“ потому, что на несколько сот крестьян у нас имеется человек 20 шляхтичей и даже помещичьих сыновей».

Осенью 1863 г., когда большинство крупных повстанческих отрядов было разбито, оставшиеся многочисленные мелкие повстанческие группы в Литве «состояли почти исключительно из крестьян». В Литве действовали многие крестьянские по составу и возглавляемые крестьянами отряды: Адомаса Бите (Битиса), М. Пуйдокаса, К. Лукашюнаса и др.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 276.
[2] «Колокол», 10 июня 1863 г., стр. 1359.
[3] «Ojczyzna», 1864, № 109; 1865, № 59.

Даже царские власти, стремившиеся, по предложению Муравьева, представить восстание «помещичьим делом», вынуждены были писать о массовом участии крестьян в восстании. В донесении ковенского губернатора от 11 сентября 1863 г. отмечалось, что возвращающиеся из отряда «разного рода лица» состояли «преимущественно из крестьян».

Среди крестьян-повстанцев большой процент составляли безземельные крестьяне, которые шли в отряды с надеждой получить из рук революционной власти землю. Активная поддержка крестьянами Литвы восстания определялась не их ведомственной принадлежностью и вероисповеданием, а мерами повстанческого руководства по реализации аграрной программы. Там, где повстанческое руководство последовательно вело дело к развитию аграрной революции, в отряды шли не только государственные, но и помещичьи крестьяне. Напротив, призыв шляхты к «классовому миру» и ограниченность официальной повстанческой аграрной программы сковывали активность помещичьих крестьян. В большей степени это проявилось в Центральной и Восточной Белоруссии. В Гродненской губ. среди повстанцев было значительное число крестьян. В Минской губ. участие крестьян в восстании было значительно меньшим. Наибольшая часть крестьян — участников восстания в Минской губ.— приходилась на западные, пограничные с Гродненской губ. уезды (особенно Новогрудский). Что касается Восточной Белоруссии, то здесь крестьян в повстанческих отрядах было мало. Наиболее активной силой в восстании на территории Восточной Белоруссии являлись демократические слои городского населения: мелкое чиновничество, учащаяся молодежь, ремесленники. К ним примкнула также деклассированная безземельная и малоземельная шляхта.

Роль крестьян Литвы и Белоруссии в восстании не исчерпывается их непосредственным участием в повстанческих отрядах. Крестьянство оказывало повстанцам широкую и многообразную поддержку. Крестьянне приняли участие в вооружении отрядов, они предупреждали повстанцев о приближении войск, обеспечивали их проводниками и продовольствием. После открытого выступления партии «белых» против восстания повстанческие отряды снабжались преимущественно крестьянами. Бывший начальник IV округа корпуса жандармов А. М. Гильдебрант писал 28 августа 1863 г. В. А. Долгорукову: «Шайки существуют ныне на счет крестьян». Транспорты с оружием в Литву и Западную Белоруссию отправлялись «посредством мужиков». Крестьяне отказывались предоставлять подводы для перевозки карателей, активно противодействовали созданию сельских караулов.

В ряде документов настоящего тома отмечается замечательное отношение крестьян Литвы к повстанцам, действия которых привлекали к себе народ и укрепляли их уверенность в необходимости борьбы с самодержавием. По утверждению современника, А. Мацкявичюс «привлек к восстанию всех окрестных крестьян» [4].

В Центральной и Восточной Белоруссии повстанцы такой опоры среди крестьянства не имели.

Восстание в Литве и Белоруссии в значительной мере опиралось на массовое стихийное крестьянское движение против грабительской ре-

---

[4] «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 431.

формы в помещичьей деревне и произвола царской администрации в государственной деревне. Обе силы были частями общего революционного процесса, хотя полного их слияния в восстании не произошло.

Уже в первый период восстание в Литве и Белоруссии приняло социальное направление. В цитированном выше письме Ф. Энгельс отмечал, что «литовское движение... ближе к Курляндии приобретает даже прямо аграрный характер» [5]. К. Калиновский в предсмертной записке (28 февраля 1864 г.) писал, что восстание грозило совершенным разрушением существующих порядков. Социальная направленность восстания отмечалась и в официальных донесениях властей. Характерным примером является отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову от 18 февраля 1863 г. (док. 5). Повстанцы громили сельские и волостные управления, уничтожали в них «все бумаги», разрушали существующую административную систему, создавали революционные органы гражданского управления. В Литве, а также в Западной Белоруссии административно-полицейский аппарат в значительной части был деморализован. Жандармский штаб-офицер Ковенской губ. Скворцов 23 апреля 1863 г. доносил Долгорукову, что «действия мятежников совершенно уронили законную власть».

Уже на первом этапе повстанческое движение (несмотря на ряд неудачных сражений с карателями) завоевало значительное доверие крестьян, укрепляя в них надежду на реальность аграрных преобразований силами революционной власти. В упомянутом выше донесении Скворцов писал, что, «потеряв уверенность в силу правительства», крестьяне «выжидают, какие размеры примет восстание и с какой стороны выгоднее будет примкнуть к нему». В лице повстанческих командиров, решительно проводящих в жизнь аграрную программу, крестьяне видели своих защитников в борьбе с произволом помещиков, цепко державшихся за феодальные привилегии. Яркое подтверждение этому дает приказ командира повстанческого Дубисского полка Б. Колышко помещику Ю. Довгирду «под строгую ответственность созвать волость, объявить волю национального правительства и прекратить всякие вымогательства». Такие действия были не единичны. Революционная часть повстанческого руководства в аграрном вопросе последовательно стояла «в обороне прав народа».

В Литве и Белоруссии отказ крестьян подписывать уставные грамоты, отбывать повинности в пользу помещиков принял наиболее упорный характер под влиянием повстанческого манифеста. Особенно широкий размах это движение получило в Ковенской губ. Здесь в ряде имений началась самовольная порубка леса и разрушение изгородей в помещичьих фольварках. Местным властям и мировым посредникам нередко оказывалось вооруженное сопротивление.

Подъем крестьянского движения и влияние на крестьян повстанческого манифеста делали вполне реальной угрозу перерастания восстания в аграрную революцию. Это понимало и царское правительство. Стремясь противопоставить аграрным декретам повстанцев свои земельные преобразования, царизм вносит изменения в крестьянскую реформу. Эти уступки в пользу крестьян у самодержавия вырвало восстание.

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 276.

В центре и на востоке Белоруссии повстанцы также стремились ознакомить сельское население с революционными земельными законами. Те немногочисленные повстанческие отряды, которые существовали здесь непродолжительное время, по мере своего продвижения зачитывали по деревням манифест, разъясняли крестьянам его содержание (см. док. 228, 233, 255). Однако здесь крестьяне в своей массе не поддерживали повстанцев. В некоторых районах Восточной Белоруссии крестьянское антипомещичье движение принимало даже в отдельных случаях форму борьбы против повстанцев — там, где в отрядах преобладали выходцы из шляхты, а руководителями были местные помещики. Так, в Динабургском и Режицком уездах Витебской губ. крестьяне под предлогом поисков повстанцев нападали на поместья, громили усадьбы, задерживали помещиков и их служащих. Помещики взывали о помощи к царским властям. В событиях на Витебщине нашли выражение царистские иллюзии забитого крестьянства, вековая ненависть к помещикам и недоверие к шляхетскому движению.

Развитие аграрного движения вызвало в помещичьем лагере тревогу. Боясь расправы, помещики оставляли имения и бежали в города. Вилкомирский исправник 9 марта доносил Назимову, что помещики «все находятся в величайшем страхе» перед растущей ненавистью крестьян и перспективой «отдачи им земли безвозмездно».

Хорошо знавший настроения «большинства дворян литовского края», Гильдебрант писал Долгорукову: «Они не только не надеялись на прочный успех необдуманного и отважного предприятия, но в душе не одобряли его потому, что коммунистические и социальные направления революционной, так называемой красной, или крайней партии вовсе не соответствовали желаниям польского дворянства».

Помещичья группировка «белых», возглавляемая в Литве Я. Гейштором, после некоторых колебаний решила взять руководство движением в свои руки. Этот замысел встретил поддержку комиссара Временного национального правительства в Вильно Н. Дюлёрана. В конце февраля Литовский провинциальный комитет был реорганизован, точнее, заменен новым комитетом, получившим название «Отдела, управляющего провинциями Литвы» (док. 7); он состоял из «белых» во главе с Я. Гейштором. Решительно выступая против социального аграрного движения, Отдел в своих декретах выдвигал на первый план требования «тесного объединения всех честных сынов Родины без различия сословия и вероисповедания» «в святом национальном деле». Всякие «самовольные действия» объявлялись государственной изменой и подлежали наказанию «по всей строгости польского военного права». Резко осуждалась идея «социального переворота». Патриотическая фразеология «белых» помогала им использовать боевые настроения разных социальных слоев польского населения.

«Белые» стремились пресечь развитие социального аграрного движения и придать восстанию характер борьбы за «исторические» границы Польши, но они понимали, что решить эту задачу силами одной польской шляхты невозможно. Участие в восстании крестьян Литвы и Белоруссии под флагом и под руководством «белых» должно было продемонстрировать Европе «всенародную» поддержку замыслов польского дворянства. В этом плане следует рассматривать и обращение Отдела от 3 мая к жителям Белоруссии с призывом к восстанию, в котором поддерживались январские аграрные декреты (док. 12).

Приход к руководству восстанием партии «белых» был обусловлен рядом причин и прежде всего слабостью революционных демократов и стихийностью крестьянского движения. Усиление влияния революционных демократов на ход событий находилось в прямой зависимости от дальнейшей демократизации программы восстания и углубления социального аграрного движения. Решение этой задачи было перенесено в повстанческие отряды.

«Белым» не удалось изменить характер восстания, демократическая часть командиров повстанческих отрядов фактически действовала самостоятельно, вопреки указаниям Отдела. Саботаж Отделом и его администрацией на местах мер по формированию и снабжению отрядов встречал резкий протест повстанцев. По утверждению повстанца Я. Волка, Ф. Вислоух заявлял: «Если ему попался бы один из членов Комитета, он приказал бы для примера его повесить». Оттесняя администрацию «белых», революционные элементы на местах брали руководство восстанием в свои руки. Борьба революционной части повстанцев против линии «белых» ярко отражена в письме одного из руководителей повстанческого движения к Ф. Вислоуху (док. 18). Оценивая положение в Ковенской губ., автор письма указывал, что «в Литве лишь теперь дело доходит до гражданской организации, так как до сих пор администрация в провинциях почти не действовала из-за подлости и трусости дворянства, рвущегося к должностям без ощущения необходимости работать, без понимания своих сил и обязанностей». Положение изменилось, указывалось в письме, «теперь молодой элемент берет дворянство в тиски».

Потеряв надежду на помощь со стороны правительств западных держав и не веря во внутренние силы восстания, напуганные репрессиями царизма, «белые» разуверились в победе, стали клеветать на командиров повстанческих отрядов, опиравшихся на крестьян. Эта линия партии «белых» получила обобщенную характеристику в рапорте от 18(30) августа командира повстанческого отряда Э. Люткевича Национальному правительству в Варшаве. Действия отряда Люткевича вызывали резкий протест помещиков. Отстраненный приказом ковенского воеводы от командования отрядом, Люткевич писал: «Та причина, которая в нем указана,— то, что отряд состоит преимущественно из людей, вышедших из народа, не может быть признана обстоятельной, так как там, где целью является всеобщее благо и прежде всего благо народа как самого многочисленного и самого нуждающегося класса, это обстоятельство не может служить достаточной причиной снятия командира с его должности». Люткевич разоблачал и непоследовательность Национального правительства в Варшаве, которое активно поддерживало линию помещичьей партии «белых» в Литве и Белоруссии.

Адрес царю от дворянства Виленской губ., поданный под нажимом М. Н. Муравьева (27 июня), свидетельствовал об отказе «белых» от участия в восстании. Консервативная часть шляхты в страхе перед террором отказалась от мысли о независимой Польше. Большинство помещиков, теряя веру в победу, думало только о спасении собственной жизни, имущества и общественного положения.

Действия повстанческих отрядов в Литве и Западной Белоруссии приобрели характер широкой партизанской войны. Уже в феврале — марте

восстание охватило почти всю Литву и Западную Белоруссию. По подсчетам С. Зелинского[6], в 1863 г. в Литве и Белоруссии произошло 237 сражений, или 23% всех столкновений повстанцев с войсками на территории, охваченной восстанием. Наибольшее число из них приходилось на главные центры восстания: Ковенскую (99, или более 40%) и Гродненскую (65, или около 30%) губернии. В первый период восстания в основном шло формирование отрядов, делались первые шаги по установлению взаимодействия между ними и освоению методов партизанской войны. Стычки с войсками в январе — марте на территории Литвы и Белоруссии были немногочисленны. Основные действия развернулись в апреле — августе. В апреле началось восстание в Минской, Витебской и Могилевской губерниях. За этот период произошло 170 (около 80%) военных столкновений. Быстро нарастая, восстание распространилось, по донесениям властей, «повсеместно».

О размахе восстания в Литве и Белоруссии можно судить по тем силам, которые были направлены царскими властями для подавления его. Как видно из отчета военного министерства за 1863 г., в Виленском военном округе в военных действиях участвовало (на август 1863 г.) 123 495 строевых нижних чинов, 122 орудия, 52,5 казачьих сотен; на 1 января 1864 г.—144 786 нижних чинов, 146 орудий, 60 казачьих сотен[7].

В Литве центром повстанческого движения была Ковенская губ., в Белоруссии — Гродненская. Большую роль в формировании сил повстанцев в Ковенской губ., а затем и в создании «армии» З. Сераковского сыграл А. Мацкявичюс, который «первый поднял знамя восстания в Литве». На Гродненщине во главе борьбы за демократизацию восстания стоял с апреля 1863 г. К. Калиновский. Документы настоящего тома дают ценные сведения о формировании и передвижении повстанческих отрядов, характеризуют отдельные сражения и тактику партизанской войны. В чрезвычайно сложной обстановке повстанческое руководство сумело вооружить отряды и придать им более или менее стройную военную организацию. Обучение повстанцев ведению боя осуществлялось в лагерях на основе созданных в ходе восстания уставов.

Большую роль в формировании и обучении повстанческих отрядов сыграли солдаты и офицеры, перешедшие в ряды повстанцев из царской армии. В большинстве отрядов крестьянская пехота (косинеры) составляла основную боевую силу в сражениях. Роль косинеров была высоко оценена З. Сераковским. Революционно-демократическая часть повстанческих командиров устанавливала в отрядах демократическую систему отношений, которая сочеталась с требованием необходимой военной дисциплины. Но в силу быстро развивающихся военных событий повстанцы не успевали завершить военную подготовку и испытывали большой недостаток в огнестрельном оружии и командных кадрах.

События успешно развивались для повстанцев в тех районах Литвы и Белоруссии, где был более демократический состав повстанческих отрядов, повстанческое руководство придерживалось последовательной линии в реализации аграрной программы, активно защищало крестьян от произвола помещиков.

---

[6] S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913 (приложение).
[7] ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 793, лл. 58, 60.

Разрушая царский административно-полицейский аппарат, З. Сераковский объявлял народу, что цель движения — освобождение «крестьян от крепостного звания» и наделение их землей. Царская военная и гражданская администрация признавала, что «коммунистические обещания» повстанцев привлекли на их сторону не только «весь пролетариат и значительное число чиновников», но и «сельское население».

Революционные демократы Литвы и Белоруссии настойчиво пытались перенести военные действия на восток. Военно-политические планы З. Сераковского и его намерения осуществить поход в Курляндию, где усилилось крестьянское движение, раскрываются показаниями С. Олендского (док. 36). С целью соединить восстание в Польше, Литве и Белоруссии с крестьянским движением в русских губерниях («до Волги») Л. Звеждовский, возглавивший восставших студентов Горыгорецкого института, стремился перейти из Могилевской губ. в Смоленскую губ. Об этом свидетельствует показание З. Миткевича (док. 264).

Но уже на втором этапе движения стало ясно, что восстание в Минской, Могилевской и Витебской губерниях не удалось.

На заключительном этапе восстания (конец 1863—1864 г.) вследствие жестоких репрессий и подавляющего перевеса царских войск действия повстанческих отрядов стали немногочисленны (33 стычки с войсками в сентябре — декабре 1863 г. и 10 — в 1864 г.) и происходили они в основном в Литве. В Западной Белоруссии в этот период повстанческие отряды были частично распущены, а остальные перешли в Королевство Польское. В Литве восстание приобретает черты аграрного социального движения крестьянства. Роль крестьянства в немногочисленных отрядах значительно возросла. Прочно связанные с населением мелкие крестьянские группы оказались наиболее жизненными и настойчиво продолжали борьбу, тогда как шляхта покидала отряды. По словам одного из командиров крестьянского отряда, дворяне уходят, «тогда как мужики все еще находятся в мятеже». Крестьяне Литвы нападали на помещичьи имения и оказывали решительное сопротивление карателям.

В записке Муравьеву от 19 октября 1863 г. помещик Поневежского у. Бистром писал, что «в настоящее время почти ежедневно стали повторяться разграбления имений немецких помещиков шайками мятежников, состоящих почти исключительно из крестьян». Бистром утверждал, что крестьяне «почти все сторонники мятежа».

Действия повстанческих отрядов в Ковенской губ. находили прочную поддержку широкой массы крестьянства. В донесениях властей с тревогой отмечалось нарастание «социальной революции в Литве». М. Н. Муравьев признавал, что крестьяне большинства уездов Ковенской губ. заражены «вредными революционными идеями и духом мятежа», что они «по своему сочувствию к мятежу» уклоняются от «противодействия инсургентам». Призыв А. Мацкявичюса готовиться «к общему восстанию» весной 1864 г. опирался на реальный учет настроения крестьянства. Власти доносили, что повстанцы Ковенской губ. намерены «увлечь крестьян к мятежу». На заключительном этапе повстанческие отряды Литвы держались исключительно за счет крестьян.

Жестоко преследуя остатки повстанческих отрядов, Муравьев усилил карательные меры против крестьян, поддерживающих повстанцев и фактически вышедших из повиновения властей. Проводились массовые аресты и высылки крестьян «мятежных» имений, устанавливалась кру-

говая порука, налагалась тяжелая контрибуция. За «участие в мятеже» крестьяне предавались суду, и целые общества крестьян признавались виновными «в пособничестве мятежникам». Власти силой заставляли крестьян выполнять повинности помещикам и распоряжения местной администрации.

Царизм понимал, что одними репрессиями предотвратить новый взрыв восстания в Литве и Белоруссии невозможно. Не случайно в ноябре 1863 г. указ от 1 марта 1863 г. был распространен на Могилевскую губ. и на белорусские уезды Витебской губ. С помощью подобных мер царизм намеревался предотвратить развитие «социальной революции» в будущем.

Восстание 1863—1864 гг. имело в истории литовского и белорусского народов большое значение. Заставив царское правительство значительно расширить буржуазное содержание реформы, восстание оказало прямое влияние на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие Литвы и Белоруссии. Оно содействовало дальнейшему развитию самосознания литовского и белорусского народов.

Существенной особенностью восстания 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии было наличие активных интернациональных связей. Все развитие восстания проходило при участии представителей всех народностей Литвы и Белоруссии, в тесной организационной и идейной связи с восстанием в Польше, при прямом воздействии идеологии русских революционных демократов и при непосредственной реальной помощи русских революционных сил. Активный интерес к развитию восстания как в Польше, так и в Литве и Белоруссии со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса, а также других деятелей международной прогрессивной общественности, их постоянная морально-политическая поддержка восстания еще больше подчеркивают интернациональные связи восстания 1863—1864 гг.

В ходе восстания складывался революционный союз народов Литвы и Белоруссии с русским, польским и другими народами, ведущими борьбу с самодержавием. Восстание 1863—1864 гг. прокладывало путь дальнейшей совместной борьбе народов России против царизма, помещиков и капиталистов, оно оказывало непосредственное воздействие на развитие дальнейшей борьбы крестьянства Литвы и Белоруссии против пережитков крепостничества, на развитие демократической мысли и национально-освободительного движения в Литве и Белоруссии.

* * *

Перечень хранилищ и фондов, из которых извлечены публикуемые в томе документы, дается в прилагаемом списке использованных фондов. По сравнению с ранее изданным томом, посвященным революционному подъему 1861—1862 гг. [8], в настоящем томе значительно возрос удельный вес документов тех царских карательных органов, которые были созданы специально для борьбы с восстанием (военные начальники, следственные комиссии и т. д.). Важное значение имеют материалы Временного полевого аудиториата при штабе войск Виленского военного округа, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве

[8] Некоторые документы, опубликованные в томе «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», освещают также события 1863—1864 гг.

Литовской ССР (ф. 1248). В аудиториате концентрировались военно-судные дела участников восстания со всей территории Литвы и Белоруссии Особую ценность представляют делопроизводства по повстанческим организациям, о руководителях восстания (например, дело К. Калиновского, дела его соратников). Среди вещественных доказательств, приобщенных к делам, имеется большое количество повстанческих документов, в частности такие ценные, как «Повстанческая инструкция» Литовского комитета, письмо Ф. Вислоуху от 16(28) июня 1863 г. и др. До создания Временного полевого аудиториата (июль 1863 г.) его функции выполняло судное отделение окружного штаба (ф. 494). В составе архивного фонда штаба до нас дошли военно-судные дела З. Сераковского, Б. Колышко и др. Подлинные судебно-следственные материалы, в частности последние письма и одно из показаний А. Мацкявичюса, отложились также в фонде канцелярии виленского генерал-губернатора (ф. 378).

Состояние материалов позволило включить в настоящий том раздел, посвященный восстанию в Августовской губ. Среди документов раздела значительный интерес представляет подлинная переписка повстанческих властей Августовского воеводства, обнаруженная в Отделе редкой книги и рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса.

Ввиду ограниченного объема в сборник вошло лишь небольшое число документов о крестьянском антиреформенном движении в годы восстания, хотя это движение играло огромную роль в восстании 1863 года.

Большинство документов, вошедших в сборник, публикуется впервые.

Примечания самого документа печатаются внизу соответствующей страницы прямым шрифтом и обозначаются «звездочками». Текстологические примечания, сделанные составителями, печатаются внизу соответствующей страницы курсивом, а слова документа — прямым шрифтом без кавычек. Такие примечания обозначаются малыми литерами русского алфавита. Примечания по содержанию (реальный комментарий) печатаются в конце документа курсивом и обозначаются арабскими цифрами.

В составлении сборника (окончательный отбор документов, подготовка текста к печати, комментирование) принимали участие следующие научные работники:

Общий раздел — В. Б. Бикулич (Центральный государственный исторический архив Литовской ССР);

Виленская губ.— М. Ю. Зараускайте, Р. Ю. Страздунайте (Институт истории Академии наук Литовской ССР);

Ковенская губ.— О. И. Максимайтене (Институт истории Академии наук Литовской ССР);

Августовская губ.— В. П. Масилюнене (Центральный государственный исторический архив Литовской ССР);

Гродненская губ.— Л. В. Аржаева (Архивное управление при Совете министров Белорусской ССР);

Минская губ.— Т. Е. Леонтьева (Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР в гор. Минске);

Витебская и Могилевская губ.— Н. И. Булдакова (Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР в гор. Минске).

Составлением разделов по Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерниям руководила С. М. Байкова (Институт истории Ака-

демии наук Белорусской ССР), остальных разделов — Г. В. Киселев (Архивное управление при Совете министров Литовской ССР).

От Института славяноведения АН СССР в работе группы составителей по всем разделам участвовала З. Я. Тальвирская.

Перевод текстов с польского, литовского, французского и немецкого языков выполнен Е. А. Козловской (Минск) и Г. А. Фейгельсонасом (Вильнюс). Подготовка к печати польских текстов осуществлена Г. К. Ордой (ЦГИА Лит. ССР).

Редактирование археографической обработки документов произведено Г. В. Киселевым. Он же подготовил археографическую часть предисловия.

Ю. Жюгжда
В. Неупокоев

II Заказ № 2435

PRATARMĖ

1863—1864 metų sukilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje yra glaudžiai susijęs su lenkų tautos nacionalinio issivadavimo judejimu. Sukilimo pobūdį nulėmė istorinės aplinkybės, susiklosčiusios Rusijoje XIX a. šeštojo ir septintojo dešimtmečių riboje.

1861 m. reforma dar labiau užaštrino klasinius prieštaravimus krašte, dar labiau pagilėjo visuomenės «viršūnių» krizė. Svarbiausi epochos uždaviniai buvo — iki galo įvykdyti buržuazinius-demokratinius pertvarkymus ir visų pirma nuversti patvaldystę, išspręsti agrarinį ir nacionalinį klausimą.

1863—1864 metų sukilime tiek Lenkijoje, tiek ir Lietuvoje bei Baltarusijoje dalyvavo įvairios klasinės ir socialinės visuomenės jėgos. Ši aplinkybė padarė didelę įtaką išsivysčiusios kovos programai ir visai jos įvykių eigai, apsprendė sudėtingą įvairių tendencijų susipynimą kovoje.

«Revoliucinis pakilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje 1861 ir 1862 metais» tomo pratarmėje duota charakteristika tų politinių grupuočių, atspindėjusių įvairių socialinių visuomenės sluoksnių interesus, kurios išryškėjo dar sukilimo išvakarėse. Dėl susidėjusių aplinkybių sukilimas Lenkijoje prasidėjo anksčiau numatyto termino, 1863 m. sausio mėnesį.

Centrinis Nacionalinis Komitetas 1863 m. sausio 22 d. (n. st.) paskelbė programinį Manifestą ir agrarinius dekretus. Dėstydamas bendrąją politinę ir socialinę-ekonominę sukilimo programą, Manifestas skelbė, kad «visi Lenkijos sūnūs be tikėjimo, genties, kilmės ir luomo skirtumų yra laisvi ir lygiateisiai krašto piliečiai». Agrarinė programa numatė atiduoti dvarininkų ir valstybiniams valstiečiams į nuosavybę tas žemes, kurias jie valdė, naikino egzistavusias prievoles už naudojimąsi žeme ir numatė už aktyvų dalyvavimą sukilime skirti bežemiams po tris margus žemės. Už valstiečiams atiduodamą žemę dvarininkams turėjo būti atlyginta «iš karalystės iždo».

Revoliucinis Centrinio Nacionalinio Komiteto programos pobūdis neabejotinas. Ji atliko didelį mobilizuojantį vaidmenį, kaip išeitinė pozicija agrariniam klausimui spręsti ir sujungti visoms demokratinėms jėgoms kovai prieš patvaldystę. Agrariniai dekretai aktyviai veikė tolimesnį augimą Lietuvos ir Baltarusijos valstiečių judėjimo, privertusio carizmą nedelsiant išleisti 1863 m. kovo 1 d. įsaką, praplečiantį buržuazinį reformos turinį. Kaip teigė Vilniaus generalgubernatorius V. Nazimovas, CNK sausio

mėn. manifestas griovė «visus vyriausybės nuostatus, išleistus valstiečių išlaisvinimo reikalu», žadino «kaimo gyventojų protuose socialines idėjas».

Tačiau agrariniuose CNK dekretuose reiškėsi ir klasinis «raudonųjų» ribotumas. Stengdamiesi bendra vėliava apjungti valstiečius ir dvarininkus, jie siūlė kompromisinį agrarinio klausimo sprendimą, paremtą dvarininkų žemėvaldos išsaugojimu. Ši programa neatitiko galutinių valstietijos siekimų.

CNK sausio programa rėmėsi valstiečiams svetima «klasių taikos» idėja, kuri buvo skelbiama visuose Varšuvos Nacionalinės vyriausybės atsišaukimuose į Lietuvos ir Baltarusijos gyventojus ir kurią plačiai propagavo lietuvių ir baltarusių valstiečių tarpe tiek dvarininkiškos «baltųjų» partijos šalininkai, tiek ir dešinieji «raudonieji». Valstiečiai buvo kviečiami dėtis į sąjungą su dvarininkais ir įtikinėjami, kad dvarininkai esą davę jiems laisvę ir gera valia «padovanosią» už dalyvavimą sukilime ir žemę, kuria jie naudojasi. Tačiau ypač aštrios kovos už žemę sąlygomis «klasių taikos» politika neturėjo valstiečių pasitikėjimo. O dvarininkiškos sukilimo vadovybės sabotavimas agrarinių dekretų įgyvendinimo lengvino provokacinius caro valdžios manevrus, kurstant valstiečius prieš sukilimą.

Labai pasitikėdama sukilimo išplitimu už kongresinės Lenkijos ribų, Laikinoji Nacionalinė vyriausybė 1863 m. sausio 29 d. (n. st.) kreipėsi atsišaukimu į Lietuvos ir Baltarusijos gyventojus. Atsišaukime buvo nurodoma: «Pagrindinis visos problemos taškas — Lietuvoje; Lietuvos sukilimas išsprendžia Lenkijos atgimimo ir priešo žlugimo klausimą». Šis atsišaukimas buvo palankiai sutiktas gyvenusių Lietuvoje ir Baltarusijoje lenkų, ypač smulkiųjų dvarininkų, smulkiosios šlėktos, lenkų inteligentijos ir miesto gyventojų. Šie elementai aktyviai įsijungė į prasidėjusią Lenkijos karalystėje nacionalinio išsivadavimo kovą. Kitaip buvo su lietuviais ir baltarusiais, kurie buvo kviečiami kovoti «už Lenkijos atkūrimą». Šlėktos šūkis «už tikėjimą ir tėvynę», tokia prasme, kaip jinai jį suprato, negalėjo susilaukti pritarimo lietuvių ir tuo labiau baltarusių valstiečių tarpe.

Vertindami «Lenkijos reikalą» kaip «laisvės reikalą», Lietuvos ir Baltarusijos revoliuciniai demokratai puikiai suprato sausio mėn. programos ribotumą ir šlėktos skelbiamos klasių taikos netinkamumą. Betgi į pirmąjį planą jie kėle šios programos revoliucinę mobilizuojančią esmę, jos šaukimą sukilti ir tikėjosi sukilimo metu valstiečių poveikyje ją radikaliai pakeisti.

K. Kalinausko ir jo grupės įtakoje Lietuvos provincinis komitetas (anksčiau Judėjimo komitetas), veikdamas sausio Manifesto ir agrarinių dekretų pagrindu, be galo sudėtingomis aplinkybėmis kovojo už sukilimo programos demokratizavimą. Lietuvos ir Baltarusijos revoliuciniai demokratai nuosekliai gynė esminius lietuvių ir baltarusių tautų nacionalinius bei socialinius interesus.

Pasiskelbęs Laikinąja Revoliucine Lietuvos ir Baltarusijos vyriausybe, Lietuvos provincinis komitetas paskelbė vasario 1 d. (n. st.) savo revoliucinį Manifestą (dok. 3), kuris pakartojo pagrindinius 1863 m. sausio 10(22) d. Manifesto ir agrarinių dekretų teiginius. Vasario 1 d. Manifestas agrarinę reformą realizuoti pavedė revoliucinei valdžiai, siūlydamas atiduoti kariniam teismui visus, kas «nepaklus šiam manifestui». Dar griežtesnė šia prasme buvo «Instrukcija» sukilėlių būrių vadams (dok. 6).

Neseniai atėjęs į mokslinę apyvartą, šis dokumentas ypač svarbus. Reikalaudamas, kad sukilėlių būrių vadai nedelsdami vykdytų «Laikinosios vyriausybės dekretą apie žemės suteikimą valstiečiams» (§ 2), Lietuvos komitetas įsakė jiems: «Žinomiausius valstiečių engėjus, pasibaigus jų karo teismui, pavyzdžiui bausti mirtimi surinktų kaimo gyventojų akivaizdoje, neleidžiant savavališko susidorojimo» (§ 8). Septintajame laikraščio «Mužickaja pravda» numeryje (dok. 14) visa nuo «senelių-prosenelių» žemė taip pat pripažįstama valstiečių nuosavybe. Ši padėtis objektyviai atitiko Lietuvos ir Baltarusijos valstiečių reikalavimą grąžinti «tėvų-protėvių» žemę, t. y. visas dvarininkų užgrobtas žemes.

Lietuvos ir Baltarusijos revoliucinių demokratų kovoje už sukilimo programos demokratizavimą ypatinga vieta priklauso «Lenkijos vyriausybės įsakymui»... «lietuvių ir baltarusių žemių gyventojams», išleistam 1863 m. birželio mėn. (dok. 16). Keldamas į pirmąjį planą agrarinį klausimą ir šaukdamas valstiečius sukilti «vardan tikrosios laisvės», «Įsakymas» visu savo turiniu buvo nukreiptas prieš «klasių taikos» idėją («mūsų reikalas ne ponų reikalas») ir prieš carinę programą, bandžiusią aiškinti sukilimą kaip dvarininkų mėginimą sugrąžinti senąją baudžiavinę tvarką. Valstiečiams buvo aiškinama susidariusi padėtis, buvo dėstomi tikrieji sukilimo tikslai ir būsimosios visuomenės sandaros uždaviniai. «Įsakymas» skelbė, jog reikia griežtai susidoroti su visais carizmo rėmėjais. Plačiai pasklidęs valstiečių tarpe, «Įsakymas» aktyviai veikė tolimesnį valstiečių agrarinio judėjimo vystymąsi.

Tuo būdu Lietuvos ir Baltarusijos revoliuciniai demokratai nuo pat pirmųjų sukilimo dienų nuosekliai kovojo už radikalesnį valstiečių klausimo sprendimą. Sukilimo išsivystymo laipsnis įvairiose Lietuvos dalyse ir ypač Baltarusijoje buvo nevienodas. Socialiniu atžvilgiu nevieningus Lietuvos sukilėlių būrius didžiąja dalimi sudarė valstiečiai, vargingieji miestiečių sluoksniai ir deklasuota bežemė bei mažažemė šlėkta. Kaip pažymėjo. K. Kalinauskas savo rašte (1864 m. vasario 28 d.), Vakarų Baltarusijoje sukilėlių būrius sudarė «didžiąja dalimi valstybiniai valstiečiai, smulkioji šlėkta ir miestų gyventojai».

Lietuvos ir Baltarusijos sukilėlių būrių socialinė sudėtis dar nepakankamai ištirta. Laikinasis lauko auditoriatas už dalyvavimą sukilime Vilniaus karinėje apygardoje (įskaitant Augustavo guberniją) nuo sukilimo pradžios iki 1865 m. sausio 1 d. represavo (nubaudė mirtimi, ištrėmė į katorgą arba išsiuntė gyventi į tolimas gubernijas, atidavė policijos priežiūrai) 21712 žmonių. Jų tarpe: kunigų — 294, privilegijuoto luomo asmenų — 6443, «paprastų žmonių» — 14975. Šie skaitmenys anaiptol neapima visų su sukilimu susirišusių asmenų (daugelis jų žuvo, daugeliui pavyko išvengti represijų). Tačiau tie skaitmenys leidžia bendrais bruožais suvokti, kurios socialinės jėgos kovojo prieš carizmą. Analizuojant jas, reikia atsiminti, kad skiltyje «privilegijuoto luomo asmenys» vyrauja nedvarininkiniai bajorai ir šlėkta, o skiltyje «paprastieji žmonės», šalia valstiečių, figūruoja miestiečiai, vienkiemininkai, o taip pat kilę arba iš valstiečių, arba iš deklasuotos šlėktos amatininkai, smulkūs prekybininkai, tarnai.

Tačiau pateiktieji skaičiai teduoda tik bendrą vaizdą tų socialinių jėgų, kurios iš viso veikė Lietuvoje ir Baltarusijoje. Be to, Lietuvos ir Baltarusijos rajonai turėjo savo specifinių bruožų tiek sukilimo išsivystymo požiūriu, tiek pagal sukilėlių veiksmus atskirais laiko tarpais, tiek ir pagal socialinę sukilėlių būrių sudėtį.

Lietuvos valstiečių tarpe buvo pakankamai stiprus nacionalinio sąmoningumo jausmas. Vakarų Baltarusijoje žymiai labiau negu Rytų Baltarusijoje valstiečiai buvo ištikimi unitų bažnyčiai, kurią likvidavo caro valdžia. Šiuos momentus A. Mackevičius ir K. Kalinauskas panaudojo revoliucinėje agitacijoje. Tačiau negalima aiškinti valstiečių pažiūrų į sukilimą įvairiuose Lietuvos ir Baltarusijos rajonuose vien tik nacionalinėmis ir religinėmis ypatybėmis, kaip tai daro buržuazinė istoriografija.

Apie masinį valstiečių dalyvavimą daugelyje sukilėlių būrių liudija gausūs šio tomo dokumentai, tą faktą paremia įvairūs kiti šaltiniai.

Pačioje sukilimo pradžioje F. Engelsas žinomajame laiške K. Marksui (rašytame 1863 m. balandžio 8 d. n. st.) pažymėjo, kad Lietuvoje «gausiai dalyvauja» sukilime valstiečiai [1]. Jau sukilimui plačiai išsisiūbavus, «Kolokolas» rašė, kad Lietuvoje «valstiečiai kasdien vis nuoširdžiau ima dalyvauti sukilime» [2]. Apibūdindamas «sukilėlių būrius Žemaitijoje», A. Medekša padarė išvadą, kad tokiuose būriuose kaip Z. Citavičiaus (apie 250 žmonių) ir T. Kušleikos (apie 800) «visą masę sudarė valstiečiai, tarp kurių retkarčiais sutikdavai bežemį šlėktą arba miestietį, kurie, be abejojimo, mažai skyrėsi nuo valstiečių» [3]. E. Liutkevičiaus («Liudobronca») būrį, veikusį Panevėžio apskrityje, sudarė «didžiąja dalimi žmonės iš liaudies». Patikslindamas šį teiginį, E. Liutkevičius rašė: «Aš sakau «didžiąja dalimi», o ne «vien tiktai» dėl to, kad keliems šimtams valstiečių pas mus tenka apie 20 žmonių šlėktos ir net dvarininkų sūnų». 1863 m. rudenį, kai daug stambiųjų sukilėlių būrių jau buvo sumušti, gausias smulkesnes sukilėlių grupes Lietuvoje «sudarė beveik vieni valstiečiai». Lietuvoje veikė daug grynai valstietiškų ir valstiečių vadovaujamų būrių; tokie vadai buvo A. Bitė (Bitis), M. Puidokas, K. Lukošiūnas ir kt.

Net caro valdžios statytiniai, neišskiriant nė M. Muravjovo ir jo aplinkos, kurie stengėsi vaizduoti sukilimą kaip «dvarininkų reikalą», buvo priversti rašyti apie masinį valstiečių dalyvavimą sukilime. Kauno gubernatoriaus 1863 m. rugsėjo 11 d. ataskaitoje pažymima, kad iš būrių grįžtantieji «įvairūs žmonės» buvo «didžiąja dalimi valstiečiai».

Didelį valstiečių-sukilėlių procentą sudarė kaimų bežemiai, kurie ėjo į būrius, tikėdamiesi iš revoliucinės valdžios rankų gauti žemės. Aktyvus Lietuvos valstiečių dalyvavimas sukilėlių būriuose ir masinė parama jų veiksmams buvo susiję ne su valstiečių žinybine ar religine priklausomybe, bet tiesiogiai siejosi su revoliucinėmis sukilimo vadovybės priemonėmis, siekiant realizuoti agrarinę programą. Ten, kur sukilimo vadovybė nuosekliai siekė išvystyti agrarinę revoliuciją, į būrius ėjo ne tik valstybiniai, bet ir dvarų valstiečiai. Ir atvirkščiai, šlėktos skelbiama «klasių taika» ir oficialiosios sukilėlių agrarinės programos ribotumas varžė dvarų valstiečių aktyvumą. Žymia dalimi taip atsitiko centrinėje ir rytinėje Baltarusijos dalyje. Gardino gubernijoje buvo daug valstiečių sukilėlių tarpe. Minsko gubernijoje valstiečių dalyvavimas sukilime buvo žymiai mažesnis. Didžiausia dalis dalyvavusių sukilime Minsko gub. valstiečių tenka gretimosioms su Gardino gub. apskritimis (ypač Naugarduko apskr.). O rytinėje Baltarusijos dalyje sukilėlių būriuose tebuvo mažai valstiečių.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 276.
[2] «Колокол», 10 июня 1863 г., стр. 1359.
[3] «Ojczyzna», 1864, № 109; 1865, № 59.

Aktyviausią sukilimo jėgą Baltarusijos teritorijoje sudarė demokratiniai miesto gyventojų sluoksniai: įvairiakilmiai miestiečiai, smulkūs tarnautojai, besimokantis jaunimas, amatininkai. Su jais jungėsi taip pat deklasuota bežemė ir mažažemė šlėkta.

Lietuvos ir Baltarusijos valstiečių vaidmuo sukilime nesibaigia jų tiesioginiu dalyvavimu sukilėlių būriuose. Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos valstiečiai plačiai ir įvairiomis formomis rėmė sukilėlius. Valstiečiai tiesiogiai padėjo būriams apsiginkluoti. Jie įspėdavo sukilėlius, artėjant kariuomenei, aprūpindavo juos vadovais ir maistu. «Baltųjų» partijai atvirai pasisakius prieš sukilimą, sukilėlių būrius aprūpindavo daugiausia valstiečiai. 1863 m. rugpiūčio 28 d. IV apygardos žandarų korpuso bùvęs viršininkas A. Hildebrantas rašė V. Dolgorukovui: «gaujos dabar egzistuoja iš valstiečių». Ginklų transportai į Lietuvą ir Baltarusiją buvo gabenami «su mužikų pagalba». Valstiečiai atsisakinėjo duoti vežimus baudžiamiesiems būriams pervežti, aktyviai priešinosi kaimų sargybų sudarymui.

Daugelyje šio tomo dokumentų pažymimi puikūs valstiečių santykiai su sukilėliais, kurių veiksmai traukė į save liaudį ir stiprino jos įsitikinimą, kad būtina kovoti prieš patvaldystę. Kaip rašo amžininkas, A. Mackevičius «įtraukė į sukilimą visus apylinkės valstiečius»[4]. Centrinėje ir rytinėje Baltarusijoje sukilėliai tokios atramos valstiečių tarpe neturėjo. Sukilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje žymia dalimi rėmėsi masiniu gaivališku valstiečių judėjimu — privačiuose dvaruose prieš grobikiškąją reformą, o valstybiniuose — prieš carinės administracijos savivalę. Šio judėjimo jėgos sudarė besivystančio bendro revoliucinio proceso dalį, nors pilnutinio jų susiliejimo sukilime nebuvo.

Jau pirmuoju laikotarpiu sukilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje įgavo socialinę kryptį. Aukščiau cituotame laiške F. Engelsas atžymėjo, kad «lietuvių judėjimas... arčiau prie Kuršo įgyja net tiesiog agrarinį pobūdį»[5]. K. Kalinauskas priešmirtiniame rašte (1864 m. vasario 28 d.) pažymėjo, kad sukilimas grėsė visiškai sugriauti esamą tvarką. Socialinę sukilimo kryptį atžymi ir oficialūs valdžios pranešimai. Būdingas ta prasme 1863 m. vasario 18 d. V. Nazimovo pranešimas V. Dolgorukovui (dok. 5).

Skelbdami valstiečiams revoliucinės vyriausybės manifestą, sukilėliai puolė kaimų ir valsčių valdybas, naikino jose «visus popierius», ardė esamą administracijos sistemą, kūrė revoliucinius civilinės administracijos organus, dalyvaujant valstiečiams. Lietuvoje, o taip pat ir Vakarų Baltarusijoje administracinis-policinis aparatas didžiąja dalimi buvo demoralizuotas. Kauno gubernijos žandarų štabo karininkas I. Skvorcovas 1863 m. balandžio 23 d. pranešė Dolgorukovui, kad «maištininkų veiksmai visiškai pažemina teisėtą valdžią». Jau pirmajame sukilimo etape, nepaisant kai kurių nesėkmingų susidūrimų su baudžiamaisiais būriais, sukilėliai įsigijo reikšmingą valstiečių pasitikėjimą, stiprindami jų viltį, kad revoliucinė valdžia realiai pajėgs įvykdyti agrarinius partvarkymus. Aukščiau cituotame pranešime Skvorcovas rašė, kad «nebepasitikėdami valdžios stiprumu», valstiečiai «laukia, kiek plačiai išsivystys sukilimas ir iš kokios pusės bus patogiau prie jo prisijungti». Į sukilėlių vadus, ryžtingai vykdančius agrarinę programą, valstiečiai žiūrėjo kaip į savo gynėjus kovoje su dvarininkų, at-

---

[4] «Revoliucinis pakilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje 1861—1862 m.» M., 1964, p. 431.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 276.

kakliai besilaikiusių feodalinių privilegijų, savivale. Ryškus to pavyzdys yra sukilėlių Dubysos pulko vado B. Kolyškos įsakymas dvarininkui J. Daugirdui «griežta savo paties atsakomybe sušaukti vals čių, paskelbti liaudies vyriausybės valią ir nutraukti bet kokį savavalia vimą». Tai ne vienintelis panašaus pobūdžio faktas. Revoliucinė sukilimo vadovybės dalis, spręsdama agrarinį klausimą, nuosekliai «gynė liaudies teises».

Lietuvoje ir Baltarusijoje valstiečių atsisakymas pasirašyti nuostatinius raštus, atlikinėti dvarininkų naudai prievoles sukilėlių Manifesto įtakoje įgavo ypač atkaklų pobūdį. Ypač plačiu mastu šis judėjimas išsivystė Kauno gub. Čia daugelyje dvarų valstiečiai ėmė savavališkai kirsti mišką ir griauti įvairias užtvaras dvarininkų palivarkuose. Vietinei valdžiai ir taikos tarpininkams jie dažnai priešinosi ginklu.

Valstiečių judėjimo kilimas Lietuvoje ir Vakarų Baltarusijoje ir sukilėlių Manifesto įtaka valstiečiams sudarė visai realią grėsmę peraugti sukilimui į agrarinę revoliuciją. Tai suprato ir caro valdžia. Norėdamas prieš sukilėlių agrarinius dekretus pastatyti savo žemės pertvarkymus, carizmas įnešė pakeitimus į 1861 m. valstiečių reformą. Tokias nuolaidas valstiečiams iš patvaldystės išplėšė sukilimas.

Centrinėje ir rytinėje Baltarusijoje sukilėliai taip pat rūpinosi supažindinti kaimo gyventojus su revoliuciniais žemės įstatymais. Tie negausūs sukilėlių būriai, kurie čia egzistavo gana trumpą laiką, savo žygių metu skelbė kaimuose Manifestą, aiškino valstiečiams jo turinį (dok. 228, 233, 255). Tačiau čia valstiečiai savo mase neparėmė sukilėlių.

Kai kuriuose Rytų Baltarusijos rajonuose antidvarininkinis valstiečių judėjimas atskirais atvejais reiškėsi net kovos prieš sukilėlius formomis, ypač ten, kur būriuose vyravo išeiviai iš šlėktos tarpo, o jiems vadovavo vietos dvarininkai. Antai, Vitebsko gub. Dinaburgo ir Režicos apskričių valstiečiai sukilėlių ieškojimo priedanga užpuldinėjo dvarus, plėšė sodybas, sulaikydavo dvarininkus ir jų tarnus. Dvarininkai šaukėsi carinės kariuomenės paramos.

Vitebsko gubernijos įvykiuose atsispindėjo užguitų valstiečių caristinės iliuzijos, daugiaamžė valstiečių neapykanta dvarininkams ir nepasitikėjimas šlėktiniu judėjimu.

Agrarinio judėjimo augimas kėlė dvarininkų stovykloje didėjantį nerimą. Bijodami valstiečių susidorojimo, dvarininkai palikinėjo dvarus ir bėgo į miestą. Ukmergės ispravnikas kovo 9 d. pranešė V. Nazimovui, kad visi dvarininkai «apimti didžiausios baimės», matydami augančią valstiečių neapykantą ir suprasdami, kad gali tekti atiduoti žemę be atlyginimo. Gerai pažinojęs «didžiosios dalies Lietuvos dvarininkų» nuotaikas, A. Hildebrantas rugpiūčio 18 d. rašė V. Dolgorukovui: «Jie ne tik nesitikėjo tvirtos neapgalvoto ir drąsaus žygio sėkmės, bet ir savo sieloje nepritarė jam dėl to, kad komunistinė ir socialinė revoliucinės, vadinamosios raudonosios arba kraštutinės partijos kryptis visiškai neatitiko lenkų dvarininkų troškimų».

Dvarininkiška «baltųjų» grupuote kuriai Lietuvoje vadovavo J. Geištoras, kiek pasvyravusi, nusprendė paimti vadovavimą sukilimui į savo rankas. Šią mintį palaikė Laikinosios nacionalinės vyriausybės komisaras Vilniuje N. Diulioranas.

Vasario pabaigoje Lietuvos provincinis komitetas buvo reorganizuotas, tiksliau — jį pakeitė naujas komitetas; pavadintas «Lietuvos provincijų valdymo skyrium», (dok. 7), kurį sudarė «baltieji» su J. Geištoru priešakyje.

Ryžtingai pasisakydamas prieš socialinį agrarinio judėjimo pobūdį, «skyrius» savo dekretuose kėlė į pirmąjį planą reikalavimą, kad «visi dori tėvynės sūnūs, be luomo ir tikėjimo skirtumo», «glaudžiai susijungtų... šventam nacionaliniam reikalui». Bet kokie «savavališki veiksmai» buvo paskelbti valstybės išdavimu ir turėjo būti baudžiami «su visu Lenkijos karo teismo griežtumu». Griežtai buvo pasmerkta «socialinio perversmo» idėja.

«Baltieji» siekė nutraukti socialinio agrarinio judėjimo augimą ir paversti sukilimą kova dėl «istorinių» Lenkijos sienų, bet jie suprato, kad išspręsti šį klausimą vienos lenkų šlėktos jėgomis neįmanoma. Lietuvos ir Baltarusijos valstiečių dalyvavimas sukilime po «baltųjų» vėliava ir «baltiesiems» vadovaujant, turėjo pademonstruoti Europai, kad lenkų bajorijos sumanymus palaikanti visa liaudis. Šia prasme reikia suprasti ir gegužės 3-sios (n. st.) «Skyriaus» kreipimąsi į Baltarusijos gyventojus, remiantį sausio mėn. agrarinius dekretus ir raginantį sukilti (dok. 12).

Tą faktą, kad sukilimo vadovavimas atsidūrė «baltųjų» rankose, nulėmė visa eilė priežasčių ir visų pirma revoliucinių demokratų silpnumas ir valstiečių judėjimo gaivališkumas. Revoliucinių demokratų įtakos įvykių eigai stiprėjimas tiesiogiai priklausė nuo to, kiek dar bus demokratizuota sukilimo programa ir kiek pagilės socialinis agrarinis judėjimas. Šis uždavinys buvo sprendžiamas sukilėlių būriuose.

«Baltiesiems» nepavyko pakeisti sukilimo pobūdžio. Demokratinė sukilėlių būrių vadų dalis faktiškai veikė savarankiškai, nepaisydama «Skyriaus» nurodymų. Sukilėliai griežtai protestavo prieš «Skyriaus» ir jo vietinės administracijos vykdomą sabotažą, formuojant ir aprūpinant būrius. Kaip parodė sukilėlis J. Volkas, F. Vislouchas pareiškė, kad, jeigu į jo rankas patektų bent vienas Komiteto narys, jis įsakytų jį pakarti pavyzdžiui. Atstumdami į šalį «baltųjų» administraciją, revoliuciniai elementai vietose patys vadovavo sukilimui. Revoliucinės sukilėlių dalies kova prieš «baltųjų» liniją ryškiai matyti laiške, kurį vienas iš sukilimo vadų parašė F. Vislouchui. Įvertindamas padėtį Kauno gubernijoje, laiško autorius rašė, kad «Lietuvoje tik dabar atsiranda civilinė organizacija, nes iki šiol administracija provincijose beveik neveikė dėl niekšiškumo ir bailumo bajorijos, kuri veržėsi užimti postus, nejausdama reikalo dirbti, nesuprasdama savo jėgų nei pareigų». Laiške nurodoma, kad padėtis pasikeitė: «dabar jaunasis elementas ima dvarininkus į nagą» (dok. 18).

Netekę vilties sulaukti užsienio valstybių pagalbos ir netikėdami sukilimo vidaus jėgomis, išgąsdinti carizmo represijų, «baltieji» ėmė skleisti nepasitikėjimą pergale, smelzė sukilėlių būrių vadus, kurie rėmėsi valstiečiais. Šią «batlųjų» partijos liniją apibendrinamai apibūdino sukilėlių būrio vadas E. Liutkevičius rugpiūčio 18(30) d. raporte Nacionalinei vyriausybei Varšuvoje. Liutkevičiaus būrio veiksmai sukėlė dvarininkų protestą. Kauno vaivados pašalintas iš būrio vadų, Liutkevičius rašė: «Toji priežastis, kuri įsakyme nurodoma, tai, kad būrį sudaro didžiąja dalimi žmonės, kilę iš liaudies, negali būti pripažinta pagrįsta, nes ten, kur tikslas yra visuotinė gerove ir, visų pirma, liaudies gerovė, liaudies, kuri yra gausiausia ir vargingiausia klasė,— ta aplinkybė negali būti pakankama priežastis pašalinti vadą iš einamų pareigų». Liutkevičius demaskavo ir Nacionalinės vyriausybės Varšuvoje nenuoseklumą, tos vyriausybės, kuri aktyviai rėmė dvarininkiškosios «baltųjų» partijos liniją Lietuvoje ir Baltarusijoje. Spaudžiant M. Muravjovui įteiktas carui Vilniaus gubernijos dvarininkų adresas (birželio 27 d.) liudijo apie «baltųjų» atsisa-

kymą dalyvauti sukilime. Konservatyvioji šlėktos dalis, išsigandusi teroro, atsisakė nuo Lenkijos nepriklausomybės minties. Dauguma dvarininkų, nebetikėdami pergale, galvojo tik kaip išlikti gyviems, išgelbėti savo turtus ir visuomeninę padėtį.

Sukilėtių būrių veiksmai Lietuvoje ir Vakarų Baltarusijoje įgavo plataus partizaninio karo pobūdį. Jau vasario — kovo mėn. sukilimas apėmė beveik visą Lietuvą ir Vakarų Baltarusiją. Pagal S. Zielinskio apskaičiavimus 1863 m. Lietuvoje ir Baltarusijoje įvyko 237 mūšiai[6] arba 23% visų sukilėių susidūrimų su kariuomene toje teritorijoje, kurią buvo apėmęs sukilimas. Didžiausias jų skaičius tenka svarbiausiesiems sukilimo centrams — Kauno gubernijai (99, arba daugiau negu 40%) ir Gardino gubernijai (65, arba apie 30%). Pirmuoju sukilimo laikotarpiu daugiausia vyko būrių formavimasis, mezgėsi tarp jų pirmieji kontaktai, sukilėliai pratinosi naudotis pagrindiniais partizaninio karo metodais. Sausio-kovo mėnesiais susidūrimų su kariuomene Lietuvos ir Baltarusijos teritorijoje dar buvo nedaug. Pagrindiniai karo veiksmai vyko balandžio-rugpiūčio mėnesiais. Greitai augdamas, sukilimas plito «visur», kaip rašoma valdžios organų pranešimuose.

Apie sukilimo išsivystymo mastą Lietuvoje ir Baltarusijoje galima spręsti ir pagal tas jėgas, kurios buvo mestos sukilimui slopinti. Kaip matyti iš karo ministerijos 1863 m. ataskaitos, Vilniaus karo apygardoje kariniuose veiksmuose dalyvavo (iki 1863 m. rugpiūčio 1 d.) 123 495 rikiuotės kareiviai, 122 patrankos, 52,5 kazokų šimtinių, o iki 1864 m. sausio 1. d.— 144 786 kareiviai, 146 patrankos, 60 kazokų šimtinių[7].

Lietuvoje sukilimas buvo susikoncentravęs Kauno gubernijoje, Baltarusijoje — Gardino. Didelį vaidmenį, formuojant sukilėlių jėgas Kauno gubernijoje, o paskui ir kuriant Z. Sierakausko «armiją», suvaidino A. Mackevičius, kuris «pirmasis iškėlė sukilimo vėliavą Lietuvoje» Gardino gubernijoje sukilimo demokratizacijai vadovavo (nuo 1863 m. balandžio mėn.) K. Kalinauskas. Šio tomo dokumentai duoda vertingų žinių apie sukilėlių būrių formavimąsi ir judėjimą, apibūdina atskirus mūšius ir partizaninio karo taktiką. Ypač sunkiomis sąlygomis sukilimo vadovybė sugebėjo apginkluoti būrius ir suteikti jiems daugeliu atvejų griežtą karinę organizaciją. Kariauti sukilėliai buvo mokomi stovyklose, remiantis sukilimo metu susikūrusiu statutu. Didelį vaidmenį, formuojant ir apmokant sukilėlių būrius, atliko kareiviai ir karininkai, perėję į sukilėlių eiles iš carinės kariuomenės. Didžiojoje sukilėlių būrių dalyje pagrindinė karinė jėga mūšiuose buvo valstiečiai pėstininkai (dalgininkai). Dalgininkų vaidmenį didžiai vertino Z. Sierakauskas. Revoliucinė-demokratinė sukilėlių vadų dalis įvedė būriuose demokratinę santykių sistemą, kuri buvo derinama su būtinos karinės drausmės reikalavimais. Tačiau greitai vystantis kariniams įvykiams, sukilėliai nesuspėjo baigti karinio apmokymo ir jiems labai trūko šaunamųjų ginklų ir vadovaujančių kadrų.

Sukilimas sėkmingai vystėsi tuose Lietuvos ir Baltarusijos rajonuose, kur buvo demokratiškesnė sukilėlių būrių sudėtis, kur sukilėlių vadovybė nuosekliai kovojo už agrarinės programos vykdymą, aktyviai gynė valstiečius nuo dvarininkų savivalės.

Griaudamas carinį administracinį-policinį aparatą, Z. Sierakauskas skelbė liaudžiai, kad judėjimo tikslas — išlaisvinti «valstiečius iš baudžia-

---

[6] S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913 (aneks).
[7] Lietuvos TSR CVIA, f. 494, ap. 1, b. 793, 1. 58, 60.

vos» ir duoti jiems žemės. Carinė karinė ir civilinė administracija pripažino, kad sukilėlių «komunistiniai pažadai» patraukė į jų pusę ne tik «visą proletariatą ir žymią valdininkų dalį», bet ir «kaimo gyventojus».

Lietuvos ir Baltarusijos revoliuciniai demokratai atkakliai stengėsi karo veiksmus perkelti į rytus. Karinius-politinius Z. Sierakausko planus ir jo ketinimus žygiuoti į Kuršą, kur buvo laukiama valstiečių judėjimo sustiprėjimo, atskleidžia S. Olendskio parodymai (dok. 36).

Turėdamas tikslą apjungti sukilimą Lenkijoje, Lietuvoje ir Baltarusijoje su valstiečių judėjimu Rusijos gubernijose (iki Volgos), D. Zveždovskis, vadovavęs sukilusiems Gori-Gorkų instituto studentams, stengėsi pereiti iš Mogiliovo gub. į Smolensko gub. Tai ryškiai atsispindi Z. Mitkevičiaus parodyme. (dok. 264)

Tačiau jau antrajame sukilimo etape pasidarė aišku, kad sukilimas Minsko, Mogiliovo ir Vitebsko gubernijose nepavyko.

Paskutiniame sukilimo etape (1863 m. pabaiga — 1864 m.) dėl žiaurių represijų ir milžiniškos carinių jėgų persvaros sukilėlių daliniu veiksmai buvo negausūs (33 susidūrimai su kariuomene 1863 m. rugsėjo-gruodžio mėn. ir 10—1864 metais ir vyko jie daugiausia Lietuvoje. Vakarų Baltarusijoje tuo metu sukilėlių būriai buvo iš dalies paleisti, o jų dalis perėjo į Lenkijos karalystę. Bet ir šiuo laikotarpiu sukilimas Lietuvoje dar ryškiau pakrypo agrarinio socialinio valstiečių judėjimo linkme. Valstiečių vaidmuo negausiuose būriuose žymiai išaugo. Tvirtai susiję su gyventojais, smulkūs valstiečių būriai pasirodė esą gyvybingiausi ir nesiliovė atkakliai kovoję, tuo tarpu kai šlėkta visiškai traukėsi iš būrių. Vienas valstiečių būrio vadas sakė, kad bajorai traukiasi, «kai mužikai vis dar tebevykdo maištą». Valstiečiai užpuldinėjo dvarus ir ryžtingai priešinosi baudėjams. 1863 m. spalio 19 d. rašte Muravjovui Panevėžio apskrities dvarininkas Bistromas rašė, kad «šiuo metu beveik kasdien vokiečių dvarus grobia maištininkų gaujos, kurias sudaro beveik vien tik valstiečiai». Bistromas teigė, kad valstiečiai «beveik visi yra maištininkų šalininkai».

Sukilėlių būrių veiksmus tvirtai rėmė plačiosios valstiečių masės. Valdžios organų pranešimuose su nerimu kalbama apie augančią «socialinę revoliuciją». M. Muravjovas pripažino, kad daugumas Kauno gubernijos apskričių valstiečių apkrėsti «kenksmingomis revoliucinėmis idėjomis ir maišto dvasia», kad jie, «pritardami maištui», vengia «priešintis insurgentams». A. Mackevičiaus šaukimas ruoštis «visuotiniam sukilimui» 1864 m. pavasarį rėmėsi realiu valstietijos nuotaikų įvertinimu. Valdžios organai pranešinėjo, kad Kauno gubernijos sukilėliai ketina «įtraukti valstiečius į maištą». Baigiamajame etape sukilėlių būriai Lietuvoje tesilaikė vienais valstiečiais.

Žiauriai persekiodamas sukilėlių būrių likučius, M. Muravjovas sustiprino baudžiamąsias priemones prieš valstiečius, rėmusius sukilimą ir faktiškai nustojusius klausyti valdžios. Masėmis buvo areštuojami ir tremiami «maištininkų» dvarų valstiečiai, buvo nustatoma «solidarioji atsakomybė», buvo uždedamos sunkios kontribucijos. Už «dalyvavimą maište» valstiečiai buvo teisiami, ir ištisos valstiečių bendruomenės buvo pripažįstamos nusikaltusiomis «maištininkų rėmimu». Valdžia jėga vertė valstiečius vykdyti prievoles dvarininkams ir paklusti vietinei administracijai.

Carizmas suprato, kad vienomis represijomis užkirsti kelią naujam sukilimui Lietuvoje ir Baltarusijoje neįmanoma. Neatsitiktinai 1863 m.

lapkričio mėnesį 1863 m. kovo 1 d. įsako veikimas buvo išplėstas Mogiliovo gub. ir baltarusiškose Vitebsko gub. apskrityse. Šiomis priemonėmis carizmas tikėjosi sustabdysiąs «socialinės revoliucijos» augimą ateityje.

1863—1864 metų sukilimas turėjo didelę reikšmę lietuvių ir baltarusių tautų istorijoje. Privertęs caro valdžią žymiai praplėsti buržuazinį reformos turinį, sukilimas tiesiogiai paveikė tolimesnį socialinį-ekonominį ir politinį Lietuvos ir Baltarusijos vystymąsi. Sukilimas padėjo kelti nacionalinį lietuvių ir baltarusių tautų sąmoningumą.

Esminė 1863—1864 metų sukilimo Lietuvoje ir Baltarusijoje ypatybė buvo jo aktyvūs internacionaliniai ryšiai. Sukilimas vystėsi, jame dalyvaujant visų Lietuvos ir Baltarusijos tautybių atstovams, palaikant artimus organizacinius ir idėjinius ryšius su sukilimu Lenkijoje, tiesiogiai veikiant rusų revoliucinių demokratų ideologijai ir betarpiškai prisidedant savo realia pagalba Rusijos revoliucinėms jėgoms. Aktyvus K. Markso ir F. Engelso, o taip pat ir kitų progresyviosios užsienio visuomenės atstovų domėjimasis sukilimo eiga Lietuvoje ir Baltarusijoje, ypac sukilimu Lenkijoje, jų nuolatinė moralinė-politinė parama sukilimui dar labiau pabrėžia internacionalinius 1863—1864 metų sukilimo ryšius. Internacionaliniai sukilimo ryšiai atsispindi daugelyje dokumentų, skelbiamų šiame tome.

Sukilimo eigoje kūrėsi revoliucinė lietuvių ir baltarusių sąjunga su rusų, lenkų ir kitomis tautomis, kovojusiomis prieš carinę patvaldystę. 1863—1864 metų sukilimas tiesė kelią tolimesnei bendrai Rusijos tautų kovai prieš carizmą, dvarininkus ir kapitalistus. 1863—1864 metų sukilimas tiesiogiai veikė tolimesnę Lietuvos ir Baltarusijos valstiečių kovą prieš baudžiavines liekanas, veikė demokratinės minties ir nacionalinio išsivadavimo judėjimo augimą Lietuvoje ir Baltarusijoje.

* * *

Saugyklos ir fondai, iš kurių paimti šio tomo dokumentai, nurodomi pridedamajame panaudotų fondų sąraše. Palyginti su 1861—1862 metų revoliuciniam pakilimui skirtuoju tomu[8], šiame tome žymiai didesne vieta tenka carinių baudžiamųjų organų dokumentams, specialiai sudarytų sukilimo slopinimui (karinių viršininkų, tardymo komisijų ir kt.), įvykies eigoje. Reikšminga yra Vilniaus karines apygardos kariuomenės štabo Laikinojo lauko auditoriato medžiaga, esanti Lietuvos TSR Centriniame valstybiniame istoriniame archyve (f. 1248). Auditoriate koncentravosi sukilimo dalyvių baudžiamosios karo teismo bylos iš visos Lietuvos ir Baltarusijos. Ypač vertinga yra bylų medžiaga apie sukilimo organizaciją, sukilimo vadus (pvz., K. Kalinausko, jo bendražygių bylos). Pridėtų prie bylų daiktinių įrodymų tarpe yra daug sukilėlių dokumentų, pavyzdžiui, tokie vertingi dokumentai kaip Lietuvos komiteto «Sukilimo instrukcija», 1863 m. birželio 16(28) laiskas F. Vislouchui ir kt. Iki sudarant Laikinąjį lauko auditoriatą (1863 m. liepos mėn.), jo funkcijas vykdė apygardos štabo teismo skyrius (f. 494). Štabo archyvo fonduose yra Z. Sierakausko, B. Kolyškos ir kt. karo teismo bylos. Tardymo medžiagos originalai, jų tarpe A. Mackevičiaus paskutiniai laiškai ir vienas jo parodymų, išliko taip pat Vilniaus generalgubernatoriaus kanceliarijos fonde (f. 378).

---

[8] Reikia pažymėti, jog kai kurie dokumentai, paskelbti tome «Revoliucinis pakilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje 1861—1862 m.», nušviečia ir 1863—1864 metų įvykius.

Turimoji medžiaga leido į šį tomą įjungti skyrių apie sukilimą Augustavo gubernijoje. Šio skyriaus dokumentų tarpe yra svarbūs Augustavo vaivadijos sukilimo vadovybės susirašinėjimo originalai, surasti Vilniaus valstybinio V. Kapsuko vardo universiteto Mokslinės bibliotekos retš knygų ir rankraščių skyriuje.

Dėl vietos stokos į rinkinį pateko tik nedidelė dalis dokumentų apie valstiečių antireforminį judėjimą sukilimo eigoje, nors šis judėjimas ir 1863 m. sukilime turėjo didelę reikšmę. Didžioji dalis į rinkinį įdėtų dokumentų skelbiama pirmą kartą.

Paties dokumento pastabos spausdinamos atitinkamo puslapio apačioje tiesiu šriftu ir žymimos «žvaigždutėmis». Sudarytojų dedamos tekstologinės pastabos spausdinamos atitinkamo puslapio apačioje kursyvu, o dokumento žodžiai — tiesiu šriftu be kabučių. Tokios pastabos žymimos rusų abėcėlės mažosiomis raidėmis. Pastabos, liečiančios turinį (realusis komentaras), spausdinamos po dokumento kursyvu ir žymimos arabų skaitmenimis.

Rinkinį sudarant (galutinai atrenkant dokumentus, rengiant tekstą spaudai, komentuojant jį), dirbo šie moksliniai darbuotojai:

Bendrąjį skyrių — V. Bikuličius (Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas);

Vilniaus gub.— M. Zarauskaitė, R. Strazdūnaitė (Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas);

Kauno gub.— O. Maksimaitienė (Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas);

Augustavo gub.— V. Masiliūnienė (Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas);

Gardino gub.— L. Aržajeva (Archyvų valdyba prie Baltarusijos TSR Ministrų tarybos);

Minsko gub.— T. Leontjeva (Baltarusijos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas Minske);

Vitebsko ir Mogiliovo gub.— N. Buldakova (Baltarusijos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas Minske).

Sudarant Gardino, Minsko, Vitebsko ir Mogiliovo gubernijų skyrius, vadovavo S. Baikova (Baltarusijos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas), kitų skyrių — G. Kiseliovas (Archyvų valdyba prie Lietuvos TSR Ministrų Tarybos).

Sudarytojų brigadoje, atrenkant visų skyrių dokumentus, dalyvavo ir TSRS MA Slavotyros instituto mokslinė bendradarbė Z. Talvirskaja.

Tekstus iš lietuvių, lenkų, prancūzų ir vokiečių kalbų išvertė G. Feigelsonas (Vilnius) ir E. Kozlovskaja (Minskas). Lenkiškus tekstus spaudai paruošė G. Orda (Lietuvos TSR CVIA).

Archeografinio sutvarkymo požiūriu dokumentus redagavo G. Kiseliovas. Jis parengė ir archeografinę pratarmės dalį.

J. Žiugžda
V. Neupokojevas

ПРАДМОВА

Паўстанне 1863—1864 гг. у Літве і Беларусі цесна звязана з нацыянальна-вызваленчай барацьбой польскага народа. Характар паўстання вызначаўся тымі гістарычнымі абставінамі, у якіх знаходзілася Расія на мяжы 1850—1860 гг.

Рэформа 1861 г. да крайнасці абвастрыла класавыя супярэчнасці ў краіне, прывяла да далейшага паглыблення крызісу «вярхоў». Давядзенне да канца буржуазна-дэмакратычных пераўтварэнняў і перш за ўсё звяржэнне самаўладства, рашэнне аграрнага і нацыянальнага пытанняў складалі важнейшую задачу эпохі.

Як і ў Польшчы, у Літве і Беларусі ў паўстанні 1863—1864 гг. прымалі ўдзел розныя класавыя і сацыяльныя сілы грамадства. Гэта акалічнасць зрабіла глыбокі ўплыў на праграму і ўвесь ход барацьбы, выклікала складанае перапляценне ў ёй розных тэндэнцый.

У прадмове да тома «Рэвалюцыйны пад'ём у Літве і Беларусі ў 1861—1862 гг.» была ўжо дадзена характарыстыка тых палітычных груповак, якія выражалі інтарэсы розных сацыяльных слаёў грамадства і вызначыліся яшчэ напярэдадні паўстання. Абставіны склаліся так, што паўстанне ў Польшчы ўспыхнула раней вызначанага тэрміну ў студзені 1863 г. Цэнтральны Нацыянальны Камітэт апублікаваў 22 студзеня 1863 г. (н. ст.) праграмны Маніфест і аграрныя дэкрэты. Выкладаючы агульную палітычную і сацыяльна-эканамічную праграму паўстання, Маніфест абвяшчаў «усіх сыноў Польшчы без адрознення веры, племені, паходжання і саслоўя» свабоднымі і роўнапраўнымі грамадзянамі краіны. Аграрная праграма прадугледжвала перадачу памешчыцкім і дзяржаўным сялянам зямлі (якой яны карыстаюцца) ва ўласнасць, адмену існуючых павіннасцей за зямлю і надзяленне беззямельных трыма моргамі зямлі за актыўны ўдзел у паўстанні. За землю, якая перадавалася сялянам, памешчыкі павінны былі атрымаць кампенсацыю «з казны каралеўства».

Рэвалюцыйны характар студзеньскай праграмы ЦНК несумненны. Як зыходная пазіцыя для рашэння аграрнага пытання і аб'яднання ўсіх дэмакратычных сіл у барацьбе з самадзяржаўем яна адыграла вялікую мабілізуючую ролю. Аграрныя дэкрэты аказалі актыўнае ўздзеянне на далейшы рост сялянскага руху ў Літве і Беларусі, які прымусіў царызм неадкладна выдаць указ 1 сакавіка 1863 г., што пашыраў буржуазны

змест рэформы 1861 г. Па сцверджанню віленскага генерал-губернатара У. І. Назімава студзеньскі маніфест ЦНК разбураў усе законы ўрада, выданыя па прадмету вызвалення сялян, абуджаў «у свядомасці сельскага насельніцтва сацыяльныя ідэі».

Аднак у аграрных дэкрэтах ЦНК праявілася і класавая абмежаванасць «чырвоных». Імкнучыся аб'яднаць пад агульным сцягам сялян і памешчыкаў, яны прапаноўвалі кампраміснае рашэнне аграрнага пытання на базе захавання памешчыцкага землеўладання. Гэта праграма не адпавядала канчатковым мэтам сялянства.

Студзеньская праграма ЦНК абапіраліся на чужую для сялянства ідэю «класавага міру», якая развівалася ва ўсіх зваротах Варшаўскага Нацыянальнага ўрада да народаў Літвы і Беларусі і шырока прапагандавалася сярод літоўскага і беларускага сялянства як прыхільнікамі памешчыцкай партыі «белых», так і правымі «чырвонымі». Сялян заклікалі да саюзу з памешчыкамі і пераконвалі, што памешчыкі далі ім свабоду і добраахвотна «падаруюць» за ўдзел ў паўстанні «зямлю, якой яны карыстаюцца».

Аднак ва ўмовах асабліва абвастрэния барацьбы за зямлю на вёсцы, палітыка «класавага міру» не карысталася давер'ем у сялян. А сабатаж памешчыцкім кіраўніцтвам паўстання рэалізацыі аграрных дэкрэтаў палягчаў правакацыйныя манеўры царскіх улад, падбухторваўшых сялян супроць паўстаныя.

Ускладаючы асаблівыя надзеі на развіццё паўстання за межамі кангрэсавай Польшчы, Часовы Нацыянальны ўрад звярнуўся 29 студзеня 1863 г. (н. ст.) з адозвай да жыхароў Літвы і Беларусі. У адозве адзначалася: «Цэнтральны пункт усёй праблемы — у Літве; паўстанне Літвы рашае пытанне аб уваскрашэнні Польшчы і гібелі ворага».

Гэта адезва была дадатна сустрэта палякамі, якія пражывалі у Літве і на Беларусі, засценавай шляхтай, інтэлігенцыяй і гараскім насельніцтвам. Гэтыя элементы актыўна ўключыліся ў нацыянальна-вызваленчую варацьбу, якая пачалася ў Каралеўстве. Інакш было з літоўцамі і беларусамі, якіх заклікалі прыняць удзел у барацьбе за «адраджэнне Польшчы». Лозунг шляхты ісці «за веру і айчыну», у тым сэнсе, як яна его разумела не мог мець поспеху сярод літоўскага і тым больш беларускага сялянства.

Разглядаючы «польскую справу» як «справу свабоды», рэвалюцыйныя дэмакраты Літвы і Беларусі добра разумелі абмежаванасць студзеньскай праграмы і беспадстаўнасць заклікаў шляхты да класавага міру. На першы план у гэтай праграме яны высоўвалі яе рэвалюцыйную мабілізуючую сутнасць і спадзяваліся ў ходзе паўстання пад уздзеяннем сялянства радыкальна змяніць яе.

Пад уплывам М. Каліноўскага і яго групы Літоўскі правінцыяльны камітэт (які раней называўся Камітэтам руху) дзейнічаючы на аснове студзеньскага Маніфеста і аграрных дэкрэтаў, у надзвычай складаных абставінах павёў барацьбу за дэмакратызацыю праграмы паўстання. Рэвалюцыйныя дэмакраты Літвы і Беларусі паслядоўна абаранялі карэнныя сацыяльныя і нацыянальныя інтарэсы літоўскага і беларускага народаў.

Аб'явіўшы сябе рэвалюцыйным урадам Літвы і Беларусі літоўскі правінцыяльны камітэт апублікаваў 20 студзеня (1 лютага) свой рэвалюцыйны Маніфест (дак. 3), які паўтараў асноўныя палажэнні Маніфеста

і аграрных дэкрэтаў ад 10 (22) студзеня 1863 г. Маніфест ад 1 лютага перадаваў рэалізацыю аграрнай праграмы ў рукі рэвалюцыйнай улады, прапануючы аддаваць «ваеннаму суду» усіх, хто «не падпарадкуецца гэтаму маніфесту». Яшчэ далей у гэтых адносінах ішла «інструкцыя камандзірам паўстанцкіх атрадаў» (дак. 6). Нядаўна ўведзены у навуковы зварот, гэты дакумент мае выключна важнае значэнне. Патрабуючы ад мандзірам паўстанцкіх атрадаў» (дак. 6). Нядаўна ўведзены у навуковы «дэкрэт Часовага ўрада аб надзяленні сялян зямлей» (§ 2), Літоўскі правінцыяльны камітэт прадпісваў ім: «Найбольш вядомых прыгняцальнікаў сялян для прыкладу караць смерцю па рашэнню суда перад сабраным сельскім народам, не дапускаючы самачыннай расправы» (§ 8). У сёмым нумары «Мужыцкай праўды» (дак. 14), уся зямля «ад дзядоў—прадзедаў» прызнавалася сялянскай уласнасцю. Гэта палажэнне аб'ектыўна адпавядала патрабаванню сялян Літвы і Беларусі аднавіць «бацькаўшчыну», г. зн. вярнуць усю захопленую памешчыкамі зямлю.

У барацьбе рэвалюцыйных дэмакратаў Літвы і Беларусі за дэмакратызацыю праграмы паўстання асаблівае месца займае «Загад ад польскага ўрада над усім краем літоўскім і беларускім да народаў зямлі літоўскай і беларускай», выдадзены ў чэрвені 1863 г. (дак. 16). Высоўваючы на першы план аграрнае пытанне і заклікаючы сялян паўстаць «у імя сапраўднай свабоды», «Загад» усім сваім зместам быў накіраваны супраць ідэі «класавага міру» («справа наша не справа панская») і царскай прапаганды, якая імкнулася выдаць паўстанне за спробу памешчыкаў вярнуць старыя прыгонныя парадкі. Сялянам растлумачвалася, як склаліся абставіны, якія сапраўдныя мэты паўстання і задачы будучага ўкладу грамадства. «Загад» прадпісваў сурова распраўляцца з любымі памагатымі царызму. Атрымаўшы шырокае распаўсюджанне сярод сялян Заходняй Беларусі і Літвы, «Загад» аказаў актыўнае ўздзеянне на далейшае развіццё сялянскага аграрнага руху ў гэтых раёнах.

Такім чынам, рэвалюцыйныя дэмакраты Літвы в Беларусі з першых дзён паўстання вялі паслядоўную барацьбу за больш радыкальнае рашэнне сялянскага пытання. Разгортванне паўстання ў розных частках Літвы і асабліва ў Беларусі было не аднолькавым. Неаднародныя ў сацыяльных адносінах паўстанцкія атрады Літвы ў большасці выпадкаў складаліся з сялян, гарадскіх «нізоў», в дэкласаванай беззямельнай і малазямельнай шляхты; як сведчыць у сваёй запісцы К. Каліноўскі (ад 28 лютага 1864 г.), паўстанцкія атрады заходняй Беларусі складаліся «большаю часткаю з сялян казённых, дробнапамеснай шляхты і гарадскіх жыхароў».

Сацыяльны склад паўстанцкіх атрадаў у Літве і Беларусі яшчэ недастаткова вывучаны. Даныя афіцыяльнай царскай статыстыкі сведчаць аб тым, што часовым палявым аўдытарыятам за ўдзел у паўстанні па Віленскай ваеннай акрузе (уключаючы Аўгустоўскую губ.) з пачатку паўстання па 1 студзеня 1865 г. падвергнута рэпрэсіям (пакарана смерцю, выслана на катаргу і пасяленне, выдана пад нагляд паліцыі) — 21 712 чалавек. З іх: ксяндзоў — 294, асоб прывілеяваных саслоўяў — 6443, «прасталюдзінай» — 14 975 чалавек. Гэтыя лічбы далёка не вычэрпваюць усёй колькасці асоб, якія мелі дачыненне да паўстання (многія з іх заглінулі або змаглі пазбегнуць рэпрэсій). Аналізуючы гэтыя лічбы, трэба мець на ўвазе, што ў рубрыцы «прывілеяваныя саслоўі» пераважаюць беспамесныя дваране і шляхціцы, а ў графе «прасталюдзіны»,

поруч з сялянамі, фігуруюць мяшчане, аднадворцы, а таксама выхадцы часткова з сялян, часткова з дэкласаванай шляхты, рамеснікі, дробныя гандляры, хатняя чэлядзь і г. д.

Але прыведзеныя лічбы даюць толькі агульны малюнак тых сацыяльных сіл, якія дзейнічалі ў цэлым у Літве і Беларусі (уключаючы Аўгустоўскую губ.). Між тым розныя раёны Літвы і Беларусі мелі свае спецыфічныя рысы як па размаху і часу дзеяння паўстанцкага руху, так і па сацыяльнаму саставу яго.

У літоускіх сялян была даволі моцна развіта нацыянальная самасвядомасць і рэлігійнае пачуццё. У заходняй Беларусі мацней, чым ва усходней, захавалася прывержанасць да уняцкай царквы, ліквідаванай царскім уладамі. Гэтыя фактары скарысталі А. Мацкявічус і К. Каліноускі ў рэвалюцыйной агітацыі. Не трэба, аднак, тлумачыць адрозненне у аднасінах сялян да паўстанья у разных раёнах Літвы і Беларусі адныні толькі нацыянальнымі і рэлігійнымі асаблівасцямі як гэта робіць буржуазная гісторыяграфія.

Масавы ўдзел сялян у многіх паўстанцкіх атрадах Літвы, засведчаны шматлікімі дакументамі гэтага тома, пацвярджаецца вялікай колькасцю крыніц.

У самым пачатку паўстання Ф. Энгельс у вядомым пісьме да К. Маркса (ад 8 красавіка 1863 г. н. ст.) адзначаў «вялікі ўдзел» сялян Літвы ў паўстанні [1]. Ужо ў ходзе прыняўшага шырокі размах паўстання «Колокол» пісаў, што ў Літве «сяляне з кожным днём прымаюць больш шчыры ўдзел у паўстанні» [2]. Характарызуючы «паўстанцкія атрады на Жмудзі», А. Мядзекша прыйшоў да вываду, што ў такіх атрадах як атрад З. Цітовіча (каля 250 чал.) і Т. Кушдзейкі (каля 800 чал.) «уся маса складалася з сялян, паміж якімі рэдка сустракаўся беззямельны шляхціц або гараджанін, якія безумоўна мала адрозніваліся ад сялян» [3]. Атрад Э. Люткевіча («Людабронскага»), які дзейнічаў у Панявежскім павеце, складаўся «пераважна з людзей, што выйшлі з народа». Удакладняючы гэтае палажэнне, Люткевіч пісаў: «Я сказаў «пераважна» а не «выключна» таму, што на некалькі сот сялян, у нас налічваецца чалавек 20 шляхціцаў і нават памешчыцкіх сыноў».

Восенню 1863 г., калі большасць вялікіх паўстанцкіх атрадаў былі разбіты, шматлікія невялікія паўстанцкія групы ў Літве «складаліся амаль выключна з сялян». У Літве дзейнічалі шматлікія сялянскія па складу і на чале з сялянамі атрады: Адомаса Бітэ (Біціса), Пуйдокаса, Лукашунаса.

Нават царскія ўлады, якія імкнуліся па думцы Мураўёва, прадставіць паўстанне «памешчыцкай справай», вымушаны былі пісаць пра масавы ўдзел сялян у паўстанні. У данясенні Ковенскага губернатара ад 11 верасня 1863 г. адзначалася, што «разнага роду асобы, якія вяртаюцца з атрадаў, былі пераважна з сялян».

Сярод сялян — паўстанцаў вялікі працэнт складалі беззямельныя сяляне, якія ішлі ў атрады з надзеяй атрымаць з рук рэвалюцыйнай улады зямлю. Актыўная падтрымка сялянамі Літвы паўстання іх дзеянняў вызначаліся не іх ведамаснай прыналежнасцю і веравызнаннем, а рэвалюцыйнымі мерамі паўстанцкага кіраўніцтва па рэалізацыі аг-

---

[1] К. Маркс і Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стар. 276.
[2] «Колокол», 10 чэрв. 1863 г., стар. 1359.
[3] «Ojczyzna», 1864, № 109; 1865, № 59.

рарнай праграмы. Там, дзе паўстанцкае кіраўніцтва паслядоўна вяло справу да развіцця аграрнай рэвалюцыі, у атрады ішлі не толькі дзяржаўныя, але і памешчыцкія сяляне. Наадварот, заклік шляхты да «класавага міру» і абмежванасць афіцыяльнай паўстанцкай аграрнай праграмы аказалі скоўваючы ўплыў на памешчыцкіх сялян. У большай ступені гэта праявілася ў цэнтральнай і ўсходняй Беларусі. У Гродзенскай губ. сярод паўстанцаў была значная колькасць сялян. У Мінскай губ. удзел сялян у паўстанні быў значна меншым. Найбольшая колькасць сялян — удзельнікаў паўстання ў Мінскай губ. прыпадала на заходнія пагранічныя з Гродзенскай губ. паветы (асабліва Навагрудскі). Што датычыцца усходняй Беларусі, то тут сялян у паўстанцкіх атрадах было вельмі мала.

Найбольш актыўнай сілай ў паўстанні на тэрыторыі ўсходний Беларусі з'яўляліся дэмакратычныя слаі гарадскога насельніцтва: разначынцы, дробнае чыноўніцтва, вучнёўская моладзь, рамеснікі. Да іх далучылася таксама дэкласаваная беззямельная і малазямельная шляхта.

Роля сялян Літвы і Беларусі ў паўстанні не вычэрпваецца іх непасрэдным удзелам у паўстанэкіх атрадах. Сялянства Літвы і заходняй Беларусі аказвала паўстанцам шырокую і разнастайную падтрымку. Сяляне прынялі ўдзел ва ўзбраенні атрадаў. Яны папярэджвалі паустанцаў аб набліжэнні войск, забяспечвалі іх праваднікамі і харчамі. Пасля адкрытага выступлення партыі «белых» супраць паўстання паўстанцкія атрады забяспечваліся пераважна сялянамі. Былы начальнік IV акругі корпуса жандараў А. М. Гільдэбрант пісаў 28 жніўня 1863 г. В. А. Далгарукаву: «шайкі існуюць зараз за кошт сялян». Транспарты са зброяй у Літву і заходнюю Беларусь адпраўляліся «пры дапамозе мужыкоў». Сяляне адмаўляліся даваць падводы для перавозкі карнікаў, аказвалі актыўнае процідзеянне стварэнню сельскай варты.

У рядзе дакументаў гэтага тома адзначаюцца выключна добрыя адносіны сялян Літвы да паўстанцаў, дзеянні якіх прыцягвалі да сябе народ і ўмацоўвалі ў ім упэўненасць у неабходнасці барацьбы з самадзяржаўеж. Па сцвярджэнню сучасніка, А. Мацкявічус «прыцягнуў да паўстання ўсіх навакольных сялян» [4].

У цэнтральнай і ўсходняй Беларусі паўстанцы такой падтрымкі сярод сялян не мелі.

Паўстанне ў Літве і Беларусі ў значнай ступені апіралася на масавы стыхійны сялянскі рух супроць грабежніцкай рэформы ў памешчыцкай вёсцы і самавольства царскай адміністрацыі ў дзяржаўнай вёсцы. Гэтыя сілы з'яўляліся часткамі агульнага рэвалюцыйнага працэсу, хаця поўнага з'яднання у паўстанні не адбылося.

Ужо ў першы перыяд паўстанне ў Літве і Беларусі набыло сацыяльны напрамак. У прыведзеным вышэй пісьме Ф. Энгельс адзначаў, што «літоўскі рух... бліжэй да Курляндыі набывае нават непасрэдна аграрны характер» [5]. К. Каліноўскі ў перадсмяротнай запісцы (28 лютага 1864 г.) пісаў, што паўстанне пагражала поўным разбурэннем існуючых парадкаў. Сацыяльная накіраванасць паўстання адзначалася і ў афіцыяльных данясеннях улад. Характэрна ў гэтых адносінах данясенне У. І. Назімава В. А. Далгарукаву ад 18 лютага 1863 г.

---

[4] «Рэвалюцыйны пад'ем у Літве і Беларусі 1861—1862 гг.» М., 1964, стар. 431.
[5] К. Маркс і Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стар. 276.

Паўстанцы грамілі сельскія і валасныя ўпраўленні, знішчалі ў іх «усе паперы», разбуралі існуючую адміністрацыйную сістэму, стваралі рэвалюцыйныя органы грамадзянскага ўпраўлення. У Літве, а таксама і ў заходняй Беларусі адміністрацыйна-паліцэйскі апарат у значнай частцы быў дэмаралізаваны. Жандарскі штаб-афіцэр Ковенскай губерні І. М. Скварцоў 23 красавіка 1863 г. даносіў Далгарукаву, што «дзеянні мяцежнікаў зусім звялі на нішто законную ўладу».

Ужо на першым этапе паўстанцкі рух, наягледзячы на рад няўдачных бітваў з карнікамі, заваяваў значнае давер'е сялян, умацоўваючы ў іх надзею на рэальнасць аграрных пераўтварэнняў сіламі рэвалюцыйнай улады. У прыведзеным вышэй данясенні Скварцоў пісаў, што «страціўшы ўпэўненасць у сілу урада», сяляне «чакаюць, якія памеры прыме паўстанне і з якога боку больш выгадна далучыцца да яго». У асобе паўстанцкіх камандзіраў, якія рашуча праводзілі ў жыццё аграрную праграму, сяляне бачылі сваіх абаронцаў у барацьбе з самавольствам памешчыкаў, што ўчэпіста трымаліся за феадальная прывілеі. Яскравае падмацаванне гэтаму дае загад камандзіра паўстанцкага Дубіскага палка Б. Калышка памешчыку Ю. Даўгірду «пад строгую адказнасць склікаць воласць, аб'явіць волю народнага ўрада і спыніць усялякія дамаганні». Такія дзеянні былі не адзінкавыя. Рэвалюцыйная частка паўстанцкага кіраўніцтва ў аграрным пытанні паслядоўна стаяла «за абарону правоў народа».

У Літве і Беларусі адказ сялян падпісваць статутныя граматы, адбываць павіннасць у карысць памешчыкаў прыняў найбольш упарты характар пад уплывам паўстанцкага Маніфеста. Аасабліва шырокі размах гэты рух атрымаў у Ковенскай губ. Тут у радзе маёнткаў пачалася самавольная парубка лесу, разбурэнне агароджаў і плацін у памешчыцкіх фальварках. Мясцовым уладам і міравым пасрэднікам часта аказвалася ўзброенае супраціўленне.

Уздым сялянскага руху і ўплыў на сялян паўстанцкага маніфеста ў Літве і Заходняй Беларусі рабіў упаўне рэальнай пагрозу перарастання паўстання ў аграрную рэвалюцыю. Гэта разумеў і царскі ўрад. Імкнучыся супроцьпаставіць аграрным дэкрэтам паўстанцаў свае зямельныя пераўтварэнні, царызм уносіў змены ў сялянскую рэформу. Гэтыя ўступкі ў карысць сялян былі адваяваны ў самадзяржаўя паўстаннем.

У цэнтры і на ўсходзе Беларусі паўстанцы таксамі імкнуліся азнаёміць сельскае насельніцтва з рэвалюцыйнымі зямельнымі законамі. Тыя нешматлікія паўстанцкія атрады, якія існавалі тут непрацяглы час, па меры свайго прасоўвання зачытвалі па вёсках Маніфест, растлумачвалі сялянам яго змест (дак. 228, 233, 255). Аднак тут сяляне ў сваёй масе не падтрымалі паўстанцаў. Ва ўсходняй Беларусі рух прыняў месцамі форму барацьбы супраць паўстанцаў, асаблва ў тых выпадках, калі ў атрадах пераважалі выхадцы з шляхты, а кіраўнікамі былі мясцовыя памешчыкі. Так у Дынабурскім і Рэжыцкім паветах Віцебскай губ. сяляне пад маркай пошукаў паўстанцаў, якія хаваліся, нападалі на маёнткі, грамілі панскія двары, арыштоўвалі памешчыкаў і іх служачых. Памешчыкы прасілі ратунку ў царскіх улад.

У падзеях на Віцебшчыне выявіліся царысцкія ілюзіі забітага селяніна, векавая нянаісць да памешчыкаў і недавер'е сялян да шляхецкага руху.

Развіццё аграрнага руху выклікала ў лагеры памешчыкаў нарастаючую трывогу. Баючыся расправы, памешчыкі пакідалі маёнткі і беглі ў горад. Вілкамірскі спраўнік 9 сакавіка даносіў Назімаву, што памешчыкі «усе знаходзяцца ў найвялікшым страху» перад растучай нянавісцю сялян і перспектывай аддачы ім зямлі бязвыплатна».

Гільдэбрант, які добра ведаў настрой «большасці дваран літоўскага краю», пісаў Далгарукаву: «Яны не толькі не спадзяваліся на трывалы паспех неабдуманага і адважнага прадпрыймання, але і ў душы не адабралі яго таму, што камуністычныя і сацыяльныя напрамкі рэвалюцыйнай, так званай чырвонай або крайняй партыі, зусім не адпавядалі жаданням польскага дваранства».

Памешчыцкая групоўка «белых», якая ўзнайчальвалася ў Літве Гейштарам, пасля некаторых хістанняў рашыла ўзяць кіраўніцтва рухам у свае рукі. Гэтая задума сустрэла падтрымку камісара Часовага Нацыянальнага ўрада ў Вільні Н. Дзюлёрана.

У канцы лютага Літоўскі Правінцыяльны камітэт быў рэарганізаваны, дакладней заменены новым камітэтам, атрымаўшым назву «Аддзел упраўляючага правінцыямі Літвы» (дак. 7), які складаўся з «белых» на чале з Я. Гейштарам. Рашуча выступаючы супраць сацыяльна-аграрнага руху, «Аддзел» у сваіх дэкрэтах высоўваў на першы план патрабаванне «цеснага аб'яднання» усіх чэсных сыноў Радзімы без адрознення саслоўя І веравызнання «у святой нацыянальнай справе». Усякія «самавольныя дзеянні» аб'яўляліся дзяржаўнай здрадай і падлягалі спагнанню «ва ўсёй строгасці польскага ваеннага права». Рэзка асуджалася ідэя «сацыяльнага перавароту». Патрыятычная фразеалогія «белых» дапамагала ім скарыстаць баявы парыў розных сацыяльных слаёў польскага насельніцтва.

«Белыя» імкнуліся спыніць развіццё сацыяльнага аграрнага руху і надаць паўстанню характер барацьбы за «гістарычныя» граніцы Польшчы, але яны разумелі, што рашыць гэтую задачу сіламі адной польскай шляхты немагчыма. Удзел у паўстанні пад сцягам і кіраўніцтвам «белых» сялян Літвы і Беларусі павінен быў прадэманстраваць Еўропе ўсенародную падтрымку задумаў польскага дваранства. У гэтым плане трэба разглядаць і зварот «Аддзела» ад 3 мая да жыхароў Беларусі з заклікам да паўстання, у якім падтрымліваліся студзеньскія аграрныя дэкрэты (дак. 12).

Прыход да кіраўніцтва паўстаннем партыі «белых» быў абумоўлены цэлым шэрагам прычын, і перш за ўсё слабасцю рэвалюцыйных дэмакратаў і стыхійнасцю сялянскага руху. Узмацненне ўплыву рэвалюцыйных дэмакратаў на ход падзей знаходзілася ў прамой залежнасці ад далейшай дэмакратызацыі праграмы паўстання і паглыблення сацыяльнага аграрнага руху. Рашэнне гэтай задачы было перанесена ў паўстанцкія атрады.

«Белым» не ўдалося змяніць характер паўстання. Дэмакратычная частка камандзіраў паўстанэкіх атрадаў фактычна дзейнічала самастойна, наперакор распараджэнням «Аддзела». Сабатаж «Аддзелам» і яго адміністрацыяй на месцах мер па фарміраванню і забеспячэнню атрадаў сустракаў рэзкі пратэст паўстанцаў. Па сцверджанню паўстанца У. Воўка, Ф. Віславух заяўляў: «калі б яму папаўся адзін з членаў Камітэта, ён прыказаў бы для прыкладу яго павесіць». Адцясняючы адміністрацыю «белых», рэвалюцыйныя элементы бралі на месцах кіраўніцт-

ва паўстаннем у свае рукі. Барацьба рэвалюцыйнай часткі паўстанцаў супраць лініі «белых» ярка адлюстравана ў пісьме аднаго з кіраўнікоў паўстанцкага руху Ф. Віславуха (дак. 18). Ацэньваючы становішча ў Ковенскай губерні, ён зазначаў, што ў Літве толькі цяпер справа даходзіць да грамадзянскай арганізацыі, так як да гэтага часу адміністрацыя ў правінцыях амаль не дзейнічала з-за подласці і баязлівасці дваранства, якое рвалася да пасад без адчування неабходнасці працаваць, без разумення сваіх сіл і абавязкаў». Становішча змянілася, адзначалася ў пісьме, «цяпер малады элемент бярэ дваранства ў ціскі».

Страціўшы надзею на дапамогу з боку ўрадаў заходніх краін і не верачы ва ўнутраныя сілы паўстання, настрашаныя рэпрэсіямі царызму, «белыя» сталі сеяць няўпэўненасць у перамогу, паклёпнічалі на камандзіраў паўстанцкіх атрадаў, якія апіраліся на сялян. Гэта лінія партыі «белых» атрымала агульную характарыстыку ў рапарце 18(30) жніўня камандзіра паўстанцкага атрада Э. Люткевіча Нацыянальнаму ўраду ў Варшаве. Дзеянні атрада Люткевіча выклікалі рэзкі пратэст памешчыкаў. Звалены прыказам ковенскага ваяводы з камандавання атрадам, Люткевіч пісаў: «Тая прычына, якая ў ім указана,— тое, што атрад складаецца пераважна з людзей, вышаўшых з народа, не можа быць прызнана грунтоўнай, так як там, дзе мэтай з'яўляецца ўсеагульнае дабро і перш за ўсё, дабро народа як самага шматлікага і самага беднага класа — гэта акалічнасць не можа служыць дастатковай прычынай звальнення камандзіра з яго пасады». Люткевич выкрываў непаслядоўнасць і Нацыянальнага ўрада ў Варшаве, які актыўна падтрымліваў лінію памешчыцкай партыі «белых» у Літве і Беларусі.

Адрас цару ад шляхты Віленскай губерніі, які быў падан пад націскам Мураўева (27 чэрвеня), сведчыў ужо аб адмове белых ад удзелу ў паўстанні. Кансерватыўная частка шляхты пад страхам тэрору адмовілася ад думкі аб незалежнай Польшчы, большасць абшарнікаў, губляючы веру ў перамогу, думала больш аб уратаванні ўласнага жыцця, маёмасці і грамадскага становішча.

Дзеянні паўстанцкіх атрадаў у Літве і заходняй Беларусі прынялі характар шырокай партызанскай вайны. Ужо ў лютым-сакавіку паўстанне ахапіла амаль усю Літву і заходнюю Беларусь. Па падліках С. Зялінскага [6] у 1863 г. ў Літве і Беларусі адбылося 237 баёў або 23% усіх стычак паўстанцаў з войскамі на тэраторыі ахопленай паўстаннем. Найбольшая колькасць з іх прыходзілася на галоўныя цэнтры паўстання — губерню Ковенскую (99 або больш 40%) і Гродзенскую (65 або каля 30%). У першы перыяд паўстання ў асноўным ішло фарміраванне атрадаў, рабіліся першыя крокі па наладжванню ўзаемадзеяння паміж імі і засваенне метадаў партызанскай вайны. У студзені-сакавіку стычкі з войскамі на тэрыторыі Літвы і Беларусі былі нешматлікімі. Асноўныя дзеянні разгарнуліся ў красавіку-жніўні. У красавіку пачалося паўстанне ў Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях. За гэты перыяд адбылося 170 (каля 80%) ваенных стычак. Хутка нарастаючы, паўстанне пашырылася, на данясеннях улад, «усюды». Пра размах паўстання ў Літве і Беларусі можна меркаваць па тых сілах, якія былі накіраваны царскімі ўладамі на падаўленне паўстання. Як бачна са справаздачы ваеннага міністэрства за 1863 г., у Віленскай ваеннай акрузе ў ваенных дзеяннях удзельнічала (на 1 жніўня 1863 г.) 123 495 страявых ніжніх

[6] S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913 (прылажэнне).

чыноў, 122 гарматы, 52 ½ казацкіх сотні, на 1 студзеня 1864 г.— 144 786 ніжніх чыноў, 146 гармат, 60 казацкіх соцен [7].

У Літве цэнтр паўстанцкага руху сканцэнтраваўся ў Ковенскай губерні, у Беларусі — у Гродзенскай. Вялікую роль ў фарміраванні сіл паўстанцаў у Ковенскай губерні, а затым і ў стварэнні «арміі» З. Серакоўскага, адыграў Мацкявічус, які «першы падняў сцяг паўстання ў Літве». На Гродзеншчыне на чале барацьбы за дэмакратызацаю паўстання стаяў з красавіка 1863 г. К. Каліноўскі. Дакументы гэтага тома даюць каштоўныя звесткі аб фарміраванні і перамяшчэнні паўстанцкіх атрадаў, характарызуюць асобныя бітвы і тактыку партызанскай вайны. У надзвычай складаных абставінах паўстанцкае кіраўніцтва змагло ўзброіць атрады і надаць ім больш — менш стройную ваенную арганізацыю. Абучэнне паўстанцаў, вядзенне боя, ажыццяўлялася ў лагерах на аснове створаных у ходзе паўстання статутаў. Вялікую ролю ў фарміраванні і абучэнні паўстанцкіх атрадаў адыгралі салдаты і афіцэры, якія перайшлі ў рады паўстанцаў з царскай арміі. У большасці атрадаў сялянская пяхота (касінеры) складалі асноўную баявую сілу ў бітвах. Роля касінераў была высока ацэнена З. Серакоўскім. Рэвалюцыйна-дэмакратычная частка паўстанцкіх камандзіраў устанаўлівала ў атрадах дэмакратычную сістэму адносін, якія спалучалася з патрабаваннем неабходнай ваеннай дысцыпліны. Але ў сувязі з хуткім развіццём ваенных падзей паўстанцы не паспявалі закончыць ваенную падрыхтоўку і адчувалі вялікі недахоп у вогнестрэльнай зброі і ў камандных кадрах.

Поспехі паўстанцаў Літвы і заходняй Беларусі былі абумоўлены народным саставам большасці паўстанцкіх атрадаў, паслядоўнай лініяй паўстанцкага кіраўніцтва ў рэалізацыі аграрнай праграмы, актыўнай абаронай сялян ад самавольства памешчыкаў, а таксама цесным узаемадзеяннем паўстанцаў з сялянскім стыхійным рухам супраць прыгонніцкіх парадкаў. Разбураючы царскі адміністрацыйна-паліцэйскі апарат, З. Серакоўскі аб'яўляў народу, што мэта руху — вызваленне «сялян ад прыгоннага звання» і надзяленне іх зямлёй. Царская ваенная і грамадзянская адміністрацыя прызнавала, што «камуністычныя абяцанні» паўстанцаў прыцягнулі на іх бок не толькі «увесь пралетарыят і значную колькасць чыноўнікаў», але і «вясковае насельніцтва».

Рэвалюцыйныя дэмакраты Літвы і Беларусі настойліва спрабавалі перанесці ваенныя дзеянні на Ўсход. Ваенна-палітычныя планы З. Серакоўскага і яго намеры здзейсніць паход у Курляндыю, дзе ўзмацніўся сялянскі рух, раскрываюць паказанні С. Алендскага (дак. 36).

З мэтай злучыць паўстанне ў Польшчы, Літве і Беларусі з сялянскім рухам у рускіх губернях («да Волгі») Л. Звяждўскі, узначаліўшы паўстаўшых студэнтаў Горыгорацкага інстытута, імкнуўся перайсці з Магілёўскай у Смаленскую губерню. Аб гэтым ярка сведчыць паказанне З. Міткевіча (дак. 264).

Але ўжо на другім этапе руху стала ясна, што паўстанне ў Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях не ўдалося.

На заключным этапе паўстання (канец 1863—1864 гг.) у выніку жорсткіх рэпрэсій і падаўляючай перавагі ваенных сіл, дзеянні паўстанцкіх атрадаў былі нешматлікія (33 стычкі з войскамі ў верасні-снежні 1863 г. і 10 у 1864 г.), і адбываліся яны, у асноўным, у Літве. У заход-

---

[7] ЦДГА Літ.ССР, ф. 494, оп. 1, д. 793, лл. 58, 60.

няй Беларусі ў гэта перыяд паўстанцкія атрады былі часткова распушчаны, а часткова перайшлі ў каралеўства Польскае. Але ў гэты перыяд паўстанне ў Літве набыло яшчэ больш ярка выражаны напрамак аграрнага сацыяльнага руху сялянства. Роля сялянства ў нешматлікіх атрадах значна вырасла. Цесна звязаныя з насельніцтвам дробныя сялянскія групы аказаліся найбольш жыццёвымі і настойліва працягвалі барацьбу, тады як шляхта пакідала атрады.

Па словах аднаго з камандзіраў сялянскага атрада, дваране ўцякаюць «тады як мужыкі ўсё яшчэ знаходзяцца ў мецяжы». Сяляне Літвы нападалі на памешчыцкія маёнткі і аказвалі рашучае супраціўленне карнікам.

У запісцы Мураўёву ад 19 кастрычніка 1863 г. памешчык Панявежскага павета Бістром пісаў, што «у даны момант амаль штодзённа сталі паўтарацца разграбленне маёнткаў нямецкіх памшчыкаў шайкамі мяцежнікаў, якія складаліся амаль выключна з сялян». Бістром сцвярджаў, што сяляне «амаль усе прыхільнікі мяцежа».

Дзеянні паўстанцкіх атрадаў у Ковенскай губ. знаходзілі цвёрдую падтрымку шырокай масы сялянства. У данясеннях улад з трывогай адзначалася нарастанне «сацыяльнай рэвалюцыі» ў Літве. М. М. Мураўёў прызнаваў, што сяляне большасці паветаў Ковенскай губерні захоплены «шкоднымі рэвалюцыйнымі ідэямі і духам мецяжа», што яны «па свайму спачуванню да мецяжа» ўхіляюцца ад «процідзеяння інсургентам». Заклік А. Міцкявічуса рыхтавацца «да агульнага пайстання» вясной 1864 г. абапіраўся на рэальны ўлік настрою сялянства.

Улады даносілі, што паўстанцы Ковенскай губерні намераны «уцягнуць сялян у мяцеж». На заключным этапе паўстанцкія атрады заходняй Літвы папаўняліся выключна за кошт сялян.

Жорстка праследуючы рэшткі паўстанцкіх атрадаў, Мураўёў узмацніў карныя меры супроць сялян, якія падтрымліваюць паўстанцаў і якія фактычна выйшлі з падпарадкавання ўлад. Праводзіліся масавыя арышты і высылкі сялян «мяцежных маёнткаў, устанаўлівалася кругавая парука, накладалася вялікая кантрыбуцыя. За «удзел у мецяжы» сяляне аддаваліся пад суд і цэлыя групы сялян прызнаваліся вінаватымі «у дапамозе мяцежнікам». Улады сілаю прымушалі сялян выконваць павіннасці памешчыкам і распараджэнні мясцовай адміністрацыі.

Царызм разумеў, што аднымі рэпрэсіямі прадухіліць новы выбух паўстання ў Літве і Беларусі немагчыма. Не выпадкова ў лістападзе 1863 г. быў распаўсюджаны ўказ ад 1 сакавіка 1863 г. на Магілёўскую губерню і на беларускія паветы Віцебскай губ. З дапамогай падобных мер царызм збіраўся прадухіліць развіццё «сацыяльнай рэвалюцыі» у будучым.

Паўстанне 1863—1864 гг. мела ў гісторыі літоўскага і беларускага народаў вялікае гістарычнае значэнне. Прымусіўшы царскі ўрад значна пашырыць буржуазны змест рэформы, паўстанне зрабіла непасрэдны ўплыў на далейшае сацыяльно-эканамічнае і палітычнае развіццё Літвы і Беларусі.

Істотнай асаблівасцю паўстання 1863—1864 гг. у Літве і Беларусі была наяўнасць актыўных інтэрнацыянальных сувязей. Усё развіццё паўстання праходзіла пры непасрэдным удзеле ў ім прадстаўнікоў усіх народнасцей Літвы і Беларусі, ў цеснай арганізацыйнай і ідэйнай сувязі з паўстаннем у Польшчы, пры прамым уздзеянні ідэалогіі рускіх рэвалю-

цыйных дэмакратаў і пры непасрэднай рэальнай дапамозе рускіх рэвалюцыйных сіл. Вялікая зацікаўленасць да развіцця паўстання ў Літве і Беларусі, роўна як і да паўстання ў Польшчы, з боку К. Маркса і Ф. Энгельса, а таксама другіх дзеячоў міжнароднай прагрэсіўнай грамадскасці, іх пастаянная маральна-палітычная падтрымка паўстання яшчэ больш падкрэслівае інтэрнацыяльная сувязі паўстання 1863—1864 гг. Інтэрнацыянальныя сувязі паўстання знаходзяць адлюстраванне ў шматлікіх дакументах, якія публікуюцца ў гэтым томе.

Паўстанне садзейнічала далейшаму развіццю самасвядомасці літоўскага і беларускага народаў.

У ходзе паўстання складваўся рэвалюцыйны саюз народаў Літвы і Беларусі з рускім, польскім і другімі народамі, якія вялі барацьбу з самадзяржаўем. Паўстанне 1863—1864 гг. пракладвала шлях далейшай сумеснай барацьбы народаў Расіі супраць царызму, памешчыкаў і капіталістаў. Паўстанне 1863—1864 гг. аказвала непасрэднае ўздзеянне на далейшае развіццё барацьбы сялянства Літвы і Беларусі супраць перажыткаў прыгонніцтва, на развіццё дэмакратычнай думкі і нацыянальна-вызваленчага руху ў Літве і Беларусі.

* * *

Пералік сховішчаў і фондаў, з якіх выбраны дакументы, што публікуюцца ў гэтым томе, даецца ў прыкладзеным спісе выкарыстаных фондаў.

У параўнанні з раней выдадзеным томам, які прысвечаны рэвалюцыйнаму ўздыму 1861—1862 гг.[8], у гэтым томе значна вырасла ўдзельная вага дакументаў царскіх карных органаў, створаных спецыяльна для барацьбы з паўстаннем (ваенныя начальнікі, следчыя камісіі і г. д.). Важнае значэнне маюць матэрыялы Часовага палявога аўдытарыята пры штабе войск Віленскай ваеннай акругі, якія захоўваюцца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Літоўскай ССР (ф. 1248). У аўдытарыяце канцэнтраваліся ваенна-судныя справы ўдзельнікаў паўстання з усёй тэрыторыі Літвы і Беларусі. Асаблівую каштоўнасць маюць справаводствы па паўстанцкіх арганізацыях, аб кіраўніках паўстання (напр., справа К. Каліноўскага, справы яго саратнікаў). Сярод рэчавых доказаў, далучаных да спраў, маецца вялікая колькасць паўстанцкіх дакументаў, у прыватнасці такія каштоўныя , як «паўстанцкая інструкцыя» Літоўскага камітэта; пісьмо Ф. Віславуху ад 16(28) чэрвеня 1863 г. і інш. Да стварэння Часовага палявога аўдытарыята (жнівень 1863 г.) яго функцыі выконвала суднае аддзяленне акруговага штаба (ф. 494). У саставе архіўнага фонда штаба да нас дайшлі ваенна-судныя справы З. Серакоўскага, Б. Колышка і інш. Аўтэнтычная судова-следчыя матэрыялы, у прыватнасці апошнія пісьмы і адно з паказанняў А. Мацкявічуса знаходзяцца таксама ў фондзе канцылярыі віленскага генерал-губернатара (ф. 378).

Стан матэрыялаў дазволіў уключыць у гэты том раздзел, прысвечаны паўстанню ў Аўгустоўскай губ. Сярод дакументаў раздзела значную ці-

[8] Некаторыя дакументы, надрукаваныя ў томе «Рэвалюцыйны пад'ем у Літве і Беларусі 1861—1862 гг.», асвятляюць падзеі 1863—1864 гг.

кавасць мае аўтэнтычная перапіска паўстанцкіх улад Аўгустоўскага ваяводства, знойдзеная ў Аддзеле рэдкай кнігі і рукапісаў Навуковай бібліятэкі Вільнюскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя В. Капсукаса.

З прычыны абмежаванага аб'ёму ў зборнік увайшла толькі невялікая колькасць дакументаў пра сялянскі антырэформенны рух у гады паўстання, хаця, гэты рух адыграў вялікую ролю у паўстанні 1863 года. Большасць дакументаў, якія ўвайшлі ў зборнік, публікуюцца ўпершыню.

Заўвагі самога дакумента друкуюцца ўнізе адпаведнай старонкі прамым шрыфтам і абазначаюцца «зорачкамі». Тэксталагічная заўвагі, зробленыя складальнікамі, друкуюцца ўнізе адпаведнай старонкі курсівам, а словы дакумента — прамым шрыфтам без двукосся. Такія заўвагі абазначаюцца малымі літарамі рускага алфавіта. Заўвагі па зместу (рэальная каментарыі) друкуюцца пасля дакумента курсівам і абазначаюцца арабскімі лічбамі.

У складанні зборніка (канчатковы адбор дакументаў, падрыхтоўка тэксту да друку, каменціраванне) прымалі ўдзел наступныя навуковыя супрацоўнікі:

Агульны раздзел — В. Б. Бікуліч (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Літоўскай ССР);

Віленская губ.— М. Ю. Зараўскайтэ, Р. Ю. Страздунайтэ (Інстытут гісторыі Акадэміі навук Літоўскай ССР);

Ковенская губ.— О. І. Максімайтэне (Інстытут гісторыі Акадэміі навук Літоўскай ССР);

Аўгустоўская губ.— В. П. Масілюнене (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Літоўскай ССР);

Гродзенская губ.— Л. В. Аржаева (Архіўнае ўпраўленне пры Савеце Міністраў Беларускай ССР);

Мінская губ.— Т. Е. Ляонцьева (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Беларускай ССР у г. Мінску).

Віцебская і Магілёўская губ.— Н. І. Булдакова (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Беларускай ССР у гор. Мінску).

Складаннем раздзелаў на Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губ. кіравала С. М. Байкова (Інстытут гісторыі Акадэміі навук Беларускай ССР), астатніх раздзелаў — Г. К. Кісялёў (Архіўнае ўпраўленне пры Савеце Міністраў Літоўскай ССР).

Ад Інстытута славяназнаўства АН СССР у рабоце брыгады складальнікаў па ўсіх раздзелах ўдзельнічала З. Я. Тальвірская.

Пераклад тэкстаў з польскай, літоўскай, французскай і нямецкай моў выканан Е. А. Казлоўскай (Мінск) і Г. А. Фейгельсонам (Вільнюс). Падрыхтоўка да друку польскіх тэкстаў ажыццёўлена Г. К. Ордай /ЦДГА Літ. ССР/.

Рэдагаванне археаграфічнай апрацоўкі дакументаў праведзена Г. В. Кісялёвым. Ён жа падрыхтаваў археографічную частку прадмовы.

Ю. Жугжда
В. Неупакоеў

PRZEDMOWA

Powstanie styczniowe na Litwie i Białorusi związane jest ściśle z walką narodowo-wyzwoleńczą narodu polskiego. Na charakter powstania wpłynęła również sytuacja historyczna, w jakiej znajdowała się Rosja na przełomie piątego i szóstego dziesięciolecia XIX w.

Reforma agrarna 1861 roku nie rozwiązała podstawowych problemów związanych z przewrotem burżuazyjno-demokratycznym; zaostrzyła jeszcze mocniej sprzeczności klasowe w kraju, doprowadzając do dalszego pogłębienia «kryzysu góry». Najważniejszym zadaniem epoki było doprowadzenie do końca przeobrażeń burżuazyjno-demokratycznych, przede wszystkim zaś obalenie caratu, rozwiązanie kwestii agrarnej i narodowej.

Zarówno w Polsce, jak i na Litwie i Białorusi, w powstaniu styczniowym wzięli udział przedstawiciele różnych klas i sił społecznych. Okoliczność ta wywarła znaczny wpływ na program i przebieg walki, powodując skomplikowany splot rozlicznych tendencji.

Charakterystyka tych ugrupowań politycznych, wyrażających interesy różnych warstw społecznych, które uformowały się w przededniu powstania, znalazła się już w przedmowie do tomu «Ruch rewolucyjny na Litwie i Białorusi w latach 1861—1862». Na skutek nieprzewidzianych okoliczności powstanie w Polsce wybuchło w styczniu 1863 roku, wcześniej aniżeli planowano. Centralny Komitet Narodowy opublikował 22 stycznia 1863 roku Manifest o charakterze programowym oraz dekrety uwłaszczeniowe. Przedstawiając program polityczny oraz społeczno-ekonomiczny powstania, Manifest ogłaszał «wszystkich synów Polski bez różnicy wiary i rodu, pochodzenia i stanu» wolnymi i równoprawnymi obywatelami kraju. Program agrarny przewidywał przekazanie na własność chłopom zarówno z dóbr prywatnych jak i państwowych ziemi, jaką uprawiali, likwidując istniejące dotąd powinności. Przewidywał również nadanie 3 morgów ziemi bezrolnym za aktywny udział w powstaniu. W zamian za przekazywaną chłopom ziemię obszarnicy mieli otrzymać wynagrodzenie ze skarbu państwa.

Program styczniowy CNK miał niewątpliwie charakter rewolucyjny. Odegrał on ogromną rolę mobilizacyjną jako punkt wyjściowy dla rozwiązania kwestii agrarnej, zjednoczenia wszystkich sił demokratycznych do walki z caratem. Dekrety uwłaszczeniowe pobudziły chłopów do wystąpień, przyczyniły się do wzmożenia ruchu chłopskiego na Litwie i

Białorusi, co z kolei natychmiast zmusiło carat do ogłoszenia dekretu z 1 marca 1863 roku, który rozszerzał rofermę w duchu burżuazyjnym. Zdaniem wileńskiego generał-gubernatora W. Nazimowa Manifest styczniowy CNK niweczył «wszystkie rozporządzenia rządu dotyczące uwłaszczenia włościan», i zaszczepiał w «umysłach ludu wiejskiego idee społeczne».

Jednakże styczniowe dekrety uwłaszczeniowe CNK świadczyły również o klasowej ograniczoności «czerwonych». Usiłując zjednoczyć pod wspólnym sztandarem chłopów i szlachtę, wysuwali oni rozwiązania kompromisowe, nie przewidując likwidacji obszarniczej własności ziemskiej. Program ten w ostatecznym rachunku pozostawał w sprzeczności z interesami chłopstwa.

Styczniowy program CNK opierał się na obcej chłopstwu idei «zgody klasowej», którą rozwijały następnie wszystkie odezwy warszawskiego Rządu Narodowego zwrócone do ludności zamieszkującej Litwę i Białoruś i propagowane szeroko wśród chłopstwa litewskiego i białoruskiego, zarówno przez zwolenników obszarniczej partii «białych», jak i przez prawicę «czerwonych». Chłopów nawoływano do sojuszu ze szlachtą upewniając, że obszarnicy sami nadadzą im wolność i dobrowolnie «podarują» w zamian za udział w powstaniu «ziemię, którą uprawiają». Wobec toczącej się na wsi walki o ziemię, walki wchodzącej właśnie w najostrejsze stadium, polityka «zgody klasowej» nie mogła wzbudzić zaufania chłopów. Fakt, że ziemiańskie kierownictwo ruchu sabotowało realizację dekretów uwłaszczeniowych, ułatwiał też prowokacyjną grę władz carskich, które starały się podburzyć chłopów przeciwko powstańcom.

Wiążąc szczególne nadzieje z rozwojem powstania poza granicami Królestwa Kongresowego, Tymczasowy Rząd Narodowy wydał 29 stycznia 1863 r. odezwę do ludności Litwy i Białorusi. Odezwa głosiła: «Węzeł całego zadania jest w Litwie; powstanie Litwy decyduje o zmartwychwstaniu Polski i o śmierci wroga». Odezwa ta spotkała się z pozytywnym oddźwiękiem wśród zamieszkałych na Litwie i Białorusi Polaków, zwłaszcza uboższego ziemiaństwa, szlachty zaściankowej, inteligencji i ludności miejskiej. Element ten włączył się z przekonaniem w nurt walki narodowowyzwoleńczej, zapoczątkowanej w Królestwie. Inaczej rzecz się miała z Litwinami i Białorusinami, których wzywano do udziału w powstaniu za «wskrzeszenie Ojczyzny», tzn. państwa polskiego «w granicach historycznych». Szlacheckie hasło «za wiarę i Ojczyznę» w takim rozumieniu nie mogło znaleźć oddźwięku wśród litewskich a tym bardziej białoruskich chłopów.

Traktując «sprawę polską» jako «sprawę wolności» rewolucyjni demokraci Litwy i Białorusi zdawali sobie doskonale sprawę z braków programu styczniowego i niewłaściwości szlacheckich haseł «zgody klasowej». Toteż na plan pierwszy wysuwali oni w programie tym jego rewolucyjną, mobilizującą istotę żywiąc nadzieję, iż w czasie powstania uda im się pod wpływem ruchu chłopskiego dokonać jego radykalnej zmiany.

Pod wpływem K. Kalinowskiego i jego grupy Litewski Komitet Prowincjonalny (przedtem zwany Komitetem Ruchu) opierając się w swej działalności na Manifeście styczniowym i dekretach uwłaszczeniowych w niezwykle trudnej sytuacji rozwinął walkę o demokratyzację programu powstania. Rewolucyjni demokraci Litwy i Białorusi konsekwentnie bronili społecznych i narodowych interesów ludu litewskiego i białoruskiego.

Ogłaszając się Rewolucyjnym Rządem Litwy i Białorusi Litewski Komitet Prowincjonalny opublikował 20 stycznia (1 lutego) swój manifest rewolucyjny (dok. 3), w którym powtórzone zostały zasadnicze tezy Manifestu i dekretów uwłaszczeniowych z 22 stycznia 1863 r. Manifest z 1 lutego przekazywał realizację programu uwłaszczeniowego w ręce władzy rewolucyjnej, przewidując oddanie pod «sądy wojskowe» wszystkich tych, którzy nie podporządkują się Manifestowi. W sposób jeszcze bardziej stanowczy formułowała te sprawy «Instrukcja» dla dowódców oddziałów powstańczych (dok. 6). Dokument ten niedawno odnaleziony posiada ogromne znaczenie. Żądając od dowódców natychmiastowej realizacji dekretu Rządu Tymczasowego o nadaniu ziemi włościanom (§ 2) Litewski Komitet Prowincjonalny polecał: «Wybitniejszych ciemiężycieli włościan, dla przykładu wobec zgromadzonych gmin, po odbytym sądzie wojennym, śmiercią karać, nie dopuszczając samowolnej egzekucji» (§ 8).

W numerze 7 «Mużyckiej Prawdy» (dok. 14) całą ziemię «z dziada pradziada» uznano za własność chłopstwa. Było to najzupełniej zgodne z żądaniem chłopów Litwy i Białorusi przywrócenia im «ojcowizny» tzn. oddania całej zagarniętej przez obszarników ziemi.

W walce jaką prowadzili rewolucyjni demokraci Litwy i Białorusi o demokratyzację programu powstańczego szczególne miejsce zajmuje «Prykaz ad Rądu Polskaho nad całym krajem Litouskim i Biełoruskim da narodu ziemli Litouskoj i Biełoruskoj» wydany w czerwcu 1863 roku (dok. 16). Wysuwając na plan pierwszy kwestię agrarną i wzywając chłopów do powstania w imię «prawdziwej wolności» «Rozkaz» wymierzony był przede wszystkim przeciwko idei «zgody klasowej» («dzieło nasze — nie dzieło panskoje») i propagandy carskiej starającej się przedstawić powstanie jako szlachecką próbę przywrócenia starych stosunków poddańczych. Chłopom wyjaśniano obecną sytuację, wyłuszczano prawdziwe cele powstania i zadania przyszłej organizacji społecznej. «Rozkaz» nawoływał do bezwzględnej walki z wszelkimi sługami caratu. Szeroko kolportowany wśród chłopów na zachodniej Białorusi i Litwie «Rozkaz» sprzyjał dalszemu rozwojowi ruchu chłopskiego w tych okolicach. Tak więc rewolucyjni demokraci Litwy i Białorusi od pierwszych dni powstania prowadzili konsekwentną walkę o bardziej radykalne rozwiązanie kwestii chłopskiej.

Powstanie rozwijało się nierównomiernie w różnych częściach Litwy, zwłaszcza zaś Białorusi. Oddziały powstańcze na Litwie pod względem składu społecznego były niejednorodne, w większości jednak składały się z chłopów, plebsu miejskiego i zdeklasowanej drobnej szlachty. Jak pisał w swej notatce K. Kalinowski (28 lutego 1864 r.), oddziały powstańcze w zachodniej Białorusi składały się «w większości z chłopów z majątków skarbowych, szlachty zaściankowej i ludności miast».

O składzie społecznym oddziałów powstańczych na Litwie i Białorusi ciągle jeszcze wiemy niewiele. Tymczasowe sądy polowe w wileńskim okręgu wojskowym (wraz z gub. augustowską) skazały za udział w powstaniu od jego wybuchu do 1 stycznia 1865 r. (na śmierć, ciężkie roboty, zesłanie oraz nadzór policyjny) — 21 712 osób. W tej liczbie było: 294 księży, 6433 osób z warstw uprzywilejowanych i 14 975 ludzi «z gminu». Ilość uczestników powstania była wszelako znacznie większa (wielu zginęło na placu boju, wielu udało się uniknąć represji). Niezależnie od tego dane te ilustrują w sposób zgodny z rzeczywistością, jakie siły wystąpiły do walki z caratem. Analizując je, pamiętać należy, że w rubryce «warstwy

uprzywilejowane» mowa była głównie o drobnej szlachcie zaściankowej, zaś w rubryce ludzi «z gminu» oprócz chłopstwa figurowali mieszczanie, jednodworcy, rzemieślnicy, rekrutujący się spośród chłopstwa i zdeklasowanej szlachty, drobni kupcy, służba domowa itd.

Przytoczone liczby tylko najogólniej ilustrują, jakie siły społeczne brały udział w powstaniu na Litwie i Białorusi (wraz z gub. augustowską). Jednakże poszczególne tereny Litwy i Białorusi różniły się w sposób istotny zarówno pod względem rozmachu i czasu trwania powstania, jak i pod względem składu społecznego uczestników.

Chłopi litewscy mieli żywe poczucie swej odrębności wyznaniowej i narodowej. W zachodniej Białorusi w dużo wyższym stopniu, niż we wschodniej, utrzymywała się tradycja skasowanej przez carski rząd unii kościelnej. O czynnikach tych pamiętali w swej rewolucyjnej agitacji zarówno A. Mackiewicz, jak i K. Kalinowski. Nie sposób jednak, jak to czyniła historiografia burżuazyjna, objaśniać niejednolity stosunek chłopów do powstania tylko względami języka i obrządku.

O masowym udziale chłopów w wielu oddziałach powstańczych świadczą liczne dokumenty niniejszego tomu. Potwierdzają to również inne materiały źródłowe.

Na samym początku powstania F. Engels w znanym powszechnie liście do K. Marksa (z 8 kwietnia 1863 r.) zwracał uwagę na «liczniejszy udział» chłopów litewskich w powstaniu [1]. «Kołokoł» pisał w okresie kiedy powstanie przybierało na sile, że na Litwie «chłopi z każdym dniem szczerzej przyłączają się do powstańców» [2]. A. Medeksza doszedł do wniosku, że w takich oddziałach jak oddział Z. Cytowicza (liczący około 250 ludzi) i T. Kuszłejki (około 800 ludzi) «cała masa złożona była z włościan, pomiędzy którymi rzadko znajdował się zagrodowy szlachcic albo mieszczanin, którzy bez wątpienia nie wiele się różnią od włościan patriotyzmem i stopniem wykształcenia» [3]. Oddział E. Lutkiewicza («Ludobrońskiego»), czynny w pow. poniewieskim składał się «przeważnie z ludzi pochodzących z ludu». Uściślając to stwierdzenie Lutkiewicz pisał: «Powiedziałem «przeważnie» a nie «wyłącznie» ponieważ na kilkuset chłopów mieliśmy około 20 szlachty, a nawet kilku synów właścicieli ziemskich».

Jesienią 1863 roku, kiedy większość dużych oddziałów powstańczych była rozbita, liczne drobne grupki powstańcze, jakie działały na Litwie składały się «prawie wyłącznie z chłopów». Występowały tu liczne oddziały całkowicie chłopskie i dowodzone przez chłopów: Adomasa Bite (Bitisa), Pujdokasa, Łukaszunasa i in.

Nawet władze carskie, z Murawiewem i jego otoczeniem na czele, które starały się przedstawiać powstanie jako «intrygę szlachecką» zmuszone były pisać o masowym udziale chłopów w powstaniu. Gubernator kowieński w raporcie z 11.IX 1863 r. podkreślał, że wśród powracających z oddziałów «różnego rodzaju osób» przeważali chłopi.

Wśród chłopów-powstańców znaczny procent stanowili bezrolni ze wsi obszarniczych i skarbowych, którzy szli do oddziałów w nadziei, że otrzymają z rąk rewolucyjnej władzy ziemię. Aktywny udział chłopów litew-

---

[1] «Marks i Engels o Polsce», t. I. Warszawa, 1960, s. 358.
[2] «Колокол», 10 czerwca 1863, s. 1359.
[3] «Ojczyzna», 1864, nr. 109; 1865, nr. 59.

skich w powstaniu, poparcie jakie okazywali oddziałom powstańczym, wynikały nie z ich przynależności do tej czy innej kategorii, albo wyznania, lecz zależały od tego, czy kierownictwo powstańcze realizowało rewolucyjnymi metodami program agrarny. Tam gdzie zmierzało ono w sposób konsekwentny do rozwijania rewolucji agrarnej — do oddziałów szli nie tylko chłopi ze wsi skarbowych, lecz i z majątków prywatnych. I odwrotnie — szlacheckie hasła «zgody klasowej» i ograniczoność oficjalnego programu powstańczego w kwestii agrarnej wpływały hamująco na postawę chłopów obszarniczych. W stopniu najsilniejszym dało to znać o sobie na środkowej i wschodniej Białorusi. W gub. grodzieńskiej w oddziałach powstańczych znajdowało się wielu chłopów. W gub. mińskiej w szeregach powstańczych było ich o wiele mniej. Najznaczniejsza liczba chłopów-powstańców w gub. mińskiej przypadała na powiaty zachodnie, graniczne z gub. grodzieńską (zwłaszcza w pow. nowogródzkim). Na wschodniej Białorusi liczba chłopów w oddziałach powstańczych była zupełnie nieznaczna.

Najaktywniejszą siłą w powstaniu na wschodniej Białorusi były demokratyczne warstwy ludności miejskiej: inteligencja nieszlacheckiego pochodzenia, drobni urzędnicy, studiująca młodzież, rzemieślnicy. Przyłączyła się do nich również zdeklasowana i wyzuta z gruntu szlachta zaściankowa.

Rola chłopów Litwy i zachodniej Białorusi w powstaniu nie ograniczała się do udziału w oddziałach powstańczych. Okazywali oni powstaniu wszechstronną pomoc, pomagali w uzbrajaniu oddziałów, uprzedzali o przybliżaniu się wojsk carskich, dostarczali przewodników, zaopatrywali powstańców w żywność. Od chwili, kiedy «biali» otwarcie wystąpili przeciwko powstaniu, oddziały powstańcze zaopatrywane były przeważnie przez chłopów. Zdymisjonowany naczelnik IV okręgu korpusu żandarmów A. Hildebrandt pisał 28.VIII 1863 roku do W. Dołgorukowa: «Bandy utrzymują się dziś kosztem chłopów». Transporty na Litwę i zachodnią Białoruś przeprawiano «za pośrednictwem wieśniaków». Chłopi odmawiali podwód dla przewożenia oddziałów pacyfikatorskich, aktywnie sprzeciwiali się utworzeniu straży wiejskich.

Wiele dokumentów niniejszego tomu wskazuje na szczególny stosunek chłopów litewskich do powstańców, których działalność «pociągnęła lud» i utwierdziła w nim przekonanie o potrzebie walki z caratem. Według współczesnego świadectwa agitacja A. Mackiewicza «przyciągnęła do powstania wszystkich okolicznych chłopów» [4].

W środkowej i wschodniej Białorusi powstańcy nie mieli takiego oparcia wśród chłopstwa.

Powstanie na Litwie i Białorusi opierało się w dużej mierze na żywiołowym, masowym ruchu chłopskim, wymierzonym w majątkach prywatnych przeciw grabieżczej reformie, a w majątkach skarbowych przeciw samowoli carskiej administracji. Siły te były częścią składową ogólnego procesu rewolucyjnego. Jednakże działania oddziałów powstańczych i walka chłopów z systemem poddańczym w dobrach obszarniczych w przeważającej większości wypadków nie były ze sobą związane.

Już w pierwszym okresie powstanie na Litwie i Białorusi nabrało charakteru ruchu społecznego. W przytoczonym powyżej liście F. Engels pod-

[4] «Ruch rewolucyjny na Litwie i Białorusi 1861—1862 r.», M., 1964, s. 431.

kreślał, że «ruch na Litwie... w okolicach Kurlandii... nabiera wprost charakteru agrarnego»[5].

K. Kalinowski pisał przed śmiercią (28.II 1864 r.), że powstanie zagrażało całkowitym zniszczeniem istniejących porządków. W oficjalnych raportach zwracano również uwagę na społeczny charakter powstania. W tym sensie nader wymowny jest raport W. Nazimowa do D. Dołgorukowa z 18.II 1863 r. (dok. 5).

Ogłaszając chłopom Manifest rewolucyjnego rządu powstańcy rozbijali urzędy wiejskie i gminne, niszczyli tam «wszelkie papiery», likwidowali istniejący system administracyjny i tworzyli rewolucyjne organy administracji cywilnej. Na Litwie i zachodniej Białorusi aparat administracyjno-policyjny był w ogromnej większości zdezorganizowany. Sztabs-oficer żandarmerii gub. kowieńskiej Skworcow donosił 23.IV 1863 Dołgorukowowi, że «działania buntowników całkowicie poderwały autorytet prawowitej władzy».

Już w pierwszym okresie ruch powstańczy mimo szeregu poniesionych klęsk, zdobył sobie znaczne zaufanie chłopstwa, umacniając wśród nich nadzieje, że przekształcenie wsi rękoma władzy rewolucyjnej jest rzeczą realną. W przytoczonym powyżej raporcie Skworcow pisał, że «utraciwszy wiarę w siłę rządu» chłopi «wyczekiwali, jak rozwijać się będzie powstanie i z której strony będzie korzystniej przyłączyć się doń». Ci spośród dowódców powstańczych, którzy konsekwentnie realizowali program agrarny, stawali się w oczach chłopów ich obrońcami w walce z samowolą obszarników usiłujących za wszelką cenę bronić przywilejów feudalnych. Przykładem takiego postępowania może być rozkaz powstańczego dowódcy pułku Dubiskiego B. Kołyszki zalecający ziemianinowi Dowgirdowi «pod najsurowszą odpowiedzialnością zorganizować gminę, ogłosić wolę Rządu Narodowego i zaprzestać ściągania powinności». Takie wystąpienia nie należały do rzadkości. Rewolucyjny odłam powstańczego kierownictwa zajmował w kwestii agrarnej konsekwentne stanowisko «obrony praw ludu».

Pod wpływem Manifestu powstańczego na Litwie i Białorusi chłopi w sposób bardziej zdecydowany odmawiali podpisywania «ustawnych hramot» i odrabiania powinności na rzecz dworu. Ze szczególnym rozmachem ruch ten rozwijał się w gub. kowieńskiej. Tutaj w wielu majątkach dochodzi do samowolnego wyrębu lasów, niszczenia ogrodzeń i parkanów w folwarkach obszarniczych, a nawet do zbrojnego oporu wobec rozjemców i przedstawicieli lokalnej władzy.

Nasilenie ruchu chłopskiego, wpływ jaki wywierał Manifest powstańczy na Litwie i zachodniej Białorusi sprawiał, że groźba przekształcenia się powstania w rewolucję agrarną stawała się w pełni realna. Zdawał sobie z tego sprawę również rząd carski. Usiłując przeciwstawić powstańczym dekretom uwłaszczeniowym własne projekty carat wprowadza zmiany do reformy rolnej. Owe ustępstwa na rzecz chłopstwa poczynione przez carat były rezultatem działalności powstańców.

W środkowej i wschodniej Białorusi powstańcy również starali się zapoznać ludność wiejską z treścią rewolucyjnych dekretów rolnych. Nieliczne oddziały powstańcze, w ciągu krótkiego okresu swej działalności odczytywały we wsiach, w których się pojawiały, Manifest i wyjaśniały chło-

---

[5] «Marks i Engels o Polsce», t. I, s. 358.

pom jego treść (dok. 228, 233, 255). Jednakże chłopi w swej masie nie popierali powstańców. We wschodniej Białorusi ruch chłopski wymierzony był w niektórych miejscowościach przeciwko powstańcom, zwłaszcza w tych wypadkach, kiedy w oddziałach przeważał element szlachecki, a dowódcami byli miejscowi obszarnicy. Tak więc w pow. dynaburskim i rzeżyckim gub. witebskiej chłopi pod pretekstem poszukiwania ukrywających się powstańców napadali na dwory, grabili, aresztowali właścicieli i ich administratorów i oficjalistów dworskich. Obszarnicy zwracali się o pomoc do władz carskich.

W wydarzeniach witebskich dały o sobie znać: naiwna wiara chłopów w cara, odwieczna nienawiść do obszarników oraz brak zaufania chłopów do ruchu szlacheckiego.

Rozwój ruchu agrarnego wywołał w obozie ziemiańskim wzrastający niepokój. W obawie przed najściami chłopów obszarnicy porzucali majątki i uciekali do miast. Wiłkomirski sprawnik donosił 9 marca Nazimowowi, że szlachta «cała żyje w wielkim strachu» przed wzmagającą się nienawiścią chłopów i perspektywą «przekazania im ziemi bez odszkodowania».

Doskonale zorientowany w nastrojach «większości szlachty litewskiej» Hildebrandt pisał do Dołgorukowa, że «nie tylko nie liczyła ona na powodzenie nieprzemyślanego i wymagającego odwagi przedsięwzięcia, lecz w duszy nie aprobowała go, ponieważ tendencje komunistyczne i społeczne partii rewolucyjnej zwanej czerwoną lub radykalną, bynajmniej nie odpowiadały pragnieniom polskiej szlachty».

«Biali», którym na Litwie przewodził Gieysztor, po pewnych wahaniach postanowili wziąć kierownictwo ruchu w swoje ręce. Poparcie okazał im komisarz Rządu Tymczasowego w Wilnie N. Du Laurens.

W końcu lutego Litewski Komitet Prowincjonalny został zreorganizowany, a mówiąc ściśle zastąpiony przez nowy komitet, noszący nazwę «Wydziału Zarządzającego Prowincjami Litwy» (dok. 7), i złożony z «białych» z J. Gieysztorem na czele. Występując zdecydowanie przeciwko ruchowi agrarnemu Wydział na pierwszy plan wysuwał w swych dekretach żądanie «ścisłego zjednoczenia wszystkich uczciwych synów Ojczyzny, bez różnicy stanu i wyznania» wokół «świętej sprawy narodowej». Wszelkie «samowolne czyny» uznał za zdradę stanu, karaną «z całą surowością prawa wojennego». Idea «przewrotu społecznego» została potępiona. Patriotyczna frazeologia «białych» umożliwiła im wykorzystanie bojowej gotowości różnych warstw społecznych ludności polskiej.

«Biali» dążyli do zahamowania rozwoju ruchu chłopskiego, pragnęli przekształcić powstanie w walkę o odbudowanie Polski w «granicach historycznych», zdawali sobie jednak sprawę, że sama szlachta nie zdoła wykonać tego zadania. Udział chłopów litewskich i białoruskich w powstaniu pod sztandarem i kierownictwem «białych» miał zademonstronać Europie, że projekty szlachty polskiej cieszą się ogólnonarodowym poparciem. Pod tym kątem należy też rozpatrywać odezwę Wydziału z 3 maja do mieszkańców Białorusi wzywającą do udziału w powstaniu i potwierdzającą styczniowe dekrety uwłaszczeniowe (dok. 12).

Objęcie kierownictwa przez «białych» uwarunkowane było przez wiele przyczyn, przede wszystkim zaś wiązało się ze słabością rewolucyjnych demokratów i żywiołowym charakterem ruchu chłopskiego. Wzrost wpływu rewolucyjnych demokratów na bieg wydarzeń był bezpośrednio zależny

od dalszej demokratyzacji programu powstania i wzmożenia ruchu chłopskiego. Realizacja tych zadań spoczęła na barkach oddziałów powstańczych.

«Białym» nie udało się zmienić charakteru powstania. Część dowódców oddziałów — demokratów z przekonań — w rzeczywistości działała samodzielnie, często wbrew dyrektywom Wydziału. Prowadzony przez Wydział i jego administrację sabotaż w zakresie formowania i zaopatrywania oddziałów wywoływał ostry protest wśród powstańców. Jak twierdzi powstaniec I. Wołk, F. Wysłouch oświadczył, że «gdyby wpadł mu w ręce któryś z członków Komitetu, kazałby go dla przykładu powiesić». Usuwając w cień administrację «białych» elementy rewolucyjne w terenie brały kierownictwo w swoje ręce. Walka, jaką toczył rewolucyjny odłam powstańców przeciwko linii «białych», znalazła nader wyraziste odbicie w liście jednego z przywódców ruchu powstańczego do F. Wysłoucha (dok. 18). Oceniając sytuację w gub. kowieńskiej wskazywał on, że «U nas na Litwie zaledwo teraz do organizacji cywilnej przychodzi — bo dotąd po prowincjach władze administracyjne nie funkcjonowały prawie, przez podłość i tchórzostwo szlachty rwącej się urzędów bez poczucia konieczności pracy, bez świadomości sił swoich i obowiązków». Sytuacja uległa zmianie: «Dziś młody element bierze szlachtę w kluby».

Straciwszy nadzieję na pomoc ze strony mocarstw zachodnich i nie wierząc w siły wewnętrzne powstania, zastraszeni represjami carskimi «biali» zaczęli siać zwątpienie w zwycięstwo i obrzucali oszczerstwami dowódców, którzy szukali oparcia wśród chłopów. Tę linię postępowania «białych» charakteryzował dowódca oddziału E. Lutkiewicz w raporcie z 18(30)VIII do Rządu Narodowego w Warszawie. Działalność oddziału Lutkiewicza spotykała się z ostrym protestem ze strony obszarników. Usunięty ze stanowiska dowódcy przez wojewodę kowieńskiego, Lutkiewicz pisał: «Przyczyna, na którą się powoływano, że oddział składa się w przeważającej większości z ludzi pochodzących z ludu nie może być uznana za dostateczną, ponieważ tam, gdzie celem jest dobro powszechne, przede wszystkim zaś dobro ludu, jako klasy najliczniejszej i najbardziej potrzebującej — okoliczność ta nie może być uznana za wystarczającą przyczynę usunięcia dowódcy z jego stanowiska». Lutkiewicz demaskował również brak konsekwencji Rządu Narodowego w Warszawie, który aktywnie popierał linię szlachecką partii «białych» na Litwie i Białorusi.

Wymuszony przez Murawiewa adres wiernopoddańczy szlachty guberni wileńskiej (27 czerwca) świadczył już o odwrocie białych od współdziałania z powstaniem. Najbardziej konserwatywny odłam szlachty pod wpływem terroru rezygnował z myśli o niepodległej Polsce; większość właścicieli ziemskich, tracąc wiarę w zwycięstwo, starała się ratować życie, majątki i swoją pozycję społeczną.

Działania oddziałów powstańczych na Litwie i Białorusi przekształcały się w wojnę partyzancką o szerszym zasięgu. Już w lutym i marcu powstanie ogarnęło całą prawie Litwę i zachodnią Białoruś. Według podliczeń S. Zielińskiego w roku 1863 na Litwie i Białorusi miało miejsce 237 bitew, a więc 23% wszystkich potyczek powstańców z armią carską na terytorium ogarniętym przez powstanie [6]. Największa ilość przypadała na główne ogniska powstania — gub. kowieńską (99 czyli ponad 40%) i grodzień-

[6] S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913 (aneks).

ską (65 czyli około 30%). W pierwszym okresie powstania miało miejsce przede wszystkim formowanie oddziałów, czyniono dopiero pierwsze kroki w kierunku nawiązania łączności pomiędzy nimi i przyswojenia sobie metod wojny partyzanckiej. Od stycznia do marca na Litwie i Białorusi potyczki nie były liczne. Główne działania rozwinęły się od kwietnia do sierpnia. W kwietniu powstanie rozpoczęło się w gub. mińskiej, witebskiej i mohylowskiej. W tym okresie miało miejsce 170 (około 80%) potyczek. Jak stwierdzały władze, powstanie szybko rozwijało się, zyskując charakter ruchu «powszechnego».

O rozmachu powstania na Litwie i Białorusi sądzić można na podstawie sił, jakie władze carskie skierowały na jego stłumienie. Ze sprawozdania Ministerstwa Wojny za rok 1863 wynika, że w wileńskim okręgu wojskowym w działaniach wojennych uczestniczyło (stan z sierpnia 1863 roku): 123 495 żołnierzy, 122 działa, 52 $1/2$ sotni kozackich; stan z 1 stycznia 1864: 144 786 żołnierzy, 146 dział, 60 sotni kozackich [7].

Na Litwie głównym ogniskiem ruchu powstańczego była gub. kowieńska, na Białorusi — gub. grodzieńska. Ogromną rolę w formowaniu sił powstańczych w gub. kowieńskiej, a następnie w tworzeniu «armii» Z. Sierakowskiego odegrał ksiądz A. Mackiewicz, który «pierwszy zatknął sztandar powstania na Litwie». W Grodzieńszczyźnie na czele walki o demokratyzację powstania stanął od kwietnia 1863 r. K. Kalinowski. Dokumenty niniejszego tomu dostarczają niezwykle cennych informacji o formowaniu i działaniach oddziałów powstańczych, naświetlają poszczególne bitwy i taktykę wojny partyzanckiej. W niezwykle skomplikowanej sytuacji kierownictwo powstania potrafiło uzbroić oddziały, stworzyć mniej lub bardziej sprawną organizację wojskową. Szkolenie powstańców odbywało się w obozach na podstawie wydanych w czasie powstania instrukcji.

Dużą rolę w formowaniu i szkoleniu oddziałów powstańczych odegrali żołnierze i oficerowie, którzy przeszli do szeregów powstańczych z armii carskiej. W większości oddziałów podstawową siłą bojową była piechota chłopska (kosynierzy). Znaczenie kosynierów doceniał Z. Sierakowski. Rewolucyjno-demokratyczny odłam dowódców powstańczych wprowadzał w oddziałach stosunki demokratyczne, które zespalano z wymaganiami niezbędnej dyscypliny wojskowej. Jednakże na skutek szybkiego rozwoju wydarzeń powstańcy nie zdążali doprowadzić do końca szkolenia wojskowego, odczuwali też ostro brak broni i kadry dowódców.

Wyniki, jakie osiągali powstańcy na Litwie i Białorusi, związane były ściśle z ludowym charakterem większości oddziałów, z konsekwentną polityką kierownictwa w zakresie realizacji programu agrarnego, obrony chłopów przed samowolą właścicieli oraz ścisłym współdziałaniem z żywiołowym ruchem antyfeudalnym.

Burząc carski aparat administracyjno-policyjny Z. Sierakowski głosił ludowi, że celem ruchu jest wyzwolenie «chłopów spod jarzma poddaństwa» i nadanie im ziemi. Przedstawiciele carskiej administracji wojskowej i cywilnej przyznawali, że «komunistyczne obietnice» powstańców przyciągnęły na ich stronę nie tylko «cały proletariat i znaczną część urzędników», lecz również «ludność wiejską».

Rewolucyjni demokraci Litwy i Białorusi usiłowali przenieść działania wojenne na Wschód. O planach wojskowo-politycznych Z. Sierakowskiego,

[7] ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 795, лл. 58, 60.

jego zamiarach przedsięwzięcia wyprawy do Kurlandii, gdzie przybrał na sile ruch chłopski, mówi w swych zeznaniach S. Olędzki (dok. 36).

L. Zwierzdowski stanąwszy na czele oddziału studentów Horyhoreckiego Instytutu, zamierzał przejść z gub. mohylewskiej do smoleńskiej właśnie ze względu na perspektywę zjednoczenia powstania w Polsce, na Litwie i Białorusi z ruchem chłopskim w guberniach rosyjskich («aż po Wołgę»). Świadczy o tym dobitnie zeznanie Z. Mitkiewicza (dok. 264).

Jednakże już w drugim okresie powstania było rzeczą oczywistą, że w gub. mińskiej, mohylowskiej i witebskiej powstańców spotkała klęska.

W końcowym okresie powstania (koniec 1863—1864) na skutek okrutnych represii i przytłaczającej przewagi wojskowej przeciwnika wystąpienia oddziałów powstańczych były bardzo nieliczne (33 potyczki od września do grudnia 1863 i 10 w roku 1864); przeważnie miały one miejsce na Litwie. W zachodniej Białorusi w tym okresie oddziały powstańcze zostały częściowo rozpuszczone, częściowo przeniosły się do Królestwa Polskiego. W tym właśnie okresie w powstaniu na Litwie silniej dochodzą do głosu tendencje społeczne, nabiera ono jeszcze wyraźniej charakteru ruchu chłopskiego. Rola chłopów w nielicznych oddziałach znacznie wzrasta. Niewielkie grupki chłopskie ściśle związane z ludnością miejscową okazały się najbardziej operacyjne i z największą wytrwałością kontynuowały walkę nawet wówczas, gdy szlachta opuszczała oddziały. Według słów jednego z dowódców oddziału chłopskiego szlachta odchodzi «podczas gdy chłopi ciągle jeszcze uczestniczą w buncie». Chłopi litewscy napadali na dwory i stawiali opór wojskom carskim. W memoriale do Murawiewa z 19.X 1863 roku właściciel ziemski pow. poniewieskiego Bistrom pisał, że «w chwili obecnej niemal codziennie mają miejsca napaści band powstańczych złożonych prawie wyłącznie z chłopów na dwory niemieckich obszarników» i twierdził, że chłopi «prawie bez wyjątku są po stronie buntu».

Działania powstańcze w gub. kowieńskiej znajdowały poważne oparcie wśród szerokich mas chłopstwa. W raportach władz z niepokojem zwracano uwagę na wzmożenie się «rewolucji społecznej na Litwie». M. Murawiew przyznawał, że chłopi w większości powiatów gub. kowieńskiej zarażeni są «szkodliwymi ideami rewolucyjnymi i duchem buntu», że «sympatyzują z buntem» i wymigują się od «przeciwdziałania insurgentom». Wezwanie A. Mackiewicza do «powszechnego powstania» na wiosnę 1864 r. brało pod uwagę rzeczywiste nastroje panujące wśród chłopstwa. Przedstawiciele władz donosili, że powstańcy w gub. kowieńskiej noszą się z zamiarem «przyciągnięcia chłopów do buntu». W końcowym okresie powstania oddziały istniejące na zachodniej Litwie składały się wyłącznie z elementu chłopskiego.

Prześladując w sposób bezwzględny resztki oddziałów powstańczych Murawiew wzmógł również represje wobec chłopów popierających powstańców i w rzeczywistości wyłamujących się spod kurateli władz. Przeprowadzano masowe aresztowania, skazywano chłopów «zbuntowanych» majątków na zesłanie, nakładano ogromne kontrybucje. Za «udział w buncie» oddawano chłopów pod sąd i całe gminy chłopskie uznawane były za winne «sprzyjania buntownikom». Władze siłą zmuszały chłopów do wykonywania powinności wobec dworów i podporządkowania się miejscowej administracji.

Carat zdawał sobie jednak sprawę, że samymi represjami nie uda się zapobiec nowemu wybuchowi powstania na Litwie i Białorusi. Nieprzypad-

kowo w listopadzie 1863 roku działaniem dekretu z 1 marca 1863 objęło również gub. mohylowską i białoruskie powiaty gub. witebskiej. W ten sposób carat usiłował zapobiec rozwojowi «rewolucji społecznej» w przyszłości.

Powstanie styczniowe odegrało w dziejach narodów: litewskiego i białoruskiego ogromną historyczną rolę. Zmuszając rząd carski do dalszych ustępstw w kwestii agrarnej, co pogłębiło burżuazyjny charakter reformy, powstanie wywarło bezpośredni wpływ na dalszy rozwój społeczno-gospodarczy i polityczny Litwy i Białorusi.

Powstanie sprzyjało dalszemu rozwojowi świadomości narodowej Litwinów i Białorusinów.

Znamienną cechą powstania styczniowego na Litwie i Białorusi był jego wielonarodowy charakter. W powstaniu uczestniczyli przedstawiciele wszystkich narodowości Litwy i Białorusi, rozwój powstania był połączony pod względem organizacyjnym i ideowym z powstaniem w Królestwie, powstanie na Litwie i Białorusi rozwijało się pod wpływem ideologii rewolucyjnych demokratów rosyjskich i korzystało z czynnej pomocy rewolucyjnych sił Rosji. Stałe moralno-polityczne poparcie powstania ze strony Marksa i Engelsa, jak również i innych działaczy międzynarodowych kół postępowych, ich wnikliwe zainteresowanie rozwojem powstania tak w Polsce, jak na Litwie i Białorusi, tym więcej uwypukla związki międzynarodowe i internacjonalistyczne powstania 1863 r.

W czasie powstania rodził się rewolucyjny sojusz narodów Litwy i Białorusi z rosyiskim, polskim i innymi narodami, toczącymi walkę z caratem. Powstanie styczniowe wskazywało drogę dalszej wspólnej walki narodów Rosji z caratem, obszarnictwem i kapitalizmem. Wywarło ono też bezpośredni wpływ na dalszy rozwój walki chłopów Litwy i Białorusi o likwidację przeżytków poddaństwa, na rozwój myśli demokratycznej i ruchu narodowo-wyzwoleńczego Litwy i Białorusi.

* * *

Wykaz bibliotek i archiwów oraz zespołów, z których zaczerpnięte zostały dokumenty publikowane w niniejszym tomie, załącza się poniżej. W porównaniu z tomem pierwszym poświęconym rozwojowi ruchu rewolucyjnego w latach 1861—1862[8] w obecnym tomie wzrosła liczba dokumentów pochodzących z kancelarii urzędów utworzonych właśnie w celu walki z powstaniem (raporty naczelników wojskowych, materiały komisji śledczych itd.). Duże znaczenie posiadają, materiały Tymczasowego Audytoriatu Polowego przy sztabie wojsk okręgu wileńskiego, które znajdują się w zbiorach Centralnego Państwowego Archiwum Historycznego Litewskiej SRR (zesp. 1248). W Audytoriacie gromadzono akta wojskowo-śledcze uczestników powstania z całego terytorium Litwy i Białorusi. Szczególną wartość posiadają materiały śledcze dotyczące organizacji powstańczych, przywódców powstania (np. akta sprawy K. Kalinowskiego i jego współtowarzyszy). Wśród dowodów rzeczowych załączonych do akt znajduje się znaczna ilość dokumentów powstańczych, w szczególności tak cenne materiały źródłowe, jak «Instrukcja powstańcza» Komitetu Litewskiego, list do F. Wysłoucha z 16 (28) VI 1863 r. i inne. Przed utworzeniem Tymczasowego Audytoriatu Polowego

[8] Niektóre dokumenty opublikowane w tomie «Ruch rewolucyjny na Litwie i Białorusi w 1861—1862 r.» dotyczą również wydarzeń 1863—1864 r.

(lipiec 1863 r.) jego funkcje pełnił wydział sądowy sztabu okręgowego (zesp. 494). W tym zespole znajdują się właśnie akta sprawy Z. Sierakowskiego, B. Kołyszki i inn. Materiały śledztwa, m. in. ostatnie listy oraz jedno z zeznań A. Mackiewicza znalazły się również w zespole kancelarii wileńskiego generał-gubernatora (zesp. 378).

Stan zachowanych materiałów źródłowych umożliwił wyodrębnienie w niniejszym tomie osobnego działu poświęconego powstaniu w gub. augustowskiej. Wśród dokumentów zamieszczonych w tym dziale szczególną wartość posiada korespondencja władz powstańczych woj. augustowskiego, którą znaleziono w zbiorach Biblioteki Naukowej Państwowego Uniwersytetu Wileńskiego im. W. Kapsukasa, w dziale rękopisów i cymeliów.

Ze względu na ograniczoną objętość tomu zamieszczono w nim jedynie nieznaczną liczbę dokumentów dotyczących antyfeudalnego ruchu chłopskiego w okresie powstania, mimo że ruch ten odegrał ogromną rolę w powstaniu styczniowym.

Większość dokumentów zamieszczonych w tomie stanowią pierwodruki.

Przypisy znajdujące się w samym dokumencie zamieszczone są u dołu każdej strony, drukowane antykwą i oznaczone gwiazdkami. Przypisy tekstowe oznaczone małymi literami rosyjskiego alfabetu drukowane są kursywą, natomiast cytaty z dokumentów antykwą bez cudzysłowu. Przypisy rzeczowe umieszczone są przy końcu dokumentu, drukowane kursywą i oznaczone cyframi arabskimi.

W opracowaniu tomu (ostateczny wybór dokumentów, przygotowanie tekstu do druku, opracowanie przypisów) wzięli udział:

Rozdział wstępny — W. Bikulicz (Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Litewskiej SRR).

Gub. wileńska — M. Zarauskajte, R. Strazdunajte (Instytut Historii Akademii Nauk Litewskiej SRR).

Gub. kowieńska — O. Maksimajtene (Instytut Historii Akademii Nauk Litewskiej SRR).

Gub. augustowska — W. Masilunene (Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Litewskiej SRR).

Gub. grodzieńska — L. Arżajewa (Zarząd Archiwów przy Radzie Ministrów Białoruskiej SRR).

Gub. mińska — T. Leontjewa (Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Białoruskiej SRR w Mińsku).

Gub. witebska i mohylowska — N. Bułdakowa (Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Białoruskiej SRR w Mińsku).

Opracowaniem działów dotyczących gub. grodzieńskiej, mińskiej, witebskiej i mohylowskiej kierowała S. Bajkowa (Instytut Historii Akademii Nauk Białoruskiej SRR), pozostałych działów — G. Kisielow (Zarząd Archiwów przy Radzie Ministrów Litewskiej SRR).

W pracach zespołu uczestniczyła Z. Talwirska (Instytut Słowianoznawstwa AN ZSRR).

Przekładu tekstów polskich, litewskich, francuskich i niemieckich dokonała E. Kozłowska (Mińsk) i G. Feigelsonas (Wilno). Teksty polskie do druku przygotował G. Orda (Centralne Państwowe Archiwum Historyczne Litewskiej SRR).

Archeograficzne opracowanie dokumentów oraz archeograficzna część przedmowy powierzone zostały G. Kisielowowi.

J. Žiugžda
W. Nieupokojew

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), Москва
ф. 109-и — III отделение с. е. и. в. канцелярии
Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), Ленинград
ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел
Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), Москва
ф. 9-л — Аудиториатский департамент военного министерства
ф. 484 — коллекция «Восстание 1863 г. в Польше, Литве и Белоруссии»
Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (ЦГИА Лит. ССР), Вильнюс
ф. 378 — Канцелярия виленского ген.-губернатора (По — политическое отделение, ОО — общее отделение)
ф. 380 — Канцелярия виленского губернатора
ф. 419 — Виленский губернский жандармский штаб-офицер
ф. 438 — Виленская следственная комиссия по политическим делам
ф. 439 — коллекция музея М. Н. Муравьева в Вильно
ф. 440 — Следственные комиссии по политическим делам Ковенской губ.
ф. 494 — Штаб войск Виленского военного округа
ф. 655 — Новоалександровский военный начальник
ф. 1020 — Управление военного начальника Августовского отдела
ф. 1135 — Виленское общество друзей наук
ф. 1248 — Временный полевой аудиториат при штабе войск Виленского военного округа
ф. 1249 — Россиенский военный начальник
ф. 1250 — Шавельский военный начальник
ф. 1251 — Тельшевский военный начальник
ф. 1252 — Вилкомирский военный начальник
ф. 1253 — Трокский военный начальник
Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (ЦГИА БССР), Минск
ф. 295 — Канцелярия минского губернатора
ф. 296 — Временный военный губернатор Минской губ.
ф. 694 — фонд князей Радзивиллов
ф. 1430 — Канцелярия витебского губернатора
ф. 1521 — Пинский военный начальник
ф. 2001 — Канцелярия могилевского губернатора
ф. 3257 — Могилевская следственная комиссия по делам о восстании
Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (ЦГИА БССР), Гродно
ф. 1 — Канцелярия гродненского губернатора
ф. 3 — Гродненская губернская военно-следственная комиссия по политическим делам
ф. 714 — Кобринское уездное полицейское управление
ф. 970 — Волковыский военный начальник
ф. 1159 — Кобринский военный начальник
ф. 1713 — Слонимская уездная военно-следственная комиссия по политическим делам
ф. 1715 — Брестский военный начальник

ф. 1717 — Военный начальник 2-го стана Слонимского у.

Каунасский филиал Центрального государственного архива Литовской ССР (КФ ЦГА Лит.ССР)

ф. 50 — Канцелярия ковенского губернатора

ф. 630-р — Курия Каунасской католической метрополии

Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ АН СССР)

колл. 115 — коллекция рукописных книг

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Ленинград

ф. 629 — фонд В. Ф. Ратча

Рукописный отдел Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР (ЦБ АН Лит. ССР)

ф. 22 — коллекция рукописей б. Виленской публичной библиотеки

Отдел редкой книги и рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса (НБ ВГУ)

Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Варшава

Stała Komisja Śledcza — Постоянная следственная комиссия

Rząd Gubernialny Augustowski — Августовское губернское правление

Biblioteka Narodowa w Warszawie, Dział rękopisów

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. б.— ваше благородие
в. вб.— ваше высокоблагородие
в. вп.— ваше высокопревосходительство
в. и. в.— ваше императорское величество
в. и. выс.— ваше императорское высочество
в. кн.— великий князь
вол.— волость
в. п.— ваше превосходительство
вр.— временно, временный
вр. и. д.— временно исправляющий должность
в. св.— ваша светлость
в. с.— ваше сиятельство
гм.— гмина
е. б.— его благородие
е. в.— его величество
е. вб.— его высокоблагородие
е. вп.— его высокопревосходительство
е. и. в.— его императорское величество
е. и. выс.— его императорское высочество
е. п.— его превосходительство
е. с.— его сиятельство
е. св.— его светлость
заст.— застенок
и. д.— исправляющий должность
им.— имение
кн.— князь
кр.— крепость
кс.— ксендз
л.-гв.— лейб-гвардии
м.— местечко
м. г. — милостивый государь
с. е. и. в.— собственная его императорского величества
ст.— станция
т. с.— тайный советник
тит. с.— титулярный советник

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

1

1863 г. Между 10 и 20 января [1].— Воззвание Литовского провинциального комитета (Комитета движения) к жителям Литвы и Белоруссии с призывом к восстанию

Bracia! Królestwo powstało — nasi na każdym miejscu moskali biją! Krew, która za Niemnem się leje, woła nas do broni! Walka więc z najazdem za nasze święte prawa, za naszą wolność i u nas się zbliża! Razem więc i zgodnie, a bóg nam dopomoże!

Boże zbaw Polskę!

Печати Литовского провинциального комитета [a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 10, л. 27. Типографский оттиск

ПЕРЕВОД

Братья! Королевство восстало. Наши везде бьют москалей. Кровь, которая льется за Неманом, призывает нас к оружию. Ведь и для нас приближается час борьбы с захватчиками за наши священные права, за нашу свободу! Выступим же все вместе и дружно, а бог нам поможет!

Боже, спаси Польшу!

[1]. *Судя по содержанию, воззвание выпущено в промежутке между началом восстания в Польше (10/22 января) и выходом манифеста Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии от 20 января (1 февраля). См. док. 3 и примечание к нему. Слово «москали» в данном документе, как и в других повстанческих документах, употреблено для обозначения представителей царской администрации или армии.*

2

1863 г. января 14.— Рескрипт Александра II на имя виленского ген.-губернатора В. И. Назимова о мерах борьбы с начинающимся повстанческим движением [1]

По случаю возникших в последнее время в Царстве Польском беспорядков, угрожающих сопредельным с оным губерниям вверенного вам

---

[a] *Одна из них гербовая, другая с изображением рукопожатия и надписью* Odwaga — Rozwaga [*Мужество — Благоразумие*].

края, если бы и в сих губерниях появились вооруженные шайки мятежников, мы признаем нужным временно облечь вас особою властью, присвоенною командиру отдельного корпуса в военное время, и уполномочить вас употреблять в этом случае следующие чрезвычайные меры:

1. Из числа лиц, взятых с оружием в руках при сопротивлении воинской силе и гражданским властям или при нападении на воинских чинов и мирных жителей, немедленно предавать военному суду предводителей и главных зачинщиков по полевому уголовному уложению, с тем, чтобы приговоры судов, по конфирмации оных местными военными губернаторами, а где таковых нет, начальниками дивизий, в губерниях расположенных, приводились в исполнение на местах преступления.

2. Для определения степени виновности остальных за тем лиц, как взятых с оружием в руках, так и изобличенных в содействии мятежникам доставлением им оружия, способов продовольствия или укрывательством виновных, учреждать, по назначению вашему, особые комиссии, по предварительному разбору которых, согласно утверждению вашему, лиц, более виновных, предавать военному суду по полевому уголовному уложению, а остальных подвергать административным взысканиям по вашему усмотрению; приговоры же военно-судных комиссий по делам сего рода представлять на окончательную вашу конфирмацию.

3. Если в числе мятежников окажутся эмиссары, прибывшие с целью возбуждения и распространения возмущения, то поступать с ними на основании вышеизложенных правил, т. е. предавать полевому военному суду, и приговоры военно-судных комиссий, по конфирмациям военных губернаторов или начальников дивизий, приводить немедленно в исполнение.

4. В тех случаях, когда будут назначены отдельные отряды для действия против значительных шаек мятежников, предоставлять начальникам сих отрядов, по ближайшему вашему соображению, те же права относительно конфирмации и приведения в исполнение приговоров, какие предоставляются военным губернаторам и дивизионным начальникам.

Независимо от всех означенных распоряжений предоставляем вам принять все те меры, которые вы, по местным обстоятельствам, признаете необходимыми к охранению спокойствия во вверенном вам крае.

На подлинном с. е. и. в. рукою написано: «Александр».

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1249, оп. 1, д. 1, л. 137. Типографский оттиск; ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. 1, № 39161

[1] *Публикуемый документ знаменует собой начало правительственной политики репрессий против восстания в Литве и Белоруссии. О наиболее важных военных и административных шагах, предпринятых царизмом в этом отношении, см. док. 5, 8, 13 и др. Наиболее полно принятые меры по подавлению восстания отражены в составленном Н. Цыловым «Сборнике распоряжений гр. М. Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. 1863—1864». Вильна, 1866.*

3

1863 г. января 20 (февраля 1), Вильно.— Манифест Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии о наделении крестьян землей [1]

Manifestas wiresnibes linku

Wiresnibe linku (Palszczios) aprejszkia Letuwaj, Gudam, Żemajcziom ir kitom szalim użujimtom Maskolu czias prowas:

§ 1. No szias denos wisi gaspadorej ir kiti giwintojej bet kokios wieros ira walni lig szlektos senobes.

§ 2. Wiresnibe linku ataduoda gaspadoriam wergiju ir karalaucziznu lig wiekej be iszsipirkimu ir mokestu, tu żemi, kuriu lig szioł turejo, e wisu paredku wiresnibes Maskolo nekina, bo szioj żeme Linku, e ne Maskolo.

§ 3. Dabargi gaspadorej atliki ponajs szios żemes pawidni ju gint no Maskolo.

§ 4. Kumpinikaj, służelnikaj, actauni ir kiti, kurie ajs gintu Tewines no Maskolo, gaus użtataj anis arba ju gimines mażiausia tris morgias żemes.

§ 5. Wiresnibe Linku atatejs paskum tem ponom, kurie dabar duos apieras.

§ 6. Kas tiktaj nepakłausis szito manifesto ar ponas, ar gaspadorius, ar perdetinis, arbo koks kitoniszkas użtataj bus karotas Linku sudu wojskawu.

Diewe, iszgełbek Tewini.

Raszitas Wilniuje 1863 metos 1 denoj wasorio [a].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 450, л. 3. Рукописная копия

ПЕРЕВОД

Манифест польского правительства

Польское правительство провозглашает следующие права литовцам, белорусам, жемайтийцам и жителям других областей, занятых русскими:

1. С сего дня все крестьяне и другие жители любой веры свободны, как потомственная шляхта.

2. Польское правительство передает помещичьим и государственным крестьянам навечно без выкупа и платежей землю, которой они до сих пор владели, а все законы русского правительства отменяет, ибо эта земля польская, а не русская.

3. Теперь крестьяне, ставшие хозяевами этой земли, должны защищать ее от русских.

4. Кутники, батраки, отставные солдаты и все, кто выступит на защиту родины от русских, или их семьи, получат за это не менее трех моргов земли.

5. Польское правительство возместит впоследствии тем помещикам, которые теперь понесут убытки.

6. Если кто-либо не подчинится этому манифесту, будь то пан, крестьянин, чиновник или кто-либо другой, он будет за это предан военному суду.

Боже, спаси родину.

Дано в Вильно 1 февраля 1863 г.

[1] *В период восстания распространялись литовский и польский тексты этого манифеста. Документ с публикуемым текстом был обнаружен в Добейской вол. Вилкомир-*

[a] *На публикуемой копии имеется отметка о наличии на подлиннике печати.*

ского у. в начале апреля 1863 г. Польский текст см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 128, л. 14. Перевод пункта 3 польского текста звучит: Крестьяне обязаны за это, подобно шляхте, защищать польский край, гражданами которого с сего дня они являются. *В пункте 5 польского текста дополнительно отмечалось, что вознаграждение помещиков будет осуществлено из* национальных сумм.

4

1863 г. февраля 9.— Циркуляр В. И. Назимова губернаторам о приостановлении посылки войск для подавления крестьянских выступлений

Из доставленных мне сведений о случаях, побуждавших начальников губерний употреблять воинские команды для приведения в повиновение крестьян и понуждения их принимать уставные грамоты, я имел возможность убедиться, что подобного рода случаи возникали исключительно в имениях тех помещиков, которые своим жестоким обращением и непомерным обременением разного рода повинностями вооружили против себя прежних своих крестьян, и, таким образом, сопротивление, которое крестьяне оказывают дворовому управлению, не может быть не признано последствием тех распоряжений, которые составляют в настоящее время источник неповиновения крестьян в отношении своих владельцев.

Еще более убедительным доказательством основательности сего заключения может служить то обстоятельство, что в имениях тех помещиков, которые прилагали старание об улучшении быта своих крестьян и заботились о доставлении им справедливой защиты и покровительства, не было ни одного случая неповиновения и крестьяне охотно заключают новые условия к устройству их быта, согласно высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г.

Вследствие сего и принимая во внимание, что в настоящее время все войска, расположенные во вверенном управлению моему крае, несут усиленную службу по охранению порядка и преследованию шаек мятежников, я предлагаю в. п. вовсе приостановиться со всякого рода распоряжениями относительно понуждения крестьян экзекуционным порядком к принятию уставных грамот и к отбыванию повинностей в отношении помещиков, вменив только в обязанность мировым посредникам на случай могущего возникнуть где-либо неповиновения крестьян дворовому управлению ограничиться принятием тех понудительных мер, которые на сей предмет установлены положением о крестьянах 19 февраля 1861 г.[1]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 11, л. 2. Литографский оттиск

[1] *В циркуляре Назимова, носящем явно демагогический характер, не указана основная причина, заставившая правительство временно поднять вопрос о приостановлении военных мер по подавлению крестьянских волнений. Рост повстанческого движения, усиливавшаяся агитация «красных» среди крестьянства способствовали повсеместному и во многих случаях массовому отказу временнообязанных крестьян от исполнения повинностей. Циркуляр Назимова положил начало другим, носившим вынужденный и половинчатый характер мерам, имевшим целью изолировать крестьянство от влияния демократического лагеря восстания (см. док. 5, 8).*

5

1863 г. февраля 18.— Отношение В. И. Назимова шефу жандармов В. А. Долгорукову о мерах по проведению крестьянской реформы в Литве и Белоруссии

Конфиденциально

М. г. кн. Василий Андреевич!

Из донесения моего государю императору в. с. известно, что во вверенном управлению моему крае появился манифест польского революционного правительства, который в переводе имею честь представить [1], присовокупляя при сем, что по сведениям, доставляемым мне ежедневно, обнародование этого документа распространяется во многих местностях и без сомнения в скором времени содержание его сделается известным всему сельскому населению.

Разрушая все установления правительства, изданные по предмету освобождения крестьян, манифест этот, совпадая с ожиданиями и стремлениями всего сельского сословия, не преминет поставить местные власти почти в безвыходное положение, если только крестьяне, как это надо полагать, окончательно откажутся отбывать всякие повинности в отношении помещиков. Тогда правительству останется только два средства к окончательному разрешению крестьянского вопроса: или вооруженной силой, с неизбежным кровопролитием и многочисленными жертвами привести крестьян к повиновению и таким образом вооружить миллионы природных и надежнейших наших союзников в западных губерниях, на которых зиждется власть и сила нашего правительства в Западном крае, или, наконец, решительно отказаться от дальнейшего ведения крестьянского вопроса сообразно с установленными правительством правилами и поставить себя в отношении народа в то положение, которое хочет занять революционное польское правительство, т. е. отдать безвозмездно крестьянам те земли, которыми они пользовались до настоящего времени.

Первая из этих двух мер имеет следующего рода неудобства: восстановление порядка и спокойствия и приведение в повиновение крестьян с тем, чтобы вести их дело сообразно с изданными на сей предмет правилами и порядками, едва ли будет по силам правительства. Связанная общими интересами, хотя и совершенно разнородными по своему существу, польская партия, подкрепленная многочисленным сословием русских крестьян, будет представлять громадную цифру населения, недовольного существующим порядком вещей, и если в настоящее время правительство наше поставлено в необходимость сосредоточить в западных губерниях значительную долю своих военных сил для подавления польского движения, то в особенности тогда, когда в сельском сословии оно потеряет сочувствие, дела до крайности усложнятся. Допуская, впрочем, благоприятный исход усилий правительства к восстановлению порядка, события эти установят небывалую до сих пор солидарность и взаимную связь между природным русским населением и местным польским дворянством Западного края,— и само собою разумеется, что тогда польская партия будет иметь законное основание, и на этот раз вполне

справедливое, заявлять гласно пред целой Европой, что дворянство это связано взаимными интересами с русским народом, населяющим Западный край и в равной с ним степени сочувствующим польским стремлениям.

Громадная цифра сельского населения в Западном крае, принадлежащего по своей народности к чисто русскому племени, составляла по настоящее время и нравственную и материальную силу нашего правительства в этих областях. Земля русская, на которой водворено это население, была искони веков яблоком раздора между Польшей и Россией, переходя из рук в руки, слилась, наконец, в одно общее нераздельное целое с русским государством, и затем оставалось только удачным и быстрым разрешением крестьянского вопроса окончательно разрушить все пути к дальнейшим притязаниям Польши на этот край; но, к несчастию, переворот этот, во главе которого стало само правительство, предпринят был в самое неблагоприятное для нас время, а медленное движение его, обратив революцию эту в обыкновенную административную меру, облеченную в сложные бюрократические формы, лишило нас всех преимуществ инициативы; между тем польская партия, теряя последнее средство разрешить этот старинный спор в свою пользу, нашла возможность отчаянным поворотом дела опередить наше правительство и таким образом дерзко стать на его место.

Следя за общим направлением умов польской партии в западных губерниях и стремлениями революционной партии, я на основании собранных мною фактов еще в феврале месяце прошлого года, в сознании священных обязанностей моих в отношении к правительству и государству и в глубоком убеждении основательности заявленных мною опасений, представлял записку [2] (которая, как то вы, вероятно, изволите помнить, была по высочайшему повелению обсуждена в Комитете гг. министров в моем присутствии) о необходимости скорейшего выкупа крестьянского надела в вверенном мне крае, разоблачая те замыслы и предначертания революционной польской партии, которые приводятся в исполнение в настоящее время; но тогда, вдали от театра событий, польскому движению как Комитет гг. министров, так равно и общественное мнение не придавали особенной важности и значения, и потому изложенные мною в записке соображения оставлены без всяких последствий.

На основании соображений, приведенных мною выше, я признаю и невозможным и крайне опасным принимать решительные меры — посредством военных экзекуций и, быть может, неизбежных с установлением этого порядка кровопролитий — к понуждению крестьян отправлять их повинности в отношении помещиков на случай, если бы они отказались от выполнения таковых.

Вторая мера, которую по существу дела пришлось бы принять правительству, могла бы быть — обнародование подобного же манифеста, какой в настоящее время распространяется польским революционным правительством, но в этом случае встречаются следующего рода неудобства.

Социальные идеи, поставленные в основание этой прокламации, повели бы несомненно к ниспровержению существующего порядка и всех основных законов государства, последствием чего было бы распространение всеобщей анархии, в равной степени опасной как нашему, так и всем сопредельным государствам. Допуская подобную меру в отноше-

нии западных губерний наших, правительство поставлено было бы в необходимость распространить подобного рода порядок и на прочие области в государстве, а тогда, само собою разумеется, раздражение и неудовольствие землевладельцев сделалось бы всеобщим, и правительство потеряло бы и кредит свой и ту нравственную поддержку, которую доставляют ему все сословия в государстве, заинтересованные в сохранении своих привилегий и прав собственности. Таким образом, меры, свойственные и даже извинительные со стороны партии революционеров, были бы оскорбительными для чести и недостойными правительства благоустроенного.

На основании этих соображений остается только единственный исход к разрешению этого вопроса, который с каждым днем усложняется все более и более и, наконец, несомненно поставит правительство в безвыходное положение, если оно не примет немедленно решительных и энергических мер.

Пользуясь временем, пока еще социальные идеи не пустили глубоких корней в умах сельского населения и оно готово принять все условия для скорейшего приобретения поземельной собственности в вечное и потомственное владение, лишь бы только они были для него доступны и выгодны, правительство поставляется в настоящее время в необходимость оказать ему в этом деле всевозможное содействие и для скорейшего разрешения недоумений принять на себя все расчеты с помещиками по предмету выкупа крестьянского надела.

Для приведения в исполнение подобного рода дела, по моему мнению, правительству необходимо будет принять следующие меры:

1. Сделать обязательною для каждого помещика западных губерний продажу полного крестьянского надела.

2. Определить срок для окончательных расчетов помещиков с крестьянами, который, вследствие быстрого движения революционных идей, должен быть самый непродолжительный, принимая во внимание, что эта вновь устанавливаемая правительством мера, удовлетворяя настоящим потребностям, могла бы оказаться опять несостоятельною по прошествии более продолжительного времени.

3. Руководствуясь собранными сведениями о ценности крестьянских наделов в совокупности по каждому имению, перечислить на крестьян, в соответственном количестве, долги опекунских советов и других кредитных учреждений, в которых имения эти заложены, с тем, что на погашение оных крестьяне будут вносить в казну оброк, какой будет приходиться на их долю по расчету.

4. Дворянам, имения которых не состоят в залоге кредитных учреждений, выдавать в вознаграждение процентные облигации, погашение которых может быть производимо посредством тиражей на капиталы, выручаемые от взносимых оброков крестьянами в уездные казначейства.

Впрочем, не решаясь определительно указывать средства для приведения этого дела в исполнение, я тем не менее убежден, что государство имеет возможность совершить эту операцию какими-либо финансовыми мерами, тем более, что капитал, который потребовался бы на сей предмет, не может быть признан в такой степени непроизводительным, как тот, который затрачивается на предприятия, сопряженные с военными действиями, для которых даже при самом критическом положении финансов правительства находят средства и кредит.

При том считаю необходимым присовокупить, что если бы правительство решилось разрешить этот сложный вопрос на изложенных мною выше основаниях, то следовало бы только принять в соображение, что дворянство западных губерний никаким образом не должно пользоваться в равной степени теми преимуществами и выгодами, какие придутся на долю землевладельцев других областей империи с разрешением крестьянского дела сообразно с правилами и порядками, установленными манифестом 19 февраля.

Дворяне западных губерний, принимая постоянно деятельное участие в политических беспорядках, оказывая противодействие благим распоряжениям правительства к охранению их прав собственности, стояли все время во главе революционного движения, и хотя не подлежит сомнению, что они никаким образом не ожидали столь крутого поворота дел в ущерб их материальных интересов, тем не менее, как главных виновников затруднительного положения, в которое они поставили наше правительство, будет весьма справедливо лишить их некоторой доли тех преимуществ, которыми бы они могли воспользоваться при исходе крестьянского вопроса путем, начертанным правительством. Впрочем, как установление этих стеснительных правил распространилось бы по необходимости и на тех весьма немногих лиц, которые не принимали никакого участия в настоящих беспорядках, то правительство могло бы принять меры к вознаграждению тех убытков, которые лица эти понесут при сем случае.

В глубоком убеждении, что в. с. сочувствуете всему, что только может послужить к укреплению славы и могущества нашего отечества, я обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою не отказать в возможном с вашей стороны содействии к скорейшему разрешению дела, от которого зависит дальнейшая судьба всех западных губерний, и настоящие мои соображения повергнуть на высочайшее благовоззрение государя императора [3].

С чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть в. с. покорнейшим слугою

В. Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 4, лл. 8—16. Подлинник

[1] *См. там же, лл. 20—21. Манифест от 22 января 1863 г., изданный в Варшаве.*

[2] *14 февраля 1862 г. В. И. Назимов представил в Комитет министров записку, в которой предлагал разрешить крестьянам Литвы и Белоруссии выкуп земли без согласия помещиков; выдвигалось также предложение о сокращении срока обязательных отношений для дворовых людей до одного года.*

[3] *Вскоре после отношения В. И. Назимова последовал один из важнейших шагов царского правительства в цепи демагогических мероприятий, направленных на отвлечение крестьянства Литвы и Белоруссии от участия в восстании. 1 марта 1863 г. указом Александра II Сенату с 1 мая по Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерниям и инфляндским уездам Витебской губ. были отменены обязательные поземельные отношения временнообязанных крестьян к помещикам и снижены на 20% выкупные платежи. Крестьяне переводились в разряд крестьян-собственников, выкупные платежи, согласно указу, вносились ими в казначейства (см. ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, 1863 г., № 39337). Указом от 2 ноября 1863 г. эта мера была распространена на Могилевскую и остальные уезды Витебской губ. (там же, отд. II, 1863 г., № 40172).*

6

1863 г. не позже 27 февраля[1], *Вильно.— Инструкция Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии командирам повстанческих отрядов*[2]

Instrukcja powstańcza.

Każdy dowódca pojedyńczego oddziału powstańczego, dopóki się nie zniesie z wojskowym naczelnikiem województwa, jest nieograniczonym władcą zajmowanej przez się okolicy, panem życia i śmierci wszystkich swoich podwładnych. W każdym nagłym wypadku sam wszelkie kwestie rozstrzyga stanowczo, mając jedynie na uwadze główne zasady przez Rząd Narodowy postanowione.

Dowódcy oddziału służą następujące prawa:

1. Brać za wydaniem stosownych kwitów broń palną jaka się w rękach osób prywatnych znajdzie, jako też: kosy, konie, żywność, odzienie i podwody do transportów.

2. Wydawać doraźne wyroki na znanych zdrajców i szpiegów oraz na stawiających opór jego rozporządzeniom.

Dowódca oddziału ma następujące obowiązki:

1. Dopóki nie zbierze dostatecznej siły, powinien unikać stanowczych starć z wojskiem, wciąż jednak hartować swoich podkomendnych ciągłymi napadami na mniejsze oddziały nieprzyjacielskie rozsypane po kraju i takowe rozbrajać.

2. W miejscach przez powstańców zajętych lub nowozajmowanych ogłosić i natychmiast wprowadzić w wykonanie dekret Rządu Tymczasowego o uwłaszczeniu włościan.

3. Znosić władze wszelkie dotychczasowe, a natomiast zaprowadzać władze narodowe we wszystkich miejscach, które opanuje, nikt zaś od włożonych na niego obowiązków tymczasowych pod najsurowszą odpowiedzialnością uchylać się nie może.

4. Zabronić pod najsurowszą odpowiedzialnością składania rządowi najezdniczemu dotychczasowych podatków, do których odtąd tylko Rząd Narodowy ma wyłączne prawo.

5. Polecić i dopilnować aby właściwi duchowni odebrali od wszystkich mieszkańców przysięgę na wierność i posłuszeństwo Rządowi Narodowemu, oraz powołać w szeregi powstańcze wszystkich zdolnych do noszenia broni.

6. Przecinać komunikacje, gdzie tego uzna potrzebę, przerywać telegrafy i depesze, zatrzymywać kurjerów i sztafety, przejmować i odbierać fundusze znajdujące się w rękach rządu najezdniczego, z których wziąwszy tygodniowy żołd dla swego oddziału, licząc po 2 zł. dziennie, resztę, jeżeli będzie miał zapewnioną komunikację z władzą narodową, opieczętować i natychmiast odstawić jej powinien.

7. Moskiewską policję niszczyć wszelkiemi sposobami.

8. Wybitniejszych ciemiężycieli włościan, dla przykładu wobec zgromadzonych gmin, po odbytym sądzie wojennym, śmiercią karać, nie dopuszczając samowolnej egzekucji.

Печать Литовского провинциального комитета

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 55, л. 57. Подлинник. Рукопись

ПЕРЕВОД

Повстанческая инструкция

Каждый командир отдельного повстанческого отряда до тех пор, пока он не вступит в связь с военным начальником воеводства, является полновластным правителем занятой им местности, хозяином жизни и смерти всех своих подчиненных. В каждом нетерпящем отлагательства случае он сам смело разрешает вопросы, исходя при этом только из главных принципов, провозглашенных Национальным правительством.

Командир отряда пользуется следующими правами:

1. Отбирать, с выдачей соответствующих квитанций, огнестрельное оружие, которое будет обнаружено у частных лиц, а также косы, коней, продовольствие, одежду и подводы для перевозок.

2. Выносить немедленные приговоры известным предателям и шпионам, а также лицам, оказывающим сопротивление его распоряжениям.

Командир отряда имеет следующие обязанности:

1. До тех пор, пока он не соберет достаточно сил, он должен избегать решительных схваток с войсками, неустанно, однако, закалять своих подчиненных постоянными нападениями на более мелкие неприятельские отряды, разбросанные по краю, и разоружать их.

2. В местностях, занятых повстанцами или во вновь занимаемых, провозгласить и немедленно привести в исполнение декрет временного правительства о наделении крестьян землей.

3. Уничтожать все до сих пор бывшие власти и устанавливать на их место национальные власти во всех местностях, которыми он владеет, причем никто под строжайшей ответственностью не может уклоняться от выполнения наложенных на него временных повинностей.

4. Под строжайшей ответственностью запретить уплату вражескому правительству существовавших до сих пор налогов, на которые с сего времени имеет исключительное право только Национальное правительство.

5. Поручить соответствующим духовным лицам принять от всех жителей присягу на верность и повиновение Национальному правительству и следить за выполнением этого поручения, а также призвать в ряды повстанцев всех, способных владеть оружием.

6. Прерывать коммуникации, где это представляется необходимым, перехватывать телеграммы и депеши, задерживать курьеров и эстафеты, захватывать и отбирать денежные средства, находящиеся в руках вражеского правительства. Изъяв из этих средств сумму недельного жалованья для своего отряда, считая по 2 злотых в день, остальное, если будет надежная связь с соответствующими национальными властями, должен опечатать и незамедлительно им доставить.

7. Истреблять всеми способами царскую полицию.

8. Наиболее известных угнетателей крестьян для примера карать смертью по решению военного суда перед собранным сельским народом, не допуская самочинной расправы.

[1] *Время издания документа определяется по дате декрета Отдела, управляющего провинциями Литвы, о ликвидации Литовского провинциального комитета (см. док. 7).*

[2] *Документ, возможно, является переработкой инструкции центральных повстанческих властей Царства Польского. Однако восьмой пункт инструкции имеется лишь в экземплярах, обнаруженных на территории Литвы и Белоруссии (публикуемый документ был найден царскими властями в им. Вышки Динабургского у. Витебской губ., другой экземпляр, также рукописный и с печатью Литовского провинциального комитета — в районе м. Вендзяголы Ковенского у. после боя повстанцев с карателями в июле 1863 г. — см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 1095, л. 74). Включение восьмого*

пункта в инструкцию и ее распространение обострило борьбу между «красным» и «белым» направлениями в лагере освободительного движения.

Печатный экземпляр инструкции без седьмого и восьмого пунктов с печатью начальника Ковенского воеводства — см. ГПБ, ф. 629, д. 125, л. 3.

7

1863 г. февраля 27 (марта 11), Вильно.— Декрет Отдела, управляющего провинциями Литвы, о ликвидации Литовского провинциального комитета [1]

Rząd Narodowy
Wydział zarządzający prowincjami Litwy

Wobec krwawej walki z najazdem, wyrosłej w olbrzymie rozmiary, Rząd Narodowy uznał za konieczne ześrodkować w ręku swoim władzę nad wszystkiemi krajami Polski, dla nadania działaniom swoim większej sprężystości i siły.

W tym celu Komitet Prowincyonalny Litewski został zreorganizowanym i odtąd nosi nazwę Wydziału zarządzającego prowincjami Litwy.

Przeto tenże Wydział Rządu Narodowego wzywa wszystkich prawych synów ojczyzny, bez różnicy stanu i wyznania, do ścisłego zjednoczenia się w świętej sprawie narodowej, a tem samem do bezwarunkowego posłuszeństwa dla władzy ustanowionej przez jedyny prawy rząd kraju — Rząd Narodowy.

Przy tem Wydział Rządu Narodowego stanowi co następuje:

1. Urzędnicy i agenci b. komitetu, w jak najprędszym czasie, winni się stawić u swoich naczelników dla wymiany mandatów b. komitetu na nowe od Wydziału Rządu Narodowego opatrzone niżej wybitą pieczęcią.

2. Wszelkie zatem upoważnienia i mandaty, noszące pieczęć b. Komitetu Prowincyonalnego, są odwołane i jako nieważne uznane.

3. Wszelkie opłaty pieniężne i ofiary na rzecz skarbu polskiego winne być uiszczane za kwitami sznurowemi, pieczęcią Rządu Narodowego opatrzonemi, do rąk agentów, upoważnionych przez Wydział Rządu Narodowego osobnym mandatem do zbierania podatku i składek.

4. Każdy z obywateli kraju jest obowiązanym dostarczać urzędnikom i agentom Rządu Narodowego wszelkiej żądanej przez nich pomocy, a w razie potrzeby dawać im schronienie i osłaniać przed najazdem.

5. Nie spełnienie lub opieszałość w wykonaniu rozkazów tak Rządu Narodowego jak urzędników i agentów jego, działanie na własną rękę w obecnych okolicznościach jest zdradą stanu,— winni takiej zbrodni ulegną niezwłocznie karze, według całej surowości praw wojennych polskich.

Rodacy! Sprawa wyzwolenia Ojczyzny rozpoczęta. Zwycięstwo pewne, bo z nami bóg!

Boże zbaw Polskę!

Wilno, 11 marca (27 lutego) 1863 r.

Печать Отдела, управляющего провинциями Литвы

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 205, л. 10. Типографский оттиск

Опубл.: E. Maliszewski. Rok 1863. Wybór aktów i dokumentów. Warszawa, 1920, str. 74—75

ПЕРЕВОД

Национальное правительство.
Отдел, управляющий провинциями Литвы

Ввиду того, что кровопролитная борьба с завоевателями приняла огромные размеры, Национальное правительство сочло необходимым сосредоточить в своих руках власть над всеми областями Польши, чтобы придать своим действиям большую гибкость и силу.

С этой целью Литовский провинциальный комитет реорганизован и с настоящего времени носит название Отдела, управляющего провинциями Литвы. Поэтому этот Отдел Национального правительства призывает всех честных сынов родины, без различия сословия и вероисповедания, к тесному объединению в священном национальном деле, а тем самым к безусловному повиновению власти, установленной единственным законным правительством страны — Национальным правительством; наряду с этим Отдел Национального правительства постановляет следующее:

1. Чиновники и агенты бывшего комитета в кратчайший срок должны явиться к своим начальникам для обмена мандатов бывшего комитета на новые мандаты Отдела Национального правительства, скрепленные прилагаемой ниже печатью.

2. Таким образом, все полномочия и мандаты, имеющие печать бывшего Провинциального комитета, отменяются и считаются недействительными.

3. Все денежные сборы и пожертвования в пользу польской казны должны сдаваться с выдачей официальных квитанций, скрепленных печатью Национального правительства, на руки агентам, уполномоченным специальным мандатом Национального правительства взимать налоги и взносы.

4. Каждый гражданин страны обязан оказывать чиновникам и агентам Национального правительства любую помощь, которую они потребуют, а в случае необходимости предоставлять им убежище и защищать от завоевателей.

5. Невыполнение или затяжка в выполнении приказов как Национального правительства, так и его чиновников и агентов, самоуправные действия при настоящих обстоятельствах являются государственной изменой, виновные в подобном преступлении подлежат немедленному наказанию по всей строгости польского военного права.

Соотечественники! Началось освобождение Родины. Мы уверены в победе, ибо с нами бог!

Боже, спаси Польшу!

Вильно, 11 марта (27 февраля) 1863 г.

[1] *Подробнее о борьбе «красного» и умеренного направлений в лагере освободительного движения в Литве и Белоруссии, приведшей к свержению Литовского провинциального комитета, а также о структурных изменениях в повстанческой организации см. показания Я. Гейштора от 11 сентября 1863 г. и О. Авейде от 5(17) января 1865 г. и воспоминания А. Сераковской (док. 64, 65, 68 сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.») См. также: Pamietniki J. Gieysztora z lat 1857—1865, t. 1—2. Wilno, 1913.*

8

1863 г. апреля 2, Вильно.— Донесение начальника IV округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о значении указа от 1 марта 1863 г. для политической обстановки в Литве и Белоруссии

Указ 1 марта о прекращении обязательных отношений между помещиками и крестьянами в 4 губерниях литовского края и 4 уездах Ви-

тебской губ. произвел на помещиков неодинаковое впечатление: большинство громко ропщет на неожиданную насильственную меру, меньшинство, по-видимому, довольно. Причины тому заключаются в следующем.

Большинство состоит из мелкопоместных, недостаточных или бедных дворян. Они хотя и должны были ожидать этой меры, но не ожидали так скоро и так внезапно. Дело в том, что, по свойственному полякам легкомыслию, они всегда жили на авось, день за день, и хотя много толковали о предстоящем выкупе при пособии правительства крестьянских земель, но в сущности о том, что выкупу должны были предшествовать долговременные работы поверочных комиссий, которые еще не открывали действий своих. Таким образом, неожиданный указ 1 марта застал их совершенно врасплох. Не только без денежных средств, но еще большею частью в долгах, они потеряли головы, не имея возможности обзавестись, без потери времени, всем нужным для устройства фермерского хозяйства. Нет помещения для работников, нет рабочих лошадей, земледельческих орудий и, главное, денег. Наконец, и наем рабочих за умеренную цену представляется сомнительным при нынешнем общем нерасположении к ним крестьян. Такие затруднительные обстоятельства, вместе с возбужденным патриотизмом по поводу мятежа в Польше, привели их в крайнее раздражение против правительства. Они громко жалуются на вопиющее угнетение, направленное к уничтожению всего их сословия, которое за неотъемлемую собственность, оцененную по произвольной норме, должно еще уступить 20 процентов и довольствоваться выкупными бумагами без возможности обменять оные на деньги иначе, как с большою потерею.

Меньшинство, состоящее из богатых или достаточных помещиков, рассуждает иначе. Патриоты не менее других, но с лучшим образованием, они не ожидают освобождения Западного края от мятежа в Польше, начатого преждевременно, без подготовленных для возможного успеха средств. Они понимают, что указ 1 марта вызван настоящим положением дел, и как люди более просвещенные не могут осуждать правительство за эту меру, которая, впрочем, не приводит их в затруднение, потому что они имеют в наличности деньги для неотлагательного учреждения нового хозяйства. Вообще, этот класс зажиточных дворян избегал в последнее время непосредственных сношений с крестьянами, предоставив все хозяйство арендаторам и управителям, которые по своекорыстным расчетам стращали помещиков возрастающею ненавистью к ним крестьян, готовых будто при малейшем поводе или подстрекательстве на всякую крайность. Последствием этого страха было переселение богатых помещиков в ожидании лучших времен в города, так что Вильно, Рига и Митава ими теперь наполнены. Развязка такого тревожного положения означенным указом успокоила их и сделала пребывание на мызах, без опасения за свою жизнь, доступным.

Между тем некоторые из них, старые мои знакомые, выразили в откровенном разговоре, что правительство весьма ошибается, если полагает посредством прекращения обязательных отношений между помещиками и крестьянами оградить последних от вредных политических внушений. Напротив, теперь именно начнется то сближение и тесная между ними связь, которых так опасалось правительство. Новое положение прекращает навсегда недоброхотные отношения между барином и

бывшим подданным его; но последний остается в неизбежной зависимости от первого как от богатого соседа, от которого он должен доставать дрова и лес для построек и который подчас выручает его из беды деньгами и прочими неисчислимыми одолжениями как естественным следствием их взаимного, не равного в материальном отношении положения. Тут помещику откроется широкое поле склонить постепенно крестьянина в пользу своих политических идей, представляя в заманчивом виде счастливое положение Польши, которая (как они твердо уверены) в самом скором времени получит все преимущества самостоятельного государства. Стоит только вразумить и уверить крестьянина, что с присоединением Литвы к Польше он освободится от платежа в казну тягостного, бесконечного оброка за свою землю и будет пользоваться ею безвозмездно, на вечные времена. Наконец, и земская полиция станет непременно способствовать к скорейшему восстановлению народа против правительства, она будет на просторе прижимать и грабить крестьянина, который не найдет прежней опоры и защиты в не связанном более с его интересами помещике.

Вот новые замыслы поляков, напоминающие похожий разговор со мною помещика Поневежского у. курляндского барона Гротуса, о чем я доносил в. с. 24 декабря прошлого 1862 г. за № 435[1], и если они возьмутся единодушно за дело, то нельзя положительно отрицать возможности успеха.

Весьма замечательна превосходная статья в № 62 «Северной почты», поясняющая причины, побудившие правительство ускорить прекращение обязательных отношений между крестьянами и помещиками в Литве и 4 уездах Витебской губ. и доказывающая с убедительною ясностью неоспоримую принадлежность этого края России как древнего ее достояния. Статья эта могла бы вразумить не одного поляка, но как «Северная почта» мало читается в здешнем крае, а газета «Виленский курьер» весьма распространена, то по докладу моему ген. Назимову он приказал напечатать в означенной газете статью эту[2], разделяя вполне мое мнение о пользе, которую она принесть может.

По поручению в. с. я сообщил Владимиру Ивановичу о предположении отделить границею Западный край от Царства Польского; он не только признает меру эту весьма полезной, но даже крайне необходимой в видах удержания Литвы в порядке[3].

Из Киева получены мною частные сведения, что энергические меры и строгие действия нового ген.-губернатора ген. Анненкова приносят большую пользу, поразив страхом поляков и заставив их притихнуть. Далее, пишет мой корреспондент, что из Киевского университета вышло в последнее время под разными предлогами до 400 студентов-поляков, вероятно, с намерением отправиться в Польшу[4]. Показываются также по деревням какие-то агенты из малороссиян, пытающиеся волновать крестьян, но доселе ни одного из них не удалось еще задержать.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 459—463. Подлинник

[1] *См. док. 60 сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.».*
[2] *Напечатано в «Виленском вестнике», № 34 от 30 марта 1863 г.*
[3] *В конце января — феврале 1863 г. правительственными кругами рассматривался предложенный А. М. Гильдебрантом проект «Об отделении в политическом отно-*

шении Царства Польского от империи». *В частности, по всей таможенной границе, от Юрбурга до австрийской границы, предлагалось провести пограничную линию, охраняемую конной стражей из бессрочноотпускных и отставных солдат. Такая мера вместе с переселением всех «недовольных» в Царство Польское должна была, по мнению автора проекта,* остановить беспрерывный наплыв в наши пределы злоумышленных людей, а также распространение революционных газет и брошюр с целью волновать народ и войско. *Свои замечания по проекту высказали П. А. Валуев (25 января) и Д. А. Милютин (28 января). Дальнейший ход восстания, доказавший наличие в Литве и Белоруссии своих революционных резервов, показал правительству всю беспочвенность этого плана (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 1100).*

[4] *О случаях выезда студентов учебных заведений Украины в Белоруссию для участия в восстании командующий войсками Киевского военного округа Н. Н. Анненков сообщил виленскому ген.-губернатору 7 февраля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, л. 112). 27 февраля 1863 г. В. И. Назимов издал циркуляр о мерах по задержанию студентов с Украины (там же, л. 114).*

9

1863 г. апреля 8 (20), Вильно.— Предписание Отдела, управляющего провинциями Литвы, А. Бонольди за границу о необходимых мерах по заготовке оружия для повстанцев

Национальное правительство.
Отделение управления Литвы [а] [1]

Вильно, 20(8) апреля 1863 г. № 1309

Обывателю [б] А. Б., агенту за границею

На рапорты ваши от 1 апреля № 3 и 4 [2], полученные сегодня, Отделение дает ответ, предписывая вам:

1. Заняться сейчас заключением контракта с купцом в Лиеже на 10 000 ружей, соответственное количество зарядов и пистонов. Купец должен обязаться доставить сие оружие и амуницию на какой-нибудь пункт Самогитии [в]. Когда проект сего контракта с подписью вашей и купца будет прислан, Отделение, утвердив оный, в то же время вышлет деньги на имя банкира, означенного в контракте. Соразмерно, как пересылка оружия производиться будет, купец будет иметь право по нашим распискам получать от банкира деньги. Отделение желает рассмотреть всякий контракт, дабы, заранее зная обязательства, им принятые, могло уплачивать регулярно в сроки назначенные. Пункты, куда доставлять транспорты в Самогитии, будут означены при утверждении контракта. Впрочем, трудно наперед означить оные, ибо это зависит от военных действий [3].

2. К сему Отделение присовокупляет, что Центральное народное правительство поручило своему комиссару, обывателю Реру, купить оружие для Литвы и перевести оное через Пруссию, на что он получил 20 000 руб., почему вы должны с ним сноситься и донести нам о последующем.

3. Отделение поручает обывателю Сен-Клеру, что желает посвятить свои отличные способности святому делу, чтобы приехал немедленно в Вильно и снесся с Отделением, в каком месте и каким образом может

[а] *Неточный перевод названия — Отдел, управляющий провинциями Литвы.*
[б] *Obywatelowi — гражданину (польск.).*
[в] *Т. е. Жемайтии.*

служить полезно отечеству. Вследствие чего он получит здесь назначение в войско. Нужно поспешить, ибо материалы хорошие, усердие, особливо в Самогитии, усиливается ежедневно, но недостаток начальников и недостаток оружия замедляют дело.

4. Дано приказание не только вилейскому предводителю, но и всем предводителям подать в отставку[4].

5. Брошюры и газеты мы получили, но нужно, чтобы вы прислали французские газеты, именно Journal des Débats, Opinion Nationale.

6. Сведения, относящиеся к Литве, Отделение присылало не раз к вам и не знаем, почему считаете оные недостаточными. Отделение посылает сведения точные — простые факты без всяких украшений, вы же яко чиновник должны знать только истину, но, передавая их ко всеобщему сведению, вы сможете и обязаны их развить, согласно общему мнению. Отделение не получило от вас уведомления, опубликовали ли вы все сии сведения и в каком именно иностранном журнале, именно относительно действий правительства в Минской губ. с целью составления адресов от крестьян. Посланную вам статью об указе касательно секвестра[5] вы должны перевести и послать к французским журналам. Хорошо бы было, ежели бы и английские журналы повторили сию статью. Сегодня прилагаем опять статью об амнистии[6], благоволите переслать ее в редакцию «Часа» и «Познанскому дневнику», яко голос из Литвы, а также перевести оную на французский язык и послать французским журналам. Отзыв Отделения к духовенству в Литве[7], которого еще прилагается несколько экземпляров, нужно также поместить в польских и французских газетах как можно скорее и целиком. Отделение поручает все это вам и надеется на ваше усердие, нам хорошо известное, что все будет надлежаще исполнено. Журналы, в которых все это будет помещено, не оставьте прислать в Отделение.

7. На расходы помещения сих статей в журналах Отделение посылает ныне 2000 злотых, которым благоволите вести точный счет и представить в Отделение, ибо сего требует Центральное национальное правительство. Что касается личных ваших расходов, вы обязаны немедленно представить, сколько вам нужно в месяц, а Отделение будет высылать регулярно нужные деньги.

Полномочия к собиранию денег и пожертвований от литовских помещиков, находящихся за границею, не посылаем, потому что не полагаем, чтоб помещики, оставившие край в нынешнее время[a], были намерены приносить пожертвования для общего дела. На вас возлагается обязанность, чтоб вы старались приглашать их к возвращению и остерегали их, что дальнейшее пребывание за границею лишит их гражданских прав в отечестве, которому не хотят служить.

Притом в ответ на словесное уведомление посредством Бонавентуры Отделение объявляет, что оно не может распространить вашей власти, что она должна остаться такою, как определена в инструкции, а именно потому: Литва, яко провинция Польши, не может и не хочет иметь особого политического представительства пред Европою. Назначение таких уполномоченных принадлежит Центральному национальному правительству, а не Отделению. К такому политическому представительству правительство пригласило, между прочим, и литовского помещика Бро-

---

[a] *В тексте* в нынешнем времени.

нислава Z.[а] С ним вы должны сноситься, ему помогать, а в отношении иностранной политики действовать под его руководством.

Поздравление и братство[б]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 2, лл. 12—14. Перевод, по-видимому, с польского[8]

Опубл.: Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края, ч. 1. Вильна, 1913, стр. 389—391

[1] *17 января 1863 г. в квартире члена Литовского провинциального комитета А. Бонольди был произведен обыск, не давший, однако, никаких результатов (см. там же, л. 2). А. Бонольди был вскоре как иностранный подданный выслан за границу и выполнял там обязанности уполномоченного повстанческого центра Литвы и Белоруссии по доставке оружия.*

[2] *Документы не обнаружены.*

[3] *О попытках реализации плана доставки оружия из Бельгии для повстанческих отрядов Литвы см. док. 93, 99, 101.*

[4] *См. декрет Отдела, управляющего провинциями Литвы, от 12 апреля 1863 г., в котором всем предводителям дворянства и мировым посредникам предписывалось подать в отставку (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 90, л. 12).*

[5] *15 марта 1863 г. Александром II были утверждены правила о наложении секвестра на имущество участников восстания; 22 марта по этому предмету был принят указ Сената (ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, № 39377). 17 апреля 1863 г. был издан декрет Отдела, управляющего провинциями Литвы, о наказании чиновников, участвующих в секвестрах (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 330, л. 77. Типографский экземпляр).*

[6] *31 марта 1863 г. последовал указ Александра II Сенату об амнистии тем участникам восстания в Литве и Белоруссии, которые сложат оружие до 1 мая 1863 г. (ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, № 39444). 21 апреля 1863 г. Отдел, управляющий провинциями Литвы, заявил, что повстанцы не сложат оружия, пока царские войска не отступят за границы «старой» Польши (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 399, л. 31).*

[7] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 597, лл. 130, 197. (Воззвание Отдела, управляющего провинциями Литвы, к римско-католическому духовенству от 4(16) апреля 1863 г. о поддержке восстания).*

[8] *Подлинник в настоящее время неизвестен. Документ является переводом подлинника, высланного дочерью А. Бонольди Станиславой тайно от отца из Парижа вместе с ее письмом от 24 июля (н. ст.) 1865 г. своей матери Леокадии в Вильно. В письме (см. то же дело, лл. 17—18), рассчитанном на ознакомление с ним царских чиновников, С. Бонольди высказывала желание в связи с тяжелым материальным положением продать копии других документов, принадлежавших ее отцу и содержавших фамилии многих лиц, сотрудничавших с А. Бонольди в период восстания. О покупке бумаг Бонольди сведений нет, в деле (лл. 33—34) имеется лишь секретно сделанная в Париже, по-видимому, агентами III отделения выписка из бумаг, содержащая фамилии многих агентов повстанческой организации Литвы и Белоруссии первой половины 1863 г.*

10

1863 г. конец апреля.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о готовности крупных помещиков Литвы и Белоруссии содействовать правительству при подавлении восстания

Весьма секретно

В последнее время, когда революционное движение распространилось повсеместно в пределах западных губерний, а социальные идеи и анар-

---

[а] *Zaleskiego* [Залеского].

[б] *На публикуемом переводе имеется отметка о наличии на подлиннике печати Отдела, управляющего провинциями Литвы. В конце документа скопирована монограмма и приведена помета, сделанная, по-видимому, А. Бонольди:* Reçu le 25 à Koenigsberg, répondu immediatement mais pas mis à la poste [*получено 25 в Кенигсберге, отвечено немедленно, но не сдано на почту.— франц.*].

хические начала стали угрожать каждому владельцу разрушением прав собственности, некоторые из местных помещиков, принадлежащих к партии аристократической, застигнуты врасплох и ввиду грозящей им опасности при дальнейшем развитии демократическо-социальной пропаганды решились частным образом высказывать мне свои опасения за последствия, какие может иметь это движение, давая при том возможность заметить, что они для ограждения личных своих интересов и благосостояния всех остальных сословий, связанных с ними общим интересом сохранения прав собственности и всех основных порядков, свойственных благоустроенным обществам, готовы будут содействовать правительству к обнаружению главных вожатаев революционной партии и подавлению в крае мятежного движения, лишь бы только таковое с их стороны содействие хранилось в глубочайшей тайне и чтобы лица, на которых они будут указывать, были подвергаемы не больше как высылке из края в отдаленные губернии на продолжительные сроки, что, по их мнению, будет весьма полезною и действительною мерою для предотвращения дальнейшего развития социальных и революционных идей.

Признавая предложения эти весьма выгодными и вполне соответствующими видам правительства, которое, продолжая по-прежнему действовать установленным порядком к подавлению революционного движения, имело бы сверх того возможность для достижения предположенной цели принять к руководству указание лиц посторонних, числящихся в рядах враждебной нам партии, я охотно согласился принять предлагаемые мне условия, вследствие чего мне были названы те лица, которые принимают самое деятельное участие в распространении между крестьянами известных в. с. листков и прокламаций, вредных по заключающимся в них социальным идеям и лживым теориям, созданным для возбуждения ожесточения и недоброжелательства к русскому правительству между массами сельского сословия. А как высылка этих лиц из края на продолжительное время, т. е. до окончательного разрешения крестьянского вопроса и утверждения между сельским сословием правильных идей и понятий о праве собственности, признается необходимою даже и со стороны тех людей, которые никаким образом не могут быть заподозрены в сочувствии русскому правительству и русской народности, поэтому я считаю необходимым, по мере доставляемых мне сведений, подвергать аресту лиц, на которых мне будут указывать, и затем высылать из края в отдаленные губернии.

Доводя об этом до сведения в. с. и препровождая список лиц, подлежащих высылке в отдаленные губернии, присутствие которых в крае признается вредным и опасным даже со стороны членов польской партии, я имею честь покорнейше просить вас, м. г., почтить меня в возможной скорости уведомлением, изволите ли вы признавать удобным в настоящее время водворение столь значительного числа лиц, проникнутых социальными идеями, в губерниях восточной полосы империи, где крестьянский вопрос находится еще в весьма колеблющемся положении, и не будет ли более соответственным высылать их на жительство в Оренбургский край либо же в ближайшие сибирские области? [1]

Покорнейше прошу в. с. принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Назимов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 29, лл. 52—53. Отпуск (?) [2]

[1] *Дополнительные сведения* о главных вожатаях революционной партии, *фамилии которых были названы В. И. Назимову крупными помещиками Литвы, отсутствуют. С публикуемым документом непосредственно соседствует лишь отпуск письма Назимова В. А. Долгорукову от 30 апреля 1863 г., где сообщается, что некоторые из дворян и помещиков Ковенской губ.* должны были действовать к возбуждению крестьян к мятежу *в качестве уполномоченных повстанческой организации (см. там же, л. 47). К письму был приложен список 11 помещиков Ковенской губ. (лл. 48—49), вина которых не была доказана, но в письме Назимова сообщалось, что* общая молва *указывала на них как на активных противников правительства (в списке числятся К. Хмелевский, И. Величко, К. Пржецишевский, К. Пилсудский, Ф. Рымкевич и др.; некоторые из перечисленных, судя по мемуарам Я. Гейштора, были членами «белой» организации). Все указанные в списке были высланы во внутренние губернии России.*

[2] *Документ имеет вид подлинника, возможно, он не был отправлен в связи с назначением 1 мая 1863 г. на пост виленского ген.-губернатора М. Н. Муравьева. Отношение помечено апрелем 1863 г., точная дата и исходящий номер отсутствуют, подпись зачеркнута. Дата документа уточнена на основании документов дела.*

11

1863 г. начало мая [1], Вильно.— Записка З. Сераковского из тюрьмы к А. Сераковской со сведениями о массовом вступлении офицеров в повстанческие отряды

Do widzenia. Pamiętaj, mów Milutinowi i Nitchelowi (sekretarz przy poselstwie angielskiem) [a] nie tylko o mnie, ale o tem, że kilkuset ludzi jest w podobnem jak ja położeniu. Wrześniowski, porucznik inżynierów, brat Alfa (sługi Wielopolskiego), który przybył do naszego oddziału w połowie kwietnia, zaręczał, że on 109-y oficer, który wyjechał z Petersburga, toż samo nastąpiło z Moskwy i z innych miejsc. Zabiją mnie — ale czyż podobne, żeby wszystkich zabijali? Wszak to będzie gorzej niż massacre de la Syrie [б]. Powiedz M[ilutinowi] i N[itchelowi], że krew ta padnie prędzej lub później na ich głowy lub na dzieci ich. Wrześniowski mówił, że kiedy on i jego koledzy podawali o dymisję, powiedziano im otwarcie: «Z dymisją czy bez dymisji — będziecie rozstrzelani».

ЦГИА Лит.ССР, ф.1135, оп. 8, д. 38, л. 86 об. Копия

ПЕРЕВОД

До свидания. Помни, говори Милютину и Нитчелу (секретарь английского посольства) [a] не только обо мне, но о том, что несколько сот человек находятся в таком же, как и я, положении. Вжесневский, поручик инженеров, брат Альфа (слуги Велёпольского), который прибыл в наш отряд в половине апреля, уверял, что он 109-й офицер, прибывший из Петербурга; то же самое произошло в Москве и других местах. Убьют меня — но возможно ли, чтобы убивали всех? Ведь это будет хуже, чем massacre de la Syrie [б]. Скажи М[илютину] и Н[итчелу], что эта кровь раньше или позже падет на головы их или их детей. Вжесневский говорил, что когда он и его товарищи подавали в отставку, им открыто сказали: «С отставкой или без отставки вы будете расстреляны».

[1] *Записка З. Сераковского связана с поездкой его жены А. Сераковской в Петербург с целью добиться свидания с мужем. Препроводительная записка Д. А. Милютина*

---

[a] *По-видимому, примечание А. Сераковской.*

[б] Massacre de la Syrie — *сирийская резня (франц.). Имеется в виду резня, устроенная турками среди христианского населения Сирии в 1860 г.*

к прошению А. Сераковской, отправленная В. И. Назимову и датированная 8 мая, позволяет приблизительно определить дату написания записки З. Сераковского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 321, л. 2).

12

1863 г. мая 3[1]*, Вильно.— Манифест Отдела, управляющего провинциями Литвы, к жителям Белоруссии с призывом к восстанию*

Rąd narodowyj polskoj

Polszcza podniałasia za waszu i swoju swobodu. Wojna z moskalom wielika. Krou liecsa usiudu. Boh błohosławić. Skoro budziem wolny. Rąd polski hetym objaulajeć usim pousiemiestno, szto zo dnia objaulenia hetoho manichwesta usie rauny, usie syny odnoj Polszczy, Ojczyzny naszej, szto usiem mużykam oddajećsa na uwieś wiek ziemla, jakaja była u ich używalności biez żadnoj pańszczyzny ni czynszu ni jakoho otrobotku. Parobkam że, bobylam i kutnikam, kotoryje pojduć na moskala, darujećsa 5 morgou ziemli z majątków skarbowych. Usie[m], szto pojduć w wojsko polskoje, dojećsa szlachectwo na wiek. Wiera dla usiech swobodnaja, jak kto chocze. Oniaty, kotorych perewiarnuli u prawosławye, mohuć wiarnuć do swojej wiery. Podaciej Caru płacić, ni rekruta dawać nie treba. Braty Biołorusy, pryszła pora dobraja. Pr[a]czuiciaż sia i wy da pryzwawszy boha u pomoszcz, branicie woli, ziamli i wiery waszej a boh wam dopomoże.

Hoda 1863 Maja 3 dnia.

U każnej chacie charanicie hety manichwest, jak hramatu na swobodu praudziwuju.

Печать Отдела, управляющего провинциями Литвы

ЦГИА Лит.ССР, ф. 439, оп. 1, д. 13, л. 3. Типографский оттиск

Опубл.: Karo Archyvas, I, Kaunas, 1925, str. 224—225

ПЕРЕВОД

Польское национальное правительство

Польша восстала за вашу и свою свободу. Война с русскими ширится. Повсюду льется кровь. Бог благословит нас. Скоро будем свободны. Польское правительство сим объявляет всем повсеместно, что со дня провозглашения настоящего манифеста все равны, все сыны одной нашей польской Родины, что всем крестьянам навеки отдается земля, которой они до сих пор владели, без какой-либо барщины, чинша или отработки. А батракам, бобылям и кутникам, которые пойдут против русских, даруется 5 моргов земли из казенных имений. Всем, кто пойдет в польские войска, навеки дается дворянство. Вера для всех свободна — как кто хочет. Униаты, которых обратили в православие, могут вернуться к своей вере. Не надо ни податей царю платить, ни рекрутов ему давать. Братья белорусы, настало доброе время. Пробудитесь и вы и, призвав бога в помощь, защищайте свободу, землю и веру вашу, и бог вам поможет.

3 мая 1863 г.

В каждой хате храните этот манифест как грамоту об истинной свободе.

[1] *Какого стиля, установить не удалось.*

Зыгмунт Сераковский

13

1863 г. мая 4[1].— Справка, составленная полковником И. Н. Скворцовым для III отделения, о мерах по подавлению восстания, принятых за январь — апрель 1863 г. по Виленскому военному округу[2]

Ряд мер, принятых в 1863 г. по случаю беспорядков, возникших в западных губерниях.

1. 14 января. Высочайше повелено: из числа лиц, взятых с оружием в руках, предводителей и главных зачинщиков, а также эмиссаров, если таковые окажутся в числе мятежников, предавать полевому военному суду и приговоры приводить в исполнение о первых — на местах преступления, а об эмиссарах — немедленно[3].

2. 23 января. Высочайше утверждены временные правила об участии и содействии городских и сельских обществ при охранении целости железных дорог и телеграфных линий в западных губерниях[4].

3. 31 января. Запрещена выдача билетов на получение пороха. Мера эта распространена и на пограничные с Западным краем губернии.

4. 2 марта. Отведено в с.-петербургской пересыльной тюрьме временное помещение для политических преступников, присылаемых от виленского ген.-губернатора, по случаю встреченного затруднения в размещении их в зданиях виленской цитадели и сделано распоряжение, чтобы они отсюда отправлялись по назначению.

5. 7 марта. Высочайше предоставлено виленскому ген.-губернатору право во всем крае увольнять от должностей мировых посредников, волостных старшин и сельских старост и назначать в мировые посредники лиц как из кандидатов, так и из других лиц военного и гражданского ведомств; для замещения же старшин и старост производить новые выборы[5].

6. 9 марта. Сделано распоряжение о строжайшем наблюдении, чтобы готовящееся из Швеции к отправлению в Россию на судах оружие для снабжения оным мятежников не могло быть выгружено в пределах Прибалтийского края[6].

7. 12 марта. Учреждено крейсерство вдоль курляндского берега с целью предупреждения покушений к высадке выходцев или к ввозу военной контрабанды[7].

8. 15 марта. Высочайше утверждены и сообщены к исполнению правила для наложения секвестра на имения лиц, причастных к беспорядкам, возникшим в пограничных с Царством Польским губерниях, и для заведывания и распоряжения сими имениями[8].

9. 23 марта. Высочайше утверждены и сообщены к исполнению меры о том, чтобы тягость содержания войск в местностях, объявленных на военном положении, упадала по возможности на виновных, без обременения тех, которые к беспорядкам не причастны.

10. 23 марта. В виленском ген.-губернаторстве и в Витебской губ. по высочайшему повелению разрешено командировать в каждый стан, сверх уездных военных начальников, по одному офицеру, со званием военного начальника стана, с 5 казаками и 10 пешими стрелками. Для снабжения сих офицеров составлена инструкция.

11. 30 марта. По высочайшему повелению вменено в непременную обязанность апелляционным полицейским судам, чтобы они при рассмотрении поступающих из низших полицейских судов дел постановляли заключение о том, не было ли допущено по оным злоупотреблений и в случае таковых немедленно передавали действия виновных на рассмотрение губернских правлений, а местным губернаторам вменено в обязанность иметь строгое наблюдение, чтобы виновные не могли избегнуть ответственности по всей строгости законов[9].

12. 7 апреля. Сделано распоряжение о наблюдении на С.-Петербургской станции Варшавской ж. д. за неотправлением в Царство Польское и западные губернии предметов вооружения и обмундирования и, кроме того, с сею же целью учреждены досмотры обозов, идущих из столицы по Ковенскому тракту в Гатчине и Острове, а по Нарвскому тракту за ст. Кипень, с откомандированием в распоряжение становых приставов казаков и объездчиков. Московскому ген.-губернатору сообщено также иметь наблюдение за торговлею предметами военной контрабанды.

13. 13 апреля. Высочайше повелено: разрешив ввоз кос и свинца из-за границы по всем таможенным линиям империи, приобретать свинец по существующим ценам для пополнения казенных военных запасов с тем, чтобы нужный частным промышленникам для их производства свинец покупался ими от казны. Сверх того, в видах предупреждения передачи привозимых из-за границы кос мятежникам по высочайшему повелению возложено на ген.-губернаторов новороссийского, киевского, виленского и остзейского принять все зависящие от них меры для преграждения торговцам возможности снабжать косами мятежные скопища.

14. 18 апреля. Высочайше повелено исправление вакантных должностей уездных предводителей дворянства Гродненской губ. поручить уездным судьям, а исправление должности губернского предводителя — одному из уездных предводителей. Причем поручено министру внутренних дел при содействии управляющего министерством юстиции и министра государственных имуществ немедленно замещать чиновниками от короны вакансии уездных судей и мировых посредников[a 10].

15. 24 апреля. По высочайшему повелению предоставлено министру внутренних дел войти в сношение с и. д. главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями по предположению г[ен].-а[дъютанта] Назимова об устройстве железной дороги между Белостоком и Пинском.

16. 24 апреля. Высочайше утверждены и сообщены к исполнению правила для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов. Для сформирования сих караулов дана уездным начальникам инструкция[11].

17. 24 апреля. По высочайшему повелению сообщено виленскому ген.-губернатору независимо от формирования сельских сторожевых команд

---

[a] *Помета М. Н. Муравьева* Испросить высочайшее повеление о замещении вообще всех вакантных мест в 6 губерниях по распоряжению ген.-губернатора теми лицами, которых он найдет полезным; также предоставить ему полное право и увольнения их. Так как теперь нужны русские чиновники для замещения вакансий, то министрам присылать в распоряжение ген.-губернатора лиц, наиболее благонадежных, из русских и остзейских уроженцев.

применять в точности правила военного положения; воспретить всем местным обывателям мужского пола, кроме крестьян, отлучку на расстояние более 30 верст без видов. За нарушение сего подвергать мещан и однодворцев отдаче в рабочие роты ведомства путей сообщения на срок от 6 месяцев до 1 года, а дворян — заключению в тюрьме на те же сроки и штрафу от 50 до 500 руб. сер. [a] [12]

18. 30 апреля. Сделано распоряжение о досмотре видов и паспортов лиц, проезжающих по С.-Петербургско-Варшавской ж. д.; для этого командируются 4 офицера с.-петербургской полиции на станции: Псковскую, Островскую, Динабургскую и Виленскую [13].

Пометы М. Н. Муравьева 1. К сведению от министра внутренних дел. 2. Читал. Надобно распорядиться по отметке.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1786, лл. 10—15. Подлинник

[1] *Датируется по препроводительному письму А. Л. Потапова к М. Н. Муравьеву. См. там же, л. 8.*

[2] *Записка, очевидно, была составлена в связи с заменой В. И. Назимова М. Н. Муравьевым на посту виленского ген.-губернатора, последовавшей согласно именному указу Александра II Сенату от 1 мая 1863 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 56, л. 1). 14 мая 1863 г. Муравьев приступил к выполнению своих обязанностей (там же, л. 2). Записка подытоживает правительственную политику подавления восстания в период до отставки Назимова. Автор записки, ковенский жандармский штаб-офицер полковник И. Н. Скворцов был 24 мая 1863 г. назначен и. д. начальника IV округа корпуса жандармов на место ген.-майора А. М. Гильдебранта, смещенного по требованию Муравьева (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 184, л. 5).*

[3] *См. док. 2.*

[4] *См. ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, № 39201.*

[5] *Там же, № 39354.*

[6] *9 марта 1863 г. Д. А. Милютин предложил Назимову усилить военные посты в районе Паланги (ЦГВИА, ф. 38, оп. 18/272, св. 702, д. 72, л. 1).*

[7] *В связи с выходом 10(22) марта 1863 г. из Лондона повстанческой экспедиции к берегам Литвы 12 марта 1863 г. управляющий морским министерством ген.-адъютант Н. Краббе предписал командиру клипера «Алмаз» П. Зеленому направить корабль из Лондона к балтийскому побережью для крейсерства между Либавой и Палангой («Архивные материалы Муравьевского музея...», ч. II. Вильна, 1915, стр. 87—89). См. также публикуемые там док. 49, 51, 53, 59, 64.*

[8] *ПСЗ, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, № 39377.*

[9] *Там же, № 39441.*

[10] *Эта мера была принята в ответ на докладную записку мировых посредников Гродненской губ. на имя П. А. Валуева об их отказе от занимаемых должностей (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, лл. 129—130. Копия). Пассивной демонстрацией посредников руководил один из лидеров партии «белых» в Литве и Белоруссии гродненский губернский предводитель дворянства гр. В. Стаженьский, преданный суду (перевод его циркуляра к уездным мировым посредникам от 16 марта 1863 г.— там же, лл. 33—34).*

[11] *По этим правилам сельские караулы составлялись из временнообязанных или государственных крестьян нескольких волостей или сельских обществ. В случае отсутствия желающих члены караула назначались сходами. Численность караулов определялась от 60 до 100 человек, во главе их ставились унтер-офицеры регулярных войск (см. ПЗС, собр. 2, т. XXXVIII, отд. I, № 39542).*

[12] *Там же, № 39540.*

[13] *По сообщению В. А. Долгорукова Муравьеву от 12 мая 1863 г. из Петербурга были направлены 7 жандармских офицеров на станции Гатчинскую, Островскую, Псковскую, Динабургскую, Белостокскую, Виленскую и Ковенскую (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1004, ч. 1, лл. 5—6).*

---

[a] *Помета М. Н. Муравьева* Надобно везде устроить караулы.

14

1863 г. июнь [1].— «Мужицкая правда» № 7

Ребята!

Долго молчал я, не говорил вам ничего, потому что хотел рассмотреть хорошенько да разобраться, что это делается на свете, чтобы уже оповестить вас по справедливости да сказать, как наказует бог и совесть, что нам теперь нужно делать. Ждать молча больше уже невмоготу! Поразмыслим только, что думают теперь сделать с нами. Обещал нам царь землю, чиновники, попы и москали все в один голос морочили нам голову, будто царь чистосердечно к нам относится и даст свободу, справедливую свободу. И слушались мы царя. Велел он нам еще два года служить барщину, и барщину мы отбывали. Потребовал царь рекрута — дали мы ему и рекрута, а сами молча смотрели, как наших сыночков да братьев на край света погнали. Накинул нам подушного — платили мы подушное за живых и мертвых, за детей и старцев немощных, платили мы земскую повинность да всевозможные сборы, платили на посредника, на правление, старшинам, писарям, окружным, асессорам — бог знает кому только ни платили, да все не спрашивали, куда идут наши деньги. Все нас обижали да все грабили, бил нас кто сильней, обижал кто богаче, и на то нигде не было справедливости. Мы все молчали да слушали, всем кланялись, за все платили, все терпели, ожидая конца, потому что надеялись на справедливую свободу, надеялись, что дадут вольную земельку, да какую же землю! — ту, которую от дедов-прадедов кровным трудом десять раз уже заработали и оплатили. За эту землю царь велит нам чинши платить в казначейство. Да какие же чинши? Какие вздумается установить чиновникам да судейским кровопийцам, да еще с каждым годом все больше и больше. Так свободы нам уже и не будет: век целый плати и век неси остатки, чтобы заплатить палатам и правлениям. Обманул же нас царь, а его слуги — попы, чиновники и москали — подвели нас, как черт добрую душу.

Мало того: когда весной брал рекрута, говорил царь, что больше брать не будет. Мы, как дети, и поверили, что не будет, а теперь — смотри! Снова царь велит с каждой волости выставить по сто хлопцев, которые добровольно пойдут в солдаты, а если добровольцев не будет, то общество присудит, кому идти в рекруты. Что он, белены объелся! Чтоб кто-нибудь шел в солдаты добровольно! Так вот уже и второй раз обманул нас царь с рекрутом. Взял пятерых с тысячи, а теперь давай сто с волости, а осенью еще, может, двести или триста пожелает, потому что царь со своими солдатами не осилит мужиков, поднявшихся в Польше, и не одолеет французов, которые за Польшу вступились. В Польше мужики так же, как и мы, надеялись на царя и ждали свободы от него, да как увидели, что царь только посулами душу выматывает, а новыми податями, рекрутством, чиншами последнюю рубаху снять хочет — вот все разом с вилами и косами пошли добиваться земли и правды, а кое-кто и святой униатской веры. Вот и добились. Вышел уже польский манифест. Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину и чиншей никому никаких платить; подушного больше не будет, а только подымное, как когда-то платили; рекрутства

больше не будет, а все мужики и паны и мещане — каждый отслужит 3 года в своем краю и снова вольный человек. Униатские костелы, отобранные москалями, отдаются назад униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-униатски, к униатским ксендзам идти на исповедь и по-старому богу молиться, как еще отцы наши молились.

Вот теперь сами разбирайтесь: где бо́льшая правда — в польском манифесте или в царском. Царь обещал дать свободу — и не дал. Обещал не брать рекрута, а теперь уже второго требует. Польский манифест дал землю, не требует рекрута, отменил подушное, возвратил унию. Ну, скажите, братья, кто больше о нас заботится? Помогли бы французы и нам, как помогают мужикам в Польше, только что ж, царь отвечает, что у нас мужики всем довольны, другой свободы не желают, что они любят царя всем сердцем, что шлют ему письма, вносят подати и охотно платят чинши и рекрутов выставят, сколько царю угодно будет, и унии никто не желает. И тут нас царь обманывает, исказить хочет правду, чтоб нас совсем погубить. А французы нас только ждут, но кому же они помогать станут, если у нас будет тихо. А мы, хоть совершенно разуверились в царских слугах, делаем все, что они нам ни скажут. Таким путем не дождаться нам свободы и справедливости. Не так думали мужики в Польше. Служили они царю так же верно, как и мы, да увидев, что не выслужат ничего, стали добиваться и добились свободы. А ведь и их царские слуги морочили, как нас теперь морочат, подговаривали, чтоб письма царю посылать о прощении да по-старому вносить подати и давать рекрутов. Учили и их, как доносить друг на друга, как хватать да москалям представлять, только мало нашлось таких, которые, не боясь ни бога, ни стыда человеческого, служили б москалям, потому что разгадали мужики царскую думку. А таких, которые за деньги не побоялись служить врагам нашим, не хотели, чтоб у мужиков земля была да правда на свете, и противились новой свободе,— по новому польскому манифесту таких вешают, как подлых собак, селения их опустели, дымом пошли их избы, пропало ни за грош добро.

Подумайте хорошенько и, помолившись богу, встанем дружно разом за нашу свободу! Нас царь уже не обманет, не подведут москали! Нет для них в наших селах ни воды, ни хлеба, для них мы глухие и немые — ничего не видели и не слышали. А пока еще есть время, нужно нашим хлопцам спешить с вилами и косами туда, где добиваются воли и правды, а мы, их отцы, и жены наши оберегать будем и сообщать, откуда на них прет темная московская сила, да от чистого сердца всеми способами помогать ребятам нашим, которые за нас пойдут биться. И будет у нас свобода, какой не было у наших дедов и отцов.

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Цена 5 грошей

Опубл.: С. Агурский. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917). Минск, 1928, стр. 217—219.

[1] *«Мужицкая правда» № 7 распространялась одновременно с «Приказом... к народу земли литовской и белорусской» (док. 16) и, судя по полиграфической технике, печаталась одновременно с ним.*

15

1863 г. июня 4[1]*.— Протокол допроса З. Сераковского в Виленской следственной комиссии*[2]

Виленская следственная комиссия по политическим делам предлагает с полною откровенностью и подробностью ответить на следующие вопросы взятому в плен предводителю инсургентов Сераковскому.

Вопрос 1. Как ваше имя, отчество и фамилия, какого вы вероисповедания, бываете ли ежегодно на исповеди и у причастия? Сколько вам от роду лет?

Ответ. Звать меня Сигизмунд Игнатьев сын Сераковский, вероисповедания римско-католического, на исповеди и у св. причастия бываю ежегодно, от роду имею 36 лет.

Вопрос 2. Холосты или женаты, если женаты, то имеете ли детей и сколько именно?

Ответ. Женат на дочери дворянина Виленской губ. Далевского Аполонии; детей не имею.

Вопрос 3. Не были ли под следствием и судом?

Ответ. Под следствием и судом не был, но в 1848 г., будучи студентом С.-Петербургского университета, по распоряжению начальства определен в военную службу с сохранением прав происхождения; причины же такового распоряжения теперь объяснить не могу, обстоятельно она, вероятно, обозначена в формулярном о службе моей списке.

Вопрос 4. Какого вы происхождения и какой имеете чин?

Ответ. Происхожу из дворян Волынской губ. Состою на службе в Генеральном штабе в чине капитана.

Вопрос 5. Объясните со всею подробностью: где вы воспитывались и прохождение вашей службы, какие получили награды от правительства и поручения от начальства?

Ответ. Воспитывался в С.-Петербургском университете; прохождение службы моей и полученные награды означены в моем формулярном списке. Сведения же о данных мне начальством с 1860 г. поручениях могут быть получены из Аудиториатского департамента военного министерства, при котором я состоял.

Вопрос 6. Что вас понудило к решимости принять участие в действиях против правительства, когда и как вступили вы в заговор?

Ответ. Я сегодня не в состоянии отвечать на этот вопрос.

Вопрос 7. Когда вы приняли предводительство над шайками мятежников и по чьему предложению?[3]

Ответ. Не могу отвечать, потому что не имею полного сознания; у меня мешаются мысли.

Вопрос 8. Какие были действия предводимых вами шаек?

Ответ. Отвечаю то же, что и в предыдущем пункте.

Вопрос 9. От кого вы получали средства денежные и материальные для образования шаек, их вооружения и продовольствия?

Ответ. Повторяю то же самое.

Вопрос 10. Кто и за что были по вашим решениям и распоряжениям казнены и каким именно способом, с объяснением: чем вы в этом руководствовались?

Ответ. Я никого не казнил. Сегодня я не в состоянии дать удовлетворительный на этот вопрос ответ.

Вопрос 11. Где и какое имеете недвижимое и движимое имущество?

Ответ. Недвижимого не имею, но движимое заключается в библиотеке, находящейся в архиве Аудиториатского департамента.

Вопрос 12. Почему вы в мятежнических шайках были известны под именем «Доленго»?

Ответ. Я всегда назывался своим именем и фамилиею также своею. Прошу написать: на св. неделе [a] при проезде моем из гор. Ковно в м. Шат я был задержан партиею инсургентов, а 28 апреля после разбития шайки я, раненный, находясь на мызе Скребишки, позвал к себе офицера Саксонского полка фон Гасса, которому объявил, что я русский офицер, и просил его доставить меня к старшему в отряде начальнику.

На этих двух фактах я не намерен основывать исключительно свою защиту; добровольно ли я оставался в лагере инсургентов, по физическому или по нравственному принуждению, какое я принимал участие и, наконец, все, что я видел и что знаю характеризующего последние печальные события, — все это я постараюсь вполне объяснить, когда силы мои настолько восстановятся, что я буду в состоянии вполне сознательно это сделать [б].

К сим ответным пунктам капитан генерального штаба Сигизмунд Игнатьев сын Сераковский руку приложил.

Председатель: ген.-лейтенант Веселитский
Члены: ген.-майор Алексеев, полковник Лосев
При этом допросе присутствовал ген.-майор Веригин
Аудитор губернский секретарь Щеголев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 48, лл. 22—23. Подлинник

[1] *Документ не датирован, дата указана в докладе Виленской следственной комиссии М. Н. Муравьеву от 5 июня 1863 г. См. там же, лл. 20—21.*

[2] *Тяжелораненый З. Сераковский был взят в плен в ночь с 27 на 28 апреля 1863 г. и 29 апреля доставлен в Вильно. Члены Виленской следственной комиссии стремились использовать его тяжелое физическое состояние с целью получить подробные сведения об организации восстания. 11 июня 1863 г. З. Сераковский был приговорен к смертной казни (приговор см. там же, лл. 27—32).*

[3] *Нелегально выехав из Вильно 3 апреля 1863 г., З. Сераковский 6 апреля прибыл в район сбора повстанческих отрядов Ковенской губ. Подробнее об организаторской и военной деятельности З. Сераковского см. док. 36.*

---

[a] *Между 30 марта и 6 апреля 1863 г.*

[б] *Опущена заверительная надпись о небольших исправлениях в тексте, учтенных в нашей публикации.*

16

1863 г. июня 11[1].— Воззвание виленского повстанческого центра к народам Литвы и Белоруссии[2]

PRYKAZ
AD RĄDU POLSKAHO NAD CEŁYM KRAJEM LITOUSKIM I BIEŁORUSKIM DA NARODU ZIEMLI LITOUSKOJ I BIEŁORUSKOJ

Wy peunie zaczuli, szto ciepier ustanouleny Rąd Polski, szto hety Rąd Polski addaje wam bez nijakaho wykupu i czynszou tuju ziemlu, na jakoj sidzieli waszyje baćki i dziedy, szto hety Rąd Polski daje wam praudziwuju wolność, jak u Prancuzou, hdzie nichto nie śmieje kryudzić prastoho czeławieka, szto hety Rąd Polski wiernie jeszcze waszu dauniaszniu sprawiedluwuju wieru dziedou i pradziedou?!

Duryć was maskal tałkujuczy wam, szto heto pany podnialisa, kab pawiernuć nazad panszczynu — jon chocze wodu skałamucić, kab u wadzie mutnoj pa staromu rybu ławici. No dzieło nasze — nie dzieło panskoje, a sprawiedliwoj wolności, jakoj waszyje dziedy da baćki z daunia żdali, a jakuju maskal z krowopijcami waszymi spynici chocze!! Dzieło nasze — heto dzieło takoj wolności, jakuju sam boh pryjszouszy na hety świet chacieu ustanawici i za jakuju proliu swoju krou światuju i cierpieu kryżowyje muczenja!

No minuła użo panszczyna, minuła wasza kryuda — i nijakaja siła jeje nie powiernie, ni maskouska, ni czortouska! Ciepier to nastau czas, szto każnomu budzie odmiereno tak, jak jon sam sabie namieryć. Pan budzie lichi — pana pawiesim jak sabaku! Mużyk budzie kiepski — to i mużyka pawiesim, a dwory ich i sioła z dymom pojduć i budzie sprawiedliwaja wolność — bo hetoho sam boh użo chocze i preczystaja maci!

Za waszuju doly krou proliwajuć sprawiedliwyje ludzie, a wy — jak tyje Kainy da Judy Skarioty — dobrych bratou prodawali woroham waszym!

No Rąd Polski pytaje was, jakim wy prawom śmieli pomohaci maskalu u nieczystomu dzieli?! Hdzie u was byu rozum, hdzie u was była prauda? czy zhadali wy na strasznyj sud bożyj? Wy skażecie, szto heto rabili poniewoli — no my, ludzi wolnyje, niemasz u nas niewoli! A chto z was chocze niewoli maskouskoj — tomu my damo szybienicu na halini!

Adnak sprawiedliwy Rąd Polski na Litwie i Biełorusi, bieruczy na rozum:

szto maskal panujuczy nad wami i dzieruczy sam da pozwalajuczy kożnamu was abdziraci, nie uczyu was ni czytaci ni pisaci;

szto wy sihodnia durnyje jak awieczki:

szto nad wami niema jeszcze zmiłowannja bozkaho, bo wy adstupilisa ad jeho praudziwoj wiery —

Dla taho sprawiedliwy Rąd Polski nie dachodzić na was ludzkoj kryudy, adno prykazuje wam:

niepamahać użo bolsz maskalu ni u czam, bo jon musić użo nie duży kali prosić waszej pomoczy. A kali hdzie maskal byu durny da dau wam strelby, to wy u noczy zakałouszy sałdatou maskouskich, u les uciekajcie, bo heto lepsz budzie za usio.

Milicii i karaułou pa siołach kab nijakich nihdzie nje było, bo kali złowiać kaho u karauli abo u milicii, to kali nie ciepier to poźniej, bez adhaworki powiesiać:

Czynszou, abrokou i padatkou u kaznu maskouskuju da i panam nijakich bolsz nie płacić, bo heta ziemla uże wasza a wy da Rądu Polskaho należycie i padatki adno da kazny polskoj płacici majecie.

Hety Prykaz maje być czytany u kożnoj cerkwi da u kożnom kościeli, po usich siołach i dworach dla wiedoma usieho narodu. A chto hetomu Prykazu spreczen budzie, taho — ci jon pop, ci ksiondz, mużyk ci pan, usiakaho danasić da Rądu Polskaho, kad możno było poźniej pawiesić, abo zazwauszy hramadu i zrabiuszy sprawiedliwy sud, bez adhaworki wieści na szybienicu! Bo chto chocze kryudy ludzkoj — toj niechaj lepsz sam marno propadaje!

Dan w mieści Wilni, u dzień swiatoho Warfałomieja leta hospodnia 1863.

ЦГИА Лит.ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 545, л. 7; оп. 2, д. 1162, л. 41. Типографский оттиск

ПЕРЕВОД

Приказ
от польского правительства над всем краем литовским и белорусским к народу земли литовской и белорусской

Вы, верно, слышали, что теперь установлено польское правительство, что это польское правительство отдает вам безо всякого выкупа и чиншей ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды, что это польское правительство дает вам настоящую свободу, как у французов, где никто не смеет обижать простого человека, что это польское правительство возвратит еще вашу давнишнюю справедливую веру дедов и прадедов?!

Морочит вам голову москаль, толкуя, что это паны поднялись, чтоб возвратить снова барщину,— он хочет воду замутить, чтобы в мутной воде по-старому рыбу ловить. Но дело наше — не дело панское, а справедливой свободы, которой ваши деды и отцы издавна ждали и которую москаль с кровопийцами вашими задержать хочет!! Дело наше — это дело такой свободы, которую сам бог, придя на этот свет, хотел установить и за которую пролил свою кровь святую и терпел крестные муки!

Но миновала уже барщина, миновала ваша обида, и никакая сила ее не вернет — ни московская, ни дьявольская! Теперь настало такое время, что каждому будет отмерено так, как он сам себе отмерит. Пан будет плохой — пана повесим, как собаку! Мужик будет нехороший — и мужика повесим, а усадьбы их и села обратятся в дым, и будет справедливая свобода, потому что этого сам бог уже хочет и пресвятая богородица!

За вашу долю кровь проливают справедливые люди, а вы, как те Каины и Иуды Искариотские, добрых братьев продавали врагам вашим!

Но польское правительство спрашивает вас, по какому вы праву смели помогать москалю в нечистом деле?! Где у вас был разум, где у вас была правда? Разве вспомнили вы о страшном суде божьем? Вы скажете, что делали это поневоле, но мы люди вольные, нет у нас неволи, а кто хочет неволи московской — тому мы дадим виселицу на суку.

Однако справедливое польское правительство на Литве и Белоруссии, принимая во внимание:

что москаль, господствуя над вами и грабя вас сам да позволяя каждому грабить, не учил вас ни читать, ни писать;

что вы сегодня глупые, как овцы;

что над вами нет еще милосердия божьего, потому что вы отступились от его истинной веры,—

поэтому справедливое польское правительство, прощая вам людские обиды, приказывает только вам:

не помогать уже больше москалю ни в чем, потому что он должно быть уже не силен, если просит вашей помощи. А если где москаль был глуп и дал вам ружья, то вы, заколов ночью солдат московских, в лес убегайте, потому что это будет лучше всего.

Милиции и караулов по селам чтоб никаких нигде не было, потому что если поймают кого в карауле или в милиции, то раньше или позже без лишних слов повесят.

Чиншей, оброков и податей в казну московскую, а также панам никаких больше не платить, потому что эта земля уже ваша, а вы подчиняетесь польскому правительству и подати должны платить только в польскую казну.

Этот приказ должен быть прочитан в каждой церкви и в каждом костеле, по всем деревням и имениям для сведения всего народа. А кто этому приказу сопротивляться будет, поп ли это или ксендз, мужик или пан — о любом сообщать польскому правительству, чтоб можно было его потом повесить, или, созвав сельский сход и свершив справедливый суд, без лишних слов вести на виселицу! Потому что, кто хочет обиды людской, тот пускай лучше сам ни за грош пропадает!

Дан в гор. Вильно, в день св. Варфоломея лета господня 1863.

[1] *Документ распространялся уже в июле 1863 г., следовательно, указанный в конце документа день св. Варфоломея определяется по православному календарю, т. е. 11 июня (у католиков 24 августа).*

[2] *Есть основания полагать, что автором воззвания был К. Калиновский.*

17

1863 г. июня 14 (26), Вильно.— Декрет Отдела, управляющего провинциями Литвы, о его преобразовании в Исполнительный отдел Литвы и воззвание Исполнительного отдела о продолжении восстания [1]

Rzad Narodowy
Wydział zarządzający prowincjami Litwy

Zważywszy, że administracja cywilna w kraju przez powstanie objętym, w życie już wprowadzoną została, dla nadania jej przeto większej sprężystości i jednolitości, jako też i ze względu na stosunki zagraniczne Rząd Narodowy dekretem z 10 maja r. b. [2] postanowił scentralizować w swym ręku władzę prawodawczą nad całym krajem, wyznaczając na prowincje Królestwa kongresowego, Litwy i Rusi wydziały wykonawcze, na których opierając się, dzieło wyswobodzenia Ojczyzny dalej ma się prowadzić.

Na mocy wzmiankowanego dekretu Rządu Narodowego, Wydział zarządzający prowincjami Litwy przyjmuje odtąd nazwę Wydziału wykonawczego na Litwie. W miejscu dawnej pieczęci Wydziału zarządzającego, ustanawia się nowa — niżej obok dawnej umieszczona. Wszystkie wszakże władze przez Wydział zarządzający mianowane i nadal w swej sile pozostają, przechodząc pod rozporządzenie Wydziału wykonawczego.

Wilno, dnia 26 czerwca 1863 r.

Wydział wykonawczy na Litwie.

Rodacy!

Obejmując przewodnictwo w walce z najazdem, Wydział wykonawczy wzywa was do wspólnej i wytrwałej pracy, a polegając na uczuciach patriotyzmu, którego tyle daliście dowodów, wierzy, że zdoła dokonać dzieła tak daleko już doprowadzonego.

Zachwiany już rząd najezdniczy chwyta się ostatecznych gwałtownych środków. Wieszając i napełniając więzienia spokojnymi mieszkańcami, chce rzucić popłoch, a strachem zażegnać powstanie. Lecz próżno! — na grobach męczenników naszych nie strachu, lecz nowej wytrwałości mamy czerpać uczucia. Słabych i niewolniczych umysłów udziałem jest obawa, brzydząc się więc nią, zostaniem obojętni na męki zadawane przez wroga, a samą śmierć z łatwością zniesiem — bo szczytną jest rzeczą nieść życie w ofierze za wolność i niepodległość ojczyzny.

Wilno, 26 czerwca 1863 r.

Печати Отдела, управляющего провинциями Литвы, и Исполнительного отдела Литвы

НБ ВГУ, RE — 10, л. 22. Типографский оттиск
Опубл.: Karo Archyvas. Kaunas, 1925, стр. 229.

ПЕРЕВОД

Национальное правительство.

Отдел, управляющий провинциями Литвы

Принимая во внимание, что гражданская администрация в охваченном восстанием крае уже воплощена в жизнь, с целью придать ей большую гибкость и единство, а также имея в виду сношения с заграницей, Национальное правительство декретом от 10 мая с. г.[2] решило сосредоточить в своих руках законодательную власть над всем краем, назначая в провинции Конгрессового королевства, Литвы и Руси исполнительные отделы, опираясь на которые должно и впредь проводиться дело освобождения Родины.

На основании упомянутого декрета Национального правительства Отдел, управляющий провинциями Литвы, принимает отныне название Исполнительного отдела Литвы. Вместо прежней печати управляющего отдела устанавливается новая, помещаемая ниже, рядом с прежней.

Однако же все власти, назначенные управляющим отделом, продолжают действовать и впредь, переходя в распоряжение Исполнительного отдела.

Вильно, 26 июня 1863 г.

Исполнительный отдел Литвы

Соотечественники!

Принимая руководство борьбой с захватчиками, Исполнительный отдел призывает вас к совместной и настойчивой работе, основываясь же на чувствах патриотизма, столько доказательств которого вы представили, верит, что сможет выполнить дело, так далеко уже продвинувшееся.

Пошатнувшееся уже правительство захватчиков хватается за крайние насильственные меры. Вешая и наполняя тюрьмы мирными жителями, оно стремится посеять панику и страхом погасить восстание. Но тщетно! На могилах наших мучеников мы должны почерпнуть новую стойкость, а не чувство страха. Боязнь — удел слабых и рабских умов; пренебрегая ею, мы останемся равнодушными к мукам, причиняемым врагом, и примем даже смерть с легкостью, ибо почетно жертвовать жизнью за свободу и независимость Родины.

Вильно, 26 июня 1863 г.

[1] *Подробнее о преобразовании и личном составе Исполнительного отдела Литвы см. док. 65 и 68 в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.»*

[2] *Декрет от 10 мая 1863 г. менял название «Центрального Комитета в качестве временного Национального правительства» на «Национальное правительство». Повстанческие центры в Литве и Белоруссии переименовывались в «исполнительные отделения», власть полномочных комиссаров правительства в провинциях усиливалась (см. «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 540—541).*

18

1863 г. июня 16(28), Вильно.— Письмо члена руководства повстанческой организации Литвы и Белоруссии командиру повстанческого отряда в Трокском повете Ф. Вислоуху с обзором хода восстания и характеристикой борьбы революционно-демократического крыла руководства против влияния «белых» [1]

Wilno, 28 (16) czerwca 1863 r.

Pozdrowienie i Braterstwo!

Niech żyje wolność ojczysta — własność i równość kmieca! Cześć wiekopomna wam, jej obrońcom!

Rad jestem, że mi rzęczność pisania do ciebie, mój druże-sokole, tak w porę się nadarza — mam obecnie trochę wolnego czasu, a choć pora spóźniona, nie mogę lepiej spędzić nocy jak rzucając wam kilka słów, chociażby czczej gadaniny, zawsze dla was nieobojętnej, bo przynajmniej wśród monotonności obłudnej zadźwięczy głos nowy a dawno słyszany. Wiem jakich od nas czekacie wieści: jak daleko wlazł w karki mongolskie oręż dzieci swobody, jaką stanowicie cyfrę w ogólnej sumie walczących, jakie są kraju nadzieje, zasoby i jak Europa wobec nas dzisiaj stoi.

W Koronie ani na chwilę nie ucichł gwar bójek, rozbity oddział nazajutrz zdwojony gdzieś w pobliżu staje. Wielu z pierwotnych dowódców legło z laurem na skroni, ryjąc w narodowej pamięci swoje imiona, inni — szląc z wyżyn szubienic lub z pod słupa kaźni ofiarne namaszczenie młodszej braci, krzepili wytrwaniem do ostatniej chwili rozbudzonego ducha narodu. Rogiński zesłany do kopalń, Leon Frankowski rozstrzelany, dowódca Kononowicz także, Sierakowski (Dołęga), Kołyszko — powieszeni, Koziełł zabity, Dmochowski 8 strzałami przeszyty — legł starzec na rękach dorastającej młodzieży — że wielu mniej znanych i mniej zasłużonych nie wspomnę. Moskwa rannym nie szczędzi życia i pardonu nie rozumie dla

rzucających oręż — szubienica lub 25 kul na raz czeka każdego, kto z popłochu lub niedołęstwa wpada im do rąk. Kobiety, lżone publicznie, zalegają kordegardy policji wraz ze zbrodniarzami i publicznymi kobietami — potargane prawa ludzkie, zdeptane uczucia człowiecze, gwałty, którym nie masz granic i nazwy, zamieniły nawet despotyczne prawa. Murawjew rzuca terroryzmem przerażenie na słabszych, ale energia narodu i podnosząca się sprężystość i terroryzm władz narodowych za chwilę przemoże wściekłość satrapów.

Ale puszczam się w bzdurstwa gazeciarskie, a wam trzeba faktów. Darujcie! Jakiś pop golony (Lamennais) wyrzekł przed rokiem że «tam granice Polski, gdzie noszą żałobę i hymny śpiewają». Przed dwoma miesiącami wyrzekł Walewski z ministerialnej ławy: «Tam kres polskiej krainy, gdzie się krew za nią leje» [2]. I jak kirem pokryła się dawna ziemia Polski, szlachta Litwy i Rusi, tak dziś nie masz i jednej piędzi ziemi od Mołdawii do Smoleńska, Pskowskiej, Liflandii, gdzieby nie rozlegały się strzały powstańcze. Spóźniony wybuch Inflant wywołał cały szereg grabieży i mordów rozjuszonego żołdactwa — nie mogło tam długo utrzymać się powstanie, ale choć wojenną, donioslością niewielkie, ogromną miało wagę polityczną. Potem jednocześnie wybuchło powstanie w Mohilewskiej i Witebskiej guberniach, trwało również niedługo; lud podburzany wszelkimi sposobami kładł mu tamę największą. Jednak Witebska gubernia i dziś liczy niewielkie wprawdzie siły, ale zawsze zmuszające Moskwę do ciągłej czujności. Mohilewskie zaś opiera się na pograniczach Mińszczyzny. Ukraina, Wołyń, Podole jednoczesnym ruchem trafiły w samo sedno caratu — a choć wielu zginęło w pierwszych chwilach najdzielniejszej młodzieży z powodu podburzenia ludu — jednak zgrupowane w kilka oddziałów, nie tylko (na Podolu, na Wołyniu ku Polesiowi) alarmuje niewiele wojska, ale zadaje klęski dotkliwe. Pomiędzy zabitymi jest Gotfryd Przepełski, ranni Wasilewscy, brat Jurka (Jurjewicza) i mnóstwo innych, których nazwisk nie pamiętam, wzięty do niewoli naczelnik wojenny Berdyczewski Padlewski, ojciec rozstrzelanego Zygmunta. Najznaczniejszy oddział generała Edmunda Różyckiego, ścigany wciąż przez ogromne siły moskiewskie, świetnie wywijał się dotąd, szarpiąc i ćwicząc zlekka po kilka razy Moskwę. Miał jednak jedną potyczkę wielką, w której tak świetne odniósł zwycięztwo, że jak w oczach kraju nową gwiazdą zajaśniał tak też Moskwie stał się klinem w sercu. Duninowie [3], którzy w swoim Lubarze trzymali się ze trzy tygodnie dają się dobrze we znaki mongołom,— niejakiś obywatel Ciechoński (tylko nie Maurycy) również często wspominany z powodu szczęśliwych choć drobnych potyczek. Oparci o Galicję i Mołdawję mogą buszować Rusini, nie brak im broni i częstych posiłków, a większa masa zdolnej młodzieży łatwe otwiera pole do popisu naczelnikom wojskowym.

W Królestwie najdzielniej odznaczają się Taczanowski i Czachowski. Ten ostatni nader szczęśliwie prowadzi swe interesa, jeszcze ani razu niezaznał klęski, a Moskwa ileż już liczy ofiar, ile strat w ludziach, amunicji i gotowym groszu dzięki jego szczęśliwej gwieździe. Grodno z każdego powiatu wystawiło oddział, zrazu nie większy 100—150 ludzi, a niedawno pod jednym naczelnikiem wojewódzkim (Duchiński, emigrant, brat pseudohistoryka) trzy oddzialiki 600 ludzi składały. Dzielny Walery Wróblewski, świetny jakiś Lenkiewicz (o cudo! dalibóg ani przez myśl mi nigdy nie przeszło, żeby na świecie mógł być inny Lenkiewicz jak idiota), jakiś

Wilno 28/16 Czerwca 1863 r.

N. 1.

22

Pozdrowienie i Braterstwo!

Niech żyje wolność Ojczyzny – własność i równość Kmieca! Cześć wier-
nym wam jej obrońcom!

Rad jestem że mi rzetelność pisania do Ciebie mój druhu sokole! tak wpro-
wadzona – mam obecnie trochę wolnego czasu, a choć pora spóźniona, nie
mogę lepiej spędzić nocy jak pisząc wam kilka słów, chociażby więcej
gadaniny, zawsze dla was nieobojętny, bo przypominający wśród monoto-
nności odludnej, zadźwięczy głos nowy a dawno słyszany. Wiem jakoś od
nas czekacie wieści: jak daleko włość w Kraju mongolskie oręż dzierży rozboju,
jaką stanowicie cyfrę w ogólnej sumie walczących, jakie są [illegible]
zasoby i jak Europa wobec nas dzisiaj stoi –

W Koronie ani na chwilę nie ucichł gwar bojów, rozbity oddział naza-
jutrz zbrojny gdzieś w pobliżu staje. Wielu z pierwotnych dowódców legło
z laurem na skroni, ryjąc w narodowej pamięci swoje imiona, inni
szlachetnie [illegible] ujęci lub z pod słupa kaźni – ofiarne namaszczeni
[illegible] braci krzepili wytrwaniem do ostatniej chwili rozbudzonego
ducha narodu. Rogiński zesłany do kopalń, Leon Frankowski rozstrzelany,
dowódca Kononowicz, Sierakowski, Kobyszko – powieszeni; Koziełł zabity,
[illegible] [illegible] przeszyty – legł stosem na szańcach [illegible]
cej młodzieży – to wiele nieznanych i niezasłużonych nie wspomnę.
Moskwa żadnym nie szczędzi życia. Spardonu nie rozumie dla walczą-
cych oręż – szubienica lub 25 kul naraz czeka każdego kto z podejrzenia
lub niedbalstwa wpada im do rąk. Kobiety bite publicznie, rzu-
cane do kordegardy policji wraz z zbrodniarzami i publicznemi
kobietami – potargane prawa ludzkie, zdeptane uczucia człowiecze

Письмо Вислоуху

ex-pułkownik od gwardyjskich saperów mosk[iewskich] [a] pomimo ogromnej masy wojska carskiego stawią Grodzieńszczyznę na świetnej stopie. Ale trzeba i to przyznać, że jeden z naszych (Chamut [4] — zostaw to przy sobie) [б], komisarz tego województwa, świetnie postawiwszy cywilną administrację, zapewnił oddziałom lepszą komunikację i dowóz żywności. Niedawno na szosie w Słonimskim Lenkiewicz świetną stoczył potyczkę [5], pobił 4 roty, zniósłszy jedną do szczętu, tak że barabanszczyk pozostały z roty wpadłszy o 2 mile od placu bitwy do miasteczka, a dwóch dragonów o 4 mile, lecieli przez rynek, wrzeszcząc: «спасайтесь, кто может, мятежники гонят, [ин]сургенты вслед за нами».

Z Kowieńskiej mniej mogę donieść szczegółów, chociaż doskonałe usposobienie włościan, nawet dobry rodzaj i dostatek broni dają możność dowódcom w otwarte pole wyprowadzić swoich. Ale nad wszystkich świetniejszy tam Jabłonowski: cały oddany zasadzkom, figlom i psikusom cudów dokazuje. W piątek 26 (14) t. m. przyszedł do tutejszego sztabu takich cyfr raport: «наших убито на месте 300 ч[еловек], ранено 150». Nic nadto nie dodam — raz że nie mamy raportu swojego, powtóre że raport mosk[iewski] wymówniejszy nad wszystkie opisy, że Moskwa nie ultruje, nie mnoży strat swoich — w to pewno wierzycie — wy! dziesięćkroć przez nią rozbici co do nogi, ujęci, itp. nawet wtedy, gdy jej całe roty znosicie, gdy zewsząd otoczeni, bohatersko uchodzicie z jej objęć śmiertelnych, nawet wtenczas, gdy bez pożywienia, odzieży, obuwia, wiadomości i tych niezbędnych środków materialnych i moralnych do życia, wyćwiczoną dziką gwardię niszczycie w zasadzkach. W Wileńskim każdy powiat ma swoje oddziały. Szkoda mi twego kamrata a mego druha Z. Minejki! Naczelnikiem będąc Oszmiańskiego powiatu został ujęty. Nie ujdzie łap Murawiewa.

Słaby to zarys toczącej się walki — nie wiele z tego obrazu zaczerpniesz danych — nie mam pod ręką ani gazet, ani wiadomości żadnych. Co mogę zarazem sklecić z rozbitej pamięci, to ci bezładnie posyłam.

Przyjm je z tym bratnim uczuciem, jakie chowam w duszy dla ciebie i dla twoich. Ale wojenne buleteny jeszcze cię nie nasycą. Ponad chorągwią bojową unosi się duch dźwignionego narodu, przejawy więc jego twórczości we wszelkich innych formach mogą cię jeszcze więcej obchodzić. Któż do nich ma większe prawo od was, coście na pierwszy apel tętna wskrzeszalnego, z pogardą trudów i cierpień, niebezpieczeństw i nędzy, rzucając domowe ogniska, poszli śród obcych ludów rzeszy zbroić piersi szlachetne, ćwiczyć dłoń mężną dla nas i za nas. W długoletnich dziejach emigracji najukochańszym dziecięciem ojczyzny świecić będzie wasza genueńska garstka [6], młodzieńczym promieniem owiła ona skroń okrwawioną narodu. Wam jeszcze nieznane były męty szachrajskiej zakały, z zapałem godnym świętych celów wyście nie dla sławy, próżności stali nad Alpami chorągwią wytyczną, rwąc się z wiarą, miłością i czystym ofiarnym sercem na nasze niwy siać ziarna wolności, czy to krwią mężnie w boju poległych, czy śmiercią męczeńską u słupa kaźni lub z wyżyn szubienic tworząc nowe zastępy, rodząc mścicielów szeregi. Europa dziś pojąć nie może, jak stoją dwa obok siebie rządy: jeden zaryglowany w cytadelach, kazamatach, pałacach, z tysiącami wojska wyćwiczonego, z administracją i polic-

---

[a] *В русском переводе, сделанном царскими чиновниками, помета на полях* Траугут, отст[авной] подполковник сапер[ов] арм[ии].

[б] *В русском переводе помета* Калиновский.

jami, z drogami komunikacyjnymi, drugi tajemny — z niewidzialną siłą, z pieniędzmi, prasami, trybunałami i wojskowością.

U nas na Litwie zaledwo teraz do organizacji cywilnej przychodzi — bo dotąd po prowincjach władze administracyjne nie funkcjonowały prawie, przez podłość i tchórzostwo szlachty rwącej się urzędów bez poczucia konieczności pracy, bez świadomości sił swoich i obowiązków. Dziś młody element bierze szlachtę w kluby, za 2—3 tygodnie poczujecie natychmiast tę różnicę, poczujecie że za wami stoi naród kochający was jako swych benjaminów, naród, co macierzyńską dłonią czuwa nad wami, spostrzeżecie że dla braci, co giną na polu walki gotowi poświęcić się bracia na wozach z żywnością, z wieściami i amunicją. Wchodzimy na tę drogę, na jaką, od dawna wskazywaliśmy szlachcie, na drogę szalonej energii, na drogę terroryzmu takiego, co nie tylko z pogardą w pień wycina podłość, ale bez wahania się i żalu morduje bierność, ćwiartuje słabość i niedołęstwo.

Szlachta umywa ręce od pracy na wsi, ucieka od was, bo się boi Murawjewa szubienic i jego sekwestrów — postawimy ją tak, żeby mogła wybierać między naszym stryczkiem i pękiem smolnego łuczywa — a grozą carską. Kiedy tysiące krew najszlachetniejszą leją, w bitwach zgłodniali, osłabli i goli — możeż, żywy szlachcic, pozostać biernym widzem tych wściekłych zapasów dla tego tylko, by potem chłopskie mienie ocalić?! Kiedy wieszamy chłopów za to że... [a] ciemni, bo donoszą i szpiegują na zgubę własną, nie pojmując położenia swojego i celu, jakież tortury i kaźnie mamy gotować dla sprawców niedoli chłopów, tylu naszych klęsk i męczarni — na szlachtę, co w ślad za wami szle gońców do Moskwy, zmyka do miast, sprzedając wprzód swoje zapasy ze świrnów etc?! Wam siłę mającym, stojącym śród ludu, co sprzyją wam szczerze, nie wolno — pod karą niepojęcia ważności chwili obecnej i wpływu na pojęcia ludowe — uskarżać się na podłość szlachty. Niechętny pan jeden lub dwóch niech cielskiem utuczonem zadyndają na suchych gałęziach — niech choć jeden ciemięzca chłopów zachychocze spod stryczka chrapaniem wobec dawnych swych negrów za donos, za niewypełnienie rozkazu lub obowiązku, za niezgładzone a niewynagrodzone krzywdy zadane ludowi lub wam, a stąd sprawie przyczynione — a lud was zrozumie, lud was nie nazwie «paniczami», jeno widząc w was podniesiony trybunał marzonej od kolebki swoich obrońców ogólnej swobody, otoczy zaufaniem i wiarą cudowną... W swoim kraju nie powinniście znać słowa «nie dają». Od waszego powodzenia los kraju zawisł — nie możecie więc poddać się rozpaczy lub nędzy dla tego, by nie obrazić nerwów szlachcianki grubym głosem rozkazu, lub nie przerwać ślimaczego spokoju zaśniedziałego w gnuśnym lenistwie szlachcica!

Najdzielniej posługują krajowej administracji i działaniom powstańczym w Królestwie i w Grodzieńskiej drobniutkie oddziałki od 6—10—12 konnych «żandarmów», którzy alarmują wroga, znoszą mu pikiety może w kilku po parę rot naraz, wieszają szpiegów, znoszą cywilne władze moskiewskie, przejmują poczty, przyprowadzają lud do przysięgi, pilnują regularnego dowozu żywności i amunicji dla oddziałów, skupują broń, przeszkadzają tworzeniu milicji etc.

---

[a] *Отточие в тексте.*

Z najciekawszych działań tajemnych rewolucyjnych jest obecnie zabranie w Warszawie przez Rząd Narodowy 3 700 000 rs. z głównego kaznaczejstwa Królestwa Pol[skiego]. Wzięto te pieniądze za kwitem (3 000 000 w papierach, 300 000 w złocie i 400 000 w srebrze) ale tak cicho, że Moskwa przez dni kilka nie obejrzała się, a tym czasem papiery te już wyprzedano za granicą[7]. Taka suma zasiliła Rząd Narodowy, a zręczna ta sprawka zaimponowała Europie. 17/5 t. m. posłały Francją, Anglia i Austria jednomyślne noty do Pitra, domagając się głównie wyprowadzenia wojsk z całej dawnej Polski, z pozostawieniem mosk[iewskiej] załogi tylko w fortecach, po czym nastąpiłyby układy o urządzenie Król[estwa] Pol[skiego]. Noty te — jak wiemy już dzisiaj — car odrzucił[8]. A więc następstwem tego wojna. Moskwa wojny prowadzić nie może, wycieńczony jej skarb, a przy pojawieniu się regularnego obcego żołnierza cały lud nas[z] jawnie przeciw Moskwie wystąpi. Jeszcze więc miesiąc wytrzymajecie, a Moskwę będziemy mogli — jako państwo europejskie — w archeologicznym muzeum postawić. Czuje to Moskwa — boi się, pastwi niesłychanie: wiesza, strzela, szle w katorgę za podejrzenie o należenie do powstania lub o sympatię dla ruchu. Przeciw biednych popów najsilniej występuje: Feliński wywieziony do Wołogdy za protest przeciw powieszeniu Konarskiego ks[iędza] bez zdjęcia sakry; Borowski (buł to podolski biskup) — za przeczytanie bulli papieskiej, błogosławiącej powstanie i za protest przeciw rozstrzelaniu księdza bez zdjęcia kapłaństwa. Krasiński za nienapisanie okólnika, potępiającego powstanie. Bowkiewicz prałat aresztowany za to samo. 3 księży: Iszora, Ziemacki i Syrwid rozstrzelani za czytanie manifestów etc. Czuje Moskwa swój kres, więc się mocuje w konania wysiłkach, próbuje czy jeszcze w ostatniej chwili nie zmusi kłamliwymi obietnicami i terroryzmem do złożenia broni. Widać dobrze stoimy, kiedy żydzi nie chcieli i nie podali adresu, a Domejko, przy najszczerszych chęciach, nie mógł go przeprowadzić[9]. Ale i my czujemy w sobie coraz nowe siły, widzimy kres haniebny potęgi carskiej, po każdej egzekucji dzielniej idzie nam robota, młódź bierze górę i prędko mamy nadzieję tak się ukonstytuować, że nas chyba wieki zmogą, ale nie «zardzewiałe narzędzie tortury».

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 241, лл. 22—23, 25—26. Подлинник[10]

ПЕРЕВОД

Вильно, 28 (16) июня 1863 г.

Привет и братство!

Да здравствует свобода Родины — собственность и равенство крестьянина! Вечная слава вам, ее защитникам!

Я рад, что так вовремя мне представляется возможность написать тебе, мой друг-сокол! У меня теперь есть немного свободного времени, и хотя час уже поздний, не могу лучше провести ночь, как набросав вам несколько слов хотя и праздной, но не безразличной для вас болтовни, так как среди уединенной монотонности, по крайней мере, зазвучит новый, но когда-то слышанный голос. Знаю, каких ждете от нас вестей: как далеко вошло оружие детей свободы в монгольские загривки, какую цифру вы составляете в общем числе сражающихся, каковы надежды, ресурсы страны и как в настоящее время к нам относится Европа.

В Короне ни на минуту не утих шум стычек, разбитый отряд на следующий же день в удвоенном числе появляется где-нибудь поблизости. Многие из первоначаль-

ных командиров полегли с лаврами на челе, оставив в памяти нации свои имена, другие, посылая с эшафота младшим братьям самоотверженный завет, своей стойкостью до последней минуты жизни укрепляли пробудившийся дух нации. Рогинский сослан в рудники, Леон Франковский расстрелян, начальник отряда Кононович — также, Сераковский (Доленго), Колышко — повешены, Козелл убит, Дмоховский пронзен 8 выстрелами — старец полег на руках подрастающей молодежи, о многих менее известных и менее заслуженных и не вспомню. Русские не сохраняют жизни раненым и не дают пощады безрассудно бросающим оружие — виселица или 25 пуль сразу ждут каждого, кто в панике или из-за неповоротливости попадает им в руки. Женщины, публично оскорбляемые, заполняют полицейские кордегардии вместе с преступниками и публичными женщинами, попраны человеческие законы, растоптано человеческое чувство; насилия, которым нет границ и названия, заменили даже деспотические законы. Муравьев наводит ужас на более слабых террором, но народная энергия и растущая гибкость и террор национальных властей вскоре преодолеют бешенство сатрапов.

Однако я пускаюсь в газетные глупости, а вам нужны факты. Простите! Какой-то поп-расстрига (Ламеннэ) сказал год назад, что «границы Польши там, где носят траур и поют гимны». Два месяца назад Валевский заявил с министерской скамьи: «Там пределы польского края, где за него льется кровь» [2]. И с тех пор, как оделась в траур старая польская земля, шляхта Литвы и Руси, нет и пяди земли от Молдавии до Смоленской, Псковской, Лифляндии, где бы не раздавались выстрелы повстанцев. Запоздалый взрыв Инфлянт вызвал со стороны рассвирепевшей солдатни целый ряд грабежей и убийств — восстание не могло там долго продержаться, но оно, хотя и небольшое по военному значению, имело огромный политический вес. Потом одновременно вспыхнуло восстание в Могилевской и Витебской губерниях, но длилось также недолго; народ, всеми средствами подстрекаемый властями, был для него наибольшим препятствием. Однако Витебская губ. и теперь имеет силы, правда, небольшие, но всегда принуждающие русских к постоянной бдительности. Могилевские же опираются на рубежи Минщины. Украина, Волынь, Подолия одновременным движением попали в самое сердце царизма, и хотя в первый момент погибло много самой энергичной молодежи из-за подстрекательства народа, однако сгруппированные в несколько отрядов не только (на Подолии, на Волыни, к Полесью) тревожат войска, но и наносят чувствительные поражения. Среди убитых — Готфрид Пжепелский, ранены Василевские, брат Юрека (Юрьевича) и много других, имен которых не помню, взят в плен бердичевский военный начальник Падлевский, отец расстрелянного Зыгмунта. Наиболее значительный отряд генерала Эдмунда Ружицкого, преследуемый огромными русскими силами, до сих пор блестяще ускользал, несколько раз налетая на русских и громя их наголову. Имел, однако, и одну большую схватку, в которой одержал такую великолепную победу, что если в глазах края заблистал как новая звезда, то русским он стал ножом в сердце. Дунины [3], три недели державшиеся в своем Любаре, крепко дают себя знать монголам, некий гражданин Цехонский (только не Мауриций) также часто упоминается по поводу удачных, хотя и мелких стычек. Опираясь на Галицию и Молдавию, могут бунтовать русины, у них достаточно оружия и частых подкреплений, а большая масса способной молодежи открывает широкое поле деятельности для военных начальников.

В Королевстве искуснее всех отличаются Тачановский и Чаховский. Этот последний весьма счастливо устраивает свои дела, еще ни разу не познал поражения, а русские уже насчитывают столько жертв, столько потерь в людях, амуниции и деньгах благодаря его счастливой звезде. Гродно от каждого уезда выставило отряд, сначала не более 100—150 человек, а недавно под общей командой начальника воеводства (Духинский — эмигрант, брат псевдоисторика) три небольших отряда составляли 600 человек. Искусный Валерий Врублевский, какой-то замечательный Ленкевич (о чудо! ей-богу, мне никогда и в голову не приходила мысль, чтобы на свете мог быть какой-

нибудь другой Ленкевич, кроме идиота), какой-то экс-полковник гвардейских московских саперов [а], несмотря на огромную массу царского войска, они ставят Гродненщину на высокий уровень. Но приходится признать и то, что один из наших (Хамут [4] — оставь это для себя), комиссар этого воеводства, превосходно организовав гражданскую администрацию, обеспечил отрядам лучшую связь и доставку продовольствия. Недавно на шоссе в Слонимском повете Ленкевич провел превосходную стычку [5], разбил 4 роты, истребив одну вдребезги, так что барабанщик, оставшийся от роты, ворвавшийся в местечко за 2 мили от поля боя, а двое драгун — за 4 мили, мчались через рынок, крича: [б] «спасайтесь, кто может, мятежники гонят, инсургенты вслед за нами» [б].

Из Ковенского воеводства могу сообщить меньше подробностей, хотя замечательное отношение крестьян, даже хорошее качество оружия и его достаток дают возможность начальникам выводить своих в открытое поле. Но превосходнее всех там Яблоновский: всецело предан засадам, проделкам и выходкам, творит прямо чудеса. В пятницу 26 (14) этого месяца пришел в здешний штаб рапорт с такими цифрами: [б] «наших убито на месте 300 человек, ранено 150» [б]. Ничего не прибавлю сверх этого, во-первых, потому, что своего рапорта у нас нет, во-вторых, потому, что русский рапорт выразительнее любых описаний. То, что русские не преувеличивают, не умножают своих потерь — в это наверняка вы верите; вы якобы разбитые ими десятикратно наголову, взятые в плен и т. д., даже тогда, когда сметаете целые роты, когда, окруженные со всех сторон, героически ускользаете из смертельных объятий, даже тогда, когда без еды, одежды, обуви, известий и тех необходимых для жизни материальных и моральных средств, уничтожаете в засадах вымуштрованную дикую гвардию. В Виленском воеводстве в каждом повете есть свои отряды. Жаль мне твоего соратника и моего друга З. Минейко! Будучи начальником Ошмянского повета, он был схвачен. Не уйдет из лап Муравьева.

Вот слабый очерк идущей борьбы, не много данных ты почерпнешь из этой картины: у меня нет под рукой ни газет, ни каких-либо известий. Посылаю тебе в беспорядке то, что смог добыть из расстроенной памяти.

Прими это вместе с тем братским чувством, которое я храню в душе к тебе и твоим. Но военные бюллетени еще не насытят тебя. Над боевым знаменем носится дух поднявшегося народа, поэтому тебя должны интересовать проявления его творчества во всех других формах. Кто имеет на них большее право, чем вы, которые пошли при первом призыве воскресающей родины, не страшась трудов и страданий, опасностей и лишений, бросая домашние очаги, пошли, чтобы среди толп чуждых народов вооружать благородные сердца, упражнять мужественную руку для нас и за нас. В многолетней истории эмиграции как любимейшее детище родины будет сиять ваша генуэзская горстка [6], юношеским сиянием осенила она окровавленное чело народа.

Вы еще не знали презренных подонков с печатью проклятия, с жаром, достойным святых целей, вы не для славы или тщеславия стали над Альпами как путеводное знамя, стремясь чистым, самоотверженным сердцем на наши нивы, чтобы сеять семена свободы, кровью мужественно погибших в бою или умерших мученической смертью у столба казни или же с высоты виселиц создавая новые отряды, рождая ряды мстителей. Европа сейчас не может понять, как рядом друг с другом стоят два правительства: одно — запершееся в цитаделях, казематах, с палками, с тысячами обученного войска, с администрацией и полицией, с путями сообщения; другое — тайное, с невидимой силой, деньгами, печатью, трибуналами и военной системой.

У нас в Литве лишь теперь дело доходит до гражданской организации, так как до сих пор администрация в провинциях почти не действовала из-за подлости и трусости дворянства, рвущегося к должностям без ощущения необходимости работать,

---

[а] *В русском переводе, сделанном царскими чиновниками, помета на полях* Траугут, отст[авной] подполковник сапер[ов] арм[ии].

[б–б] *Написано в оригинале по-русски.*

без понимания своих сил и обязанностей. Теперь молодой элемент берет дворянство в тиски, через 2—3 недели вы сразу же почувствуете эту разницу, почувствуете, что за вами стоит народ, любящий вас как своих детей, народ, материнской рукой охраняющий вас, увидите, что для братьев, гибнущих на поле боя, готовы приносить жертвы братья с возами продовольствия, со сведениями и обмундированием.

Мы вступаем на тот путь, на который с давних пор указывали дворянству: на путь бешеной энергии, на путь такого терроризма, который не только в корне истребляет подлость, но и без колебаний и жалости убивает пассивность, четвертует слабость и неповоротливость.

Дворянство сторонится от работы в деревне, бежит от вас, так как боится муравьевских виселиц и его секвестров,— так поставим же его так, чтобы ему пришлось выбирать между нашей петлей и пучком смолистой лучины и царской карой. Когда тысячи голодных, ослабевших и раздетых льют благороднейшую кровь в битвах, ты, живой дворянин, как ты можешь оставаться равнодушным зрителем этих бешеных схваток, лишь для того, чтобы спасти потом имение, нажитое трудом крестьян?! Если мы вешаем крестьян за то, что они... невежественны, так как доносят и шпионят на собственную погибель, не понимая своего положения и цели борьбы, то какие мучения и казни должны мы готовить для виновников крестьянской горькой доли, виновников стольких жертв, наших поражений и страданий — для дворянства, которое вслед за вами шлет гонцов к русским, запирается в городах, продавая сначала свои запасы из амбаров и т. д.?! Вам, обладающим силой, стоящим среди народа, искренно вам сочувствующего, нельзя — под страхом не понять важность настоящего момента и влияния на народные понятия — жаловаться на подлость дворянства. Пусть хоть один или двое недоброжелательных панов заболтаются тучными тельцами на сухих ветвях, пусть хотя один угнетатель крестьян захрипит на виселице перед прежними своими неграми за донос, за невыполнение приказа или обязанности, за неизгладимые и невознаградимые обиды, причиненные народу или вам, а поэтому и общему делу,— и народ вас поймет, народ не назовет вас «барчуками», видя в вас вдохновенный трибунал свободы, о которой он мечтал от колыбели, защитников всеобщей воли, он окружит вас доверием и верой... В своей стране вы не должны получать ответа «не дают». От вашего успеха зависит судьба страны — как можете вы терпеть горести или нужду, боясь оскорбить нервы дворянки грубым голосом приказа или нарушить покой дворянина, смердящего в гнусной праздности подобно улитке.

Искуснее всего помогают администрации края и повстанческим действиям в Королевстве и в Гродненском воеводстве мелкие отряды в 6—10—12 конных «жандармов», которые тревожат врага, собравшись по нескольку вместе, истребляют его пикеты, численностью до нескольких рот, вешают шпионов, уничтожают московские гражданские власти, перехватывают почту, приводят население к присяге, контролируют регулярную доставку продовольствия и обмундирования для отрядов, собирают оружие, препятствуют созданию милиции и т. д.

Наиболее интересным из подпольных революционных действий в настоящее время является захват Национальным правительством 3 700 000 руб. сер. из главного казначейства Королевства Польского в Варшаве[7]. Эти деньги взяты под расписку (3 000 000 в бумагах, 300 000 золотом и 400 000 серебром), но так скрытно, что русские в течение нескольких дней не спохватились, а тем временем эти бумаги уже продали за границей. Такая сумма укрепила Национальное правительство, а ловкое это дельце внушило уважение Европе. 17/5 текущего месяца Франция, Англия и Австрия единодушно послали ноты в Питер, настаивая главным образом на выводе войск из всей прежней Польши, с оставлением русских гарнизонов только в крепостях, после чего начались бы переговоры о создании польского королевства. Эти ноты, как мы теперь знаем, царь отверг[8] и, значит, последствием этого — война. Русские не могут вести

войны, их казна опустошена, и при появлении чужого регулярного войска весь наш народ открыто восстанет против русских. Итак, выдержите еще месяц, и мы сможем сдать Россию как европейское государство в археологический музей. Русские это чувствуют, ибо свирепствуют неслыханно: вешают, расстреливают, шлют на каторгу по подозрению в принадлежности к восстанию или в симпатии к движению. Особенно сильно выступают против бедных попов: Фелиньский вывезен в Вологду за протест против повешения кс. Конарского, с которого не был снят священнический сан; Боровский, подольский епископ, также — за прочтение папской буллы, благословляющей восстание, и за протест против расстрела ксендза без лишения сана. Красиньский — за то, что не написал обращения, осуждающего восстание. Прелат Бовкевич арестован за то же. Трое ксендзов — Ишора, Земацкий и Сырвид — расстреляны за прочтение манифеста и т. д. Русские чувствуют свой конец, поэтому напрягаются в предсмертных усилиях, пробуют, не удастся ли лживыми обещаниями и террором в последний момент принудить сложить оружие. Видимо, мы прочно стоим, если евреи не хотели и не подали адреса, а Домейко, при самом искреннем желании, не смог его провести[9]. Но и мы чувствуем в себе новые силы, видим позорный конец царского могущества; после каждой экзекуции работа у нас идет все лучше, молодежь берет верх, и мы надеемся вскоре так организоваться, что нас скорее одолеют века, чем «заржавевшее орудие пытки».

[1] *Документ обнаружен властями при аресте адъютанта командира повстанческого отряда в Виленской губ. Ф. Вислоуха — В. Комара. По его показаниям, письмо было принесено в отряд неизвестным крестьянином, читалось Ф. Вислоухом и офицерами его отряда, а затем было отдано на хранение В. Комару.*

Широкая осведомленность автора письма, выражаемые им надежды на усиление в руководстве восстанием влияния революционно-демократических сил свидетельствуют о том, что автор принадлежал к числу руководящих деятелей восстания в Литве и Белоруссии и, более того, относился к сторонникам К. Калиновского. В литературе имеется мнение, что автором письма был В. Малаховский (см. А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 257).

[2] *О приведенной фразе А. Валевского, сказанной в присутствии кн. В. Чарторыского, пишет современник и историк восстания С. Козьмян. См. S. Koźmian. Rok 1863, t. I. Warszawa, 1903, str. 95—96.*

[3] *Очевидно, имеются в виду действия повстанческого отряда Станислава Дунина, сформированного в Заславском и Житомирском уездах Волынской губ.*

[4] *Один из псевдонимов К. Калиновского. В конце марта 1863 г., после роспуска Литовского провинциального комитета, он выехал в Гродненскую губ. в качестве повстанческого комиссара.*

[5] *21—22 мая 1863 г. в районе дер. Миловиды Слонимского у. и произошел успешный бой объединенного повстанческого отряда под командой Ляндера (Ленкевича) с царскими войсками.*

[6] *В октябре 1861 г.— августе 1862 г. в Генуе, а затем Кунео (Италия) действовала военная школа, созданная руководством польской эмиграции для подготовки военных кадров будущего восстания. Слушателем школы был и Ф. Вислоух.*

[7] *В начале июня (н. ст.) 1863 г. варшавская революционная организация провела под руководством А. Вашковского изъятие 3 600 000 руб. из главной кассы Королевства Польского.*

[8] *5(17) июня 1863 г. французский министр иностранных дел Э. Друэн де Люи направил царскому правительству ноту, повторенную также Англией и Австрией. В ноте указывались пункты, принятие которых Российской империей могло бы послужить основой для дальнейших переговоров по урегулированию польского вопроса: всеобщая и полная амнистия участникам восстания, расширение прав поляков на занятие официальных должностей, признание польского языка государственным и др.*

1(13) июля 1863 г. последовал отрицательный ответ царского правительства, выраженный в ноте министра иностранных дел А. М. Горчакова.

[9] *С момента приезда в Вильно М. Н. Муравьева виленский губернский предводитель дворянства А. Домейко предпринимал меры по подготовке верноподданнического адреса царю от дворянства. Подробнее об адресах см. док. 19 и комментарии к нему.*

[10] *Перевод, выполненный царскими чиновниками, см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 241, лл. 27—32.*

19

1863 г. июля 27.— Адрес дворянства Виленской губ. на имя Александра II с осуждением восстания[1]

Всеавгустейший монарх!

Смуты революции вовлекли многих из дворян Виленской губ. к нарушению верноподданнической присяги в. и. в.

Отвергая действия революционной партии, по причине которой от нескольких месяцев земля наша обагряется кровью по большей части невинных жертв, чистосердечно и гласно просим тебя, государь, считать нас верноподданными твоими, заявляя при сем, что мы, составляя одно целое и нераздельное с Россиею, остаемся навсегда верноподданными твоими, вверяя судьбу дворянства, августейший монарх, твоему неограниченному милосердию.

Подписал по доверенности уполномочивших дворян в. и. в. верноподданный виленский губернский предводитель дворянства Александр Фадеев сын Домейко[a].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 1423, л. 1. Заверенная копия
Опубл.: «Виленский вестник», № 86 от 3 августа 1863 г.

[1] *Адрес явился выражением перехода дворянского лагеря Литвы и Белоруссии к политике сотрудничества с царизмом. О составлении адреса А. Домейко по уполномочию 235 дворян и продолжающемся сборе подписей по уездам М. Н. Муравьев в тот же день донес Александру II и П. А. Валуеву (там же, лл. 190—191). 28 июля царь и Валуев благодарили Муравьева в телеграммах за* добрую весть *(лл. 192—193). 30 июля Валуев сообщил о* высочайшей благодарности *А. Домейко и надежде императора,* что г.г. дворяне не одними словами, но на деле докажут выраженную ими преданность *(л. 199).*

19 октября 1863 г. Муравьев донес Валуеву о том, что по Виленской губ. адрес подписали 3899 дворян (подписка продолжалась — см. там же, л. 219). О массовом сборе подписей под верноподданническими адресами по Ковенской, Могилевской, Гродненской, Минской и Витебской губерниям см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., соответственно дела 1442, 1445, 1447, 1479, 1485.

20

1863 г. августа 11 (23), Варшава.— Инструкция Секретариата по делам Литвы Национального правительства полномочному комиссару в Литве О. Авейде в связи с предполагаемой перестройкой деятельности Исполнительного отдела Литвы[1]

Rząd Narodowy

Sekretariat Litwy
Nr 1840
Warszawa 23. VIII 1863 r.

Do ob. pełnomocnika
Rządu Narodowego na Litwie

Z raportu twego, obywatelu, Rząd przychodzi do przekonania, że dla należytego sprawdzenia prac powstańczych i przygotowawczych na Litwie uważać za konieczne:

[a] *Помета карандашом* Список дворян находился у е. вп.

1. Umorzenie sprawy rokoszu [2].

2. Reorganizowanie oddziału na zasadach przez ciebie przedstawionych.

3. Rozdział całej prowincji na dwie części: jedna ma brać czynny udział w powstaniu, druga zaś ograniczać się powinna do pewnego czasu na robotach spiskowych i przygotowawczych.

4. [...][a] od ogniska władzy w pieniądzach, ludziach i broni.

Co do punktu pierwszego Rząd Narodowy przychyla się do twej opinii: skoro ludzie przez ciebie powołani dają rękojmię sumiennej a szczerej pracy i skoro zaręczasz, że akt ten nie miał takiej doniosłości, jak to można było wnioskować z dokumentów piśmiennych. Bez wątpienia okropne położenie kraju mogło natchnąć ludzi szczerze sprawie oddanych, rozpaczą — wszakże trudno pojąć formę, w jakiej się ta rozpacz objawiła. Łatwiej byłoby sobie objaśnić, jeżeliby ludzie stojący w Wydziale lub poza Wydziałem, lecz mający za sobą silną organizację w kraju, środki dźwignięcia powstania i t. p. a. widząc tamowanie roboty przez władzę najwyższą — chcieli się oderwać i działać na swoją rękę i stawili pewne warunki. Dałby się fakt podobny [objaśnić] naturalnie.

Ale skoro dobijają się o supremację władzy, powiadają jednoczasowie: dajcie nam pieniędzy, dajcie ludzi, przysyłajcie oddziały — [bo] zginiemy — to pretensjami swoimi nurtują ogólne działanie powstania. Bo i cóż z tego, że się władza powiększy temu, co jej użyć i zastosować nie ma sił; będzie to upiór władzy ale nie owa potęga co panowanie Moskwy w proch obrócić zdolna. Takie było pojęcie Rządu Nar[odowego], lecz ufność jaką się pokłada w twojej znajomości potrzeb powstania i trafność w ocenianiu środków i ludzi skłania Rząd do przychylenia się do twego wniosku, obywatelu, i dla tego daje ci niniejsze upoważnienie uważać tą sprawę za umorzoną, byle tylko prace Wydziału na niczym nie ucierpiały i mogły się rozwijać z należytą sprężystością.

Co do punktu drugiego, to jest zasad mających służyć za podstawę nowej organizacyi prac Wydziału, R[ząd] N[arodowy] podziela opinię twoją, obywatelu, tym bardziej że one były już wytknięte w instrukcji danej Wydziałowi z dnia 1 czerwca i w instrukcjach dodatkowych [3]. Stanowisko zaś obecne sekretarza prowincji, jak ci, obywatelu, wiadomo, przy nowej organizacji Rządu daje mu możność pilnowania nietykalności zasad powstania dekretem z dnia 22 stycznia objętych.

Przechodząc od ogólnego poglądu do szczegółów — zasady te dadzą się sformułować następnie:

1. R[ząd] N[arodowy] jest władzą najwyższą — Wydział jako władza zależna może być przez Rzad rozwiązany, a każdy z członków uważa się jako urzędnik narodowy i przez R[ząd] N[arodowy] może być wykwalifikowany do oddania pod sąd najwyższy, który jedyny być winien dla kraju całego i wszystkie władze przezeń mają być sądzone. Stosownie do tego ustawa sądu najwyższego będzie zmienioną.

2. Wydział wykonawczy zmienia swą nazwę i na pieczęci po boku będzie miał nadpis: «R[ząd] N[arodowy] Wydział Litewski». Na mocy tego ma prawo wydać stosowną odezwę, której redakcja powierza się twej kontroli, obywatelu.

---

[a] *Пропуск слова в тексте, могло быть* pomoc *(помощь).*

3. Wydział Litewski ma w prowincji najwyzszą władzę administracyjną i wykonawczą.

4. Co do władzy sądowej — Wydział ma prawo mianowania i kontrolowania władz sądowniczych dekretami R[ządu] N[arodowego] z zastrzeżeniem atoli że funkcjonowanie tych władz winno być zupełnie niezależne. Sądy doraźne Wydział, jeżeli uzna za stosowne, może władzom od siebie zależnym ustanowić zalecić.

5. Wszyscy obywatele kraju i urzędnicy od Wydziału mianowani podlegają sądowi trybunału. Członkowie Wydziału i komisarze rządowi — sądowi najwyższemu w Warszawie, władza wojskowa — sądowi wojennemu.

6. Władza prawodawcza jest wyłącznym atrybutem R[ządu] N[arodowego]. Przez wzgląd jednak na położenie kraju zostawia się Wydziałowi moc stanowienia praw doraźnych przez potrzebę chwili wywołanych na osobistą odpowiedzialność wszystkich członków Wydziału większością czterech głosów przeciw jednemu.

Uwaga: przywilej ten uwzględniony był w instrukcji z dnia 11 czerwca [4].

7. Wszystkie dekreta R[ządu] N[arodowego], administracji wewnętrznej dotyczące, Wydział przez wzgląd na potrzeby miejscowe, może modyfikować z tem jednak zastrzeżeniem, ażeby modyfikacje te, nie podkopywały zasad manifestem z dnia 22 stycznia i 31 lipca [5] objętych i otrzymały sankcję pełnomocnika, który o tym zawiadomić winien z przytoczeniem powodów do modyfikacji lub nawet czasowego powstrzymania się od wprowadzenia instrukcji. W razie niezgodzenia się pełnomocnika Wydział ma prawo odwołać się do R[ządu] N[arodowego].

8. Podług nowej organizacji R[ządu] N[arodowego] sekretarze prowincji mają prawo bywania na posiedzeniach R[ządu] N[arodowego]. Wszelkie więc stosunki zagraniczne i postanowienia Rządu obowiązani będą komunikować co dwa tygodnie Wydziałowi Litewskiemu i Rusi, oprócz tego służy im prawo protestu i zaskarżenia przed sąd najwyższy w razie jeżeliby — czego być nie może — który z członków chciał pogwałcić zasady manifestem z dnia 22 (1) i 31 (7) [a] [ogłoszone].

9. Sekretarz prowincji na przedstawienie Wydziału ma być przez R[ząd] N[arodowy] mianowany, pomocnik i referent na przedstawienie sekretarza przez R[ząd] N[arodowy] mianowany.

10. Raz zamianowany sekretarz może być tylko przez R[ząd] N[arodowy] usunięty. Wydziałowi zaś służy prawo zaskarżenia go przed sąd najwyższy.

Uwaga: na żądanie osobiście wyrażone przez sekretarza obecnego prowincji Litwy R[ząd] N[arodowy] wzywa Wydział, ażeby przedstawił bezzwłocznie swojego kandydata.

Na takich zasadach, obywatelu, zechcesz wygotować ustawę zasadniczą Wydziału i przesłać ją do zatwierdzenia Rządowi Narodowemu.

Uwzględniając smutne położenie kraju, wyczerpanie wszystkich zasobów i trudności podtrzymania czynnego powstania w województwach, gdzie lud wieśniaczy nie garnie się ochoczo do wojsk narodowych R[ząd] N[arodowy] przychyla się do postanowienia Wydziału z dnia 1 sierpnia [6] z tym atoli zastrzeżeniem, że działania wojskowe w województwach, przylegających do granic Kongresówki, dla jedności i sprężystości działań

[a] *В тексте ошибочно* 31 (6).

wojskowych muszą być zależne od ogólnego planu wojskowego i muszą być wprost od Wydziału wojny zarządzone; potrzeba więc aby znalazły wszędzie środki administracyjno-wojskowe dla siebie przygotowane.

Droga spiskowania rzeczywiście może jedynie wzmocnić działania sieci organizacyjnej, obecnie rozprzężonej zupełnie, byle tylko znowu mieć na względzie, że to jest epoka przechodowa i że jak można najśpieszniej koniecznem jest wciągnąć wszystkie prowincje do powstania czynnego.

Warunki do wykonania powyższego projektu, przedstawione przez ciebie, obywatelu, w 10 punktach, dają się podzielić na te, co zależą bezpośrednio od samego Wydziału, jego zabiegliwości i energii, takowe są:

1. Zorganizowanie sekcji i biur rządowych, miasta i t. p.
2. Intendentury, ekspedycji i prasy.
3. Sprowadzenie broni.
4. Szybka komunikacja z Rządem.

Inne znowu, jak ekspedycja z Augustowskiego, już jest zarządzona [7] i R[ząd] N[arodowy] wyznaczył sumy potrzebne, od morza może się da zarządzić. Co do przesłania 500 000 zł. p., te, jak tylko będą mogły być rozporządzalne, wnet do Wilna będą przesłane. Trzeba tylko żebyście postarali się urządzić komunikację stałą do przesyłania wam pism, druków i t. p. i drogi wasze przeszlijcie sekretarjatowi.

Sekretariat Litwy zapytuje, czy obywatel hr. Prozor Maurycy, który przybył z Kowna do Warszawy, zapłacił podatek narodowy, i w razie, jeżeli nie zapłacił, zawiadomić prosi, jaka suma od niego się należy.

Rzepecki, znany szpieg moskiewski, bawi teraz w m. Pińsku. Rysopis jego: lat około 30, nizki, krępy brunet, dziobaty, twarz okrągła, mocno czerwona.

Co do prośb ciebie, obywatelu, specjalnie dotyczących, sekretariat Litwy stosowne kroki do władz miasta Warszawy uczynił, odpowiedzi jednak dotychczas nie otrzymał jeszcze.

Печать секретаря Национального правительства
Печать секретаря провинций Литвы Национального правительства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 209, л. 2, лл. 67—68. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство

Секретариат Литвы
№ 1840
Варшава
23.VIII 1863 г.

Гражданину
полномочному комиссару
Национального правительства
в Литве

Из твоего рапорта, гражданин, правительство убедилось, что в целях надлежащего ведения повстанческой деятельности и подготовительной работы в Литве необходимо следующее:

1. Предать забвению дело о возмущении [2].
2. Реорганизовать отдел на представленных тобой началах.
3. Разделить всю провинцию на две части: одна должна принимать активное участие в восстании, другая же должна до определенного времени ограничиться ведением конспиративной и подготовительной работы.

4. [...][a] от центральной власти в денежных средствах, людях и оружии.

Что касается первого пункта, то Национальное правительство разделяет твое мнение при условии, если те, которых ты называешь, обещают добросовестно и честно работать и если ты ручаешься, что это дело не имело такого значения, как об этом можно было бы полагать, исходя из имеющихся документов. Не подлежит сомнению, что то ужасное положение, в каком находится край, могло привести в отчаяние честных, преданных делу людей, но все же трудно понять форму, в которой это отчаяние проявилось. Было бы легче объяснить это себе, если бы те, кто находится в Отделе или за пределами Отдела, но имеет за собой в крае сильную организацию и держит в своих руках все рычаги восстания и т. п. и, считая, что верховная власть лишь тормозит работу, захотели бы оторваться от нее и действовать на свой страх и риск и ставили при этом известные условия. Тогда, конечно, было бы просто объяснить все.

Если же, однако, добиваясь того, чтобы вся власть перешла в их руки, они в то же время твердят: дайте нам денег, дайте людей, присылайте отряды, в противном случае мы погибнем, то они своими притязаниями подрывают общее дело восстания. Да и что с того, если власть перешла бы к тому, кто не имеет силы, чтобы воспользоваться ею и применить ее на деле. Это был бы лишь призрак власти, а не та могучая сила, которая была бы в состоянии превратить в прах русское господство. Таково было мнение Национального правительства, но доверие, которое оно питает к твоему знанию нужд и потребностей восстания, и правильность твоей оценки положения и людей заставляет его дать свое согласие на твое предложение. Имея это в виду, правительство и уполномочивает настоящим тебя, гражданин, считать это дело преданным забвению, лишь бы работа Отдела не пострадала и могла бы и далее развиваться с должной энергией и размахом.

Что касается второго пункта, т. е. тех начал, которые должны послужить основой новой организации прав Отдела, то Национальное правительство разделяет твое, гражданин, мнение, тем более, что они были уже намечены в высланной Отделу инструкции от 1 июня и в дополнительных инструкциях[3]. Позиция же, которую занимает в настоящее время секретарь провинции, как это тебе, гражданин, известно, при новой организации правительства дает ему возможность следить за тем, чтобы неуклонно соблюдались те принципы восстания, которые были изложены в декрете от 22 января.

Переходя же от общей точки зрения к деталям, эти принципы можно сформулировать следующим образом:

1. Национальное правительство является верховной властью. Отдел, как подчиненная Национальному правительству инстанция, может быть им расформирован. Каждый из членов Отдела считается чиновником на национальной службе, и Национальное правительство вправе устранить его с занимаемой им должности и предать верховному суду, компетенция которого должна распространяться на всю страну и которому подсудны все органы власти. В положение о верховном суде будут внесены соответствующие изменения.

2. Исполнительный отдел изменяет свое наименование, и на его печати будет надпись: «Национальное правительство. Литовский отдел». В силу этого он имеет право выпустить соответствующее воззвание, текст которого вверяется твоему, гражданин, контролю.

3. Литовский отдел обладает в провинции верховной административной и исполнительной властью.

4. Что касается судебной власти, то Отдел имеет право назначения и контролирования органов судебной власти при помощи декретов Национального правительства с той, однако, оговоркой, что функционирование этих органов должно быть полностью неза-

---

[a] Пропуск *слова в тексте, могло быть* pomoc *(помощь)*.

висимым. Если Отдел сочтет это необходимым, он может приказать подчиненным ему органам власти учредить военно-полевые суды.

5. Все граждане края и назначенные Отделом чиновники подсудны трибуналу. Члены Отдела и правительственные комиссары — верховному суду в Варшаве, военные власти — военному суду.

6. Законодательная власть является исключительной привилегией Национального правительства. Имея, однако, в виду то положение, в котором находится край, Отделу предоставляется право, в случае вызванной требованиями момента необходимости, под личную ответственность всех членов Отдела ввести чрезвычайные суды, причем решение об этом принимается большинством четырех голосов против одного.

Примечание: настоящая привилегия предусмотрена в инструкции от 11 июня [4].

7. Во все декреты Национального правительства, касающиеся внутренней администрации, Отдел, исходя из местных потребностей, может вносить изменения с той, однако, оговоркой, чтобы все эти изменения не подрывали принципов, намеченных манифестом от 22 января и 31 июля [5], и были санкционированы полномочным комиссаром, который должен поставить об этом в известность Национальное правительство с указанием тех причин, которые вызвали необходимость внести те или иные изменения или даже временно воздержаться от введения инструкции. В случае несогласия полномочного комиссара Отдел имеет право обратиться к Национальному правительству.

8. В соответствии с новой организацией Национального правительства секретари провинций имеют право присутствовать на заседаниях Национального правительства. О всех вопросах, касающихся внешних отношений, и о постановлениях правительства Отделы Литвы и Руси [a] раз в две недели должны ставиться в известность. Помимо этого, им принадлежит право обращаться с протестом и жалобой в верховный суд в том случае, если, что невероятно, кто-либо из членов правительства питал намерение нарушить принципы манифестов от 22 января и 31 июля.

9. Секретарь провинции назначается Национальным правительством по представлению Отдела, помощник и референт назначаются Национальным правительством по представлению секретаря провинции.

10. Будучи назначен на свой пост, секретарь может быть устранен с него лишь Национальным правительством. Отделу принадлежит право обращаться с жалобой на него в верховный суд.

Примечание: в соответствии с личным пожеланием, выраженным нынешним секретарем провинций Литвы, Национальное правительство приглашает Отдел незамедлительно представить своего кандидата.

Просим тебя, гражданин, разработать на изложенных выше началах основное положение об Отделе и переслать его Национальному правительству для утверждения.

Принимая во внимание тяжелое положение края, истощение всех ресурсов и трудности, связанные с поддержанием активного восстания в воеводствах, где сельское население не проявляет особого желания присоединиться к национальным войскам, Национальное правительство выражает свое согласие с постановлением Отдела от 1 августа [6] с той, однако, оговоркой, чтобы военные действия в воеводствах, территория которых граничит с конгрессовой Польшей, в целях единства и большей эффективности военных действий должны быть согласованы с общестратегическим планом и должны вестись в прямом соответствии с приказами Военного отдела. Необходимо также, чтобы для этого были повсюду разработаны планы соответствующих административно-военных мероприятий.

Деятельность, проводимая конспиративными средствами, может, разумеется, лишь укрепить крайне недостаточную в настоящее время деятельность административных

---

[a] *Т. е. Украины.*

органов, следует лишь вновь иметь в виду, что мы живем в переходное время и что крайне необходимо в наикратчайший срок добиться того, чтобы все провинции приняли самое энергичное участие в восстании.

Некоторые из тех условий осуществления приведенного выше проекта, которые ты, гражданин, изложил в 10 пунктах, зависят непосредственно от самого Отдела, его предусмотрительности и энергии, как, например:

1. Организация правительственных, городских и прочих секций и бюро.
2. Интендантуры, экспедиции и прессы.
3. Доставка оружия.
4. Организация быстрых сношений с правительством.

Другие же условия, как, например, экспедиция из Августовского воеводства, уже проводятся в жизнь [7], и Национальное правительство выделило необходимые для этого денежные средства. Возможно, что удастся наладить и экспедицию с моря. Что же касается пересылки 500 000 польских злотых, то, как только они окажутся в нашем распоряжении, они будут пересланы в Вильно. Следует лишь постараться наладить постоянную связь для пересылки вам газет, различных изданий и т. п., и данные об этой связи перешлите в секретариат.

Секретариат Литвы запрашивает, уплатил ли гражданин гр. Маврицкий Прозор, который прибыл из Ковна в Варшаву, национальный налог, и в том случае, если он его не заплатил, просит уведомить, какая сумма причитается с него.

Жепецкий, известный русский шпион, в настоящее время находится в гор. Пинске, его приметы: около 30 лет, низкого роста, коренастый, брюнет, круглое, темно-красное лицо со следами оспы.

Что же касается просьб, относящихся непосредственно к тебе, гражданин, то Секретариат Литвы предпринял у городских властей в Варшаве соответствующие шаги, но до сего времени ответа, однако, еще не получил.

[1] *Инструкция Секретариата была выслана О. Авейде, около 27 июля 1863 г. выехавшему в Вильно по поручению Национального правительства и арестованному 22 августа 1863 г. Публикуемый документ является ответом на не дошедший до нас рапорт О. Авейде о положении дел в виленской организации. Инструкция была обнаружена властями в сапоге задержанного агента Национального правительства Нальборского, приехавшего из Варшавы (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., д. 23, ч. 280, лл. 14—15). Ввиду ареста Нальборского инструкция не дошла до членов виленского повстанческого центра.*

[2] *Этот и следующие пункты отражают острую дискуссию среди членов виленского повстанческого центра, посредником в которой выступил О. Авейде. К. Калиновский и В. Малаховский выдвинули проект расширения функций Исполнительного отдела Литвы в сторону большей независимости от варшавского Национального правительства, не учитывавшего специфических особенностей восстания в Литве и Белоруссии. Планировавшиеся сторонниками К. Калиновского реформы позволили бы шире и полнее проводить революционно-демократические меры по расширению социальной базы восстания. Тот факт, что О. Авейде, а за ним и Национальное правительство были вынуждены согласиться на компромисс и принять многие из требований К. Калиновского и В. Малаховского, свидетельствует о том, что сторонники К. Калиновского, особенно после отхода «белых», были единственной реальной силой в руководстве восстанием, с которой приходилось считаться. Подробнее о конфликте внутри виленского центра, о переговорах О. Авейде и принятых решениях см. док. 65 в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», а также «Pamiętniki Jakóba Gieysztora», t. II. Wilno, 1913, str. 62—68 и «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». М., 1961, стр. 616—617.*

[3] *Документы неизвестны; об инструкциях из Варшавы и отношении к ним членов Исполнительного отдела Литвы в общей форме сообщает Я. Гейштор (Указ. соч., т. II, стр. 34—35).*

[4] *Документ неизвестен.*

[5] *В воззвании Национального правительства к народу от 31(9) июля 1863 г. подтверждались принципы манифестов и декретов от 22(10) января 1863 г. (борьба*

за восстановление Польши в границах 1772 г., проведение в жизнь наделения крестьян землей) и выражалось намерение вооружить весь народ.

[6] *Документ неизвестен. Вероятно, речь идет о том постановлении Исполнительного отдела Литвы, о котором пишет Я. Гейштор (указ. соч., т. II, стр. 62—65) и которое квалифицируется в публикуемом документе как «rokosz» (выступление против центральной власти). Это постановление явилось основной причиной отставки Н. Дюлёранга и приезда в Вильно О. Авейде.*

[7] *Подробнее о не состоявшемся переводе повстанческих отрядов из Царства Польского в Литву и Белоруссию см. показания О. Авейде (док. 40).*

21

1863 г. сентября 8(20), Вильно.— Обращение Исполнительного отдела Литвы к повстанцам, оставившим свои отряды

Rząd Narodowy
Wydział Wykonawczy w prowincji

d. 20 września 1863

Do żołnierzy polskich znajdujących się w rozsypce.

Męstwo i waleczność żołnierzy polskich wywalczyły w opinji Europy przekonanie, że Polska być musi, że Polacy są narodem zasługującym na niezależność od Moskwy. Dziś jest chwila, kiedy narody Europy przyznały już, że obowiązkiem ich sumienia jest popierać sprawy Polski. Cześć i chwała żołnierzom polskim! Oni to mozolnie wywalczyli te laury, które Ojczyzna pobierać zaczyna!

Dochodzi do wiadomości Rządu, że wielu z żołnierzy, odbiwszy się od obozu, tracą energię powątpiewają o czujności Rządu Narodowego i wnioskują, iż będą zmuszeni poddać się Moskalom. Dla tego Rząd odzywa się do nich: Nie myślcie, bracia, żeby o was zapomniano: w każdej chwili komitet stara się wiedzieć o obrotach, dostarczać posiłki, zapomagać w potrzebach. Nie zawsze dostrzegacie tę czujność, bo Moskale przeszkadzają, tak jak i wam w wielu czynnościach przeszkadzają. Nie traćcie wiary, bo Rząd nad wami czuwa! Sprawa polska nie upada: może jeszcze przewlecze się cokolwiek wojna, ale zawsze skończy się na stronę naszą, zawsze laury swycięstwa odbiorą żołnierze polscy.

Kto czuje w sobie dosyć męstwa, niech wytrwa! Pamiętajcie, że na jednej stronie chwała temu, kto doprowadzi do konca rozpoczęte dzieło; na drugiej hańba i utrata zasługi, jaką dotąd wywalczył. Wybierajcie, co komu należy!

Rząd zwraca się do tych, którzy zechcą dalej być walecznymi żołnierzami polskiemi. Zawiadamia, że już ma przygotowane schronienie na zimę, gdzie wojsko nasze będzie zabezpieczone od niewygód i niebezpieczeństw, które można tu spotykać. Naczelnik wasz ma w tym względzie dane rozporządzenie. Wam zaś poleca się przebyć jak najostrożniej w tym miejscu, gdzie się znajdujecie, dni kilka, gdzie będziecie zaopatrzeni w potrzebną odzież, a za danym hasłem udacie się do wskazanego miejsca, gdzie wasz naczelnik będzie na was oczekiwał.

Los bitwy przyczynił tę rozsypkę. Wy nie jesteście winni temu — ale pamiętajcie, bracia, że odpowiedzialność wielka ciąży na tych, którzy dobrowolnie opuszczą obóz, tracą pozycję, a w dodatku, poszedłszy do Moska-

li, wydają swoich braci.— Pamiętajcie, że to jest podłość niegodna żołnierzy polskich!

Печать правительственного комиссара Ошмянского повета [1]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 678, л. 15. Копия

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Исполнительный отдел
провинции

20 сентября 1863 г.

К польским солдатам, отбившимся от своих отрядов.

Мужество и храбрость польских солдат вызвали в общественном мнении Европы убеждение, что Польша должна существовать, что поляки — это народ, достойный быть независимым от Москвы. В настоящий момент народы Европы признали, что долгом их совести является поддержка дела Польши. Честь и слава польским солдатам — ведь это они морально завоевали те лавры, которые Родина начинает пожинать!

Правительство получает сведения, что многие из солдат, отбившись от лагеря, падают духом, начинают сомневаться в предусмотрительности Национального правительства и приходят к выводу, что они будут вынуждены сдаться русским. Поэтому правительство взывает к ним: не думайте, братья, что о вас забыли; комитет всегда старается знать о передвижениях, доставлять подкрепления, помогать необходимым. Вы не всегда замечаете эту заботу, ибо русские мешают, так же как мешают и вам во многих делах. Не теряйте веры, ибо правительство заботится о вас! Дело Польши не погибло: война может еще немного затянуться, но в любом случае она кончится в нашу пользу, и лавры победы все же достанутся польским солдатам.

Кто чувствует в себе достаточно мужества, тот выстоит! Помните: слава тому, кто доведет до конца начатое дело, или же позор и утрата заслуженной в боях чести — пусть каждый сделает свой выбор!

Правительство обращается к тем, которые предпочтут и впредь быть храбрыми польскими солдатами. Оно уведомляет, что уже имеет для них приготовленные на зиму убежища, где наши войска будут укрыты от невзгод и опасностей, с которыми они тут могли встретиться. Вашему командиру в этом отношении даны распоряжения. Вам же рекомендуется оставаться самым осторожным образом там, где вы находитесь, несколько дней, там вы будете снабжены необходимой одеждой, а по данному сигналу отправитесь в указанное место, где ваш командир будет вас ждать.

Судьба битвы была причиной того, что вы отбились от своих отрядов. Вы в этом не повинны, но помните, братья, что великая ответственность ложится на того, кто самовольно покидает лагерь, сдает позиции и вдобавок, пойдя к русским, выдает своих братьев. Помните, что это подлость, недостойная польских солдат.

[1] *Документ известен лишь по копии, распространявшейся в Ошмянском у.*

22

1863 г. сентября 23.— Предписание М. Н. Муравьева капитану корпуса путей сообщения Трейтеру об усилении контроля за перевозкой грузов по железной дороге в связи с обнаружением на станции Вильно ящиков с оружием и прокламациями

При вскрытии совершенно случайным образом нескольких присланных в Вильно по железной дороге ящиков оказалось в одном до

10 000 экз. различных прокламаций революционного содержания, доставленных из Варшавы, в другом — типографический станок из Берлина, присланный через С.-Петербург, и в третьем — несколько ружей из Пскова [1].

Так как этот случай доказывает, что при отправлении клади по железной дороге не соблюдается надлежащей осмотрительности, предлагаю вам сделать распоряжение, чтобы на Динабургской, Виленской, Ковенской, Гродненской и Белостокской станциях отправляемая и получаемая с товарными поездами кладь была подвергаема тщательному наблюдению и чтобы при этом было обращаемо особенное внимание на ящики и тюки с надписями: домашняя кладь, тряпье, белье, металлические галантерейные вещи и т. п., — и вообще на все те места, вместительность коих не соответствует показанной в них клади и весу.

Сомнительные из них вскрывать, и если окажутся запрещенные вещи или вообще предметы, отправляемые для содействия мятежникам, то таковые задержать и мне тотчас же донести, стараясь в то же время обнаружить как отправителей, так и лиц, коим посланные вещи адресованы.

Ген.-от-инфантерии Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1004, ч. 1, л. 20. Отпуск

[1] 21 сентября 1863 г. М. Н. Муравьев донес о найденных транспортах управляющему III отделением А. Л. Потапову (там же, л. 13).

23

1863 г. ноября 6.— Рапорт председателя Виленской следственной комиссии С. Г. Веселитского М. Н. Муравьеву со сведениями о подготовке восстания весной 1864 г.

Из дел Виленской следственной комиссии видно, что в числе добровольно являющихся из шаек есть такие люди, которые были в шайках офицерами.

Военно-уездные начальники и губернатор, рассматривая их показания и не встречая ничего особенного, на основании циркулярного распоряжения в. вп. приводят некоторых из них на верноподданство к присяге и водворяют на место жительства.

Доходит до моего сведения, что между арестантами возникла молва, что покорность являющихся из шаек не есть искренняя и что весною снова будут попытки к образованию шаек.

Как меру осторожности полагаю полезным: всех тех лиц, которые были в шайках какими бы то ни было начальниками, офицерами, фельдфебелями или каптенармусами, хотя особенных проступков и не сделали, хотя бы они добровольно явились, выразили свое раскаяние, непременно высылать на жительство в дальние губернии и вовсе в край не возвращать, предоставя местному гражданскому начальству устройство их судьбы, по степени нравственных и умственных достоинств каждого. Эту меру я полагаю полезным расширить на весь управлению вашему вверенный край.

Мера эта избавит край от людей беспокойных, которые более или менее имеют на других влияние, и на случай новых в крае волнений пропаганда будет лишена людей, бывших уже во главе революционных действий и, следовательно, приобретших уже некоторую в том опытность, знание местностей и имеющих в обществах связи. С другой стороны, люди эти, отчужденные от бывшего театра их действий и находясь посреди и под надзором русских обществ, могут, оставив злые затеи, сделаться полезными членами обществ.

Таковое мнение мое представляю благоусмотрению в. вп.

Председатель ген.-лейтенант Веселитский

ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1073, ч. 1, лл. 42—43. Подлинник

24

1863 г. декабря 4(16), Вильно.— Письмо военной секции Исполнительного отдела Литвы Б. Длускому за границу о мерах по сохранению сил восстания [1]

Rząd Narodowy
Sekcja wojny
Nr. 159

Do pułkownika
Bolesława Jabłonowskiego

Wilno dnia 16(4) grudnia 1863 r.

Jednym z najgłówniejszych powodów niepowodzenia wielu oddziałów partyzanckich na Litwie był brak dowódców, obeznanych ze sztuką wojskową, i brak regulaminów, służby obozowej i służby polowej, mogących choć w części obeznać jak niektórych dowódców, tak i żołnierzy z głównymi zasadami prowadzenia wojny, nadać oddziałom szyk i porządek wojskowy i, określając stosunki podwładnych i naczelników, zaprowadzić karność w szeregach. Wprawdzie Rząd Narodowy w miesiącu czerwcu pewną ilość egzemplarzy niektórych regulaminów, a w m[iesią]cu wrześniu kodeksu karnego wojskowego przesłał do Wydziału, lecz już dla trudności komunikacji, już dla tego, że raz zaprowadzony nieład w oddziałach robił trudność wprowadzeniu ich w życie, tym bardziej, że nie zawsze regulamina odpowiadały warunkom miejscowym,— wprowadzenie regulaminów nawet tam, gdzie to było możebnem, pożądanego skutku nie przyniosło. Dla uniknienia podobnego niepowodzenia na przyszłość wypada koniecznie przygotować zawczasu drukowane regulamina. Znaczna liczba osób będących w oddziałach i zmuszonych przejść za granicę kraju, obeznanych z warunkami i potrzebami miejscowymi, robi łatwem nakreślenie regulaminów zagranicą. Masz więc, pułkowniku, naznaczyć komisję wojskową, któraby opracowała pod twoim przewodnictwem projekta potrzebne i, zawiadamiając Wydział o przyjętych dla nich ogólnych zasadach (gdyż przesłanie ich w całości może być nie do wykonania), po rozpatrzeniu i utwierdzeniu Wydziału wydrukować je w liczbie egzemplarzy, które po wspólnym porozumieniu się nakreśli.

Z pola bitwy nie mamy od tygodni kilku żadnych wiadomości. Ks. Mackiewicz w pow. Wiłkomirskim, a Sowa w Jezioroskim, jeżeli nie przyno-

szą materjalnej szkody moskalom, to przez umiejętne prowadzenie partyzantki pociągają lud i utrwalają w nim zasadę konieczności walki z Moskwą.

Według wiadomości moskiewskich Ludkiewicz zabity i oddział rozproszony. W innych wszystko zamilkło,— Moskwa chwyta pojedyńczych rozbitków, a za każdym takim wypadkiem idzie szereg aresztów szlachty, księży, sług dworskich, kobiet, nazwiska których wzięty rozbitek wymienia. Stąd ciągłe rozprzęganie organizacji i przy niezmiernym wycieńczeniu kraju co do ludzi zdolnych do pracy narodowej, trudności odnawiania sieci organizacji. Jeżeli do wiosny organizacji nie będzie można podtrzymać, wystąpienie zbrojne bez pomocy z zewnątrz będzie na wiosnę w wielu punktach Litwy również niemożebnym. Wiele więc zależeć będzie od powodzenia projektowanej wyprawy.

Lasy przecinają szlakami odległymi na wiorstę i dwie wiorsty jedne od drugich [...] [a], oczyszczają od pni i robią zdolnymi do przewożenia artylerii, wywrzeć to musi znaczny wpływ na charakter wojny.

Jeżeli ludzie i środki będą po temu, wypadnie urządzić podczas zimy szkołę wojskową choć na dwa miesiące, wykształcić kilku pyrotechników i zaopatrzyć się w przyrząd galwaniczny do zapalania min.

O odebraniu niniejszego nie zaniedbaj, obywatelu, zawiadomić Wydział.

Pozdrowienie braterskie.

Печать Исполнительного отдела Литвы

Biblioteka Narodowa, II, 6524, k. 4—5. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Военная секция
№ 159
Вильно 16 (4) декабря 1863 г.

Полковнику
Болеславу Яблоновскому

Одной из главнейших причин неудач многих партизанских отрядов в Литве был недостаток командиров, сведущих в военном искусстве, и недостаток уставов лагерной и полевой службы, которые могли бы хотя отчасти познакомить как некоторых командиров, так и солдат с основными принципами ведения войны, придать отрядам воинскую четкость и порядок, а в области отношений между подчиненными и начальниками ввести дисциплину. Правда, Национальное правительство в июне месяце направило в Отдел известное количество экземпляров некоторых уставов, а в сентябре месяце — военного уголовного кодекса, однако то ли из-за трудностей с налаживанием регулярной связи, то ли из-за того, что однажды допущенный в отрядах беспорядок мешал провести их в жизнь, тем более, что уставы не всегда соответствовали местным условиям, введение уставов даже там, где это было возможно, не принесло ожидаемых результатов. Во избежание подобных неудач в будущем представляется необходимым заблаговременно приготовить печатные уставы. Наличие значительного числа лиц, находившихся в отрядах и вынужденных перейти за пределы края, знакомых с местными условиями и потребностями, облегчает составление уставов за границей. Поэтому тебе, полковник, поручается назначить военную комиссию, которая должна под твоим руководством разработать необходимые проекты и, поставив Отдел в известность относительно принятых для них общих принципов (поскольку пересылка их целиком может быть неосуществимой), после

[a] *В тексте схематический рисунок просек в лесах.*

рассмотрения и утверждения их Отделом, отпечатать их в таком количестве экземпляров, какое будет определено по взаимному соглашению.

Уже несколько недель мы не имеем никаких сведений с поля битвы. Кс. Мацкевич в Вилкомирском повете и Сова в Езёросском [а] если и не причиняют материального ущерба русским, то умелым ведением партизанской войны привлекают к себе народ и укрепляют в нем убеждение в необходимости борьбы с Россией.

По сведениям из русских источников, Люткевич убит, а отряд его рассеян. В других местах все стихло. Русские захватывают отдельных отбившихся от своих отрядов людей, и после каждого такого случая следует ряд арестов шляхтичей, ксендзов, дворовых слуг, женщин, имена которых называет захваченный повстанец. Отсюда все прогрессирующее разложение организации и, учитывая чрезвычайное оскудение края людьми, способными вести национальную работу, трудности обновления организационной сети. Если до наступления весны нельзя будет сохранить организацию, то вооруженное выступление без помощи извне во многих пунктах Литвы также станет невозможным. Поэтому многое будет зависеть от того, удастся ли задуманная экспедиция.

Леса прорезают дорогами на расстоянии одной-двух верст одна от другой, [...] [б] расчищают от пней и приводят в состояние, годное для перевозки артиллерии. Это должно в значительной мере повлиять на характер войны.

Если будут для этого необходимые люди и средства, следует организовать зимой военную школу хотя бы на два месяца, обучить нескольких пиротехников и достать гальваническое устройство для воспламенения мин.

О получении сего просим тебя, гражданин, не преминуть известить Отдел.

Братский привет

[1] *Публикуемое письмо и док. 21, 23 свидетельствуют о совместных с Национальным правительством усилиях повстанческого центра в Вильно по переводу повстанческих отрядов через границу и сохранению их боеспособности в расчете на возможный подъем восстания весной 1864 г. См. также показания Я. Поклевского-Козелла в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» (док. 66).*

25

1863 г. не ранее 10 — не позже 16 декабря [1].— Записка А. Мацкявичюса о причинах и движущих силах восстания в Литве [2]

[в] Действием моим была любовь истины и моего народа. Затем не [г] ненависть к царю, русскому народу, ибо он, народ русский, есть славянский, но любовь народа и его счастье дало повод и было причиною более 10 лет труда революционного [3]. Народ литовский трудолюбив, правый и религиозный, поэтому заслужил величайшую мою любовь. Я ждал, как искупления, не говорю уже революционного выступления, но свободы моего народа. Дано, и что ж? [4] Ограничилась она, что бедный народ переменил только господина, даже хуже, ибо господин, как бы ни был зол, на случай нужды давал хлеб, а теперь, хоть умирай, не достанет. На подати должен отдать последнюю полушку, а если не на что купить писарю и старшим водки, его ждет наказание. А что ж

[а] *Т. е. Новоалександровском.*

[б] *В тексте схематический рисунок просек в лесах.*

[в] *Вверху карандашный заголовок* Писано кс. Мацкевичем по окончании над ним суда.

[г] *Написано сверху карандашом.*

об администрации? Печется ли она? Вот, чтобы сдирать[а] исправнику, и пристав и пятисотский должны заплатить денежную дань, а сии сторожат только, чтобы можно было привязаться к жителям вообще, в особенности к простому народу, и, не спрашивая, имеет или нет, должен заплатить столько, сколько назначится. Говорят, что царствует Александр II — неправда. Царствуют чиновники до сотника в приходском местечке, ибо сотник и пятисотский не только г. приставу имеют денежные подарки, но остается и на воспитание детей и проживает более, чем посредственный помещик литовский. Ежели г. пристав или пятисотский, не говорю уж об исправнике, хочет что содрать, то начинает от показания своей власти, а показывает побоями или бесчестием, если есть шляхтич или господин. А от этой разбойничьей власти есть ли куда обратиться и пожаловаться? Господину и шляхтичу [и] то трудно, а что же бедный мой народ? Вот идет и плачет, возвратится в свою курную избушку, часто не имеет чем утолить свой голод, а тут синяки показывают, что не имел чем заплатить за повинность десятника. И это повод, почему многие пускаются на воровство, ибо должен заплатить, а не из чего. Мог ли же я не смотреть и не ожидать будущности, которую видел в революции?

Настало время революции, и дана свобода. На свободе вижу народ всегда бедным, ибо за кусок хлеба, добываемый из земли, должен при поголовных[б] платить несколько десятков лет, своего права, по давней необразованности, не может понять, революция же манифестом дает и тотчас приводит в исполнение (землю в собственность народу без различия веры). Рассудок указывал, что я должен был хвататься за то, что есть, а не что будет после 40 лет, как гласит манифест государя. Свершилось — народ пошел — революция закипела. Наконец, постепенно упадает, ибо начальники не умели довести до народного, наступает новая беда и беда общая — военные начальники, которые назначены, кажется, на то только присланы, чтобы более окончательно сделали ненавистным российское правительство. Почти каждый из этих господ военных начальников видит, что теперь пора обогащения, и, наступая один за другим, стараются только обогатиться, обмануть правительство, а бедное мое отечество повергнуть в крайнее отчаяние. Итак, хочет г. военный начальник ободрать помещика, подсылает бурлака[в] или несколько их, переодетых в повстанцев, те на коленях умоляют о спасении, что они преследуемы и голодны. Любовь ближнего[г], а не патриотизм велит дать хлеба, а лишь только это исполнено, наступают солдаты, следуют жесточайшие побои служителей, хозяев арестуют, а имение секвеструют. Сделавши это, военный начальник имеет верных несколько сот руб. сер., а казна — едва сотую часть с секвестра, а одно и другое так правильно, как если разбойник, разбивая по дороге, оглашается быть правым. И так засеквестрованы почти все имения. Хочет пристав или начальник выдаваться честным и иметь деньги? Вот верный способ. Объявляется, что сожжет деревню или околицу, а жителей переселит в Россию, вместе советует сложить известное количество денег, которые пошлет высшему начальству в губернии. Бедняги эти, не видя обмана,

[а] *Так в тексте, видимо, «угодить».*
[б] *Подушная подать.*
[в] *Употреблено в смысле «бродяга».*
[г] *Так в тексте.*

делают складку, одолжают и на известное время свободны. Довольно сказать, что сорванцы с виселицы не хуже многих тех, которых правительство назначило начальниками. Каждый приходит едва одетый, а возвращается с состоянием. Промысел возведен так ловко, что там, где, по-видимому, трудно, есть источник дохода. Так, г. начальник Кавер[5] обыкновенный крестик от четок у г-жи Шилинг признал революционным и приказал заплатить 25 руб. сер., а как она не имела при себе, изволил обругать, как последнюю, и приказал вести в тюрьму, но еврей выручил, одолжая требуемую сумму. От[а] Товгина, что он дал будто в сбор[б], арестовал, а лишь заплатил 500 руб. сер., уволил. И Кловайский[6], когда хочет выдрать деньги, то приказывает жителю осмотреть, сколько могут стоить его строения, ибо прикажет сжечь, сей же в отчаянии отдает остаток стольких лет своего труда, лишь бы охранить свои строения.

Вот состояние моего отечества. Мятеж прекратился со мною. Не для того, чтобы я был великим воином, но что народ верит и меня знает и я его мог взволновать. Но хотя я взят, хотя этим прекращено восстание, ежели только правительство не переменит способ действия администрации, ежели не прекратит обирательства и мщения над жителями, найдется другой Мацкевич и что́ я не сделал сумеет окончить или надолго продлить общее несчастье.

Непонятно для нас: неужели Россия не имеет, кроме самых бессовестных, других чиновников для моего края? Разве ж этот мой народ так несчастлив, что для него уже, кроме отчаяния, не остается ничего из судьбы народов? А, однако, это народ несколькомиллионный. И народ, достойный покровительства, уже не божьего, но правительства, хотя бы российского, ибо не испорчен до основания, хотя для порчи этой трудится административное управление. Это были поводы моего восстания и это вспомогательные средства, которыми 10 месяцев поддерживалось восстание литовское. А что взгляды мои справедливы, свидетельствуюсь настоящим положением как человек, который знал, что́ делает, когда делал, и что́ ожидает, если не удастся.

Мацкевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, лл. 13—15. Перевод того времени с польского

Опубл.: У. А. Шустер. Из истории восстания 1863 г. на Литве.— «Исторический архив», I, 1936, стр. 90—92.

[1] *Документ не датирован; учитывая карандашный заголовок, записка составлена в промежуток между окончанием суда (10 декабря) и казнью (16 декабря).*

[2] *Военно-судное дело А. Мацкявичюса до сих пор не обнаружено. Публикуемый документ так же, как док. 26 и 27, включен в произвольно сформированное царскими чиновниками дело, касающееся различных вопросов. В ЛОИИ АН СССР (колл. 115, д. 419) хранятся снятые для ковенского губернатора Н. М. Муравьева копии важнейших документов из следственного дела А. Мацкявичюса; среди них протокол его допроса из 40 пунктов, публикуемый док. 25 и переводы обнаруженных 5 декабря 1863 г. при аресте А. Мацкявичюса повстанческих документов (см. прим. 3 к док. 26). Частично перечисленные документы были опубликованы А. Стороженко, который пользовался, по-видимому, подлинным военно-судным делом (см. А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильна, 1866). Переводы, приводимые в этой брошюре, имеют незначительные разночтения по сравнению с переводами, хранящимися в ЛОИИ.*

[а] *Видимо, ошибка; должно быть «он».*

[б] *Т. е. пожертвовал деньги на нужды восстания.*

Переписку об утверждении и приведении в исполнение приговора по делу А. Мацкявичюса, а также протокол одного из второстепенных по содержанию допросов (копия), телеграмму М. Н. Муравьева к Н. М. Муравьеву от 9 декабря 1863 г. об ускорении суда над А. Мацкявичюсом и заключение временного полевого аудиториата от 14 декабря 1863 г. (док. 128) см. в аудиториатском деле об А. Мацкявичюсе (ЦГВИА, ф. 484, д. 322).

Наиболее полно оценка взглядов А. Мацкявичюса дана в работах: Ю. Жюгжда. А. Мацкявичюс — руководитель борьбы крестьянства Литвы против царизма и помещиков.— «Коммунист» (Вильнюс), 1951, № 1—2; он же. Славный путь революционера. К столетию со дня смерти А. Мацкявичюса.— «Коммунист» (Вильнюс), 1963, № 12.

[3] *В одном из своих показаний А. Мацкявичюс писал:* Встречал ли я крестьянина или кого-нибудь из подобного сословия, первым делом было расспросить о быте его и делах. Из этого я давал почувствовать, что всему этому виною российское правительство и что придет время, что освободимся чрез общее восстание... Я старался посещать каждое собрание народа, крестины, свадьбы, похороны — это было местом пропаганды. А как это делалось на основании правды и было правдой — народ верил (*ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, лл. 19—20*).

[4] *Имеется в виду крестьянская реформа 1861 г.*

[5] *Майор Кавер, военный начальник Поневежского у. в августе — ноябре 1863 г.*

[6] *По-видимому, командир царского отряда в дер. Клованы Поневежского у.*

26

1863 г. декабря 13[1]*.— Письмо А. Мацкявичюса военному начальнику Ковенского у. полковнику Божерянову*[2]

Jaśnie wielmożny Panie Pułkowniku!

Obchodzeniem się zacnym prawdziwie ludzkim ośmielony, udaję się nie jako do urzędnika tylko, ale człowieka serca i rozumu.

Moje zeznania jasno pokazują, że podług praw waszych czeka mnie odpowiedzialność. A że ono było szczerym, dowodzi żem się nie wykręcał. Zatem jasno wychodzi: jeżelim zawinił, to tem, iż mogłem być na fałszywej drodze, nie zaś na złej! Zatem ukażcie mi zło, a dajcie sposobny czas do uchylenia. Moje chęci dobra ludu dały mi i siły i możność do zrewoltowania jego, a to nic nie miało na celu, jak podniesienie jego do samopoznania i wyrzeczenia, czy z Rosją lub Polską chce być połączonym. Prawo to już w Europie egzystuje, a nie mogło być wyrzeczonym jak przez usamowolnienie się. To zaś daje wojna, a ta w Litwie nastąpić musiała przez wojnę w Polsce. To moje były dalsze polityczne poglądy. Gdy zaś Litwie na wielu zbywa warunkach samoistnej rewolucji i przez to dobicia się czegoś stałego na przyszłość, wołałem masą dopomagać Polsce i od niej pomocy żądać na rewolucję litewską, a przez to uzyskać ludowi choć tymczasowe przyznanie prawa obywatelskiego i nadział gruntu bezpłatnie, który o wiele mógł podnieść lud i prędzej czy później usposobiłby do wyrzeczenia o swej doli w przyszłości. Racz Panie Pułkowniku wejrzeć, jestże tu jakakolwiek machinacja na władzę lub chęć wywyższenia się, co mi zarzucają w komisjach? Mogłem nie mieć prawa, alem mieszkaniec tej ziemi i kochając ją, sądziłem że mam. Moich przekonań wypowiedzieć nie mogłem w żadnym piśmie, to rzecz prosta. Za granicą chyba, ale to tak samo by osądzonym było, jak ich wynik obecny, to jest powstanie.

Rozkazujecie mi, Panie Pułkowniku, żebym wykrył mych wspólników? Ależ gdzie są oni? Mogłemże używać szlachtę, obywatelstwo, współkapłanów lub młodzież albo lud? Powiadam że nie. Obywateli nie użyłem, bom widział w nich starą polską szlachtę mało albo zgoła nie dbającą o lud.

Антанас Мацкявичюс

Wreszcie ona więcej się okazywała polską, a najmniej litewską. To też ograniczałem się wypowiadaniem moich idei co do przyszłości ludu, nigdy zaś że oddziaływać na lud powinni. Nie mogłem użyć współkapłanów, a to stąd: w wielu z nich albo widziałem fanatycznie niecierpiących polskość i szlachtę i gotowych wszystko poświęcić Litwie przez terroryzm i zupełny wywrót społeczny, albo zajętych sobą i płaszczących się u stóp dworów szlacheckich, albo zgoła na wszystko obojętnych. Lud zaś sam jako naukowo ciemny, nie mogłem wyraźnie używać i tworzyć zeń spiskowych, ale użyłem go w taki sposób, że nie wiedząc o tym propagował i wierzył w możliwość powstania, skoro to miejsce mieć będzie w Polsce. Zaś władzy cywilnej członkowie, czy byli jacy — nie wchodziłem. Powiadano, że na czele Komitetu stoi p. Andrzej hrabia Zamojski, to też i poprzestałem. W Komitecie zaś prowincjonalnym zasiada młodzież niefachowa w ogóle, a w szczegółach doktorowie, urzędnicy i profesorowie, to też i poprzestałem [3]. Tym bardziej, że ci państwo, nie znając sami zasad partyzantki, a przez nią ludowej rewolucji, nami, co od roku bijemy się, poniewierają — pogardziłem. Tym bardziej, gdy ostatnimi mandaty zrobiono mnie lustratorem, dalej organizatorem i na koniec wojewódzkim [4], kiedy nie było ani co lustrować, organizować i dowodzić jako wojewódzki. Ale skoro zrobiono zastępcą wojewódzkiego czy wprost wojewódzkim, uznałem za rzecz konieczną dowiedzieć się o organizacji cywilnej i dla tego udałem się do szefa sztabu [5] po objaśnienie, a ten uznał za potrzebne, iżbym się przebrał do Francji do Centralnego Komitetu i stamtąd zasiągnął rady co do administracyjnych władz cywilnych z którymi miałem się znosić i jak mam prowadzić wojnę. To tylko mi dodał, że obecny komplet urzędników cywilnych składa się albo z doktorów, urzędników rosyjskich lub profesorów, ludzi niefachowych, nie znających swe obowiązki i rozsypanych po całej prowincji Litwy. Szukać zatem ich, zaznajamiać się — ani było potrzebnym, ani w chęci, tym bardziej, żem się udawał do Centralnego Komitetu, z którym miałem się rozmówić i o organizacji w kraju. To tylko wiem, że powiatowym poniewieżskim był jakiś Centaur [6], okręgowym Jaskółka [7], pierwszego nigdy nie widziałem, drugi mi wręczył 576 r. s. i rekomendował się Jaskółką, a naczelnikiem okręgowym. Gdzie zaś ci państwo mieszkają i kto zacz oni — nie pytałem, więc nie wiem. Że Centaur jest czy był powiatowym, to stąd wiem: dowódca żandarmów Dombrowski (Sowa) doręczył mi komunikację tegoż Centaura, bym zrobił śledztwo względem ubliżeń, jakich się dopuścił oddział p. Lutkiewicza na władzy cywilnej w osobie p. p. okręgowego i parafialnego naczelników [8]. Posłałem pismo do p. Lutkiewicza, by poszczególne tłumaczenie się przysłał lub sam przybył. Byłem wówczas w Powinkszniańskim lesie, a że w tym czasie rozbitym został oddział Lutkiewicza i sam zabity [9], więc i śledztwo nie przyszło do skutku, a ja nie mogłem się dowiedzieć o tym okręgowym i parafialnym — kto oni. Micewicz [10] że jest okręgowym, dowiedziałem się w komisji z marszrutu, który miał mój adiutant [11]. A czy to pseudonim czy prawdziwe nazwisko — nie wiem i tego pana nie pamiętam, żebym kiedy widział. Chochłowski zaś jako parafialny w tej kartce, wiem że jeden był w partii naprzód wojewódzkiej, później kowieńskiej. Imienia nie pamiętam. Był barczysty i brunet.

Mickiewicz, zdaje się Bolesław [12], urody małej, przygarbiony brunet z małymi wąsami, początkowo w partii mojej. Po odłączeniu się Jabłonowskiego nie wiem gdzie się podział. Ażeby on miał być owym wężem czy

jaszczurką w komplecie urzędników cywilnych — nigdy mi i na myśl nie przyszło. Dosyć, że od czasu bitwy pod Miegianami [13], gdzie czy bił się lub uciekł — nie wiem i o nim nie słyszałem.

O panu Krajewskim jako urzędniku cywilnej organizacji [14], przyjeżdżającym z depeszami do oddziałów powstańczych i uwięzionym w Poniewieżu, dowiedziałem się od wysłanego do tegoż miasta mego przebranego żołnierza. Zaś kto on i jak wygląda, jaki urząd i co za posłannictwo — do dziś dnia nie wiem. Czy są inni i gdzie — nie wiem. Z podpisów zaś widno, że są w Wilnie i Kownie. Komunikowali się z nami przez żandarmów miejscowych w każdym powiecie i mieście.

Tyle wiem tylko o władzy cywilnej i te są moje zeznania. Żebym wiedział, nie dla ochrony mojej, ale dla miłości cierpiącego ludu, którego sprawa już skończona, wydałbym, czy to by brat, kuzyn lub był przyjaciel. Ale też zmyślać i niewinnych plątać — ani mam zamiarów ani mocy.

W zakończeniu mych wyznań dodaję jeszcze: jeżelim winien to żem poszedł fałszywą drogą, nie zaś z chęci zła. Że nie zbywa na chęciach pracy, a pracy dla szczęścia ludu, ręczę duszą. Waszą tedy, j. w. Panie Pułkowniku, jest rzeczą wskazać mi właściwą drogę, a pójdę z chęcią. Ukazaliście mi prawo karne. Podług niego mam umrzeć jako naczelnik i samowolnie szafujący śmiercią. Śmiercią nie szafowałem, jak tylko stosując się do litery prawa: «Instrukcja powstańcza i kodeks prawa karnego» i to sam raz tylko zastosowałem na Urbanowiczu [15]. Innych zaś razy działo się pod rozkazami albo komisarza rządowego albo wojewódzkiego. Jeżelim temu winien, to żem się nie sprzeciwiał, a że nic by nie pomogło — nie narażałem się. A że w wyznaniach powiedziałem o kilku ukaranych śmiercią i jakoby przeze mnie, było to niepostrzeżenie się i stan duszy nienormalny.

Wracam do praw mi pokazanych Wami, Panie Pułkowniku. Jakkolwiek obrazić mogłem władzę, ależ władza monarchów pochodząc od Boga, winna być podobną Bogu. Bóg winnych swych dzieci nie karze zgubą wieczną, chyba ci nie przyrzekają poprawy. Skoro zaś chcą poprawić się, nie usuwa swej łaski, ale w ojcowstwie swym przebacza i jak sam powiada, wyżej stawia poprawionego niż tego, który nie miał potrzeby poprawienia się. To tedy stosując do sądu i serca Aleksandra II Cesarza, z pokorą oczekuję na siebie wyroku.

Was zaś, j. w. Panie Pułkowniku, upraszam o przysłanie mi kapłana katolickiego, iżbym się przygotował do przyjęcia losu, jaki mi Bóg przeznaczył.

Racz, j. w. Panie Pułkowniku, przyjąć wyznanie rzetelnego szacunku z którym mam zaszczyt powitać

Jaśnie Wielmożnego Pana
najniższym sługą
Mackiewicz

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, лл. 23—24. Подлинник [16]

ПЕРЕВОД

Многоуважаемый г. полковник!

Ваше благородное, поистине человеческое обращение со мной дает мне смелость обратиться к вам не только как к должностному лицу, но и как к человеку с сердцем и умом.

Из моих показаний с полной очевидностью вытекает, что в соответствии с вашими законами я должен быть привлечен к ответственности. А что эти показания были чистосердечными, явствует из того, что я не старался изворачиваться. Отсюда ясно следует: если я и провинился, то лишь потому, что мог быть на неверном пути, но не на плохом! Поэтому укажите мне это зло и дайте необходимое время для его исправления. Я желал добра народу, и это дало мне силы и возможности, чтобы поднять его на восстание, не имевшее иной цели, чем возвышение его самосознания и предоставление возможности высказаться: с Россией или Польшей хочет он быть соединенным. Такое право уже существует в Европе, его нельзя было осуществить иначе, чем достижением своей самостоятельности. Это же достигается войной, а она в Литве должна была начаться в связи с войной в Польше. Таковы были мои дальнейшие политические взгляды. Поскольку же в Литве не было достаточных условий для самостоятельной революции и достижения посредством ее чего-либо постоянного в будущем, я призывал массу помогать Польше и требовать от нее помощи для литовской революции, чтобы тем самым добиться для народа хотя бы временного признания гражданских прав и бесплатного надела земли, что во многом улучшило бы положение народа и раньше или позже дало бы ему возможность высказаться о своей судьбе в будущем.

Прошу вас, г. полковник, убедиться, есть ли в этом какое-либо покушение на власть или желание самовозвышения, в чем меня обвиняют в комиссиях? Я мог не иметь на это права, но я живу в этом краю, люблю его и считал, что имею это право. Я не мог высказать своих убеждений ни в одном издании, это ясно, разве что за границей, но это было бы осуждено так же, как и теперешний результат, то есть восстание.

Вы мне приказываете, г. полковник, чтобы я открыл моих соучастников? Но где они? Мог ли я использовать дворян, помещиков, духовенство, молодежь или народ? Сказал бы, что нет. Помещиков я не использовал потому, что видел в них старую польскую шляхту, мало или вовсе не заботившуюся о народе. Впрочем, они были больше поляками, а менее всего литовцами. Поэтому я ограничивался тем, что высказывал свои мысли о будущем народа, но никогда не говорил, что помещики должны воздействовать на народ. Не мог я использовать и своих сотоварищей по духовному сану, и вот почему: во многих из них я видел людей, которые фанатически ненавидят все польское и дворянство, готовые всем пожертвовать для Литвы, идя путем террора и полного общественного переворота, или же заняты лишь своими делами и пресмыкаются у порогов дворянских имений, или же совершенно равнодушно относятся ко всему. Сам же народ настолько темен и невежествен, что я не мог его открыто использовать и находить в его среде участников заговора, но я использовал его таким образом, что, сам того не зная, он вел пропаганду и верил в возможность восстания, лишь только оно вспыхнет в Польше.

Что же касается членов гражданских властей, кто был в их числе — я в это не вдавался. Говорили, что во главе комитета стоит граф Анджей Замойский, для меня этого было достаточно. В Провинциальном же комитете заседает вообще неопытная молодежь, в частности доктора, чиновники и учителя, а более подробно я не узнавал [3]. Тем более, что эти господа, не зная сами основ партизанской войны, а тем самым и народной революции, свысока относятся к нам, сражающимся уже целый год, — и я пренебрег ими. К тому же последними мандатами меня назначили сначала люстратором, затем организатором и, наконец, воеводским [4], когда уже нечего было проверять, организовывать и нечем руководить в качестве воеводского. Но поскольку все же меня назначили заместителем воеводского, а в сущности воеводским, счел необходимым познакомиться с гражданской организацией и поэтому отправился к начальнику штаба [5] за разъяснениями, а тот признал нужным, чтобы я отправился к Центральному комитету во Франции и там попросил бы совета относительно гражданских административных властей, с которыми должен был сноситься, и способа ведения войны. Он лишь

прибавил, что теперешний состав гражданских властей состоит из врачей, русских чиновников или учителей, людей неопытных, не знакомых со своими обязанностями и рассеянных по всей провинции Литвы. А потому разыскивать их, знакомиться с ними я не считал нужным и не имел на это охоты, тем более что я отправлялся к Центральному комитету, с которым должен был говорить и об организации в крае. Знаю лишь, что начальником Поневежского повета был некий Центавр [6], округа — Яскулка [7]; первого я никогда не видел, второй вручил мне 576 руб. сер. и представился как Яскулка, начальник округа. Где эти господа проживают и кем они являются — я не спрашивал, а следовательно, и не знаю. То, что Центавр является или был поветовым начальником, мне известно вот откуда. Командир жандармов Домбровский (Сова) вручил мне уведомление того же Центавра, чтобы я провел следствие об оскорблениях, нанесенных отрядом г. Люткевича гражданским властям в лице г. г. окружного и парафиального начальников [8]. Я написал г. Люткевичу, чтобы он прислал мне подробное объяснение или приехал сам. Я находился тогда в Пювинкшнянском лесу. Однако в это время отряд Люткевича был разгромлен, а сам он убит [9]. Следствие поэтому не было проведено, а я не мог выяснить, кем являются эти начальники округа и прихода. О том, что Мицевич [10] является начальником округа, я узнал в комиссии из маршрутной карты, находившейся у моего адъютанта [11]. Псевдоним ли это или настоящая фамилия — не знаю и не помню, чтобы когда-либо встречался с этим господином. На той же карте указан Хохловский; мне известно, что один был сперва в воеводской, а позже — в ковенской партии. Имени не помню. Был широкоплечий, брюнет.

Мицкевич, кажется, Болеслав [12], небольшого роста, сутулый, брюнет, носил небольшие усы, находился сперва в моей партии; после того, как отделился Яблоновский, не знаю, куда он делся. Мне никогда и в голову не приходило, чтобы он мог быть тем ужом или ящерицей, о которых упоминается в списке гражданских чиновников. Более того, я не слышал о нем со дня битвы под Мегянами [13] и не знаю, принимал ли он в ней участие или сбежал.

О г. Краевском, как о чиновнике гражданской организации [14], приезжавшем с депешами в повстанческие отряды и заключенном в тюрьму в Поневеже, я узнал от переодетого солдата моего отряда, который был послан в этот город. Но кто он и как он выглядит, какую должность он занимал и в чем заключалась его миссия — по сей день не знаю. Имеются ли и другие и где — не знаю. Впрочем, из подписей видно, что имеются в Вильно и Ковно. Они поддерживали с нами связь через местных жандармов в каждом повете и городе.

Это все, что мне известно о гражданских властях, и в этом я признаюсь. Если бы мне было известно больше, то не ради своего спасения, а ради любви к страждущему народу, дело которого уже кончено, я бы их назвал, будь то мой брат, родственник или приятель. Но выдумывать и оговаривать невинных — на это у меня нет ни охоты, ни силы.

Заканчивая свои показания, я хочу добавить следующее: если я виновен, то в том, что пошел по ложному пути, но не со злым умыслом. Клянусь душой, что я жажду трудиться и трудиться для блага народа. Ваше в таком случае дело, г. полковник, указать мне истинный путь — я охотно пойду. Вы указали мне на уголовный закон. Согласно ему, я должен умереть, как начальник, по своей воле приговаривавший к смерти. К смерти я приговаривал лишь в полном соответствии с законом «Повстанческая инструкция и уголовный кодекс», да и то сам применил его только один раз в отношении Урбановича [15]. В других же случаях смертная казнь применялась по приказам или правительственного комиссара, или начальника воеводства. Если я в этом виновен, то в том, что не противился этому, а поскольку ничто бы не помогло, я не рисковал. А то, что я в своих показаниях говорил о нескольких будто бы мною казненных, то это была невнимательность и душевное состояние было ненормальным.

Возвращаюсь к законам, указанным вами, г. полковник. Пусть я и мог оскорбить власти, но власть монархов, ведущая начало от бога, должна уподобляться богу. Бог не осуждает своих виновных детей на вечную погибель, разве только они не обещают исправиться. Если же они желают исправиться, то он не отклоняет своей милости, а, как отец, прощает и, как сам говорит, исправившегося ставит выше того, кто не имел нужды в исправлении. Поэтому я, относясь применительно к суду и сердцу императора Александра II, со смирением ожидаю своего приговора.

Прошу вас, г. полковник, прислать мне католического священника, чтобы я мог подготовиться к той участи, которая предназначена мне богом.

Соблаговолите, г. полковник, принять выражение моего сугубого уважения, с коим честь имею, милостивый государь, остаться вашим покорнейшим слугой

Мацкевич

[1] *Датируется по препроводительному письму ковенского губернатора Н. М. Муравьева М. Н. Муравьеву (там же, л. 22).*

[2] *Письмо было написано А. Мацкявичюсом после окончания изнурительного следствия и суда и вызвано неоднократными попытками следователей получить от него сведения о структуре, членах и деятельности повстанческой организации. Однако уже в препроводительном письме Н. М. Муравьева М. Н. Муравьеву указывалось, что показания А. Мацкявичюса не содержат* ничего особенного. *В распоряжении царских властей уже находились подробные показания о ковенской организации, данные И. Кушелевским (арестован 6 ноября 1863 г.) и Л. Дзичковским (арестован 30 ноября). «Информация», содержащаяся в письме А. Мацкявичюса, не давала ничего нового: она или уже была известна властям, или же являлась повторением сведений, содержавшихся в вопросах, задававшихся А. Мацкявичюсу следователями на основе показаний И. Кушелевского и Л. Дзичковского. Основная задача, которую ставил себе А. Мацкявичюс при написании этого письма,— возможно более полно изложить свои революционно-демократические убеждения и в то же время не дать властям никаких новых сведений. Просьба прислать священника имела целью, как представляется, также передачу при его посредстве каких-либо сведений на волю.*

О структуре ковенской революционной организации см. док. 140.

[3] *В действительности А. Мацкявичюс поддерживал постоянные сношения с повстанческой организацией. См., например, обнаруженные у него при аресте письма правительственного комиссара Ковенского воеводства Рымвида (Ю. Мицкевича) от 18 сентября 1863 г., гражданского начальника Поневежского повета от 26 сентября 1863 г. и др. (А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников.— «Вестник Западной России». Вильна, 1866, кн. XII, стр. 254—256). См. также док. 120.*

[4] *См. док. 120.*

[5] *Имеется в виду И. Лясковский.*

[6] *«Центавр» — псевдоним гражданского начальника Поневежского повета М. Сецкого — был известен царским властям еще с сентября 1863 г. (см. док. 111).*

[7] *Псевдоним не раскрыт.*

[8] *Подробнее о конфликте Э. Люткевича с местными повстанческими властями Поневежского повета см. прим. 1 к док. 111.*

[9] *Э. Люткевич был убит 30 октября 1863 г.*

[10] *По показаниям Л. Дзичковского от 6 декабря 1863 г., помещик Мицевич был повстанческим начальником 1-го округа Ковенского повета (ЦГИА Лит. ССР, ф. 440, оп. 1, д. 235, л. 88).*

[11] *Документ, по-видимому, обнаруженный у адъютанта А. Мацкявичюса — Ф. Дартюзи, не сохранился.*

[12] *А. Мацкявичюс дает уклончивый ответ на вопросы следственной комиссии о Ю. Мицкевиче («Рымвиде»), правительственном комиссаре Ковенского воеводства, арестованном 29 ноября 1863 г. по показаниям И. Кушелевского (там же, л. 33).*

[13] *15 марта 1863 г.*

[14] *Из показаний Л. Дзичковского от 5 декабря 1863 г. следственной комиссии было известно о деятельности «Краевского» (настоящая фамилия Соболевский) — гражданского начальника Ковенского воеводства, передавшего в начале октября 1863 г. эту должность и свой повстанческий псевдоним «Вонж» («Уж») Л. Дзичковскому (там же, л. 85).*

[15] *По словам самого А. Мацкявичюса, повстанец Урбанович был казнен за дезертирство из отряда повстанцев-«жандармов»* (А. Стороженко. *Указ. соч., стр.* 249). *О случаях казни противников восстания по приказу А. Мацкявичюса см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 25, л. 14; д. 1559, лл. 49—50.*

[16] *Русский перевод того времени, изобилующий неточностями, см.:* А. Стороженко. *Указ. соч., стр. 262—265.*

27

1863 г. декабря 15.— Протокол допроса А. Мацкявичюса в Ковенской особой следственной комиссии о его отношении к епископу М. Валанчюсу (Волончевскому) [1]

Особая следственная комиссия сего 15 декабря просит вас пояснить следующее.

Какие были ваши отношения с епископом Волончевским до восстания и во время оного?

Известна ли вам произнесенная им речь и какое она произвела впечатление на восстание, а также когда и где узнали о сказанной речи? Поясните подробно все эти обстоятельства.

Не можете ли объяснить чего-нибудь об отношениях епископа к Жонду и наоборот? В какой степени можно полагаться на слова г. Волончевского и искренность?

Полковник Божерянов

Nigdym się nie zwierzał przed jego ekscelencją biskupem Wołonczewskim z moimi zamiarami i ogólnymi tendencjami przez śpiewy rewolucyjne. W czasie powstania nie odnosiłem się. Uważałem go jako słabego charakteru.

Czy miał jaką mowę, nie słyszałem o niej. List zaś pasterski czytałem [2], gdzie powiada między innymi o błogosławieństwie i miłosierdziu bożem pokazanym przez trzeźwość i jako nagrodę (w) obecny czas. Całe to pismo napisane trafiająco do serca, a dwuznacznością pomagało wielu czytać tak, jak uważał za potrzebne. Na lud ogromny wywarło wpływ i o wiele pomogło do wystąpienia źle usposobionych nawet.

Drugie zaś pismo i ostatnie jakie czytałem, było treści zupełnie przeciwnej [3]. Tu już uznaje za karę boską powstanie, namawia do pokuty i wzywa, by lud zostający w powstaniu, wracał do domu i zdawał się na łaskę rządu. Lecz i tu się przebija ogromna dwuznaczność obok poddanności panującemu domowi. Zatem pismem tym, a bardziej mową w Kownie, w Wiłkomierzu i Szawlach ogromnie oburzył na siebie tak zostających w oddziałach, jako też i mieszkańców [4]. I jak pierwszym pismem był się podniósł w reputacji, tak ostatnim zupełnie upadł. Sądzę przeto, że to posłużyło za powód pisania wielu paszkwilów i pogróżek, co często działo się i uprzednio. Żeby zaś znosił się z Rządem Narodowym albo członkami tegoż Rządu, nie sądzę. Zwłaszcza że przy chwiejącym się i słabym charakterze wielce był tchórzliwym.

Jako kapłana i niezmordowanego biskupa czciliśmy, nie zaś jako człowieka, mającego stały i z przekonania charakter męski. Zatem i na słowa i przyrzeczenia nigdyśmy nie liczyli, bo się zmieniały one stosownie do okoliczności.

O politycznych też przekonaniach jego ekscelencji sądził i mówił każdy jak się mu zdało; co do mnie, nie wiele na nich liczyłem, a pisma ostatnie przekonały, żem się nie mylił.

Mackiewicz

ЦГИА. Лит. ССР, ф. 378, ПО, оп. 219, д. 121, л. 19. Подлинник

ПЕРЕВОД

Я никогда не открывал его преосвященству епископу Волончевскому своих намерений и не делился своим мнением относительно революционных песнопений. Во время восстания я с ним сношений не имел. Считал его человеком слабого характера.

Мне не довелось слышать ни о какой его речи. Пастырское же его послание я читал [2], в нем говорится, между прочим, о благословении и милосердии божьем, которое является нам сейчас в награду за трезвенную жизнь. Все это послание написано словами, доходящими до самого сердца, а таящаяся в нем двусмысленность привела к тому, что многие толковали его так, как считали нужным. Оно произвело огромное впечатление на народ и во многом способствовало выступлению даже таких людей, которые были сначала не расположены к этому.

Второе же и последнее послание, которое я читал, было совсем иного содержания [3]. Здесь он уже считает восстание карой божьей, призывает к покаянию и призывает тех, кто еще принимает участие в восстании, вернуться домой и сдаться на милость правительства. Однако и здесь, наряду с верноподданническим отношением к царствующему дому, проявляется большая двусмысленность. Этим посланием, а еще более своей речью в Ковно, Вилкомире и Шавлях он вызвал сильнейшее возмущение как тех, кто еще оставался в отрядах, так и населения [4]. И насколько первым своим посланием он возвысил себя в глазах общества, настолько последним он полностью потерял его доверие. Поэтому полагаю, что это явилось причиной появления множества пасквилей и писем с угрозами, что часто бывало и раньше. Не думаю, чтобы он находился в сношениях с Национальным правительством или членами этого правительства, в особенности учитывая то, что при своем колеблющемся и слабом характере был очень труслив. Мы ценили его как священнослужителя и неутомимого епископа, а не как человека со стойким, мужественным характером и твердыми убеждениями. Поэтому мы никогда не рассчитывали на его слова и обещания, так как они менялись в зависимости от обстоятельств.

О политических же убеждениях его преосвященства каждый думал и говорил так, как он их понимал. Что же касается меня, то я мало на них рассчитывал, а последние послания убедили меня, что я не ошибся.

Мацкевич

[1] *Стремясь сохранить свое влияние на католическое население, жемайтский епископ М. Валанчюс пытался проводить политику укрепления позиций духовенства в Литве, что нередко приводило к конфликтам с царскими властями. Правительство расценивало позицию М. Валанчюса как оппозиционную, но не препятствовало выпуску епископом в период революционной ситуации и восстания 1863 г. пастырских посланий, осуждавших повстанцев и максимально использованных властями. Попытка следователей установить какую-либо связь между А. Мацкявичюсом и М. Валанчюсом свидетельствует о непонимании правительством расстановки движущих сил восстания в Литве.*

[2] *Имеется в виду послание М. Валанчюса от 29 марта 1863 г. (см. прим. 1 к док. 114).*

[3] *См. послание М. Валанчюса от 6 сентября 1863 г. (док. 114).*

[4] *В письме к М. Н. Муравьеву от 17 декабря 1863 г. М. Валанчюс писал о своем сложном положении и падении своего авторитета среди верующих (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 169, лл. 2—3).*

28

1864 г. января 8 (20), Вильно.— Инструкция военной секции Исполнительного отдела Литвы Б. Длускому за границу о сборе сил повстанцев в эмиграции

Rząd Narodowy

Sekcja wojny[а]
Nr. 207
Wilno dnia 20 stycznia 1864 r.

do pułkownika Bolesława Jabłonowskiego

Ze wzięciem przez Moskwę do niewoli naczelnika w[ojenne]go Okręgu Jezioroskiego ob. porucznika Sowy[1] ostatni oddział partyzancki na Litwie musiał się rozwiązać. Nacisk Moskwy przy niezmiernych aresztach i prawie uniemożebnionej komunikacji nie pozwoli na wiosnę wystąpić zbrojnie o własnych siłach na znacznej przestrzeni Litwy: pojedyńcze zaś wybuchy, jeżeli będą w pewnych miejscowościach możliwe, żadnej korzyści moralnej, a tylko stratę materialną przynieść mogą. Podobny stan rzeczy musi oddziałać i na twoje, obywatelu, prace za granicą. Znaczna część emigracji naszej, osiadłej głównie na granicy pruskiej, wymaga koniecznie pewnej organizacji, ażeby niewczesnym i nieodpowiednim obecnemu położeniu kraju wyskokiem, nie związanym z całością pracy, nie przyczyniła się do nieszczęść chociażby pojedyńczych osób. Niemożność zupełna komunikowania się z R[ządem] N[arodowym] nie pozwala nam wiedzieć o planach jego na wiosnę; przesyła mu Wydział tłumaczenie obecnego stanu rzeczy na Litwie na twoje, obywatelu, ręce, dla przesłania do Warszawy właściwą drogą[2]. W wydatkach na efekta wojskowe masz więc, obywatelu, stosować się do tego stanu i mając opatrzną broń, mieć zawsze kapitał rezerwowy i nie natężać wszystkich zasobów pieniężnych. Ruina materialna Litwy, dokonana przez Murawjewa, będzie na długo przeszkodą do zebrania nowych funduszów. Przynajmniej raz na miesiąc masz składać, obywatelu, raporta Wydziałowi o swojej pracy.

Pozdrowienie i braterstwo.

Przy następnych korespondencjach zamiast znaku twego, pisma Wydziału będą znaczone literą [...][б].

Печать Исполнительного отдела Литвы[в].

Biblioteka Narodowa, II, 6840, к. 3—6. Подлинник

[а] wojny *написано вместо зачеркнутого* spraw wewnętrznych [*внутренних дел*].
[б] *В тексте условный знак.*
[в] *Внизу документа имеется также печать с монограммой* B. D. [*Bolesław Dłuski*].

ПЕРЕВОД

Национальное правительство

Военная секция
№ 207
Вильно 20 января 1864 г.

Полковнику
Болеславу Яблоновскому

После того, как русскими был взят в плен военный начальник Езёросского [a] округа гражданин поручик Сова [1], последний партизанский отряд в Литве вынужден был разойтись. Давление русских войск, многочисленные аресты и почти полностью парализованная связь не позволят весной начать своими силами восстание на хоть сколько-нибудь значительной территории Литвы, а единичные вспышки, если они будут возможны в некоторых местностях, не только не дадут никакой моральной пользы, но и могут причинить материальный ущерб. Такое положение вещей должно влиять и на твою, гражданин, деятельность за границей. Значительная часть нашей эмиграции, осевшей главным образом на прусском пограничье, настоятельно требует твердой организации, чтобы преждевременной и не соответствующей нынешнему состоянию края выходкой, не увязанной к тому же со всей совокупностью проводимой в настоящее время работы, не вызвать какого-либо несчастья, хотя бы в отношении отдельных лиц. Полная невозможность сношения с Национальным правительством не позволяет нам быть в курсе дел о его планах на весеннее время. Отдел направляет тебе, гражданин, для него записку о нынешнем положении дел в Литве для пересылки надлежащим путем в Варшаву [2]. В своих расходах на военное снаряжение ты, гражданин, должен сообразоваться с настоящим положением и, располагая заготовленным оружием, всегда иметь в своем распоряжении резервный капитал и не истощать всех денежных ресурсов. Материальное разорение Литвы Муравьевым еще надолго останется препятствием для сбора новых средств. По крайней мере раз в месяц, тебе, гражданин, надлежит направлять Отделу рапорт о своей работе.

Привет и братство.

Последующие письма Отдела будут отмечаться вместо твоего знака литерой [...].

[1] *Псевдоним повстанческого начальника Новоалександровского повета Павла Червинского, взятого в плен 23 декабря 1863 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 170а, л. 19).*

[2] *Документ не обнаружен.*

29—32

1864 г. января 30 — февраля 28.— Показания К. Калиновского в Виленской особой следственной комиссии

29

1864 г. января 30

30 января 1864 г. нижепоименованный в Особой следственной комиссии спрошен и показал [1]:

Я, Викентий-Константин Калиновский, дворянин Гродненской губ. и уезда, 26 лет, холост, католик, недвижимого состояния не имею. Имею отца, дворянина Семена Калиновского, и мачеху, живущих в Волковыском у. около Свислочи, в фольв. Якушувка, и с ними четверо мало-

[a] *Т. е. Новоалександровского.*

летних детей от второго брака. Первоначальное воспитание получил в Свислочском училище, затем, после предварительного приготовления, в 1855 г. отправился для поступления в университет в Москву, где пробыл около полугода, а потом по случаю переезда из Москвы в Петербург старшего брата Виктора (умершего в 1862 г.) поступил в С.-Петербургский университет по камеральному факультету, где и окончил курс со степенью кандидата в 1860 г. Сделав неудачную попытку о поступлении на службу в министерство государственных имуществ и в другие ведомства, я отправился в Вильно для приискания какого-либо места, но не получив его ни там, ни в Гродно, переехал на житье к отцу, у которого и оставался до конца 1862 г. В это время для получения места по учебному округу я снова приехал в Вильно и через несколько дней поселился в семействе Греготович, которых до того времени я не знал [2]. В должности мне было отказано, но я продолжал оставаться в Вильне, потому что осведомился о распоряжении начальства гродненского о моем арестовании [а] [3], вследствие чего и решился оставаться в Вильне. Здесь я встретился с Малаховским, с которым знаком был еще по Петербургу, а через него познакомился со служащим при железной дороге Нестором Дюлераном, который тогда же снабдил меня документами на имя Макаревича. В это время вспыхнуло восстание. Убеждения мои были против возмущения, я считал его несчастием для края, но вследствие постоянных увещаний Дюлерана, как здешний уроженец, я решился посвятить себя народному делу. Тогда при посредстве Дюлерана я познакомился с эмигрантом, французским подданным Онуфрием Духинским (в Вильне проживал под чужим именем), и когда он был назначен воеводою в Гродненскую губ., то вслед за ним по приказанию Дюлерана с паспортом, полученным от него на имя Чарновского, выехал и я в Белосток для собрания и доставления Дюлерану сведений о состоянии шаек Гродненского воеводства [4]. Это было перед пасхою [б]. Несколько месяцев я разъезжал от одной шайки к другой и о всех лично полученных сведениях я сообщал Дюлерану — большею частью по почте, рапортами, писанными симпатическими чернилами. Сообщников этому делу в Белостоке я не имел. В начале июля [5] я снова был вызван в Вильно Дюлераном, в котором по приезде я увидел главного двигателя восстания в здешнем крае в звании комиссара Литвы. Не давая мне никакой номинации [в], он принял меня как бы своим секретарем, и в то время я занимался при нем перепискою сведений и статей о ходе восстания для отсылки за границу. Между прочим, помню, что я написал номинацию на звание виленского воеводы для Коноплянского, назначенного Дюлераном. Почти в это же время Дюлераном были наименованы: Суходольский (Дормановский) — комиссаром Виленского воеводства, а несколько раньше Малаховский — начальником города [6]. На чьи места они поступили, мне неизвестно. Вскоре Дюлеран уехал, не оставив никаких точных распоряжений ввиду скорого своего возвращения, а потому деятельность его разделилась между тремя лицами: мною, Малаховским и Суходольским, но когда второй выехал в Петербург, а последний был арестован, Дюлеран же не возвратился, то я невольным

[а] *Помета чиновника на полях* За что [?].

[б] *Пасха в 1863 г. приходилась на 31 марта (православная) или 24 марта (католическая).*

[в] *Т. е. назначения.*

образом должен был принять роль главного распорядителя в крае. Так как почти одновременно с этим была арестована большая часть лиц, составлявших организацию в Вильне, то за бегством Лепковского, остававшегося после Малаховского начальником города, должность эту я поручил бывшему при Дюлеране экспедитору Титусу Далевскому, на что и выдал ему номинацию. В звании же городского кассира пока оставался Зданович, назначенный, вероятно, Малаховским. Кроме этих лиц, оставался еще при мне для переписки бумаг Григорович, который жил здесь под именем Флерковского, других же в организации не было, тем более, что и самый Отдел литовский распался еще при Дюлеране. Кто были члены этого отдела — мне неизвестно. Деятельность моя в усилии поддержать народное дело ограничилась следующими распоряжениями: по преимуществу требовал я от губернии [a] сколь возможно точных и подробных сведений о состоянии шаек и их действиях, об общем настроении национального духа, о лицах арестованных и, получая отовсюду неудовлетворительные ответы ввиду невозможности продолжать борьбу, сделал распоряжение о распущении шаек в Ковенской губ. с выдачею, если будет возможно, отпускных билетов до весны [7]; в таком же роде послано было сообщение в инфляндские уезды. Из номинаций выданы были мною начальникам шаек: одна — Мацкевичу на звание организатора [8], а другая — Сове на чин поручика, то и другое сделано было по собственному моему усмотрению, а не вследствие приказаний из Варшавы. Из 3,5 тысяч народной кассы, оставленной в количестве 6 тысяч Дюлераном Малаховскому, этим последним мне переданных, 1500 руб. послано мною в Ковно, 1000 руб.— в Инфляндское воеводство — обе суммы для содержания шаек, а из остальных около 900 руб. розданы через Далевского в городе *. Между прочим, в начале декабря сделано было мною постановление от имени давно не существовавшего отдела о запрещении для обывателей Литвы выезжать за границу без предварительного разрешения Жонда [9], что, впрочем, я считал одним из самых неудачных своих постановлений; кроме этого, вел переписку с Парижем и Варшавою. Других распоряжений своих не помню. Кроме Далевского и впоследствии рекомендованного мне Шадурского (кто он такой и где живет — мне неизвестно), ни с кем в непосредственные сношения не входил, никого из лиц, им содействовавших, не знаю ни в Вильне, ни в других губерниях, за исключением ковенского воеводы Дзичковского и его комиссара Мицкевича (он же Рымвид), инфляндского воеводы Альберта Грабовского, так как в Виленской губ. после Коноплянского воеводы вовсе не было, кто же был таковым в Минске, не знаю, с Витебской же губ. сношений не имел, а Гродненская с августа месяца прошлого года по управлению отошла от Литвы к Варшавскому комитету, но по каким причинам, того не знаю. Никого из членов комитета опеки в Вильне не знаю, тем более, что он, насколько мне известно, давно уже не существует, впрочем, в Вильне есть лица, служащие делу призрения и вспомоществования семействам, пострадавшим от революции, но лиц этих я не знаю. Александра Оскерко, Якова Гейштора, Орвида, семейства Кондратович, Купсць, Баневич я совершенно не

---

* На вспомоществование арестованным при высылке их из Вильно и около 200 руб. истрачено мною собственно для себя.

[a] *Следует читать — губерний.*

знаю. У Греготович жил под фамилиею Калиновского около 1 $^1/_2$ месяца в конце 1862 г. и начале 1863 г., в то время как там квартировали девицы Стефания Фальская и Бронислава Сидорович, дочери же Греготович Марии тогда не было. От Греготович я переехал на квартиру около бонифратров [а], дом Кельчевской, где квартировал под именем Макаревича. Из этой квартиры [еще [б]] весною выехал на должность комиссара Гродненской губ. и, как сказал выше, пробыв в Белостоке и разъездам по обозам [в], был вытребован в Вильно. По приезде сюда некоторое время не имел квартиры, ночуя у Дюлерана, Малаховского и Суходольского, после же нанял квартиру на Антоколе за костелом св. Петра в доме Кохановского, где и жил под именем Чарновского, а оттуда через 3 месяца переехал на несколько дней в гостиницу Пузино, а вслед за тем на последнюю квартиру в здании гимназии. Других мест к укрывательству я не имел и никаких знакомств в Вильне у меня не было. Знал только некую Каролину [10], присланную Титусом Далевским для исполнения некоторых домашних моих поручений, покупок, а также перевозки вещей из одной квартиры на другую и проч. Из дому выходил я ежедневно и проводил время на прогулке и заходил обедать до времени разыскивания [г] меня полициею в разных гостиницах , а последнее время у Полянского [д] на Немецкой ул.

Дворянин Викентий-Константин Калиновский

Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, лл. 20—24. Подлинник

[1] *Местопребывание К. Калиновского было установлено царскими властями по показаниям повстанческого комиссара Могилевской губ. В. Парфиановича, о чем проводивший следствие в Минске жандармский полковник А. М. Лосев сообщил шифрованной телеграммой в Вильно (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 190, л. 60). В ночь на 29 января 1864 г. К. Калиновский был арестован (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, оп. 219, д. 108, л. 212 — донесение виленского губернатора С. Ф. Панютина М. Н. Муравьеву от 31 января 1864 г.). В первом после ареста показании 29 января 1864 г. К. Калиновский назвал себя Игнатием Витоженцем — фамилией, под которой он проживал на своей последней конспиративной квартире (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 18). Однако после очной ставки с дочерью хозяйки одной из своих квартир Марией Греготович (там же, л. 19) К. Калиновский назвал свою фамилию.*

[2] *Некоторые дополнительные сведения о конспиративных квартирах К. Калиновского см. в показаниях С. Фальской (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 441, л. 18), а также в деле о группе соратников К. Калиновского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 594).*

[3] *В октябре 1862 г. гродненским губернатором был отдан приказ об аресте К. Калиновского в связи с распространением им «Мужицкой правды» в Слонимском у. (см. док. 216).*

[4] *В конце марта, после роспуска Литовского провинциального комитета (см. док. 7), К. Калиновский выехал в Белоруссию на пост повстанческого комиссара Гродненского воеводства.*

[5] *В действительности К. Калиновский прибыл в Вильно в начале июня.*

[6] *Здесь и далее К. Калиновский называет фамилии лиц, показания о которых не могли им повредить: В. Малаховский, Н. Дюлеран, Т. Греготович и М. Лепковский*

[а] *Около монастыря бонифратров.*

[б] *Текст поврежден; прочитано предположительно.*

[в] *Т. е. повстанческим лагерям.*

[г] *Так в тексте.*

[д] *Правильно — Познанского.*

скрылись, М. Дормановский, Т. Далевский, И. Зданович были казнены, характер деятельности Ф. Коноплянского, к тому времени сосланного на каторгу, был уже известен царским властям.

[7] *См. док. 120.*

[8] *См. прим. 1 к док. 120.*

[9] *Имеется в виду декрет Исполнительного отдела на Литве от 13 декабря н. ст. 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 523, л. 31).*

[10] *Каролина Яцыно.*

30

1864 г. февраля 4 или 5 [1]

В добавление к прежним показаниям припоминаю:

В числе постановлений, объявленных мною от имени Отдела, были еще следующие:

а) Разрешение обывателям [а] Литвы не стесняться в подписи адресов правительству, так как эти заявления считались не обязательными для лиц, их подписавших [2]. Главною целью такого объявления было желание ослабить влияние адресов за границею.

b) Обращение к католическому духовенству Виленской консистории по поводу изданного им увещательного циркуляра по епархии [3].

c) Такое же к епископу Волончевскому в ответ на его воззвание к пастве [4].

Со всех таких постановлений посылались копии в Париж вместе с другими сообщениями об арестах, секвестрах имений и некоторых событиях в крае, до сведения моего доходивших. Переписка эта производилась по адресу, оставленному Малаховским: à Paris, Mr Albert, Hôtel St. Germain, N 88 [б], причем письмо такое обыкновенно было вкладываемо в другой конверт и адресовалось in Kibarty, Herrn Schwartz, Kaufmann, poste restante [в] [5]. Кто там принимал и отсылал далее посланное таким образом письмо, мне неизвестно. Сверх такого средства сообщения раза два я отправлял корреспонденцию через ехавших за границу не известных мне женщин, а несколько раз — при содействии Грабовского, который, сколько мне известно, нашел возможность отправлять письма через Ригу. В одном из таких сообщений я просил Дюлерана, находящегося в Париже, о высылке 3 тысяч руб. на непредвиденные нужды, преимущественно же для вспомоществования пострадавшим от мятежа, так как пожертвований и сборов почти ниоткуда не поступало. Деньги эти я ожидал последнее время. Сообщения с Варшавою делались по адресам, доставленным Далевским на имя Матильды Качковской и Иоанны Шнейденберг, poste restante, а из Варшавы в Вильно — Адольфине Пшесбицкой, на почтовом дворе, и Ром и Пельтын, poste restante. Сверх того, от Далевского слышал, что будто бы в Варшаве, на улице Журавь, дом № 1618 лит[ера] Ц [г], живет Квятковский, который может указать путь к варшавскому Жонду, и на улице Подваль в доме № 482 — еврей, однажды приезжавший в Вильно, тоже по поручениям Жонда, но имени этого еврея у Далевского я не спросил.

[а] *Т. е. гражданам.*

[б] *Париж, г. Альберту, отель Сен-Жермен, № 88 (франц.).*

[в] *Кибарты, господину Шварцу, купцу (немец.), до востребования (франц.).*

[г] *Т. е. дом № 1618с.*

Константин Калиновский

Повторяю, что, кроме названных уже мною комиссии лиц, а также Пеликши и Свенторжецкого, имевших, как я слышал от Дюлерана, некоторого рода участие в делах Минской губ., других лиц, которые содействовали бы мятежу, я не припоминаю. Печати Литовского отдела при себе я не держал, а в случае надобности требовал ее от Далевского и впоследствии для объявляемых от имени Жонда распоряжений пользовался готовыми с оттиском печати бланками, а потому где находится она в настоящее время, указать не могу.

При этом положительно утверждаю, что в семействе Ямонта никогда не бывал и фамилию эту слышал только в Петербургском университете, но с самим студентом под этою фамилиею знаком не был и даже не знаю его в лицо[6]. Служившего в Гродненской люстрации Владислава Милевича[7] и доктора Бронислава Мацкевича совершенно не знаю и их нигде не встречал. Фамилиею Макаревича некоторое время пользовался сам, но никакого Макаревича не знаю. О Пеликше могу сказать только то, что я слышал эту фамилию от Дюлерана, о Свенторжецком припоминаю, что имя ему Болеслав.

Викентий Калиновский

Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор коллежский асессор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, лл. 28—29. Подлинник

[1] *Документ не датирован. Показание написано теми же чернилами, что и предшествующее от 4 февраля; следующее показание, написанное другими чернилами, датировано 6 февраля.*

[2] *Очевидно, речь идет об обращении Исполнительного отдела Литвы от 2 сентября 1863 г.— см. «Niepodległość», № 8, 1863.*

[3] *Речь идет об обращении Исполнительного отдела Литвы от 1(13) октября 1863 г. за № 923, в котором высказывалось гневное осуждение направленного против повстанцев циркуляра Виленской консистории от 17 сентября 1863 г. Документ известен по заверенному печатью Исполнительного отдела экземпляру, посланному одному из составителей циркуляра, прелату М. Гербурту (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г. д. 1486, лл. 1—2).*

[4] *Документ, датированный 28 сентября н. ст. 1863 г., известен лишь по ссылке в издании: J. Gąsiorowski. Bibliografja druków, dotyczących powstania styczniowego 1863—1865. Warszawa, 1923, str. 67, № 614. О высылке предупреждения М. Валанчюсу издателям бр. Короновичам в гор. Кенигсберг для опубликования в европейских газетах: см. письмо повстанческого гражданского начальника Ковенского воеводства на имя издателей (ЦГИА Лит. ССР, ф. 440, оп. 1, д. 235, л. 44). В письме указано, что 11 октября н. ст. 1863 г. предупреждение было вручено М. Валанчюсу.*

[5] *Достоверность указанных К. Калиновским адресов не установлена.*

[6] *В действительности Ю. Ямонт был ближайшим помощником К. Калиновского (см. док. 246).*

[7] *Имеется в виду Ильдефонс Милевич (см. док. 34).*

31

1864 г. февраля 26.

26 февраля 1864 г. призванный для допроса в Особую следственную комиссию дворянин Константин Калиновский отозвался, что, отвечая на вопросы комиссии с откровенностью относительно характера действий и личного участия своего в деле бывшего восстания в крае, он, Калинов-

ский, поставлен в затруднение и невозможность быть в такой же мере правдивым и точным в показаниях относительно соучастников своих преступлений. На требование комиссии о побудительных причинах к такому с его стороны заявлению Калиновский дал следующее показание:

Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскверняет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следственная комиссия, как один из органов общественных, не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края, я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в ее допросах на счет личностей, ею указываемых, я поставлен иногда в положение, не соответственное ее желаниям, и должен быть сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причинам. Заявление это делаю в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устранит безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не дозволяют мне следовать по иному пути.

Викентий Калиновский

Председатель полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА Лит.ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 34. Подлинник

32

1864 г. февраля 28.— Записка К. Калиновского после окончания над ним следствия

[а] В одном из предшествующих объяснений я высказал свое убеждение насчет разрешения польского вопроса [1], какое сознавал, прежде чем поступил в число народной организации в характере военного комиссара Гродненской губ. Это мое личное мнение. Нынешние плачевные результаты, к которым доведен край, с одной стороны, а с другой — вынужденное положение правительства, не соответственное действительному его характеру, более, чем когда-либо, выразительным образом доказывают необходимость, покончив распрю и приведя в нормальное состояние край, разрешить тяготеющий вопрос польский. Сознание мое, что в этом отношении правительство русское более удовлетворительным образом и с большею пользою для обоих народов в состоянии сделать, чем кто-либо, поставило меня в необходимость очертить характер движения в Литве. Лишенный всякого участия в деле приготовления к восстанию, сведения в этом отношении не могут быть точны [б]. Однако, насколько могли быть известны как человеку непричастному, но интересующемуся

[а] *В начале документа помета карандашом* Объяснение Вик[ентия] Конст[антина] Калиновского.

[б] *Так в документе.*

жизненными явлениями в крае, я со своей стороны должен сказать то, что мне известно в этом отношении.

Волнения в Царстве, проявляющиеся в разных демонстрациях, не могли не иметь влияния на Литву. Но когда в Царстве подобные явления послужили к образованию Центрального комитета, стоящего во главе народной организации, в Литве все это разыгралось без никаких результатов. Правительство, обращая только внимание на демонстрационные выходки в здешнем крае, придавало им серьезный характер. Когда разные теории, лишенные практичности, не видя дневного света, могли иметь влияние на вспыльчивый и увлекающийся характер жителей Царства Польского, то в более серьезной Литве и при своей таинственности, главном своем двигателе, они должны были пройти без влияния. Съезды помещиков литовских, в которых, однако, гродненские, как мне известно, почти не принимали никакого участия, имели только в виду материальное и моральное улучшение края при нынешнем политическом положении его. Заявления минские[2], хотя очень невинные, были, однако, осуждаемы многими. Стремления подобных помещичьих съездов в материальном отношении, встречая сопротивление в правительственных властях, все более и более, при своем почти открытом существовании, становились им неприязненными. Вспыхнувшее, однако, восстание в Царстве застало Литву совершенно неприготовленной в этом отношении, даже неприязненною всяким подобным волнениям при ее тогдашнем положении. Царство Польское, принужденное к восстанию стечением двух обстоятельств: во-первых, набора, а во-вторых, усиленного действия Центрального комитета, желающего воспользоваться слухами о наборе, чтобы составить как можно побольше десяток и соток народной организации, и не могущего впоследствии удержать взволнованных народных страстей,— своим восстанием не уважило интересов Литвы. Литва тогда при своем господствующем сельском населении переживала критические минуты, в которых восстание, не имея практического выхода, грозило совершенным разрушением материального состояния самым чувствительным образом. Нерешимость долгая Литвы может служить тому фактическим доказательством. С одной стороны, обремененный долгами и озадаченный крестьянским вопросом помещик, а с другой — крестьянин, в воображении своем усвоивший понятие, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиком, будучи в состоянии выжидательном, а потому нерешительном, не могли служить народному делу соответственно тем средствам, какие могут находиться в их руках. Здесь нужно тоже упомянуть то обстоятельство, мешающее успешному ходу дела, насколько это могло быть возможным, что самые преданные народному делу помещики литовские, имея значительный запас честолюбия, в виде чего в них только живет традиция, меру народного правительства об отдаче земли крестьянам старались выставлять своим собственным даром. Крестьянин, видя не обрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью, органы же правительства понятие такое крестьянина старались поддерживать.

Выработанное историею сочувствие Литвы к Польше, усилившееся всего более во время господства России (факт, на который следует обратить внимание), превозмогло всякие обстоятельства, противные восстанию, и Литва шевельнулась. Образовавшийся в Вильне инициативою

Варшавы Отдел, управляющий делами Литвы, принял на себя вести дело восстания, заявляя об этом громогласно. В числе учреждаемой Отделом организации мне попалась обязанность военного комиссара Гродненской губ. Инструкций я никаких не получил, сказано было только, что характер моей деятельности должен быть наблюдательный за военными действиями в политическом отношении и что я буду служить органом всяких сношений военного начальника с Нестором Дюлераном как уполномоченным в этом отношении. Отправленный передо мною в Гродненскую губ. Онуфрий Духинский, явившийся здесь в Вильно с мандатом полковника, данным ему, как я видел из подписи, Высоцким, завел вооруженное восстание в Гродненской губ. Имели восстать по распоряжению Духинского в одно время все уезды, но так как он дал очень короткий срок, то успели завести восстание только в трех уездах — Сокольском, Белостокском и Бельском. Явившийся уже в лагерь Духинского подполковник Ландер принял на себя обязанность военного начальника Гродненского у. Волковыский у. восстал по распоряжению Духинского, но без назначенного от него военного начальика — явился таким Стравинский, который впоследствии перешел под начальство Ландера. В Слонимский у. была послана Духинским номинация Юндзиллу, как военному начальнику того уезда. Влодек сформировал отряд по своей собственной инициативе, так называемый пружанский. Краковский (Траугутт) выступил в Кобринском у. тоже без никаких уполномочий от Духинского в этом отношении. В Брестском у. формировал уже шайку Стасякевич, по распоряжению самого народного правительства, данному [a] на имя Стасякевича.

Неудача Духинского в деле под Соколдою, хотя не столь поразительна, как официальные русские известия объявляли, дурно подействовала на окрестное население, однако не остановила еще сочувствия к делу восстания. Следовавшие за тем почти постоянные поражения наших отрядов, бесхарактерное их существование в деле политической пропаганды, совершенный недостаток военных средств и людей способных, ослабляя вызванное в народе сочувствие к восстанию, способствовали почти окончательному уничтожению шаек в Гродненской губ. во время моего военного там комиссарства. Численность их по недостатку оружия была очень незначительная, итак:

Отряд	Духинского состоял не более как из	500	человек
»	Ландера (Ленкевича)	300	»
»	Влодка	100	»
»	Юндзилла	250	»
»	Краковского	150	»
»	Стасякевича	300	»
»	Тышки	100	»
	Всего не более	1700	человек

Состав этих отрядов был большею частью из крестьян казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей, в которых шайки и находили самую сильную поддержку. На помещиков и их крестьян я получал постоянные жалобы от военных начальников, которые в свою очередь представлял по обязанности Дюлерану. Какое участие принимали

[a] *В тексте ошибочно* данным.

гродненские помещики в народной организации, мне хорошо не известно, но результатов их деятельности в отношении к военным отрядам почти совершенно не было. Шайки принуждены были по большей части собственными средствами приобретать все необходимое.

Приезд мой в Вильно наступил во время повсеместного расстройства в Литве, как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном состоянии края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получил от Дюлерана, но при всем моем желании не мог добиться кое-каких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством на счет сообщений, слабая власть виленского Отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несут жизнь свою на бесполезную цель, были причинами того, что все восстание приняло характер местный и народные власти воеводские в случаях только необходимости и возможности обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений не мог Дюлеран, не знающий совершенно здешнего края, вывести никаких заключений, тем более передать их мне, я же, судя по полученным мною, мог только дойти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то разве предсмертные его судороги. В таком состоянии края, приняв во внимание все трудности, мои толчки и побуждения, если бы я их делал, не могли бы поддержать само собою упадающего восстания. Я это понял и потому предоставил все естественному ходу дела, стараясь уклоняться от всякой инициативы. Организация образовывалась под влиянием местных побуждений, но так как в успех восстания почти никто не верил, то она была очень незначительная. Шайки, разбитки[а] прежних, в состоянии, вызывающем только сочувствие, были удерживаемы от совершенного расстройства и возвращения на путь, предлагаемый неоднократно правительством, одно[й] тою строгостью, какая преследовала каждого в случае нечистосердечного сознания. Этому последнему условию правительственные власти придавали очень обширное значение, и потому только многие, поставленные в безвыходное положение, предпочитали голодную смерть нормальному своему состоянию. Сказал я это не в виду осуждений правительственных мер, но выражения моего понимания о действительном состоянии восстания во время моего пребывания в Вильне. Кроме успокоения, правительство может иметь дальнейшие виды на счет здешнего края — они мне неизвестны; но из постоянных выражений общественного мнения России, высказываемых даже следственною комиссиею, я мог прийти к тому заключению, что Россия хочет полного с собою слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу. Я не противник счастья народного, не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий, которые посягают[б] край наш несчастный. А потому, если судьба нас ставит в положение, что мы должны сродниться с Россиею, я, для устранения многих лишних жертв при порождении нового времени и строя общественного в Литве, считаю со своей стороны обязанностью заявить несколько слов в этом отношении.

[а] *Здесь — остатки (от польск. rozbitek — «потерпевший крушение»).*
[б] *Так в тексте.*

Кто полагает, что Россия легкую в этом будет иметь задачу, тот судит поверхностно, тот себя обманывает. Сеть, обхватывающая нас во всех классах и соединяющая с Польшею, имеет столько оснований в традициях и даже предрассудках, что распутать ее, уничтожить и воссоздать что-либо новое составляет вековой, систематический и разумный труд. Агитаторы, собираемые со всех концов России, ничего у нас не сделают в деле соединения, обманут только себя, правительство, не исполнят цели и доведут край, против своих желаний, до новых жертв, до новых народных несчастий. Пока правительство не приобретет сочувствия в действительно образованном классе здешнего населения, до тех пор слово России не найдет отголоска в сердцах литовцев.

В моем сознании я преступник не по убеждению, но по стечению обстоятельств, а потому пусть и мне будет дозволительным утешать себя надеждой, что воссоздается народное благо. Дай бог только, чтобы для достижения этого потомки наши не проливали лишней братской крови.

Викентий Калиновский

28 февраля 1864 г.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, лл. 4—7. Подлинник

[1] *В материалах следствия и суда по делу К. Калиновского упоминаемое «объяснение» отсутствует.*

[2] *Речь идет о попытке минского дворянства подготовить адрес Александру II с просьбой о присоединении губернии к Царству Польскому (см. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», док. 294).*

33

1864 г. не ранее 12 марта[1]*.— Выписка из показаний В. Парфиановича в Виленской особой следственной комиссии о деятельности минской повстанческой организации и ее связях с виленским повстанческим центром*

Выписка из показаний политического преступника Витольда Парфиановича, относящихся к доктору Михаилу Оскерке.

По написании показания 31 января 1864 г. сделано дополнение: «В первый раз я приехал в Вильно с доктором Оскерко (который содержится под арестом в Могилеве) [2], который мне указал Калиновского у Ямонтов (сын которых в Минске), во второй раз я уже видел его на собственной квартире, был у него еще какой-то господин, но фамилии не знаю»... [а]

В показании 2 февраля: «В бытность мою в Могилеве я познакомился с доктором Михаилом Оскерко в феврале 1863 г., который после уехал из Могилева в Вильно; насколько я мог заметить, то он еще в Могилеве участвовал в организации. В Могилеве же я получил от офицера Жуковского около 200 руб. сер. денег и адрес Баневич и Кондратовичевой в Вильно и лозунг [б], и который от меня [в] требовал, чтобы я

[а] *Здесь и далее отточия текста.*

[б] *Т. е. пароль.*

[в] *В тексте* мне.

отправился в Вильно, после чего получил письмо из Вильно от Оскерки, призывающее меня туда, причем он поручал мне по приезде в Вильно явиться в магазин Плятера и спросить там Нестора[3]. Я отправился в июне в Минск с намерением, чтоб после уехать в Вильно, но так как трудно было выхлопотать себе паспорт, то я вернулся обратно в Могилев без всяких результатов. Другой раз, кажется, в сентябре, я снова уехал в Минск и там, встретившись с доктором Оскеркой, отправился вместе с ним в Вильно. На дороге в Родашковичах мы встретили молодого Ямонта, который ехал в Минск. Оскерко с ним разговаривал. Приехав в Вильно, мы остановились в «Петербургской» гостинице. Оскерко ушел сейчас в город, и, вернувшись около 4 час. пополудни, он меня взял с собою и завел к Ямонтам[4], там постучал в дверь, которую отворила, кажется, девица Ямонт, и мы вошли в маленькую комнатку от входа прямо (в комнатке вправо от дверей находился диван, при нем стол и два стула, дальше стоял комод, окошко вправо от дивана выходило на галерею). Войдя туда, мы нашли Калиновского и Владислава[а] Милевича, как узнал уже впоследствии от него самого, служившего в гродненской люстрации. Оскерко сказал мою фамилию, но Калиновский про свою умолчал, говорил, что назначит меня комиссаром в Могилев...

В то же время Калиновский объявил, что я должен отправиться в Петербург и повидаться там с Баранецким * по делу, которое мне должен сообщить Оскерко, при том он дал мне объявление в Петербург с печатью Жонда, чтобы там принадлежащий к организации Баранецкий принял меня без опасения; дело это вечером сообщил мне Оскерко, оно состояло в следующем: дал мне письмо от Лясковского к офицеру артиллерийской академии Владимиру Колесову, в котором Лясковский просит его как друга, чтобы постарался выслать два паспорта, но Колесова я не нашел, а письмо уничтожил. Сверх того, дал мне 483 руб. и сказал, чтобы эти деньги вручить Баранецкому, сколько я мог заметить из слов Оскерки, для пересылки их скрывавшемуся в Москве и ожидавшему случая выехать за границу минскому помещику Свенторжецкому, вместе с заметкою, за каким паспортом Свенторжецкий скрывается (помню, что паспорт был на имя виленского мещанина Войцеховского), при том сказал, что если в Петербурге нельзя будет достать паспортов для Лясковского и Свенторжецкого, тогда отправиться в Москву и отыскать там бывшего студента Московского университета Бернацкого, который обязан был заняться этим...

По возвращении из Петербурга в квартире Ямонтов[б] опять нашел Калиновского и Милевича; первый, отпуская меня в Могилев, снова подтверждал употреблять меры затруднений к подписанию адреса или, если подпишут, то составить контрадрес, причем вручил: объявление Жонда, написанное в этом же духе, где, между прочим, призывались патриоты не упадать духом, письмо, как можно было заметить по штемпелям, заграничное, и газету «Час» с поручением доставить в Минск Оскерко и сказать последнему, чтобы письмо передал «секретарю отделения внутренних дел» («sekretarzowi sekcji spraw wewnętrznych»). Все это я отдал в Минске доктору Оскерке..»

* Живет в Малой Морской, № дома 17, квар. № 13.

а *Правильно — Ильдефонса.*

б *В тексте здесь и далее фамилия «Ямонты» пишется как «Ямонтовы».*

12 февраля: «Когда я ехал в Вильно с доктором Оскерко, то на дороге он мне говорил, что в Пинске или Мозыре (но вернее, кажется, в Мозыре) начальником уезда студент Ипполит Олевинский...»

20 февраля: «В бытность в Минске я получил от доктора Михаила Оскерко два адреса на случай поездки в Вильно и отыскания там лиц, к которым необходимо было бы обратиться по делам организации, а именно: Оскерко назвал мне Политовского (насколько помню, Оскерко говорил, что он учитель виленской прогимназии) и Жеромского — бывшего учителя гимназии. Эти лица должны были указать кого-нибудь из виленской организации...

Сколько мне известно, то с первым из них знаком Оскерко, потому что я их видел вместе, выходящих из гимназии, и на спрос мой у Оскерки, с кем он шел, он отвечал, что с Политовским. Знает ли Оскерко Жеромского, того с достоверностью сказать не могу. От Оскерки я слышал, что Политовский был прежде учителем в Молодечно и что Оскерко неоднократно заезжал к нему. Имели ли какую-нибудь номинацию Политовский и Жеромский, не знаю, но, судя по отзывам Оскерко, они должны были знать членов виленской организации и, пожалуй, сами принадлежали к ней...»

25 февраля: «Хотя поручение к б. обер-секретарю Сената Витольду Фомичу Баранецкому я имел от Оскерко, но уверен, что сношения с Баранецким деланы были не последним, как вовсе не бывавшим в Петербурге, но по всему вероятию Калиновским...»

6 марта: «В бытность мою в Минске доктор Михаил Оскерко дал мне адрес в Вильно к студенту Пеполю, который должен был указать там кого-нибудь из организации; но я в Вильне у Пеполя не был, а видел раз у Ямонта какого-то господина, и на вопрос мой, кто это такой, Калиновский ответил, что Пеполь...

Адрес Пеполя, сообщенный мне Оскеркой, был следующий: «Над аптекой „под Лебедем"». Что студент Пеполь принадлежал к организации и принимал в оной деятельное участие, в этом я убежден сильно, основываясь на том, что Оскерко давал мне к нему адрес и всегда отзывался о нем очень похвально как о деятельнейшей личности в организации...»

12 марта: «В первую мою поездку в сентябре м[еся]це в Вильно я у Ямонтов встретил Иосифа Калиновского, который мне тогда и отрекомендовался. От Оскерко я узнал, что Калиновский (Иосиф) был инженером, и он мне говорил, что это деятельная личность в организации. Во время бытности у Ямонтов разговор при Иосифе Калиновском был следующего содержания: Оскерко говорил, что минский воеводский начальник Пеликша не хочет подписывать адрес к государю, затем Оскерко обращался к Иосифу Калиновскому, спрашивая его мнения в этом деле. Иосиф Калиновский ответил на это следующими словами: «Что так как Пеликша дельный организатор, а неподписывание адреса ничего более как увлечение, то мы должны приказать подписать...» [5]

С подлинным верно: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, лл. 12—15. Подлинник

[1] *Датируется по содержанию.*

[2] *Повстанческий комиссар Минского воеводства М. Оскерко был 22 октября 1863 г. арестован в гор. Острове Псковской губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 586, л. 2).*

[3] *Очевидно, Дюлерана.*

[4] *О конспиративных связях внутри повстанческой организации Литвы и Белоруссии, осуществлявшихся через квартиру Ямонтов в Вильно, см. также док. 34.*

[5] *См. прим. 2 к док. 30.*

34

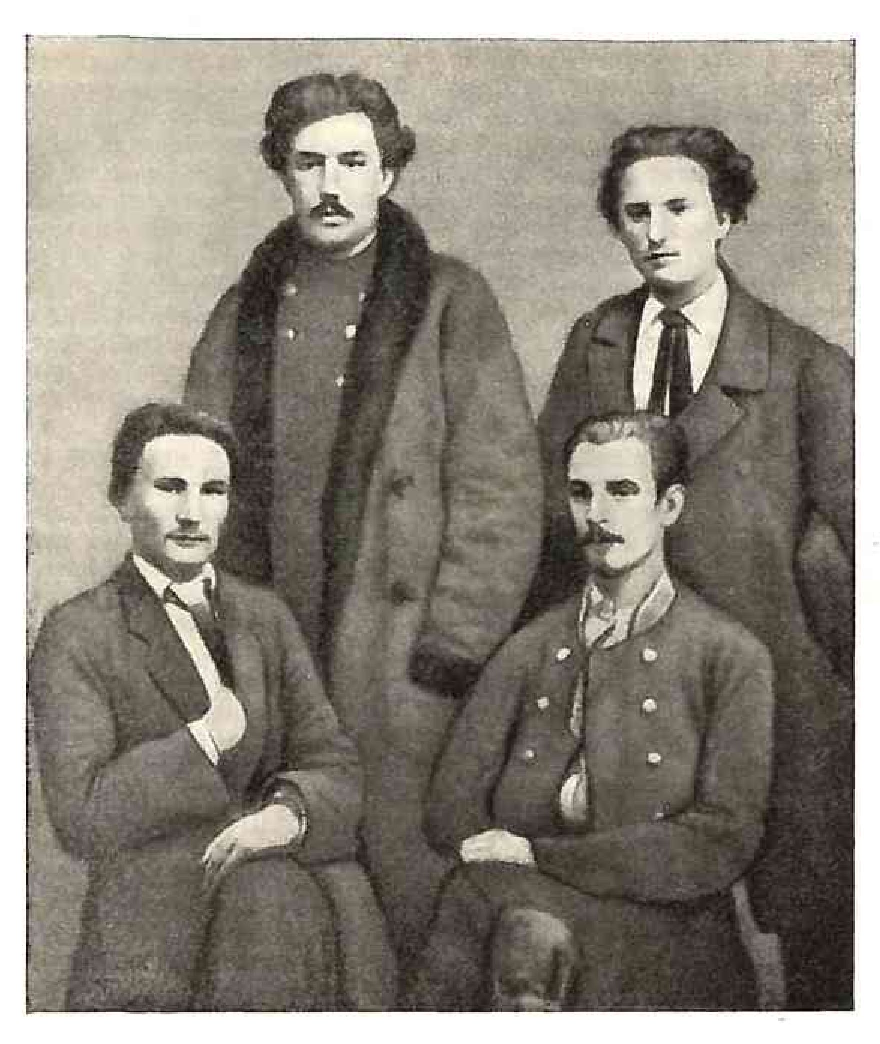
1864 г. марта 24.— Показания И. Милевича в Виленской особой следственной комиссии о деятельности виленской повстанческой организации и роли в ней К. Калиновского [1]

24 марта 1864 г. нижепоименованный спрошен в Особой следственной комиссии в Вильне и показал:

Я, Ильдефонс Милевич, дворянин Виленской губ., 29 лет, католик, недвижимого имения не имеет [a]. Воспитывался в виленской гимназии; около 2 лет служил в обществе Одессо-Киево-Курской ж. д., после чего в 1860 г. определен был казенным землемером по люстрации в Гродненской губ. и до июля 1863 г. состоял большею частью в командировках по службе, так что в продолжение всего этого времени едва прожил около 7 или 8 месяцев в Гродне. По случаю закрытия люстрационных работ в здешнем крае в прошлом году я вышел в отставку и поселился в Вильне. Здесь я встретился с кандидатом С.-Петербургского университета Константином Калиновским, с которым познакомился еще в бытность в Петербурге в 1860 г. для занятий в управлении вышеназванного общества. Сначала мы с Калиновским встретились как простые знакомые, но вскоре он открылся, что служит здесь в революционном комитете, и предложил мне заняться при нем перепискою бумаг и распоряжений. Где он жил тогда, он мне не открывал, а приходил ко мне на квартиру на Рудницкую ул. в д[оме] Карповича. Впоследствии Калиновский поселился в здании гимназии, и тогда и я навещал его.

Согласившись на предложение Калиновского, я во все время по его поручению переписал, сколько помню, только следующие бумаги от имени Отдела Литвы, и именно: приказания воеводским комиссарам: 1) сколь возможно, стараться поддерживать организацию и замещать арестованных членов новыми; 2) действовать организации, сколько возможно, осторожнее и незаметнее для правительства; 3) о взыскании с обывателей податей, оставшихся в недоимке за 1863 г.; 4) о старании местных революционных властей снабжать паспортами лиц, принужденных скрываться от правительства [2]. Какие еще бумаги случилось написать мне, припомнить не могу. Все эти распоряжения по преимуществу адресовались в Ковно, Минск, Динабург и по написании всегда были возвращаемы мною Калиновскому. Кроме квартир собственно моей и Калиновского, с последним встречался я несколько раз только у Иосифа Ямонта, с которым меня познакомил Константин Калиновский еще в декабре 1862 г. Какое значение имел в организации Иосиф Ямонт, я первое время не знал, впоследствии же слышал от Константина Калиновского, что Ямонт был комиссаром Минского воеводства [3]. Бывая у молодого Ямонта, я познакомился и с его семейством, но, навещая около раза в неделю это семейство, я редко видел старика Ямонта, который часто ухо-

[a] *Так в тексте.*

На снимке слева направо: сидят Петр Эмануель Юндзилл и Эдмунд Вериго, стоят Станислав Буховецкий и Юзеф Ямонт

дил или сидел в своем кабинете, и хотя я был Иосифом Ямонтом представлен отцу, но, быть может, он меня не помнит. Последнее время Калиновский сознался мне, что он занимает место уполномоченного комиссара в Литве; но кем был назначен и от кого принял эту должность, того мне не объяснил. Равномерно он мне не говорил ни о ком из служивших в Вильне в организации. Но бывая у него (в здании гимназии), я встречал бывшего при нем экспедитором Далевского, а по взятии его — исполнявшего эту должность Шадурского и еще молодых людей Греготовича и Пашковского. Настоящие ли это их фамилии и какой губернии они уроженцы, мне неизвестно. Затем ни в квартире моей, ни у Ямонтов [a] Калиновский в присутствии моем ни с кем из посторонних не виделся, однажды только в бытность мою и Калиновского у Ямонтов приходил Шадурский и, вызвав Калиновского, разговаривал с ним короткое время в передней, но этого никто тогда из Ямонтов не видел, так как дверь отворил сам Калиновский. К самим Ямонтам чаще приходили его родственник доктор Родзевич (служит при железной дороге), родной брат женатого на дочери Ямонта; замужняя дочь его Родзевичева и Дзвонковский; сверх того бывали еще некоторые знакомые Ямонтов женщины, но фамилии их мне неизвестны.

С Иосифом Калиновским я знаком со времени службы моей в обществе Одессо-Киево-Курской ж. д., где он занимал должность техника; я бывал у него в Вильне как знакомый, но больше нигде его не встречал. Доктора Михаила Оскерко я знаю: первый раз я встретил его у Ямонтов, потом у Константина Калиновского и, наконец, он был у меня. Доктора Мацкевича совершенно не знаю. От Калиновского я слышал, что Оскерко занимал должность воеводского комиссара в Минске. Не быв обязан никакою должностью в организации, я не мог знать и не знал в Вильне лиц, к ней принадлежащих, кроме тех, о которых упомянул выше. Тем более не знал их в Гродне, где я с сентября прошлого года и до самого арестования не был. На запрос комиссии отвечаю, что братьев Заблоцких и помещика Сильвестровича знаю [4]. Доктор Заблоцкий лечил меня, а с братом его и Сильвестровичем я встречался в кондитерской и трактире, но ни с кем сношений не имел.

Ильдефонс Милевич

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 594, лл. 20—22. Подлинник

[1] *Один из помощников К. Калиновского, И. Милевич, был арестован в Вильно в январе 1864 г. (см. там же, л. 15).*

[2] *Документы, перечисляемые И. Милевичем, неизвестны.*

[3] *См. показания И. Ямонта от 10 февраля 1864 г. (док. 246).*

[4] *Подробнее о деятельности гродненской организации см. соответствующие документы раздела по Гродненской губ., а также дополнительные показания И. Милевича от 25 марта 1864 г. (там же, лл. 23—26).*

---

[a] *В тексте здесь и далее фамилия «Ямонты» пишется «Ямонтовы».*

35

1864 г. марта 28.— Показания Ю. Калиновского в Виленской особой следственной комиссии о своей деятельности в виленской повстанческой организации [1]

28 марта 1864 г. отставной инженер-капитан Иосиф Калиновский в Особой следственной комиссии к прежним показаниям добавил:

Когда предложены мне были в первый раз вопросы о сношениях моих с семейством Ямонтовых и Константином Калиновским, я отвечал на оные отрицательно, предоставляя дело следственному порядку. Но сам факт моих сношений с упомянутыми лицами был так ясно и определительно поставлен, что, отвергая его безусловно, я бы напрасно поставил себя в отношении других обстоятельств в ненормальном положении и потому решился, признав мое знакомство с Константином Калиновским, определить характер моих сношений, и для лучшего уяснения моего личного положения в делах восстания я представляю все обстоятельства в возможной полноте.

В конце мая прошлого года, когда я был последний раз в Варшаве, в «Европейской» гостинице, где я остановился, встретился я с б. профессором военной академии Галензовским, которого я встретил в С.-Петербурге в то время, когда я был репетитором при инженерной академии. Мы припомнились друг другу, и он зашел ко мне в номер; узнав о том, что я вышел в отставку и еду в Вильно, он предложил мне принять участие в деле восстания в Литве. Сам он был в статском платье и заведывал военным отделом при Народном правительстве. Он тогда предполагал возможным устроить военный отдел в Вильне и предлагал мне заняться этим. Я не отказал, но, однако, с тем основным условием, что я буду поставлен в независимости к революционному оттенку восстания * и буду действовать как лицо военное и иметь только дело по управлению вооруженною силою. Он дал мне некоторые данные о силе восстания в Литве и сообщил адрес уполномоченного комиссара Литвы Дюлерана в Вильне, который был тогда временно в Варшаве и которому он должен был обо мне сообщить. Это было накануне моего отъезда в Вильно, куда я и отправился. Здесь я нашел дело восстания не в таком свете, как они мне представились в Варшаве; с взятием Сераковского восстание в Ковенской губ. значительно ослабилось, то же самое и в других местах. Ввиду этих обстоятельств я не решался идти к Дюлерану, но раз принятые обязательства нужно было исполнить, и в половине июня я зашел к Дюлерану, но на той квартире, которой дан был мне адрес, а именно на углу Большой ул. и переулка св. Михаила, фамилии хозяина дома не помню, его я не нашел, он переехал на Погулянку в последний дом с правой стороны (название владельца тоже не осталось у меня в памяти). Я с ним разговорился и просил его представить мне данные, нужные для того, чтобы я мог составить себе некоторый план моих занятий. Данных под рукою у него не было, он просил дать ему несколько дней времени для их собрания и назначил мне время, когда я должен был к нему прийти. В назначенный день я был у него и из рапортов, которые

* Т. е. что не принимаю на себя обязанности пропаганды революционной, а только лично приму участие в деле восстания.

он мне представил, вывел самые неблагоприятные заключения о порядке, строе, дисциплине и других условиях вооруженных сил. Данных о численности оных не было совсем или были, но очень неполные; вооружение было самое плохое, многие начальники отрядов не были известны, действовали отдельно и не представляли никакого ручательства успеха. Я тут же написал рапорт в военный отдел в Варшаву [2], представил всю безнадежность вооруженного восстания в Литве и выразил мнение, что вернуть раз совершенный факт возмущения невозможно, но усиливать его не должно, так как это поведет за собою жертвы напрасные, представлял невозможность дать какое бы то ни было правильное направление отрядам, что образование военного отдела в Вильне ни к чему не поведет, что все, что можно и должно сделать,— это снабдить отряды инструкциями на счет дисциплины, военного судопроизводства и устройства строевого отрядов. Просил прислать эти инструкции и общую инструкцию для меня лично. Рапорт должен был Дюлеран сам свезти в Варшаву, куда он собирался в скором времени, и больше в Вильно не вернулся.

У Дюлерана, у которого я был всего два раза, я встретился с Константином Калиновским, назвавшим себя тогда Черноцким, он мне вместе с Дюлераном представлял данные о вооруженных силах восстания. С тех пор с Дюлераном я не видался и остался в совершенном отчуждении. В июле встретился на улице Остробрамской с Черноцким, который мне сказал, что Дюлеран бежал и, верно, не вернется [3] и что вообще дело организации сильно поколеблено, что он сам находится в опасности. Мы расстались. Только в конце августа или начале сентября я с ним опять сошелся на Немецкой ул., тогда он завел в квартиру, которая оказалась впоследствии квартирою Ямонтов, показал мне документы, из которых я заметил, что он уполномоченный комиссар Литвы, предложил мне ехать в Гродно для устройства сообщения с этим городом, но я отказался; тогда он начал объяснять трудность своего положения вследствие расстройства организации, предложил мне вступить в оную, я на это не согласился, но заниматься разработкою вопросов военных лично с ним я не отказал, так как из очерка, который он мне представил о положении восстания вооруженного, я убедился, что необходимо принять нужные меры для устранения сколь возможно увеличивающихся несчастий. В это время я руководился следующими убеждениями: что борьба невозможна, что продолжать войну нет средств и потому лучше распустить отряды, где можно, так как приближающееся время зимнее угрожало совершенной гибелью отрядов. С тех пор я встречался с Калиновским (тогда я узнал о его настоящем имени) в той же квартире, а впоследствии на его же квартире в доме гимназии. Я рассматривал с ним дела, касающиеся вооруженных сил восстания. От губерний Гродненской, Виленской, Могилевской никаких сведений не получалось. Из Минской губ. получены раз сведения о состоянии отрядов, послано распоряжение их распустить. На ковенский рапорт отвечено: завести дисциплину и порядок в отрядах, так как вследствие совершенного неустройства оных они только были вредом для края; по возможности очистить шайки от всякого сброда, оставить только тех людей, которые могли составить строй, новых людей ни в каком случае не набирать, по возможности отряды направлять к границе и переводить их за оную, так как гибель их была неминуема [4]. Впрочем, сведения получались очень редко и занятие я имел очень малое. Все ответы писались на месте же, и он занимался их

отправлением, сначала через посредство Далевского[5], а после он сам лично это устраивал. В сношениях с Калиновским я принял себе за правило иметь дело с ним непосредственно и не выходить из границ принятой на себя обязанности.

Когда по самому ходу событий мне приходилось не иметь никакого дела и притом положение края было такого рода, что нужно было переменить свой взгляд на вещи и что даже личное самоотвержение имело более характер самоубийства, чем героизма, тем более, что я мог убедиться, как часто чувство самопожертвования в деле восстания гибельно действовало на состояние общества, я в декабре решительно высказал свое мнение в этом отношении, советовал ему уезжать самому из Вильно. Он не соглашался на мое мнение и говорил, что обязанности, возложенной и принятой им, он оставить не может. Мы так и расстались. В январе я встретил его около дома, где он жил, он просил зайти к нему, я не отказался. В течение времени, в которое я его не видел, он значительно переменил свои убеждения, но, отрешившись раз от общества, он не понимал его нужд, и, как утопист, он все же хотел проводить свои идеи в обществе. Одним из его желаний было издавать какой-нибудь журнал, не знаю, какими средствами он достиг до этого, и показал мне у себя один № 1-й газеты под названием «Głos z Litwy»[6]. Я пробежал его и нашел содержание, сколько помню, скудным и не соответствующим настоящему положению края, и я горячо ему выговорил, что он из-за таких пустяков жертвует жизнью личностей. Притом я сильно усомнился, чтобы он мог издаваться в крае, на что он мне ответил, что это уже до меня не касается, так как я уже отрешился от моих занятий. Был я у него очень недолго и простился с ним. Вскоре его арестовали, я полагал себя счастливым, что уцелел в этом общем крушении. Богу было угодно поступить со мною иначе.

Константина Калиновского я знал под тремя именами: Черноцкого, Виторженца и Калиновского. Иосифа Ямонта, доктора Оскерко и Парфиановича я встречал в квартире Ямонтов, никаких непосредственных сношений с ними не имел, Милевича встречал на той же квартире у Ямонтов и в квартире Калиновского. Знакомство мое с Пеполем было личное, я был несколько раз у него и он у меня. Об участии в деле восстания Иосифа Ямонта, Парфиановича и доктора Оскерки я знал, но о степени, которую они занимали в организации, мне не было известно. С Милевичем я встречался довольно часто, был у него несколько раз на Виленской ул., в д[оме] Минейко. Определить с точностью место, занимаемое им в организации, не сумею. При входе в квартиру Ямонтов действительно нужно было постучаться. В тех случаях, когда я в ней бывал, двери отворял или сам Калиновский или Далевский. Коссовского и Шадурского не знаю.

Знакомство мое с доктором Земенцким личное, я бывал у него и он у меня. С гр. Мориკони я знаком лично, кажется, с осени, наверно не помню. За неделю до моего ареста сын его, мальчик 10 лет, был взят мною на воспитание. На счет участия в деле восстания доктора Земенцкого, Мацкевича и гр. Морикони сведений не имею. У Ямонтов и Константина Калиновского их не встречал.

Номинацию я должен был получить от Дюлерана, но не получил. Номинации на военные чины надписывались мною вследствие представления начальников воеводств. В Гродненское воеводство было надписано

несколько номинаций в тот же день, когда я виделся с Калиновским у Дюлерана. Большею частью были все псевдонимы, раз только мною были прочитаны, и имена их решительно изгладились из памяти. Мацкевичу на военного начальника в[оеводст]ва Ковенского написано мною [7]. Равно и Червинскому на чин подпоручика или поручика, хорошо не помню.

Хотя Народное правительство через своих заграничных агентов, от которых получались иногда непосредственные сведения, старалось доставить оружие через границу Восточной Пруссии, но с малым успехом; в рапортах, получаемых из Ковенской губ., постоянно были жалобы на недостаток оружия. Все зависело от предприимчивости начальников отрядов — обессиленная организация не была в состоянии заняться транспортами оружия. И потому, когда Народное правительство ввиду внешних обстоятельств, именно признания Польши воюющей стороной, кажется, в октябре потребовало усилить восстание [8], то, признавая совершенную невозможность этого, необходимо было, однако, отступить от принятой программы избегать стычек и приказано Ковенскому воеводству, где только и сохранились остатки вооруженных сил, не усиливая восстания, только сильнее заявить его. Впрочем, невозможно было дать никакого определенного характера действиям отрядов. Разъединенность их, трудность сообщения между ними, недостаток способных начальников, нестройность отрядов были причиною, что почти все распоряжения оставались мертвою буквою и характер войны определялся местными условиями и личным качеством начальников.

Отчужденность от Народного правительства, в которой находился уполномоченный комиссар Литвы в последнее время, самым гибельным образом отозвалась в крае, исполнение программы, начерченной Нар[одным] прав[ительством] с начала весны, не соответствуя местным современным условиям, вело за собою громадные ошибки. В декабре, когда вооруженное восстание кончилось и попытки к возобновлению оного повели бы к самым печальным последствиям, оставляя свои занятия, я просил Константина Калиновского постараться изыскать средство уведомить Народное правительство, что вооруженное восстание возобновить невозможно и потому все попытки заготовления и доставки оружия на прусской границе ни к чему не поведут и чтобы для избежания несчастий даже отдельных лиц Народное правительство позаботилось обратить внимание на тех выходцев из края, которые, вероятно, расположились на границе и могут делать покушения на границе, что поведет только к разорению края. Насколько благоразумно в этом отношении поступит Народное правительство, это могут доказать только последствия.

К этому добавляю, что в отношении знакомства, связей и сведений о лицах, принимавших участие в восстании, ввиду личной моей безопасности, я старался иметь только непосредственные сношения с Константином Калиновским, чего я мог легко достигнуть вследствие определимости и независимости моих занятий.

Отставной инженер-капитан Иосиф Калиновский

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов,
поручик Юган, поручик Гогель,
обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 594, лл. 35—40. Подлинник

[1] *Заведующий военной секцией Исполнительного отдела Литвы Ю. Калиновский был арестован в Вильно 16 марта 1864 г. (см. там же, л. 28).*

[2] *Документ неизвестен.*

[3] *Розыск Н. Дюлерана начался лишь 18 августа 1863 г., когда М. Н. Муравьев предписал начальнику Виленской железнодорожной станции сообщить сведения о Дюлеране (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 1387, ч. 1, л. 287).*

[4] *Указываемые Ю. Калиновским документы неизвестны.*

[5] *Титуса Далевского.*

[6] *Известны № 1 (1 февраля 1864 г.), № 2 (15 февраля 1864 г.), № 3 (5 марта 1864 г.), № 4 (20 марта 1864 г.), № 5 (1 апреля 1864 г.) — см. D. Fainhauz. Prasa konspiracyjna powstania styczniowego na Litwie i Białorusi (1861—1864).— «Rocznik białostocki», 1963, t. 4, s. 43—103. В ЦГИА Лит. ССР хранятся №№ 3 и 5 этого издания, (ф. 439, оп. 1, д. 12; ф. 378, ПО, 1864 г., д. 633, лл. 19—20). В Институте истории партии при ЦК КП Литвы хранится фотокопия четвертого номера. Газета, по-видимому, печаталась в Кенигсберге. 3 марта 1864 г. М. Н. Муравьев сообщал В. А. Долгорукову, что «Głos z Litwy» трудно обнаружить в Вильно, но газета,* как слышно, довольно свободно расходится по Петербургу. *Одной из причин, облегчавших распространение нелегальной повстанческой литературы в России, были, по мнению Муравьева,* существующие в столицах крамольные сборища. *Виленский ген.-губернатор указывал, что,* по секретным сведениям, *«Głos z Litwy» печатался в Петербурге* в типографии Калиновского на Семеновской площади. *Эти сведения не подтвердились (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 600, лл. 11—12 и др.),*

[7] *См. прим. 1 и 2 к док. 120.*

[8] *Вероятно, имеется в виду воззвание Национального правительства от 26 сентября 1863 г., призывавшее к новому подъему восстания. В словах Ю. Калиновского о признании Польши воюющей стороной чувствуется отголосок острого дипломатического столкновения между Россией, с одной стороны, и Францией, Англией и Австрией — с другой, вызванного нотой министра иностранных дел А. М. Горчакова от 26 августа (7 сентября) 1863 г. об отказе России вести дальнейшие дипломатические переговоры по польскому вопросу. 26 (14) сентября 1863 г. английский министр иностранных дел лорд Д. Россель заявил об отсутствии у царизма права контролировать территорию Польши, в связи с чем ожидалось формальное признание Польши воюющей стороной.*

36

1864 г. июля 5.— Из показаний С. Олендского в Виленской особой следственной комиссии о повстанческом военном совете в Вильно в марте 1863 г. и начале восстания в Минской губ.

5 июля 1864 г. отставной подполковник Станислав Олендзкий был спрошен в Особой следственной комиссии и, раскаиваясь в своих преступлениях, показал:

[...][а] На пятой или шестой неделе великого поста[б] минувшего года, когда я был в Новогрудке по своим делам, встречает меня на рынке какой-то незнакомый мне молодой человек, белокурый, плотного телосложения, кланяется, спрашивает мою фамилию и предлагает зайти на мою квартиру. Когда мы взошли в квартиру, незнакомый господин вынимает две маленькие карточки с печатями Центрального народового жонда; на одной из них было написано, что объявитель сего агент Центрального жонда, которому каждый гражданин должен верить под опасением жизни, а на другой, что получивший оную обязан явиться на страстной неделе в гор. Вильно. Сказав затем, что я должен искать в

[а] *Опущено начало показаний, содержащее автобиографические сведения, а также некоторые соображения о манифестациях 1861 г. и минских дворянских выборах 1862 г.*

[б] *Первая половина марта ст. ст.*

гостинице Нишковского Сигизмунда Сераковского, у которого имеет быть военный совет, незнакомец удалился, оставив меня в совершенном недоумении! Ехать — дурно, не ехать, пожалуй, хуже, так как какой-нибудь господин, подобный этому, может явиться с кинжалом, я решился ехать в том предположении, что, может быть, мой совет как местного жителя будет принят в соображение и, может быть, я успею каким-нибудь образом отклонить от края восстание, которое, по моему убеждению, кроме несчастья, не могло более ничего принести для жителей. Сжегши карточку, я уехал в имение.

В понедельник на страстной неделе или во вторник [a] я выехал на своих лошадях с намерением ночевать в Лиде. На почтовой ст. Лопеница я узнал, что Константин Кашиц недавно проехал в имение свое Тарновщизна и что на следующий день едет к семейству своему в гор. Ригу. Наскучив ездою на своих лошадях, я решился заехать в Тарновщизну с тем, чтобы на следующий день ехать с г. Кашицем на почтовых в Вильно. Я приехал в Тарновщизну уже ночью и, намекнув Кашицу во время разговора за ужином причину моей поездки, условился ехать вместе с ним в Вильно. Тогда же, сколько припоминаю, Кашиц сказал мне, что он получил номинацию на повятового начальника Новогрудского у., а Владислав Борзобогатый — начальника гор. Новогрудка.

Выехав следующего дня после обеда из Тарновщизны, к рассвету мы приехали в гостиницу Нишковского [1], где тотчас уложились спать. Часу в одиннадцатом я встал и вышел вместе с Кашицом из номера; не желая же возбудить подозрение в прислуге, не пошел в номер Сераковского, которого фамилия была уже написана на доске, имеющейся в швейцарской. Я вышел на улицу и на предложение г. Кашица отправился с ним к г. Антону Еленскому, где мы пробыли около часу, разговаривая о самых обыкновенных вещах. Затем заходил к часовому мастеру и в кондитерскую. Возвратившись в гостиницу и пообедав, я зашел в свой номер, где уже не застал вещей г. Кашица, который, как сказал мне номерной, перешел в большой номер наверху. Отдохнув несколько часов, я велел поставить самовар, пил чай и по временам ходил в швейцарскую узнать, не возвратился ли Сераковский, который куда-то уходил. Поужинав в общем зале, я зашел к Сераковскому в номер, о возвращении которого узнал в швейцарской. Там я застал его и молодого артиллерийского офицера с серебряным аксельбантом, которого Сераковский назвал Станиславом Лясковским. Сераковский, с которым я был знаком по Академии Генерального штаба, объявил, что он организует вооруженную силу во всей Литве и едет начальствовать восстанием на Жмуди, что по примеру Жмуди должна восстать и Литва и Минская губ. и что, наконец, он надеется, что я приму в этом участие. Я отвечал, что он очень ошибается, если рассчитывает на меня, так как я решительно не могу принять участия в деле, в которое не верю и которое считаю за сумасбродное и преступное. «Видишь это! — был его ответ, указывая на шестиствольный револьвер.— Не захочешь принять добровольно, заставим принять насильно, донесешь — убьем; тут нет разговоров в деле патриотизма, всякий способный человек должен принять участие, восстание во всей Литве — дело решенное, нечего, следовательно, и говорить об этом, у вас некого назначить, кроме тебя, поэтому ты должен принять обязанность,

---

[a] *Т. е. 24 или 25 марта.*

какую дадим». Не желая более продолжать подобного разговора и боясь, чтобы от слов не перешло к действию, чего по выражению лица Сераковского весьма легко можно было ожидать, я встал. При уходе Сераковский сказал, что на следующий день в 9 час. утра он придет в мой номер и заведет меня на военный совет.

Около 10 час. следующего дня действительно явился ко мне Сераковский и, посидев несколько минут, предложил отправиться на совет, не говоря ничего, куда и на чью квартиру поведет меня. Выйдя из гостиницы, мы повернулись направо вниз, затем, кажется, налево и еще сделали один или два поворота, но решительно не могу теперь вспомнить ни улицы, ни дома, так как Вильно знакомо мне только по главным улицам, да притом при беспокойном настроении духа, которое я тогда испытывал, трудно было что-либо подобное удержать в памяти. Наконец, мы подошли к какому-то дому и, кажется, с-под ворот [a], вошли в небольшую комнату, где застали уже Лясковского, с которым я познакомился накануне, и старшего брата его, капитана артиллерии Лясковского. Сколько припоминаю, комната была небольшая и все убранство ее составляло несколько обыкновенных стульев и стол, на котором была разложена карта западных губерний и Царства Польского средней величины, выкрашенная, с обозначенными на ней зелеными красками лесами. Когда мы все четверо уселись, Лясковский-старший спросил, где комиссары, на что Сераковский ответил: «На что комиссары, у меня есть все нужное», и затем вынул из бокового кармана два листа, один с печатями Народового жонда, а другой с отметками числа людей, готовых к восстанию, и числа боевых припасов в уездах Ковенской и Виленской губерний, а также Новогрудского у., в котором значилось, кажется, 125 хорошо вооруженных. Сначала разговор велся о действиях на Жмуди, куда собирался отправиться Сераковский как главный начальник всего восстания и старший Лясковский как начальник его штаба. Они предполагали собрать первоначально шайку где-то около Поневежа, и когда она усилилась бы значительно, то Лясковский, отделившись от Сераковского, должен был перейти в Россиенский у. к Эйраголам, а Сераковский — двинуться к Биржам, откуда намерен был перебраться в Курляндию, где, пользуясь нерасположением латышей к помещикам, надеялся сделать восстание и в случае удачи этого предприятия перейти на Березину, а оттуда на Полесье, где местность, как он полагал, давала бы возможность долго и упорно держаться [2]. Затем перешел вопрос к тому, что положение Нарбута в Лидском у., атакуемого постоянно войсками и совершенно уединенного [3], весьма незавидное и что, следовательно, необходимо сделать диверсию для отвлечения внимания войск от него. Сераковский сказал, что, по сведениям, полученным из Ошмянского у., там есть готовых к выступлению более 150 человек, что с новогрудскими составит партию в 300 человек, следовательно, довольно сильную, чтобы держаться некоторое время в Налибокском лесу и тем отвлекать внимание от Нарбута, который имел бы таким образом время оправиться или уйти в Гродненскую губ. для соединения с более сильными партиями. Вследствие этого решено было, чтобы охотники Новогрудского у. в возможно скорейшем времени выступили в Налибоки на соединение с партией Ошмянского у. На спрос Сераковского, не знаю ли я в Новогрудском у.

[a] *Так в тексте.*

человека, способного начальствовать над партией, я отвечал, что не знаю, тогда молодой Лясковский сказал, что в Новогрудском у. живет товарищ его молодой Шалевич, которому лучше всего дать это назначение, так как он способный и энергический человек. Тогда Сераковский отрезал несколько кусков бумаги с печатями Народового жонда и на одной написал приказ Новогрудскому у. выступить 3 апреля, а на другом — номинацию Шалевичу на военного начальника Новогрудского у. и сказал мне: «Так как ты не желаешь принять серьезного участия в восстании, то назначаешься временным военным начальником Новогрудского, Слуцкого и Пинского уездов с тем, чтобы главное устроить восстание Новогрудского у., переговорив с Шалевичем и Борзобогатым, так как последний все у вас делает и доставляет нам все сведения, и передав им все то, что решили мы здесь. Начальником военным Минского воеводства думаем назначить тамошнего комиссара Болеслава Свенторжецкого, которого мы ожидаем со дня на день из-за границы, так как на эту должность надо иметь лицо с именем, а помощником его будет молодой Лясковский. Восстание в Минской губ. откладывается до возвращения Свенторжецкого, к которому ты должен явиться в Минске около 10 апреля и который скажет, как поступить с номинациею, которую я тебе даю». На спрос мой, зачем в таком случае нужна мне номинация и еще на три уезда, когда только восстает один, он отвечал: «Номинация нужна для порядка, а дается на три уезда, во-первых, потому, что это будет иметь больше значения, а во-вторых, может случиться надобность соединить восстание Слуцкого у. с Пинским, так как в пограничных лесах этих уездов можно держаться долго, и тогда могут понадобиться твои советы как офицера Генерального штаба, впрочем, Свенторжецкий скажет об этом окончательно». Затем он дал мне номинацию и хотел вручить кипу манифестов, но я отказался под тем предлогом, что опасно иметь с собой столько бумаги, тогда Сераковский сказал, что в таком случае он отошлет бумаги через своего агента, которого он должен послать в Ошмяну и Новогрудок, и отдал номинацию Шалевича. Затем я вышел и в нескольких шагах от ворот нашел извозчика, на котором отправился к мастерам надгробных памятников, осмотрев которые возвратился в гостиницу, пообедал и, зайдя на минуту к Кашицу, сказал ему о моем назначении и о приказании выступить Новогрудскому у. Кашиц сказал, что он поторопится возвратиться из Риги, а пока просит сноситься с Борзобогатым. Отдохнув после обеда в своем номере и выпив чаю, я уехал обратно в им. Косичи.

На следующий день после приезда я чуть свет послал в Новогрудок, прося тотчас приехать Борзобогатого, который в десятом часу и прибыл. Объяснив все дело, я просил его поехать к молодому Шалевичу, отвезти ему номинацию и привезти его в Косичи. Часу в четвертом приехал обратно Борзобогатый с Шалевичем, который привез с собою топографическую карту Новогрудского у. Удалившись в особенную комнату, я объяснил сущность дела, затем разложили карту и приступили к соображению, как направить движение. Когда Борзобогатый объяснил, что готовых к выступлению есть до 130 человек, разбросанных по всему уезду, и что все они хорошо вооружены и имеют достаточное число боевых припасов, то мы составили такой план: переправиться через Неман в двух пунктах около Еремич и около Басина и затем обе колонны должны были 7 апреля соединиться в Налибоках. К переправе около Басина должны

были собираться втихомолку, поодиночке, а переправившись через Неман, идти под начальством кс. Лашкевича в Налибоки. Колпеница была назначена первым сборным пунктом второй колонны, которая должна была двигаться под начальством самого Шалевича на Мир, другой сборный пункт этой колонны, и, переправившись через Неман около Еремич, идти в Налибоки на соединение с первою колонною. Окончив совещание, продолжавшееся не более часу, Шалевич с Борзобогатым уехали в Новогрудок, дабы поскорее разослать оттуда приказание о выступлении.

В конце св. недели [а] я был в Новогрудке и зашел к Борзобогатому, который сказал, что только что получил сведение из Мира, что Шалевич не явился в назначенный час в Колпеницах, что колонна его прошла через Мир без начальства, что он взят в Мире уже по проходе партии [4] и что сейчас надо дать знать в партию, дабы временно, до прибытия настоящего начальника, кс. Лашкевич начальствовал ею. Вместе с тем он сообщил мне, что на расходы по восстанию назначена подать по 1 руб. сер. с души, тогда я вынул 300 руб. сер., какие причитались по этому расчету с им. Косичи, и отдал ему, прося, чтобы ко мне не присылали за этим. Сказав затем, что на следующий день я еду в Минск, где скажу о случившемся и попрошу выслать оттуда офицера, я уехал обратно.

На следующий день я поехал в Минск, по прибытии куда отыскал тотчас Болеслава Свенторжецкого, у которого нашел молодого Лясковского. Я отдал тотчас выданную мне номинацию, которую Свенторжецкий сжег при мне, сказав, что Новогрудский у. отделился к Виленскому воеводству, о чем дано туда знать, и что затем оканчивается совершенно моя обязанность, так как он принял звание минского воеводы, ведению коего подчиняются все уезды Минской губ., кроме Новогрудского, прибавив, что он вместе с Лясковским, назначенным помощником к нему, отправится с партиею Игуменского у. Я сказал о случившемся с Шалевичем и просил Лясковского прислать в Налибоки какого-либо офицера, на что он отвечал, что это очень трудно, так как решительно в настоящее время он не знает в Минске человека, который согласился бы на подобную должность, но что он постарается поискать. Перед самым моим отъездом из Минска Свенторжецкий с Лясковским зашли ко мне, причем последний сказал, что он только что получил сведение о совершенном уничтожении новогрудской партии и что, следовательно, туда не нужен начальник, в отыскании коего он весьма затрудняется, так как из 5 офицеров, ожидаемых им, приехали только 2, которые не желают принять начальство над налибокскою партиею. Свенторжецкий сказал, что он виделся с Владиславом Машевским, который назначен повятовым начальником Слуцкого у., что он обещал приготовить восстание в своем уезде, с которым [б] намерен перебраться в Игуменский у. на соединение с ним, и что тогда он, Свенторжецкий, передаст ему звание минского воеводы, так как Машевский весьма дельный человек, но пока удерживает это звание при себе, боясь, чтобы Машевский не был разбит раньше соединения, потому что переход для его партии будет очень труден, что восстание в Минской губ. будет весьма скоро, но еще неизвестно, когда именно, и что Пинский, Мозырский и Бобруйский уезды останутся в бездействии, так как там, по причине малочисленности и неприязненного на-

---

[а] *Около 7 апреля ст. ст.*
[б] *Так в тексте.*

строения крестьян, нет готовности никакой и невозможно даже провести организацию. Затем они ушли, а я сейчас уехал обратно и более уже не принимал никакого участия в столь противозаконном и преступном действии, в чем в настоящее время искренно и чистосердечно раскаиваюсь.

Все вышеизложенное показал по чистой совести и за неправду или утайку подвергаю себя ответственности по законам.

Отставной подполковник Станислав Олендзкий

Показание отбирали: полковник Лосев, майор Шпейер, поручик Юган, поручик Гогель, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, лл. 117—124. Подлинник

[1] *В выходившей в Вильно газете «Виленский вестник» приезд С. Олендзского зафиксирован между 27 марта и 3 апреля 1863 г. Примерно в это время, по газетной информации, в Вильно прибыли М. Гейденрейх, Ю. Галензовский, И. Лясковский, Я. Коссаковский, Г. Лапицкий, Б. Свентожецкий и другие деятели повстанческой организации. Очевидно, некоторые из них принимали участие в военном совете под руководством З. Сераковского.*

[2] *См. ссылки на архивные и другие материалы, дополнительно разъясняющие сущность стратегического плана З. Сераковского, в работах: А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 181—187; В. Б. Бикулич., Воспоминания А. Сераковской (Далевской) и другие материалы о З. Сераковском в ЦГИА Лит ССР.— Сб.: К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964, стр. 94—95, 98—101.*

[3] *О действиях отряда Л. Нарбута см. док. 47, 53, 68.*

[4] *К. Шалевич был арестован 6 апреля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 573, л. 11).*

37

1865 г. января 2.— Отношение М. Н. Муравьева и. д. лифляндского ген.-губернатора П. А. Шувалову о принятии совместных мер по охране границы между Курляндией и Ковенской губ.

Во время происходивших беспорядков во вверенном мне крае местности Курляндии, пограничные с Ковенскою губ., а в особенности уезд Якобштатский, служили постоянным притоном мятежникам, бродягам и другим злонамеренным людям, преследуемым полициею и жандармами за свои преступные действия [1], и хотя я неоднократно просил предместника в. с. о принятии зависящих от него мер к прекращению сего зла, тем не менее действия местных полицейских властей были так слабы и нерешительны, что известный разбойник Лукашунас долгое время безнаказанно появлялся в пограничных местечках и деревнях и нашел возможность скрыться от преследования закона [2].

Ныне по случаю предстоящего рекрутского набора не подлежит сомнению, что жители Ковенской губ. по заведенному обычаю будут скрываться от исполнения сей повинности и искать убежища в пограничных местностях Курляндии, где и в настоящее время, равно как и в прочих остзейских губерниях, проживает огромное число польских семейств со своею прислугою, готовых покровительствовать перебежчиков, а потому, в отвращение нареканий со стороны тех семейств, которые должны будут ставить рекрутов по случаю укрывательства состоящих на очереди, я

надеюсь, что в. с. не откажете в удовлетворении моей просьбы об усилении полицейского надзора на всем протяжении границы Курляндии с Ковенскою губ. с тем, чтобы все лица, которые будут замечены без установленных видов либо же заподозренные в укрывательстве от рекрутского набора, были задерживаемы и передаваемы в ближайшие становые квартиры Ковенской губ. на дальнейшее распоряжение.

Ген.-от-инфант[ерии] [Муравьев]

В с. меня очень бы обязали, если могли бы, ехавши в Ригу, заехать в Вильно для личных объяснений по многим общим предметам, касающимся до управляемых вами губерний. Необходимо нам также условиться насчет устройства оберегательного отряда войск от Либавы до Нового Места Россиенского у. по примеру прошедшего года. Буде можно, вы, конечно, не откажетесь от сего моего приглашения и доставите мне удовольствие с вами побеседовать по-прежнему.

Искренно душою вам преданный М. Муравьев [a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 82, лл. 85—86. Отпуск

[1] *Переписка М. Н. Муравьева с предшественником П. А. Шувалова В. К. Ливеном в 1863—1864 гг. отражает принятые царскими властями меры по координации своих усилий, направленных на подавление повстанческого движения. О переходе групп повстанцев из Литвы в пограничные районы Курляндии Муравьев неоднократно сообщал Ливену (см. там же, лл. 62—65, 72 и др.). См. также рапорт помощника командующего войсками Виленского военного округа ген.-адъютанта Н. А. Крыжановского Муравьеву от 18 февраля 1864 г. о выработанных совместно с Ливеном мерах по охране границы с Курляндией (там же, д. 601, лл. 80—83).*

[2] *О розысках командира повстанческого отряда К. Лукошюнаса на территории Латвии в 1864—1865 гг. см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 82, лл. 83—84; ф. 1248, оп. 2, д. 956, л. 5.*

38

1865 г. около 13 февраля [1].— Ведомость, составленная в канцелярии Временного полевого аудиториата при штабе войск Виленского военного округа, о числе лиц, подвергнутых различным наказаниям за участие в восстании на территории Литвы и Белоруссии

Число лиц, сужденных в шести губерниях Северо-Западного края, подвергнутых смертной казни и высланных со времени открытия мятежа по 1 января 1865 г. в Сибирь и во внутренние губернии империи вследствие политических обвинений, разрешенных как судебным и следственным порядком, так и административными распоряжениями начальства, определяется следующими цифрами:

I. Подвергнутых смертной казни:

Ксендзов	7
Лиц привилегированного сословия	68
Простолюдинов, в том числе шляхтичей, однодворцев, мещан и крестьян	53
Итого	128

[a] *Последний абзац, как указано в отпуске, приписан рукой М. Н. Муравьева.*

II. Сосланных в каторжную работу по судебным решениям:

Ксендзов	36
Лиц привилегированного сословия	592
Простолюдинов	225
Итого	853

III. Сосланных в Сибирь на поселение в более или менее отдаленные места по судебным решениям:

Ксендзов	6
Лиц привилегированного сословия	414
Простолюдинов	84
Итого	504

IV. Сосланных с лишением особенных прав состояния на житье в менее отдаленные места Сибири по судебным решениям:

Ксендзов	19
Лиц привилегированного сословия	806
Итого	825

V. Определенных в военную службу рядовыми по судебным решениям:

Лиц привилегированного сословия:	
а) с лишением прав состояния	118
б) без лишения прав	40
Простолюдинов	162
Итого	320

VI. Отослано простолюдинов по судебным решениям с лишением особых прав состояния в арестантские роты гражданского ведомства, из коих они будут отправлены в Сибирь на водворение — 767.

VII. Высланных на жительство внутри империи без лишения прав состояния:

а) по судебным решениям	628
из них:	
Ксендзов	50
Лиц привилегированного сословия	578
Итого	628
б) по следственным решениям	622
из них:	
Ксендзов	27
Лиц привилегированного сословия	595
Итого	622
А всего	1250

в) административным порядком

по представлениям начальников губерний:

Ксендзов 14
Лиц привилегированного сословия 265
Итого 279

VIII. Выслано из края простолюдинов на водворение на казенных землях внутри империи по судебным и следственным решениям и административными распоряжениями г. главного начальника края, начальников губерний и командующих войсками в губерниях:

по решениям: судебным 517
следственным . . . . , ... 3221
Административными распоряжениями:
Околичной шляхты 639 семейств на водворение обоего пола 3497
Одиноких людей разного звания 322
Итого 7557

IX. Всего же выбыло из края по политическим обвинениям:

Ксендзов 159
Лиц привилегированного сословия 3476
Простолюдинов 8848
Итого 12483

В этом числе:

Подвергнуто смертной казни 12
Сослано с лишением всех или только особенных прав состояния:
Ксендзов 61
Лиц привилегированного сословия 1930
Простолюдинов 1076
Итого 3067

Выслано из края без лишения прав состояния:
Ксендзов 91
Лиц привилегированного сословия 1478
Простолюдинов 7719
Итого 9288
А всего 12483

Сверх того, по судебным и следственным решениям оставлено в крае лиц разных сословий, обвинявшихся в политических преступлениях, с подвержением некоторых из них административным взысканиям и с совершенным освобождением других от ответственности с отдачею на благонадежное поручительство и под надзор полиции — 6024.

Из них подвергнуто административному взысканию:
По судебным решениям:
Ксендзов 25

Лиц привилегированного сословия	470
Простолюдинов	208
Итого	703

По следственным решениям:

Ксендзов	79
Лиц привилегированного сословия	1218
Простолюдинов	855
Итого	2152
А всего	2855

Освобожденных от ответственности:

По судебным решениям:

Ксендзов	16
Лиц привилегированного сословия	449
Простолюдинов	420
Итого	855

По следственным решениям:

Ксендзов	12
Лиц привилегированного сословия	239
Простолюдинов	2033
Итого	2284
Всего	3169

А всего подвергнутых административным взысканиям и освобожденных от ответственности с оставлением в крае — 6024.

Примечание: в числе сказанных 6024 человек оставлено в крае: ксендзов — 132, лиц привилегированного сословия — 2376 человек и простолюдинов — 3516 человек.

Сверх этого числа всемилостивейше прощено и водворено на жительстве в крае добровольно явившихся мятежников:

Ксендзов	3
Лиц привилегированного сословия	591
Простолюдинов	2611
Итого	3205

Всего же оставлено в крае лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, = 9229.

В числе их:

Ксендзов	135
Лиц привилегированного сословия	2967
Простолюдинов	6127

И. д. полевого обер-аудитора П. Неелов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г., д. 446, лл. 11—16. Подлинник

[1] *Черновик ведомости (там же, лл. 18—19) датирован 13 февраля.*

39

1865 г. февраля 28, Вильно.— Отчет Временного полевого аудиториата о числе казненных по Виленскому военному округу в 1863—1864 гг.

По отчету о движении политических дел по Окружному штабу и Полевому аудиториату со дня открытия действий его, т. е. с 19 октября 1863 г. по 1 января 1865 г., показано подвергнутых смертной казни политических преступников по конфирмациям командующего войсками Виленского военного округа и б. помощника его, ген.-адъютанта Крыжановского — 69 человек, из них 28 преступников подвергнуто смертной казни по конфирмациям, последовавшим на докладах Окружного штаба, а 41 человек — по конфирмациям на заключениях Полевого аудиториата.

По собранным же аудиториатом сведениям от губернаторов и отдельных военно-уездных начальников видно, что в Виленской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях со времени возникшего в Литве мятежа казнено всего 128 человек, в числе которых состоит:

Служащих: офицеров	14	Шляхтичей	10
нижних чинов	10	Однодворцев	4
Отставных: офицеров	7	Мещан	8
нижних чинов	7	Крестьян	18
Гражданских чиновников	1	Иностранцев прусских подданных	2
Ксендзов	7		
Дворян	40	Итого	128

Казни эти были произведены в следующих местах:

в гор. Вильно	21		
Ошмянах и уезде	6	Волковыске	1
Лиде	1	Слониме и уезде	3
Ковно и уезде	13	Соколке	1
Шавлях и уезде	13	Пружанском у.	3
Поневеже и уезде	12	Белостокском у.	4
Вилкомире и уезде	8	Минске	4
Тельшах	2	Новогрудке	3
Россиенах	1	Игумене и уезде	4
Новоалександровске и уезде	6	Борисове и уезде	2
		Мозыре	1
Гродно и уезде	3	Могилеве	5
Брест-Литовске	2	Орше	1
Бельске	1	Рогачеве	1
Кобрине	3	В кр. Динабурге	3

Итого 128

По преступлениям, за которые назначены смертные казни, казненные распределяются:

За измену долгу службы и присяге побегом из войск и вступлением в мятежнические шайки	24
Участие в мятеже с совершением в оном:	
грабежей	3
смертоубийств	47
Особенно деятельное участие в мятеже и долговременную бытность в шайках мятежников	6
За предводительствование мятежническими шайками	24
Публичное чтение и распространение возмутительных манифестов и подговор жителей к восстанию	7
Бытность во главе распорядителей революционной организации и высшее распоряжение мятежным движением	6
Служение революционному комитету в звании жандармов-вешателей и полициантов для совершения убийств	11
Итого	128

Все эти преступники казнены по конфирмациям:

Командующего войсками Виленского военного округа	68
Б. помощника его ген.-адъютанта Крыжановского	1
Командующего войсками в Ковенской губ.	1
Командующего войсками 2 отдела Ковенской губ.	11
Командующего войсками в Вилкомирском и Поневежском уездах	3
Гродненского губернатора	3
Минского военного губернатора	7
Витебского губернатора	1
Военного начальника Инфляндских уездов	1
Командующего войсками в Могилевской губ.	4
Военного начальника гор. Ошмян с уездом	6
Военного начальника гор. Ковно с уездом	1
Военного начальника гор. Тельш с уездом	1
Военного начальника гор. Россиен с уездом	1
Военного начальника Новоалександровского у.	5
Военного начальника гор. Вилкомира с уездом	4
Военного начальника гор. Поневежа	7
Военного начальника Кобринского у.	3
Итого	128

Все эти конфирмации исполнены были над преступниками в течение времени с марта 1863 г. по январь 1865 г., и именно:

В марте 1863 г.	1	сентябре	5
мае	7	октябре	8
июне	14	ноябре	12
июле	8	декабре	16
августе	23	Итого	94

В январе 1864 г.	4	августе	1
феврале	4	сентябре	5
марте	8	октябре	4
апреле	3	ноябре	1
мае	1	декабре	1
июне	2	Итого	34
		Всего	128

И. д. полевого обер-аудитора П. Неелов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г. д. 446, лл. 2—7. Подлинник

40

1868 г. [1] *— Ведомость о количестве войск, принимавших участие в подавлении восстания 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии, составленная в штабе войск Виленского военного округа*

Военные действия при усмирении польского мятежа 1863 г. в губерниях Виленского военного округа считаются за кампании:

	Начало кампании	Окончание кампании
В Гродненской губ.	11 января 1863 г.	29 октября 1863 г.
— Виленской »	3 февраля » »	17 сентября » »
— Ковенской »	3 марта » »	22 декабря » »
— Минской »	7 апреля » »	4 сентября » »
— Витебской »	11 » » »	1 мая » »
— Могилевской »	23 » » »	1 » » »

Приказы военного министра 1864 г. №№ 174 и 225

К 11 января в составе войск Виленского военного округа находились следующие части:

Звание частей войск	Когда выбывали из округа
1 кавалерийск[ая] дивизия	В конце апреля и первой половине мая 1865 г.
1 конно-артиллерийск[ая] бриг[ада]	В июне месяце 1865 г.
1 пехотная дивизия	
1 полевая артиллер[ийская] бригада	
2 пехотная дивизия	В июле месяце 1863 г.
2 полевая артил[лерийская] бригада	
3 пехотная дивизия	В мае месяце 1866 г.
3 полевая артил[лерийская] бригада	
Донской казачий № 33 полк	В мае месяце 1865 г.
Донской казачий № 42 полк	В мае месяце 1865 г.

Примечание: 1 кавалерийская дивизия сменялась частями 7 дивизии, 1 пехотная сменялась частями 16 дивизии.

В продолжение 1863 г. в Виленский военный округ прибывали:

Звание частей			Когда прибывали	Когда выбывали из округа
Л.-гв. сводно-казачий полк			в январе	в августе 1863 г.
2 гвардейская пехотная дивизия			в начале февраля	в начале июля 1863 г.
1 гвардейская пехотная дивизия			в июле	в ноябре и начале декабря 1863 г.
3 гренадерская дивизия				
2 бригада			в конце мая	в августе 1864 г.
1 »			в октябре	
Л.-гв. драгунский полк			в феврале	в октябре 1863 г.
Донской	казачий	№ 5 полк	в феврале	в октябре 1866 г.
»	»	№ 13 »	в апреле	в октябре [1866 г.]
»	»	№ 17 »	в июне	в сентябре 1866 г.
»	»	№ 32 »	в конце июля	в ноябре 1866 г.
»	»	№ 40 »	во второй половине октября	в декабре 1866 г.
»	»	№ 41 »	в июне	в ноябре 1866 г.

Примечание: на смену казачьих полков №№ 5, 13, 17 прибывали полки №№ 50, 51 и 56.

Сверх означенных частей войск в продолжение 1863 г. прибывали резервные батальоны полков 2 и 3 резервных пехотных дивизий, которые в августе того же года поступили на сформирование новых полков 26, 27, 28, 29, 30 и 31 пехотных дивизий, а именно:

Какие резервные части	Когда прибывали	В какие новые дивизии поступили на сформирование полков
		26 дивизии
Эстляндский рез[ервный]	в июле	Пермск[ий] пех[отный] полк
Либавский	до января месяца	Вятск[ий] пех[отный] полк
Нарвский		Петрозавод[ский] пех[отный] полк
Великолуцкий	в июле	Устюжск[ий] пех[отный] полк
		27 дивизии
Олонецкий	в конце января и феврале меся-ц[е]	Оренбургс[кий] пех[отный] полк
Вологодский		Уфимск[ий]
Костромской		Троицк[ий] » »
Симбирский		Саратовск[ий] » »
		28 дивизии
Муромский	в январе месяце	Волжск[ий] пех[отный] полк
Нижегородский		Камск[ий] » »
Низовский		Донск[ой] » »
Галицкий	в начале февраля	Уральск[ий] » »

		29 дивизии
Черниговский	в январе и феврале месяце	Старорусск[ий] пех[отный] полк
Могилевский		Новоторжск[ий] » »
Брянский		Вяземск[ий] » »
Кременчугский		Малояросл[авский]
		30 дивизии
Смоленский	в феврале месяце	Ярославск[ий] пех[отный] полк
Полтавский		Шуйск[ий] » »
Алексопольский		Коломенск[ий] » »
Полоцкий		Серпуховск[ий] » »
		31 дивизии
Елецкий		Пензенск[ий] пех[отный] полк
Севский	в феврале	Тамбовск[ий] » »
Витебский		Козловск[ий] » »
Орловский		Воронежск[ий] » »[а]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1868 г., д. 3079, лл. 126—127. Подлинник

[а] *Опущено окончание документа, содержащее список воинских частей, находившихся в Виленском военном округе в 1868 г.*

[1] *Датируется на основании других документов дела.*

41

1863 г. января 16.— Донесение виленского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева В. А. Долгорукову о возбужденном настроении жителей гор. Вильно и угрозе восстания в Виленской губ.

Секретно

Кровавые события в Царстве Польском и Гродненской губ. в настоящее время уже не есть секрет для всех виленских жителей, в особенности для поляков, которые знают со всеми подробностями, что́, где и как случилось. Эти новости приводят их в восторженное состояние, между ними расходятся листки под названием «Хоругвь» [1]— призыв к явному бунту. Полиция до сих пор не могла найти ни одного из них, хотя всем об их распространении известно. Ксендзы, повсеместно проповедуя о восстании, действуют чрезвычайно успешно, и если, чего боже сохрани, правительство энергическими мерами не остановит вспыхнувшего пожара, то пламя мгновенно разольется по всему краю и наступит самая кровожадная партизанская война. Поляки организованы повсеместно: у них сформированы десятки, сотни и тысячи, оружие припасено и ждут только приказа своего тайного правительства начать действия. По верному расчету, Вильно может выставить более 10 000 вооруженных сорванцов, в состав которых войдут гимназисты, ученики института [2], все праздношатающиеся поляки и чиновники всех присутственных мест, не исключая и ген.-губернаторской канцелярии. В уездах тоже окажутся готовы многочисленные шайки. На крестьян надежда плохая; это стадо баранов, а пастухи этого стада — посредники, старшины и писаря — как известно, первые пропагандисты революционной идеи. Полиция составлена из поляков, они скорее будут агентами мятежников, нежели правительства. Смотрители на почтовых станциях все до одного поляки, поэтому езда по почтовым трактам не только будет не безопасна, но невозможна. Эта печальная перспектива может открыться неожиданно и в самом скором времени.

Какой оборот примет дело — зависит от успешного действия наших войск в Польше и Литве, где вспыхнул бунт, начало которого для нас было дурное, а конец — в руках всевышнего.

Говорят, что за Белостоком где-то в лесу толпа поляков в 6 тысяч окружена войском и будто бы начальствующие там лица потеряли

головы и действуют нерешительно, и если эта толпа ускользнет из рук, тогда будет полное бесславие нашему войску и повсеместная беда в крае [3].

У поляков большая надежда и уверенность на безуспешные действия правительственных лиц.

Для морального успокоения умов в Вильне необходимо прислать как можно скорее по крайней мере два полка гренадерского корпуса, в составе которого, как известно, офицеры отличаются более благонамеренностью, чем в полках, которые уже давно квартируют в Западном крае и в которых молодые офицеры слишком много начитались проповедей Герцена. Если бы угодно было спросить о такой мере ген.-адъютанта Назимова, то я убежден, что и он признал бы это необходимым.

О чем долгом считаю с полной откровенностью донести в. с.

Подполковник Лосев

Помета Доложено е. в. 20 января

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1857 г., д. 321, ч. 4, лл. 17—19. Подлинник

[1] *Имеется в виду изданный Литовским комитетом накануне восстания первый номер газеты «Chorągiew swobody». См. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», М., 1964, стр. 140—146. О распространении газеты в гор. Вильно и Лидском у. см. ЦГИА Лит. СССР, ф. 494, оп. 1, д. 35, лл. 8, 21; ф. 1248, оп. 2, д. 1696, л. 53.*

[2] *Дворянский институт.*

[3] *О действиях повстанцев на западных окраинах Гродненской губ. в первые дни восстания см. док. 174—178, 181.*

42

1863 г. января 18.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о положении в гор. Вильно и распространении воззваний, призывающих к восстанию

Секретно

16 числа сего месяца в Вильне на стенах домов были приклеены листки с воззванием к оружию, который [a] с переводом на русский язык при этом почтительнейше представляя в. с. [1], имею честь доложить, что в городе до сих пор покойно, кроме слухов, что поляками назначено на 20 число совершить в Вильне Варфоломеевскую ночь и будто бы пробираются в Вильну лесами по ночам из Царства Польского шайки мятежников [2].

Ген.-адъютант Назимов сделал следующие распоряжения: в войсках приняты меры предосторожности на случай внезапных беспорядков и квартирующие нижние чины по обывательским домам должны ночевать в сборнях не менее как по 10 человек, патрули денные и ночные усилены.

Домовладельцам объявлено, что если у кого в доме окажутся беспаспортные или у кого из проживающих в доме найдется оружие, то хозяин будет наказан как преступник, а если который домовладелец сам будет изобличен в злонамеренном участии в беспорядках, то дом такого будет разрушен до основания.

[a] *Так в тексте.*

Трокский у. Виленской губ., как пограничный с Царством Польским, объявлен на военном положении [3].

Подполковник Лосев

Помета Доложено е. в. 21 января

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 2—3. Подлинник

[1] *Перевод воззвания находится там же (л. 4):*

Народ литовский смирный, скрытый,
Как говорят, кованый, битый,
Когда откровенный, как воск тает;
Но когда кто заденет,
То и в могиле не простит
И, наконец, своего достигнет.

К оружию, братья, к оружию! — *это отрывок из стихотворения В. Поля* «Pieśń o ziemi naszej».

[2] *20 января (1 февраля) Комитет движения в Вильно (Литовский провинциальный комитет) провозгласил себя Временным правительством Литвы и Белоруссии и выпустил манифест о начале восстания (см. док. 3). Дошедшие до царских властей слухи о том, что повстанческие отряды из Королевства Польского пробираются в Вильно, не соответствовали действительности.*

[3] *Трокский у. был объявлен на военном положении 18 января 1863 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 163, ч. 1, л. 49), военное положение во всей Виленской губ. введено 4 февраля (там же, л. 59).*

43

1863 г. января 31.— Циркуляр виленского католического епископа А. Красинского к деканам о запрещении духовенству содействовать освободительному движению [1]

Слово божье да не будет словом человеческим. Учение с амвона должно быть чисто религиозное. Проповедник евангелия прежде всего обязан стараться о назидании народа с помазанием св. духа. А кто бы отступал от духа сих правил, тот отступал бы от духа и основных правил св. костела. Это было бы оскорблением достоинства св. религии, если бы она имела сделаться орудием политики. Почему поручаю вашему преподобию строжайше предписать духовенству, дабы оно, проповедуя слово божье, не удалялось от чисто церковного и истинно христового учения, не вмешивалось бы в политику, не возбуждало страстей и двусмысленностию не ослабляло силы слова божия. Равномерно строжайше предписываем, дабы священники никаких решительно оглашений в церкви без разрешения епархиального начальства объявлять не осмеливались под личною ответственностью.

Объявление этого циркулярного предписания и надзор за аккуратным исполнением лежит на ответственности декана.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 13, л. 6. Заверенная копия [2]

[1] *Появление циркуляра было вызвано тем, что некоторые ксендзы Виленской епархии по требованию повстанческой организации обнародовали в двадцатых числах января 1863 г. повстанческий манифест (см. док. 45). О фактах обнародования манифеста ксендзами по Лидскому у. А. Красинскому сообщил В. И. Назимов в письме от 31 января 1863 г. (см. там же, л. 1).*

[2] *Польский оригинал не найден.*

44

1863 г. февраля 2, Вильно.— Рапорт командира 2-й стрелковой роты л.-гв. Финляндского полка штабс-капитана Засса начальнику стрелкового полка полковнику Крамеру о беседе кадетов с солдатами на политические темы

Вечером 1 февраля за ужином солдат вверенной мне 2-й стрелковой роты подошли к ним несколько кадет и вступили в разговор со стрелками, предлагая им различные вопросы. Во-первых, что стали ли бы они бить женщину с ребенком на руках, хотя бы она действовала бы против правительства? На что унтер-офицер Ращин ответил, что бить бы не стал, а передал бы ее в полицию. Во-вторых, если бы собралась шайка в 10 и более человек и напала бы на армейских солдат, то стали бы они их защищать? На этот вопрос вышеозначенный унтер-офицер Ращин ответил, что они, солдаты, конечно бы заступились за своих братьев, армейских солдат, которые точно так же, как мы, исполняют присягу на службу своему государю. Тогда воспитанники корпуса стали объяснять, что только один ум должен ставить человека на высшую или низшую степень в обществе и что человек, признанный умным, может даже управлять нами и быть царем, на что унтер-офицер Ращин заметил им строго, что государь император есть помазанник бога и что лицо его есть священное и что мы все должны защищать его своею жизнью до последней капли крови. Разговор был прерван приходом дежурного офицера [1].

О чем в. вб. донести честь имею

Штабс-капитан Засс

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, л. 45. Подлинник

[1] *Появление среди воспитанников Александровского кадетского корпуса в Вильно революционных настроений побудило царские власти закрыть корпус и перевести его воспитанников в Петербург. Это решение было принято 14 мая 1863 г. 23 мая М. Н. Муравьев обратился к Д. А. Милютину по телеграфу с просьбой ускорить перемещение, мотивируя это тем, что* нельзя ручаться за спокойствие в кадетском корпусе и за безопасность его, когда распоряжение о переводе в Петерб[ург] огласится. *1 июня 1863 г. воспитанники корпуса были отправлены в Петербург экстренным поездом. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 373, лл. 1—14.*

45

1863 г. февраля 5.— Из составленной в канцелярии виленского губернатора ведомости [1] о нападении повстанцев на м. Желядзь Свенцянского у. и обнародовании повстанческого манифеста в Лидском у.

[...] [a] 26 января вечером Свенцянского у. в казенном м. Желядзь появилась шайка злоумышленников в числе 14 человек [2]. Они истребили дела, книги и архив тамошнего сельского управления, разбили двери сельского запасного магазина, разломали денежный сундук, в котором хранились, кроме билетов, 600 руб. наличными деньгами, и предлагали крестьянам воспользоваться хлебом и деньгами, но из крестьян никто

[a] *Опущено изложение происшествий, не относящихся к теме данного сборника.*

на это не решился и никто не присоединился к шайке злоумышленников, кроме сельского писаря Губинского и двух его помощников [3]. До выхода мятежников из м. Желядзи тамошний ксендз прочитал крестьянам врученный ему злоумышленниками возмутительный манифест, но чтение оного не произвело на крестьян никакого впечатления. Из гор. Свенцян выехала для поимки этих злоумышленников особая команда на подводах, а Свенцянский у. объявлен на военном положении [4]. Из последних полученных донесений видно, что означенная шайка, состоящая исключительно из вышедших из гор. Вильна ремесленников, частью уже рассеялась [5].

27 января в воскресенье Лидского у. в м. Василишках и в Вавиорках местные ксендзы объявили в тамошних костелах революционный манифест. Но чтение оного не произвело на собравшихся в костел для слушания слова божия крестьян особого впечатления, и они преспокойно разошлись по домам. Об арестовании упомянутых ксендзов сделано надлежащее распоряжение [6].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 20, д. 51, л. 48. Отпуск

[1] *Ведомость о происшествиях по Виленской губ. за вторую половину января 1863 г., предназначенная для представления Александру II и П. А. Валуеву.*

[2] *Это была группа повстанцев, пришедшая под предводительством Ф. Вислоуха и С. Буховецкого из гор. Вильно и объединившаяся в лесах им. Зулово помещика Билевича с формирующимся там местным отрядом повстанцев. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 2, д. 87, лл. 7, 22; ф. 494, оп. 1, д. 277, л. 6.*

[3] *Помощники желядского сельского писаря С. Губинского государственные кре-*
стьяне М. Войцекян и Г. Рамель были арестованы и на следствии сообщили сведения
о начале формирования повстанческого отряда в окрестностях м. Желядзь в конце
января 1863 г. С. Губинского царским властям разыскать не удалось. См. ЦГИА Лит.
ССР, ф. 494, оп. 1, д. 277, лл. 6—7; ф. 380, оп. 20, д. 87, лл. 7, 22—25. Имеются также
данные о пребывании в то время в отряде Вислоуха студентов Жуковского и Т. Вань-
ковича. Последний вместе с Вислоухом перешел в Трокский у. и был офицером в от-
ряде Вислоуха до конца существования отряда (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378. ПО, 1863 г.,
д. 509, лл. 1—6).

[4] *Военное положение в Свенцянском у. введено 29 января 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 163, ч. 1, л. 56).*

[5] *Имеется в виду стычка отряда Вислоуха с царскими войсками 3 февраля 1863 г.*
близ м. Солы Ошмянского у. См. «Архивные материалы Муравьевского музея», ч. 2,
стр. 59—60, 63—64. В связи с неблагоприятными обстоятельствами в это время для
дальнейшего развития повстанческого движения в этом районе, Вислоух расформиро-
вал отряд и с несколькими повстанцами вернулся в Вильно. Литовским комитетом он
был послан в Трокский у. принять командование над остатками разбитого отряда
Коревы.

[6] *Ксендз Вавиорского прихода Р. Земацкий был арестован и впоследствии, 24 мая*
1863 г.. по приказу М. Н. Муравьева расстрелян в гор. Вильно. Ксендз Василишского
прихода О. Сырвид 30 января 1863 г. в присутствии доктора А. Брандта и других лиц
вторично зачитал манифест перед собранными крестьянами всей волости. См. ЦГИА
Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 277, лл. 4, 9, 12—14, 30, 32—34; д. 275, лл. 4—11. Об обна-
родовании повстанческого манифеста по местечкам и деревням Виленской губ. в начале
восстания и отношении к нему народных масс см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1,
д. 21, лл. 40—42, 71; д. 35, лл. 7—8, 16, 21—23; д. 768, л. 122; ф. 378, ПО, 1863 г., д. 235,
лл. 1—3; д. 681, лл. 25, 27; д. 1140, лл. 4—17; д. 1125, л. 51 и др.

46

1863 г. февраля 13.— Донесение А. М. Лосева А. Л. Потапову о постоянном выходе жителей из гор. Вильно для присоединения к повстанцам

Секретно

Вследствие отношения дежурства вверенного в. п. округа от 4 сего февраля за № 18[1] имею честь донести, что вообще об уходе из Вильно способных взяться за оружие поляков для составления в окрестности мятежнических шаек я доносил е. с. г. шефу жандармов 29 января за № 28[2] и в. п. за № 29[3].

Что же касается до полученного в III отделении собственной е. в. канцелярии сведения, будто бы в ночь на 21 января ушло из гор. Вильно 1000 молодых людей, то в справедливости этого я имею основание сомневаться, ибо одновременный выход такой значительной массы людей неминуемо обратил бы внимание военных патрулей. Но что они уходят и теперь малыми частями, то это достоверно и, может быть, по настоящее время их ушло гораздо более, чем 1000 человек[4].

Подполковник Лосев

ЦГАОР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 13, л. 21. Подлинник[5]

[1] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 27.*

[2] *См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 11—12.*

[3] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 26.*

[4] *О постоянном выходе жителей гор. Вильно (учеников, ремесленников, чиновников и т. д.) в повстанческие отряды см. док. 48, 51, 58 и примечания к ним, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 144, лл. 1—11; д. 1031, лл. 8—9; д. 1147, лл. 2—3; ф. 419, оп. 2, д. 181, лл. 51—54; ф. 494, оп. 1, д. 32, лл. 14—16; д. 244, лл. 10—12; ф. 1248, оп. 1, д. 253, лл. 23—24; д. 459, лл. 11—12; д. 475, лл. 14—15; д. 830, лл. 82—83; оп. 2, д. 50, л. 20; д. 247, лл. 11, 16—23; д. 324, лл. 7—9; д. 604, лл. 74—77, 80; д. 989, лл. 6—8; д. 993, лл. 18—19; ф. 1253, оп. 1, д. 11, л. 86 и др.*

[5] *Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 28.*

47

1863 г. февраля 16(28), Вильно.— Предписание Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии военному начальнику Лидского повета Л. Нарбуту установить связь с повстанцами Слонимского повета и двигаться в направлении Минского воеводства[1]

Prowincjonalny Rząd Tymczasowy
na Litwie i Białorusi
do
Naczelnika wojennego Lidzkiego powiatu

Ponieważ ruch początkowy w południowej części Lidzkiego powiatu w skutek niepraktyczności rozwijających jego nie udał się otóż masz Pan żywioły gotowe skupić do swego oddziału i zniósłszy się z powstaniem słonimskim, skoro miejscowe okoliczności pozwolą, przedzierać się do Miń-

skiego województwa. W Słonimie udać się trzeba do d[okto]ra Symonowicza, powiatowego naczelnika. O rozwijaniu się ruchów w Lidzkim powiecie i co Pan przedsięweźmiesz, zdasz szczegółowe sprawozdanie za pośrednictwem bezpośredniej władzy.

W działaniach zaleca się Panu energiczność i stanowczość, stosownie do instrukcji wydanych.

Dan w Wilnie d. 28 lutego 1863 r.

Zwróć Pan szczególniejszą uwagę na Jarosława Tabeńskiego, pośrednika, jako na człowieka szkodliwego dla sprawy ogólnej [2] i postąp z nim wedle sprawiedliwości.

Печать Литовского провинциального комитета [a].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 184, л. 26. Подлинник

ПЕРЕВОД

Временное провинциальное правительство
Литвы и Белоруссии

Военному начальнику Лидского повета

Поскольку первоначальное движение в южной части Лидского повета вследствие неопытности организовавших его лиц не имело успеха, вы должны включить в свой отряд подготовленные к этому элементы, связаться с повстанцами в Слонимском повете и, как только местные условия позволят, пробиваться в направлении Минского воеводства. В Слониме следует обратиться к начальнику повета доктору Симоновичу. О развертывании движения в Лидском повете и о тех мероприятиях, которые будут вами проведены, вы отдадите подробный отчет через свое непосредственное начальство.

Вам рекомендуется действовать энергично и решительно, в соответствии с данными инструкциями.

Дано в Вильно 28 февраля 1863 г.

Особое внимание обратите на посредника Ярослава Табенского как на приносящего вред общему делу человека [2] и поступите с ним в соответствии с требованиями правосудия.

[1] *Документ найден у убитого повстанца на поле боя после сражения отряда Л. Нарбута с царскими войсками 8 апреля 1863 г. близ дер. Дубичи в Лидском у. См. там же, л. 6.*

[2] *Я. Табенский — помещик им. Зеляпиш, мировой посредник 4-го участка Лидского у., подвергался аресту по подозрению в связях с повстанцами. Виленская следственная комиссия считала возможным его оправдать. В рапорте комиссии от 30 апреля 1863 г. указывалось, в частности, что Табенский вопреки повстанческому манифесту, обнародованному в Лидском у.,* объявил крестьянам как собственного его, так и всех прочих имений вверенного ему участка, чтобы повинности исполняли везде по уставным грамотам [...], а о водворении порядка в нескольких имениях он просил содействия военно-уездного начальника официальною бумагою *(там же, лл. 3—6). Тем не менее Табенского выслали в Верхотурье под надзор полиции. В июле 1863 г. в его имении были найдены зарытые в землю печатный станок, оружие, книги, газеты и рукописи, говорящие о его связях с повстанческой организацией (там же, лл. 37—38). Так как Табенский был уже выслан, дело осталось нерасследованным. По показаниям В. Гажича, Табенский был окружным повстанческим начальником (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248. оп. 1, д. 382а, л. 38).*

---

[a] *Помимо того, документ скреплен монограммой.*

48

1863 г. февраля 21.— Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову об исключении из учебных заведений гор. Вильно учеников, не возвратившихся после отлучки к родственникам

Секретно

Г. министр народного просвещения, согласно полученному им донесению попечителя Виленского учебного округа, уведомляет меня, что казеннокоштный воспитанник Виленского дворянского института Викентий Ржецкий и ученики конвикта [a] прогимназии Сильвестр Баранович, Осип Янкевич, Станислав Машковский, Лев Чаплинский и Константин Журавский, быв уволены в воскресный день к родственникам [1], не возвратились в заведения и по многим поискам не отысканы, следствием чего они исключены из заведений [2].

Считаю долгом сообщить об этом в. вп. в дополнение отношения моего за № 480 [3].

Ген.-адъютант кн. Долгоруков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, л. 55. Подлинник

[1] *3 февраля 1863 г. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 56, ч. 2, л. 16.*

[2] *С. Баранович с братом Юзефом, учеником 3-го класса Виленской прогимназии, а также с учеником Виленской гимназии Л. Малецким и другими добровольцами из гор. Вильно присоединился к отряду Г. Чеховича («Остоя») и был взят в плен царскими войсками после поражения отряда в октябре 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 604, лл. 74—76, 80 и 85—86). Об активном участии в восстании учащейся молодежи гор. Вильно см. док. 58, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 615; л. 53; д. 668, лл. 1, 7; д. 696, лл. 1—2; д. 1147, лл. 2—3, 6; д. 1148, л. 7; д. 1150, лл. 5—8; д. 1153, лл. 1—2; д. 1187, лл. 13, 29; ф. 494, оп. 1, д. 81, лл. 1—3, 20—21; ф. 1248, оп. 1, д. 194, лл. 17, 29; оп. 2, д. 247, лл. 22—23; д. 662, лл. 71—76; д. 1696, лл. 15—16, 19; ф. 1253, оп. 1, д. 11, лл. 21, 35, 169, 173; ф. 1268, оп. 1, д. 792, л. 16 и др.*

[3] *См. ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, л. 57.*

49

1863 г. февраля 28 (марта 12).— Приказ командира повстанческого отряда Свебоды [1] помещице им. Шилосяды Трокского у. Е. Бондзынской о выдаче съестных припасов для повстанцев

12.III 1863 г.

Rozkaz

Właścicielce majątku Szyłosiady niniejszym rozkazuje się pod karą zniszczenia ruchomego majątku wydać natychmiast prowizję na 250 osób [2].

Naczelnik oddziału Swieboda

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 22, л. 12. Подлинник

---

[a] *Конвикт — общежитие для учащихся.*

ПЕРЕВОД

12 марта 1863 г.

Приказ

Настоящим приказывается владелице им. Шилосяды под страхом уничтожения движимого имущества немедленно выдать съестные припасы на 250 человек.

Начальник отряда Свебода

[1] *Псевдоним не расшифрован. По всей вероятности, это был кто-либо из офицеров К. Корево.*

[2] *Подобных приказов, подписанных командирами различных повстанческих отрядов, по Виленской губ. сохранилось несколько. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 271, лл. 12—13; ф. 494, оп. 1, д. 15, л. 38; ф. 1248, оп. 1, д. 295. л. 19.*

50

1863 г. марта 2.— Показания жителя дер. Галимщизна Ошмянского у. отставного солдата К. Марчика о чтении крестьянам «Мужицкой правды» лесным объездчиком В. Сверчинским [1]

1863 г. м[еся]ца марта 2 числа. Нижепоименованные лица были спрашиваемы и показали:

Зовут меня Казимир Фомов сын Марчик, отставной солдат Белозерского в. кн. эрц-герцога Гессенского полка, вероисповедания римско-католического, неграмотен, женат, детей имею, 47 лет от роду, под судом и следствием не состоял, имею три медали, жительствую в дер. Галимщизне, по обстоятельствам запроса показал, что объездчик лесов им. Ивья, недавно из Варшавы прибывший, Сверчинский, 7 или 8 числа истекшего февраля, будучи у якультовского лесника Нехлядовича, читал в доме Нехлядовича по-польски напечатанную «Мужичью правду», которую, как написано под концом, писал [а] господарь из-под Вильни Яська. В означенной правде напечатано, между прочим, как упомню, что: «детюки [б] под московским управлением худо жить, как под Севастополем француз москаля побил, то он согласился дать свободу, думая, что обманет нас, но мы теперь хитрее стали, нам не такой свободы надо, как дал, а нужно, чтобы была такая, как мы хочем. Государь налагает большие подати на царские стайни [в], псярни, посредников, писарей и черт знает на кого. Рекрут не надо давать, податей не надо платить, нам бог поможет, людей много» [2]. Притом толковал Сверчинский, что колеи железные от Варшавы в Гродно поломлены, все войско, чиновники соединятся с поляками противу царя. Печатную эту правду по прочтении взял опять с собою, более ничего не говорил, а что настоящее показал по долгу справедливости, в том посредством упрошения подписуюсь Викентий Кильчевский.

Допрашивал старший заседатель Захаревич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 363, лл. 21—22. Подлинник

[а] *В тексте* что писал.

[б] *Дзецюкі — ребята (белорусск.). Таким обращением начинался каждый номер «Мужицкой правды».*

[в] *Стайнi — конюшни (белорусск.).*

[1] *О распространении «Мужицкой правды» в Виленской губ. см. док. 64, 69 настоящего сборника, сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 320—324, а также ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1555, лл. 1—10; ф. 494, оп. 1, д. 35, лл. 8, 22; ф. 1248, оп. 1, д. 336, лл. 67, 73, 75, 86—88, 120; ф. 1253, оп. 1, д. 15, л. 36.*

[2] *Пересказывается содержание третьего номера «Мужицкой правды».*

51

1863 г. марта 4.— Показания дворянина В. Довьята в Ковенской следственной комиссии о составе и действиях отряда К. Коревы

1863 г. марта 4 дня членами следственной Ковенской над политическими преступниками комиссии допрошены были взятые 3 марта крестьянами в плен и доставленные начальнику Ковенской губ. мятежники:

Дворянин Владислав Рафаилов Довьят[а], от роду 19 лет, веры римско-католической, холост, уроженец Ковенского у., воспитывался в частном заведении [в] гор. Россиенах. Отец служит закрестина[б] при костеле в м. Румшишках.

В последнее время я находился за гувернера у помещика Эдуарда Цолкевича в им. его Пиктовиже, в Ковенском у. 27 февраля брат помещика Эдуарда Цолкевича Гавриил Цолкевич, соседний помещик, приехал вместе с дворянином, проживающим в им. Домброво Ковенского у., Некрашем и дворянином же Емельяном Уробовским, живущим в им. Огинтах помещика Яна Качинского, и остановились в доме Эдуарда Цолкевича. Гавриил Цолкевич и Некраш, говоря мне, что имеют до меня дело, велели мне отправиться в им. Новосады Виленской губ. Трокского у. вместе с дворянином Монкевичем, который занимался шорнической работой в доме Цолкевича.

По приходе в Новосады мы застали там человек 15, подговоренных к мятежу, и нас также склонили к тому убеждениями Некраш и Уробовский. Последние занимались вербованием партий. В толпе упомянутых 15 человек был[в] начальник партии Клетий Корево, ротмистр, бежавший из русского войска[1]. Он наделил нас 12 винтовками со штыками и затем остальных — охотничьими ружьями, двуствольными и одноствольными. По прибытии в Шилосяды — имение помещика Бондзынского, мы отведены были Коревою в казенный Правенишский лес, где присоединилось к нам еще до 30 человек, вооруженных охотничьими ружьями, а у человек 10 были револьверы. Здесь жили мы некоторое время в шалашах. Строевому искусству обучал нас Эдуард Шульц, тоже офицер русского войска. Кроме показанных лиц, в партии еще находились: отставной прапорщик Дзенгелевский Станислав, сын помещика Бондзынского Альфонс, Альфред Филиповский — дворянин, дворянин Павел Селява, дворянин Матеуш Бочанский, дворянин Христовский, дворянин Ян Кубицкий, дворянин Станислав Стравинский, дворянин Иосиф Ивановский и другой

[а] *В тексте ошибочно* Довиад.

[б] *Zakrystjan* — пономарь (*польск.*).

[в] *В тексте* были.

тоже Иосиф Ивановский (один из них гимназист Виленской гимназии и второй кузнец), Виленской же гимназии Владислав Барановский и из кадетского корпуса Александр Новомейский, дворянин Александр Томкович, кузнец Ян Скиндер, дворянин Осип Корф, бывший поваром у Бондзынского Михаил Цихановский, гимназист Виленской гимназии Станислав Эйкович, отставной офицер Кучевский [2] с черными бакенбардами, который заведывал в отряде провиантскою частью, сын помещика Гаврила Цолкевича Владислав и двое родных братьев дворян Ярослав и Владислав Селява. Кроме упомянутых, еще были дворяне братья Адольф и Петр Францкевичи из околицы Домброво Ков[енской] губ. и дворянин Викентий Монкевич, дворянин Михаил Кубицкий. Наш отряд имел двух виленских ксендзов: Леона Былинского и другого Былинского, которого имени не помню, они были также вооружены двуствольными ружьями и саблями и одеты в чамарках. Еще был в отряде дворянин Александр Францисон, у которого находился список всех членов партии. Остальных затем не помню. Кроме оружия, в отряде было несколько кос.

Начальник партии Корево имел целью собрать несколько местных партий, из коих одна находится под Ландваровом и другая — Свенцянами [3]. Корево прислан был из Виленского революционного комитета [4] вместе с дворянином Грегутовичем [а], находившимся также в нашем отряде. Кроме исчисленных, был между нами секретарь из Вильно Каминский и дворянин Теофил Лавринович, а также Сильвестр Снарский, бывший в партии за повара.

Провиант присылали к нам от помещика Бондзынского и б. предводителя дворян в Ковно Жилинского на их собственных лошадях, а также от помещиков Корфа и Монтвила. Никто из них сами не приезжал в нашу партию, но их посещали начальники.

Из Правенишского леса мы отведены были в м. Шилосяды, где обедали в комнатах помещика Бондзынского, и затем оставались в принадлежащем к имению лесу, где пробыли 2 дня и переправились чрез Вилию; ночевали в лесу, а потом, узнав о приближении русского отряда, возвратились обратно через р. Вилию и остановились у помещика Монтвилы, который снабдил нас провизией и водкой. Пробыв у него сутки, отправились опять в лес неизвестного имения, верстах в 20 от имения Монтвилы, где пробыли 2 дня. Затем пошли к старшине казенных крестьян Кляпко, живущему в лесу далеко от деревни. Партия заставила его силою дать им провиант, угрожая за отказ оружием. В это время Корево не находился при нашей партии и отправился за другой партией, которая пришла через 2 дня после его отъезда в числе 15 человек.

Под командой подпоручика Кучевского мы перешли в им. Жилинского Поломенье, которого не нашли дома, но получили здесь продовольствие на обед и водку. Затем, услышав о приближении русского отряда, мы отошли в лес, где (28 февраля [б]) была стычка со стрелками и казаками, но я не участвовал в этом, спрятавшись в лесу. После этой стычки кс. Былинский был арестован и в отряде не досчитывали 15 человек, неизвестно куда девшихся.

В ту же ночь мы вновь пошли к Шилосядам, где принял начальство Корево и отрядил 20 человек сжечь дер. Ломянцы за донос на

[а] *Правильно — Греготович.*
[б] *Скобки в тексте.*

мятежников. Отсюда через сутки мы пошли к помещику Акко, в покоях которого ели и ночевали. Он сам встретил нас и принимал радушно [5]. В ночь (со 2 на 3) мы направились к Правенишкам, но были настигнуты около дер. Буды конными крестьянами, по которым дано было из нашей толпы 4 выстрела и один всадник наш погнался за ними. Вскоре за тем напали на нас стрелки и драгуны [6], тогда я и товарищ мой Константин Микульский, бросив бывшие при нас одноствольные ружья, бежали на мызу Жусоль [а] для отыскания там бывшего за дежурного офицера Александра Францисона и получения денег, с которыми хотели отправиться по домам, но на поле битвы арестованы крестьянами и доставлены в Ковно. При арестовании была у меня только пуля в кармане, а оружия никакого не было. Все показано мною справедливо и добавить ничего не имею, кроме просьбы о смягчении моей участи, во внимание к молодым летам и чистосердечному признанию.

Дворянин Владислав Рафаилов сын Довьят

[...] [б] в добавление к показаниям Владислав Довьят и Константин Микульский присовокупили, что при поступлении в шайку они приводимы были к присяге в верности Виленскому революционному комитету, первый — кс. Леоном Былинским и капитаном Корево, а второй — Францисоном без ксендза. Обряд присяги состоял в том, что перед ними ставили крест с зажженными свечами и с обеих сторон держали над головами обнаженные сабли.

Дворянин Владислав Рафаилов сын Довьят

Допрашивали: полковник Быченский, коллежский советник Фермор,
майор Гришков, корнет Бартенев,
делопроизводитель Бормотов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 404, оп. 1, д. 212, лл. 9—12. Подлинник

[1] *В действительности Клетый Корево был прапорщиком корпуса лесничих.*
[2] *Эдмунд.*
[3] *В Свенцянском у. в это время действовал отряд Ф. Вислоуха. См. док. 45.*
[4] *Корево получил от Литовского провинциального комитета (Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии) назначение на должность повстанческого военного начальника Трокского повета.*
[5] *Во время пребывания повстанцев в им. Ужусоль помещика Я. Акко был составлен акт о безвозмездной передаче земли крестьянам в собственность. См. док. 91.*
[6] *Битва состоялась 4 марта около дер. Ужусоль Ковенского у.*

52

1863 г. марта 28.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову [1] о появлении повстанческих отрядов в Вилейском и Ошмянском уездах

Секретно

С наступлением весны шайки мятежников, хотя немногочисленные, начали появляться в разных местах. В Вилейском у. 40 человек мятеж-

[а] *Точнее — Ужусоль.*
[б] *Опущено показание ученика-ремесленника К. Микульского, повторяющее сведения, сообщенные В. Довьятом.*

ников 21 сего марта были настигнуты подполковником Колокольцевым с ротою солдат в имении помещика Куровского, где в это время они обедали; увидя солдат, начали стрельбу из окон помещичьего дома. Солдаты наши по приказанию своего начальника ворвались в комнаты и действовали штыками и прикладами; мятежники бросились в окна, спасаясь бегством в лес. При этом убито 4 и ранено 10 человек, взято 12 ружей, 8 сабель, 30 фунтов пороху, 12 патронташей с патронами, 2 лошади и бумаги, между которыми карта Минской губ. С нашей стороны потеря: 1 тяжело и 7 легкораненых нижних чинов [2].

В Ошмянском у. почти одновременно с 20 по 22 марта показались шайки мятежников:

1-я, в числе 12 человек, из Свенцянского у. переправилась через р. Вилию в м. Заскевичах, ночевала у помещика Чашницкого, на другой день прибыла к помещику Швейковскому, взяла у него 2 брички с лошадьми, на которых и уехали дальше;

2-я, в числе 15 человек, тоже из Свенцянского у., переправясь через р. Вилию, сожгла на берегу два амбара с лыком и пенькою и отправилась в лес;

3-я шайка, тоже из 15 человек, напала на имение помещика Дедерки, насильно взяла съестные припасы, 2 лошади, захватив с собою брата помещика Дедерки и двух лакеев;

4-я вблизи м. Сморгонь явилось в фольв. Завелы 9 вооруженных человек;

5-я шайка, из 30 человек, показалась около м. Воложина [3].

По распоряжению начальства командированы войска для преследования и уничтожения означенных шаек мятежников.

Почтительнейше донося об этом в. с., имею честь доложить, что успехи наших войск, по-видимому, мало действуют на успокоение умов, польские страсти к мятежу разжигаются все более и более, несомненная цель их — поддерживать и распространять всеми средствами беспорядки и этим самым заявить перед Европой свое будто бы невыносимо угнетенное положение.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 43. Отпуск

[1] *Такое же донесение было направлено А. М. Лосевым и начальнику IV округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту.*

[2] *Речь идет о стычке с повстанческим отрядом К. Новаковского («Свентолдыша», «Шукшты»), который был сформирован при помощи Ю. Бокшанского, имевшего полномочие на создание отряда от виленской повстанческой организации. В стычке были убиты командир отряда Новаковский, а также Бокшанский, Куровский и др. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 758, ч. 2, лл. 50—55; ф. 1248, оп. 1, д. 48, лл. 6, 11, 13, 16, 19, 23; «Wiadomości o powstaniu na Litwie», № 2, 12 апреля 1963 г.; S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913, str. 278, 536.*

[3] *О действиях повстанческих отрядов в январе — марте 1863 г. по Виленской губ. см. док. 45, 51, 53, 68 и примечания к ним, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, лл. 43—44, 53; 1863 г., д. 4, л. 11; д. 275, лл. 4—5; д. 300, лл. 9—10; ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 30—34, 39, 42; д. 181, лл. 51—54; ф. 438, оп. 1, д. 114, лл. 2—6, 10; д. 167, л. 251; ф. 494, оп. 1, д. 21, л. 71; д. 44, л. 14; д. 758, лл. 10—49, 56—59, 60—65; ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 2, 5—9, 16—17, 21, 27 и др.; д. 39, лл. 111—113, 118 и др.*

53

1863 г. марта 30 [1], *м. Новый Двор.— Рапорт начальника отряда л.-гв. Павловского полка капитана Тимофеева лидскому военному начальнику полковнику Алхазову о стычке с повстанческим отрядом Л. Нарбута в Дубичских лесах Лидского у.*

29 марта в $4^1/_2$ час. пополудни вверенный мне отряд, направляясь из ст. Поречье на м. Новый Двор, двинулся по песчаной дороге чрез дер. Старая Руда и прибыл в дер. Новая Руда в $7^1/_2$ час. вечера. Кратчайшая дорога чрез дер. Лушнева неудобна по ветхости моста чрез р. Кальпицу. Позднее время и далекое расстояние до следующей дер. Бершты принудили отряд остановиться на ночлег в дер. Новая Руда. Артельные повозки, как замедлявшие движение, были отправлены мною назад на ст. Поречье.

30 марта в 5 час. утра отряд двинулся на дер. Бершты. Не доходя 7 верст до этой деревни, получено известие от волостного писаря, что в ночь на 30 число мятежники разобрали мост на р. Котре. Я приказал отряду ускорить марш и вместе с 35 казаками двинулся на рысях в дер. Бершты. По расспросам оказалось, что 8 человек мятежников приезжали ночью в эту деревню и силою принудили крестьян ломать мост. Сваи моста были в целости, но настилка совершенно сброшена и унесена течением воды, а балки или сброшены или надрублены. По прибытии моем немедленно были собраны крестьяне и приняты меры для исправления моста. Но едва приступили к этой работе, как пехота почти беглым шагом прибыла на место и тотчас была переправлена по балкам моста на противоположный берег. Казаки бросились вброд, и отряд безостановочно продолжал движение на дер. Пиловня.

Здесь получено известие, что мятежники находятся около Глембоки, мызы помещика Микульского, у которого Нарбут с кс. Горбачевским приводил к присяге навербованных в окрестных деревнях крестьян. По получении этого известия немедленно послано 35 казаков для оцепления и обыска означенной мызы. Но прибыв в дер. Нароши [а], вследствие показания крестьян, что мятежники отправились лесом по направлению к дер. Дубичи, я приказал [б] казакам, в случае если они не найдут на мызе ничего особенного, двинуться на Дубичи, а сам с вверенным мне отрядом, рассыпав цепь стрелков, свернул с дороги, вошел в лес и с помощью проводников направился тоже на эту деревню. Осмотрев таким образом северную часть леса, находящего[ся] между деревнями Дубичи и Глембоки, и не встретив мятежников, я вследствие сильного утомления людей после 25-верстного без привала перехода, достигнув сел. Дубичи, дал войскам часовой отдых. При осмотре Дубичей, мызы помещика Янковского, найдено было довольно значительное количество хлеба и съестных припасов, которые по указанию крестьян были приготовлены для шайки мятежников. После этого я счел необходимым осмотреть южную часть леса, почему, оставив обоз под достаточным прикрытием у мызы Дубичи, рассыпал взвод стрелков и, поддерживая его резервами друго-

---

[а] *В тексте* Норожи.

[б] *В тексте* приказав.

го взвода и взвода 2-й роты, двинулся по болотистой и топкой местности к лесу.

Едва цепь стрелков вошла в опушку леса, как встречена была сильным ружейным огнем. Несмотря на это, цепь, поддерживаемая резервами, начала быстро наступать на неприятеля, двигаясь местами по пояс в воде по густому болотистому лесу. Мятежники бросили свои засеки и начали отступать. Отступление их сопровождалось сильным и метким огнем и совершалось с таким искусным применением к местности, что стрелки наши могли стрелять только на дым. Не желая далее подвергаться их меткому огню и намереваясь выбить их с вновь занятой позиции, цепь с резервами с криком «ура» кинулась вперед. Мятежники не выдержали и разбежались в разные стороны, оставив в наших руках несколько оружия, котлы, хлеб, разные хозяйственные принадлежности и повозку. Дальнейшее преследование было приостановлено по причине невозможности следить в густом лесу за рассыпавшимися в разных направлениях частями этой шайки и сильного утомления людей. С нашей стороны убито 2, ранено 5 рядовых, один из них тяжело. Помощь раненым была оказана на месте же немедленно. Убитых и раненых мятежников видели в лесу до 24 [2].

В это же время захвачен был казаками пробиравшийся в лес помещик Яньковский, который был вооружен и имел в своей повозке пуд пороху, свинец и разное оружие.

Я собрал свой отряд и, дождавшись обоза, двинулся для ночлега в м. Новый Двор, куда прибыл уже поздно вечером. 10 казаков было послано в Новый Двор чрез дер. Кулевцы для собрания сведений. Отряд сделал в этот день по песчаным дорогам и густому болотистому лесу до 50 верст. Варка для людей была сделана только по прибытии на ночлег. Несмотря на все трудности этого дня, отсталых и заболевших не было.

Считаю долгом присовокупить, что как гг. офицеры, так и нижние чины исполняли свой долг с примерным мужеством и энергиею.

Капитан Тимофеев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 758, ч. 1, лл. 76—78. Копия

[1] *Документ не датирован. Дата установлена по рапорту полковника Алхазова начальнику 2-й гвардейской пехотной дивизии и войск, расположенных в Виленской губ., Р. Г. Бистрому от 31 марта 1863 г. См. «Архивные материалы Муравьевского музея...», ч. 2, стр. 104—105.*

[2] *Ср. описание этого боя Л. Нарбутом в рапорте от 4 (16) апреля 1863 г.:* ...Хотя местность и не была удобной и я не имел в то время точных сведений о силе врага, решил вступить в бой... Враг, обладающий превосходством в силах и хорошо вооруженный, начал наступать. Я, видя, что могу попасть в окружение, велел отходить, что прекрасно удалось, хоть отступление и происходило на протяжении 6 верст полем, почти на глазах у врага. В бою потеряли 1 убитого и 9 раненых. Со стороны врага — 15 убитых и 13 раненых (*«Wiadomości o powstaniu na Litwie», 26 апреля 1863 г.— ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 399, л. 32).*

Искусное применение Нарбутом тактики маневренной партизанской борьбы, доскональное изучение местных условий — все это помогло отряду Нарбута в течение всего его существования (с февраля по апрель 1863 г., т. е. в то время, когда повстанческие действия были сосредоточены главным образом в южной части Виленской губ.) успешно сопротивляться царским войскам, силы которых намного превышали повстанческие. Центральный комитет, отмечая большие заслуги Нарбута в деле ведения партизанской борьбы, указом от 18(30) апреля 1863 г. присвоил ему звание полковника повстанческих войск. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 12, л. 61.

О боях отряда Нарбута с царскими войсками см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 758. ч. 1, лл. 23, 25, 38; ф. 378, ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, л. 65, а также док. 68.

Владислав Малаховский

54

1863 г. апреля 4(16), Вильно.— Письмо В. Малаховского командиру повстанческого отряда в Трокском повете Ф. Вислоуху [1]

Поздравляю тебя, Птанутечек [а], [с] тем, что так достойно ты провел праздники [2], ожидаем только твоего приветствия казакам. Ты не позволишь своим слишком долго притворяться мертвыми по жмудскому обычаю, а Полешуба (?) [б] растворяет уста для распространения твоей славы. Я могу тебе донести, что и Вильно, наконец, решился на первый акт воздаяния против евреев. Повесили еврея шпиона. Жаль только, что галопены [3] (головорезы) еще не галопируют по брюхам подлых moszrodziejów [в] и шпионов большого калибра. Я оглох, Птанутечек, на левое ухо, а когда вылечусь и тебя дьявол не возьмет, то, наверно, [по]спешу к тебе. Эдмунд под арестом [4]. О Станиславе [5] ничего не слыхать, удрал из Грод-

---

[а] *Так в тексте.*

[б] *Так в тексте. Вопросительный знак переводчика.*

[в] *Дворян (польск., насмешливое). В тексте ошибочно* moszrodzies.

но, снабженный бумагами к Лангевичу. Оттуда его, наверно, ничто к нам не затянет. Хомутиус 1 совершенно переехал в Гродно, откуда иногда к нам приезжает [6]. Будь здоров и ловок, души Москву, трусов, кровопийцев, пьющих кровь из людей, а чем более этого истребишь, чем более посеешь декретов, тем сердечнее [народ] будет тебя встречать.

Твой genesis [a] Хомутиус 2

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 36, лл. 9—10. Перевод с польского

[1] *Письмо было отобрано царскими властями у Д. А. Базанова (см. док. 66). Оригинал документа не сохранился. Судя по дошедшему до нас переводу, письмо от 4 (16) апреля состояло из четырех частей, написанных разными лицами. Публикуется только вторая часть, подписанная псевдонимом* Хомутиус 2. *Авторство В. Малаховского устанавливается предположительно. Под первой частью имелась подпись* Сестра Л., *под третьей —* Подруга М., *четвертая часть без подписи.*

[2] *Католическая пасха в 1863 г. приходилась на 24 марта (5 апреля).*

[3] *Галёпены — члены городской повстанческой организации, состоявшие в распоряжении руководителей. См. О. Авейде. Показания и записки о польском восстании 1863 г. М., 1961, стр. 451, 536.*

[4] *Речь идет об Эдмунде Вериго, члене Комитета движения (Литовского провинциального комитета). Арестован в ночь на 19 февраля 1863 г. Военно-судное дело о нем см. ЦГИА Лит.ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 6.*

[5] *Установить не удалось. Возможно, имеется в виду Станислав Буховецкий.*

[6] *«Хомут», «Хомутиус 1» — псевдоним К. Калиновского, который в результате февральско-мартовского переворота был отстранен от руководства восстанием и в конце марта 1863 г. выехал в Гродно в качестве революционного комиссара Гродненского воеводства. Ср. док. 18, прим. 5.*

55

1863 г. апреля 7.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о неэффективности манифеста об амнистии

4 сего апреля в Трокском у. отряд наш, состоящий из 2 рот и 25 казаков, под начальством полковника л.-гв. Московского полка Скордули, во время рекогносцировки настиг около м. Жосли в лесу шайку мятежников из 200 человек. В этом деле убито мятежников 40, много ранено и 2 взято в плен, а также взято 40 ружей, несколько сабель и пистолетов. Потеря с нашей стороны: раненых 6 и контужено 2 человека нижних чинов л.-гв. Московского полка. Остальные же мятежники разбежались по лесу [1].

Пред этим делом мятежники повесили на телеграфном столбе жослейского сотского еврея Каца.

Донося о сем в. с., имею честь почтительнейше доложить, что хотя до сих пор при всех стычках с мятежниками потеря с нашей стороны постоянно незначительная, но преследование мелких шаек слишком для войск утомительно и в результате мало хорошего. Рассеянная шайка опять собирается и снова заставляет войска следовать за нею по слухам, большею частью неверным. Жители в тех местностях, где более происходят столкновения с врагами, до такой степени запуганы поляками повешением лиц при малейшем подозрении и сожжением деревень, что из боязни решительно не доставляют войскам верных сведений. Мятежники

---

[a] *Происхождение, рождение (греч. и лат.). Здесь употреблено в смысле идейного родства. В тексте после этого слова переводчик добавил* (рода).

же знают о всех передвижениях наших войск, в чем им содействуют каждый пан, каждый ксендз, и не без того, чтобы и земская полиция из поляков не помогала им секретно. При таких обстоятельствах крестьяне, хотя в душе и не сочувствуя польскому движению, но, находясь в постоянном страхе за свою жизнь и за свои дома, по необходимости не откровенны с нами.

К тому же, как я слышал, мятежники щедро платят крестьянам за подводы и съестные припасы. Наши же войска в материальном отношении для них более обременительны; при передвижениях по необходимости берут много подвод за контрамарки, а в случае недостатка таковых выдаются записки, но для них все-таки много хлопот возвратить деньги. По слухам, если только правда, наши армейские казаки иногда в походах довольствуют себя и своих лошадок на счет сельского населения. Сообразив все эти обстоятельства, можно ли ожидать от литовских крестьян самоотвержения и истинно патриотических чувств? Утвердительно, нет.

Высочайший манифест от 31 марта решительно не производит на польские умы ожидаемого действия. Поляки положительно надеются на помощь западных держав, никакие слова и милости законного правительства близко к сердцу ими не принимаются, а, напротив, все более приходят в раздражение, находясь в затмении, умопомешательстве, каждое человеческое кроткое распоряжение правительства принимают за слабость и бессилие.

Живя столько лет в Западном крае, зная общие черты польского характера, полагаю только одно средство может образумить их необузданность: это бить и бить до тех пор, пока они не скажут свою пословицу «падам до ног»!

Подполковник Лосев

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 13, лл. 68—70 об. Подлинник

[1] *Имеется в виду бой с повстанческим отрядом Ф. Вислоуха близ дер. Антокольцы Жижморской вол. См. журнал военных действий по Виленской губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 758, ч. 1, лл. 67—68, 71—73); «Wiadomości o powstaniu na Litwie», № 3, 26 апреля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 330, л. 79). В «Wiadomościach» при описании боя указывалось, что в бою погибло 36 солдат царской армии и было ранено 10. Повстанцы, если верить сообщению газеты, потерь не понесли.*

56

1863 г. апреля 14(26), Вильно.— Уведомление Отдела, управляющего провинциями Литвы, Ф. Вислоуху о высылке одежды и денег и подчинении его вновь назначенному поветовому военному начальнику К. Далену

Rząd Narodowy
Wydział zarząd[zający] prow[incjami] Litwy

Wilno, dnia 26/14 kwietnia 1863 r.
Nr. 1337

Do Naczelnika oddziału w pow. Trockim

Raport otrzymany bez miejsca i daty, o oznaczaniu których w raportach następnych pamiętać należy.

Zakomunikowana wiadomość przez naczelnika miasta o wysłanym odzieniu i aresztowaniu ob. Baz[anowa][1]. Ob. Tań[ski][2] nową z obozem zawiązał komunikację.

We środę d. 29/17 kw[ietnia] ma być w pow. Trockim sformowany nowy oddział[3]. Wiadomości o nim powziąc można u nacz[elnika] cyw[ilnego] pow. Trock[iego] ob. K. Ż[ylińskiego] w Żylinach[4].

Pieniędzy zł. 5000 (pięć tysięcy) przy tym się przesyła. Odzienia i żywności dostarczenie na miejscu powinno być zarządzonym. Od niechętnych naczelnik oddziału może wybierać co mu potrzeba, kwitując z przyjęcia i rzeczy i pieniędzy.

Komunikuje się dla wiadomości, że nacz[elnik] wojen[ny] pow. Lidzkiego ob. Narbut szczęśliwie wyszedł z okrążenia go siłami Moskwy[5].

Właściciele ziemscy obowiązani są opłacać podatek narodowy w ilości I r. sr. od włóki ziemi; kto kwity z opłaconych pieniędzy nie ukaże, od tego może być podatek edekwowany, kwitując go zawsze przy odebraniu pieniędzy.

Blanków na nominacje podporuczników Wydz[iał] nie przysyła, bo o wszelkich nominacjach jeszcze prawo nie ustanowione; tymczasowo Wydział zatwierdzi nominacje naczelnika oddziału na oficerów niższych stopni.

Pieczęci się nie posyła, gdyż nacz[elnik] oddziału ma prawo i może podpisywać się na swoich rozporządzeniach, rozkazach i nominacjach.

Ołowiu i prochu w miarę możności przy zręczności dostarczono będzie.

Na pow. Trocki naznaczony naczelnikiem wojennym ob. Dahlen, wiadomość o nim, miejscu gdzie się znajduje i co robi mieć można od nacz[elnika] cyw[ilnego] pow[iatowego]; z nim powinni nacz[elnicy] oddz[iałów] się komunikować i od niego odbierać rozporządzenia tak co do ruchów wojennych jak i co do działań oddziałów w powiatach i we wszystkich względach uważać się oni będą za podwładnych naczelników wojennych powiatowych.

Печать Отдела, управляющего провинциями Литвы

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, лл. 7—8. Подлинник[6]

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Отдел, управляющий провинциями Литвы

Вильно, 26 (14) апреля 1863 г.
№ 1337

Командиру отряда в Трокском повете

Рапорт получен без обозначения места отправления и даты, в следующих рапортах не забывайте обозначать их.

Начальник города уведомил о высылке одежды и об аресте гражданина Базанова[1]. Гражданин Таньский[2] наладил новую связь с лагерем.

В среду 29 (17) апреля в Трокском повете должен быть сформирован новый отряд[3]. Сведения о нем можно получить от гражданского начальника гражданина К. Жилинского в Жилинах[4].

При сем высылаем 5000 (пять тысяч) злотых. Распорядитесь на месте о поставках одежды и продовольствия. У уклоняющихся от выполнения поставок командир отряда может изъять все, что ему необходимо. В получении вещей и денег выдается расписка.

Сообщаем, что военный начальник Лидского повета гражданин Нарбут счастливо вышел из окружения его царскими войсками[5].

Землевладельцы обязаны платить национальный налог в размере 1 руб. сер. с каждой волоки земли. С того, кто не имеет расписки об уплате денег, налог взыскивается в принудительном порядке, причем во всех случаях выдается расписка в получении денег.

Бланков на производство в подпоручики Отдел не высылает, поскольку порядок присвоения различных званий еще не установлен. Временно Отдел утвердит производства в офицеры низших рангов, сделанные командиром отряда.

Печать не высылается, поскольку начальник отряда имеет право и может ставить свою подпись на своих распоряжениях, приказах и назначениях.

Свинец и порох при первом удобном случае будут вам по мере возможности доставлены.

Военным начальником Трокского повета назначен гражданин Дален. О том, где он находится и что делает, можете узнать от гражданского начальника повета. Командиры отрядов должны поддерживать с ним связь. Все распоряжения о передвижениях отрядов и военных действиях будете получать от него. Командиры отрядов во всех отношениях подчинены военным начальникам поветов.

[1] *Д. А. Базанов арестован 7 апреля 1863 г. См. о нем док. 66.*

[2] *Мировой посредник И. Таньский — активный участник повстанческой организации Трокского повета. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 36, лл. 17, 22 и др., а также: J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. II. Wilno, 1913, str. 250, 391—392.*

[3] *Речь идет о формировании повстанческого отряда под предводительством А. Стабровского («Любича»), перешедшего на сторону повстанцев 11 апреля 1863 г. из л.-гв. Павловского полка. См. док. 57, а также сб. «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 507—508.*

[4] *По показаниям взятых в плен повстанцев отряда Любича, К. Жилинский приезжал несколько раз в отряд, а в начале мая 1863 г. прибыл с комиссаром для утверждения Стабровского («Любича») в должности командира отряда. Военно-судное дело о Жилинском см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 385.*

[5] *Имеется в виду бой 30 марта 1863 г. вблизи дер. Дубичи Лидского у. Подробнее о нем см. док. 53 и прим. 2 к нему.*

[6] *Данный документ, как и док. 57, 59, 62 и 63, хранился в коллекции повстанческих документов Муравьевского музея в Вильно. По-видимому, был захвачен царскими войсками после одной из стычек с отрядом Ф. Вислоуха.*

57

1863 г. апреля 17(29).— Письмо командира 2-го отряда повстанческих вооруженных сил Трокского повета А. Стабровского («Любича») командиру 1-го отряда Ф. Вислоуху о координации действий[1]

29 kwietnia 1863 г.

Drogi Towarzyszu broni!

Powinniśmy skomunikować się wzajemnie. Mamy oddział górą we 200 ludzi nie zupełnie, ale o ile można było uorganizowany. Chciejmy powierzać swe plany dla wspólnego działania. Dobrze byłoby stanowić całość zajmując pozycję w 20 wiorst na przykład jeden od drugiego odległy. Te zbliżenie się wzmocniłoby nas: bylibyśmy wzajemną rezerwą. To można teraz uczynić przez posunięcie się moje ku Sumiliszkom, a Pana ku Bejżanom. Stamtąd wspólnie moglibyśmy działać, komunikować się i układać plany

nadal. Z drugiej strony śpieszę zakomunikować, że słyszałem, iż na stacjach kolei żelaznej do Grodna bardzo mało moskali.

Chciej Pan natychmiast ułatwić ze swej strony komunikację i przysłać swój pogląd na rzeczy.

Dowodzący 2-gim wydziałem w pow. Trockim Lubicz.

Печать начальника Трокского повета Виленского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 10. Подлинник[2]

ПЕРЕВОД

29 апреля 1863 г.

Дорогой товарищ по оружию!

Мы должны связаться друг с другом. Наш отряд насчитывает более 200 человек; организован он, насколько позволяли обстоятельства, неплохо. Давайте делиться своими планами относительно совместных действий. Было бы хорошо, если мы могли бы составить одно целое, заняв позиции, которые были бы расположены верстах примерно в 20 одна от другой. Такое сближение отрядов укрепило бы нас, мы были бы резервом друг для друга. Это можно было бы сделать сейчас, если бы я продвинулся к Сумелишкам, а вы к Бейжанам. Оттуда мы могли бы сообща действовать, друг с другом сноситься и составлять планы на будущее. С другой стороны, считаю своим долгом сообщить вам, что, как я слышал, на станциях железной дороги до Гродно очень мало русских войск.

Наладьте, пожалуйста, со своей стороны связь со мной и пришлите свое мнение по затронутому мною вопросу.

Командир 2-го отряда в Трокском повете Любич

[1] *В течение марта — первой половины апреля 1863 г. повстанческие силы в Трокском повете были представлены отрядом Ф. Вислоуха. О сформировании в повете 2-го повстанческого отряда под командованием А. Стабровского см. док. 56 и прим. 3 к нему.*

[2] *См. прим. 6 к док. 56.*

58

1863 г. апреля 21 (мая 3). — Предписание повстанческого начальника гор. Вильно (А. Оскерко) жителям о порядке вступления в повстанческие отряды, сохранении тайны национальной организации и выезде помещиков в свои имения[1]

Naczelnik miasta Wilna

Pomimo niejednokrotnych ostrzeżeń zdarza się jeszcze w mieście, że wskutek nieostrożnych rozmów lub niespełniania zaleceń Rządu Narodowego niektóre osoby narażone są na prześladowanie nieprzyjacielskiej siły trzymającej miasto w stanie oblężenia. Dla tego na nowo zaleca się mieszkańcom miasta:

1. Aby nikt z młodych mężczyzn mniej lat 18 skończonych mający nie wyruszał do obozów, bo tam w szeregi zbrojne przyjmowany nie będzie. Uczniowie szkół mniej lat 18 mający powinni spokojnie się uczyć i do egzaminów przystępować.

2. Żadnemu z werbujących do organizacji narodowej albo do siły zbrojnej, nie mającemu mandatu właściwymi znakami opatrzonego, wierzyć nie można. Pod pretekstem namawiania do szeregów powstańczych wielu szpiegów stara się wciągnąć w swe sidła ludzi łatwowiernych.

3. Powtarzanie w rozmowach prywatnych nawet nazwisk osób zajmujących różne stanowiska w organizacji narodowej, sprawę krajową naraża; przypomina się więc wszystkim, że podobna lekkomyślność musi być przez Rząd Narodowy karcona.

4. Wzywają się powtórnie[2] wszyscy obywatele właściciele ziemscy nie służący w mieście sprawie narodowej, aby z miasta wyjeżdżali i na wsi posługom narodowym się oddali.

Wilno, d. 3 maja (21 kwietnia) 1863 г.

Печать начальника города Вильно

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 12, л. 126. Типографский оттиск[3]

ПЕРЕВОД

Начальник гор. Вильно

Несмотря на неоднократные предупреждения, в городе еще имеют место случаи, когда в результате неосторожных разговоров или невыполнения указаний Национального правительства некоторые лица подвергаются преследованиям со стороны неприятеля, который держит город в осадном положении. Вследствие этого повторно предписывается жителям города:

1. Молодые люди, которым еще не исполнилось 18 лет, не должны отправляться в лагеря, ибо в состав военных отрядов приниматься не будут. Учащиеся школ, которым еще не исполнилось 18 лет, должны спокойно учиться и приступать к экзаменам.

2. Не следует доверять лицам, вербующим в национальную организацию или в состав вооруженных сил, если они не имеют мандата, снабженного надлежащими подписями и печатями. Под ширмой вербовки в повстанческие отряды многие шпионы стараются вовлечь легковерных людей в расставляемую ими западню.

3. Упоминание, даже в частных разговорах, фамилий лиц, занимающих различные посты в национальной организации, подвергает опасности национальное дело; поэтому всем напоминается, что Национальное правительство будет наказывать за подобное легкомыслие.

4. Все граждане, которые владеют поместьями и не служат в городе национальному делу, повторно[2] призываются выехать из города и на селе оказывать помощь национальному делу.

Вильно, 3 мая (21 апреля) 1863 г.

[1] *Известны также воззвания начальников гор. Вильно от 21 марта (2 апреля), 2(14) июня, 8(20) июня, 8(20) июля и 25 июля (6 августа) 1863 г. См. ЦГИА Лит. ССР. ф. 378, оп. 219, д. 12, л. 109; ГПБ, ф. 629, д. 139, лл. 14, 41—42; ГИМ, ф. 309, д. 4, л. 15.*

[2] *С подобным призывом начальник гор. Вильно впервые обратился в воззвании от 21 марта (2 апреля) 1863 г. См. ЦГИА Лит.ССР, ф. 378, оп. 219, д. 12, л. 109.*

[3] *То же см. ГПБ, ф. 629, д. 139, л. 27.*

59

1863 г. мая 5(17).— Письмо начальника Виленского воеводства М. Гедройца командиру 1-го повстанческого отряда Трокского повета Ф. Вислоуху с одобрением действий отряда и уведомлением относительно контактов с гражданскими повстанческими властями в повете

R[ząd] N[arodowy]
N[aczelnik] w[ojewództwa] W[ileńskiego]

Nr. 24
1863 г. 5(17) maja [a]

Do naczelnika wojennego I oddziału siły zbrojnej pow. Trockiego

Z rozkazu Wydziału R[ządu] N[arodowego] zawiadamiam Cię, Obywatelu, że Wydział zupełnie jest zadowolnionym z raportów jakie od Ciebie otrzymuje, są one bowiem zawsze dowodem stałym Twojego poświęcenia się dla sprawy narodowej i niezmordowanej opieki nad powierzonym Tobie oddziałem, którego ufność umiałeś sobie zjednać.

To też Wydział, uwzględniając zażalenie Twoje na opieszałość organów cywilnych, najsurowiej zalecił tymże władzom miejscowym niezwłocznie ustalić najściślejszą komunikację w powiecie w celu jak najrychlejszego zaopatrywania obozów we wszelkie potrzeby, w miarę żądań ich naczelników, oraz dla ułatwienia wzajemnego porozumiewania się władz wojskowych, którym winny być prędko komunikowane jak najczęstsze wiadomości o ruchach sił nieprzyjacielskich.

Co do przedstawienia Twojego, Obywatelu, w interesie ob. K. [1], Wydział nie znajduje nic przeciwnego, ale chciałby wpierw się upewnić, że tenże ob. K. zgodzi się na to, żeby już dzisiaj jego nazwisko rzeczywiste a nie przybrane wypisane było w wiadomościach publicznie wydawanych, na co zechcesz jego uwagę zwrócić.

Печать начальника Виленского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 11, л. 9. Подлинник [2]

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Начальник Виленского воеводства

№ 24
5 (17) мая 1863 г.

Военному начальнику 1-го повстанческого отряда Трокского повета

На основании приказа Отдела Национального правительства уведомляю тебя, гражданин, что Отдел полностью удовлетворен рапортами, которые он от тебя получает. Они всегда являются свидетельством твоей беззаветной преданности национальному делу и неустанной заботы о своем отряде, доверие которого ты сумел снискать.

Поэтому Отдел, имея в виду твою жалобу на медлительность, проявляемую гражданскими органами, отдал местным властям настрожайшее распоряжение безотлагательно наладить с тобой в повете самую тесную связь в целях быстрейшего обеспе-

---

[a] *На документе помета карандашом* Odebrano d. 7 maja (*получено 7 мая*).

чения лагерей всем необходимым в соответствии с требованиями их начальников, а также для облегчения взаимопонимания военных властей, причем им по возможности чаще должны сообщаться данные о передвижениях неприятельских сил.

Что касается твоих, гражданин, предложений по делу гражданина К.[1], то Отдел не возражает против них, но хотел бы сначала убедиться, что гражданин К. согласится на то, чтобы уже сегодня его настоящая фамилия была открыто опубликована, на что обрати его внимание.

[1] *Инициал не расшифрован.*

[2] *См. прим. 6 к док. 56.*

60

1863 г. мая 13(25).— Полномочие на вербовку добровольцев в отряд, выданное повстанческим военным начальником Лидского повета А. Порадовским («Острогой») С. Вильбику[1]

N[aczelnik] w[ojenny] p[ow.] L[idzkiego]

Nr. 17
13(25) maja 1863 г.

Do ob. Wilbika

Niniejszem upoważniam ob. Wilbika do zbierania ochotników dla powiększenia siły zbrojnej pow. Lidzkiego, pod następującymi warunkami:

1) Żaden z werbunkowych nie ma być gwałtem brany;

2) [a] Każden z werbunkowych przybywający dobrowolnie do oddziału ma z sobą przynieść albo broń palną, albo kosę, siekierę, dopóki obóz nie będzie zaopatrzony w broń zapasową.

3) Zastrzega się ob. Wilbikowi, żeby werbując zarazem dowiadywał się o ruchach wojsk moskiewskich. Wiadomości te powinny być dokładne i sprawiedliwe.

Na koniec zastrzegam, żeby ob. Wilbik nie chlubił się z danych mu poruczeń przed ludźmi nie biorącemi czynnego udziału w werbunku[2].

Naczelnik wojenny pow. Lidzkiego
Aleksander Ostroga

Печать начальника Трокского повета Виленского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 255, л. 16. Подлинник

ПЕРЕВОД

Военный начальник Лидского повета

№ 17
13 (25) мая 1863 г.

Гражданину Вильбику

Настоящим уполномочиваю гражданина Вильбика производить набор добровольцев для увеличения вооруженных сил Лидского повета на следующих условиях:

1) Никто не должен быть насильно завербованным.

[a] *Опущено взятое в скобки неоконченное* (Zad).

2) Каждый из завербованных, по своей доброй воле прибывающий в отряд, должен принести с собой либо огнестрельное оружие, либо косу, топор, пока лагерь не будет обеспечен резервным оружием.

3) Гражданин Вильбик предупреждается, что при вербовке он одновременно должен собирать сведения о передвижениях русских войск. Эти сведения должны быть обстоятельными и достоверными.

В заключение предупреждаю гражданина Вильбика, чтобы он не хвастался данными ему поручениями перед людьми, которые не принимают участия в вербовке [2].

Военный начальник Лидского повета
Александр Острога

[1] *Малоземельный шляхтич С. Вильбик был сначала проводником в отряде Л. Нарбута, а впоследствии вербовщиком добровольцев в отрядах А. Порадовского («Остроги»), А. Стабровского («Любича»), Ф. Вислоуха. Из выданной Стабровским расписки явствует, что 30 мая 1863 г. Вильбик привел в его отряд 17 вооруженных добровольцев. Им же были приведены 28 добровольцев для присоединения к повстанцам в им. Волдацишки помещика Л. Геншеля (отца гражданского начальника Лидского повета К. Геншеля). 19 июня 1863 г. Вильбик был арестован при вербовке крестьян в дер. Кужи Лидского у.*

Вместе с Вильбиком вербовкой добровольцев занимался крестьянин М. Невера, который в марте 1863 г. привел в им. Волдацишки для отряда Л. Нарбута 10 крестьян из дер. Палюнцы. См. там же, лл. 9—10, 15, 19, 27, 29, 32, а также военно-судное дело о М. Невере — ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 425.

[2] *Подобное же полномочие на вербовку добровольцев и сбор оружия в Рудоминском приходе Виленского у. было выдано 15 (27) мая командиром 3-го отряда Трокского повета Я. Сендеком Э. Войшвиллу. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп 1, д. 11, л. 31.*

61

1863 г. мая 17, Троки.— Рапорт пристава 1-го стана Трокского у. В. Ф. Яковлева уездному военному начальнику полковнику Скордули о занятии повстанцами отряда М. Черняка («Лады») м. Ганушишек

14 сего мая, во вторник, около 10 час. утра толпа вооруженных мятежников, большею частью конных, до 20 человек, приехала в м. Ганушишки и, расставив кругом пикеты, вошла во двор помещика Казимира Шеткевича, и тот же час один, именовавший себя начальником, арестовал его, не дозволяя выходить, пока они будут в Ганушишках, под угрозой смерти; то же самое сделали и с ксендзом. Другой из начальников подал помещику Шеткевичу письменное приказание, которым, также под угрозою смерти, требовал дать верховую лошадь со сбруею и продовольствовать всю шайку, которая находилась в Ганушишках вторник, среду и четверг, распоряжаясь во всем по своей воле насчет продовольствия людей и 15 лошадей. Так называемые два адъютанта разъезжали вокруг Ганушишек и в лес, где их был лагерь версты за две. Пикеты никого не выпускали, задерживали проезжающих в Вильно и пропускали только едущих оттуда. Рассыльного из Трокского уездного управления задержали почти целый день и потом отправили в свой лагерь. Несколько бочек пива, луку, хлеб и прочие припасы забрали и увезли в лес. Утром в четверг забрали из винокуренного завода все книги и счеты, а с волостного управления — книги и дела, между которыми, найдя в шкафе портрет государя императора, изорвали и ногами топтали. Словесными

приказаниями требовали, чтобы водку продавать по 30 коп. гарнец, податей народу не платить и никаких распоряжений нашего правительства не исполнять, для чего в виду народа сорвали прибитое объявление о том, что рекрутского набора не будет, а пятисотскому Хмелевскому приказывали присоединиться к ним, оставив свою службу, причем вручили ему приказ какого-то начальника военного Трокского у. о том, чтобы становые пристава, ключвойты [a] и другие чиновники полиции, в службе русской состоящие, вышли в отставку, в противном случае будут наказаны [1].

Получив об этом сейчас донесение от прибывшего ко мне лично пятисотского Хмелевского, имею честь донести в. вб., представляя в подлиннике приказания начальников шайки [2].

Пристав Яковлев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 53—54. Подлинник

[1] *Приказ повстанческого военного начальника Трокского повета М. Черняка («Лады») см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 233, л. 4.*

[2] *Другие повстанческие документы, связанные с пребыванием повстанцев в Ганушишках, не обнаружены.*

62

1863 г. мая 27 (июня 8).— Уведомление военной секции Отдела, управляющего провинциями Литвы, Ф. Вислоуху о назначении его военным начальником Трокского повета и ходе восстания в Виленском и Ковенском воеводствах

Rząd Narodowy

Wydział zarząd[zający] prow[incjami] Litwy

Sekcja wojenna
Wilno d. 8 czerwca (27 maja) 1863 r
Nr. 16

Do ob. Feliksa Wisłoucha
nacz[elnika] wojsk[owego]
pow. Trockiego

Przysyłając Ci przy tym nominacją na naczelnika wojskowego pow. Trockiego i na stopień wojskowy kapitana [1], Wydział oświadcza Ci podziękowanie Rządu Narodowego za bitwę stoczoną z Moskwą d. 31 maja w lasach Rudnickich [2], oraz poleca abyś podziękowanie takie oświadczył wszystkim zołnierzom i oficerom oddziałow pow. Trockiego, którzy w bitwie udział brali i po bitwie w oddziałach się znajdują.

Zostając nacz[elnikiem] wojsk[owym] pow. Trockiego, masz, Obywatelu, obowiązek objąc dowództwo nad wszystkimi trzema oddziałami trockiemi [3], łączyć je w jedno lub rozdzielać stosownie do swojej uwagi i potrzeb miejscowych. Wydział życzy sobie, aby oddział główny nie mniej jak z trzechset ludzi się składał, żeby broń w jednych oddziałach zbywająca do drugich oddawana była i żeby o ile można nie dopuszczać pomiędzy szeregowymi wyróżniania naczelników, a wszczepiać w nich przekonanie, iż wszyscy są żołnierzami polskimi i braćmi w jednym szeregu, a iść powinni wszyscy pod rozkazami tego, kogo władza narodowa wskaże.

[a] *Kluczwójt —низший полицейский чиновник в стане (польск.).*

Na dostarczenie rzeczy z Wilna liczyć oddziały nie mogą; stąd zaleca się nieustannie wszystkim władzom miejscowym, aby nad opatrzeniem obozów czuwały najpilniej. Jeżeli one tego nie spełniają, trzeba aby nacz[elnicy] wojs[kowi] ich do tego pobudzali środkami egzekucji. Przy terroryzmie, jaki stara się rozwinąć rząd moskiewski dla osłabienia powstania i z naszej strony postrachu często potrzeba, aby ludzi lękliwych do czynniejszego zajmowania się sprawą narodową pobudzić.

D. 23 maja (4 czerwca) oddział pow. Wileńskiego i Wiłkomirskiego pod dowództwem Albertusa zniósł około 2 rot moskali w pow. Wiłkomirskim za Wilią koło Siesik. W Oszmiańskim oddział wystąpił w pole, ale jeszcze potyczki nie było; trzymają się oni między Nalibokami a Wiszniewem. Wilejski z Dzisnieńskim będą w tym tygodniu połączone i staną w okolicach Dołhinowa. Nowogródzki przeniósł się do powiatu Słonimskiego. Lidzki jeszcze się formuje i jest mało liczny; pod dowództwem Ostrogi trzyma się na granicy Grodzieńskiego powiatu. W Rosieńskim, Poniewieżskim i Telszewskim oddziały są liczniejsze; krążą one koło granicy pruskiej, skąd tylko broń lepszą dostawać można. W Poniewieżskim pod Rogowem była utarczka 29(17) maja, w której nasi małe ponieśli straty, moskali poległo 85. Dawniej trochę 21(9) maja zaszła bitwa pod Tryszkami w Szawelskim, gdzie nasi pod dowództwem Pisarskiego przerznęli się przebojem spomiędzy 3 tysiące moskali i do sta ich trupem położyli.

Wydział rozwiązuje Ci, Obywatelu, urlop tygodniowy dla odpoczynku, z tym jednak, aby na tym oddział nie szwankował. Nic nie ma przeciw przybyciu Twemu do Wilna, ale przypomina Ci ogromne niebezpieczeństwo na jakie się przez to narażasz i wolałby, abyś w tym szczęścia nie próbował. W dniach odpoczynku na wsi obszerniej możesz, Obywatelu, o rozmaitych interesach skomunikować się z Wydziałem. O dostarczenie amunicji koniecznie iżby miejscowe władze przez Żydów załatwić się starały ten interes. Tu na miejscu zapasów wielkich mieć nie można i wywożenie z miasta przez gęsty łańcuch pikiet nieprzyjacielskich prawie niemożebne.

Żądane nominacje dla czterech oficerów przy tym się załączają i rozkaz dzienny Nr 1[4]. Załącza się przy tym zl. p. dwa tysiące na potrzeby obozu; o pieniądze zgłaszać się należy do nacz[elnika] cyw[ilnego] pow. Lidz[kiego] [a].

Печать Отдела, управляющего провинциями Литвы [б]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 6. Подлинник [5]

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Отдел, управляющий провинциями Литвы

Военная секция
Вильно, 8 июня (27 мая) 1863 г.
№ 16

Военному начальнику Трокского повета
гражданину Феликсу Вислоуху

Направляя при сем приказ о назначении тебя военным начальником Трокского повета и о присвоении тебе воинского звания капитана [1], Отдел от имени Национального

[а] *Последний абзац написан на полях.*
[б] *Помимо того, документ скреплен монограммой.*

правительства объявляет тебе благодарность за успешное проведение 31 мая в Рудникских лесах боя с царскими войсками[2] и поручает тебе также выразить благодарность всем солдатам и офицерам отрядов Трокского повета, принимавшим участие в бою, а в настоящее время находящимся в отрядах.

Ты, гражданин, как военный начальник Трокского повета, обязан принять на себя командование над всеми тремя трокскими отрядами[3] и по своему собственному усмотрению, а также исходя из местных условий и потребностей, объединять их в одно целое или разделять на несколько отрядов. Отдел выражает пожелание, чтобы главный отряд состоял не менее чем из 300 человек, чтобы имеющееся в излишке оружие в одних отрядах передавалось другим. Необходимо также по возможности не допускать, чтобы офицеры занимали привилегированное положение среди рядовых, и прививать им убеждение в том, что они все являются польскими солдатами и братьями и должны идти в одном боевом строю под командованием того, кого назначит Национальное правительство.

На доставку снаряжения из Вильно отряды рассчитывать не могут, поэтому мы настойчиво приказываем местным властям проявлять самую тщательную заботу о снабжении лагерей всем необходимым. Если же они этого не делают, то военные начальники должны силой принудить их выполнять свои обязанности. При том терроре, какой применяет русское правительство в целях подавления восстания, нам зачастую также необходимо применять меры устрашения, чтобы заставить робких людей принимать более активное участие в национальном деле.

23 мая (4 июня) отряд Виленского и Вилкомирского поветов под командованием Альбертуса уничтожил в Вилкомирском повете недалеко от Сесик, за Вилией, около 2 рот русских войск. В Ошмянском повете отряд уже выступил, но стычек с врагом еще не имел; они находятся сейчас между Налибоками и Вишневом. Вилейский отряд на этой неделе соединится с Дисненским, они встанут лагерем в окрестностях Долгинова. Новогрудский отряд перешел в Слонимский повет. Лидский отряд под командованием Остроги малочислен, еще находится в стадии формирования и держится у границ Гродненского повета. В Россиенском, Поневежском и Тельшевском поветах отряды крупнее, они кружат около прусской границы, лишь оттуда можно получать хорошее оружие. 29 (17) мая под Роговым в Поневежском повете произошла стычка, во время которой уничтожено 85 русских, наши потери незначительны. Несколько раньше, 21 (9) мая, в бою под Тришками в Шавельском повете наши под командованием Писарского с боем прорвались через трехтысячную массу русских войск и уничтожили до 100 человек.

Отдел разрешает тебе, гражданин, недельный отпуск при условии, что дела отряда от этого не пострадают. Он ничего не имеет против твоего приезда в Вильно, но, напоминая об огромной опасности, которой ты подвергнешься при этом, выражает желание, чтобы ты не рисковал. Во время отпуска в деревне ты можешь по разным вопросам связаться с Отделом. Вопрос о доставке амуниции местные власти должны разрешить через евреев. Здесь, на месте, у нас большие запасы хранить невозможно, да и вывезти из города через густую цепь неприятельских пикетов почти немыслимо.

Прилагаем приказ о присвоении звания 4 офицерам, а также приказ № 1[4]. Прилагаем также при сем 2000 польских злотых на нужды лагеря; за деньгами следует обращаться к гражданскому начальнику Лидского повета.

[1] *Назначение Ф. Вислоуха было связано с определившимся уже в конце мая 1863 г. банкротством политики «белого» руководства восстанием.*

[2] *В связи с усилившимся натиском царских войск, действовавших в Трокском у., повстанческие отряды приняли решение перейти в Лидский у. Направляясь к м. Рудникам, объединенные отряды Ф. Вислоуха, А. Стабровского и Я. Сендека (около 500 повстанцев) 19 (31) мая в лесу при речке Спигуйтис были встречены царскими войсками. Бой длился несколько часов. Царские войска потеряли 20 человек, в том числе под-*

поручика. В бою особенно отличился отряд Вислоуха. В начале июня отряды перешли в Лидский у., в леса им. Городно гр. Потоцкого. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 758, ч. 1, лл. 184, 186; ф. 1248, оп. 2, д. 247, лл. 20—21.

[3] *В Трокском повете действовали три повстанческих отряда с присвоенными им постоянными номерами: I — Ф. Вислоуха, II — А. Стабровского, III — Я. Сендека.*

[4] *Имеется в виду приказ № 1 военной секции Отдела, управляющего провинциями Литвы, от 20 мая (1 июня) об организации и тактике повстанческих отрядов. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 12, лл. 135—136.*

[5] *См. прим. 6 к док. 56.*

63

1863 г. мая 29 (июня 10).— Уведомление Отдела, управляющего провинциями Литвы, военному начальнику Трокского повета Ф. Вислоуху относительно обеспечения оружием и тактики партизанской борьбы

D. 10 czerwca (29 maja)

Dnia dzisiejszego stąd wysyła się trochę broni i amunicji, które do ob. Sędka będą dostawione. Dzisiaj lepszej broni jak ta która jest w oddziałach Wydział w swym rozporządzeniu nie ma, ani zapasów jej nigdzie w kraju znaleźć nie można; pojedyńcze sztuki po wsiach są pochowane, do wykrywania ich tylko miejscowi ludzie mogą być używani. Oddziały wojew[ództwa] Kowieńskiego, zbliżając się do granicy, tam lepszą broń dostają; w miarę uzbrojenia się polecono im dążyć na wschód i wkraczać w powiaty Wileńskiego wojew[ództwa]. Jeżeli się więc to powiedzie wtedy oznajmiono Ci będzie, Obywatelu, i w miarę posuwania się ich na wschód tutejsze oddziały będą musiały iść ku granicy i tam broni lepszej dostawać. Jednakże marszu w tę stronę bez uprzedniego zawiadomienia przedsiębrać nie należy, aby się na granicy nadto licznie nie skupiać, bo wojska mosk[iewskiego] tam pełno i w miarę gromadzenia się naszych coraz to silniej na nich nacierać będą, a liczne oddziały z trudnością by się utrzymać mogły, bo ani dostarczenia żywności w jednym miejscu na więcej liczny oddział, ani zapasów większych amunicjów mieć nie można.

Trzydziestu ludzi z Wilna wyszłych ostatnią partią z ob. Piotrem S[tankiewiczem][1] przeznaczeni są do oddziału Lidzkiego; dla tego powinieneś, Naczelniku, ludzi tych odesłać do nacz[elnika] Lidz[kiego] pow. Ostrogi.

Swego oddziału też nie powinieneś skupiać w jedno miejsce, a podzieliwszy go na dwie, a jeżeli liczba ludzi pozwoli na trzy części, wiedzieć zawsze o ich obrotach i chociaż nie razem, ale wspólnie działać, a zbierać się wszystkim w razie potrzeby.

Wchodząc w miejsca mniej znajome trzeba brać po wsiach zakładników, którzyby za bezpieczeństwo oddziału i za pewność przewodników swemi osobami odpowiadali, zapowiadając karę na wieś całą w razie zdrady; tym sposobem od zdrad ze strony włościan zabezpieczyć się można.

Nie należy też mieć przy obozach archiwów, a papiery, szczególnie z nazwiskami ludzi nie będących w obozie — niszczyć, bo z podobnego archiwum nieraz już Moskwa korzystała i aresztując urzędników cywilnych, ogromne trudności w dostarczeniu potrzeb do obozów porobiła[a].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 17. Подлинник[2].

---

[a] *Документ скреплен монограммой.*

ПЕРЕВОД

10 июня (29 мая)

Сегодня отсюда высылаем немного оружия и боеприпасов, которые будут доставлены гражданину Сендеку. Лучшего оружия, чем то, которое есть в отрядах, Отдел в своем распоряжении сейчас не имеет. Никаких запасов оружия в стране найти невозможно, небольшое количество его спрятано в деревнях, разыскать его могут лишь местные люди. Отряды Ковенского воеводства, приближаясь к границе, могут достать там лучшее оружие. По мере того, как они будут вооружаться, им приказано передвигаться на восток и вторгнуться в поветы Виленского воеводства. Если им это удастся, ты, гражданин, будешь оповещен об этом, и по мере того, как они будут передвигаться на восток, здешние отряды должны будут идти к границе и там доставать себе лучшее оружие. Однако без предварительного разрешения не следует приступать к подобному маршу, чтобы избежать слишком большого скопления отрядов на границе, так как там полно русских войск, и по мере того, как наши начнут там скопляться, они все сильнее будут нажимать на них. Крупные отряды труднее могут удержаться, так как на обеспечение более или менее крупного отряда продовольствием и хоть сколько-нибудь значительным количеством боеприпасов рассчитывать нельзя.

30 человек, которые вышли из Вильно последней партией с гражданином Петром С[танкевичем] [1], предназначены для Лидского отряда. Поэтому ты должен отослать их к начальнику Лидского повета Острогe.

Свой отряд также не следует сосредоточивать в одном месте. Разделив его на две или, если количество людей позволяет, на три части, будь всегда в курсе их передвижений и места нахождения. Действовать надо хотя и не всем отрядом одновременно, но согласованно, по общему плану, объединяться же в один отряд следует лишь в случае необходимости.

Вступая в менее знакомые места, надо брать в деревнях заложников, которые должны своей головой отвечать за безопасность отряда и надежность проводников. Следует объявлять о наказании, грозящем всей деревне, в случае предательства. Это позволит обезопасить отряд от возможного предательства со стороны крестьян.

Нельзя хранить в лагерях архивы, а документы, в особенности с фамилиями лиц, не находящихся в лагере, уничтожать, поскольку русские уже не раз использовали такие архивы для арестов гражданских чиновников и тем самым вызвали огромные трудности в снабжении лагерей.

[1] *Инициал расшифрован по показанию повстанца отряда Вислоуха Я. Волка, который сообщил, что во время пребывания его в отряде виленский столяр П. Станкевич привел из Вильно 30 человек, предназначенных для отряда А. Порадовского («Остроги»), но оставшихся в отряде Вислоуха. Кроме того, Станкевич вместе с Волком неоднократно доставлял из Вильно в отряд Вислоуха одежду, продовольствие и косы. При приеме кос, как показал Волк, Вислоух сердился, говоря, что* писал через Станкевича, чтобы прислали ружей, а ему присылают косы. *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1696, лл. 55—57.*

[2] *См. прим. 6 к док. 56.*

64

1863 г. мая 29, ст. Жосли Трокского у.— Рапорт командира 8-й роты л.-гв. Московского полка штабс-капитана Голохвастова начальнику 2-й гвардейской пехотной дивизии и войск Виленской губ. Р. Г. Бистрому о хранении прапорщиком Г. Швойницким экземпляров «Мужицкой правды»

По распоряжению пристава 2-го стана Трокского у. разыскивалась прусская подданная Мария Генкель. Пятисотский донес, что означенная Генкель проживает в дер. Бекштанах с офицером Швойницким, кото-

рый обязался 30 сего мая явиться с девицею Генкель к приставу на ст. Жосли. Сего числа в 8 час. утра помянутый Швойницкий — прапорщик 1-го стрелкового батальона — приехал на станцию на подводе. После объяснения с приставом прапорщик Швойницкий пошел в отхожее место, где бросил какие-то бумаги, что замечено было некоторыми людьми 8-й роты и донесено мне. Приказав достать бумаги, которые заключали в себе 3 экз. «Мужицкой правды» и 4 тетради польских стихов, я обратился к прапорщику Швойницкому с вопросами: откуда он приехал, долго ли был в отлучке от батальона и имеет ли на то разрешение начальства? Получил следующее объяснение: что он переведен из 1-го в 1-й резервный стрелковый батальон, но не откомандирован; уехал из Ковно 9 сего мая в дер. Бекштаны за своими вещами, но без разрешения начальства, проживал же в означенной деревне с Елизаветою Батурою, уроженкой гор. Витебска, которую отвез на ст. Евье, а сам приехал на ст. Жосли, чтобы ехать в гор. Ковно. Прапорщик Швойницкий, будучи арестован мною, просил повидаться с начальником околотка линии г. Лопацинским, который как навлекший на себя подозрение беспрерывными отлучками с линии верхом, частыми приездами к нему неизвестных лиц и, наконец, недонесением о самовольной отлучке, более 3 дней, дорожного артельного старосты Шишко не только не был допущен к свиданию, но мною был послан к нему подпоручик Паскин 2-й с командою для сделания домового обыска, причем найдено: 2 патронташа с пустыми медными патронами, ножны от сабли, охотничий медный рожок, пороховница с порохом, а в дровах на дворе его дома — полная бутылка пороху, от которой он отказался как не принадлежащей ему и неизвестно кем положенной в дрова. При отобрании помянутых вещей взяты и собственные его бумаги.

Арестованные лица, а равно вещи и бумаги, отобранные у них, по приказанию ген.-майора Плаксина препровождены мною в гор. Вильно, о чем в. п. донести честь имею [1].

Штабс-капитан Голохвастов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 255, лл. 5—6. Подлинник

[1] *На следствии Г. Швойницкий показал, что во время экспедиций против повстанцев он отпрашивался у начальства, не желая принимать участия в боях против своих соотечественников (там же, л. 136).*

Из показания Я. Лопацинского явствует, что со Швойницким он познакомился в марте 1863 г. во время нахождения Швойницкого в числе других офицеров с караулом на ст. Жосли (там же, лл. 139—140).

Швойницкий, по конфирмации М. Н. Муравьева от 2 февраля 1864 г., был исключен из службы и выслан на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губ., а Я. Лопацинский — в Пензенскую губ. (там же, лл. 176, 196).

65

1863 г. мая 30, Троки.— Рапорт кондуктора 2-го Трокского лесничества Л. В. Эйсмонта трокскому военному начальнику Н. А. Ведемейеру о нападении повстанческого отряда Я. Сендека на м. Старые Троки и захвате повстанцами лесных стрелков

Имею честь покорнейше в. п. донести, что сего числа в 2 часа утром внезапно напавшая шайка мятежников около 100 человек в м. Старые

Троки забрала насильно собираемую мною по распоряжению высшего начальства для представления в Виленскую палату государственных имуществ на смотр лесную стражу, а именно: меня, лесного кондуктора Эйсмонта, объездчиков: 1) Каетана Оскирку[а], с кавалерийскою саблею и патронташем, 2) Иосифа Кожуховского, с патронташем, 3) Иосифа Кулешу[б] с саблею, карабином и патронташем и 4) Иосифа Юревича, безоружного; стрелков постоянной стражи, тоже безоружных: 1) Фаддея Щиглу, 2) Юрия Юргелевича, 3) Мартина Карпича, 4) Франца Шостака, 5) Андрея Козловского, 6) Матвея Козловского и 7) Матвея Политыку; из коих меня, кондуктора Эйсмонта, объездчиков Оскирку, Кожуховского и Кулешу, как оказавшихся слабого здоровья, отвезя из Старых Трок в застенок Бедугне, оставили больными в оном застенке, а остальных — объездчика Юревича и стрелков Щиглу, Юргелевича, Карпича, Шостака, Козловских и Политыку — увели с собою по направлению к корчме Габште[1]. Объездчик же Кулешо настигнувшими казаками забран в проводники. При сем имею честь в. п. представить квитанцию какого-то неизвестного мятежника с польским орлом в захвате им обозначенных лесных служителей[2].

Кондуктор Эйсмонт

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 98—99. Подлинник

[1] *Из следственного дела о захвате отрядом Я. Сендека лесной стражи 2-го Трокского лесничества явствует, что в конце мая 1863 г. повстанцы отряда Сендека захватили и других объездчиков и лесных стрелков 2-го лесничества, следовавших на сборный пункт в м. Старые Троки, и отняли у них оружие. Часть лесной стражи после стычки с царскими войсками 2 июня 1863 г. при дер. Мамове вернулась на свои места жительства, но возвратившиеся не сообщили о происшедшем начальству. Все они, как не оказавшие сопротивления повстанцам, признаны неблагонадежными и высланы с семействами в отдаленные губернии России.*

В связи с этим Трокский военный начальник признал необходимым временно прикомандированную к войскам лесную стражу оставить в ведении войск до января 1864 г. В других уездах эта мера была отменена в августе — сентябре 1863 г. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 852, лл. 2—4; 13, 94—126; 141—146, 168.

[2] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 852, л. 10. Текст расписки:* Uprzeleśną do służby krajowej i takowych przemosą z Trok zabrałem.

Troki, dnia 30 maja 1863 г.
Naczelnik 3 wydziału Sendek.

[*Предупреждая неблаговидную меру незаконного правительства, направленную на разорение страны, я призвал лесную стражу на службу отечеству и таковую силой взял из Трок.*

Троки, 30 мая 1863 г.
Начальник 3-го отряда Сендек]

66

1863 г. июня 1.— Выписка из показаний А. Корзуна в Виленской следственной комиссии о деятельности Д. А. Базанова в качестве агента виленского повстанческого центра[1]

1863 г. июня 1 дня Виленская следственная комиссия по политическим делам постановила записать для сведения по делу о писаре Базанове[в] и канцелярском чиновнике Шкультецком:

[а] *В тексте* Оскирки.
[б] *В тексте* Кулеши.
[в] *В тексте здесь и далее ошибочно* Безанов.

1. Фотограф Абдон Корзун, содержащийся под арестом по особому делу, показал между прочим: а) писарь Базанов, содержащийся в настоящее время в 14-м номере, есть главный и смышленый агент Центрального комитета, он постоянно закупал для мятежников косы, оружие и другие предметы и доставлял их в шайки; б) в числе комитетских членов — студент, молодой человек, блондин, недавно ездил за границу в Париж и, кажется, в Лондон, Бышинский, который получает пересылаемую из С.-Петербурга корреспонденцию и разные вещи по железной дороге, и чтобы не пало на него [а] подозрение, то у него есть приятель офицер, который за него получает из вокзала все присылаемое для мятежников, как-то: револьверы, разные ружья, в больших бутылках порох и все для них необходимое; в) у Базанова есть приятель *, к которому он в день его арестования писал письмо из 14-го номера. У этого господина был типографский станок, как он мне говорил, и показал один отпечатанный листок, который я, посмотрев, сказал: «Отчего так скверно выходит?» — на что он ответил, что шрифты намазывает щеткою, и я хотел достать ему валек, но по случаю заарестования исполнить обещание не мог; г) Пожерский один раз поручал ему, Корзуну, отнести квартировавшему в гостинице Нишковского Базанову порох и еще некоторые вещи для отправления к мятежникам. Базанов отправлял вещи посредством мужиков. Один раз, он, Корзун, застал у Базанова сидящими несколько мужиков с медалями, это были старосты или старшины, и когда он спросил Базанова, как он может быть откровенен с мужиками, он ответил, что эти мужики ему «свои». Удивляться нужно дерзости и энергии Базанова, он отправлял большие транспорты и один из самых деятельных членов комитета; д) когда Базанова арестовали, то он свой саквояж отдал кондуктору, который и спрятал. В этом саквояже было много прокламаций. Тот, который занимается типографиею, друг Базанова, чиновник казенной палаты, знает кондуктора, которому Базанов передал саквояж.

Председатель ген.-лейтенант Веселитский

Члены: коллежский советник Эрцдорф-Купфер, майор Паль

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 36, л. 24. Подлинник

[1] *Подробнее о революционной деятельности Д. А. Базанова, занимавшего с июня 1861 г. должность писаря Попортской вол. Трокского у., см. его военно-судное дело (там же), а также сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 452—456.*

67

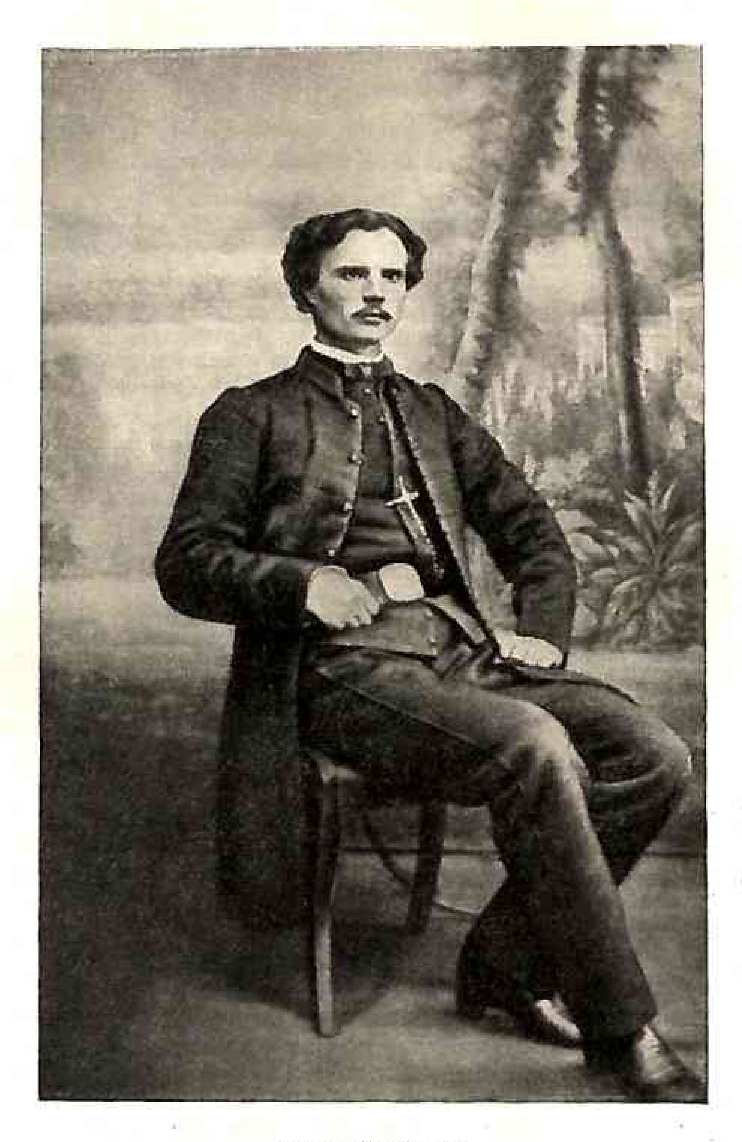
1863 г. июня 21.— Донесение виленского губернатора И. В. Галлера М. Н. Муравьеву об уничтожении повстанческим отрядом Сендека документов однодворческого управления в им. Иванишки Трокского у. [1]

Трокский военный начальник от 17 сего июня за № 375 донес мне, что шайка мятежников, состоявшая до 30 вооруженных человек, ночью

---

* Приятель этот, служащий в казенной палате, Осип Шкультецкий.

[а] *В тексте* у него.

Дмитрий Базанов

с 12 на 13 число сего июня, напав на поместье Иванишки, где имеет жительство старшина Маевский и находится однодворческое управление, забрали все дела, бумаги и книги и сожгли на дворе; в удостоверение сего начальником шайки Сендеком оставлена записка.

О чем имею честь довести до сведения в. вп. с представлением упомянутой расписки мятежника Сендека [2].

Ген.-майор Галлер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, л. 98. Подлинник

[1] *Об уничтожении повстанческими отрядами документов и дел о крестьянских повинностях в сельских и волостных управлениях по Виленской губ. см. док. 61, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 20, д. 209, лл. 67, 79—80; ф. 378. ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, лл. 82—83, 88—89, 95—96, 99 и др.; 1863 г., д. 1371, ч. 3, лл. 4, 9; оп. 219, д. 30, л. 29; ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 59, 67; д. 182, л. 18; ф. 494, оп. 1, д. 758, лл. 174—175; ф. 525, оп. 13, д. 1075, лл. 24—25; ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 60, 67, 95—96; д. 8, лл. 106, 127 и др.*

Из показания повстанца отряда Вислоуха М. Христовского явствует, что сами крестьяне, узнав о прибытии повстанцев, обращались к ним с просьбами об уничтожении в волостных и сельских управлениях книг податей и недоимок. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1371, ч. 3, л. 12.

[2] *Расписки в деле не имеется. Известна расписка Я. Сендека (без даты) о взятии денег из солупенской кассы Яновской вол. Ковенского у. В ней говорится, что для облегчения положения крестьян он забрал также книгу податей и объявил, чтобы крестьяне не платили никаких податей. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 12.*

68

1863 г. июня 27, ст. Евье Трокского у.— Рапорт командира 3-й роты л.-гв. Гатчинского полка поручика Май-Маевского трокскому военному начальнику полковнику Палю о распространении «Мужицкой правды» близ м. Евье

В. вб. доношу, что сего числа евьянский приходской священник сообщил мне о доставлении ему церковным дьячком печатной возмутительного содержания прокламации к крестьянам, переданной [а] дьячку евреем из м. Евья и которую еврей нашел на дороге около местечка. Заглавие прокламации — «Мужицкая правда» № 7, которая и препровождена священником в гор. Троки к благочинному.

Того же числа прибыла на Евьянскую станцию из дер. Илюкаемо [б] Трокского у. крестьянская девица Вощилова, которая, отыскивая своего брата, находящегося на службе в сем полку, в роте [в] е. и. в., между прочим, сообщила, что ей известно, как из той деревни, где она проживала, некоторые лица отлучались в леса в шайки мятежников и обратно возвращались в деревню. Девица Вощилова при сем препровождается в гор. Троки.

Поручик Май-Маевский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 15, л. 36. Подлинник

[а] *В тексте* переданную.
[б] *По-видимому, имеется в виду Илгокемя.*
[в] *В тексте* и в роте.

69

1863 г. июня 29.— Показания студента Петербургского университета В. Пилецкого в Виленской следственной комиссии о формировании и действиях отряда Л. Нарбута в Лидском у. в феврале — апреле 1863 г.

1863 г. июня 29 дня Виленская следственная комиссия по политическим делам, призвав в свое присутствие Владислава Пилецкого, предложила ему по обстоятельствам дела следующие вопросы и показал:

Зовут меня Владислав Сильвестров Пилецкий, от роду имею лет 25, вероисповедания римско-католического, грамотен, холост, на исповеди и у св. причастия ежегодно бываю, по происхождению дворянин, не утвержденный герольдией, проживал в гор. Вильно у помещика Людовика Нарбута в казенном доме на Замковой ул. против костела св. Иоанна, под следствием и судом не был, но в 1861 г. в апреле месяце находился под арестом в продолжение 8 дней, но за что именно, мне не было объявлено [1].

В 1858 г., кончив курс наук в Виленской губерн[ской] гимназии, поступил в С.-Петербургский университет, где пробыл до 1861 [г.]. Когда же вследствие беспорядков университет был закрыт [2], то я по собственному прошению был уволен из числа студентов. С 25 декабря 1861 г. я находился у помещика Лидского у. Людовика Нарбута, к которому меня послал ученик VI кл[асса] Виленской гимназии Домбровский, и я с ним условился обучать детей жены его по первому замужеству, Седликовской. В 1862 г. малолетние Седликовские поступили во II класс Виленской гимназии. 1863 г. 3 января я отправился к помещику Лидского у. Костровицкому по рекомендации г. директора Виленской гимназии Курнатовского с целью принять обязанность обучения детей его, но, не условившись, я возвратился в гор. Вильно к помещику Нарбуту, который меня послал в Лидский у. в им. Шавры, куда я отправился 27 января.

1 февраля прибыл туда же Людовик Нарбут и уговорил меня присоединиться к шайке, которая утром 2 февраля состояла из 8 человек и находилась в лесу в расстоянии 3 верст от м. Нача. Ночью со 2 на 3 февраля прибыл помещик Лидского у. Лев Краинский с шайкой, состоящею из 9 человек, и, присоединившись к шайке Нарбута, вместе с ним отправился в урочище Соболюнцы, куда прибыл кс. Горбачевский, и принимал присягу, к которой и я тоже был потребован. До конца февраля Нарбут с шайкой ходил из деревни в деревню и вербовал в шайку людей, которых численность увеличилась до 60. В конце февраля в м. Наче был захвачен тысяцкий, который по распоряжению Нарбута был повешен мужиком, но как его зовут, не помню. Под м. Вороново Нарбут пытался отбить почту (в первых днях марта). После этого Нарбут отправился под м. Рудники, где встретился с отрядом войска и после перестрелки отступил в лес. В марте месяце был захвачен в м. Заблоце сельский писарь и повешен, но я не находился там, где вешали, и кто вешал, не знаю. В лес под Заблоцем в то же время до 20 человек привел в шайку Нарбута какой-то шляхтич [3], но как его называли, не помню. 30 марта под Новым Двором шайка Нарбута была настигнута отрядом полковника Тимофеева и после перестрелки отступила в Гродненскую пущу [4].

11 апреля шайка была настигнута отрядом полковника Вернера и рассеяна, так что из 200 человек осталось до 130. На следующий день настигнутая отрядом полковника Тимофеева [шайка]рассеялась, и осталось только до 90 человек, с которыми Нарбут отправился в Гродненскую пущу, откуда 20 апреля прибыл в Заблоцкие леса, где, настигнутый 22 апреля отрядом полковника Тимофеева, был убит, а шайка рассеялась.

В этом деле я был ранен, но, вышедши из лесу к шляхтичу Кашицу, жительствующему неподалеку от мызы помещика Зверовича, я послал 25 апреля донесение становому приставу 5-го стана г. Ильину о том, что я находился в шайке и что, узнав о высочайшем манифесте [5], я возвращаюсь к повиновению законной власти. Помещик Зверович принял меня в им. Доцишки на излечение и тоже послал донесение предводителю дворянства, который передал военному начальнику Лидского у. полковнику Алхазов[у], который прислал на следующий день офицера с запросом, состоящим из нескольких пунктов, на которые я ответил. На мызе помещика Зверовича я находился на излечении до 12 июня. В этот день я рано поутру [а] вышел в сад, и когда находился в дверцах сада, то несколько человек из шайки, вышедших из-за угла сада и [б] проходивших по дороге мимо сада, взяли меня под руки и уговаривали, чтобы я с ними отправился, когда же я отказался, то стали смеяться надо мною. В то же самое время подоспело несколько прежних товарищей и, расспрашивая меня о моем здоровье, увели меня несколько десятков шагов. Когда же шайка перешла через болота, то несколько инсургентов осталось при мне и сказали, что шайкою командует некто Острога [6], когда же спросили у меня папирос, то я им дал несколько. Никаких же других пособий я не давал, ибо сейчас же я, возвратившись на мызу вследствие усталости от раны, которая едва стала заживать, лег в постель и не выходил, о чем могут посвидетельствовать лакей помещика Зверовича Андрей и вообще вся дворовая прислуга. Когда же через несколько часов прибыло войско, то я встал и вышел к офицеру с целью рассказать ему о происшедшем, но не успел, потому что он в то время допрашивал других и сейчас же отправился к отряду, стоявшему за мызой, куда я дойти не имел силы. Впоследствии же я не мог уже донести об этом, потому что через сутки меня арестовали, а вся прислуга была встревожена и постоянно занята, так что послать не было кого. О комитете и членах его ничего не знаю, а равно и о типографии. Все вышесказанное показал по сущей справедливости и ничего не утаил. В чем подписуюсь.

Дворянин Владислав Сильвестров Пилецкий

Показание отбирали: члены подполковник Хомотьянов,
майор Паль, аудитор Щеголев

Никакого имения, ни собственности, ни денег нигде не имею.
Дворянин Владислав Пилецкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 233, лл. 13—14. Подлинник

[1] *Весной 1861 г. В. Пилецкий принимал участие в манифестационном движении в Виленской губ. См. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 253, 293, 295.*

[а] *Опущено ошибочно повторенное* я.

[б] *В тексте* а.

[2] *Имеются в виду студенческие волнения, вызвавшие 20 декабря 1861 г. закрытие Петербургского университета.*

[3] *С. Вильбик. См. док. 60 и комментарий к нему.*

[4] *О бое повстанцев Л. Нарбута с карательным отрядом капитана Тимофеева 30 марта 1863 г. см. док. 53.*

[5] *Речь идет о манифесте от 31 марта 1863 г. об амнистии повстанцам.*

[6] *«Острога» — А. Порадовский — в начале мая 1863 г. получил назначение на пост повстанческого военного начальника Лидского повета и принял команду над остатками разбитого отряда Нарбута.*

70

1863 г. июля 3(15).— Повстанческий акт о безвозмездной передаче земли в собственность крестьянам деревень Татаришки и Гудзянцы Трокского повета [1]

Rząd Narodowy
Wydział zarządzający prowincjami Litwy
Województwo Wileńskie, powiat Trocki, gmina Hanuszyska,
wieś Tataryszki i Gudziance

W imieniu Rządu Narodowego. Wydziału zarządzaiącego prowincjami Litwy, niniejszym aktem obywatelom wiejskim wsi Tataryszek i Gudzianców oddajemy ziemię, dotychczas przez nich dzierżawioną, na własność prawem dziedzicznym, wieczystym i sukcesyjnym, bez żadnych czynszów i okupów, a to ze wszystkimi przynależnościami, jakie w obszarach posiadanych gruntów znajdują się.

Z takowego Manifestu [a] korzystać nie będą szpiegi i jawni nieprzyjaciele sprawy ojczystej.

Dnia 3(15) lipca 1863 r.
W imieniu naczelnika 2 oddziału partii Trockiej
Podporucznik Jan Wiszniewski
Komisarz wojskowy Juljan Grażewicz
Właścicielka wsi Fortunata Brzostowska

Печать начальника Трокского повета Виленского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 987, л. 60. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Отдел, управляющий провинциями Литвы

Виленское воеводство, Трокский повет, Ганушишская гмина, деревни Татаришки и Гудзянцы

Именем Национального правительства, Отдела, управляющего провинциями Литвы, настоящим актом сельским гражданам деревень Татаришки и Гудзянцы передается

[a] *Так в тексте.*

находившаяся до сего времени в их пользовании земля в собственность на основе наследственного, вечного права, без каких бы то ни было чиншей и выкупов, со всеми принадлежностями, находящимися на этой земле.

Настоящий манифест не распространяется на доносчиков и явных врагов дела Родины.

3(15) июля 1863 г.

От имени начальника 2-го отряда Трокской партии подпоручик Ян Вишневский

Военный комиссар Юлиан Гражевич

Владелица деревни Фортуната Бжостовска

[1] *Наделение землей крестьян с выдачей соответствующих актов было произведено повстанцами в нескольких имениях Виленской губ.*

Так, 28 февраля (9 марта) 1863 г. помощник повстанческого военного начальника Трокского повета Т. Греготович приказал владельцу им. Поломень А. Жилинскому немедленно передать крестьянам, проживающим в его имении, их наделы в собственность без каких-либо выплат или обязательств с их стороны *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 300, л. 17).*

2 (14) марта повстанцами отряда К. Корево было приказано помещице им. Шилосяды Трокского у. Е. Бондзынской передать безвозмездно крестьянам находящуюся в их пользовании землю. Дарственный акт с подписью Е. Бондзынской был вручен повстанцами крестьянам как документ, удостоверяющий передачу земли. На основании его крестьяне дер. Новоселок указанного имения отказались исполнять повинности (там же, д. 22, лл. 33—34).

21 июня (3 июля) 1863 г. по требованию повстанцев Я. Сендека помещиком им. Помусье М. Россахоцким был подписан акт о передаче крестьянам без всяких платежей арендуемых ими участков земли (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г. д. 724, л. 9).

Об освобождении помещиками крестьян от повинностей под влиянием повстанческого манифеста см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 235, лл. 1—3; д. 496, лл. 1—2; д. 631, лл. 17—19 и др.

71

1863 г. июля 16.— Доклад военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа М. Н. Муравьеву по делу о рядовом л.-гв. Гатчинского полка К. Бжезовском, отказавшемся стрелять в повстанцев [1]

По военно-судному делу о рядовом л.-гв. Гатчинского полка Кароле Бржезовском, 42 лет, римско-католического вероисповедания, сужденном при означенном полку по полевому уголовному уложению за неисполнение приказания командира роты зарядить ружье и отказ стрелять в мятежников, оказалось:

Пред выступлением из ст. Ляндворово 9-й роты означенного полка приказано было командиром роты зарядить ружье. Между тем подсудимый рядовой Бржезовский не зарядил своего ружья и, идя в Новые Троки вместе с ротой, признался в том солдатам, сказав, что он стрелять в своих не намерен. Потребованный по этому поводу к ротному командиру Бржезовский на вопрос, как было дело, ответил, что он всего хорошенько не помнит, потому что был выпивши.

В суде же показал, что он не исполнил приказание ротного командира, бывши не совсем трезв, а главное, находился под влиянием религиозного убеждения, не допускающего идти против своих единоверцев. Не зарядивши ружье, он полагал, что такое неисполнение приказания

никем не будет замечено, и никому о том не сказал. Когда же рота была на походе от ст. Ляндворово в гор. Троки и остановилась на привале, он хотел отдать находившийся при нем шансовый[а] инструмент ефрейтору Левину, но тот не хотел взять от него и при этом назвал его поляком, он же, Бржезовский, сказал: «Какой я поляк, когда у меня ружье не заряжено»,— но говорил ли он тогда, что стрелять в своих не намерен, хорошенько не помнит. Идя далее в Троки, он был совершенно трезв, но мысль, что ружье у него не заряжено, много беспокоила его, и он уже решился, пришедши в город, зарядить ружье, но когда пришел, то намерение это отложил до другого утра. Таким образом и открыто было, что у него ружье действительно не было заряжено.

Напротив, рядовой Левин под присягой показал, что когда Бржезовский, догнав его, шедшего в авангарде, сказал ему взять инструмент, потому что он моложе Бржезовского, Левин отвечал: «Хотя я и моложе, но мне нести не следует, а ты, хотя и старый солдат, но дурак и донесешь кирку сам». Тогда Бржезовский сказал: «Какое вы русское войско, идете в Польшу против мятежников с заряженными ружьями, вы сами мятежники, а я поляк, так и несу незаряженное ружье и стрелять в своих не намерен». Это показание подтвердили под присягой старший унтер-офицер Семен Макаров и 5 рядовых.

По формулярному списку рядового Бржезовского он показан из крестьян Виленской губ. Трокского у. им. Угинкова помещика Иосифа Танского. В службе с 19 января 1846 г. Выключен был в бессрочный отпуск 11 августа 1861 г., призван на службу 17 апреля 1863 г. Был в походе гвардии к западным пределам империи по случаю войны в Венгрии с 25 мая по 24 октября 1849 г. и по случаю войны с англо-французами и турками находился в составе войск, охранявших прибрежье С.-Петербургской губ. и Выборгской — уезда Странда с 18 июня по 29 августа 1854 г. Холост, неграмотен, в штрафах не бывал.

Военный суд, находя, что хотя на обвинение Бржезовского в измене правительству нет положительных данных, но отказ его зарядить ружье и слова, что религиозное убеждение удерживало стрелять в мятежников, служат доказательством готовности Бржезовского к измене[б], а потому суд приговорил: на основании 178, 561 и 563 ст. ст. 1-й кн[иги] военно-уголовного устава подвергнуть его, Бржезовского, смертной казни — расстрелянием.

Обер-аудитор Емельянов

Резолюция М. Н. Муравьева: Рядового Бржезовского, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудники на 15 лет.

17 июля 1863 г.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 113, лл. 31—33. Подлинник

[1] *О переходе солдат царской армии на сторону повстанцев и участии их в повстанческом движении см. док. 76 и примечания к нему.*

[а] *Т. е. шанцевый, землекопный.*

[б] *В тексте* в измене.

72

1863 г. июля 18.— Показания повстанца Б. Битовта в Виленской следственной комиссии о своем выходе из Вильно в отряд Егорова, составе и действиях соединенных отрядов Егорова и Сосиновича

1863 г. июля 18 дня в Виленской следственной по политическим делам комиссии содержащийся под арестом в госпитале св. Якова дворянин Болеслав Битовт, арестованный по распоряжению военного начальника станции С.-Петербургско-Варшавской ж. д. Рудзишки, был спрошен и показал:

[...][a] На предложенные мне вопросы объяснить честь имею. В день св. Ивана, 24 июня с. г., отправился я гулять за город к железной дороге, на кладбище Росса, и встретил известного мне Красовского, занимающегося хлебопашеством в 6 верстах от Вильны, и с ним вместе Людвига [1], виленского жителя из перекрестов, по фамилии мне неизвестного. Потом, немного погодя, подошли к нам незнакомый мне виленский житель, которого Красовский называл фамилиею Малецкого, и печник Владислав [2], проживающий на Снипишках за Зеленым мостом с женою и детьми. По предложению Красовского и Людвига, мы все впятером пошли в Маркутино за 4 версты; это корчма, где играет музыка и танцуют. От Маркутина Красовский живет в 2 верстах. Красовский пригласил нас на кислое молоко, а когда мы вошли в лес, то Людвиг объявил, что я должен идти в шайку. Я ответил, что не пойду. Тогда Красовский вынул пистолет и передал его Людвигу, а тот приставил его к моей груди. При этом Красовский объявил, что если я не пойду, то меня убьют. Тогда я, видя неминуемую смерть, согласился идти с ними.

После этого мы пошли далее. В лесу, близко дома Красовского, остановились. Он отделился от нас и принес молока и водки; мы выпили и закусили. В это время уже сделалось темно, и мы лесами пошли далее. Пройдя 3 версты, остановились. В лесу около мызы Черный Двор мы настигли шайку в числе 40 человек под предводительством Егорова [3]. Все были вооружены двуствольными ружьями, но знакомых мне никого не было. Меня тотчас арестовали при обозе, и я лег спать. На утро, когда я проснулся на другой день, то часов в 10 утра приехал в шайку ксендз Францишканского монастыря, которого тогда я фамилии не знал, а ныне уже во время содержания признал в лицо и узнал фамилию Буйно, и с ним еврей цирульник, которого я здесь, уже в госпитале, признал и уличил [4]; фамилия его известна комиссии. Ксендз этот поговорил предварительно с начальником шайки, привел меня к присяге восстанию и дал поцеловать крест и евангелие, окропил св. водой и поцеловал в голову, при этом я держал в руках ружье, которое он тоже освятил. Кроме меня, он привел к присяге еще человек 8 или 10. После этого ксендз этот уехал. Цирульник этот, еврей, тоже говорил с начальником, передал ему вино и зельтерскую воду и уехал с ксендзом. Того же дня, т. е. 25 июня, вечером, часов в 5, кс. Буйно второй раз приезжал в шайку. Одет он в то время был не по-ксендзовьи, а в чемарке. С ним вместе приехал Красовский, ездивший в Вильно, и привез чемодан с

---

[a] *Опущены ответы на вопросы биографического характера.*

саблями, револьверами и другим оружием и с разными одеждами для мятежников, а также с порохом, пистонами и пулями. В 8 час. вечера ксендз с евреем уехали, и я их более уже не видел. Красовский тоже уехал; он был при шайке вербовщиком и доставителем оружия.

В 11 часов ночи к нашей шайке пришла другая под предводительством кадета Сосиновича[5], в 120 человек. Вооружены они были ножами, косами, ружьями и пистолетами. Вместе с этой шайкою мы пробыли на том же самом месте весь следующий день, а к ночи отправились в Швейцарский лес верст за 9, от города он в 15 верстах. Предводительствовал соединенными шайками Егоров. Тут пришел в шайку сын вдовы, который уже уличен мною и известен комиссии, и привел лошадь, которую подарил шайке, а мужики его доставили съестные припасы. Он скоро пообещавшись поступить совсем в шайку, ушел. Но[чью][а] того дня отправились далее уже по незнакомым мне лесам. Проводниками нам служили мужики, которым начальник шайки платил за это. Мужики же доставляли съестные продукты, и им за это платили. 25 числа пекли хлеб у лесника, живущего близ Черного Двора (он всего один лесник в тех местах и отыскать его можно), а живущий с ним родственник приносил для шайки водку. Начальник шайки Егоров сам ездил в Вильно за деньгами и останавливался у кого-то под Острою Брамою. Казначеем в шайке был Петр Станевич[б] из Вильны. Офицерами были Рингайло и Почебутов, который убит. Янковский, обыватель Вилейского у., был адъютантом и другие, фамилии которых не знаю. При шайке были два светских ксендза, один из них был одет в светское платье; оба они из Лидского у. Начальник шайки хотя никого не казнил, но собирался повесить старосту из Швейцарского лесу, но так как в это время сказали, что идут солдаты, то он его пустил. Ни к каким помещикам и в деревни не заходили, а все время шли ночью лесами с тем, чтобы соединиться с шайкою Вислоуха. Дорогою отстал от шайки заболевший мятежник Даленговский[6]. Начальник дал ему 30 руб. сер. и велел по выздоровлении поступить в шайку Любича или Сендека.

5 июля у станции железной дороги Рудзишки напали на шайку войска, я тотчас побежал навстречу в поле к станции [и] в это время пулею был ранен в руку, которую ныне у меня отрезали. Прибежав на ст. Рудзишки, раненный, я сдался военному начальнику.

Дворянин Болеслав Битовт

Показание отбирали: член полковник Лосев, аудитор Кордюков

В дополнение к прежде отобранным от меня[в] показаниям поясняю, что мятежник Даленговский, заболевши, отстал от шайки в 4 верстах от Рудзишек и остался у помещицы, которой сын содержится в Вильне под арестом (имение ее, кажется, называется Ожераны).

Болеслав Битовт

Допрашивали в госпитале св. Якова члены: полковник Лосев, аудитор Кордюков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 993, лл. 18—20. Подлинник

[а] *Текст поврежден.*
[б] *Должно быть — Станкевич.*
[в] *Опущено ошибочно повторенное* меня.

[1] *Людвик Ледоградский, служивший плотником при станции железной дороги в гор. Вильно; находился в отряде Любича.*
[2] *По-видимому, Владислав Тржцинский, виленский мещанин.*
[3] *В отряде именовался майором Егоровым, а также Лепельским.*
[4] *По-видимому, Хаим Фридман.*
[5] *Об Эдуарде Сосиновиче см. также его показание от 17 февраля 1865 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1629, лл. 33—39).*
[6] *Актер Виленского театра Карл Даленговский (Доленговский) укрывался до ареста в Вильно, в квартире Гоувальдовой; выслан в Сибирь.*

73

1863 г. июля 23 (августа 4), им. Свиды.— Рапорт повстанческого военного начальника А. Порадовского («Остроги») военному начальнику Августовского воеводства А. Андрушкевичу о необходимости возвращения отряда в Лидский повет в связи с упадком там восстания [1]

Naczelnika wojennego pow. Lidzkiego
kapitana Ostrogi

Raport

Mam zaszczyt zawiadomić, iż z powodu opuszczenia powiatu przez nasz oddział jako jedyną zbrojną reprezentacją onego, dały się nam słyszeć smutne następstwa upadnięcia na duchu współobywateli naszych w pow. Lidzkim. Czuję zatem obowiązek wrócić w tych dniach do powiatu [2].

Kapitan Ostroga

1863 г. 4 sierpnia
Obóz w dominjum Świdy
Nr. 75

НБ ВГУ, А-т, 35, № 6459. Подлинник

ПЕРЕВОД

Военному начальнику Августовского воеводства

Военного начальника Лидского повета
капитана Остроги

Рапорт

Честь имею сообщить, что оставление повета нашим отрядом как единственным представителем вооруженной власти вызвало, как нам довелось услышать, нежелательные последствия в виде упадка духа наших сограждан в Лидском повете. Поэтому считаю долгом на днях вернуться в повет [2].

Капитан Острога

4 августа 1863 г.
Лагерь в им. Свиды
№ 75

[1] *Повстанческие отряды южной части Виленского воеводства в связи с усилившимся натиском царских войск в июне — июле 1863 г. стали переходить в Гродненское воеводство (Гродненскую пущу) или через р. Неман в Августовское воеводство. Отряд А. Порадовского («Остроги») после стычки 12 июня 1863 г. под дер. Шуммы объединился*

с отрядом гродненских повстанцев под командованием А. Ленкевича («Ляндера»). После боя при Озерах в Гродненской пуще отряды 20 июля перешли около м. Друскеники через Неман в Августовское воеводство. См. подлинный рапорт А. Ленкевича от 20 июля (1 августа) 1863 г.— НБ ВГУ, А-т, 35, № 6394.

Еще раньше, 8 (20) июля 1863 г., перешли в Августовское воеводство отряды А. Стабровского («Любича») и Я. Сендека. Интересно, что Стабровский в августе 1863 г. так же подал рапорт о возвращении в Виленское воеводство. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 140, 143—144; ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1115, лл. 1, 4, 7; 1863 г., д. 1854, л. 3; «Архивные материалы Муравьевского музея...», ч. 2, стр. 298—299, а также док. 159 в настоящем сборнике.

[2] *В действительности отряд Порадовского остался в Августовском воеводстве и, объединившись с другими отрядами, на протяжении нескольких месяцев сражался с царскими войсками.*

74

1863 г. июля 26 (августа 7).— Приговор виленскому губернскому предводителю дворянства А. Домейко, подписанный повстанческим начальником гор. Вильно В. Малаховским («Бонком»)

Национальное правительство

Начальник города Вильна

№ 88

7 августа 1863 г.

Принимая во внимание, что Александр Домейко, несмотря на то, что он уже поставлен вне закона [1], употребляет каждую минуту своей жизни на гибель края, вышеназванный Александр Домейко приговаривается к смертной казни [2].

Начальник гор. Вильна Бонк [a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 901, л. 73. Перевод с польского

[1] *13 (25) июня 1863 г. революционным трибуналом Виленского повета А. Домейко за сотрудничество с царскими властями был объявлен изменником Родины и поставлен вне закона. Факсимиле постановления трибунала см. в кн.: J. Grabiec. Rok 1863. Wyd. 3. Poznań, 1929, str. 414.*

Подобная мера применялась виленской повстанческой организацией и в отношении других должностных лиц, содействующих царизму. Так, 2 (14) июля 1863 г. начальник города В. Малаховский подписал приказ, требовавший, чтобы Жонголович и Бибиков, управлявшие секвестрованными имениями, оставили службу. В противном случае им угрожала смертная казнь. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 11, лл. 21—23. Подлинник.

[2] *Попытка привести в исполнение смертный приговор над Домейко была совершена 29 июля 1863 г. Домейко был только ранен. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1853, л. 2 (телеграмма М. Н. Муравьева П. А. Валуеву).*

В воззвании Малаховского к жителям Вильно, выпущенном в связи с покушением, указывалась ошибочная дата покушения: 11 августп, т. е. 30 июля. Кроме того, о покушении говорилось как об удавшемся. В воззвании перечислялся ряд фамилий представителей поместного дворянства и говорилось, что они разделят участь Домейко, если не перестанут содействовать царизму (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 901, л. 71. Перевод с польского).

---

[a] *На публикуемом переводе имеется отметка о наличии на подлиннике печати начальника гор. Вильно.*

75

1863 г. августа 28.— Донесение виленского губернатора С. Ф. Панютина М. Н. Муравьеву о мерах, принятых к отысканию повстанца И. Ланевского, крестьянина Конявского сельского общества Лидского у.

Заступающий место трокского военного начальника тамошний уездный исправник представил мне копию рапорта командира 3-го батальона л.-гв. Измайловского полка полковника Белявского, в котором изложены меры, принятые к отысканию и поимке, посредством крестьян, казенного крестьянина Конявского сельского общества Иосифа Ланевского. Этот Ланевский, как видно из рапорта полковника Белявского, служил при Варшавской ж. д. на ст. Олькеники и оттуда бежал к мятежникам. После разбития шайки Нарбута Иосиф Ланевский явился на место родины, в дер. Бартели, и силою увел в мятеж родного своего брата Петра, а когда Петр Ланевский бежал из шайки мятежников, то Ланевский, догнав его, Петра, застрелил, и, кроме того, Осип Ланевский угрозою мщения наводит страх на жителей той деревни [1]. Имея в виду важность совершенного Осипом Ланевским преступления и влияние, какое он имеет на жителей дер. Бартели и окрестных с оною мест, а также принимая в соображение, что принятые полковником Белявским меры к поимке Ланевского едва ли могут быть успешны, я предложил трокскому военному начальнику немедленно распорядиться произведением облавы и самых тщательных обысков в местах, где может скрываться упомянутый крестьянин Ланевский, и вообще принять самые решительные меры к непременному отысканию и арестованию этого крестьянина, а вместе с тем прислать мне описание его примет для распубликования к отысканию его в местах, смежных с Трокским у. [2]

О чем я сего числа уведомил командующего войсками в Виленской губ. на предмет принятия с его стороны самых действительных мер к поимке крестьянина Ланевского и о том имею честь донести в. вп.

И. д. гражданского губернатора Панютин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 56, ч. 2, лл. 122—123. Подлинник

[1] *Имеются также данные о том, что И. Ланевский, вернувшись из отряда Л. Нарбута в дер. Бартели, совместно с крестьянином дер. Шуммы Т. Бадером постоянно доставлял съестные припасы в повстанческие отряды А. Порадовского («Остроги») и А. Климантовича («Антоневича»), занимался вербовкой добровольцев в отряды. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 402, лл. 16, 53; ф. 1253, оп. 1, д. 7, лл. 27, 31, 384—387.*

[2] *Найти И. Ланевского царским властям не удалось. За связи с ним было арестовано несколько крестьян Конявского сельского общества. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 7, лл. 31, 82, 384.*

76

1863 г. сентября 6.— Показания солдата Софийского пехотного полка Я. Малевского в присутствии трокского военного начальника А. А. Дебоа о побеге из полка вместе с 23 солдатами гарнизона гор. Ковно и пребывании в отряде Вислоуха

1863 г. сентября 6 дня. Доставленный приставом 2-го стана Трокского у. находившийся в мятеже беглый солдат Софийского пехотного полка был спрошен и показал:

Зовут меня Иван Матвеев сын Малевский[а], от роду имею 50 лет, исповедания католического, на исповеди у св. причастия бываю ежегодно, неграмотен, под судом и следствием не был, холост. Родом я из крестьян Августовской губ. Калварийского у. дер. Варнагире, где в настоящее время проживают три родные сестры мои.

В 1841 г. я был сдан в военную службу, в набор, в гор. Динабурге. С рекрутства поступил я в Финляндский линейный 22-й батальон, в 12-ю роту, где, прослужа 18 лет, был уволен в бессрочный отпуск и проживал все это время в дер. Варнагире. В 1859 г. был призван вновь на службу и поступил в Софийский пехотный полк, в 10-ю роту, расположенный в то время в кр. Динабурге, в котором, прослужа три года, я в настоящем году во время стоянки полка в гор. Ковно по подговору унтер-офицера Ковенского батальона внутренней стражи Юткевича бежал из полка вместе с Юткевичем и, выйдя за Ковно[1], мы присоединились к ожидавшим нас еще 23 нижним чинам разных полков и команд, подговоренным[б] им же, Юткевичем[2]. По присоединении Юткевич повел нас к м. Румшишки в намерении присоединиться там к шайке Любича. По прибытии в м. Румшишки я, оставив Юткевича, один отправился в гор. Вильно, но на пути зашел попросить милостыню в им. Петришки помещика Вицентия Стребейко, который посредством расспросов узнал от меня, что я есть не кто иной, как беглый солдат, принял меня к себе в работники, где я и находился около 3 месяцев. В продолжение этого времени Стребейко научал меня скрывать настоящее мое звание и в случае поимки отзываться не помнящим родства; во время же прибытия в Петришки шайки мятежников, состоящей под личным начальством Вислоуха и спомощников[в] Стребейко передал меня Вислоуху. Во время бытности шайки в Петришках Стребейко кормил ее и на дорогу снабдил ее съестными припасами, равно как и лесник гр. Тышкевича Некраш, который доставлял в шайку Вислоуха съестные припасы, оружие, огнестрельные снаряды, одежду и конфедератки.

Из Петришек шайка направилась в Жижморский лес, где в шайку вновь доставлял Некраш продовольственные припасы. Кроме того, шляхтич Солодуховский, жительствующий близ м. Кошедар, доставлял шайке оружие, продовольствие и одежду. Из Жижморского леса шайка направилась в Поломеньский лес, но отсюда шайка возвратилась опять в Жижморский лес, где, настигнутая русскими войсками, была разбита. Бежавшие мятежники вновь собрались в лесу близ Попорцы, где из числа мятежников, именно Домбровский и Мокшицкий, родители которых живут в собственном доме, находящемся в Горельском лесу, давали шайке продовольствие. На другой день шайка направилась в Козакишский лес, а отсюда — под Галинский лес; на третий день мы направились в Шеланский лес. Под Галинками помещик Галинский передал Вислоуху присланные из комитета 5000 руб. (как слыхал я от товарищей).

В Шеланском лесу казенный крестьянин Пляпос (который ныне арестован и находится в Трокском тюремном замке) доставил шайке 1 пуд

[а] *В тексте здесь и далее* Милевский. *Правильное написание фамилии установлено по формулярному списку и приговору.*

[б] *В тексте* нижних чинов... подговоренных.

[в] *Так в тексте.*

15 ф[унтов] сала и 1 осьмину гороху. В этом лесу шайка была открыта русскими войсками, и здесь произошла стычка 8 августа. Разбитая шайка вновь собралась в Горельском лесу, откуда я бежал из шайки и блуждал по лесу 3 дня; на четвертый день я пойман был крестьянином дер. Лялянцы Людвигом Коневичем, который и представил меня начальству.

На первом допросе, который отбирал от меня пристав 2-го стана Трокского у. [3], я показывал так, как внушил мне Вицентий Стребейко, скрывая настоящее свое звание, отзываясь незнанием своего родства. Наконец, при представлении меня в гор. Троки к тамошнему военному начальнику я, сознавая в душе совесть и чувствуя всю тягость лжи, одушевился и на допросе в присутствии военного начальника чистосердечно сделал сие показание. К чему добавляю, что подговоренных унтер-офицеров Юткевичем нижних чинов я не знал, на что в июле месяце столяр виленского цеха Михаил Волк и его брат (тоже столяр) доставляли в шайку Вислоуха 70 штуцеров, которые и переданы были Сендеку. Вислоуху же они передали одежду, газеты и деньги, присланные из Революционного комитета, и эта услуга повторялась братьями Волками несколько раз; наконец, они доставили в ту же шайку 100 кос, газеты и деньги. Во время бытности моей мятежники ни грабежа, ни неистовств не производили. Более этого я ничего показать не имею. В чем по безграмотности прошу за себя расписаться.

За безграмотного Ивана Малевского расписался л.-гв. Гатчинского полка унтер-офицер Платон сын Федоров.

Показание подлинное отбираемо было в присутствии военного начальника.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1378, лл. 6—7. Заверенная копия

[1] *Из послужного списка Я. Малевского явствует, что он бежал из полка 26 февраля 1863 г. См. военно-судное дело Малевского в ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 205, л. 47.*

[2] *О побегах в разное время из гор. Ковно солдат царской армии и присоединении их к повстанцам имеются и другие данные. Взятый в плен 7 мая 1863 г. после боя в Жижморском лесу, повстанец М. Гривочевский на следствии сообщил о своем побеге из Ковенского батальона внутренней стражи. В рапорте командира 1-й конно-артиллерийской бригады А. Ф. Быченского от 22 мая 1863 г. сообщалось, что из батареи, расположенной в гор. Ковно, 18 и 20 мая бежало 5 канониров. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 593, лл. 8, 12—16; ф. 1253, оп. 1, д. 4, лл. 108—109.*

[3] *Показание от 29 августа 1863 г. см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 205, л. 34.*

77

1863 г. сентября 9.— Рапорт адъютанта командующего войсками Виленского военного округа В. И. Павлова М. Н. Муравьеву о высылке из края крестьян деревень Шуммы и Кракшли за поддержку восстания

Вследствие предписания в. вп. от 6 сентября 1863 г. за № 1898 [1] я отправился в дер. Шуммы Лидского у. [2], где по произведении дознания совместно с находящимися там депутатами и начальниками отрядов мы назначили к выселению во внутрь России 7 семейств, более других ви-

новных в сочувствии к мятежу, всего же обоего пола 42 души, список коих при сем имею представить [3]. Означенным крестьянам я дозволил взять с собой платье и некоторые мелочи хозяйственные. Скот же и все движимое имущество отправлено местною полициею в торговое м. Эйшишки, где и будет продано в базарные дни. Строения же и хлеб снопом оставлены под ответственностью сельского начальства на месте, в дер. Шуммы. Означенные в списке 42 души вместе со своим имуществом доставлены под конвоем в гор. Вильно сего числа с товарным поездом.

Адъютант майор Павлов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 785, л. 3. Подлинник

[1] *В предписании М. Н. Муравьева отмечалось:* Военный начальник Лидского у. Виленской губ. между прочим донес, что крестьяне дер. Шуммы все преданы мятежу, принимали присягу и во всем содействуют мятежникам, а потому признает необходимым в пример другим крестьян означенной деревни выселить внутрь России, а деревню уничтожить (*там же, л. 2*).

[2] *Дер. Шуммы относилась к Гродненской губ., часть ее под названием Кракшли принадлежала к Лидскому у.*

[3] *См. там же, лл. 7—8. Всего в списке включено 9 (а не 7) семейств, в том числе из дер. Кракшли 6 семейств, из Шумм — 3 семейства. Перечисленные в списках крестьяне дер. Кракшли 13 сентября 1863 г. высланы из Вильно в Самарскую губ., а дер. Шуммы — в Астраханскую губ. (там же, лл. 11—13).*

78

1863 г. сентября 17.— Послание Виленской католической консистории к духовенству и верующим с призывом покориться царским властям [1]

Do
rzymsko-katolickiego duchowieństwa
i ludu wiernego w diecezji Wileńskiej

Wileński rzymsko-katolicki duchowny konsystorz, wysłuchawszy przedpisanie zastępcy biskupa prałata Bowkiewicza z. d. 16 września 1863 r. za Nr. 1055, przystępując do jego spełnienia, wzywa całe duchowieństwo i powierzony mu lud wierny do szczerej pokuty, która jedna może przebłagać zagniewany majestat boski i położyć koniec nieszczęściom, które wszystkich tak boleśnie dotknęły. Bo ostatecznie nic się nie dzieje bez woli boga. On podwyższa, on i poniża, on daje życie, on i do bram śmierci przywodzi; on jeden rządzi światem i jego jednego woli nic przeprzeć nie zdoła. Musiała ta wola boska być zapoznaną, musiała liczba grzechów naszych wzrość nad wszelką miarę, kiedy bóg dopuścil, żeby tyle bied, tyle klęsk spadło na kraj nasz zaburzony przez ludzi nieporządku.

Naczelna władza rządząca tym krajem przedsięwzięła wszystkie środki dla uśmierzenia rokoszu i przywrócenia pokoju; ona karze przestępców dla przytłumienia powstających przeciw prawej władzy, lecz zarazem otwiera wrota miłosierdzia. Bezwarunkowo zdawajcie się na wolę i litość naczelnej w naszym kraju władzy, której najjaśniejszy monarcha poruczył udzielić przebaczenie tym wszystkim, którzy złożywszy broń, stawić się będą przed miejscowemi władzami z serdecznym żalem i będą prosili o litość.

Spieszcie więc korzystać z ofiarowanej wam łaski; tego wymaga nie tylko wzgląd na wasze dobro i rodzin waszych, lecz ten jest obowiązek, który wkłada na was święta religia nasza. Ona bowiem pokazując że wszelka władza od boga pochodzi, razem też ją szanować, czcić i być jej posłusznym nakazuje. Wypełnijcie to ś[więte] jej rozkazanie, wracając naprzód do spokojnych zatrudnień zwyczajnego życia, i modląc się szczerze za naszego najjaśniejszego cesarza wszech Rosji Aleksandra II, w którego ręku złożył pan bóg dolę losów naszych, modląc się za cały dom panujący i wszystkich którzy są na wyższym miejscu, abyśmy, jak mówi św. Paweł, cichy i spokojny żywot wiedli we wszelakiej pobożności i czystości (I do Tymot., roz. 2, wiersz 2).

Spuśćcie się więc zupełnie na wolą najłaskawszego naszego monarchy i władz przezeń ustanowionych, pamiętając zawsze, że kraj nasz stanowi jedną, nierozdzielną całość z Rosją i porzućcie wszelki opór i nieposłuszeństwo, wszelkie knowania przeciw rządowi, a najjaśniejszy monarcha, któremu bóg nas poddał, widząc w nas niezachwianą wierność ku sobie i swemu tronowi, ogarnie nas jak i resztę swych poddanych jednostajną łaskawością i świętej, droższej nam nad życie religii naszej wysoką swą opiekę i pomoc zapewni.

Odezwa ta ma być przeczytaną z ambon ludowi w pierwszą niedzielę lub święto po jej otrzymaniu. Dnia 17 września 1863 roku.

Na oryginale podpisano: oficjał prałat Antoni Żyszkowski, wice-oficjał prałat-scholastyk Mamert Herburt, wizytator klasztorów kanonik Zdanowicz, assesor ks. Szyłejko, assesor ks. Jasiewicz, assesor ks. Klecki, sekretarz J. Wojewódzki.

Zgodnie z oryginałem: sekretarz J. Wojewódzki

КФ ЦГА Лит. ССР, ф. 630-р, оп. 1, д. 83, л. 393. Типографский оттиск [2]

ПЕРЕВОД

К римско-католическому духовенству
и к верной пастве Виленской епархии

Виленская римско-католическая духовная консистория, выслушав предписание заступающего место епископа прелата Бовкевича от 16 сентября 1863 г. за № 1055 и приступая к его выполнению, приглашает все духовенство и порученную ему верную паству к истинному раскаянию, которое одно может умилостивить разгневанное величие божие и положить конец несчастиям, так горестно всех поразившим.

Без воли всемогущего бога ничего на свете не делается. Он возвышает, он и низводит; он дает жизнь, он отворяет и врата смерти; он един управляет светом и его единого воле никто не в состоянии противиться. Должно быть, эта воля господня не понята нами, должно быть, число грехов наших превысило всякую меру, если господь допустил, что столько бедствий, столько горя ниспало на край наш, взволнованный людьми беспорядка.

Главное начальство края приняло все меры к укрощению мятежа и к водворению спокойствия; оно карает виновных в мятеже для обуздания восстающих против законной власти, но вместе с тем отверзает дверь к милосердию. Безусловно предавайтесь на волю и помилование высшего в нашем крае начальства, которому государь император поручил объявить прощение тем, которые, сложивши оружие, явятся к местным властям с чистосердечным раскаянием и будут просить пощады.

А потому поспешайте воспользоваться предлагаемой вам милостью; этого требует не только общее ваше и родных ваших благо, но вместе с тем это есть и прямая обязанность, которую возлагает на вас наша святая религия. Ибо она, указуя, что всякая власть происходит от бога, вместе с тем повелевает уважать ее, почитать и ей повиноваться. Исполняйте затем святые ее приказания, возвращайтесь немедленнно к спокойным трудам вседневных ваших занятий, горячо молитесь за нашего августейшего императора всероссийского Александра II, которому господь бог вверил нашу судьбу; молитесь за весь царствующий дом и за всех, которые занимают высшие должности, дабы мы, по словам св. апостола Павла, вели жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте (I к Тим[офею], гл. 2, стр. 2).

Безусловно покоряйтесь воле всеавгустейшего нашего монарха, памятуя всегда, что край наш составляет одно нераздельное целое с Россией. Оставьте всякое сопротивление и непослушание, все злые умыслы против правительства, а всемилостивейший государь наш, узрев непоколебимую верность к нему и его престолу, осенит нас, как и прочих своих верноподданных, равным милосердием и не оставит нашу святую религию, которая дороже для нас самой жизни, своим высоким и благотворным покровительством и помощью.

Настоящее увещание должно быть прочтено с амвона к народу в первый по получении воскресный или праздничный день. 17 сентября 1863 г.

Подлинное подписали: официал [а] прелат Антоний Жищковский, вице-официал прелат схоластик [б] Мамерт Гербурт, визитатор монастырей каноник Зданович, асессор кс. Шилейко, асессор кс. Ясевич, асессор кс. Клецкий, секретарь И. Воеводский. С подлинным верно: секретарь И. Воеводский.

[1] *Опубликовано в газете «Kurjer Wileński» («Виленский вестник»), № 106, 19 сентября 1863 г.; о мерах, принятых виленским повстанческим центром в связи с этим посланием, см. док. 30 и прим. 3 к нему.*

[2] *Заверенную копию см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1467, лл. 33—34.*

79

1863 г. сентября 19.— Рапорт Трокского уездного полицейского управления трокскому военному начальнику А. А. Дебоа об отказе мещан гор. Троки платить казенные подати и отбывать другие повинности в связи с раздачей им ружей

Во исполнение предписания в. п. от 3 сего сентября за № 2155 уездное полицейское управление, представляя при сем главного неплательщика податей — трокского мещанина Ковальского участка Мартина Михайлова Горельченка, почтеннейше честь имеет донести, что чиновник губернаторской канцелярии Пацевич, коему поручено было исполнение помянутого предписания, прочих мещан христиан означенного участка, проживающих во 2-м стане здешнего уезда, в числе 20 семейств, которые под предлогом раздачи им ружей отказывались от уплаты казенных податей и прочих повинностей, 12 сего сентября обязал подпискою ко взносу таковых по принадлежности в течение 2 недель, а мещанам того же участка, проживающим в Ковенском у., в числе 25 семейств, ко-

[а] *Официал — помощник епископа, председательствующий в консистории.*

[б] *Схоластик — первоначально один из членов капитулы (епископского совета), заведовавший школой при кафедральном костеле, позднее — почетное звание.*

торые, по объявлению[а] старшины Круглякова, более других отказываются от уплаты податей под тем же, что и здешние, предлогом, представил в сие управление именной список. Затем полицейское управление о наблюдении за точным исполнением проживающими в здешнем уезде мещанами данного ими обязательства предписало[б] приставу 2-го стана Кржижевичу сего числа за № 11524, а насчет заставления проживающих в Ковенском у. мещан Ковальского участка к безстложной уплате причитающихся с них казенных принадлежностей, с препровождением списка, сообщило[в] в Ковенское уездное полицейское управление за № 11525 и о том уведомило Трокскую городовую ратушу за № 11526.

Помощник исправника Яковлев
И. д. секретаря Олешкевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1253, оп. 1, д. 15, л. 417. Подлинник

80

1863 г. сентября 19 (октября 1), Вильно.— Предписание военной секции Исполнительного отдела на Литве командиру повстанческого отряда Ошмянского повета Г. Чеховичу («Остое») о необходимости продолжать борьбу

Rząd Narodowy
Wydział wykonawczy na Litwie
Sekcja wojenna

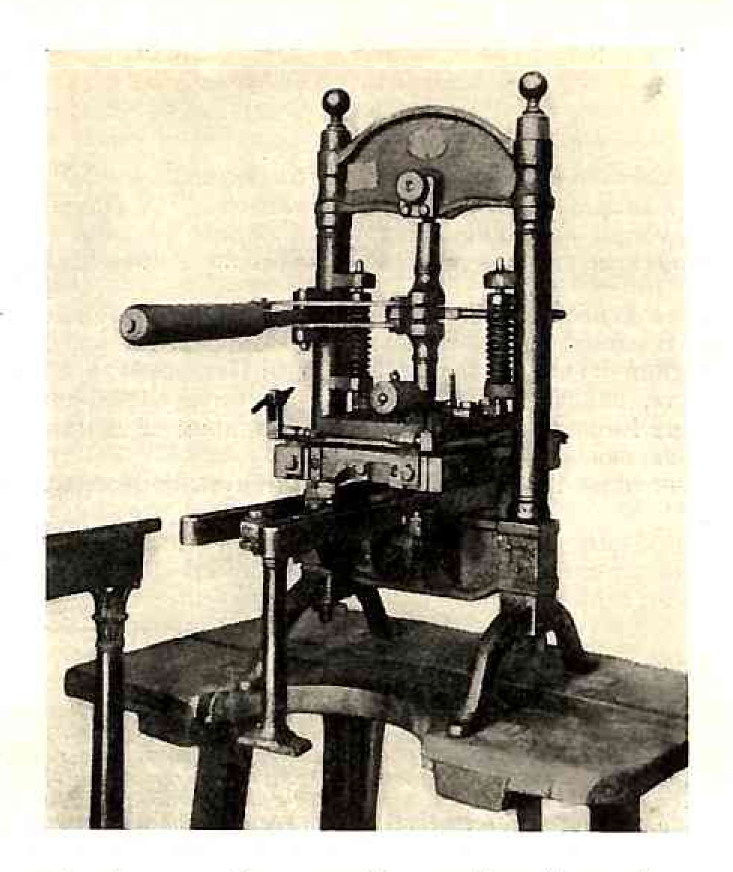
Nr. 116
Wilno, 1 paździer[nika] r. 1863

Ze zdumieniem Wydział dowiedział się o rozpuszczeniu part[ii] kap[itana] Ostoji, części oddziału Oszmiańskiego, jakoby w skutek rozkazu Wydziału. Pokilkakrotnie Wydział wzywał kap[itana] Ostoję do wyjścia z pow. Oszmiańskiego w razie niemożności utrzymania się i przejścia do w[ojewództw]a Grodzieńskiego albo Kowieńskiego lub też do pow. Lidzkiego, gdyż ciągłe ukrywanie się pod moskalem i stąd demoralizowanie okolicy i samego oddziału, co więcej szkody niż korzyści przynosiło krajowi.

O złożeniu broni nawet i myśli być nie może. Wydział więc wzywa oddział Oszmiański do przejścia albo do pow. Wiłkomirskiego lub Lidzkiego, gdzie obecnie istnieją oddziały, lub do w[ojewództw]a Grodzieńskiego, w razie zaś niemożności wymarszu z p[owia]tu, ukrywać się i unikać utarczek, nawet się podzielić na mniejsze oddziały, ale w danym razie być przygotowanym do skupienia się i wystąpienia[г].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 678, л. 16. Копия

[а] *В тексте* объявлении.
[б] *В тексте* предписано.
[в] *В тексте* сообщено.
[г] *На публикуемой копии имеется помета о наличии на подлиннике печати.*

Типографский станок, обнаруженный полицией на Виленской станции Петербургско-Варшавской железной дороги

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Исполнительный отдел на Литве

Военная секция № 116
Вильно, 1 октября 1863 г.

Отдел с недоумением узнал о роспуске партии капитана Остои — части Ошмянского отряда — якобы вследствие приказа Отдела. Отдел несколько раз призывал капитана Остою выйти из Ошмянского повета в случае невозможности удержаться и перейти в Гродненское или Ковенское воеводство или же в Лидский повет, так как то обстоятельство, что отряд постоянно скрывается от русских, и отсюда деморализация окрестности и самого отряда, приносит стране больше вреда, чем пользы.

О сложении оружия не может быть и речи. Поэтому Отдел призывает Ошмянский отряд перейти или в Вилкомирский или в Лидский поветы, где в настоящее время существуют отряды, или же в Гродненское воеводство. В случае же невозможности выхода из повета скрываться и избегать столкновений, разделиться даже на более мелкие отряды, но и в этом случае быть готовым к сосредоточению и выступлению.

81

1863 г. сентября 20.— Отношение Виленской особой следственной комиссии виленскому губернатору С. Ф. Панютину об обнаружении на станции железной дороги ящиков с типографским станком и революционными воззваниями

Следственною комиссиею сегодня на станции железной дороги вскрыты 3 ящика. В одном, подписанном «с галантерейными вещами», оказался типографский станок из Берлина, чрез С.-Петербург, в другом, с надписью «холст», найдено до 10 000 экз. разных революционных воззваний и газет из Варшавы, в третьем, адресованном «с домашними вещами», из Пскова, оказалось 3 ружья [1].

Главный начальник края приказал упомянутый типографский станок передать в. п.

Комиссия обязывается просить распоряжения вашего о немедленном принятии того станка прямо со станции железной дороги, где он оставлен в багажном складе.

Председатель ген.-майор Соболевский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 20, д. 286, л. 1. Подлинник

[1] *Акт об обнаружении на виленской железнодорожной станции печатного станка, воззваний и ружей см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. 2, л. 115.*

По показаниям О. Авейде (сб. «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 566), печатный станок, купленный в Берлине, был направлен К. Калиновским в Петербург по просьбе землевольцев, переданной в августе 1863 г. через В. Малаховского. Ввиду того, что станок в Петербурге не был востребован, туда выехал член виленской повстанческой организации Л. Юнгер, который и переадресовал неполученный груз в Вильно. О том, что станок находится на виленской станции, Виленская особая следственная комиссия узнала 20 сентября 1863 г. из показаний А. Кона, занимавшего в повстанческой организации должность помощника начальника полиции гор. Вильно (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. 2, л. 110, показания Л. Юнгера от 23 сентября 1863 г. о поездке в Петербург см. там же, лл. 131—135). Впоследствии станок находился в виленской губернской типографии (Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Изд. 2. Вильна, 1867, стр. 157).

82

1863 г. сентября 20.— Показания С. Ожешко в Виленской особой следственной комиссии о составе и деятельности виленского повстанческого центра и городской организации

20 сентября 1863 г. нижепоименованный, находясь по болезни в госпитале св. Якова, был спрошен и показал:

Все сказанное в прежних показаниях о происхождении моем, воспитании, выезде из Петербурга, приезде и жизни моей в Вильно до первого выезда в Гродненскую губ. [1]— то верно, с тем только исключением, что: 1. Настоящего своего паспорта для перемены к родным я не отправлял, а выехал с ним в Мильковщизну и впоследствии сжег его. 2. За несколько дней пред выездом при выходе из гостиницы Нишковского от обеда я нашел в кармане своего пальто приказание за печатью Отдела,

заведующего провинциею Литвы (Wydział zarządzający prowincjami Litwy[а]), которым предписывалось мне непременно остаться в Вильно. Об этом я сообщил Лепковскому[2], но от него не получил никакого совета. Не желая вовсе принимать участие в деле организации и быв расстроен здоровьем, я пренебрег этим приказанием и все-таки поехал в Гродненскую губ. Туда спустя несколько недель пришло ко мне новое повеление, чтобы я в продолжение 5 дней явился в Вильно или в ближайшую шайку; я решился исполнить первое.

Приехав в Вильно, я остановился у Сивицкого и в продолжение некоторого времени лечился и выходил только для обеда к Нишковскому, где вновь встретился с Лепковским, только что откуда-то приехавшим. Там однажды Лепковский, не предупреждая меня, познакомил[б] с Малаховским, который пригласил меня утром на следующий день в квартиру свою на Заречье. У Малаховского я встретил несколько незнакомых личностей, из числа коих он представил меня господину, которого назвал доктором Юзефом (он же, кажется, Колуссовский)[3], прибавив, что от него я должен буду исполнять поручения, касающиеся полиции. Это заставило меня тогда же заметить Малаховскому, что я ни за что не приму на себя какой-либо обязанности полиции исполнительной (wykonawczej), на что он мне ответил, что он и не предлагает этого, так как на такой предмет существует особый отдел, составленный из лиц, готовых жертвовать собою. В то же время Малаховский познакомил меня с Флерковским (настоящая фамилия его, кажется, Григорович) и поручил последнему представить меня тем лицам, с которыми я должен был войти в сношение. В тот же и на другой день Флерковский познакомил меня с следующими лицами, бывшими, как я узнал впоследствии, цирkуловыми[в] комиссарами: Якубовским — на Большой ул. против консистории в сургучной лавке (квартировал же и имел циркул на Антоколе); Кулаковским — на Преображенской ул., дома не знаю; Пожарским[г] — на Заречье, вблизи от дома, где жил Малаховский; Жилинским — на Виленской ул., дом Дукшты, насупротив полиции. Впоследствии представлен был самим Малаховским Шулякевичу, циркул которого был на Поплавах. Болезнь моя не дозволяла большой деятельности, и я не мог сноситься с людьми, которые так далеко жили друг от друга. Я это заметил доктору Юзефу, и он разрешил мне передать названных лиц Трацевскому, б. студенту С.-Петербургского университета (кажется, обыватель Витебской губ.), и поручил сноситься только с Якубовским и Коном, с которым меня сам познакомил, кажется, при содействии Людвига[4]. Тогда же я выдал Кону полученные мною от Юзефа номинации: Кону — на звание помощника начальника полиции и состоящим в его ведении Юнгеру, Перчинскому и Межеевскому[д] — на звание циркуловых комиссаров *. Не имея определенных инструкций, я обязан был передать все исходящие от Малаховского и Юзефа поручения Кону и Яку-

---

* Всех циркулов в Вильне было 10, из них в двух — на Снипишках и Лукишках — комиссаров еще не было.

[а] *Отдел, управляющий провинциями Литвы (польск.).*

[б] *Далее в тексте* (меня).

[в] *Gyrkuł — полицейский участок (польск.).*

[г] *Правильно — Пожерский.*

[д] *В документе здесь и далее ошибочно* Межеесскому.

бовскому, и во все время, с половины июля и до последнего выезда из Вильно, т. е. 4 августа, мною исполнено было следующее:

1. Однажды Флерковский по приказанию Юзефа принес ко мне на квартиру в дом Дукшты экземпляр распоряжений по полиции и, приложив к нескольким листам чистой бумаги печать начальника полиции, поручил мне те распоряжения переписать и передать по принадлежности. Переписав на несколько экземпляров, я снес их к Кону и Якубовскому. Бумаги эти заключали предписание комиссарам всех циркулов составить опись домов с обозначением получаемого дохода и податей, которые предполагалось взыскивать, список всем жителям с отметкою их звания, образа мыслей, занятия, содержания и т. п. и подтверждение приказания, чтобы в гостиницах обеденные карты составлялись и все объяснения прислуги с гостями происходили не иначе, как на польском языке.

2. От Флерковского же получил несколько номинаций, писанных им и мною по поручению Юзефа, также за печатью начальника полиции, обыкновенно хранившейся у Малаховского, но на этот раз мне выданною. Номинации эти назначались для циркуловых помощников и переданы мною Кону и Якубовскому.

3. Согласно розысков Межеевского, Кон донес мне, что некто Рогалев, возвратившийся из шайки, грозился выдать в руки правительства многих из организации, а потому делался для нас опасным. Об этом мною было сообщено Малаховскому. Последствием этого было то, что Юзеф на другой день доставил мне приговор к смерти Рогалева и склянку яду. Будучи против смертоубийства, я данный мне приговор и яд задержал у себя и передал Кону не прежде, как услышав, что Рогалева уже не существует.

4. Снова от Флерковского (на обязанность которого, по мнению моему, возложено было составление печатных распоряжений, объявлений и пр.) я получил и разослал по принадлежности несколько печатных запрещений выходить обывателям на улицу во время иллюминации и фейерверков.

5. Юзеф поручил мне собрать сведения о месте и образе жизни предводителя Домейко, частного пристава Соболевского и квартального Вишневского, [но так][а] как этого рода поручения я всегда отклонял от себя, то я отказался его исполнить, а потому Юзеф это дело возложил на Чаплинского, мне же велел только препроводить его к Кону, что я и исполнил. Были ли собраны этим путем какие-либо сведения — не знаю.

6. В день покушения на жизнь Домейко, когда об этом происшествии разнеслась весть по городу[5], Юзеф пришел ко мне и поручил немедленно послать кого-нибудь удостовериться, опущены ли шторы в шестом окне Францишканского заездного дома в Трокской ул. Я послал туда Кона, но ответа от него на это не получил.

7. Однажды явился ко мне Кон и спрашивал у меня какого-нибудь яда для отравы пуль. По сообщении об этом Юзефу я получил от него и передал Кону порошок сублимата[б], причем выразил свое сомнение, чтобы возможно порошком натравить пули. Какие употребления из него сделал Кон — не знаю.

[а] *Текст поврежден. Добавлено по смыслу.*

[б] *Сублимат — сильный яд, средство дезинфекции.*

8. В один из визитов к Малаховскому я получил от него несколько бланков с приказанием передать в циркулы для собрания подписей на контрадрес поданному Домейкою [6]. Тогда же я передал их к исполнению Кону и Якубовскому, но чем дело кончилось, не знаю, потому что это было перед самым моим выездом из Вильно, слышал только, что подписи собирались весьма туго и были примеры, что из числа подписавшихся по первому порыву некоторые предлагали большие деньги, чтобы вычеркнули их фамилии.

9. В конце июля Флерковский, квартируя еще у Малаховского в доме Еляшевича, объявил мне, что ему необходимо где-либо записаться на жительстве и просил меня заявить о нем в Антокольском квартале. Дело это по поручению моему устроил Якубовский, который, заплатив в квартале, кажется, надзирателю Лилейко 15 руб., успел записать Флерковского на жительстве в доме Солимани.

10. Получив из числа собранных податей с домов и обывателей от Кона 40 руб. и Якубовского около 100 руб., я передал деньги эти Юзефу. Вообще податный сбор шел крайне неуспешно вследствие наложения на всех владельцев недвижимого имущества 10% сбора.

11. По неимению знакомых в городе Кон затруднялся в выборе помощников своим циркуловым, и так как Флерковский имел в виду на определение в полицию двух братьев Мокржецких, то я, получив от Кона две его визитные карточки, вручил их Флерковскому, который должен был с ними отправить Мокржецких к Кону.

12. В конце июля по случаю накопления большого числа раненых и больных из шаек, а также вдов и сирот повстанцев поручено было собрать сведения о лицах, нуждающихся в пособии. Когда несколько сведений было доставлено от циркуловых, я в тот же день передал [их] в квартире Малаховского одному из членов комитета попечения (opieki) Булгаку для дальнейшего распоряжения. На другой день я познакомил Булгака с Коном. Тогда первый из них объявил Кону, что Межеевский, в циркуле у которого в то время было много раненых, может обращаться за пособием к члену комитета доктору Свидерскому.

Затем никого из комитета опеки не знал. Кроме вышепоименованных поручений, сколько могу припомнить, других не исполнял. Все, что знаю относительно устройства организации, состоит в следующем: со дня беспорядков в крае образовался Литовский комитет, сначала мало зависимый от Варшавского. Впоследствии, приобретя большую связь с Варшавским комитетом, он переименован в «Отдел, управляющий Литвою» [a] («Wydział zarządzający Prowincjami Litwy»), а вслед за тем, подпав под бóльшую зависимость, получил название: «Отдел исполнительный на Литве» [a] («Wydział wykonawczy na Litwie»), под которым и существовал последнее время. Сколько было известно мне, Отдел исполнительный на Литве состоял из 5 членов, из коих были мне известны Яков Гейштор (как я помню — председатель) и Константин Калиновский (как заведующий отделением внутренних дел). Во всяком случае, первый был членом уже потому, что перед самым моим выездом в Гродно (в августе) явился ко мне помещик Витебской губ. Соколовский и просил совета, что сделать ему с секретным письмом, адресованным на имя Гейштора, который был уже арестован. Я взялся сказать об этом

[a—a] *Приписано в низу страницы.*

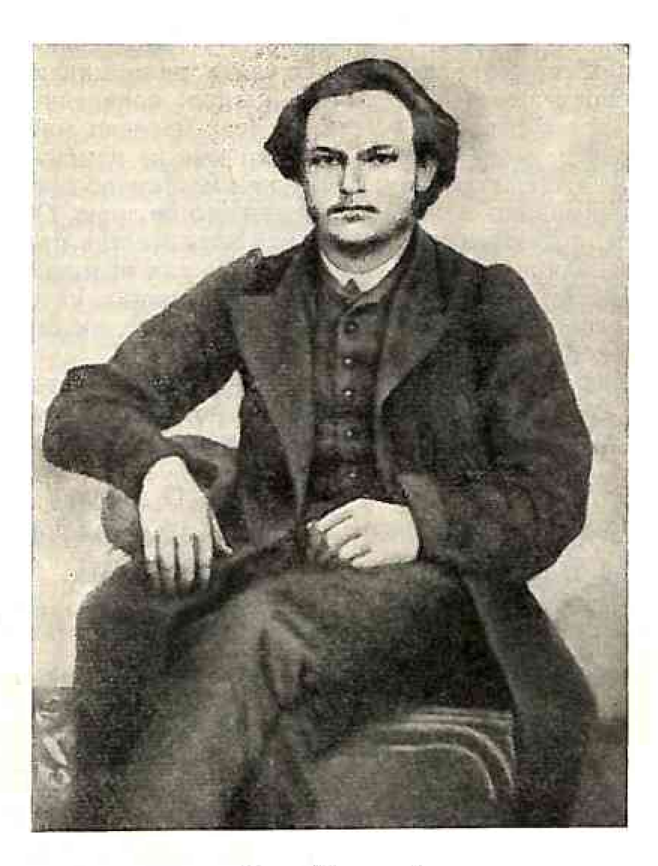
лицам, ближе посвященным в дела организации, и, встретясь у Лепковского (в квартире Малаховского) с Феликсом Зенковичем, рассказал ему об этом. Зенкович на другой день пришел ко мне на квартиру и виделся с Соколовским. Что они предприняли — того не знаю. Относительно Калиновского я удостоверился таким образом: пред выездом из Вильно я зашел к Лепковскому. В это время у него был Калиновский, которого прежде я встречал у Малаховского. Лепковский объявил об моем выезде в Гродно, просил Калиновского дать мне письмо на случай протекции и охранения. Действительно, на другой день такое письмо я получил из рук Флерковского. Оно было форменное, с надписью «Отдел исполнительный на Литве, отделение внутренних дел», за подписью Cham... (Хам...) [а] и адресовано на имя комиссара Гродненской губ., к которому я должен был обратиться чрез доктора Заблоцкого [7]. Письмо, как уверил меня Флерковский, было дано Калиновским, и, как оказавшееся для меня ненужным, впоследствии мною уничтожено.

Дворянин Станислав Оржешко

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов

Сколько мне известно, начальник города должен был непременно заседать в Отделе, а потому Малаховский по званию начальника был членом того Отдела. Если бы он даже и не был начальником города, то, судя по обширному кругу его действий и влиянию на ход организации, можно сказать положительно — Малаховский был членом Отдела. Кто были остальные члены этого высшего местного управления Литвы — не знаю и это удостоверяю по совести. Полагаю, лучше должен знать их Феликс (Зенкович) как человек, очень близкий к Малаховскому и лицам, его окружающим. Не менее того [б], решившись быть совершенно откровенным, считаю обязанностью упомянуть о том, что мне было известно, а именно: насколько припоминаю теперь, городовую кассу хранил и заведывал ею некто Зданович; дела по заготовке и отправке снаряжения для повстанцев поручались Адаму Чечету. Вместе с Чечетом тем же занимался Константин Куцевич. У Малаховского часто встречал Грабовского, который привозил к нему и отвозил бумаги, был им часто посылаем к разным лицам и хотя не имел определенных занятий, но вообще может назваться деятельным исполнителем поручений Малаховского. Два раза встретился у последнего с господином, который, по мнению моему, имел с Малаховским секретные дела, касающиеся организации, и которого Малаховский называл Калиновским, но это не был Константин Калиновский, о котором сказано выше [8]. Дю-Лоран [в], которого, кажется, я видел у Малаховского на Заречье, как могу судить из разговоров с другими, исполнял должность комиссара Литвы. Кто занял место после его отъезда — не знаю. Когда я был представлен циркуловым начальникам и для памяти записал их фамилии, то Флерковский сделал мне выговор за такую неосторожность, причем привел в пример арест Далевского, при котором будто бы был найден список, скомпрометировавший много лиц. Говоря это, он, как мне кажется, отозвался о Далевском как о бывшем начальнике города [9]. Однажды в

[а] *Т. е. Chamowicz (Хамович) — псевдоним К. Калиновского.*
[б] *Т. е. тем не менее.*
[в] *Принятое написание фамилии — Дюлёран.*

Титус Далевский

разговоре с кем-то Малаховский выразился об Оскерко как о занимавшем прежде ту же самую должность, которую в то время исполнял Малаховский. Это дало мне повод думать, что и Оскерко перед тем был тоже начальником города, а следовательно, и членом Отдела. Лепковский был прислан в Вильно по поручениям из Варшавы. К кому он здесь обращался, верно не знаю, но думаю, что к Дю-Лорану. Впоследствии был посылаем отсюда в Динабург и Варшаву с поручениями, которые он получал от Малаховского, в чем они заключались — не знаю. Чаплинский служил в исполнительной полиции и был в тесных отношениях с доктором Юзефом и Грабовским, жил же он вместе с Трацеским. По вопросам, сделанным мне Сигизмундом Чеховичем о том, нет ли верных случаев для отправки известий в провинцию, полагаю, что он занимался секретною рассылкою бумаг. Кстати, припоминаю следующее обстоятельство: известясь от Кона, что какой-то отправляющийся в Париж француз предлагает услуги доставить корреспонденцию, я сообщил о том Малаховскому и, получив от него три конверта (содержание и адресов не знаю), передал их для дальнейшей отправки Кону. Вскоре же Кон мне объявил, что по прибытии полиции для обыска в его квартире он те конверты сжег, за что Малаховский страшно на него сердился.

Людвига, которого встречал несколько раз у Кона, знаю вообще мало и с ним никаких сношений не имел. Сколько припоминаю, обстоятельство, объясненное мною под № 7, было вызвано появлением к Кону господина, служившего в шайке офицером (так передал мне Кон), фамилию его наверно не могу сказать, но если мне не изменила память, то Кон назвал мне его Ванковичем. Более как вообще об организации, так и о лицах, принимавших в ней участие, ничего не знаю. Объявив откровенно обо всем, я должен прибавить, что хотя многие принимали меня за начальника полиции, а иные нарочно меня так называли, но так как я номинации на эту должность не имел, ее никогда не исполнял и от себя никаких распоряжений не делал, то ни de jure, ни de facto начальником полиции себя не считал.

В заключение отдаю участь свою милосердию государя и ген.-губернатора, прося пощадить мне жизнь, если по преступлениям моим то будет возможно, если же нет, то казнить меня не повешанием, а расстрелянием [a].

Дворянин Станислав Оржешко

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. 2, лл. 152—156. Подлинник

[1] *В показаниях от 25 и 29 августа 1863 г. С. Ожешко сообщил, что он прибыл из Петербурга в Вильно в начале мая 1863 г. и через две недели выехал к родственникам в Гродненскую губ. (см. там же, лл. 137, 143).*

[2] *Студент Петербургского университета Михал Лепковский, активный деятель виленской повстанческой организации.*

[3] *Студент Варшавской медицинской академии Юзеф Колуссовский, активный деятель виленской повстанческой организации.*

[4] *Мечислав Дормановский (псевд. «Людвик Суходольский»), повстанческий комиссар Виленского воеводства.*

[5] *О покушении на виленского губернского предводителя дворянства А. Домейко см. док. 74.*

[6] *Контрадрес по распоряжению виленского повстанческого центра составлялся в противовес верноподданническим адресам дворянства Литвы и Белоруссии.*

[7] *Повстанческим комиссаром Гродненского воеводства был в это время брат доктора Заблоцкого Эразм Заблоцкий. См. показания последнего в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 490—497.*

[8] *Имеется в виду Юзеф Калиновский, заведовавший военной секцией в виленском повстанческом отделе.*

[9] *Член Отдела, управляющего провинциями Литвы, Францишек Далевский был арестован в начале июня 1863 г. Данных о том, что он исполнял обязанности начальника города, не имеется.*

83

1863 г. октября 2.— Показания вольнослушателя Московского университета К. Ясевича в Виленской следственной комиссии о действиях повстанческих отрядов в Ошмянском у. и их связях с Вильно

1863 г. октября 2 дня в Виленской следственной по политическим делам комиссии содержащийся под арестом был спрошен и показал:

[...] [б] В 1862 г. во время рождества христова дошли до нас слухи, что в Царстве Польском началась революция. Это известие было принято

[а] *Опущена заверительная надпись о внесенной в текст показаний небольшой поправке.*

[б] *Опущены ответы на вопросы биографического характера.*

студентами польского происхождения равнодушно, но мало-помалу в Москве стали появляться лица из Царства Польского и бросать между студентами мысли, что, чтобы революция удалась, нужно, чтобы и Литва приняла участие, что иностранные государства готовы помогать Польше. Ни одного из этих лиц не знал и не видел. Таковые речи подействовали на моих товарищей. После р[ождества] х[ристова] мало-помалу студенты стали уезжать из Москвы. Мое положение сделалось печальным, жаль мне было оставить университет, революция меня нисколько не привлекала, но, с другой стороны, с выездом моих товарищей, от которых я получал свое содержание, я нашелся в крайнем положении. Сперва я пытался отыскать себе частные уроки и продолжать свое образование, но тогда в Москве уже чуждались самым именем «поляк». Таким образом, не могучи оставаться в Москве, я отправился во второй половине апреля 1863 г. в Вильно, где нашел квартиру у своего родственника кс. Ясевича, находящегося в римской семинарии. Перед ним я открыл, что я намерен поступить куда-нибудь в шайку, но он мне сказал: «Жаль мне вас, не для вас самих, но для края. Из этого ничего не будет». После этого я 2 недели пробыл в Вильне, сам не зная, что сделать, но, наконец, я решился поступить в шайку. Встретив в городе знакомых Юльяна Чарновского и Бронислава Завадского из Ошмянского у., я узнал от них, что в Ошмянском у. собирается шайка. Тогда я попросил у Чарновского, чтобы он взял меня с собою в Ошмянский у., на что он согласился.

У Чарновского я пробыл несколько дней, после я поехал к своему дяде Иосифу Ясевичу. Пробыв у него, я опять возвратился к Чарновскому. Через несколько дней приехал к Чарновскому Завадский и сказал, что 18 мая в лесу, неподалеку от Сморгонь, будут собираться окрестные охотники к мятежу, чтобы оттуда перейти в Вишневский лес, где должен был находиться начальник с шайкой, и рассказал, в каком месте. 18 мая вечером я вместе с Чарновским отправился на указанное место. Там мы уже застали несколько человек, мне незнакомых, кроме Завадского. Чарновский отправился домой. Мы оставались на этом месте целую ночь. В 2 часа пополуночи незнакомый мне человек привел 12, кажется, человек и сказал, что это из Сморгонь. Некоторые были с ружьями, некоторые без ружьев. На другой день вечером мы отправились к Вишневским лесам. Прежде чем пришли к Вишневским лесам, мы останавливались три раза: прежде в Кревском лесу, около Понизя помещика Тукалы, после — в Лоском лесу, неподалеку Лоска, казенного имения; в этих лесах присоединилось к нам до 20 человек. Некоторые из них привели с собой лошадей. Кто давал этих лошадей, не знаю. Знаю только, что 2 лошади с повозкой и упряжью прислал со своим человеком помещик Фельтман, а третью лошадь прислал, кажется, помещик Пузыно или Сулистровский. Здесь же те, которые присоединялись, привозили с собою съестные припасы, немного пороху, свинцу и оружия. Тут же приезжал к нам помещик Сороко, который и проводил нас в ближайший лес. За этим лесом мы остановились вблизи им. Гуры, где находился арендатор Мисевич. У Мисевича мы брали хлеб и кислое молоко. Оттудова мы перешли в Вишневские леса. Не зная, где находится начальник с шайкой, мы несколько дней бродили по этим лесам, но, наконец, с помощью тамошних лесников мы отыскали шайку, состоявшую из 30 с лишком человек, где был начальник Минейко[1]. Здесь мы нашли небольшой запас ружьев, пороху, свинца и съестных припасов.

Зыгмунт Минейко

Через несколько дней Минейко повел нас в дер. Росолишки, где, собрав окрестных жителей, прочитал манифест от революционного комитета и велел крестьянам присягнуть на верность польскому правительству. Здесь крестьяне доставили нам съестных припасов. После этого мы, переправившись через речку Ислочь, пошли в близлежащий лес. Пробыв там несколько дней, Минейко повел нас обратным путем в Вишневский лес, но на дороге мы были настигнуты войском [2]. Тут был взят Минейко и еще несколько человек. Нас осталось 50. Когда удалилось войско, я всем советовал зарыть оружие в землю, а самим разойтиться, но на это никто не согласился, говоря, что все будем в неволе, ежели разойдемся, лучше останемся вместе и постараемся присоединиться к какой-нибудь шайке. Тогда я посоветовал им, чтобы избрали из среды своей старшего, который бы поддерживал порядок. Они избрали меня. После этого я написал в м. Вишнев к Одынцу, спрашивая его, что мы теперь должны делать. Он нам ответил, чтобы мы немного подождали, что в скором времени из Вильно пришлют нам начальника. Таким образом мы оставались в Вишневских лесах до 6 недель; деньги присылал нам Одынец, съестные припасы доставляла окрестная шляхта.

Во второй половине июля шляхта нас осведомила, что из Ошмяны идет войско и что нас будут искать. Тогда мы вышли из этих лесов и отправились к Виленскому у. с намерением соединиться с Вислоухом, но,

не доходя еще границы Виленского у., в лесу около им. Понары мы встретились с Чеховичем (Остой). Здесь Чехович насильным образом взял у Нарковича несколько сот руб. сер. Здесь Чехович разделил нас на 2 плутонга и над одним сделал меня начальником, а над другим — Рустейко. Оттудова мы перешли в Виленский у., в Островецкий лес. Здесь Чехович послал 20 человек в дер. Дубники для наказания некоторых крестьян за доносы. Трем крестьянам было дано по 25 нагаек. Это было в первой половине августа. Скоро после этого прибыло войско. Во второй половине августа мы перешли в Дубницкий лес, где на другой день по прибытии мы были открыты войсками. После этого Чехович намеревался отправиться в Ошмянский у. Я же, узнав от одного шляхтича, что вышел манифест, по которому добровольно явившиеся с раскаянием будут свободны, бросил свое ружье и чемарку, пришел в Вильно, где и явился к старшему полицмейстеру. При соединении с Чеховичем у него было до 40 человек.

Сколько мне известно, дядя мой Иосиф Ясевич участия в революции не принимал; что я иду в мятеж, он знал. Когда я возвращался к Чарновскому, жена Иосифа Ясевича проводила меня к другому дяде, Викентию Ясевичу, который тоже знал, что я иду в мятеж.

О Костецком [3] ничего не знаю. О Сулистровском ничего не знаю. О Любанском ничего не знаю. Чарновских [a] обоих знаю по университету; о старшем ничего не знаю, младший, кроме сказанного, привозил нам в лес табак [4]. О Косацкой ничего не знаю. Волович знаком по университету; здесь я с ним виделся, и он мне говорил, что готовится в мятеж. Больше про него ничего не знаю. Об Арамовиче ничего не знаю. Об Одынце знаю только, что он присылал нам деньги и белье. О Пузыне знаю только, что он прислал лошадь, или же Сулистровский. О Довгяле ничего не знаю. О Побоевском ничего не знаю. О Петровиче тоже ничего не знаю. У Нарковича Чехович взял несколько сот руб. сер. Будучи неподалеку от Барановичей, девицы Баранович присылали к нам съестные припасы и сами раз приходили к нам. О Арамовичевне ничего не знаю.

Карл Ясевич

Допрашивали: ген.-лейтенант Веселитский,
ген.-майор Цылов, полковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 993, лл. 31—34. Подлинник

1 *З. Минейко со второй половины мая 1863 г. был военным начальником Ошмянского у. и предводителем повстанческого отряда. См. о нем ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 290; ф. 1248, оп. 1, д. 409.*

2 *Стычка произошла 3 июня 1863 г.*

3 *Костецкий, по словам З. Минейко, исполнял обязанности комиссара Ошмянского у. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 290, л. 5).*

4 *Об Евстафии Чарновском — активном деятеле предповстанческого движения в Виленской губ.— см. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964 (по указателю). Его младший брат Юлиан был в 1863 г. повстанческим комиссаром Ошмянского повета.*

---

a *В тексте ошибочно* Чарноцких.

84

1863 г. октября 6.— Показания Ф. Коноплянского в Виленской особой следственной комиссии о структуре, составе и деятельности повстанческой организации Виленского воеводства

6 октября 1863 г. Склоняемый мало-помалу к сознанию, Коноплянский спрашиван и показал:

Не помню дня, кажется, в первой половине июня с. г. я встретился с Дю-Лораном, которого знал только по фамилии, и, остановясь возле своей квартиры, вступил с ним в разговор, последствием которого было предложение с его стороны, чтобы я принял участие в польской организации. Как ни был далек от того, чтобы принимать на себя какое-либо содействие в деле, противном моим убеждениям, я невольно подчинился настойчивым требованиям Дю-Лорана. Вследствие этого на другой же день Дю-Лоран явился ко мне на квартиру с каким-то господином. Предложив мне принять обязанность начальника губернии по организации [1], Дю-Лоран объявил, что все подробности, объясняющие эту должность, и сведения о лицах, с которыми поставлен буду в обязанность сноситься, я получу от пришедшего с Дю-Лораном господина. Затем Дю-Лоран удалился, и я более его не встречал. Господин этот, назвавшийся Константином (впоследствии я узнал, что он Калиновский), вручил мне номинацию и три печати: одну для меня и две для передачи начальникам городов, кажется, Лиды и Трок. Вместе с тем он объяснил, что моя обязанность будет состоять в следующем: 1) обратить самое усиленное внимание на поспешность взыскания податей, так как средства организации приходили к истощению, а потому немедленно подтвердить начальникам уездов о самом точном исполнении предписанных на этот предмет правил, сущность которых мне не была передана; 2) из числа доставляемых начальниками уездов податных сборов $^1/_8$ часть оставлять у себя на случай непредвиденных расходов, а остальные передавать ему, Калиновскому; 3) собирать, сколь возможно, точные сведения о находящихся в уездах партиях, о средствах их существования как по части продовольствия, так относительно их снаряжения и в крайних и экстренных случаях делать распоряжения самому, обыкновенно же сообщать Калиновскому для совместного со мною совещания. Кто был военным начальником в губернии, Калиновский мне не сказал. В заключение он мне объявил, что снабдит меня полною инструкциею, но я не получил ее, и назвал мне всех лиц, с которыми я должен сноситься как с начальниками уездов: Виленского — кн. Витольд Гедройц *, Лидского — Геншель**, Трокского — не помню [2], Ошмянского — Черницкий ***, Вилейского — Тукайло ****[a], Свенцянского — Танский *****, Дисненского — Обромпольский ******. Имен последних пяти и мест жительства их не знаю, все это было у меня

---

* В настоящее время арестован.
** Скрылся. Разыскивается.
*** Молодой человек, кажется, сын судьи.
**** Брат б. уездного предводителя дворянства.
***** Лет за 30 от роду, роста выше среднего, темно-русый, недалеко от Свенцян.
****** Студент, недалеко от Дисны.
[a] *Правильно — Тукалло.*

записано; на память сказать не могу. Этими сообщениями и должен был я ограничиться.

Не знаю, кто уведомил вышеозначенных лиц, но чрез несколько времени некоторые из них в разные дни явились ко мне на квартиру с донесениями, именно: Гедройц — с тем, что сбор податей по несостоятельности помещиков поступает медленно, что коммуникация в уезде весьма затруднена, что бывшие в уезде партии вышли и последняя из 30 человек удалилась по направлению в Лидский у. Черницкий — что взымание податей идет успешнее, сообщения в уезде кое-как поддерживаются, а запасы продовольствия и снаряжения на случай прибытия в уезд партии приготовлены [3]. Тукайло — что подати собраны исправно и отправлены по принадлежности еще до моего вступления в должность, почты не устроены и нет надежды их установить. Партий в уезде нет. Танский жаловался на безуспешность сборов и что все собранные им деньги потрачены на содержание партий. Некоторые из названных лиц были у меня и после того. Так, Гедройц являлся несколько раз с донесением, что часть податей скоро будет представлена и что у него в уезде нового ничего не произошло, между тем справлялся, не имеется ли каких-либо новых распоряжений. Дело кончалось тем, что последних я никогда ему не давал. Черницкий приезжал еще раз с требованием капсюльных стержней и разрядников, в которых терпелся недостаток, но так как у меня не было ни этих вещей в натуре, ни денег для выдачи ему на заготовление, то я отправил его без удовлетворения. Танский являлся с испрошением распоряжения, как поступить с 5 человеками, оставшимися по разбитии партии. На это я отвечал, чтобы Танский сам принял меры к отправлению тех людей, куда он найдет удобным [4].

Затем остальные из начальников уездов, не являясь сами, сделали несколько сношений со мною через других, а именно: от Геншеля дано было знать, не помню через какого-то господина, что партия Вислоуха принуждена была перейти к границе Царства [Польского] под Мереч. Из Трокского доносили через какого-то шляхтича, что дела расстраиваются, снабжение партий затруднено и терпится недостаток в продовольствии. Тукайло сообщал письмом, которое было принесено рано утром, когда я еще спал, а потому кто принес — того не знаю, что собрание подписей на уполномочение к подаче адреса предводителем Домейко вследствие строгости военного начальника в Вилейском у. не встретит больших препятствий. Обромпольский дал знать письмом через доктора Шимкевича, что хотя у него в уезде существуют еще достаточные запасы денег и снаряжения, но, судя по ослабевшей поддержке обывателей и общему упадку [a] духа, трудно надеяться продлить движение без иностранного вмешательства.

Обо всех этих сообщениях из уездов я тогда же передавал словесно Константину Калиновскому, равно и все получаемые письменные уведомления сдавал ему для дальнейшего распоряжения. (Калиновский на все мои требования о месте своего жительства мне не объявил, а потому все встречи мои с ним, всего около пяти раз, были или у меня, или же на улице). Затем обратно ко мне от Калиновского никаких распоряжений не было, и я сам таковых не давал ни одному из уездных начальников. Какую должность исполнял Калиновский, мне неизвестно, но я был под-

---

[a] *В тексте* общего упадка.

чинен ему и считал его членом Литовского комитета. Он неоднократно напоминал мне о необходимости избрать для себя agenturu [a], как-то: воеводских: военного начальника, контролера, кассира, экспедитора, но я, не желая принять на себя этого дела, всегда просил Калиновского, чтобы он сам этим озаботился. Между тем время шло, назначением этих лиц он медлил и даже, кажется, вовсе не распорядился. Указал мне только Сигизмунда Чеховича как занимавшего должность экспедитора, с которым все мои сношения ограничились тем, что я передал ему для рассылки по уездам бланкеты на контрадрес, когда он пришел ко мне, и был у него один раз на Скопувке в квартире рядом с домом Жабы по делу той же рассылки бланков. Более затем лиц, увлеченных потоком восстания, я никого не знал, кроме Суходольского [5] и Лавреновича (как узнал в комиссии — Лангнера) [6]. Первого из них привел однажды Калиновский и представил мне как личность, с которою я должен был сноситься в отсутствие его, после чего Суходольский приходил ко мне другой раз и получил от меня 75 руб. на свое содержание из 300 руб., принятых мною от Калиновского. В один из последующих ко мне визитов Суходольский снова получил от меня 75 руб. Вообще же Суходольский являлся ко мне за получением известий из уездов и должен был передавать обо всем, что узнает, Калиновскому. Впрочем, один раз он принес мне пачку прокламаций и газет для отправки уездным начальникам, чего я не исполнил. Кроме того, доставил мне 200 руб. из числа 500 руб., принятых им у Гедройца, в счет собранных с уезда податей. Когда составился всеподданнейший адрес, то Суходольский, встретясь со мною около Ратуши, передал мне пачку бланкетов для контрадреса. Их я отправил в уезды через Чеховича. Из слухов, ходивших по городу, я узнал, что явилось желание составить контрадрес, но где и кем он составлялся и имело ли дело это успех, я совершенно не знаю. Из 300 руб., принятых мною от Калиновского, и 200 руб. от Суходольского возвращено было, как я показал выше, 150 руб. Суходольскому в два раза, 50 руб. выдано в счет содержания Лангнеру, а остальные 300 руб. вручены предъявителю квитанции за печатью (чьей именно — не помню) и на предмет, мне неизвестный. Более денег ко мне никаких ни от кого не поступало. С Лангнером познакомился я через Суходольского, который назвал Лангнера своим помощником. Как выше упомянуто, я выдал ему 50 руб. согласно письма Суходольского и тогда же передал ему две печати для доставления начальникам городов Трок и Лиды. После того Лангнер был у меня раза два, в том числе однажды при Чеховиче, которого я и рекомендовал Лангнеру как экспедитора. От Калиновского слышал, что некто Гажич состоит комиссаром в Лидском у., но сношений с Гажичем мне не удалось иметь [7]. В период составления контрадреса от Суходольского приходил ко мне молодой человек (имени и фамилии его не знаю, но по произношению признаю за варшавского уроженца) справиться, разосланы ли бланкеты, полученные мною от Суходольского. Осведомясь, что часть их в некоторые уезды мною через Чеховича отправлена, господин тот взялся сам разослать бланки в остальные уезды. Господина этого я видел прежде гуляющим вместе с Суходольским. Однажды Калиновский явился ко мне на квартиру с инженерным офицером и, назвав его Малаховским, представил мне как начальника города. После того с Малаховским я более не встречался, сношений с ним никаких не имел и в чем заключалась его дея-

[a] *Агентуру (польск.). Далее в тексте пропуск для перевода.*

тельность не знаю. Будучи не в состоянии припомнить, кто был начальником Трокского у., могу сказать только то, что об этом должен знать Суходольский, как доставивший мне список всех служащих по уездам, который я впоследствии и уничтожил.

Франц Яков Коноплянский

Показания отбирали: ген.-майор Соболевский, полковник барон Тизенгаузен, полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, обер-аудитор Алексеев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 468, ч. 2, лл. 244—248. Подлинник

[1] *Имеется в виду должность повстанческого гражданского начальника Виленского воеводства.*

[2] *Повстанческим гражданским начальником Трокского повета был Константин Жилинский*

[3] *На очной ставке в Виленской особой следственной комиссии 12 октября 1863 г. Ф. Коноплянский сообщил, что представленный ему Юлиан Чарновский есть то же самое лицо, которое он по указанию К. Калиновского считал начальником Ошмянского у., и что именно Чарновский приезжал в Вильно с отчетами о положении в уезде (там же, л. 314). По другим данным, Ю. Чарновский был комиссаром Ошмянского у. Подробнее о революционной деятельности Чарновского см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 341; оп. 2, д. 604, лл. 91, 112, 114, 116, 121; д. 1519 и др.*

[4] *Упомянутые в документе повстанцы отряда Г. Чеховича («Остои») А. Шрейдер, Н. Греско, Л. Цвирко и др. скрывались, но в середине сентября 1863 г. были взяты в плен и показали, что А. Танский доставлял в отряд разные припасы, одежду, снабжал повстанцев деньгами, в его имениях Комаи и Бежаны заготовлялось продовольствие. По мнению Шрейдера, Танский исполнял в уездной повстанческой организации обязанности кассира. Через этих повстанцев начальник отряда Г. Чехович передал письмо и 50 руб. сестре Марии, живущей в Свенцянах. В письме он сообщил, что переходит в Августовское воеводство, и выражал надежду возвратиться весною 1864 г. в Виленское воеводство (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г. д. 280, лл. 1—6; ф. 1248, оп. 2, д. 622, лл. 71—76, 175, 179, 183 и др.; подлинник письма Г. Чеховича от 9 сентября 1863 г.— ф. 378, оп. 219, д. 12, л. 133).*

[5] *«Людвик Суходольский» — псевдоним повстанческого комиссара Виленского воеводства Мечислава Дормановского.*

[6] *Франц Лангнер — помощник Дормановского.*

[7] *Витольд Гажич (псевд. «Домброва») — повстанческий комиссар Лидского у. Военно-судное дело о нем — ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 382 (в двух частях). В деле содержатся подробные сведения о лидской повстанческой организации.*

85

1863 г. декабря 9.— Рапорт свенцянского военного начальника В. В. Брандта виленскому губернатору С. Ф. Панютину о сопротивлении крестьян Годутишской вол. Свенцянского у. устройству сельских караулов [1]

Произведенное мною расследование о сопротивлении крестьян Годутишской вол. 3-го стана вверенного мне уезда по поводу учреждения компактных караулов при сем в. п. представляя, имею честь доложить, что главные виновники бывшего сопротивления — следующие крестьяне: 1) дер. Девойси добросовестный Иван Мартынов Юкна, научавший крестьян не соглашаться на учреждение караула, [a] угрожая им [a] тем, что ежели они на сие согласятся, то пропадут, ибо будут отправлены на железную дорогу или в кр. Динабург для занятия караула, о чем добросо-

[a—a] *Карандашом исправлено* предостерегая на

вестный Юкна отдавал также приказание десятскому дер. Кацкян Станиславу Ясюлису для распространения его между крестьянами, чтобы они приходили в Годутишки на сходку, где и не соглашались бы на учерждение караула; 2) крестьянин дер. Микулишек Иван Антонов Степанян, первый выйдя из толпы крестьян во время сходки, объявил военному начальнику 3-го участка, что «караула не дадим», при этом стучал кулаком по столу, объясняя на литовском языке крестьянам, что он и знать не хочет начальства, произнося при этом и другие возмутительные выражения; 3) дер. Кацкян Матей Ясюлис, дер. Трокель Ян Бучень-Забрало и др. Девойси Семен Матеушев Троцяк — в несогласии, а тем самым подстрекательстве других не соглашаться на учреждение караула и, кроме сего, в разогнании собранного караула в канцелярии Годутишского волостного правления; 4) дер. Лозеняны Мартын Егоров Вилейто и Симон Юзефов Вилейтос, дер. Кацкян Юстин Николаев Батрис и дер. Гирдан Адам Яковлев Илгутис — в несогласии на учреждение караула, о чем во время сходки в Годутишках первые подавали голос; 5) дер. Кацкян Николай Егоров Мешкело, одобрявший поступок крестьян относительно разогнания караула, собранного в канцелярии волостного правления; 6) дер. Кацкян Станислав Семенов Ясюлис, где состоит за десятского,— в распространении между крестьянами приказания добросовестного Ивана Юкны относительно собрания на сходку, на которой не соглашаться на учреждение караула; 7) дер. Дзевгун Казимир Иванов Трецяк, по донесению военного начальника 3-го участка, обвиняется в подстрекательстве других о несоглашении на учреждение караула, чего, между прочим, делом не подтвердилось.

Поступки сии, представляя на благоусмотрение в. п., имею честь доложить, что, по моему мнению, добросовестный Иван Юкна и крестьянин Иван Антонов Степанян подлежат преданию военному суду, Матей Ясюлис, Ян Бучень-Забрало и Симон Матеушев Трецяк — выселению в Сибирь, Мартын Егоров Вилейто, Симон Юзефов Вилейтос, Юстин Николаев Батрис и Адам Яковлев Илгутис — выселению в отдаленные губернии России, Николай Егоров Мешкело, Станислав Семенов Ясюлис и Казимир Иванов Трецяк — выдержанию в остроге не менее м[еся]ца с тем, чтобы как пересылка в Сибирь и в отдаленные губернии России, а так равно и содержание в остроге — расход по сему предмету — был отнесен на счет крестьян Годутишского общества, оказывавшего сопротивление при учреждении компактного караула, и, кроме сего, я полагаю наложить на Годутишское крестьянское общество контрибуцию в количестве не менее 5 руб. сер. с тягла.

Военный начальник гор. Свенцян и уезда
полковник Брандт

ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 20, д. 528, лл. 25—26. Подлинник

[1] *О сопротивлении крестьян устройству сельских караулов в Довгелишской и Тверечской волостях Свенцянского у., а также в Трокском и Ошмянском уездах см. там же, лл. 7—11; ф. 494, оп. 1, д. 117, л. 19; ф. 525, оп. 13, д. 1075, л. 227; ф. 1248, оп. 2, д. 11, лл. 14—15, 16—37, 39; ф. 1253, оп. 1, д. 8, лл. 57—58; д. 45, лл. 1, 17, 21, 31, 99—100, 149.*

Более виновные крестьяне Довгелишской и Тверечской волостей Свенцянского у. по распоряжению М. Н. Муравьева от 6 декабря 1863 г. были высланы с семействами в Самарскую губ., а принадлежащее им имущество продано, другие наказаны розгами (ЦГИА Лит. ССР, ф. 380, оп. 20, д. 525, лл. 7—14, 17).

86

1864 г. февраля 25.— Ведомость, составленная Виленской следственной комиссией, о числе повстанцев по Виленской губ., добровольно явившихся из отрядов к 1 января 1864 г. [1]

Ведомость

добровольно явившихся из шаек мятежников по Виленской губ. по 1 января 1864 г.

	В частности	Вообще
Дворян		
Из них:		208
отставных чиновников	9	
ксендзов	1	
студентов	3	
гимназистов	2	
нигде не служивших	193	
Из них:		
менее 20 лет	48	
от 20 до 30 лет	85	
более 30 лет	21	
неизвестных	54	
Податного состояния		
мещан	64	
однодворцев	66	
казенных крестьян	140	
временнообязанных крестьян	85	
отставной унтер-офицер	1	
Из них:		
менее 20 лет	106	
от 20 до 30 лет	194	
более 30 лет	36	
неизвестных	20	

Ген.-лейтенант Веселитский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 775, л. 21. Отпуск

[1] *Ведомость была направлена виленскому губернатору С. Ф. Панютину. Датируется по препроводительному письму. См. там же, л. 46.*

87

1864 г. июля 7.— Показания поручика М. Черняка в Виленской особой следственной комиссии о своей деятельности в качестве повстанческого военного начальника Трокского повета

7 июля 1864 г. доставленный из гор. Динабурга выдававший себя за дворянина Михаила Шишко был спрошен в Особой следственной комиссии и показал:

Я уроженец Волынской губ., православного вероисповедания. Не вероисповедание, по-моему, а язык, обычай, нравы, одним словом, та среда, в которой развилась и окрепла жизнь человека, определяет его народность, и потому я всегда считал и считаю себя поляком. Я остался сиротою с самых ранних лет детства в доме дяди моего — совершенно польском; всю молодость провел в польском же обществе. Воспитание я получил в Киевском университете, после чего определился на службу в Одесский пехотный полк, откуда поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В бытность мою в академии я всегда жил в обществе офицеров поляков, корифеями которого были капитан Домбровский и Сераковский. Они имели постоянные сношения с заграничными эмигрантскими обществами, сообщали нам известия о намерениях и надеждах эмигрантов, запрещенные польские сочинения, а также собирали денежные пожертвования в пользу разных эмигрантских учреждений за границею. Но со времени выезда из Петербурга капитана Домбровского Сераковский, по недоверию ли к нам или по другим причинам, прервал сношения с нами, так что в последнее время мы ничего не знали о намерениях эмигрантов, как вдруг вспыхнуло восстание в Царстве Польском. Некоторые из моих товарищей уехали в Царство с целью присоединиться к восстанию, если [бы] оно приняло значительные размеры.

Я остался один в Петерб[урге], выжидая от времени [а] разъяснения обстоятельств. Наконец, в феврале (1863 г.) я познакомился через отставного офицера Хамца с сыном польского эмигранта французским подданным Жеромом Кеневичем [б]. Оказалось, что этот Кеневич был агентом Центрального комитета. На основании этого звания он, объявив мне, что народное восстание во всех польских провинциях принимает громадные размеры и что Франция готовится к войне за восстановление Польши, вызвал меня принять участие в восстании. Я подал в отставку, но так как в это время отставки были запрещены, то, взяв 4 марта 26-дневный отпуск у управляющего С.-П[етербургскою] комиссариатскою комиссиею (в это время я был прикомандирован к этой комиссии), отправился вместе с Кеневичем в Москву *, где ему нужно было покончить свои дела и собирать денежные пожертвования в пользу восстания от живших в Москве поляков. Из Москвы Кеневич не мог уехать раньше половины апреля, где и я с ним оставался, но как срок моему билету уже вышел, то я проживал в разных гостиницах по двое суток в каждой без всякого вида. Наконец, Кеневич покончил свои дела, достал мне, не знаю откуда, паспорт на имя Довнара и отправился в Вильно. На другой день и я выехал вместе с студентом Московского университета Домбровским туда же [1].

Прибыв в Вильно, я жил на квартире в гостинице под именем Довнара. В двадцатых числах апреля м[еся]ца Кеневич принес мне документ (мандат) с печатью Ржонда народового, которым Ржонд сей именовал меня военным начальником Трокского у. Из членов Ржонда я никого не видел и не знал, так как принято было за правило ограничиваться только крайне необходимым числом знакомств между собой. Вечером того же

---

* Отпуск я взял для отвлечения подозрения не в Вильно, а в центральные губернии России и потому уехал в Москву.

[а] *Так в тексте.*

[б] *В тексте здесь и далее* Киневич.

дня явился ко мне Сендек (б. агент Ржонда в Трокском у.) и увез меня с собою в Старые Троки, где он жил в пустом монастыре. Отсюда он уехал разузнать, где собираются шайки, а я оставался у него. Наконец, он возвратился и отвез меня 1 мая 1863 г. в шайку Любича, формирующуюся в лесу неподалеку от м. Бутрыманцы. Шайка эта состояла из 240 человек пеших и 30 конных. До моего прибытия она простояла на месте около 2 недель. Инсургенты были вооружены ружьями и косами. Из офицеров там находились Вильчинский, Колышко и третий, фамилии которого не помню. Докторов было 3. Шайка состояла почти вся из местной шляхты. Крестьян было только до 20 человек. Провиант и фураж добывали за деньги высылаемые для этого команды в окрестных деревнях и застенках. Пороху и свинцу я застал порядочный запас в лагере. До прибытия моего по распоряжению Любича повешен был какой-то ключвойт за то, что недружелюбно принял посланную в его деревню команду инсург[ентов] и угрожал, что даст знать начальству о существовании шайки.

Шайка простояла на месте при мне до 5 мая. В течение этого времени посылались небольшие команды инсург[ентов] по разным направлениям для вербования охотников и прочитывания возмутительных воззваний (манифестов Ржонда народового), С 4-го на 5-е высланные разъезды до м. Бутрыманцы узнали от жителей о движении на нас войск, а также я узнал через нарочно присланного Вислоухом о месте пребывания его шайки, которая организовалась гораздо прежде [2]. Вследствие этих известий я двинулся по направлению к шайке Вислоуха, но так как мне нужно было держаться лесов, чтобы не быть застигнутым войсками на открытой местности, то я должен был делать весьма окольный путь и был настигнут войсками 7 мая утром около мызы Полимша, не успев еще соединиться с Вислоухом. Разъезды мои заблаговременно известили меня о приближении войск, так что я успел построить шайку для боя на весьма хорошей позиции. Результаты этой стычки правительству известны, а потому описывать их не стану [3]. После разбития шайки многие инсургенты разошлись по домам и более в шайку, несмотря на мои воззвания, не возвращались. Крестьяне в этих местностях относились к нам равнодушно, однако ж доносами нас не беспокоили. После разбития часть шайки в числе до 60 чел[овек] ушла со мною, и мы ночевали в фольварке помещ[ика] Орвида [a], а другая часть с Любичем успела соединиться в Стародворских лесах с шайкою Вислоуха. Люди, которые ушли со мною, были почти без оружия: из 60 чел[овек] едва у 20 было оружие и то у некоторых без патронов.

Мы направились к Жижморским лесам [и] на дороге были встречены казачьею засадою около м. Стоклишки. Нас совершенно разогнали, так что мы почти поодиночке пробрались к прежнему своему лагерю в числе 27 чел[овек]. В таком положении нашел нас кс. Бышевский (комиссар Ржонда народового) [4] и провел нас до шайки Вислоуха. Соединившись с Вислоухом, у которого был достаточный запас провианта и несколько лишнего оружия, и оправившись, мы двинулись все по направлению к м. Ганушишкам. Между тем Сендек, назначенный мною начальником имеющей формироваться новой шайки, собрал до 70 чел[овек], захватил несколько ружей со штыками у казенных лесничих и расположился око-

[a] *В тексте* Урвид.

ло с. Рудники, о чем известил меня присланным нарочно одним из инсургентов. Я приказал ему двигаться к м. Ольконикам, куда направились и шайки Вислоуха и Любича с целью выйти из части уезда, перерезанной в двух направлениях железными дорогами, и броситься в Лидский у., где, по словам Вислоуха, были хорошие позиции и можно было надеяться набрать охотников в шайки, которых совершенно уже не было в Трокском у. В Ольканиках к нам присоединился Сендек. В местечке этом мы простояли весь день (18 мая) в казарме, устроенной для войск в пустом монастыре. Сторожа при казармах (3 солдата) во все время нашего там пребывания были арестованы. Кругом местечка выставлены были пикеты, так что никто не мог выехать из оного. В м. Ольконикax по распоряжению моему забраны были деньги из волостного управления (до 500 руб. сер.), назначенные, как видно было по книгам, для расходов по ремонтированию дорог. Вечером мы ушли из местечка по направлению к Рудникам и на другой день утром расположились в болотистом и густом лесу недалеко от дороги в Рудники. Так как Ольконики находятся только в 2 верстах от станции железной дороги, то я ожидал, что за нами немедленно высланы будут в погоню войска, вследствие чего держал шайки постоянно в готовности к принятию боя. Действительно, в 4 час. вечера мы были атакованы, выбиты из позиции и рассеяны. Часть шаек со мною, Любичем и Сендеком скрылась в прежнем лагере Сендека, а другая часть, с Вислоухом, направилась к Рудникам.

Около 24 мая прибыл ко мне в лагерь кс. Бышевский и привез мне приказание Ржонда народового отправиться в Дисненский у., где, как говорилось в приказе, я найду радушный прием и много охотников, ожидающих только начальника, чтобы выступить в лес. Вместе с этим тот же ксендз вручил мне деньги (1000 руб. сер.) для расходов по формированию шайки в Диснен[ском] у. и паспортный бланк, подписанный виленским гражданским губернатором. Прописав этот паспорт на имя дворянина Маневского, я отправился дня через 3 на место назначения следующим образом: капеллан шайки Вислоуха (кс. Товкевич) довез меня на лошади, взятой из обоза, до корчмы на большой дороге, в расстоянии около 15 вер[ст] от Вильна. В корчме этой уже ожидал меня человек, нанятый из Вильна. С этим человеком, объезжая города и местечки, я доехал до м. Глубокого в Дисненском у. в первых числах июля. Там встретил меня какой-то господин (которого я фамилии не знаю) и довез меня до шайки, расположенной в верстах в 15 или 20 от м. Глубокого в Борисовском у. в больших лесах (Цытовизна).

В шайке было 26 человек, все вооружены ружьями. Это были остатки разбитой шайки Дмоховского[5]. Инсургенты объяснили мне, что в Дисненском у. крестьяне нас ненавидят, следят за каждым шагом и сейчас же доносят начальству; вследствие этого в деревни отправляться за провиантом нельзя было. Весь запас состоял только из того, что находилось у лесничего, вблизи которого была расположена шайка. Выждав на месте 5 дней, я удостоверился, что мы совершенно обмануты и оставлены всеми. В шайку не только не являлся никто из охотников, но даже ни один агент Ржонда, от которого можно было бы узнать, что нам делать дальше. При таком положении я бродил с шайкою по лесу, постоянно переменяя места расположения. Проходив таким образом более 2 недель, мы встретили в лесу крестьянина, отправляющегося на сенокос. Крестьянин этот донес об нас, потому что на третий или четвертый день после встре-

чи с ним войска напали на одно из мест нашего расположения (мы везде строили шалаши), но мы были в это время верст за 5 от этого места и слыхали крики, с какими солдаты и крестьяне бросились на наш лагерь. Наконец, запаса провианта оставалось весьма мало. Вследствие этих причин я решился распустить шайку, что и сделал 28 июня.

Мы разбрелись по 2 и 3 человека по лесу в разных направлениях. Со мной отправился один дворянин Вилейского у. (фамилии которого я не знаю), знающий хорошо местность. Он провел меня к своему знакомому, у которого и прожили больше года. О месте моего пребывания я говорю весьма неопределенно вот почему: хозяин наш, движимый единственно чувством сострадания к жертвам увлечения и обмана, какими мы были, берег и кормил нас больше года, подвергаясь опасности лишиться вместе с семейством всяких средств к жизни, если бы нас у него нашли. Отплатить ему за это преданием суду я считаю в высшей степени подлым и низким поступком и не решусь на оный даже для спасения жизни. Узнав, что нынешнего лета в городах и деревнях караулы сняты, я решился пробраться через Ригу за границу и уговорил сделать то же и товарища моего. По моей просьбе хозяин наш достал один паспортный бланк (откуда и каким образом — не знаю). Печать Ликененской вол. была в шайке, ее привез из Вильна еще мой предшественник Дмоховский. Товарищ мой знал хорошо Динабург и его окрестности и имел в этом городе знакомых. Таким образом, я составил себе паспорт, а печать закопал в землю. Товарищ же мой составил пропускной крестьянский билет, к которому приложил печать (не помню, какой волости), им же самим вырезанную ножиком на камне. Печать эта была приложена так неясно, что нужно было весьма внимательно всматриваться, чтобы заметить, не совсем ловкую вырезку букв на оной. Хозяин наш отослал нас на лошадях до Двины, где мы сели на нагруженную лайбу (между Полоцком и Дисною). По дороге лайба прибывала к берегу в Дисне, Дриссе, Креславке [a], но видов никто у нас не спрашивал, и мы прибыли благополучно в Динабург 2 июля вечером; ночевали за городом. На другой день вошли опять в город, и товарищ мой отправился к своим знакомым, взяв с собою мой паспорт, а я, в ожидании его гулял по городу. После обеда, около 3 час., мы опять сошлись на условленном месте (на дамбе против тюремного замка), и я получил свой паспорт уже заявленным к выезду из города. Ночевали опять там же, где и накануне. 4 июля в 10 час. утра я отправился в путь, взяв с собою только часть денег. Товарищ мой провожал меня и видел, как меня арестовали. Паспорты мы имели с разными печатями именно на тот случай, что если одного арестуют, то чтобы другой мог вернее уйти.

Вот все, что я могу сказать.

Мое признание может показаться неполным, так как там очень немного упомянуто фамилий, но нужно принять во внимание, что родом я не здешний, здесь никого решительно не знаю. В Вильне и Динабурге был в первый раз в жизни, притом революционная организация основана была на строгой тайне, я же пробыл все короткое время моих преступных действий в лагере, да и по принятой системе старался избегать всяких знакомств и ненужных сношений. Псевдоним мой был Лада.

Б. поручик Черняк

---

[a] *В тексте ошибочно* Краславке.

P. S. Вполне сознаю, что преступление мое тяжкое, тем тяжелее, что у меня не достало духа добровольно явиться для принятия заслуженного наказания, и потому даже не смею просить комиссию о ходатайствовании за меня перед начальником края.

Показание отбирали: полковник Лосев, майор Шпейер, капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1083, лл. 109—112. Подлинник

[1] *В публикуемом показании М. Черняк скрыл свое участие вместе с Иеронимом Кеневичем в так называемом «казанском заговоре». О поездке в Казань и участии в подготовке восстания в Поволжье он сообщил в показании от 27 июля 1864 г. См. сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2, М., 1963, стр. 432—435.*

[2] *О создании отряда Ф. Вислоуха см. прим. 5 к док. 45.*

[3] *Несмотря на упорное сопротивление, повстанцы потерпели в этом бою поражение, после чего отряд рассеялся; с обеих сторон было много убитых и раненых.*

[4] *Кс. М. Бышевский — повстанческий комиссар Трокского повета.*

[5] *Повстанческий отряд Г. Дмоховского был разбит 11 мая 1863 г. в Поречье Борисовского у.*

88

1864 г. октября 30.— Показания столяра Я. Волка в Виленской особой следственной комиссии о составе и действиях отрядов Посербского, Любича и Вислоуха

1864 г. октября 30 дня в Виленской особой следственной комиссии призванный к допросу называющий себя Андреем Заблоцким после сделанного ему увещания сознался и показал:

Зовут меня действительно Иваном Викентьевым Волком, 25 лет от роду, католик, крестьянин Виленского у. из м. Лаваришек. Родителей не имею, они жили за гор. Вильно на предместье Поповщизне, занимались хозяйством, имели дом верстах в 3 от города и землю, которою теперь владеет Стробейко. Здесь, в Вильне, я обучался столярному мастерству у Поплавского, имеющего собственный дом на Голубовичском переулке. У него был на обучении около 10 лет. Тому уже лет 6 как отошел я от Поплавского, был месяца с 3 у столяра Быховца, живущего тогда на Бакште. От Быховца я поступил на работы при устройстве тоннеля под Вильном, которыми занимался около 3 месяцев, и столько же времени находился на ст. Ландворово. Потом около года в Ландворово занимался при постройках в имении г. Тышкевича. По окончании там работ я поступил к столяру Ракицкому, жившему на Заречье возле креста. У него я находился за подмастерья около 3 м[еся]цев, и точно он обжаловал меня в полицию, и я от него отошел опять к Тышкевичу в Ландворово, где тоже пробыл несколько месяцев, после перешел в Вильно к механику Миллеру, а от него отправился в Поневеж, где занимался столярной работой у Секлюцкого около 5 месяцев.

Возвратясь оттуда в Вильно после пасхи [a], я из Вильно уже, без всякого подговора, сойдясь на улице со служившим в губернском правле-

[a] *24 или 31 марта.*

нии знакомым мне Шиховским, по обоюдному желанию отправились вместе из Вильна для поступления в шайку в лес Одынца в Трокском у. Здесь поясняю: когда я воротился из Поневежа, то брата моего Михаила я уже не застал в Вильно и соединился с ним после. Из Вильно с Шиховским и Иваном Жилинским, учеником 7-го класса гимназии, мы отправились прежде в м. Бутриманцы, милях в 10 от Вильно. В Бутриманцах к нам присоединились один аптекарь, которого фамилии не знаю, но там только одна аптека, и помещик Эйнарович, по имени, кажется, Викентий, и впятером уже отправились в лес Одынца, верстах в 7 от Бутриманцев. Возле леса нашли уже около 30 человек, собравшихся тоже в шайку, из коих помню фамилии только некоторых, и именно: Вильчинского [а], артиллерийского офицера, поручика или капитана, того наверно не знаю и имени не помню, Ребиндера, поручика, землемера Шушкевича, помещиков Петровского, Кирклевского, имен их не знаю, последние Трокского у., Юлиана Ясинского, кажется, служившего в Вильне где-то в канцелярии, Пацевича или Пацкевича, который был ключвойтом в Бутриманцах, Фенцкого, кажется, из университета, двух братьев Леговичей, кажется, из Трокского у., ученики, татарина Туган-Барановского, еще одного Ясинского, которого имени не знаю, Бартошевича, тоже университетского студента, и помещика Малаховского, должно быть, где-то обучавшегося в училище, по имени, кажется, Максимильяна, более названий не помню.

Там мы простояли 3 недели. В это время к нам прибывало почти ежедневно довольно много охотников: сначала двое братьев-студентов Гражевичей, двое Яцунских, кажется, ученики, помещики Трокского у. Цвичинский, Червинский, имен их не знаю, Радванский, который сидел в Францишканах, помещики Витольд Скаржинский [б], Юзеф Скаржинский и Богдзевич. По прошествии недели к нам привел Феликс Колышко (брат повешенного) из Вильно еще 35 человек. Из этого числа помню дворянина Яна Яблонского, откуда он, не знаю, Барбаревича, кажется, францишканского клерика из Вильно. С неделю мы не имели начальника, потом к нам прибыл с железной дороги Посербский, от Народного жонда [в] назначенный военным начальником [1]. Шайка наша увеличилась и состояла из 350 человек, одною частью начальствовал Вильчинский, другою — Колышко, а над ними начальствовал всей шайкой Посербский. У нас были 3 еврея кузнеца, названий их и откуда они, я не знаю. Они осаживали косы, поправляли оружие, ковали лошадей. Кавалеристов было около 60, ими командовал ротмистр Чудовский.

Посербский имел более 50 лет, он с шайкой никуда не двигался, за это им были недовольны, и его сменили, на его место прибыл Любич, который и принял начальство только над нашей шайкой. Над всеми же шайками был начальником вместо Посербского Ладо [г], он уже распоряжался всеми как главный наш начальник. Пред 1 мая Кирклевский и Жилинский упросились у Любича, чтобы испросить себе по объявленному манифесту прощение, и были отпущены. Когда услышали, что на нас идет много войска, мы пошли дальше в леса, следовали 3 дня и 2 ночи и около Шешоль имели первое сражение с войсками, около 10

а *Помета на полях карандашом* бежал за границу (пок[азание] Казигродск[ого]).
б *Помета карандашом* под судом.
в *Rząd Narodowy — Национальное правительство (польск.).*
г [sic: footnote mark ¹] *Лада — М. Черняк.*

или 15 июня [а][2]. После этого сражения, через неделю, мы соединились с Вислоухом около какого-то имения, там мы простояли 3 дня, и я нашел в той шайке своего брата Михаила. Оттуда пошли в Ольконики, там простояли день в казармах, туда пришел Сендек, и вместе ушли в Рудницкие леса. Это было в первый день сошествия св. духа [б], и в тот же день было сражение, во время которого Сендек от нас отделился. Мы отправились под м. Вороново. Здесь шайки опять разделились, одну принял Любич, а другую Вислоух, и назначили маршрут, чтобы опять потом соединиться в лесу Городецком гр. Потоцкого.

Из-под Вороново я под видом болезни и изнурения от переходов ушел в Вильно. О брате моем Михаиле я уже не помню, был ли он в отлучке из шайки или в ней еще оставался. Вместе с братом пробыл я в шайке Вислоуха не более 2 недель. В шайке были еще поручик Генрих Кулеша и его неродной брат Владислав Кулеша (в войсках не служил), они были в числе собравшихся в лесу Одынца 30 человек. В том же лесу до 1 мая был повешен ключвойт по приказанию Любича. Название того ключвойта Скирневич, но откуда он, того не знаю, допросы с него снимал Колышко. Я не только в повешении его не участвовал, но и не находился при повешении. Для этого назначенные из шайки люди были отосланы версты за 2 от шайки, с ними был Червинский, других не помню. Я, кроме службы с ружьем и обязанности сражаться в рядах повстанцев, ни к каким другим поручениям употребляем не был и таковых не исполнял.

В шайку приезжали два ксендза в лесу Одынца. При приезде первого ксендза была собрана вся шайка вокруг него, и он говорил нам проповедь, благословлял и окропил всех людей священной водой. После него на третий день приезжал другой ксендз, помоложе, он исповедывал в партии и приобщал св. тайн, но не всех, потому что многие, отправляясь в шайку, были уже у исповеди. Откуда были приезжавшие ксендзы и как они называются, того не знаю, и больше ксендзов к нам в шайку не приезжало.

Из шайки я отправился в Вильно к Гоувальдовой, у нее застал тогда кс. Волнистого, других лиц, бывших у нее, не могу припомнить. От Гоувальдовой я отлучался иногда не надолго, пробыл у нее, однако, с 3 недели. Приходившим к ней видел раза два Рогалинского, но кто он — не знаю, ни занятий его, ни места жительства. Во время пребывания у Гоувальдовой меня известил Максимилиан Лемишевский, служивший где-то в канцелярии, что меня отыскивают, и тогда мне присоветовали уйти из Вильно. Тогда же пришедший к Гоувальдовой Адам Чечот (служил в лавке напротив театра) дал мне 25 руб. с общих собранных на вспомоществование повстанцам денег. Чечот, кажется, ушел в Царство Польское.

Собираясь уйти из Вильно, я встретился сначала с сыном часового мастера Иосифом Биркле на Полицейской ул., против дома Огинского. Биркле объявил мне, что не знает, куда ему деваться, что его отыскивают, а потому я и предложил ему идти вместе со мною. Мы накупили хлеба, колбас, взяли с собою водки и, идя по Св. Стефанской ул., против

[а] *Далее в тексте* во время этого сражения Сендек от нас отделился. *Фраза взята в скобки, сверху указано* Это ошибочно написано.

[б] *13(25) мая. В действительности стычка в Рудницких лесах произошла 19(31) мая.*

красного двухэтажного дома встретили Константина Стробейку, бывшего в шайке. Тот сам напросился с нами, и мы втроем отправились в Трокский у., в леса около речки Меречанки, милях в 5 от Вильно. Там пробыли с 2 месяца, и я, оставив их на месте, отправился в Вильно для покупки табаку. В Вильне я пробыл дней с 10; возвратясь, нашел присоединившихся к оставленным мною товарищам еще Червинского (по имени, кажется, Ипполит), Цвецинского, Мацеевского (имени обоих не знаю) и Станислава Туриковского. Тогда пробыли на этом месте 1 день, и Цвецинский нам посоветовал изменить место своего укрывательства и завел нас в лес около им. Янулишек, принадлежащий Цвецинскому, верстах в 5 от прежнего места нашего пребывания. Здесь нам съестные припасы доставлял Цвецинский, но из своего ли фольварка брал таковые или в другом месте, того не знаю. С ними я пробыл с месяц и отправился снова в Вильно, где пробыл 4 дня и, возвратясь, не нашел уже Биркле, Туриковского и Мацеевского. Оставались только Стробейко, Цвецинский и Червинский. С ними пробыл еще с месяц и уже позднею осенью возвратился в Вильно.

Здесь пробыл зиму, днем ходя по улицам в городе, на ночлеги же ни к кому в доме не заходил, несколько раз переночевал в костелах св. Иоанна и Бернардинском, а иногда на станции железной дороги, сказываясь будто бы отправляющимся по железной дороге и спрашивая таких поездов, которых нужно дольше ожидать, так что когда ковенский, я сказывался, что мне нужно в Гродно, а когда приходил последний поезд, я, отдохнувши уже, подобно приехавшим пассажирам, отправлялся со станции в город. Днем я бывал во всех шинках и очень часто в театре и на маскараде.

С наступлением весеннего времени я пошел снова отыскивать укрывающихся повстанцев и оставленного в лесу Цвецинского. Нашел там же укрывавшихся Цвецинского, Червинского и Стробейку. Они вооружены: Цвецинский имеет 2 пистолета и винтовочное ружье [a], Стройбеко — шестиствольный револьвер, а Червинский имеет большую палку. Я от них отлучился раза два в Вильно и, побывши здесь недели с 2, возвращался опять к ним. Последний раз оставил их около половины мая.

Когда я жил у столяра Ракицкого, я не знал Желиговского, помню, что приходил какой-то мальчик, но я тогда не замечал его. В прошедшем году не помню, чтобы его встречал, а познакомился в апреле нынешнего года, точно он меня узнал, поклонился и завязалось знакомство. Виделся с ним не каждый день, но всего раз пять, он угощал меня, и также я его. К еврею в том доме, где Августианский костел, я заводил его всего один раз, а в другой раз угощал его в шинке на Виленской ул. и деньги за набранные припасы я всегда платил. К Загорским на Поплавской ул. я заходил с Желиговским два раза, но о бытности моей в шайке и об укрывательстве моем никто не знал, кроме Желиговского, которому я точно показывал имевшееся у меня свидетельство на имя Андрея Заблоцкого, которое я приобрел в бытность в шайке и весною потерял его в лесу Антокольском, в который ходил спать. Желиговский обещал выстараться для меня паспорт. Когда я отправился в шайку, я имел собственных мною заработанных денег 40 руб. сер., и случилось мне после убитого незнакомого мне господина найти при нем 75 руб. и золотые

---

[a] *Т. е. нарезное ружье, винтовку.*

часы, последние взял подошедший к тому же убитому Бельский, а 25 руб., как показал выше, я получил от Чечота.

Бейнара я не знал вовсе и его не видел, но перед арестованием меня недели за 2 или за неделю [а] я видел здесь в Вильне Вислоуха. Я встретил его на Большой ул. на амбарах. Он шел вниз один, был одет в пальто из фильштуха [б], штаны серые, шапка из толстой шелковой материи, он носит довольно большие черные усы, лицо довольно грубое, немного овальное, лоб высокий, волоса на лбу выползши, нос умеренный, росту вершков около 6 [а]; он в шайке имел бороду, настоящее название его гр. Феликс Неселовский [3]. Я бы не узнал его, но, увидя меня, он, остановившись, сам отозвался ко мне «А! Волк! Як се маш?[в]. Не узнаешь меня?» Тогда я узнал его по голосу и спросил о его здоровье. Он ответил, что здоровье его плохо, но что имеет теперь паспорт и едет за границу. Так всего один только раз его видел. Настоящее название Вислоуха я узнал случайно, увидевши принесенное к нему письмо с надписью: Феликсу гр. Неселовскому.

С Загорскими я познакомился через сына их в театре. Быв на галерке, я уступил возле себя место сыну Загорских Иосифу. После, встретясь с ним на улице, я попотчевал его водкой, и он завел меня к своим родным, которым я сказал, что называюсь Иваном Волком, что служил на железной дороге и ожидаю места. В маскараде я был без маски и ходил, пока еще не требовали, чтобы гражданские лица были во фраках. Со столяром Ракицким я, когда отошел от него, тому уже года с 4, с ним более не виделся и не встречался и почему он от меня отрекается, не постигаю. Я хотя приписан к м. Лаваришкам, но там никого ни родных, ни знакомых не имею.

Еще добавляю, что перед выходом в шайку Шиховский указал мне кн. Масальского, что от него я могу получить билет, по которому мог бы беспрепятственно следовать через заставы, где без видов не пропускали. Билет, мне данный, был с печатью полиции за подписью Эслингера [г]. За этою подписью я видел в шайке билеты у многих, но каким путем они получили, мне неизвестно. Вином виноградным я Желиговского не угощал и никогда такового не покупал, а угощал его хорошей водкой. Выше написано ошибочно, что в другой раз угощал его на Виленской ул., там он меня угощал, а я его заводил только в шинок на Заречье, где Августианский костел. Как называется еврей — содержатель шинка, Меер или иначе, того настояще [д] не знаю. Не признавался к своему действительному названию, полагая, не было ли сделано на меня каких особенных обвинений, так как меня уже разыскивали и я долго укрывался, а потому и боялся признаваться, что называюсь Волком [4].

Jan Wincentego syn Wolk

Допрашивали: полковник Лосев, майор Шпейер, аудитор Федоров

ЦГИА Лит.ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1696, лл. 43—47 об. Подлинник

[а—а] *Подчеркнуто карандашом. На полях помета N3*. Справиться, не был ли взят паспорт гр. Неселовского.

[б] *Filztuch — фетровая ткань (нем.).*

[в] *Jak się masz? — Как поживаешь? (польск.).*

[г] *Помета.* Был ли?

[д] *Т. е. доподлинно.*

[1] *По-видимому, ошибка: повстанческими военными начальниками Трокского повета в разное время были К. Корево, К. Дален, М. Черняк, Ф. Вислоух.*

[2] *Ошибка в датировке. Имеется в виду сражение близ им. Полимша, происшедшее 7 мая 1863 г. См. док. 87 и прим. 3 к нему.*

[3] *Предположение Волка ошибочно: Вислоух — подлинная фамилия.*

[4] *Из других показаний Я. Волка явствует, что он и его брат Михал были поставщиками различных продуктов и амуниции для отрядов Любича и Вислоуха. Я. Волк с этой целью часто приезжал в Вильно, где в доме на углу Остробрамской и Субочь, в квартире, в которой проживали Лемишевский и Биркле, он получал косы, белье, сапоги, сахар и пр., а также газеты и все это отправлял в отряды. При этом ему посредничали Рогалевский и Станкевич. Некоторое время Я. Волк находился в отряде Любича, был унтер-офицером и имел в своем подчинении косинеров; он был также в отряде Вислоуха. См. там же, лл. 56—61, а также комментарий к док. 63.*

89

1863 г. января 31.— Донесение ковенского жандармского штаб-офицера И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о настроениях населения Ковенской губ. в связи с началом восстания

По поводу продолжающихся беспорядков в Царстве Польском сильное волнение между польским дворянством Ковенской губ. не прекращается. В настоящее время дворянство разделилось на две партии. Одна из них настаивает на поддержании польского восстания, другая считает всякое революционное движение теперь несвоевременным. По слухам, первая, т. е. революционная, партия во многих местах берет верх и назначила даже 2 февраля для произведения общего нападения на русских в губернии. Об этом слухе известно местному и военному начальствам и приняты меры к предупреждению нечаянных нападений. Хотя революционная партия не может рассчитывать на успех своего предприятия, однако она полагает, по-видимому, обязанностью каким-нибудь беспорядком заявить сочувствие свое к польскому восстанию. Для поддержания мятежного духа в этой партии злоумышленники распространяют толки, что правительство не смеет поступать строго и решительно с возмутителями, ссылаясь на то, что никто еще из взятых в плен с оружием в руках не был осужден и казнен. С этой целью в Ковне на стенах появились объявления, будто бы от Центрального польского комитета, с угрозою, что все лица, которые утвердят смертные приговоры и приведут их в исполнение над содержащимися здесь пленными, подвергнутся самой мучительной смерти. В этом же роде угрожающее письмо было прислано к начальствующему войсками в Ковенской губ. ген.-лейтенанту Лихачеву, выказывающему много энергии в усмирении мятежа.

На днях получено мною сведение, что в Вилкомирском у., близ м. Погиры, начинает образовываться скопище злоумышленников. 26 января три вооруженных человека остановили на дороге за Погирами трех раскольников и хотели вести их в комитет для записания в число мятежников. При этом люди эти говорили раскольникам, что число мятежников простирается до 2000 человек, что они имеют много оружия, что главные их предводители — помещики Толочко и Довнорович, из которых первый называется польским полковником, а второй — генералом, и что у Толочки бывают ежедневные сборища для учений и приготовления к бою.

О сведении этом я сообщил ген.-лейтенанту Лихачеву и ковенскому губернатору. Ген.-лейтенант Лихачев предложил отправить к м. Погирам эскадрон кавалерии и роту пехоты для произведения обысков у помещиков Толочки и Довноровича и захвачения там подозрительных людей. О последствиях этого распоряжения я буду иметь честь донести в. с.[1]

Рекрутский набор идет во всех присутствиях довольно успешно, и можно надеяться, что будет окончен благополучно.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 15, лл. 7—8. Подлинник

[1] *В донесении И. Н. Скворцова от 20 февраля 1863 г. сообщалось о командировании к м. Погирам двух эскадронов драгун и роты пехоты. Повстанческих отрядов обнаружено не было. Братья Люциан и Эдуард Толочки скрылись, а в их имении был арестован дворянин Игнатий Ясюкевич, только что приехавший из Вильно. В принадлежащем ему свертке оказалось 162 экз. манифеста Центрального национального комитета, засвидетельствованных печатью Литовского комитета (см. там же, лл. 18—21).*

90

1863 г. февраля 12.— Отношение попечителя Виленского учебного округа А. П. Ширинского-Шихматова В. И. Назимову о введении военной охраны в Ковенской гимназии и других учебных заведениях округа в связи с волнениями учащихся

По случаю открывшихся в Ковенской гимназии беспорядков в. вп. для водворения в ней спокойствия и тишины признали возможным, согласно моей просьбе, назначить 1 штаб-офицера и 10 унтер-офицеров, с 8 до 3 час. пополудни ежедневно, из находящегося в Ковне полка[1].

Признавая полезным распространить меру сию и на прочие гимназии вверенного мне округа, в коих по случаю настоящего волнения умов может быть нарушен порядок, я имею честь покорнейше просить в. вп., не изволите ли вы признать возможным дать предложение г. г. военным начальникам, дабы они, не ожидая от своего начальства предписания, в случае требования директоров гимназий и инспекторов прогимназий оказывали им тотчас содействие к водворению порядка и [в] поставлении унтер-офицеров: в гимназии — 10, а в прогимназии — 6 из квартирующих в тех местах полков с 8 до 3 час. пополудни[2].

Попечитель кн. Ширинский-Шихматов.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 26, л. 19. Подлинник

[1] *Впервые военная охрана в связи с волнениями учащихся была введена в Минской гимназии (см. док. 223). О характере волнений среди учащихся Ковенской гимназии и тревоге царских властей в связи с этими волнениями можно получить представление из отношения А. П. Ширинского-Шихматова В. И. Назимову от 6 февраля 1863 г.:* После многократных жалоб со стороны преподавателей, последовавших на учеников преимущественно V и VI классов, собрано было 31 января чрезвычайное заседание педагогического совета, в котором единодушно постановлено дурно ведущих себя 16 учеников из IV и 8 из V класса исключить из заведения. При объявлении ученикам IV и V классов сего определения 1 февраля не только исключенные, но и все ученики сих классов вышли из гимназии [...] Находя необходимым оставшихся учеников в Ковенской гим-

назии оградить от преследования товарищей их, исключенных из гимназии, я имею честь покорнейше просить в. вп., не изволите ли признать возможным, по примеру Минской гимназии, командировать на время в Ковенскую гимназию 1 штаб-офицера и 10 расторопных унтер-офицеров, с 8 до 3 час. ежедневно, из находящегося в Ковне полка, равно и приказать выслать из Ковно [...] исключенных учеников, имеющих весьма вредное влияние на товарищей *(см. там же, лл. 6—8)*.

[2] *Предписание В. И. Назимова губернатору Г. А. Кригеру от 18 февраля об исполнении просьбы попечителя см. там же, лл. 12—13; соответствующее предписание военным начальникам — лл. 15—16 и 19.*

91

1863 г. марта 3(15), им. Ужусоль Ковенского у.— Подписанный помещиком Я. Акко акт о безвозмездной передаче крестьянам земли в собственность [1]

Ja, Jan Akko, od dnia dzisiejszego stosując się do woli najwyższej władzy narodowej, ziemie będące dotąd w posiadaniu włościan osiadłych w moich dobrach, oddaję im na zupełną własność, bez wszelkich na to z ich strony zobowiązań się i wynagrodzeń, co własnorecznie stwierdzam podpisem.

Jan Akko

1863 r. miesiąca marca 15 dnia w majętności Użusole

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1 д. 536, л. 34. Подлинник

ПЕРЕВОД

Я, Ян Акко, с сего дня, в соответствии с волей верховной национальной власти земли, находившиеся до сего времени во владении проживающих в моих поместьях крестьян, отдаю им в полную собственность без каких бы то ни было с их стороны обязательств и возмещения, что и подтверждаю собственноручной подписью.

Ян Акко

1863 г. 15 марта в им. Ужусоль

[1] *Акт составлен помещиком по требованию повстанцев отряда Трокского у., возглавляемого Э. Кучевским (см. док. 51).*

92

1863 г. марта 9.— Записка вилкомирского исправника В. И. Муратова В. И. Назимову об активизации деятельности «партии движения» в Вилкомирском у. и массовом отказе крестьян исполнять повинности в пользу помещиков

Как только стали ходить слухи о беспорядках в Царстве Польском, заметно начались между жителями волнения, свободные мысли и толки. При строгом наблюдении за всеми действиями, в особенности помещиков, открылось, что молодые дворяне под видом навещания друг друга начали открывать совещания насчет замыслов восстания и предпринимали уже действие, а именно: трое братьев Косско, двое Стоммы и двое

Толочки[1]. Первоначальное открытие преступных замыслов было затруднительно, потому что все крестьяне находились в страхе открывать о чем-либо, а когда увидали, что виновные помещики арестуются, то сами приходили и объявляли. По принятым мерам высшего начальства и в особенности по взятии некоторых помещиков, оказавшихся как бы руководителями молодых дворян, в настоящее время почти все пришли в страх.

Из отзывов настоящих помещиков видно, что они все находились в величайшем страхе, потому что молодые дворяне, разъезжая повсюду, требовали всеобщего восстания и большого вспомоществования деньгами и лошадьми, а также отдачи безвозмездно крестьянам в их владение наделенной земли, чтобы через это подвигнуть и крестьян к восстанию; в противном случае угрожали нападением, взятием силой с лишением их жизни, а потому многие из них оставили свои имения, уехали в другие губернии и города.

По общим слухам, с большой энергией в оном действовали из числа посредников Бутлер, Дроздовский и Климович и двое артиллерийских офицеров Малецкие[2]. Последние, состоя на службе, проживают в имениях своих отцов под видом командировок к посредникам Малецкому и Климовичу для размежевания земли, находятся без всяких занятий, о чем мною 27 февраля за № 120 донесено начальнику Ковенской губ. на распоряжение к возврату Малецких на действительную службу, а с посредниками поступить по усмотрению, чтобы пресечь их действия, клонящиеся к возмущению.

Что касается до крестьян, то они не только не сочувствовали и не сочувствуют помещикам, а, напротив, оказывают явное к ним нерасположение, а с 19 числа февраля начали оказывать к ним даже большую ненависть, простирающуюся до того, что почти все отказываются от исполнения следующих по уставным грамотам повинностей, платежа оброка и справления барщины, несмотря на сильные убеждения со стороны полицейских чинов и посредников[3]. О чем мною представлено начальнику Ковенской губ. 27 февраля за № 491 и 2 марта за № 523 с испрашиванием разрешения, какие должно принять меры, чтобы понудить крестьян к исполнению уставных грамот.

Вилкомирский исправник Муратов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 4, лл. 14—15. Подлинник

[1] *О повстанческой деятельности братьев Э. и Л. Толочко см. док. 89 и примечание к нему.*

[2] *Речь идет о видных участниках восстания 1863 г. в Ковенской губ. Каспере и Доминике Малецких.*

[3] *В 1863—1864 гг. в Ковенской губ. повсеместно продолжалось крестьянское движение против реформы. Оно выражалось в отказе крестьян исполнять повинности в пользу помещиков (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 202, 206, 207, 211, 212; ОО, 1863 г., д. 1672, лл. 3—5; ф. 655, оп. 1, д. 3, лл. 76—77, 176 и др.), самовольном выпасе скота в помещичьих лесах (ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 214—215), неповиновении крестьян официалистам (ф. 378, ПО, 1864 г., д. 2032, лл. 42—43; ф. 1251, оп. 1, д. 38, лл. 34—37) и т. д.*

93

1863 г. марта 9.— Предписание командующего войсками в Ковенской губ. Е. И. Майделя тельшевскому военному начальнику Ф. К. Фишеру усилить охрану побережья близ Палангена ввиду предполагаемой выгрузки оружия повстанцами

Дошло до сведения, что в м. Палангене или в окрестности его будет выгружаться оружие, имеющее прибыть из-за границы для снабжения мятежников [1]. Чтобы усилить пункты, находящиеся близ Палангена, я перевожу две роты из м. Кельм [а] в м. Плунгяны, которыми вы и можете располагать в случае, если бы дошли до вас сведения о выгрузке оружия. Роты прибывают в Плунгяны 15 числа сего месяца.

Предлагаю к непременному исполнению, чтобы ружья были заряжены, но капсюли надевать не нужно, после же перестрелки ружья следует разрядить и вымыть ружье насухо [б], снова зарядить. Ружья должны быть заряжены и у инвалидных команд.

Командующий всеми полевыми войсками,
в Ковенской губ. расположенными,
ген.-лейтенант барон Майдель

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 1, л. 13. Подлинник
Опубл.: Архивные материалы Муравьевского музея..., ч. 2, стр. 84

[1] *Имеется в виду морская экспедиция повстанцев из Лондона на пароходе «Ward Jackson». См. сб. «Русско-польские революционные связи», т. II. М., 1963, стр. 5, а также: В. М. Зайцев. Морская повстанческая экспедиция к берегам Литвы в 1863 г.— Сб.: К столетию героической борьбы за «нашу и вашу свободу». М., 1964, а также прим. 7 к док. 13.*

94

1863 г. марта между 25 и 30 [1].— Приказ командира повстанческого Дубисского полка Б. Колышко помещику им. Добушишки Россиенского у. М. Довгирду прекратить взимание повинностей с крестьян [2]

Господину Михаилу Довгирду

Проходя через вашу дер. Добушишки, мне жаловались, что вы, несмотря на народный манифест, требуете от них платы и гоните на барщину. Я принужден был созвать крестьян и объяснить им, что они свободны и что земля принадлежит им, а потому они не обязаны исполнять повинностей и что вы делали это только по неведению. Для избежания всяких бедствий, могущих пасть и на вас и на отечество, обязываю под строгою ответственностью созвать волость, объявить волю народного правления и прекратить всякие вымогательства, в противном случае я вынужден буду стать в обороне прав народа.

Начальник Дубисского полка Б. Колышко.

Адъютант А. Стырпейко

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1298, л. 87. Перевод с польского [3]

[а] *В тексте Хелм.*
[б] *Так в тексте.*

[1] *Из материалов следствия явствует, что отряд Б. Колышко проходил через дер. Добушишки на страстной неделе, т. е. между 25 и 30 марта.*

[2] *О том, что крестьяне, несмотря на повстанческие декреты, продолжают работать на помещика, Колышко узнал из расспросов крестьян. Публикуемый приказ был послан Колышко помещику через одного из крестьян. Одновременно Колышко объявил о прекращении работ крестьянам.*

[3] *Подлинник не сохранился.*

95

1863 г. апреля 23.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о действиях повстанцев и настроении различных слоев населения Ковенской губ.

Секретно

Дипломатическое вмешательство многих европейских правительств в польский вопрос оказывает весьма вредное влияние на здешнее польское население и поддерживает в нем дух мятежа и своеволия. Оно составляет одну из главных причин, по которым манифест 31 марта[1] не имел здесь никакого успеха. Поляки совершенно уверены, что если они будут продолжать волнение, то успеют возбудить европейскую войну, последствием которой будет восстановление Польши со всеми западными губерниями России. В этих видах, позволяя себе издеваться над манифестом, они не только не спешат положить оружие, но, напротив, всеми мерами стараются распространить мятеж. Слух есть, что Центральный польский комитет предписал поголовное восстание поляков к 1 маю и отдал приказ всем офицерам и чиновникам польского происхождения выйти к тому же сроку из русской службы[2]. Вероятно, вследствие этого распоряжения беспрерывно поступают просьбы об отставке от чиновников всех ведомств и от мировых посредников.

Число мятежных шаек в последнее время в Ковенской губ. значительно увеличилось. Кроме местных жителей, в шайки эти прибывает много разных лиц из других губерний, из Царства Польского и даже из-за границы. Один из главных предводителей мятежников — Колышко, сын эмигранта и воспитанник польской военной школы, отличающийся особою жестокостью, прибыл из Парижа[3]. Так как десант иностранных войск в случае европейской войны ожидается поляками в портах Курляндии, то назначение собравшихся здесь шаек имеет, по-видимому, целью способствовать этому десанту и подготовить к восстанию сельское население Ковенской губ., долженствующей, по мнению поляков, сделаться главным театром военных действий. Не надеясь, однако, достигнуть этого ложными обещаниями и патриотическими возгласами, мятежники действуют на простой народ терроризмом и стараются парализовать власть правительственную. Тщательно избегая столкновений с войсками, они появляются везде, где считают себя безопасными[a], нападают на становые квартиры и сельские управления, уничтожают в них дела, овладевают крестьянскими кассами и сельскими магазинами, разбивают почты, грабят дома помещиков, не причастных к мятежу, вешают и мучат полицейских служителей и доносчиков, воспрешают крестьянам,

---

[a] *Так в тексте.*

под смертною казнею, вносить подати в казну и объявляют им, что русское владычество кончилось и что они должны повиноваться только польским законам и правительству. Сначала мятежники действовали небольшими шайками, но ныне стали появляться уже массами. Так, огромные шайки показались в Россиенском у. в лесах на прусской границе близ Таурогена, в Поневежском — близ Рогова и в Вилкомирском — близ м. Оникшт. Последняя из этих шаек, собравшаяся на этих днях, простирается, по донесению военного начальника, до 10 000 человек (число, вероятно, преувеличенное) [4]. Предводители этой шайки повесили уже двух пятисотских и, связав находящегося в Оникштах станового пристава, объявили жителям об уничтожении Ковенской губ. и об учреждении Ковенского польского воеводства.

Такие действия мятежников совершенно уронили законную власть. Исправники, становые приставы, судебные следователи и другие чиновники, не имея возможности выехать в уезды без военного отряда, лишились возможности исполнять свои обязанности. Так, например, до настоящего времени не везде еще мог быть объявлен временнообязанным крестьянам высочайший указ от 1 марта о прекращении обязательных отношений их к помещикам с 1 наступающего мая. Нижние же полицейские чины из опасения быть повешенными отказываются от службы правительству или, оставаясь на службе, исполняют распоряжения не своего начальства, а мятежников. Крестьяне, особенно казенные, видя такой упадок власти, тоже начинают колебаться. Ежели до настоящего времени они и не приняли открыто стороны мятежников, кроме небольшой части, увлеченной в шайки ксендзами и дворянами, то, с другой стороны, они не оказывают уже содействия русским. В начале мятежа являлось из крестьян много доносчиков и проводников, способствовавших к открытию шаек, но в настоящее время, из опасения мщения мятежников, крестьяне не доставляют о них никаких сведений. Потеряв уверенность в силу правительства, сельское население, руководимое ксендзами, повидимому, выжидает, какие размеры примет восстание и с которой стороны выгоднее будет пристать ему. Временнообязанные крестьяне хотя и сохраняют еще привязанность к правительству, но и они, напуганные жестокостями мятежников, просят при всяком случае о присылке им войска для защиты от инсургентов, принуждающих их к восстанию.

Для преследования и уничтожения шаек посылаются воинские отряды, однако они редко когда настигают мятежников. По недостаточности войск в губернии невозможно занять все важные пункты и составить нужное число подвижных отрядов, почему войскам при всяком известии о появлении мятежников приходится делать огромные переходы и большею частью бесполезно, так как мятежники, имея верные сведения о движении войск, почти всегда успевают скрыться и затем производить беспорядки в других местах, из которых выходят войска. В последнее время были только две значительные стычки с одною шайкою, заключавшею в себе до 1500 человек, в Поневежском у., в лесах близ м. Рогово, 9 и 14 апреля. При этих двух стычках убито у мятежников свыше 150 человек. С нашей стороны убито 6 и ранено 12 [5].

Для быстрого подавления мятежа в Ковенской губ. необходимо было бы увеличить число находящихся здесь войск по крайней мере четырьмя или пятью батальонами пехоты, чтобы одновременно открыть решительные действия против мятежников на всех важных пунктах и тем прекра-

тить им возможность волновать и устрашать своими жестокостями сельское население. Без этой меры мятеж в Ковенской губ. может принять самые огромные размеры, увлечь большую часть сельского населения и поставить правительство в затруднительное положение в случае войны с европейскими державами и десанта неприятельских войск в балтийских портах Курляндии.

Военный начальник Ковенской губ. ген.-лейтенант Лихачев сделал представление о высылке к нему подкреплений.

Полковник Скворцов

Помета Доложено е. в. 30 апреля

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 15, лл. 58—61 об. Подлинник

[1] *Манифест об амнистии повстанцам, добровольно явившимся до 1 мая 1863 г., см. прим. 6 к док. 9.*

[2] *Имеется в виду воззвание Временного национального правительства от 29 марта (10 апреля) 1863 г.*

[3] *О повстанческой деятельности Б. Колышко см. док. 94, 100.*

[4] *Имеется в виду повстанческий лагерь в Тересборе под Оникштами, где производилось формирование и реорганизация отрядов З. Сераковского. Численность их в то время не превышала 2000 человек.*

[5] *Речь идет о боях с карателями объединенных повстанческих отрядов, возглавляемых Сераковским. 14 апреля сражение происходило в лесах помещика Карпя около Корсакишек, а не в Роговском лесу. Оба боя были успешными для повстанцев. Потери повстанцев в документе преувеличены.*

96

1863 г. апреля 25, м. Ракишки.— Рапорт пристава 4-го стана Новоалександровского у. А. А. Шмидта уездному военному начальнику подполковнику Германовичу о пребывании повстанческого отряда А. Мацкявичюса в местечках Комаи, Ракишки и Жабишки [1]

[а] Мятежническая шайка в числе 1700 человек с 21 на 22 число сего апреля в 9 час. вечера, прибыв в вверенный мне стан в м. Комаи, где тотчас арестовав пятисотского Яциневича, уничтожив находящиеся у него бумаги, а самого отправили под строгим караулом в свой обоз, и вместе с тем прекратив посредством расставленных пикетов все сообщения, а в 7 час. вечера 22 числа сего же течения [б] освободив пятисотского из-под ареста, приказав ему под смертною казниею ни о чем не доносить по своему начальству, и того же числа 60 человек около 9 час. вечера, так называемые по-ихнему польские казаки, прибыли в м. Ракишки, будучи все вооружены в хорошие двустволки, револьверы и кавалерийские сабли, тут, разделившись на две партии, одна из них окружила жилой дом приходского настоятеля кс. Рустейки, а другая — становую квартиру. Предводитель сих последних, войдя в мою комнату, кажется, что с 8 человеками, приложил револьвер к моей груди, приказал тотчас отдать ему все находящиеся в становой квартире бумаги и

[а] *Документ написан безграмотно, не поддается исправлению.*

[б] *Т. е. месяца.*

книги за прошлый и настоящий годы, а также все, какое я имею, оружие. Не имея никаких средств к сопротивлению против вооруженной толпы, так внезапно напавшей, вынужден был исполнить их требование. Остальная часть этой шайки заставила настоятеля, чтобы приказал звонить во все колокола, а сам с жителями шел бы встречать следуемую толпу мятежников из м. Комаи в м. Ракишки, предваряя, что за малейшее сопротивление ни один не останется в живых. За прибытием же сих последних в костел мнимый адъютант предводителя шайки кс. Мацкевича прискакал ко мне, приказал одеться в форменный мундир и следовать за ним к его начальнику. Когда же мною было исполнено приказание сего же адъютанта, то толпа, окружив меня, повела в костел. Тут предводитель шайки, поставив меня близ себя, внушал народу под смертной казней и с сожжением всего их имущества не повиноваться русскому правительству и не исполнять никаких оного распоряжений, а те[a] из жителей, которые поступят в его ведомство и восстанут с оружием в руках против своих врагов, получат бесплатно надел земли. Однако все бывшие в костеле, несмотря на угрозы и увещевание предводителя шайки, не отвечали ему ни слова. По окончании этой церемонии предводитель шайки отправил меня под строгим караулом в разграбленную уже его соучастниками становую квартиру, где содержав меня, моего письмоводителя, ракишского пятисотского и все мое семейство до 8 час. вечера 23 сего апреля под арестом, затем сам предводитель шайки кс. Мацкевич, прибыв в становую квартиру с толпою его соучастников, требовал, чтобы я оставил службу, в противном же случае я от смертной казни не избегу; но когда я представил ему, что долг моей присяги не дозволяет мне того сделать, то предводитель шайки сказал: «Мы также любим и уважаем тех людей, которые исполняют долг своей присяги», и так как я православного исповедания, то он увольняет меня от исполнения сего приказания, предваряя при том, что до 25 числа он оставляет надо мной караул для того, чтобы я никому из моего начальства по назначенный срок о его действиях ничего не доносил, в противном же случае, где бы я ни был, то смертная казнь не минует меня. Затем, учредив за м. Ракишками со всех четырех сторон разъезд из подведомственных ему мятежников, сам отправился с подчиняющею[ся] ему толпою по тракту на м. Жабишки вверенного мне стана. Следуя же через м[естечко], приказал изрубить в становой квартире, в сельском училище и в сельском управлении государственных имуществ вывески, обозначающие сии места. О чем имею честь в. вб. донести и почтительнейше доложить, что той же мятежнической шайкой разграблено Ракишское волостное правление и таковое же государственных имуществ и в сем последнем, разбив сундук, забрали 150 руб. сер. казенных денег. При сем честь имею присовокупить, что новоалександровский мещанин Фаддей Мусницкий 22 числа утром присоединился к шайке мятежников и был видим в рядах оной в м. Ракишках уже с оружием в руках, а 23 числа по распоряжению предводителя шайки кс. Мацкевича в казенном лесу повешен. Шайка эта была вооружена в разного рода ружья, пики и косы, а некоторые имели русские штуцера со штыками.

Пристав Шмидт

ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 6, лл. 12—14. Подлинник

---

[a] *В тексте* тем.

[1] *Появление отряда А. Мацкявичюса в Новоалександровском у. было связано с осуществлением военно-политического плана З. Сераковского (см. док. 36 и прим. 2 к нему). В соответствии с планом похода на Курляндию, Мацкявичюс возглавлял третью колонну, которая, отделившись от Сераковского в м. Солы, двигалась через Комаи, Ракишки, Жабишки по направлению к Биржам.*

97

1863 г. апреля 26.— Донесение ковенского губернатора Г. А. Кригера В. И. Назимову о действиях повстанческих отрядов в губернии в конце марта — первой половине апреля 1863 г.

Секретно

С 22 на 23 марта ночью прибыли в им. Друвишки (Россиенского у.), арендуемое мировым посредником 2-го участка Россиенского у., вооруженные люди и насильно забрали 2 охотничьих ружья: одно принадлежащее собственно посреднику Микшевичу, а другое — мирового посредника гвардии подпоручика Богдановича.

29 марта в Довятовском волостном правлении Шавельского у. (о чем упомянуто в донесении моем от 18 сего апреля за № 802) забрано мятежниками денег всего 358 руб. 20 коп.

29 марта мятежники во время бытности в м. Тришках (о чем представлено в том же донесении за № 802) заставили викарного кс. Касперовича объявить в костеле с амвона возмутительную прокламацию[1], а от управителя им. Тришек Петржкевича по предъявленному приказу начальника шайки Писарского, угрожающего смертью и истреблением имущества, мятежники взяли разные продукты и лошадь и от помещика Друве по подобному же приказу взяли 2 лошади, седло и тулуп и сверх того приказали доставить в фольв. Белюнишки разные продукты.

30 марта вечером настоятелю Вайговского костела (в Шавельском у.) Юрковскому мятежники приказали прочесть возмутительную прокламацию, что им и исполнено 31 марта.

1 апреля таким же образом объявлена прокламация в Куршанском костеле Шавельского у. и того же числа у многих помещиков в окрестностях м. Куршан забраны мятежниками продукты, лошади и т. п.

4 апреля днем мятежники числом около 200 человек уничтожили в Легецком сельском управлении Шавельского у. все бумаги, а потом, забрав сукно со стола и портрет государя императора Николая Павловича, удалились, сколько дознано, в леса Ленчевские и Мейлишские Ковенского у. в Кроковском приходе, уведя с собой под арестом старшину Казимира Бокаса [a] [2].

5 апреля пристав 4-го стана Шавельского у. представил к шавельскому военно-уездному начальнику задержанного в м. Бейсаголе с ружьем и пистолетом молодого человека, именующегося дворянином Иваном Липневичем, находившегося в мятежнической шайке.

10 апреля в лесу около Корсакишек, на границе Поневежского у. с Вилкомирским, толпа вооруженных мятежников отобрала от 11 кре-

---

[a] *В тексте* Бохаса.

стьян Биржанской вол. деньги, которые означенные крестьяне везли в Поневежское уездное казначейство на уплату податей за сельские общества Биржанской вол.; всего отобрано денег 4273 руб. 55 ½ коп.

С 3 на 4 и с 4 на 5 апреля толпа неизвестных вооруженных людей напала на дома стрелков постоянной лесной стражи Вобольницкой дачи Поневежского у. и отобрала состоящее у них казенное оружие, именно: ружья, тесаки и патронницы с боевыми снарядами. Вследствие чего управляющий Ковенскою палатою государственных имуществ, имея в виду часто повторяющиеся случаи отобрания мятежниками оружия у лесной стражи, которым она, как видно из опыта, по причине уединенного своего положения в лесах защищать себя не в состоянии, предписал циркулярно всем лесничим, кроме новоалександровского и тельшевского, чтобы они приняли от лесной стражи все оружие, как казенное, так и собственное, и передали таковое по описи для сохранения местным военным начальникам впредь до особого распоряжения.

11 апреля ночью мятежники напали на им. Датново (Ковенского у.), разграбили винокурню и забрали все книги и акцизную печать, в чем и выдана ими расписка, хранящаяся при делах дворового управления означенного имения [3].

12 апреля шайка мятежников напала на двух старост Датновской вол. (в Ковенском у.) и забрала хранившиеся у них деньги 100 руб. Того же числа в 11 час. днем шайка забрала все бумаги датновского пятисотского и велела немцам похоронить повешенного иностранца Фридриха Вальдемута (о котором донесено мною 12 апреля за № 776).

13 апреля днем появившаяся в м. Векшне (Шавельского у.) мятежническая шайка принудила сборщика податей Векшнянского сельского общества отпереть денежный сундук, из которого взяла деньги всего 232 руб. 93¼ коп., и в том расписался по денежным книгам начальник шайки.

Того ж числа встреченный мятежниками на пути следования по делам службы векшнянский тысяцкий Рачинский взят в плен начальником их Писарским.

14 апреля в 8 час. утра несколько человек вооруженных мятежников прибыло в Бейсаголу (Шавельского у.), где забрали у пятисотского бумаги, печать и бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг., также забрали бумаги тамошнего волостного правления и акцизного надсмотрщика, у которого взяли и печать. После того эти мятежники удалились по тракту на м. Гринкишки Ковенского у.

15 апреля в 4 часа утра мятежники напали на им. Полепе помещика Довгирда (Ковенского у.), где забрали 4 лошади, акцизные книги, 10 штук ярлыков и около 180 руб. казенных денег, а также отбили подвал, пили вино, часть которого вылили на землю, потом уехали по направлению через речку Шушву. Один из них именовался казацким офицером и выдал расписку в принятии денег акцизных, которая хранится при кассе дворового управления.

14 апреля в м. Абелях Новоалександровского у. найден прибитым к дереву при костеле печатный экземпляр на литовском языке воззвания к мятежу. Виновный еще не открыт.

В Шавельском у. произошли следующие беспорядки:

Письменными приказами от 11 и 13 апреля начальник мятежнической шайки Писарский обязал настоятеля Векшнянского приходского

костела кс. Борткевича, под опасением смертной казни, объявить в костеле в воскресенье 14 апреля после молебствия мятежнический манифест и дать посылаемой шайке мятежников 1 лошадь.

13 апреля прибывшей в м. Векшне шайке мятежников числом до 100 человек, исполнившей в Векшнянском костеле на верность службы присягу, по словесному требованию ее и предъявленному письменному приказу начальника оной Писарского, угрожающему за непослушание смертною казнию и лишением всего достояния, провизор векшнянской аптеки Гельднер вынужден был дать завтрак. Того же числа вечером в сумерках служитель вотчинника им. Каролиово коллежского асессора Нолькена Игнатий Ванагас, возвращаясь домой, на дороге около м. Лайжева встретил 4 каких-то людей, которые на окрик его, Ванагаса, выстрелив к нему, ранили его в правую паху и сами разбежались; рана по осмотру оказалась совершенно легкою.

14 апреля прибывшая в им. Буге к помещику Райнгольду Довгирду шайка вооруженных людей приказала дать себе кушать и пить и после двухчасового пробытия удалилась в лес.

Того же числа, прибыв в им. Кашвяны к помещику Валериану Панцержинскому, 5 человек мятежников, вооруженных в ружья, револьверы и сабли, приказали дать себе кушать и после сего удалились.

От 15 апреля получено Шавельским земским исправником донесение векшнянского волостного старшины, что мятежники поселились в лесах казенного им. Пурве.

15 апреля прибывшие в мызу Большое Добикине гр. Лотрека мятежники в числе 6 человек забрали 1 лошадь, седло и 1 двуствольное ружье и 2 сабли и затем сами удалились.

Того же числа освобожден начальником мятежнической шайки Писарским взятый было 13 апреля в плен векшнянский тысяцкий Рачинский с тем предварением, чтобы он отнюдь не занимался далее должностью тысяцкого и о появлении мятежников не доносил начальству под неминуемою в противном случае смертною казнием повешением. Рачинский донес, что во время его плена мятежническая шайка заходила с ним в им. Мейже помещика Антона Панцержинского, где насильно забрала кобылицу, съестные припасы, кованую повозку и одежду, откуда отправилась в Антоновский лес, где, переночевав, направилась к Лайжеву, а оттоль к Окмянам и, там переночевав в лесу, уволила его из плена и что до ареста его шайка эта 12 апреля заходила в имения: Бирбилишки и Туче — Контрымов, Копяны кн. Любецкого, Слейке — Станкуна, Повирвице — Павловича и Гиволе — Богдзевича, но донесения о том всех сих лиц отобраны от него, Рачинского, мятежниками при арестовании его.

15 же апреля, как видно, эта же самая шайка из 130 человек и одного ксендза, прибыв в м. Окмяны, собрала местных жителей, коим публично объявила мятежнический манифест, а потом, вступив в Окмянское сельское управление, забрала находившиеся в денежном сундуке оного наличные деньги, всего 478 руб. 69 коп., оставя в приеме сих денег в дневной кладовой записке расписку своего казначея Оверского. После чего, пригласив из м. Окмян несколько охотников к мятежу, приведя их к присяге в Окмянском костеле и отдохнув некоторое время в Окмянской плебании, удалились при пениях на польском и жмудском языках возмутительного гимна по направлению м. Жагоры.

17 апреля, прибыв в им. Довгинце кн. Ливена, шайка мятежников числом до 20 человек, вооруженных в двуствольные ружья, пистолеты и сабли, забрала из этого имения 1 лошадь с седлом, оттуда отправясь в м. Шакиново, забрала из Шакиновского волостного правления деньги 300 руб. сер., а из Шакиново 18 апреля в 7 час. утра прибыла в им. Груздзе полковника Нарышкина, отколь забрала 8 лошадей, седло, 1 двуствольное ружье и план им. Груздзе, в чем оставя расписку именующегося старшим адъютантом некоего Эдмунда Бялы, сама удалилась по тракту в Шакиново.

В полночь на 18 апреля, прибыв в заштатный гор. Шадово, шайка вооруженных верховых и пеших мятежников из 200 или более человек уничтожила в становой квартире пристава 4-го стана Шавельского у., находившегося тогда в отлучке по делам службы в стане, все бумаги. Из собственной квартиры пристава шайка эта забрала одноствольное ружье, пистолет и шпагу, а также сорвала со стены и изломала доску с надписью «Становая квартира 4 стана» и освободила из съезжей содержавшегося по воровскому делу арестанта цыгана Левандовского. Равномерно уничтожила в Шадовской городовой ратуше все дела, книги, законы и архивы, и в Шадовской почтовой станции разные бумаги и книги. Во время этих действий арестовав судебного следователя Яхимовича и секретаря ратуши Бабянского, возвращавшихся в 12 часу ночи из Шадовской плебании, содержала их под караулом на площади, а письмоводителя пристава Гедройца, офицера резервного дивизиона лейб-драгунского Псковского ее величества полка Яроцкого и находившихся при нем 2 солдат, взяв на квартирах, содержала под арестом в заездной корчме гор. Шадово. После того секретаря Бабянского освободила из-под ареста, а судебного следователя Яхимовича доставила в его квартиру, где, уничтожив некоторые его дела и забрав шпагу, оставила дома. Означенных же письмоводителя Гедройца, офицера Яроцкого и 2 солдат, а также ночевавших в Шадове при следовании из Поневежа по выписке из лазарета 5 или 6 нижних чинов Нарвского пехотного полка и викарного ксендза Шадовского костела Залеского, удаляясь из Шадова пред самым уже рассветом, шайка эта забрала с собою, но, по выбытии их из этого города, кс. Залеского вскоре освободила, возвратив почтсодержателю и забранных было из Шадовской почтовой станции почтовых лошадей, а письмоводителя Гедройца по усиленным его просьбам едва уволила из м. Бейсаголы. В этом же местечке при обратном следовании из Шадова шайка сия забрала из конюшни помещика Заранки 3 лошадей, после, зайдя в подвал помещика Комара, уничтожила все номера на бочках с горячим вином, означающие количество ведер, а из одной бочки выпустила вино на землю, а наконец, взяв 2 подводы, отправилась по направлению на м. Гринкишки Ковенского у. Офицер Яроцкий из обоза мятежников успел бежать и 19 апреля прибыл в гор. Шавли.

В Вилкомирском у. произошли следующие беспорядки:

15 апреля в половине дня отряд мятежников, пехоты и кавалерии, вообще до 2000 человек, появился в м. Субоче из лесов Поневежского у. сейчас после выступления из того местечка отряда Капорского пехотного полка по тракту на Трашкуны. Переночевав в Субоче, где повесили тамошнего тысяцкого отставного унтер-офицера Данилу Афанасьева, мятежники после рассвета отправились по тракту на м. Вешинты и,

проходя мимо им. Пелише, отняли у вотчинника оного лекаря Россена имеемое им по билету двуствольное ружье.

16 числа нескольконадцать[a] вооруженных людей явились на мызу в м. Уцяна и, забрав из прислуги 4 человек и лошадь с повозкой, неизвестно куда удалились. Около того же времени повешен вижунский тысяцкий унтер-офицер Филипп Лебедев.

17 апреля в им. Окниста помещика Еленского (в Вилкомирском у.) прибыл отряд вооруженных инсургентов, которые арестовали бывшего там в то время по делам службы пристава Стульгинского и не позволили ему выходить из комнаты, а управляющему этим имением приказали дать, что им было нужно, и удалились неизвестно куда. Причем от Стульгинского отняли ружье и пистолет, выдав ему в том расписку, которая при сем представляется[4], и приказав Стульгинскому тотчас подать в отставку под страхом смерти.

18 апреля толпа вооруженных мятежников напала на становую квартиру в м. Уцяне, где отобрала от пристава Стульгинского другое ружье и саблю отставного штабс-капитана Станишевского и уничтожила бумаги и законы в становой канцелярии.

Новоалександровский исправник доносит, что шайка мятежников появилась в местностях, которые граничат с вверенным ему уездом, а именно: около м. Вижун Вилкомирского у. и между местечками Свядосьце (Вилкомирского) и Комаи (Новоалександровского). Эта шайка составляется на 300 или более человек, и она присылала в м. Купишки (Вилкомирского у.) приказ, чтобы из того местечка выслано было мятежникам 200 руб. денег и доставлено 100 человек рекрут. Равно, что 17 апреля появилась шайка в дер. Гучуны Вилкомирского у. в 6 верстах от м. Комай Новоалександровского у., а также между Биржами и Соломесць Поневежского у. и что некоторые волостные правления, пригранчивающие к Поневежскому у., узнав об отобрании податных денег от биржанских крестьян и опасаясь, чтобы подобного не случилось с ними, передали податные деньги для взноса в казначейство военно-уездному начальнику, разъезжавшему по волостям для производства выборов.

20 числа в околице Ибяны Ковенского у. мятежники захватили из бани сапожника, ковенского мещанина Ивана Бекера, которого, приведя к лесу, повесили на дереве.

О чем честь имею в. вп. донести с присовокуплением, что о преследовании злоумышленников сообщено своевременно начальству квартирующих в губернии войск.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 3, лл. 175—183. Подлинник

[1] *Имеются в виду манифест о начале восстания и повстанческие декреты о наделении крестьян землей (см. док. 3). Указанные документы, начиная с марта 1863 г., обнародовались в Ковенской губ. повсеместно.*

[2] *Разгромы сельских и волостных управлений, а также канцелярий местных полицейских учреждений, уничтожение в этих учреждениях документации и т. д.— характерная форма борьбы повстанцев на протяжении всего восстания. Интересно, что, уничтожая документы в волостном правлении в дер. Сырейки Шавельского у. 3 июня 1863 г., повстанцы оставили книгу для записи крестьянских жалоб, сделок и договоров и ревизские сказки (там же, ч. 4, лл. 50—51).*

---

[a] *Калька с польск. kilkanaście — несколько (в пределах второго десятка).*

³ *Об уничтожении повстанцами патентов на право производства и продажи напитков с целью нарушения финансовой политики царского правительства см. там же, ч. 4, лл. 57—58 и др.*
⁴ *Расписки в деле не имеется.*

98

1863 г. апреля 26.— Рапорт новоалександровского земского исправника Б. А. Сесицкого уездному военному начальнику подполковнику Германовичу о появлении в уезде повстанческих отрядов А. Мацкявичюса и З. Сераковского

Пристав 4-го стана Шмидт в дополнительном донесении, сего числа поданном, о шайке мятежников под предводительством кс. Мацкевича, через вверенный ему стан проходившей, добавил, что эта шайка из Ракишек отправилась по тракту на м. Жабишки, а оттуда имела следовать на м. Понедель или в Скопишки [1].

В сию минуту я получил донесение от письмоводителя пристава 5-го стана, в коем тот излагает, что мятежники в количестве более 500 человек под начальством некоего Доленги вторгнули[сь] из Вилкомирского у. в м. Скопишки [2] 22 апреля, а 23 числа в 12 час. утра появился в м. Понедель авангард из несколькодесяти [а] человек конно прибывших, хорошо вооруженных. Они, отправясь в становую квартиру, арестовав пристава и его письмоводителя, предложили указать канцелярию, после разломали дверь канцелярии, запертую замком, забрали все бумаги, дела, поручения, законы и печать, все это вынесли на поле и сожгли. Авангард сей предложил настоятелю местного костела и викарному ксендзу идти навстречу своих инсургентов и начальника, а также евреям — к поднесению хлеба и соли, что ими и было исполнено. С процессиею взошли в костел, а как тот день был базарный день, то находилось множество на базаре разного сословия и вероисповедания людей, кои, полагать следует, более от любопытства собрались в костел; после пропения гимна (Te deum laudamus [б]) их капеллан-ксендз проповедовал о восстании и что помещики, дворяне и крестьяне и разного сословия люди идут на освобождение именно крестьян от крепостного звания, читал мятежнический на литовском языке манифест и по выходе из костела после обеда, сумерком, вышли из Понеделя в Понемунь помещика Комара. Людям, собранным [в], на базаре, до выхода своего цепь и пикеты не позволяли отъезжать домой. Письмоводителя при выходе из Понеделя освободили из-под ареста, пристава же, арестованного, пешком среди своих батальонов погнали с собою; акцизные ярлыки, патенты, равно находившиеся у помощника акцизного надзирателя Петкевича бумаги и печати, отняв, сожгли, появившихся около 100 человек охотников из казенных и временнообязанных крестьян увели с собою. Из помещиков не было заметно, дабы кто-либо присоединился к мятежникам.

О сем долгом считаю уведомить в. вб.

Земский исправник Сесицкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 6, лл. 18 и 21. Подлинник

а *Калька с польск. kilkadziesiąt — несколько десятков.*
б *Тебя, боже, славим (лат.).*
в *В тексте* людей, собранных.

[1] *См. док. 96.*

[2] *В Скопишках повстанцы были встречены с колокольным звоном. В костеле собравшемуся народу был зачитан повстанческий манифест и объявлено* ниспровержение с престола государя императора (*там же, д. 1, л. 22*).

99

1863 г. мая 1(13).— Донесение российского консула в Мемеле А. Г. Трентовиуса в Департамент внутренних сношений министерства иностранных дел о провозе повстанцами оружия через границу

Командир драгунского полка г. Бернгарди, командующий прусскими войсками, расположенными между сим городом[a] и Тильзитом, вдоль российской границы, уведомил меня конфиденциальным образом, что в ночь с 27 на 28 апреля с. г. н. ст. привезено на большом речном судне вдоль по Неману к самому Юрскому лесу, лежащему по ту сторону Таурогена, значительное количество ружей, которые были там выгружены, сложены на повозки и таким образом тайно провезены чрез лес и чрез российскую границу в Ковенскую губ.[1]

Это тем легче могло быть произведено, что 15(27) и 16(28) апреля с. г. происходила стычка между нашими войсками и значительной шайкой инсургентов, в каковой стычке участвовала также российская пограничная стража обеих линий, и потому граница к югу от Таурогена была открыта.

Должно полагать, что эта стычка, происходившая верстах в 10 к северу от Таурогена, затеяна была инсургентами лишь для вышеупомянутой цели, которой они вполне и достигли, и затем они двинулись далее к северу[2].

Так как фон Бернгарди также узнал, что помянутое оружие было упаковано в фруктовых ящиках и прусской таможне объявлено было за южные фрукты, то я немедленно отправился к директору здешней таможни и узнал от него, что в течение 6 недель сюда не приходило никаких фруктов, но что после этого пришли только 30 ящиков, которые все были свешаны в таможне и затем здесь же на месте проданы в розницу. Для предупреждения на будущее время подобной контрабанды директор таможни будет о том доносить директору областных податей и сборов в Кенигсберге, и тогда, вероятно, откроется, которая из прусских таможен вдалась в этот обман.

О последствии разысканий, какие будут сделаны по сему предмету, я не замедлю уведомить департамент.

Российский консул А. Трентовиус

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 33, лл. 70—71. Перевод с немецкого[3]

[1] *О доставке оружия повстанцам Литвы из-за границы см. также док. 93, 101 и примечания к ним.*

В октябре 1863 г. значительный склад оружия (58 ружей, 41 пистолет и др.) был

---

[a] *Т. е. Мемелем.*

обнаружен близ мызы Стыркловки Россиенского у.— недалеко от границы (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 579, л. 1).

[2] *Речь идет о действиях повстанческого отряда Б. Длуского.*

[3] *Подлинник не обнаружен.*

100

1863 г. мая 6.— Показания Б. Колышко в Виленской следственной комиссии о боевом пути его отряда и сражении 25—27 апреля под Биржами

1863 г. мая 6 дня Виленская следственная комиссия по политическим делам, призвав в свое присутствие дворянина Колышко, предложила ему по обстоятельствам дела следующие вопросы, и показал:

Зовут меня Болеслав Викентьев Колышко, от роду имею лет 25. вероисповедания римско-католического, на исповеди и у св. причастия ежегодно бываю, по происхождению дворянин Виленской губ. Лидского у., проживаю в гор. Лиде, под следствием и судом не был, воспитывался в Московском университете, откуда вышел, не окончивши курса, в 1861 г. и по болезни отправился за границу для излечения [1].

Я при помощи моего родственника, проживавшего в Париже, имел возможность посетить южную Европу и возвратился в начале марта в Ковно, где, узнав, что молодые люди здешнего края вышли в Ковенскую губ. для образования восстания, и я, как бы почувствовав к сему призвание, отправился искать, где бы я мог присоединиться к образовавшимся уже шайкам. Проезжая через Чекишки [а], я узнал от ксендза, что шайка должна прибыть на ночлег к Высокому Двору [б], около Чекишек, где я и присоединился к шайке, бывшей под начальством Жджарского [2], который, не чувствуя себя в силах командовать шайкою, передал начальство над оной мне с согласия самой шайки, в числе около 60 человек, в которой по большей части были люди с некоторым образованием. По вступлении моем в командование шайкою было доведено до сведения военного начальника Поневежского у., как мне известно, полковника Яблоновского, от которого через день были присланы печатные воззвания к духовенству для приглашения ко всеобщему восстанию, и таковые воззвания я разослал ксендзам [3]. После того через несколько дней шайка моя увеличилась до 250 человек. Продовольственные припасы доставлены были помещиками и крестьянами частью за деньги, а частью и безденежно. Деньги я получал от Жджарского, потом присылал мне Яблоновский и, наконец, Доленго; деньгами заведывал казначей и вел в том отчетность, фамилия его Турчинович; где он ныне находится, мне неизвестно.

В половине марта, во время нахождения моего на первоначальном месте, меня атаковали войска в составе одной стрелковой роты и сотни казаков под начальством майора Степанова, как я потом узнал. День был туманный, и отряд войска, пользуясь этим, снял наш пикет и успел подойти к аванпосту незамеченным. Аванпост отступил с мызы, которую

[а] *В тексте документа здесь и далее* Чайкишки.

[б] *В тексте ошибочно* Новокому Двору.

Болеслав Колышко

занимал, и мызу заняли войска и сожгли господский дом *, где погибло в огне человек 15, но не из отряда, а из числа живущих там мужчин и женщин. Главный отряд в это время стал заходить войскам в тыл, и они сейчас же, увидев это, отступили в лес. Когда войско отошло и я опять пришел в мызу, то в числе убитых был и ксендз [4].

После этой стычки я с партией отправился в леса им. Гелово, где получил от начальника другой шайки Кушлейко приглашение спешить к нему на помощь, и я отправился к нему в леса недалеко от дер. Ленча. Здесь на другой день мы атаковали подошедшее войско в составе трех рот Нарвского полка, эскадрона улан и сотни казаков. Нас было вооруженных до 600 и невооруженных 100 человек. Мы атаковали, но после двух или трехчасовой перестрелки и войско и мы разошлись в свои стороны, а на другой день я со своею шайкой возвратился в Геловский лес. В этой стычке мы потеряли убитыми не более 7 и ранено тоже 7 человек, а люди невооруженные разбежались [5].

После того, узнав, что из Ковно, Поневежа, Кейдан и Россиен направляются колонны для очищения от нас края, я, получа от начальника моего предупреждение, через Кушлейку переданное, разделил свою

* Дом, где жил лесничий.

шайку на два отдела, из которых один отправил по направлению к Кейданам, а другой в Россиенский у., по направлению к м. Эйраголи. Назначение первого отдела заключалось в том, чтобы испортить мосты и переправу через р. Шушву для воспрепятствования движению войск, назначение другого — выйти из пространства, по которому должно двигаться войско, и соединиться с первым уже за Дубиссою. Кушлейко же в это время отправился в Россиенский у. к м. Цитовянам на помощь к Цитовичу [6]. Первым отделом командовал Жджарский; исполнив данное ему поручение, возвратился за Дубиссу. Между тем второй отдел, при котором я сам находился, в числе до 90 человек, по дороге, прибыв в лес генеральши Кайсаровой [а], был атакован двумя ротами с одним эскадроном. Роты были Эстляндского полка и, кроме того, две роты того же полка находились в резерве в двух или трех верстах. Узнав по выстрелам пикетов о приближении войск, находившиеся у меня 44 стрельца были поставлены мною по опушке поляны, а между тем обоз свой я приказал удалить в глубину леса. Через час после того войско атаковало нас, но, встреченное неожиданно выстрелами стрельцов, отступило, а потом начали делать обходное движение. Тогда стрельцы мои отступили шагов 300 от первоначальной позиции и, производя пальбу, принудили войско к отступлению, а я занял снова первоначальную позицию. Вся потеря наша заключалась в одном убитом [7]. После этого дела соединился я с первым отделом, но осведомившись, что войска готовятся к новой атаке, я почел нужным оставить лес этот и возвратился в Геловский лес.

Там 1 апреля, узнав, что к этому месту приближается войско и имея в виду распоряжение моего начальства о невступлении в дело, двинулся обратно за Дубиссу и занял лес в полутора верстах от м. Эйраголи. Войска, узнавши о моем движении, утром 2 числа заняли Эйраголи, другой же отряд из Россиен отрезал мне дорогу от больших лесов, так что мне оставалась одна почтовая дорога, по которой беспрестанно следовали обозы с военным прикрытием. Как я осведомился, что для атаки моего отряда ожидают к вечеру 1½ роты из Россиен и хотят атаковать меня утром 3 апреля, накануне еще, узнав о таком положении и получив приказание стараться прибыть в Поневежский у., я ночью, оставив конный отряд в лесу, сам с остальными перешел почтовую дорогу и р. Дубиссу и, следуя целую ночь, прибыл к утру в дер. Кимонты. Отряд конницы был оставлен мною для замаскирования моего отступления, для усиления чего ночью они сделали тревогу в Эйраголи и потом присоединились ко мне.

В дер. Кимонты, распустив молву, что я иду к Шавлям, сам ночью направился к Кейданам; по пути от Кейдан к Поневежу я соединился с отрядом Сераковского (Доленго) неподалеку дер. Окойн [8]. У Сераковского шайка была в 150 человек, и я был ему с этого времени подчинен. Вскоре отряд собственно Сераковского усилился до 250 человек. Соединенные наши отряды отправились в Роговские леса, куда присоединился к нам кс. Мацкевич с отрядом в 50 человек, так что всего составилось 500 человек.

На другой день после прибытия в Роговские леса мы узнали, что идут войска: 1½ роты и эскадрон улан, из Вилкомира направленных [б].

[а] *В тексте* Кейзеровой, *карандашом поправлено* Кейсаровой.

[б] *Так в тексте.*

Мы у моста, ведущего по дороге к нам, выставили цепь, а сбоку, впереди моста, сделали засаду. Войско, наступая, миновало засаду, но, встреченное нашими выстрелами, начало отступать и хотело броситься в лес, но неожиданно атакованное с тылу засадою, а с фронта всем нашим отрядом, после часового дела отступило сначала в порядке, а потом в беспорядке, оставив в наших руках 2 повозки казенные и 1 офицерскую, несколько убитых, раненого фельдфебеля и раненого офицера, которого на другой день нашел доктор в лесу, осмотрел его рану и отправил в Поневеж; также в моем отряде было взято 5 штуцеров, сколько же в других — не знаю [9].

После сего на третий день оставили мы Роговские леса и прибыли в Корсакишские, где нашли новый отряд в 200 человек под начальством не известного мне лица и соединились с ним [10]. Тут на третий день нас атаковали 3 роты и эскадрон улан, но, заметя заложенную цепь нашу, довольствовались, сделав по три выстрела каждым, [и] решились сделать одной колонной обход. Колонна эта наткнулась на нашу засаду и, оставив после перестрелки несколько убитых, отступила, а за нею и весь отряд [11].

После этого отряд наш перешел р. Свенту в Андронишские леса. Здесь мы нашли новый отряд в 300 человек под начальством какого-то офицера Генерального штаба, фамилии его не знаю [12]. Отряд этот также присоединился к нам, и во время нескольконедневного пребывания нас в этом лесу к нам постоянно приходили люди, так что через несколько времени образовалось 1300 человек [13]. Оставив несколько на месте, мы разделились еще на три отряда и разными дорогами пошли на Биржанские леса. Правым отрядом командовал кс. Мацкевич, левым — я, центром — Доленго.

В Биржанских лесах, лишь только я соединился с Доленгою, на пути из м. Попель в Радзивилишки мы были атакованы $1^1/_2$ ротами пехоты, эскадроном драгун и сотнею казаков. Пехота была армейская. По перестрелке мы хотели отступать, чтобы занять более удобную позицию, но одна из сменяемых цепей задержала атаку войска, оно отступило к деревне и более уже не нападало, а мы остались на своем месте.

После этого на другой день мы заняли в ожидании отряда кс. Мацкевича позицию в лесу. Здесь были мы в совершенной неизвестности ни о числе войска, ни о их движениях, так что когда в тот же день стали к нам подходить войска, мы думали, что это те же самые, которые накануне нас атаковали, с подкреплением, прибывшим из Шамберга. Но первая атака убедила нас, что мы действие имеем не с армейцами, а со стрелками гвардии, о которых мы слышали еще раньше, что они идут на нас. Это было 25 или 26 апреля. Атака на правое крыло наше нам сильно повредила, и хотя мы успели устоять, но по двухчасовой битве обходного движения с левой стороны выдержать не могли. Главной причиной было то, что в начале сражения было убито несколько самых лучших наших офицеров и ранен Доленго. После чего отряд наш разделился на две части: одна с обозом двинулась на Попель, а другая, не зная, что делается с первой, воротилась на место битвы, когда русские войска отошли в деревню, и ночевала тут, соединившись с Мацкевичем, который прибыл через час после дела.

На другой день утром мы пошли по следам обоза и догнали его в верстах в 20. Но едва мы с ним соединились, как снова были атакованы

опять теми же войсками. Атака была неожиданная, порядка в постройке колонн соблюдать было нельзя, так как была дурная позиция, а главное не хватало патронов. Первое дело наше было стрелками удержать наступление, чтобы дать время уйти обозу. Правым крылом стрельцов начальствовал я, и когда левое крыло было смято, часть правого была совершенно отрезана от главного отряда, так что должна была силой пробиваться в другую сторону, вместе с ними и я. При мне осталось, наконец, 5 человек, с которыми я намеревался идти искать разбитой шайки[а]. Пробившись с ними в лес, мы до того были измучены, что не могли идти далее и потому легли спать. В это время нас окружили и взяли[б] в плен капитаном Казановичем[в] [14]. После этого доставили в мызу Попель, оттуда переведены в главную квартиру ген. Ганецкого в дер. Медейки и, наконец, отправили в Виленскую цитадель. От начала моего ареста до прибытия в цитадель обхождение со мной и другими пленными всех вообще было вежливо. Я и вся подчиненная мне шайка присягала при первоначальном сборе и были приведены к присяге кс. Нарвойшем. То, что существует комитет, мне известно, но кто такие члены его, решительно не знаю, так же как и где печатаются разные воззвания, манифесты и т. п. Подписей лиц, принимающих участие в восстании и отдающих приказания, я также не знаю, сам же подписывал просто свою фамилию. Когда меня взяли, то были отобраны от меня 700 руб. капиталом и теперь, как мне известно, они находятся у ген. Ганецкого.

Болеслав Колышко

Председатель ген.-лейтенант Веселитский

Члены: полковник Лосев

В дополнение показания этого добавляю, что я после каждого дела предлагал желающим оставить мой отряд и возвратиться по домам и силою никого в шайку не забирал; в доказательство этого поясняю, что после стычки при дер. Ленче мною распущено до 30 человек из отряда. Манифеста государя императора об аминистии в случае положения к 1 мая оружия мною получаемо не было, а потому не могло быть объявлено людям, в моей команде находившимся.

Болеслав Колышко

Аудитор Лавровский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 27, лл. 7—10. Подлинник

[1] *О деятельности Б. Колышко в 1861 г. см. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», док. 95.*

[2] *Бронислав Жарский, студент Краковского университета, в начале марта 1863 г. вывел из гор. Ковно около 50 добровольцев, в большинстве учащихся Ковенской гимназии, чиновников, ремесленников и др.*

[3] *Текст воззвания см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 128, лл. 15—16.*

[4] *Имеется в виду стычка 17 марта 1863 г. при мызе Высокий Двор Ковенского у.*

[5] *В стычке 21 марта 1863 г. у дер. Ленчи Ковенского у. принимали участие повстанческие отряды Т. Кушлейко, К. Цишкевича, А. Мацкявичюса, Б. Колышко и Б. Длуского. Карателей возглавлял полковник Деллинсгаузен.*

[5] *На помощь к Цитовичу прибыл от Ленч отряд Цишкевича, который вместе с Цитовичем участвовал в сражении 24 марта 1863 г. при Цитовянах Россиенского у.*

[а] *Так в тексте.*

[б] *Так в тексте. Должно быть* и мы были взяты.

[в] *В тексте ошибочно* Казановским.

[7] *Речь идет о сражении 30 марта 1863 г. у дер. Мисюны Ковенского у. (в лесу помещицы Кайсаровой).*

[8] *О состоянии отряда Колышко в момент соединения с Сераковским см. рапорт Колышко от 6 апреля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1011, лл. 2—7).*

[9] *Имеется в виду стычка 9 апреля 1863 г. у дер. Гинетини Поневежского у. (в Роговских лесах).*

[10] *У Корсакишек Сераковского ожидали отряды Е. Люткевича, А. Ясинского и С. Коссаковского.*

[11] *Речь идет о стычке 14 апреля у дер. Корсакишки Поневежского у.*

[12] *В Андронишском лесу к Сераковскому присоединились отряды Доминика и Каспера Малецких.*

[13] *О пребывании Сераковского в Тересборском лагере в Андронишском лесу и реорганизации вооруженных сил повстанцев см.: S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864 r. Rapperswil, 1913, str. 291—293; А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 189—192; O. Maksimaitienė. Iš Z. Sierakausko gyvenimo ir veilkos.— «Труды АН Лит. ССР», 1964, № 1(16).*

[14] *Показания Колышко о сражении под Биржами интересно сравнить с данными, приводимыми в отчете командира л.-гв. Финляндского полка ген.-майора И. С. Ганецкого о действиях подчиненного ему карательного отряда с 21 по 28 апреля 1863 г. См. ЦГВИА, ф. 14064, оп. 2, д. 4, лл. 137—162; изложение отчета — в статье: В. А. Дьяков. Заметки о некоторых источниках для биографии З. Сераковского.— Сб.: К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу», М., 1964, стр. 44—46.*

101

1863 г. мая 6(18), Вильно.— Предписание Отдела, управляющего провинциями Литвы, И. Лясковскому о возложении на него обязанностей военного начальника Ковенского воеводства и о мерах по обеспечению транспортировки оружия из-за границы

[a] Народное правление
Отдел правления провинции Литвы [a]

Вильно, дня 18(6) мая 1863 г.

№ 1475

И. д. войскового начальника
Ковенского воеводства

Потеря, какую край понес чрез арестование раненого начальника Ковенского воеводства [1], не должна ослаблять духа, но воспалять к мщению за испытанное бедствие к упорнейшей еще борьбе с неприятелем. Отдел [б] полагается на том, что народные силы Ковенского воеводства найдут в тебе, обыватель [в], достойного наследника утраченного начальника, что поведет их к победоносным битвам с врагом.

Отдел поручает тебе, гражданин, чтобы, кроме отряда, которым командуешь, ты имел наблюдение за организацией других отрядов в разных местностях Ковенского воеводства, чтобы о движении их ты всегда был уведомляем и мог управлять ими согласно надобности.

Отдел заключил договор с бельгийским купцом на 10 000 ружей и винтовых мушкетов со штыками и на миллион к ним патронов [2]. Оружие это и амуницию купец будет доставлять чрез Пруссию внутрь края, но

[а—а] *Правильный перевод: Национальное правительство. Отдел, управляющий провинциями Литвы.*

[б] *В тексте ошибочно* Отряд.

[в] *Obywatel — гражданин (польск.).*

не далее 5—6 миль [a] от границы. Отдел выслал на границу своих агентов для указания купцу свободных от неприятеля мест и уведомления ближайших отрядов о подходящих транспортах. Дело в том, чтобы меньшие отряды, не привлекая на себя внимания Москвы, прибывали вовремя для забрания этих транспортов [3].

Уведоми, гражданин, как наискорее о состоянии сих мятежников, которыми распоряжаешься, и пришли положительное описание стычек 7, 8 и 9 мая, а также о дальнейших с того времени приключениях.

Поздравление и братство!

ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, лл. 43—44. Перевод с польского [4]
Опубл.: А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильна, 1866, стр. 11—12

[1] *Имеется в виду З. Сераковский, взятый в плен под Биржами 26 апреля 1863 г.*
[2] *См. док. 9.*
[3] *В сохранившемся в копии письме к И. Лясковскому (без даты) уполномоченный Отдела, управляющего провинциями Литвы, по доставке оружия предлагал,* чтобы не пострадало целое предприятие, не переходить за черту, протянутую от Россиен до Ворнь, ибо за этой чертой и границей должны приниматься транспорты. На основании данной мне инструкции пред самым началом дела потребую от тебя, гражданин, 20 или 30 человек испытанной отваги, нужных для первоначальной экзекуции [исполнения], так и для конвоирования транспортов... Само собой разумеется, что транспорты будут заключать небольшое количество оружия *(там же, лл. 52—53). Дополнительные сведения о договоре с бельгийским купцом сообщил Лясковскому гражданский начальник Ковенского воеводства А. Хмелевский в письме от 6(18) мая (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1095, л. 14). В письме говорилось, что транспорт должен быть принят в течение 24 часов по прибытии, иначе купец прекращает контракт.*
В этом же письме сообщалось о заготовлении под Кейданами для повстанцев запаса пороха в 250 пудов, 60 пудов свинца и 110 коробок пистонов.
[4] *Подлинник неизвестен. См. прим. 2 к док. 25.*

102

1863 г. мая 16, Шавли.— Рапорт командующего войсками 2-го отдела Ковенской губ. Е. И. Майделя [1] *М. Н. Муравьеву о просьбе помещика Поневежского у. И. Станевича взять его под стражу в связи с угрозами повстанцев*

8 числа сего месяца к шавельскому военному начальнику явился помещик Поневежского у. Станевич и объявил, что, заставленный угрозами, он должен был вступить в одну из мятежнических шаек и только по прошествии недели вследствие просьб его и болезненного состояния отпущен начальником шайки домой, но почти тотчас же по приезде в имение получил сведение о погоне за ним мятежников. В таком случае, предполагая, что они, вероятно, намерены вторично взять его в шайку или убить, он, Станевич, не теряя времени, отправился в Шавли, где и просил сам об арестовании его с посажением в тюремный замок, так как, по словам его, всякое снисхождение, оказанное ему законными властями, навлечет на него мщение со стороны мятежников, последствием чего будет неминуемое разорение его имения.

Донося об этом, полковник барон Деллинсгаузен присовокупил, что дворянин Станевич по приказанию его взят для содержания в Шавельский острог и что он готов добровольно удалиться из здешнего края [2].

[a] *Миля равна 7 верстам, т. е. 7,46 км.*

Представляя это обстоятельство в. вп., прошу вашего разрешения удалить помещика Станевича на жительство в Россию в виде административной меры после его арестования, о чем для сведения сообщить тому губернатору, в подведомство которого он перейдет по новому местожительству [3].

Командующий войсками 2-го отдела Ковенской губ.
и морского прибрежья Курляндии
ген.-лейтенант барон Майдель

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 465, л. 1. Подлинник

[1] *Военными силами, расположенными в Ковенской губ., в начале восстания командовал начальник 1-й кавалерийской дивизии ген.-лейтенант А. Ф. Лихачев. Ему же было поручено также обеспечение безопасности железной дороги от гор. Ковно до Вержболова и руководство войсками в Мариампольском у. Августовской губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 854а, лл. 39, 47).*

Когда в конце января 1863 г. в Ковенскую губ. прибыла 1-я пехотная дивизия, ее начальник ген.-лейтенант барон Е. И. Майдель, как старший по чину, был назначен командующим всеми войсками, расположенными в Ковенской губ. Вскоре, однако, в связи с усилением восстания Ковенская губ. была разделена на два отдела: 1-м отделом с центром в гор. Ковно руководил Лихачев, 2-м отделом с центром в гор. Шавли — Майдель. Новоалександровский у. Ковенской губ. был причислен к группе северо-восточных уездов: Дисненского — Виленской губ. и инфляндских — Витебской губ. (там же, лл. 97—99; «Архивные материалы Муравьевского музея...», ч. 2, стр. 54).

[2] *Как показывают другие документы (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494. оп. 1, д. 854а, лл. 2, 4—5), И. Станевич, с согласия М. Н. Муравьева, содержался в Шавельской тюрьме до октября 1863 г., после чего был освобожден.*

[3] *О большой тревоге помещиков и их стремлении оставить край, охваченный восстанием, свидетельствует рапорт Е. И. Майделя М. Н. Муравьеву от 25 июня 1863 г., в котором сообщалось, что многие помещики обращаются к военным начальникам с просьбой разрешить им поселиться в Курляндии и других местах вне района восстания (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 485, л. 1).*

103

1863 г. мая 27.— Донесение Ковенского губернского правления М. Н. Муравьеву о последствиях уничтожения повстанческими отрядами документации административных и полицейских учреждений в губернии [1]

Ковенский, Вилкомирский, Россиенский, Шавельский, Новоалександровский и Поневежский земские суды, Шавельский уездный суд и Шадовская городовая ратуша донесли губернскому правлению об уничтожении мятежниками дел и бумаг в некоторых становых квартирах и Шадовской городовой ратуше [2]. Губернское правление, имея в виду, что, несмотря на принятые и принимаемые меры к поддержанию и водворению общественного спокойствия в губернии, действиями партий мятежников, появляющимися в разных местностях, затрудняются сообщения, уничтожаются дела, книги и бумаги полицейских управлений, а равно, что полицейские чиновники, имея постоянно особенные занятия, сопряженные с исключительным положением края, не в состоянии исполнять обыкновенных дел и поручений, честь имеет донести в. вп., что изложенные обстоятельства, не дозволяя губернскому правлению требовать от подчиненных ему мест и лиц своевременных исполнений по делам, ставят тем и самое губернское правление в невозможность успешно

производить как обыкновенные текущие дела, так равно исполнять указы правительствующего сената и требования вообще правительственных лиц и мест, для исполнения чего требуется входить с подведомственными учреждениями в сношения.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер
Вице-губернатор Корецкий
Советник Пухальский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 313, л. 1. Подлинник

[1] *Об уничтожении повстанцами документов административных и полицейских учреждений Ковенской губ. см. также док. 97 и прим. 2 к нему.*
[2] *Об уничтожении документации в Тельшевском у. см. док. 113.*

104

1863 г. июня 8.— Рапорт Ракишского сельского правления новоалександровскому окружному начальнику государственных имуществ Труневу об отказе крестьян фольв. Якутышки и дер. Милюны дать подводы для военных надобностей

На предписание г. новоалександровского уездного предводителя дворянства от 28 мая за № 692, основанного на требовании г. новоалександровского военно-уездного начальника, насчет высылки в г. Новоалександровск на стойку при земском суде четырех пароконных подвод с 1 сего июня по 1 число предстоящего июля к употреблению единственно для воинских надобностей в заведывание г. военного начальника, вследствие чего сельское правление командировало старосту Антона Лавжадиса, который, прибыв в б. фольв. Якутышки и дер. Милюны, объявил домохозяевам, дабы они нарядили нужное число на прописанную надобность подвод, именно: из б. фольв. Якутышки Антону[a] с сыном Антоном Красовским и из дер. Милюн Томашу Юревичу, Адаму Гашке, Гасперу Юревичу и Казимиру Кесюнасу, которые вместо исполнения приказания его, старосты, при довершении ругательств вовсе отказались от высылки этих подвод, а последние из них, т. е. в дер. Милюнах, вооружились в палки, в ночное время гнались за старостою в намерении нанести побои. Видя явную ослушность, сам старшина Яцек Соколовский с выборными Францем Корегою и Казимиром Бароном отправились в дер. Милюны и понуждали домохозяев Томаша Юревича, Адама Гашку, Гаспера Юревича и Казимира Кесюнаса отправиться в Новоалександровский земский суд, но они, поноша старшину неприличными ругательствами, по-прежнему отказались от исполнения сей экстренной повинности, а в особенности отличался в сим перед прочими Томаш Юревич, который замечен в подстрекательстве прочих крестьян, ныне дерзнулся выгнать со двора выборных, да к тому же явился для участия в общем этом деле тамошний кутник Колоцко, которого старшина велел захватить под арест за ругательство. Он, отбежав на сторону и вооружившись в топор, почти с бешенством бросился в этом виде на выборных домохозяев, каковым действием старшина нашел себя заставленным возвратиться с выборными в сельское правление.

---

[a] *В тексте* Антона.

О чем сельское правление, донося в. вб., имеет честь просить начальственного распоряжения о подвержении виновных, в пример целому обществу, законному взысканию с почтительнейшим присовокуплением, что подводы на вышепрописанную надобность остались наряжены и высланы с нарушением очереди из других деревень.

Сельский старшина Яц. Соколовский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 12, ч. 1, лл. 19 и 21. Подлинник

105

1863 г. июня 11.— Рапорт и. д. временного исправника в районе м. Биржи Поневежского у. В. Яковлева М. Н. Муравьеву о мерах, принятых для подавления сопротивления крестьян в этой местности [1]

Ген.-адъютант барон Ливен, вследствие отношения вашего, полученного им по телеграфу 2 июня, приказал мне именем в. вп. восстановить гражданский порядок в тех местах Поневежского у., которые будут заняты войсками полковника барона Будберга, и при этом действовать энергически. 5 июня вечером вместе с войском я прибыл в м. Биржи, где предполагается постоянная стоянка двух рот из числа четырех, которые находятся под командою барона Будберга. 6 числа я открыл временное управление и того ж дня восстановил Биржанское волостное управление. 7-го восстановлены Подбиржанское волостное управление и Кринчинское сельское управление, 8-го — Бруновишское волостное управление и Жедейканское сельское. Два-три дня еще — и во всей местности, на которую могут иметь влияние 2 роты, предназначенные для пребывания в Биржах, порядок будет водворен [2]. Покорность полная, но сочувствия к правительству никакого, за исключением одной Биржанской вол., которая в этом отношении составляет резкое исключение.

Эта волость, составленная преимущественно из реформатов, не только всеми силами содействовала экспедиции ген. Ганецкого, но продолжает помогать и отряду полковника Будберга. Совершенно добровольно, без всякого возмездия, 7 человек из этой волости исполняют при нем должность казаков и исполняют превосходно. Волость эта передала мне адрес к государю императору, который имею честь препроводить в. вп. [3]

Как меру необходимой осторожности, я предписал старшинам:

1. Строго наблюдать под личною их ответственностью, чтобы никто, приписанный к волости, не отлучался от места своего жительства.

2. Всех молодых кутников распределить по хозяевам, которых обязать под личною ответственностью строго смотреть, чтобы кутники, им отданные, не отлучались из волости.

3. Составить верные списки всем тем, которые находятся в отлучке, следовательно, дают повод полагать, что они перешли к мятежникам.

4. Всех неповинующихся представлять немедленно мне для передачи барону Будбергу.

5. Под строжайшею ответственностью ту же минуту извещать меня о появлении шаек.

О действиях отрядов войска мне известно следующее:

5 числа вечером вступили в м. Биржи под командою полковника барона Будберга 3 роты Белозерского полка, в том числе одна стрелковая; 6 числа 2 роты делали поиск по направлению к мызе Гульбин на расстоянии 15 верст.

7 числа вечером пришел в Биржи из Новоалександровска полковник кн. Кропоткин с 3 ротами Олонецкого полка, одним эскадроном л.-гв. Уланского полка и 28 казаками и 8 числа рано утром отправился по направлению к Вобольникам. 8 числа пришла в Биржи 1 рота Шлиссельбургского полка, принадлежащая к отряду барона Будберга. 9 числа полковник барон Будберг рано утром отправился с двумя ротами, в том числе стрелковою, по следующему направлению: Подбиржи, Гульбин, Межуны и Кринчин.

В Биржах осталось 2 роты Белозерского полка под командою капитана Брунова.

Отставной подпоручик Яковлев

июня 11 дня 1863 г.

м. Биржи

№ 1

Получены следующие известия: барон Будберг благополучно прибыл в Кринчин 9 числа вечером, барон Мантейфель 9 числа прибыл в Посволь с 2 ротами, не далее 10 верст от Кринчина. Кн. Кропоткин делал поиск в лесной местности Зеленка [4] и отправляется обратно в Динабург.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1791, лл. 1—2. Подлинник

[1] *Крестьяне окрестностей м. Бирж Поневежского у. накануне восстания оказывали упорное сопротивление властям (см. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», док. 157 и примечания к нему).*

В апреле 1863 г. эта местность стала ареной упорных боев повстанцев З. Сераковского с карателями, возглавляемыми ген. Ганецким. После поражения Сераковского рижский ген. губернатор В. К. Ливен, по договоренности с виленским ген.-губернатором, временно назначил в Биржи подпоручика В. Яковлева для исполнения полицейских должностей исправника и станового пристава в тех местах Поневежского у., которые с 5 июня 1863 г., после ухода войск ген. Ганецкого, будут заняты отрядом барона Будберга, направленным из Рижского военного округа (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1791, л. 3).

[2] *Однако в рапорте М. Н. Муравьеву от 23 июня 1863 г. Яковлев сообщал, что, несмотря на то, что уже открыто 12 сельских и волостных управлений, крестьяне продолжают оставаться неблагонадежными. «Я боюсь,— говорилось в рапорте,—* слишком удалиться от м. Биржи, где расположены 4 роты полковника Будберга, на содействие которого я единственно могу рассчитывать. Сельское население, за исключением 4 тысяч душ реформаторов и небольшого числа латышей, все против нас». *По словам Яковлева, в Кринчинском сельском управлении через 4 дня после его открытия повстанцы вновь уничтожили заведенные книги (там же, л. 8).*

[3] *Адреса в деле не имеется. Из пометы на документе явствует, что адрес был направлен министру внутренних дел.*

[4] *Дремучий Зеленковский лес (Жалеи гиря) в Поневежском у. был в 1863—1864 гг. базой для действий многих повстанческих отрядов.*

106

1863 г. июня 28 (июля 10).— Предписание командира повстанческого Надневяжского полка Т. Кушлейко о командировании отряда под командованием Н. Орловского в околицу Ляўда [1]

Władza narodowa wykonawcza

komenderuje oddział pod dowództwem Nikodema Orłowskiego w okolice Laudy; do pomocy daje się Wincenty Pawłowski. Podwładni obowiązani wyżej wymienionemu naczelnikowi być posłuszni, wypełniać jego rozkazy bez najmniejszego oporu. Dowódca oddziału N. Orłowski powinien dbać o powierzonych sobie ludziach, starać się ile możności aby byli syci, unikać aby nie wpaść w ręce wrogów, zachować największą ostrożność, stawiać pikiety, niepokoić nieprzyjaciela, zabierać rządowe moskiewskie pieniądze, niweczyć wszelkie rozporządzenia, przekraczać rząd policyjny, zaprzeczać ile możności dawać furmanki pod przejazd moskiewski, niszczyć rogatki, mosty, przewozy, poczty, rozbijać włościańskie zapasne magazyny. Ludzie powinni zachować się jak najskromniej, niedopuszczać sobie najmniejszych nadużyć przeciwko mieszkańcom, zachowynac siebie trzeźwo. Żywność powinni mieszkańcy dawać na zapotrzebowanie naczelnika oddziału jako też wszelką pomoc bez najmniejszego oporu; w przeciwnym razie będą karani od władzy narodowej i zanotowani jako nieprzychylni. Naczelnik oddziału ma prawo za rewersem brać odzienie, bieliznę i obuwie, jeżeli są nieodbicie potrzebne dla oddziału [2].

Dnia 10 lipca 1863 г.

Dowódca pułku Nadniewiażskiego T. Kuszłeyko
Adiutant J. Jankowski

Печать Надневяжского полка

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 548, л. 12. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальная исполнительная власть

направляет отряд под командованием Никодема Орловского, в помощь которому придается Винцентий Павловский, в околицу Ляуда. Подчиненные обязаны повиноваться вышеуказанному начальнику. Командир отряда Н. Орловский должен заботиться о вверенных ему людях. Прилагать все усилия к тому, насколько позволяют возможности, чтобы они были сыты, стараться не попасть в руки врага, соблюдать величайшую осторожность, расставлять пикеты, беспокоить неприятеля, захватывать деньги, принадлежащие русскому правительству, сводить на нет все его распоряжения, нарушать установленный полицией порядок, препятствовать, поскольку это будет возможно, предоставлению подвод для провоза русских войск, уничтожать шлагбаумы, мосты, перевозы, почтовые станции, громить сельские запасные магазины. Люди должны вести себя самым скромным образом, не допускать никаких актов насилия против населения, не допускать пьянства. Местные жители по требованию начальника отряда обязаны беспрекословно предоставлять продовольствие и оказывать любую другую помощь. В противном случае они будут караться национальными властями и браться на учет как враждебно относящиеся к ней. Начальник отряда имеет право при усло-

ви выдачи соответствующей расписки изымать для нужд отряда одежду, белье и обувь, если это диктуется строгой необходимостью[2].

10 июля 1863 г. Командир Надневяжского полка Т. Кушлейко

Адъютант Ю. Янковский

[1] *Документ найден властями при аресте Н. Орловского 1 октября 1863 г. в дер. Кайранели Ковенского у. В деле находятся еще два документа, отобранных у Н. Орловского: приказ от 5 мая 1863 г. о назначении его поручиком 2-го плутона (взвода) 1-й роты Надневяжского полка (л. 11) и расписка за подписью «Гарибальди» о реквизиции лошади (л. 10).*

[2] *Аналогичное предписание Т. Кушлейко дал начальнику «отделения» Ю. Монтовту, командируя его примерно в это же время в окрестности м. Кейдан Ковенского у. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1480, лл. 22—23). В том же деле имеется подписанное Т. Кушлейко предписание Ю. Монтовту собирать подписи у населения о неподчинении приказам царских властей. Документ содержит 35 подписей крестьян Ковенского у. (лл. 21—22).*

107

1863 г. июня 28, м. Шкуды.— Рапорт военного начальника 2-го стана Тельшевского у. подпоручика Савченко тельшевскому военному начальнику подполковнику Качаунову о требовании повстанцев вывести войска из м. Шкуды

Сейчас найдено на улице против костела на имя мое письмо следующего содержания: «Господин военный начальник. Покорно просим Шкуды сейчас очистить от войск, ибо в противном случае мы разобьем наголову, нападем на местечко. Инсургенты, 28 июня». Донося об этом в. вб., имею честь доложить, что я принял меры к отражению мятежников и нахожусь в м. Шкудах с ротою Архангелогородского пех[отного] полка. Причем прошу выслать мне подкрепление, дабы я мог в случае нападения инсургентов на другое местечко дать помощь там, не оставляя м. Шкуд без войска.

Военный начальник 2-го стана
подпоручик Савченко

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 1, л. 247. Подлинник

108

1863 г. июля 17, Шавли.— Рапорт командующего войсками 2-го отдела Ковенской губ. Е. И. Майделя М. Н. Муравьеву о трудностях борьбы с повстанцами

Считаю своею обязанностью объяснить в. вп. с необходимыми подробностями положение края, находящегося в моем ведении. Шавельский, Тельшевский и Россиенский уезды по своему богатству, изобилию лесов и близости сухопутной прусской границы и морскому берегу, откуда мятежники постоянно ожидают помощи оружием и людьми, сделались как бы центром восстания в Ковенской губернии.

В настоящее время, по имеющимся сведениям, в этих трех уездах находятся следующие шайки мятежников: 1) Мацкевича и Згерского[1] до 1000 человек, 2) Яблон[ов]ского 500 человек, 3) Шимкевича 500 чело-

век, 4) Кушлейки 150 человек, 5) Богдановича 500 человек, 6) Матушевича [2] 100 человек, 7) Станевича 150 человек, 8) Гросса 100 человек, 9) Гедговда [а] 100 человек, 10) Александрайтиса [3] 100 человек и 11) Люткевича в 300 человек [4].

Формирование шаек производится обыкновенно в больших лесах и с величайшею тайною и не в одном, а в нескольких пунктах разом. В каждом из пунктов собираются сперва шайки в 20 или 30 человек, где они обучаются, обмундировываются и вооружаются, и когда эти отдельные шайки уже готовы, тогда соединяются вместе и составляют таким образом шайку в несколько сот человек, о существовании которой я получаю уже тогда сведения, когда сформировавшаяся шайка начнет свои движения по уездам.

Предупреждать формирование шаек, не имея края в своих руках, я не нахожу решительно никаких средств.

Действия войск вверенного мне отряда против мятежнических шаек известны в. вп. из моих донесений, из коих видны труды, переносимые войсками. Так, например, Стр[елковый] бат[альон] имп[ераторской] фамилии от 3 мая по 15 июня сделал 1124 верст, 3-й гренад[ерский] стр[елковый] бат[альон] в продолжение мая мес[яца] сделал с лишком 700 верст, в таком размере и прочие войска, но я, со своей стороны, необходимым считаю объяснить, с какими часто непреодолимыми препятствиями сопряжены действия наших войск против мятежнических шаек, как трудно при настоящем положении края согласовать действия отдельных колонн и в каких иногда, можно сказать, безвыходных положениях бывают отдельные отрядные начальники.

Получая почти всегда запоздалые сведения о месте нахождения шаек, мои распоряжения для преследования мятежников бывают часто несвоевременны, иногда и вовсе не исполняются, потому что мои приказания, посылаемые отдельным начальникам, или перехватываются мятежниками или не застают отрядов на месте, куда послано мое приказание, так как каждый отдельный начальник снабжен мною инструкциею действовать по обстоятельствам и по требованию других отдельных начальников. Точно в таком же положении находятся и все отдельные отрядные начальники, которым иногда представляется возможность действовать совокупно против одной и той же шайки. Вследствие чего вместо моих распоряжений или соглашений отдельных отрядных начальников действовать против шайки тремя или более колоннами, шайка часто преследуется только одною колонною, состоящею из двух или трех рот, которая при столкновении с мятежниками хотя и наносит им поражение, но по своей малочисленности не имея возможности вести атаку с двух или более сторон, не может их совершенно уничтожить. Притом же мятежники, имея самые верные сведения о преследующих их отрядах, принимают бой только тогда, когда отряд в три или четыре раза их слабее, а совершенное знание ими местности [б], и, как всегда атакуемые, мятежники заставляют наши отряды атаковать их при самых невыгодных для нас условиях, кроме того, предводители мятежнических шаек, имея край через терроризм в полном их распоряжении и находясь через то в постоянных между собою сношениях, часто соединяют

[а] *В тексте* Гетгофта.

[б] *Мысль не закончена, так в тексте.*

несколько шаек в одну и противуставят преследующему отряду неожиданную для отряда силу. Так случилось 25 прошлого мая месяца под Цытовянами, где были соединены три шайки: Мацкевича, Станевича и Богдановича, и под Попелянами 10 числа сего месяца, где были соединены шайки Яблоновского, Александрайтиса и Станевича. После же боя мятежники, чтобы затруднить для наших войск преследование, снова разделяются и при отступлении принимают различные направления. При таких обстоятельствах отрядный начальник может преследовать только одну часть разбитых мятежников, и часто случается, что преследует самую меньшую, которая по своей малочисленности делает преследование бесполезным.

Из вышеизложенного видно, что главные причины, затрудняющие действия наших войск против мятежнических шаек, суть:

1. Недостаток сообщений. Нередко мои распоряжения, посылаемые к отрядным начальникам, и их донесения ко мне перехватываются мятежниками, через что я иногда не получаю о действующем отряде по пяти дней никаких сведений, и, не имея известий, какое отряд принял направление и в каких он находится обстоятельствах, я не имею средств ни усилить отряд, ни снабдить его вовремя провиантом, ни передать ему моих приказаний;

и 2. Недостаток сведений: о формировании шаек, о месте их нахождения и, наконец, о направлении, которое будет[a] шайка, если она преследуется. Отрядные начальники только случайно и под страхом жестоких наказаний находят себе проводников, которые иногда по незнанию, а иногда с умыслом дают отряду совершенно фальшивое направление, через что отряд теряет след шайки и возвращается из экспедиции без всяких результатов.

Чтобы уравновесить действия наших войск против мятежников, нужно стараться об утверждении в крае нашей власти, и восстановление становых квартир будет к тому первым шагом. О чем я уже имел честь доносить в. вп.

Ком[андующий] войск[ами] 2-го отд[ела] Ковен[ской] губ.
ген.-лейт[енант] барон Майдель 2-й

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 759, лл. 236—239. Копия

[1] *Т. е. И. Лясковский (псевд. «Игнатий з Гурщизны»).*
[2] *«Матушевич» или «Матусевич» — псевдоним Р. Красовского.*
[3] *«Александрайтис» — псевдоним Северина Гросса, упомянутого выше.*
[4] *Количество повстанцев в некоторых отрядах преувеличено.*

109

1863 г. июля 24, Вилкомир.— Донесение чиновника особых поручений ведомства государственных имуществ В. А. Лупандина вилкомирскому военному начальнику полковнику Моллеру об упорном сопротивлении крестьян Ушпольского общества устройству сельских караулов[1]

Имею честь довести до сведения в. вб. следующее:

5 сего июля я прибыл на сход Ушпольского общества для составления приговора о назначении караульных. Пригласив местного ксендза,

[a] *Так в тексте.*

прибывшего с конвоем прапорщика Капорского полка Эрбоме и всех должностных лиц сельского управления, объявил и изъяснил подробно высочайше утвержденные 24 апреля правила об устройстве караулов, и как желающих не оказалось, то предложил сделать назначение. Крестьяне отказались положительно, несмотря на увещания ксендза. Наконец, после долгих толков и увещаний, что никуда не пошлют далее их общества, объявили, что посоветуются между собою и пришлют ко мне в Вилкомир 8 июля выборных. Но в этот день я получил рапорт старшины, что крестьяне ехать не захотели, не желая назначать караулов.

Я назначил вновь сход в м. Уцяны, в 1 миле от Ушполя, 13 июля, куда крестьяне и собрались до 350 человек. Здесь я опять объяснил цель устройства сельских караулов, пользу их для прекращения мятежа и для самих поселян, увещевал не верить злонамеренным толкам и исполнить волю правительства для их же собственного спокойствия. Слова мои повторил местный кс. Милашевич на жмудском наречии и также долго увещевал послушаться. При этом был с конвоем прапорщик Эрбом и корнет лейб-драгунского полка гр. де Лотрек. Сход кричал, что не хочет делать назначения. Я вызвал старшину и требовал, чтобы он отделил выборных особо за изгородь на дворе, но старшина, недавно вступивший в должность, выборных, как объяснял мне, не знал. Надеясь их скорее уговорить, я стал сам вызывать, но крестьяне закричали, что выборных не пустят и что все заодно не согласны и не хотят караулов. Тогда я предполагал лучшим расставить их рядами и спрашивать их поодиночке. Когда я спросил первого, тот отговорился, будто не понимает по-русски, а второй на спрос мой, согласен ли исполнить волю царя, осмелился сказать: «Не согласен». Я тотчас велел казаку взять ослушника, намереваясь отправить его тотчас на распоряжение в. вб., как вдруг все крестьяне зашумели, бросились на казака, сбили его и вырвали крестьянина с криками: «Не выдавай», повалили забор, напирая всею массою на меня и обоих офицеров, но я отбежал в сторону к крыльцу, где стоял часовой. Между тем солдатам, слышавшим и видевшим всю эту сумятицу, велено было отгонять крестьян прикладами. При этом человек 10 были ушиблены. Через несколько минут нам удалось утишить волнение. Медик лейб-драгунского полка Боровский оказал ушибленным пособие. Вслед за сим я собрал кругом себя всех крестьян уже при войске и вновь уговаривал не бунтовать, а покориться, содействовать войскам в поимке мятежников, прекращать подвоз припасов в леса и тем положить скорее конец мятежу и для собственной пользы, а не усиливать собственным дерзким ослушанием воле государя, для нас всех столь милостивого. Тогда все крестьяне согласились составить приговор и все подняли руки.

В тот же день к вечеру, когда еще крестьяне не разъехались, явились ко мне по поручению всех домохозяев старшина Тарвидович, добросовестный Баура, домохозяева Доминик Жвиранас, Никодим Намикас и просили не доносить о всем происшедшем высшему начальству. Когда я сказал, что это невозможно, то просили ходатайствовать о прощении объясняя, что всему виновны мятежники, которые, быв в апреле в обществе, когда разграбили общественный сундук, внушали им: «Вот вы какие большие платите подати, вот как вам дурно жить под властию русского царя». Теперь обещают действовать против мятежников со всем

усердием и тем загладить свою вину. Я вышел к крестьянам и опять растолковал им то, что ожидает от них государь, сказал, что единодушное содействие войскам против изменников есть единственный способ оправдаться со временем и доказать, что и они верные подданные своего государя.

К несчастью, во время свалки ранены двое крестьян, уже стариков; впрочем, крестьяне Ушпольского общества, кажется мне, поняли, что при настоящем мятеже нельзя держаться двух сторон и что необходимо выбрать законную.

А потому я, представив такого же содержания рапорт е. п. Николаю Михайловичу Муравьеву, ходатайствовал о прощении, если возможно, Ушпольского схода, принимая в уважение их, по-видимому, искреннее раскаяние, но, как ныне рабочая пора, то я дополнил, что было бы весьма полезно дозволить крестьянам отправлять караулы, чередуясь по двое или по трое суток всем обществом, а не по две недели, и только тем лицам, которые ими назначены по приговору.

Чиновник особых поручений В. Лупандин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1252, оп. 1, д. 2, лл. 421—422. Подлинник

[1] *Борьба крестьян Ковенской губ. против сельских караулов носила повсеместный характер. Об отказе крестьян Дусятского сельского общества Новоалександровского у. образовать караулы см. акт от 23 июня 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 12а, л. 58).*

110

1863 г. июля 29 (августа 10).— Письмо повстанческого комиссара Ковенского повета военному начальнику Сейненского повета Августовского воеводства по поводу предполагаемого перехода отрядов в Ковенское воеводство

Do Nacz[elnika] woj[ennego] w pow. Sejneńskim [a]
Komisarz pow. Kowieńskiego

Po aresztowaniu wojew[ódzkiego] cyw[ilnego] w Kownie wszystkie korespondencje z obozami zaginęły. Przypadkiem dowiaduję się, że miałeś, Obywatelu, zamiar z oddziałem swoim udać się na Żmujdź dla połączenia się z wojew[ódzkim] wojen[nym] Kowieńskim [1]. Otóż pisałem do niego czy się na to zgadza; odpisał prosząc o jak najprędsze przybycie do lasów między Niewiażą, Dubissą i Niemnem, gdzie czekać na połączenie będzie. (W Wilkiji stoi wojsko moskiewskie).

Oznajm zatem, Obywatelu, czy masz jeszcze zamiar przejścia na Żmujdź i kiedy je uskutecznisz. Postaramy się wiadomościami i przewodnikami aż na miejsce ułatwić wyprawę.

Przyjm serdeczne bratnie pozdrowienie.

10 sierpn[ia] (29 lipca) Kowno

НБ ВГУ, А-т, 35, № 6407. Подлинник

---

[a] *В тексте ошибочно* Sejnejeńskiego.

ПЕРЕВОД

Военному начальнику Сейненского повета
Комиссар Ковенского повета

После ареста гражданского воеводы в Ковно вся переписка с лагерями пропала. Случайно я узнал, что ты, гражданин, имел намерение отправиться со своим отрядом в Жемайтию для соединения с ковенским военным воеводой[1]. Я написал ему, согласен ли он с этим. Он ответил мне просьбой по возможности скорее прибыть в леса между Невяжей, Дубисой и Неманом, где он будет ожидать соединения (в Вилькии стоят русские войска).

Поэтому сообщи, гражданин, имеешь ли ты еще намерение перейти в Жемайтию и когда приведешь его в исполнение. Мы постараемся облегчить переход нужными сведениями и проводниками на месте.

Прошу принять братский привет.

10 августа (29 июля). Ковно

[1] *О переходе повстанческих отрядов из Августовской губ. в Ковенскую сведений не имеется. По-видимому, переход, о котором идет речь в документе, не состоялся. Возможно, переписку между руководителями Ковенского и Сейненского поветов следует связывать с неосуществившимся планом посылки крупных повстанческих отрядов из Августовского воеводства в Ковенское — см. прим. 1 к док. 150.*

111

1863 г. августа 18(30), лагерь в лесу Зеленка Поневежского у.— Рапорт командира повстанческого отряда Э. Люткевича («Людобронского») Национальному правительству в Варшаве и начальнику Ковенского воеводства с разоблачением антинародной деятельности помещиков [1] *

Dowódca oddziału
sił zbrojnych narodowych
Ludobroński
R. 1863 [a] sierpnia 30 d. w obozie [a]

Do Centralnego Komitetu jako
Rządu Narodowego [2]
[б] Do Naczelnika województwa
Kowieńskiego [б]

Pierwszy oddział powstańczy w naszej stronie, a jeden z pierwszych w naszym powiecie, był to mój. Przyjęcie dowództwa przeze mnie nastąpiło wskutek rozkazu wyższej władzy, objawionego mnie przez okręgowego naczelnika ś. p. Krzysztofa Grużewskiego. Naczelnik wojewódzki Dołęga po porozumieniu się ze mną i wyjaśnieniu mu przeze mnie intryg przed nim na mnie knowanych, udzielił mi potwierdzenie na dowódcę oddziału. Nominacja przez niego mnie w dokumencie znajduje się u mnie. Po zejściu z pola działania Dołęgi intrygi niektórych obywateli naszych zrobiły to, iż zostałem bez wszelkiej komunikacji z kimkolwiek, bez pieniędzy, bez broni, prochu i amunicji; lecz i temum doradził, bo sam sobie stworzywszy oddział, dostał też prochu, amunicji, broni i pieniędzy, tak iżem część tego oddziału ze wszystkim udzielił innym: np. Dołędze 300 zbrojnych ludzi i 2500 rub. sr., Jakubowskiemu 100 ludzi i 1000 rub. sr. Pieniądze po

а—а *Дописано карандашом.*
б—б *Дописано карандашом.*

większej części zebrałem z moskiewskich podatków. To dałem, a sam[a] nic z tego prawie[a] nie otrzymałem, żadnej pomocy, chyba przeszkody.

Intrygi naszych panów obywateli sięgały tak dalece, iż pieniądze przysłane nam zostawały zatrzymywane na cel niewiadomy przez prywatne osoby, na ręce których je przysyłano; np. parafialny naczelnik cywilny p. Kudrewicz zatrzymał 700 rub. sr. przysłanych dla mnie ze składek z Rygi. Również postąpił on z prochem przysłanym dla mnie, którym rozporządził się po swojemu. Część tylko prochu przysłanego mi przez Jabłonowskiego odebrałem i to dopiero, gdym go chciał aresztować i zabrać z prochem razem do obozu, by był świadkiem jak się bić będziemy[a]. Część ludzi[a] moich narzeka, że bez prochu bić się nie możemy i nie chcemy. Dał więc część prochu, a od przybycia do obozu się wymówił. Po otrzymaniu prochu zaraz i stoczyliśmy bitwę[a] walną[a] i zwycięską pod Wiczem, potem również biliśmy się i pod Wilejszem. Gdy zabrakło prochu, chwilowo[śmy] scichli. Potem niemałą ilość prochu i innych rzeczy zrabowali u Kudrewicza moskale przy napadzie na dwór jego razem z bronią i amunicją przesiadujących tam rozproszonych wskutek ich intryg partyzantów mego oddziału i niektórych Jabłonowskiego. Ów Kudrewicz przez cały czas urzędowania swego aż do zabrania go przez moskali tylko paraliżował nasze czynności[3].

Przyczyna intryg tych panów ku naszemu obozowi leży w tym, że ja stosując się do[б] duchowej treści[б] rozporządzeń Centra[lnego] Komitetu jako Rządu Narodowego i[б] moich[б] przekonań, objawiłem wszędzie manifest Komitetu Centralnego, ogłaszając równość stanów i wyznań, zniesienie pańszczyzny i czynszu a uwłaszczenie ludu rolniczego, co nie podobało się tym panom obywatelom, których większa część (prawie wszyscy) wybierali czynszy do ostatniej chwili, aż im moskale [tego] nie przekrócili, wziąwszy wybierane czynsze na swe ręce[4]. Na te ich szemrania i życzenia[б] nie głoszenia[б] manifestu rozumie się, że nie zwracałem uwagi. Oto są przyczyny ich niechęci [б]wyznawane[б] przez nich między sobą, a głośno wyjawiano i wynajdywano różne inne bezzasadne powody, którym, dziwi nas to mocno iż niektórzy nawet koło wyższych władz będący, nie spytawszy mnie o tym, dają ślepą wiarę i decydują się nawet odzywać się z ujmą dla nas, jak np. p. komisarz wojewódzki w liście swym do mnie z 4 sierpnia[5].

Za tyle trudów i starań z mej strony i podtrzymanie powstania przeze mnie w tych stronach, pomimo te wszystkie intrygi, nie spodziewam się bym zasłużył na tak małą lub i żadną wiarę, tak iżby na świadectwo jednego lub kilku, a choć i więcej fałszywych i często parcjalnych świadków i donosicieli, bez objaśnienia się ze mną ktoby nie bądź (nie mówię już o komisarzu pomienionym), choćby nawet najwyższa nade mną przełożona władza mogła odezwać się do mnie w dotkliwy sposób, robiąc mi przykre wymówki, jak to np. w tych słowach owego listu ośmielił się zrobić p. komisarz wojew[ództwa] Kow[ieńskiego]: «że uchybienia żołnierzy mego oddziału nakoniec przechylić mogą szalę mych zasług dla kraju, że włościanie zowią mych szeregowców rabusiami». Co wcale nie jest prawdą, bo właśnie u włościan więcej niż u kogo i niż jaki inny, mój oddział był i bodaj że jest dotąd popularniejszym, co zresztą się poświadcza szeregami

---

а—а *Текст документа местами поврежден. Прочтено предположительно.*
б—б *Прочтено предположительно.*

żołnierzy z lubu w mym oddziale. Zarzuty p. komisarza mnie czynione zbijam następnie:

1. Co do rabusiowstwa. Pomimo to iż może i z mego oddziału, jak i z innych wysłani i popełnią czasami nadużycia, to karać ich na samą niepewną oskarżającą ich gawędę i pogłoskę nie mogłem, bo nigdy dowodów mi nie składano, nikt się ze skargą do oddziału nie odniósł. Zresztą, jak słychać sam Pan Bóg takich ukarał i karze, bo wpadli i wpadają prędko w ręce Moskali. Przytem, biorąc qui pro quo, działania maruderów innych oddziałów i różnych nieoddziałowych włóczęgów nam przypisywać zwykli jako bliższym, powiększając i przekręcając przytem fakta. Niechby odnieśli się do mnie ze skargą i dowodami winy, a pewno że kara należna winowajcy by nie ominęła[а]. Dwa razy[а] gdy takowe były — to i zostali skazani na śmierć za rabunek i kradzież żołnierze mego oddziału nazwiskiem Herman[б] i Wielbieka[б].

2. Co do zabierania koni, prowizji i innych artykułów jak to: siodeł, trężelek, okryć[в], pęt i t. d., to cały nieraz rabunek na tym zależy, iż gdy jaki pan, niby to straciwszy klucze od składu wymawia się od wydania potrzebnych rzeczy (szczędząc je zapewno dla moskali, którzy zwykle nie pytając darmo i gwałtem zabierają to wszystko), że wówczas kto powie: «proszę otwierać, bo my i bez kluczy znajdziemy», na co zwykle klucz się znajduje. Przytem zaś cywilni naczelnicy chodzą koło naszych potrzeb w tych stronach tak opieszale, że dla nich można nic nie mieć i być głodnym i chłodnym i bezbronnym i po wystąpieniu na trzeci dzień skończyć partyzantkę i powstanie na niczym. W dowód tego komunikuję, iż przy liście od komisarza do wojewody Kowień[skiego] Rymwida, gdzie się wymaga by wszystko się brało przez cywilny zarząd a nie bezpośrednio, naczelnik parafialny p. Kuszelewski Józef z Nowego Dworu (może być jeden z oskarżających mię) pisze: «Prosiłbym Pana Naczelnika do Nowego Dworu nie przysyłać najmniej z miesiąc, bo moskiewski wojenny naczelnik mówi, że sami dają choć raportują, a zatem majątek grozi ruiną». Proszę dla obawy rabunku majątku, przez miesiąc przynajmniej nie wybierając sam, czekać nim władze cywilne wybiorą prowizje i nic nie jeść; oto i dla największych dewotów za długi zdaje mi się post.

3. Że o projektach układanych w obozie opowiadają szeregowcy za obozem — to fałsz, bo oni o nich nic sami nie wiedzą, chyba co właśnie trzeba by się rozgłosiło.

4. Co do sprzedaży niektórych rzeczy, to należało o tym, co się dowiedzieli, donieść nam wprzódy do obozu; i o ile się nam zdaje, to tylko domysł komisarza, nic więcej: «To są zapewno wszystko rzeczy z rabunku». Mogłoby się to najdalej stosować do jednego tylko chyba wypadku, gdzie szpieg i agent moskiewski co łowił powstańców i oddawał ich w ręce moskali; naprowadzał przytem tychże moskali na sąsiednie wsie w Suboczu karczmarz i kramnik, Żyd Pinchas; został za karę zniszczonym czyli zrabowanym (gdy sam uciekł) przez naszych kozaków, gdziem głośno oświadczył, że nie Izraelitę lecz łotra karzem.

5. Co do tego, że okrzykują wielu za nie sprzyjających naszej sprawie, a za przychylnych Moskwie — to bodajby to nie było słusznem, gdyż nasi

---

а—а *Написано карандашом вместо зачеркнутого* Raz.
б—б *Дописано карандашом.*
в *Прочитано предположительно.*

panowie — obywatele[a], nawet osoby niektóre z zarządu cywilnego tak postępowały, iż czynności ich zdawały się być nader podejrzanemi. Zwraca się więc na te działania naszych panów obywateli uwaga Rządu Narodowego, gdyż te działania w duchu wstecznym zdają się być dość silne, uorganizowane i nawet systematyczne w działaniach, a reprezentowane nawet bodaj i przez b. zarząd cywilny, a nie daj boże i czy nie w porozumieniu z Moskwą. Bo jak np. wytłumaczyć ten fakt ze mną p. Kudrewicza nb. parafialnego naczelnika ze wspólnikami: p. Kudrewicz z innymi robią komisję, uchwalającą zniszczenie mego oddziału i dążą do urzeczywistnienia tego pokątnie i skrycie, drogami podziemnymi, krecimi, intrygą i zdradą, po machiawelsku.

A to tak: niedawno przed nastąpieniem tej ich intrygi i zdrady ja cały mój oddział dość liczny podzieliłem na części, poddziały i każdy z poddziałów posłałem w inną stronę i tak na wsze strony, a to: 1) dla uniknienia od Moskwy, ze wszech stron wówczas nacierającej i to wielką masą, od której tak tylko uniknąć było można, a która potem o wiele się zmniejszyła; 2) dla osadzenia różnych punktów do przeciwdziałania Moskwie i niszczenia jej administracji, a zaprowadzenia swej; 3) dla większej propagandy i dla ułatwienia wzrostu oddziału, i na koniec, 4) dla wezwania ludu do pospolitego ruszenia. Oni zaś tymczasem w każdym prawie z tych poddziałów przez swych agentów zaszczepiają wątpliwość i niewiarę w sprawę, sieją fałszywe pogłoski zastraszające i odbierające ducha, aż w końcu zapewno przez fałszywy akt pozbawiający mnie dowództwa, z podpisem niby wojewódzkiego i przez inne wybiegi rozpraszają poddziały, i każąc, niby to z mego rozkazu, którzy powiadają, żem wyjechał za granicę, jak i inni dowódcy — rozejść się wszystkim pojedyńczo i po dwóch.

Chcąc zabić — osłabiają ducha w narodzie, nadwerężają jego ufność w naszą świętą sprawę, prawią mu, że już z powstania nic nie będzie, że się wszystkie oddziały rozpierzchły, że dowódcy pozmykali za granicę, że wszyscy poskładali broń i wracają do domów, by tam pracować na roli, co i wy wszyscy uczyńcie za nimi. Oto w czym leży przyczyna rozpierzchnięcia naszych żołnierzy i ich wpadania w ręce moskali i dobrowolnego im z bronią poddawania się, zniechęcenia się i [б] wykrywania [б] wspólników, a głównie przywódców, jako podług ich takich, co ich zwiedli, stąd chodzenie bezładne po kraju i samowolne wyskoki przy różnych zdarzeniach z konieczności lub swawoli, rabunki i ogólne osłabienie, jeśli nie opadnięcie ducha.

A więc niechby p. komisarz wojewódzki i inni postarali się wejrzeć w tę rzecz i wymawiać nie mnie, lecz tym, co się do tego przyczynili[в]. Teraz więc, po tak widocznych dowodach danych o intrygach naszych panów obywateli przeciwko nam i powstaniu na zasadach równości i wszelkiemu postępowi śmiałemu w ogólności, gdy część ich widocznie przychylna Moskwie, a reszta wcale o nas nie pamięta, a przypomni to chyba na szkodę naszą; po tym wszystkim mojem zdaniem, gdy widocznie na tej wyłącznie klasie ani wolność, ani Ojczyzna, ani postęp i duch czasu nic liczyć nie może u nas na Litwie, rozumiem, że trzeba budzić lud i lud głównie i na tym budzącym się lub w części już i przebudzonym i choć

[а] *Слово дописано карандашом.*
[б–б] *Прочтено предположительно.*
[в] *Опущено ошибочно повторенное* się.

mniej więcej nie zepsutym z gruntu ludzie budować nam nadal głównie należy. Najlepiej by było i tego się gorąco życzy, by w tym ś[wię]tym celu wszystkie stany, klasy niższe i wyższe w braterskiej miłości wspólnemi siłami dążyły do jednego wspólnego celu; lecz niestety to zbyt jest trudnym, bo z klasą tak nazwaną wyższą (arystokracją) trydno u nas dojść do ładu. Przytem notuje się, że przechodzenie z oddziału do oddziału jest nader szkodliwe dla oddziałów z wielu powodów, a więc proponuje się zapobiedz temu.

Prosi się przytem najwyższą władzę o przysłanie regulaminu dla wojska i o przesyłkę różnych rozporządzeń, gdy dziś niestety my nic nie otrzymujemy: żadnych wiadomości. W dodatku do objaśnienia na zarzuty komisarza powiem co się tyczy Dyncmana[6], że ten nie tylko w żadne niewłaściwe postępki i rabunki się nie wdaje, ale jest przytem w okolicach podbirżańskich jedynym kolcem dla moskali i karze tylko źle myślących mieszkańców. Co zaś do Antoszewskiego — ten naprzód że się oddzielił pomimo mojej chęci i to z zamiarem, jak świadczył, przyłączenia się do innego obozu. Lecz i o nim, o ile słychać, rabunku i gwałtów nie popełniał.

Teraz co do listu wojewody[7]. W końcu sierpnia otrzymane od wojewody pismo pozbawiające mię dowództwa, nie widzę też by się na jakiej słusznej mogło zasadzać przyczynie. Bo przyczyną to, co wymienione w liście być nie może, gdyż tam gdzie cel jest dobro wszystkich i głównie ludu jako klasy najliczniejszej, najpracowitszej i dotąd krzywdzonej — przyczyna iż oddział składa się przeważnie z ludu, nie jest przyczyną. Mówię przeważnie, a nie wyłącznie, gdyż tak jest, bo na kilkaset włościan mam parę dziesiątków ze szlachty[а] i obywatelskich synów nawet[а]. Jeśli zaś przyczyna jest czymś podobnym co pisał komisarz, jak to już wyżej wymieniłem, to proszę o śledztwo, a wówczas dopiero o sąd. Tymczasem oczekując śledztwa i wyroku, zostaję dowódcą, nie zdając nikomu oddziału.

[б] Dowódca oddziału sił zbrojnych narodowych w Zielonce[б].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1589, лл. 12—13. Черновик

ПЕРЕВОД

Командир отряда национальных вооруженных сил

Людобронский
30 августа 1863 г.
Лагерь

Центральному комитету, как Национальному правительству[2]

Начальнику Ковенского воеводства

Первым повстанческим отрядом в нашем округе и одним из первых в нашем повете был мой отряд. Я принял на себя командование отрядом по получении приказа высшей власти, который был объявлен мне начальником округа блаженной памяти Кшиштофом Гружевским. Начальник воеводства Доленга, связавшись со мной и выслушав мои объяснения относительно интриг, которые велись перед ним против меня, утвердил мое назначение на пост командира отряда. Оригинал подписанного им приказа о моем назначении находится у меня. После того, как Доленга сошел со сцены, интриги некоторых наших помещиков привели к тому, что я потерял связь со всеми

[а—а] *Дописано карандашом.*
[б—б] *Написано карандашом.*

и остался без денег, без оружия, пороха и боеприпасов. Однако и тогда я не растерялся, сам создал отряд, раздобыл и порох, и боеприпасы, и оружие, и деньги, так что смог оказать помощь и людьми и всем, что у меня было, и другим отрядам. Например, Доленге я дал 300 вооруженных людей и 2500 руб. сер., Якубовскому — 100 человек и 1000 руб. сер. Деньги большей частью я собирал за счет причитавшихся русскому правительству податей. Все, что у меня было, я раздавал, ничего не оставляя самому себе, на мою долю приходились одни лишь беды и неприятности.

Интриги наших господ помещиков дошли до того, что направляемые в наш адрес деньги задерживались в неизвестных целях частными лицами, в руки которых они попадали. Так, например, гражданский начальник прихода г. Кудревич задержал 700 руб. сер., присланных мне в качестве взноса из Риги. Так же поступил он и с присланным для меня порохом, которым он распорядился по своему усмотрению. Я получил лишь часть этого пороха, присланного мне Яблоновским, да и то только тогда, когда я хотел арестовать его и вместе с порохом доставить в лагерь, чтобы он сам видел, как мы сражаемся, и слышал, как люди жалуются на то, что они не могут и не желают идти в бой без пороха. Хотя он и передал нам часть пороха, но от поездки в лагерь уклонился. Получив порох, мы сразу же завязали закончившийся нашей победой бой под Вичем, а несколько позже имели стычку с врагом и под Вилейшем. Когда наши запасы пороха иссякли, мы стали воздерживаться от боев. Позже, при нападении на его имение, немалое количество пороха и других вещей награбили у Кудревича русские вместе с оружием и боеприпасами, которые принадлежали находившимся там рассеянным вследствие интриг партизанам моего отряда и некоторым партизанам из отряда Яблоновского. Этот Кудревич в период всего своего управления, вплоть до того момента, когда он был захвачен русскими, лишь мешал нашим действиям [3].

Причиной недоброжелательного отношения этих господ к нашему лагерю являлось то обстоятельство, что в согласии с духом времени и распоряжениями Центрального комитета как Национального правительства, а также руководствуясь своими собственными убеждениями, я везде читал во всеуслышание манифест Центрального комитета, провозглашал уравнение в правах сословий и вероисповеданий, объявлял о ликвидации крепостного права и чинша, о наделении землей сельского населения, что не нравилось этим господам помещикам, большинство которых (почти все) взимало чинши до самого последнего момента, пока русские не прекратили это, взяв сбор чинша в свои руки [4]. На их недовольство и на выражаемое ими желание, чтобы манифест не оглашался, я, само собой разумеется, не обращал внимания. Вот в чем заключаются причины их недоброжелательства, которые скрывались ими, а для вида ими приводились различные ни на чем не основанные поводы, которым, как это ни странно, слепо верят некоторые особы, даже те, которые близки верховной власти; они позволяют даже себе оскорбительные отзывы о нас, как это делает, например, воеводский комиссар в своем письме ко мне от 4 августа [5].

Я положил столько трудов и усилий на поддержку восстания в нашем округе, что не думал, несмотря на все эти интриги, что пользуюсь столь незначительным доверием (а может быть, мне в нем вообще отказывают?), и что показаний одного или нескольких (а хотя бы и больше) лжесвидетелей, зачастую к тому же пристрастных, и доносчиков достаточно для того, чтобы некоторые люди, не говоря уже об упомянутом выше комиссаре, хотя бы даже принадлежащие к сфере высших властей, не считая нужным выяснить дело со мной лично, могли оскорбительным для меня образом обратиться ко мне с несправедливыми и недостойными упреками. Так, например, комиссар Ковенского воеводства в своем письме имел смелость заявить, что некоторые проступки солдат моего отряда, брошенные на чашу весов, могут в конце концов перевесить мои заслуги перед краем, что крестьяне называют солдат моего отряда грабителями. Все это — совершенная неправда, так как именно среди крестьян больше, чем среди

других слоев, и в большей мере, чем какой-либо другой отряд, мой отряд пользовался, да, полагаю, и до сих пор пользуется, самой большой популярностью, о чем, впрочем, свидетельствует и то обстоятельство, что в моем отряде имеется очень много солдат из среды крестьянства. Упреки, которые г. комиссар делает по моему адресу, я отклоняю по излагаемым мною ниже соображениям:

1. Мои солдаты занимаются якобы грабежом. Возможно, что посланные из моего отряда, как, впрочем, и из других, солдаты в отдельных случаях допускают злоупотребления; несмотря на это, наказывать их на основании ненадежных порочащих их слухов и сплетен я все же не мог, ибо доказательства мне никогда не приводились, никто с жалобой в отряд не обращался. Как мне довелось, впрочем, слышать, сам господь бог карал и карает подобных людей, так как немало их уже попало и теперь еще попадает в руки русских. Следует к тому же сказать, что действия мародеров из других отрядов, а также различных подонков, не принадлежащих ни к каким отрядам, зачастую приписываются нам как ближайшим соседям, причем факты раздуваются и искажаются. Если бы кто-либо обратился ко мне с жалобой и привел убедительные доказательства вины, виновный наверняка не избежал бы наказания. В двух случаях, когда вина была доказана, солдаты моего отряда Герман и Вельбека за грабеж и воровство были присуждены к смерти.

2. Что же касается случаев, когда отбираются кони, корм и другие вещи, как, например, седла, уздечки, сбруя, путы и т. д., то весь «грабеж» состоит зачастую в том, что когда какой-нибудь помещик, потерявший якобы ключи от сарая, отказывается выдать необходимые для отряда предметы (сберегая их, вероятно, для русских, которые, никого обычно не спрашивая, безвозмездно, силой оружия забирают все это), кто-нибудь скажет: «Откройте, а то мы и без ключей разыщем», и тогда обычно ключ сразу же находится. Кроме того, гражданские начальники так беззаботно относятся к удовлетворению наших нужд, что, по их мнению, нам ничего не нужно, мы можем быть голодными, холодными и беззащитными и на третий день после выступления, не добившись ничего, закончить партизанскую войну и восстание. В доказательство этого привожу письмо комиссара Ковенского воеводства Рымвида, в котором он настаивает на том, чтобы все снабжение шло через гражданское управление, а не проводилось непосредственно на месте. Начальник прихода Юзеф Кушелевский из Нового Двора (возможно, один из тех, кто выдвигает против меня обвинения) пишет: «Просил бы г. начальника не присылать за поставками в Новый Двор по меньшей мере месяц, так как русский военный начальник говорит, что они, мол, сами дают, хотя и доносят, и поэтому имению грозит разорение». Другими словами, предлагается, во избежание разграбления поместья, ничего не доставать самому, а ожидать, пока гражданские власти получат продовольствие, и ничего не есть в течение, по меньшей мере, месяца. Это, кажется мне, слишком долгий пост даже и для самых набожных святош.

3. Неправда, что те планы, которые составляются в лагере, разносятся солдатами далеко за его пределы. Они сами ничего не знают об этих планах, разве лишь то, что как раз надо разглашать.

4. Что касается продажи некоторых вещей, то тем, которые знают об этом, следовало бы сообщить об этом прежде всего нам в лагерь. Насколько нам известно, это лишь предположение комиссара, не более, что «все эти вещи, наверно, награблены». Это предположение могло бы относиться, самое большее, к одному лишь случаю, когда у русского шпиона и агента, который вылавливал повстанцев, отдавал их в руки русских солдат и к тому же наводил солдат на соседние деревни,— корчмаря и лавочника еврея Пинкуса нашими казаками было разгромлено или разграблено его хозяйство (сам он бежал). Я тогда во всеуслышание заявил, что мы наказываем его не как еврея, а как негодяя.

5. Что касается того, что о многих объявляется ко всеобщему сведению, что они

враждебно относятся к нашему делу и тяготеют к русскому правительству, то боюсь, что такое утверждение является правильным, так как позиция не только наших господ помещиков, но и некоторых особ из гражданского управления была такова, что их деятельность казалась весьма подозрительной. Поэтому внимание Национального правительства должно быть обращено на деятельность наших господ помещиков, так как эта реакционная деятельность проводится упорно, организованно и систематически; она, быть может, имеет своих сторонников и в бывшем гражданском управлении и едва ли не проводится, упаси бог, в согласии с русскими властями. Ибо как же, например, объяснить то, как поступили со мной начальник прихода г. Кудревич со своими сообщниками? Г. Кудревич с другими составляют комиссию, принимающую решение ликвидировать мой отряд, и стараются провести это в жизнь тайно и скрытно, путем подкопов и вероломных действий, предательств и интриг, макиавеллевскими средствами.

Дело обстояло так: недавно, еще до того, как началась их интриганская и предательская деятельность, я разделил весь свой довольно многочисленный отряд на несколько частей, подразделений и направил все их в различные стороны. Сделал я это для того, чтобы 1) уклониться от русских войск, которые наступали тогда, и притом крупными отрядами, со всех сторон и от которых только таким образом и можно было уклониться,— позже численность этих войск сильно уменьшилась; 2) занять различные пункты, необходимые для оказания сопротивления русским войскам, уничтожения русской администрации и установления своей собственной; 3) лучше проводить агитационную работу и добиться роста отряда и, наконец, 4) призвать народ во всеобщее ополчение. Они же тем временем через своих агентов, имеющихся почти в каждом из этих подразделений, вызывают сомнения, распространяют неверие в наше дело, сеют ложные слухи, вносящие панику среди людей и вызывающие у солдат упадок духа. Они, наконец, посредством, по-видимому, поддельного акта о снятии меня с должности командира отряда с подписью якобы начальника воеводства, а также прибегая и к другим нечестным приемам, распускают подразделения, действуя якобы согласно моему приказу и распространяя слух, что я, как и другие командиры, выехал за границу, приказывают разойтись всем в одиночку и по двое.

Желая подавить движение, они ослабляют дух в народе, подрывают его веру в наше священное дело, втолковывая ему, что из восстания уже ничего не выйдет, что все отряды уже распались, что командиры удрали за границу, что все сложили оружие и возвращаются домой обрабатывать свою землю — следуйте, мол, и вы все их примеру. Вот в чем таится причина того, что наши солдаты расходятся во все стороны, попадают в руки русских, по своей воле сдаются им, отдавая при этом свое оружие, падают духом и открывают имена тех, с кем они вместе боролись, и прежде всего своих командиров, которые, мол, предали и обманули их. Отсюда толпы людей, бесцельно бродящих по всему краю, отсюда и имеющие место различные эксцессы — одни из них можно объяснить необходимостью, другие распущенностью,— грабежи и общая подавленность, если не полный упадок духа.

Г. комиссар воеводства и другие должны были бы вникнуть в суть дела и обратить упрек не ко мне, а по адресу тех, кто своими действиями привел к такому положению. А сейчас, когда для каждого стали очевидны интриги, которые велись нашими господами помещиками против нас и против восстания, провозглашающего равенство, против любых смелых выступлений вообще, когда часть их явно склоняется в сторону русского правительства, а остальные совершенно забыли о нас, а если иногда и вспомнят, то разве что во вред нам, после всего этого, полагаю, стало совершенно очевидным, что в борьбе за свободу, за родину, за прогресс и дух времени никто у нас в Литве не может делать ставку только на этот класс. Я понимаю, что надо пробуждать народ, и прежде всего народ, и что наше будущее мы будем строить, опираясь прежде всего

на этот пробуждающийся и отчасти уже пробудившийся, хоть в какой-то степени не испорченный народ. Лучше всего было бы, и мы горячо желаем этого, чтобы ради этой святой цели все сословия, все классы — и низшие и высшие — в братской любви, общими силами стремились к одной общей цели. К сожалению, однако, это слишком трудно, ибо с так называемым высшим классом (аристократией) у нас трудно договориться.

Следует также заметить, что переход из одного отряда в другой по многим причинам крайне вреден для отрядов, вследствие чего необходимо предупредить его. Пользуюсь случаем, чтобы просить высшие власти прислать воинские уставы и различные распоряжения, так как в настоящее время мы, к сожалению, не получаем никаких сведений. К своему разъяснению относительно упреков комиссара добавляю следующее: относительно Дынцмана[6] я хочу сказать, что он не только не виновен ни в каких бесчестных поступках и грабежах, но и является в Подбиржанском округе единственным камнем преткновения для русских и наказывает только враждебно относящихся к нам жителей. Что же касается Антошевского, то он вышел из отряда вопреки моему желанию, с намерением, как он заявил, присоединиться к другому лагерю. Однако и он, как я слышал, грабежей и насилий не совершал.

Теперь о письме воеводы[7]. В конце августа от воеводы было получено письмо, согласно которому я снимался со своей должности командира отряда. Не вижу в этом письме никакой хоть сколько-нибудь обоснованной причины для этого. Та причина, которая в нем указана,— то, что отряд состоит преимущественно из людей, вышедших из народа, не может быть признана обоснованной, так как там, где целью является всеобщее благо и прежде всего благо народа как самого многочисленного, самого трудолюбивого и самого нуждающегося класса, это обстоятельство не может служить достаточной причиной для снятия командира с его должности. Я сказал «преимущественно», а не «исключительно», потому что на несколько сот крестьян у нас имеется человек 20 шляхтичей и даже помещичьих сыновей. Если же причина заключается в чем-либо подобном, то прошу назначить следствие, и лишь после этого суд покажет; в ожидании следствия и решения суда остаюсь командиром и никому отряда не сдаю.

Командир отряда национальных вооруженных сил
в Зеленке

[1] *Как явствует из содержания рапорта, поводом для написания документа послужило решение повстанческих властей Ковенского воеводства отстранить Э. Люткевича от командования отрядом. Это решение было принято в связи с жалобами помещиков на Люткевича, повстанцы которого забирали в помещичьих имениях лошадей, продовольствие и другие припасы.*

Характерным примером конфликта Люткевича с помещиками является его столкновение с Кушелевскими (оба Юзефы). Один из них — помещик им. Новый Двор — состоял вобольникским парафиальным повстанческим начальником, другой — владелец им. Опощи — гражданским начальником IV округа Поневежского у. Из военно-судного дела Кушелевских (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 42) видно, что они неоднократно жаловались на действия повстанцев Люткевича и повстанческим и царским властям. Разбором их жалоб повстанческие власти занимались в течение нескольких месяцев. См. письмо поневежского гражданского начальника М. Сесицкого («Центавра») А. Мацкявичюсу, исполнявшему в то время должность поневежского военного начальника, от 14(26) сентября 1863 г. (ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, лл. 45, 46).

Об обстоятельствах написания публикуемого рапорта см. также показания повстанца отряда Люткевича литовского поэта Э. Даукши — док. 125.

17 сентября 1863 г. рапорт попал в руки царских властей (был передан поневежскому военному начальнику бежавшим из отряда писарем Зыгмундом) и послужил основанием для ряда арестов (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1589).

[2] *Э. Люткевич пользуется измененным еще в мае наименованием варшавского повстанческого центра.*

[3] *Помещик Юзеф Кудревич арестован 5 июня 1863 г. в им. Пометели за связь с повстанцами. При обыске в имении найдено оружие и порох. Кудревич умер в тюремной больнице 19 апреля 1864 г., и следствие о нем осталось неоконченным (там же, лл. 22а, 22б, 32).*

[4] *По указу от 1 марта 1863 г. крестьяне вносили выкупные платежи не помещикам, а в уездные казначейства.*

[5] *Документ не обнаружен.*

[6] *Дынцман — начальник плутона (взвода) в отряде Люткевича, некоторое время действовал самостоятельно в северной части Поневежского у. Погиб 15 сентября 1863 г. в сражении у дер. Довмяны.*

[7] *Письмо не обнаружено.*

112

1863 г. августа 26, им. Бержо-Борткишки.— Донесение депутата от дворянства по Ворненскому приходу Тельшевского у. С. Матусевича военному начальнику 4-го стана подпоручику Молчанову о требовании повстанцев уничтожить собранные подписи под верноподданническим адресом царю

По предложению г. тельшевского уездного предводителя дворянства, от 10 сего августа за № 606 мне данному, отправился я, быв даже больным, 23 сего же августа по вверенному мне приходу для собрания от помещиков и дворян, желающих доверить и. д. ковенского губернского предводителя дворянства Карпю в предмете составления и подания письма на высочайшее имя с изъявлением о верноподданнических чувствах своих[1], то с 23 на 24 число того же августа ночью прибыло верхом в имение мое несколькодесять[а] лиц вооруженных с огнестрельными ружьями, перепугали жену мою, велели отворить двери, вошед несколько их в комнату, потребовали предъявления вышеприведенного предложения г. предводителя дворянства с собранными подписками, но как жена моя не знала о сей бумаге, то они велели отворить комоду и прочие сундуки, по пересмотрении бумаг, когда не нашли требуемой, все без исключения на российский диалект писанные собрав и отходя из комнаты, с угрозой отмщения приказывали, чтобы я собранные подписки от дворян уничтожил. Посему имею честь донести в. б. о таковом происшествии, с тем, что я вместе с сим препровождаю рапорт за №[б] к предводителю дворянства с подписками от дворянства.

Депутат дворянский Ворненского прихода
Станислав Матусевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 3, л. 107. Подлинник

[1] *Подача верноподданнических адресов свидетельствовала о начавшемся открытом отходе дворянства от восстания. Инициатором и организатором подачи адреса от дворян Ковенской губ. был ставленник царских властей, крупный помещик, и. д. губернского предводителя дворянства Ф. Карпь. В письме за подписью «Литовцы», подброшенном Карпю 5 августа 1863 г., патриоты писали:* Тебе, маршал, известны и настоящее положение нашего края и приключение с маршалом Домейкой. Люди, истинно любящие свое отечество, предостерегают тебя: если ты осмелишься удовлетворить насилию и вымогательствам заграбившего нас врага [...], если ты приложишь подпись и примешь ма-

---

[а] *Калька с польск.* kilkanaście — несколько (в пределах второго десятка).

[б] *Номер в тексте не проставлен.*

лейшее участие в составлении адреса к презренному нами царю [...] — ты покроешь вечным бесчестием и себя самого и славу предков твоих и, кроме того, подпишешь на себя неизбежный смертный приговор *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1849, л. 3. Перевод с польского).*

113

1863 г. августа около 27 [1]*.— Записка, составленная в канцелярии тельшевского военного начальника о действиях повстанцев в Тельшевском у. в апреле — июле 1863 г.*

В Тельшевском у. произошли следующие беспорядки.

21 апреля большая топля вооруженных мятежников, придя в м. Сяды и окружив там становую квартиру и дом тельшевского лесничего Гаувальда, у коего отобрала 2 ружья, 2 тесака и 2 сабли, принадлежащие лесничему, кондуктору и полесовщикам, а в канцелярии становой квартиры, сделав обыск, приказала местному пятисотскому Мартышевскому отвезти пристава Лабудзя в Курляндию, причем воспретила ему возвращаться к своей обязанности. После сего мятежники разошлись в разные стороны и, появляясь в разных имениях, забирали продукты и лошадей.

Того же числа партия мятежников прибыла в м. Кальварию, где в костеле по их приказанию объявлен был возмутительный манифест.

22 апреля в м. Плотеле мятежники отобрали от местного пятисотского 1 ружье, а с мызы гр. Шуазеля взяли 3 лошади.

23 апреля мятежники перешли через им. Яздайце помещика Свиртуна, в числе около 150 человек. Четверо из них вечером того же дня приехали к нему, Свиртуну, на двор и передали ему письмо, на основании которого требовали немедленно выдачи им разных жизненных припасов, каковые и были затем отправлены к ним в обоз на подводах.

Того же числа в м. Плунгянах появился большой отряд мятежников, который, зайдя в дворовое управление, отобрал 3 верховые оседланные лошади и фураж, в чем и выдал расписку, пятисотскому же мятежники приказали дать подводы под проезд их и своз фуража, затем, прибыв в канцелярию пятисотского, истребили казенные бумаги и приказали под опасением смерти снять караулы. Другая же партия мятежников вошла в костел и принудила ксендза к объявлению народу возмутительного манифеста, затем при сельском волостном правлении разбила вывеску и разорвала портрет государя императора.

26 апреля партия мятежников, прибыв в м. Тверы, приказала кс. Бержанскому объявить народу возмутительный манифест, что и было им исполнено.

4 мая толпа вооруженных мятежников напала на отправленного из гор. Тельш почтальона Яниковича с разною корреспонденциею и, отобрав от него пистолет, саблю, нагрудную сумку, а от ямщика — медный ямщичий знак и сумку, распечатала корреспонденцию и затем удалилась в лес.

С 10 на 11 мая ночью толпа вооруженных мятежников, придя в Ворненское сельское управление, уничтожила в нем все дела, бумаги и несколько шнурованных книг, причем забрала из кассы найденные в наличности 45 руб. и 4 паспортных бланка.

11 мая толпа вооруженных мятежников, придя в Ворненскую почтовую станцию, разбила казенный сундук и забрала из него 2 казенных пистолета, саблю, 85 штемпельных конвертов и 50 штук марок.

Того же числа 20 мятежников, зайдя в ворненскую становую квартиру, уничтожили в оной портрет государя императора, и, забрав двуствольное ружье станового пристава, удалились в лес.

22 мая мятежники, проходя через имение дворянина Клеофаса Личкуна, задержали и увели с собою лукницкого пятисотского Боркевича, вешвянского сельского старшину Шилинского и объездчика лесной стражи в Потумшевском лесу Ворненского общества Можейко, а также 2 его лошади с упряжью и повозкою. Впоследствии люди эти найдены повешенными в лесу около м. Цитовян.

23 мая 4 вооруженных мятежников, придя к объездчику 1 объезда Тельшевского лесничества Антоновичу и отняв от него ружье, саблю и пистолет, удалились в лес.

2 июня мятежники числом до 20 человек прибыли в м. Ворни с целью арестования станового пристава Цехановского, бывшего в то время в гор. Тельшах, но, не найдя его, разграбили становую квартиру, причем истребили не только все дела и бумаги, но и все имущество Цехановского. При этом мятежники производили и другие неистовства. Так, находившийся в шайке кс. Гаргас[a], выведя на площадь при содействии своих товарищей пятисотского отставного унтер-офицера Сковгирда и мельника Берента с сыном, беспощадно наказал их плетьми, сотского же Даниловича, связанного, гнали через местечко, нанося удары саблями по всему телу, и когда несчастный старик, весь облитый кровью, свалился с ног, то ксендз ударом сабли рассек ему голову и шею; затем мятежники, уложив полумертвого Даниловича в повозку, отправили его за местечко и там на дороге повесили за ноги. Затем мятежники эти, в числе которых кс. Гаргас отличался своим неистовством, после многих других зверских похождений отправились в консисторию, где взяли 2000 руб. из сумм, отписанных разными духовными завещаниями на богоугодные предметы. Кроме того, мятежники заходили к служащим в консистории чиновникам и к епископу с целью сбора денег. Находившийся в этой шайке кс. Дембский, войдя в приходской костел, прочитал народу с амвона возмутительную проповедь. Наконец, мятежники эти, зайдя в дом почтовой станции, уничтожили все дела и книги и разогнали почтовых лошадей, внушив всем служащим под страхом смерти не подчиняться распоряжениям нашего правительства.

6 июня мятежники, прибыв на ту же почтовую станцию, разорвали приготовленные к отправлению пакеты и уничтожили все вновь заведенные книги и дела.

8 июня мятежники, захватив отправленного из гор. Тельш с пакетом на имя ген.-лейтенанта Майделя рассыльного рядового л.-гв. Измайловского полка Ивана Валюса, повесили в Шавельском у. в лесу имения гр. Чапского.

10 июня 12 хорошо вооруженных мятежников, прибыв в Лукницкое сельское управление, разбили денежный сундук и вынули из оного 25 руб., а от сборщика Калиновского отобрали собранные на подати 27 руб., при сем уничтожили все бумаги и книги сельского правления,

---

[a] *В тексте документа здесь и далее* Горгас.

а в сборе денег выдали от имени Матусевича две расписки, которые при сем и представляются; кроме того, мятежники разбили там сельский запасной магазин и, приказав жителям разбирать из оного хлеб, удалились в лес.

13 июня толпа мятежников, прибыв в дер. Жорне, зашла в дом кальварийского пятисотского Юзефовича, где разорвала портрет государя императора и все находившиеся на его руках бумаги, а затем увела с собою и самого пятисотского в Плотельский лес в шайку, откуда он, избитый прикладами, возвратился вскоре домой.

14 июня мятежники появились в м. Ольсядах, где уничтожили в сельском управлении портрет государя императора и разорвали все деловые бумаги, что они сделали также и у пятисотского Старевича [2].

Того же числа шайка конных и пеших мятежников [3], прибыв в м. Ворни, расположилась в садах подле большой улицы. В то же время прибыла в м. Ворни 3-я рота Нарвского пехотного полка, сопровождавшая почту. Мятежники атаковали было эту роту, но, пораженные ею, бежали, оставив с своей стороны много убитых. При этой перестрелке загорелась корчма еврея Лейбы Лентина, от которой пламя распространилось и на другие строения. Число сгоревших строений простирается до 50, из них 40 жилых домов и одна, кажется, еврейская школа. Депутаты Ворненского еврейского общества в прошении своем к исправнику показывают, что в числе 40 помянутых домов было много лавок с товарами, так что общий убыток простирается до 67 195 руб., причем лишились всего своего имущества 111 христианских и еврейских семейств.

15 июня толпа из 28 мятежников пришла в дер. Борвидзе и увела с собою лукницкого пятисотского Леона Борысевича.

20 и 21 июня мятежники, придя в Колтынянскую почтовую станцию, забрали 20 числа 3, а 21 — 2 почтовые лошади.

23 июня ночью мятежники увели с собою тыркшлевского пятисотского Жуковского, который 28 июня найден был в лесу повешенным.

24 июня шайка до 80 мятежников прибыла в м. Жидыки и зашла в тамошнее сельское управление, где уничтожила все бумаги, книги и вывеску сельского управления.

Того же числа 50 человек конных и пеших мятежников пришли в м. Илоки, причем несколько человек из этой шайки отправились в находящееся неподалеку от местечка жилище казенного крестьянина Казимира Мицкевича и сожгли его дом. Оставшиеся же в местечке мятежники зашли в сельское управление, где и уничтожили все бумаги, потом, забрав из почтовой станции 2 пароконные подводы и 2 седла, отъехали в м. Тыркшле. Там захватили они местных пятисотского Жуковского, старшину Лупейку, писаря Литвина и одного крестьянина, вместе с тем потребовали от жителей м. Тыркшль 12 подвод, удалились из местечка.

1 июля 10 вооруженных мятежников, прибыв на Колтынянскую станцию, забрали последние 5 почтовых лошадей.

2 июля 4 мятежника, прибыв в м. Ловково, тяжело ранили двумя пистолетными выстрелами проживающего там пятисотского и жестоко наказали сына его.

Того же числа ночью мятежники числом от 15 до 20 человек прибыли из м. Ловково в мызу Твери, истребили в сельском управлении и у пятисотского деловые бумаги, самому же пятисотскому Ивашкевичу причи-

нили побои, затем отбили сельский запасной магазин, из коего забрав с собою часть хлеба, отправились в лес.

3 июля шайка мятежников, прибыв в м. Медынгяны, сожгла в волостном управлении все деловые бумаги и книги и разбила портрет государя императора.

17 июля толпа мятежников числом от 200 до 300 человек прибыла в Гирконтышки, отбила двери у запасного магазина и забрала из оного часть озимого хлеба.

Того же числа толпа мятежников появилась в м. Тверах, где разбила в сельском управлении все двери, окошки, столы и шкафы и разорвала все деловые бумаги, сельского же писаря Груфа избила нагайками. Кроме того, мятежники сожгли до основания 2 запасных хлебных магазина.

Того же числа мятежники числом около 100 человек, прибыв на Колтынянскую почтовую станцию, забрали из оной 13 почтовых лошадей с уздами, избили ямщиков и старшину станции, а также и бывших в наряде 38 человек обывательских сторожей, в почтовом же доме разбили окна, всю мебель и летние повозки.

18 июля мятежники прибыли в м. Плотели числом более 50 человек, причем забрали они с мызы гр. Шуазеля 3 лошади, в волостном же правлении сожгли все бумаги и забрали у сборщика наличными деньгами до 60 руб., а засим, арестовав местного сотского Франца Плайны, забрали его с собою.

19 июля конная шайка мятежников числом до 60 человек, окружив в м. Гинтелишки квартиру местного пятисотского Войдилы и вытащив его на двор, жестоко избила нагайками за то, что, как говорили они, служит он пятисотским, при этом угрожали, что будут в м. Мосядах для наказания тамошнего пятисотского Борковского.

С 19 на 20 июля ночью шайка мятежников до 80 человек прибыла в м. Ольсяды, где, найдя поставленных на страже людей, наказала их нагайками, причем стращала их вперед повешением. Затем мятежники отправились в сельское управление, где, не найдя писаря, который ввиду предстоящего ему наказания успел скрыться, разбила 2 сундука сельского управления, в коих нашли лишь 2 паспортных билета и гербовую бумагу, книги же и деловые бумаги, равно как план им. Ольсяды и сукно на столе присутствия, сожгли. То же самое они сделали с книгами и бумагами местного пятисотского, успевшего скрыться от их преследования.

20 июля мятежники числом до 30 человек появились в им. Лубах, где они забрали большое количество овса и несколько лошадей, при уходе из имения они захватили с собою находившихся на страже людей.

И. д. правителя канцелярии Пономарев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 3, лл. 110—117. Копия

[1] *Датируется на основании смежных документов, находящихся в деле.*
[2] *О вторичном нападении повстанцев на м. Ольсяды 19 июля 1863 г. см. там же, л. 9.*
[3] *Отряд П. Богдановича.*

114

1863 г. сентября 6, м. Ворни.— Послание жемайтского епископа М. Валанчюса (Волончевского) к пастве с призывом смириться и прекратить повстанческие действия

Motiejus Kazimieras Wolonczauskis

Isz Diewa ir Apasztaliszka Sosta Milestos Wiskupas Žemajcziu Aweles sawa mejlingaj swejkin.

Pradžioj sumiszima musu szalij siuncziau pas jumis grometa [1], szaukdamas wisus ant pakutos ir patajsima grieszna giwenima, kad Wieszpats Diewas ant žmonelu sawa užrustes be gala ne norietu datirti. Jus wajkaj mana tiewiszka balsa paklausen meldotes ir dusaujet, laukdami susimimeima ir istejgima pakajaus ir geraj daret; nesgi wisokie atsitikimai ant szio swieta deszine wisagalinga mandrej surieda. Isztar žodi ir pasijudin žiame, liep wejams ir wandenims nutilti ir tuojaus tampa ramiausis wisur tikumas. Deltogi ir antra karta atsiliepdams szendien pri jusu wielej nu pakutos ir maldawima kalba mana pradiesiu. Kasdienines bedos ir wargaj, graudus werksmas ir gilus wisur dusawimas roda mums ajszkej, jogej Wieszpats Diewas dar ant szales musu teberustauna ir piksta ir ne granžindams laukta pakajaus nor da labiau sawiep mumis patraukti. Tajgi wajkaj mana mielausi, aweles mana maloniauses, szirdžiu sawa ne norieket szendien užkietint ir bedomis sunkej prisliegti maldu ir pakutos nesigajleket. Melsketes wisupirma, kad pralejmuj krauja gala padietu, kad sumiszima swieta, kurs tajp skaudžej wisus datire kuwejkiausej nistabditu, kad malone ir zgada szirdin wisu ikwieptu. Melsketes tejppat, kad Szwiesiausiam Ciesoriuj Aleksandraj II, tikrajam musu Monarkaj, apszcziu žiamiu Waldimieruj, wisad su dangiszka loska sawa pributu ir wisokiomis cnatomis dusze Jo apriedes westu aną kialu doribes ir malones del padonuju, kurius waldžej Jo paskirę. Melsketes už wisus stonus Ciecoristes, už Ministrus, Gubernatorius ir kitus Karejwiszkus ir szejpjau wirszinikus, idant milesta Diewa pripilditi ir apszwiesti wale Wieszpates umaj wisumet pilditu ir isz kiala doribes niekad ne klistu. Melsketes ir dusauket, pakuta už nusidieimus sawa dariket, o užtikra Wieszpats Mielaszirdingas pažwelgs ant grieszna sutwierima ir szalij musu nuramdis sumajszti. Mes gejdžiam ir troksztam wisu pakajaus ir wiskan gatawi pakelti, bile tiktaj aną igitumem; ne mažiau gejdž jo ir Auksztа wiresnibe ir didijej musu wirszinikaj. Iems wisokiu spasabu, iszdod iwajrius pastanawiimus, bar ir koroj par sumiszima nukaltusius, bi tik sweteli sujudusi priesz tikraje wiresnibe numalditu. Szit ir dabar kares Wilniaus Gubernatorius užsake linkiedamas, kad wisi pri sukilusiu prikluwen su gajlesiu namosna grinžtu. Noriedamas tad gelbieti tus, kurius dar gal gelbiet, sakau szendien wisims, wajkaj mana, kad duotumet pakaju priesz wiresnibe ristes, kad ne klausitumet ikalbineimu tu, kurie jums prižad pamocze swecziu szales; nesgi jau dabar lengwa parmanit, jogej ta jusu neiszmintinga wiltis ne iszsipildis ir, jeigu wejkej ne nurimste, wisi pražuste. Tajgi atsiduoket wisiszkaj ant milestos ir mielaszirdistes Aukszcziausios musu kraszte wiresnibes, kuriaj Szwiesiausis Ciesorius pawede mace dowenoti

wisims, kurie pameten ginklus parodis tikra gajlesi ir maldaus pasigajleima. Ponaj ir bajoraj ant raszta jau apreiszkie sawa pakara ir prasza Szwiesiausia Ciecoriaus pasigajleima taigi ir jus, wajkaj mana, ne norieket ilgiaus priesz tikraje wiresnibe kiszioti ir nu ju liktes aprejszkime sawa pakaras, tuopradž atmindami jogej musu szalis dara wiena neparskirta cielibe su Rossija po gieradieiszku riedu Szwiesiausia Ciecoriaus, abelna musu Gieradiejaus. Potam galesme turet wilti, jogej Aukszcziause Wiresnibe, pamaczius sugranžinta tarpo jusu pakaju, parstos spausti priklususius pri sukilusiu, pažwelgs mielaszirdinga akia ir ant milemu jusu kunigelu newaloj esanczių ir dalejs jims pagrinžt pri sawa bažniczių ir wisims pazwalis po senowej tikiej giwenti.

Szitan mana grometa parskajtis kunigaj isz ambones žmonims nedielos dienoj bažniczion susirinkusims

Rasziau Warniuose, 1863 m. rugsieja 6 dienoj.

Motiejus Wiskupas

Помета Niniejszy okólnik ogłoszony przez dziekanów[a]

КФ ЦГА Лит. ССР, ф. 630-р, оп. 1, д. 83, л. 391. Подлинник, рукопись

ПЕРЕВОД

Матвей Казимир Волончевский

Божиею и апостольского престола милостью

епископ Самогитский[б]

паству свою любезно приветствует

В начале смятения в нашем крае, посылая к вам послание[1], приглашал я вас к раскаянию и исправлению грешной жизни, дабы господь бог, разгневанный на нас, творения свои беспредельно не хотел испытывать. Вы, детки мои, вняв отцовскому гласу, молитесь и вздыхаете, ожидая помилования и водворения мира, и хорошо делаете, ибо всякие приключения на земном поприще по воле господа бога случаются. Войною и смятениями его всемогущая десница премудро управляет. Промолвит слово, и земля содрогает; повелит ветрам и водам, чтобы умолкли, и мгновенно является милая тишина. Потому-то и вторично обращаясь к вам с посланием, опять от раскаяния и призыва к молитве речь мою начинаю. Ежедневные беды и хлопоты, горестный плач и глубокие стоны ясно показывают нам, что господь бог еще на край наш гневается и сердится и, не возвращая вожделенного для нас мира, жаждет более к себе нас приблизить. Засим, детушки мои милые, овечки мои любезные, не ожесточайте сердец ваших, а, напротив, будучи тяжело угнетены бедствиями, не щадите молитв и раскаяния. Во-первых, молитесь, дабы бог кровопролитию положил конец, дабы смятение, которое столь больно нас удручило, поспешнейше прекратил, дабы в сердца всех вложил любовь взаимную. Молитесь также за е. в. государя императора Александра II, нашего законного монарха и самодержца обширных земель, дабы господь бог вспомоществовал ему небесною своею благодатью и, обогатив его душу всякими доблестями, руководил его на пути добродетели и любви ко благу подданных, коих поручил его власти. Молитесь за все сословия империи, за министров, губернаторов и других военных и гражданских чинов, дабы все они, милостию божиею озаренные и одушевленные, волю господа усердно и повсеместно исполняли и с пути доблести не сходили. Молитесь и вздыхайте, кайтесь в своих заблуждениях, и, наверно, господь милосерд-

[а] *Настоящий циркуляр был обнародован деканами (польск.).*

[б] *Самогития (Samogitia) — латинское название Жемайтии.*

ный воззрит на грешное создание свое и успокоит в крае нашем смятение. Мы усердно жаждем и вздыхаем к водворению мира и готовы на все, лишь бы спокойствие восстановилось; не менее нас жаждет тишины и высшее правительство и главные начальники. Всякие предпринимают они меры, издают разные постановления, карают виновных в мятеже, чтобы обуздать восстающих противу законной власти. Вот и теперь сделано объявление от главного начальника края, чтобы все удалившиеся в мятеж возвратились с раскаянием восвояси. Потому, желая спасти тех, которых можно еще спасать, внушаю вам, дети мои, смирение перед правительством и приказываю не слушаться тех, кои вводят вас в заблуждение, обещая заграничную помощь, так как в настоящую пору ясно уже, что безумные надежды эти не сбудутся и, если вскоре не положите оружие, все до одного погибнете. А потому безусловно предайтесь на волю и помилование высшего в нашем крае начальства, которому государь император поручил объявлять прощение всем положившим оружие и чистосердечно кающимся. Паны и дворяне в подаваемых адресах изъявили уже свою покорность и просят о помиловании государя императора; засим и вы, дети мои, не упорствуйте долее и не отставайте от них в покорности перед правительством, памятуя всегда, что край наш составляет одно нераздельное целое с Россиею под благотворным скипетром августейшего монарха, общего нашего благодетеля. После того можно будет надеяться, что высшее начальство, увидя в краю водворенное спокойствие, перестанет карать соучастников мятежа и, воззря на заточенных любимых ваших духовных наставников милосердным оком, дозволит им возвратиться к своим костелам, а всем нам наслаждаться по-прежнему благоденствием.

Сие мое послание прочтут ксендзы из амвона собранному в праздничный и воскресный день народу на молебствие.

М. Ворни, 1863 г. сентября 6 дня.

Перевод верен: секретарь Ю. Давидович[2]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1250, оп. 1, д. 30, л. 334. Перевод с литовского

[1] *Имеется в виду послание М. Валанчюса от 29 марта 1863 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 24, лл. 74, 75). Написанное в период, когда помещичья партия «белых» приняла решение присоединиться к восстанию, мартовское послание отражало колебания в среде высшего католического духовенства. Послание призывало молиться богу,* дабы кровопролитию самоскорейше положил конец, *но, с другой стороны, в послании содержались фразы о том, что бог* посредством войны желает очистить и испытать нашу добродетель. «Двузначительность» *послания отмечал А. Мацкявичюс (см. док. 27).*

Публикуемое сентябрьское послание М. Валанчюса свидетельствует о том, что одновременно с помещиками, которые с лета 1863 г. стали поспешно покидать лагерь восстания, высшее духовенство заняло позицию решительной поддержки царизма. О контрмерах виленского повстанческого центра в связи с посланиями высшего духовенства см. док. 30 и прим. 3 и 4 к нему.

[2] *Секретарь Жемайтской консистории.*

115

1863 г. сентября 12.— Отношение Россиенского уездного полицейского управления в Россиенскую следственную комиссию о выступлении согнанных в 1862 г. с земли «вольных людей» им. Габшишек против помещика в марте 1863 г.

Следственная комиссия отзывом от 2 минувшего августа № 118 требует сведений о содержащемся за политические преступления под стражею помещике Антоне Гедговде в том, действительно ли вольные люди

имения его Габшишек посягали на жизнь его и делали нападение на его мызу.

Следствием чего полицейское управление, по рассмотрении дела, заведенного Гедговдом, о противозаконных поступках б. вольных людей имения его Габшишек, имеет честь уведомить, что Антон Гедговд поданными в земский суд прошениями жаловался: первым, 19 марта [1863 г.], что вольные крестьяне, было принадлежавшие к им. Габшишек и удаленные из деревни того же имения Габшишки и Сорокишки в 1862 г. по распоряжению г. начальника губернии, а именно: Гейдис, Гумонт, Скимунтис, Рудайтис, Сурвил, Червинский и др., в числе около 50 человек, 16 марта сделали нападение на арендных жильцов его, дворян Стунгура, Довята и Якубовского и 3 других арендаторов, причинили им побои, разорили их хозяйства; и вторым, 23 того ж марта, что означенные крестьяне объявляли сделать нападение на мызу его, Гедговда, и угрожали лишить его жизни да подбросить в мызу ружье.

Кроме того, дворяне Осип и Феликс Стунгуры, Иван Довят и Будрикова донесением, 20 марта поданным (л. д. 32—33) [а], жаловались, что крестьяне Скимунтисы, Рудайтис, Гумонт, Вайшноры, Червинские и др., напав на арендуемые ими жилья в дер. Габшишки Гедговда, причинили им побои, разорили их хозяйства и насильно поселились в тех же жильях. Независимо сего дворянин Феликс Стунгур донесением, 23 того же марта поданным (л. д. 1), жаловался о довершении ему и брату его Константину насильственных действий, затащении их к мещанину Бражису, а от сего в м. Эржвилки к пятисотскому Масальскому; 2-е, что 20 марта в 4 часа пополудни возвращался он из мызы Габшишек, где из растущих при решолтоне из кустарников выпала толпа мужиков до 30 человек, числящихся по сказкам при им. Габшишках, из коей мог опознать Ивана и Матеуша Скимунтисов, Изыдора Вайшнора [б], Рудайтиса, Гумонта, Казимира Червинского, Франца Сурвиллы, кои напали на него и крепко без всяких побудительных причин избили, после увели в дер. Сорокишки к мещанину Бружасу, и когда брат его Константин Стунгур прибыл на оборону, то они и его избили и напоследок в морозное время полунагих и босых затащили к ержвилковскому пятисотскому Масальскому, и когда его не нашли дома, то до прибытия арестовали их; наконец, когда пятисотский объявил тем крестьянам, что они сделали насилие и могут крепко отвечать, то они отвечали, что в другой раз не придут с жалобою, а прямо сами решат дело, т. е. его, Стунгура, и Гедговда заведут в лес и там лишат жизни; о нанесенных же побоях представил медицинское свидетельство.

Означенные жалобы Гедговда и Стунгура переданы были приставу 3-го стана и по произведенному дознанию подтвердились в том, что выселенные из Габшишек крестьяне, желая насильно поселиться на прежних земельных участках, сделали насилие. Следствием чего для произведения дальнейшего следствия б. земский суд таковое дело 28 мая № 6468 передал судебному следователю Мальчевскому, а Мальчевский, усмотрев, что подобного рода дела на основании высочайше утвержденного 5 августа 1861 г. положения комитета министров подлежат военному суду, то и передал на обсуждение начальнику войск Юрбургского

[а] *Ссылка на листы дела, заведенного помещиком А. Гедговдом.*
[б] *В тексте* Вайштира.

таможенного округа, но когда в деле этом не оказалось политического характера, то оно для дальнейшего обсуждения препровождено к уездному исправнику, а исправник передал в управление, управление же, найдя, что в оном заключается уголовное преступление, за которое виновные подлежат наказанию по суду, сего числа для окончательного производства следствия вновь передал судебному следователю. Причем [у]правление не излишним считает присовокупить, что б. крестьяне им. Габшишек при выселении из селидьб, когда оказали ослушность, то, по распоряжению г. начальника губернии, изложенному в предложении от 31 марта 1862 г. за № 2936, были устранены военной силой, то и следует полагать, что они в отомщение Гедговду делали разные неприятности и могли покушаться на его жизнь [1].

Старший заседатель Володиевский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 585, лл. 27—29. Подлинник

[1] *Имеются данные о том, что борьба крестьян им. Габшишек была поддержана повстанцами. По словам помещика Гедговда, крестьяне жаловались на него командиру повстанческого отряда Довяту и тот, вызвав его в повстанческий лагерь, приказал выдать крестьянам хлеб из запасного сельского магазина (там же, лл. 6—7).*

116

1863 г. сентября 30, Ковно.— Отношение командующего войсками 1-го отдела Ковенской губ. и Мариампольского у. В. В. Яшвиля командующему войсками в Вилкомирском и Поневежском уездах ген.-майору Пахомову о принятии мер для охраны ксендза Погирского прихода Вилкомирского у. Н. Петрашки от угрожающих ему повстанцев

Настоятель Погирского прихода кс. Никодим Петрашко в поданном мне прошении объясняет, что за строгое исполнение в настоящее время службы по духовному своему сану он подвергся двукратно в ночное время грабежу и жестоким побоям от мятежников, вследствие чего в настоящее время находится больным в гор. Вилкомире без всяких средств к жизни, в чем я лично имел случай удостовериться, и, кроме того, подвергается большой опасности от преследования мятежников, которые стараются лишить его жизни [1].

Доводя об этом до сведения в. п., имею честь покорнейше просить зависящего распоряжения об ограждении упомянутого ксендза от преследования мятежников [2].

Свиты е. в. ген.-майор кн. Яшвиль

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1252, оп. 1, д. 94, л. 6. Подлинник

[1] *Из показания кс. Петрашко в Вилкомирской следственной комиссии от 1 июня 1864 г. явствует, что, будучи активным противником восстания, он отговаривал прихожан от участия в повстанческом движении, отказался объявить повстанческий манифест, не давал повстанцам продуктов, за что дважды подвергался наказанию со стороны повстанцев: один раз — неизвестного ему отряда, другой раз — отряда Савримовича (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1425, лл. 35—36).*

[2] *Случаи выступлений ксендзов против восстания по Ковенской губ. были нередкими. Например, векшнянский декан Шавельского у. А. Довгялло, по собственным сло-*

вам, в мае 1863 г. доказывал в своих проповедях, что повстанческий манифест есть фальшивый, недоброжелательный правительству, влекущий к расстройству края, наводящий несчастья здешним жителям, чтобы ему не верить и не слушать (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 1, л. 110*).

117

1863 г. октября 15.— Рапорт и. д. поневежского уездного исправника Винярского М. Н. Муравьеву о нападениях повстанцев на имения баронов в Поневежском у.

Пристав 3-го стана Поневежского у. рапортом от 10 сего октября за № 31 донес мне, что мятежнические шайки появились в нижеследующих местностях, а именно:

Первая — 3 числа сего месяца в сел. Кибурах помещика барона Радена, в 30 человек, которыми забрано у арендного владельца того имения курляндского уроженца Иогана Гутмана разных вещей на сумму 70 руб. и наличных денег 83 руб., где [a] состоит 1 двор и в нем жителей мужеского пола 6 душ.

Вторая — 4 октября в 10 час. утра, из 30 человек, окружив им. Путриня барона фон Будберга и ограбив платья домашних работников на 50 руб., увели 2 лошади его, барона Будберга, стоящие 180 руб., где состоит 1 двор и в нем находилось мужеского пола 2 души, а прочие были на работе в главном им. Мурованный Понемунь.

Третья — 5 числа октября ночью шайка, состоящая из 60 человек, напала на им. Плейришки доктора надворного советника барона Ридера, забрала денег 160 руб. и разных вещей на 40 руб., где состоит 1 двор и в нем мужеского пола 7 душ.

Четвертая — того же 5 октября шайка из ста человек напала на дер. Вендзиндзе, забрала 19 пар сапогов, столько же мужичьих кафтанов, а также хлеба, говядины, яиц; всего примерно за это понесли убытка жители на 154 руб., причем хотели повесить войта Герасима Буковского за то, что он собирает казенные подати, где состоит 24 двора и считается 66 душ, из числа которых почти третья часть в тот день находилась в м. Посволе.

Пятая — с 5 на 6 число октября ночью шайка из 60 человек окружила им. Лавмакишки курляндского уроженца Квицевича, у коего забрала 2 лошади, стоящие 80 руб., 1 пару сапог, кастрюлю, и начальник шайки выдал расписку, подписавшись [б] «старший офицер Новаковский», которая и представлена к г. военному начальнику 3-го стана, где состоит 1 двор и в нем мужеского пола 4 души.

Шестая — с 6 на 7 октября ночью неизвестно из сколько составляющаяся человек окружила им. Мурзишки, или Малые Салаты, помещика Евгения Гаарена, где взяла 2 лошади, стоящие 90 руб., в чем тем же Новаковским выдана расписка, которая тоже представлена к г. военному начальнику 3-го стана, где состоит 1 двор и в нем имеется мужеского пола 7 душ.

---

[a] *Т. е. в Кибурах.*
[б] *В тексте* подписавшийся.

Седьмая — с 8 на 9 число октября шайка в 60 человек напала на поместье Пивники хозяев шляхтичей Боровского и Марцинкевича, забрала у них вещей на 60 руб. да и их самых обоих наказали нагайками, где состоит 2 двора и в оных мужеского пола 4 души.

Восьмая — с 9 на 10 октября шайка в 100 человек, окружив м. Салаты, разогнала сельский караул, наказала нагайками старшину Венедикта Лякунаса за его усердие в службе и, взяв у него лошадь, седло, овса и другие съестные припасы, за что он, Лякунас, понес потери на 100 руб., где состоит 20 дворов и в них[a] мужеского пола 48 душ.

Девятая — с 9 на 10 октября шайка в 15 человек, окружив мельницу Больсе и арендатора-мельника прусского подданного Людвика Поленца ограбив на 100 руб., где состоит 1 двор и в нем мужеского пола на тот раз находилось две души, и что во всех прописанных случаях жители к захвачении мятежников меры предпринять не могли, потому что сила мятежников несравнительно превышала [1].

О чем почтеннейше честь имею донести.

И. д. исправника Винярский

КФ ЦГА Лит. ССР, ф. 50, оп. 3, д. 169, лл. 80—81. Подлинник

[1] *См. также док. 118. Нападения повстанцев на имения немецких баронов имели место и в других уездах. О нападении 13 июня 1863 г. на им. Ратыни барона Фиркса в Тельшевском у., уничтожении в этом имении документов и взятии продовольствия и лошадей см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 27, ч. 1, л. 203.*

118

1863 г. октября 19.— Записка помещика ген.-адъютанта Р. Г. Бистрома ковенскому губернатору Н. М. Муравьеву о нападениях крестьян-повстанцев на имения немецких помещиков в Поневежском у. и мерах, необходимых для подавления крестьянского движения [1]

Es wiederholen sich in letzter Zeit fast täglich die Plünderungen der Güter der deutschen Gutsbesitzer durch rebellische Räuberbanden, die fast ausschliesslich aus Bauern bestehen. Die Banden plündern nicht nur, sondern sie bemühen sich durch Drohungen und Misshandlungen aller Art die Autorität der Gutsverwaltung zu vernichten, namentlich die Verwalter zu verjagen und unsere Untergebene zu demoralisieren. Sie gehen so weit, die Knechte der deutschen Gutsbesitzer zu überreden, die noch übriggebliebenen Vorräte und Inventarien der Herren zu rauben, wonach sie die Güter zu verbrennen versprechen, um alle Spuren zu verwischen.— Sobald unsere Verwalter den Militair- und Civil-Autoritäten (welche letztere noch ganz aus Polen zusammengefasst sind), ungeachtet des ihnen von den Rebellen auferlegten Verbots die Anzeige machen, so erfahren sie von den Autoritäten des 3-ten Stans die roheste Behandlung wegen angeblich zu spät erfolgter Anzeigen; von den Rebellen abermalige Misshandlungen für die gemachte Anzeige, so dass kein Verwalter mehr bleiben will; teilweise die

[a] *В тексте* в нем.

Güter verlassen dastehen, was jetzt alle die Güter, die deutschen und russischen Gutsbesitzern gehören, zu erwarten haben. Hinzu kommt noch, dass der Friedensrichter Traphimzoff offenbar böswillig bei den Bauern, die ohnehin bei uns gegenwärtig fast ausschliesslich Träger der Rebellion sind, alle Achtung für das Eigentum der Gutsbesitzer und somit auch für Gesetz und Recht durch ungesetzliche Versprechungen und wiederrechtliche Entscheidungen untergräbt.

Sonach ist unser Leben und Eigentum vollständig blossgestellt und wir gehen einer[a] raschen Ruine entgegen, wenn nicht schleunige Abhilfe und Stutz uns gewährt wird.

Seine hohe Excellence der Herr General-Gouverneur Murawjeff hat die Gnade gehabt, uns Gutsbesitzer deutscher und russischer Abstammung als treue Untertanen anzuerkennen und nicht den Rebellen gleichzustellen; desto schmerzlicher ist es uns von der untersten Militair- und Civil-Verwaltung gar keine Unterscheidung zu erfahren, wodurch unser Zustand, umsomehr als wir auch noch von den Rebellen besonders verfolgt werden, ein vollständig unleidlicher wird.

Die uns von Seiner hohen Excellence dem Herrn General-Gouverneur Murawjeff mehrfach erwiesene Gnade ernötigt uns durch Vermittelung Eurer Excellence folgende untertänigste Bitten zu unterlegen:

1) den Friedensrichter Traphimzoff seiner Stellung zu entheben, weil er sein Amt böswillig missbraucht und durch ungesetzliche Versprechungen und widerrechtliche Entscheidungen (welche er stets mündlich hält), den Bauern allen Begriff von Eigentum und Recht unterwühlt und ebenfalls dadurch in ihnen den Wunsch weckt, dass ein Wirren nicht sobald beigelegt werden, sie also der Rebellion fortwährend geneigt bleiben. Ueberdies eignet Traphimzoff sich aus dem Grunde nicht für sein Amt, weil er aller hier üblichen Sprachen unkundig, und durch einen Juden der als sein Secretair und einziger Dollmetscher fungiert, mit den Bauern verhandelt.

2) Da ein guter Friedensrichter nur eine Person sein kann, die mit den Verhältnissen genau bekannt ist, so eignet sich hierzu am besten ein ortlicher Gutsbesitzer, wie auch das Gesetz vorschreibt, und zwar einer, der nicht polnisch und katholisch ist. Zu empfehlen sind für den Ponieweschen Kreis: Baron Louis v. d. Ropp, Besitzer von Borclain, Podschmen und Dagelin und Baron Eugen von Haaren, Besitzer von Johannenhof, Salat, Memelhof; für den Schaulschen Kreis der Gutsbesitzer Seelström auf Weiss-Gutschen und Herr von Brasche auf Ukkern und Seepark.

3) Bereits zum 1-ten Mai ist den Guteideswirten befohlen worden den Zins in den Renteien einzuzahlen. Da sie aber zu dieser Zahlung bis jetzt nicht angehalten worden sind, so halten sie diesen Umstand für eine durch die Rebellion veranlasste Machtlosigkeit der Regierung und sind auch aus diesem Grunde geneigt die jetzigen Wirren zu unterhalten; deshalb wäre es notwendig in kürzester Frist den Zins von ihnen beizutreiben.

4) Allen Guteideswirten, namentlich der Kronsdörfer anzukundigen, falls in einer bestimmten Frist ihre Angehörigen, die sich nachweislich noch im Aufstand befinden, nicht zurückgekehrt sind, sie ihre Guteide verlustig gehen und dieselben alsdann mit Russen und Letten zu besetzen.

---

[a] *В тексте ошибочно* einem.

Derselben Strafe sollen sie unterzogen werden, wenn ihre Angehörigen wiederum sich an der Rebellion beteiligen.

5) Fortan an Stelle der willkürlichen Leibesstrafe Geldstrafen einzuführen, da erstere sich als unzureichend erwiesen.

6) Die Civil- und Militair-Autoritäten dahin zu instruiren, dass sie die Gutsbesitzer russischer und deutscher Abstammung nicht den Rebellen gleichstellen.

d. 19-ten October 1863[a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 1513, лл. 1—4. Подлинник

ПЕРЕВОД

В последнее время почти ежедневно стали повторяться разграбления имений немецких помещиков шайками мятежников, состоящими почти исключительно из крестьян. Эти шайки не только грабят, но и стараются всякого рода угрозами и насилиями свести на нет власть управлений имениями, в частности они изгоняют управляющих и деморализуют наших подчиненных. Более того, они уговаривают дворовых людей немецких помещиков расхищать припасы и иное имущество помещиков, обещая при этом подвергнуть затем имения сожжению с тем, чтобы уничтожить все следы. Если же наши управляющие, невзирая на запрещения мятежников, доносят военным и гражданским властям (последние находятся еще в руках одних лишь поляков), то они со стороны властей 3-го стана подвергаются самому грубому обращению под тем предлогом, что они, мол, слишком долго медлили со своими донесениями, со стороны же мятежников — оскорблениям и насилиям за то, что донесли властям об их действиях. Поэтому управляющие не желают оставаться на своих местах, некоторые имения находятся в запущенном состоянии, то же самое грозит всем имениям, принадлежащим немецким и русским помещикам. Кроме того, следует упомянуть и о том обстоятельстве, что мировой посредник Трофимцев своими беззаконными обещаниями и противоправными решениями открыто и злостно подрывает в крестьянах, которые и без того почти все являются сторонниками мятежа, какое бы то ни было уважение к помещичьей собственности, а тем самым и к закону и праву.

Таким образом, наша жизнь и наше достояние находятся сейчас без всякой защиты и, если нам не будет оказана безотлагательная помощь и поддержка, мы очутимся вскоре перед лицом полной катастрофы.

Е. вп. ген.-губернатор Муравьев был настолько милостив, что признал нас, помещиков немецкого и русского происхождения, верноподданными, не изменившими своему долгу, и не поставил нас на одну доску с мятежниками. Тем прискорбнее для нас является то, что низшие военные и гражданские власти не делают между нами никакого различия, вследствие чего наше положение, если принять во внимание то, что мы подвергаемся преследованиям и со стороны мятежников, становится совершенно нетерпимым.

Милость, которая неоднократно оказывалась нам е. вп. г. ген.-губернатором Муравьевым, побуждает нас вознести к в. п. наши покорнейшие мольбы о следующем:

1) Отрешить от должности мирового посредника Трофимцева, так как он сознательно употребляет ее во зло и своими беззаконными обещаниями и противоправными решениями (которые он всегда объявляет устно) создает у крестьян совершенно превратное понятие о собственности и праве, возбуждает тем самым в них желание, чтобы смута закончилась еще нескоро, и, таким образом, поддерживает в них склонность

[a] *Подпись отсутствует.*

к мятежу. Помимо этого, Трофимцев еще и по той причине не соответствует своей должности, что он не владеет ни одним из местных языков и сносится с крестьянами при посредстве одного еврея, считающегося его секретарем и единственным переводчиком.

2) Поскольку хорошим мировым посредником может быть лишь лицо, которое хорошо знакомо с местными условиями, то предпочтительнее всего назначить на эту должность одного из местных помещиков при условии, чтобы он не был ни поляком, ни католиком. Можно было бы рекомендовать для Поневежского у. барона Людвига фон Роппа, владельца поместий Борклен [a], Поджмен и Дагелин, и барона Евгения фон Хаарена, владельца имений Иоанногоф, Салат и Мемельгоф, для Шавельского у.— помещика Зеельштрема, владельца поместья Белогутшен, и г. фон Браше, владельца имений Уккерн и Зеепарк.

3) Крестьянам-хозяевам уже к 1 мая было предписано уплатить в казну следуемый от них чинш. Так как требование о внесении ими этого платежа до сего времени еще не было подтверждено, они считают это обстоятельство доказательством вызванной мятежом слабости правительства, что также побуждает их поддерживать смуту. Поэтому крайне необходимо заставить их в наикратчайший срок произвести эти платежи.

4) Уведомить всех крестьян-хозяев, в особенности же проживающих на казенной земле, что в том случае, если члены их семей, до сих пор еще принимающие участие в мятеже, к определенному сроку не возвратятся домой, то они лишатся своих усадеб, которые будут переданы для заселения русским и латышам. Такая же кара ожидает их и в том случае, если члены их семей вновь примут участие в мятеже.

5) Вместо произвольно назначаемых телесных наказаний, которые оказываются недостаточными, впредь налагать денежные штрафы.

6) Предписать военным и гражданским властям, чтобы они делали разницу между помещиками русского и немецкого происхождения, с одной стороны, и мятежниками — с другой.

19 октября 1863 г.

[1] *О нападениях повстанцев на имения баронов см. также док. 117 и примечание к нему.*

119

1863 г. октября 22.— Рапорт поневежского военного начальника ген.-майора Пахомова М. Н. Муравьеву о сожжении царскими войсками дер. Шукштаны

Командующий летучим отрядом северной части Поневежского у. л.-гв. Стрелкового батальона императорской фамилии подполковник Карпов донес от 20 октября за № 11, что в ночь с 17 на 18 число сего месяца за преданность к русскому правительству убит в дер. Шукштанах, близ м. Иоганишкеля, крестьянин реформатского вероисповедания Чепулис.

Для наказания жителей той деревни, выдавших названного крестьянина, подполковник Карпов сжег дер. Шукштаны, состоящую из 7 дворов, и спрашивает меня, куда поместить этих жителей, наложив сверх этого контрибуцию по 50 руб. сер. с хозяина, если они не откроют виновных в убийстве.

---

[a] *В списке населенных мест* — Борклайне.

Я вместе с сим предписал подполковнику Карпову донести мне, на каком основании он так поступил, когда на это не имеет никакого права [1], приказал отменить наложенную им контрибуцию, потому что у них, по его же донесению, все сожжено и вследствие этого платить нечем, а жителей приказал разместить по соседним деревням на попечение обществ впредь до подробного расследования дела.

Деньги же, которые уже взысканы, не возвращать, чтобы не показать перед жителями произвола частных начальников.

Ген.-майор Пахомов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1082, лл. 1, 3. Подлинник

[1] *Уничтожение селений, жители которых содействовали повстанцам, производилось на основании предписаний М. Н. Муравьева от 28 июля и 8 августа 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 520, лл. 3, 7). В Ковенской губ. карателями были, в частности, уничтожены околицы Ибяны Ковенского у. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 657, л. 4) и Пемпе Поневежского у. (там же, д. 1330, лл. 1, 4).*

120

1863 г. ноября 11(23), Ковно.— Уведомление повстанческого гражданского начальника Ковенского воеводства Л. Дзичковского организатору вооруженных сил воеводства А. Мацкявичюсу об изменениях в руководстве военной организации воеводства и распоряжениях виленского центра по вопросам повстанческой тактики

Правление народное [а]
Управление гражданское
Ковенского воеводства

Организатору вооруженной силы
Ковенского воеводства

23(11) ноября 1863 г.
№ 581, Ковно

Посылая тебе, гражданин, подлинный приказ [1] и копию дневного приказа Отдела в Литве [2], уведомляем тебя о некоторых происшедших по надобности времени правилах, принятых Отделом, относительно военной администрации.

Итак, Отдел повелевает давать отпуски солдатам только в случае надобности распущения отрядов, власть гражданская в этом не имеет никакой инициативы; если же местные условия заставят начальника распустить свой отряд, то солдатам следует давать отпускные билеты, чтобы распущение отряда не имело [б] виду разъединения [б]. Это распоряжение не имеет влияния на общий характер восстания и правил его не изменяет. Притом Отдел предупреждает тебя, гражданин, что московский поручик Четвериков намерен проникнуть в твой обоз [в], чтобы иметь случай предать тебя; для этого, кажется, имеется разрешение Народного правления подложное. Затем следует тебе быть осторожным относительно приема новых поступающих людей.

[а] *Правильно — Национальное правительство.*
[б–б] *У Стороженко* вида совершенного распущения.
[в] *Obóz — лагерь (польск.).*

Воеводское гражданское правление уведомляет тебя, гражданин, что полковник Яблоновский назначен Народным правлением войсковым начальником Ковенского воеводства, а до прибытия его при вышепоименованном титуле ты, гражданин, должен быть его наместником; бывший же наместник войскового начальника воеводского, блаженной памяти Доленги, назначен шефом штаба, который[а] две недели назад лично переговорил с воеводским правлением относительно оружия и других вопросов, касающихся дальнейших действий[3]. Поручаем тебе, гражданин, поскорее сообщиться с ним по военным вопросам.

О порохе, амуниции и других военных нуждах дано распоряжение гражданскому начальнику Поневежского у.

Поручаем тебе, гражданин, разбитых из партий Люткевича собрать и принять под свое начальство. Мы уверены, что они с большою охотою примут лестное твое начальство.

Посылаем братское приветствие.

Гражданский начальник Ковенского воеводства[б]
Начальник воеводской канцелярии

ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, лл. 50—52. Перевод с польского[4]
Опубл.: А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильна, 1866, стр. 15—16.

[1] *Имеется в виду приказ военной секции Исполнительного отдела Литвы от 3(15) ноября 1863 г. о назначении А. Мацкявичюса организатором вооруженных сил Ковенского воеводства (ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, л. 49).*

[2] *Имеется в виду заверенная комиссаром Ковенского воеводства Ю. Мицкевичем («Рымвидом») копия дневного приказа военной секции Отдела Литвы от того же числа о подчинении всех повстанческих сил Ковенского воеводства Мацкявичюсу в связи с отсутствием назначенного военным начальником этого воеводства полковника Болеслава Длуского-«Яблоновского» (там же, л. 50).*

[3] *О посещении и. о. военного начальника воеводства И. Лясковским около 20 октября 1863 г. гор. Ковно и его переговорах с гражданскими воеводскими властями см. показания адъютанта Лясковского Е. Купсця (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 679, лл. 5—11, а также док. 140).*

[4] *Подлинник неизвестен. См. прим. 2 к док. 25.*

121

1863 г. ноября 19.— Предписание М. Н. Муравьева вилкомирскому военному начальнику принять решительные меры против поддерживающего повстанцев населения восточной части Вилкомирского у.

Усматривая из донесения полковника Теннера, а также личных объяснений ген.-лейтенанта Ганецкого 2-го, что население восточной части Вилкомирского у., в пределах между уездами Виленским и Новоалександровским, проникнуто вредными революционными идеями и духом мятежа и что в этом отношении состоят преимущественно на дурном замечании однодворцы, околичная шляхта и в особенности общества государственных крестьян: Пупанское, Свенторжецкое, Оникштанское и Уцянское, предписываю в. вб. немедленно принять самые решительные и

[а] *Т. е. шеф штаба.*
[б] *В копии вместо подписи проставлен знак* N.

энергические меры к подавлению мятежного духа и водворению строгого порядка в означенной части Вилкомирского у., для чего я разрешаю вам собственною властью: 1) налагать на околицы и селения, где это будет признано необходимым, контрибуцию в размере от 10 до 25 руб. со двора, а на имения помещиков — двойной и тройной десятипроцентный сбор и взыскивать таковой в возможно кратчайший срок, без малейшего послабления, с тем, чтобы о подобного рода распоряжениях вы всякий раз доносили ген.-майору Пахомову и начальнику Ковенской губ., и 2) обвиненных в совершении важных преступлений немедленно брать под стражу с подвержением, по предварительному производству следствия, военному суду по полевому уголовному уложению, что же касается упоминаемых полковником Теннером 200 человек крестьян Оникштанского общества, то я разрешаю вам ныне же забрать их под стражу и отправить в Вильно, откуда они будут высланы во внутренние губернии для водворения на постоянное жительство, а семейства сих крестьян, буде таковые у них окажутся, могут быть оставлены на прежних местах жительства, впредь до особого о них распоряжения.

Меру эту с разрешения начальника отдела ген.-майора Пахомова принимать к руководству и распространять и на другие местности Вилкомирского у., где это окажется нужным, но во всяком случае надлежит вам действовать с должною осмотрительностью, дабы мирные обыватели, исполнявшие долг верноподданных, не потерпели вместе с крамольниками и другими нарушителями общественного спокойствия.

Прошу вас тоже обратить особенное внимание на дворян и ксендзов и если в числе их окажутся неблагонадежные, то немедленно брать под стражу и доносить мне для дальнейших распоряжений.

При высылке означенных крестьян в Вильно прошу вас составить им списки и таковые представить ко мне [1].

Ген.-от-инфантерии Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф 1252, оп. 1, д. 95, лл. 16—17. Подлинник

[1] *Выселению было подвергнуто значительное число крестьян Вилкомирского у., а также других уездов Ковенской губ. В частности, в декабре 1863 г. выселено 50 жителей дер. Мишкенишек Оникштанского общества Вилкомирского у. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1252, оп. 1, д. 66, л. 128), а также 226 крестьян из Ушпольского общества (там же, л. 125; ф. 1248, оп. 2, д. 565, л. 11; ф. 378, оп. 219, д. 122, лл. 1—2). О попытке повстанцев отряда П. Червинского противодействовать выселению крестьян Ушпольского общества см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 3, лл. 7—10.*

122

1863 г. ноября 21.— Предписание М. Н. Муравьева командующему войсками в Инфляндских, Новоалександровском и Дисненском уездах ген.-майору Ковалевскому о мерах по подавлению повстанческого движения в северной части Новоалександровского у.

Рапортом от 17 ноября за № 4886 в. п. доводите до моего сведения о последствиях дознания, произведенного военным начальником Новоалександровского у. по поводу нападения шайки мятежников в ночь с 3 на 4 ноября на дер. Эйчаны и Скопишки, поясняя, что общества Ско-

пишское и Дусятское более других обществ в уезде состоят на дурном замечании по своему сочувствию к мятежу и уклонению в должном противудействии инсургентам, затем в рапорте от 20 ноября за № 4982 доносите мне о новых изуверствах, произведенных разбойниками в той же самой местности. Так как подобного рода беспорядки не могут быть далее терпимы, а всякое послабление в отношении крамольников поведет несомненно к поддержанию между населением мятежного духа, поэтому, препровождая к в. п. засвидетельствованную копию предписания моего военному начальнику Вилкомирского у. от 19 ноября за № 4622 [1], предлагаю принять изложенные в оном указания к точному и неукоснительному руководству для действий в Новоалександровском у., дабы тотчас очистить оный от мятежных скопищ и революционной организации, что в настоящее время не может представлять особых затруднений при тех средствах и том количестве войск, которое находится в вашем распоряжении. Равным образом предлагаю вам немедленно распорядиться об осмотре всех помещичьих мыз, шляхетских околиц и селений государственных крестьян, причем неблагонадежных ксендзов и помещиков тотчас же брать под стражу, а шляхту и государственных крестьян отправлять в Динабург с семействами для отсылки на водворение во внутренние губернии, представляя мне поименные о них списки по прилагаемой у сего форме для дальнейших распоряжений [2]. Вместе с сим для успешнейшего восстановления порядка в северных частях Новоалександровского у. имеете вы назначить благонадежного офицера в помощники военному начальнику того уезда и, дав ему достаточное число войск, поручить ближайшее заведывание местностью, начиная от м. Комаи на север до м. Биржи, возложив на него личную ответственность за всякое допущение беспорядков во вверенном ему участке; полковнику же Белизо заметить, что частые случаи грабежей и разбоев в Новоалександровском у. я отношу к недостаточной распорядительности и энергии в его действиях.

Что же касается в. п., то, не ограничиваясь поверхностным образом действий подведомственных вам военных начальников, прошу вместе с сим отправиться в объезд по Новоалександровскому у. и сделать лично все распоряжения, какие вы признаете полезными к скорейшему подавлению мятежного духа и [для] примерного наказания нарушителей общественного спокойствия, дабы утвердить население в убеждении о могуществе и власти правительства и понудить оное безусловно повиноваться его распоряжениям; равным образом имеете вы назначить военных становых из благонадежных офицеров во всех пунктах, где это окажется удобным, определить с точностью пределы местности, подчиняемой их заведыванию, с поименованием главных селений и местечек каждого стана, этим офицерам вы вмените в строгую обязанность тотчас же учредить во всех удобных и людных пунктах сильные сельские караулы в полном их составе на основании данной на сей предмет инструкции.

Полковнику Белизо и помощнику, который будет ему назначен, предписать, чтобы они при своих действиях поддерживали непрерывные сношения с начальниками Вилкомирского и Поневежского уездов в отношении преследования и уничтожения мятежных шаек, которые переходят из одного уезда в другой, вменив им в обязанность выполнять распоряжения ген.-майора Пахомова, если он будет требовать от них

содействия к преследованию тех скопищ, которые будут переходить в Новоалександровский у. из Вилкомирского и Поневежского уездов. Я уверен, что в. п. без всякого замедления приступите к восстановлению порядка на изложенных выше основаниях и данных мною до сего времени предписаниях и инструкции и очистите этот уезд от всех неблагонадежных и подозрительных обывателей как сельского, так и других сословий; в отношении же поименованных вами еврея Юделя, старосты и других лиц можете распорядиться, как то вы предположили. Вообще прошу вас действовать сообразно с обстоятельствами, не испрашивая предварительного разрешения для выиграния времени, и чтобы наказание следовало за совершением преступления немедленно, с тем только, чтобы о распоряжениях ваших и о том, что будет сделано, доносить мне.

К сему нужным считаю присовокупить, что как все случаи, о которых вы доводите до моего сведения, суть не что иное, как обыкновенные разбои, поэтому захваченных и уличенных в совершении таковых, а также тех, которые доставляют им притон, скрывая от преследования властей, судить военным судом по полевому уложению в 24 часа на основании 9 п. циркулярного предписания моего от 17 июля [3], приводя конфирмацию в исполнение на месте.

О том, кто будет назначен вами помощником начальника Белизо, прошу мне тотчас же донести для утверждения его в этой должности приказом [а] по войскам округа [4].

Произведенное военным начальником Новоалександровского у. расследование о нападении на др. Эйчаны и Скопишки мятежников при сем возвращается для ближайших соображений при предстоящих действиях.

Ген.-от-инфантерии Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 1, ч. 1, лл. 97—100. Заверенная копия

[1] *См. док. 121.*

[2] *Приложения в деле не имеется. О выселении в декабре 1863 г. семей крестьян Дусятского и Подусятского обществ, как наиболее содействовавших повстанцам отряда К. Лукошюнаса, см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 218, лл. 1—6.*

[3] *Указанный пункт предоставлял уездным военным начальникам право конфирмовать смертные приговоры.*

[4] *Помощником новоалександровского военного начальника был назначен майор Вятского пехотного полка Колотничев, которому ген.-майор Ковалевский дал особую инструкцию. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 1, ч. 1, лл. 104—105.*

123

1863 г. конец ноября.— Прощальное обращение А. Мацкявичюса к повстанцам [1]

Благородные товарищи и братья!

При вступлении бог благословляет мой труд. Более 10 человек из партии г. Битиса, конных и пеших, намерены прибыть в местность [б], где я расположился, и соединиться со мною. Даю им письменный вид, чтобы отправились к вам. Вы же, братья мои, примите и, как любезных наших братьев, поместите, составляя неразрывную прочность. Любезный наш

[а] *В тексте* приказать.

[б] *В тексте* местности.

г. Дырмонт пусть осмотрит их оружие и амуницию и приведет в состояние, как я желаю.

Дорогие мои, любите друг друга, как я вас люблю. Будьте единомысленны и в согласии. Одно только согласие может нас сохранить, пусть же оно будет нашим оружием. Прошу вас и запрещаю, мои дорогие, ни под каким предлогом не отлучаться от отряда. Один только г. Рутковский имеет право по делу о магазине [а] отлучаться и то на несколько часов [2]. Никто же другой не должен, это для примера рядовым. Не знаю, кто прибудет. Если сам начальник Битис или из наших или его офицеров, примите и поступайте соответственно их званию. Не сердитесь, братья, за это предостережение, пусть оно более будет доказательством моей к вам дружбы.

Где можно, узнавайте о партизанах и привлекайте к себе или удостоверьтесь на слово, что явятся по призыву. Народ же предупредить, что лишь только потребуется (я полагаю, что будет), чтобы готовился к общему восстанию, господин ли, шляхтич или крестьянин. Не знаю, как долго забавлюсь [б]. Предупреждаю только, разве если велят мне, имея в виду благо общее, вас, мои храбрые товарищи, не оставлю. Ежели потребуют в Центральный комитет или Правление для дачи отчета или встретить г. Яблоновского, то вас поручу шефу до времени моего возврата, но это вещи, которые могут и не статься. Ныне говорят мне, что авангард Яблоновского заказал в известном доме обед на 300 человек, но я этому не хочу верить. В таком случае, во-первых, по месту моему получил бы я официальное известие [3]. Это, быть может, распустил кто-нибудь слухи о теперешнем моем марше. Потому старайтесь, братья, чтобы никто не знал о ваших намерениях. А о чем будете советоваться, то в теснейшем кружке. Любезные братья, воздержитесь от телесных наказаний. Жажду найти в моих солдатах любовь и уважение к вам. Еще раз извиняюсь пред вами за это остережение, а вы оправдайте меня пред собою, ибо во время, когда вся тяжесть революции взвалена на меня, каждый неосмотрительный поступок может быть последним ударом, которого опасаются более, чем смерти [в].

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 15, лл. 173—174. Перевод с польского [4]

[1] *А. Мацкявичюс оставил отряд после сражения 14 ноября 1863 г. около дер. Лебедзе Ковенского у. (см. показания Ю. Родовича, док. 127).*

[2] *Поручик Рутковский после ухода Мацкявичюса командовал пешей частью отряда.*

[3] *Имеются в виду слухи о возвращении в Литву Б. Длуского (Яблоновского), который находился в это время за границей.*

[4] *Оригинал не сохранился. Сходную копию с небольшими разночтениями см. в ЛОИИ АН СССР, колл. 115, д. 419, лл. 58—59. Опубл.: А. Стороженко. Ксендз Мацкевич — предводитель шайки мятежников. Вильна, 1866, стр. 9—10.*

[а] *Т. е. для доставки продовольствия.*

[б] *Т. е. пробуду (в отсутствии), от польск.* bawić się.

[в] *На документе помета В. А. Долгорукова* Доложено е. в. 11 января 1864 г.

124

1863 г. декабря 3.— Циркулярное предписание М. Н. Муравьева о мерах борьбы с остатками повстанческих отрядов в связи с угрозой новой вспышки восстания весной 1864 г. [1]

Хотя в настоящее время мятеж уже подавлен и только кое-где в некоторых местностях края еще встречаются бродяги, но этой наружной тишине не следует доверять, и так как, быть может, остатки мятежных шаек хотят скрыться в разных местах до весны с тем, чтобы тогда опять начать в крае беспорядки и волнение, то и необходимо с той же энергией и деятельностью преследовать бродяг, еще находящихся в крае, и вообще разыскивать всех агентов мятежа и уничтожать все элементы тайной революционной организации, где они еще не совершенно истреблены, а равным образом забирать под стражу людей подозрительных и в особенности возвратившихся добровольно из мятежа, если они окажутся неблагонадежными, и потому прошу в. п. предписать военным начальникам тщательно разыскивать всякое могущее быть укрывательство мятежников, не оставаясь в бездействии и не полагаясь на наружную тишину [2].

Ген.-от-инфантерии Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1251, оп. 1, д. 2, л. 427. Заверенная копия

[1] *Публикуется по экземпляру, адресованному в Шавельский и Тельшевский уезды.*

[2] *Об озабоченности властей в связи с возможностью нового подъема восстания весной 1864 г. см. также предписание М. Н. Муравьева от 28 ноября 1863 г.:* Дошло до моего сведения, что по уездам разъезжают неизвестные люди, которые внушают бывшим в шайках, чтобы они зиму оставались под манифестом, а весною по первому призыву вновь отправлялись в шайки, и изъявляющим на то согласие составляют список (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 1, л. 112*).

125

1863 г. декабря 3.— Протокол допроса повстанца — литовского поэта Э. Даукши в Поневежской следственной комиссии

1863 г. декабря 3 в присутствии следственной по политическим делам комиссии был спрошен добровольно явившийся из мятежа коллежский регистратор в отставке крестьянин Эдуард Даукша и показал [a]:

Вопрос 1. Как вас зовут, имя, отчество и фамилия, сколько вам от роду лет, какого вероисповедания, бываете ли в церкви и исполняете ли обряды оной, женаты или холосты, какого сословия и куда приписаны — уезда, местечка или общества и деревни, были ли на службе, имеете ли имущество, где и какое, были ли под судом или следствием, где воспитывались?

---

[a] *В оригинале последующий текст дается в две колонки: слева — вопросы, справа — ответы.*

Ответ. Называюсь Эдуард Яков сын Казимира Христофора Даукша, лет 27, вероисповедания евангелическо-реформатского, в церкви бываю и ее обряды исполняю, холост. Фамилия моя крестьянского происхождения, Биржанской вол. Отец мой приходским (штатным) учителем в м. Биржах Поневежского у. Я же по воспитанию из Слуцкой гимназии, получив право на чин XIV класса за отличные успехи, по возвращении моем из Кенигсбергского университета поступил на службу в евангелическо-реформатскую коллегию, где и утвержден в чине XIV класса — коллежского регистратора — правительствующим сенатом. После отставки из службы проживал некоторое время дома, в м. Биржах, где живет и дряхлый мой отец. Имущества не имею. В штрафах, под судом и следствием не бывал. Приписан ли я где, не знаю, но как коллежский регистратор и сын учителя приходского приписанным быть не должен.

Вопрос 2. Были ли в шайке мятежников, что вас побудило пойти в оную, не подговаривал ли вас кто к тому?

Ответ. В шайке мятежников был у Люткевича, куда поступил для защищения крестьян, особенно же реформатского вероисповедания (своих единоверцев), биржанских, коим намерены были мстить, как все тогда о том говорили, мятежники за содействие их русским е. и. в. войскам в делах около Биржи при поражении Доленги, Колышки и Мацкевича[1]. В доказательство истины того привожу то, что я их действительно там защищал и вразумил представлениями своими, так что предпринимаемое общее мщение не имело места. Если бы хотел по сочувствию поступать в шайку, то были ведь прежде в Биржах и в прочих около Бирж местах Колышко, Доленга, Мацкевич и тот же сам Люткевич, я, однако же, к ним не поступал прежде, а поступил лишь тогда, когда после их поражения можно было ожидать, о чем все говорили, мщения. Да при всем том еще я был уже и прежде известен по своим убеждениям и чувству народности литовско-славянским, а не польским.

Вопрос 3. Какую вы в шайке исполняли должность и какой был круг ваших обязанностей?

Ответ. В шайке у Люткевича определенного звания не имел, а должен был по повелению Люткевича записать продиктованное, пересказанное и начертанное им же, иногда заметить или отметить что и иногда прочитать.

Вопрос 4. Кто был начальник шайки, кто в ней были ксендзы, помещики, отставные и начальники разных частей оной, кто приезжал в оную, кто доставлял провизию, оружие, боевые припасы, деньги, одежду и другие вещи, называть их не вымышленными, а настоящими именами и из какого они места?

Ответ. Начальник шайки был Люткевич. В ней бывших помню только некоторых: биржанский ксендз Зымонт и посвольский ксендз Руцки, кажется, взяты силой. Кроме того, были из высшего или просвещеннейшего класса: Гржибовски, коморник[а] Малишевски; Бржезинский, кажется, считаем[ый] адъютантом; Островски; Пузына, князь, коротко[б]; Вильчевские (кажется, двое), тоже подобно коротко и взяты; Антошевски; Пашкевич и других не припомню. По истинным названиям иные и не назывались. Начальников частей и всего старшинства и порядка в

[а] *Т. е. землемер.*
[б] *Т. е. недолго.*

беспорядке Люткевича не разобрать, где все от его деспотического зависело характера и каприза, там все сменялось и мешалось. Впрочем, известны Дынцман, Пусловски как отделенные из отряжаемых им частей. Приезжать в шайку никто из высших, сколь мне известно, не приезжал. Провизия бралась отряженным вооруженным отрядом из пары или больше десятков людей из шайки. Так же брались и другие вещи. Оружия не было при мне доставляемо. Амуниции недостаток — почему, может быть, Люткевич мало и бился.

Вопрос 5. Нет ли у мятежников каких складов оружия, провизии и прочего и если есть, то где именно?

Ответ. О никаких складах оружия не знаю, да и не думаю, чтобы во время моего пребывания они были, ибо излишка его не было — оружия в шайке были даже, кажется, большею частью плохи, да некоторые были и без оружий, следовательно, не было тогда чего прятать. А людей было еще довольно, которым далось бы еще, если бы было излишнее оружие. Провизии и иных складов при мне на дальнейшее время не делалось.

Вопрос 6. Кто вербовал людей для шаек, кто укрывал и лечил раненых мятежников и их лошадей, кто сообщал о движении войск и распоряжениях правительства?

Ответ. Вербовщиков особенных не было, а разве какие из шайки отдельные отряды либо большие или меньшие толпы бродящих мятежников кого где-нибудь забрали насильно, кои иногда оставались в шайке. Впрочем, присоединялись и добровольно иногда, кто хотел, в шайку или отделившуюся ее часть при ее проходе или нахождении близко или даже дальше, ибо особенно вначале встретиться с мятежниками и их шайкою было нетрудно и от всякого почти проходящего можно было узнать, что тут-то проходили они. Это особенно так было, пока еще войска е. и. в. в сих сторонах не было столько. Раненых не думаю, чтобы кто укрывал и лечил, ибо во время моего в шайке пребывания (должно быть, тоже и прежде) Люткевич не очень хотел был биться, что и редко с ним случалось, ибо он большею частью уходил, а посему и раненых почти не бывало, а если кто и был убит или ранен, то оставался, верно, на месте стычки, с которого[a] Люткевич сейчас уходил. Так это мне известно, но сам я при сем не бывал, ибо во время стычки состоял всегда при обозе, на стороне, в отдалении от места стычки, да сам я не имел и ружья как не участвовавший в делах против войск е. и. в. Больные лошади большей частью пропадали за ничто, а если где, может быть, и бывали высланы Люткевичем, то я об этом не знаю, ибо при том не бывал, при мне это не делалось. Да мне вообще распоряжения и поручения Люткевича отряжаемым им из шайки не могли бывать известны, ибо он оные сообщал обыкновенно лишь тем, коим поручал.

Сообщений о движении войск и распоряжений правительства при мне не присылалось никаких в шайку, сколь мне известно, и Люткевич на их недостаток ужалялся очень даже часто, а узнавал, и то иногда лишь, о сем от настигнутых проходящих и приезжающих или от бродивших возвращающихся частей из своей же шайки.

Вопрос 7. Что именно вам давали писать в шайке; если письма или бумаги, то кому они были адресованы, припомните все и изложите вкратце содержание того, что писали.

---

[a] *В тексте* с которой.

Ответ. Писем, диктованных мне и переписанных по начертанному Люткевичем, было два, как это ныне припомнить могу, то почти одинакового содержания. Адресовано раз прямо: «В Центральный комитет», а другой «К воеводе Ковенского воеводства»[2], которые имел послать и, может быть, и послал через другого предводителя шайки, называемого Писарским, с коим сходился на короткое время. Из содержания в том вспомню следующее: что он там жалуется на недостаток усердия и бездейственность высшего сословия жителей здешнего края, на то, что они ему делают часто препятствия, интригуют против него; что ничего не хотят рисковать, что организации никакой и начальников как бы и не было здесь, ибо их действия не видно; что по их интриге были распущены некоторые части шайки его; между распустившими и обвиняемыми им тоже в интриге выражен ксендз посвольский Руцки, который, пробыв краткое время в шайке, вышел после с отдельно ходившими и будто тоже произвел распущение, что, как говорят[а], и было; жаловался на недостаток оружия и амуниции, объясняя тем невозможность сражаться, почему (как объяснил) и должен уходить постоянно; что принужден вещи и припасы брать насильно, кои берет большею частью из деревень, и что только на взимаемом с крестьян в деревнях и впредь видит единственную возможность опирать свое существование; что на содействие жителей, особенно помещиков, считать[б] нельзя; там же он оправдывает недостойные оправдания поступки Дынцмана[3]; жалуется там также на недостаток всякого сообщения с другими шайками; объяснил причем, что, может быть, его шайка так мало сочувствия в высшем сословии имеет, что в ней много крестьян; что несправедливо стараются от него отнять предводительство шайкой, что он просит прежде разобрать, в чем он виновен, что без этого разбора он не может другому сдать предводительства и пока остается при нем. Обыкновенно писаны были мною, но иногда и другими по повелению Люткевича записки для отряжаемых за провизией. И так вообще записывал по диктовке Люткевича и по его повелению.

Вопрос 8. Кто кроме вас занимался в шайке письменной частью?

Ответ. Занимался еще писанием писарь, именуемый Зыгмунт, но что он именно писал, не знаю и не вспомню. Кажется, что писал что-то иногда, но чтобы что-нибудь важное по подозрительности и недоверчивости Люткевича вообще не полагаю, Бржезински, которого, кажется, считали его адъютантом, но действительно ли он таким был именован Люткевичем, сказать не могу утвердительно.

Вопрос 9. Кто были агенты Люткевича и Центрального комитета, каким образом оный делал здесь распоряжения, как и через кого доставлялись газеты, прокламации и т. д.? Какое установил здесь Центральный комитет свое управление и сообщение?

Ответ. Агентов особенных Люткевича были ли вообще, не знаю, да и не помню. Об агентах Центрального комитета тоже ничего знать не могу, ибо в сии таинства я никем из них не был допущен, да и не мог быть, как известный по идеям, убеждениям и чувству народности славянским и литовским, а не польским, почему и бывал даже иногда ими подозреваем. Газет и распоряжений во время моего пребывания в шайке

[а] *Опущен ошибочно повторенный союз* что.
[б] *Т. е. рассчитывать.*

не знаю, что бы кто присылал или передавал. Об устройстве же комитета могу только знать то, что и все другие, что будто есть какие-то Центральный комитет и начальники уездные, приходские и др. Но есть ли они, кто и где — это столько известно мне, как и другим. Знаю только, что если они здесь и были, то действий их незаметно, да, верно, оставались более в бездействии. А теперь тем более существование их, если б прежде и были, сомнительно у нас в сих сторонах.

Вопрос 10. Какие в бытность вами в шайке были в оной или других произведены неистовства, т. е. грабеж, вешание и вообще умерщвление лиц?

Ответ. Во время моего пребывания в шайке были разграблены некоторые, как я слышал, магазины, при чем [я] не был, ибо с этой целью большею частью отряжал Люткевич, как кажется, особенную [a] часть из шайки вроде отряда. В моих глазах ни один магазин не разграблен, а потому и способа этого верно не знаю, но, как говорят, заставлялось это расхватывать людям. Разграблен был тоже во время моего пребывания в шайке по повелению Люткевича один еврей, Пинхус, кажется, по имени, в м. Субоче, за Зеленкою. Притом один еврей в Поневеже, кажется, приезжающий со съестными припасами. По Люткевича повелению вешаемы были тоже разные люди, обвиняемые им в различном, особенно же в разных против мятежников действиях. Из этих жертв я припоминаю некоторых и название, о чем мог узнать по сему, что они были произносимы в шайке, в которой иногда говорили и вспоминали оных название, или во время содержания их в аресте, что иногда короче, иногда долее продолжалось, после чего Люткевич распоряжался их судьбою, казня или выпуская без никаких формальностей, или впоследствии как о пропавших уже жертвах. Я же как не бывший никогда свидетелем сих казней не могу объяснить, как это производилось. В числе жертв считают: одного крестьянина, называемого, кажется, Плактун, одну женщину, называемую Фишеровой, одного старшину — названия не знаю, известного Черневского из Биржь, коего захватил, кажется, и обвинявший его в различном отличавшийся, как известно, грабежом Чижевский, тоже из Биржь, пару из своей шайки, пару, кажется, солдат, какого-то, не знаю названия, крестьянина русского, какого-то сибирского пильгрима, отставного подполковника Энгельбаха [4], приведенного в шайку одного поздно, уже впотьмах, за которым во время содержания его в аресте я самым сильным образом, разными представлениями хлопотал о его выпущении, прося его [Люткевича] об этом неоднократно, до возбуждения даже некоторого рода подозрительности Люткевича в сем ко мне, который всему отказал, даже желанию Энгельбаха вешанье заменить расстрелом; виновником смерти коего, кроме Люткевича, считают и Пашкевича. Больше об неистовствах и вешаньях Люткевича не знаю и не слыхал. Что касается меня, не только что я во всех его неистовствах, грабежах, убийствах и пр. не принимал участия и не пользовался даже ничем ограбленным, но даже во всех случаях вообще, где это мог и знал, старался своими представлениями и просьбами высвободить каждого, выхлопотать прощение или, по крайней мере, смягчение, что иногда бывало успешным. Случалось, что по моим, да и неоднократно, а иногда и по других просьбе, прощаемы были таковые люди и не предавались

---

[a] *В тексте* особенно.

казни. Кто исполнял эти повеления Люткевича казнить, кто вешал кого — никогда того не был свидетелем и сказать не в состоянии. Притом большею частью, как мне кажется, происходило это в отделенных от него толпах мятежников. Большая часть неистовств вообще была производима отдельно бродящими толпами, отделившимися от шайки, по повелению Люткевича и без него, кои то иногда редко с ним и сообщались.

Вопрос 11. Какой был в шайке порядок приговора к казни или наказанию плетьми и др.?

Ответ. Порядок приговаривать кого-нибудь к какой казни смертной был таков, что во всех, как знаю, случаях это происходило по словесному Люткевича повелению, который один, по положениям мятежников, присваивал себе право распоряжаться жизнью и личностью всех прочих. Его только деспотическая воля почиталась имеющею силою приговора. Иногда заставлял он только толпе, отряженной из шайки, делать предварительное обсуждение, не имевшее решительного значения, ибо все зависело от одного Люткевича, который распоряжался по-своему. Сих обсуждений предварительных было немного, и то заключалось большею частью тем, что обвиняемый был подвергаем телесному наказанию.

Эдуард Даукша

Опросные пункты давал штабс-ротмистр Шмидт

Присутствовали: председатель майор Гальберг,

члены: подпоручик Бернацкий, подпоручик Рылов

Делопроизводитель — аудитор [a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1220, лл. 9—14. Подлинник

[1] *О настроениях крестьян окрестностей м. Бирж см. док. 105.*

[2] *См. док. 111.*

[3] *См. док. 111 и прим. 6 к нему.*

[4] *О повешении повстанцами отряда Люткевича помещика им. Дворжище отставного подполковника Энгельбаха см. также показания повстанцев Гжибовского (там же, л. 17), Петровского и Даугяло (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1206, л. 61; д. 1502, л. 13).*

126

1863 г. декабря 5.— Донесение ковенского жандармского штаб-офицера Р. Б. Витте В. А. Долгорукову о настроении крестьянства и популярности А. Мацкявичюса в народе

Решительные меры, предпринятые в последнее время в Царстве Польском, а в особенности в Августовской губ., значительно подействовали в политическом отношении на умы смежной с нею Ковенской губ., и возмутительное направление приняло, по-видимому, менее враждебный характер. Многие жители, увлеченные восстанием, начинают проявлять свою покорность, несмотря на то, трудно, однако, доверять их преданности, так как постоянно у разных лиц при обысках оказываются прокламации и гимны, имеющие целью поддерживать восстание и служащие доказательством сношений здешних жителей с тайными общест-

[a] *Подпись неразборчива.*

вами злонамеренных людей за границею, которые влиянием своим увлекают тех из них, кои не оказывают явного сочувствия к польскому мятежу.

Кс. Мацкевич, названный воеводою, с начальником шайки Когновицким 14-го прошлого месяца был разбит отрядом войск около м. Ясвойны, где понес большой урон [1]. Между убитыми 16 мятежниками оказался и начальник шайки Шульц, сам Мацкевич успел скрыться и, всячески стараясь продолжать свои мятежнические действия, фанатическим влиянием своим и террором успел приобрести доверие и страх в народе, так что каждый из его шайки готов жертвовать жизнью, лишь бы не выдать Мацкевича русским войскам.

Прекращение в Ковенской губ. обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временнообязанными крестьянами, а равно и выкуп сими последними земель их надела с содействием правительства, достигая предназначенной цели, действуют благотворно на умы крестьян, чему также способствуют немало последовавшие за сим постановления и временные меры и распоряжения начальника здешнего края. Действия поверочных комиссий в крестьянском деле приносят пользу, насколько это позволяет недавнее их открытие и настоящее смутное положение губернии. Об усилении деятельности и увеличении числа сих комиссий четырьмя на губернию есть предположение, не приведенное, впрочем, еще в исполнение. В правильных действиях поверочных комиссий крестьяне убедились тем, что до открытия сих комиссий при поверке измерений земли [обнаружилось, что] некоторыми помещиками показано было земли больше, чем оказалось в действительности, а потому по приведении сего в известность и поземельный чинш уменьшился в соответственном размере, но означенные меры правительства, принимаемые с признательностью временнообязанными крестьянами как клонящиеся к улучшению и обеспечению их быта, возбуждают чувства соперничества и зависти в крестьянах государственных имуществ, не пользующихся выгодами и правами, предоставленными первым. В особенности в сословии казенных крестьян слышится ропот на то, что сумма их повинностей гораздо тягостнее в сравнении с повинностями временнообязанных крестьян и вместе с тем платежи денежные и выкупные сих последних легче, чем у крестьян казенных, так что не без основания можно предполагать, что уравнение, по возможности, прав и провинностей этих двух сословий, в особенности в настоящее время, было бы делом полезным, которое весьма могло бы содействовать к успокоению умов недовольного сословия казенных крестьян.

Майор Витте

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 15, лл. 164—165 об. Подлинник

[1] *Стычка 14 ноября 1863 г. в Повятувском лесу была последним боем, в котором участвовал А. Мацкявичюс. Вскоре после этого он покинул отряд (см. док. 123).*

127

1863 г. декабря 6.— Показания казначея отряда Мацкявичюса Ю. Родовича Н. М. Муравьеву о боевом пути отряда

1863 г. декабря 6 дня дворянин Ковенской губ. Шавельского у. Юлиан Иосифат Родович был допрашиваем и показал:

Лет от роду 22, вероисповедания римско-католического, под судом и следствием не был, воспитывался в Шавельской гимназии, где кончил только 4 класса, имения не имею, оставил мать, но где она ныне находится — не знаю. При выходе в шайку Мацкевича в марте месяце она жила в Шавлях и при ней осталось еще два брата, Федор и Михаил, и сестра Наталья. Не помню которого числа, но в марте месяце вышел я вместе с кс. Мацкевичем в Поневежский у. в Мегянские леса, где и начали формировать шайку. В продолжение трех [д]ней [а] собралось около 800 [чел]овек, сформировавши их, пере[дал] Яблоновскому и сам поступ[ил] под начальство его. Вскоре пос[ле э]того имели стычку с русски[ми] войсками, где потеряли [б] 3 [уб]итых и довольно значительное число разбежалось. Тогда Яблоновский, отделившись ночью со своими охотниками около 50 человек, отправился куда, не знаю, а я с Мацкевичем направился с шайкою в Ленчевские леса и тут соединились с Кушлейкою. Имели стычку с русскими войсками, на другой день, отделившись от Кушлейки, направились в Мегянские леса, пробыв в оных не более недели, пошли в Трусковские леса, какого уезда, не знаю, откуда в Роговские леса, тут имели стычку с русскими войсками и в добычу взят весь обоз. После чего, как припомнить могу, пошли в Зеленку Поневежского у., а на другой день вышли в неизвестные мне места, нап[равились] в Биржи и, не доход[я оных, в] фольварке ксендза ф[амилии неиз]вестного, соединили[сь с шайками] Доленги и Колышко[ю [в], где в чет]верг и пятницу п[артия Колышки] и Доленги дралась с р[усскими], а в субботу шайка Мацкевича. Тут Доленго, раненый, в деревне был взят в плен, а равно и Колышко. После этого все три шайки соединились под начальством Мацкевича и начальника штаба, фамилии не знаю. Тогда пошли в Зеленковские леса, опять перешли Мегянские по направлению к прусской границе Тельшевского у., где в окрестностях оных бродили более недели, вслед за тем недалеко от Куртовян имели стычку с русскими войсками, после чего направились в Поневежский у. и Жойгинские леса Россиенского у., тоже имели стычку с русскими войсками. Отступив, перешли за р. Дубису, а оттуда в Цытовянские леса, где также бродили и перешли в Радзивилишские леса Шавельского у., а оттуда в Шавлянские леса, потом под Монтвидов, вблизи помещика Гружевского, [где] также была стычка. Вслед за тем, пройдя Датновские леса, перешли через р. Шушву. Тут тоже прожили около недели, потом — в леса Бялозоринские, переправясь через Невежу, пошли в Мегянские [г] леса, где

[а] *Текст документа местами поврежден, отсутствующие части слов восстанавливаются в квадратных скобках.*

[б] *В тексте* потеряв.

[в] *В тексте здесь и далее* Колыско.

[г] *В тексте здесь и далее* Медянские.

пробыли полтора месяца. В это время все припасы доставляли нам [живущие] вблизи крестьяне и шляхта. Отдохнув, пошли в Ведзягольские леса, где имели стычку с русскими войсками, после чего перешли в Орловские леса в 3 или 4 милях от гор. Ков[на, а] для отдыха пошли в Мег[ян]ские леса, где прожили о[коло] четырех недель, вслед за [тем] недалеко от Кракинова и[мели] стычку с русскими войс[ками], отступили чрез Скильвянские в Мегянские леса, были окружены русскими войсками, но заблаговременно было извещено пикетом и мы успели отступить в Поневежский у., в окрестностях которого бродили около двух недель, оттуда пошли в Ланскую пущу и, переходя между Кракиновом и Сурвилишками, были разбиты русскими войсками под начальством ген. Ганецкого. Разбитые остатки бежали в Эйрагольские леса, а оттуда в Поневежский у., где также бродили более недели, имели кавалерийскую стычку, где числом не более было 70 человек. Тут опять бродили около месяца в окрестных местах, пошли в Повятувку, где последний раз были разбиты русскими войсками. Пробыв еще в окрестностях Поневежского у. полторы недели, Мацкевич в Повятувке передал начальство над шайкою: Когновицкому кавалерию, а пехоту оставил на границах Поневежского и Тельшевского[а] уездов, но кому он передал начальство, мне неизвестно. Объявив мне как исполнявшему должность казначея и адъютанту своему д'Артюзи[б], что он желает с нами[в] перебраться чрез р. Неман в Царство Польское, дальнейшего же плана он нам не объявлял[1]. Прибыв вблизи м. Вилки, на берегу р. Немана, мы остановились в хате мужика отдох[нуть], но неожиданно прибыв[шими] войсками были взяты, М[ац]кевич же успел бежать в лес. Первоначально исполнял я обязанность обозового офицера, т. е. кормил людей, а потом исполнял должность казначея, и, как припомнить могу, в кассе было постоянно около тысячи руб., а иногда и более, которые получал от Мацкевича, но от кого он брал, не знаю. Деньги эти преимущественно употреблялись на уплату жалованья мятежникам за месяц 3 руб., а также и проводникам. Для получения съестных припасов посылались люди в близлежащие деревни и помещичьи дворы, у которых покупалось, но кто они таковые, я не знаю, ибо этим не заведывал, равно обувь и одежду доставляли преимущественно шляхта и мужики. Во время всего моего служения в шайке Мацкевича я не видал, чтобы он кого-нибудь, как своих, так равно и чужих, вешал, но были назначенные для этой цели особые конные жандармы. На том кончаю показание по чистой совести, подвергая себя законной ответственности. В чем и подписываюсь

Дворянин Юлиян Иосифат Родович

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 559, лл. 6—9. Подлинник

[1] *См. также показания д'Артюзи (там же, лл. 16—25).*

[а] *Ошибка. Должно быть — Поневежского и Вилкомирского.*
[б] *В тексте* Дертузи.
[в] *В тексте* с ними.

128

1863 г. декабря 14.— Утвержденное М. Н. Муравьевым заключение Временного полевого аудиториата (конфирмация) по делу А. Мацкявичюса

Временный полевой аудиториат, рассмотрев доставленное комиссиею военного суда, учрежденною в гор. Ковно над политическими преступниками, 12 сего декабря за № 254 военно-судное дело о ксендзе Ковенского у. Антоне Мацкевиче, сужденном по полевому уголовному уложению за предводительствование шайками мятежников, находит, что кс. Мацкевич, 37 лет, сын шляхтича Ковенской губ., первоначально воспитывался при родителях и, подготовленный домашним воспитанием, определен в Виленскую гимназию, из которой по окончании курса перешел в Киевский университет, а оттуда в Ворненскую духовную семинарию. Затем Мацкевич вступил в духовное звание, в продолжение 3 лет состоял викарным ксендзом в м. Кракинове, а последние 8 лет был ксендзом-филиалистом в м. Подбржезь в Поневежском у. Ковенской губ. Состоя в этом звании, подсудимый Мацкевич, по собственному его сознанию, с давнего времени питал против правительства стремления, надеясь, что Царство Польское и Литва никогда не останутся довольны своим настоящим положением, а потому, лишь только в Царстве обнаружился мятеж, первый поднял знамя восстания в Литве, которое, по выражению Мацкевича, вначале опиралось на нем одном, и как до этого, так и потом рассеивал везде свои преступные стремления в особенности пред своими прихожанами, и старался распространять и проповедывать восстание в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях с целью принудить правительство произвести реформы в Литве или уступить ее Польше [1]. В то же время Мацкевич, собрав шайку, принял над ней начальство, вошел в тесные сношения с членами так называемого Народного правления, вскоре назначен был люстратором мятежных шаек и, наконец, в начале минувшего ноября месяца получил от Литовского революционного правительства мандат на звание организатора вооруженной силы Ковенского воеводства и вместе с тем был назначен наместником войскового начальника в Ковенском воеводстве. При таких обширных уполномочиях подсудимый был главным и действительным агитатором восстания в Литве, причем совершал некоторые убийства через повешение и расстреляние лиц, преданных правительству и противодействовавших мятежу, и до последних дней пытался поддержать восстание в крае, несмотря на то, что край был уже усмирен и очищен от мятежных скопищ. Наконец, 5 декабря Мацкевич решился оставить на время шайку и, пробираясь за границу с целью войти в сношения с находящимся в Париже Центральным комитетом, был захвачен войсками вместе со своим адъютантом д'Артюзи и казначеем Родовичем на дороге в Ковенском у. [2] При задержании у Мацкевича в числе других бумаг найден мандат — предписание Народного правления на звание организатора и наместника войскового начальника в Ковенском воеводстве [3]. На допросе он сам сознался во всех своих преступлениях, скрыв, однако ж, всех лиц и членов революционной организации, с которыми он сначала как начальник одной шайки, а потом как

люстратор и, наконец, как организатор всех шаек в Ковенской губ. должен был иметь непосредственное и близкое сношение. Единственное оправдание, которое представил Мацкевич, заключается в том, что он не питал никакого нерасположения к правительству и если поднял первый знамя бунта, то собственно в защиту литовского народа, без решительного намерения оторвать его от русского государства, а с целью возвратить ему старинные права и спасти от угнетения шляхты и незаботливости местной администрации. Но и обстоятельства дела и ход настоящих событий в крае доказывают, что Мацкевич объяснил подобным образом цель действий своих против правительства, желая ослабить их преступное значение и уменьшить свою ответственность перед законом, ибо если бы Мацкевич действительно желал действовать в пользу крестьянского населения в Литве, то мог избрать для этого много законных путей, но он вместо того поднял знамя бунта против правительства и, соединясь с тем самым шляхетским сословием, против которого он хотел, по его словам, действовать, не остановил мятежа даже в то время, когда крестьяне гласно заявили настоящие чувства свои к мятежу и сами обратились к открытию шаек и повсеместному преследованию мятежников.

По сим обстоятельствам временный полевой аудиториат признал подсудимого кс. Антония Мацкевича виновным в принятии самого деятельного участия в мятеже, причем еще до начала восстания в крае он распространял в народе революционные идеи и потом первый поднял знамя восстания в Литве и, сформировав шайку, сделался предводителем, прошел по разным местам Ковенской губ., вступал в стычки с войсками, возбуждая местное население к мятежу как словами убеждения, так и мерами насилия и убийством лиц, не склонявшихся на сторону революции, и, наконец, всеми средствами содействовал успеху восстания как в звании люстратора мятежных шаек, так и в последние дни восстания в звании организатора и главного начальника мятежных сил в Ковенской губ.

Посему временный полевой аудиториат полагал: подсудимого кс. Мацкевича как принадлежащего по важности его преступлений, сопровождавшихся совершением убийств, к 1 категории преступников, указанных в высочайше утвержденных 11 мая с. г. правилах о порядке наложения взысканий на мятежников, на основании 3 п. этих правил и согласно с приговором военного суда, казнить смертию повешением; имущество же, какое у него окажется или впоследствии может ему принадлежать от родителей, по силе 176 ст. I кн. военно-уголовного устава, конфисковать в казну.

Такое заключение аудиториата я утвердил с тем, чтобы смертная казнь над кс. Мацкевичем была исполнена публично в гор. Ковно.

Предлагаю в. п. привести конфирмацию мою в исполнение и о действительном исполнении донести мне надписью на сем же[4].

Командующий войсками ген.-от-инфантерии
Муравьев

ЦГВИА, ф. 484, д. 322, лл. 5—8. Заверенная копия[5]

[1] *О революционно-демократическом мировоззрении А. Мацкявичюса и мотивах его участия в восстании см. док. 25, 26, 27 и комментарии к ним.*

[2] *См. показания Ю. Родовича, док. 127.*

[3] *См. док. 120 и прим. 1 и 2 к нему.*

[4] *Конфирмация была направлена командующему войсками, расположенными в Ковенском и Мариампольском уездах, Н. С. Ганецкому, который 15 декабря 1863 г. предписал:* Предписание это препровождая к военному начальнику гор. Ковно для приведения изложенной в оном конфирмации во исполнение, предлагаю е. вб. смертную казнь над кс. Мацкевичем исполнить установленным порядком завтрашнего числа в 11 час. утра публично в гор. Ковно и о действительном исполнении этой конфирмации донести мне надписью на сем же.

О сборе войск, в гор. Ковно расположенных, завтрашнего числа к 11 час. утра на место казни вместе с сим распоряжение сделано *(там же, л. 9).*

[5] *См. прим. 2 к док. 25. Подлинный журнал Временного полевого аудиториата от 12 декабря 1863 г. с заключением по делу А. Мацкявичюса см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 591.*

129

1863 г. декабря 17, кр. Динабург.— Предписание ген.-майора Ковалевского новоалександровскому военному начальнику полковнику Белизо о мерах в связи с появлением повстанческого отряда К. Лукошюнаса у границы Курляндии

Получил сведение, что шайка [1] прошла или лесами кругом, или прямо прорвалась через ваш уезд на им. Ганушишки и находится у самой границы Курляндии, желая туда пробраться. Не ослабляя границы уезда вдоль Поневежского и Вилкомирского уездов, сделайте немедленно следующее распоряжение: составьте два легких подвижных отряда, каждый силою не более как полуроты при 12 или 15 казаках, отряды двиньте единовременно: один от самого северного конца уезда вдоль границы Курляндии книзу, а другой от с. Субата вдоль этой же границы кверху, т. е. от юга к северу. Даю знать, что завтра же полурота Вятского полка идет на поиски из Динабурга чрез Иллукст, до оз. Саукен до деревень Лонен и Петергоф, откуда пойдет через гор. Якобштат и расположится в Крейцбурге для прикрытия парка. Когда двинутся отряды, а также что окажется, мне донести.

Ген.-майор Ковалевский [a]

Помета 17 декабря в 10 час. вечера за № 4754 предписано майору Колотничеву сделать движение с полуротой и 15 казаками от северного конца уезда к Ганушишкам

ЦГИА Лит. ССР, ф. 655, оп. 1, д. 1, лл. 121—122. Подлинник

[1] *Речь идет об отряде, возглавляемом крестьянином К. Лукошюнасом, который действовал постоянно в Новоалександровском у., а также проникал в Вилкомирский и Поневежский уезды. В октябре 1863 г. Лукошюнас прорвался сквозь цепь воинских частей на стыке границ Новоалександровского у. и Курляндской губ. Проникнув в конце декабря в Курляндию, он скрывался там с отрядом и иногда появлялся на территории Новоалександровского у.*

---

[a] *После подписи приписка ген.-майора Ковалевского карандашом* Я не оставил ли у вас моей карты — она вам теперь пригодится, но пришлите ее ко мне.

Чуть ли не прав лгун — еврей сотский Антолепта — друг Лукашунаса, обратите на это внимание, добейтесь следа шайки — не через Южинты ли мимо Ракишек прошла шайка?

130

1863 г. декабря 25.— Показания предводителя повстанческого отряда П. Червинского («Совы») представителям царских властей в гор. Вилкомире о действиях своего отряда

1863 г. декабря 25 дня, в присутствии помощника военного начальника гор. Вилкомира и уездного штабс-капитана гр. Клейнмихеля, состоящего при виленском военном, гродненском, ковенском и минском ген.-губернаторе капитана Иваницкого[а] и вилкомирского уездного исправника Винярского, я, будучи спрошен, даю следующие показания:

Зовут меня Павел Иванов сын Червинский, дворянин Витебской губ., от роду имею 23 года, вероисповедания римско-католического, на исповеди и [у] св. причастия бываю ежегодно, холост, воспитывался сначала в Институте корпуса горных инженеров, потом в С.-П[етер]б[ургском] университете и Технологическом институте, знаю языки русский, польский, французский и немецкий, родители мои: отец Иван Осипов и мать Виктория Павлова Червинские, живут в Могилевской губ. Оршанского у. м. Горках. Из братьев моих один Иван, бывший начальником шайки в Люблинской губ., расстрелян в гор. Киеве, другой Раймунд, бывший также в мятежнической шайке Топора, убит. Под судом был, возвратившись из мятежа перед 1 мая.

Причиной того, что я пошел в мятеж, было превратное понятие о состоянии общества и страны, некогда польской, кроме того, меня подговаривал Кольчинский[б], в шайку которого я первоначально и поступил. Потом с другим товарищем — Черским — отправился я с целью низложения оружия, чтобы воспользоваться всемилостивейшей амнистией 1 мая, но был заключен в Динабургскую кр., где и содержался почти до половины августа, и потом же узнал, что приговорен вместе с прочими к каторжным работам на заводах на 4 года. Это произвело на меня сильное впечатление, и я решился бежать из крепости, что при помощи старой солдатской шинели и переделанного собственноручно штатского кепа мне и удалось[1]. Пешком я добрался до Петербурга[2], но там не найдя возможности укрыться, не мог остаться. Так как я имел у себя скрытые в галстуке 300 руб., то пустился обратно, пробыв в Петербурге только двое суток, и приехал по железной дороге до первой за Динабургом станции, а оттуда пошел пешком на юг в надежде встретить шайку и действительно близ Чеканц встретил в лесу разъезд из шайки Вржесневской[в], в которую и был принят за поручительством моих университетских товарищей Дзимишкевича и Михайловского, находившихся в разъезде, самого Вржесневского в разъезде не было.

Шайка Вржесневского тогда состояла из 80 человек конных мятежников, в числе коих были: кс. Дылевич, дворяне Болеслав Наркевич, Андриан Помарнацкий, Бенедикт Ольшевский, Болеслав Довнарович, Ричард Помарнацкий, Дениско, Гедройц, Барановский, Теофил Киборт, Болеслав Михайловский, Коньча, Гаспер Малецкий, Иосиф Малецкий, Петр Пиотух, Малишевский, Хлюдзинский, Дзимишкевич, Глазко и Чайко. Шайка постоянно ходила в лесах Трашкунских, Ланских и Сесиц-

---

[а] *В тексте* капитане Иваницком.
[б] *Так в тексте. Правильно — Кульчицкий.*
[в] *Так в тексте.*

ких от одрины до одрины [а], на мызы и [в] деревни шайка никогда не заходила. Провизию для шайки доставлял Бенедикт Ольшевский, который из шайки ездил со своей командой, и собирал ее, вероятно, в близлежащих мызах и деревнях. Запас оружия, пороху, одежды и белья я застал в шайке уже приготовленными. Они сохранились в одринке недалеко от дер. Сагиры при дороге, ведущей из лесу в Ланы. Чтобы кто приезжал из помещиков или ксендзов в шайку, я не видал, но когда шайка стояла близ дер. Грубуль в большой одрине, то мне говорили, что приезжали две дамы к пикету, но кто такие дамы и к кому они приезжали, я не знаю. При мне в шайке никого не вешали.

В шайке Вржесневского я сначала был рядовым, потом унтер-офицером, а в конце сентября месяца из-под Сесик был отправлен в качестве вахмистра с 20 рядовыми для того, чтобы отвлекать в сторону часть войска, ее преследовавшего, и для повешения еврея Гершеля, жившего близ Дусят, и других помогавших русским войскам в разыскивании мятежников, список которых был им лично вручен состоявшему в моей команде Михаилу Ясинскому, жившему до того в этой местности и знавшему других жителей. Одновременно с тем Вржесневский послал крестьянина Казимира Лукашунаса для сформирования пешей шайки в местности между Дусятами и Ушполями, который и собрал более 30 человек и, не присоединившись к шайке Вржесневского, скрывался в Оникштанском лесу, где я его и встретил. После того в половине октября в Трашкунских лесах возле дер. Грубуль в большой одрине я виделся с Вржесневским, от которого получил запасы оружия, белья, амуниции и одежды и получил приказание арестовать Лукашунаса, а шайку его препроводить к ближайшей пешей шайке. Когда я возвратился назад, то Лукашунаса уже не застал, а шайку его повел к Доминику Малецкому, стоявшему с шайкой близ дер. Пуранц, который, недовольный мною за насмешки над его братом, ушел со своей шайкой ночью неожиданно, а меня оставил с пехотою Лукашунаса, которую я вывел из Оникштанского леса и распустил в их деревни, посоветовав избрать себе десятских и ждать под их распоряжением приказаний начальников пеших партий, если они не желают явиться правительственным властям. Сам же я отправился в Трашкунский лес, чтобы видеться с Вржесневским, но его не мог найти и с тех пор о нем никаких сведений не имел, а также ни о ком из других начальников шаек. Забрав оставшиеся в одрине (близ дер. Сагир) запасы одежды (сукна), белья и оружия, с которыми отправился в Новоалександровский у., и в Дусятской пуще раздал их своей команде. С тех пор я распоряжался сам, придерживаясь только данной мне Вржесневским инструкции [б]. Имел намерение явиться с шайкой в Вилкомир, но, раз сам лично обманувшись в ожидаемом прощении, не решился, предоставив, впрочем, всем полную свободу поступать в этом отношении по собственному усмотрению.

До разбития моей шайки 22 декабря я постоянно ходил в местности между Андронишками, Оникштами, Уцяной и Ушполем. Когда выпал снег, тогда я с шайкой находился в деревнях Вейткунах, Ромашканцах, Сталинищках, Довейне, Норвейшах и еще в одной деревне, которой названия не помню, но что может дополнить Фортунат Черноцкий, оставленный там на излечение. Также были мы в Жигилишках близ Ован-

---

[а] *Одрина — сеновал (польск.).*

[б] *В тексте* инструкцией.

ты, в которых живут два семейства шляхты и два крестьянских, и в двух русских застенках недалеко Абель[а], название их не помню. Провизию для шайки я получал из этих же деревень, также доставляли провизию, когда мы стояли в лесах, крестьянин Шинкунас из дер. Нуранцев (Оникштанского общества), того же общества односелец Стокус и крестьянин Антоний (фамилии не знаю, из дер. Калвель). Сукна, порох, свинец и шапки два раза я получал от двух евреев, фамилии которых не знаю и, как мне Вржесневский объяснил, что они из Оникшт. Эти евреи привозили вещи в условленное место в овраге, близ моста на единственном ручье, находящемся по дороге между деревнями Кнебами и Поварами. За это я им платил деньги из числа мне выданных Вржесневским 1200 руб. сер. Во время нашей бытности в Оникштанских лесах пищу им доставлял и был проводником крестьянин Шинкунас. Из ксендзов в моей шайке никого не было. Из дворян были: Теофил Киборт, Владислав и Фортунат Чарноцкие, Эдуард Гласко, Люциан Станкевич, Иосиф Дзимишкевич, Болеслав Михайловский и Александр Чайко. В ноябре месяце, соединившись с шайкой Опаньского, пришли в дер. Вейткуны, где Опаньский со своими людьми задушил неизвестного мне еврея. Помогали ли в этом крестьяне этой деревни, мне неизвестно. У Опаньского было не более 7 человек. Шайкой моей были повешены только те трое евреев, которые, как я объяснил выше, были указаны Михаилу Ясинскому Вржесневским. 22 декабря, пройдя мимо фольв. Лепотри, мы были встречены проживавшим там русским крестьянином, который, приняв нас за русских, требовал, чтобы мы шли ловить мятежников. Я спросил его, кто он таков, солдат или казак или охотник, и, получив в ответ, что нет, сказал ему, что ловить мятежников не его дело, а Михайлу Ясинскому приказал его завесть в лес и повесить. При нем оставил половину шайки, а с другой половиной поехал далее, и уже на дороге был догнан Ясинским, который сказал, что исполнил мое приказание.

Так как летом и весной я в Литве не был, то и не знаю, кто из лиц, не принадлежащих к составу шаек, помогал в сношениях между предводителями шаек и революционным жондом, но слышал от своего начальства, что все они заарестованы и потому всякая корреспонденция прервана. Способ организования новых шаек мне неизвестен, так как меня весною при их собирании не было. Осенью же поступали в шайки только те, которые были уже прежде в мятеже и потом по разбитии шаек не могли себе найти убежища.

В каждой шайке, кроме начальника, есть его адъютант или помощник[б]. Шайка разделяется на плутон (взвод), далее на десятки, и каждая часть имеет своего начальника. Каждый начальник, хотя наименьшего отдела, не имеет права ничего сообщать своему подчиненному, которые должны без всяких рецензий[в] исполнять распоряжения начальства.

22 декабря я был атакован в заст. Соснувка отрядом казаков под начальством есаула Грекова, был разбит, сам легко ранен в голову и, потеряв лошадь, бежал пешком в ближайший лес, где встретил еще двоих из шайки нашей и вместе с ними пробрался до застенка близ м. Покольн. Там оставили мы свое оружие и в крестьянском платье пошли дорогой, чтобы узнать о судьбе, постигшей нашу шайку, но на дороге были встречены и схвачены отрядом солдат.

[а] *В тексте* Абыль.
[б] *В тексте* адъютантом или помощником.
[в] *Так в тексте.*

К сему показанию дворянин Павел Иванов сын Червинский руку приложил.

При этом только добавляю, что в шайке я носил название Совы, так как в шайках псевдонимы были в большом употреблении.

Дворянин Червинский

Показание отбирал вилкомирский уездный исправник Винярский

Штабс-капитан гр. Клейнмихель

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 170а, лл. 6—9. Заверенная копия

[1] *В публикуемых показаниях П. Червинского не упоминается о его участии в подготовке восстания в Витебской губ. («Мариенгаузенское дело»), за что он и был осужден в Динабурге (см. «Русско-польские революционные связи», ч. 2. М., 1963, стр. 257, 259—261). Подробности о побеге из Динабургской крепости см. в его показаниях 2 января 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 170а, л. 10).*

[2] *Свое пребывание в Петербурге после побега Червинский впоследствии отрицал (там же, л. 28).*

131

1864 г. января 19(31).— Предписание командира 1-го повстанческого отряда Ковенского повета Р. Красовского повстанцу Э. Розеновичу собрать отбившихся от отрядов повстанцев

Rząd Narodowy
Siła zbrojna

Zalecam ob. Rozenowiczowi wszystkich błąkających żołnierzy pojedyńczo zabrać pod swoje dowództwo i starać się zaopatrywać ich w żywność i odzienia, dla podtrzymania czego masz wybrać z pobliższych wiosek narodowy podatek z dymu po 5 zł. i wydawać tymczasowe rewersa [1], a ja po podanym mi rejestrze nadeszlę kwity. Przy tym nade wszystko zastrzega się, aby jako przy wyborze podatku i produktów, tak też w cenie i odzienia nie nadużywać mieszkańcom, lecz starać się, by to wypełniali z dobrą wolą i życzliwością ku sprawie narodowej; przeto starać się ludziom bezzasadnym ująć środki nadużywania; jak już krążą wieści, że niektórzy byli dawniej żołnierzami wojska powstańczego przywłaszczywszy sobie jakieś prawa, wybierają pieniądze i. t. p.; więc takich rozbrajać, a bardziej winnych aresztować przy pomocy mieszkańców i dostawywać do oddziałów.

Naczelnik 1go oddziału pow Kowieńskiego

R. Krasowski

Nr 19
1864 г. stycznia 19(31)

Печать начальника Ковенского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 756, л. 22а. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство
Вооруженные силы

Предписываю гражданину Розеновичу сплотить под своим командованием всех блуждающих в одиночку солдат и постараться обеспечить их продовольствием и одеж-

дой, для чего он должен взимать в ближайших деревнях национальный налог — по 5 злотых с каждого двора[1] и выдавать временные расписки, а я по предъявленному мне списку пришлю квитанции.

При этом в особенности следует иметь в виду, чтобы при взимании налогов и изъятии и оценке продуктов, а также одежды не чинились обиды местным жителям, но прилагались старания к тому, чтобы они сдавали все по доброй воле, желая оказать поддержку национальному делу. Кроме того, стараться лишить бесчестных людей возможности совершать злоупотребления, так как уже идут слухи о том, что некоторые лица, бывшие раньше солдатами повстанческих войск, самовольно присвоив себе какие-то права, отбирают деньги и т. д.; таких следует разоружать, а более виновных арестовывать с помощью самого населения и препровождать в отряды.

Начальник 1-го отряда Ковенского повета
Р. Красовский

№ 19
19 (31) января 1864 г.

[1] *Эдвард Розенович был захвачен карателями 23 февраля 1864 г. в дер. Свили Ковенского у. При нем был обнаружен публикуемый документ, а также список деревень и лиц, уплативших подать (см. там же, л. 11).*

132

1864 г. февраля 10.— Предписание М. Н. Муравьева ковенскому губернатору Н. М. Муравьеву о принятии строгих мер к очищению от повстанцев северной части Ковенского у.

Ген.-адъютант Крыж[ановский], обозревающий уезды Ковенской губ., между прочим донес мне, что в северной части Ковенского у. во всех деревнях около местечек Сурвилишки и Кейданы до сих пор бродят беглые повстанцы, что войска иногда сих захватывают, а крестьяне и не думают выдавать их, что надо полагать, что в числе этих повстанцев скрываются не одни только простого звания люди, но и важнее их преступники и что вообще в означенных местах, бывших местом пребывания преступника Мацкевича, дух жителей самый ненадежный и не принято мер к водворению там прочного порядка, а и. д. военного станового пристава в Кейданах полковник Капецкий вял и неспособен.

Я уже давно обращал внимание военного и гражданского начальства на тот уголок северной части Ковенс[кого] у.[a], на который ныне указывает ген.-адъют[ант] Крыж[ановский], который, будучи расположен между четырьмя уездами — Вилкомирским, Поневежским, Шавельским и Россиенским,— доставляет мятежникам более удобства бесчинствовать и укрываться от поисков за ними, переходя с места на место, особенно при бездействии или слабых мерах, принимаемых против них местными властями.

Признавая совершенно необходимым положить конец этим беспорядкам и прекратить бродяжество мятежников в упомянутом участке Ков[енского] у., я прошу в. п., освободив полковника Капецкого от занимаемой им обязанности по военно-полицейскому управлению, командиро-

---

[a] *В тексте ошибочно* губернии.

вать немедленно в Кейданы полковника Божерянова (который постоянно удостоверял о водворении будто совершенного спокойствия во вверенном ему уезде) и, по предварительному сношению с командующим войсками Ковенского у. ген.-лейтенантом Ганецким 2-м, подчинив ему, Божерянову, находящиеся в означенных местах войска, поручить обозреть и произвести строгие розыски по всем селениям и деревням, лежащим около Кейдан, Сурвилишек, Гринкишек, Эйраголы, и вообще по всей северной части Ковенского у. и, одним словом, по соглашению с военными начальниками смежных уездов принять самые решительные и строгие меры к непременному очищению этих местностей от бродящих там шаек и разбойников, взяв под стражу всех, дающих им пристанище, пособие и продовольствие, причем он, полк[овник] Бож[ерянов], обязан обратить особенное внимание на местную шляхту и казенных крестьян, сочувствующих мятежникам, и виновных в том подвергать аресту впредь до дальнейшего распоряжения; всем же вообще местным крестьянам строго внушить, что они должны в случае появления беглых повстанцев и разбойников тотчас же схватывать их и доставлять начальству, обязав их в том круговой порукой. Возложив исполнение в точности всего вышеизложенного на полковника Божер[янова] под личною его ответственностью, прошу в. п. вменить ему в непременную обязанность оставаться в упомянутой северной части Ков[енского] у. до того времени, пока он не водворит там повсюду должного порядка и не очистит совершенно те места от бродяг и разбойников. В. п. не оставьте иметь за всем этим и с вашей стороны строжайшее наблюдение.

К сему считаю нужным присовокупить, что по сформировании ковенской и жандармской команды, что приказано мною исполнять без замедления, вся эта команда будет направлена в м. Кейданы для усиления средств к поимке разбойников, очищению от них всей северной части Ковенского у. и водворению должного порядка.

Вышесказанное распоряжение прошу в. п. сделать по соглашению с ген.-лейт[енантом] Ганецким 2-м, которому вместе с сим мною об этом предложено, и об исполнении мне донести в скорейшем, по возможности, времени.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 222, лл. 7—8. Черновик

133

1864 г. февраля 26, м. Клаваны.— Показание крестьянина Пневского сельского общества Т. Легейки приставу 2-го стана Поневежского у. Конокотину о пребывании в повстанческом отряде под командой крестьянина Вилимаса

1864 г. февраля 26 дня доставленный унтер-офицером 4-й роты Капорского пехотного полка Дулебою казенный крестьянин Томаш Легейко на допросе показал:

Зовусь Томаш Иосифа сын Легейко, лет 29, католик, неграмотен, казенный крестьянин Пневского сельского общества, на спрос показываю: в мае месяце возвращался я от отца своего домой в дер. Балвины; в лесу встретился с мятежниками под начальством крестьянина Вилима-

с[а], которые и забрали меня к себе, дали ружье, и на другой день начальник шайки послал меня в деревни Ажоги и Сторулишки собрать от хозяев косы и денег с каждого двора по 25 коп. сер.; я и собрал в трех деревнях 9 кос и 2 руб. 50 коп. сер., которые сдал в шайку, а сам на третий день ушел домой. Ружье, которое я имел, начальник Вилимас, когда я доставил косы и деньги, в то время отобрал от меня, и после чего, опасаясь явиться к начальству, находился в доме в дер. Балвинах, занимался хозяйством. Вилима[са] шайка составлялась из 60 человек, а ружей было[а] там только 30 и кос столько же. Кто доставлял провизию в эту шайку, какие лица в оной находились и кто с ними имел сношение, я, как малое время в ней пробыл, то и не знаю. На том кончаю показание, по неграмотности прошу за себя расписаться.

Расписуюсь за неграмотного Томаша Легейку[б] дворянин Антон Волудский.

Показание отбирал пристав 2-го стана Поневежского у. Конокотин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 714, лл. 10—11. Подлинник

134

1864 г. апреля 11.— Рапорт россиенского военного начальника полковника Епифанова Н. М. Муравьеву о появлении в местечках Больсе, Крожах и Пошиле революционных воззваний на литовском языке

Россиенского у. 4-го стана в м. Больсе 5 числа сего апреля в 5 час. утра местными военным начальником и становым приставом снята прибитая к наружным дверям упраздненного костела печатанная прокламация на жмудском языке польского революционного правительства возмутительного содержания и еще две таковые же прокламации доставлены были к отрядному начальнику 1-го стана сего уезда: одна казаком № 42 полка Горшковым, сорванная им вечером 5 апреля с подорожного столба близ м. Крож, а другая — Фанагорийского гренадерского полка унтер-офицером Буравлевым, снятая им на рассвете 6 апреля при обходе патрулем со столба забора около костела в м. Пошиле.

Донося о сем в. вп. с представлением одного экземпляра означенных прокламаций[1], имею честь присовокупить, что местными военными и гражданскими властями приняты самые деятельные меры к открытию виновных и к недопущению подобных беспорядков на будущее время; независимо же от сего мною пре[про]вождены к ним строжайшие предписания, дано поручение начальнику Россиенского жандармского управления обратить на этот предмет самое серьезное внимание и отправлено сообщение епископу самогитскому Волончевскому, в котором я прошу его преосвященство не оставить сделать надлежащие внушения подведомственным ему ксендзам, имеющим всю возможность к наблюдению за своими костелами и к разъяснению прихожанам, насколько пагубны для них преступные воззвания революционеров[2]. А как из числа трех представленных ко мне прокламаций две были прибиты к костелам,

---

[а] *В тексте* ружья были.

[б] *В тексте* Лигейки.

то в предотвращение зла я вместе с сим испрашиваю у е. вп., не признает ли он возможным разрешить мне подвергать некоторому денежному штрафу тех из настоятелей костелов, которые, не взирая на сделанные им предупреждения, не употребят усилий к недопущению означенных нарушений законного порядка [3].

Полковник Епифанов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1249, оп. 1, д. 31, лл. 43—44. Заверенная копия

[1] *Воззвания в деле не имеется. По-видимому, речь идет о воззвании «Mieli brolej, kurie sermiegas dewite» («Милые братья, одетые в сермяги») от 10 февраля н. с. 1864 г. Местом выпуска в воззвании указан гор. Вильно, но, видимо, документ печатался за границей. Воззвание призывало народ не прекращать борьбы* за веру и свою свободу.

Несколько десятков экземпляров этого воззвания на литовском и польском языках было обнаружено у б. стражника Таурогенской пограничной стражи М. Мазняка, в апреле 1864 г. задержанного в Пруссии близ границы. На одном экземпляре имеется надпись: Найдено в Россиенском у. *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 633, л. 14). У Мазняка найдены также экземпляр воззвания от 12(24) февраля 1864 г. за подписью «Ignotas Czynskis» (см. док. 164) и несколько экземпляров газеты «Głos z Litwy» № 5.*

[2] *Циркулярное предписание епископа М. Валанчюса деканам от 15 апреля 1864 г. о принятии мер против распространения воззваний, призывающих возобновить восстание в 1864 г., см. КФ ЦГА Лит. ССР, ф. 630-р. оп. 1, д. 83, л. 587.*

[3] *17 апреля 1864 г. М. Н. Муравьев предписал командующему войсками в Россиенском у. взыскивать штрафы с ксендзов в случае распространения воззваний около костелов (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1249, оп. 1, д. 31, л. 60).*

135

1864 г. июня 1, Поневеж.— Из донесения командующего войсками в Вилкомирском и Поневежском уездах ген.-майора Пахомова М. Н. Муравьеву о появлении повстанческих отрядов Муравского и Пусловского в Поневежском у. и других происшествиях за истекшую неделю

[...] [a] Неоднократные и неусыпные поиски за мятежником Муравским до сих пор не привели к результату. 27 мая жители дер. Ясак увидали в лесу Муравского и с ним 2 крестьян и одного шляхтича Шпаковского из околицы Тырклян, окружили лес и дали знать ближайшему отряду в Смильги. 6 человек казаков и 9 человек пехоты присоединились к крестьянам. Бродяги бросились в ту сторону, где стояли крестьяне, прорвались через цепь и ранили крестьянина из дер. Дервель Юзефа Янайтиса, который стал сзывать казаков. Бродяги успели убежать и, перебегая дорогу, наткнулись на двух рядовых 105-го пехотного Оренбургского полка Егора Семенова и Осипа Баронаса, шедших с конвертом из Пожвирни в Смильги. Бродяги сделали по ним выстрел и ранили Баронаса легко дробью. Скрылись в Эймулишском лесу.

Отыскивание Муравского деятельно продолжается. Я лично объявил жителям той местности награду в 100 руб. за поимку Муравского. Для поощрения крестьян к поискам я приказал выдать семейству раненого Осипа Янайтиса 25 руб. Так как крестьяне той местности около Смильги способствуют ловить бродяг, а другие сословия не дают даже и знать войскам, я приказал помощнику исправника взыскать контрибуцию с

[a] *Опущена часть документа о малозначительных происшествиях по Вилкомирскому у.*

27 мест, а именно: с мыз и фольварков от 50 до 100 руб., с застенков и околиц шляхетских от 15 до 25 руб., с хозяина и с корчем до 15 руб.

30 мая в Зеленковских лесах собрались бродяги в числе 24 человек и напали на мызу Поесте помещика Боуфала, награбили припасов и разных вещей и удалились в лес. Сейчас же прибыли два отряда один за другим на мызу и отправились на поиски. Старообрядец Ефрем Рыбаков из Вилкомирского у., бывший в то время на мызе, дал знать лично в Рогувку командиру сотни Донского № 42 полка есаулу Грекову о появлении разбойников.

Есаул Греков, со свойственной ему неутомимостью, с 17 казаками отправился на мызу Поесте, а оттуда по указанию старообрядца Рыбакова в лес по болоту и, спешив казаков, нагнал разбойников верстах в 20 от мызы. 13 человек убито, 4 взято в плен, из коих один дорогою в Поневеж умер. Пленные были крестьяне. Взято 13 ружей и все награбленные разбойниками съестные припасы и вещи.

Эта банда разбойников была составлена из шатавшихся бродяг каким-то шляхтичем Полусовским[a]. Взятые в плен упорствуют в показании.

Отряды везде разыскивают разбежавшихся 7 человек. За двумя из них была погоня 31 мая, но они, побросав оружие и сумки, скрылись через р. Лавену вплавь в одних рубашках.

28 и 29 мая явились добровольно в м. Вобольники к военному начальнику стана один мещанин и трое крестьян. Все Поневежского у. Из них трое с оружием.

Есаул Греков лихой партизан. Его погони за бродягами всегда были успешны.

Ген.-майор Пахомов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 3, лл. 193—195. Подлинник

136

1864 г. июня 30, Вилкомир.— Рапорт ген.-майора Пахомова М. Н. Муравьеву о происшествиях за неделю и привлечении к круговой поруке крестьян тех деревень, жители которых скрываются от властей

С 23 по 30 число в Поневежском у. происшествий, нарушающих спокойствие, не было.

Я объявил в деревнях Берноты и Новики лично, что если вышедших из их деревень бродяг 3 человека они не заставят явиться, то через два дня я пришлю чиновника взять с двора 100 руб. контрибуций и потом выселю их из края. Через два дня явилось добровольно трое бродяг, которых я требовал.

Майор Ребиндер объявил в дер. Давкшаны крестьянам, что если до 1 июля бродяга Можайко не явится, то они будут все выселены. Стрелок лесной стражи Можайко явился 25 июня добровольно, указав в лесах 4 ружья и 1 пистолет. Всех остальных родственников Муравского приказал взять в город под стражу.

---

[a] *Должно быть — Пусловским.*

Со всех крестьян деревень, из коих бродяги вышли и остаются в лесу, приказал взять контрибуцию от 50 до 100 руб. с двора и представить им списки к выселению. А при делании переписи семействам объявить срок, к которому они должны представить своих скитающихся бродяг. Эту меру я приказал исполнить только с теми деревнями, из коих вышедшие бродяги шатаются в лесу около тех деревень, по достоверным сведениям.

Всех явившихся в этот период времени 8 человек, считая и Можайку, который добровольно явился 25 июня, указав в лесах Зеленки 4 ружья и 1 пистолет. Все отданы под строжайший надзор полиции, отправлены на прежние места жительства с отдачею на поруки общества [1], к которым принадлежат, а показания, с них снятые, препровождены в Поневежскую следственную комиссию для расследования.

В продолжение этого времени происшествий, нарушающих общественное спокойствие, в обоих уездах не было.

В Вилкомирском у. в ночь с 8 на 9 июня в околице Гайдалишке или Мешковщизне было 5 бродяг, [которые] поужинали и ушли. Вследствие чего тотчас же были высланы отряды на поиски, которые и до сих пор продолжаются 3 отрядами по указаниям шляхтичей той же околицы Миропольского и Давноровича, у которого бродяги ужинали, и он о том не дал знать войскам. Эти шляхтичи будут арестованы, если бродяги не отыщутся.

С 22 июня по настоящее число явилось добровольно двое крестьян, 1 шляхтич, 1 дворовый человек; двое последних уже водворены на прежних местах жительства на законном основании.

26 июня произведен был обыск у помещика Антоновича и найдено 2 пистолета и 1 ружье, спрятанные в сарае, а в амбаре под полом 2 трубы, таз, поднос, утюг и сумка для дроби. Антонович с пасынком Шадзевичем арестованы, а ружья и вещи сданы военному начальнику гор. Вилкомира.

25 июня задержан крестьянами м. Сурдеки рядовой л.-гв. Литовского полка Сеноговский, как не имевший никакого вида.

С 21 июня по настоящее число найдено 1 ружье и 1 ружье сдано добровольно.

Командующий войсками ген.-майор Пахомов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 3, лл. 190—192. Подлинник

[1] *В действительности Юозас Можайка, б. начальник плутона (взвода) в отряде Люткевича, а впоследствии возглавлявший отдельный повстанческий отряд, был предан суду и приговорен к 10 годам каторги (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 928, л. 27).*

137

1864 г. августа 12.— Предписание помощника командующего войсками в Шавельском и других уездах ген.-майора Померанцева о принятии мер к уничтожению остатков повстанческих отрядов Когновицкого, Гедговда, Пуйдокаса и др.

Из показаний мятежников в последнее время в Шавельском у. усматривается, что независимо шайки, рассеянной 1 и 6 августа в Белозоришском и Ворнянском лесах, скрываются и бродят еще мятежники: Когновицкий, который с бандою своею переходит иногда из Поневежского у.

в здешние леса Храповицкого около м. Пацунели, фельдшер Юхневич, скрывающийся в лесах около м. Пошушвы, Гедговд и Битес, неизвестно где укрывающиеся, и, наконец, Пуйдак, переходивший повременно из Россиенского у. в Шавлянский приход.

Вследствие чего, исполняя распоряжение г. ковенского военного губернатора, имею честь предложить в. вб. принять самые энергические и настойчивые меры к безотлагательному уничтожению этих разбойников и в свое время донести о результатах ваших распоряжений е. вп. г. начальнику Ковенской губ.

Ген.-майор Померанцев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 986, л. 90. Копия, заверенная автором

138

1864 г. августа 12—14, м. Шадов.— Показания шляхтича работника А. Дановского ген.-майору Померанцеву о своем пребывании в отрядах Я. Станевича (Писарского) и А. Бите и надеждах на новый подъем восстания

1864 г. августа 12 дня. Зовут меня Альбин Гаврилов сын Дановский, шляхтич, от роду 20 лет, холост, вероисповедания римско-католического, обряды которой исполняю, житель гор. Шавли Ковенской губ., служил работником у дворянина Биейко, живущего в гор. Шавли на Посадской ул.

Около праздника духова дня[a] прошлого года я и товарищ мой Францишек Боровский повели лошадей на луг около мызы Закни (недалеко от гор. Шавли на Шадовской дороге). В это время шайка Писарского проходила от корчмы Вилькени в лес, находящийся около мызы Закни, и казаки этой шайки, увидавши нас, увели с собой в лес. В этой шайке я с Боровским пробыли около недели, не имел я никакого оружия. Ходила шайка в лесах около м. Шавкоты. Шайка Писарского состояла из 300 человек пехоты, при которых было человек 30 казаков. Во время моего нахождения в шайке Писарского из помещиков, ксендзов и экономов никто туда не приезжал. Доктора у нас не было. Оружие для шайки было собрано с помещиков и крестьян, с них же были собраны порох и свинец, но у кого именно взято то и другое — я неизвестен. Провизию привозили нам казаки, но откуда они ее брали — я не знаю. Был я под командой Кобылинского[1], который считался у нас поручиком. Смертных казней и грабежей в этой шайке не было, потому что Писарский их строго запрещал.

Около м. Шавкоты я и Боровский ушли из шайки Писарского с целью явиться в гор. Шавли к начальству, но наткнулись в Бейсагольском лесу на шайку Битеса, состоявшую из 60 человек пеших. Битес стал нас укорять, что мы дворяне и идем являться, тогда как мужики все еще находятся в мятеже, при этом он нам сказал, что «если явится мужик, то его простят, а дворянина во всяком случае повесят», почему

---

[a] *Т. е. 13(25) мая.*

мы и остались у него. В шайке Битеса я застал Иосифа Янкевича, Юстина Докневича, Томаша и Доминика Шафранов, Антона Канютиса, Адама Ясайтиса и Петра Канютиса. Фельдшером был Юхневич из м. Пошушвы. Деньги собирал и расходовал сам Битес. Шайка Битеса, с разрешения Мацкевича как организатора, увеличилась до 100 человек пехоты при 15 казаках, которыми командовал Коризно. Из Бейсагольского леса мы перешли в лес барона Роппа по речке Берже и держались большею частию в этих лесах, но бывали и в лесах Легетского общества. И в эту шайку никто из помещиков, ксендзов, экономов и женщин не приезжал, но приезжал туда б. легетский старшина Бокас[а], который сам высылал в мятеж крестьян своего Легетского общества, внушая им, что они обязаны идти против русских, за свою веру. Он же, как я слышал от товарищей, привозил в шайку и порох[2]. Слышал я также, что от б. лесного объездчика Антоновича доставлена в шайку лошадь, 2 сабли и ружье. В шайке Битеса было около половины людей вооруженных и другая половина ходила без оружия, в ожидании его от кс. Мацкевича. Летом Битес ездил на мызу помещика Ягмина Поезеры, откуда привел одну лошадь. Провизию мы получали через казаков, но где они ее брали, мне неизвестно. Шайка через побеги, захват людей русскими отрядами и переходы в другие шайки уменьшилась до 60 человек пеших, а число казаков осталось в ней прежнее — 15. В то же время и к нам переходили из других шаек и поступали вновь из деревень. Был я в стычке с русскими при дер. Можоли. К лесникам мы не заходили, и из них только один лесник дер. Плюшки Мондровицкий приходил к нам и приносил провизию. Осенью, когда многие стали уходить из шайки, Битес стал отбирать у уходящих ружья и дал мне и Боровскому по ружью, а до тех пор мы не имели никакого оружия. К концу осени и зимой шайка стала уменьшаться, и к рождеству осталось в ней только 20 пеших и 15 казаков. После рождества Битес ушел куда-то, и с тех пор я его уже не видел и не слыхал, куда он делся[3]. Осенью из шайки Писарского пришли к нам Матусевич, Лехита и еще третий, мне неизвестный. Последние двое вскоре ушли, а Матусевич остался до ухода Битеса.

По уходе Битеса на другой день уехали от нас казаки, а мы начали расходиться по нескольку человек. Я, Боровский и Янкевич остались втроем. Питались мы одним хлебом, который покупали у нищих и мужиков, ехавших на стойку[б], на деньги, оставшиеся у нас еще с лета. Таким образом, мы ходили одни до средины великого поста[в], когда мы встретили в Ворнянском лесу Юстина Докневича, Викентия Повеланского, Людвика Повеланского, Томаса Шафрана и еще Антона, по отчеству и фамилии неизвестного, и составили шайку в 8 человек, а после св. недели, не помню в котором лесу, мы сошлись еще с 7 человеками, а именно: пятью братьями Шафранов и двумя братьями Ясайтисов[г], но где они ходили до нашей встречи, я не знаю. В это время от нас ушел Антон, говоря, что плохо быть всем в одном месте. В числе 14 человек ходили мы все время по лесам Легетского общества, Роповским и Бейса-

---

[а] *В тексте* Бокус.
[б] *Т. е. исполнявших подводную повинность.*
[в] *Т. е. до конца марта 1864 г.*
[г] *Так в тексте.*

гольским. Провизию мы брали из дер. Нертайцы и фольварка того же имения, дер. Женсайцы (около дер. Кунигишки, близ м. Шавлян), с фольв. Вериковский (скотный двор, принадлежащий Шемиоту), с мызы Цытовичевой и с мызы Яцкевича Коновайцы. Около дер. Белозеришки мы стояли несколько дней, до того времени, пока нас не открыл отряд и меня не взяли в плен. Это было 1 августа. Недели за две до этого времени мы встретили Антона Канютиса, с которым составилось у нас опять 15 человек. Из 15 человек были с ружьями только 9 и не имели ружей: Николай Иозефатов, Николай Костан, Иван Шафран, Людвик Повеланский и Антон Ясайтис. Не явился я начальству потому, что боялся, и еще потому, что Антон Канютис говорил, будто бы ходят Гедговд и другие мятежнические начальники, так, вероятно, что-нибудь еще будет. В августе на нас напал отряд русского войска, и я при обороне был ранен пулею в руку, а со своей стороны, убил одного русского крестьянина, после чего и взят в плен с оружием в руках. Больше ничего не знаю и показать не могу.

К сему показанию Альбин Дановский по безграмотству приложил три креста левой рукой по случаю раны в правой.

Допрашивал ген.-майор Померанцев

1864 г. августа 14 Дановский на дополнительный спрос против показания малолетнего пастуха Викентия Родовича о бытности в Ворнянском лесу 2 августа Битеса показал: Битеса в последнее время с нами не было и я его не видел.

К сему показанию безграмотный Дановский приложил три креста.

Допрашивал ген.-майор Померанцев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 986, лл. 62—64. Подлинник

[1] *Александр Кобылинский («Голуб») состоял в отряде Писарского начальником плутона (взвода), позднее командовал отрядом повстанческих жандармов.*

[2] *Об участии крестьян Легетского общества в восстании велось специальное военно-судное дело (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1256). По конфирмации помощника виленского ген.-губернатора А. Л. Потапова от 25 января 1865 г., старшина общества Казимир Бокас и крестьянин Марциан Мондровицкий были приговорены к 12 годам каторжных работ, значительное число крестьян было сослано в Сибирь на поселение и отправлено в арестантские роты (там же, лл. 294—310).*

[3] *В конце 1863 г. А. Бите отправился за границу; жил в Париже, откуда в декабре 1868 г. прислал письмо к своему двоюродному брату (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1869 г., д. 254, лл. 2—3).*

139

1864 г. не позднее начала сентября[1].— Приказ командира повстанческого отряда М. Пуйдокаса («Сокола») помещику им. Гураны Россиенского у. Лобановскому прислать 25 руб. в пользу повстанцев

Rozkaz srogi!

Ostatni raz piszę do Pana i proszę z dobrym, gdybyś Pan nie odprawił tego posłańca z niczym, bo już siódmy raz piszę i raz w tych dniach byłem u Pana a nie znalazłem, bo byłeś schowawszy się w świrnie, a teraz z nas szydzicie. Więc zapamiętaj, że nie darujemy, więc koniecznie musisz przy-

słać na podtrzymanie naszej siły dwadzieścia pięć rubli sr. (25), a kiedy nie przyszlesz; to ja sam przybędę z żołnierzami i z dobrem nie obejdę się z Panem, ale postąpię jak z najgorszym człowiekiem za nieposłuszeństwo i niespełnienie naszych przedpisań i nie spodziewaj się Pan, że to tak ujdzie, bo my cudzego nic nie żądamy, tylko co nam należy i bądź pewny, nie darujemy, że nie będziecie nas słuchać i zginiecie na wieki; bo my sami zrobim tą przysługę: jeżeli nie chcecie robić cichaczem, to my przyjdziemy pośród dnia, gdyby wszyscy nas widzieli. A jeżeli zgubisz tego posłańca i dasz donos, to będziesz śmiercią karany i majątek ogniem puszczony[2].

Zastępujący miejsce wojennego naczelnika porucznik Sokół.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1710, л. 28. Подлинник

ПЕРЕВОД

Строгий приказ

Последний раз пишу вам и добром прошу, чтобы вы не отпустили этого посланца ни с чем, ибо я пишу уже в седьмой раз и на днях был у вас, но не нашел вас дома, ибо вы спрятались в амбаре и теперь смеетесь над нами. Помните поэтому, что мы вам не простим и что вы обязательно должны прислать для поддержания наших войск двадцать пять руб. сер. (25). Если же вы не пришлете, то я сам прибуду с солдатами и тогда уже обойдусь с вами не по-хорошему, а так, как поступают с наихудшим человеком за непослушание и невыполнение наших предписаний. Не надейтесь на то, что это вам так сойдет, ибо мы требуем не чужое, а лишь то, что нам следует. Будьте уверены, мы не простим вам вашего неповиновения, и вы исчезнете навсегда — об этом мы позаботимся сами. Если вы не желаете сделать потихоньку, без огласки, то мы придем к вам среди бела дня, чтобы все нас видели. Если же вы предадите этого посланца и донесете на него, то будете покараны смертью, а имение будет предано огню[2].

И. д. военного начальника
поручик Сокол

[1] *Приказ был обнаружен у взятого в плен повстанца Н. Товтовича. В показании от 14 сентября 1864 г. Товтович сообщил, что приказ был получен им от М. Пуйдокаса, который две недели назад покинул отряд. См. там же, лл. 18—20.*

[2] *Приказы с требованием выдать деньги на нужды повстанцев приблизительно в это же время были написаны Пуйдокасом на имя помещиков К. Угянского и Я. Рымгайлы (там же, лл. 30, 31).*

140

1864 г. сентября 9.— Приговор комиссии военного суда в гор. Ковно по делу членов ковенской повстанческой организации

Приговор

По указу е. и. в. военный суд, учрежденный по полевому уголовному уложению над политическими преступниками в гор. Ковно, рассмотрев обстоятельства дела о лицах, преданных военному суду по полевому уголовному уложению за участие в революционной организации Ковенской губ., нашел:

1) Кончивший курс в С.-Петербургской медико-хирургической академии лекарь Людвиг Дзичковский в октябре месяце минувшего 1863 г.

по убеждению б. ковенского воеводы революционной организации Краевского[1] принял от него звание ковенского воеводы со всеми правами, на что получил от него мандат вместе с псевдонимом „Wąż“ — „Уж“, причем Краевский передал ему список лиц, составлявших организацию в уездах Ковенской губ. Деятельность Дзичковского заключалась в сношениях с виленским отделом тайной польской организации, с должностными лицами ковенской организации городской и уездной, в сношениях с начальниками шаек, в назначении на должности тайного правления новых лиц и выдаче некоторым из них мандат и вообще в том, что он был в продолжение некоторого времени главным гражданским распорядителем в деле последнего восстания по Ковенской губ. При арестовании его революционных бумаг, печатей и вообще документов найдено не было, исключая одного письма, отысканного в квартире его в забитых дверях под лопнувшими обоями, адресованного в Кенигсберг, братьям Хотомским, Корановичу и К° от гражданского начальника Ковенского воеводства, в коем, порицая епископа Волончевского за проповедь, сказанную им с амвона народу в духе преданности русскому правительству, просит сделать поступок его известным чрез посредство иностранных газет, присовокупляя, что укорительное по сему поводу письмо было уже послано к епископу Волончевскому[2]. Письмо это, как объявил Дзичковский, судя по почерку, должно быть писано Краевским. Все же документы хранились у доверенного Дзичковскому Контукевича, в чем последний, сознавшись, показал, что, узнав об арестовании Дзичковского и опасаясь за самого себя, передал их теще Гринцевича (члена организации) Гавриловой, которая в принятии не созналась. Деятельность Дзичковского продолжалась как воеводы Ковенской губ. около двух месяцев, так как он был арестован 1 декабря 1863 г.

2) Дворянин Юлиан Мицкевич. По показаниям членов тайной организации Иосифа Кушелевского, Людвига Дзичковского, Константина Калиновского и Мечислава Сесицкого, Мицкевич был революционным комиссаром Ковенской губ., подписывался псевдонимом «Рымвид»[а], притом, по показанию воеводы Дзичковского, Мицкевич уже прежде принадлежал к организации, ибо Краевский (Соболевский), назначая его на должность воеводы, назвал ему Мицкевича как комиссара Ковенской губ.; обязанность его заключалась в следующем: он наблюдал, чтобы вся администрация воеводства действовала в смысле Ржонда народного, старался, чтобы все должности гражданские были заняты и обязанности исполнялись по изданной инструкции, на вакантные места он сам или посредством уездных комиссаров избирал соответственных лиц; его контролю подлежало все в воеводстве, даже действия воеводы; сам же о распоряжениях своих по уездам помимо воеводского начальника прямо рапортовал в Виленское отделение[3]. Кроме того, по словам воеводы Дзичковского, он должен знать агентов, занимавшихся доставлением из-за границы оружия. Деятельность Юлиана Мицкевича как комиссара тайного правления между прочим доказывается следующим:

а) по показанию воеводы Дзичковского, в ноябре, прибыв в квартиру Дзичковского, сообщил ему полученное от военного в Поневежском у. окренгового[б] начальника Кушелевского сведение об арестовании тамош-

---

[а] *В тексте ошибочно* Димвуд.

[б] *Okręgowego — окружного (польск.).*

него повятового начальника Сесицкого и советовал Дзичковскому познакомиться с Кушелевским как с лицом, которое должно заместить Сесицкого, а вечером того же числа Мицкевич представил Кушелевского как давно знакомого Дзичковскому; причем последний повторил Кушелевскому предложение Мицкевича занять место Сесицкого. В квартире Юлиана Мицкевича воевода Дзичковский познакомился с Гундиусом и по рекомендации его выдал Гундиусу мандат и инструкцию на звание повятового начальника, а Гундиус, занимая эту должность, в ноябре месяце 1863 г. через Мицкевича же прислал Дзичковскому рапорт о неплатеже помещиком Тышкевичем (Червонного двора) подати в пользу Народного правления; от Мицкевича и Краевского воевода Дзичковский узнал, что Хлевинский, Шукшта, Войткевич, Богушевич и Мицкевич принадлежали к организации и что переписку революционную с уездами Мицкевич вел через Яхимовича. Мицкевич сообщил Дзичковскому, что пунктом для перевозки оружия из-за границы назначено было место между Тельшевским и Россиенским уездами;

b) по показанию, [данному] Иосифом Кушелевским (окренговым начальником Поневежского у.), ноября 30 числа 1863 г., когда Кушелевский в квартире Антушевского тайно отрекомендовался Мицкевичу, то последний отвечал, что его уже знает чрез Красовского, и вечером того же числа при свидании в квартире Дзичковского Мицкевич разговаривал об арестовании Сесицкого, упоминал о бумагах, посланных на имя Сесицкого в Вилкомирский у., и о распоряжениях, которые последуют относительно соединения разбитой шайки Люткевича с шайкою Мацкевича [4], потом предлагал ему занять должность арестованного Сесицкого, присовокупляя, что в каждом уезде необходимо иметь повятового начальника и что по уездам будут назначены военные начальники, которым печати пришлются из-за границы. Вообще Мицкевич вел разговор с Кушелевским, обличающий в нем члена организации с большими правами;

c) по показанию Константина Калиновского [а], Мицкевич известен ему как комиссар Ковенской губ. [5];

d) по показанию Мечислава Сесицкого, данному в Поневежской следственной комиссии, Мицкевич как воеводский комиссар назначил его повятовым начальником Поневежского у., выдав ему печать и мандат на это звание; на очной же ставке в той комиссии Сесицкий объявил, будто Юлиана Мицкевича никогда не видал, а Мицкевич в противоречие показал, что однажды видел Сесицкого у Ингелевича. Доказательством того, что Сесицкий после первого своего показания старался отвести Мицкевича от ответственности, служит то, что и на очной ставке с Кушелевским он отказался от сказанного им, что Рымвид [б], сделавший его повятовым начальником, есть доктор. Кроме сего, в деле имеются показания других сознавшихся членов организации, свидетельствующие, что они подозревали Мицкевича принадлежащим к составу, но не знали достоверно, в чем именно состояли его обязанности. Против улик всех Юлиан Мицкевич ни в чем не сознался, давал ответы уклончивые с дерзостию; уличавших же лиц называл подлецами.

3) Дворянин Царства Польского, землемер Ковенской палаты государственных имуществ Альберт Гериц в октябре месяце 1863 г. в

[а] *В тексте ошибочно* Кушелевского.

[б] *В тексте* Римвуд.

гор. Ковно принял от революционного воеводы Дзичковского должность начальника этого города, на что получил от него мандат. Исполняя означенную должность, он назначил Ожинского окренговым начальником над Слободою и старою частию города, которого и привел к присяге, а Гринцевича — над новою частию города, не давая ему присяги потому, что он уже прежде принадлежал к организации. По случаю же арестования Ожинского он передал должность его бывшему уже в составе организации в качестве экспедитора Иосифу Краузе; сверх того, по указанию воеводы поручил приемку и доставление к нему корреспонденции часовых дел мастеру Яхимовичу. От этих лиц требовал отчета в их действиях, сам же исполнял личные приказания воеводы Дзичковского, в числе коих однажды получил поручение распорядиться принятием в гор. Ковно войскового начальника Ковенской губ. Лясковского и его адъютанта Купсця[а]. Наконец, из дела видно: Гериц держал у себя в качестве чертежника под названием Колтана[б] (неизвестного лица, занимавшегося передачею от Фальских корреспонденции в виленский отдел организации), а сын его находился в шайке и по сие время не возвращался.

4) Медик Людвиг Крейбих, по предложению воеводы Дзичковского, был начальником революционного правления в гор. Тельшах, ибо о нем говорил ему Краевский (Соболевский), что он если[в] еще не принадлежит к организации, то не откажется принять должность начальника города. При обыске, произведенном в квартире, найдено письмо от невесты его, девицы Александры Ромишевской (ныне сосланной в Пермскую губ.), в котором она выражает желание, чтобы он не служил русскому правительству, а получил место от тайного комитета. На допросе в комиссии Крейбих, отказываясь от всякого участия в действиях революционного правления, объяснил, что он вовсе не разделяет такого образа мыслей своей невесты. Отзыв же Краевского свидетельствует, что Крейбих был ему известен как лицо, способное враждебно действовать против законного правительства.

5) Губернский секретарь Адольф Гундиус, по показанию воеводы Дзичковского, был революционным начальником Ковенского у., на что дал ему Дзичковский через комиссара Мицкевича мандат и инструкцию. Вступив в означенную должность, Гундиус в начале ноября 1863 г. прислал Дзичковскому рапорт о неплатеже владельцем Червонного двора Тышкевичем подати в пользу Народного правления и о том, что за неполучением сведений от окружных начальников, Мицевича и Хлевинского, не может доставить известий о действиях шаек; причем Гундиус просил прислать ему должностную печать. На рапорте этом он подписался вымышленною фамилиею Ручей. Адъютант Лясковского Купсць показывает, что Гундиус принадлежал к деревенской организации. Спрошенные под присягою евреи показали, что они в кухне у Гундиуса видели два больших мешка: один с сапогами, другой с одеждою, по предположению последнего[г], были приготовлены для мятежников. Под присягою еврей Беккер показал, что видел однажды, как кучер в бричке и на лошадях Гундиуса вез куда-то мешок с сапогами, а в другой раз — два бочонка водки, а Авраам Беккер — что по общим слухам известно ему, что

[а] *В тексте здесь и далее* Кунсц.
[б] *Так в тексте.*
[в] *В тексте ошибочно* или.
[г] *Так в тексте.*

Гундиус и кучер его возили в шайку мятежников сапоги. Кроме того, 3 человека евреев под присягою показали, что они видели, как кучер Гундиуса один куда-то возил водку. Гундиус на допросах и очных ставках ни в чем не сознался.

6) Тит. с. Викентий Ингелевич, по показанию воеводы Дзичковского, был революционным начальником Вилкомирского у., о чем слышал от Краевского (Соболевского). Притом из Вилкомира однажды Дзичковский получил рапорт, но без подписи, а потому утвердительно не может сказать, что бы рапорт был послан Ингелевичем. При арестовании Ингелевича в Вилкомире ничего предосудительного не найдено, сам же он ни в чем не повинился.

7) Дворянин Поневежского у. Клеофас Ожинский в октябре месяце 1863 г. по убеждению революционного начальника гор. Ковно Герица принял присягу служить тайному правительству. Арестование его последовало 6 ноября вследствие подозрения о сделанной им подложной за полицмейстера надписи на билете, найденном у политического преступника, комиссара тайной организации Генриха Герасимовича, следовательно, он состоял, как показал Гериц, окренговым начальником Слободы и старой части города. По поручению тайного правительства, он принял и держал у себя войскового начальника Лясковского и адъютанта его Купсця, которые пробыли в городе более недели, а из его же квартиры отправились в лес. Кроме этого преступления, подсудимый Клеофас Ожинский прикосновенен к делу о растрате казенных денег поневежским казначеем, которое еще не решено.

8) Коллежский секретарь Иосиф Гринцевич, по показанию начальника города Герица, был им назначен окренговым начальником над новою частию гор. Ковно, не приводя его к присяге как лица, прежде принадлежащего к организации. К числу обязанностей его относилось приобретение и доставление одежды и провизии и других предметов мятежникам, в чем получал от него отчет. То же самое подтвердил и воевода Дзичковский, присовокупляя, что Гринцевич по требованию отрядных начальников или комиссаров сам покупал для шаек нужные вещи на деньги, получаемые от начальника Герица, и первый известил его, Дзичковского, о намерении войскового начальника Лясковского и его адъютанта прибыть в город [6]. Кроме того, адъютант Лясковского Купсць показал, что во время пребывания его в гор. Ковно он просил Гринцевича вызвать депешей из Вильна для свидания мать его с тем, чтобы депеша была подписана фамилиею Дзердзовского. Член организации Краузе показал, что из разговоров с воеводою и начальником города знает он Гринцевича принадлежавшим к составу тайного [a] правления, но обязанности его ему неизвестны. Из показаний окренгового начальника Ожинского видно, что Гринцевич рекомендовал ему Гинейко как способного исполнять поручения, о котором, впрочем, как видно из дела, он заявлял и самому воеводе Дзичковскому. При расследовании обстоятельства пребывания Лясковского и Купсця в гор. Ковно оказывается, что первого он отвел к Григоровичу, а последнего скрывал у себя. Наконец, по предмету революционных бумаг воевода Дзичковский поясняет, что когда он у себя говорил с комиссаром Мицкевичем о бумагах, спрятанных у Контукевича, в то время сидел у него и Гринцевич. На допросах в ко-

[a] *В тексте ошибочно* такого.

миссии Гринцевич оказывал упорное запирательство, но, уличенный совокупностию показаний, объяснил: 1-е, что на предложение начальника города Герица принять должность в составе тайного правления отвечал не отказом, а согласием; 2-е: исполнял поручения Герица по предмету разных закупок, но не для мятежников, а для арестантов, в чем подавал ему рапорты и счеты; других же обязанностей по должности окренгового начальника не исполнял и она за ним считалась только номинально; 3-е: адъютанта войскового начальника Купсця держал у себя несколько дней потому только, что он был сын предводителя дворянства, кума тещи его, Гавриловой, но вовсе не знал об нем как об адъютанте Лясковского и никогда о намерении последнего прибыть в гор. Ковно воеводе Дзичковскому не доносил, а только по просьбе начальника города Герица отвел к Григоровичу какого-то Орловского, добровольно явившегося из шайки, и уже после узнал от Герица же, что то был Лясковский, предводитель шайки; 4-е: кто такой Гинейко, он не знает, равно ему неизвестны прочие лица, участвовавшие в организации; 5-е: о том, что революционные бумаги воеводы Дзичковского хранились у Контукевича, он не знает, а равно никогда не приказывал Контукевичу принести их к себе, и 6-е: депешу к матери Купсця по просьбе его действительно отправил в Вильно, подписав и фамилию Дзердзовского. Таким образом, Гринцевич вполне сознался только в последнем преступлении, что же касается прочих его показаний, то из них несомненно усматривается только то, что он действительно был одним из главных деятелей тайного правления.

9) Дворянин Владислав Хлевинский был, как слышал воевода Дзичковский от Краевского и комиссара Мицкевича, окренговым революционным начальником около Эйрагол, в Подгае. Через него посылалась корреспонденция в уезды Россиенский, Шавельский, Тельшевский и Вилкомирский. В начале ноября Дзичковский получил от Хлевинского рапорт о жестоких действиях шайки Кушлейко и в том же рапорте высказывал желание оставить занимаемую им должность, рекомендовал в начальники Россиенского у. помещика Раковского. Политический преступник комиссар Генрих Герасимович объяснил, что при отправлении его в шайку Тышковский и Янковский указали ему на Хлевинского, живущего в им. Подгай, как человека, к которому во всех нужных случаях может обратиться. При обыске у Хлевинского найдены письма, из которых некоторые хотя и не относятся до организации, но проникнуты сочувствием к восстанию. Письма эти, по объяснению Хлевинского, писаны были частию к нему, а частию к другим лицам. Сам Хлевинский ни в чем против улик не сознался и притом в объяснении своем высказал, что в июле месяце 1863 г. несколько вооруженных мятежников, прибыв к нему ночью, подали ему клочок бумаги с революционною печатью, требуя, чтобы он, исполняя выраженное в ней приказание, шел в шайку, причем присовокупили, что им нужно его имя и знакомство с окружными жителями, он обязан будет всех жителей до р. Дубиссы и м. Эйрагол подговаривать к мятежу и принимать под свое ближайшее начальство; но Хлевинский, несмотря на угрозы мятежников, в лес не пошел и, опасаясь преследования, переехал в имение родителей Подгай, где оставался до времени арестования.

10) Помещик Анастасий Раковский, по показанию воеводы Дзичковского, окренговым начальником Хлевинским был ему рекомендован в на-

чальники Россиенского у., когда Хлевинский высказывал Дзичковскому желание оставить занимаемую им должность, почему последний послал через Мицкевича Хлевинскому мандат и инструкцию для передачи Раковскому, но какой был результат этого распоряжения и принял ли Раковский должность окренгового начальника, ему неизвестно. Из показания крестьянина Ягминаса, взятого по делу об укрывательстве мятежников, видно, что Раковский был в близких сношениях с помещиком Слабошевичем, у которого, по его словам, бывали несколько раз мятежники, и он снабжал их провизиею и одеждою, а равно Раковский беспрерывно разъезжал по помещикам, почему крестьянин Ягминас полагает, что Раковский и Слабошевич были у мятежников какими-то должностными лицами вроде депутатов. При обыске у Раковского подозрительной переписки не оказалось, а найдено 7 полушубков, 6 кож, 7 опойков[3], 2 крестьянских кафтана, трое панталон, столько же рукавиц и порошок, по медицинскому анализу оказавшийся мышьяком. На допросе Раковский ни в чем не сознался, объяснив, что найденная у него одежда и кожи имелись как необходимые предметы для работников; порошок же был приготовлен 4 года тому назад неизвестно где живущим коновалом для истребления тараканов.

11) Крестьянин Матеуш Боченас был парафиальным начальником Червонного двора, что доказывается следующим: воевода Дзичковский показывает, что писал Гундиусу (повятовому начальнику) о назначении Боченаса на эту должность, но вступил ли он в отправление оной, не знает. Купсць (адъютант Лясковского) объяснил, что он помнит парафиального в Червонном дворе, которого фамилия оканчивается на «ас» или «ис». Член организации Краузе объявил, что у Матеуша Боченаса на правой руке попорчены пальцы и что он был парафиальным начальником, но от кого получил назначение на эту должность, не знает; сам же Боченас против этих улик не сознался.

12) Дворянин Иосиф Краузе осенью в минувшем 1863 г., по предложению воеводы Дзичковского, в квартире сего последнего принял присягу повиноваться начальникам тайной организации, причем Дзичковский объявил ему, что с этого времени он обязан сообщать ему лично или начальнику города Герицу все, что будет относиться до народного дела, разведывать, где можно приобрести оружие, порох, свинец и одежду для шаек, а также собирать подати и в действиях отдавать отчет. По арестовании же окренгового начальника Ожинского он, Краузе, был назначен на эту должность Герицем, и, исполняя ее, он получал сведения о потребностях шаек через лесника Друкштейна и члена организации Гинейко, а равно через тех же самых лиц передавал в шайку Красовского и другим мятежникам бумаги от воеводы и разные предметы от начальника города. В октябре месяце прошлого года по поводу прибытия в гор. Ковно войскового начальника Лясковского и его адъютанта он, по приказанию воеводы Дзичковского, поручил окренговому начальнику Ожинскому приготовить для приема их квартиру и одного из них сам отвел к начальнику города Герицу.

13) Шляхтянка Анна Бялуцкая по показанию членов организации обвиняется в том, что она передавала в шайки одежду и провизию; сама же она показала, что осенью в прошедшем году начальник шайки Кра-

---

[3] *Опоек — телячья кожа.*

совский, угрожая смертью за ослушание, приказал ей отправиться в гор. Ковно к Краузе и сказать ему, чтобы он прислал в шайку потребные вещи, что она и исполнила, получив в то же время от Краузе полушубок для Красовского; сверх того, она принимала у себя мятежников, давала им пищу.

14) Дворянин Сильвестр Найковский служил у воеводы Дзичковского лакеем и, по показанию Контукевича, приносил к нему от Дзичковского на хранение революционные бумаги, в чем Найковский не сознался.

15) Дворянин Михаил Гинейко, по показанию воеводы Дзичковского, принадлежа к городской организации, передавал вещи для повстанцев из города на почтовую станцию к Друкштейну; окренговый начальник Ожинский показал, что член организации Гринцевич рекомендовал ему употребить для посылок Гинейко; экспедитор Краузе удостоверяет, что Гинейко сообщал ему о потребностях для шаек, в чем и уличал его на очной ставке; Гинейко же ни в чем не сознался.

16) Дворянин Адольф Друкштейн в начале октября месяца прошедшего года, как сам показал, встретил в лесу 4 неизвестных ему человек, из которых один, под угрозою смерти, заставил его принять присягу, поцеловав крест, исполнять все, что они ему будут поручать. С тех пор он вошел в сношения с членом организации Краузом, передавал письма от него в лес и обратно, занимался приобретением мелочных вещей для шаек и служил проводником войсковому начальнику Лясковскому и его адъютанту из лесу в гор. Ковно и обратно в лес. Кроме того, служившая у Друкштейна работницею крестьянка Текля Соколовская под присягою показала, что Друкштейн часто ходил в гор. Ковно и, возвращаясь, приносил какие-то бумаги; повстанцы приходили к нему часто и пили с ним водку и чай.

17) Жена лесника Друкштейна Марианна Друкштейн уличается присяжными показаниями Соколовской в том, что в дом к ним часто приходили мятежники, пили у них водку и чай.

18) Дворянин Михаил Григорович обвиняется в том, что, принимая у себя в квартире войскового начальника Лясковского и его адъютанта Купсця, в чем сам сознался, объясняя, будто он, основываясь на словах Герица и Гринцевича, которые их к нему привели, принял их за лиц, пришедших из шайки добровольно явиться начальству, и принимал под именами Круликовского и Орловского, что подтвердили на допросе в комиссии Гериц и Гринцевич. Притом сочувствие Григоровича к делу восстания доказывается и тем, что при обыске, произведенном в губернском правлении, где он служил писцом по найму, в ящике стола его найдено несколько стихов и песен возмутительного содержания.

19) Ковенский мещанин Викентий Контукевич, по показанию воеводы Дзичковского, хранил у себя печать, инструкцию и бумаги революционной организации, которые, поручая[a] ему на сохранение, угрожал ему повешением, если он не скроет их; впрочем, он не объяснил ему, Контукевичу, какого рода эти бумаги, а потому Дзичковский полагает, что он не знал их содержания. Кроме того, воевода Дзичковский заказывал Контукевичу кожаные мешки по требованию шаек для сбережения бумаг и вещей, хотя и не говорил ему о назначении тех мешков. Кон-

---

[a] *В тексте* поручал.

тукевич вполне подтвердил показание Дзичковского, присовокупив, что, узнав об арестовании Дзичковского, он по приказанию члена организации Гринцевича и тещи его Гавриловой хранившиеся у него бумаги передал последней.

20) Жена надворного советника Юлия Гаврилова обвиняется показаниями Контукевича в том, что она, узнав об арестовании воеводы Дзичковского, приказала ему, Контукевичу, принести к ней хранившиеся у него революционные бумаги и приняла их; кроме того, она принимала у себя в квартире адъютанта Лясковского Купсця.

21) Коллежский регистратор Вандалин Фальский обвиняется в том, что он передавал письма революционного содержания воеводе Дзичковскому, так как, по собственному его сознанию, он доставил ему два письма: одно полученное от сестры своей Стефании, а другое — от неизвестной ему дамы. Фальский же не сознался в принадлежности своей к составу тайного правления.

22) Дворянка Стефания Фальская, по собственному сознанию, привезла из Вильно письмо, которое получила от знакомого ей Макаревича[7], и передала брату своему Вандалину Фальскому, но какого рода было письмо, ей не известно, и последним, по показанию его, передано Дзичковскому; из показания же Дзичковского корреспонденция в Вильно и обратно передавалась по преимуществу лицами, из которых, кроме Фальских, ни одно ему не известно.

23) Помещик Венедикт Мицевич и его сыновья: 24) Константин и 25) Иосиф. По показанию воеводы Дзичковского и адъютанта Лясковского Купсця, какой-то Мицевич, по имени им не известный, был в м. Жеймах окренговым начальником. Он Дзичковскому в конце октября доносил о битве Мацкевича с русскими и о том, что Мацкевич взял у него из народной кассы 200 руб. Чрез того же Мицевича Дзичковский послал Мацкевичу мандат на звание военного организатора Ковенского воеводства[8]. При обыске у Мицевича найдено: 1) черновой адрес государю императору дворян Подольской губ. возмутительного содержания, в котором проводится идея необходимости соединения западной губернии с Царством Польским; 2) письмо на польском языке на имя Иосифа Мицевича, в коем предупреждают о приезде какого-то русского шпиона, посланного для разведывания о сборах в пользу Народного ржонда от имени Мерославского и узнания образа мыслей всей молодежи. Письмо это подписано каким-то другом Иосифа Мицевича Казимиром М. На допросе все трое Мицевичи не сознались в принадлежности к организации. Касательно чернового адреса отец объяснил, что это есть копия, года два тому им списанная в гор. Ковно с рукописи, понравившейся ему по содержанию и изложению. У кого редкость ту он брал — не помнит. О письме же к Осипу Мицевичу отец и оба сыновья отозвались совершенным незнанием, кем оно писано, по какому случаю и какой имеет смысл.

26) Дворянин Дионисий Яхимович, по приказанию[a] воеводы Дзичковского, в конце октября 1863 г. Герицем (начальником гор. Ковно) именем тайного комитета был назначен на должность для приема и передачи безымянной революционной корреспонденции. По показанию того же Герица, Яхимович несколько раз передавал ему таковые письма для

[a] *По-видимому, должно быть* по показанию.

вручения воеводе Дзичковскому, а сей последний объяснил, что чрез Яхимовича он при посредстве Герица получал всю безымянную корреспонденцию из уездов и тем же путем от него и комиссара Мицкевича передавалась корреспонденция в уезды. Иностранец Фридрих Беккер показал, что, будучи знакомым с Яхимовичем по прежним семейным отношениям жен их, урожденных в гор. Кенигсберге, передавал сначала письма от Яхимовича и его жены родственникам их в Кенигсберг, а в июле или августе месяце 1863 г., снисходя к просьбе Яхимовича, согласился, чтобы вся заграничная корреспонденция для Яхимовича шла чрез него, Беккера, с адресом на его имя, с прибавлением ли целого слова «для Яхимовича» или только с буквами «pour D. J.» [а]. Таким образом, по удостоверению Беккера, Яхимович отправил 16 писем, из числа коих 12 по адресу в Кенигсберг на имя тестя Яхимовича, а 4 — неизвестным лицам; впрочем, помнит, что одно из них было адресовано в Лондон Болеславу Яблоновскому [9], а другое в Париж на имя гр. Тадеуша Тышкевича. Кондуктор Гаазе, которого Беккер посылал в гор. Ковно с заграничными письмами к Яхимовичу, однажды, передавая Беккеру 2 письма от Яхимовича, объявил, что одно из них сильно его беспокоит, каковое показание на допросе подтвердил сам Гаазе; оно было адресовано в Лондон лицу польской фамилии. Таким образом, он исполнял поручение Яхимовича до второй половины января 1864 г. Около 20 числа этого месяца Беккер получил из Парижа письмо на свое имя с печатью, вовсе ему неизвестною своею формою. Он, распечатав его, узнал, что письмо на языке польском, ему неизвестном. Рассмотрев адрес на конверте, заметил внизу условную с Яхимовичем надпись pour D. J., показал его Кауту, Новицкому и Печерскому. Письмо начиналось словами: «военному Ковенскому повяту» [б] (фамилии выставлено не было). Далее говорилось о транспорте [в] оружия, предназначенного в Польшу, и высказано затруднение проводить его чрез австрийскую границу, почему лицо, к которому об этом было писано, обязывалось указать безопасные места близ Ковно, о чем и сообщить в Париж. В письме также говорилось о предстоящей весенней войне с Россиею, а в конце следовала подпись: Болеслав Яблоновский. По показанию того же Беккера, родная сестра жены Яхимовича Лиза Фейрабенд в декабре месяце 1863 г. привозила зашитыми в муфте для Яхимовича несколько заказанных им в Кенигсберге печатей; подобные же печати она привозила для Яхимовича и летом 1863 г. Наконец, Беккер показал, что жена Яхимовича рассказывала жене Беккера, что в 1863 г. у них прятался какой-то неизвестный человек. Сам же Яхимович на допросах в комиссии, не признаваясь в принадлежности к организации, дал, однако же, показание, несомненно доказывающее, что он был в числе членов тайного правления, так как, исполняя волю начальника города Герица, принимал от неизвестных лиц для доставления Герицу без адреса свертки бумаг и однажды сам провел к Герицу незнакомую ему даму, желающую лично передать ему что-то. Касательно заграничной переписки, веденной через Беккера и Гаазе, дал показание, вполне изобличающее его ложь и подтверждающее тот факт, что он вел корреспонденцию с революционными лицами, ибо, по-

---

[а] *Для Д. Я. (франц.).*
[б] *Т. е., по-видимому, военному начальнику Ковенского повета (уезда).*
[в] *В тексте* и транспорт.

ставленный в необходимость сознаться в отправлении писем семейных, он, чтобы явно не противоречить Гаазе и Беккеру, объяснил, что получал их для отправления за границу от чиновника Кошита, который по справкам оказался уже умершим в ноябре месяце 1863 г.

27) Жена Дионисия Яхимовича, Берта Яхимович, сознаваясь, что Беккер и Гаазе привозили от матери ее из Кенигсберга разные подарки, подтверждает, что переписки подозрительного содержания муж ее вообще не вел, а равно и то, что сестра ее Лиза никогда в Ковно бумаг политического содержания не привозила, но, принимая в уважение, что Яхимович, узнав от Беккера о полученном им на имя ее мужа польском письме, успокаивала его, говоря, что, вероятно, более подобных писем он не будет получать, есть основание полагать, что она знала о заграничной революционной переписке мужа; наконец, показание Беккера о том, что Яхимович говорила его жене о каком-то незнакомом человеке, скрывавшемся у них в доме в 1863 г., и, сверх того, его самого просила передать сестре ее Лизе, что этот незнакомец ушел и находится в верном месте, подтверждает убеждение, что она, Яхимович, не была чужда противозаконных действий своего мужа, и вообще нельзя полагать, чтобы неоднократные и таинственные посещения их магазина разными незнакомыми лицами, передававшими ее мужу какие-то свертки бумаг, за которыми приходил и сам начальник города Гериц, не возбуждали в ней любопытства и не ознакомили ее с сущностью дела.

28) Крестьянин Антон Гриневич обличается присяжными показаниями в том, что он знал об одежде и сапогах, приготовленных Гундиусом для мятежников, и однажды отвозил их куда-то.

29) Нассауский подданный Фридрих Беккер, по собственному сознанию, обвиняется в том, что, не предъявив начальству, сжег письмо политического содержания от Яблоновского из Парижа к Дионисию Яхимовичу, а равно и в том, что не дал знать начальству о печатях, которые Лиза Фейрабенд привезла для того же Яхимовича. Из обостоятельств дела видно, что Беккер еще в начале 1863 г. по семейным отношениям с Яхимовичем принял на себя передачу корреспонденции его с чужими краями и, не подозревая в ней ничего преступного, продолжал пересылать ее до половины января 1864 г. В это время получил письмо из Парижа, обратившее его внимание особенною формою печати, вскрыл его и увидел, что оно писано на польском языке, ему неизвестном, и с надписью pour D. J. (Для Яхимовича), показал его своему другу Кауту, но как сей последний также не понимал по-польски, то он показал письмо двум чиновникам железной дороги. Узнав от одного из них о преступном содержании письма, он, под влиянием угрожавших ему последствий, сжег письмо, а потом прибыл в гор. Ковно; за арестованием Яхимовича высказал укоры его жене за то, что он злоупотреблял его доверием и может быть причиною несчастья всего его семейства.

30) Мекленбургский подданный Карл Гаазе передавал по просьбе начальника своего Беккера письма и посылки Яхимовичу и обратно. В деле нет никаких доказательств, чтобы он знал преступную корреспонденцию Яхимовича, тем более что Беккер не подозревал ее.

Прикосновенные к сему делу лица: жена Герица Валентина Гериц, их дети: Бронислава и находящийся в шайке сын Карл, жена дворянина Ожинского Анна Ожинская, ее сын Антон, Олимпия Григорович и Наталья Гринцевич — первые две по делу ни в чем не обвиняются, а сын

Герица Карл виновен в нахождении в шайке мятежников, Анна же Ожинская и Наталья Гринцевич навлекают на себя подозрение: первая — в знании того, кто именно были остановившиеся у них Лясковский и Купсць, а последняя — в присутствии при том, как Контукевич отдавал ее матери Гавриловой революционные бумаги; что же касается до Олимпии Григорович, то по делу нет сведений, чтобы она принимала участие в каких-либо политических демонстрациях.

Подсудимые: дворянка Фальская, дворянин Сильвестр Найковский, коллежский регистратор Вандалин Фальский, тит. с. Викентий Ингелевич, лекарь Людвиг Крейбих, помещик Анастасий Раковский и нассауский подданный Фридрих Беккер по недостатку юридических доказательств навлекают на себя сильное подозрение в принятии участия в революционной организации; подсудимый же мекленбургский подданный Карл Гаазе по делу ни в чем не обвиняется.

Военный суд, руководствуясь высочайше утвержденными 11 мая 1863 г. правилами о порядке наложения взысканий на мятежников и лиц, обвиненных в соучастии с ними, и относя подсудимых: лекаря Дзичковского, дворянина Юлиана Мицкевича, первого как занимавшего должность в организации Ковенского воеводства, а последнего как комиссара, землемера Альберта Герица, коллежского секретаря Адольфа Гундиуса, дворянина Клеофаса Ожинского, коллежского секретаря Иосифа Гринцевича, помещика Владислава Хлевинского и крестьянина Матеуша Боченаса как начальников организации, дворян: Иосифа Краузе, Адольфа Друкштейна, Михаила Гинейко и Дионисия Яхимовича как принимавших деятельное участие в преступных действиях первых вышеозначенных 8 подсудимых и содействии им доставлением сведений, припасов, приеме от мятежников и передаче корреспонденции — к первой категории политических преступников, исключая подсудимого крестьянина Боченаса, и виновных в означенных преступных действиях подсудимых Контукевича, Бялуцкую, Венедикта Мицевича, сыновей его Константина и Иосифа и Гриневича — к третьей категории, а остальных виновных в том же преступлении — подсудимых Марианну Друкштейн, Гаврилову и Григоровича — к четвертой категории политических преступников, на основании вышеозначенных правил, 340, 348, 349 ст. ст. 2-й книги военно-уголовного устава и 283 ст. 1-й книги уложения о наказаниях уголовных и исправительных, приговорил: лекаря Людвига Дзичковского, дворянина Юлиана Мицкевича, землемера Альберта Герица, дворянина Адольфа Гундиуса, дворянина Клеофаса Ожинского, коллежского секретаря Иосифа Гринцевича, помещика Владислава Хлевинского, дворян Иосифа Краузе, Адольфа Друкштейна, Михаила Гинейко и Дионисия Яхимовича, лишив всех прав состояния, казнить смертью расстрелянием. Шляхтянку Анну Бялуцкую, помещика Венедикта Мицевича и сыновей его Константина и Иосифа, дворянку Марианну Друкштейн, вдову надворного советника Юлию Гаврилову и дворянина Михаила Григоровича, лишив всех лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, сослать на житье в менее отдаленные места Сибири. Мещанина Викентия Контукевича и крестьян Антона Гриневича и Матеуша Боченаса отдать в арестантские роты гражданского ведомства на 4 года. Дворянку Стефанию Фальскую, дворянина Сильвестра Найковского, коллежского регистратора Вандалина Фальского, тит. с. Викентия Ингелевича, лекаря Людвига Крейбиха, помещика Анастасия Раковского,

нассауского подданного Фридриха Беккера и шляхтянку Берту Яхимович оставить в сильном подозрении. Мекленбургского подданного Карла Гаазе от суда и взыскания освободить. Прикосновенных же к делу лиц: жену землемера Герица Валентину Гериц, детей ее — Брониславу и находящегося в шайке мятежников сына Карла, дворянку Анну Ожинскую, ее сына Антона, жену дворянина Григоровича Олимпию Григорович и жену дворянина Гринцевича Наталью Гринцевич — суд представляет на благоусмотрение высшего начальства. Имение же, какое окажется у подсудимых, лишенных жизни и прав состояния, или будет им принадлежать по наследству на основании 176 ст. 1-й книги военно-уголовного устава, конфисковать в казну. [a] Сверх того, предан суду неизвестного звания Павел Колтан, но он не разыскан и суд над ним не был открыт [a]. Заключен в гор. Ковно сентября 9 дня 1864 г. [10]

Члены: Прапорщик Семенов не присутствовал по болезни
Прапорщик Летовт
Прапорщик Фольберг
Прапорщик Урбанович
Корнет Меллер
Поручик Шеметов не присутствовал по болезни
Председатель подполковник Драфановский
Аудитор Михайлов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 440, оп. 1, д. 238, лл. 27—47. Подлинник

[1] *Гражданскими начальниками («воеводами») Ковенского воеводства до Л. Дзичковского в разное время были: Александр Хмелевский (см. прим. 3 к док. 101), Любомир Гадон и Соболевский (Краевский).*

[2] *См. прим. 4 к док. 30.*

[3] *Имеется в виду Исполнительный отдел Литвы.*

[4] *Отряд Э. Люткевича, повстанческого военного начальника Поневежского повета, был разбит 30 октября 1863 г. у дер. Даршишек. Люткевич в этом бою погиб. О соединении остатков отряда Люткевича с отрядом Мацкявичюса см. док. 120. Однако отдельные части отряда Люткевича продолжали действовать в виде самостоятельных небольших отрядов Амброжевича, Можейки, Пусловского, Барисаса и др.*

[5] *См. док. 29.*

[6] *О приезде И. Лясковского в Ковно см. док. 120 и прим. 3 к нему.*

[7] *Т. е. К. Калиновского.*

[8] *См. прим. 1 и 2 к док. 120.*

[9] *Т. е. Б. Длускому, который был в то время военным комиссаром Отдела Литвы за границей.*

[10] *По конфирмации М. Н. Муравьева от 30 октября 1864 г. смертная казнь в отношении Л. Дзичковского была заменена каторжными работами на заводах на 2 года. Приговор над Ю. Мицкевичем был приведен в исполнение 5 ноября 1864 г. в гор. Ковно («Rok 1863. Wyroki śmierci», Wilno, 1923, str. 330). Остальным смертная казнь была также заменена различными сроками каторжных работ (см. ЦГВИА, ф. 9 и, оп. 92/37, д. 94, т. 19, лл. 528—574).*

[a—a] *Написано карандашом на полях и введено в текст знаком X.*

141

1864 г. сентября 11.— Предписание шавельского военного начальника капитана Тинькова военному начальнику 1-го стана о размещении солдат в им. Пошимше помещика Бернабы для охраны от повстанцев

Управляющий им. Пошимше Бернабы — Рымкевич донес мне о нападении на мызу его верителя нескольких мятежников, ходатайствует о постановке на оной нескольких солдат, основываясь на том, что он опасается возвратиться туда, боясь их угроз.

Сообщая об этом в. б., прошу, ежели вы признаете по местным условиям необходимым, поставить нескольких солдат для охраны им. Пошимше, а вообще местности, удобной для укрывательства бродяг[a], то исполнить это и по исполнении мне донести[1].

Военный начальник гвардии капитан Тиньков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1250, оп. 1, д. 124, л. 86. Подлинник

[1] *17 сентября начальник 1-го стана сообщил капитану Тинькову, что в им. Пошимше поставлено 8 солдат, 3 конных и 7 пеших стражников (см. там же, л. 89).*

142

1864 г. октября 2. — Донесение Н. М. Муравьева М. Н. Муравьеву о поражении повстанческого отряда Рутковского в Поневежском у. и помощи крестьян отряду

Во исполнение телеграммы в. вп. от 23 истекшего сентября за № 150 мною было поручено помощнику моему ген.-майору Померанцеву оставаться в Поневежском у. до окончания поисков за бродягами и их уничтожения, а также я просил его привести в положительную известность кто именно из окрестных жителей Пушелатского леса, в котором укрывались бродяги, способствовали им получать продовольствие и столь долгое время иметь пригон в уезде и, составив список всем помещикам, ксендзам, корчмарям, евреям и вообще всем тем лицам, которые содействовали бродягам, доставить ко мне, с присовокуплением своего мнения, кто из них подлежит ответственности по всей строгости закона и кто должен быть подвергнут только денежному штрафу и в каком размере; если же признавалось бы нужным выселить какую-либо деревню или околицу, то составить им список и таковой представить ко мне на дальнейшее распоряжение.

Вследствие сего ген.-майор Померанцев рапортом от 29 сентября за № 84 донес мне, что показания бродяг, взятых из уничтоженной 18 числа в Пушолатском лесу шайки, до того неоткровенны, что с трудом можно было вызнать у них необходимое. Из этих показаний оказывается, что продовольствие шайка получала от жителей деревень: Рекле, Бернотаны, Стачуны, Ожоге, Жаляпурве и Киоце, из мызы Ягужин, от помещицы Гружевской, из дер. Шавдыне и от тамошнего старшины Егора Томашу-

[a] *Так в тексте.*

наса. Почему ген.-майор Померанцев, по совещании с поневежским военно-уездным начальником, полагает необходимым обложить контрибуциею местность по десятиверстному радиусу вокруг Пушолатского леса, где разбойничья шайка держалась в последнее время в продолжение двух недель: по 5 руб. со двора крестьян, по 10 с шляхетских и еврейских домов, по 2% с доходов помещичьих имений и по 100 руб. с ксендзов, с поименованных же выше деревень контрибуцию взыскать вдвойне, а помещицу Гружевскую и старшину Томашунаса подвергнуть наказанию по суду. Причем ген. Померанцев присовокупил, что пленные бродяги положительно удостоверяют, что начальник уничтоженной шайки Рутковский и Антон Беккер за месяц до стычки ушли за границу и что наличное число бродяг при разбитии шайки состояло из 40 человек, поэтому, за исключением 5 убитых и 33 пленных, укрылось только 2 человека, которых, равно как и других бродяг, при последних розысках в уезде не найдено.

Казнь над преступниками Бразисом, Касперовичем, Голумбеком и Гроховским, о которой я уже имел честь телеграфировать в. вп. 29 сентября, была совершена по распоряжению ген.-майора Померанцева[1] в присутствии вызванных на этот предмет в Поневеж всех старшин и пятисотских Поневежского у., которым по исполнении казни было строго приказано внушить подведомственным им крестьянам обязанность и необходимость принятия искренних и усердных мер к поимке подобных злодеев, если таковые покажутся вновь. Вообще уничтожение последней шайки разбойников, как доносит мне ген. Померанцев, чрезвычайно благоприятно подействовало на умы населения, так что при последних поисках есаула Грекова и местных отрядов жители сами напрашивались в облавы против бродяг, не хотели брать за продовольствие солдат кормовых денег и прямо говорят, что теперь, когда страх уничтоженной шайки разбойников их более уже не пугает, они сами будут отныне искать бродяг.

Донося о вышеизложенном на благоусмотрение и разрешение в. вп., имею честь доложить, что помещица Гружевская и старшина Томашунас арестованы и что я с своей стороны согласен на принятие тех мер, которыми ген.-майор Померанцев полагает наказать виновных в содействии мятежникам укрываться в Пушолатском лесу.

Вместе с тем поспешаю в. вп. донести, что 26 сентября добровольно явился к вилкомирскому военному начальнику крестьянин Погирского прихода 1-го стана Вилкомирского у. Антон Стаселюс из бывшей шайки Рутковского. При снятии показания со Стаселюса он решительно ничего не показал и ни в чем не сознался, поэтому кн. Кропоткин препроводил его к военному начальнику Поневежского у. Таким образом, из шайки, бывшей в Пушолатском лесу, остался непойманным один бродяга.

ЦГИГА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1458, лл. 4—7. Подлинник

[1] *О казни в гор. Поневеже четырех повстанцев из отряда Рутковского, в числе которых были три солдата царской армии, см. также донесение ковенского жандармского штаб-офицера Р. Б. Витте В. А. Долгорукову от 4 октября 1864 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., д. 23, ч. 15, лл. 208—209).*

143

1865 г. января 23 [1].— Сведения о случаях вооруженного сопротивления рекрутскому набору по Ковенской губ. за декабрь 1864 г.— январь 1865 г. [2]

1. 7 декабря получен рапорт шавельского уездного исправника с донесением, что 19 ноября в мызе Шавляны при взятии для поставки в рекруты крестьянина Ивана Тамулевича он нанес раны ножом в голову, грудь и руку крестьянину Феликсу Гедмину и, выломав в людской комнате окно, успел бежать.

О чем донесено г. ген.-губернатору 8 декабря за № 16775.

2. 10 декабря получено донесение россиенского уездного исправника о том, что в Тененских лесах открыты были следы партии крестьян, скрывающихся от рекрутства, числом в 14 человек, вооруженных ружьями, пистолетами, топорами и ножами. Отряд из 20 солдат и 2 унтерофицеров при участии 2 жандармов и 2 полицейских служителей преследовал скрывающихся, но не успел захватить.

О принятии деятельных мер к захвачению злоумышленников предписано россиенскому уездному исправнику 10 декабря за № 16951, которому вместе с тем велено прекратить обнаруживающиеся неправильные действия старшин при поимке людей для поставки в рекруты.

Об этом происшествии донесено г. ген.-губернатору 10 декабря за № 16950.

3. От тельшевского уездного исправника получено донесение, что 21 ноября скрывающиеся от рекрутства крестьяне Плунгянской вол. Франц Эйтович, Осип Павловский, Антон Норкус, а также Антон, Станислав и Игнатий Гайделисы, вооруженные пистолетами, забрались в овин крестьянина Адама Тисща в дер. Мижуйках, и когда десятские явились для поимки их, то злоумышленники, ранив десятского Деглиса топором в левую руку и произведя несколько выстрелов из пистолета, успели бежать; 23 того же месяца в той же деревне у крестьянина Юрчиса найдены были вооруженные пистолетами скрывающиеся от рекрутства крестьяне Игнатий и Петр Давгнары и Игнатий Рекашис, которые, произведя два выстрела, успели бежать, и 25 того же ноября в означенной деревне у крестьянина Лаврентия Рушиса был взят для поставки в рекруты крестьянин Иван Якумас, но брат его Виктор Якумас, напав с топором на проводников, насильно освободил его.

О чем донесено г. ген.-губернатору 12 декабря за № 17061.

4. От начальника жандармского управления Россиенского у. получено донесение, что в Штемплевских, Вилькянских и Тененских лесах обнаружено 14 человек, скрывающихся от рекрутства, вооруженных ружьями, пистолетами, ножами и топорами, которые, быв преследуемы отрядами, при уходе оставили топор, сермягу, 2 полушубка и 2 ружья.

Вследствие полученного от 20 декабря за № 7124 предложения г. ген.-губернатора, от 28 сего декабря за № 15348 предписано мною военному начальнику гор. Россиен с уездом принять решительные меры к разысканию и уничтожению этой шайки, и если бы притом обнаружилось, что бродяги эти получали продовольствие от окрестных жителей или имели с ними сношения, о таковых околицах и деревнях донести для обложения

их денежными штрафами, а более виновных подвергнуть аресту и ответственности на основании инструкции.

5. В конце декабря месяца минувшего года Ковенского у. Бобтовское сельское управление командировало добросовестного Грейца при содействии 3 казаков и 1 жандарма в новую деревню для взятия в рекруты крестьян Форафонта, Михаила и Мирона Кузьмицких, но поручение это не было исполнено потому, что Кузьмицкие и все старообрядцы означенной деревни, вооружась дубинами и топорами, угрожали в случае насильственного взятия означенных крестьян совершить убийство. Кроме крестьян, из квартирующих в этой деревне гусар унтер-офицер Васильев возражал, что Кузьмицкие берутся в рекруты неправильно.

О происшествии этом донесено г. ген.-губернатору 5 января за № 124.

6. Россиенское уездное полицейское управление донесло, что 22 минувшего декабря Россиенского у. старшина Хвейданской вол. Иосиф Рубшис и юдранский староста Забринас с 6 крестьянами отправились в Юдранское общество для взятия рекрут. Заметив уходивших в лес 2 вооруженных людей, они погнались за ними; в это время один из уходивших выстрелил два раза по старшине Рубшису и пулею пробил сермягу и брюки без нанесения Рубшису раны, старшина же Рубшис из заряженного дробью ружья выстрелил по одному из уходивших, который вследствие нанесенной ему раны упал на землю, а товарищ его, остановившись в бегстве, добровольно сдался. Задержанные таким образом оказались скрывавшиеся от рекрутства крестьяне Хвейданской вол. Михаил и Иосиф Ленкарты, у коих, кроме ружья, из которого стрелял Михаил Ленкарт, найдена еще, по показанию поимщиков, пара карманных пистолетов и 4 патрона; но Ленкарты от принадлежности им сего оружия решительно отреклись. Рана, нанесенная Михаилу Ленкарту сзади в плечо, оказалась неопасною.

Об этом происшествии донесено г. ген.-губернатору 7 января за № 175.

7. Мировой посредник 3-го участка Ковенского у. донес, что по распоряжению Пилянского волостного правления 6 января староста, выборный и домохозяин Монтвидовского сельского общества, отправясь в им. Млодзяны помещика Гружевского, взяли состоящего на рекрутской очереди крестьянина Адама Юрьева Стефановича, но все состоящие на службе в этом имении работники, без ведома помещика вооружась дубинами, отбили Стефановича, нанеся поимщикам старосте Купрису и крестьянам Шимону и Антону Жидялисам побои. При каковом случае женщины-работницы обливали поимщиков кипятком и горячею пищею.

О происшествии этом донесено г. ген.-губернатору 12 января за № 466.

8. С 6 на 7 января ночью Ковенского у. старшиною Румшишского сельского общества с помощью крестьян был взят для поставки в рекруты бежавший в прошлом наборе старообрядец Афанасий Тримайлов, но на дороге вблизи дер. Кветкуце старообрядцы этой деревни, вооружившись топорами, напали на проводивших и отбили Тримайлова, причинив при этом случае крестьянам побои, из коих Михаилу Гравже нанесли рану в голову, а Казимиру Климовичу вывихнули палец правой руки. Обвиняемые в этом преступлении старообрядцы Федот Янченков, Иван Баканов, Абрам, Тимофей, Федот и Ларион Жилинские и Евдоким Пискунов арестованы.

Об этом происшествии донесено г. ген.-губернатору 21 января за № 1505[3].

Ковенский губернатор ген.-майор Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1953, лл. 14—17. Подлинник

[1] *Сведения были направлены М. Н. Муравьеву вместе с препроводительным письмом от 23 января 1865 г.*

[2] *О сопротивлении крестьян Ковенской губ. рекрутскому набору в 1864—1865 гг. см. также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1864 г., д. 218, л. 18 и др.*

[3] *О положении в Ковенской губ. в связи с рекрутским набором и возможности нового подъема восстания см. донесение ковенского жандармского штаб-офицера Р. Б. Витте В. А. Долгорукову от 7 января 1865 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1865 г., д. 23, ч. 15, лл. 231—232).*

144

1865 г. июня 7.— Донесение Н. М. Муравьева виленскому ген.-губернатору К. П. Кауфману о пребывании группы повстанцев в лесах близ м. Жогини Россиенского у.

Начальник жандармского управления Россиенского у. довел до сведения местного военного начальника, что в Шидловском приходе, близ м. Жогинь, между околицами Рекетями, Крягами, Швельнями и Ионкайцами скрываются 6 человек вооруженных бродяг и что в снабжении их пропитанием подозреваются жители означенных околиц. Кроме того, пристав 2-го стана Россиенского у. донес, что, по слухам, люди эти обращались к крестьянам с требованием, чтобы для побега их за границу была собрана нужная сумма денег.

Получив эти сведения и, сверх сего, имея в виду, что в Шавельском у. была преследуема шайка бродяг, состоящая из нескольких человек, из коих некоторые остались непойманными, военный начальник распорядился преследованием сих бродяг и затем, донося мне об этом, присовокупил, что, по сведениям, сообщенным местным пятисотским и жандармским унтер-офицером, действительно скрываются в окрестностях Жогинь 8 вооруженных человек, местопребывание которых обнаружить весьма трудно как по местным условиям, так и по сочувствию к ним околичной шляхты, и поэтому поиски, произведенные отрядом, остались тщетными; между тем по подозрению в явном укрывательстве этих бродяг арестованы 2 женщины и 1 лесник. О чем, доводя до сведения в. вп., имею честь присовокупить, что независимо от продолжаемых поисков предписано мною местным властям принять действительные меры к переловлению бродяг и открытию виновных в пристанодержательстве их и что по открытии виновных сделано будет распоряжение о подвержении их взысканию.

Ген.-майор гр. Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 3, л. 316. Подлинник

145

1863 г. апреля 17(29), Варшава.— Предписание Национального правительства военному начальнику Августовского воеводства А. Андрушкевичу об ограничении призыва волонтеров в повстанческие отряды в связи с нехваткой оружия [1]

№ 583 Komitet Centralny jako Rząd Narodowy do naczelnika sił województwa Augustowskiego

Rząd Narodowy otrzymał wiadomość, iż niektórzy naczelnicy sił powydawali rozkazy powołujące ludność od 18 do 30 lat do pospolitego ruszenia i że w jednym miejscu lud na podobne wezwanie zgromadzony i zostający bez broni, napadnięty został przez nieprzyjaciela i rozproszony. Aby w następnym czasie uniknąć powtórzenia podobnych katastrof paraliżujących działania wojenne i demoralizujących powstańców, — Rząd Narodowy rozkazuje Naczelni[kowi] sił w[ojewództwa] Augustow[skiego] za pośrednictwem Komisarza Rządu, przez naczelników cywilnych wojewódzkiego i powiatowych każdy powiat organizować wojskowo, ale powoływać do powstania taką liczbę ludzi, na ile starczy broni palnej i siecznej. Przygotowanie w powiatach broni, amunicji, umundurowania, rynsztunków wojennych powinno z całą energią i pośpiechem być przeprowadzone i dla tego przy każdym powia[towym] naczel[niku] pod jego kontrolą powinien być komendant powia[towy] wojskowy, któryby przeprowadzał ową organizację i zajmował się wyłącznie wojskowością, nigdy nie występując na linię bojową.

Warszawa, dnia 29 kwietnia 1863 r.

P. S. 1. Przypomina się naczelnikowi wojskowemu składanie periodycznych raportów o stanie swoich sił, o liczbie ludzi, o stosunku broni palnej do siecznej, o stanie wojska pod względem odzieży, obuwia i żywności.

2. Naczelnik zaprowadzi przy oddziałach swoich płatnych szpiegów po znoszeniu się z władzą cywilną, celem szybkiego otrzymywania dokładnej wiadomości o sile i ruchach nieprzyjaciela.

3. Naczelnik wojenny wojewódzki poleci najsurowiej wszystkim naczelnikom oddziałów zbrojnych, aby w razie bitwy z moskalami, natychmiast po jej zakończeniu przesyłali na ręce najbliższego naczel[nika] pow[iatowego] przez umyślnego posłańca raport o tejże bezpośrednio do Rządu Narodowego w Warszawie.

Печати Центрального национального комитета [a]

НБ ВГУ, А-т, 53, № 6401. Подлинник [2]

---

[a] *Одна гербовая, другая с изображением рукопожатия и надписью:* Równość — Wolność — Niepodległość *(Равенство — Свобода — Независимость). Помимо того, до-*

ПЕРЕВОД

№ 583 Центральный комитет как Национальное правительство начальнику [вооруженных] сил Августовского воеводства

До сведения Национального правительства дошло, что некоторые начальники [вооруженных] сил издали приказы, призывающие население в возрасте от 18 до 30 лет во всеобщее ополчение, и что в одном случае народ, собравшийся в ответ на подобный призыв и бывший без оружия, подвергся нападению со стороны неприятеля и был разогнан. Для того, чтобы в будущем избежать повторения подобных катастроф, парализующих военные действия и деморализующих повстанцев, Национальное правительство приказывает начальнику [вооруженных] сил Августовского воеводства через правительственного комиссара, с помощью гражданских начальников воеводства и поветов организовать в военном отношении каждый повет, но призывать к участию в восстании столько людей, на сколько хватит огнестрельного и холодного оружия. Заготовка в поветах оружия, снаряжения, боеприпасов и обмундирования должна проводиться со всей энергией и поспешностью и для этого при каждом начальнике повета под его контролем должен находиться военный комендант повета, который проводил бы эту организационную работу и занимался бы исключительно мобилизационным делом, ни в коем случае не принимая участия в боевых действиях.

Варшава, 29 апреля 1863 г.

P. S. 1. Военному начальнику напоминается о том, что он обязан регулярно посылать рапорты о состоянии своих сил, о численности людей, о количестве огнестрельного оружия по сравнению с холодным, о состоянии войск с точки зрения обеспечения их одеждой, обувью и продовольствием.

2. В целях быстрого получения точных сведений о силах и передвижениях неприятеля начальник заводит при своих отрядах платных агентов для сношений с гражданскими властями.

3. Военный начальник воеводства наистрожайше прикажет всем начальникам вооруженных отрядов в случае боя с русскими немедленно после того, как он закончится, присылать нарочным ближайшему начальнику повета рапорт о происшедшем, адресованный непосредственно Национальному правительству в Варшаве.

[1] *О начальном периоде восстания в Августовской губ. и деятельности в этот период повстанческой организации см.: О. Авейде. Показания и записки о польском восстании 1863 года. М., 1961; R. Błoński. Pamiętnik z Augustowskiego 1863 r.— В кн.: A. Giller. Polska w walce, t. 2. Kraków, 1875; S. Zieliński. Bitwy i potyczki w 1863—1864. Rapperswil, 1913.*

[2] *Большинство повстанческих документов раздела входит в коллекцию, хранящуюся в рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета. Происхождение коллекции не установлено, однако, судя по надписи на обложке дела, бумаги хранились некоторое время у К. Рупрехта. Очевидно, коллекция представляет собой лишь часть переписки Национального правительства с повстанческими властями Августовского воеводства, а также часть переписки этих властей с повстанческими отрядами и организациями Гродненского и Ковенского воеводств.*

кумент скреплен монограммой C. M. D., составленной из инициалов членов ЦНК первого состава: Хмеленский (Chmieleński), Матушевич, Домбровский.

146

1863 г. конец апреля — начало мая[1]. — *Рапорт А. Андрушкевича Национальному правительству о состоянии повстанческих отрядов в воеводстве*

Naczelnik wojenny województwa Augustowskiego
do Rządu Narodowego

W myśl wydanych instrukcji składam raport o stanie obozów w województwie Augustowskiem z nadmienieniem, że po odbyciu trzech bitew[2] zebrałem swój oddział w pow. Augustowskim w Grzędach, a dopełniając obecnie objazdu w całem województwie, powierzyłem go dowódcy kapitanowi Brandt, oficerowi wojsk moskiewskich o którym jak i innych pod względem uzbrojenia i siły donoszę.

Oddział Nr 1szy w Grzędach

Znajduje się obrońców Ojczyzny 160, w liczbie tej oficerów stopni najniższych [...][a] włącznie kapitana wraz z ludźmi przy[б] bagażach 10; posiadają dostateczny i gotowy zapas amunicji; broni[б] palnej: sztucerów 29, dubeltówek 28, pojedynek 22 — reszta tymczasowo zaopatrzona w kosy, których ilość stosunkowo się zmniejszy w miarę dostawy broni palnej; prócz tego posiadają 4 rewolwery i 11 sztuk pistoletów wraz z krucicami. Odzieży nie mają dotąd należytej, lecz już w części umundurowanie rozpoczęto. Koń na posyłki 1.

Oddział Nr 2 w lasach Hańczańskich
pod dowództwem pułkownika Wawra

Obrońców Ojczyzny 513, w liczbie tej:

strzelców 188 wraz z oficerami
kosynierów 218 » »
rezerwy 53 » »
konnicy 30 » »
pociągów 12
sztabu 12 oficerów i urzędników
koni posiada oddział 44.

Oddział 3 pod Balwierzyszkami
pod dowództwem Kamińskiego

Składa się ze 100 szeregowych, w tej liczbie 57 strzelców a 43 kosynierów.

8 podoficerów
2 magazynierów
2 kucharzy
3 furmanów
koni 10, siodeł 12.

---

[a] *Одно слово (по-видимому, предлог или двузначное число) не поддается прочтению.*

[б–б] *Знаки препинания текста:* bagażach 10 — posiadają [...] amunicji — broni.

Umundurowanie dla tego obozu już w części jest przygotowane.
Co do uzbrojenia:
przy odpowiedniej ilości amunicji posiada
sztucerów z bagnetami 40, dubeltówek 17 i 50 kos.

Oddział 4 pod Balwierzyszkami — sukursowy,
pod dowództwem Suzina

Oddział ten ma przeszło 150 ludzi zaopatrzonych w broń palną, a w liczbie tej 30 sztucerów, do 30 sztuk dubeltówek wraz z pojedynkami i resztę kos, kilka koni pikietowych i odpowiednią ilość amunicji. Odzieży i obuwia nie mają jeszcze należytego, lecz to wszystko już w części przysposobione zostało.

Oddziały 1, 3, 4 coraz zwiększają się, tak aby każdy z nich zawierał w sobie 200 ludzi. Większe oddziały nad tę cyfrę są mniej korzystne do obrotów wojennych i trudniejsze do wyżywienia; dlatego też postanowiłem utworzyć w miejsce 2 lub 3 silnych oddziałów mniej licznych chociażby i 10, a utrzymując pomiędzy oddziałami ciągłe stosunki, daleko skuteczniej Moskwę gnębić będzie można. Wydałem też zarządzenie pułkownikowi Wawer-Ramotowskiemu, aby swój oddział rozdzielił przynajmniej na 2 mniejsze i ustawił je w takiej pozycji, aby wzajemnie wspierać się mogły dla alarmowania moskali i niszczenia ich patroli. W pow. Kalwaryjskim jako najmniej lasów posiadającym, sformowanym zostanie oddział kawalerii ze 100 koni złożony, ku czemu pewne już przygotowania tak co do mundurów, uzbrojenia, jako też koni poczyniono. Brak tylko czuć się dotąd daje ludzi specjalnych, lecz kilku oficerów z wojska moskiewskiego obecnie ma przybyć: o dwóch oddziałach egzystujących w Lomżyńskim[3] nie mam dotąd żadnych wiadomości i dlatego wyjeżdżam w tamte strony dla szczegółowego ich zwiedzenia, o czym natychmiast Rządowi Narodowemu doniosę.

W ogóle widzę we wszystkich obozach potrzebę oswojenia młodego żołnierza z ogniem i ośmielenia go do pokonywania moskali. W tym celu wskazałem sposoby urządzania w pewnych punktach szańców, aby szczególniej pierwszy raz młody żołnierz pod zasłoną strzelał do nieprzyjaciela, oraz aby przy zdarzonej sposobności napadać na moskali z nienacka; a przez odniesienie zwycięztwa żołnierz wyrabia w sobie tę odwagę i męstwo, jakie zawsze żołnierz polski posiadał.

Dla ujednostajnienia postępowania we wszystkich obozach wydałem tymczasową instrukcję wskazującą w szczególności obowiązki każdego, zachowanie się, odbywanie marszów, urządzanie szpicy, awangardy i ariergardy i nareszcie postępowanie przy zetknięciu się z nieprzyjacielem w czasie marszu i t. d.

Печать военного начальника Августовского воеводства

НБ ВГУ, А-т. 35, № 6468. Подлинник

ПЕРЕВОД

Военный начальник Августовского воеводства
Национальному правительству

В соответствии с изданными инструкциями направляю рапорт о состоянии лагерей в Августовском воеводстве. Одновременно доношу, что после трех стычек[2] я собрал свой отряд в Августовском повете в Гжендах и сейчас, пока я совершаю объезд

всего воеводства, поручил командование им капитану Брандту, офицеру русских войск. О вооружении и силах как этого, так и других отрядов доношу следующее.

Отряд 1-й в Гжендах

Насчитывает 160 защитников Родины, в том числе офицеров низших званий [...], включая капитана вместе с людьми в обозе,— 10; они имеют достаточный и в полной готовности находящийся запас боеприпасов; огнестрельного оружия: 29 штуцеров, 28 двустволок, 22 одностволки. Остальные временно вооружены косами, сравнительное число которых будет уменьшаться по мере доставки огнестрельного оружия. Кроме этого, имеется 4 револьвера и 11 обычных и короткоствольных пистолетов. До сих пор нет соответствующей одежды, однако обмундирование уже начало поступать. Для разъездов имеется 1 лошадь.

Отряд 2-й в Ганьчанских лесах
под командованием полковника Вавра

Защитников Родины — 513, в том числе:

стрелков	188	вместе с офицерами
косинеров	218	»
резерва	53	»
конных	30	»
ездовых	12	»

В штабе имеется 12 офицеров и чиновников. Отряд имеет 44 лошади.

Отряд 3-й под Бальвежишками
под командованием Каминского

Состоит из 100 рядовых, в том числе 57 стрелков и 43 косинеров, 8 унтер-офицеров, 2 кладовщиков, 2 кашеваров, 3 возчиков, лошадей — 10, седел — 12.

Часть обмундирования для этого лагеря уже заготовлена. Что же касается вооружения, то при соответствующем количестве снаряжения и боеприпасов отряд имеет 40 штуцеров со штыками, 17 двустволок и 50 кос.

Отряд 4-й под Бальвежишками — вспомогательный —
под командованием Сузина

Этот отряд насчитывает свыше 150 человек, вооруженных огнестрельным оружием; в том числе 30 человек штуцерами, до 30 — двуствольными и одноствольными ружьями, а остальные косами. Имеется несколько лошадей для пикетов и соответствующее количество снаряжения. Полагающегося количества одежды и обуви еще нет, однако во всем этом мы уже отчасти приспособились к обстоятельствам.

Отряды 1, 3 и 4 все более увеличиваются с тем, чтобы каждый из них состоял из 200 человек. Более крупные отряды в силу своей недостаточной подвижности не годятся для военных действий, их труднее прокармливать. Поэтому я решил создать вместство двух или трех крупных отрядов до десяти менее многочисленных, и если между отрядами будет налажена теснейшая связь, то можно будет успешнее бороться с русскими войсками. Я приказал также полковнику Вавру-Рамотовскому разделить свой отряд по крайней мере на два менее крупных и разместить их так, чтобы они могли оказывать поддержку друг другу. Для того, чтобы постоянно беспокоить русские войска, истреблять их передовые отряды в Кальварийском повете, в котором по сравнению с другими поветами имеется меньше всего лесов, будет сформирован конный отряд из 100 человек. Для этого уже сделаны некоторые приготовления в части, касающейся обмундирования, вооружения, а также коней. До сих пор только дает

себя чувствовать недостаток специалистов, однако в настоящее время должны прибыть несколько офицеров из русских войск. Относительно двух отрядов, существующих в Ломжинском повете[3], я до сих пор не имею никаких сведений и поэтому выезжаю туда, чтобы на месте хорошо ознакомиться с положением. О результатах поездки незамедлительно сообщу Национальному правительству.

Вообще говоря, я считаю, что во всех лагерях необходимо добиться того, чтобы молодые солдаты привыкли к огню и смелее шли в бой против русских. С этой целью я показал, как следует устраивать в некоторых местах окопы, для того чтобы молодые солдаты, в особенности те из них, которые впервые попадают в бой, могли стрелять в неприятеля из укрытия, а также для того, чтобы в подходящий момент они могли внезапно атаковать русских. Одерживая победы над врагом, солдат воспитывает в себе ту отвагу и то мужество, которые всегда были присущи польскому солдату.

Для унификации правил поведения во всех лагерях я выпустил временную инструкцию, в которой, в частности, указаны обязанности каждого: как вести себя, как совершить переход, организовать головную походную заставу, авангард и арьергард, наконец, как вести себя в случае столкновений с неприятелем на марше и т. д.

[1] *Датируется по содержанию.*

[2] *А. Андрушкевич прибыл в воеводство в двадцатых числах марта (начале апреля н. ст.) 1863 г. и принял команду над одним из отрядов в Мариампольском у. Возглавляемый им отряд имел стычки с царскими войсками 28 марта (9 апреля) под Лекайцами (Сапежишками) в Мариампольском у., 7 (19) апреля — под Ястшембной и 11 (23) апреля — под Чарным Бродом в Августовском у.*

[3] *В мае 1863 г. в Ломжинском у., в окрестностях Тыкоцина, сформировался отряд численностью до 400 человек. Одной частью отряда командовал Дзвонковский, другой — б. офицер Шаецкий или Шаевский. По вине Шаецкого часть отряда, находившаяся под его командой, была уничтожена царскими войсками 16(28) мая 1863 г. близ дер. Шлясы-Липпо. См. S. Chankowski. Z dziejów roku 1863 w Łomżyńskiem.— «Rocznik białostocki», t. IV. Białystok, 1963, str. 140.*

147

1863 г. мая 17(29).— Представление П. Сузина А. Андрушкевичу о присвоении воинского звания начальнику косинеров Т. Нешокоцю

Upraszam szanownego naczelnika o nadanie rangi stosownej naczelnikowi kosynierów Telesforowi Nieszokoc[iowi], obecnie zostającemu w moim oddziale, a b. oficerowi w armii Langiewicza, którego uważam za bardzo zdolnego człowieka i przytomnego w bitwie, na co dał dowód w potyczce pod Budą [1]. Nie przedstawiłem go jednocześnie z tamtemi szanownemu naczelnikowi dla tego, że miałem na celu osobiście o nim pomówić z szanownym naczelnikiem.

Dowódca 4 oddziału P. Suzin

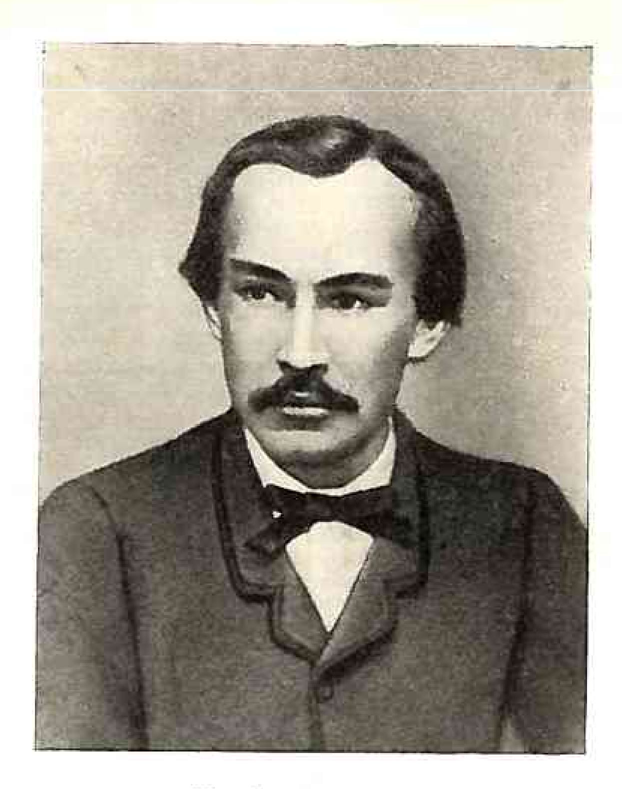
1863 г. 29 maja

Печать командира 4-го отряда Августовского воеводства

НБ ВГУ, А-т. 35, № 6465. Подлинник

ПЕРЕВОД

Прошу уважаемого начальника присвоить соответствующее звание начальнику косинеров Телесфору Нешокоцю, в настоящее время состоящему в моем отряде, а в прошлом офицеру армии Лянгевича, которого я считаю весьма способным чело-

Телесфор Нешокоць

веком, сохраняющим хладнокровие и присутствие духа в бою, что он доказал в стычке под Будой [1]. Не представил его уважаемому начальнику вместе с другими потому, что имел в виду особо напомнить о нем уважаемому начальнику.

Командир 4-го отряда П. Сузин

29 мая 1863 г.

[1] *Бой под Будой в Мариампольском у. произошел 11(23) мая 1863 г.*

148

1863 г. мая 24, Ковно.— Рапорт начальника войск 1-го отдела Ковенской губ. и Мариампольского у. А. Ф. Лихачева М. Н. Муравьеву о необходимости рассмотрения следственных дел по северной части Августовской губ. в гор. Ковно

По распоряжению е. выс. наместника Царства Польского все политические преступники, задерживаемые высылаемыми мною отрядами в Мариампольский и Калварийский уезды, должны быть отправляемы для дознания их виновности в следственную комиссию, учрежденную в гор.

Сувалках. Сколько мне известно, комиссия эта, придерживаясь юридических форм, не применимых в деле народной войны, никого еще не нашла виновным из предъявленных мною возмутителей народа или содействующих мятежникам имуществом своим и разного рода услугами. Притом отдаленность этой комиссии от гор. Ковно не позволяет отправлять преступников в Сувалки тотчас по арестовании их, так как для этого требуется по настоящим обстоятельствам значительный конвой, который не всегда можно назначить за недостатком войск.

Начальники мятежнических шаек вполне воспользовались такой медленностью и сложностью юридической процедуры с возмутителями народа и, действуя решительно по весьма краткому кодексу революционного комитета, успели навести панический страх на всех жителей, сделать их беспрекословными исполнителями своих приказаний и, разъединив совершенно народ с правительством, лишили войска возможности иметь сколько-нибудь определительные сведения о притонах мятежников. С каждым днем пределы законной власти суживаются и власть революционного комитета становится могущественнее. Люди, заявлявшие малейшую преданность правительству и исполняющие его приказания, немедленно подвергаются казни. Покорясь чувству самосохранения, большинство сельского населения пристает к мятежу; даже отставные солдаты, в преданности которых правительству я имел случай неоднократно убеждаться в начале возмущения, начинают присоединяться к мятежникам. Все помещики, зажиточные шляхтичи и должностные земской полиции, пользуясь тем, что жители, запуганные мятежниками, боятся засвидетельствовать содействие их мятежу, продовольствуют, комплектуют, укрывают и перевозят в случае надобности мятежников с одного притона в другой и таким образом парализуют совершенно все военно-административные распоряжения. Духовенство же, прикрываясь насилием мятежников, провозглашает в костелах революционные прокламации, волнующие народ религиозными софизмами и коммунистическими соблазнами.

Соображаясь с таким положением дел, до крайности затрудняющим успех военных действий, я признал необходимым помещика Сабаневича, вержболовского кс. Сеньковского и гминного войта м. Появонь Нагорновского, как самых влиятельных деятелей возмущения в западной части Неманского прибрежья Мариампольского у., содержать арестованными в Динабургской крепости впредь до разрешения их участи е. и. выс. наместником Царства Польского, которому я доношу о причинах, побудивших меня сделать эти распоряжения, и о доводах, подтверждающих усиленное содействие этих лиц мятежу. Помещик Сабаневич и кс. Сеньковский были предъявлены мною Сувалкской следственной комиссии еще в январе месяце как возмутители народа, с представлением тому доводов, но следствия о их преступных действиях до сих пор еще не было произведено, и, оставаясь на свободе, они ретивее прежнего, первый своим имуществом, а второй — проповедью, содействуют возмущению.

Донося об этом в. вп., имею честь испрашивать, не изволите ли признать возможным, чтоб дела о всех политических преступниках, задерживаемых отрядами, посылаемыми мною в северную часть Августовской губ., подчиненную вам в военном отношении, рассматривались в следственной и военно-судной комиссиях, учрежденных в Ковно, и разреша-

лись на основании высочайше утвержденных правил, переданных мне в предписании в. вп. от 15 мая за № 159[1].

Ген.-лейтенант Лихачев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 469, лл. 1—3. Подлинник

[1] *Письмом от 27 мая 1863 г. М. Н. Муравьев разрешил рассматривать дела об участниках восстания по Мариампольскому у. в следственной и военно-судной комиссиях в гор. Ковно (см. там же, л. 7).*

149

1863 г. мая 29 (июня 10).— Рапорт войта Вейсейской гм. Сейненского у. Плащинского начальнику Сейненского у. о невозможности исполнять служебные обязанности в связи с угрозами повстанцев

Donieść niniejszym mam honor po raz drugi, że przez wieś Wejsieje przeszła partia powstańców dobrze uzbrojona i codziennie żołnierze polscy pojawiają się. Podczas przechodu zabrali orła. Nazwisko dowódcy partii wiadome nie jest; przechodzący i przejeżdżający są uzbrojeni w broń odpowiednio regularnym żołnierzom.

Podczas przechodu ogólnego zagrozili pod karą śmierci nie wypełniać rozkazów władzy dotychczasowej i za niewypełnianie rozkazów przez nich wydawanych. A że będąc przekonanym z pism publicznych i wiadomości prywatnych, że powstańcy za niewypełnienie swych rozkazów natychmiast śmiercią karzą, czynię ostateczne doniesienie; a na przyszłość, jako nie mając zabezpieczenia życia, donosić nie będę w możności.

Proszę przeto władzy, aby mnie miała za wytłómaczonego, gdyż z okoliczności wypada, że pomimo 50-letniej służby nieskazitelnej zrzec się raczej urzędowania i postradać w 73 roku życia kawałka chleba z familią, niż zakończyć życie haniebnie.

Nadmieniam przytem, że pod dniem 6 b. m. i r. N. 506 posłaniec z raportami niniejszego doniesienia wysłany dotąd nie wrócił; dlatego powtórnie mam honor donieść.

Płaszczyński

AGAD, Rząd Gub. Aug., vol. 1, k. 73. Подлинник

ПЕРЕВОД

Настоящим честь имею повторно сообщить, что через дер. Вейсее прошла хорошо вооруженная партия повстанцев и ежедневно появляются польские солдаты. Повстанцы, проходя через деревню, захватили орла[a]. Имя командира партии неизвестно, проходящие и проезжающие люди вооружены, как солдаты регулярной армии.

Проходя через деревню, они пригрозили, что выполнение приказов прежней власти и невыполнение приказов, издаваемых ими, будет караться смертью. Поскольку из газет и частных источников мне известно, что повстанцы за невыполнение своих приказов карают на месте смертью, пишу рапорт в последний раз. В будущем, поскольку моей жизни угрожает смертельная опасность, не буду в состоянии посылать донесения.

---

[a] *Т. е. герб Королевства Польского.*

Прошу признать мои объяснения удовлетворительными, так как в противном случае мне придется (невзирая на пятидесятилетнюю безупречную службу) предпочесть отказаться от должности и лишиться на 73-м году жизни куска хлеба, чем подвергнуться позорной смерти.

Присовокупляю при этом, что нарочный, который был послан с рапортом за № 506 6 сего месяца и года, еще не вернулся, поэтому честь имею повторно направить вам настоящее донесение.

Плащинский

150

1863 г. июня 6(18), Варшава.— Сообщение Национального правительства А. Андрушкевича о назначении Ю. Пётровского организатором вооруженных сил Августовского воеводства [1]

Rząd Narodowy

Wydział wojny
Nr 118/54
w Warszawie, d. 18 czerwca 1863

Do Naczelnika wojskowego
województwa Augustowskiego
pułkownika Andruszkiewicza

Obywatelu!

Zawiadamiamy Was niniejszem o zamianowaniu ob. Piotrowskiego, byłego kom[isarza] Rz[ą]du N[arodowe]go w województwie Augustowskiem organizatorem sił zbrojnych województwa tegoż. Instrukcję odpisaną tymczasowo dla najprędszego wprowadzenia jej w wykonanie daliśmy na ręce ob. Piotrowskiego który Wam ją zakomunikuje, a jak [a] tylko wylitografowaną zostanie — natychmiast ją Wam przeszlemy.

Zajmiecie się Pułkowniku z ob. Piotrowskim wyprawą 5[ciu] oddziałów w kierunku i celu, jaki Wam oddawca ustnie opowie. Sami zaś zostaniecie nadal w województwie i wraz z organizatorem w[ojewódz]twa jak najszybciej można nowych 5 przygotujecie oddziałów.

Szajewskiego, b. oficera wojsk moskiewskich, b. instruktora wojsk powstańczych, niezwłocznie oddać pod sąd wojenny i jeśli okaże się winnym, ukarać [2]. Zawiadomić pułkownika Wawra, żeby się nie tytułował naczelnikiem sił zbrojnych wojewódz[twa] Augustowskiego, a naczelnikiem oddziału którym dowodzi.

Zawiadomić, czy w którym z oddziałów pod Waszem dowództwem zostających nie znajdzie się Konstanty Zapaśnik, b. uczeń Uniw[ersytetu] Petersburskiego, rodem z Warszawy.

Печать Национального правительства
Печать Военного отдела Национального правительства

НБ ВГУ, А-т. 35, № 6470. Подлинник

---

[a] *В тексте* jak *повторено дважды.*

ПЕРЕВОД

Национальное правительство

Военный отдел
№ 118/54

Военному начальнику Августовского воеводства
полковнику Андрушкевичу

Варшава, 18 июня 1863 г.

Гражданин, настоящим извещаем вас о назначении гражданина Пётровского, б. комиссара Национального правительства в Августовском воеводстве, организатором вооруженных сил того же воеводства. Копия инструкции, переписанная пока от руки, чтобы ее можно было поскорее провести в жизнь, вручена нами гражданину Пётровскому, который познакомит вас с ней, а как только она будет отпечатана литографским способом, мы сразу же пришлем вам ее.

Совместно с гражданином Пётровским займитесь, полковник, отправкой 5 отрядов в направлении и с задачей, о которых податель сего доложит вам устно. Сами же и в дальнейшем оставайтесь в воеводстве и совместно с организатором воеводства по возможности скорее подготовьте 5 новых отрядов.

Шаевского, б. офицера русских войск, б. инструктора повстанческих войск, немедленно предать военному суду и, если он окажется виновным, осудить [2]. Уведомить полковника Вавра, чтобы он именовал себя не начальником вооруженных сил Августовского воеводства, а начальником отряда, которым он командует.

Сообщите, не находится ли в одном из отрядов, состоящих под вашим командованием, Константый Запасник, б. студент Петербургского университета, родом из Варшавы.

[1] *Как явствует из уведомления Ю. Пётровского А. Андрушкевичу от 16(28) июля 1863 г. (там же, № 6400), он был назначен организатором вооруженных сил Августовского воеводства для осуществления предложенной им и санкционированной Национальным правительством* экспедиции августовских отрядов в Литву (*о плане посылки крупных отрядов из Августовского воеводства в Ковенскую и Гродненскую губернии см.: О. Авейде. Указ. соч., стр. 598, 599*). «Поскольку этот проект не осуществляется,— *писал Пётровский в указанном выше уведомлении*,— я, представив Национальному правительству на свое место гражданина Суминского, одновременно передаю ему свои обязанности и оставляю воеводство». *Вскоре после этого Пётровский выехал в Варшаву и в сентябре вошел в состав Национального правительства. Комиссаром Августовского воеводства был назначен брат О. Авейде Артур, который в августе 1863 г. погиб. После А. Авейде комиссаром был Бронислав Радишевский.*

[2] *О Шаевском см. прим. 3 к док. 146.*

151

1863 г. июня 15(27).— Рапорт начальника Мариампольского у. августовскому губернатору Ю. Корытковскому о появлении крупного отряда повстанцев в гор. Бальвежишки

Burmistrz miasta Balwierzyszek dwoma raportami z dnia 5(17) bm. za Nr. 1013 i z. dn. 6(18) bm. Nr. 1014 w dniu dzisiejszym do Biura powiatu doszłemi donosi, że w dniu 4(16)bm. znaczny oddział powstańców, liczbą trudno oznaczyć się dający, ale mogący być złożony przeszło z 600 ludzi, przechodził przez tameczne miasto traktem do miasta Pren; że w czasie przejścia w miejscowym magistracie zabrano bęben policyjny i że wydano pokwitowanie pisemne pieczęcią i podpisem Skłodowskiego adiutanta zaopatrzone [1]. Dalej donosi, że raport powyższy zmuszony był wysłać pocztą z Pren odchodzącą, gdyż umyślnymi posłaniami nie może raportów wysyłać; bowiem wedle przekonania burmistrza powstańcy mają rozstawione po

drogach straże i wszelkie korespondencje przejmują, a nad donoszącymi mszczą się. W końcu, że obóz powstańców ma być założony w lasach Balwierzyszkowskich.

Drugim zaś raportem donosi, że o godz. 10 w nocy z dnia 5(17) na 6(18) bm. sztabs-kapitan Kułakow z oddziałem piechoty 2 i 3 roty z Symbirskiego pułku, półszwadronem huzarów Sumskiego pułku przybył do Balwierzyszek i złączywszy się z nadeszłymi jeszcze trzema rotami piechoty i znacznej ilości kawalerii oraz dwoma działami pod dowództwem nieznajomego z nazwiska pułkownika, udali się do lasów Balwierzyszkowskich dla prześladowania powstańców, o czym Jaśnie Wielmożnemu Gubernatorowi mam honor zaraportować[a].

AGAD, Rząd Gub. Aug., vol. 1, k. 50. Подлинник

ПЕРЕВОД

Бургомистр гор. Бальвежишки двумя рапортами — за № 1013 от 5(17) сего месяца и № 1014 от 6(18) сего месяца, полученными сего дня уездной канцелярией, доносит, что 4 (16) сего месяца через означенный выше город по шоссейной дороге в направлении гор. Прены проходил крупный отряд повстанцев, численность которого с трудом поддавалась подсчету, но, по-видимому, превышала 600 человек. При проходе через город повстанцы захватили в местном магистрате полицейский барабан, выдав расписку с печатью и за подписью адъютанта Склодовского[1]. Далее бургомистр доносит, что означенный рапорт он вынужден был выслать почтой, отходящей из Прен, так как нарочными рапорты высылать не может, поскольку, по убеждению бугромистра, повстанцы по дорогам выставили дозоры и перехватывают всю почту, а доносчиков наказывают. В заключение он сообщает, что лагерь повстанцев расположен в Бальвежишских лесах.

Из второго рапорта следует, что в ночь с 5(17) на 6(18) сего месяца, в 10 час., штабс-капитан Кулаков с отрядом пехоты, состоящим из 2-й и 3-й роты Симбирского полка и полуэскадрона гусар Сумского полка, прибыл в Бальвежишки и, соединившись с прибывшими также 3 ротами пехоты, крупным отрядом кавалерии, а также 2 пушками под командованием полковника, фамилия которого неизвестна, направился в Бальвежишские леса преследовать повстанцев.

О чем честь имею донести е. п. губернатору.

[1] *Речь идет, по-видимому, об отряде П. Сузина, который в середине июня н. ст. совершил передвижение от Лоздзей к Пренам, где переправился через Неман. 8(20) июня, возвращаясь вновь из Виленской губ. в Августовскую, отряд имел стычку под Олитой. См. док. 152.*

152

1863 г. июня 28 (июля 10), Сувалки.— Донесение Ю. Корытковского главному директору правительственной комиссии внутренних дел А. Островскому о действиях повстанческих отрядов в губернии

Donieść mam zaszczyt JW Dyrektorowi Głównemu o następujących szczegółach stanu spokojności wewnętrznej guberni dotyczących:

Z pow. Mariampolskiego naczelnik tego powiatu pod dn. 14(26) czerwca r. b. Nr. 8141 zaraportował, że w d. 12(24) b. m. o godzinie 4 po po-

[a] *Подпись неразборчива.*

łudniu przybył do m. Sapieżyszek drogą od Wejwer wiodącą znaczny zbiór powstańców z kilkuset ludzi złożony, gdzie ciż powstańcy zniszczyli herb królewski przy magistracie będący, zabrali z kasy miejskiej kwotę rs. 7 k. 34½ oraz papiery kasowe, jako to: kwitariusze, upoważnienia, rozkłady wszelkie, kwity i dowody poniszczyli, a następnie oddalili się drogą ku miastu Szakom. Wedle następnego raportu rzeczonego naczelnika p[owia]tu z d. 19(1) bm. Nr. 8312 ci sami powstańcy przechodzili przez gminę Dobrowola i udali się w lasy leśnictwa Pilwiszki do strony wileńskiej. Dalej tenże n[aczelni]k pod d. 24(6) bm. Nr. 8512 donosi, że w d. 23(5) b. m. około godz. 4 z południa przybyło do wsi Gudele w gm. Balwierzyszki siedem furmanek z powstańcami uzbrojonymi, wiozącymi bagaże w workach opakowane, lecz co w tych workach było — nie wiadomo. Powstańców na każdej furze miało znajdować się od 4 do 5, którzy pod karą śmierci kazali sobie dostarczyć z tejże wsi siedem świeżych furmanek, na które przeładowawszy swoje rzeczy, odjechali ku wsi Dzingiszkom w pow. Kalwaryjski.

Następnymi raportami z d. 18(30) czerwca r. b., z d. 19(1) i 24(6) b. m. Nr. 8203, 8319 i 8508 tenże naczelnik p[owia]tu podaje wiadomość o aresztowaniach przez wojsko dokonanych:

a) mianowicie że w nocy z d. 19 na 20 czerwca odbytą została przez przybyłego z Kibart porucznika Webłowa łącznie ze strażą graniczną rewizja w mieszkaniu Daniłowicza, lekarza m. Władysławowa, gdzie bawiącego czasowo na kuracji Kamińskiego, administratora dóbr Zyple do pani Kuczyńskiej należących, aresztowano i odwieziono do Kibart; przyaresztowano również znalezionych tam p. Zielińskiego, właściciela dóbr Kotowszczyzny i rządcę Mejznera; lecz ci ostatni z Kibart uwolnieni, a Kamiński pod strażą do Kowna odesłany został.

b) Że w d. 12(24) z. m. oddział wojska pod dowództwem kapitana Bielaka z niewiadomej przyczyny przyaresztował i zabrał z sobą burmistrza [...][a] Rumszewicza i kancelistę tamecznego magistratu Kotłońskiego, z powodu czego kasa miejska czasowo poruczoną została p. Koch, nauczycielowi szkoły elementarnej miejscowej. Zanim zaś stałe zastępstwo urządzone nie zostanie, obowiązki burmistrza polecił n[aczelni]k spełniać wójtowi gm. Giełgudyszki, przedstawiając potrzebę odniesienia się do władzy naczelnej wojskowej o powstrzymanie aresztowań urzędników kaucjonowanych, pieniądze skarbowe w swym ręku posiadających, bez zniesienia się z ich bezpośrednią władzą.

c) Że w d. 3 b. m. przybyły z Kowna do wsi Godlewa oddział wojska przyaresztował wójta gm. Freda Winklera Józefa i koleją żelazną do m. Kowna odstawił.

Wreszcie z raportu tegoż n[aczelni]ka daty 25(7) b. m. Nr. 8493 okazuje się, że Jan Szałnajkis o kradzież i włóczęgostwo obwiniony a przy karcie drożnej wójta gm. Freda do sądu okręgowego w Mariampolu odsyłany, na stacji Dębowa Buda niedaleko wsi Surgucie od dwóch wartownych przez czterech powstańców odebrany został, którzy zabrali również kajdany i pieniądze do aresztanta należące w kwocie rs. 2 k. 45 ½, udzielając na karcie drożnej ołówkiem pokwitowanie z odbioru aresztanta.

Nakoniec wójt g. Kwieciszki z tegoż p[owia]tu pod 24(6) b. m. Nr. 1063 bezpośrednio donosi, że d. 22(4) b. m. znaleziony został człowiek powie-

[a] *Текст не разобран.*

szony przy trakcie bitym Kowieńskim między wierstą 13 a 14-tą na drzewie grabowym z napisem «Jerzy Papeczkis za kradzież». Człowiek ten pochodzi z wsi Puskielnie gm. Kwieciski; miał prowadzić życie naganne i utrzymywać się z kradzieży, kto zaś był sprawcą tego morderstwa — nie wiadomo; sąd właściwy zajmuje się wyprowadzeniem pod tym względem śledztwa.

Z pow. Kalwaryjskiego. Wójt gm[iny] Pojewoń pod d. 21 (3) b. m. Nr. 578 zaraportował, że poprzedzającej nocy około godz. 12-tej niewiadoma liczba ludzi uzbrojonych naszła na mieszkanie Tomasza Podziunasa gospodarza z wsi Pojewoń lat 50 liczącego i tegoż wraz z żoną jego Magdaleną przemocą uprowadziwszy, przy trakcie z Kalwarii do Wisztyńca prowadzącym powiesiła; prócz tego spalone zostały przez jednoczesne podłożenie ognia wszystkie budowle do własności małżonków Podziunasów należące a na rs. 740 ubezpieczone, które z inwentarzami żywymi i martwymi oraz wszelkimi sprzętami zgorzały. Przez kogo oraz z jakiego powodu czyny powyższe dokonane zostały — nie wiadomo mu, o wyprowadzenie zaś śledztwa sąd właściwego okręgu jest wezwany.

Z tegoż powiatu burmistrz m. Olity pod 13(25) czerwca Nr. 535 donosi, że d. 20 b. m. przeprowadziła się z tamtej strony Niemna partia powstańców w liczbie do tysiąca ludzi, a po krótkim wypoczynku oddaliła się w lasy obrębu Olita [1]. W ślad za nimi przybyły do m. Olity za Niemnem w Cesarstwie położonego oddziały wojsk i zeszedłszy na brzeg rzeki wołali burmistrza, który gdy przybył, pytano się gdzie są powstańcy, a po odebraniu odpowiedzi że wystąpili do lasu, kazano podać czajkę na drugą stronę Niemna. Kiedy usiadło do czajki dwóch mieszkańców dla wyprowadzenia jej na drugi brzeg, padło kilkanaście strzałów od powstańców do wojska [...] [a] burmistrz i ludzie z czajki do domów wrócili. Rozpoczał się więc ogien po obu stronach brzegów Niemna, a burmistrz, dowiedziawszy się że jest poszukiwany przez powstańców [za] rozkaz podania czajki wojsku, ratował się ucieczką. Nazajutrz wojska przeprawiły się przez Niemen i zajęły miasto, a nastepnie udały się w pogoń za powstańcami traktem do Serej, a po stoczonej walce pod Staniszkami następnego dnia wróciły i przeprawiły się za Niemen. W nocy zaś tego samego dnia miały przyjść z tegoż oddziału wojska komendy, które u burmistrza miały zabrać odzież, bieliznę i zapasy żywności, co także miało mieć miejsce i u innych mieszkańców z pow. Sejneńskiego.

Raport wójta gm. Sereje pod d. 10(22) czerwca r. b. Nr. 997 złożony objaśnia, że dnia poprzedniego powstańcy stoczyli bitwę z oddziałem wojska jak wyżej przez [...] [a] nadeszłym w lesie leśnictwa Sereje w bliskości urzędu [...] [a] tegoż nazwiska, karczmy Pokulanka i wsi Staciszki położonych. Po bitwie znaleziono na placu boju 34 ciał powstańców, które następnego dnia pogrzebano. Straty wojska wiadome nie są, gdyż te poległych i rannych z sobą zabrać miało [2]. Skutkiem tej walki miały ulec spaleniu karczma Pokulanka i wszystkie zabudowania do pięciu gospodarzy wsi Staciszki należące, razem na rs. 1460 ubezpieczone; prócz tego straty pogorzelców w ruchomościach i [od] zabranych w części od włościan przez wojsko przedmiotów podane są na rs. 6370. Z okazji tej nadleśniczy nadleśnictwa Sereje Świątkowski miał doznać obelg osobistych i całe mienie utracić, a nadto papiery rządowe i kasę, jak urząd leśny przedstawia, zniszczenie spotkało.

---

[a] *Текст не разобран.*

Z tegoż powiatu wójt gm. Berzniki pod d. 14 (26) czerwca r. b. Nr. 401 doniósł, że dnia poprzedniego o godz. 6 wieczorem przybyła partia powstańców do lasów przyległych; w odległości 7 wiorst od wsi Berzniki na trakcie z Kopciowa do Sejn spotkała się z przechodzącym oddziałem wojska pod dowództwem majora Jarmolińskiego z Symbirskiego pułku piechoty, a po krótkiej utarczce w lesie powstańcy wyparci na pola wsi Berzniki żytem zasiane, atakowani byli przez drugi oddział wojsk, naówczas w Berznikach znajdujących się. W skutek tego zajścia major Jarmoliński wezwał wójta o odszukanie zabitych oraz innych z obu stron i pogrzebania pierwszych; który dopełniwszy rewizji na polach gdzie miało miejsce spotkanie, wynalazł sześciu zabitych powstańców z nazwiska nieznanych, których zwłoki po obejrzeniu przez sąd zostały pogrzebane, dwóch zaś ciężko rannych odkryto, z których jeden przez wojsko do zakładu w Sejnach odwieziony, a drugi znajduje się pod dozorem; obaj z nazwiska wójtowi niewiadomi. Zabitych ze strony wojska nie znaleziono; tylko dostrzeżona została świeżo usypana mogiła, w której, jak wójt mniema, muszą być pochowani polegli żołnierze; ranny ze strony wojska miał być jeden żołnierz. Nie jest także wójtowi wiadomo, przez kogo powstańcy byli przywodzeni i co się z nimi stało po odbytej utarczce.

Dalej o przejściu powstańców w d. 11(23) przez dwór Lejpuny raportuje wójt gminy tegoż nazwiska pod d. 14(26) b. m. Nr. 612, że ci w dość znacznej liczbie przybyli traktem od Serej, a udać się mieli na Sejny, zastrzegając pod karą śmierci niewypełnianie rozkazów władz i niedonoszenie o ich obrotach.

W końcu z tegoż powiatu od wójta gminy Kadaryszki otrzymałem doniesienie daty 4 b. m. Nr. 978 o znalezieniu zwłok powieszonego w lesie strzelca obrębu Poszeszupie w leśnictwie Puńsk, Jerzego Kuprajkisa, sprawców śmierci którego oraz przyczyn sąd właściwy dochodzi.

AGAD, Rząd Gub. Aug., vol. 1, k. 76—81. Подлинник

ПЕРЕВОД

Честь имею донести е. п. главному директору о следующих подробностях касательно внутреннего состояния губернии.

Из Мариампольского у. начальник сего уезда рапортом за № 8141 от 14 (26) июня с. г. донес, что 12 (24) сего месяца в 4 час. пополудни в гор. Сапежишки дорогой, ведущей от Вейвер, прибыл крупный отряд повстанцев численностью в несколько сот человек. Повстанцы уничтожили королевский герб на магистрате, захватили в городской кассе сумму в 7 руб. 34 $^1/_2$ коп., а кассовые документы, как-то: квитанционные книжки, доверенности, расписания, различные квитанции и удостоверения — уничтожили, после чего удалились в направлении к гор. Шаки. Согласно следующему рапорту означенного начальника уезда за № 8312 от 19 июня (1 июля), те же повстанцы проходили через Добровольскую гм. и направились в леса Пильвишского лесничества в сторону Вильно.

Далее тот же начальник за № 8512 от 24 июня (6 июля) доносит, что 23 июня (5 июля) около 4 час. дня в дер. Гудели Бальвежишской гм. прибыли 7 подвод с вооруженными повстанцами, которые везли какие-то грузы, запакованные в мешки, но что находилось в этих мешках, неизвестно. На каждой подводе находилось от 4 до 5 повстанцев, которые под страхом смерти приказали доставить из той же деревни 7 новых подвод, на которые они и перегрузили свои вещи и выехали к дер. Дзингишки в Кальварийский у.

В следующих своих рапортах от 18 (30) июня, 19 июня (1 июля) и 24 июня (6 июля) за № 8203, 8319 и 8508 тот же начальник уезда сообщает об арестах, произведенных войсками:

a) Именно в ночь с 19 на 20 июня прибывшим в гор. Владиславово из Кибарт поручиком Вебловым совместно с пограничной стражей был произведен обыск в квартире врача Даниловича, в которой был арестован и вывезен в Кибарты проживавший там временно на излечении администратор принадлежащего г-же Кучинской им. Зипли Каминский. Были также задержаны обнаруженные там же г. Зелинский, собственник им. Котовщизна, и управляющий Мейснер, причем последние были из Кибарт освобождены, а Каминский под стражей отослан в Ковно.

b) 12 (24) сего месяца военный отряд под командованием капитана Беляка по неизвестной причине задержал и захватил с собой бургомистра [...] [a] Румшевича и писаря местного магистрата Котлонского, вследствие чего городская касса была временно поручена г. Коху, учителю городской начальной школы. До тех пор, пока не будет назначен постоянный заместитель, начальник поручил выполнять обязанности бургомистра войту Гельгудишской гм. При этом он заявил свое мнение о необходимости обратиться к высшим военным властям с просьбой воздержаться от ареста внесших залог должностных лиц, имеющих на руках казенные деньги, без согласования с их непосредственным начальством.

c) 3 сего месяца военный отряд, прибывший из Ковно в дер. Годлево, арестовал войта гм. Фреда Винклера Юзефа и по железной дороге доставил его в гор. Ковно.

Наконец, из рапорта того же начальника за № 8493 от 25 июня (7 июля) видно, что Ян Шалнайкис, который обвинялся в краже и бродяжничестве и войтом Фредской гм. направлялся с подорожной по этапу в окружной суд в Мариамполь, на ст. Дембова Буда, недалеко от дер. Сургути, был отобран от двух конвойных четырьмя повстанцами, которые захватили также кандалы и принадлежащие арестованному деньги в сумме 2 руб. 45½ коп., расписавшись на подорожной карандашом в принятии арестованного.

Наконец, войт Кветишской гм. того же уезда за № 1063 от 24 июня (6 июля) непосредственно сообщает о том, что 22 июня (4 июля) на Ковенском шоссе между 13-й и 14-й верстой был обнаружен человек, повешенный на грабе с надписью «Ежий Папечкис за кражу». Этот человек, родом из дер. Пускельни Кветишской гм., вел порочную жизнь и жил кражами. Кто совершил это убийство — неизвестно. Соответствующий суд проводит следствие в этом направлении.

Из Кальварийского у. войт Поевонской гм. рапортом за № 578 от 21 июня (3 июля) донес о том, что прошлой ночью, около 12 час., отряд вооруженных людей неизвестной численности напал на дом Томаша Подзюнаса, крестьянина из дер. Поевони, 50 лет, и тогда же, силой выведя его вместе с его женой Магдалиной, повесил на шоссе, которое ведет из Кальварии в Виштынец. Кроме того, одновременно были подожжены все строения, принадлежащие чете Подзюнасов и застрахованные на 740 руб. сер., которые и сгорели вместе со всем живым и мертвым инвентарем и различными орудиями. Кем и по какой причине были совершены указанные выше действия, ему неизвестно. Соответствующему Окружному суду предложено произвести следствие.

Бургомистр гор. Олиты того же уезда за № 835 от 13 (25) июля доносит, что 20 сего месяца с той стороны Немана переправился отряд повстанцев численностью до тысячи человек и после краткого отдыха направился в леса Олитского округа [1]. Вслед за ними в гор. Олиту, расположенный за Неманом, в Империи, прибыли воинские отряды, которые, сойдя на берег реки и вызвав бургомистра, спросили его, где находятся повстанцы. По получении ответа, что они направились в лес, было приказано подать лодку на другую сторону Немана. Когда в лодку сели два местных

[a] *Текст не разобран.*

жителя, чтобы проводить ее на другой берег, повстанцы произвели несколько выстрелов в войска [...] [a] бургомистр и люди, которые находились в лодке, вернулись домой. Началась перестрелка по обе стороны Немана. Бургомистр, узнав, что повстанцы разыскивают его за приказание подать лодку для войск, спасся бегством. На следующий день войска переправились через Неман и заняли город, а потом отправились в погоню за повстанцами по шоссе в направлении Серей и после боя под Станишками на следующий день вернулись и переправились за Неман. Ночью того же дня из того же отряда войск прибыли команды, которые забрали у бургомистра и у других жителей Сейненского у. одежду, белье и запасы продовольствия.

Согласно рапорту войта Серейской гм. за № 997 от 10 (22) июня с. г., повстанцы за день до этого имели стычку с военным отрядом, как выше [...] [a] в лесу Серейского лесничества поблизости [...] [a] управления того же названия, корчмы Покуланка и дер. Стацишки. После стычки на поле боя обнаружено 34 убитых повстанца, которые были на следующий день похоронены. Потери войск неизвестны, так как убитых и раненых они забрали с собой [2]. При этой стычке были сожжены корчма Покуланка и все строения, принадлежащие 5 крестьянам дер. Стацишки, которые были застрахованы на общую сумму 1460 руб. сер. Кроме того, убытки погорельцев в движимом имуществе и вследствие изъятия войсками у некоторых крестьян разных вещей исчисляются в сумме 6370 руб. При этом старший лесничий Серейского лесничества Свентковский подвергся личным оскорблениям и потерял все имущество. Кроме того, как сообщает лесное управление, были уничтожены казенные документы и касса.

Войт Берзникской гм. того же уезда за № 401 от 14(26) июня с. г. донес, что за день до этого, в 6 час. вечера, в соседние леса прибыла партия повстанцев. В 7 верстах от дер. Берзники на дороге из Копцева в Лейны она встретилась с проходившей воинской частью под командованием майора Ярмолинского, из Симбирского пехотного полка, и после краткой стычки в лесу повстанцы, вытесненные на засеянные рожью поля дер. Берзники, были атакованы другой воинской частью, находившейся в то время в Берзниках. В связи с этой стычкой майор Ярмолинский велел войту разыскать убитых и раненых с обеих сторон и похоронить первых. Войт, после поисков на полях, на которых произошла стычка, обнаружил 6 убитых повстанцев, неизвестных по фамилии, тела которых после осмотра судом были похоронены. Были также обнаружены двое тяжелораненых, один из которых был привезен войсками в Сейнскую больницу, а другой находится под присмотром. Оба они войту по фамилии неизвестны. Убитых со стороны войск не обнаружено, лишь была отмечена свежезасыпанная могила, в которой, по мнению войта, должны быть похоронены солдаты, а ранен со стороны войск, по-видимому, 1 солдат. Неизвестно также войту, кто командовал повстанцами и что с ними стало после происшедшей стычки.

Далее о прохождении повстанцев через им. Лейпуны 11(23) сего месяца рапортует войт гмины того же названия за № 612 от 14(26) сего месяца. Повстанцы, которых было довольно много, прибыли по Серейскому шоссе и направились, по его словам, по направлению к Сейнам, приказав, под страхом смерти, не выполнять приказов властей и не доносить об их передвижении.

В заключение сообщаю, что получил из того же уезда от войта Кадаришской гм. донесение за № 978 от 4 сего месяца об обнаружении тела повешенного в лесу стрелка Пошешупского округа Пуньского лесничества Ежия Купрайкиса, об обстоятельствах смерти которого производится соответствующим судом следствие.

[1] *Речь идет об отряде П. Сузина (см. прим. к док. 151).*

[2] *Имеется в виду бой под Страгишками в Сейненском у. 9(21) июня 1863 г. В числе убитых повстанцев был и командир отряда Сузин.*

---

[a] *Текст не разобран.*

153

1863 г. июля 3(15).— Записка помощника комиссара Августовского воеводства М. Акелайтиса военному начальнику воеводства А. Андрушкевичу о беспорядках в повстанческом отряде де Виннена [1]

Panie naczelniku!

Dla dobra ogólnego racz panie pułkowniku odjąć komendę panu de Vinnen, a oddział jego wcielić do drugiego, lub mu dać innego, zdolniejszego dowódcę, któryby potrafił utrzymać żołnierza w rygorze i przysposobić go na pożytek Ojczyźnie. Dotychczasowe nieporządki zaszłe w oddziale de Vinnen pochodzą z winy samego dowódcy. Wprawdzie żołnierz jego dobrze odziany, nakarmiony i napojony, zjada bowiem dziennie do $3^1/_2$ funtów chleba, przeszło 2 funty mięsa i wypija blisko kwartę wódki, jak to się przekonać można z kwitów obozowych; lecz z drugiej strony tenże żołnierz odbiera porządne baty, dostaje publicznie w policzek i bywa złajany po moskiewsku. Takie przysmaki jeden, drugi z pokorą przyjmie od swego komendanta, ale piąty, dziesiąty, czujący swą godność zapali się zemstą i będzie godził na życie swego zwierzchnika, jak tego niedawno mieliśmy przykład. Kilku szeregowców oburzonych srogością i nietaktownem postępowaniem swego dowódcy, zbuntowało się przeciwko niemu. Pan de Vinnen rad się z tym przechwala, raportuje nawet o tym panu naczelnikowi, nie wiedząc że przez to wydaje na siebie wyrok potępienia... [a]

Prawo wojenne nie pozwala dowódcom pod żadnym pozorem oddalić się od swoich oddziałów. Nie przesadzę jeżeli powiem, że pan de Vinnen więcej czasu trawi poza obozem niżli w obozie. Przedstawienia moje w tym względzie robione mu na piśmie i ustnie, zostały bez skutku. Pan de Vinnen jak odbywał tak i odbywa wycieczki do sąsiednich dworów, a oddział sam sobie zostawiony hula i pasie się jak stado rogate, coby miał się musztrować i przyspasabiać do walki z wrogiem.

Pomijam inne fakta niekorzystnie świadczące o panu de Vinnen: może je pan pułkownik sam zebrać tu na miejscu, gdzie z niecierpliwością przez nas jest oczekiwany [2].

Te słów kilka przedstawia do uwagi i uznania pana pułkownika

sługa w Ojczyźnie M. Akielewicz

15 lipca 1863.

ПБ ВГУ, А-т. 35, № 6399. Подлинник

ПЕРЕВОД

Г. начальник!

Ради общего блага благоволите, г. полковник, снять с занимаемого поста г. де Виннена, а его отряд присоединить к другому или же дать ему более способного командира, который сумел бы поддерживать дисциплину среди солдат и направить их силы на пользу Родине. Те беспорядки, которые до сего времени имели место в отряде де Виннена, произошли по вине самого командира. Правда, его солдат хорошо одет, накормлен и напоен, ибо съедает в день до $3^1/_2$ фунтов хлеба, свыше 2 фунтов мяса и выпивает около

[a] *Отточие текста.*

кварты водки, как в этом можно убедиться по лагерным квитанциям, однако, с другой стороны, того же солдата подвергают порке, его при всех бьют по лицу, осыпают русскими ругательствами. Одни принимают эти прелести с покорностью, другие же, обладающие чувством достоинства, загораются местью и посягают на жизнь своего начальника, как это мы недавно видели. Несколько рядовых, озлобленных строгостями и нетактичными поступками своего командира, взбунтовались против него. Г. де Виннен с удовольствием хвалится этим, более того, рапортует об этом г. начальнику, не понимая, что тем самым обвиняет самого себя.

Военное право не позволяет командирам ни под каким предлогом удаляться из своих отрядов. Не преувеличу, сказав, что г. де Виннен больше времени проводит за пределами лагеря, чем в лагере. Мои представления в этом отношении, которые я делал ему и в письменном и устном виде, не имели последствий. Г. де Виннен, как и прежде, совершает экскурсии по соседним имениям, а отряд, предоставленный самому себе, кутит и пасется, как стадо скота, вместо того чтобы учиться строю и готовиться к борьбе с врагом.

Не говорю уже о других фактах, которые свидетельствуют о г. де Виннене с невыгодной для него стороны: вы, г. полковник, сами можете собрать их на месте, где мы ожидаем вас с нетерпением.

Эти краткие замечания предлагаю вниманию и благоусмотрению г. полковника[2].

Слуга в деле Родины М. Акелевич

15 июля 1863 г.

[1] *Об отряде де Виннена («Шпака») см. также док: 171 и воспоминания Р. Блонского (R. Błoński. Указ. соч., стр. 389—391, 410, 411).*

[2] *Об отстранении «Шпака» от руководства отрядом см. показания Я. Козелла-Поклевского, исполнявшего с лета 1863 г. обязанности начальника вооруженных сил Августовского и Гродненского воеводств и Трокского, Лидского и Новогрудского поветов, в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», стр. 181—182.*

154

1863 г. июля 9(21).— Полномочие на организацию повстанческого отряда в Мариампольском у., выданное организатором вооруженных сил Августовского воеводства Ю. Пётровским А. Бышевскому[1]

Organizator siły zbrojnej
województwa Augustowskiego

Na mocy instrukcji Rządu Narodowego z dnia 16 czerwca r. b. rozkazującej formowanie wojsk polskich powiatami, upoważniam ob. Antoniego Byszewskiego do zorganizowania oddziału w pow. Mariampolskim, jednocześnie zaś zawiadamiam o tym miejscowe władze dla współdziałania.

W razie potrzeby ob. Byszewski mocen jest z oddziałem swym w inną miejscowość województwa Augustowskiego udać się.

Niniejsze upoważnienie służyć ma do czasu przysłania formalnej nominacji przez naczelnika wojennego.

Piotrowski

Województwo Augustowskie
dnia 21 lipca 1863 r.

Печать Национальной организации Августовского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 323, л. 39. Подлинник

ПЕРЕВОД

Организатор вооруженных сил
Августовского воеводства

На основании инструкции Национального правительства от 16 июня с. г., предписывающей формирование польских войск по поветам, уполномочиваю гражданина Антония Бышевского организовать отряд в Мариампольском повете, причем одновременно уведомляю об этом местные власти с тем, чтобы было налажено взаимодействие.

В случае необходимости гражданин Бышевский имеет право со своим отрядом направиться в какую-либо другую местность Августовского воеводства.

Настоящее полномочие действительно до того времени, когда от военного начальника будет получено официальное уведомление о назначении на должность.

Пётровский
Августовское воеводство
21 июля 1863 г.

[1] *Документ был отобран у А. Бышевского при его аресте 12 июля 1863 г. близ мызы Хлебишки Мариампольского у. (см. там же, лл. 11—12).*

155

1863 г. июля 15(27).— Рапорт вр. и. о. войта Серейской гм. Сейненского у. А. Гурского Ю. Корытковскому о столкновении войск с повстанцами близ дер. Крикштаны

W dniu 11(23) lipca r. b. pomiędzy godziną 6-tą a 7-ą wieczorem, wedle doniesienia sołtysa wsi Krykształy oddział wojsk cesarsko-rosyjskich, złożony z kilkudziesięciu kozaków i jednej roty piechoty, ścigając powstańców z Cesarstwa Rosyjskiego na terytorium Królestwa Polskiego przybyłych [1], z niewiadomej liczby składających się, dognał ich na brzegu lasu do folwarku Raczkowszczyzna należącego, i następnie ścigał przez grunta wsi Dąbrówka gminy Kudrawy, folwarku Zaleskowszczyzny gminy Ginczany, a na koniec folwarku i wsi Krykształy gminy tutejszej, w trakcie czego słyszane były liczne strzały, które za nadejściem nocy przerwane zostały. Nazajutrz po ustąpieniu wojska, na przestrzeni pogoni znaleziono ciał nieżywych powstańczych 4-y i jednego mocno rannego. Z stanu zaś włościańskiego, którzy byli na robocie w folwarku Zaleskowszczyzna i uchodzili od padających strzałów w kierunku wsi Krykształy, ubito na polu wyrobnika Wincentego Weyksznera i raniono tak ze strzału karabinowego jako też bagnetem również wyrobnika Antoniego Baluzentysa, obydwóch ze wsi Nowagiele gminy Sereje; tudzież w samej wsi Krykształy przed domem mieszkalnym ubito ze strzału włościanina Piotra Piotrowskiego i raniono bagnetem niebezpiecznie Antoniego Piotrowskiego, brata jego. Włościanie ranni są leczeni i opatrywani przy pomocy lekarskiej w własnych domach; zaś ranny powstaniec dla licznych i ciężkich ran nie mogąc być na teraz do najbliższego szpitala odstawiony, oddany został zgodnie z opinią lekarza wolno praktykującego pod dozór miejscowego dzierżawcy folwarku Krykształy do czasu polepszenia się stanu zdrowia, gdzie kuracją jego tenże lekarz zajmuje się. Ciała zabitych powstańców i jednego włościanina ze

wsi Kryksztany pochowane zostały na cmentarzu dawnym we wsi Kryksztanach, a ciało wyrobnika Wincentego Weyksznera przez familię i żonę zabrane i pochowane na cmentarzu także dawnym we wsi. [...] [a] Wszakże co do powodów zabicia i ranienia włościan wymienionych śledztwo sądowe bliżej tę rzecz wyjaśni.

Wspomniany oddział wojska cesarsko-rosyjskiego po przenocowaniu we wsi Kryksztanach powrócił nazad za rzekę Niemen w Cesarstwo Rosyjskie; reszta zaś rozbitych powstańców dla zaszłej ciemnej nocy nie mogąc być dalej ściganą, schroniła się w niewiadome miejsce.

O czym donoszę Jaśnie Wielmożnemu Gubernatorowi Cywilnemu Augustowskiemu; nadmieniam przy tym, że o tym wypadku jednocześnie złożone zostały raporta:

1. Komisji rządowej spraw wewnętrznych
2. JW. naczelnikowi wojennemu oddziału Suwalskiego
3. W. naczelnikowi wojennemu cząstkowemu pow. Sejneńskiego
4. W. naczelnikowi pow. Sejneńskiego
5. W. naczelnikowi Sejneńskiej żandarmskiej komendy
6. Sądowi policji prostej okręgu Sejneńskiego

Czasowy zastępca A. Górski

AGAD, Rząd Gub. Aug., vol. 1, k. 149—150. Подлинник

ПЕРЕВОД

11(23) июля сего года, между 6 и 7 час. вечера, согласно донесению солтыса дер. Крикштаны, отряд русских императорских войск, состоящий из нескольких десятков казаков и одной роты пехоты, преследуя повстанцев, прибывших в неизвестном количестве из Российской империи на территорию Королевства Польского [1], догнал их на опушке леса, принадлежащего фольв. Рачковщизна, и преследовал их через земли дер. Домбровка Кудравской гм., фольв. Залесковщизна Гинчанской гм. и, наконец, фольварка и деревни Крикштаны Серейской гм. Во время преследования раздавались многочисленные выстрелы, которые прекратились с наступлением ночи. На следующее утро после отхода войск на пути преследования обнаружено 4 убитых повстанца и один тяжелораненый. Из тех крестьян, которые были на работе в фольв. Залесковщизна и уходили от перестрелки в направлении дер. Крикштаны, убит на поле поденщик Винцентий Вейкшнер и ранен выстрелом из карабина, а также штыком поденщик Антоний Балюжентис, оба родом из дер. Новагеле Серейской гм. Там же, в самой дер. Крикштаны, перед жилым домом убит выстрелом крестьянин Петр Петровский и тяжело ранен штыком его брат Антоний Петровский. Раненым крестьянам оказана медицинская помощь, они лечатся у себя дома; раненый же повстанец, который из-за многочисленных и тяжелых ран не мог быть немедленно доставлен в ближайший госпиталь, был передан, по совету вольнопрактикующего врача, под присмотр местного арендатора фольв. Крикштаны, пока состояние его здоровья не улучшится. Лечит его тот же врач. Тела убитых повстанцев и одного крестьянина из дер. Крикштаны были похоронены на старом кладбище в дер. Крикштаны. Тело поденщика Винцентия Вейшнера было передано семье и жене и похоронено также на старом кладбище в деревне [...] [a] Судебное следствие выяснит обстоятельства, при которых были убиты и ранены упомянутые крестьяне.

Упомянутый отряд императорской русской армии после ночевки в дер. Крикштаны повернул обратно за р. Неман в Российскую империю, а остальные разбитые повстанцы,

[a] *Текст не разобран.*

преследование которых не могло продолжаться из-за наступившей темной ночи,[1] скрылись в неизвестном направлении.

О чем доношу е. п. г. августовскому гражданскому губернатору, причем присовокупляю, что об этом происшествии одновременно поданы рапорты: 1) Правительственной комиссии внутренних дел, 2) е. п. военному начальнику Сувалкского отдела, 3) е. б. частному военному начальнику Сейненского у., 4) начальнику Сейненской жандармской команды, 5) начальнику Сейненского у., 6) суду простой полиции Сейненского округа.

Временный заместитель А. Гурский

[1] *Имеются в виду отряды Любича и Сендека, перешедшие в Августовскую губ. из Виленской.*

156

1863 г. не позднее конца июля[1].— Предписание комиссара Августовского воеводства Ю. Пётровского («Юзефовича») управляющему им. Онишки Кальварийского повета А. Яцковскому немедленно уплатить подати на нужды восстания

Rząd Narodowy

Komisarz województwa Augustowskiego Nr. 216

Do ob. Andrzeja Jackowskiego administratora majoratu Oniszki

Ze składanych mi raportów przez agentów Wysokiego Rządu nabrawszy przekonania, że zamiast jako prawy Polak służyć sprawie Ojczyzny pan okazujesz dla takowej sprawy obojętność, a nawet stajesz na przeszkodzie, odmawiając przejeżdżającym urzędnikom koni, nie płacąc składki narodowej, a tem samem dajesz dowody sprzyjania najezdniczej Moskwie.

Zapowiadam obywatelowi po raz 2-gi, abyś należną składkę wedle rozkładu wiadomego wniósł na ręce oddawcy w ciągu godzin 24! Gdyż w razie przeciwnym ulegniesz karze hańbiącej, jaka na wrogów Ojczyzny dekretem Rządu Narodowego z daty 27 marca r. b. Nr 47[2] jest przepisaną.

Józefowicz

Печать комиссара Августовского воеводства

ЦГИА, Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 514, л. 43. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство

Комиссар Августовского воеводства № 216

Гражданину Анджею Яцковскому, управляющему майоратом Онишки

Узнав из полученных мною рапортов агентов Высокого правительства о том, что вместо того, чтобы, как подобает истинному поляку, служить делу Родины, вы проявляете к нему безучастие и даже чините ему препятствия, отказываясь предоставлять коней проезжающим чиновникам, не платите национального налога и тем самым проявляете себя другом русских оккупантов, повторно заявляю гражданину, чтобы причитающаяся, согласно известной нам разверстке, сумма в течение 24 часов была передана

подателю сего. В противном случае вы понесете позорную кару, предусмотренную для врагов Родины декретом Национального правительства от 27 марта с. г. за № 47 [2].

Юзефович

[1] *Датируется временем оставления Ю. Пётровским Августовского воеводства. См. прим. 1 к док. 150.*

[2] *Имеется в виду декрет Временного национального правительства, изданный в связи с падением диктатуры М. Лянгевича.*

157

1863 г. августа 3(15).— Рапорт и. о. начальника Мариампольского у. Ю. Корытковскому о действиях повстанцев в уезде

Z otrzymanych w dniu wczorajszym doniesień od wójtów gmin okazuje się mianowicie:

1) Z raportu wójta gminy Poniemuń Fergissa z dn. 11 sierpnia r. b. Nr. 365, że w dniu 11 sierpnia r. b. znaczna liczba ludzi konnych uzbrojonych w czasie obiadu przybyła do folwarku Kretkompie i tam, nie zsiadając z koni, żądali widzenia się z gospodarzem domu p. Wojdzbun; lecz gdy ten uznał za stosowne skryć się, wyszła na ich spotkanie żona jego, od której żądali natychmiastowego wydania pary koni wierzchowych, od czego jednak tąż usilną swą prośbą wymówić się zdołała. Poczem ludzie ci, nie bawiąc dłużej nad kwadrans czasu i wcale nie zsiadając z koni, odjechali tąż samą drogą którą przybyli w kierunku ku rzece Niemen. Następnie w tymże samym dniu między gobziną 3 i 4 po południu przybył również do folwarku Poniemuń Fergissa oddział powstańców konnych uzbrojonych, z których część wszedłszy do stajni, zabrali stamtąd klacz wartości 80 rubli srebrem z siodłem i trenzlą.

Oddział ten podczas bytności w Poniemuniu kazał sobie podawać napoje i t. p., przed odjazdem zaś w stronę lasów Nadniemeńskich zapowiedział przybycie większego oddziału, który wszakże do czasu wysłania przez wójta gminy cytowanego raportu tamże jeszcze nie pojawił się.

Ilość ludzi w tym oddziale nie daje się oznaczyć, albowiem przed nimi wszystko we dworze się schroniło.

2) Z raportu wójta gm. Giełgudyszki z dn. 31 lipca (12 sierpnia) 1863 Nr. 709, że w tymże dniu pojawiło się w tamecznej gminie kilkudziesięciu ludzi konno, uzbrojonych w karabiny, pałasze i pistolety, którzy przybywszy najprzód do folwarku Giełgudyszki Górne zabrali od w[ielmożnego] Milke klacz i człowieka dla wskazania drogi do wsi Dąbrowej, jednakże klacz tę zwrócili później właścicielowi. Następnie, przybywszy do folwarku Giełgudyszki Niższe zabrali tam parę koni, trzy siodła i parę tręzli, a nadto za jakieś im wiadome przewinienie ukarali cieleśnie trzy córki bednarza Bartajtysa jako to: Augustę 10 batami, Wilhelminę i Mariannę przez wyliczenie po 5 batów na środku dziedzińca; pierwszą z nich, to jest Augustę, chcieli pozbawić życia przez powieszenie, lecz przez usilne błaganie matki zamienili tę karę na chłosty; poczem część z nich udała się drogą na wieś Jankuny, drudzy zaś drogą do rzeki Niemna wiodącą. Ludzie ci przybyli do rzeczonego folwarku w postawie groźnej, trzymając broń palną z ciągle odwiedzionymi półkurczami, tak że każdy był zmuszony unikać z nimi spotkania się.

3) Z raportu burmistrza miasta Sudargi z d. 31 lipca (12 sierpnia) r. b. Nr. 2, że tenże, powziąwszy wiadomość jakoby raporta jego o zniszczeniu kancelar i magistratu pod dniem 26(7) b. m. za Nr. 1 tak do mnie, jako też i dalszych władz umyślnym posłańcem wysłane od tegoż przez źle myślących ludzi odebrane zostały, a tym samym miejsca przeznaczenia swego nie doszły, powtórnie donosi, że w nocy z dnia 26(7) b. m. o godzinie jedenastej przybyło do miasta tamecznego od 40 do 50 ludzi w ubraniu szarym, nikomu nieznanych, w karabiny, dubeltówki i pałasze uzbrojonych, którzy otoczywszy miejscowy magistrat, przede wszystkim porąbali tablicę z herbem Królestwa, a wszedłszy do kancelarii znajdujące się tamże papiery, urzędowe akta i księgi jako też papiery dotyczące kasy miejskiej i urzędu skarbowego powyrzucali na rynek, gdzie następnie w zupełności takowe poniszczyli, pieczęcie zaś urzędowe, szpadę oraz kaskę burmistrza zabrali z sobą; nadto ze skrzyni kasowej po oddarciu zamka zabrali dowody urzędu skarbowego oraz rejestra kasowe; papiery na rynek rozrzucone tak dalece przez wiatr i deszcz jak oraz rzeczonych ludzi były poniszczone, że nic zebrać nie zdołano.

Dopuściwszy się rzeczonego zniszczenia i ogłosiwszy na rynku aby miejscowy burmistrz podał się do dymisji, jeżeli chce uniknąć z ich strony surowej kary, jedni na podwodach a drudzy konno opuścili miasto, udając się przez wieś Grymajcie w gminie Kidule.

Nadto rzeczony burmistrz nadmienia, że oddział wojsk Estlandzkiego pułku z miasta Jurborga, dowiedziawszy się o zniszczeniu papierów w magistracie, przybył tamże w dniu 28(9) b. m., a nie znalazłszy już powstańców, udał się za tymiż w sąsiednie wsie i lasy gm. Kidule i Szyłgale; następnie zaś oddział objeszczyków podobnież w okolicach miasta Sudarg czynił poszukiwania.

O czem jaśnie wielmożnemu gubernatorowi mam zaszczyt zaraportować.

W zas[tępstwie] pomocnik [a]

AGAD, Rząd. Gub. Aug., vol. 1, k. 195—196. Подлинник

ПЕРЕВОД

Из полученных вчера от войтов гмин донесений выяснилось следующее:

1. Из рапорта за № 365 от 11 августа с. г. войта Понемонской гм. Фергисса видно, что 11 августа с. г. во время обеда в фольв. Креткомпе прибыло большое число вооруженных конников. Не спешиваясь, они велели вызвать хозяина дома г. Войдзбуна, но, поскольку тот счел нужным скрыться, навстречу вышла его жена. Конники потребовали от нее немедленно выдать им пару верховых лошадей, однако ей удалось просьбами и мольбами отделаться от них. Эти люди пробыли там не более 15 минут и, даже не спешившись, уехали по той же дороге, по какой прибыли, т. е. в направлении р. Неман. В тот же день, около 4 час. дня, в фольв. Понемонь Фергисса опять прибыл конный отряд вооруженных повстанцев. Несколько человек из этого отряда зашли в конюшню и забрали одну кобылу ценой в 80 руб. сер. вместе с седлом и уздечкой.

Во время пребывания в Понемони повстанцы велели подать им напитки и пр., а перед своим отъездом в сторону принеманских лесов предупредили, что вскоре приедет более крупный отряд, который, однако, ко времени высылки войтом гмины настоящего рапорта еще не появился.

---

[a] *Подпись неразборчива.*

Численность отряда не удалось установить, так как все люди в имении спрятались от них.

2. Из рапорта за № 709 от 31 июля (12 августа) 1863 г. войта Гелгудышской гм. видно, что в этот день в тамошней гмине появился конный отряд численностью в несколько десятков человек, вооруженных карабинами, саблями и пистолетами, который сначала прибыл в фольв. Верхние Гелгудышки и забрал у г. Милке одну кобылу и человека, который должен был им указать дорогу в дер. Домброва. Эту кобылу они, однако, после вернули владельцу. Позже, явившись в фольв. Нижние Гелгудышки, повстанцы забрали там пару лошадей, 3 седла и 2 уздечки. Кроме того, за какую-то известную им провинность они подвергли телесному наказанию трех дочерей бондаря Бартайтиса, а именно: Августе нанесли посреди двора 10 ударов кнутом, Вильгельмине и Марианне — по 5. Первую из них, Августу, они хотели даже повесить, но, прислушавшись к мольбам матери, заменили дочери смерть телесным наказанием. После этого повстанцы разделились: часть направилась по дороге в дер. Янкуны, а другие по направлению к р. Неман. У этих людей был угрожающий вид — оружие они все время держали со взведенными курками. Каждый поэтому старался избежать встречи с ними.

3. Из рапорта за № 2 от 31 июля (12 августа) бургомистра гор. Сударги видно, что он, получив сведения о том, что якобы его рапорт за № 1 от 26 июля (7 августа) о разгроме канцелярии магистрата, высланный нарочным в мой адрес и в адрес других властей, был перехвачен злоумышленниками и, таким образом, не достиг места назначения, вторично сообщает, что 26 июля (7 августа), в 11 час. в город прибыл отряд, состоящий из 40—50 незнакомых, одетых в серую одежду людей, вооруженных карабинами, двуствольными ружьями и саблями. Окружив местный магистрат, они изрубили сперва вывеску с гербом Королевства, а после, войдя в канцелярию, служебные документы, акты и книги, а также документы городской кассы и казначейства выбросили на рыночную площадь, где затем полностью их уничтожили. Служебные же печати, шпагу и головной убор бургомистра они забрали с собой. Кроме того, сорвав замок с кассового ящика, они захватили документы казначейства и кассовые реестры. Документы, которые были разбросаны по всему рынку ветром, дождем и самими повстанцами, были уничтожены, и собрать ничего не удалось.

Разгромив канцелярию и объявив на рынке, что местный бургомистр должен подать в отставку, если хочет избежать сурового наказания с их стороны, повстанцы, одни на подводах, другие верхом, покинули город, двигаясь через дер. Гримайце в Кидульской гмине.

В заключение бургомистр пишет, что отряд войск Эстляндского полка из гор. Юрборга, узнав об уничтожении документов в магистрате, прибыл 28 июля (9 августа) в город, но, не обнаружив уже повстанцев, направился за ними в соседние деревни и леса Кидульской и Шилгальской гмин. Позже отряд объездчиков также производил поиски в окрастностях гор. Сударг.

О чём е. п. губернатору имею честь доложить.

И. о. начальника помощник [*подпись неразборчива*]

158

1863 г. августа 12(24).— Рапорт и. о. начальника Мариампольского у. Ю. Корытковскому о сражении войск с повстанцами у дер. Дембова Буда

Wójt gminy Antonów raportem z dnia 11(23) b. m. Nr. 1754 donosi, że w d. 9(21) b. m. około godziny czwartej po południu oddział wojska złożo-

ny z 12 rot piechoty, szwadronu huzarów i sotni kozaków lasami od strony Mariampola idący, napędził pod wsią Dębowa Buda powstańców w liczbie 900 ludzi, z którymi stoczył potyczkę, w której powstańców zabito 35, zaś 3 rannych i pięciu innych ujął i zabrał z sobą; w wojsku zaś, o ile powzięto przez wójta gminy wiadomość, zabitych było ośmiu i sześciu rannych [1].

Nadto rzeczony wójt gminy nadmienia, że przez wojsko zabici zostali: Wincenty Kint, gospodarz ze wsi Dębowa Buda i Marianna Rożnowska, oraz ranieni: siostra powyższej Anna i pastuch Antoni Żemajtys.

W końcu zaś według powyższego raportu okazuje się, że stosownie do rozkazu naczelnika wojennego oddziału stacji kolei żelaznej w Pilwiszkach ciała wszystkich zabitych pochowane zostały na mogiłach wiejskich przy wsi Dębowa Buda w dniu wczorajszym.

O czem jaśnie wielmożnemu gubernatorowi mam honor zaraportować.

W z[astępstwie] pom[ocnik] [a]

AGAD, Rząd. Gub. Aug., vol. 1, k. 212. Подлинник

ПЕРЕВОД

Войт гм. Антонов рапортом за № 1754 от 11(23) сего месяца доносит, что 9(21) сего месяца около 4 час. пополудни воинский отряд, состоящий из 12 рот пехоты, эскадрона гусар и сотни казаков, двигающийся лесом со стороны Мариамполя, нагнал около дер. Дембова Буда отряд повстанцев численностью в 900 человек, с которым вступил в бой. В сражении убито 35 повстанцев, а 3 раненых и 5 иных повстанцев захвачено в плен. В войсках, по данным войта гмины, потери составили 8 убитых и 6 раненых [1].

Кроме того, войт гмины доносит, что войсками убиты Винцентый Кинт, крестьянин дер. Дембова Буда, и Марианна Рожновская, а ранены ее сестра Анна и пастух Антоний Жемайтис.

В конце же означенного рапорта упомянуто, что, согласно приказу начальника военного отряда железнодорожной станции в Пильвишках, вчера все убитые были похоронены на сельском кладбище в дер. Дембова Буда.

О чем честь имею донести е. п. губернатору.

И. о. начальника помощник [a]

[1] *В сражении под Дембовой Будой (или Мазуришками) принимали участие повстанческие отряды Любича, Сендека, Острогu, Глебы и др. Повстанцы потерпели поражение. В числе убитых были Любич и Сендек.*

159

1863 г. сентября 12.— Отношение военного министра Д. А. Милютина М. Н. Муравьеву о подчинении последнему в административном отношении Мариампольского, Сейненского, Кальварийского и Августовского уездов [1]

Ввиду нынешних смут в Царстве Польском и необходимости усиления военной в нем силы, а также приняв во внимание географическое положение северных уездов Августовской губ., на значительном расстоянии прилегающих к Ковенской и Гродненской губерниям, в коих полное спо-

[a] *Подпись неразборчива.*

койствие нарушается вторжением мятежнических шаек из этих уездов, государь император повелеть соизволил:

1. Мариампольский, Кальварийский, Сейненский и Августовский уезды в административном отношении подчинить на время существования военного положения в. вп. с тем, чтобы остальные отрасли управления: судебная, финансовая, духовных дел, народного просвещения и пр. существующими учреждениями относились по-прежнему к правительству Царства Польского.

2. Введение в поименованных 4 уездах военно-полицейского управления и подчинение гражданской администрации военным начальникам предоставляется в. вп. с правом контролирования действий судебной, финансовой и прочих частей управления, причем все служащие в крае по каким бы ни было учреждениям и все обитатели оного, как светского, так и духовного звания, должны находиться под наблюдением военной власти, которая по распоряжению нашему карает их за все политические преступления.

3. Поименованные уезды должны быть заняты войсками, вверенными в. вп.[2], причем желательно скорейшее, по возможности, освобождение частей 2-й пехотной дивизии, занимающих эти уезды и получающих ныне другое назначение по распоряжению военного начальства Царства Польского.

4. Выбор губернатора Августовской губ. и назначение всех должностных лиц гражданской администрации поименованных уездов ее должны вполне зависеть от в. вп., причем государь император предоставляет вам и на будущее время, впредь до успокоения края и подчинения администрации его по-прежнему правительству Царства, устранение всех этих чинов от должностей и замещение их новыми лицами, а так как окончательное утверждение гражданского губернатора зависит от верховной власти, то для соблюдения общего порядка угодно, чтоб относительно сделанного вами назначения губернатора в. вп. сообщили прямо от себя и. д. наместника в Царстве, который и войдет установленным порядком с представлением о высочайшем утверждении сделанного вами назначения.

О таковом высочайшем повелении имею честь сообщить в. вп. для исполнения, присовокупляя при том, что вместе с сим оное сообщается и ген.-адъютанту гр. Бергу.

Военный министр ген.-адъютант Милютин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 1734, лл. 26—27. Подлинник

[1] *Как свидетельствуют публикуемые в настоящем сборнике документы, уже с самого начала восстания из Виленского военного округа посылались войска для подавления повстанческого движения в Августовской губ., северные уезды которой были населены литовцами и исторически тяготели к Литве. 1 августа 1863 г. М. Н. Муравьев обратился к Д. А. Милютину с ходатайством о введении* в виде опыта, *хотя бы в Мариампольском и Кальварийском уездах военно-гражданского управления* на тех же основаниях, как это было сделано во вверенных моему управлению губерниях, *так как, по мнению Муравьева, в губернии отсутствует* всякое правильное военно-полицейское управление, что препятствует восстановлению спокойствия *(см. там же, лл. 6—8). Публикуемый документ является ответом на ходатайство Муравьева. Вскоре в подчинение Муравьеву был передан и последний — Ломжинский — уезд Августовской губ. (см. уведомление Муравьева от 23 октября 1863 г. о назначении военным начальником отдела в Ломжинский у. ген.-лейтенанта И. С. Ганецкого 1-го — там же, л. 123). Войсками Виленского округа были заняты также несколько пунктов в соседнем Остролен-*

ском у. Плоцкой губ. (М. Н. Муравьев. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа.— «Русская старина», 1882, т. XXXVI, стр. 425.)

О возвращении Августовской губ. в подчинение наместника Царства Польского см. док. 169.

[2] *О введении войск на территорию Августовской губ. см. док. 160.*

160

1863 г. октября 8.— Уведомление М. Н. Муравьева военному начальнику Августовского отдела Я. П. Бакланову о военно-административных мерах, необходимых для подавления восстания в Августовской губ.

М. г. Яков Петрович

На письмо в. вп. от 3 октября [1] нужным нахожу уведомить, что так как я уже разрешил вам назначить временно военными начальниками уездов Августовского, Сейненского и Кальварийского генералов Дена, кн. Барятинского и Дубельта и притом большая часть войск ген. Манюкина остается еще в вашем распоряжении, а потому я и надеюсь, что будет неукоснительно введено в сказанных уездах строгое военно-гражданское управление на основании инструкции 24 мая с. г. и данных мною в. п. дополнительных предписаний.

К 20 числу октября к вам будут поступать уже полки 1-й бригады 3-й гренадерской дивизии в составе 30 рот, под начальством, как говорят, весьма деятельных полковых командиров, которые могут быть назначены военно-уездными начальниками. Этими войсками вы смените остающиеся части войск ген. Манюкина. Вам к тому же времени будет прислан казачий полк, ожидаемый из Петербурга.

По прибытии гренадер вы также отпустите все гвардейские части войск, кроме 10 рот Преображенского полка под начальством кн. Барятинского, которые останутся в Сейненском у. впредь до смены их армейскими войсками, которые будут вам высланы уже в ноябре месяце. Таким образом, в вашем распоряжении будет всего для трех уездов Августовской губ. 40 рот, из них 2 роты должны быть оставлены в Мариампольском у. взамен 2 рот Эстляндского полка и 2 казачьих полка в полном составе и сверх того 150 казаков, бывшие в отряде ген. Дена.

Я уверен, что этими средствами в. п. в самом непродолжительном времени усмирите губернию, вам вверенную, и введете строгое военно-гражданское управление, которое вполне бы обеспечило сельское население от истязаний мятежников и угнетений землевладельцев.

Правила о взыскании 10%[-ного] сбора с помещичьих имений, а также 2% с городских имуществ, равным образом и иные распоряжения по управлению тою губерниею, мною с сим вместе препровождаются через камер-юнкера Мясоедова, которому поручено состоять в вашем распоряжении, также и адъютанту моему поручику Самарину.

До моего сведения доходит, что старообрядцы, в числе 12 000 д[уш], жившие в Августовской губ., оказывают нам особое расположение и готовы радушно содействовать к укрощению мятежа. Прошу вас оказать им особое покровительство, дать им возможность учредить собственное общественное управление с избранием старшин и, приняв от них адрес с изъявлением желания (как я слышу, просят о вооружении их), пред-

ставить мне, предложив им тотчас формировать как конные, так и пешие вооруженные команды по примеру таковых же, составленных старообрядцами Динабургского и Свенцянского уездов. По получении от вас об этом обстоятельных сведений я не замедлю выслать и оружие. Формирование это можно поручить нескольким благонадежным офицерам из казачьих или иных войск. Содержание сказанным командам может быть назначено: конным — по 15 коп., а пешим — по 10 коп. в сутки на человека и сверх того провиант из запасов тамошних помещичьих имений. Денежное же все содержание должно быть обращено на 10%[-ный] сбор с тех имений.

В. п. спрашиваете разрешение отправить всех арестантов состоящей в Сувалках следственной комиссии в Вильно и Гродно. Имея в виду скорое устройство военного управления в Августовской губ., я признаю более удобным учредить в Сувалках постоянную следственную комиссию по примеру Гродненской и Ковенской, а также и военно-судную комиссию. В городах же Августове, Сейнах и Кальварии можно учредить уездные комиссии, как в здешних губерниях, в зависимости от главной комиссии в гор. Сувалках. С приходом гренадерских полков в распоряжении вашем довольно будет штаб- и обер-офицеров для занятий должностей в сказанных комиссиях. Впрочем, к вам будут постепенно высылаться отсюда разные чиновники для замещения вакантных мест в Августовской губ. Расходы на содержание всех вышеупомянутых лиц должны быть отнесены на сбор с помещичьих имений, а до поступления оного взять заимообразно из кассы казначейства Августовской губ. 5000 руб.

Подробности по разным предметам управлений вам лично передаст камер-юнкер Мясоедов. Я вполне уверен, что в. п. скоро справитесь с вверенною вам губерниею и не только что укротите мятеж, но отучите и впредь затевать оный и восставать против нас. Надобно особенно заняться ограждением сельского населения и поддержанием в нем стремления к самостоятельному быту, еще раз прошу: обратите на это внимание и чтобы землевладельцы не могли их угнетать, и в особенности гминные войты.

Буду ожидать от вас подробных обо всем донесений.

Прошу в. п. принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Михаил Муравьев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 1734, лл. 91—93. Копия

[1] *См. там же, лл. 77—78.*

161

1863 г. октября 12.— Показания помещика им. Авизанцы Сейненского у. Я. Бенкевича в Сейненской следственной комиссии об агентах повстанческой организации в Августовской губ. и их действиях, направленных против помещиков

1863 г. октября 12 дня был спрошен и показал:

Зовут меня Ян Бенкевич, от роду 30 лет, женат на Станиславе Сырчевской, имею малолетнего сына, уроженец Сейненского у., мызы Ави-

занцы, которая мне принадлежит. Воспитание я получил в гимназии в Сувалках и по окончании воспитания постоянно жил в Авизанцах.

В конце марта месяца ко мне, как ко всем помещикам, начали приезжать присланные из Варшавы агитаторы, между которыми самые главные были: Юзефович, Суминский, Абремович, Верещинский и др., которые приказывали доставлять в шайки все необходимое: платье, обувь, съестные припасы и пр. Уже впоследствии стали появляться агитаторы из здешних, как, например, Акорд из Бержник. Как мне кажется, главный из всех был Юзефович, который, как говорили, управлял восстанием во всей Августовской губ. Он с конца июля или начала августа скрылся отсюда после неприятности, которую он имел с помещиком Эйнаровичем, наказанным телесно по его приказанию за то, что говорил о невозможности успеха восстания [1]. Помощником Юзефовича был Суминский, которого в последний раз видела у меня на мызе экономка моя Воеводова, когда он заезжал переменить лошадей, но, не получив их, уехал рассерженным. Меня и жены моей и матери не было тогда дома. Это происходило недель 6 тому назад. Через несколько дней приехали ко мне несколько человек повстанцев и привезли мне от Суминского карточку, в которой было сказано, что если еще раз ему не дадут лошадей, то я буду казнен смертью. По моему мнению, Суминский должен еще находиться в здешнем крае. Приметы его: низкого роста, блондин довольно темный, с полной бородою, лицо чистое, особенных примет нет. Одевался обыкновенно в черное пальто до колен, и фуражка черная. Абремович, помощник также Юзефовича, скрылся с ним в одно время. Верещинский, то же самое, как Абремович, скрылся с ними вместе. Акорда я с конца августа не видал и не могу сказать, где он теперь находится, и даже думаю, что он в организации не участвовал [2]. Приметы его: среднего роста, волосы черные, носил только усы, также черные. Одет он был последний раз, что был у меня, в длинном черном пальто, и такого же цвета фуражка. Стемпина я видел только два раза, когда он заезжал ко мне в сентябре месяце, чтобы переменить лошадей. Какую он роль играет в организации, также не могу сказать. Приметы: росту более среднего, блондин, с большою бородою, одевается обыкновенным образом. Об Абламовиче из Юстинова я могу сказать, что он в деле восстания так же виноват, как и я сам и другие помещики. Лютца из Великой Кирсны я уже более 2 лет не видал.

Мое же собственное участие состояло только в том, что я из-под страха исполнял приказание или распорядителей восстания, или же простых мятежников, приезжавших ко мне с оружием и заставлявших меня исполнять их поручения. Так, первый раз, месяца 3 тому назад, по личному приказанию Юзефовича, я принужден был послать за сапожником Мовшей Абрамовичем, живущем у меня в дер. Неравы, и отдать ему на изготовление старые сапоги, на работу которых он оставил мне денег по 1 руб. 35 коп. за пару головок и по 22 ½ коп. за пару подметок, Кроме того, я принужден был отдать им совершенно новых сапог несколько десятков пар, за которые я отдал свои собственные деньги. Впрочем, только раз или два я сам отдавал деньги сапожнику Мовше Абрамовичу, а остальные раза сами мятежники отдавали ему деньги в присутствии меня, у меня в комнатах. Если я Мовше и должен несколько рублей, то это за работу собственно для меня и моей дворни, но не за повстанские сапоги. Последний раз Мовша приносил сапоги повстанские

уже 6 или 7 недель тому назад, т. е. в конце августа. Также по личному приказанию Юзефовича и Суминского, а иногда и по письменному от них же я заказал в м. Лодзей портному из евреев по имени Борух, фамилии не помню, около 10 чемарок, за работу которых я ему давал по несколько злотых, а материал я покупал отдельно на ярмарках. Кроме того, у меня бывали чемарки, которые завозили ко мне проезжие мятежники и которые они опять сами забирали. Те же вещи, которые мне принадлежали, как провизия, чемарки и сапоги, за которые я отдал свои деньги, я пересылал в шайки или через лакея Франка Рудзинского, или кучера Михайло Кубылинского. Конфедераток же у меня никогда не бывало. Повстанские лошади действительно у меня были: когда конная шайка Рехлевского была разбита, то несколько человек из разбитой шайки заехали ко мне и оставили лошадей 5, более уставших и с побитыми спинами, и на другой день снова их забрали и увели, куда не знаю. Кроме того, у меня были еще 2 повстанские лошади из шайки Вавра, простоявшие все лето у меня и забранные драгунами с неделю тому назад при обыске моей мызы. Третья же лошадь, каштановатая, действительно повстанская, но куплена мною на аукционе, еще в бытность в Сейнах Симбирского полка, за 15 или 18 руб. сер. Четвертая же лошадь, о которой говорит мой конюх Карчевский, куплена моим братом Адольфом Бенкевичем у еврея Иозеля Дусницкого в Сейнах еще в июле месяце с. г. Более же у меня повстанских лошадей нет и не было. Еще прибавить могу, что все запрещенное или пряталось в кладовую, или оставалось на возах, дабы с рассветом могло быть отправляемо далее. Вообще, когда вблизи стояла шайка, то у меня часто бывали мятежники, а я раз только сам был в шайке по требованию самого Вавра, который мне там объявил, что я должен доставить ему разную провизию и даже хорошее вино, что я и должен был исполнить, собравши весь запас свой виноградного вина. Вавер[a] мне тогда читал распоряжения так называемого народного правительства о том, чтобы мы не смели требовать с крестьян уплаты их повинностей. Из начальников шаек жил у меня только Глазко, но он тогда еще не был предводителем шайки, так как он был у меня еще в феврале. Приметы его: он много более среднего роста, блондин, бороду и усы иногда носит, а иногда сбривает. Более ничего не могу прибавить,— только то, что если я виноват, то тем только, что исполнял из-под страха, как и другие помещики, требования агитаторов, которые без малейшего суда казнили смертью за самое малое непослушание. Все показал по чистой совести

Jan Bienkiewicz

Показание отбирал л.-гв. Преображенского полка
поручик гр. Клейнмихель 3-й

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 505, лл. 17—18. Подлинник

[1] *Р. Блонский также пишет, что причиной отзыва Ю. Пётровского из Августовского воеводства было то, что он приказал высечь помещика близ Сейн, не давшего ему лошадей (R. Błoński. Указ. соч., стр. 405, 406). Сам Пётровский указывал другие причины — см. прим. 1 к док. 150.*

[2] *Помещик Сейненского у. Цириак Акорд перед восстанием был в Августовском воеводстве комиссаром дирекции «белых», с конца марта 1863 г.— гражданским начальником воеводства.*

---

[a] *В тексте* Вавра.

162

1863 г. декабря 2.— Показания дворянина Виленской губ. Р. Контрымовича во второй следственной комиссии при ордонанс-гаузе Новогеоргиевской кр. о пребывании в повстанческом отряде Ясинского, о структуре, составе и вооружении отрядов Августовской губ.

1863 г. декабря 2 дня в присутствии второй военно-следственной комисси, учрежденной при ордонанс-гаузе Новогеоргиевской кр., был передопрошен Рафаил Контрымович и показал:

На прочитанные мне в комиссии запросные пункты я поясняю:

1. Ездил я верхом только в то время, когда при банде не было обоза, и в то время, хотя я и имел лошадь, но никак не мог бежать, потому что, будучи при Ясинском, я находился при том взводе, который был назначаем к нему в конвой, а будучи при обозе, я также никак не мог исполнить моего желания бежать, потому что для прикрытия обоза находились всегда 100 человек. Оружие я имел при себе всего только несколько часов, и, как прежде показал, оно мне было передано от племянника Ясинского Якова Ясинского накануне того дня, когда я был арестован.

2. Нападение на остатки разбитой банды Ясинского [1] было так внезапно и мгновенно, что я не мог видеть, куда бежал Ясинский. Когда я пил с ним в шалаше чай, то вошел доктор Абрамицкий, родом из Варшавы, и сказал, что приехали 5 человек верхами, а ему донесли, будто бы это казаки, но потом он сказал, что это неправда. В это время я вышел из шалаша, чтобы посмотреть, кто приехал, в то же мгновение раздались выстрелы, и я увидел шагах в 30 от меня казацкого офицера, а сзади меня явился казак, который мне крикнул, чтобы я бросил оружие, что я и исполнил, и сейчас подошел к офицеру, сказал ему, кто я и каким образом попал в плен, офицер меня спросил, чья эта банда, я ему сказал, что Ясинского; на вопрос его, где он, я указал на шалаш, откуда я только что вышел; войдя же в шалаш, там уже никого не было, офицер тут же сказал: «Ну-ну, пускай идут, они наткнутся на нашу пехоту»,— и не преследовал, потому что казакам невозможно было с лошадьми войти в болото и в густой лес, куда рассыпалась вся банда, при этом лошади мятежников сорвались с коновязей и казаки захватили 26 из них.

3. Я видел следующие шайки: Ясинского вместе с шайками Вавра, Тыски и Гржимайлы по соединении их в Червонном Бору Ломжинского у., в которых было приблизительно около 4000 человек, в том числе кавалерии около 250 лошадей [2]. У Ясинского командовали частями: Здунчик, Босак — русский офицер из Михайловского инженерного училища, Липовский — юнкер Нижегородского пехотного полка, Богуславский — морской офицер Балтийского флота, Кароли — русский офицер из отряда гр. Толя, но не знаю какого полка, Новицкий — поручик Нижегородского полка и Иван Куликовский — простой казак, но фамилию эту дали ему в банде, а настоящую я не знаю. В банде Вавра я мало кого знал, но некоторых могу назвать, а именно: Ксеневского, бессрочный или отставной унтер-офицер, Осташевский — эмигрант, улан, татарин, не военный, а Тыска и Гржимайло находились под командою Вавра, но кто были в этих двух бандах младшие начальники, я не знаю.

Банда Янковского два раза соединялась с бандою Ясинского, но очень короткое время, поэтому я не мог узнать, кто у него были младшие начальники, банда эта состояла из полуторы тысяч людей отборных. Партии же Кольбе, Тромбчинского и Лютынского также соединялись с партиею Ясинского, но очень короткое время, из коих партии Кольбе и Тромбчинского состояли из полуторы тысяч, а Лютынского — из 800 человек, в том числе у Кольбе было около 100 человек кавалерии. В этих трех бандах я также не знал, кто были младшие начальники. Влиятельнее всех были Ясинский, Янковский и Кольбе, а способнее — Янковский, Кольбе, Вавр.

4. Состав шаек был такой же, какой и в наших войсках, батальон разделялся на 4 роты, а числительность роты определить нельзя, она часто переменялась, но примерно можно сказать, что около 100 человек; на каждые 13 рядовых полагался 1 унтер-офицер, и в каждом батальоне находились отдельно 50 косиньеров. Эта числительность уменьшилась противу прежнего, потому что партии были снабжаемы более и более штуцерами. Шайка Янковского отличалась лучшею от прочих организациею именно потому, что народ был отборный, лучше обучен, а в действиях стойчее, вооружены же были банды одинаково. Оружие доставлялось с прусской границы жандармами по распоряжению из Варшавы, а два раза ходила партия Ясинского сама в Мышинецкие леса для принятия оружия. Если банды были разбиваемы, то тот, кто мог, отдавал оружие жандармам, а другие бросали.

5. Главный жандарм при колонне Ясинского был Соловей, других же подведомственных ему жандармов я по фамилии никого не знал.

6. Провизию в шайки доставлял Соловей же. Если кто из начальствующих лиц должен куда-нибудь отлучаться из банды, то паспорты были им даваемы под чужою фамилиею от войтов гмин и из Варшавы. Все, что я только видел и знал, что делалось в бандах, я в настоящее время показал по совести, не утая ничего.

Рафаил Людвиков сын Контрымович
Допрашивали: делопроизводитель капитан Козлов
Презус капитан [a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 654, лл. 88—91. Подлинник

[1] *Речь идет о нападении царских войск на отряд Ясинского 8 августа 1863 г. близ дер. Подося Пултуского у.*

[2] *В начале июля н. ст. 1863 г. в Червонном Бору Ломжинского у. соединились отряды Тышки, Гжималы, Ясинского, Вавра и др. Общее командование над повстанцами, численность которых, по данным С. Зелинского, составляла 2200 человек, принял Вавер (S. Zieliński. Указ. соч., стр. 265).*

163

1863 г. декабря 15 (27) [1].— Агентурные сведения, полученные М. Н. Муравьевым от наместника в Царстве Польском Ф. Ф. Берга, о предполагаемой отправке повстанцами транспорта оружия из-за границы в Августовскую губ.

Из гор. Инстербург в Пруссии должен отправиться на днях транспорт оружия в Августовскую губ. Транспорт будет вести помещик

[a] *Подпись неразборчива.*

Скальский (Skalski), который прибудет из Англии, где он был секретарем Польского демократического общества, и Акелевич (Akielewicz), отправившийся из Парижа в Инстербург. Они должны там сойтись в гостинице Цум-Кронпринцен. Легко может быть, что туда прибудет также полномочный комиссар народного правительства в Августовской губ. по имени Чинский (Czyński).

Верно: директор канцелярии
ген.-майор Рожнов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1841, л. 12. Копия

[1] *Дата сопроводительного письма (см. там же, л. 11).*

164

1864 г. февраля 12(24).— Приказ комиссара Августовского воеводства Б. Радзишевского (Чинскиса) [1] *о возвращении крестьянам собранного с них помещиками чинша* [2]

Prisakimas Lenku Rando Wiresniojo Augustawo Gubernijoje.

Danesze man pawietawi Lenku Wiresniejaj, kad Maskolej gwoltu apgawiniaja ir kitokejs spasabais priwrsdami gaspadorius moketie czyžia, kuria Lenku Randas suwisaj pakasawojo sawo dekretu, 22 diena menesio Sausio 1863 metuose iszduota,— werczia tejpogi ponus ir wisus dwarus, kad nuo žmoniu imtu czyžia. Ir paskutiniuose czesuose Maskolej dažnaj liepe žmoniems isz panewalos moketie czyžia, kajp taj buwo Anczoje, Gutkawe, Swiacke ir kurkitur da; tajgi, kolajk isz musu žiames neiszwijus Maskola, kurie nieko gero žmoniems niekados nepadare, asz Wiresnis Lenku Rando prisakau wisiems ponams ir dwarams, katruos Maskolej priwers su egzekucija imtie nuo gaspadoriu czyžias, kad int 24 adinas atgalos tiems gaspadoriams sugražytu czyžinius pinigus.

Katras ponas bijodamassi Maskolaus neiszpilde szito prisakimo, tasaj, kajpo nepaklusnus padėjaiams Lenku Rando, kurisaj amžinaj dowanojo žiamia gaspadoriams,— bus nuo Krakusu kurotas, po wisa swieta kajpo lajdokas apszauktas ir toksaj tegul jau nesitiki nejokios apwejzdos nuo Lenku.

Raszyta ant So Motiejaus Apaszialo, 1864 m.

Ignotas Czynskis

(Czia buwo pieczetis Wiriausybes Lenku Rando)

Печать национальной типографии Августовского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 633, л. 12. Типографский оттиск

ПЕРЕВОД

Приказ полномочного комиссара польского правительства
в Августовской губ.

Повстанческие начальники поветов сообщают мне, что русские, силой, обманом и другими средствами заставляя крестьян платить чинш, полностью отмененный декретом польского правительства от 22 января 1863 г., заставляют также помещиков и все имения взимать с крестьян чинш. В последнее время русские зачастую силой заставляют крестьян платить чинш, как это было в Анчяй, Гуткаве, Свяцке и в других

местах. Посему, пока из нашей земли не будут изгнаны русские, которые ничего хорошего никогда крестьянам не делали, я, комиссар польского правительства, приказываю всем помещикам и имениям, которые будут принуждаться русскими к взиманию с крестьян чинша, в течение 24 часов возвратить этим крестьянам чиншевые деньги.

Тот помещик, который из страха перед русскими не выполнит этого приказа, как не подчиняющийся распоряжениям польского правительства, которое на вечные времена отдало землю крестьянам, будет наказан кракусами [а] и повсеместно объявлен преступником. Пусть он не надеется ни на какую пощаду со стороны повстанцев.

В день св. Матвея апостола [б] 1864 г.

Игнотас Чинскис

(Здесь была поставлена печать
польского правительства)

[1] *Бронислав Радзишевский (псевдонимы: «Игнатий Чинский», «Игнотас Чинскис») занял должность комиссара Августовского воеводства в августе 1863 г., после гибели А. Авейде (см. прим. 1 к док. 150). По словам Р. Блонского (указ. соч., стр. 408), Радзишевский имел бóльшую власть по сравнению с прежними комиссарами и в отличие от них именовался полномочным комиссаром. О функциях Радзишевского см. показания Я. Козелла-Поклевского в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», стр. 180—184.*

[2] *Об обнаружении приказа у б. таможенного стражника М. Мозняка см. прим. 1 к док. 134.*

165

1864 г. февраля 19, Сувалки.— Циркулярное предписание военного начальника Августовского отдела Я. П. Бакланова уездным военным начальникам об усилении охраны границ с Пруссией [1]

Так как до сведения моего дошло, что злоумышленники вновь намерены начать беспокойства в крае, для чего многие пробираются из Пруссии, то я предписываю в. вб. посылать от всех мест расположения частые разъезды по всем направлениям, а для осмотра местности — и пехотные части, при этом прошу подтвердить чинам пограничной стражи, чтобы они тщательно охраняли границу и всех тех, которые не будут иметь при переходе установленных видов, тотчас арестовывали бы. Если будет дознано, что кто-либо перешел границу, не имея законного вида, то как отрядные офицеры пограничной стражи, так и ротные командиры будут подвергнуты строжайшей ответственности. Вместе с тем обратите особое внимание, чтобы никто не выезжал из стана без разрешения военных становых, а сии последние должны прекратить все переезды без особо уважительных причин.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1020, оп. 1, д. 1, л. 21. Отпуск

[1] *Публикуется по экземпляру, адресованному военному начальнику Августовского у. Об использовании повстанцами территории Пруссии в качестве базы для накопления сил, чтобы весной 1864 г. вновь развернуть повстанческие действия, см. показания Я. Козелла-Поклевского в сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.», стр. 182—184, а также док. 166.*

[а] *Кракусы — конники, здесь — повстанческие жандармы.*

[б] *24 февраля н. с.*

166

1864 г. марта 2, Сувалки.— Циркулярное предписание Я. П. Бакланова уездным военным начальникам о принятии более строгих мер против повстанцев

По полученным мною сведениям оказывается, что в Галиции, Познани и Восточной Пруссии приступлено к формированию новых кадров для мятежнических шаек и что злоумышленники намерены в половине марта вновь вторгнуться в пределы Царства. Желая предупредить край от новых несчастий, я предписываю в. вб. точно руководствоваться инструкциею главного начальника края от 24 мая и всеми теми дополнительными распоряжениями, которые мною были к вам препровождены. Кроме того, предписываю:

1. Всех, взятых с оружием в руках, предавать полевому военному суду при вверенном вам полку и приговаривать в 24 часа к смертной казни через расстреляние. Приговоры судов приводить самим в исполнение.

2. Обязать бургомистров, гминных войтов помещиков [a], лесничих и подлесничих в случае появления мятежников тотчас давать знать чрез особо посланных лиц или лично ближайшему военному начальнику, и, ежели будет дознано, что о появлении мятежников донесение не было сделано или посланный был направлен так, чтобы попасть в руки мятежников, или, наконец, что донесение будет доставлено так поздно, что, за всеми принятыми военною силою мерами, мятежники уйдут безнаказанно, виновных немедленно брать под стражу и они будут преданы военному суду.

3. Ежели в какой-либо гмине жандармы-вешатели совершат убийство и виновность в допущении означенного злодейства подтвердится, то у помещиков, арендаторов или их официалистов, кроме ответственности по закону, все принадлежащее им имущество будет предано сожжению, а имение секвестровано. Ежели виновность в допущении убийства падет на крестьян, то все селение будет сожжено.

4. Равно как будут подвержены строжайшей ответственности и те помещики, арендаторы или крестьяне, которые могли захватить мятежников, но этого не сделают.

5. Ежели кто-либо из помещиков или их официалистов и шляхты по требованию мятежников даст подводы, деньги, одежду или съестных припасов, то таковых брать под стражу, а на имущество их тотчас же накладывать секвестр.

6. Ежели мятежники пройдут через деревню и солтысы или кто-либо из крестьян не донесут начальству или они в деревне получат подводы, то солтысов и виновных лиц брать под стражу, а, кроме того, вся деревня будет обложена денежным штрафом в размере от 3 до 10 руб. с дыму.

7. С 15 марта обязать всех помещиков, помещиц и официалистов проживать в своих имениях, выдачу паспортов на проезд прекратить, а выдавать только в крайности и тем из помещиков, которые лично известны вам или военным становым своею благонадежностью. Всякий же, у кого не окажется засвидетельствованного военным начальником

[a] *Так в тексте.*

билета, на первый раз будет подвержен штрафу в 25, во второй — в 100 руб., а в третий раз взят под стражу. При засвидетельствовании паспортов гражданскою властью, что препятствия на выезд не имеется, военные начальники должны упоминать, на сколько именно времени разрешается лицу отправиться из места своего жительства, по возвращении лица обратно паспорт должен быть уничтожен. Военные становые имеют право засвидетельствовать билет на выезд на семидневный срок.

8. Замечено мною, что ныне во многих деревнях вовсе не стоит варта [а], а в других обязанности свои исполняет не с достаточной бдительностью, а потому предписывается вновь подтвердить крестьянам о необходимости варты и на обязанности становых возложить разъяснение крестьянам, какие билеты они должны считать действительными.

Означенные мои распоряжения прошу довести до общего сведения, чтобы незнанием никто не мог бы отозваться, и вместе с тем подтверждаю в. вб. не допускать никаких послаблений, ибо я решился не отступать ни перед какими мерами для успокоения края. Но, чтобы предупредить новые несчастия и охранить личность и собственность тех лиц, которые не сочувствуют разбою и грабежу, я предписываю вам подтвердить всем войскам, в ведении вашем находящимся, чтобы они усилили бдительность, для чего посылали бы как можно чаще конные разъезды и пехотные части для осмотра прилегающей к их району расположения местности. Я убежден, что войска поддержат порядок, сумеют сохранить спокойствие в крае и тем заслужить новое право на всемилостивейшее внимание государя императора.

Ген.-лейтенант Бакланов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 613, лл. 3—5. Заверенная копия

167

1864 г. марта 26.— Заключение Временного полевого аудиториата по делу о рядовом Сумского гусарского полка З. Д. Григоращенко, преданном суду за побег из полка и вступление в ряды повстанцев

Временный полевой аудиториат, рассмотрев представленное управляющим Ковенскою губ. военно-судное дело о рядовом Сумского гусарского ген.-адъютанта гр. фон дер Палена полка Захаре Демьянове Григоращенко, 34 лет (православного вероисповедания), сужденном по полевому уголовному уложению за побег из службы в шайку мятежников, находит, что подсудимый Григоращенко, состоя на службе с 1848 г., в последнее время находился эскадронным артельщиком в означенном полку, в половине же мая прошлого года, растратив эскадронные харчевые деньги в количестве 45 руб. 57 коп. сер., он сделал побег и тогда же вступил в шайку мятежников под предводительстом Нешокоця [б], от которого впоследствии перешел в другую шайку — Далена. Спустя более пяти месяцев, когда мятежническая шайка, в которой находился Григо-

[а] *Warta — стража, караул (польск.).*
[б] *В тексте* Нешкода.

ращенко, была распущена, в начале ноября подсудимый Григоращенко был задержан вблизи гор. Мариамполя Августовской губ. и представлен местному начальнику, причем сам сознался в побеге из службы и бытности в шайке.

По сим обстоятельствам Временный полевой аудиториат, признавая рядового Григоращенко виновным в растрате казенных денег, побеге из службы и нахождении продолжительное время в двух мятежнических шайках и имея в виду, что Григоращенко оставлением рядов войск и вступлением в шайку мятежников изменил долгу службы и присяге, вследствие чего должен быть отнесен к 1-й категории преступников, указанных в высочайше утвержденных 11 мая 1863 г. правил[ах] о порядке наложения взысканий на мятежников, полагает подсудимого Григоращенко, на основании 3 п. упомянутых правил, 178 и 569 ст. ст. 1 кн. воен[но]-уголов[ного] устава и согласно с приговором военного суда и мнением управляющего Ковенскою губ. казнить смертью расстрелянием, имущество же, какое у него окажется или впоследствии может принадлежать ему по праву наследства, по силе 176 ст. 1 кн. воен[но]-уголов[ного] устава конфисковать в казну.

Заключение это Временный полевой аудиториат представляет на благоусмотрение е. вп. г. командующего войсками Виленского военного округа.

Ген.-лейтенант Фомин
Полковник барон Тизенгаузен
Полковник Леонтович
И. д. полевого обер-аудитора П. Неелов

Резолюция М. Н. Муравьева Согласен. 27 [марта]. Муравьев [1]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 361, лл. 33—34. Подлинник

[1] *Приговор над З. Д. Григоращенко приведен в исполнение 3 апреля 1864 г. в гор. Ковно. См. там же, л. 39; «Rok 1863. Wyroki śmierci». Wilno, 1923, str. 18, 71.*

Это не единственный случай участия русских солдат и офицеров в повстанческом движении в Августовской губ. Уроженец Орловской губ. инженер-подпоручик М. И. Киянский занимал в повстанческих отрядах командные должности. Его показания, содержащие сведения о восстании в Августовской губ., см. в сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 460—471. Сохранился рапорт о стычке с карателями 18(30) июня 1863 г., подписанный Киянским за командира 6-го отряда Шукевича (НБ ВГУ, А-т. 35, № 6396. Подлинник).

Более подробно о военнослужащих царской армии, находившихся в рядах повстанцев, см. в работе: В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

168

1864 г. апреля 6, Сувалки.— Из рапорта Я. П. Бакланова М. Н. Муравьеву о распространении печатного объявления повстанческого комиссара Августовского воеводства Б. Радзишевского (Чинского) и обнаружении в нескольких местах оружия

Получены официальные донесения:

1) В дер. Бобровники Мариампольского у. было прибито на столбе печатное революционное объявление следующего содержания: «Началь-

ник войск повстанских губ. Августовской. Всем людям этой губернии. Каждый будет повешен, кто осмелится дать знать москалям, где находятся поляки или где спрятаны ружья или вещи, им принадлежащие.

(Подписано) Игнатий Чинский
На новый 1864 г.

(Место печати)».

Кругом печати надпись: «Типография народовая воеводства Августовского» [1].

Подлинное объявление препровождено было командующим войсками в Ковенском и Мариампольском уездах и. д. августовского гражданского губернатора при отзыве от 17 прошедшего марта за № 693. Произведенное по этому [происшествию] расследование на месте войтом гм. Вилковишки передано военному становому в Выштынце, которому сделан запрос.

2) В Сейненском у. отыскано у крестьян: 10 одноствольных ружей, 1 пистолет и 1 ствол без ложи. За это военно-уездным начальником взыскан с виновных штраф общим числом в 51 руб. сер.

3) В Августовском у.

В фольв. Липовка в ульях перед домом управляющего этим имением Антона Романовского найдены пограничной стражи штабс-капитаном Тацки: 1 двуствольное ружье, 1 пистолет, 4 пороховницы (из них 2 с порохом); на дворе в амбаре им же: 3 ружейных приклада, 11 ружейных пуль и 2 ружейных курка. Романовский арестован, и производится по всему этому расследование в Августовской военно-следственной комиссии.

В дер. Решки гм. Рудки у слесарного мастера перед домом в ульях найдены тем же офицером: 6 ружейных и 6 пистолетных стволов, 2 пистолетных приклада, 1 ружейный замок с курком, 1 пороховница и 1 патронная трубка. Мастер Якуб Куберский, у которого сделано открытие, арестован, и производится по этому расследование в Августовской военно-следственной комиссии [...] [a]

Поиски войск производятся по всем направлениям неутомимо, и обыски делаются в подозрительных местах тщательно. Но все это почти без всяких результатов, кроме описанных здесь случаев открытия оружия и боевых припасов.

О всем вышеизложенном доношу в. вп.

Военный начальник ген.-лейтенант Бакланов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 777, л. 13 и об. Копия.

[1] *Подлинник см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1020, оп. 1, д. 1, л. 10. Типографский оттиск.*

169

1864 г. июля 31.— Отношение Д. А. Милютина М. Н. Муравьеву о возвращении Августовской губ. в подчинение наместника Царства Польского [1]

Государь император, имея в виду, что при нынешнем положении политических дел в Царстве Польском представляется полная возмож-

[a] *Опущено описание происшествий по Августовскому у., не имеющих отношения к теме сборника.*

ность к осуществлению предположения о возвращении всей Августовской губ. в полное подчинение наместника Царства и главнокомандующего расположенными в оном войсками, высочайше повелеть соизволил привести эту меру в исполнение к 15(27) предстоящему августа на тех основаниях, какие объявлены были е. в. лично вам и ген.-адъютанту гр. Бергу. При этом е. в. соизволил подтвердить уже прежде сообщенную мною в. вп. высочайшую волю, чтобы при переходе означенного края в заведывание гр. Берга все расположенные в нем войска равномерно поступили в его распоряжение, за исключением лейб-гусарского Павлоградского полка, который должен присоединиться к своей дивизии.

О таковом высочайшем повелении, сообщенном мною ген.-адъютанту гр. Бергу, министру внутренних дел и министру статс-секретарю Царства Польского, имею честь уведомить в. вп. к зависящему по принадлежности исполнению.

Военный министр ген.-адъютант Милютин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 782, лл. 2—3. Копия

[1] *О подчинении Августовской губ. в административном отношении М. Н. Муравьеву см. док. 163.*

170

1864 г. октября 5, Сувалки.— Рапорт военного начальника Августовского отдела Н. С. Ганецкого наместнику в Царстве Польском Ф. Ф. Бергу о принятии мер против перехода повстанческих отрядов из Пруссии в Августовскую губ.

Из двух последних случаев появления бродяг во вверенном мне отделе, именно: 19 сентября с. г. на мызе помещика Марковского Гутти, где бродяги успели добыть себе деньги и вещи, и второй раз — на мызе помещика Боньковского Поляны в ночь с 29 на 30 число того же сентября, где, не достигнув ничего, успели, однако, скрыться,— усматривается, что таковые злоумышленники прибывают в пограничные предместья Пруссии и, пробираясь оттуда, вооруженные револьверами, занимаются особенного рода разбоем под именем экзекуции Народового жонда.

В прежнее время, когда со стороны Пруссии расположены были по границе войска, то сии последние в подобных вышеприведенным случаях способствовали нам к открытию и поимке тех бродяг, ныне же по отсутствии таковых тамошнее гражданское начальство оставляет им безнаказанно пользоваться награбленным.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрение в. с., я бы полагал со своей стороны необходимым сделать сношение с нашим посольством в Берлине о выдаче укрывающихся по границе беглых польских выходцев, преимущественно в ландратствах Олецке и Лыке, или, по крайней мере, самом строгом за ними полицейском надзоре, если они не могут быть вовсе удалены от границы.

Военный начальник ген.-лейтенант Ганецкий 2-й

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1020, оп. 1, д. 41, лл. 8—9. Отпуск

171

1864 г. ноября 27.— Рапорт Сувалкской следственной комиссии Н. С. Ганецкому по делу о повстанцах П. Котловском, А. Белицком и др.

[а] По дополнении, в чем следовало, дела, переданного в числе прочих неоконченных [б] из Ковенской следственной комиссии, о политических арестантах Петре Котловском, Адаме Белицком, Александре Штуке и Викентии Лабунайтисе, ныне по рассмотрении оного оказывается:

1) Что мещанин м. Шак Мариампольского у. Петр Антонов Котловский, 21 года от роду, имущества не имеющий, по собственному сознанию присоединился к мятежу в начале марта месяца 1863 г., был в шайках Каминского, Андрушкевича, Сузина, Шпака и Острога, у Каминского присягал, у Шпака занимался раздачею продовольствия на шайку и со Шпаком много раз заезжал в разные селения с тем, чтобы под угрозою смерти отклонить у жителей попытки к доносам о движении шаек, участвовал в стычках, 16 же октября 1863 г. задержан военной властью по донесению крестьянина Казимира Полубинского, когда он, Котловский, вместе с мятежником Адамом Белицким с оружием прибыли в дом Полубинского в дер. Московизна Выша Мариампольского у.; у Котловского находился револьвер, а у Белицкого — пистолет, но признанный Котловским также принадлежащим ему. Сверх того, при Котловском найдена форма пуль и бумажник с записками руки Котловского, из коих в одной обозначены крестьяне, подобравшие вещи по разбитии шайки Шпака, и другие крестьяне, которых Шпак хотел наказать розгами. Заметка эта, по показанию Котловского, сделана им по диктовке Шпака, причем, хотя объяснился незнанием значения заметки, но арестовавший Котловского капитан Агапьев [в] разыскал у некоторых из обозначенных в заметке лиц подобранные ими мятежнические вещи и одну косу.

Затем Петр Котловский в дальнейших преступлениях хотя не сознался, но положительно изобличается, что у начальника банды Шпака был адъютантом или помощником и при нападении на мирных жителей руководил всякими бесчинствами, как, например, при нападении банды ночью с 6 на 7 августа 1863 г. на дер. Струпы (смежную с м. Шаками) и разгромлении ночного крестьянского караула, из местных немцев-колонистов составленного, причем выстрелами ранены Брокерт и Лянге, из коих Брокерт вследствие тяжелой раны в несколько дней умер, причем много людей жестоко избиты нагайками, а затем Котловский со Шпаком присутствовали при нападении на канцелярию магистрата в м. Шаках и уничтожении дел и бумаг, причем сорваны государственный герб и портрет государя императора и также уничтожены [1].

2) Мещанин гор. Кальварии Адам Антонов Белицкий, 25 лет от роду, имущества не имеющий, оставил место жительства, не сделав никакого преступления, 6 мая 1863 г. и ушел в мятеж, присоединясь к шайке Сузина, там присягал, после перешел к Вавру, а как Вавер соединился

[а] *Опущены ссылки на листы следственного дела.*
[б] *В тексте* неокончивших.
[в] *В тексте ошибочно* Агатев.

с Гржимайло, Ясинским и Брандтом, то находился в этой общей шайке до уничтожения оной войсками, участвовал в 7 стычках и, наконец, по болезни 24 сентября отпущен с билетом. Затем он, Белицкий, намеревался добровольно явиться, но, встретившись в дороге с Петром Котловским, с ним шатались по разным местам, и Котловский снабдил его своим лишним пистолетом, с каковым и ходил, пока 16 октября 1863 г. не [был] арестован капитаном Агапьевым по донесению крестьянина Полубинского, когда он, Белицкий, вместе с Котловским с оружием прибыли к Полубинскому.

3) Крестьянин Августовского у., гм. Голынки, дер. Рубцов Александр Семенов Штук, 45 лет, имущества не имеющий, сам сознался, что, досматривая за лесом помещика Карвовского, осенью 1863 г. по принуждению мятежников два раза был у них проводником и на это имел письменный приказ начальника банды, а однажды мятежники принудили его перевезти оружие из казенного леса Чатовица под дер. Хруское, о чем он, Штук, при первом появлении русского отряда доложил офицеру и, сверх того, в доказательство своей преданности объяснил, что однажды навел казаков на мятежнический стан в лесе Грушки и шайка [была] рассеяна, а после означенной стычки Штук успел подобрать некоторое мятежническое оружие и таковое представил полковнику Белявскому, от которого за услуги получил письменное засвидетельствование, но ныне у него пропавшее. О том, что Штук казацкому отряду указал мятежников и представил подобранное с солтысом дер. Шкиблева Крисюком оружие, подтверждено и следствием, а также приведен в известность и тот факт, что сложенное возле дер. Хруское мятежническое оружие отрядом капитана Ореуса в сентябре 1863 г. разыскано, неизвестно только, по указанию ли Штука, и виновные жители дер. Хруское судились в Гродно. Затем, хотя Штук оговорен мещанином Белицким, что с двумя Громецкими был проводником и шпионом у мятежников и перевозил оружие, крестьянами Пашкевичем и Савицевским — в том, что все лето 1863 г., начиная с весны до осени, по случаю частых отлучек почти не был дома, чем наведено подозрение в постоянных сношениях с мятежниками, но Штук в других сношениях с мятежниками не признался, кроме, что два раза был проводником и один раз перевозил оружие, оправдываясь принуждением; других улик против Штука никаких не имеется, а местным доследованием положительно оправдан, что постоянно находился при своих занятиях и исполнял должность лесника до арестования в январе сего 1864 г., и к подкреплению сего представлены управляющим Карвовского расчетные книжки с выбора Штуком заработанных денег и провизии на свое содержание.

и 4) Солтыс Грышко-Будской гмины, дер. Давидки, Мариампольского у. Викентий Филиппов Лабунайтис, 44 лет, оседлый хозяин на собственной земле, арестован военным начальником 4-го округа Мариампольского у. за то, что не задержал мятежников Котловского и Белицкого и не дал знать о бытности сих мятежников, коих поил и кормил. Против этого Лабунайтис объясняется, что когда 14 октября 1863 г. зашли к нему два неизвестных человека, то сейчас принял их за мятежников и хотел арестовать, для чего пошел звать караульщиков в соседнюю деревню, но за возвратом мятежников уже не застал, без него жена из страха давала им водку и закуску, а не дал знать о бытности мятежников по оплошности.

К оправданию Лабунайтиса служат только присяжные показания караульщиков, что он звал их для арестования мятежников, но их уже не застали, и заверения Котловского и Белицкого, что водку и закуску давала жена в отсутствие солтыса Лабунайтиса.

По показаниям мятежников Котловского и Белицкого, кроме Лабунайтиса, они заходили и к другим жителям и находили прием, и именно: у Поплавского близ дер. Варзка Буда, у Иокунды-Крапянского в Сливянской Буде, у Мацкевича в дер. Отесниках и у солтыса в дер. Даукшах, по фамилии неизвестного, но Поплавский и Иокунды-Крапянский со своим отцом Осипом уже усланы в ссылку, Мацкевича, по предъявлению 5 человек этой фамилии из дер. Отесников, не признано положительным образом на очной ставке, а солтыс дер. Даукши по двукратным требованиям 9 октября и 6 ноября за №№ 1364, 1531 кальварийским военным начальником не разыскан, о чем вновь писано 26 ноября № 1650.

Мятежник Белицкий, хотя показал на Осипа Козловского, что он его и прочих из Кальварии наговорил в мятеж и вместе был в шайке Сузина, но того Козловскому ничем не доказал и по ссылке его, Белицкого, на других это не подтвердилось. Козловский хотя был в мятеже, но, по объяснению его, не у Сузина, а у Глязера, и после добровольно явился. О бытности Козловского в мятеже особо произведено в Сувалкской комиссии дело и представлено 30 сентября 1863 г. за № 1324.

Белицкий также выказал бывших в мятеже из Кальварии: 1) Казимира Пашкевича, 2) Юзефа Гржибовского, 3) Александра Мондярского, 4) Викентия Маевского, 5) Александра Домбровского, 6) Юзефа Маевского, 7) Антона Пионтковского, 8) Адама Мидановича и 9) Адама Дундзило, но из них первые четыре оказались убитыми в стычках, Домбровский, Юзеф Маевский и Пионтковский добровольно явились и водворены на прежнее жительство, Миданович же и Дундзило показаниями своими, выданными им паспортами на отлучку из гор. Кальварии и поверкою показания Мидановича оправдались в небытности в мятеже. Впрочем, насчет Дундзило затребована поверка показаний от сейненского начальника 22 октября за № 1442, но и за повторением ответа не получено.

Наконец, привлекаемые к сему делу два брата из дер. Грушек Августовского у. Яны Грошецкие арестованы в Гродно, а Катель бежал за границу.

По делу сему взяты под арест и содержатся: Петр Котловский и Адам Белицкий с 16 октября 1863 г., Викентий Лабунайтис — с 21 октября 1863 г. и Александр Штук — 24 января 1864 г.

Председатель Ф. Магнус 3-й
Члены: Поручик [a]
Поручик Ковальский
Аудитор Никифоров

Резолюция Н. С. Ганецкого Котловского и Белицкого предать суду, а Штук и Лабунайтис не могут ли быть отпущены?

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1020, оп. 1, д. 30, лл. 4—8. Подлинник

[1] *Об отряде де Виннена («Шпака») см. также док. 153 и примечания к нему.*

[a] *Подпись неразборчива.*

172

1865 г. январь [1].— Выписка из следственного дела об арендаторе им. Антоново Мариампольского у. В. Шабуневиче, арестованном за активное участие в восстании

[а] Помещик Виктор Станиславов сын Шабуневич, 43 лет, обвиняется по донесению коменданта и военного начальника гор. Ковно от 13 ноября 1863 г. за № 5084 [2], что 18(30) генваря агент революционного комитета Юзефович читал собранию лиц у Шабуневича прокламацию революционного комитета о восстании противу правительства, а варшавский демократ Симон Катылло находился вместе с Шабуневичем для попыток к восстанию в Ковенской губ.

По отзыву командующего войсками 1-го отдела Ковенской губ. и Мариампольского у. от 23 октября 1863 г. за № 3441[3]:

1) в первых числах генваря 1863 г., когда были собраны рекруты для отправления десятским Шульц-Богдановичем к гминному войту Чиста Буда, Шабуневич с клериком Катылло встретили его, Шульца-Богдановича, и Катылло, вынув пистолет, грозил убить его, если он не распустит рекрут, а Шабуневич тоже настаивал на этом, после же роспуска рекрут десятским Шульц-Богдановичем Шабуневич с клериком Катылло, отправившись к гминному войту Чиста Буда, истребили там бумаги, относящиеся до рекрутского набора;

2) он же, Шабуневич, требовал к себе всех работников с тем, чтобы они записались в мятеж;

3) когда русский отряд приблизился к его мызе, то он ушел с мызы с семейством;

4) что один раз приказывал содержащему у него скотный двор еврею Гершке не продавать молока потому, что скоро будут гости (т. е. повстанцы);

5) один раз с клериком Катылло был в шайке в лесу Шалокайты, около Чистой Буды;

6) возил в лес к повстанцам кушанье;

7) в генваре месяце прошлого года у него в Антонове был большой съезд, где было собрано больше 2000 человек;

8) имел сношения с ксендзом м. Пильвишки Добрилой и бурмистром того же местечка Рошковским;

9) что крестьянин дер. Вупты Шимон Бальсис был у него доносчиком, обязанность коего была давать ему, Шабуневичу, знать о числе и движении русских войск;

10) что до съезда в Антонове помещиков, 30 генваря 1863 г., был бал в им. Фреда помещиков Годлевских по поводу будто бы обручения их дочери; на этом балу он, Шабуневич, избран был предводителем, а гминный войт Винклер к нему адъютантом [...] [б]

Аудитор М. Иванов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1020, оп. 1, д. 24, лл. 49—50. Подлинник

[1] *Датируется на основании анализа материалов дела.*
[2] *См. там же, лл. 127—128.*
[3] *См. там же, л. 164.*

[а] *Опущены ссылки на листы следственного дела.*
[б] *Опущена заключительная часть выписки, содержащая изложение показаний по приведенным фактам.*

173

1865 г. марта 13(25).— Список агентов повстанческой организации и сочувствующих восстанию лиц по Августовской губ. с их характеристиками [1]

По Августовской губ.

Ломжинский у.

Гор. Ломжа. Кс. Талеровский, кажется, теперь живет в Райгороде, влиятельный между народом и ревностный. Аптекарь Тоцк [а], евангелический пастор Габеркант, патрон трибунала Томашевский — хороши в городскую организацию. Субъект [б] кондитерской Семадини Эдуард — хорош, имеет связи с официалистами в окрестностях и в городе. Портной Моцятович уважаем ремесленниками на месте, притом хорош и усерден.

Гор. Замбров [в]. Кс. Хоруский — хорош, но труслив. Решнеф — хорош и усерден, но тяжел, служит в лесничестве; он укажет канцелярского подлесного Ольшевского, также хорошего труженика в предвосстании.

Гор. Высоке-Мазовецке. Ксендзы: Киевский хорош, но болтлив и Домбровский также хорош, но трус. Бургомистр и войт Собанский [г] оказывал расположение, поближе узнать его я не мог.

Дер. Домбровка. Кс. Крассовский — народный и большой враг шляхты, но требует подстрекания.

Дер. Домбровка-Лазы. Юлиан и Сатурн Домбровские — народные, первый — деятельный, второй — поручик московских войск, более тихий, но тоже хорош; они укажут сапожника Павловского, дельного человека, предводительствующего в народе, но несколько пристрастного к горячим напиткам, а Павловский укажет людей преданных даже в Гродненской губ.

Дер. Вышенки. Кс. Домбровский — хорош и охотный.

Дер. Склоды. Людвиг Страшевич [д] — хорош, но связан семейными делами; поручик московских войск.

Дер. Пентково. Кс. Коссаковский — хорош и охотный, народный, любим крестьянами.

Дер. Становиско. Шляхтич Иосиф Кержновский [е] — он, может быть, один во всем воеводстве охотно и без происков работал и с народом имеет связи.

Гор. Соколы. Бургомистр Сикорский — честный и добрый поляк, любим в окрестности, живет в дружбе с Войцехом из Крушева, также под Соколами, управляющим фольварком, человеком энергическим, а также с братом моим — управителем в Ковалевщизне [ж]. Все трое ука-

---

[а] *Карандашом исправлено* Ток.
[б] *Subjekt — приказчик, продавец (польск.).*
[в] *В тексте ошибочно* Залибров.
[г] *Карандашом исправлено* Скроданский.
[д] *Далее написано карандашом* живет в Варшаве.
[е] *Карандашом исправлено* Кершновский *и далее написано* арестован.
[ж] *Далее написано карандашом* (Адольф Каминский).

жут народную организацию в Тыкоцинском и в гор. Тыкоцине, где все были хороши, но ныне не знаю, кто там остался.

Дер. Гролды. Леонтий Свенцинский — хорош, он укажет шляхту и крестьян в окрестности гор. Визна[а] и Едвабно.

Дер. Стависки. Александр, Осип, Адольф и Франц Рошковские. Самый старший развращен[б] в эмиграции, Александр — капитан московских войск, энергический, народный, Адольф — штабс-капитан, также хороший, Франц лишился ног, дельный труженик.

Дер. Пржитулы. Кс. Ястржембский — хорош и народный.

М. Кольно. Кс. Лопушинский — хорош. Осташевский[в], войт и секретарь бургомистра — хорош, но труслив; он укажет крестьян и мелкую шляхту в тамошней окрестности. Миодушевский, чиновник таможни Винцента,— хорош.

Дер. Малый Плоцк. Помощник войта — хорош и народный[г].

М. Новогрод. Ксендзы Фумос[д] и Скродзкий хороши, но трусливы.

Дер. Дукат. Подлесный в майорате Розмыслович — энергический и хороший, он укажет преданных крестьян (Kurpie[е]).

Дер. Липники[ж]. Кс. Кудериевич — хорош, но труслив.

Дер. Дуды. Подлесный Крачкевич — хорош, но труслив, укажет крестьян (Kurpie).

М. Вышинец. Находится в Остроленцком у., но ксендзы оттуда действуют и на ломжинских крестьян (Kurpie). Ксендзы Королец, Ольшевский и настоятель прихода весьма хороши.

Августовский у.

М. Щучак. Питейный ревизор — хорош. Защитник Гендзелевский — хорош, но труслив. Вдова, кажется, после кондитера,— хороша и смелая женщина. В окрестностях Щучина три младших Змиевских и два младших Филипповских, именно самые младшие — хорошие и энергические.

Дер. Грабово. Девица Юлия Вага — смелая и охотная.

Гор. Августов. Викарий — народный, энергический и охотный, укажет крестьян в тамошней окрестности.

Гор. Сувалки. Анна Таргенская (Лянге) — хороша и смелая, мужского характера; она познакомит с начальниками городов Сувалок и Августова последних времен, с Осипом Хилинским, хорошим и энергическим, и другими в тамошней окрестности. Кениг — чиновник губернского правления — хорош.

Дер. Чостков. Войт Бенюта-Чуванский — народный и хороший.

Дер. Балинка. Девица Анна Лоссо — может быть курьеркою, она укажет солтыса той деревни, хорошего человека.

[а] *Исправлено карандашом вместо прежнего* Вильно.

[б] *Так в тексте.*

[в] *Далее карандашом написано* находится делопроизводителем у комиссара Маковецкого. *Эта же фраза повторена на полях.*

[г] *Далее карандашом написано* Лининский.

[д] *Карандашом исправлено* Гумос.

[е] *Курпи — жители лесных пущ по р. Нареву, отличавшиеся рядом этнографических особенностей.*

[ж] *Исправлено карандашом вместо прежнего* Липинки.

Дер. Гута. Близ Сувалок есть две Гуты. Помощник войта Мыстковский — народный и энергический.

Гор. Сувалки. Штабс-капитан московских войск Антон Вольф живет при отце докторе, энергический и хороший поляк. Он познакомит с двумя Корсаками, состоящими до сего времени в военной службе, из коих один квартирует в Кальварии, и с ним можно лично сноситься или посредством гражданки Жуковской. Нагурно — защитник — народный и энергический. Кс. Фальковский и кс. Сокович — оба народные и хороши.

Сейненский у.

Гор. Сейны. Сын крестьянина Казимир Павильчук — дабы спасти себя от Москвы, поступил в семинарию, но во всякое время готов оставить ее и будет с пользою работать в уездах Кальварийском и Мариампольском, ибо знает литовский язык, хорош.

Дер. Гончаны. Ястржебский — хороший и энергический, любим мужиками, он укажет весьма многих крестьян.

Дер. Прыга. Крестьянин Нарушевич — весьма деятельный.

Гор. Серее. Чиновник из Варшавы, сын учителя Заевский — хорош и энергический.

Дер. Симно. Бывший бургомистр Крушевский — народный, укажет крестьян.

Дер. Ганьча. Девицы Коженянки, преданы народному делу, укажут стрелка Кабайтиса, хорошего человека.

Кальварийский у.

Гор. Кальвария. Судебные асессоры Лопуский и Роткевич — народные и отчаянные, преимущественно первый. Сикорский Станислав, помощник войта гм. Подавине [a], любим крестьянами, хорош и энергический. Иосиф Сосновский, помощник войта гм. Карклины, также хорош. Александр Кульвец, штабс-капитан московских войск, народный и азартный, живет у своего брата в Скордунянах. В тамошней окрестности живет брат их Адам, также офицер московских войск, все молодые и энергические.

Дер. Иглишки. Колонист Войткевич — уважаем своею собратьею — крестьянами, хорош, только нужно подействовать на него посредством Сосновского. Сосновский укажет Юлиана Андржейковича, который там скрывается, и Алекса — ученика 7 класса из Сувалок, он сын крестьянина, живет теперь при отце, весьма хорош.

Дер. Дольница. Скрывается там у Ячинского Лупинский, хороший человек и народный.

Дер. Вилкобок. Станислава Мицевич хотя дочь шляхтича, но может быть курьеркою и работать между народом, который ее любит. Жуковская из гор. Кальварии укажет Рахенского, хорошего и народного.

Гор. Вержболов. Инженер Ивашевский — хорош и народный, но гуляка.

Дер. Везька-Кершна. Карл Ястржебский, хорош.

---

[a] *В тексте* Подавинин.

Мариампольский у.

Из Кобр. Лопуский укажет начальника гор. Мариамполя последних времен, впрочем, Павильчус, Алекса и Лупинский уорганизируют [а] этот уезд.

Мои рекомендательные письма могут быть для вас полезными в Ломжинском и Августовском уездах, впрочем, не всех лиц знаю. Заверуху [б] — в северной части Августовского, Владислава Струтинского — в Виленском. Мое одно письмо — писанное к Юлиану и Сатурну Домбровским; второе — вообще к ксендзам, так как всех их лично знаю; третье — к Францу Рошковскому [в] в Стависках, в отсутствие коего можно отдать братьям его, Александру или Адольфу; впрочем, каждое из писем моих можно предъявлять всем в Ломжинском, ибо там я со всеми хорошо знаком. Завируха писал к Торгоницкой в Сувалках, на которую вполне можно рассчитывать, потому что она везде уважаема, энергическая, рассудительная и всегда сохранит секрет.

Ожидая ответа, сердечно обнимаю тебя, любезный Владислав, в отечественном деле шлю братний привет.

Войцех [г2]

Верно: поручик Лыков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 456, лл. 1—5. Копия

[1] *Список* лицам, сочувствующим восстанию и готовым принять в нем участие, а также относящиеся до оного сведения, составленные из бумаг, отобранных у пойманных прибывших сюда из Парижа эмиссаров, *был препровожден военному начальнику Августовского отдела Н. С. Ганецкому особой канцелярией управления ген.-полицмейстера в Царстве Польском. Датируется датой препроводительного письма.*

Судя по содержанию документа, сообщаемые в нем сведения исходят от агента Национального правительства Винцентия Каминского, активного участника предповстанческой организации и восстания. 22 января 1865 г. В. А. Долгоруков сообщал о нем М. Н. Муравьеву:

Частным образом получено мною из Берлина сведение, что на границе Августовской губ. и Восточной Пруссии, недалеко от гор. Антербурга, проживает на прусской или русской территории (вероятнее, на последней) помещик некто Винцентий Каминский, который во время восстания под именем Тшепка был гражданским окружным комиссаром и который в апреле месяце прошлого года руководил многочисленными революционными подкреплениями в Восточной и Западной Пруссии. Упомянутый помещик еще и поныне составляет в вышеизложенной местности средоточие революционной агитации, помогая бегству тех, которые состоят на рекрутской очереди, и собирая деньги, каковые в количестве 150 руб. еще недавно отправил в Цюрих.

Каминский находился также в сношениях с недавно уничтоженным в Инстербурге польским комитетом. В этот комитет он отправлял как беглых инсургентов, так и деньги.

Из перехваченного письма от 28 ноября 1864 г., писанного Каминским к бежавшему революционному комиссару Народного жонда в Августовском воеводстве, видно, что к нему прибыли два бывших инсургента, а именно: некто Дыбовский, комиссар Бяльского округа, и вахмистр Улабовский. В письме этом Каминский просит о высылке на сих двух лиц служебных аттестатов и о том, чтобы им даны были средства к побегу во Францию (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г., д. 677, лл. 155—156*).

[2] *На основании предписания Н. С. Ганецкого, местными властями были произведены обыски у перечисленных в документе лиц. В результате расследования было обнаружено, что все они в той или иной степени причастны к восстанию. Было решено учредить за ними полицейский надзор. Упоминаемый в списке Игнаций Лупинский за пребывание в повстанческих отрядах Вавра и Рыхлевского и последующее укрывательство приговорен к поселению в Сибири.*

[а] *Так в тексте.*

[б] *В тексте* Завирухи.

[в] *Исправлено карандашом вместо прежнего* Бошковскому.

[г] *Далее карандашом написано* (Викентий Каминский).

174

1863 г. января 11. — Рапорт белостокского земского исправника Загорянского гродненскому губернатору И. В. Галлеру о нападении повстанцев на гарнизон гор. Суража [1]

По эстафете
Секретно

С 10 на 11 число текущего генваря месяца поздней ночью неизвестного происхождения людей многочисленная толпа [2], вооруженная в пики, косы и другие разного рода железные снаряды, служащие вместо холодного оружия, прибыла с шумом и криком из Царства Польского Августовской губ. Ломжинского у. в заштатный (находящийся на самой границе империи) гор. Сураж, где за некое до сего времени об этом предположении предостережен, командир 7-й роты 2-го батальона Либавского пехотного принца Карла прусского полка встретил оную в боевом порядке, но, видя опрометчивое наступление и в значительной массе нашествие, выступил из гор. Суража в дер. Ростолты по направлению к батальонному штабу; при каковом смятении убито из означенной 7-й роты 2 рядовых и барабанщик [3] да разбит и похищен ротный цейхгауз, также на квартире ротного командира разграблено имущество капитана Малюги [4], а со стороны возмутителей убит один простолюдин; и засим помянутая мятежная шайка около 4 час. утром рано отправилась обратно в Царство Польское, объявляя, однако же, что сего же числа ночью вторично прибудет в гор. Сураж.

В. п. почтительнейше донося о настоящем происшествии, честь имею покорнейше доложить, что в отклонение напредь подобных беспорядков и восстановление благочиния предприняты г. военным начальником полковником Сурковым соответственные меры, а о виновных и их соучастниках в столь важном, нарушающем общее спокойствие деле (независимо от сделанного в сем предмете распоряжения по земскому суду) производится мною негласным образом разыскание, о последствиях коего со всею подробностью непременно будет доведено до сведения в. п.

Земский исправник Загорянский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 4—5. Подлинник

[1] *Нападение на заштатный гор. Сураж было первым крупным выступлением повстанцев в Гродненской губ. в 1863 г. В первых боевых операциях принимали участие*

силы гродненской революционной организации и отряды из Царства Польского. Суражскую операцию проводил отряд В. Цихорского («Замечка»).

[2] *По сообщению белостокского военного начальника И. А. Суркова, численность повстанческого отряда превышала 1000 человек. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 8.*

[3] *Как доносил гродненский жандармский штаб-офицер Н. А. Леляков В. А. Долгорукову 12 января 1863 г., кроме 3 убитых, во время нападения на Сураж* пропали без вести прапорщик и рядовой *гарнизона (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 11).*

[4] *Значительно была повреждена также железнодорожная и телеграфная связь. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 3, 25.*

175

1863 г. января 12.— Рапорт брестского городничего Г. Зайчикова И. В. Галлеру о положении в Бресте в связи с началом восстания в Польше

Секретно

11 числа сего месяца разнесся слух по гор. Бресту, что Царства Польского в м. Кодно, отстоящем от Бреста в 21 версте, какой-то толпой народа сделано ночью нападение на квартировавший там артиллерийский парк и что таковой силой разбит.

В течение дня слухи сии подтвердились: из того парка, состоявшего под командой подполковника Казанского, субалтерн-офицер[a] с шестью рядовыми, явясь к г. коменданту Брест-Литовской кр., донес, что ночью с 10 на 11 число сего месяца толпа народа напала в м. Кодно собственно на военных чинов, обезоружила всех, забрала казенный ящик с деньгами, а солдат, защищавшихся, перебила и что толпа эта была вооружена как огнестрельным, так и холодным оружием.

Для преследования сей шайки и открытия на месте подробностей происшедшего г. комендантом посланы 2 роты Псковского пехотного полка, занимающего караулы в крепости, но еще в настоящую минуту об оказавшемся ничего не получено.

Сего числа разнесся слух, что и во многих местах Царства Польского единовременно появились подобные вооруженные шайки. Подтверждается это тем: 1) проезжая через Брест, ген.-интендант Синельников объявил, что с двумя жандармами и чиновником в проезде из Варшавы по почтовой дороге той же ночью Царства Польского около гор. Бялой был задержан толпой вооруженного народа, которая требовала отдачи оружия, и таковое отнято, но денег и имущества не забрано, и, во-вторых, что почтовая карета, обыкновенно приходившая из Варшавы в Брест ежедневно, ныне не прибыла.

Желая о прописанном донести в. п. по телеграфу, я встретил невозможность, ибо оказалось, что и телеграфическая линия по прямому направлению на Варшаву прорвана. Затем настоящий рапорт посылая по эстафете, имеют честь почтительнейше доложить в. п., что, независимо посланных в Кодно 2 рот, г. комендант сейчас выслал еще одну роту по дороге в гор. Варшаву, что от е. вп. г. коменданта я никакого распоряжения не имею.

---

[a] *Т. е. младший офицер.*

Между жителями города совершенное спокойствие и ни малейшего проявления не замечается, однако для безопасности усилены ночные обходы, а рота Псковского полка, бывшая на квартирах в городе, поставлена в сборах, и все зависящие от меня меры предосторожности приняты [1].

Городничий Г. Зайчиков

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 29—30. Подлинник

[1] *Тревожное положение в Бресте и его окрестностях в связи с появлением из Царства Польского повстанческих отрядов оставалось долго. Об этом свидетельствуют донесения военных и административных властей. В частности, тот же городничий Зайчиков 7 февраля доносил И. В. Галлеру о появлении повстанцев и мерах борьбы с ними. Он сообщал, что город и крепость находятся в состоянии боевой готовности, за жителями, особенно молодежью города, установлен строжайший надзор, арестовано 5 рабочих каретной фабрики на Кобринском форштадте за попытку соединиться с повстанцами. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 226, лл. 1, 116.*

176

1863 г. января 20, Бельск.— Запись показаний возвратившихся из плена солдат 33-го Донского казачьего полка о пребывании в повстанческом лагере

1863 г. января 20 дня возвратившиеся из плена в гор. Бельск 8 человек казаков Донского казачьего № 33 полка: Петр Плешаков, Николай Меркулов, Лука Павлов, Николай Развяков, Иван Трофимов, Клим Ковылин, Митрофан Терехов и Фрол Стрельцов — показали, что они взяты были в плен в им. Рудке Бельского у. мятежниками из бани [1]. По приказанию напавших возмутителей банщик — дворовый человек неизвестной фамилии — снял с потолка заранее, по-видимому, приготовленные веревки кусками и подал толпе, коими связали нам руки назад и отвели в шайку мятежников, с ними же из Рудки отправились мы за границу [a] в дер. Кулики, где ночевали 18 числа в квартире под караулом. На другой день 19 числа утром пообедали и вывели нас на площадь в деревне, и тут их войско стояло, более 2000 человек, вооруженных огнестрельным оружием, косами и отобранным от нас оружием; указав нам свое войско, предупреждали, дабы с ними не воевали. После чего отправили нас под конвоем в числе 50 человек в с. Рудку и там, собрав целое общество крестьян, читали какой-то свой манифест, а в волостном правлении сожгли все бумаги, отправились с ними в костел, требуя от нас присяги для верности: с ними не драться, на что мы не согласились, и засим вывели из костела; вечером же сумерками приказали идти на родину, не являться уже на службу, дозволив притом посмотреть убитых и раненых, где не делали нам никакого препятствия. В Рудке было наших раненых 3 человека, а убитых: офицер 1 и казаков 4, отколь мы явились благополучно [2].

Штабс-капитан Баранов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 167, л. 18. Подлинник

[1] *Нападение на казачий отряд в им. Рудке было совершено повстанцами вместе с вооружившимися крестьянами в ночь на 18 января 1863 г. По донесению командира 1-го дивизиона 33-го Донского казачьего полка есаула Каледина губернатору*

[a] *Т. е. в Королевство Польское.*

И. В. Галлеру, казачий отряд в Рудке потерял убитыми и ранеными 12 человек, 6 казаков взято в плен, остальные отступили к гор. Бельску. Разгромив казачий отряд, повстанцы и крестьяне отбили у них большое количество лошадей, а также оружие и казенные деньги. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 167, лл. 169—170; ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 169—170.

² *К Рудке двинулся отряд ген. З. С. Манюкина. При приближении солдат крестьяне, дворовые люди окрестных деревень уходили в леса, оставшиеся же отказывались сотрудничать с войсками. Пытаясь предотвратить всеобщее восстание, Манюкин применял и угрозы и демагогические обещания.*

177

1863 г. января 22.— Рапорт бельского земского исправника Ловорко И. В. Галлеру о появлении в уезде повстанческих отрядов, роспуске ими рекрутов и уничтожении документов волостных правлений

По эстафете

В. п. почтительнейше имею честь донести, что сего числа января месяца получены мною уведомление от мирового посредника 1-го участка и донесения от станового пристава 2-го стана и Калейчицкого волостного правления, что с 21 на 22 сего января в 11 час. ночью толпа неизвестных людей, вооруженных, напала на Калейчицкое волостное правление и на дом крестьянина дер. Снежки Валилы Давидюка, где содержались рекруты, отбили оных, из них 4 человек, предназначенных к сдаче в рекруты, забрали с собой, а двух — подставных — отпустили. После того прибыли во двор Калейчицы к мировому посреднику 1-го участка Залесскому и требовали от него подводы с 3 лошадьми и проводником, а когда он от сего отказывался, объявили, что его тут же застрелят, а засим, взяв таковую подводу и сказав, что возвратят оную, уехали будто бы в дер. Горново, как об этом сами объявили ему, Залесскому. А также в сию минуту получено мною известие, что в Дубяжинской вол. в дер. Подбелое тоже отбито мятежниками содержавшихся там 5 рекрут и 5 подставных; забрав с собою, увезли их через Боцьки к Дрогичину.

Тоже поступил ко мне отзыв рекрутского присутствия, что Радзивилловское сельское правление государственных имуществ от 21 сего января за № 24 донесло, что того же числа в 7 час. утра прибыло в оное сельское правление[a] неизвестных людей из Царства Польского, вооруженных, около 20 человек, и, пригласив крестьян дер. Цецель несколько человек, объявили им, что правительства Российской империи здесь уже не существует, а настало правительство Царства Польского, разбили сундук сельского правления, взяли все хранящиеся в оном наличные деньги, а также, взяв старшину и писаря под арест, отправились в м. Семятичи. Причем доложено, что молодые люди, кои назначены для поставки в рекруты, несколько человек переняты в м. Семятичи мятежниками, прочие же в сельское правление не явились. Пристав 2-го стана донес, что партия мятежников, прибыв в им. Рудку, где, собрав народ, прочитывала какой-то манифест и сожгла все бумаги и дела тамошнего волостного правления вместе с гробами, приготовленными для убитых казаков [1].

---

[a] *Опущено ошибочно повторенное* прибыло.

При сем честь имею в. п. доложить, что шайки мятежников ежедневно появляются, а в особенности ночью, в близком расстоянии от гор. Бельска, в лесных местах по дорогам, к Дрогичину, Цехановцу и Семятичам ведущим. А как командированный мною заседатель особых поручений земского суда Ивашкевич для исправления должности пристава 3-го стана Вышомирского (который заболел) объявил, что мятежники, имеющие постоянную главную квартиру в м. Цехановце Царства Польского, расположились и в некоторых деревнях около Цехановца вверенного мне уезда и не допускают никаких официальных сообщений с уездным гор. Бельском. А от пристава 4-го стана никаких донесений по настоящее время не получено по той же самой причине, ибо, как дошло до моего сведения, мятежники расположились и в м. Семятичах, к которым присоединяется шляхта, в особенности из деревень 3-го и 4-го стана вверенного мне уезда.

Доставленные из Рудки тела убитых казаков мятежниками, 1 хорунжего и 4 рядовых, сего числа похоронены с почестью в гор. Бельске.

О чем вместе с сим донесено мною г. начальнику 2-й пехотной дивизии ген.-лейтенанту Манюкину.

Земский исправник Ловорко

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 167, лл. 5—7. Подлинник

[1] *См. док. 176.*

178

1863 г. февраля 21.— Рапорт бельского земского исправника Ловорко И. В. Галлеру о расследовании обстоятельств захвата повстанцами м. Семятичи в январе 1863 г.

В[есьма] секретно

Во исполнение в[есьма] секретного предписания в. п. от 11 сего февраля за № 257 о произведении дознания лично в м. Семятичах насчет приготовления, снаряжения и обеспечения мятежников в доме помещика Феншау и выезда его оттуда за 2 дня до прибытия туда г. ген.-лейтенанта Манюкина [1], я отправлялся на место и посредством заверения священника Семятицкой православной церкви дрогочинского вице-благочинного Ляцевича и показаний местных евреев и мещан-христиан того местечка обнаружил следующее: что до появления в м. Семятичах с 18 на 19 января с. г. мятежников никаких приготовлений как в доме помещика Феншау, так и в м. Семятичах не было, что мятежники привезли с собою все запасы из Ц[арства] Польского, что помещик Феншау по возвращении из-за границы, куда ездил для излечения претерпеваемой им болезни, проживал в Семятичах около 2 месяцев и выехал с семейством в гор. Варшаву 20 января с. г. Мятежники появились в м. Семятичах с 18 на 19 число января месяца, прежде в малом количестве, а на следующий день, т. е. 20 января, начали постепенно прибывать большими партиями из смежного Царства Польского [2], и в отсутствие помещика Феншау предводители мятежников заняли его дом (замок) и образовали там свое управление, принудив жителей им повиноваться, а дабы кто из них не отлучился для донесения об этом местному начальству, расставляли постоянно много-

численный пикет, воспрещая с угрозами выйти кому-либо из пределов оного[а], формируя между тем свою партию в амуничные и другие припасы[а] посредством местных мастеров до самого прибытия в м. Семятичи ген.-лейтенанта Манюкина, который подступил с отрядом под Семятичи 25 января ночью[3].

О чем почтительнейше донося в. п., имею честь доложить, что деятельное участие в формировании мятежнической партии в м. Семятичах принимали следующие лица: 1) б. акцизный надзиратель Сонгин, который проживал в Семятичах, 2) управитель им. Семятичи, житель Царства Польского Домбровский, 3) родственник его из Ц[арства] Польского Мрозовский, 4) фельдшер из им. Семятичи временнообязанный крестьянин Высоцкий, 5) служитель по акцизу Пиотровский и 6) помещик Ц[арства] Польского Рыльский — все они по настоящее время не возвратились. О всех же прочих лицах вверенного мне уезда, отлучившихся с места жительства и присоединившихся к шайке мятежников, я, согласно секретному предписанию в. п. от 29 января за № 195, со следующей почтой представляю ведомость.

Земский исправник Ловорко

Резолюция И. В. Галлера 25 февраля. Уведомить г. ген.-губ[ернатора] и г. мин[истра] в[нутренних] дел.

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 211, лл. 3—4. Подлинник

[1] *В справке временного полевого аудиториата по делу о владельце м. Семятичи помещике Феншау говорится, что он выехал в Варшаву в день вступления отряда В. Цихорского («Замечка») в местечко, причем пикеты повстанцев, не выпускавшие никого из жителей, дали Феншау свободный проезд (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 213, ч. 2, л. 17).*

[2] *Здесь сосредоточились повстанческие отряды под командованием С. Сонгина, В. Цихорского, Б. Рыльского, В. Левандовского, Р. Рогинского общей численностью до 5000 человек (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 35).*

[3] *Ген. З. С. Манюкин подошел к Семятичам с отрядом, состоявшим из 7 рот пехоты, артиллерийской батареи и казаков. Повстанцы 25 января успешно отбили первую попытку карателей взять штурмом Семятичи. На следующий день фальшивым отступлением Манюкин выманил повстанцев из местечка в открытое поле, нанес им артиллерийским обстрелом сильный урон, а Семятичи приказал сжечь до основания. Повстанцы отступали с боем. См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 35; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 268; ф. 974, оп. 1, д. 7, л. 2; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 213, ч. II, л. 97, а также: S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. Rapperswil, 1913, str. 320; А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии, стр. 132—133.*

179

1863 г. февраля 22.— Донесение мирового посредника 5-го участка Брестского у. А. Толочко И. В. Галлеру об отказе крестьян Дмитровичской вол. исполнять повинности

Дворовое управление им. Пруска подполковника Носаржевского отзывом от 20 сего февраля уведомило меня, что крестьяне имений Внучек и Пашук и деревень Бородыч, Маковищ, Сынитыч и Внучек, входящих в состав Дмитровичской вол., с 19 сего февраля перестали совершенно

[а–а] *Так в тексте*

отбывать следуемую от них по уставной грамоте повинность, следствием чего просило предпринять со стороны моей зависящие меры заставить сих крестьян к аккуратному исполнению своих повинностей.

За получением сего я тотчас, т. е. 21 числа сего месяца, отправился в Дмитровичское волостное правление, куда, созвав крестьян сих деревень, в присутствии приглашенного станового пристава 4-го стана г. Ширинского и местного настоятеля священника Будзиловича допрашивал сих крестьян, правда ли это, что они не намерены исполнять определенных уставною грамотой повинностей. Прибывшие все домохозяева сих деревень единогласно ответили мне, что действительно они от 19 сего февраля не будут уже отбывать никакой повинности, ибо таковая от них не следует, что они согласны уплачивать такой только чинш, какой вносят крестьяне казенных имений, а по грамоте ни повинности отбывать, ни оброка вносить не будут. К вышепоясненным крестьянам присоединившись, домохозяева из деревень: Дмитрович — помещика Ковальского, Хоментын — помещиков Мамерта, Тельшевского и Новицкович — малолетних Яголковских, объявили тоже, что они не будут исполнять никаких повинностей. Предполагая, что точным объяснением высочайших положений я успею вразумить сим крестьянам их обязанности, я объяснял статьи высочайших правил и в присутствии пристава и священника представлял им, какой ответственности они себя подвергают, столь явно не повинуясь распоряжениям правительства, но ни внушения мои, ни вышеприведенных должностных лиц не возымели никакого успеха, а крестьяне остались при своем заблуждении и упорстве [1].

О таковом происшествии донося в. п., я долгом считаю присовокупить, что из всех вышеприведенных деревень села Дмитровичи и Хоментыны завсегда давали и дают пример ослушности и неповиновения. Два года тому назад, при объявлении высочайшего манифеста о крестьянах, они первые перестали отбывать повинность и дали повод до беспорядков, которые только военною силой и энергическими средствами можно было прекратить, а самих крестьян привести к должному повиновению. Потому и ныне предоставленными моей должности средствами я не мог никак успеть, чтобы образумить сих крестьян, и вполне уверен, что и теперь только военной экзекуцией можно будет водворить законный порядок.

Мировой посредник А. Толочко

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 6, д. 359, лл. 61а—62. Подлинник

[1] *В феврале — марте 1863 г. крестьянские выступления против принятия уставных грамот, против крепостнических условий освобождения достигли большой остроты. Движение в Гродненской губ. приняло массовый характер, охватило все уезды. Почти везде оно подавлялось с помощью военной силы.*

180

1863 г. февраля 25.— Телеграмма И. В. Галлера В. И. Назимову [1] о появлении повстанцев в имениях Слонимского у. и об отказе крестьян Брестского, Гродненского, Слонимского и Сокольского уездов от исполнения повинностей

В Гродно спокойно. Между 15 и 20 числами сего февраля небольшие шайки мятежников показывались в господских дворах Слонимского у. После истребования пищи удалялись опять в леса. Вчера и сегодня полу-

чены донесения, что в Гродн[енском], Сокольск[ом], Брест[ском] и Слон[имском] уездах крестьяне в некоторых имениях с 19 февраля отказались от издельной повинности и платежа оброка. Принимаю все возможные меры.

Г[ен.]-м[айор] Галлер

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 400. Копия

[1] *Одновременно аналогичная телеграмма была послана И. В. Галлером П. А. Валуеву.*

181

1863 г. февраля 28.— Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову [1] о захвате повстанцами гор. Пружан

Секретно

По полученным мною подробным сведениям мятежниками в Пружанском у. сделаны следующие беспорядки:

31 минувшего января в сумерки прибыли в м. Шерешево мятежники в числе 200 человек, вооруженные двуствольными охотничьими ружьями, пистолетами, кинжалами и другим оружием, из числа их 8 с шумом вбежали в квартиру станового пристава, арестовав его, поставили около дома караул, остальные же расположились у местного римско-католического костела. Во время бытности в квартире пристава один мятежник именовал себя начальником, отдавал приказания, покупал в местечке полушубки, сапоги, белье и разные припасы, за которые расплачивался с продавцами наличными деньгами.

В Шерешевском сельском правлении мятежники разбили сундук с деньгами и взяли 93 руб., а в 3 часа пополуночи отправились, забрав с собою 15 одноконных и пароконных подвод, направляя путь свой к уездному гор. Пружанам.

1 февраля на рассвете мятежники в числе 60 человек [2] вошли в гор. Пружаны и в одно и то же время напали на инвалидную сборню, цейхгауз, казначейство, городовой острог и квартиру городничего. Во время этого нападения убиты 2 рядовых инвалидной команды и 1 отставной, состоявший на казенном пропитании, и ранены 9 человек, из коих один, находившийся на часах у дверей казначейства, получил 10 ран. В казначействе взято 10 808 руб. 85 коп. Из цейхгауза забрано все оружие, амуниция, наличное число патронов в числе 1720 и весь запасной порох [3]. Из городового острога выпущено 9 человек арестантов, распущены также приготовленные пружанским еврейским обществом рекруты. В квартиру же городничего пришло 5 человек, вооруженных ружьями, пистолетами и кинжалами, а трое, тоже вооруженных, остались во дворе у окон вроде караульных. Пришедшие настойчиво требовали, дабы городничий шел к их начальнику, к которому и привели его под конвоем со взведенными курками у пистолетов. Начальник этот спрашивал его, где погреб с порохом, и когда он ему отвечал, что в его ведении такого нет и что он городничий, то его снова водили под конвоем по городу вместе с нижними чинами инвалидной команды и отпустили их, когда, уложив все забранное на подводы, выступили из города.

Из гор. Пружан мятежники направили свой путь по большому почтовому тракту, прилегающему к гор. Кобрину; на пути следования мятежники зашли в линовскую волостную канцелярию, где требовали выдачи денег из крестьянской кладовой, по открытии которой старшиной забрали находившиеся в оной мелкой монетой 1 руб., после чего отправились в урочище Хомну, где после ужина и короткого ночлега толпа разделилась на две половины, из коих одна отправилась в им. Вылоск помещика Шемиота, а другая — в Кивятицкий лес. Часть эта, состоявшая из 40 человек, была разбита близ м. Речицы Бельского у. отрядом полковника Вимберга, причем 11 человек мятежников взято в плен, а прочие убиты на месте [4].

Кроме всего вышеизложенного, начальник пружанской инвалидной команды донес: 1) что будто бы по указанию пружанского городничего капитана Койшевского партия мятежников была разделена на три части, первую из них городничий привел в казарму, где в то время солдаты спали, в чем выставляет свидетелями мещан и евреев, вторую повел к казначейству, третью часть — к острогу, и сам требовал, чтобы часовой отворил калитку для впуска мятежников; 2) что дворяне — жители города, по словам сына помещика Надольского, знали за 2 недели о намерении мятежников и что помещик Надольский с сыном своим был в участии с мятежниками и, находясь в шайке, когда был взят фельдфебель команды, уговаривали его передаться мятежникам; 3) что канцелярист Глебович, выстрелив из пистолета в горло безоружному солдату, убил его; 4) и что мятежники, выступая из Пружан, говорили, что будут обедать у помещика Керночицкого, а некоторые из них возвратятся в гор. Пружаны на обед к предводителю дворянства.

Доводя о сем до сведения в. вп., имею честь присовокупить, что для разъяснения всех обстоятельств настоящего происшествия предписано мною пружанскому военному начальнику произвести под его председательством формальное следствие при бытности капитана корпуса жандармов Витте и при депутатах казенной палаты и от внутренней стражи.

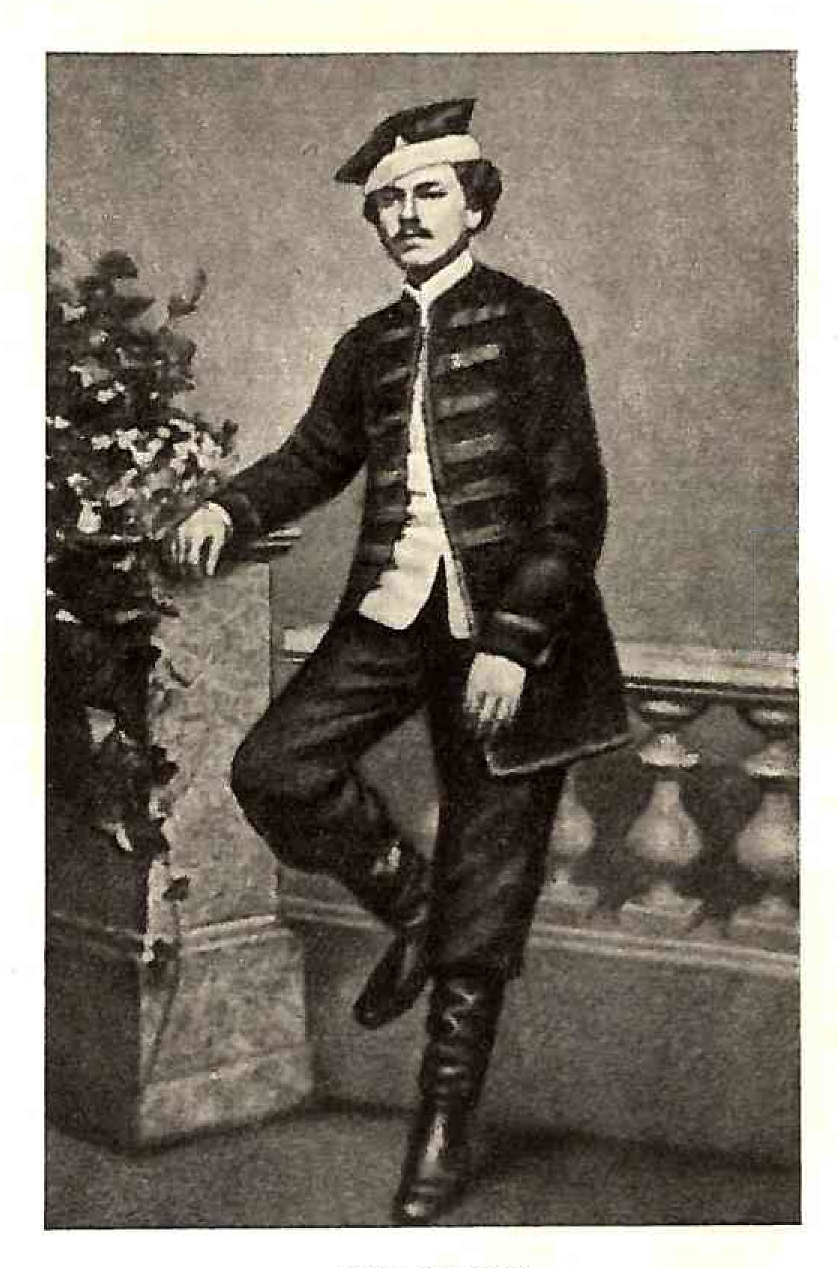
ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 204, лл. 12—14. Отпуск

[1] *Одновременно аналогичное донесение было послано И. В. Галлером П. А. Валуеву.*

[2] *Р. Рогинский, С. Сонгин и Б. Рыльский после сражения у Семятич несколько недель маневрировали по южным уездам Гродненской губ. В деревнях повстанцы провозглашали декрет о земле и свободе, однако поднять на борьбу широкие массы населения им не удалось. Ускользнув от преследования царских войск, в ночь на 1 февраля они захватили уездный гор. Пружаны. Численность повстанческого отряда Рогинского при нападении на Пружаны установить не удалось. Одни официальные документы называют 60, другие — 200, третьи — даже 2000 человек. О захвате повстанцами Пружан см. также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 34, 39; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 884, ч. II, лл. 76—81; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 31, д. 62, лл. 85—94; оп. 34, д. 199, лл. 6—7; ф. 3, оп. 1, д. 30, лл. 312, 358, 407; ф. 974, оп. 1, д. 7, л. 10 и др.*

[3] *Более подробно о количестве оружия, обмундирования, продовольствия и денег, захваченных повстанцами во время нападения на Пружаны, см. в актах, составленных пружанским городничим и пружанским уездным стряпчим от 17 февраля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 884, ч. II, лл. 19, 24, 91).*

[4] *После событий в районе Пружаны — Кобрин группа повстанцев во главе с С. Сонгиным и Б. Рыльским отделилась от Рогинского и повернула к Белостоку. 3 февраля у м. Речицы Бельского у. (а по Миловидову и Зелинскому, Пружанского у.) она внезапно была настигнута царским отрядом, численно значительно ее превосходящим, и разбита. В этом бою погиб Станислав Сонгин, Бронислав Рыльский и еще 9 повстанцев взяты в плен. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 974, оп. 1, д. 7, л. 11. Отряд Рогинского,*

Роман Рогинский

преследуемый царскими войсками, из Гродненской губ. перешел в Пинский, а затем Мозырский у. Минской губ., намереваясь пробраться на Волынь. 17 февраля отряд Р. Рогинского, численностью около 85 человек, был окружен 3 ротами пехоты и сотней казаков и разбит. Несколько дней продолжалось преследование повстанцев. 19 февраля местными крестьянами был арестован и выдан властям Роман Рогинский (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 492, лл. 27—29).

182

1863 г. марта 5.— Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о попытке революционно настроенной молодежи Гродно захватить локомотив и присоединиться к повстанцам

В дополнение депеши, отправленной мною к в. с. 3 марта [1], о произведенных польскими мятежниками на гродненском вокзале железной дороги беспорядках, имею честь почтительнейше донести, что 2 марта шайка злоумышленников до 150 человек, составившаяся из разного сословия людей, преимущественно гимназистов здешней гимназии и чиновников присутственных мест, пользуясь темнотою вечера и непогодой, собралась в пустом сарае, близ самой железной дороги, имея с собой оружие и прочие снаряды. Около сарая стояли товарные вагоны, в которые они, по соглашению с начальником станции отставным штабс-капитаном Кульчицким, уселись с целью отправиться к ст. Поречье, около которой в лесу намерены были присоединиться к собравшемуся будто бы там их отряду [2]. Начальник станции приказал машинисту Винтеру приготовить заранее машину для экстренного поезда, что и было исполнено, но когда машинист, находившийся в вокзале, услышал в 10 час. вечера свист машины и выскочил на двор, то двое неизвестных ему лиц, а третий — начальник станции, схватив его и приставив пистолет и кинжал, принудили сесть на машину для немедленного отправления. Винтер, догадавшись в коварном замысле начальника станции, дал какой-то условный знак помощнику своему Якимовичу и тот, догадавшись, незаметно отцепил от машины вагоны, а Винтер, двинув машину, соскочил с оной и скрылся. Такого рода находчивость и смелость машиниста способствовала к удержанию мятежников на месте, которые, быстро выскочив из вагонов, бежали в разные стороны, с начальником же станции уехало их на машине не более 15 человек. Находившаяся при вокзале рота Калужского пехотного полка тотчас явилась на тревогу и завязалась перестрелка с мятежниками, но по случаю темноты вечера не было никакой возможности действовать решительно и захватить инсургентов, взято только 5 человек, из них двое ранены.

По распоряжению гродненского военного губернатора оцеплен был немедленно весь город и посланы конные разъезды; в течение ночи арестовано подозрительных лиц до 50 человек, над которыми производится комиссией (в составе коей нахожусь и я) исследование.

Бежавшие мятежники оставили на месте много разного оружия, патронов и пороху до 2 пудов. Начальник станции увез с собою денег до 10 000 руб. сер., принадлежащих обществу железной дороги.

Майор Леляков

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 60—61. Подлинник

[1] *См. там же, л. 58.*

[2] *Зелинский сообщает, что Кульчицкий со своей группой предполагал присоединиться к отряду Нарбута (см. S. Zieliński. Указ. соч., стр. 322).*

По словам одного арестованного, повстанцы, собиравшиеся около Поречья, были намерены напасть на Гродно. Эти сведения подтверждаются и донесением И. В. Галлера В. И. Назимову от 5 марта 1863 г.: Отъезд третьего дня из города мятежников был, по сведениям, для того, чтобы увеличить шайки. Конные разъезды оной лазутчик сам видел на 5-й версте от Гродно, за Неманом. Другая, говорят, идет по Скидельскому тракту [...] Намерение напасть на Гродно было со вчерашнего дня так гласно, что я был извещен об этом даже земской полицией. *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 36, а также лл. 4, 8, 32.*

183

1863 г. марта 15.— Донесение белостокского жандармского штаб-офицера С. И. Штейна В. А. Долгорукову о появлении в уезде повстанческих отрядов из Царства Польского и уничтожении ими документов сельских управлений

В последнее время в пределах Белостокского у. Гродненской губ. появились из Царства Польского малочисленные шайки мятежников и, учинив грабеж и разные бесчинства, удалились обратно, а именно:

С 8 на 9 число сего месяца шайка, состоящая из 20 человек, вооруженных ружьями, пистолетами и топорами, прибыла в дер. Погорелки к дому, где помещается сельское управление Погорельского общества, и с угрозами смерти потребовала от квартирующего в том же доме писаря того же общества Врублевского выдачи денег, бумаг и книг, принадлежащих помянутому управлению; между тем, не дожидаясь исполнения своего требования, разбив топорами сундук, в котором хранилось до 600 руб. податей и других общественных денег, которые забраны именовавшимся начальником шайки, товарищи коего потребовали огня и начали в печке жечь находившиеся в управлении бумаги, и в истреблении оных и в забранных деньгах помянутый предводитель выдал на польском языке расписку, копия с которой при сем прилагается [1]. После сего остальные бумаги и книги, уложив на очередную тут же находившуюся подводу, вывезя за деревню в лес, там же сожгли и по сделании сего на лодках переправились обратно через р. Нарев в Царство Польское.

Почти в то же время из м. Тикоцина, находящегося в Царстве Польском, вооруженная шайка, простиравшаяся числом до 40 человек, пройдя через м. Тростяны Белостокского у. и оттуда прибыв в дер. Зуболы и урочище Буды, отняв у находящихся там лесных казенных стражников 12 ружей, возвратилась лесами и кустарниками в Царство Польское.

В деревне же Желтках с 12 на 13 число сего месяца вооруженная шайка, состоявшая из 18 человек, в первом часу ночи, прибыв к прежде бывшему таможенному зданию, в котором помещался старший объездчик пограничной акцизной стражи дворянин Владислав Микулич, и когда он вышел из дома на крыльцо, чтобы узнать причину произведенного шума, то они, схватив, начали наносить ему раны кинжалами. Микулич, видя неминуемую погибель, однако, не теряя присутствия духа, вырвавшись от державших его, бросился вон от своего дома, и только темнота ночи спасла его от преследовавших мятежников. Кто были нападавшие — неизвестно, но Микулич, хотя за темнотою и не мог узнать никого из них,

однако же по голосу догадывается, что в числе шайки находился один из подведомственных ему объездчиков, удаленный за дурное поведение от службы.

Для предохранения мирных жителей от подобных происшествий начальником 2-й пехотной дивизии сделаны надлежащие распоряжения об открытии пристанища помянутых шаек и поимке лиц, производивших сии бесчинства, но до сего числа никаких сведений о результате сих распоряжений не имеется.

О чем в. с. имею честь донести.

Майор Штейн

Помета Доложено е. в. 23 марта.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 65—67 об. Подлинник

[1] *См. там же, л. 68.*

184

1863 г. конец марта — начало июня[1]. — *Инструкция для повстанческих поветовых комиссаров Гродненского воеводства, составленная К. С. Калиновским*

Instrukcja dodatkowa i szczegółowa dla Komisarzy Powiatowych

1. Znać sposób myślenia wszystkich mieszkańców w Powiecie.

2. O szkodliwych sprawie narodowej zawiadamiać Komisarzy Wojewódzkich.

3. Przestrzegać czystości wykonania praw i dekretów przez Rząd Narodowy lub wydział wykonawczy wydanych.

4. Zwracać baczną uwagę, iżby wsie raz uwłaszczone, po przejściu oddziału nie powracały do systemu Rządu Najezdniczego.

5. Naciskać Urzędników Organizacji Narodowej, iżby urządzoną była jak najśpieszniej przez pewnych obywateli w różnych powiatu kierunkach poczta.

6. Urzędnicy Organizacji Narodowej w powiecie powinni być sprężyści i z poświęceniem zajmować się obowiązkami, jakie im Władza Narodowa poruczyła. Jeżeli okręgowym i parafialnym brak tych przymiotów, Komis[arz] R[ządowy] w powiecie obowiązanym jest[a] wezwać Naczeln[ika] Cywiln[ego] powiatu, żeby w ciągu dni 3 zamienił takowego drugim; jednocześnie obowiązanym jest Kom[isarza] R[ządowego] Wojewód[zkiego] zawiadomić dla dalszego postąpienia.

7. Przestrzegać, iżby w dworach obywatelskich według normy przez Komitet Powiatowy ustanowionej były zapasy żywności, odzieży, broni i amunicji, tak żeby z łatwością na zaopatrzenie oddziału dostarczyć można było.

8. Ściśle doglądać egzekucji podatku narodowego według przyjętej zasady opodatkowania w powiecie, czy chętnie podatek takowy opłacają mieszkańcy.

9. Śledzić za tworzeniem się, rozwojem i czynnościami Komitetów opieki z niewiast Polskich.

---

[a] *Далее зачеркнуто неразборчивое слово из 6—7 букв.*

10. Jeżeli włościanin uniesiony patriotyzmem złoży ze szczypłych swoich dochodów dobrowolną ofiarę na rzecz wojny z Moskwą, należy Kom[isarzowi] Pow[iatowemu] o tym zawiadomić Komisarza Wojew[ódzkiego] z wymienieniem imienia i nazwiska ofiarodawcy oraz miejsca jego zamieszkania.

11. Starać się wprowadzać na urzęda[a] organizacji włościan, co należy zalecać Urzędnikom Organizacji Narodowej.

12. Komisarz Powiat[owy] ma prawo przyjąć pomocników, za których sam osobiście odpowiada.

13. Tak Komisarz Powiat[owy] jako też i jego pomocnicy obowiązani są w ciągłym być ruchu (prawie z bryczki nie schodzić).

14. Na koszta podróży i utrzymania osobistego fundusz pobierać będzie od Komis[arza] Wojew[ódzkiego] (dziś jednak dawniejszy system jeszcze zostaje do zatwierdzenia przez Rząd Narodowy etatu).

15. Komisarz Powiatowy obowiązanym jest być obecnym przy formowaniu się oddziału i przestrzegać:

a) iżby broń była jak najlepszą, o ile na to miejscowe okoliczności pozwolą;

b) aby każdy żołnierz najmniej miał po 50 ładunków przy sobie;

c) iżby dobrze był odzianym;

d) naczelnik oddziału powinien dobre dawać co do subordynacji instrukcje;

e) iżby pijaństwa i demoralizacji nie było;

f) starać się, iżby przy oddziale był chirurg, narzędzia i apteka;

g) bagaże obozowe, których powinno być jak najmniej, amunicja zapasowa, żywność sucha umieszczone być winny na koniach objuczonych, nie zaś na bryczkach, które utrudniają pochód;

h) żywności suchej powinno być na dni 4 lub 5;

i) pieniędzy na opłacenie żołdu nie więcej jak na dni 4 lub 5.

16. Komisarz Powiatowy ustanawia Urzędnika Cywilnego przy oddziale; obowiązkiem urzędnika tego jest:

a) prowadzić wszelkie rachunki w oddziale;

b) utrzymywać kontrolę żywności, przychodu i rozchodu pieniędzy;

c) sporządzać akta uwłaszczenia;

d) starać się, iżby ciągle jednakowa ilość żywności i pieniędzy w obozie była;

e) jeżeli brak — wzywa urzędników miejscowych organizacji, jednakże odezwa ta podpisaną być powinna przez Naczel[nika] oddziału;

f) urzędnik cywilny w oddziale jest podkomendnym Naczeln[ika] oddziału i Komis[arza] Powiat[owego], któremu co dni 7 raport składać jest obowiązany. W razach nagłych mocen jest wysłać kurjera; raporta te sam tylko podpisuje;

g) o wszelkich potyczkach, chociażby najmniejszych, powinien najszczegółowsze natychmiast raporta składac Komisarzowi Powiatu.

17. Komisarz Powiatu najściślej pilnować powinien, iżby gdzie tylko włość jaką oddział przechodzi, ogłoszonym był dekret Rządu Narodowego o uwłaszczeniu włościan.

18. Dekret ten powinien być ogłoszonym i akt uwłaszczenia spisany w trzech jednobrzmiących egzemplarzach, z których jeden pozostaje w posia-

---

[a] *Должно быть* urzędy.

daniu włościan, drugi dla Naczelnika Powiatu, a trzeci Komis[arzowi] Wojew[ódzkiemu] odesłanym być ma.

19. Komisarz Powiatu obowiązanym jest co dni 7 lub 10 składać Komisarzowi Wojewódzkiemu raporta, a w razach nagłych, lub donosząc o potyczkach — natychmiast przez kurjera umyslnego.

20. Jeżeliby bliżej było do Komisarza Pełnomocnego Rządu Narodowego jak do Komisarza Wojewódzkiego, w takim razie Komisarz Powiatu przeszle depesze Komisarzowi Pełnomocnemu, jednocześnie zawiadamiając Komisarza Wojewódzkiego.

Печать правительственного комиссара Гродненского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917б, лл. 117—118. Подлинник [2]

Опубл.: W. Kordowicz. Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955, str. 164—168; «Demokracja polska w powstaniu styczniowym». Wrocław, 1961, str. 108—112.

ПЕРЕВОД

Дополнительная и подробная инструкция для комиссаров поветов

1. Знать настроения и убеждения всех жителей повета.

2. О лицах, враждебно относящихся к национальному делу, уведомлять воеводских комиссаров.

3. Наблюдать за тем, чтобы законы и декреты, издаваемые Национальным правительством или Исполнительным отделом, неукоснительно выполнялись.

4. Бдительно следить за тем, чтобы деревни и села, в которых было осуществлено наделение крестьян землей, после прохода отряда не возвращались к системе, господствовавшей при царских властях.

5. Требовать от должностных лиц национальной организации, чтобы в повете, по возможности скорее, специально выделенными для этой цели лицами была организована действующая в различных направлениях почта.

6. Должностные лица национальной организации в повете должны энергично и самоотверженно выполнять те обязанности, которые возложены на них национальными властями. Если окружные и приходские начальники лишены этих свойств, правительственный комиссар в повете обязан обратиться к гражданскому начальнику повета с предложением в течение трех дней заменить его другим. Одновременно он обязач уведомить об этом правительственного комиссара воеводства для принятия дальнейших мер.

7. Наблюдать за тем, чтобы в помещичьих имениях имелись запасы продовольствия, одежды, оружия и снаряжения в количестве, установленном комитетом повета, с тем, чтобы можно было без затруднений снабжать отряд всем необходимым.

8. Тщательно следить за тем, чтобы национальный налог поступал в полном соответствии с принятыми в уезде принципами распределения налогов, а также за тем, охотно ли уплачивается населением этот налог.

9. Следить за созданием, развитием и деятельностью попечительских комитетов из польских женщин.

10. Если крестьянин, воодушевленный патриотическими чувствами, внесет из своих скудных доходов добровольное пожертвование на дело войны с Россией, комиссар повета должен уведомить об этом комиссара воеводства, указав имя и фамилию лица, внесшего пожертвование, и место его жительства.

11. Стараться назначать на посты в организации крестьян, что следует рекомендовать должностным лицам национальной организации.

12. Комиссар повета имеет право назначить помощников, за которых несет личную ответственность.

13. Как комиссар повета, так и его помощники должны находиться в постоянном движении (почти не сходя с брички).

14. Средства на оплату подорожных расходов и личного содержания будут получаться от комиссара воеводства (в настоящее время, однако, прежняя система еще остается в силе вплоть до утверждения сметы Национальным правительством).

15. Комиссар повета обязан присутствовать при формировании отряда и обеспечить следующее:

a) оружие должно быть высшего качества, насколько позволяют местные условия,

b) каждый солдат должен иметь при себе по крайней мере 50 зарядов и

c) быть хорошо одетым,

d) начальником отряда должен проводиться исчерпывающий инструктаж по вопросам, относящимся к дисциплине,

e) не должны иметь места случаи пьянства и распущенности,

f) следует прилагать старания к тому, чтобы при каждом отряде был хирург и имелись инструменты и медикаменты,

g) обозная кладь, которой должно быть по возможности меньше, запасное снаряжение и боеприпасы, предметы сухого довольствия должны быть размещены на вьючных лошадях, отнюдь не на повозках, которые затрудняют движение,

h) сухого довольствия должно быть в наличии на 4—5 дней,

i) денег на оплату жалованья солдатам должно быть не больше, чем на 4—5 дней.

16. Комиссар повета назначает гражданского чиновника при отряде, в обязанности которого входит:

a) вести в отряде всевозможные расчеты,

b) осуществлять контроль за продовольствием, за получением и выдачей денег,

c) подготавливать акты наделения землей,

d) прилагать старание к тому, чтобы в отряде постоянно находилось одинаковое количество продовольствия и денег,

e) если их недостаточно, обращаться к местным должностным лицам организации, однако обращение должно быть подписано начальником отряда,

f) гражданский чиновник при отряде подчинен начальнику отряда и комиссару повета, которому должен подавать рапорт раз в неделю. В нетерпящих отлагательства случаях он имеет право посылать нарочного. Рапорты подписываются только им самим.

g) о всех стычках, даже самых незначительных, обязан немедленно подавать исчерпывающий рапорт на имя комиссара повета.

17. Комиссар повета должен самым тщательным образом следить за тем, чтобы во всех имениях, через которые проходит отряд, объявлялся декрет Национального правительства о наделении крестьян землей.

18. При обнародовании этого декрета акт о наделении землей должен составляться в трех одинаковых экземплярах, один из которых остается у крестьян, другой передается начальнику повета, а третий должен быть отослан комиссару воеводства.

19. Комиссар повета обязан раз в 7 или 10 дней подавать рапорт комиссару воеводства, а в нетерпящих отлагательства случаях или тогда, когда речь идет о стычках, немедленно посылать нарочного.

20. В тех случаях, когда до полномочного комиссара Национального правительства ближе, чем до комиссара воеводства, комиссар повета посылает депешу полномочному комиссару с одновременным уведомлением комиссара воеводства.

[1] *Датируется временем пребывания К. С. Калиновского на посту полномочного комиссара Гродненского воеводства.*

[2] *Этот экземпляр инструкции был найден в патроннице неизвестного убитого повстанца 28 июля 1863 г. после боя в урочище Пашковщизна Волковыского у. (см. там же).*

185

1863 г. апреля 4.— Рапорт пристава 3-го стана Бельского у. Вышомирского командиру Бельского и Высоко-Литовского отрядов ген.-майору Беклемишеву о разрушении повстанцами паромов на р. Буг у с. Гранно

Сотский вверенного мне стана с. Гранно донес мне сейчас, что вчерашнего числа вечером шайка каких-то вооруженных людей около 30 человек появилась в Царстве Польском на берегу р. Буга противу с. Гранно и находящиеся при том берегу 3 парома и принадлежащие к оным лодки изрубила до основания, а засим отправилась обратно в Царство Польское; ныне же по сему случаю в Гранно никакой переправы нет.

О чем в. п. почтительнейше донося, честь имею доложить, что по вверенному мне стану шайки мятежников до настоящего времени не появляются.

Пристав Вышомирский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 974, оп. 1, д. 7, л. 202. Подлинник

186

1863 г. апреля 9, ст. Поречье.— Рапорт командира 2-й стрелковой роты л.-гв. Московского полка штабс-капитана Павлова И. В. Галлеру об аресте 2 лесных стражников, призывавших крестьян дер. Поречье Гродненского у. к восстанию

Вечером 7 числа сего апреля двое лесных сторожей, живущих в 2 верстах от ст. Поречье, были в дер. Поречье и подстрекали крестьян к восстанию. Получив о сем известие от крестьян дер. Поречье и донеся об этом ген.-майору Плаксину, мне приказано было арестовать их и отправить в гор. Гродно. Донося о сем в. п., имею честь присовокупить, что означенные сторожа отправлены под конвоем в Гродно и сданы ротному командиру на станции.

Штабс-капитан Павлов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 265, л. 1. Подлинник

187

1863 г. апреля 23.— Телеграмма И. В. Галлера В. И. Назимову[1] о захвате повстанцами ямщиков, лошадей и оружия на Свадбичской почтовой станции Пружанского у.

Сейчас получено донесение о разграблении на Брест-Бобруйском шоссе Свадбичской почтовой станции. Сильно вооруженная шайка в 30 человек взяла насильно 8 ямщиков, 18 лошадей и 6 повозок, казенное оружие, 2 пистолета, 1 саблю и нагрудную сумку[2].

Телеграфное сообщение прервано срубкою той же шайкою 2 столбов. О выставке на станцию обывательских лошадей распоряжение сделано.

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 213. Копия

[1] *Одновременно аналогичная телеграмма послана И. В. Галлером П. А. Валуеву.*
[2] *Нападение на Свадбичскую почтовую станцию было совершено 20 апреля отрядом Влодека. Об этом также см. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 204, лл. 85—86; ф. 1715, оп. 1, д. 9, л. 73; д. 10, лл. 62—63 об.*

Феликс Адам Иван Влодек, помещик Пружанского у., сформировал отряд повстанцев 20 апреля близ корчмы Пинок Пружанского у. Вскоре отряд насчитывал около 300 человек (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 577, лл. 7, 8). По показаниям одного повстанца, в этой партии ни одного не было конного и ни одной лошади, продовольствовались же, каждый по себе, при переходах через деревни у мужиков, и за забранные продукты уплачивалось из общей суммы, хранящейся у самого Влодки *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 6, л. 18).*

188

1863 г. апреля 24, ст. Поречье.— Телеграмма командира 2-й стрелковой роты л.-гв. Московского полка штабс-капитана Павлова И. В. Галлеру о побеге с железной дороги ремонтных рабочих и стрелочника

В ночь со ст. Поречье и с линии железных дорог бежало 10 человек рабочих по ремонту пути и стрелочник.

Штабс-капитан Павлов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 225. Копия

189

1863 г. апреля 26.— Рапорт слонимского земского исправника Порадовского И. В. Галлеру о нападении повстанцев на почтовую ст. Заполье

Секретно

Во вверенном мне уезде 22 числа сего апреля в 11 час. пополудни появилась на Запольской станции, состоящей на Московско-Варшавском шоссе, партия инсургентов до 40 человек, вооруженных, которые приказали отпереть царские комнаты, где пили чай и ужинали, потом, забрав насильно из почтовой станции 22 лошади, 7 ямщиков, 7 бричек, 4 седла, 2 казенных пистолета, саблю, нагрудную сумку и 3 бочки овса, недалеко [от] станционного дома изрубили 4 телеграфных столба, прорвали проволоку, потом отправились из Запольской станции по шоссе по направлению к м. Березе, где на пятой версте сожгли мост, состоящий на шоссе, и все почтовые брички.

О чем в. п. сим почтительнейше честь имею донести.

Земский исправник Порадовский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, л. 21. Подлинник

190

1863 г. апреля 30.— Рапорт кобринского земского исправника Развадовского И. В. Галлеру о движении через уезд повстанческих отрядов Влодка и Траугутта

В дополнение рапорта моего от 27 апреля за № 552 имею честь донести, что в Кобринском у. стали показываться довольно многочисленные шайки мятежников, а именно: ночью с 26 на 27 апреля они прибыли в им. Заезерье по р. Ясельде и озеру на чайках, пригнанных 17 крестьянами из с. Спорова Слонимского у.; насчитывают этих мятежников около 100 человек. Пробыв в Заезерье до 6 час. утра, они отправились в дальнейший путь, следуя в дер. Бусяж, из которой, взяв до 10 подвод, на оных уехали в им. Клетну Пинского у. Направляясь в принадлежащий тому имению лес, прилегающий к Телеханским лесам, разрушили совершенно находящийся на р. Ясельде мост[1]. Шайка эта инсургентов составляется из жителей Пружанского у. под предводительством Влодка, ночью с 27 на 28 число сего апреля месяца проезжала через с. Вульку Попинскую.

Другая шайка инсургентов, состоящая из более 100 человек, которая направила путь лесами тоже в Пинский у. к Любинову; в этой шайке находилась часть оседлых и неоседлых жителей разного сословия уже Кобринского у. и чиновники присутственных мест гор. Кобрина, присоединившиеся к этой шайке, предводительствуемой, как говорят, помещиком Кобринского у. отставным подполковником Траугуттом[2].

Вообще же с некоторого времени стало замечаться и между жителями Кобринского у. какое-то брожение умов, и молодежь из своих домов неизвестно куда пропадает. Обо всех отлучившихся со своего местожительства или присоединившихся к мятежникам я вместе с сим предписал приставам представить мне местные списки.

Кобринский исправник Развадовский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1715, оп. 1, д. 9, л. 109. Авторизованная копия

[1] *О тех же событиях см. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 714, оп. 3, д. 3, л. 25; ф. 1159, оп. 3, д. 12, л. 12.*

[2] *Ромуальд Траугутт («Краковский»), помещик Кобринского у., отставной подполковник, начал формировать отряд из жителей уезда 25 апреля 1863 г. К 1 мая отряд был сформирован и находился в Городецких лесах в количестве 180 человек. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1151, л. 25. Сам же Траугутт на допросе сказал, что отряд был сформирован до него, ему только предложено принять командование им.* «Отряд мой,— *показывал Траугутт,*— состоял из людей небедных». *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 40а, л. 156; д. 36, лл. 119—120. Интересные сведения об отряде Траугутта дает Элиза Ожешко:* В отряд вступила многочисленная шляхетская молодежь, приведшая с собой свои дворы: официалистов, различных служащих, но больше всего лесников. Много также было мелкой загоновой шляхты немногочисленных, впрочем, в Кобринском у. местечек. *См. M. Dubiecki. Romuald Traugutt i jego dyktatura. Kijów, 1911, str. 63—64.*

В мае отряд Траугутта имел три сражения с царскими войсками в Кобринском у. (6, 9 и 14 мая, см. док. 193, 222). После сражения 14 мая Траугутт с остатками отряда отступил в глубь Полесья, в бассейн р. Припяти. В июне — августе отряд действовал в Пинском у., имел неоднократные стычки с царскими войсками. Затем повстанцы были оттеснены в болотистую местность, оторваны от населения и у м. Колодно окружены. Траугутт приказал выходить из окружения небольшими группами. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, ч. 1, лл. 157—160; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1151, лл. 25—27; ЦГИА БССР (Минск), ф. 1521, оп. 1, д. 1.

191

1863 г. мая 7.— Донесение гродненского губернатора В. А. Бобринского М. Н. Муравьеву [1] со сводными данными о действиях повстанцев по губернии за апрель 1863 г.

На основании полученных официальных донесений имею честь довести до сведения в. вп. следующее:

В Гродненском у. [в 4 и 5 станах с 19 по 26 апреля бежало к мятежникам 27 человек [2], из числа оных — подполковник Лошчевич и 26 однодворцев] [а] и 26 апреля [шайка] мятежников в числе 14 человек, прибыв к стрелку 1-го лесничества Михаилу Григе, забрала у него саблю, патронницу и собственное его оружие [б], потом вместе с ним отправились во 2-е лесничество, где его и отпустили, а сами прибыли к стражу Казимиру Тамулевичу, забрали казенное ружье, саблю, патронницу и собственное его ружье, потом приказали ему под угрозой смерти вести их к стрелку Хохе, но Тамулевич, воспользовавшись удобным случаем, бежал.

[В Кобринском у. 26 апреля шайка мятежников в числе 30 человек на лошадях и подводах, прибыв в казенную ферму Чеховцы, покормили лошадей и отправились по направлению в имение малолетних Завадских].

В Сокольском у. с 14 на 15 апреля шайка мятежников [3], проходя через 2-е лесничество, отобрала от 2 объездчиков и 13 стрелков [всего, кроме собственных ружей] 15 казенных ружей с приборами, 15 патронташей, 2 шашки и 30 тесаков, при этом стрелок Мартынкевич и из семейства стражника Макара родной его брат Иван неизвестно куда отлучились. [20 апреля возвратились из шайки мятежников 1-го лесничества стрелок Дюугердт и из семейства постоянной стражи Андрей Плендя и Франц Лукашевич].

В Бельском у. с 13 на 14 апреля шайка мятежников [4] числом около 50, прибыв в деревни Топчево и Вольку, насильно забрала с собою до 20 человек крестьян и отправилась вместе с ними в Царство Польское, в то же время посланный нарочный с донесением зем[скому] суду об этой шайке и книгой [неизвестно где] пропал. С 14 на 15 число мятежники напали на дер. Поплавы, взяли с собою пятерых молодых дворян и отправились вместе с ними неизвестно куда.

В Белостокском у. повешены мятежниками фельдшер из Королевого Моста — дворянин Янушкевич, сельский староста крестьянин Скорупский и кузнец Кудравич. С 24-го на 25-е шайка мятежников, прибыв в дер. Долистово, забрала с собою насильно кузнеца Мартина Счестного со всем кузнечным прибором. Счестный 25 числа вечером бежал от них, оставя инструмент свой, стоящий 60 руб. 13 апреля мятежники, прибыв в канцелярию Малишевского сельского правления, собрали крестьян, читали им манифест польского правительства, разломали общественный сундук и, вынув находящиеся в оном 9 руб., роздали крестьянам, которые по удалении мятежников возвратили те деньги обратно.

В Волковыском у. 22 апреля в м. Лысково приехали верхом 2 вооруженных мятежника, один из них застрелил на площади того местечка

[а] *Здесь и далее взятые в скобки слова в тексте зачеркнуты.*
[б] *Т. е. ружье.*

лысковского приходского учителя Вышгольца, и потом ускакали в Янинский лес [5].

В Слонимском у. мятежники являлись в разных местах партиями от 18 до 150 человек [6]. 21 апреля [шайка мятежников в 18 человек, прибыв] на Михалинский стеклянный завод помещика Пусловского, забрала с собою 5 работников и ушла с ними в леса. Того же числа в дер. Жаберах сожгли на реке мост, каковой после их прохода крестьянами в то же время был исправлен. 22 апреля мятежники взяли в дер. Песках [числом до 20 человек] 3 лошади с повозками и одну для управления пастуха. 25 апреля [мятежники числом до 60 человек, прибыв] в им. Спорово помещика Ширмы, сожгли мост и, встретя споровского православного священника, приказали ему обрить бороду, что им от страха смерти исполнено. С 25 на 26 [мятежники числом до 50 человек, прибыв] на Миловодную [а] станцию, забрали 2 казенных пистолета и саблю, порубили несколько телеграфных столбов. [20 апреля из двора Пятсоги отправилось к мятежникам 4 человека, в том числе дворовый и волостной писари, из коих последний приезжал в дер. Хомичи и требовал от каждого домохозяина взять податей по 8 руб., но крестьяне, угадывая его замысел, не дали. Того же числа из мызы Доброселец отправилось 4 человека, в том числе и эконом помещика Дзеконского. 25 апреля из им. Старые Жировицы помещика Микульского 10 человек дворни тоже отправились. С 20 по 26 апреля из гор. Слонима выбыло чиновников до 10 человек и другого звания — тоже до 10 — неизвестно куда. В ночь с 25 на 26 число со двора [б] им. Жировицы помещика Микульского вновь ушло к мятежникам 10 человек, так что во дворе никого не осталось]. 28 апреля мятежники, напав на Дзятковическую почтовую станцию, уничтожили на оной доску с государственным гербом и столб с означением верст [7].

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 272, лл. 3—7. Отпуск

[1] *Одновременно аналогичное донесение послано В. А. Бобринским П. А. Валуеву.*

[2] *В Гродненском у. в апреле 1863 г. был сформирован повстанческий отряд полковником Александром Ленкевичем (Ляндером) близ своего им. Панюки. Отряд вскоре вырос до 200 человек за счет присоединения стрелков лесной стражи и крестьян. 22 апреля у Святых болот (у м. Озеры) отряд имел столкновение с войсками. С частью повстанцев А. Ленкевич ушел в Волковыский у. и соединился с отрядом Г. Стравинского («Млотка»). См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1151, лл. 19, 20; д. 3420, лл. 9—11; ф. 3, оп. 1, д. 22, лл. 210, 224.*

[3] *В Сокольском у. 12 апреля начал формироваться отряд В. Врублевского. Основу отряда составили б. учащиеся Сокольской егерской школы, где преподавал В. Врублевский. Вскоре Сокольский отряд объединился с отрядом из Белостока, в котором были офицеры Эйтманович, Ю. Баранцевич и др., а также с отрядом из Бельского повета во главе с Эдвардом Керсновским. В деревне Липовый Мост общее командование над объединенным отрядом принял Онуфрий Духинский (см. прим. 2 к док. 220), начальником штаба у него был Валерий Врублевский, адъютантом — Игнаций Арамович, оставивший подробные воспоминания о действиях отряда (I. Aramowicz Marzenia, Bendlikon, 1865. См. док. 199. Практически всеми действиями отряда руководил В. Врублевский. Первую стычку с войсками отряд имел уже 17 апреля у дер. Валилы, затем 20 апреля у дер. Стробле.*

[4] *В Бельском у. в апреле сформировано было 2 отряда. Отряд Э. Керсновского влился в отряд О. Духинского (см. прим. 3), а другая часть бельской организации под командой Латковского была 21 апреля разбита у Брещанки отрядом ген.-майора Беклемишева.*

[а] *Т. е. Миловидскую.*

[б] *Т. е. из усадьбы.*

[5] В Волковыском у. был создан отряд под командованием Густава Стравинского. Основу отряда составили жители м. Лыскова и его окрестностей. Первая стычка отряда с царскими войсками произошла 2—3 мая (см. док. 192). 5 мая отряд соединился с отрядами А. Ленкевича и Влодка и некоторое время действовал с ними сообща.

[6] В Слонимском у. в апреле — мае действовал отряд повстанцев, руководимый Юндзиллом. Кроме этого, в губернии действовал еще ряд более мелких отрядов. Говоря о составе гродненских отрядов, Ф. Рожанский писал: Те, которые поднялись на призыв к оружию и заполнили ряды повстанцев, представляли собою цвет народа. Это были главным образом шляхта, учащиеся высших и средних школ, ремесленники, служащие и немного дворовых людей и крестьян *(F. Rożański. Z województwa Grodzieńskiego.— «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego». Lwów, 1903, str. 399). Общую оценку действий повстанцев в Гродненской губ., их состав и численность дает Константин Калиновский в записке от 28 февраля 1864 г. (см. док. 32).*

[7] О действиях повстанцев в губернии в апреле 1863 г. см. также ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 204, л. 87; д. 220, лл. 22, 27—28; д. 272, лл. 10—13; ф. 1713. оп. 1, д. 2, лл. 124—125; ф. 1715, оп. 1, д. 2, лл. 66—67, 84—85, 113—114.

192

1863 г. мая 8.— Донесение слонимского военного начальника полковника Н. Ф. Клавера командиру 3-й пехотной дивизии о присылке дополнительных войск в связи с активизацией деятельности повстанцев

В предшествовавших моих рапортах я доносил в. п., что в окрестностях гор. Слонима показались шайки инсургентов, для отыскания и рассеяния которых я посылал два раза по одной роте к дер. Исаевичи и дер. Миловиды, но роты, не имея вовсе кавалерии для разъездов, не могли отыскать инсургентов. Между тем по получаемым мною сведениям оказывается, что в лесах Миловидских и Михалинских появились значительные шайки, и хотя отряды от войск, расположенных в м. Сельце и м. Картуз-Березе, настигли, как было мною уже донесено, в лесах Михалинских шайку инсургентов, нанесли ей поражение и рассеяли [1], но по малочисленности своей отряд этот не мог преследовать и окончательно уничтожить шайку, и рассеянные инсургенты по удалении войск образовали опять значительные партии.

Сего же чиса получено мной донесение от пристава 5-го стана Слонимского у. с препровождением копии донесений приходского добромысльского священника Гриневича, старшины Добромысльской вол., управляющего им. Добромыслем, помощника надзирателя питейно-акцизного сбора и чемельского станционного смотрителя [2]. Священник Гриневич и старшина доносят, что 5 числа мая месяца утром во время богослужения в добромысльскую церковь вошло двое вооруженных инсургентов и по окончании службы вызвали священника Гриневича и находившихся в церкви крестьян на погост церковный, перед воротами которого стояло до 100 человек вооруженных ружьями и револьверами инсургентов. Начальник шайки прочел манифест Варшавского центрального комитета о безвозмездной отдаче в пользу крестьян обрабатываемой ими земли, без платежа всяких податей, и о призыве всех крестьян на войну, за что неимеющим даны будут земляные [так!] участки; манифест этот по прочтении вручен был местному старосте Хведосику. Затем находившийся в шайке ксендз привел бывших тут крестьян, сотского и десятского к присяге в верности польскому правительству, в неповинове-

нии русскому правительству и в точном исполнении всех приказаний слонимского военного начальника инсургентов: присяжный лист вручили старшине. Начальник инсургентов принуждал священника к присяге, но тот отказался. Волостной же старшина был связан и под угрозой лишить его жизни должен был выполнить присягу. После этого начальник инсургентов пригласил всех крестьян к заранее приготовленной в плебанном доме закуске, после которой шайка удалилась к шоссе, по направлению Миловидских лесов, где она и теперь находится, по донесению пристава 5-го стана, в значительном количестве. К этому донесению приложены копии манифеста, присяжного листа и акта о действии начальника шайки[3], оригинальные же эти бумаги находятся у лиц, которым были вручены.

Управляющий Добромысльским имением доносит, что 5 сего мая месяца явившиеся инсургенты до 100 человек разбили замок у добромысльского подвала и взяли бочку спирта 80 ведер и потчевали водкой крестьян. Того же числа вечером явилось опять до 30 инсургентов на подводах, взяли 8 бочек — 420 ведер — и увезли на подводах по направлению к шоссе; за водку, взятую в первый и во второй раз, инсургенты уплатили деньги, отказавшись от уплаты акциза. Помощник надзирателя акцизного сбора доносит, что 5 сего мая инсургенты забрали в добромысльском подвале до 500 ведер водки, акциза не уплатили и унесли с собой подвальную книгу и ярлыки.

Чемельский станционный смотритель доносит, что 5 сего мая около 6 час. вечера на станцию явилось около 10 вооруженных инсургентов, переменили из прежде забранных 2 лошадей, забрали вещи б. шорника Шоботы и, кроме того, 1 гунь[a] и 8 недоуздок.

Из настоящего и постоянно получаемых донесений усматриваю, что в Слонимском у. образовались в значительном количестве шайки инсургентов, для отыскания и рассеяния которых не имеется у меня достаточно сильного отряда. От расположенного в Слониме 1-го батальона Староингерманландского пехотного полка возможно отделить только одну роту для поиска инсургентов, остальные затем 3 роты необходимы в городе для охранения от возможного нападения инсургентов с разных сторон находящихся тут 2 батарей и казенного имущества. Вследствие чего прошу распоряжения в. п. о сформировании в Слонимском у. летучего отряда пехоты и кавалерии для уничтожения образовавшихся и постоянно усиливающихся шаек инсургентов.

Военный начальник гор. Слонима с уездом
полковник Клавер

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, лл. 43—44. Авторизованная копия

[1] *Речь идет о сражении отряда повстанцев под командованием Стравинского (Млотка) с карательными отрядами у Михалинской корчмы 2—3 мая 1863 г. Бой длился с перерывами более суток. По одним официальным донесениям, повстанцы насчитывали 800, по другим — 500 человек; карательные отряды — две роты солдат и около сотни казаков. Под натиском повстанцев царские войска отступили, и только подоспевшая помощь из м. Сельца и м. Картуз-Березы спасла их от полного поражения. См. ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 354—355, 359—360; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, лл. 32—33: ф. 1713, оп. 1, д. 2, лл. 181, 182, 185—186; ф. 1715, оп. 1, д. 9, лл. 120—121, 140—141; д. 10, лл. 86—89.*

---

[a] *Гунька — попона, чепрак (белорусск.).*

² См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 169, лл. 129—130; ф. 1713, оп. 1, д. 2, лл. 162—175.

³ См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1713, оп. 1, д. 2, л. 164. Речь идет, видимо, о действиях отряда Юндзилла.

193

1863 г. мая 9, Кобрин.— Рапорт командующего войсками южной части Гродненской губ. А. Ф. Эггера М. Н. Муравьеву о сражении с повстанцами у сел. Горки Кобринского у. и отступлении отряда капитана Керсновского

В дополнение рапорта моего от 8 мая за № 354 [1] имею честь донести, что колонна, посланная под командою капитана Керсновского, открыв шайку Траугутта в 8 верстах за сел. Горки, атаковала ее в чрезвычайно сильной и укрепленной притом позиции, окруженной болотами и лесом. Сражаясь мужественно более 2 часов, вынуждена, однако, была отступить, потеряв до 16 раненых и 2 убитых. По сведениям полученным, мятежники похоронили 28 убитых и пропорциональна этому, вероятно, и потеря раненых [2].

О приказаниях, отданных мною полковнику Игельштрому, донесено в. вп. Получив сведение об отступлении колонны, я, кроме того, отправил на подкрепление полковника Игельштрома $1^1/_2$ роты 3-го стрелкового батальона под командою подполковника Гессельберга, чтобы во что бы то ни стало уничтожить шайку Траугутта.

Не имея еще подробных сведений, я воздерживаюсь положительно донести о деле 6 мая, могу только сказать, что люди дрались молодцами и единственно огромному превосходству сил, имевших за собою еще все выгоды позиции, должны были уступить. Я сам сейчас отправляюсь в отряд для принятия личного над ним начальства [3].

Ген.-майор Эггер

ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, л. 360. Подлинник

¹ См. там же, лл. 387—389.

² Сражение у дер. Горки, состоявшееся 6 мая, закончилось полным разгромом отряда капитана Керсновского. Попав под перекрестный огонь повстанцев, каратели в панике бежали, потеряв убитыми и ранеными 20 человек. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1529, лл. 17—22; ф. 1159, оп. 3, д. 12, л. 13а; ф. 1715, оп. 1, д. 9, лл. 154, 156; д. 10, лл. 97, 98.

³ Поражение отряда Керсновского заставило ген. Эггера сосредоточить против Траугутта крупные воинские силы: 4 роты пехоты, 2 сотни казаков и 2 орудия. 9 мая соединенными силами Траугутт был атакован у Горок и после боя отошел к дер. Одрижин Кобринского у., а затем в Белинские леса. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 628, лл. 32, 33; д. 1420, лл. 4—9; д. 1529, лл. 17—22; ф. 1715, оп. 1, д. 10, лл. 103—104. Здесь 14 мая отряд Траугутта был снова атакован царскими войсками. Зная о большом превосходстве сил противника, повстанцы приняли бой. Первая, а за ней вторая и третья атаки ими были отбиты. Однако карательные войска овладели лагерем. Траугутт с группой в несколько десятков человек отступил. Командующий войсками в южной части Гродненской губ. ген. Эггер, лично возглавлявший эту операцию, признал, что успех был куплен дорогой ценой: в бою 14 мая он потерял 9 человек убитыми и 36 ранеными. Повстанцы, по его же словам, оставили на поле сражения 26 убитых и раненых, а также весь обоз и запасы продовольствия (ЦГВИА, ф. 484, 1863 г., д. 133, лл. 394—398). По данным Зелинского, убито было 13 повстанцев и 7 ранено. После боя собралось в Белинском лесу под командой Траугутта только 43 повстанца, которые вскоре соединились с повстанцами отряда Ваньковича («Леливы») из Брестского повета (S. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864, str. 326—327).

194

1863 г. мая 13.— Предписание и. д. гродненского губернатора волковыскому военному начальнику о розыске и предании суду писаря Горностаевичской вол. Серкучевского за чтение крестьянам «Мужицкой правды»

Б. писарь Горностаевичской вол. временнообязанных крестьян Серкучевский, проживающий в м. Свислочи, по произведенному корпуса жандармов майором Виттом дознанию оказался виновным в чтении старшине означенной волости Антонию Освейке и крестьянам в волостном правлении возмутительного листка под заглавием «Мужицкая правда»[1].

Уведомляю об этом в. вб. для распоряжения об отыскании Серкучевского и предании его законной ответственности.

И. д. губернатора, председатель казенной палаты

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 186, л. 2. Отпуск

[1] *О результатах расследования см. там же, лл. 16—17.*

195

1863 г. мая 17.— Акт повстанческого военного начальника Слонимского у. И. Лукашевича об оглашении в дер. Добромысль манифеста Национального правительства о наделении крестьян землей и уравнении сословий

Roku 1863 maja 17 dnia.

Naczelnik wojenny powiatu słonimskiego przybył z rozkazu Rządu Narodowego dnia dzisiejszego do wsi Dobromyśla i zebranej w cerkwi gminie ogłosił manifest Rządu Polskiego o uwłaszczeniu włościan i porównaniu stanów, jakowe ogłoszenie dokonał łącznie z miejscowym proboszczem wyznania greckiego księdzem Hryniewiczem; po czem obecni włościanie wykonali przysięgę na wierność Rządowi Narodowemu.

Naczelnik wojenny powiatu słonimskiego I. Łukaszewicz
Starszyna Jan Łazarczuk
Zmitruk Szacioło
Tomasz Koniewiechta

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 169, л. 137. Заверенная копия

ПЕРЕВОД

17 мая 1863 г. военный начальник Слонимского повета по приказу Национального правительства прибыл сего числа в дер. Добромысль и, собрав в церкви население, объявил манифест Национального правительства о наделении крестьян землей и уравнении сословий. В объявлении манифеста участвовал настоятель местной церкви грече-

ского обряда кс. Гриневич. Затем присутствовавшие крестьяне принесли присягу на верность Национальному правительству.

Военный начальник Слонимского повета И. Лукашевич
Старшина Ян Лазарчук
Змитрук Шатило
Фома Коневехта

196

1863 г. мая 17.— Донесение священника любищицкой церкви Слонимского у. Л. Гомолицкого бытенскому благочинному Н. Пешковскому о приведении повстанцами к присяге крестьян с. Любищицы

17 числа сего месяца в 8 час. утра на 12 почтовых тройках прибыли в с. Любищицы вооруженные инсургенты, начали звонить, разослали конных собирать по деревням крестьян в церковь, и два таковых прискакали ко мне на двор, позвали меня к их начальнику, и когда собрался на церковной площади народ, прочитан был им возмутительный манифест, которого я не слышал, потому что был в церкви, затем вызвали меня из церкви, приказывали мне для примера прихожан дать присягу, от чего я отказался. Народ же был приведен к присяге бывшим в шайке ксендзом. После сего начальник шайки, несмотря на мои отказы, заставил меня подписаться на листах его действий в Любищицах за неграмотных крестьян и отправился со своим отрядом обратно по направлению к Чемельской почтовой станции [1]. О чем честь имею донести.

Священник любищицкой церкви Лукиан Гомолицкий

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1713, оп. 1, д. 2, лл. 229—230. Заверенная копия

[1] *Гродненский почтмейстер Померанский гродненскому губернатору И. В. Галлеру в рапорте от 20 мая 1863 г. доносил, что днем 17 мая отряд повстанцев, состоявший из 100 человек,* вооруженных двуствольными ружьями, пистолетами, саблями и косами, конные, пешие и на 6 почтовых повозках Миловидской станции, *напали на Чемельскую почтовую станцию, затем отправились в с. Любищицы, откуда вновь вернулись в Чемелы. Далее он сообщал:* Подобные нападения инсургентов на почтовые станции Московско-Варшавского тракта повторялись неоднократно, и вследствие того прекращен там ход почт. *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, лл. 54, 167.*

197

1863 г. мая 21.— Рапорт слонимского военного начальника Н. Ф. Клавера гродненскому губернатору В. А. Бобринскому о сосредоточении повстанческих отрядов под Миловидами

По донесению пристава 4-го стана Слонимского у. партия вооруженных инсургентов [1], выйдя 18 числа из лесов, прилегающих к гор. Новогрудку, следовала чрез дер. Люшнево, м. Молчадзь, дер. Белогурню, дер. Перховичи, дер. Новоельну и направилась к шоссе, к Миловидам. Шайка состояла из 150 человек пеших и нескольких десятков конных, запасалась продовольствием в проходимых деревнях и в дер. Перховичи 19 сего мая забрала сына владельца деревни Михаловского и кучера его, о чем донес сам помещик Михаловский.

Пристав 1-го стана доносит, что 18 сего мая шайка вооруженных инсургентов до 200 человек проходила через стеклянный михалинский завод Гута и направилась к скипидарному заводу. По донесению того же пристава, шайка вооруженных инсургентов до 500 человек пеших и конных с обозом ночью с 18 на 19 число, выйдя из лесов, прилегающих к шоссе, следовала через деревни Заполье, Гощево, Середово, Ивацевичи, Чемельскую почтовую станцию, где, переночевав, 20 числа утром направилась к Миловидам. Инсургенты брали съестные припасы в деревнях, уплачивая крестьянам деньги, возмущали крестьян против правительства, оставляли возмутительные манифесты и в сел. Гощево зажгли строения местного священника. На почтовой Ивацевичской станции шайка эта уничтожила все книги и дела, забрала 2 пистолета, 1 саблю, 15 лошадей с упряжью и 3 ямщиков, оставив на станции 10 своих изнуренных и старых лошадей. 19 числа до 100 человек вооруженных инсургентов, прибыв на ст. Чемелы и забрав 28 почтовых лошадей и 8 руб. казенных денег, отправились в м. Бытень, где, по донесению местного священника, принуждали крестьян к присяге в верности польскому правительству, когда же крестьяне от выполнения присяги отказались, инсургенты выехали из м. Бытень, возвратили лошадей обратно на станцию, задержав только 1 ямщика и 1 лошадь.

Бортинское сельское правление доносит, что шайка вооруженных инсургентов до 400 человек, следуя 19 сего мая по шоссе от Брест-Литовска, сожгла около Чемел мост на р. Гривде и испортила телеграфные столбы на протяжении одной версты [2].

Для разбития и уничтожения шайки инсургентов, скрывающихся в Миловидских лесах, 20 числа сего мая месяца в 9 час. вечера послан мною к Миловидам отряд, состоящий из 3 рот пехоты, 30 конных артиллеристов при 4 орудиях. О последствиях действий этого отряда будет донесено мной по возвращении оного [3].

Полковник Клавер

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, лл. 55, 167. Подлинник

[1] *Имеется в виду новогрудский отряд под командованием Миладовского, направлявшегося к Миловидам.*

[2] *Подробнее о смелых действиях повстанцев, активно осуществлявших декреты революционного правительства в районе Миловид в мае 1863 г., см. ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 341—342, 349—350, 353, 385—386, 404—405, 482; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 22, д. 1376, лл. 1—2; ф. 1713, оп. 1, д. 2; ф. 1715, оп. 1, д. 9, л. 243.*

[3] *На следующий день, 21 июня, на шоссе по направлению к Миловидам карательные войска были обстреляны повстанцами. Вскоре к колонне царских войск, вышедшей из Слонима, присоединились еще 2 роты из Несвижа, см. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, л. 62.*

198

1863 г. мая 26.— Из рапорта командира 6-й батареи подполковника Булгарина слонимскому военному начальнику Н. Ф. Клаверу о сражении с повстанцами под Миловидами [1]

[...][а] Все расстояние от ст. Миловид до Чемел и далее чрезвычайно лесистое, болотистое, так что шоссе представляет узкое дефиле и только весьма изредка встречаются полянки. Там же, где расположены были

[а] *Опущено 2 листа текста с описанием пути следования к Миловидам 3 рот Староингерманландского полка с 4 орудиями.*

мятежники, на шестой версте влево от дороги (идя от Миловид к Чемелам), лес чрезвычайно густой, лиственный, нерасчищенный и местность топкая, многие деревья, вырванные с корнем, представляют на каждом шагу завалы, а водяные ямы еще более усиливали недоступность к лагерю мятежников. Не доходя до этого лагеря примерно около $^3/_4$ версты, с правой стороны находится поляна и вдали вправо, на опушке оной, стоял смольный завод. Эта поляна дала мне возможность вести атаку на лагерь инсургентов с двух сторон.

Как только опушка была обстреляна картечными выстрелами, то 1-я рота быстро начала наступать вправо от шоссе и 1-й взвод 3-й роты, углубляясь в лес, завязал перестрелку со стороны площадки, другому взводу этой роты я велел идти со стороны смольной фабрики с барабанным боем не столько для действия на фланге, как для отвлечения туда внимания мятежников, но это не помогло: мятежники знали неприступность своей позиции и так упорно держались в опушке, что я чрез 2 часа принужден был на место 1-й роты послать 2-ю, а 1-ю отвести в резерв. Но и 2-я рота не могла преодолеть затруднений местности: она тоже не могла дойти до единственной тропинки, соединяющей шоссе с лагерем, хотя и отодвинула мятежников настолько, что уже видны были их бараки. Действия 3-й роты, действующей под личным надзором майора Егорова, тоже были парализированы местными препятствиями. Значительная убыль людей (убито 9 человек, ранено 41 *) [2], их усталость, наступающая темнота и имеющееся в виду четырехверстное отступление по узкому шоссе, окруженному лесом, заставили меня прекратить бой. В плен во время дела взято 2 человека.

При отступлении вся пехота, кроме небольшой цепи, поэшелонно была отправлена назад, 2 орудия батарейной № 5 батареи сменили действовавший доселе взвод батарейной № 6 батареи, начали отступление на отвозах с пальбою. Мятежники при отступлении нашем не тревожили нас ни одним выстрелом, ограничивая свои действия из опушки леса.

Едва на 23 число отдана была новая диспозиция для штурмования мятежнического лагеря, как я получил уведомление о приближении майора Радова, почему прежнее распоряжение было отменено, и я, исполняя предписание в. вб. об отправлении в Слоним одной роты при первой возможности, отправил 2-ю роту со взводом батарейной № 5 батареи и с выбывшими накануне из строя 41 человеком, приказав им идти в Слоним. Атака на целые 3 часа была отложена для доставления необходимого отдыха вновь прибывшим 2 ротам. Когда же я привел в исполнение свое движение и прошел уже 2 версты, то от возвращавшегося из лагеря инсургентов фурштатского [а] унтер-офицера Кушмы узнал об оставлении ими лагеря в продолжение ночи и, как у меня имелись от разъездов темные сведения, что какой-то мужик видел ночью мятежников, отступающих окольными лесами через Добромысль, почему мною тотчас были приняты меры к преследованию, и одна рота со мною поехала на подводах к Добромыслю, там напали на их след, но потом в расстоянии 8 верст видно было, что мятежники, оставя дорогу, пошли лесом, тропинкой [3].

---

* Из коих 17 человек весьма легко, а из остальных 24 человек только 5 тяжело ранены, остальные, по уверению доктора Топорнина, опять скоро поступят в ряды.

[а] *Т. е. обозного.*

Соображая, что, идя с ротой по сим следам пешком, я не мог бы их настигнуть, потому что преследование началось спустя почти 12 часов, а может быть, и более после их выступления, а между тем приближение вечера и неимение никаких о них сведений, кроме следов на земле, неизвестность о их силе заставили меня взять новое направление — на соединение с теми 3 ротами, кои, по моему указанию, ведены были майором Егоровым другим путем к дер. Гнойно. Здесь по соединении всего отряда мы отступили на ночлег к Грудополю, проведя таким образом в напрасных поисках целый день по той стороне р. Щары.

24 числа с 2 ротами мы снова подошли к лагерям мятежников, тут собрали мертвые тела как наших убитых, так и брошенных близ выхода на шоссе 9 мятежников, тех и других я велел похоронить в 2 разных могилах; остальные убитые инсургенты оставлены на месте и засыпаны или затоплены в ямах самими мятежниками, поэтому и число их определить нельзя.

В лагере найдено было 5 человек тяжелораненых мятежников, которые, равно как и один из наших раненых солдат, пропавший без вести 22 числа, были перевязаны нашими докторами и отправлены в Слоним. В лагере найдено множество рассыпанной провизии (хотя целый предшественный день мужики и жиды вывозили продукты себе), до 5 пудов пороху, множество бричек, седел, походная кузница, разного рода косы числом около 200, старинных ружей 23 и 40 лошадей. (Между прочими вещами, брошенными мятежниками, обращают на себя внимание вынесенные из их походного костела: белого мрамора доска в деревянной оправе с частицей мощей св. Доната, складное евангелие и другие предметы, употребляющиеся при богослужении, все это при сем представляю).

Во время моей погони за ними мне удалось узнать, что они из боязни не быть скоро обнаруженными не заходили ни в одну деревню. Проводником их пути был эконом помещика Юндзилла. Главный выход из лагеря был совершенно в противоположной стороне моим действиям 22 числа, по тропинке, ведущей чрез им. Осовец г. Юндзилла, в расстоянии около 6 верст от моего бивуака, отделенного густым лесом.

Вся окрестность, как уже замечено выше, от Миловид до Чемел и далее, во все четыре стороны, очень лесиста, но местность между шоссе и Щарой и потом далее по направлению к Пинску можно считать непроходимой, кругом лиственные леса, и если принять во внимание, что бегство мятежников из лагеря было учинено почти по противоположному направлению и ночью, когда даже крестьяне не могли видеть их, то неизбежно должно было произойти то, что случилось, именно — что они ускользнули от моего преследования.

По собранным сведениям, мятежниками командовали Ленкевич, Ляндер и Лукашевич [4]; судя по принятому направлению, мятежники бежали малыми партиями; одни в Пинские леса, другие к Березским лесам, а некоторые к стороне Слуцка, число же приблизительно состояло от 2 [до] 3 тысяч [5].

Все косы, а также предметы, тяжелые и неудобные для вывоза из лагеря, равно как и их балаганы, были мною сожжены. [...] [a]

Подполковник Булгарин

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 220, лл. 62—65, 162. Заверенная копия.

---

[a] *Опущен 1 лист текста с перечислением фамилий офицеров и солдат, представленных к наградам за участие в бою под Миловидами.*

[1] *События у Миловид являются наиболее крупной операцией 1863 г. в Гродненской губ. Сконцентрировав крупные силы, повстанцы фактически самостоятельно контролировали значительный район губернии. Определенного успеха повстанцы добились под Миловидами и в военном отношении. В конце мая здесь сосредоточились отряды: Волковыский — под командованием Млотка, Новогрудский — Миладовского, Пружанский — Влодка, Слонимский — Юндзилла и часть отряда Ленкевича (Ляндера), всего около 800 повстанцев. Командование над объединенными отрядами повстанцев принял Ленкевич (Ляндер). Накануне сражения 20 мая повстанческие отряды в миловидском лагере инспектировал Калиновский. См. показание Э. Заблоцкого, опубликованное в сборнике «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 497.*

[2] *По данным адъютанта В. Врублевского И. Арамовича, карательные отряды у Миловид потеряли до 240, повстанцы — 18 человек.*

[3] *Успех, достигнутый повстанцами у Миловид, не был ими закреплен. Вместо смелой атаки на отступившие карательные войска повстанцы в ночь с 22 на 23 мая покинули лагерь. Новогрудский отряд под командованием Миладовского ушел в свой уезд, где вскоре был разбит. Пружанский отряд под командованием Влодка соединился с отрядом Духинского и действовал в Волковыском у. Группа повстанцев, оставшаяся вблизи Миловид, была атакована войсками ген. Эггера. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1715, оп. 1, д. 9, лл. 218—219.*

[4] *О руководителях повстанческих отрядов под Миловидами см. прим. 1.*

[5] *Сведения о численности повстанческих отрядов значительно преувеличены. См. прим. 1.*

199

1863 г. мая 28.— Рапорт пружанского военного начальника майора Кремера командующему войсками в Гродненской губ. З. С. Манюкину о розыске повстанческих отрядов и сражениях с ними

По приказанию в. п., переданному мне в предписании полковника Вернера от 15 мая, я 16 числа утром выступил из гор. Гродно с ротами вверенного мне батальона [1] 9-й линейной и 3-й стрелковой, 20 казаками Донского № 33 полка для сопровождения чиновника, развозящего жалованье для войск, и почтовой денежной корреспонденции до гор. Волковыска, где должен был остаться в распоряжении подполковника Колокольцева. Прибыв в Волковыск с вверенным мне отрядом 17 числа вечером благополучно, явился [к] подполковнику Колокольцеву, объявил ему, что мне предписано состоять в его распоряжении. Подполковник же Колокольцев в ночь с 18 на 19 число отправился в С.-Петербург, не передав мне ничего о своем отъезде и кто должен заступить его место. Я, как старший после него, сделал распоряжение об отправлении денежного транспорта 20 числа утром под конвоем одной роты кн. Меншикова полка до гор. Слонима.

Между тем того же дня вечером узнал, что шайка мятежников под предводительством Ленкевича [а], называющего себя полковником Ляндером, будучи разделена на 3 партии, направилась по Слонимскому тракту, имея намерение сосредоточиться в окрестностях м. Лыскова и соединиться с шайкою подполковника Духинского, которому Ленкевич послал курьера в м. Кринки [б], а потом совместно действовать с двух сторон и отбить денежный транспорт. Сообщив об этом командующему

[а] *Здесь и далее в тексте документа* Линкевича.

[б] *В документе* Хринки.

3-м батальоном кн. Меншикова полка майору Духновскому 20 мая, № 514, а также передав словесно того же числа вечером подполковнику Казанли, в тот час прибывшему, ночью с 20 по 21 число выступил с вверенным мне отрядом по направлению в м. Зельву, где, получив сведение, что Ленкевич направился по тракту в м. Лысково, я того же числа следовал чрез м. Подороск в м. Лысково. Здесь в окрестности лично с казаками производил рекогносцировку и, узнав, что Ленкевич стоял лагерем в лесу за мызою Янины, откуда снявшись, направился к гор. Слониму, почему решился во что бы ни стало не допускать шайке Духинского соединиться с шайкою Ленкевича, предположил следовать наперерез сих партий, но, получив предписание подполковника Казанли направиться в м. Новый Двор и ожидать его прибытия, куда он имеет намерение следовать чрез м. Свислочь, я в 12 час. ночи с 23 на 24 число выступил из м. Лыскова по направлению в м. Новый Двор и, пройдя около 12 верст, заметил множество окурков папирос, шелухи вареных яиц, и, кроме того, найдено в лесу несколько огарков стеариновых свеч, и, произведя розыски, узнал, что инсургенты имели здесь привал. Удостоверясь в действительности сего от лесовщика и узнав, что мятежники направились на мызу Устронь, отправил о сем донесение с 5 казаками подполковнику Казанли в м. Новый Двор, а сам двинулся с вверенным мне отрядом по следам инсургентов. После чего, следуя по пятам форсированным маршем до мызы Устронь, узнал, что инсургенты имели снова привал, производили перекличку и, отделив всех больных и слабых от шайки, отправили поодиночке по домам и что партия эта состоит из 700 человек пеших, вооруженных охотничьими ружьями, в том числе 135 косами, и 40 человек конных стрельцов, взяли направление на мызу Янины. Не теряя времени, я настойчиво преследовал до мызы Янины, где узнал, что инсургенты взяли с означенной мызы 2 бочки водки, запаслись фуражом, зарезали вола и, произведши расчет по частям вооружения шайки, отправились по дороге в лес. Дав небольшой привал отряду, я направился вслед за ними Янинскими лесами.

Пройдя без отдыха около 30 верст, в $3^1/_2$ часа пополудни настиг шайку Слонимского у. в Ружанской казенной даче, в участке Погорелое, где был поставлен мятежниками конный пикет, из коего один был схвачен, а в 3 верстах в грядах черчеш [a], в топких непроходимых местах, за небольшим ручейком, в густой чаще лиственника, выставлена была мятежниками стрелковая цепь, в коей некоторые стрелки сидели на деревьях. Выслав вперед 3-ю стрелковую роту в цепь, с 3 полувзводами резерва 9-й роты, по одному за фланги и средину, и разделив казаков также на фланги, обоз оставил под прикрытием остального полувзвода 9-й роты, делал наступление. Стрелки, подойдя к неприятельской цепи в расстоянии 50 шагов, встречены были учащенною пальбою, а в особенности при ободрении мятежников предводителями шайки, чтобы не отступать, между коими слышны были голоса: «Панове, храбрей, их бардзо мало, една рота стрельцов, мы их вшистко побьем!» Желая выманить неприятельских стрелков из чащи леса, я приказал своей цепи отступать. Инсургенты, ободренные этим, бросились вперед, но были остановлены меткими выстрелами наших стрелков, неприятельская цепь заняла первоначальную позицию. Не предвидя возможности выбить

---

[a] *Т. е. трясина, топь.*

Валерий Врублевский

выстрелами их из позиции, я приказал идти в атаку, и стрелки, с яростью бросясь в чащу леса, опрокинули неприятельскую цепь, и она, отступая бегом, заняла другую позицию, за небольшой поляной, где косинеры пытались остановить наших стрелков, но были встречены меткими выстрелами, поспешно отступали за свою цепь. Вдруг услышаны были боковые выстрелы, и казачий урядник, прискакав ко мне, объявил, что неприятель делает обход с левой стороны. Усилив оба фланга резервами 9-й роты, подал сигнал наступления, и мятежники при отступлении пытались 8 раз бросаться вперед с криком «ура», но всякий раз огонь стрелков и части 9-й роты заставлял их бежать и скрываться в густой лес, а мы начали делать безостановочное наступление [2].

В 7 час. мятежники в беспорядке малыми частями от 3 до 5 человек и поодиночке стали разбегаться во все стороны, уже не отвечая на наш огонь и, бросая оружие, совершенно скрылись в непроходимое болото (трясину), прилегающее с левой стороны к озеру, в 4 верстах от дер. Лососины, так равно и предводители шайки поодиночке спаслись бегством. Видя совершенную бесполезность преследовать части разбитой шайки, я счел нужным дать отдых и привести в порядок отряд. Собрав роты, следовал 14 верст в м. Ружаны, где имел ночлег и предал земле с церемонией убитых нижних чинов, куда также прибыл 25 числа и подполковник Казанли со своим отрядом. После чего 26 числа оба отряда выступили чрез м. Подороск в м. Лысково и оттуда в Новый Двор, где застали отряд майора Морозова, который захватил 4 пленных без оружия из разбитой 24 числа партии, откуда в ночь на 29 число выступил лесами чрез мызу Устронь и прибыл в 5 час. утра в м. Лысково, а подполковник Казанли отправился на м. Порозово и имел ночлег в дер. Лубянке. В Лысково прибыл 29 числа в 5 час. пополудни ген.-майор Беклемишев со своим отрядом, приказал мне с вверенным мне отрядом следовать по направлению в м. Пески, а подполковнику Казанли — в гор. Волковыск.

Потеря мятежников должна быть весьма значительна, на одном левом крыле насчитано казаками 127 трупов, в числе убитых — военный лекарь Калиновский и многие другие лица, которые по наружности и одежде не из класса простого звания. У мятежников взят в плен белостокский помещик Рафаил Корицкий. Партия эта числом до 700 человек пеших и 40 конных, состоящая из помещиков, шляхты, чиновников, мещан, гимназистов Белостокской, Гродненской и Свислочской гимназий, отставных солдат и части казенных крестьян, имела правильную организацию, т. е. рассчитана на роты. Главный предводитель инсургентов и комиссар воеводства Гродненской губ. эмигрант Онуфрий Духинский, отставной полковник, прибывший из Парижа. Батальоном командовал бежавший из Либавского полка капитан Эйтманович, ротой пеших стрельцов командовал отставной поручик Завистовский, командиры роты косинеров — 1-го отделения чиновник Белостокского уездного казначейства Лятковский и 2-го — француз Симоне. Командир конных стрельцов — белостокский помещик Казимир Кобылинский, а его помощник — помещичий сын Владислав Михайловский. Кроме того, в конных стрельцах находились сыновья Кобылинского, Константин и Адольф, 2 племянника его взяты им из дер. Хородни и отставной уланский офицер Килижинский, иногда именующий себя Подкова. Казначеем был б. учитель Белостокской гимназии Арамович, квартирмейстером

при партии — Устилло, докторами находились бежавший военный медик Иван Калиновский и его помощник Бирфрент из Белостока, последний находился при шайке с начала формирования, а первый прибыл в м. Кринки.

Шайка эта начала формироваться с 5 апреля Белостокского у. в дер. Зеленая, в лесу имения гр. Круженстерна, куда первоначально прибыли бежавшие офицеры Либавского полка капитан Эйтманович, Роман, поручик Брандт, подпоручики Мицевич и Баранцевич, юнкер Ятовт и один рядовой Либавского полка. По сформировании она направилась на Каменку и имела сражение в апреле месяце с каким-то отрядом в лесу около им. Валил, принадлежащем помещику Сапеге, где партия была застигнута врасплох и рассеяна, а потом вновь формировалась в лесу в урочище Стажинка [в] Белостокском же уезде и по неимению продуктов для довольствия была распущена. Бывшие офицеры Роман, Брандт, Мицевич и Баранцевич, поссорившись с капитаном Эйтмановичем, отправились в Царство Польское, а Эйтманович остался при Духинском. Около же 10 мая шайка начала снова формироваться Сокольского у. в урочище Двориске, где простояв 10 дней, отправилась и следовала до места разбития ее 24 числа.

Несмотря на усиленные переходы, которые нижние чины совершили 24 числа до места сражения, расстоянием 75 верст, в том числе из им. Янин около 30 верст без воды, вступили прямо в бой и, имея встречу с инсургентами в первый раз, все нижние чины, в особенности 3-й стрелковой роты, необыкновенной храбростью и примерною стойкостью атаковывали инсургентов на всех пунктах. При сем священным долгом считаю пред в. п. именовать более отличавшихся г-д офицеров вверенного мне отряда: командир 3-й стрелковой роты штабс-капитан Домашнев, который неустрашимо с ротою первый бросился в чащу леса и, несмотря на учащенную пальбу неприятельских стрелков, опрокинул их цепь, и той же роты субалтерн-офицер поручик Андреев и подпоручик Бакунов и командовавшие полувзводами юнкера Прокофьев и Вельтищев, из коих последний убит, командир 9-й роты штабс-капитан Аблашнев и поручик Блюм, батальонный лекарь Малиновский, который в полном знании своего дела производил перевязку раненым под выстрелами проворно и искусно, имел особенную заботливость о раненых и вообще больных нижних чинах, состоя при вверенном мне батальоне с 14 января. При сем присовокупляю, что у мятежников отбито: значок, книги, планы, французские газеты, последние переданы лично ген.-майору Беклемишеву, много ружей, пик и кос, пистолеты, сабли, форменные 2 тесака, железные латы, множество платья, несколько пороху и свинцу, 2 бочки водки, фураж, все съестные припасы, как-то: горох, крупа, соль и сало, медикаменты, корпия, бинты, 3 повозки, 6 лошадей, из коих 4 были оседланы, и 3 медных котла; кроме того, коляска, которая оставлена в болоте по невозможности вытащить ее из оного; отбитые же одни железные латы, 7 планов, 2 медицинские книги и 12 свидетельств при сем представляю. Оружие, пики и косы имеют быть сданы по прибытии моем в склад в гор. Гродно, а лошади, повозки и одежда поступают в продажу с аукционного торга в пользу нижних чинов. О чем доношу в. п.

Командующий отрядом майор фон Кремер

ЦГВИА. ф. 484, оп. 1, д. 133, лл. 442—448. Подлинник

[1] *3-й батальон Невского пехотного полка.*

[2] *Зелинский ошибочно указывает дату этого сражения 26 мая (8 июня) у Меречевщизны, Цилов дает дату 25 мая и называет лес Серадовским, по имени речки, у которой произошел бой. Нападение было неожиданным для повстанцев, они только что начали переправу через речку. О. Духинский оказался отрезанным казаками от массы повстанцев и потому не принимал никакого участия в сражении. Командовал повстанцами В. Врублевский, который, несмотря на численный перевес царских войск (3 роты) и их преимущества, связанные с неожиданным появлением, сумел несколько часов удерживать позиции, 3 раза контратакуя противника, и отойти за реку, не понеся серьезных потерь (13 убитых и 8 раненых). Сообщение фон Кремера о 127 убитых повстанцах, среди которых находился якобы Иван Калиновский, не соответствовало действительности. После двухдневного отдыха отряд О. Духинского двинулся в сторону Пружан и у Серадова снова встретился с войсками 28 мая.*

200

1863 г. мая 30.— Отношение Гродненской палаты государственных имуществ губернатору В. А. Бобринскому о волнениях крестьян деревень, расположенных в Беловежской пуще и ее окрестностях

Заведывавший временно Беловежской пущей поручик Лимановский от 22 текущего мая за № 114 донес, что беспорядки, производимые в настоящее неспокойное время крестьянами деревень, расположенных внутри и в окрестностях Беловежской пущи, доходят до огромных размеров, так что он не имеет даже средств удержать их от самоволий. Лесной страже, старающейся прекратить их беспорядки, они угрожают смертью и на все распоряжения местных властей отвечают, что в настоящее военное время они могут делать все, что захотят. Почему распространившиеся в Беловежской пуще пожары, ежели не будут прекращены, угрожают целой пуще опасностью быть сожженной.

Предписав заведывающему Беловежской пущей штабс-капитану Штральборну о подаче по принадлежности установленных свидетельств о вышеупомянутых беспорядках и пожарах в пуще для произведения формальных следствий, а также поручив слонимскому, кобринскому и белостокскому окружным начальникам о воздержании казенных крестьян деревень, расположенных внутри и в окрестностях Беловежской пущи, от самовольных действий и о принятии решительных мер обще с заведывающим пущей к прекращению пожаров, палата государственных имуществ имеет честь о настоящем обстоятельстве довести до сведения в. с. и покорнейше просить в случае нужды содействия посредством полицейской и военной властей к скорейшему восстановлению в Беловежской пуще прежнего порядка и прекращению пожаров, угрожающих опасностью целой пуще [1].

Управляющий палатою Гаврилов, за губернского лесничего лесной ревизор капитан Гутковский, делопроизводитель Э. Юровский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 221, лл. 25—26. Подлинник

[1] *В Беловежской пуще были значительно увеличены карательные отряды для поимки повстанцев, тщательно проверена благонадежность лесных стражников, наиболее «надежным» из них выданы дополнительное оружие и военное снаряжение (см. там же, лл. 41—43).*

201

1863 г. июня 2.— Рапорт начальника Ружанской этапной команды подпоручика Плавского слонимскому военному начальнику Н. Ф. Клаверу о захвате повстанцами казарм, оружия и имущества этапной команды

Сего числа в 3 часа утра по тракту из гор. Слонима наскакала шайка инсургентов (верховых), вооруженных двуствольными ружьями, револьверами и саблями, числом до 100 человек [1], и, окружив казарменный дом, стали стрелять в окна и поджигать самую казарму, требуя с криком сложить оружие, в противном случае перережут всех. Между тем в одно время с нападением на команду 15 человек во весь карьер направились к моей квартире и, встретив меня, бежавшего в команду, арестовали и не допустили добежать до казармы, приказав возвратиться на квартиру для учинения обыска оружия, пороха, денег казенных и секретных предписаний начальства. После неоднократных угроз и приставления револьверов со взведенными курками к груди моей, я должен был отдать свое двуствольное ружье, охотничью бутылочку пороху, 59 руб. казенных и кормовых арестантских — 6 руб. 12 коп.

В казарме инсургенты ранили 4 человек, из них 1 унт[ер]-оф[ицер] Пружанской команды внутренней стражи; забрано: ружей — 22, патронов — 903 и большая часть амуниции, как равно и хозяйственных вещей. В командной канцелярии много уничтожено бумаг, книг и архива.

Донося о сем в. вб., честь имею присовокупить, что подробный рапорт о происходившем, как все это было, как равно и подробная ведомость забранным вещам инсургентами вслед за сим будут представлены [2].

Подпоручик Плавский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1713, оп. 1, д. 2, лл. 347—348. Подлинник

[1] *Речь идет о коннице из отряда О. Духинского, которой командовал талантливый начальник — Кобылинский. Основной отряд в это время расположился лагерем у Лыскова (в Большой Уле), а Кобылинский с 56 конниками делал набеги на окрестности.*

[2] *См. там же, лл. 374—376.*

202

1863 г. июня 9.— Рапорт пристава 3-го стана Кобринского у. кобринскому уездному исправнику Н. М. Шеметылло об обнаружении в местечках Городец и Антополь повстанческого приказа о передаче земли в собственность крестьянам

Тысяцкий м. Городца Глинский сего числа, проходя по обязанности своей рано по улице, заметил приклеенный на корчме неизвестно кем лоскутик печатной бумажки подысподом [a] с черной печатью, каковой лоскутик им оторван и представлен ко мне, по рассмотрении которого оказалось, что это возмутительное оглашение под заглавием «Приказ», печатанное на польском языке простонародным наречием, о том, дабы деревенские жители слушали поляков, за что получат в вознаграждение на

[a] *Падыспадам — внизу (белорусск.).*

вечность земли, а неповинующиеся будут строго наказаны[1], каковое оглашение представлено в. вб., честь имею донести, что такое же оглашение приклеено было и в м. Антополе, которое прислал командир 6-й роты Кутузовского пехотного полка при проходе чрез м. Антополь.

Становой пристав[а]

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 714, оп. 3, д. 3, лл. 127—128. Подлинник

[1] *Имеется в виду приказ Константина Калиновского о вступлении его в должность комиссара Гродненского воеводства. В приказе говорится, что на эту должность он поставлен центральным повстанческим правительством и что будет бороться за справедливую свободу и правду. Крестьяне, поддерживавшие повстанцев, получат безвозмездно в вечное пользование землю.*

Калиновский разоблачал хитрость царских властей при создании сельских караулов, приказывал не создавать караулы и уничтожать повсюду воинские команды, специально оставленные для их организации. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 619, л. 32.

203

1863 г. июня не ранее 11[1].— Рапорт волковыского военного начальника В. М. Казанли В. А. Бобринскому о преследовании повстанцев и стычках с ними в Беловежских лесах

Получив 5 сего июня сведение, что разбитые в разных местах нашими отрядами шайки снова формируются в опушке Беловежского леса, около сел. Новый Двор, я направился туда по различным дорогам тремя отдельными колоннами: первая — под моим начальством — из 9-й и 10-й рот кн. Меншикова полка направилась на м. Свислочь и далее на Добрую Волю[б] к Новому Двору, вторая колонна, состоящая из 12-й роты того же полка, пошла прямо из Волковыска к м. Порозову и третья — из 2 рот Несвижского полка под начальством майора фон Кремера — из сел. Пески на м. Зельву, Лысково к Новому Двору.

6, 7 и 8 чисел войска моего отряда находились в постоянном и почти безостановочном движении, отыскивая шайку по следам, скрываемым мятежниками с замечательным искусством. 9 числа в 8 час. утра отряд напал около Субботина на несомненные и близкие следы шайки и быстро следовал за ней от Субботина чрез с. Бояры на Рудню. Не доходя Рудни, шайка повернула к дер. Большие Гринки и, постоянно переменяя направление и маневрируя около урочищ Песец и Катюховки, была настигнута при Жарковщине, где мятежники заняли сильную позицию позади открытой поляны при опушке большого непроходимого леса. В то время, когда люди 10-й роты, находившиеся в цепи, перелезали через забор, чтобы выйти на полянку и атаковать мятежников, залегших в опушке леса за поваленными деревьями, мятежники сделали залп и открыли частую пальбу, тогда штабс-капитан Шахов впереди цепи своей роты с криком «ура» кинулся на мятежников в штыки, выбил их из опушки и, опрокинув в лес, преследовал шайку на протяжении 5 верст, имея за собой резервы от 9-й роты. Лес был до такой степени густ, что многие мятеж-

---

[а] *Подпись неразборчива.*

[б] *В списке населенных мест* Доброволь.

ники, скрываясь за вывороченными корнями в чаще леса, а равно и на деревьях, оставшись позади наступавшей цепи, стреляли по нашим резервам, которыми и были истреблены окончательно. В 4 часа пополудни я ударил отбой, желая дать людям необходимый для них отдых: в этот день, выступив в 3 часа утра, они сделали 47 верст и уже четвертый день находились в быстром постоянном движении.

Неприятель оставил на месте сражения в лесу более 40 убитых, между которыми был один ксендз (кажется, викарий из Лыскова), доктор Здельвацкий и один довольно плотный и красный мужчина с бородой, которого казаки, бывшие в деле 24 числа с майором Кремером, признали за Кобылинского. У нас выбыло из строя рядовых 8 человек раненых и 1 убитый. Шайка мятежников состояла из 800 человек, бывших прежде под предводительством Духинского, в которой начальник главного штаба был Врублевский, инспектор егерского училища в Соколке. У мятежников отбито 11 лошадей с седлами, 1 лошадь с упряжью и повозка, 6 ружей, 2 пистолета, 4 косы, порох, пули и готовые патроны, охотничьи сумы и разная одежда, найден также документ на производство в чин, который при сем в подлиннике представлен ген.-лейтенанту Манюкину.

В 6 час. вечера я выступил в с. Доброволю, отстоящее в 6 верстах, где ночевал и на другой день, т. е. 10 числа. По прибытии отрядов майора фон Кремера и штабс-капитана Сафьяникова вечером я направился со всем отрядом по Свислочской дороге и скрылся на ночлег в лесу в глубокой долине, имея в виду, скрывая свои войска, дать возможность вновь собраться мятежникам в урочище, так как это одно из лучших их сборищ. 11-го я делал розыски и убедился, что оставшиеся разбежались по разным местам в самых незначительных партиях.

Притом считаю долгом своим засвидетельствовать перед в. с. неутомимость и храбрость нижних чинов 10-й роты, командира их штабс-капитана Шахова, который шесть раз ходил в штыки впереди своей цепи и при отыскании шаек всегда отличался находчивостью и неутомимостью. В цепи при преследовании шайки находились вместе со мной батальонный адъютант подпоручик Верещака, поручик 10-й роты Адамов и особенно заслуживает внимания юнкер 10-й роты Владимир Ясинский, находящийся при отряде батальонный лекарь Дмитриев под выстрелами мятежников оказывал помощь раненым нижним чинам [2].

Подполковник Казанли

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 16, лл. 76—79. Подлинник

[1] *Датирован по содержанию документа.*

[2] *По данным С. Зелинского, повстанцы потеряли 2 убитых и 5 раненых. После стычки с войсками отряд Духинского — Врублевского перешел в Волковыский у. (S. Zieliński. Указ. соч., стр. 332).*

204

1863 г. июля 19.— Рапорт брестского уездного исправника Маслова уездному военному начальнику П. К. Деконскому об обнаружении в дер. Зводах «Приказа ... к народу земли литовской и белорусской»

Доставленное ко мне Лыщицким волостным правлением при донесении от 16 сего июля за № 47 найденное сельским старостою дер. Зводов Павлом Петровым Стальником подброшенное под его дом возмутительное письмо, печатанное простым литовским наречием [a], под заглавием «Приказ польского правительства над Литовским и Белорусским краем», при сем имею честь представить в. вб. [1]

Уездный исправник Маслов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 169, л. 112. Подлинник

[1] *Там же, л. 113. Текст «Приказа» см. в настоящем сборнике, док. 15.*

205

1863 г. июля 25.— Рапорт бельского военного начальника полковника Амантова губернатору В. А. Бобринскому о сражении с повстанческим отрядом Кобылинского у хутора Пухлы

23 числа в 9 час. вечера я получил сведение, что конная шайка мятежников, вооруженных револьверами, двустволками и саблями, в числе сверх 200 человек была в м. Орли того же числа в 5 час. пополудни. Выслан был сейчас же из Бельска отряд из 75 улан 2-го эскадрона С.-Петербургского уланского полка, 30 казаков 5-й сотни Донского казачьего № 5 полка и 1-й стрелковой роты вверенного мне полка [1] под командою подполковника Тигеретета, который и донес мне, что, получив в Орли сведение, что шайка, забрав у арендатора имения кн. Витгенштейна г. Дошкевича 8 лошадей и 20 корцев овса, отправилась на Щиты, направился в это местечко, где захватил подводчиков, отвозивших за шайкою овес, и узнал от них, что она была около 11 час. вечера в Лоневе у помещика Лещинского. Оставив стрелковую роту с тем, чтобы она взяла подводы и догнала кавалерийский отряд, подполковник Тигеретет отправился по указанным следам. Прибыв в Ленево в 2 часа пополуночи, получено было сведение, что шайка ужинала там и в 11 час. вечера выступила на Ляды. В Лядах караульщик объяснил, что шайка прошла мимо, не заходя в деревню, по дороге на Градочну или на Клиники, утвердительно не показывал на том основании, что в темноте, заметив только конных с пиками, он счел их за казаков и потому не посмотрел, куда именно они направились.

Отряд двинулся по указанной дороге и, заметив много конских следов, пошел чрез болото на Градочну, куда и прибыл в 4 часа утра. В Градочне мятежников не было и ничего о них не знали. Отряд хотел идти на Клиники для получения сведений, но, заметив в полуверстном расстоянии от Градочны конский след по полевой дорожке на Яново, направился туда

[a] *Т. е. на белорусском языке.*

и получил там сведение, что шайка мятежников прошла там назад тому 4 часа и остановилась на мызе Пухлы за р. Наревой, разветвляющейся в этом месте тремя руслами, доступными к переходу вброд. К мызе, окруженной с трех сторон болотистым лесом, вела узкая плотина от 40—50 шагов длиною. Посланный разъезд казаков донес, что шайка мятежников находится на дворе мызы, готовясь к отъезду. Имея в виду, что рота должна прибыть не ранее как чрез полчаса времени, в течение которого шайка могла уйти, и тогда дальнейшее преследование ее было бы невозможно, отряд решился истребить ее собственными силами. Казаки, разделившись на три части, каждая в 10 человек, под начальством есаула Прусакова, вверенного мне полка поручика Снессарева и подпоручика Мензбира, бросились к 3 воротам, за ними — уланы с криком «ура», дав залп из ружей и карабинов, хотели ворваться во двор мызы, обнесенной высоким частоколом. Мятежники, затворив ворота, открыли сильный огонь из-за частокола. Сильная перестрелка продолжалась более $^1/_4$ часа. Мятежники, видя свое превосходство в силах людьми и огнестрельным оружием, обошли лесом, имея намерение занять плотину, чтобы отрезать возможный путь отступления для кавалерии и, заняв противоположные господскому дому строения, окружить площадку в 100 шагов, на которой находился отряд. Заметив намерение неприятеля и не желая быть запертым со всех сторон, отряд бросился на плотину, опрокинул выходивших на нее из леса мятежников и, перешедши один брод, построился в ряд, послав казаков за пехотой и поддерживая перестрелку, начатую мятежниками из-за опушки леса. В то же время присоединилась рота, вместе с которой отряд опять перешел плотину, но мятежники, забрав раненых и убитых, убегали в поле и малыми кучками рассеивались по лесам, наполняющим местность за Пухлами. Преследование продолжалось еще на пятой или шестой верстах за мызой, но мятежники, имея отдохнувших лошадей, обладали огромным преимуществом перед отрядом, утомленным 60-верстным переходом без отдыха [2]. Собрав раненых и убитых, отряд отошел в Градочну, где и расположился на отдых. Из отряда убиты: Донского казачьего № 5 полка есаул Прусаков и С.-Петербургского уланского полка рядовой 1 и строевых лошадей 5; ранены С.-Петербургского уланского полка рядовых 4 (один тяжело) и строевых лошадей 5. Потеря неприятеля — до 30 человек убитыми и ранеными, по показанию помещика и других лиц, видевших, как они укладывали их на повозки; 20 лошадей, отбитых и оставшихся у нас, 4 убиты и 5 тяжело ранены. По сведениям, собранным по пройденной местности, шайка предводительствуема была Кобылинским и состояла из 250 отлично вооруженных охотников-повстанцев.

К донесению этому подполковник Тигеретет добавляет, что личная храбрость офицеров, подававшая пример нижним чинам и увлекавшая их в дело, вполне заслуживает внимания начальства. Отзываясь с особенною похвалою о нижних чинах, он указывает как на храбрейших: Донского казачьего № 5 полка вахмистра Семена Кадыкова, приказных Гаврила Миронова, Никифора Тельнова и казака Тимофея Сафонова и С.-Петербургского уланского е. в. короля Баварского полка рядовых Анисима Соловьева, Савелия Якшина и Еремея Передашкова.

Полковник Амантов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 167, лл. 165—167. Подлинник

[1] *Софийского пехотного полка.*

[2] *По-иному эти же события освещены участниками боя, солдатами Донского казачьего № 5 полка Моисеем Кузнецовым и Савелием Шипановым:* 23 числа сего месяца в дер. Мержиевке повешен мятежниками отставной солдат, вследствие чего под командой Софийского пехотного полка подполковника Тигеретета стрелковая рота того же полка, 80 человек улан и 29 казаков с есаулом Прусаковым были отправлены из Бельска для преследования мятежнической шайки, которой предводительствовал Кобылинский. Дорогою наши войска узнали от подводчиков, которые возвращались обратно от мятежников, которым они возили разное ихнее имущество, что шайки мятежников в числе с лишком в 200 человек конных, хорошо вооруженных, расположились на ночлег на господском дворе в дер. Пухлах. Получив эти сведения, отряд двинулся вперед, но пехота от кавалерии отставала, и потому, когда кавалерия уже близко подошла к дер. Пухлам, то пехота отстала от нее в 6 верстах; не желая дождаться прибытия пехоты, казаки впереди, за ними уланы бросились на господский двор дер. Пухлы, и хотя нападение было сделано внезапно, но мятежники успели скрыться в сад и из [-за] забора сада стреляли на казаков и улан, вследствие чего вскорости был убит есаул Прусаков и 4 улана ранены, а один улан раненый упал с лошадью в картофельную яму и там убился до смерти. Уланы, увидя своих раненых, первые поворотились назад, и когда казакам уже нельзя было одним держаться противо превосходной силы мятежников, то и они отступили и продолжали это отступление, покудова соединились с пехотою, и тогда уже вместе с нею опять отправились в дер. Пухлы, куда прибыв, уже мятежников не застали, но ввиду наших войск они отступили, войска же наши их только версты на две преследовали. В это время никаких распоряжений начальством отряда не было сделано, кто что хотел, то и делал. На мызе Пухлы, где проживает старик-помещик, обыск не сделан; 23 лошади заседланные, оставленные мятежниками на мызе, взяты нашими войсками; убитых или раненых мятежников на месте, где происходило дело, не найдено, и войска наши в тот же день 23 числа, когда утром происходило дело, вечером возвратились обратно в Бельск. *См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, эксп. 1, 1863 г., д. 23, ч. 14, л. 147.*

206

1863 г. июля 26.— Рапорт пружанского военного начальника майора Кремера В. А. Бобринскому об аресте жителей уезда за снабжение повстанцев продовольствием, свинцом, обувью

Бывший при мне конвой из 10 казаков Донского № 5 полка и 10 рядовых при одном унтер-офицере Староингерманландского ген.-адъютанта кн. Меншикова полка под командой казачьего юнкера Ивана Михайлова Наследышева, сопровождавший меня от гор. Волковыска до гор. Пружан, на возвратном пути 23 числа заметил в дер. Лихосельцах шибко ехавших на пароконной подводе 3 неизвестных лиц, которые навлекли на себя подозрение, вследствие чего казаки, выскочив на улицу, кричали ехавшим, чтобы остановились, но они еще более погнали лошадей, но были пойманы близ корчмы. При обыске в повозке найдено: слиток свинца весом 1 пуд 5 фунтов, 2 мешка с новыми сапогами — всего 23 пары из черного товару с длинными голенищами, 2 головы сахару, из которых одна голова разрублена на куски и каждый кусок обернут особой бумагой, 10 ящиков сигар, 20 пачек папирос, табаку около 3 фунтов, папиросной бумаги и несколько дестей почтовой и простой серой.

По доставлении ко мне в гор. Пружаны того же числа в 10 час. вечера вышеозначенных неизвестных лиц, из которых один оказался чиновник пружанского земского суда Снежко, отлучившийся того же числа

без дозволения начальства с фальшивым подделанным билетом пружанского уездного полицейского управления за № 4008 на имя старшего чиновника для особых поручений означенного управления Третьякова, с фальшивым подписом поручика Богуславского; второй — дворянин Чайковский из м. Свислочь и пружанский житель мещанин Василевский, которого чиновник Снежко нанимал до дер. Рудни, в окрестностях которой находится шайка мятежников. При тщательном обыске мной найдены у чиновника Снежко письма без подписа к одному из мятежников. В вещах же найдена была посылка белья, в которой найдено 2 письма с печатью, из содержания коих видно, что письма писаны 23 июля с гор. Пружан сыновьям вдовы Польковской, находящимся в шайке мятежников.

Доношу о сем в. с., причем не могу, чтобы не доложить о похвальном поступке юнкера Наследышева, который, несмотря на означенное денежное награждение помещика Козерацкого [a], ехавшего из гор. Пружан и встретившегося ему во время препровождения арестованных лиц и транспорта, арестовал его и представил ко мне. К сему присовокупляю, что по этому делу арестованы вдова Польковская с двумя дочерьми и 6 человек разного звания, к делу прикосновенных, о которых производится строжайшее следствие.

Военный начальник гор. Пружан с уездом
майор фон Кремер

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 540, лл. 1—2. Подлинник

207

1863 г. августа 5.— Предписание гродненского губернатора И. Н. Скворцова бельскому военному начальнику полковнику Амантову о мерах для подавления повстанческого движения в уезде

Получено мною сведение, что дела в Бельском у. находятся в самом дурном положении.

В Дрогичине, Семятичах и Мельниках нет никакой полицейской власти, и мятежники там совершенно свободно распоряжаются, приходят в деревни, собирают народ, приказывают отправляться в шайки по имеющимся у них спискам молодых крестьян, способных участвовать в мятеже, и крестьяне все это исполняют беспрекословно, под опасением быть повешенными или подожженными, так как войск в той стороне нет и шайки мятежников образуются свободно в Рудских лесах. Крестьяне говорят, что они ни одной ночи не спят дома, потому что им покоя нет от притязания мятежников, и что они не в состоянии будут выносить долго подобное положение.

В м. Плещели и окрестностях жители все расположены к восстанию, выказывают враждебное расположение, и при строгом расследовании там можно было бы сделать важное открытие.

---

[a] *В тексте* Козерецкого.

В рапорте за № 870[1] вы доносите мне, что подобные же беспорядки происходят в окрестностях Бельска и что вы опасаетесь даже подожжения этого города и для того испрашиваете разрешения на удержание в Бельске тех рот, которые назначены к отправлению в Дрогичин. Не разделяя вашего мнения относительно сосредоточения в Бельске 6 рот пехоты с оставлением весьма важной и опасной части уезда в окрестностях Дрогичина без всякой защиты, я командировал в Бельск вместе с сим, по соглашению с г. командующим войсками в Гродненской губ. генерального штаба полковника Клугена и предписываю вам:

1) обеспечить войсками, по соглашению с полковником Клугеном, окрестности Дрогичина, Семятич и Мельников;

2) в Бельске оставить не более 4 рот, которых для охранения города и конвоирования почт весьма достаточно, так как в Бельске, кроме пехоты, есть еще часть кавалерии;

3) немедленно собрать сведение о всех помещиках и шляхтичах, возбуждающих подозрение в преступных действиях, и представить мне именные списки для выселения таковых лиц в отдаленные губернии России, а также о целых околицах для сделания распоряжения об уничтожении их

и 4) принять самые действительные меры к собранию десятипроцентного сбора и с имуществами оказывающих сопротивление поступить со всею строгостью по правилам, предписанным ген.-губернатором.

О последующем мне донести в скорейшем времени.

Ген.-майор Скворцов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 572, лл. 3—4. Отпуск

[1] *См. там же, лл. 1—2.*

208

1863 г. августа 8.— Донесение белостокского жандармского штаб-офицера С. И. Штейна В. А. Долгорукову о сожжении сел. Яворовки за активное содействие его жителей повстанцам

Белостокского у. обитатели сел. Яворовки (шляхтичи), состоящего из 27 дворов, с самого начала настоящего польского мятежа оказывали содействие мятежникам. Кроме того, впоследствии многие из них принимали участие в мятеже, устраивали притоны для шаек на лодках, укрываемых ими на островах протекающих вблизи сего селения рек Супрасля и Нарвы, перевозили мятежников из Царства Польского в Гродненскую губ. и обратно, одним словом, всеми мерами благоприятствовали выгодам мятежников.

За таковые преступные действия шляхтичей сел. Яворовки, по распоряжению начальника края, жилые дома оного с хозяйственными строениями отрядом наших войск под начальством военного начальника здешнего уезда полковника Мантейфеля 6 сего августа сожжены до основания[1], а скот, все движимое имущество вместе с жителями доставлены в гор. Белосток, где оные до дальнейшего распоряжения в числе 61 мужского и 80 душ женского пола содержатся под арестом, а имущество про-

дается с аукционного торга [2] и вырученные за сие деньги по требованию будут высланы к начальнику Гродненской губ.

О чем в. с. имею честь донести.

Майор Штейн

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 14, лл. 156—157. Подлинник
Опубл.: *Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II. Мінск, 1940, стр. 533*

[1] *За активное содействие населения повстанцам, кроме Яворовки, в Гродненской губ. были сожжены деревни Пеняшки, Щука, Шуммы и др. См. «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II, стр. 548—550.*

[2] *Пытаясь сорвать эти мероприятия, повстанцы обращались к населению с призывом не принимать участия в аукционных торгах. В одном из обращений говорилось:* По приказу Национального правительства строжайше воспрещается принимать какое-либо участие в аукционах, назначаемых русскими властями в имениях граждан [...]. Тот, кто решился бы принять участие в указанных аукционах, назначаемых нашим общим врагом во имя насилия и несправедливости, кто осмелился бы воспользоваться несчастием брата, тот, кроме материального ущерба, который он понесет в результате того, что у него будут отобраны вещи, приобретенные на бесчестном аукционе, будет как предатель отечества наказан по всей строгости закона (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 561, л. 42). Официальные власти признавались, что вследствие распространяемых повстанцами записок, объявлений аукционные торги в губернии проходили с большими трудностями, население отказывалось принимать в них участие, сбор контрибуционных денег производился крайне медленно.*

209

1863 г. августа 11(23), [*Глубокий Кут*].— *Инструкция и. о. повстанческого военного начальника Гродненского воеводства В. Врублевского командиру летучего отряда «Юзюку из Белостока», направленного для наделения землей крестьян и наказания пособников царизма в южную часть Волковыского повета* [1]

Instrukcja
Dowódcy wykonawczego oddziału
«Józiukowi od Białegostoku»

1. Zniszczyć urzędników policji i szpiegów w południowej części Wołkowyskiego, według wskazówek od Władz Narodowych.

2. Odczytać przy każdej zręczności manifest Rządu Narodowego po rusińsku, czyniąc o przeczytaniu akt z podpisem przynajmniej dwóch świadków.

3. Uwłaszczyć włościan, gdzie się nadarza po temu zręczność aktem ku temu wydrukowanym, a przynajmniej podług drukowanego napisanym.

4. Przesyłać o swoich czynnościach raport do naczelnika wojennego województwa na ręce najbliższej władzy cywilnej, przynajmniej co 2 tygodnie.

23 sierpnia 1863 r.

Pełniący obowiązek naczelnika wojennego
województwa grodzieńskiego
W. Wróblewski

Печать военного начальника Гродненского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1283, л. 11. Подлинник

ПЕРЕВОД

Инструкция командиру исполнительного отряда «Юзюку из Белостока»

1. Уничтожить чинов полиции и шпионов в южной части Волковыского повета согласно указаниям национальных властей.

2. При всякой возможности оглашать манифест Национального правительства на белорусском языке, составляя по прочтении акт об этом с подписями не менее двух свидетелей.

3. Всюду, где это окажется возможным, наделять крестьян землей в собственность актом, отпечатанным для этой цели или хотя бы написанным по образцу печатного.

4. Посылать не реже одного раза в 2 недели рапорты о своих действиях военному начальнику воеводства, передавая их через ближайшие органы гражданской власти.

23 августа 1863 г.

И. о. военного начальника Гродненского воеводства
В. Врублевский

[1] *О формировании В. Врублевским в лагере в Глубоком Куте летучих «исполнительных» отрядов для наделения землей крестьян и наказания пособников царизма см. I. Aramowicz. Marzenia. Pamiętnik o ruchu partyzańskim w województwie Grodzieńskim w 1863 i 1864 r. Bendlikon, 1865, str. 51—52.*

210

1863 г. сентября 1.— Показания сына отставного солдата Л. И. Скробота пружанскому военному начальнику майору Кремеру о своем пребывании в повстанческом отряде Влодка и намерении В. Врублевского перейти в Королевство Польское

1863 г. сентября 1 дня взятый во время поисков в урочище Погорелом показал:

Звать его Лукаш Иванов сын Скробот, православного исповедания, имеет от роду 17 лет, сын отставного солдата, живущего в м. Сельцах, до поступления в шайку мятежников [был] у гр. Замойского в услужении.

20 апреля на мызу Замойского в м. Сельцы приехал помещик Влодек, позвал его, Скробота, на мызу Кабаки и там подговорил идти в шайку. Отправившись в тот же день в шайку, бывшую в Михалинском лесу, в которой тогда было 150 человек, проживали там недели 4, а потом ушли в Миловиды. Под Миловидами были еще другие 3 шайки под предводительством Ляндера, Млотека и Юндзилла, сколько же было людей в тех шайках, он подлинно не знает, но полагает, что их было не менее 1000 человек. Простояв там один только день, шайка Влодека отошла из Миловид под Пески, застав уже там другую Кобринскую шайку Траугутта в 150 человек. На третий день к Пескам подошли русские войска, и когда началась перестрелка, шайка Влодека, не вступая в бой, направилась в Михалинский лес. Куда же после отошла шайка Траугутта — он не знает.

В Михалинском лесу (где был устроен лагерь) стояли они 2 недели без всяких занятий, доставали себе продукты из окрестных деревень Островка, Щитно и Зубачева. Жители этих деревень все знали об этой шайке, но настоящее ее пристанище им было неизвестно.

После из Михалинского леса шайки перешли в леса, находящиеся около Новодвора, туда прибыли еще 3 шайки: Млотека, Врублевского, Юндзилла; по соединении во всех этих 4 шайках было 300 человек. Здесь на-

ходились они 3 недели без действия, продукты брали из Новодвора за деньги от тамошних жителей, которые хотя знали, что хлеб и продукты покупались для мятежников, но пристанище их было жителям неизвестно.

Из Новодворского леса на этой неделе в четверг 29 августа все шайки выступили под Рудку и оттуда воротились назад, а на другой день, т. е. в пятницу, часу в третьем после обеда, напали на них русские войска. Во время боя с русской стороны мятежники, не открывая огня, отступили версты 2 и потом, собравшись ночью, Врублевский как главный начальник мятежников предложил людям по воле или идти с ним в Сокольский у., а потом за границу, или же разойтись по домам и явиться [к] начальству с повинною. На предложение идти с ним согласились только 100 человек помещиков и шляхты, а остальные 200 человек пожелали идти по домам.

Дождавшись дня, в субботу утром Врублевский со своими людьми [в] 100 человек пошел в Сокольские леса, а пожелавшие идти домой рассеялись с оружием по своим уездам партиями от 20 до 40 человек каждая. В Слонимский и Волковыский уезды пошло 180 человек, какими дорогами эти люди пошли, он, Скробот, не знает, потому что всем им предоставлена была полная свобода идти кто куда хочет. Сам же Скробот с товарищами — всего 20 человек — пошли в Пружанский у. (общества Селецкого и Кабацкого). Прибыв сего числа поутру в урочище Погорелое, они остановились в лесу в одной версте от дома лесника. Товарищи Скробота послали его в дом купить хлеба, и когда он, не доходя несколько до дому, заметил солдат, то положился на землю [a] под дерево для того, чтобы его не заметили. Пролежав несколько минут, он был замечен солдатами и вместе с ружьем представлен начальнику отряда.

Из товарищей своих он знает поименно только Антоневича (стражник из Михалинского леса), Белецкого и Юзефа Ивашкевича, которые оба из Селец, а остальные по фамилии ему неизвестны, все они из простого звания и помещиков или шляхты между них нет.

Притом добавляю, что найденное при мне ружье дано мне Влодеком. В происшествиях с 12 на 13 августа в м. Шерешеве и с 18 на 19 августа в Подбельской страже Беловежской пущи [1] я никакого участия не принимал и там вовсе не находился. В селении же Котре, где повесили священника и одного мужика, я находился по приказанию Колупайлы из Волковыского у. и стражника Гениуша, но участия в преступлениях не имел, а стоял на пикете с Павлом Шенюком, и после данного сигнала из ружья мы сошли с позиции и отправились в лес. Кроме того, в преступлении этом принимали участие Викентий Мелещук, крестьянин дер. Пеняшки, Томаш Шаповалов из м. Сельцы и помещик Волковыского у. Корсак. Склада оружия и продовольствия нигде не имеется.

А что показал справедливо с чистосердечным раскаянием, в том подписуюсь

Łukasz Skrobot

Допрашивал военный начальник гор. Пружан майор фон Кремер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 261, лл. 7—9. Подлинник

[1] *Имеется в виду наказание повстанцами лиц, дававших царским войскам сведения о повстанческих отрядах. См. там же, л. 57.*

[a] *Т. е. лег на землю.*

После роспуска отряда В. Врублевский отправился в Бельский и Сокольский уезды, но там уже не было повстанческих отрядов. Затем вдвоем с И. Арамовичем они поехали в Варшаву, где В. Врублевскому была выдана номинация на звание военного начальника Полесья с поручением формировать новые отряды и собирать в них повстанцев из разбитых белорусских отрядов.

211

1863 г. сентября 10.— Показания сельского старосты дер. Приходы С. Г. Терентюка военному приставу 4-го стана Брестского у. о чтении крестьянами повстанческого приказа

1863 г. сентября 10 дня нижеподписавшийся чрез упрошенного сельский староста дер. Приходы Елионковской вол. на допросе показал следующее:

Зовут меня Семен Григорьев сын Терентюк, от роду имею 30 лет, вероисповедания православного, на исповеди и у причастия св. таинств ежегодно бываю, женат, имею детей, неграмотный, под судом не был, временнообязанный крестьянин Елионковской вол. Объявляю, что забранный вчерашнего числа из моего дому приказ возмутительного содержания [1] найден назад тому 10 дней утром рано в дер. Приходы на улице крестьянкой Теклею Хилимоновою [2], которая отдала оный мужу своему. Сей же последний, продержав у себя таковый приказ 3 дня, передал мне. Тогда я для прочтения давал жительствующему в нашей деревне однодворцу Сенкевичу и по прочтении, перепугавшись, забрал обратно к себе, думая передать оный старшине. Но между тем в прошедшую субботу однодворец Черневский [3], живущий в с. Городниках на казенной земле, расстоянием не более 1 версты, проходя через дер. Приходы с фельдшером Сапеткою, остановился возле моей усадьбы и зашел ко мне на гумно и спросил меня: «Какая у тебя есть бумага, дай я ее прочитаю». Тогда я дал ему, и он читал у меня на гумне при бытности сказанного Сапетки и парубка моего, мальчика пятнадцатилетнего Ивана Зайца. По окончании чтения Черневский вручил мне обратно и на спрос мой: «Что делать с этой бумагой?» — сказал: «Спали, браце». Засим я занес бумагу эту к себе в хату и положил в столик, где были другие бумаги, т. е. разные приказы ко мне из волостной канцелярии. Потом чрез полчаса, когда жена развела огонь для варения пищи, я вынул из столика бумагу и бросил в огонь, но не ту, которую читал Черневский, а совершенно другую, и пред старшиною в воскресенье действительно сказал, что сжег, причем, добавляю, что ни Черневский, ни Сапетка по прочтении не наговаривали ни к чему дурному, и более сего ничего не знаю.

Что все сие объявлено мною по долгу христианскому и сущей справедливости, в том как неграмотный через упрошенного подписуюсь. По личной просьбе Семена Григорьева Терентюка за него расписался Георгий Карпов Редьков.

Показание отбирали: военный пристав 4-го стана поручик [a], гражданский пристав Ширинский.

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 31, д. 56, л. 16. Подлинник

---

[a] *Подпись неразборчива.*

[1] *Имеется в виду «Приказ к народу земли литовской и белорусской» (см. там же, л. 15, а также док. 15).*

[2] *Текля Максимук, жена крестьянина Ф. М. Максимука, на допросе 16 сентября 1863 г. объяснила, что приказ она нашла на улице, выйдя рано утром из дома, и что ей неизвестно, кем он был подброшен (см. там же, л. 23).*

[3] *Однодворец С. М. Черневский был допрошен в тот же день, 10 сентября 1863 г. Он показал, что о приказе он узнал от ткача Павла Сенкевича, к которому он вместе с фельдшером Сапеткой заходил (см. там же, л. 17 об).*

212

1863 г. сентября 11.— Показания крестьянина им. Зельзин Волковыского у. К. А. Ковальского пружанскому военному начальнику майору Кремеру о снабжении повстанческих отрядов Врублевского и Млотка оружием и продовольствием

1863 г. сентября 11 дня доставленный при отзыве начальника Бельского у. от 6 сентября с. г. за № 54 Ксаверий Ковальский был спрашиваем и показал:

Зовут меня Ксаверий Антонов сын Ковальский, лет от роду 17, вероисповедания римско-католического, холост, неграмотен, крестьянин помещика Брандта им. Зельзин Волковыского у., где служил лакеем. По делу сознаю, что в мае месяце я находился в мятеже и шлялся по лесам в разных местах по сентябрь месяц. Вместе с прочими инсургентами, наконец, явился добровольно в м. Лысково Волковыского у. к отрядному начальнику подполковнику Гессельбергу, которому я указал в лесу скрытое оружие: 16 пик и 2 ружья и кварту пороху, что все забрано им, подполковником. Причем добавляю: а) что я находился в шайке Волковыской, которой начальником был сначала Млотек, впоследствии Врублевский. Ксендз в шайке нашей находился из м. Лыскова — Монюшко. Из помещиков находились в шайке нашей сын помещика моего Станислав Брандт, младший Колупайло и Сокулич, других не знаю. Из арендаторов находился Милевич из им. Яново; б) продовольствие получали во время бытности около Глубокого Кута от помещиков Козерацкого и Скочинского. Козерацкий приезжал три раза в шайку, привозил разные припасы, вино и водку и дозволил брать в имении своем рогатый скот, которого взято в шайку 5 штук, дальнейшая доставка прекратилась по случаю арестования его, Козерацкого. Помещик же Скочинский, кроме доставки продовольствия, доставил в шайку 15 штуцерных ружей со штыками французской отделки и сапоги с длинными голенищами, но сколько именно — не помню (имение Скочинского Голени). Крестьянин дер. Пеняшки Валентий Мелещук доставлял продовольствие, наконец, сам присоединился к шайке. Лесник же, кажется, помещика Козерацкого по фамилии Рожковский [1] после разбития под Глубоким Кутом соединенных шаек прибыл к нам и забрал к себе заболевшего одного мятежника из шайки Кобринской, которого именовали у нас офицером, и где он его девал — не знаю; в) кто был сборщиком денег — не знаю; г) содействовали шайке нашей указанием путей, извещением о движении войск и доставкой продовольствия проживающие возле Глубокого Кута лесники: 3 брата Шаршуны, из них один, проживающий ближе Глубокого Кута, возил записки из шайки к помещику Козерацкому, другой из них продал и доставил в

шайку вола, и д) из кого составлялась шайка вешателей и грабителей — не знаю, только ведаю, что этим делом занимался лесник Гениуш. Притом добавляю, что в шайке Волковыской находился русский юнкер Слабушевич, как говорил он, из артиллерии. Более по делу не сведущ и ничего объяснить не могу [2].

В том за неумением грамоты доверяю расписаться. По личной просьбе Ксаверия Ковальского расписался рядовой Иван Громов.

Допрашивал военный начальник гор. Пружан с уездом майор фон Кремер.

ЦГИА БССР (Гродно), ф. I, оп. 34, д. 636, л. 16. Заверенная копия

[1] *Д. М. Рожковский на допросе от 16 сентября 1863 г. показал, что он регулярно, два-три раза в неделю, на лошадях доставлял продовольствие в повстанческий отряд. Отрядом командовал вначале Духинский, впоследствии Врублевский. Продовольствие, обмундирование и оружие повстанцам также доставляли помещики Козерацкий, Скочинский, чиновник Пружанского земского суда Снежко, лесники Шаршуны и др. Оружие и другие припасы повстанцы хранили в лесу под Миловидами (см. там же, лл. 18—19).*

[2] *По делу был допрошен казенный крестьянин М. И. Бушко, служивший при дворе имения Козерацкого. 22 августа 1863 г. он показал, что продовольствие повстанцам доставлялось из им. Рудавец,* все это делалось по распоряжению помещика Козерацкого, молоко же, масло, сыр доставлял еврей Шмуйло с сестрой своей, а также возил и доставлял водку от Кернацкого другой еврей Вельвель. Со двора же Козерацкого, как я знаю, раз взяли 2 коровы с поля, потом дано им 3 быка, гороху, картофеля и круп ячневых. Продукты эти возимы были сыном эконома Ксаверием Жуковским, лесниками Рожковскими, Самсоном и Демьяном; сын эконома часто проживал в притоне мятежников (*см. там же, л. 17*).

213

1863 г. октября 2.— Показания крестьянина им. Миколайвщины Гродненского у. Ю. М. Лойко в Лидской следственной комиссии о своем пребывании в повстанческих отрядах Ляндера и Млотка

1863 г. октября 2 дня Лидская следственная комиссия по политическим делам спрашивала взятого с оружием 6 сентября временнообязанного крестьянина Юлия Лойку, и он на предложенные ему вопросы отвечал, быв призываем в комиссию несколько раз.

Юлием меня звать, по отечеству Матвеев, по фамилии Лойко, временнообязанный крестьянин я Гродненской губ., того же уезда, из им. Миколайвщины помещика Александра Андруковича, от роду мне 19 лет, вероисповедания я римско-католического, родился я в фольв. Миколайвщине, крещен причтом [в] м. Мостах Гродненской губ. У исповеди и св. причастия ежегодно бываю и последний раз был прошлым великим постом. Родители мои крестьяне, живут в фольв. Миколайвщине, грамоте не умею, холост я, собственности у меня никакой нет, а прокармливаюсь тем, что служил у помещика Андруковича поваром, под судом и следствием не был.

В шайку мятежников я был взят 25 мая пришедшими к нам на мызу Старинки неизвестными мне 20 мятежниками, которые стали меня уговаривать идти в шайку, и когда я не соглашался, то начали стращать, что повесят, если не пойду, и я согласился. И повели они меня в лес к Ново-

двору, где находилась шайка. Что взят я был насильно — доказательств представить не могу, ибо никого из свидетелей тому не было. Г. Андрукович, у которого я служил, был с семейством своим за границей, и во дворе был только я с садовником Александром Климовичем да еще старуха одна, но она не видала [1], когда меня брали мятежники, а Климовича взяли они вместе со мной.

По приводе нас в шайку какой-то ксендз заставил поцеловать крест, но ничего не читал, в этом присяга и состояла. В шайке я пробыл с 25 мая по 6 сентября и служил в звании рядового. Числительность шайки была до 300 человек. Начальниками ее были какой-то Ляндер и Млотек [а], но настоящая ли эта их фамилия и откуда они оба родом, я не знаю; и Ляндер, спустя 2 недели [с] моего поступления в шайку, от нас отделился с половиною людей и пошел на Гродно; и Климович попал в его отдел, и с тех пор я его не видел, а я остался в шайке Млотка и был в ней вплоть до той поимки, т. е. до 6 сентября.

Артиллерии и конных у нас в шайке не было, разделена она была на плутоны [б] и десятки, и командовали ими офицеры, я был во 2-м плутоне, но кто был офицер его — не знаю, а в десятке я был 1-м, и командовал им офицер по фамилии Мицкевич, но как его звать по имени и откуда он и где теперь — не знаю.

Шайка состояла из разного рода людей, было много и дворян в ней, но кто они — я не знаю. Вооружена шайка была охотничьими ружьями, пистолетами и саблями, но откуда мятежники брали оружие, а также продовольствие и другие военные припасы, как-то: порох, свинец и пр.— я не знаю.

Ученье в шайке производилось: маршировка и рассыпной строй, а стрельбы не было, а учили только прицеливаться и учил нас всему этому сам начальник Млотек с подофицерами. Движения шайка имела по Свислочской, Беловежской и Пусловской пущам и по разным местам, мне неизвестным, знаю только, что все в Гродненской губ.

В деле с войсками шайка при мне была два раза, первый раз в Свислочской пуще Гродненской губ., но которого числа не помню, знаю то только, что во время ржаной жатвы, и здесь шайка была разбита и рассеяна, но на другой день опять собралась в той же пуще, исключая 10 человек, которые без вести пропали, а второй раз — в августе месяце 25 и 26 числа около Беловежской пущи, и здесь мы скоро были разбиты и собрались опять в глубине Беловежской пущи и пошли оттуда в Свислочскую пущу, и здесь нас начальник разделил на 4 части по 50 человек в каждой и послал в разные стороны для того, чтобы не двигаться большою массой с тем, однако ж, чтобы мы все опять соединились в лесу около дер. Борки в Гродненской же губ., но какого уезда — не знаю, это было 1 или 2 сентября. Но часть, в которой я был, не дошла до назначенного места и вся разошлась по домам. Наскучивши шляться по-пустому, и я тоже отправился домой, но в Гродненских лесах повстречался с русским отрядом и был взят вместе с находившимся со мной ружьем и представлен военному начальнику гор. Лиды.

В чьих лесах шайки пребывали и знали ли о том их владельцы, я не знаю. Кто из помещиков чем-нибудь шайке помогал и вообще кто из них

[а] *В тексте здесь и далее* Молоток.
[б] *Pluton — взвод (польск.)*

содействовал мятежникам и был в соучастии с ними, я не знаю. Из вербовщиков в шайку я никого не знаю, и хотя прибывали в шайку люди, но кто их приводил, я не знаю, а больше сами они приходили и оружие с собой приносили, большая часть из них, а кто приходил без ружья, тому давали в шайке косы, которых был запас в шайке, но откуда — не знаю, ибо при мне никогда ничего никто не привозил. Женщин в шайке не было, а евреи приезжали и привозили масло, сыры и сигары, но откуда они — я не знаю. Есть ли где склад мятежнического оружия и продовольствия, а также где находится комитет и кто агенты так называемого народного правительства, а также типография — я не знаю, ибо ни от кого о них не слыхал. Что и показываю по чистой совести и ничего более к сему показанию прибавить не могу.

К сему показанию вместо неграмотного крестьянина Юлияна Матвеева Лойки по его личной просьбе казенный крестьянин Адам Путырский руку приложил.

Показание отбирали: председатель комиссии [a], член комиссии артиллерии прапорщик Третьяков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 527, лл. 10—11. Подлинник

[1] *На допросе в Виленской особой следственной комиссии 19 декабря 1864 г. Лойко подтвердил свое прежнее показание* с тем только изменением, что бывшая в доме Андруковичей старуха по имени Тереза Масючиха видела, когда пришедшие мятежники взяли его, Лойку, с собою, но того, что насильно взят, она не знает и подтвердить о насильном взятии не может *(см. там же, л. 12 об.)*.

214

1863 г. октября 3.— Донесение бельского военного начальника И. Е. Борейши И. Н. Скворцову об устройстве сельских караулов, переписи населения и других мерах борьбы с повстанцами в уезде

Сельские караулы поставлены: 1) в Орле, 2) Дубяжине, 3) Нареве, 4) Ягоднике, 5) Грабовце, 6) Павлах и будет переведен в Войтки, 7) Пяткове, 8) Малеше, 9) Цехановце, 10) Брянске, 11) Рудке, 12) Побикрах, 13) Граннах, 14) Острожанах, 15) Лисове, 16) Дрогичине, 17) Буяках, 18) Журобицах, 19) Семятичах, 20) Мельниках, 21) Боцьках. Будут поставлены еще 3 караула, когда возможно будет сбавить численность нижних чинов в прежде поставленных: в Самульках, Лизе и Ляхове или Малинове, где обстоятельства окажутся более необходимыми. Крестьяне охотно идут в караулы. Пища во всех караулах производится из котла общего как для ратников, так и нижних чинов. По 5 коп. в сутки каждому ратнику приходится получать на руки, сверх продовольствия. По неимению у крестьян седел для конных помещики жертвуют седла, кои составляют принадлежность сельского караула, а не собственность крестьянина [1].

Подробное донесение с обозначением сельских обществ, деревень и околиц, подлежащих ведению сельского караула, будет по окончании

---

[a] *Подпись неразборчива.*

полного постановления всех караулов представлена в. п. Сверх сего во всех деревнях и у корчем при входе и выходе из деревень на всех улицах поставлены рогатки и при них часовые.

Обращено строгое внимание на состав земской полиции. Мной предписано исправнику подать мне список всех тысяцких, пятисотских, сотских и десятских как в деревнях, так и околицах.

Гор. Бельск разделен на 6 частей, и каждая часть поручена благонадежному рядовому. Для надзора за ними город разделен на 2 части, и каждая часть поручена опытному унтер-офицеру. Всем городом заведует русский квартальный, человек деятельный, энергичный — г. Виноградов. В городе открыты мастера, делавшие в шайках седла, и арестованы. По множеству вдруг возникших следствий отчетность по ним не успевает вовремя. Произведена перепись и поверка жителей городских, по коей оказалось 7 человек ушедших из города жителей. Городской голова отрешен мной от должности и арестован за укрывательство от правительства изменников.

Без билетов за подписью военных начальников для дворян, шляхты, мещан и ксендзов прекращен свободный разъезд по каким бы ни было причинам. Все на своих местах, шляхетские околицы и мызы поверяются отрядными начальниками.

Воспрещено строго дворянам под каким бы то ни было предлогом чинить суд и расправу. С виновных взыскивается строго.

Прислуга на мызах поверяется беспрестанно. Помещикам предписано иметь списки всех проживающих у них на мызах и за своей подписью подавать отрядным начальникам при их посещении. Открываются беспаспортные.

В Бельском у. еще много чиновников польского происхождения, парализирующих — по своей низости неспособных действовать открыто — толками и распускаемыми слухами действия правительства. Улики на них будут со временем, в настоящее же время полезно было бы исключить из службы большую из них часть и заменить коренными русскими, но не уроженцами Волынской и Витебской губерний. Для привлечения хороших чиновников из русских губерний, отнеся расход на счет неблагонадежного бельского дворянства, увеличить им содержание и выдавать единовременное пособие.

Русский язык в Бельском у. вступает в свои права, и те, которые говорили, что не знают русского языка, заговорили теперь по-русски весьма удовлетворительно.

Сельская стража всегда ходит с войсками при рекогносцировках. Конвоирует же арестантов почти исключительно конная и пешая сельская стража.

Предписано городской думе озаботиться наймом 8 городовых, чтобы постепенно заменить строевых солдат. В городскую полицию будут выбираться отставные солдаты православного исповедания.

Обыски производятся повсеместно, и по ним открыто много соучастников мятежа. Открыт военный начальник Бельского у. помещик Олдаковский. Дело о нем окончено и представлено губернатору.

Просеки рубятся в Черном Боре возле Орли, в Выгановском лесу, в Рудненском лесу и возле Пяткова. По окончании будет представлена подробная ведомость [2].

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 974, оп. 1, д. 5, лл. 37—38. Отпуск

[1] *Царские власти зачисляли крестьян в сельские караулы под предлогом защиты дарованной царем свободы от польских помещиков. Главную же опору властей в сельских караулах составляли солдаты и казаки, а также представители сельской администрации. Повстанцы проводили большую разъяснительную работу среди крестьян губернии, раскрывая смысл организации сельских караулов. В распоряжении гродненского воеводского начальника уездным начальникам от 24 мая говорилось:* Вам известно, что русские распорядились об организации милиции из наших крестьян для преследования и поимки повстанцев. Шайки эти должны насчитывать от нескольких десятков до 200 человек каждая. В их состав войдут русские солдаты для строевого обучения и ознакомления с оружием, а также для поддержания дисциплины среди крестьян. Насколько эта затея может нам повредить, пояснять не надо, так как все убеждены в этом. Поэтому задача повстанческих властей и всех честных патриотов состоит в том, чтобы проявить усердие и повлиять на крестьян в таком направлении, которое соответствует нашей цели и общему благу, чтобы они действовали на пользу родине и во вред врагу [...]. Решительно требуйте от окружных начальников, чтобы они следили и при первых попытках формирования милиции сообщали ближайшим военным начальникам и своим уездным с большой точностью, в какой местности формируется милиция, какова численность крестьян, войск, какой вид оружия раздается крестьянам. А уездный начальник обязан об этом как можно скорее уведомить воеводские власти. *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 3295, лл. 8—9.*

[2] *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 17, лл. 220—226.*

215

1863 г. октября 19.— Предписание И. Н. Скворцова уездным военным начальникам о наложении штрафа на ремесленников, снабжавших повстанцев одеждой

Циркулярно

До сведения г. главного начальника края дошло, что в некоторых пограничных с Царством Польским местностях, несмотря на сделанные распоряжения строго наблюдать, чтобы ремесленники и мастеровые не производили никаких работ для мятежников, оказывается, что евреи-ремесленники, проживающие в местечках и деревнях, а иногда и городские мастера, вызываемые куда-либо на мызу, где полиция не может иметь за ними должного наблюдения, продолжают производить таковые работы и шьют для инсургентов теплую одежду, обувь и другие предметы обмундировки.

Вследствие сего е. вп., признавая необходимым положить конец подобного рода промыслам, предложением от 19 октября за № 3835 поручил мне: независимо от производства обысков в открытых мастерских и складах одежды, где таковые имеются, объявить цеховым управам в городах и депутатам еврейских обществ в местечках, что в случае обнаружения мастеровых и промышленников, заготовляющих для мятежников одежду, кроме конфискации таковой и взыскания с хозяина оной штрафа в тройном размере стоимости найденного товара, общество или цех, к которому принадлежит виновный, будет в свою очередь обложено штрафом от 100 до 500 руб. По ближайшему моему усмотрению в таком же размере будет наложен штраф и на помещиков и владельцев мыз, в имении которых производились эти работы, независимо от личной каждого из них ответственности.

О таковом распоряжении г. ген.-губернатора сообщаю вам, м. г., для надлежащего исполнения по вверенному вам уезду и предлагаю о случаях

подобного рода, если таковые последуют, безотлагательно доводить до моего сведения.

Ген.-майор Скворцов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1717, оп. 1, д. 1, л. 140. Заверенная копия

216

1863 г. октября 30.— Предписание И. Н. Скворцова уездным военным начальникам о розыске К. С. Калиновского

Циркулярно

Вследствие требования Виленской следственной комиссии предлагаю в. вб. принять действенные меры к разысканию, не окажется ли где-либо во вверенном вам уезде дворянина Волковыского у. Константина Калиновского, подозреваемого между прочим в разбрасывании печатных брошюр возмутительного содержания по почтовой дороге от Гродно до Волковыска, и в случае, если бы таковой был отыскан, то, заарестовав его, доставить ко мне в Гродно за надлежащим караулом.

Приметы Калиновского: около 30 лет, роста среднего, плотного сложения, темно-русый, лицо большое, черты грубоватые.

Ген.-майор Скворцов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 974, оп. 1, д. 13, л. 706. Подлинник

217

1863 г. ноября 17.— Рапорт Следственной комиссии по делу об обыске гродненских присутственных мест [1] И. Н. Скворцову об обнаружении в Палате государственных имуществ «Мужицкой правды» и записки о ее распространении среди крестьян

По произведенному 31 минувшего октября в Гродненской палате государственных имуществ обыску найдены в канцелярии этого присутственного места в большом количестве печатные экземпляры на польском языке [2] революционной газеты № 3 и 5 под названием «Мужицкая правда», предметом которой — возбуждение восстания крестьян против правительства, и записка к неизвестному лицу о рассылке и распространении этой газеты по деревням.

Это поличное вполне указывает на участие чиновников палаты государственных имуществ в распространении означенной газеты и возбуждает сильное подозрение на подведомственных палате волостных старшин, а в особенности писарей и учителей сельских училищ, состоящих, по собранным сведениям, большей частью из неблагонамеренных лиц, в содействии к распространению этой газеты между казенными крестьянами.

Вследствие сего комиссия, признавая весьма важным средством к разъяснению сего обстоятельства произвести посредством благонадежных чиновников внезапные обыски в волостных правлениях, у волостных

писарей, сельских учителей и возбуждающих сомнение в своей благонадежности волостных старшин, в цели открытия у них упомянутой газеты или других бумаг, доказывающих их содействие к возбуждению крестьян против правительства, считает долгом это обстоятельство представить на благоусмотрение в. п.

Вице-губернатор Беленков
Корпуса жандармов майор Леляков
Делопроизводитель Михальский

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1146, л. 1. Подлинник

[1] *В конце октября 1863 г. по предписанию М. Н. Муравьева в учреждениях Литвы и Белоруссии были произведены внезапные обыски. Для расследования обнаруженных во время обысков фактов связи чиновников с повстанческими организациями в гор. Гродно была создана специальная следственная комиссия под председательством вице-губернатора Г. Е. Беленкова. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 571.*

[2] *«Мужицкая правда» издавалась на белорусском языке.*

218

1863 г. ноября 29, м. Яново.— Рапорт военного начальника 5-го стана Кобринского у. штабс-капитана Чернопятова уездному военному начальнику А. П. Полю о распространении в волостях казенных крестьян «Мужицкой правды» и содействии волостных старшин повстанцам

Согласно предписанию в. вб. от 21 ноября за № 3226 [1], я 26 ноября делал обыск сельским волостным канцеляриям, принадлежащим Палате государственных имуществ, их писарям, помощникам и старшинам сих волостей, но при обыске, кроме ничего не значащих бумаг, писанных по-польски к писарям, которые уничтожены мною, ничего подозрительного или запрещенного касательно книг, брошюр, бумаг и вещей мною не найдено; по всей вероятности, оные уничтожены еще прежде обыска.

Но при расспросе крестьян и лиц, заслуживающих особенного доверия, я узнал, что в Осовницкой вол. находятся 2 экз. брошюрки «Мужицкая правда» и что эта брошюрка была прибита на крестах во всех волостях, принадлежащих к Палате государственных имуществ. Зная, что старшина Осовницкой вол. Николай Кузмич — самый преданный из всех старшин русскому правительству, я, обыскав осовницкую канцелярию и писаря и не найдя ничего подозрительного, решился расспросить прежде обыска, есть ли у него «Мужицкая правда» и каким путем она к нему досталась. Он сейчас же мне ответил, что есть 2 экз. и что их получил б. писарь Крживицкий. Не представил же начальству потому, что не знал, кому представить, так как в то время военных начальников еще не было.

Удостоверившись в справедливости слухов, я расспрашивал, какого поведения волостные писаря. Ответ единогласный, что в начале смут в здешнем крае, когда еще войска не стояли в окрестных местечках, тогда главными деятелями в низшей иерархии полицейского управления революционного комитета были волостные писаря волостей: Одрижинской — Богуславский, бывший в мятеже, Радогощской — Урбан, уговоривший

своего помощника Адама Манчука идти в мятеж, Дружиловичской и Осовницкой — 2 брата Крживицкие, один из них пошел в мятеж, и Яновской вол.— Малащицкий. Передавали один другому все распоряжения революционного комитета, распространяли разные похвалки, уведомляли бунтовщиков о движении войск и т. п. Дерзость их была до безумия, в особенности писарей Крживицкого и Урбана, которые ездили по помещикам и собирали деньги для бунтовщиков, в безумии своем дошли до такой степени, что предлагали учреждение унии.

Писарь Крживицкий хотя и считается православного исповедания, но только на словах. Он назывался прежде Кривецкий, его родные, крестьяне Дружиловичского сельского общества, и до сих пор носят название Кривецких, но он, сделавшись сельским писарем, переиначил фамилию на Крживицкий, дабы быть по фамилии похожим на польского шляхтича. Женат на польке, племяннице мятежника Бочковского! Итак, родной брат его, Крживицкого, в мятеже, а ее единственный родственник, дядя (ибо она сирота), тоже в мятеже, дает право на заключение о справедливости слухов о его неблагонадежности.

Б. писарь Малащицкий вместе с отцом жены своей, б. тысяцким в м. Янове Рошкевичем, ныне содержащимся в остроге, распространял разные похвалки. После сменения же с должности носил на шее траурный шарф (черный с белым) и свитку наподобие революционной чемарки, хотя за это и следовало бы с него взять штраф, но он решительно ничего не имеет.

На основании вышеизложенного я арестовал писарей Крживицкого и Урбана и Малащицкого и препровождаю при сем, а как общества крестьян не могут дать поруки в их поведении на дальнейшее время, то для прекращения способа распространения разных небылиц и для спокойствия этой стороны сельские общества просят о смещении их с должностей сельских писарей. Дружиловщичское сельское общество на место Кружившцкого выбрало писарем казенного крестьянина дер. Трилисок Ивана Андреева Стельмашука, за поведение которого вполне ручается, он был около 15 лет у них сборщиком податей и ныне состоит в этой должности, почему и просит об утверждении его в должности сельского писаря в дружиловщичской канцелярии.

2 экз. «Мужицкой правды» при сем препровождаю [2].

Штабс-капитан Чернопятов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1316, лл. 8—9. Подлинник

[1] *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1159, оп. 3, д. 58, л. 31.*
[2] *«Мужицкая правда», № 4 и 5, см. там же, лл. 34—35.*

219

1864 г. апреля 4.— Показания И. Гениуша в Гродненской следственной комиссии о деятельности гродненской повстанческой организации [1] и своем участии в ней

1864 г. апреля 2 дня в присутствии Гродненской следственной комиссии по политическим делам был спрошен коллежский асессор Игнатий Игнатьев Гениуш, который в дополнение к прежним своим показаниям [2] присовокупил:

В конце января 1863 г. Станислав Сонгин, б. акцизный надзиратель, прибыв в гор. Гродно, призвал меня в свою квартиру, где остановился, т. е. в заезжем доме на Мостовой ул. возле монастыря, это было вечером. Там я нашел незнакомого мне некоего Чарноцкого [3]. После беседы и продолжительных убеждений они разными угрозами заставили меня приступить к своей партии с тем, чтобы я занимался составлением корреспонденции. В феврале месяце велел мне подчиниться Эразму Заблоцкому, который, полагаю, тоже мог быть заставлен и которого я должен беспрекословно слушаться как начальника. Для переписки я взял своего зятя Адольфа Толочку, а Заблоцкий представил мне де Мортере и Милевича, но с тем, что они будут зависеть в полном его распоряжении [а], а мне лишь помогать в переписке бумаг набело, если их будет много. Когда я приступил к исправлению этого несчастного обязательства (в качестве будто бы без особого наименования начальника бюро, но сам ничем не занимался) [4], тогда меня председатель казенной палаты командировал для ревизии уездных казначейств, и я успел написать по поручению Заблоцкого только две бумаги общего содержания с воззванием к революционным властям всемерно стараться привести в исполнение приказания Комитета [5] насчет ускорения восстания.

Без меня, кажется, занимался де Мортере, Милевич и Толочко переписывали только набело. Что они делали — не знаю, бумаги у меня не хранились, а были у Заблоцкого.

По возвращении из командировки я снова занимался составлением бумаг, не помню с которого числа — в начале марта по светлохристово воскресенье. Бумаги эти заключались преимущественно в рассылке разных бланков с приказаниями Комитета и наставлениями, в выговорах и замечаниях на оплошность властей в медленном формировании шаек и собирании податей.

После праздников я уехал в командировку в Пружаны, в мае возвратился, но, опомнившись, раскаивался во вмешательстве в недоброе дело. Притом, опасаясь наказания, убегал от Заблоцкого, тоже старался отвлечь и Толочку, который чувствовал неловкость и затруднение своего положения, тем более, что он, усердно трудясь в канцелярии казенной палаты, от обременительных трудов мог бы потерять здоровье, от природы будучи довольно слабого зрения.

В продолжение этого времени к июлю месяцу я написал по поручению Заблоцкого только несколько бумаг, наполненных общими местами. А с этого времени, собираясь в разъезды по губернии по делам службы по казенной палате и имея письменные занятия по делам в канцелярии той же палаты, не имел уже участия ни в каких делах, а с того времени по настоящее Заблоцкого не видел.

Кто были начальники уездов и других мест революционной партии — мне неизвестно [6], потому, что положено было, дабы об этом не знали подчиненные, я же именования не получил и не желал, как насильно вовлеченный. Корреспонденцию заготовленную принимал от меня Заблоцкий для высылки и приложений печати, которой у меня не было, и хранилась ли она у него или у кого-либо другого — не знаю. У Толочки ее не было или ежели была, то разве он скрывался с этим передо мной, зная, что я этим был бы недоволен. Полученную корреспонденцию передавал

[а] *Т. е. находиться в полном его распоряжении.*

мне Заблоцкий уже распечатанную с указанием, что следует к исполнению, а некоторых бумаг, считая их особенно важными, не показывал. Корреспонденция эта заключалась, как выше показано, в предписаниях большей частью от Комитета вроде циркуляров, содержанием их были разные наставления в отношении организации шаек, мундировки, муштры, устройства гражданской организации властей, в подробностях их не помню, но многие из них были печатаны в русских газетах. Особенных, относящихся к здешней местности, почти не было, кроме требований о доставлении сведений о состоянии шаек, количестве людей, лошадей, оружия и т. п. Сведения эти из уездов доставлялись посредством так называемых гражданских начальников уездов, а от предводителей шаек представлялись в подлиннике в Вильно или Варшаву. Но из уездов все вообще сведения получались не от всех и неаккуратно, тоже — прочие бумаги. Донесения из уездов, заключавшиеся не столько в объяснениях о состоянии уездов и шаек, сколько наполнены были жалобами на холодность к делу восстания помещиков и народа, которые не ослушивались законному правительству, а исполняли его распоряжения, отсылались там же[a]. Распоряжения Комитета насчет учреждения революционных судов не осуществились по недостатку охотников в судьи, как об этом объяснил мне Заблоцкий.

По оставлении мною этих несчастных занятий составлением бумаг, полагаю, вероятно, занимались Эразм Заблоцкий и Милевич, потому что к этому мало способны де Мортере и Толочко. По июль месяц номеров вышло, сколько могу упомнить, кажется, 150 с лишком.

К предводителям шаек посылались бумаги в уезды: Сокольский, Волковыский и Слонимский, и от них получались слишком редко, при мне не больше трех. Им были даваемы отношения о сведениях и состоянии их шайки, они отписывали неясно и коротко; о недостатке оружия, амуниции и одежды, которых жители не доставляют сообразно их потребности. Предводительствовали шайками: в Волковыском у.— Стравинский, в Слонимском — Юндзилл, в Сокольском — Духинский, о прочих не знаю.

Каким образом и какими путями отправлялась корреспонденция и получалась — мне неизвестно. Знаю только то, что оная переходила из уезда в уезд посредством гражданских начальников уезда периодически, но аккуратности не было, иногда замедляла по 2 недели, и несмотря на выговоры, делаемые начальником уезда, и настояния, не исправилось это при мне к июлю месяцу. Корреспонденция эта посылалась со второй половины февраля во все уезды, а после, в конце марта, в Волковыский, Слонимский, Сокольский, Белостокский и Бельский, прочие же уезды управлялись особо[7], сношений с ними не было. В Вильно и Варшаву письма посылаемы были и получаемы посредством организации. Сверх того для разъездов и передачи поручений были употребляемы офицер Новицкий и Иван Штарк, бывший редактором Гродненского губернского правления после отставки, но я с ними сношений не имел и решительно никогда ничего для исполнения им не передавал. Со Штарком имел немного знакомство, а с Новицким вовсе незнаком; куда и зачем они ездили — не знаю; писем к ним не писал и получалась ли от них корреспонденция — тоже не знаю.

---

[a] *Т. е. туда же.*

Все вышепрописанное показано мною по чистой совести. Сознавая свое заблуждение, в которое вовлечен был под гнетом угроз и страха, в весьма ограниченном кругу действовал неохотно и короткое время. Прошу отцовское обратить воззрение на то, что чувствовал свой поступок, в скором времени отказался добровольно от преступных связей. А теперь с полным чистосердечным раскаянием в своем преступлении прибегаю к стопам милосердного начальника края, умоляю о пощаде и помиловании заблудшего верноподданного обожаемого всеми государя императора.

Игнатий Гениуш

Показание отбиралось в присутствии полковника Устругова, надворного советника Злобина и аудитора Прокофьева

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3, оп. 1, д. 40, лл. 41—46. Заверенная копия

[1] *Составители настоящего тома располагают большим количеством показаний о возникновении, составе, организационной структуре, деятельности гродненской повстанческой организации. Учитывая то обстоятельство, что некоторые из них опубликованы в сборнике «Революционный подъем в Литве и Белоруссии, 1861—1862 гг.» (Э. Заблоцкого, С. Сильвестровича) и за недостатком места, мы ограничились включением в этот том лишь показаний И. Гениуша и А. Гофмейстера. Сравнительно интересные сведения о гродненской повстанческой организации в целом имеются в так называемой «Записке об устройстве революционной организации четырех южных уездов Гродненской губ.», составленной председателем Гродненской военно-следственной комиссии полковником Уструговым на основании показаний членов этой организации и других участников восстания. В частности, в ней говорится:* Устройство гродненской революционной организации началось по следующему проекту, возникшему, как кажется, в Виленском комитете. Губерния должна была составить одно воеводство, но по сравнительно большому своему протяжению разделиться на три части: к первой причислились уезды: Гродненский, Волковыский и Слонимский, ко второй — Сокольский, Белостокский и Бельский, к третьей — Брестский, Кобринский и Пружанский. Разделение соответствовало географическому положению этих уездов относительно Царства Польского. Каждая часть имела сообщение с Царством, и в каждую из них вторгались шайки, пополнявшиеся потом населением, принимавшим участие в мятеже. Воеводский был собственно один, он управлял одною из частей, а в двух других находились его помощники, которые хотя и подчинялись номинально, но на деле имели независимое от него положение.

Сообразно этому плану предложено было назначить воеводским брестского помещика Аполлона Гофмейстера с тем, чтобы он управлял уездами Брестским и сопредельными, помощниками же его в Гродненском, Волковыском и Слонимском — чиновника Гродненской строительной и дорожной комиссии Эразма Заблоцкого, а в Сокольском со смежными — начальника Сокольского егерского училища Валериана Врублевского. Этот первоначальный проект изменился, кажется, вследствие того, что Врублевский сделался начальником шайки [...].

Тогда уже потребовалось разделение его воеводства, и действительно уезды Сокольский и Белостокский, как соединенные с Гродненским железною дорогою, отошли к Заблоцкому, который сделался самостоятельным воеводским, а Бельский был присоединен к части, управляемой Гофмейстером [...].

Деятельность организации южных уездов вообще имеет особый характер, отличный от того, какой дали организации северных уездов частию случай, частию управление Заблоцкого. В северных уездах, к числу которых относился и Гродненский, так называемая партия красных была под большим влиянием чиновников и официалистов, служивших у помещиков, людей вообще бедных, часто не имевших своей собственности и надеявшихся на возвышение при помощи революции, оттого и в организации — произведении этой партии — является такой класс людей, который вносит с собою привычку к некоторой системе в действиях, старается о соблюдении формы, которое предписывалось с целью дать организации вид некоторой стройности и целости [...].

Совсем другое явление видно в южной организации. Здесь она не принимает на себя инициативы, а действует под влиянием целой партии, служа послушным орудием ее. Партия красных нашла тут руководителей в лицах с влиянием и с материальными средствами, и эти руководители, не принимая сами номинации, действовали прямо от

своего лица; многие уходили в организованные ими же самими шайки или посылали туда своих приближенных, а другие заботились о снабжении шаек всем нужным. Оттого на местах организаторами являются такие лица, которые могли иметь только небольшое влияние,— люди, не получившие большого образования, бедные материальными средствами, имевшие значение постольку, поскольку оно дается исполнителям воли сходки [...]. *См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 3598, лл. 77—80.*

Должность революционного комиссара Гродненского воеводства с апреля до середины июня 1863 г. исполнял Константин Калиновский. Местом его пребывания был гор. Белосток. В уездах существовала сеть революционных комиссаров, начальников и референтов. Об этом см. показания Э. Заблоцкого и С. Сильвестровича в сборнике «Революционный подъем в Литве и Белоруссии, 1861—1862 гг.», стр. 490—504.

О низовом звене повстанческой организации наиболее полные показания дал Сигизмунд Врублевский: Занимаясь таким образом перепискою бумаг начисто, я узнал мало-помалу от Сильвестровича состав организации Гродненского у. Весь уезд разделен был на пять окренгов [a], соответствующих пяти станам. В каждом окренге был начальник округа, а именно: в Индурском — помещик Редых, в Лунненском — помещик Иван Каминский, в Кринском — помещик Дашкевич, в Езерском — помещик Петр Покубята, в Скидельском — кс. Чепович. Кроме того, пять референтов, а именно: референт казны (он же и кассир уездный) — помещик Ромер, надела крестьян землею — Каминский (он же и окренговый Лунненский), военный — помещик Войсятыч, путей сообщения — помещик Люциан Завистовский и опеки — Богатко (кто он таков, я не знаю). Кроме того, был уездный комитет опеки, председательницею которого была помещица госпожа Ромер [...], а начальником гор. Гродно был доктор Целестин Цехановский (*ЦГИА БССР (Гродно), ф. 3. оп. 1, д. 40, лл. 236—238).*

В июне 1863 г. в организации произошла смена руководства, вызванная отзывом Калиновского в Вильно. Комиссаром был поставлен Э. Заблоцкий, воеводским — С. Сильвестрович. Соответственно произошли изменения и в уездных организациях. Вскоре начались массовые аресты членов гродненской организации. Всего было арестовано свыше 100 человек. Более подробно о гродненской организации см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917 (в трех частях), д. 1320 (в двух частях); ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1391, 1598; ф. 3, оп. 1, д. 40, 40а; «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego 1863—1903». Lwów, 1903; J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 1, Wilno, 1913; а также сборник «Революционный подъем в Литве и Белоруссии, 1861—1862 гг.», стр. 490—504 и др.

[2] *Гениуш был арестован 29 марта у себя дома. При первом допросе он отрицал свое участие в организации и не назвал ни одного члена гродненской организации (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 917б, л. 185).*

[3] *Т. е. Калиновского.*

[4] *Гениуш возглавлял бюро при воеводском по переписке корреспонденции, он же являлся хранителем печати гражданского начальника Гродненского воеводства. И. Милевич, А. Толочко, де Мортере входили в состав бюро.*

[5] *Литовский провинциальный комитет.*

[6] *Об этом см. в показаниях Э. Заблоцкого и С. Сильвестровича («Революционный подъем в Литве и Белоруссии, 1861—1862 гг.», стр. 490—504).*

[7] *Имеются в виду южные уезды Гродненской губ. О революционной организации в этих уездах см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320а; ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 1391; д. 3598; ф. 3, оп. 1, д. 40а.*

220

1864 г. апреля 30.— Показания А. Гофмейстера в Гродненской следственной комиссии о встречах с К. Калиновским, В. Врублевским, О. Духинским в Белостоке и Бресте

1864 г. апреля 30 дня в 1-й Гродненской следственной по политическим делам комиссии был допрошен помещик Брестского у. Аполлон Гофмейстер, который показал следующее:

[a] *Т. е. округов.*

В марте месяце 1863 г. по случаю смут я оставил имение и переехал на жительство в Брест-Литовск.

В апреле, кажется мне, во время пасхи, был я в трактире купца Глуховского, куда я обыкновенно отправлялся читать газеты. Подходит вдруг ко мне совершенно мне неизвестный человек, рекомендуется под именем Чарноцкого и говорит, между прочим, что он есть комиссар Народного жонда, предлагает же мне звание гродненского гражданского воеводы. На такое странное и нелепое предложение я не мог ответить иначе, как то, что я этого звания принять не могу. Начал уговаривать меня, что я должен это сделать для блага отечества, что я имею репутацию хорошего патриота, хорошо обращаюсь с крестьянами и что на это звание нужно непременно помещика, иначе между помещиками эта должность не будет иметь никакого значения, и тому подобные делал мне замечания. Говорил мне о лесничем Врублевском, о Заблоцких, знакомых мне в Гродно, и разговор, как обыкновенно в такие времена, кончился политикой [1].

Гораздо после я узнал, что это есть Калиновский, имеющий родственников в Брестском у. в им. Видомле.

День спустя Чарноцкий отыскал мою квартиру и принес мне приказ, носящий печать гродненского комиссара, с тем, чтобы я немедленно отправился в Белосток, куда меня будто бы требует военный воевода. Время было такое, что я после многих колебаний решился отправиться по указанному адресу. Звание же мое воеводы я никогда не считал действительным и видел в самом названии что-то ребяческое.

В Белостоке я отыскал квартиру Чарноцкого и отправился с ним к Духинскому [2], живущему у какого-то молодого доктора (фамилия немецкая — не помню) [3]. Там я застал Врублевского над картой вместе с Духинским, очень занятых, притом множество лиц, приходящих и уходящих, которых я ни прежде, ни после не видел, сцена подобная, как на толкучем рынке, всякий торопился. Пробыл я там недолго, с Духинским почти не говорил, потому что ему некогда было.

На другой день мы опять отправились с Чарноцким к Духинскому, но уже на другую квартиру. Тот раз он проживал у какого-то учителя, фамилия, кажется, Абрамович [4]. Тут Духинский показал мне свою номинацию с подписью ген. Высоцкого, расспрашивал меня о разных вещах [5] и там мы расстались [6]. Духинский пытался собирать шайку.

Меня Калиновский отправил в Гродно с тем, чтобы печать воеводскую я отдал Заблоцкому, но ни мандатов, ни бумаг никаких мне не давал и, кажется мне, очень был рад, что я не вмешиваюсь ни в какие распоряжения. Пробыв только один день в Гродно, я возвратился в Брест и от того времени никуда уже больше не выезжал, ни с кем уже не встречался из лиц революционной партии, кроме одного Чарноцкого, ездившего из Бреста в Кобрин, Пружаны и, наконец, бог знает куда. Но с августа или с сентября я уже вовсе его не видал. Наконец, я по приказанию начальства возвратился из Бреста в имение и там проживал.

Аполлон Гофмейстер

Полковник Устругов, надворный советник Злобин, коллежский секретарь [a], губернский секретарь Дурылев, тит. с. Агарков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, ч. 2, лл. 150—151. Подлинник

[a] *Подпись неразборчива.*

[1] *В другом показании А. Гофмейстера (от 23 июня 1864 г.) говорится, что речь шла об устройстве гродненской повстанческой организации*: Калиновский говорил мне, что Гродненская губ. под названием воеводства разделяется на 3 части. Уезды Гродненский, Волковыский и Слонимский отдаются в управление Эразму Заблоцкому, Сокольский, Белостокский и Бельский — Валерьяну Врублевскому и Брестский, Кобринский, Пружанский — мне. Всякий из нас трех должен управлять независимо и сноситься только с комиссаром и от него только получать приказания (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 253*).

[2] *Эмигрант О. Духинский, прибывший с мандатом Ю. Высоцкого из Парижа, был назначен военным начальником Гродненского воеводства. Он регулярно информировал Национальное правительство в Варшаве о военных действиях повстанческих отрядов Гродненской губ. Рапорты Духинского с конца апреля по август 1863 г. хранятся в рукописном отделе Литовского государственного университета (Вильнюс). По показаниям Гофмейстера от 2 мая 1864 г.*, Духинский вовсе не был осведомлен о здешнем крае (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 156*). *Решающую же роль в руководстве повстанческими силами в Гродненской губ. играл Валерий Врублевский, который после мартовского переворота был снят с поста военного начальника Гродненского воеводства. После прибытия в Гродно Калиновского Врублевский был назначен начальником штаба повстанческих сил Гродненской губ.*

[3] *В показании Гофмейстера от 23 июня 1864 г. говорится*: Доктор, у которого я виделся с Духинским в Белостоке, называется Зубербир или Зибербир (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 253*).

[4] *По-видимому, Игнатий Арамович.*

[5] *Духинского интересовало положение дел в Западной Белоруссии, в частности в южных уездах Гродненской губ., заселенных преимущественно православным населением. Обстановку в северных уездах он считал более благоприятной. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 155.*

[6] *2 мая 1864 г. Гофмейстер в Гродненской следственной комиссии рассказывал о своем пребывании на квартире Калиновского после встречи с Духинским*: Тут во время разных толкований он [Калиновский] отворил чемодан, наполненный революционного содержания бумагами, большею частью печатными воззваниями, газетами и т. п., но была между ними информация для воеводы, поветовых, окренговых, которой я не имел терпения внимательно прочитать. Между прочим, он дал печать с надписью: «Начальник Гродненского воеводства» с тем, чтобы я ее отдал в Гродно Эразму Заблоцкому, но помянутой инструкции мне не давал. Во время моего нахождения в квартире Чарноцкого приходил в комнату и уходил незнакомый молодой человек, казавшийся хозяином дома (*см. там же, л. 156*).

221

1864 г. мая 27.— Конфирмация И. Н. Скворцова по военно-судному делу о крестьянине Скиндерского сельского общества Сокольского у. М. М. Немотко, подозревавшегося в революционной агитации среди крестьян

По рассмотрении военно-судного дела о крестьянине Гродненской губ. Сокольского у., б. писаре Скиндерского сельского общества Матвее Матвееве Немотко, 38 лет, католического вероисповедания, сужденном по полевому уложению в Гродненской военно-судной комиссии, оказалось:

Крестьянин Немотко обвиняется в подстрекательстве крестьян к мятежу и в распространении между ними революционных идей. По показаниям крестьян дер. Скиндера Михаила Калиновского и Ивана Габреля, еще 2 года тому назад, когда они были в канцелярии сельского общества для получения денег, Немотко читал им какую-то бумагу об обременительности податей, налагаемых правительством, с добавлением со своей стороны о скором открытии повсеместного мятежа, когда каж-

В марте месяце 1863 г. по случаю смут я оставил имение и переехал на жительство в Брест-Литовск.

В апреле, кажется мне, во время пасхи, был я в трактире купца Глуховского, куда я обыкновенно отправлялся читать газеты. Подходит вдруг ко мне совершенно мне неизвестный человек, рекомендуется под именем Чарноцкого и говорит, между прочим, что он есть комиссар Народного жонда, предлагает же мне звание гродненского гражданского воеводы. На такое странное и нелепое предложение я не мог ответить иначе, как то, что я этого звания принять не могу. Начал уговаривать меня, что я должен это сделать для блага отечества, что я имею репутацию хорошего патриота, хорошо обращаюсь с крестьянами и что на это звание нужно непременно помещика, иначе между помещиками эта должность не будет иметь никакого значения, и тому подобные делал мне замечания. Говорил мне о лесничем Врублевском, о Заблоцких, знакомых мне в Гродно, и разговор, как обыкновенно в такие времена, кончился политикой [1].

Гораздо после я узнал, что это есть Калиновский, имеющий родственников в Брестском у. в им. Видомле.

День спустя Чарноцкий отыскал мою квартиру и принес мне приказ, носящий печать гродненского комиссара, с тем, чтобы я немедленно отправился в Белосток, куда меня будто бы требует военный воевода. Время было такое, что я после многих колебаний решился отправиться по указанному адресу. Звание же мое воеводы я никогда не считал действительным и видел в самом названии что-то ребяческое.

В Белостоке я отыскал квартиру Чарноцкого и отправился с ним к Духинскому [2], живущему у какого-то молодого доктора (фамилия немецкая — не помню) [3]. Там я застал Врублевского над картой вместе с Духинским, очень занятых, притом множество лиц, приходящих и уходящих, которых я ни прежде, ни после не видел, сцена подобная, как на толкучем рынке, всякий торопился. Пробыл я там недолго, с Духинским почти не говорил, потому что ему некогда было.

На другой день мы опять отправились с Чарноцким к Духинскому, но уже на другую квартиру. Тот раз он проживал у какого-то учителя, фамилия, кажется, Абрамович [4]. Тут Духинский показал мне свою номинацию с подписью ген. Высоцкого, расспрашивал меня о разных вещах [5] и там мы расстались [6]. Духинский пытался собирать шайку.

Меня Калиновский отправил в Гродно с тем, чтобы печать воеводскую я отдал Заблоцкому, но ни мандатов, ни бумаг никаких мне не давал и, кажется мне, очень был рад, что я не вмешиваюсь ни в какие распоряжения. Пробыв только один день в Гродно, я возвратился в Брест и от того времени никуда уже больше не выезжал, ни с кем уже не встречался из лиц революционной партии, кроме одного Чарноцкого, ездившего из Бреста в Кобрин, Пружаны и, наконец, бог знает куда. Но с августа или с сентября я уже вовсе его не видал. Наконец, я по приказанию начальства возвратился из Бреста в имение и там проживал.

Аполлон Гофмейстер

Полковник Устругов, надворный советник Злобин, коллежский секретарь [a], губернский секретарь Дурылев, тит. с. Агарков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, ч. 2, лл. 150—151. Подлинник

[a] *Подпись неразборчива.*

[1] *В другом показании А. Гофмейстера (от 23 июня 1864 г.) говорится, что речь шла об устройстве гродненской повстанческой организации*: Калиновский говорил мне, что Гродненская губ. под названием воеводства разделяется на 3 части. Уезды Гродненский, Волковыский и Слонимский отдаются в управление Эразму Заблоцкому, Сокольский, Белостокский и Бельский — Валерьяну Врублевскому и Брестский, Кобринский, Пружанский — мне. Всякий из нас трех должен управлять независимо и сноситься только с комиссаром и от него только получать приказания (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 253*).

[2] *Эмигрант О. Духинский, прибывший с мандатом Ю. Высоцкого из Парижа, был назначен военным начальником Гродненского воеводства. Он регулярно информировал Национальное правительство в Варшаве о военных действиях повстанческих отрядов Гродненской губ. Рапорты Духинского с конца апреля по август 1863 г. хранятся в рукописном отделе Литовского государственного университета (Вильнюс). По показаниям Гофмейстера от 2 мая 1864 г.*, Духинский вовсе не был осведомлен о здешнем крае (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 156*). *Решающую же роль в руководстве повстанческими силами в Гродненской губ. играл Валерий Врублевский, который после мартовского переворота был снят с поста военного начальника Гродненского воеводства. После прибытия в Гродно Калиновского Врублевский был назначен начальником штаба повстанческих сил Гродненской губ.*

[3] *В показании Гофмейстера от 23 июня 1864 г. говорится*: Доктор, у которого я виделся с Духинским в Белостоке, называется Зубербир или Зибербир (*ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 253*).

[4] *По-видимому, Игнатий Арамович.*

[5] *Духинского интересовало положение дел в Западной Белоруссии, в частности в южных уездах Гродненской губ., заселенных преимущественно православным населением. Обстановку в северных уездах он считал более благоприятной. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 155.*

[6] *2 мая 1864 г. Гофмейстер в Гродненской следственной комиссии рассказывал о своем пребывании на квартире Калиновского после встречи с Духинским*: Тут во время разных толкований он [Калиновский] отворил чемодан, наполненный революционного содержания бумагами, большею частью печатными воззваниями, газетами и т. п., но была между ними информация для воеводы, поветовых, окренговых, которой я не имел терпения внимательно прочитать. Между прочим, он дал печать с надписью: «Начальник Гродненского воеводства» с тем, чтобы я ее отдал в Гродно Эразму Заблоцкому, но помянутой инструкции мне не давал. Во время моего нахождения в квартире Чарноцкого приходил в комнату и уходил незнакомый молодой человек, казавшийся хозяином дома (*см. там же, л. 156*).

221

1864 г. мая 27.— Конфирмация И. Н. Скворцова по военно-судному делу о крестьянине Скиндерского сельского общества Сокольского у. М. М. Немотко, подозревавшегося в революционной агитации среди крестьян

По рассмотрении военно-судного дела о крестьянине Гродненской губ. Сокольского у., б. писаре Скиндерского сельского общества Матвее Матвееве Немотко, 38 лет, католического вероисповедания, сужденном по полевому уложению в Гродненской военно-судной комиссии, оказалось:

Крестьянин Немотко обвиняется в подстрекательстве крестьян к мятежу и в распространении между ними революционных идей. По показаниям крестьян дер. Скиндера Михаила Калиновского и Ивана Габреля, еще 2 года тому назад, когда они были в канцелярии сельского общества для получения денег, Немотко читал им какую-то бумагу об обременительности податей, налагаемых правительством, с добавлением со своей стороны о скором открытии повсеместного мятежа, когда каж-

дый хозяин, по его словам, должен будет зарезать хотя одного русского солдата. К этому показатель Калиновский присовокупил, что Немотко, когда распространился слух о его мятежных действиях, призвав его к себе, просил не говорить о нем ничего худого, даже под присягой, если начальство будет о нем спрашивать. Староста Скиндерского общества Казимир Жинел уличал Немотко на очной ставке в том, что он весной прошедшего года говорил ему, что будет в народе большое волнение. Эти обвинения на Немотко подтвердили крестьяне дер. Скиндера в числе 16 человек, согласно объяснив, что они слышали, как Немотко говорил, что придет из Варшавы указ убивать солдат, своих постояльцев. Кроме сего, Немотко, по показаниям крестьян Антона Крутуля и Антона Калиновского и отставного солдата Мартина Яблонского, подозревается в том, что знал и не донес начальству об уходе в шайку шурина своего мещанина м. Корицын Константина Гедройца, которого будто бы Яблонский весной прошедшего года видел в канцелярии сельского общества, где квартировал Немотко.

Из показания того же Яблонского видно еще, что Немотко обвиняется в хранении у себя ружья после всеобщего обезоружения, в чем Яблонский уличал Немотко на очной с ним ставке, объяснив, что весной прошедшего года он сам видел Немотко шедшим на охоту с двуствольным ружьем.

Независимо от обвинений в политических преступлениях, крестьянин Антон Крутуль оговорил Немотко в том, что будто бы Немотко, пользуясь положением своим сельского писаря, 6 или 7 лет тому назад заменил отца своего, приговоренного к ссылке в Сибирь, другим крестьянином по фамилии Козлом. Донос этот по следствию не подтвердился. Подсудимый Немотко при допросах и очных ставках ни в чем не сознался и объяснил, что все эти обвинения возведены на него по различным неудовольствиям Калиновского, Габреля, Яблонского и Крутуля и что если бы на самом деле им были читаны крестьянам возмутительные бумаги, то не могли бы не слышать того другие лица, находившиеся в канцелярии; если бы он принимал к себе шурина своего Гедройца, которого он не видел более года, не могли бы не видеть его другие. Относительно хранения у себя ружья Немотко объяснил, что он действительно имел охотничье ружье, которое представлено им вместе с ружьями, отобранными от крестьян, приставу 2-го стана Сокольского у. Это показание подтвердилось справками.

По показанию подсудимого, он женат, детей имеет, имения нет.

Полевой военный суд, отнеся подсудимого к IV категории высочайше утвержденных 11 мая 1863 г. правил о порядке наложения взысканий на мятежников, приговорил: крестьянина Матвея Немотку, по несознанию его и по неимению в деле, кроме бесприсяжных показаний 2 свидетелей, доказательств его виновности в чтении крестьянам возмутительных бумаг и объявлении тем же крестьянам какого-то приказа из Варшавы резать солдат, оставить в сильном подозрении.

Я определяю: Матвея Немотку как вполне неблагонадежного в политическом отношении отправить в Москву для дальнейшего распределения по назначению министерства внутренних дел.

Ген.-майор Скворцов

ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 837, лл. 32—33. Подлинник

222

1864 г. июля 9.— Показания повстанца П. Радовицкого в Гродненской следственной комиссии о военных действиях повстанческого отряда Траугутта

1864 г. июля 9 день в присутствии Гродненской военно-следственной комиссии по политическим делам был спрошен добровольно явившийся из шайки Траугутта, исключенный из службы поручик Петр Радовицкий, показал:

Зовут меня Петр Михайлов сын Радовицкий, мне от роду 40 лет, родился я Гродненской губ. Слонимского у. в дер. Кристьянполе в 1824 г., в военную службу поступил юнкером в Смоленский уланский полк в 1844 г., в 1847 г. произведен в офицеры в гусарский е. и. выс. великой княгини Ольги Николаевны полк, в 1848 г. переведен в Киевский гусарский полк и с этого полка по суду за потерянные деньги и необъявление об этом своевременно начальству исключен поручиком из службы в 1858 г.

С 1858 г. жил я постоянно у родной моей сестры Кобринского у. в дер. Деревной до 1863 г. Того же года 22 апреля вечером приехал ко мне сосед Феликс Ягмин, отставной уланский офицер, и когда мы пошли спать, то он показал мне повеление с печаткой Центрального революционного комитета, чтобы все неженатые от 18 до 40 лет люди выступили с оружием против правительства, то я, переночевав и не зная времени выступления, по желанию его поехал одновременно с Ягмином в имение Аполлинария Радовицкого, троюродного моего брата. Там застали мы уже несколько человек на выезде и по приглашению их отправились с ними в близлежащий лес под названием Темра. По прибытии в Темру мы там уже застали до 100 человек вооруженных, а когда представили нас бывшему уже там начальнику, в котором я узнал Траугутта, то тотчас были назначены по родам оружия. Меня назначили в кавалерию: дали коня, саблю и пару пистолетов, начальником кавалерии назначен был Ягмин.

Из Темры часу в первом пополудни отправились все в поход. Проходя через деревню моей сестры, я просил позволения заехать во двор к сестре попрощаться, а ее просил, чтобы она пошла на деревню и просила Траугутта, чтобы он меня увольнил, на что он не согласился и, выходя из деревни дальше в поход, прислал за мной 3 человека, с которыми я выехал выходящим из деревни навстречу. Тут я был в числе прочих отправлен в авангарде с приказанием следовать на дер. Белую Церковь, Брашевичи до дер. Попиной помещика Яна Жука, куда прибыли около часу ночи и, перекусив, около 2 час. ночи направились к Белину и, переправясь через Королевский канал, пошли прямо в им. Горки, здесь имели мы дневку и первый раз ученье.

После дневки Траугутт перешел в Одрижинский лес и, свернув с дороги налево, остановился лагерем и стоял там до 9 мая. Вблизи лагеря 6 и 9 мая Траугутт с пехотой имел 2 стычки, после которых возвращался в обоз, но с 9 на 10 число того же месяца перешел в урочище Большой Лес, близ Гряды Горы, и тут 13 мая был разбит. Кавалерия во всех 3 стычках не принимала участия по причине местности.

13 числа мая во время переправки Ягмин вывел кавалерию за версту на болота, но когда увидел бегущих врассыпную с плаца сражения [1], то подвинулся болотом, имея лошадей в руках, к противоположному лесу и, дождавшись там нескольких пехотинцев, велел лошадей пустить на волю, а сам почти через непроходимые болота в числе до 50 человек переправился в лес. В этом лесу пробыв 2 дня, Ягмин отправился к Траугутту, откуда сам не возвратился, а прислал к нам приказ с подписью Траугутта, чтобы, не трогаясь с места, подождать дня 3 до его прибытия с подкреплением из Царства Польского. Подкрепление это действительно прибыло в числе 100 человек под начальством Леливы, который и присоединил нас к своей команде и на другой день отправился за Пески. Перейдя Королевский канал вблизи дер. Овзич, за Песками встретились мы с Влодком и с Ляндером. Ляндер, дав отдых своим людям, отправился далее, а Влодек остался с Леливой 2 дня около озера, но на третий день, узнав, что русские войска идут на нас, Влодек прежде, а Лелива после поспешно удалились, но, быв настигнуты [2], перемешались обе команды и порасстроились, так что Влодек совсем отбился, а Лелива со своими людьми и малою частью людей Влодка двумя колоннами дошел до мызы на краю леса, где и остановился на ночь, название мызы не помню. В эту мызу поздно в ночь прибыл к нам Траугутт, не помню которого числа, но знаю, что в последних числах месяца мая [3]. С мызы этой поспешали день и ночь, останавливаясь не более как на 2 часа времени для приобретения пищи, и после нескольких утомительных дней похода пришли мы в м. Столин.

В Столине, простояв день, ночью переправились мы через реку на пароме и остановились в лесу, где стояли дня 3, на четвертый день отыскало нас войско, и произошла стычка, после которой Траугутт постоянно отступал преследуемый, так что не мог почти нигде остановиться ни для отдыха, ни для приискания пищи, а когда на изнуренных и спящих вблизи им. Колодно нечаянно напала цепь застрельщиков, то все, сколько было, спросонья ударились бежать без выстрела в лес. Там Траугутт к вечеру, собрав к себе около 90 человек, разделил на несколько частей и приказал следовать к Беловежской пуще и явиться там к Духинскому, то и я в числе 6 человек шел по ночам обратно по той же дороге до Песок, из Песок прошли мы около Картуз-Березы и через лес Темницу явились в Беловежскую пущу к Врублевскому, который поступил на место Духинского.

В Беловежской пуще я был не более 3 дней, потому что Врублевский, постоянно преследуемый войсками, был вытеснен из Беловежской пущи и, перебравшись в лес, лежащий между Пружанами и Кобрином, тот же час разделил свою команду на 4 части с повелением пробираться как можно скорее в Царство Польское, с обещанием собрать нас к себе опять [4]. Это происходило в половине сентября. Тогда и я в числе до 30 человек под командою Вислоуха находился. Вислоух следовал постоянно ночами, но в каком месте переправился через Королевский канал — не помню, но, переправившись к польским лесам, на четвертый или же пятый день перешли мы через р. Буг между гор. Брестом и м. Кодно в Царство Польское, оттуда то на подводах, то пешие прибыли мы в лес Липняк, где уже и застали мы несколько человек, отправленных Врублевским, и несколько команд Крысинского. Из Липняка вскоре меня отправили к Врублевскому, который находился вблизи с кавале-

рией, оставшейся после убитого Кобылинского, которая составляла полный эскадрон. Я и прочие по прибытии прикомандированы были к так называемому штабу. Штаб тот состоял из одних дворян Царства Польского и уроженцев Литвы, числительностью равнялся третьей части всей кавалерии.

Кто же именно из помещиков и дворян был в партии Траугутта, даю следующее объяснение: Ягмин Феликс, Русецких 2 брата, Богурский, Радовицких 2 брата: Густав и Аполлинарий, Домановский, Бочковский, Шпраев, Семашко, Каминский, Бонцкевич, Горновских двое. Лясковских 2 брата, Юшкевич, Барбье — француз, Елерт, Сулковский, Ярошевских 2 брата, Шеметыло, Барановский, Сенкевич, Квятковский, Кобылинских 2 брата, Павловский, Коростель, остальных или не помню фамилии или же не знаю настоящих, потому что многих называли по имени, как и всех дворовых людей.

Что же касается до моих будто бы сношений с революционной организацией, то честь имею утвердительно доложить, что я никаких дел с ней не имел и никого из ее членов не знал и не знаю, приезжавших в партию Траугутта никого не видел и не помню, чтобы кто, приехав в партию, отъезжал обратно.

Насчет показанной мне в комиссии будто бы мною писанной расписки даю следующее объяснение: что по прибытии к Врублевскому, не имея бурки, попросил у него денег на приобретение таковой, то Врублевский дал мне 15 руб. сер. и велел написать себе под диктовку расписку в получении этих денег. Того же дня, находясь на службе, заставлен я был Врублевским написать расписку на неизвестного, от которого принят был провиант, но на этой расписке подписи своей я не клал, потому что на бумаге была уже приложена печать Гродненского воеводства. Иных же расписок я никому не давал, и мне показанная в военно-следственной комиссии — совершенно мне неизвестного происхождения.

К этому дополнительному объяснению ничего прибавить не имею, а что помню и знал, то откровенно и чистосердечно написал, как добровольно явившемуся следует сделать.

К тому добавляю, что я Царства Польского в гор. Радзыне добровольно явившись, был там же приведен к присяге на верность е. в. государю императору и наследнику цесаревичу.

Петр Радовицкий

Полковник Устругов, тит. с. Агарков, губернский секретарь Дурылев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, ч. 1, лл. 157—160. Подлинник

[1] *Имеется в виду бой в Белинских лесах 14 мая. См. прим. к док. 190.*

[2] *30 мая 1863 г. в нескольких километрах от Черного озера около дер. Пески Слонимского у. состоялся бой между объединенным отрядом Влодка и Леливы с царскими войсками (2 роты пехоты и несколько десятков казаков) под командованием подполковника Гессельберга. После боя повстанцы небольшими группами рассеялись по лесу, а потом снова объединились в один отряд. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 34, д. 697, лл. 202, 288—290; ф. 1715, оп. 1, д. 9, л. 220.*

[3] *По другим данным, отряды Влодка и Траугутта после боя около Песок соединились 3 или 4 июня 1863 г. См. ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1715, оп. 1, д. 10, л. 128.*

[4] *В Виленской особой следственной комиссии 20 июля 1864 г. П. Радовицкий более подробно рассказал о тактических действиях отряда Врублевского. В частности, он показывал:* Действия Врублевского, как могу понять, состояли в том, чтобы то маршами, то контрмаршами развлечь внимание русских войск и в случае надобности дать помощь Крысинскому, поэтому Врублевский был в постоянном движении. *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 841, л. 7.*

223

1863 г. февраля 5.— Донесение минского жандармского штаб-офицера Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о политическом положении в губернии и волнениях среди учащихся Слуцкой и Минской гимназий

Секретно

Объехав по случаю рекрутского набора большую часть Минской губ., позвольте в. с. представить о слышанном и замеченном мною по уездам:

Про настоящий мятеж в Царстве Польском злонамеренные люди распускают нелепые слухи в пользу поляков; по местечкам и деревням, более между католиками, показываются агенты для возмущения жителей; везде заметно некоторое брожение. Участие в беспорядках принимают: католическое духовенство, незначительное число помещиков, большая часть мелких чиновников, остальные чиновники, молодые люди, не кончившие курса университетов и гимназий, городские жители, мастеровые, шляхта и, наконец, ученики. Хотя все это в совокупности и составляет незначительную цифру в сравнении с главным населением губернии, не менее того [а] злобою их пренебрегать нельзя.

Помещики мысли свои выразили на бывших дворянских выборах [1], однако и их можно разделить: во-первых, на благомыслящих, которые по богатству и образованию далеки от всяких переворотов, но, боясь преследования, участвуют в польском деле поневоле материально; во-вторых, на таких, которые в душе и желали бы видеть здесь польский элемент, но не решаются открыто высказываться, боясь верное променять на неверное, и, наконец, в-третьих, на крикунов, взволнованных разными прокламациями и воззваниями, сами не понимая, чего хотят, следуют примеру своих предков, бывших довольными, когда на сеймах могли лишь прокричать: «nie pozwalam»[б], а между тем все они бессильны потому, что крестьяне, сколько мне ни случалось с ними беседовать, обожают государя и ненавидят своих бывших притеснителей.

Самое неспокойствие заметил я в гор. Слуцке. Все жители католики, как-то: духовенство, дворяне, чиновники и ученики — заражены революционным духом; самый город по положению своему на Варшавском шоссе дает жителям возможность быть в деятельной корреспонденции

[а] *Т. е. тем не менее.*
[б] *Не позволяю (польск.).*

с Царством. Главный двигатель волнующейся толпы — письмоводитель тамошнего уездного предводителя Шелюта и жена его; у них собираются все для совещаний, и там совращается юношество, воспитывающееся в Слуцкой гимназии, состоящей на особых правах под влиянием кальвинского духовенства, не совсем расположенного к правительству. Недавно подле самого города подпилили столб телеграфный, и это, как удостоверяют верные люди, было дело гимназистов, выражающих вообще буйный характер. Об удалении Шелюты из Слуцка, а также и других в губернии вредных лиц я представил губернатору.

До сих пор в Слуцке было только немного казаков, в настоящее время направлен туда один батальон пехоты.

В гор. Бобруйске своего рода нарушение спокойствия: в арестантских ротах Бобруйской кр. в настоящее время находится до 2000 арестантов, и надзор за этими преступниками чрезвычайно слабый; они шатаются по форштатам толпами, продают свои изделия, вламываются в дома мирных жителей, грабят, пьянствуют по кабакам и были даже примеры смертоубийств; жители сильно ропщут на начальство, допускающее такие беспорядки.

Комендант Бобруйской кр. инженер ген.-лейтенант Трузсон — уже в летах, плац-майор полковник Гуторович — человек весьма ограниченный — устранен комендантом от всего, а управляет распорядительною частью плац-адъютант подпоручик Погосский. Молодой человек успел приобресть влияние на коменданта, употребляет во зло его достоверность, и как генерал подписывает бумаги не читая, то Погосский, пользуясь этим, делает непростительные беззакония и чаще из корысти; сверх того, как католик обнаруживает сочувствие и к польскому делу.

Возвратившись в Минск, узнал я, что и здесь и в окрестностях не совсем спокойно; гимназисты и тут оказываются деятельными участниками беспорядков [2], и все в каком-то тревожном состоянии, но строгие меры, принятые со стороны квартирующего в городе начальника 3-й пехотной дивизии ген.-лейтенанта Гольдгоера и гражданского губернатора, удерживают злонамеренных от их предприятий, обыски и аресты производятся.

Наконец, заметил я и то, что хорошее влияние сделала на многих высылка в недавнее время отсюда разных лиц в дальние губернии.

Полковник Рейхарт

Помета В. А. Долгорукова Д[оложено] е. в. и сообщено г. военному министру 13 февраля

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 4—8 об. Подлинник

Опубл.: «1863 rok na Mińszczyźnie». Mińsk, 1927, str. 11—12.

[1] *На дворянских выборах в Минске 17 ноября 1862 г. дворяне-поляки намеревались представить адрес Александру II о присоединении Минской губ. в административном управлении к Царству Польскому и зафиксировали свое пожелание в протоколе, который подписали 255 дворян. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 113 и сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 551.*

[2] *О революционных приготовлениях среди учеников Минской гимназии Б. К. Рейхарт доносил В. А. Долгорукову еще 24 января 1863 г. Он сообщал, что молодежь* приискивает оружие и делает складки денег, избрав для сего из среды себя сборщиков *(ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, л. 2 и об.).*

Для восстановления спокойствия в гимназии минский губернатор 27 января 1863 г. просил у В. И. Назимова разрешения на введение там на время уроков военной

охраны, на что было получено согласие. Для осуществления полицейского надзора за гимназистами по распоряжению Назимова были назначены штаб-офицер и 10 унтер-офицеров (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 26).

Военная охрана на время уроков была введена с 7 марта и в Слуцкой гимназии. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1526, л. 37.

224

1863 г. февраля 7.— Донесение и. д. минского губернатора А. Л. Кажевникова В. Н. Назимову об аресте дочери белорусского писателя В. И. Дунина-Марцинкевича Камиллы Марцинкевич за антиправительственную агитацию среди солдат и крестьян в м. Городке Минского у. [1]

Секретно

Осведомясь, что в м. Городке помещика Хмары Минского у. собираются какие-то приезжающие две женщины с мужчинами под предлогом обучения детей, смущают жителей к восстанию, обязывают их к тому подписками и присягою и что в одно из таковых посещений зашел в ту квартиру случайно солдат Шиманский квартировавшей там роты Новоингерманландского пехотного полка, они его всячески обольщали деньгами, дабы он достал им оружие; по сделанному предварительно разысканию я командировал туда для преследования и захвата этих лиц известного по своей расторопности и знанию полицейской части следственного пристава минской городской полиции Верниковского с назначением в его распоряжение 50 нижних чинов той же роты с благонадежным офицером.

По прибытии в м. Городок означенный чиновник захватил на месте прибывшую одну из тех женщин, которая оказалась дворянкой Минского у., обучавшейся в Виленском частном пансионе, а ныне занимающейся преподаванием частных уроков в гор. Минске, Марией Бужинской.

При допросе, сделанном в присутствии моем и при бытности губернского жандармского штаб-офицера, она, Бужинская, пояснила, что приглашена для означенной цели обучения дворянкою девицею Камилией Марцинкевич, которая для сего избрала дом в м. Городке у отставного солдата, пожертвовала польские учебные книги, изданные в Варшаве, привезла туда крест с изображением на пьедестале другого сломанного креста и внизу одноглавого орла, и что действительно в предшествовавший день их сборища был какой-то солдат в доме, занимаемом школкою, что Марцинкевичева с двумя мужчинами вела с ним разговор, но о чем — ей, Бужинской, неизвестно.

Призванная затем девица Марцинкевич не отвергла, что цель поездок ее в м. Городок была обучение детей грамоте, но в подущении солдат к доставлению оружия и жителей к восстанию не созналась и по закоренелому своему упорству отказалась [a] незнанием фамилий бывших с ними мужчин. Затем по дальнейшим розыскам открыто, что лица эти были канцелярский чиновник Минского уездного казначейства Марченко, православного исповедания, и ученик Минской гимназии VII класса Сулистровский, скрывшийся ныне из Минска из опасения быть арестованным, к отысканию которого приняты все меры.

[a] *Так в тексте.*

Показание Марченки хотя ничего не открыло нового, но подтвердило все доселе известное, затем расспрос рядового Шиманского, которого Марцинкевичева обольщала и склоняла к передаче им оружия за большую сумму денег, подтвердив со всею откровенностью все подробности всего им виденного и слышанного, доказал этим похвальный пример его верности и усердия и вместе согласием в показаниях удостоверил в справедливости всего, что было открыто. О случившемся с ним тогда же объявил своему фельдфебелю, через которого и начаты были поиски, а впоследствии открыты и злоумышленники.

Хотя по темным слухам подозревается, что они домогались также склонять жителей к заготовке дров, хлеба, волов и пр., но положительных доказательств не найдено, да и трудно их иметь, ибо упорные во всем запирательства служат первым оружием к сокрытию своих преступных замыслов. К тому же, хотя подобные подстрекательства не нашли в среде крестьянского населения никакого сочувствия, но не менее того крестьяне, напуганные их заклятиями, остерегаются, чтобы через свою откровенность не навлечь на себя явной обиды.

Одно достоверно и не подлежит ни малейшему сомнению, что доколе девица Марцинкевичева останется на свободе, дотоле она не перестанет разжигать всеми усилиями пламень самой жестокой и непримиримой вражды и действовать всеми средствами к увлечению простодушных к самым преступным направлениям и с неограниченным ожесточением [2].

С давнего времени она известна этими наклонностями и своим изуверским фанатизмом. С начала появления в крае политических волнений она постоянно замечалась во всех демонстрациях самою отъявленною социалисткою, и прежнее начальство находило необходимым удалить ее отсюда и тем оградить многих от ее настойчивых и вредных преследований.

Убеждаясь более и более в невозможности оставлять ее здесь далее, я долгом считаю повторить мою покорнейшую просьбу, изложенную в представлении 22 ноября за № 913 [3], где я признавал необходимым удалить ее из местожительства вместе с ее отцом, который ко всем порокам, свойственным его дочери, владеет довольно бойким пером и иезуитским настроением, которым искусно действует на народ, распуская между ним свои вредные сочинения, каковы «Гуторка» [4] и еще вновь появившаяся брошюра, при сем прилагаемая [5], по общему голосу ему приписываемые.

Открытие училища [она] приняла лишь за предлог, чтобы тем удобнее сближаться с крестьянами, имея благовидный отвод и возможность скрывать свои вредные и неприличные сношения с поселянами; это доказывается тем, что в школке этой всего было пятеро учеников, а наставников являлось по четыре. Крест же с изображением попорченного распятия служит для привода к присяге кого им удавалось увлечь на свою сторону. Все это хотя не имеет и не может иметь юридических доказательств, но не менее того вполне убеждает, что дальнейшее пребывание этих лиц неминуемо доведет до горестных последствий, тем более, что безрассудная шляхта им верит и следит за ними с полным увлечением.

Как обе преподавательницы, так и Марченко находятся под арестом в тюремном замке впредь до начальственных в. вп. указаний, как с ними поступить [6].

И. д. гражданского губернатора Кажевников

Резолюция В. И. Назимова Отца Марцинкевичевой арестовать и содержать его до особого предписания [7].

Делопроизводственная помета Послана депеша такого содержания в Минск гражданскому губернатору: Арестовать отца Марцинкевичевой впредь до особого распоряжения. Ген.-адъют[ант] Назимов.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 78, лл. 16—19. Подлинник

[1] *Начиная с 1861 г. Камилла Марцинкевич принимала самое активное участие во всех проходивших в Минске антиправительственных демонстрациях. В июне 1861 г. за пение революционных патриотических гимнов Камилла Марцинкевич по распоряжению минского губернатора была помещена в минскую городскую больницу для усмирения. Но мера эта не запугала ее. И когда в феврале 1862 г. через Минск стали следовать партии политических ссыльных из Варшавы в Сибирь, Камилла Марцинкевич, несмотря на действовавший полицейский запрет, организовывала им встречи и угощения. См. сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии 1861—1862 гг.», М., 1964, стр. 540, 543.*

[2] *Из документов известно, что 5 августа 1863 г. Камилла Марцинкевич бросила из окна своей тюремной камеры букет цветов приговоренному к смерти Ивану Жмачинскому (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 121, лл. 191, 193—194).*

[3] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 113, лл. 32—34.*

[4] *Имеется в виду «Гуторка старого деда».*

[5] *Никакой брошюры в деле нет. По-видимому, речь идет о «Разговоре пустынника Петра».*

[6] *24 августа 1863 г. М. Н. Муравьев предложил минскому губернатору* выслать Камиллу Марцинкевич как женщину вредную и совершенно неблагонадежную в политическом отношении на жительство под строгий полицейский надзор в Пермскую губ., *о чем доложил П. А. Валуеву и В. А. Долгорукову (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 78, л. 25).*

[7] *В. И. Дунин-Марцинкевич был арестован в октябре 1864 г. Ему было предъявлено обвинение в распространении революционных идей среди населения и сочинении повстанческой литературы. При расследовании обвинение не подтвердилось, однако Временный полевой аудиториат при штабе Виленского военного округа признал его* виновным в том, что он воспитывал семейство свое не в духе преданности правительству, вследствие чего и сам не может считаться вполне благонадежным в политическом отношении, *и следовательно, подлежит высылке из края. Но учитывая его преклонные лета, аудиториат определил подвергнуть В. И. Дунина-Марцинкевича денежному штрафу, взыскав с имения его усиленный 30%-ный сбор и водворив затем на месте жительства под строгий полицейский надзор (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 689, лл. 15—18 об.).*

225

1863 г. февраля 11, м. Городище.— Рапорт пристава 2-го стана Новогрудского у. Езерта земскому исправнику Струмилло об обнаружении в окрестностях деревень Староельни и Заполья «Мужицкой правды»

Секретно

Староельненский тысяцкий представил ко мне 2 экз. печатные на польском языке под заглавием «Мужицкая правда», донося, что один из них найден около Староельни, а другой — около казенной дер. Заполья. По получении оных я тотчас делал тщательное дознание, по коему обнаружено, что один из этих бланков найден старостою дер. Озераны во время следования в волостное Староельненское правление, где им и отдан, а другой экземпляр нашел казенный крестьянин Ятранского общества дер. Заполья Константин Грецко около дер. Заполья, занес

таковой к родственнику своему Викентию Грецку, знающему грамоту, которым был прочитан в присутствии сказанного Константина Грецко и семьи Викентия Грецко. Как принято крестьянами воззвание, изъясненное в представляемых экземплярах, обнаружить не было возможности, а только все полагают и рассуждают между собою, что это пишет, верно, не Ясько из-под Вильно, а какой-нибудь помещик.

О чем в. вб. имею честь донести с представлением найденных печатных листов и рапортом тысяцкого [1], докладывая, что, кто бы мог подбросить таковые, по самотщательнейшим розыскам не обнаружено и на днях подозрительных людей в окрестности Староельни никто не заметил.

Пристав Езерт

ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1525, лл. 20, 22. Подлинник

[1] *Представленных приставом экземпляров «Мужицкой правды» в деле нет, рапорт тысяцкого см. там же, л. 21.*

226

1863 г. февраля 25.— Показания крестьян Старжинско-Кульской вол. Минского у. приставу 2-го стана Глиндзичу о встрече с повстанцами и получении от них манифеста о восстании

1863 г. февраля 25 дня присланные при рапорте Старжинско-Кульского волостного правления от 25 февраля за № 12 [1] в присутствии пристава 2-го стана Минского у. нижеписанные были спрашиваны: 1) Степан Язепов Поплавский, лет 40; 2) Франц Степанов Сосновский, лет 20; 3) Николай Антонов Новицкий, лет 43; 4) Франц Стефанов Анисько, лет 38.

Все они вероисповедания римско-католического, у исповеди и причастия св. тайн ежегодно бывают, под судом не были, грамоты не знают, временнообязанные крестьяне деревень Гиликов и Старжинок Старжинско-Кульской вол. Показали, что допрашиваемые неделя тому назад в воскресенье по найму еврея с м. Гейшшен Виленской губ. по имени Лейба, с м. Ивенца на четырех возах повезли поливу (горшки крашеные из глины) расстоянием от м. Ивенца в 20 милях и, возвращаясь оттоль с порожними возами, в 10 верстах от м. Гейшшен, при корчме так называемой Мокцишкохи, допрашиваемые задержаны были мятежниками (повстанцами), коих было не менее 100 человек, которые наговаривали допрашиваемых, в особенности Франца Степанова Сосновского, к себе в охотники, и когда допрашиваемые не согласились, то они, не делая никакого в этом насилия, отправили допрашиваемых к своему начальнику, который тоже предлагал, дабы допрашиваемые пристали к ним в охотники, но когда допрашиваемые не согласились, то, отпущая ехать в дом, спросил допрашиваемых, читали ли вам польские манифесты, и когда допрашиваемые ответили, что еще нет, то именующийся начальником, вынняв с бумажника Польский манифест, прочитал допрашиваемым и затем вручил таковый [2], дабы отвезли в свою сторону.

Все вышеписанное с допрашиваемыми случилось в четверг утром на минувшей неделе при корчме Мокцишкохи, состоящей в 8 только милях

от гор. Вильно по Лидскому тракту [3]. Допрашиваемые с дороги возвратились вчерашнего числа и вчера же врученный мятежниками польский манифест представили в Старжинско-Кульское правление, на чем кончив свои показания, по неграмотству упросили за себя расписаться.

За вышеписанных лиц, яко неграмотных, по личной просьбе расписался священник раковской церкви Иаков Мациевич.

Допрашивал становой пристав Глиндзич

ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1525, лл. 11—12. Подлинник

[1] *Рапорт см. там же, л. 10 и об.*

[2] *В сопроводительном рапорте Старжинско-Кульского волостного правления указано, что у крестьян был изъят манифест Литовского провинциального комитета от 1 февраля 1863 г. См .там же, л. 10 и об.*

[3] *8 февраля начал формироваться в Лидском у. отряд Л. Нарбута.*

227

1863 г. марта 6.— Отношение минского губернского предводителя дворянства А. Д. Лаппо В. И. Назимову о повсеместном отказе крестьян от исполнения повинностей вследствие проводимой местными властями политики компрометации помещиков

Долг верноподданного и обязанность представителя дворянства принуждают меня представить в. вп. в копиях: во-первых, напечатанную и опубликованную губернским начальством прокламацию [1], по которой в противность положению и словам государя императора, произнесенным в Москве [2], обещаются крестьянам новые льготы и милости и возлагается на них обязанность арестовать лиц, оказавшихся по их разумению подозрительными; хотя прокламация эта, по-видимому, порицает только средний слой дворянства, но в сущности порицание это относится ко всему сословию, и во-вторых, печатанную речь, разосланную всему православному духовенству [3]. Речь эта, вероятно, составлена высшим духовным начальством, ибо в противном случае сельские священники не решились бы руководствоваться ею и провозглашать во время литургии повсеместно; в ней, тоже вопреки высочайшему манифесту 19 февраля 1861 г., признавшему за дворянством заслугу в ходатайствовании об уничтожении крепостного права, изъяснено, что дворяне просили государя императора закабалить крестьян опять в тяжкое рабство.

Обе эти меры произвели печальные последствия. В различных местностях, даже в целых уездах Минской губ. крестьяне объявили неповиновение экономиям: повинностей не отбывают, оброка не платят, рубят лес, как свою собственность, и в довершение всего этого врываются в помещичьи дворы, производят обыски, вяжут и хватают официантов [a] и истязаются над ними под предлогом, что так официанты, как и помещики, подозреваются ими в злонамеренных стремлениях. Сие социальное движение распространено до той степени, что мировые учреждения не могут уже путем убеждения водворить нарушенный порядок.

[a] *Oficjant, oficjalista — служащий в имении (польск.).*

Такое состояние губернии угрожает мирным жителям опасностью ужасающей, в особенности тем, что судьба всех без изъятия дворян отдана в руки необразованного народа, приготовленного местным правительством и православным духовенством к социальной революции, так как в нем поселены уже ложные социальные понятия и то убеждение, что земля будет отдана им даром и что сему препятствуют лишь помещики, которые, желая закабалить их в прежнее рабство, восстали против их освободителя, августейшего нашего монарха.

Как представитель дворянства считаю обязанностью покорнейше просить в. вп. обратить внимание на печальное положение дворянского сословия Минской губ. и, руководясь человеколюбием, спасти его, пока еще [есть] время.

О нарушении общественного порядка и взволновании простого народа лично уведомили меня прибывшие в гор. Минск речицкий и борисовский уездные предводители дворянства, мозырский же уездный предводитель — отзывом, копию которого при сем представляю [4], а также некоторые мировые посредники и многие помещики из Минского, Новогрудского, Слуцкого и Бобруйского уездов [5].

Губернский предводитель А. Лаппо

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, лл. 9—10. Подлинник

[1] *Имеется в виду обращение к сельским обывателям Минской губ. за подписью минского губернатора, опубликованное отдельно и в «Минских губернских ведомостях» (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, л. 13 и «Минские губернские ведомости», № 6 от 8 февраля 1863 г., стр. 110—111). Опубликование обращения имело целью, используя царистские иллюзии крестьянства, привлечь его на сторону правительства и натравить на повстанцев-поляков. Так, в обращении перечисляются* льготы и свободы, *полученные крестьянами по манифесту 19 февраля, и предлагается терпеливо и спокойно ждать новых милостей от царя, который якобы не перестает думать, как бы сделать сельским обывателям еще больше добра. Для разбора жалоб крестьян на тяжесть уставных грамот обещается в скором времени открыть поверочные комиссии, которые вместе с представителями от крестьян и землемерами...* проверят ваши грунта, рассудят, сколько они дают дохода, положат оброк и цену на выкуп по чистой совести и правде...

Обращение призывает крестьян не верить людям, которые научают народ, чтобы не слушать законных властей, обещают вам даром ваши грунта, *а всех* тех лиц, кто бы они ни были, которые под видом ложной дружбы и приязни будут научать вас к бунту, *задерживать и доставлять к местным властям, к становым, исправникам, военным начальникам.*

[2] *25 ноября 1862 г. в Москве, в Кремлевском дворце, Александром II была принята делегация городских голов уездных городов, волостных старшин и сельских старост из временнообязанных крестьян Московской губ.*

На приеме Александр II заявил, что он дал им свободу, но свободу законную, а не своеволие, и поэтому требует повиновения властям и точного исполнения установленных повинностей. Чтобы там, где уставные грамоты не составлены, они были составлены к назначенному сроку и после их составления, т. е. после 19 февраля 1863 г., не ожидали никакой воли и никаких новых льгот (см. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1903, стр. 407).

[3] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, л. 14.*

[4] *Мозырский уездный предводитель дворянства в указанном отзыве сообщает:* Явное неповиновение крестьян, ежедневно увеличивающееся и быстро проникающее из одного имения в другое, принимает громадные размеры и угрожает общим восстанием, ибо переставшие работать крестьяне немедленно отправляют на подводах нарочных и передают свои действия и намерения соседним крестьянам, а те последовательно передают дальше и дальше (*там же, л. 11*).

[5] *См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 320, оп. 2, д. 396.*

228

1863 г. марта 8.— Донесение и. д. минского губернатора А. Л. Кажевникова В. И. Назимову о распространении в губернии антиправительственных воззваний и необходимости гибкой политики по отношению к крестьянам

При донесении от 28 февраля [1] я имел честь представить в. вп. возмутительные сочинения польских революционеров: 1) «Мужицкая правда», 2) Манифест провинциального временного управления Литвы и Белоруссии и 3) воззвание поляков к православному духовенству Западного края.

Первое из них, написанное, по-видимому, лицом духовного звания на белорусском наречии, имеет задачу поколебать православие в совести народной, оно называется схизмою, казенною верою, в которую обращен будто бы народ насильно при подкупе уни[а]тских священников, что, таким образом, люди, перешедшие в православие, «живут без веры и умрут без нее». Народ приглашается к возврату в унию и обещается скорое прибытие уни[а]тских священников от папы римского [2]. Манифестом Временного провинциального управления Литвы и Белоруссии обещается крестьянам отдача ныне находящихся в пользовании их земель, как помещичьих, так и казенных, в вотчинное владение без всякой с их стороны уплаты; они наделяются правами польской шляхты с тем, чтобы охраняли польский край наравне с шляхтою. Отставным солдатам и батракам, которые пойдут против москалей, обещается тоже не менее 3 моргов земли. Помещики имеют получить вознаграждение за земли из народных касс, а кто окажет ослушание против этого манифеста, будет наказан по польским военным законам [3]. В отзыве к православному духовенству оно приглашается забыть прежние неправды поляков в отношении православия, обещается свободное исповедание этой веры, уравнение прав духовенства православного с католическим, детям их обещаются права польского шляхетства; поставляется на вид, что русское правительство плохо вознаграждает их усердие, дети их исключены из общества людей и сами они употребляются как орудие для порабощения и угнетения польского народа. Духовенство приглашается употребить свое влияние на народ, чтобы подвинуть его на содействие мятежникам к освобождению Польши от ига московского. Если при их содействии победят поляки, духовенство будет пользоваться всеми обещанными правами, а тех из них, которые окажут ныне сопротивление, ожидает страшный конец.

Все эти воззвания и, кроме того, идеи, изложенные в книжке под названием «Предсмертный разговор пустынника Петра» (экземпляр которой представлен в. вп. при донесении) [4], а также тайные наущения как самих помещиков, так их детей, преимущественно студентов университетов и учеников гимназий, равно шляхты польской, состоящей на службе в дворовых управлениях, о помощи, ожидаемой в скором времени со стороны Франции и Англии, ополчившихся на Россию для освобождения поляков, не могли не произвести впечатления на неразвитых крестьян и во многих местах совершенно сбили с толку здравый смысл их.

Таким образом, крестьяне, с одной стороны, возбужденные разными возмутительными воззваниями, а с другой, нетерпением освободиться от

прежнего помещичьего ига, тяготеющего над ними и теперь, высоко определенными по уставным грамотам издельною повинностью и самим оброком, исчисленными по бывшим инвентарям, начали со дня 19 февраля, своего народного праздника, отказываться от исполнения возложенных на них за земли повинностей, не обнаруживая, впрочем, никакого насилия или самоуправия [5].

Обстоятельство это послужило для многих помещиков, озлобленных вообще утратою прежнего крепостного права, поводом к развитию мысли воспользоваться настоящим случаем и в отомщение навлечь на крестьян за их к ним нерасположение строжайшую ответственность, представить их уклонение в виде дерзкого неповиновения, угрожающего опасными последствиями, со своей же стороны не принимая никаких мер к объяснению крестьянам их заблуждения для того, чтобы поставить в необходимость само правительство действовать усиленно с помощью войск против ослушающихся и потом показать крестьянам, что не от них происходили все эти преследования.

Это заключение оправдывается тем, что в течение всего времени распространения между сельским населением возмутительных прокламаций, что продолжалось более года и было повсеместно, ни один из помещиков и даже посредников не озаботился предупредить о том начальство, когда же могли что-либо упрекнуть крестьянам, то воспользовались тем с неимоверною настойчивостью и одновременно отовсюду телеграфическими депешами и повторительными эстафетами друг перед другом усиливались представить в ярких красках картину общего бедствия.

Получив эти сведения, я старался узнать существо дела и источник нареканий помещиков, и по внимательному расследованию оказалось: тайные козни революционной пропаганды не могли остаться тайной для православных жителей здешнего края, и между последними нашлись люди, которые решились противодействовать замыслам поляков. Зная дух народа, его преданность государю императору и ненависть к польской шляхте и ее владычеству, от которого он тяжко страдает так долго, и вместе с тем сознавая, что при невежестве и безграмотности этот народ не умеет и не смеет выразить своих истинных чувств и что единственными истолкователями его мыслей могут быть только священники, потому что народ этот лишился своих представителей в дворянстве, бывшем ему соплеменным, но обратившемся в католиков-поляков; желая ободрить его к выражению свободной мысли, составили и напечатали образчик речи для духовенства, какая могла быть сказана по поводу торжества 19 февраля с. г.

Представляя 1 экз. этого печатного листка [6], считаю долгом пояснить, что я не встречал в образчике этой речи ничего противного законам благочиния и нахожу только неуместным примечание, чтобы речь эта оставалась в глубочайшей тайне, потому что священник по званию своему и обязанности должен направлять помышления своей паствы на путь истины и законности для собственного их блага, а что может быть законнее и праведнее, как наставление паствы к любви и преданности царю, даровавшему крестьянам права человеческие и желающему обеспечить будущность их и потомства от произвола иноплеменных владык. Такие речи не должны быть тайны. Кто написал и разослал эти листки, мне положительно неизвестно, но кажется, что они высланы из редакции «Вестника Юго-Западной России» [7].

При настоящем политическом настроении умов здешнего края я признаю невозможным обвинять духовенство в возводимом на него намерении возмутить крестьян против помещиков, если оно придерживалось мыслей речи, не позволяя себе других прибавлений, и вместе с тем не нахожу уместным прибегать к мерам, крайне строгим в отношении крестьян, которые с 19 февраля прекратили работы в пользу помещиков, потому что эти бедные люди, колеблемые в своих мыслях манифестами польских демократов, могли легко спутаться в понятиях об обязанностях в отношении к землевладельцам и им трудно различить в них две разные личности — помещика и поляка. Но чтобы предотвратить вредные последствия пропаганды польских демократов, сделано мною распоряжение о восстановлении правильных отношений крестьян к землевладельцам и копию с циркуляра по сему предмету имею честь представить на благоусмотрение в. вп.[8]

Давая эти наставления земским полициям, я руководствовался тем убеждением, что ныне отношения крестьян к помещику следует считать такими, как отношения вольного арендатора к землевладельцу, и наказывать крестьян полицейскими мерами собственно только за ослушание властям, а не за неисполнение повинностей по грамоте, так как грамоту следует считать контрактом и взыскание за неисполнение его должно определяться в гражданском порядке по суду мирового посредника. Прибегать к строгим мерам и особенно телесным наказаниям я признаю в настоящее время очень неудобным и даже опасным еще потому, что в жалобах помещиков на крестьян просвечивается неудовольствие за противодействие, которое они встречают в них при своих политических замыслах. Жестокое обращение правительства с крестьянами очень желательно для их целей, но, сделав крестьян недовольными, правительство лишилось бы той поддержки, какою ныне пользуется при преследовании мятежников.

Из доставленных мне сведений о неисполнении крестьянами грамот оказывается еще, что сопротивление их выразилось большею частью в имениях тех помещиков, которые при прежних условиях наиболее их угнетали.

В настоящее время в 7 уездах вверенной мне губернии порядок и спокойствие водворены совершенно и тем утешительнее, что нигде не было употреблено строгих мер, но крестьяне возвращены к порядку единственно убеждениями и ясными объяснениями законоположений и обязанностей каждого, в 2 же остальных уездах, Речицком и Мозырском, я надеюсь также успеха водворением повиновения в самом непродолжительном времени.

В отвращение на будущее время дальнейшего ропота крестьян на слишком тяжкие для них повинности необходимо ускорить начатием действий поверочных комиссий, тогда крестьяне, убедясь на деле, что есть им защита против утеснений, кротко ожидать будут конца определенной поверки, но комиссии эти тогда только принесут всю ожидаемую от них пользу, если будут руководимы опытными и знающими это дело председателями.

И. д. гражданского губернатора Кажевников

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, лл. 1—6, 8. Подлинник

[1] *Указанное донесение не обнаружено.*

[2] *Излагается содержание 6-го номера «Мужицкой правды». См. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии», стр. 132.*

[3] *Манифест Временного провинциального управления Литвы и Белоруссии от 1 февраля 1863 г. см. док. 3.*

[4] *Какое донесение имел в виду автор, неизвестно, при данном донесении указанного сочинения нет, в документе же против данных слов помета* в деле Марцинкевича.

[5] *Губернатор явно приукрашивал факты, далеко не везде отказ крестьян от исполнения повинностей в пользу помещиков происходил мирно. Так, в им. Кореличах Новогрудского у. крестьяне 19 февраля не только отказались от исполнения барщины, оброков и всех повинностей господскому двору, но схватили арендатора имения и двух экономов и* таскали их за волосы по местечку и колотили палками. *Остальные служащие имения и их семьи вынуждены были спасаться бегством. Никакие увещевания местных властей не возымели действия, и только с помощью военной силы удалось привести крестьян к повиновению. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1528.*

В им. Королин Мозырского у. крестьяне напали на почтовую станцию, схватили ямщика, привезшего уставную грамоту, и вместе с волостным старшиной и писарем, уговаривавшими крестьян принять грамоту, погнали пешком в г. Мозырь. *См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 320, оп. 2, д. 396, л. 29.*

О далеко не мирных отношениях крестьян с помещиками говорится и в донесении мозырского уездного предводителя дворянства губернскому предводителю дворянства от 29 марта 1863 г. Он сообщал, что крестьяне им. Турова помещицы Комаровой и Старжинской, явясь в господский двор толпою более ста человек, отбили двери, вышибли окошко в комнате, и там забрав с-под замка деньги, а потом в другой комнате из бочонка выпив несколько ведер водки, намерены были разобрать и сжечь помещичий дом, поверенному же сих помещиц на объявленное требование взноса оброка отозвались, чтобы молчал, а в противном случае будет закован в железо. Подобно сему случилось в им. Лельчицком помещика Зенкевича, где крестьяне, не желая уплачивать оброка, требовали от поверенного Якубовича выдачи им квитанций в уплате оброка, стращая, что они заставят его к подписанию или же в противном случае свяжут и представят под предлогом бунтовщика противу правительства *(там же, л. 34 и об.).*

[6] *См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, л. 14.*

[7] *«Вестник Юго-Западной России» — ежемесячный политический и историко-литературный журнал дворянско-монархического направления. С июня 1862 г. выходил в г. Киеве под редакцией К. Говорского. С сентября 1864 г. по решению М. Н. Муравьева журнал, переименованный в «Вестник Западной России», стал издаваться в Вильно. В 1871 г. издание прекратилось. На страницах журнала проповедовались идеи, что Белоруссия является культурной и политической частью России и белорусы не должны рассматриваться как самостоятельная нация.*

[8] *Имеется в виду циркулярное предписание минского губернатора земским полициям от 26 февраля 1863 г., в котором излагается порядок действия местной полиции в случаях неповиновения крестьян.*

Не желая восстанавливать крестьян против правительства, рекомендуется приведение крестьян к должному порядку проводить по возможности путем уговоров у увещеваний, действуя через мировых посредников и сельское управление. В предписании указывается, что поспешное употребление против виновных строгих карательных мер не согласно с видами правительства. Военные команды должны быть вводимы в селения, где возникли беспорядки, только тогда, когда истощены все мирные средства к прекращению беспорядков *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 98, л. 7).*

229

1863 г. марта 20.— Донесение А. Л. Кажевникова В. И. Назимову об агитации несвижского мещанина И. Соколовского среди крестьян Слуцкого у. за восстание против правительства

Секретно

Военный начальник Слуцкого у. полковник Астахов довел до сведения моего, что десятским дер. Василенок Бураком с временнообязанными крестьянами доставлен к нему несвижский мещанин Иван Соколов-

ский за подстрекательство крестьян против правительства и что будто 9 минувшего февраля он, Соколовский, ходил даже по домам, убеждая к явному восстанию с обещанием разных преимуществ и наград.

Произведенное полковником Астаховым первоначальное дознание передано было мною в высочайше учрежденную в гор. Минске по политическим делам комиссию для надлежащего расследования, и из представленного ныне дела оказывается, что Соколовский сознания не сделал, но показаниями спрошенных под присягою церковного старосты Михлая и помощника сельского старосты Красуцкого, а также без присяги трех крестьян, он, Соколовский, уличается в злоумышленном распространении слухов с целью возбудить крестьян к восстанию против правительства, склоняя их к тому разными убеждениями и, наконец, тем, что получат дворянство и землю в потомственное владение.

Признавая затем мещанина Соколовского виновным в злоумышленных поступках против правительства, я полагал бы его, Соколовского, имеющего от роду 44 года, сдать в арестантские роты в Бобруйскую кр., на срок по назначению в. вп.

О чем имею честь представить на начальническое благоусмотрение в. вп., прилагая самое дело с краткою из оного запискою [1].

Гражданский губернатор Кажевников

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 46, л. 1. Подлинник

[1] *Упоминаемых приложений в деле нет, имеется только предписание виленского ген.-губернатора начальнику 3-й пехотной дивизии от 28 марта 1863 г. предать Соколовского военному суду,* принимая во внимание, что к обвинению его имеются надлежащие факты *(там же, лл. 2—3).*

230

1863 г. марта 25.— Донесение А. Л. Кажевникова В. И. Назимову по делу писаря Пархимковской вол. Бобруйского у. К. Малиновского, призывавшего крестьян к восстанию против правительства [1]

Волостной писарь Пархимковской вол. Бобруйского у. дворянин Казимир Малиновский при собрании временнообязанных крестьян читал брошюру возмутительного содержания. Вследствие полученных об этом сведений произведен был у Малиновского обыск, и хотя при обыске Малиновский сделал запирательство в удержании у себя означенной брошюры, а равно и в чтении, но потом оказалась у него эта брошюра под заглавием «Pieredsmiertnyj rozhowor Pustelnika Pietra» [a], и бывшие в то время лица подтвердили, что действительно та самая, которая была им читана.

По доставлении дворянина Малиновского в гор. Минск он подвергнут был допросам в высочайше учрежденной по политическим делам комиссии и показал, что действительно читал крестьянам эту брошюру, приобретенную им будто у разносчика. Из произведенного на месте дополнительного расследования оказалось: спрошенные, в числе 12 человек,

[a] *«Предсмертный разговор пустынника Петра» (белорусск.).*

крестьяне показали, что волостной писарь Малиновский действительно читал им брошюру «Предсмертный разговор Петра-пустынника», что рассказывал им, будто поляки бунтуются и на весну хотят занять границу по старый дуб [a], что склонял их запасаться оружием, косами и топорами, убеждая, что при управлении польского правительства будет им лучше, не будет платежа податей, а только будут брать с дома по 15 коп., и что притом наговаривал их отправиться вместе с ним и отбить провозимый в Бобруйскую кр. порох.

Усматривая затем, что дворянин Малиновский, состоя в должности волостного писаря, в цели возбуждения крестьян к восстанию против правительства читал им возмутительную брошюру и это тем явственнее, что он, Малиновский, подущал крестьян запастись оружием и старался склонить их против правительства разными убеждениями, а затем, признавая его виновным в злонамеренных поступках, я полагал бы вредным оставлять его на прежнем месте жительства в Бобруйском у.

О чем представляя на начальническое благоусмотрение в. вп. и представляя самое дело, имею честь доложить, что Малиновский содержится ныне на гауптвахте в гор. Минске [2] и что впоследствие сделанного мною распоряжения должность волостного писаря Пархимковского общества замещена уже другим лицом, избранным самим обществом.

Гражданский губернатор Кажевников

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 19, лл. 2—3. Подлинник

[1] *За агитацию среди крестьян восстать против правительства привлекались к ответственности также несвижский мещанин И. Соколовский (см. док. 229), новогрудский дворянин Протасевич и писарь Кринского волостного правления Бобруйского у. Ф. Сущинский.*

По донесениям местных властей, Протасевич распространял среди крестьян Новогрудского у. противоправительственные слухи, брошюры и воззвания, склоняя крестьян к восстанию против правительства, обещая за это в награду в вечное владение землю. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 18. Сущинский же постоянно разъезжал по соседним деревням и внушал крестьянам, чтобы они оказывали мятежникам всякое содействие, о появлении их не объявляли начальству и не задерживали; соседних же арендных владельцев просил доставлять мятежникам всякие съестные припасы. *См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1511, лл. 12—13.*

[2] *По распоряжению В. И. Назимова от 2 мая 1863 г. К. Малиновский был предан военно-полевому суду при штабе 3-й пехотной дивизии. Суд, признав Малиновского виновным в чтении крестьянам книги «Предсмертный разговор пустынника Петра», приговорил его, лишив всех прав состояния, сослать на каторжную работу на восемь лет, но по конфирмации М. Н. Муравьева каторжная работа Малиновскому была заменена ссылкой на житье в отдаленные уезды Тобольской губ. под строгий полицейский надзор. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 19, лл. 34—36; ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 48.*

231

1863 г. апреля 13.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о появлении в Новогрудском у. повстанческих отрядов Шалевича и Лашкевича [1]

Военный начальник Новогрудского у. полковник Чертов доносит, что в Новогрудском у. появились две шайки мятежников: первая — в дер. Колпеничах, около 46 человек, которая на подводах проехала чрез

[a] *Так в тексте. По-видимому, следует читать «Стародуб».*

м. Полонечку, Мир и в м. Еремичах переправилась через Неман в Селявскую слободу Ошмянского у., направляясь в Налибоки; главными коноводами этой шайки были: отставной штабс-капитан Шалевич, окончивший курс наук в Академии генерального штаба, и студенты Киевского университета Клюковские[2], Юльян Далькевич, дворянин Иосиф Обухович и землемер Эдмунд Герман. Вторая шайка, в числе до 60 человек, появилась в Сенно помещика Пусловского[a], где присоединился сын его Адам; эта шайка переправилась через Неман в Ошмянский у. в Понемоне, под предводительством новогрудского кс. Лашкевича и Пусловского.

Шайки эти по мере их следования по уезду увеличивались и снабжались оружием, телегами, лошадьми и пр. Против них отправлен был отряд из одной стрелковой роты Староингерманландского пехотного полка при 10 казаках под командою майора Слешинского. Мятежники настигнуты были отрядом 7 апреля в 20 верстах от м. Налибок в лесу, где соединились обе шайки. Инсургенты встретили отряд ружейным залпом и после двухчасовой с обеих сторон перестрелки инсургенты стали отступать к озеру и, наконец, сильно теснимые стрелками, бежали[3], оставив на месте до 60 человек убитыми и 5 пленных[4]; в числе убитых был кс. Лашкевич[5]. После того из числа бежавших поймано 31 человек, в числе коих дворян до 20 человек и между ними штабс-капитан Шалевич[6] и помещик Пусловский[7], к поимке немало способствовали тамошние крестьяне. В отряде ранен 1 казак и 1 лошадь.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 29—30 об. Подлинник

Опубл.: 1863 rok na Mińszczyźnie, str. 19—20.

[1] *На истории создания новогрудского повстанческого отряда довольно подробно останавливается в своих показаниях в Виленской особой следственной комиссии военный начальник Новогрудского у. С. Олендзский (см. док. 36).*

О формировании повстанческих отрядов Шалевича и Лашкевича и битве повстанцев с войсками под Миловидами, а также дальнейшей судьбе отряда см. показания последнего руководителя новогрудского повстанческого отряда В. Миладовского (док. 247).

[2] *В указанном повстанческом отряде находились братья Константин и Лаврентий Клюковские, из которых только один, Лаврентий, был студентом Киевского университета. Третий брат, Феликс Клюковский, тоже бывший студент Киевского университета, находился в отряде Машевского, 21 апреля при дер. Озерцы Игуменского у. в стычке с войсками был ранен, взят в плен и умер от ран в гор. Слуцке. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1562, лл. 28—33.*

[3] *Более подробное описание преследования войсками повстанцев и стычки между ними дано в рапорте начальника отряда стрелков майора Слешинского новогрудскому военному начальнику от 9 апреля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 329, лл. 8—10) и в донесении минского губернатора В. И. Назимову от 12 апреля 1863 г. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1562, лл. 20—23.*

[4] *В донесении В. И. Назимову 12 апреля 1863 г. минский губернатор сообщал, что среди взятых в плен повстанцев было дворян — 19, однодворцев — 1, мещан — 1, крестьян — 15. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1562, л. 22 и об. Список пленных повстанцев см. там же, л. 16 и об.*

[5] *Донесение о смерти Лашкевича ошибочно, он не был убит в сражении и участвовал в отряде Миладовского. См. док. 247.*

[6] *Дело о взятии в плен и предании военно-полевому суду К. Шалевича см. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1562.*

[7] *Дело о предании военно-полевому суду и расстреле А. Пусловского см. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1565; ф. 296, оп. 1, д. 296.*

---

[a] *В документе здесь и далее ошибочно* Пословский.

232

1863 г. апреля 16(28).— Предписание повстанческого комиссара Минского воеводства помощнику в Слуцком повете о действиях в соответствии с административным уставом Национального правительства

Komisarz rządowy województwa mińskiego
Do pana Pomocnika swego w powiecie słuckim

1. Jako mający pełnić w powiecie mniej więcej funkcję, jaką pełnię w województwie, artykuły 30, 31, 35, 36, oraz 6 dodatku do regulaminu [1] tak się do Ciebie, panie Pomocniku, względem władz powiatu słuckiego odnosić mają, jak się do mnie względem wszystkich władz w województwie stosują. Znaż tedy winieneś, panie Pomocniku, i osoby wchodzące w skład władzy cywilnej powiatu, a w ślad za wybuchem naczelnik powiatowy cywilny wskaće Ci i naczelnika powiatowego wojskowego.

2. Dla wypełnienia tego, co powyżej pomienione artykuły zawierają, doskonalej obeznanym być winieneś, panie Pomocniku, z artykułami zawartymi w dziale II regulaminu pod tytułem «Zarząd Powiatowy», oraz z dodatkiem do regulaminu.

3. W razie niezgodnych z artykułami regulaminu czynności władz cywilnych i wojskowych w powiecie, oraz w razie wypadków określonych artykułami 32 i 33, jako też jeśliby była potrzeba użycia przeze mnie praw zostawionych mnie artykułami 37 i 38, masz się, panie Pomocniku, bezzwłocznie ze mną skomunikować drogą, jaka Ci niżej wskazana będzie.

4. Nadzór nad niezbędnym wypełnieniem jak przez naczelników wojskowych, tak i przez władzę powiatową określonego 14 artykułu dodatku do regulaminu wkładam na Ciebie, panie Pomocniku.

5. W imieniu moim możesz w każdym razie, panie Pomocniku, zażądać okazania sobie wszelkich akt urzędowych powiatu na mocy służącego mnie artykułu 39 regulaminu.

6. O stanie powiatu tak pod względem cywilnym, jak i wojskowym czekam od Ciebie, panie Pomocniku, tygodniowych raportów, które przesyłać będziesz na ręce naczelnika powiatowego cywilnego, który znowu właściwą drogą zawiadomionym będzie, w jaki sposób te raporta do mnie dochodzić mają. Przez nie mam nadzieję najdokładniej być oznajomionym, jak z postępem i rozwojem czynności władz powiatowych cywilnych i wojskowych, tak i z nieporządkami, któreby pochodzić mogły z powodu zaniedbałości w służbie tych to władz obu. (Raportów tygodniowych wymagam koniecznie, jak ode mnie artykułem 40 wymaga ich wydział z[arządzający] p[rowincjami] L[itwy] i B[iałej] R[usi]).

7. Kopię regulaminu powstańczego i artykułów w dopełnienie jego podanych przez w[ydział] z[arządzający] p[rowincjami] L[itwy] i B[iałej] R[usi] posyłam [2].

Komisarz rządowy województwa mińskiego

1863 16(28) kwietnia

W braku własnej mej pieczęci niniejsza świadczy o rzeczywistości podpisu Komisarza rządowego województwa mińskiego.

Печать начальника Минского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 90, л. 7. Подлинник

ПЕРЕВОД

Правительственный комиссар Минского воеводства
Своему помощнику в Слуцком повете

1. Поскольку ты, пан помощник, должен будешь выполнять в повете приблизительно те функции, которые я выполняю в воеводстве, то ст. 30, 31, 35, 36 устава и 6 ст. приложения к уставу[1] должны применяться к твоим отношениям с властями Слуцкого повета так, как они применяются к отношениям моим со всеми властями воеводства.

Поэтому, пан помощник, ты должен знать лиц, входящих в состав гражданской власти повета, а когда начнется восстание, поветовый гражданский начальник назовет тебе и военного поветового начальника.

2. Для выполнения того, что содержат названные статьи, ты, пан помощник, должен хорошо ознакомиться со статьями, заключающимися во втором разделе устава, под заголовком «Поветовое управление», а также с приложением к уставу.

3. В случае действий гражданских и военных властей повета, противоречащих статьям Устава, а также в случаях, предусмотренных ст. 32 и 33, равным образом если бы возникла необходимость применения мною полномочий, предоставленных мне ст. 37 и 38, ты, пан помощник, должен незамедлительно связаться со мной таким путем, который будет тебе указан ниже.

4. Наблюдение за безусловным выполнением как военными начальниками, так и поветовой властью 14 ст. приложения к уставу возлагаю на тебя, пан помощник.

5. От моего имени ты, пан помощник, всегда имеешь право потребовать на основании полномочий, которыми я располагаю в силу ст. 39 устава, предъявления тебе документов поветовых властей.

6. Я ожидаю от тебя, пан помощник, еженедельных донесений о военных и гражданских делах повета. Донесения эти ты будешь пересылать через гражданского поветового начальника, который в свою очередь, будет извещен, каким путем эти донесения должны будут переправляться ко мне. Из этих донесений я рассчитываю быть подробнейшим образом осведомленным как об успехах в развитии деятельности гражданских и военных поветовых властей, так и о неполадках, которые могли бы происходить от нерадения в службе обеих этих властей (еженедельные рапорты я категорически требую представлять так же, как от меня их требует на основании ст. 40 Отдел у[правления] п[ровинциями] Л[итвы] и Б[ело]р[уссии]).

7. Копию повстанческого устава, дополняющих его статей, включенных О[тделом] у[правления] п[ровинциями] Л[итвы] и Б[ело]р[уссии], посылаю[2].

Правительственный комиссар Минского воеводства 16(28) апреля 1863 г.

Ввиду отсутствия у меня своей печати, настоящая печать свидетельствует о достоверности подписи правительственного комиссара Минского воеводства.

[1] *В ЦГИА Лит. ССР (ф. 1248, оп. 1, д. 55, лл. 43—48) имеется рукописный экземпляр изданного Отделом, управляющим провинциями Литвы, «Устава гражданских административных властей» («Regulamin władz administracyjnych cywilnych»), документ не датирован. Устав состоит из четырех разделов: 1) «Гражданское управление воеводства»; 2) «Поветовое управление»; 3) «Городское управление»; 4) «О правительственных комиссарах». В состав последнего раздела входят статьи 30—42.*

[2] *Упомянутого приложения в деле нет.*

233

1863 г. апреля 21.— Предписание начальника Минского воеводства гражданским управлениям и военным референтам о проведении в жизнь декрета Национального правительства о наделении крестьян землей, заготовке продовольствия, обмундирования и сборе налога на нужды восстания

Naczelnik województwa mińskiego, wskutek postanowienia zarządu prowin[cji] Litwy pismem swym z dnia 18 kwietnia roku bieżącego [1] najsurowiej zaleca do natychmiastowego spełnienia.

1. By urzędy cywilne czuwały najbardziej nad tym, aby w myśl dekretu z dnia 22 stycznia i instrukcji dodatkowej z dnia 9 marca [2] uwłaszczenie w całej rozciągłości w wykonanie wprowadzone było i akta o uwłaszczeniu przesyłali do właściwej zwierzchności.

2. Referenci wojskowi polecą wszystkim obywatelom w powiecie:

a) iżby wszędzie w stosunku do zamożności obywateli przygotowane zostały zapasy sucharów, mąki, krup, grochu, słoniny i tym podobnych żymności, aby w razie nadejścya w okolicy wojsk Narodowych, zapasy te na pierwsze wezwanie naczelnika oddziału dostawione według rozkazu być mogły.

b) iżby w każdej okolicy w stosunku do zamożności obywateli, przez tychże przygotowano i w jedne miejsce dostawiono na zapas zostało jak w najkrótszym czasie, jak największa ilość butów, koszul, skarpetek, gatek, majtek i tym podobne ubrania, aby w tym względzie, w razie potrzeby, żądanie naczelników oddziałów wojskowych natychmiast zaspokojone zostało. Naczelnikowi wojskowemu województwa niniejsze polecenie zakomunikowane zostało.

c) prócz tego poleca się referentowi wojskowemu, by przy raportach tygodniowych składał jak najdokładniejsze wiadomości o sile, ruchach i rozlokowaniu wojska najezdniczego, w powiecie konsystującego, z wymienieniem nazwisk pułkowników i dowódców i te ostatnie wiadomości komunikować naczelnikowi oddziału w powiecie.

3. Referent skarbowy z największą gorliwością będzie egzekwować podatek Ofiary Narodowej stosownie do postanowienia Centr[alnego] Kom[itetu] pod datą 8 kwietnia [3] bieżącego roku. Przy tym dołącza się postanowienie o wprowadzeniu w egzekucję dekretów uwłaszczających i kopię postanowienia o nałożeniu podatków od dochodu pod tytułem Ofiary Narodowej.

1863 r. kwietnia 21 dnia.

Печать начальника Минского воеводства

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 90, л. 10. Подлинник

ПЕРЕВОД

Начальник Минского воеводства в соответствии с постановлением Управления провин[циями] Литвы от 18 апреля с. г. [1] строжайшим образом требует немедленного выполнения следующего:

1. Чтобы гражданские управления самым тщательным образом следили за проведением в жизнь полностью, в соответствии с декретом от 22 января и дополнитель-

ной инструкцией от 9 марта[2], наделения крестьян землей и пересылкой актов о наделении землей в соответствующую инстанцию.

2. Военные референты обяжут всех граждан в повете:

а) чтобы всюду в соответствии со степенью зажиточности граждан были приготовлены запасы сухарей, муки, крупы, гороха, сала и других подобного рода продуктов для того, чтобы в случае появления в этой местности войск национальных запасы эти по первому требованию начальников отрядов могли быть доставлены;

b) чтобы в каждой местности в соответствии со степенью зажиточности граждан ими было заготовлено и доставлено в кратчайший срок в одно место как можно большее количество сапог, рубах, носков, кальсон, штанов и других подобных предметов одежды с тем, чтобы в случае надобности требования начальников военных отрядов могли быть немедленно удовлетворены. О настоящем распоряжении сообщено военному начальнику воеводства;

с) кроме того, вменяется в обязанность военному референту представлять с еженедельными рапортами самые точные сведения о численности, передвижениях и дислокации находящихся в повете войск захватчика, с перечислением фамилий полковников и командиров; сведения эти сообщать начальнику отряда в повете.

3. Финансовый референт с величайшим усердием должен взыскивать налог народного пожертвования, согласно постановлению Центр[ального] ком[итета] от 8 апреля с. г.[3]

При сем прилагается постановление о проведении в жизнь декрета о наделении крестьян землей и копия постановления об обложении подоходным налогом, называемым народным пожертвованием.

21 апреля 1863 г.

[1] Документ не обнаружен.

[2] *Типографский экземпляр постановления Временного национального правительства от 9 марта 1863 г. о приведении в исполнение декрета от 22 января о наделении крестьян землей см. там ж, л. 11.*

[3] *Заверенная печатью начальника Игуменского повета рукописная копия инструкции Временного национального правительства от 8 апреля 1863 г. о проведении разверстки национального налога («Ofiara Narodowa») см. там же, л. 9.*

234

1863 г. апреля 26.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о действиях повстанческих отрядов в Минской губ. и недостатке войск

Секретно

После донесения моего, отправленного 22 апреля за № 74[1], получены следующие сведения:

Мятежнические шайки по Минской губ. день от дня усиливаются. В Слуцком у. образовались 4 партии числом до 500 человек, одна из них под предводительством мирового посредника Вендорфа. Посланный противу одной шайки подполковник Дрогопуло 21 апреля разбил их при дер. Озеричи[a]. Ранено и убито 14, в плен взято 24, с нашей стороны убит 1 казак и ранен горнист[2]. Вышедшие из Минска и уезда его, а также уездов Борисовского и Игуменского концентрируются в Игу-

[a] *В других документах* — при дер. Озерцы *или* Озерицы.

менском у.; противу их действует войсковой старшина Титов с ротою пехоты и 60 казаками. Мятежники нападают на крестьян и православных священников [3]; того же числа мятежники Игуменского у. в дер. Новоселках убили 3 и ранили 8 крестьян [4]. Шайки состоят из помещиков, мелкой шляхты, чиновников, гимназистов, дворовой челяди и других разночинцев. Крестьяне везде оказывают к мятежникам ненависть; для защиты м. Тимкович Слуцкого у. они собрались до 1000 человек, захватив у тамошнего ксендза 7 человек инсургентов [5]. Из числа гимназистов и ремесленников, вышедших из Минска, некоторые, отставшие от своих партий, взяты и доставлены в город; захваченный из шайки в Борисовском у. сын помещика Густав Валицкий показал, что шайкою, в которой он был, командует офицер русских войск; начальник этот, отпустив его как болезненного чахоткой, дал ему свою форменную шапку, на шапке пуговицы с гренадою и черный околышек — должно полагать, принадлежность одного из четырех полков дивизий Гренадерского корпуса [5].

Притом оказывается недостаток в войске; по случаю появляющихся всюду мятежников преследовать их всех некем, да и самый гор. Минск, где находится батарея артиллерии, оставить без прикрытия неудобно; а между тем начальник резервной дивизии еще требует по телеграфу отправить из Борисова квартирующий там резервный батальон в Могилевскую губ., где показались значительные шайки; требование это не могло быть исполнено потому, что и Борисовский у. наполнен мятежниками, которых преследует этот батальон [6].

Все это мятежникам очень хорошо известно, во всех присутственных местах и канцеляриях они имеют своих агентов между служащими, которые большею частью поляки, а главное, неудобством при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городская и земская без малого изъятия состоит из католиков, впрочем, и некоторые туземные православные (бывшие униаты) не лучше их, особенно у которых жены католички,— тому служит доказательством то, что нашлись между ними охотники присоединиться к повстанцам.

Телеграфное и почтовое сообщение было прервано, и хотя теперь восстановлено, но немудрено, что мятежники снова снимут со станций лошадей и повредят телеграфу.

Полковник Рейхарт

Помета В. А. Долгорукова. Д[оложено] е. в. 1 мая.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 43—46 об. Подлинник

Опубл.: 1863 rok na Mińszczyźnie, str. 25—26.

[1] *В указанном донесении Б. К. Рейхартом сообщалось следующее:* В Минской губ. мятеж начинает усиливаться; с девятнадцатого на двадцатое сего апреля из гор. Минска вышло поодиночке значительное число молодых людей, чиновников, ремесленников и гимназистов, между последними еще дети; в разных направлениях около города соединились в партии, заходили в помещичьи дворы, забирали съестные припасы и лошадей, а на почтовых станциях: Прилукской по Варшавскому тракту, 16 верст от Минска, и Юхновской по Борисовскому тракту, тоже 16 верст от города, взяли с каждой до 20 лошадей с повозками и ямщиками. Кроме того, имеются сведения, что в уездах Игуменском, Борисовском, Слуцком и Новогрудском собираются шайки мятежников и направляются частию в леса Налибокские на границе Новогрудского у. с Ошмянским, частию собираются в лесах Игуменского у... лесистое и гористое местоположение вышеназванных уездов много способствует к малой войне, и для отыскивания шаек требуется немало войск *(там же, лл. 38—41).*

На подготовке восстания, формировании и действии повстанческих отрядов довольно подробно останавливается в своих воспоминаниях В. Кощиц. Он сообщает, что до

начала восстания был выработан стратегический план партизанской войны, распределены силы и назначены командиры и офицеры отрядов, утверждены маршруты для каждого отряда. В ночь с 18 на 19 апреля в Минске вышло распоряжение о начале восстания, по которому в четырех разных пунктах в окрестностях Минска должны были сформироваться четыре отряда из жителей города, поодиночке вышедших накануне из Минска. Однако с самого начала вместо четырех отрядов стало формироваться три и разделение сил оказалось иным, чем было предусмотрено в диспозиции. Больше всего, около 300 человек, собралось под Холявщизной под руководством А. Трусова.

Второй отряд должен был сформироваться под предводительством офицеров Минского гарнизона Ф. Ельчанинова и Л. Ремишевского, но здесь людей собралось так мало, что офицеры вынуждены были распустить их по домам.

Где собирался и кто командовал третьим отрядом — Кошиц не знал.

Четвертый отряд под начальством Пилечко, собрался в трех милях от Минска, на ст. Прилуках, имея вместо назначенных 80 всего 18 человек. См. W. Koszczyc. Wspomnienie z powstania województwa Mińskiego w roku 1863.— В кн.: A. Giller. Polska w walce, t. II. Kraków, 1875, str. 207, 210—211.

[2] Повстанческий отряд был сформирован в окрестностях сел. Голынка Слуцкого у. мировым посредником Вендорфом и поступил под начальство отставного артиллерийского офицера Машевского. В тот же день отряд выступил на подводах в направлении Игуменского у. По дороге, в 10 верстах от Синявской станции, повстанцы срубили пять телеграфных столбов и перерезали провода. Утром 21 апреля во время отдыха в лесу при дер. Озерцы Игуменского у. они были настигнуты войсками. Повстанцы оказали сильное сопротивление. Машевский был убит в начале сражения, а его адъютант Феликс Клюковский был смертельно ранен. Оставшись без командира, повстанцы вынуждены были оставить позиции и скрыться в лесу. См. ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 55—62; ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1537; «Минские губернские ведомости» от 17 апреля 1864 г., № 16, стр. 289—292.

[3] Из документов видно, что повстанцы нападали только на тех крестьян и православных священников, которые оказывали содействие правительственным войскам в преследовании повстанцев. См. док. 238, 241.

[4] 21 апреля в им. Новоселки Игуменского у. местные крестьяне пытались задержать прибывший в имение отряд повстанцев; отбиваясь, повстанцы убилы 3 и ранили 8 крестьян. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1541.

[5] Других документов, подтверждающих донесение Б. К. Рейхарта о выступлении жителей м. Тимковичей против повстанцев, не обнаружено.

[6] О формировании и действиях повстанческих отрядов в Борисовском у. см. донесение пристава 2-го стана Ляцкого минскому губернатору от 22 апреля 1863 г.— ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1509, лл. 1, 6.

В донесении сообщалось, что 20 апреля отряд повстанцев численностью до 25 человек появился в им. Нестановичах, где к отряду присоединились отставные и находящиеся в отпуску офицеры, писари волостных управлений, экономы и писари из помещичьих имений и много других лиц. Из Нестанович отряд направился на Метличицы, Дзедзиловичи, Мстиж. Указывается на прохождение еще двух повстанческих отрядов около Смолевич. Ляцкий сообщает, что, по собранным им сведениям, сбор всех отрядов назначен в Игуменском у., в обширных лесах между Пекалином и Драчковым, откуда повстанцы могут действовать на Минск, Игумен, Борисов и пресечь коммуникации по почтовым дорогам.

235

1863 г. апреля 29.— Доклад военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа по делу прапорщика М. Цюндзевицкого

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного при штабе 3-й пехотной дивизии, по полевым уголовным законам о прапорщике 3-й артиллерийской бригады нарезной легкой № 3 батареи Михаиле Цюндзевицком, сужденном за политическое преступление, оказалось:

В прошлом феврале месяце, когда в Минской губ. в некоторых уездах спокойствие нарушено было политическими смутами и вследствие

того вызвано было военное положение в городах Пинске, Слуцке, Новогрудке и Мозыре, означенный офицер, находясь в этой губернии в четырехмесячном отпуску и даже просрочив оный под предлогом болезни, разъезжал в Борисовском у. из одного имения в другое в дубленом тулупе и меховой шапке с целью, как обличают обстоятельства дела, волновать простой народ и склонять к мятежу.

Сколько он успел в этом предприятии и где именно действовал во вред правительству, по делу не обнаружено и сам он, прикрываясь глубокою преданностью престолу, тщательно обделал [а] свои ответы в суде, но факт обвинения, по которому он был арестован, и другие данные, служащие доказательством принадлежности его к враждебной партии, остались юридически неизменными, именно: 6 февраля Цюндзевицкий, остановясь в корчме при дер. Камень [б], где тогда находились крестьяне по случаю празднования крестин, он начал свое дело тем, что сперва приказал корчмарке подать одному крестьянину водки на угощение товарищей, а потом стал им читать какую-то брошюру, и как они не поняли содержания оной, то он обратился к ним со словами: «Мужик Ясько из-под Вильны * поднимает мятеж за Польшу» — и, сказав, что поедет своих мужиков наговаривать к мятежу, продолжал: «Свобода вам дана помещиками, а не царем; полно этому царю владеть нашей землей, нужно за нее грудью стать, теперь и нам и вам плохо, построили канцелярии, вам плата великая; надобно о себе подумать и помните, чтобы вы были готовы на войну. Теперь не бойтесь ничего, будьте послушны нам, и мы вам подарим земли. Что для нас значит в Борисове одна рота солдат? Мы их шапками забросаем, и дураки в том, что дали рекрута. Косы нужно приготовить, обострив на обе стороны».

Когда один из крестьян отозвался, что они не хотят идти против царя, то Цюндзевицкий возразил: «Дураки, когда мы выгоним его, то вам будет лучше, вы будете такие, как и мы; земля будет ваша... Меня, может быть, схватят, а когда не схватят, то за неделю к вам опять буду, через 2 недели узнаете из Вилейки, что будет, там Ясько из-под Вильны старается об этом деле». На вопрос того же крестьянина: «С чем идти в мятеж, когда забраны ружья?»,— он ответил: «Вам ружей будет достаточно, в Минск привезут ружья, за Березу реку нам трудно забраться, а то все будет хорошо».

Затем, убеждая крестьян к мятежу, говорил, что русские солдаты, возвратясь после двадцатипятилетней службы домой, не имеют приюта, а кто из вас пойдет в польские жолнеры, тому и его потомству дано будет всякое средство к жизни и не будете по миру скитаться, как теперь делают солдаты **.

Когда такие слова поразили крестьян и они намеревались было задержать Цюндзевицкого и представить к начальству, то он отозвался: «Попробуйте взять, я не только вам, но исправнику или какому-нибудь чиновнику запалю в грудь».

---

* По[д] сим именем подразумевается лицо, сочиняющее возмутительные статьи, а в числе их и брошюру под названием «Мужицкая правда».

** Разговор этот подделан под текст возмутительной брошюры «Мужицкая правда», из чего и следует заключить, что Цюндзевицкий принадлежит к партии мятежников.

[а] *Так в тексте.*

[б] *В тексте ошибочно* Камины.

Об этих действиях сотский тогда же донес по начальству, и вследствие этого Цюндзевицкий был арестован, с доставлением в гор. Минск.

На допросе в следственной комиссии [1] Цюндзевицкий сам высказался некоторым образом в духе возмутительном, показывая, что на вопрос крестьян,— правда ли, что теперь война, что государь хочет отдать им помещичью землю безвозмездно, а помещики на это не согласны и начали драться, он отвечал: «Государь земли не отдаст им, потому что земля принадлежит помещикам, а если бы хотел им отдать, то сосед их великий князь первый отдал бы свою землю крестьянам». На другой вопрос крестьян: «Отчего теперь война в Царстве Польском»,— отвечал, что война ведется по тем же причинам, как и в 1831 г.

В военном же суде, где предложены были вопросы Цюндзевицкому вдруг в 13 пунктах, из которых легко уже можно было видеть существо всего дела, он хотя не изменил первоначальных своих ответов о разговоре с крестьянами, но старался отвлеченностями и изворотами придать этому разговору иное значение *.

За всем тем 4 крестьянина, в том числе и сотский, представивший о действиях Цюндзевицкого донесение начальству, под присягой подтвердили все те возмутительные слова, с которыми он обращался к ним, и на этом положительно утвердились при очной с ним ставке [2].

Кроме сего, доказательством принадлежности Цюндзевицкого к революционной партии могут служить найденные у него фотографические карточки с его портретом, где он изображен сидящим на кресле, на котором вверху поставлена корона, а под нею соединенные гербы Царства Польского и Княжества Литовского.

Об этом Цюндзевицкий показал, что в фотографической комнате был единственный стул, на который он сел, не подозревая вовсе эмблематических изображений, а увидел их после. Однако же объяснение это в оправдание принято быть не может, потому что изысканная им поза, которая открывала эмблему с правой стороны головы, обличает в нем не только знание о существовании той эмблемы, но и намерение изобразить себя под короною Литвы и Польши как представителя идеи о восстановлении национальности **.

По послужному списку Цюндзевицкий показан 23 лет от роду, из дворян Минской губ., римско-католического исповедания, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, выпущен прапорщиком в 3-ю полевую артиллерийскую бригаду и прикомандирован к штабу 3-го армейского корпуса для приготовления в Николаевскую академию генерального штаба 10 мая 1862 г.; прикомандирован к означенной академии 4 августа того же года, а чрез 2 месяца уволен в четырехмесячный отпуск, с отчислением от упомянутой академии в 8-ю артиллерийскую бригаду, в нарезную легкую № 3 батарею. В послужном списке имения за ним не показано, сам же Цюндзевицкий объяснился, что имеет в Борисов-

* Цюндзевицкий показывал, что поставленные свидетели-крестьяне во время разговора с ним в корчме были пьяными, а потому превратно истолковали его разговор; в этом он сослался на свидетельство кучера своего Семена Чирва (православного испове[дания]), который, однако же, показал, что в корчме было несколько крестьян, из коих одни были пьяны, другие трезвы, и что он, Чирва, разговора Цюндзевицкого не мог слышать, находясь при лошадях на дворе.

** Портрет этот снят в фотографии Прушинского, который уже арестован, и производится о нем следствие.

ском у. нераздельное с братьями и сестрами им. Вильяново, с фольварком и деревнями, ценою в 50 000 руб. сер.

Военный суд приговорил: подсудимого Цюндзевицкого за подговор крестьян к бунту против верховной власти на основании ст. 606 кн. 1 военно-уголовного устава казнить смертью — расстрелянием.

В ст. 606 кн. 1 военно-уголовного устава сказано: «Склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армиею занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения, наказывается смертью».

Обер-аудитор Емельянов

Резолюция М. Н. Муравьева Согласен с приговором военного суда. Ген.-от-инфантерии Муравьев. 16 мая 1863 г. Вильно [3].

Фотографа Прушинского взять немедленно под стражу и судить военным судом, для улики же препроводить фотографическую его карточку. М. Муравьев.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 8, лл. 171—174. Подлинник

[1] *Протокол допроса М. Цюндзевицкого в Минской следственной комиссии см. там же, лл. 12—13.*

[2] *Показания сотского и крестьян в Минской следственной комиссии по делу М. Цюндзевицкого см. там же, лл. 23—27.*

[3] *М. Цюндзевицкий был расстрелян 21 мая в гор. Минске. Идя на смерть, он проявил исключительное мужество и хладнокровие. К месту казни он шел, куря сигару и с букетом цветов, который ему бросили из толпы провожающих. Узнав об этом, М. Н. Муравьев запросил по телеграфу минского военного губернатора о достоверности этих сведений и предложил наказать лиц, допустивших это. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1799, л. 32; ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1545, лл. 42—46.*

236

1863 г. апреля 30.— Показания студента Московского университета П. Яцкевича А. Л. Кажевникову об уходе с А. Трусовым в повстанческий отряд [1]

1863 г. апреля 30 дня, явясь к г. начальнику губернии, объявляю, что уславливались в квартире Трусова поступить в число мятежников Новицкий, Жуковский, Каминский, а более кто — не помню. В пятницу 19 апреля объявили идти на Тростенец, и отправился с Новицким в тот день туда, и, пройдя три корчмы, присоединились Трусов, Жуковский, Мерло — студент Киевского университета. Пошли под Королищевичи для забрания на станции лошадей, но, увидав солдат, возвратились в лес, после в Белой Луже были [a] и в других местах, где [были] товарищ мой Новицкой, Жевуский, в компании кто был — не помню. Когда присоединились другие две шайки под командою Конопацкого [2], Красовского [3], всего было нас 90 с лишком. Возле Петрович [4] в лесу настигло нас войско, кто был убит или ранен — не знаю, слышал только от лесника, что ранило со стороны нашей троих, я же в битве не участвовал по причине худого ружья. Отде[ли]лись мы от шайки недалеко [от] Петрович: я, Новицкий, Каминский — в понедельник, и, прибыв сегодня в Минск, явился к начальнику губернии принесть раскаяние в своем проступке.

[a] *В тексте* и были.

В продолжение этого времени ожидали военного начальника, которого имя, ни фамилия неизвестны. Я намерен отправиться к родителям в Гродненскую губ., а до того времени обязываюсь находиться в Минске и без дозволения г. губернатора никуда не отлучаться. От роду мне лет 21, все показал по справедливости и за то отвечаю и более ничего не имею добавить.

Студент Московского университета Петр Яцкевич
сын Иосифа

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 690, л. 114. Подлинник

[1] *Отряд А. Трусова образовался путем слияния нескольких молодежных групп и был по социальному составу одним из наиболее демократичных. В нем сражались мелкие чиновники, небольшая группа военнослужащих минского гарнизона, студенты, гимназисты, ремесленники, городская прислуга.*

Так, собравшаяся в Курганах партия, поступившая затем под начало Трусова, состояла в основном из учеников-ремесленников и лиц, находившихся в услужении. См. показания учеников-ремесленников Э. Клемято, А. Дорошевича, М. Ивановского, кучера С. Змачинского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 2, лл. 61—64, 191—193).

Сам А. Трусов был известен в кругах минской молодежи как приверженец идеи революционного демократизма. Повстанец из отряда Трусова, В. Гейштор сообщает, что Трусов носил простонародное платье и о нем говорили, как о человеке, принявшем на себя не только наружную форму крестьянина, но что его цель и пропаганда стремится к достижению равенства в классах народа *(см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 121, лл. 59—69; сб. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии 1861—1862 гг.» М., 1964, стр. 555).*

[2] *Василий Конопацкий, писец Минской палаты гражданского суда, в показаниях в Минском городском полицейском управлении 11 октября 1866 г. сообщает, что группа повстанцев принята была им по приказанию А. Трусова, который, явясь к Конопацкому 19 апреля, вручил* приказ за печатью народового жонда *на должность провожатого и 130 руб. денег и велел принять за Комаровкой отряд повстанцев и вести его в лес к дер. Клиннокам Игуменского у. За Комаровкой им было найдено 16 человек молодых людей, с которыми он направился в Клиннокский лес. Через два дня партия Конопацкого соединилась там с отрядом Трусова, у которого было более 60 человек повстанцев. Сам же Конопацкий остался под командой Трусова рядовым солдатом. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 674, лл. 6—9.*

[3] *Тит Красовский — ученик землемерно-таксаторских классов при Минской гимназии — в своих показаниях полковнику Чурскому 18 июня 1863 г. сообщает следующее:* До выхода партий из Минска 19 апреля с месяц тому назад знакомый Вержбицкий, организовавший для мятежнических партий инсургентов, пригласив меня к участию, поручил собранную им партию из 50 человек принять в мое распоряжение и вывести ее в Волмянские леса и соединиться там с партией Трусова. 19 числа по распоряжению Вержбицкого всем было сообщено, чтобы явиться за три мили от города в лес, к месту, называемому Курганом, куда перед вечером все собрались. Оружие большей частью было вывезено на подводах, а многие вышли вооруженными. Из Волмянских лесов отправились в Белую Лужу, потом в с. Клинноки *(см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 138, л. 16 и об.).*

[4] *28 апреля отряд под начальством А. Трусова был настигнут войсками около дер. Петровичи Игуменского у. В сражении убито около 30 повстанцев, 3 повстанца взято в плен и 3 ранено.*

На следующий день повстанцы вновь были настигнуты войсками у сел. Синело. Солдаты захватили 8 пленных. См. журнал военных действий в Минской губ. с 28 апреля по 3 мая 1863 г. (ЦГВИА СССР, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 66—73) и показания пленных повстанцев И. Пекарского, А. Дражневича, Д. Жуковского и др. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 121).

После этих неудач Трусов увел отряд в Игуменские леса, где соединился с отрядом С. Лясковского.

237

1863 г. июня 25—26.— Показания студента Московского университета Г. Станевича в Минской следственной комиссии о выезде из Москвы в Минск и пребывании в повстанческом отряде С. Лясковского

1863 г. июня 25 дня:

1

Поясните со всею откровенностью и подробно, какое участие вы принимали в мятеже, кто подговаривал вас присоединиться к партии злоумышленников, когда именно, каким образом знали вы о ходе восстания, в какой шайке вы находились и по чьему назначению попали именно в эту шайку, кто был главным ее начальником и из кого состояла, а также чем были вооружены, причем предъявляется вам ст. 170 кн. II т. XV закон[ов] уголовных[а].

— Я, Генрих Александрович Станевич, б. студент Московского университета, прибыв в гор. Минск в конце месяца марта, от этого времени до месяца мая находился я в деревне, откуда приехав 10 мая, я получил приказ, оставленный мне в квартире во время моего отсутствия, выйти из города 20 числа в 6 час. вечера за 10 верст от города по дороге[б], ведущей из Минска в Холявщизну. Прибыв, там я нашел уже человек около 30 мне незнакомых и состоящих[в] из тамошней шляхты. На другой день мы отправились чрез Волму к Пекалино, где опять встретили человек около 30, и мы все с проводником, фамилии которого я не знаю[1], 29 числа сего мая присоединились к партии, начальником которой был Лясковский, как говорят, офицер артиллерийский. Мне было вверено оружие, двустволка, еще 20 дня, больше оружия никакого не имел, остальные же были вооружены большею частью тоже двустволками, некоторые штуцерами, а остальные одностволками, холодного оружия имело очень мало лиц, пистолетов тоже было немного. Из Москвы же я выбыл по приказанию комитета, присланному мне по городской почте. Приказание это состояло в том, чтобы оставить университет и отправиться домой. В партии Лясковского я был более как две недели — от 29 мая по 13 июня, там я считался рядовым. Во время моего там пребывания ни разу мы не выходили из лесу, только в последнее время мы ретировались через поле между Лядами и Игуменом и после только проходили через двор Лочин помещика Оффенберга, во все это время находились в лесах Реваницких и Юрьевицких. Из знакомых, кроме Янишевских двоих, Павлюця, Коркозовича, Шидловского, Згоржельского, Верниковского, Трусова, Горбатовского, Роговского, Сущевича, Мейендорфа, Александра — лакея Янишевских и своего брата Казимира, не имел. Распоряжения все мы получали от начальника; ни в одном сражении не был.

При сем присовокупляю, что Антон Трусов был студентом Московского университета и год тому как его оставил, Иосиф Горбатовский

[а] *В оригинале каждый вопрос скреплен подписями Б. К. Рейхарта, надворного советника фон Брадке и коллежского асессора Понафидина.*

[б] *В тексте* на дороге.

[в] *В тексте* состоящей.

был здесь в семинарии, Роговский Бронислав — помещик Игуменского у., Сущевича и Мейендорфа имен не знаю.

Генрих Станевич

1863 г. июня 26 дня:

1

Вы показали, что вследствие полученного вами по городской почте письменного приказания Центрального комитета вы выехали из Москвы и оставили университет, затем в Минске по возвращении из деревни нашли в квартире вашей записку, в которой вам приказано было 20 мая прибыть на сборный пункт для присоединения к шайке мятежников. Вы, видимо, скрываете истину, так как нельзя допустить, чтобы вы, исполняя приказание комитета, не знали о его существовании, цели его и значении, а потому поясните, где этот комитет находится, из кого состоит, агентов его и исполнителей всех распоряжений, также каким путем рассылаются повеления комитета, манифесты и пр., кем заготовлялось оружие, порох одежда и т. п.?

— Действительно я показал, что я по приказанию Центрального комитета приехал из Москвы и вышел из Минска по его же приказанию. О существовании комитета я знал, где же он существует и кто именно в нем распоряжается — об этом нисколько не могу сказать. Послушался я его потому, что при приказании было мне надменено[a], что неисполнение этого приказания поведет за собою строгое наказание. Кем именно рассылаются эти повеления, я тоже сказать не могу, потому что мне не были присылаемы ни распоряжения, ни манифесты, которые бы могли указать на место пребывания лиц этого комитета и исполнителей оного. Приказания же, присланные мне, нисколько не могли бы указать, откуда именно и кем они были присланы. Кем же заготовлялось оружие и порох, этого тоже указать не могу, одежду же вынес на себе из города.

Генрих Станевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 66, лл. 6—8. Подлинник

[1] *А. Подолецкий в своих показаниях указывает, что Станевич прибыл в отряд С. Лясковского в составе минской партии, которую привел Ян Ванькович («Лелива»). См. док. 238.*

238

1863 г. июля 8.— Показания повстанца А. Подолецкого в Минской следственной комиссии о формировании и действиях повстанческого отряда С. Лясковского [1]

1863 г. июля 8 дня в присутствии комиссии нижепоименованный был спрашиваем и показал:

Александр, незаконнорожденный, Подолецкий, от роду 25 лет, веры православной, на исповеди и у св. причастия ежегодно бываю, неграмотен, под судом и следствием не был, сельский обыватель Игуменского у. Берлежской вол., последние два года состоял на службе лакеем у Бо-

[a] *Так в тексте.*

леслава Свенторжецкого, постоянно жительствовал в имении его Богушевичах.

17 числа апреля Болеслав Свенторжецкий возвратился с границы, куда ездил проводить жену, отправившуюся в Ниццу для поправки здоровья. Один ездил Свенторжецкий, без прислуги, затем о действиях его во время пути я не знаю. Того же 17 апреля собрались в двор Богушевичи до 30 человек, уже вооруженных ружьями, пистолетами и саблями, из них я знал: Гектора Коркозовича [а], который привез с собою трех: лакея Фельку Ахремовича, повара Александра, коего фамилии не знаю, кучера Томаша Василевского, также служившего у Коркозовича гувернером Згоржельского; помещик им. Божьего Дара Иван Массальский привез двоих: писаря Станевича и какого-то Ахремовича; Мельхиор Ванькович с им. Калюжиц прибыл с двумя, коих не знаю; Воротницкий Павел и Иван, арендаторы им. Ольховки помещика Барсука; 4 брата Окуличи: Болеслав [2], Мечислав, Иосиф и Казимир, имеющие им. Гануту; Сипайло, имеющий им. Виновро; Роговский Бронислав, имеющий им. Городище, Александр Келчевский, именовавшийся Твардошинским, с им. Райсполя (он был одет в офицерскую одежду и говорил, что служил в полку), а остальные — мелкая шляхта и дворовые официанты, которых по фамилии не знаю. Со всеми ими помещик Болеслав Свенторжецкий, забрав с собою меня, другого буфетчика Якова Саковича, комиссара Малиновского, землемеров трех, двух братьев Гонсецких, Ольгерда и Генрика, Ивана Новицкого, лакея Малиновского Матвея и кучера своего Казимира Козловского, той же ночи все, разместившись на повозки, отправились в сельское Богушевичское правление, где, найдя сельского писаря Рогальского, несколько крестьян и баб, за отлучкою священника Конопасевича, призвав жену его, помещик Свенторжецкий прочитал польский печатный манифест, объявил, чтобы не платить никаких податей и не давать рекрута и что землю он дарит крестьянам, все же находящиеся в канцелярии книги и бумаги уничтожили.

Оттуда поехали на ст. Ляды, но прежде на обратных лошадях, на которых приехал в Богушевичи Свенторжецкий, были им посланы 4 вооруженных мятежника, а именно: Ольгерд Гонсецкий, Иван Новицкий, Мамерт Норвилло и четвертый, мне не знакомый, для освобождения там арестованного проезжими офицерами нарочно приехавшего для соединения с мятежниками офицера Бронислава Лясковского [б]. Не доезжая 10 верст к Лядам, нашли в лесу ожидавшего Лясковского с теми четырьмя, которые его освободили. Забрав их с собою, прибыли на ст. Ляды. Там нашли убитого офицера, который, как говорил Лясковский, приехал с ним соединиться с мятежниками, но, увидев прибывших на эту станцию приезжих офицеров, полагая, что будет ими задержан, со страха застрелился. Здесь Лясковский объявил себя начальником шайки, приказал прежде рубить телеграфные столбы. Я был поставлен на пикет и кто именно рубил эти столбы, не знаю. Потом были призваны два с той же деревни жителя, кои по приказанию Лясковского вырыли напротив станции около креста яму, в которой похоронили застрелившегося офицера.

[а] *В тексте здесь и далее* Коркозевич.

[б] *Ошибка. Должно быть — Станислава Лясковского.*

Потом, забрав почтовых лошадей и двух ямщиков (из них один скоро бежал, а другой, по имени Юрко, остался в шайке при обозе), поехали по направлению к сел. Речкам. На дороге отбили следующую эстафету и всплошь до Речек на 8 верст порубили телеграфные столбы. В Лядах присоединились тамошний эконом Иосиф Якубовский и шляхтич Ярошинский. С Речек прибыли в им. Погорелое помещика Завиши. Там в сельском управлении, собрав жителей, вводили польское право, т. е. прочитали польский манифест, уничтожили найденные там книги и бумаги [3]. Ночевали в казенном им. Лапичах.

На другой день прибыли в околицу Французскую Греблю. Там нашли шайку с гор. Игумена до 35 человек, которая соединилась с нами, из них я знал: лесного офицера Пейкера, отставного капитана Шидловского, его племянника Ярослава Шидловского, двух канцеляристов Ястржембских, Ивана и Станислава, двух канцеляристов Корбутов, канцеляристов Новицкого, Винчу, Жидовича, Заленского, двух Есьманов, из них одному имя Титус, доктора Свенцицкого с фельдшером Каминским, дворянина Татура, побилетного [а] солдата Чеховича, дворянина Шпилевского, а остальных хотя в лицо знаю, но фамилии не помню [4]. Все они имели свое вооружение.

Отсюда отправились в Сутин, тут разобрали 2 моста [5] и пробыли сутки, расположившись в околицах тамошних шляхт. Сюда назавтра под вечер прибыла шайка с гор. Минска из 18 человек, уже все были вооружены, их привел Юлиан Сущевич [6], из них знаю: трех учеников братьев Янишевских, служившего у Страшинского лакея Александра Стржельского, учеников Кукина, Попова, Левицкого, двух братьев Демидовичей, трех братьев Мейндорфов, а прочих не знаю. Того же дня поздно вечером прибыла шайка из гор. Слуцка под начальством учителя Домбровского, из них знаю: Юлиана Гонсецкого [7], Проневского, Липинского, Тельшевского, Гинтовта, ученика Бруя, аптекаря Боротицкого, остальных не помню. В Сутине присоединились 10 человек из шляхт тамошних, но их никого не знаю.

Тут Лясковский наименовался Собеком и главным начальником шайки, поверил мятежников, которых оказалось 150 человек, поделил на шестки [б] и плутоны [в]. В каждой шестке было 5 рядовых и один шесткарь, а 5 шесток составляли плутон. Образовали 5 или 6 плутонов и особо штаб. Начальниками плутонов были: Сущевич, Роговский, Домбровский, Пейкер, Сипайло и Липинский, посессор с-под Слуцка, а штаб составляли: главный военный начальник Лясковский (Собек), войсковый комиссар Свенторжецкий, кассиром Мельхиор Ванькович, заведывающие провиантом Ольгерд Гонсецкий и Болеслав Окулич, старшим над начальниками плутонов капитан Шидловский, помощник военного начальника Коркозович, а на случай военных совещаний собирались к ним в штаб начальники плутонов [8].

Из Сутина вся шайка отправилась обратно в Ляды, где у этапных солдат отняли 8 ружей и портупей [г] с тесаками, а солдата одного убил ученик из Слуцка Яновский, а кто ранил другого — не знаю. Того же дня напали на шайку войска за 2 версты от Ляд и отбили обоз из 20

[а] *Так в тексте.*
[б] *Szóstka (польск.), шостка (белорусск.) — шестерка.*
[в] *Pluton — взвод, небольшой отряд (польск.).*
[г] *В тексте* притупей.

лошадей, на которых шайка возила провиант, одежду и военные припасы[9]. Денежная сумма осталась в целости, потому что была на руках у Ваньковича, который платил жалованье каждому мятежнику по 30 коп.[10] Также еще был в шайке шпион, разъезжавший по окрестностям и доставлявший сведения, притворяющийся евреем и умеющий говорить по-еврейски, ученик университета Озембловский, имеющий собственный фольварок в околице Оржешковичах.

До 8 мая шайка пробыла в лесах, принадлежащих Слотвинскому и Шевичу. Проходя между селениями Юревичами и Микуличами, произошла стычка с войсками того же 8 мая[11]. Я в оной участвовал вооруженный одноствольным ружьем. По поражении войсками шайки осталось вместе со штабом 70 человек и по тем же лесам ходили. Чрез 3 недели присоединилась шайка из Минска из 70 человек, приведенная Ваньковичем, называвшимся Леливою[12], из шайки этой я знал только академика Станевича и гувернера Саковича.

Не помню которого числа июня шайка была настигнута войсками[13] и после преследования чрез 4 дня совершенно рассеялась. Я с начальниками Лясковским и Свенторжецким разделился и знаю только то, что за Свенторжецким пошли Домбровский, Ивашкевич, Липинский и еще несколько человек, а Лясковский с одним только из Минска высокого росту белокурым молодым человеком бежали около двора Лочина и Погорелого, но куда отправились — не знаю[14]. Я еще чрез 8 дней один шатался по лесу, напоследок вышел в дер. Мощолы, около Пухович, где в корчме взят сельским старшиною, доставлен в Блонь, откуда под военною стражею доставлен в гор. Минск.

После стычки под Юревичами мятежники, посылаемые за припасами, возвратясь, объявили начальнику Лясковскому, что священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать шайку. За это Лясковский, созвав штаб, сделал совет, написал решение, которое вручил Тельшевскому, и вызвал охотников отправиться с Тельшевским, как тогда говорил, для поимки и доставления в шайку священника Конопасевича, на что отправилось до 40 человек охотников, в числе их и я. Прибыв в Богушевичи верхом на лошадях, Тельшевский, Михайловский, Липинский, Стржельский и я окружили священнический дом, увидав священника Конопасевича на крыльце, въехали на двор, а за нами вошли пешие. Тут по приказанию Тельшевского Конопасевич [был] взят, выведен на средину двора, где Тельшевский прочитал решение, чтобы его повесить, и затем приказал это исполнить. Умерщвлением священника занимались исключительно: Михайловский вязал веревку на шею, аптекарь Боротыцкий и Булынко, взлезши на ворота, повесили на таковых священника Конопасевича. Кто был более в числе сих охотников — не помню, но должен их знать Тельшевский, как он был начальником отряда. Я действительно тогда Конопасевичу чинил разные упреки, более подобных преступлений шайкою не учинено.

Что в Минске существует революционный комитет, то об этом слышал я от разговаривающих между собою Лясковского, Свенторжецкого, Корковича, Домбровского, Ваньковича и Тельшевского, но из кого таковой составляется, не знаю, но, наверно, знают те, которые об оном разговаривали.

Однажды, когда недостало в шайке денег, то по совещанию штаба посланы были Липинский и Озембловский в им. Раваничи к помещику

Слотвинскому, откуда того же дня возвратились и привезли до 800 руб. сер.

Не имея ничего более показать, упросил за себя по неграмотству расписаться. За неграмотного Александра Подолецкого по личной просьбе расписался унтер-офицер Скороходов.

Полковник Рейхарг
Надворный советник фон Брадке

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 368, лл. 13—19. Подлинник

[1] *О формировании и действиях повстанческого отряда Лясковского см. также показания Б. Окулича и Я. Саковича, А. Матусевича, С. Чижа (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 368, лл. 7—9 об., 44—45; д. 137. лл. 37—39; оп. 2, д. 707, лл. 9—13 об.).*

[2] *Болеслав Окулич, находясь в отряде С. Лясковского, вел дневник, изъятый у него при аресте. В дневнике имеются записи с 21 апреля по 26 мая 1863 г. о пути следования повстанцев, оказываемом им приеме местными жителями, занятиях повстанцев, стычках с войсками и т. д. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 368, стр. 54—63).*

[3] *Об уничтожении повстанцами документов в Погорельском волостном правлении Игуменского у. см. также рапорт пристава 2-го стана Игуменского у. минскому губернатору от 1 мая 1863 г.— ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1538, л. 3.*

[4] *Находившийся в составе игуменской партии акцизный чиновник Тит Сущинский в своих показаниях Игуменской следственной комиссии 23 октября 1863 г. сообщает, что указанная партия вышла из Игумена 19 апреля. Сам Сущинский был завербован писцом игуменского земского суда Винчо, который предъявил Сущинскому приказ Жонда народового, призывающий молодых людей всех сословий к оружию (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 137, лл. 34—36).*

[5] *В окрестностях Сутина повстанцами были сооружены укрепления. Командир 6-й сотни Донского казачьего 33-го полка Титов в рапорте начальнику 3-й дивизии от 26 апреля 1863 г., сообщая об этом, писал:* с этой стороны Сутина я нашел мост разбросанным и сложено из бревен и мостовой настилки вроде реданта, а на самом берегу речки насыпан вал с целью обстреливания угла реданта и всего довольно глубокого брода; вообще крепкая болотная местность расположением мостовых прикрытий до того усилилась, что взять ее одной пехотой без значительной потери было невозможно *(см. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1578, л. 5).*

[6] *Приведенная Ю. Сущевичем партия состояла в основном из учеников Минской гимназии. Один из ее участников гимназист Ипполит Деревоед в своих показаниях сообщал, что гимназисты выступили из Минска 19 апреля. Сборным пунктом была назначена Лошица, где собралось 26 человек гимназистов,* при которых за старшего был дворянин Сущевич. *Из Лошицы партия направилась на м. Дукору, но, узнав, что в Дукоре находятся войска, партия разбежалась, а когда собрались обратно, то вместо 26 человек оказалось только 18. Партия направилась для соединения с отрядом С. Лясковского, с которым и соединились в Сутине (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 286, лл. 36—37).*

Минские гимназисты принимали самое активное участие в подготовке и проведении восстания. Еще в феврале ученики гимназии приискивали оружие и проводили сборы денег на нужды восстания (см. прим. 2 к док. 223). С началом же восстания в Минской губ. многие ученики старших классов оставили учебу и отправились в повстанческие отряды. В докладе военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа по делу об участии в восстании учеников Минской гимназии отмечается, что между воспитанниками гимназии существовал комитет под управлением ученика 7 класса Сулнстровского для подготовления их к мятежу, вследствие чего многие ученики гимназии вступили в формировавшийся отряд под предводительством канцеляриста минской прокурорской камеры Юлиана Сущевича *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 375, л. 4).*

[7] *В своем показании коменданту Бобруйской кр. 1 мая 1863 г. Ю. Гонсецкий указывает, что ушел к повстанцам 15 апреля вместе с двумя сыновьями управляющего им. Завишино Рызкевича, в лесу около с. Горно присоединились к слуцкой партии под начальством Домбровского. Указывает численность партии, фамилии повстанцев, дальнейшие действия повстанцев в составе отряда С. Лясковского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 490, лл. 7—9).*

[8] *Болеслав Окулич в своем дневнике показывает несколько иную структуру и состав штаба повстанческого отряда. Он указывает, что повстанцы были поделены на*

компании, заключающие по 48 человек, всякая компания составлялась с двух плутонов по 24 человека, плутон же заключал 4 шестки, которого ариергард составлял штаб, т. е. мы, 14 человек, а в том числе и я, Мечислав Малиновский, Гонсецкие, Новицкий и пр. Воротницкий главным начальником назначен начальником штаба *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 368, лл. 54—63).*

[9] 29 апреля в трех верстах от ст. Ляды войска напали на повстанческий лагерь и захватили повстанческий обоз. Во время перестрелки с охраной лагеря было убито три повстанца и один взят в плен. Основные силы повстанцев находились в это время на ст. Ляды, где ими был задержан и разоружен сопровождавший заключенных этап. Заслышав выстрелы со стороны лагеря, повстанцы разбежались (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 66—73).

[10] О плате повстанцам в отряде Лясковского жалованья сообщает также в своих показаниях Я. Сакович (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 368, лл. 7—9 об.).

[11] 9 мая отряд повстанцев под начальством С. Лясковского был настигнут и атакован в пяти верстах от дер. Юревичи. В журнале военных действий войск в Минской губ. с 3 по 14 мая говорится, что настичь повстанческий отряд было чрезвычайно трудно. Причина тому заключалась в том, что Лясковский, так показывали бежавшие из его шайки повстанцы... ввел в шайке порядок и дисциплину, строго наказывая нарушителей таковых, приучил повстанцев к снятию с позиций в несколько минут; занимая же постоянно для ночлегов самые непроходимые леса, он сохраняет величайшие предосторожности *(ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 100—109).*

Сражение носило очень упорный и ожесточенный характер. Повстанцы устроили вокруг лагеря семь сильных завалов из толстых деревьев, брать которые атаковавшим войскам пришлось штурмом. Два часа продолжался ожесточенный бой.

В сражении убито 19 повстанцев, взято в плен 5 раненых; в войсках — 10 убитых, 33 раненых, из них 24 тяжело и 3 контуженных. См. там же.

[12] Очевидно, речь идет о партии, вышедшей из Минска 20 мая. О формировании этой партии см. показания Г. Станевича (док. 237). Вторая партия, выведенная из Минска Яном Ваньковичем («Леливой»), была сформирована 28 мая и соединилась с отрядом Лясковского 3—4 июня 1863 г., см. показания Ч. Воеводского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 286, лл. 48—50) и Дземеновича (там же, д. 231, лл. 16—17об.).

[13] См. прим. 3 к док. 239.

[14] Находившиеся в повстанческом отряде Лясковского до октября А. Матусевич и С. Чиж в своих показаниях в Игуменской следственной комиссии сообщают о дальнейшей судьбе отряда. Так, А. Матусевич показывает, что находился все время вместе с Лясковским; они скрывались в лесах Игуменского и Борисовского уездов, где к Лясковскому все время присоединялись повстанцы из других разбитых повстанческих отрядов. В сентябре Лясковский объявил о своем намерении отправиться в Царство Польское. 11 человек, в том числе и А. Матусевич, не захотели следовать в Царство Польское, тогда Лясковский отпустил их, дав им провожатых, которые и отвели их по месту жительства в Игуменский у. С Лясковским, по показаниям А. Матусевича, после их ухода оставалось более 90 человек (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 137, лл. 37—39).

Последовавший за Свенторжецким С. Чиж показывал, что Свенторжецкий вскоре, никому ничего не сказав, скрылся. Оставшиеся без начальства повстанцы разбрелись. Чиж же с четырьмя повстанцами бродил в Игуменском у., где их вскоре собралось до 40 человек. Тогда повстанцы направились под Минск, где встретились с отрядом Лясковского и примкнули к нему. Чиж указывает, что он оставил отряд Лясковского по болезни в октябре в Новогрудском у.; тогда в отряде Лясковского было до 40 человек, и он направлялся в Царство Польское (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп 2, д. 707, лл. 9—13 об.).

239

1863 г. июля 8.— Показания повстанца А. Дземеновича в Минской следственной комиссии об обстоятельствах выхода из Минска и пребывании в повстанческих отрядах Ваньковича («Леливы») и Лясковского («Собка»)

Александр Фаддеев Дземенович, от роду 17 лет, веры римско-католической, на исповеди и у св. причастия ежегодно бываю, дворянин Минской губ., утвержденный герольдией, проживал у отца моего в гор.

Минске, с которым занимался полотерством, что доставляло нам средство к жизни, грамоту знаю мало, но подписаться могу, имущества никакого не имею, под судом и следствием не был.

Не помню которого именно числа мая месяца, в воскресенье, я пошел на бульвар, где встретил знакомого мне хлопца Михася, прозвания которого не знаю. Прогуливаясь с ним, мы были остановлены канцеляристом Михновичем (который квартировал против того дома, где жил секретарь Гаусман). Он стал говорить нам, что Свенторжецкий собрал шайку около 8000 человек, что у них есть пушки, много оружия, что французы и другие народы идут к нему на помощь и русские войска переходят на его сторону и что в некоторых местах объявлено польское право, затем спросил мою фамилию и стал наговаривать присоединиться к мятежникам, говоря, что мне как молодому человеку необходимо идти, что до зимы будет кончено и русских выгонят вон, а потом всем дадут большие награды, которые сражались за отчизну, потом спросил и записал с моих слов, где я живу. Убежденный его доводами, я обещал присоединиться к шайке. После этого я несколько раз бывал в доме у Михновича, который во время моего прихода читал мне какое-то польское право, в котором говорилось, что все молодые люди от 16 до 30 лет должны идти в повстанье, и многое тому подобное, чего я не упомню.

На третий день Троицкого дня [a] я пошел утром в костел, где встретил Михновича, который сказал мне, что сего дня нужно выходить и собираться за Дражею. Я тотчас вышел из костела и отправился, как было сказано. Вскоре, как я вышел за город, меня нагнал Михнович, с которым мы пришли на сборное место, верст 10 от города. Здесь было уже собравшихся около 40 человек, здесь нас поставили в шеренги и затем мы пошли за Леливою, который был нашим начальником. Шли мы 7 дней, по местностям, мне незнакомым, большей частью лесом, и в это время продовольствие получали чрез посланных из шайки, которые неизвестно где оное доставали.

На сборном пункте оружие имели весьма немногие, но ружья доставлялись каким-то человеком, мне незнакомым, во время нашего следования к шайке Свенторжецкого. На восьмой день присоединились к ней [1].

Начальником всей этой шайки был Собек, который, как мне говорили, был офицер русских войск. С шайкою этою мы ходили по лесам, но 9 июня [2] на нас напали войска, и мы начали отступать, 13 июня [3] нас опять настигнули войска, и тут мы бросились бежать. Я бежал в числе прочих и в тот же день близ дер. Лочина был захвачен крестьянами и доставлен в отряд.

Во все время нахождения в шайке я оружия не имел, а состоял при обозе, более я ничего не знаю и что все показал по сущей справедливости, в том собственноручно подписуюсь Александр Фаддеев Дземенович

Полковник Рейхарт
Надворный советник фон Брадке

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 231, лл. 16—17 об. Подлинник

[1] *См. прим. 12 к док. 238.*

[2] *В течение 7—8 июня в Игуменский у. было стянуто большое число войск под командой ген.-майора Русинова, на которые возлагалась задача прочесать Игуменские*

[a] *26 мая (н. ст.).*

леса и уничтожить укрывшийся в них повстанческий отряд С. Лясковского. 9 июня войска начали операцию, но Лясковский, разделив отряд на небольшие группы, сумел вывести повстанцев почти без потерь. Вот что сообщалось об этом в журнале военных действий в Минской губ. с 27 мая по 18 июня: 9-го в 6 часов утра началось концентрическое движение в пущу, десятью ротами, из Реванич, Дубовруч, Юрьевич и Микулич. В течение 14 часов беспрерывного и утомительного движения обыскана большая часть леса. Много было следов, были оставлены бивуаки, попадались даже горящие костры с ясными признаками недавнего пребывания мятежников, но шайки не открыто. Одна лишь рота Кременчугского резервного полка, направленная из Микулич и состоявшая под командою подпоручика Мальмберга, наткнулась на пикет, за которым вскоре показалось около 40 человек, давших залп из-за естественных завалов и бросившихся бежать врассыпную. Войска успели сделать несколько десятков выстрелов, преследовали бежавших на протяжении версты, но несмотря на рвение солдат, настичь было невозможно; необыкновенная густота леса, загроможденного валежником и тянущегося на несколько десятков верст, скрыла бежавших. При преследовании захвачено: 12 вьючных лошадей, 4 бочонка пороху, несколько свинцу, 4 ружья, 43 косы, небольшая аптека, разного рода платье, кухонные принадлежности и несколько кож. Потеря мятежников неизвестна, но, по всей вероятности, она ничтожна. У нас легко ранен один в ногу. Направившиеся бегом на выстрелы еще две роты прибыли на место уже в то время, когда рота подпоручика Мальмберга находилась в сборе. Впоследствии было захвачено 8 одиночных мятежников, отделившихся от шайки при ее отступлении. Они показали, что в шайке было не более 200 человек, что в бегстве она раздробилась и спасалась от преследования по разным направлениям *(ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 173—184).*

[3] *Группа повстанцев, которой руководил сам Лясковский, при выходе из окружения натолкнулась на отряд Жукова. 13 июня произошло сражение повстанцев с войсками у фольв. Лочин Игуменского у., в густом лесу. Потери повстанцев: 4 убитых, 1 раненый и 18 пленных. После сражения было задержано еще 10 повстанцев, между ними Гектор Коркозович (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 173—184).*

240

1863 г. июля 13.— Рапорт игуменского военного начальника Ф. И. Русинова А. Л. Кажевникову об обнаружении в окрестностях дер. Слободки запасов продовольствия и одежды

Во исполнение предписания в. п. от 25 июня за № 1849 донести честь имею, что, как видно из рапорта командовавшего 4-й стрелковою ротою Орловского резервного полка капитана Подгорецкого от 10 минувшего июня за № 3, который, двигаясь 8 июня с отрядом от сел. Липич к гор. Игумену, согласно моему предписанию от 7 того же июня за № 19, соблюдал при этом все предосторожности военного времени и выслал для предохранения отряда боковые цепи; пройдя дер. Слободку, левая цепь нашла во ржи, в расстоянии не более полуверсты от этой деревни, мешки с сухарями, чемоданы, сундуки и разное платье, что и было забрано капитаном Подгорецким. Затем при приближении к дер. Злумне [a], в расстояни от дер. Слободки не более версты, по патрульным авангарда с правой стороны от лесу сделано было несколько выстрелов. Выстрелы слышны были целым отрядом, после чего командовавший авангардом подпоручик Коновалов рассыпал цепь и открыл огонь по бежавшим в лесу людям и потребовал резерв. Капитан Подгорецкий тотчас же прибыл на место со взводом своей роты, из которого один полувзвод тотчас послан был в лес для усиления цепи. Не слыша более выстрелов, он остановил цепь, приказал сыграть сбор; люди собрались

[a] *В тексте неясно, разобрано предположительно.*

из цепи, нашли[a] в нескольких местах огромное количество съестных припасов и домашней утвари. Собравши людей и взяв с собою приведенных двух неизвестных ему людей, он отправился далее и прибыл в гор. Игумен.

Произведенное по этому обстоятельству игуменским уездным исправником дознание слишком недостаточно по важности этого печального факта и найденных во ржи сухарей, а потому подписано ему же, исправнику, произвести следствие при депутате с военной стороны, причем обратить внимание, для кого были заготовлены сухари и не было ли в числе одежды такой, которую носят повстанцы[1].

Причем присовокупляю, что эта же шляхетская деревня подозревается в содействии шайке, повесившей крестьянина Кириана, а укрывающаяся в ее окрестностях шайка дает повод подозревать, что от жителей этой и других соседственных шляхетских деревень мятежники снабжаются продовольствием.

Ген.-майор Русинов

ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1541, лл. 9, 12. Подлинник

[1] *Материалы следствия в деле отсутствуют.*

241

1863 г. сентября 9.— Письмо М. Оскерко неизвестному адресату о положении повстанцев и мерах властей по подавлению революционных настроений среди учащихся

9 września

Od rozstania się naszego dotąd ciągle prawie byłem w drodze, od wczoraj zaś siedzę w mieście. Byłem u pani Adamowej, u Milki i mając zręczność pewnego przesłania tej kartki korzystam i piszę. Nowin prawie żadnych, adresa idą jak za dobrych czasów[1]. Obywatelstwo wchodzi na drogę normalną i właściwą. Spiritus niezmiernie wietrzeje — chwała Bogu, że nie u wszystkich. Wiara, wiara głęboka, wielka, niezachwiana jest, tą wiarą żyjemy.

Pokoju ani widać, zewsząd grozi burza, a wszystko zapowiada, że mrozy nie tylko nie ochłodzą i nie zamrożą, ale owszem, powstrzymując wybuchy na czas pewien, zrobią je potem sroższymi, gwałtowniejszymi. Piszą gazety, że w Królestwie i w niektórych miejscowościach Litwy powstańcy mają koniecznie zimować. Co to z tego będzie? Chce się mieć przekonanie, że będzie dobrze i staćby się tak powinno było. Zła wszak mieliśmy i mamy do syta, do przesytu.

Ja tu jakoś się hoduję nie robiąc dalekich projektów nici. Dobry humor ode mnie nie ucieka, więc bieduję śpiewając. A cóż począć z kochaną bieda?

Wczoraj miałem wiadomość od siostry. Oswoiła się potroszę, obyła się ze swoimi biedami i jakoby trzyma się bardzo dobrze, co mię mocno cieszy i zasila. Ciągano ją trochę; zręcznie bardzo się tłumaczyła. Z mężem jej nic pewnego. Wszakże strasznego podobno nic nie będzie.

Kamilka nareszcie wywieziona, podobno do Permu[2]. Codzień prawie

[a] *Так в тексте.*

transporta idą na północ i wschód. Pośrednicy awansowali do Bernardyńca, a kiedy się będą dobrze sprawować (co może nie nastąpić), mogą zaawansować i wyżej.— Melkowi. Wszyscy dobrego są ducha.

A gdybyś wiedziała jak się bawiono na koronację! [3] Nawet Radoszkowicze po raz pierwszy podobno od założenia były miejscem prześwietnego balu i jeszcze świetniejszych owacji, nie mówiąc już o Wilejce i innych większych miastach.

Słowem wszystko idzie świetnie, a szczególnie jednak oświata jest dziś protegowana. Można mieć teraz pewność, że będą korzystać wszyscy, a nikt nie nadużyje tych dobrodziejstw, jakie daje światło. Wyobraź tylko sobie. Uczeń za słuchanie lekcji płaci 20 rubli do roku, składa kaucji 200 rubli, składa świadectwa wszystkich władz miejscowych cywilnych i wojskowych, że nie należał do powstania, przedstawia zaręczenie dwóch obywateli, z którychby każdy mógł w każdej chwili wypłacić 600 rubli, że nie będzie należał do powstania i że będzie postępował wedle przepisów. Obowiązuje się (uczeń) i poręczyciele, że za każde odezwanie się, choćby do swego kolegi po polsku, zapłacą od 25 [do] 100 rubli sztrafu, że do kościoła chyba ze swymi starszymi pójdzie (a to żeby nabożeństwo solenniejsze i mniej powszednie było), że nie będzie próżnymi myślami się bawił i t. d. i t. d. i że za te wszystkie wymienione i nie wymienione jeszcze przewinienia odpowiedzą nie tylko wzmiankowani, ale i nauczyciele. Prywatnie żaden nauczyciel nie ma prawa wykładać, chyba za wyraźnym upoważnieniem wyższej wojennej władzy i t. d. i t. d.

Tylko co nie zapomniałem, że każdy urzędnik i nauczyciel złowiony bez gwiazdki na czole płaci 5 rubli sztrafu. Ale cóż łatwo to teraz coś zapomnieć, bo tysiąc jest podobnie pięknych rzeczy. Gwałtem człowieka ciągną do życia. Jak tu nie żyć mając taką opiekę!

U Was tam musi być trochę inaczej. Chciałbym bardzo coś wiedzieć, jak tam jest dzisiaj. Mam nadzieję, że się spotkam z Twoim listem, moja przyjaciółko.

Tenże.

Państwu Józefom śliczne ukłony łączę.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 510, лл. 163—164. Подлинник

ПЕРЕВОД

9 сентября

С того времени, как мы расстались, я почти беспрерывно находился в разъездах, а со вчерашнего дня сижу в городе. Я был у пани Адамовой, у Милки, и, пользуясь надежной оказией переслать эту записку, пишу.

Новостей нет никаких. Адреса представляются как в добрые времена [1]. Жизнь входит в нормальную колею.

Чрезмерное опьянение испаряется, слава богу, что не у всех. Вера, вера глубокая, великая, непоколебимая есть, этой верой мы живем.

Мира не видно, отовсюду надвигается гроза, а все обещает, что морозы не только не охладят и не заморозят, а, напротив, задерживая на некоторое время взрывы, сделают их потом еще более грозными и стремительными.

Газеты сообщают, что в Королевстве и в некоторых местностях Литвы повстанцы

непременно зазимуют. Что из этого получится? Хочется верить, что будет хорошо. И так должно было бы быть. Ведь мы уже зла испытали и испытываем досыта, доотвала.

Я здесь кое-как живу, не строя для себя далеких планов. Не теряю бодрости и переношу беду напевая; что же поделаешь с любезной бедой?

Вчера я получил весточку от сестры. Она понемногу привыкла, сжилась со своими бедами и как будто держится очень хорошо. Это меня очень радует и поддерживает. Ее немного таскали; объяснялась она весьма умело. О муже ее толком ничего неизвестно. Однако, по-видимому, ничего страшного не будет.

Камилка, наконец, вывезена, кажется, в Пермь[2]. Почти ежедневно уходят транспорты на север и на восток. Посредники получили повышение в Бернардинец[a], а если они будут хорошо себя вести (что может и не произойти), то их могут еще более повысить. Мелику (?). Все в бодром состоянии духа.

Ах, если бы ты знала, как развлекались во время коронации![3] Даже в Радошковичах, вероятно, в первый раз со времен их основания, был блестящий бал и еще более блестящие овации, не говоря уже о Вилейке и других более крупных городах.

Словом, все прекрасно. Однако особая забота проявляется о просвещении. Теперь можно быть уверенным, что все будут им пользоваться и никто не злоупотребит теми благами, которые оно дает. Представь себе только! Учащийся за то, что слушает уроки, должен платить 20 руб. в год и внести залог в сумме 200 руб. Он должен представить удостоверение от всех местных властей — гражданских и военных — о том, что не участвовал в восстании, представить поручительство двух лиц, из которых каждое могло бы в любой момент уплатить 600 руб., в том, что он не будет участвовать в восстании и будет вести себя в соответствии с установленными правилами.

Ученик и поручители дают обязательство, что за каждое обращение ученика к кому-либо, хотя бы к своему товарищу, по-польски, уплатят от 25 [до] 100 руб. штрафа. Что в костел ученик будет ходить только со своими наставниками (это для того, чтобы богослужение было более торжественным и не столь будничным явлением), что не будет заниматься пустыми мечтами и т. п. и т. п., что за все эти перечисленные и еще не перечисленные проступки отвечать будут не только упомянутые лица, но и учителя. Частным образом ни один учитель не имеет права преподавать, разве что по специальному разрешению высших военных властей и т. п. и т. п.

Чуть не забыл, что каждый чиновник и учитель, которого поймают без кокарды на лбу, обязан уплатить 5 руб. штрафа. Но сейчас немудрено что-либо забыть, так как такие прекрасные вещи насчитываются тысячами. Силой человека тянут к жизни. Как тут не жить под такой опекой!

У вас должно быть несколько по-другому. Я бы очень хотел знать, как у вас там сейчас. Надеюсь, что получу от тебя письмо, дорогая приятельница.

Тот же.

Пану Юзефу с супругой посылаю сердечный привет.

[1] *В августе — октябре 1863 г. по инициативе и под нажимом местных властей среди жителей губерний Северо-Западного края было организовано составление верноподданнических адресов на имя Александра II. Представлением адресов правительственные чиновники хотели показать любовь и верность населения западных губерний царю, но документы свидетельствуют, что во многих случаях подписи под адресами добывались путем угроз. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 20.*

[2] *По-видимому, речь идет о Камилле Марцинкевич, высланной по распоряжению Муравьева от 24 августа 1863 г. за антиправительственную агитацию в Пермскую губ. См. прим. 5 к док. 224.*

[3] *Имеется в виду празднование седьмой годовщины со дня коронации Александра II, которая состоялась 26 августа 1856 г.*

---

[a] *Так в тексте, по-видимому, имеется в виду Минский Бернардинский монастырь, превращенный в тюрьму.*

242

1863 г. сентября 15.— Рапорт Ф. И. Русинова А. Л. Кажевникову об околицах и деревнях, принимавших наибольшее участие в восстании[1]

Во исполнение предписания в. п. от 12 истекшего августа за № 2347[2], а мною полученного 18 того же месяца, имею честь донести, что по собранным сведениям об однодворческих шляхетских обществах и отдельных поселенцах вверенного мне уезда оказались принимавшими деятельное участие в мятеже следующие околицы и поселенцы:

1. Околицы Сутин и Гижгайлово[б]. Чрез околицу Сутин неоднократно проходили мятежнические шайки в апреле и мае месяцах[3] и при таковых переходах, наверно полагать можно, пользовались продовольствием от местных жителей. Из околицы этой, как равно из Гижгайлово, гораздо более, чем из других, присоединилось шляхты к означенным шайкам, а именно из первой из них: Казимир Захаревич, Франц Корзюк, Антон Горецкий, Захарий Татур, Франц Околович, Антон Уминский и Иван Матус, и из последней: Антоний и Игнатий Карабанович, Ущинович, Петкович, Ахремович, Можайский и Шпаковский. В первой околице дворов 30, душ 71 и во второй дворов 24, душ 82.

2. Не менее того оказали содействие мятежникам околицы Французская Гребля, Подкосье, Ганотово. Из первой из них присоединились к мятежническим шайкам шляхта Бронислав Вериго, Николай Прокопович и Франц Жидович, из второй Доминик Татур и Гилярий Минькевич, а из последней шляхтич Верниковский. Дворов в первой из них 11 и душ 29, во второй дворов 18 и душ 40 и в последней дворов 10 и душ 20; и кроме сего, в последней из них с нетерпением ожидали прибытия мятежников, зная заблаговременно о их передвижениях.

3. Околицы Репища[4], Семкова Слободка, Спустика и Уборки. Около них несколько раз появлялись мятежники, и из последней из них был повешен крестьянин Туринской вол. Кириян Гузак, бывший в услужении у одной из лиц местной шляхты — вдовы Гурецкой, которая по произведенному следствию оказывается сильно заподозренною в печальной участи, постигшей означенного Кирияна. Происшествие это служит несомненным доказательством близких сношений шляхты этой с мятежниками, совершившими означенное смертоубийство. В Репище дворов 14, душ 39; Семковой Слободе дворов 12, душ 37; Спустике дворов 5, душ 21 и Уборках дворов 10, душ 32.

4. Дер. Гайдукова Слобода обращает на себя внимание тем, что, как видно из дневника, найденного майором Григорьевым у арестованного за участие в шайке Окулича, шайка эта ночевала в означенной деревне, а самый дневник[5], как мне известно, остался у г. Григорьева. Дворов в ней 18, душ 50.

Деревни Жабихово и Володута сильно подозреваются в доставлении продовольствия мятежническим шайкам, которые постоянно бродили возле этих деревень, и о доставлении последнею из них мятежникам продовольствия и их укрывательстве, по известным данным, предписано мною произвести по сему предмету формальное следствие[6]. В первой из

[б] *В документе здесь и далее ошибочно* Гигжайлово.

них дворов 6, душ 27 и второй дворов 11, душ 51. Рачиборки, соседственная с Богушевичами, также сильно заподозревается потому, что из этой деревни, как из других, многие за участие в мятеже арестованы. На основании такового факта я сделал заключение об означенной деревне. В ней дворов 11, душ. 28.

Околицы Дубовый Лог и Можанки. Первая из них по показаниям местного духовенства и сведениям, сообщенным в. п., а последняя по показаниям крестьян остаются в подозрении по сношениям их с мятежниками, и в последней из них собирались присоединиться к шайке, но не успели по случаю разбития самой шайки, под предводительством Снитко, в месяце мае. В первой дворов 4, душ 16 и последней дворов 21, душ 64.

Околица Старая Гута навлекает на себя подозрение сильное тем, что в июне месяце около этой деревни был взят мятежниками находившийся при смоляном заводе крестьянин дер. Озерцов Мина Бурак за то, что по указанию войску притона шайки под предводительством помещика Машевского она была разбита[7]. В ней дворов 10 и душ 37.

И, наконец, есть еще и отдельные поселенцы, живущие около корчмы Подшопки в лесах, которые за доставление мятежникам продовольствия арестованы и содержатся в настоящее время под арестом в городовом остроге, а именно: вольный хлебопашец Михаил Игнатьев Зазека, крестьянин Хотлянской вол. Максим Анципов Лисовский и минский мещанин Казимир Павлов Пиотрович. В семействе первого из них мужеского и женского пола душ 9, в семействе второго душ 10 и третьего — 8 душ.

О вышеизложенном донося в. п., честь имею присовокупить, что, по мнению моему, более всех оказываются неблагонадежными жители околицы Володуты, коим неоднократно была лично мною внушена ответственность, которой они подвергаются за укрывательство и продовольствие мятежников, и вследствие того, что чаще всего мятежники появлялись вблизи этой деревни и что только в 3 верстах от этой деревни было произведено нападение на ген.-лейтенанта Грунта[8], но за всем этим и теперь открыт там мною притон мятежников в 1½ верстах от деревни и фактические доказательства, что вся деревня доставляла мятежникам продовольствие и в некоторых домах мылось для них белье.

Ген.-майор Русинов

ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1522, лл. 17—19. Подлинник

[1] *Об отношении шляхты к правительству и участии ее в восстании представителями местных властей высказывались довольно противоречивые мнения.*

Так, минский военный губернатор В. И. Заболоцкий в записке виленскому ген.-губернатору о происшествиях и распоряжениях по Минской губ. с 10 по 21 июня 1863 г. следующим образом характеризует отношение шляхты к правительству: Здешняя так называемая чиншевая шляхта, поселенная на землях казенных и помещичьих и платящая за то чинш, пользуется разными льготами, именно: не дает подвод, не отбывает постоя и проч. Между тем шляхта эта при каждом случае не только сочувствует мятежникам, но там, где они появляются, способствует им в укрывательстве себя и продовольствии и не только не доносит, но и передает каждый шаг наш *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 365, лл. 2—3).*

Иную точку зрения высказывает минский жандармский штаб-офицер Б. К. Рейхарт. В своем донесении управляющему III отделением А. Л. Потапову о численности и положении шляхты и однодворцев в губернии и их отношении к правительству от 13 августа 1863 г. он указывает следующее: шляхты в Минской губ. насчитывается до 70 000 душ; занимаются они исключительно земледелием, некоторые живут на собственной земле, а большая часть — на помещичьей с платой оброка по произвольному назначению помещиков и по высокой цене... Шляхта не несет никаких государственных повинностей; оценивая это, они совершенно преданы правительству. Доказательством

тому служит, что в настоящем мятеже из оседлой шляхты принимает участие самое незначительное число и то по принуждению; они говорят, что если бы Польша и восстановилась, то им ничего не даст, а лишь снова подчинят их самоуправству панов, на которых смотрят как на своих притеснителей. *Касаясь положения однодворцев, Рейхарт сообщает, что их в Минской губ. считается 10 667 душ мужского пола, из них 8738 живут на помещичьих, а 1929 — на казенных и собственных землях. Однодворцы обложены подушной податью, несут усиленную рекрутскую повинность, а живущие на помещичьих землях должны платить оброк. Положение их бедственное, в настоящее время они совершенно нищие, лишь немногие занимаются хозяйством, а большинство разбрелось. Питая неудовольствие к правительству, скрываются, чтобы избегнуть платежа податей и недоимок. По мнению Рейхарта, чтоб улучшить положение однодворцев, сделать их оседлыми и преданными правительству, следовало бы приписать их к обществам казенных крестьян, дать землю за умеренный оброк и сложить с них недоимку (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 83—88).*

[2] *В указанном предписании минский губернатор, ссылаясь на распоряжение виленского ген.-губернатора от 8 августа 1863 г. предлагает уездным военным начальникам представить сведения об однодворческих и шляхетских обществах, принимавших наиболее активное участие в восстании для выселения их из края. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1522, лл. 1, 4.*

По получении необходимых сведений из уездов минский губернатор докладывал виленскому ген.-губернатору, что в Минской губ. только в Новогрудском и Игуменском уездах, и особенно в последнем, мятежники нежели в других находили себе сочувствие со стороны мелкой шляхты, рассеянной в этих уездах совершенно отдельно, в лесистых местностях, или целыми околицами или несколькими поселенцами. Шляхты этой насчитывается в Игуменском у. до 666, а в Новогрудском — до 149 душ. Выселение всех означенных лиц, кроме других неудобств, будет сопряжено с огромными расходами для правительства, между тем я убежден, что выселением только некоторых, более виновных семейств можно достигнуть тех же результатов, какие предполагались бы от общего выселения *(см. там же, лл. 37—40).*

За укрывательство и снабжение продовольствием повстанцев по распоряжению виленского ген.-губернатора все жители околиц Старой и Новой Володуты, половина семейств из околицы Сутин и 10 семейств из околиц Репище и Тарногорок в 1864 г. были выселены на житье в Томскую губ. См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 928, л. 10; ЦГИА БССР (Минск), ф. 295, оп. 1, д. 1522, лл. 76, 82, 85.

[3] *В окрестностях околицы Сутина в апреле — мае действовал повстанческий отряд С. Лясковского. См. док. 238.*

[4] *См. показания батрака из околицы Тарногорок Ф. Павловича игуменскому военному начальнику от 28 сентября 1863 г. об укрывательстве и снабжении продовольствием повстанцев из отряда Лясковского жителями околиц Репища и Тарногорок (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 319, лл. 7—10).*

[5] *См. прим. 2 к док. 238.*

[6] *15 сентября 1863 г. игуменский военный начальник предписал игуменскому земскому исправнику произвести дознание об укрывательстве жителями околицы Володуты повстанцев. В показаниях, отобранных земским исправником у волостного старшины и жителей Реваничской вол., говорится, что в окрестностях околицы Володуты укрывались повстанцы из отряда Лясковского, которых жители Володут снабжали продовольствием и другими припасами (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 139, лл. 7—10 об., 21—22 об.).*

[7] *О разгроме повстанческого отряда Машевского см. док. 234.*

[8] *Начальник 3-й резервной пехотной дивизии ген.-лейтенант Грунт 23 июля 1863 г. выехал из Игумена для инспектирования войск. В 15 верстах от города был захвачен повстанцами из отряда Лясковского и отведен в повстанческий отряд. После осмотра бумаг был отпущен повстанцами. См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, л. 89.*

243

1863 г. декабря 17.— Записка кн. Л. Л. Радзивилла В. А. Долгорукову об отказе крестьян от уплаты оброка и порубках леса в его имениях в Слуцком и Мозырском уездах

Записка

о злоупотреблениях крестьян Минской губ.

Минской губ. в уездах Слуцком и Мозырском, в которых состоит значительнейшая часть моих имений, ничтожная попытка к смутам заключалась в том именно, что в Слуцком у. сформировалась в прошлом апреле месяце шайка из нескольких десятков неблагонамеренных лиц. Эта шайка тотчас же была совершенно уничтожена войсками, и никаких более других попыток не происходило. Никто же из моих официантов, охотничьих стрелков, прислуги и лесной стражи как в Слуцком у., равно и в прочих уездах Минской губ., никакого участия в мятеже не принимали.

Между тем крестьяне под предлогом беспорядков стали уклоняться от уплаты оброка (в особенности жительствующие в местечках), производить самовольные порубки леса, наносить побои лесной страже и, не признавая уже над собой никакой власти, допускать[a] всякого рода злоупотребления.

Управляющие мои жаловались на это волостным управлениям, мировым посредникам, уездно-полицейским управлениям, военным начальникам, но эти жалобы, равно и предписания слуцкого военного начальника полковника Астахова к мировым посредникам, не имели никаких последствий. Подаваема была также жалоба минскому гражданскому губернатору, сверх того, я просил покровительства г. главного начальника края, но не удостоился ответом. Никакого по сию пору не сделано удовлетворения, а только в циркулярном предписании е. вп. начальникам губерний от 24 прошлого октября изложено, что крестьяне прибегают к незаконным средствам и причиняют ущерб лесному хозяйству частных владельцев вследствие прекращенного помещиками во многих местах отпуска топлива, и циркуляром этим в отмену ст. 25 п. 7 высочайше утвержденного в 19 день февраля 1861 г. Положения для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской возложена на помещиков обязанность снабжать крестьян топливом до 1870 г.

Крестьяне, убедясь в безнаказанности самовольных их действий, с каждым днем допускают более и более насилий. Таким образом, как видно из подробной ведомости, полученной мною из моего управления имениями, крестьяне, независимо менее значительных сначала порубок, потом в имениях моих вырубили участок в 10 дес. леса, в другом участке 150 штук товарного дуба, покосили дворовые сенокосы и забрали до 3300 возов сена, причинив мне убытки всего до 10 000 руб.

Подобные насилия неминуемо будут возобновляться и увеличиваться. Предвидя засим неизбежное и совершенное разорение моей собственности, я решаюсь представить на благоуважение в. с. ведомость[1] о при-

---

[a] *В тексте* допускаться.

чиненных мне крестьянами убытках и покорнейше просить покровительства о распоряжении в. с. в ограждении достояния моего от расхищения, так как ни местные власти, ни г. ген.-губернатор края не изволили обратить внимания на подаваемые жалобы и защитить мою собственность от разорения[2].

Ген.-адъютант кн. Радзивилл

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1863 г., д. 176, лл. 1—2. Подлинник

[1] *См. там же, лл. 10—12 об.*

[2] *Представленная Радзивиллом ведомость о причиненных ему убытках 17 же декабря 1863 г. была направлена на выяснение минскому жандармскому штаб-офицеру Рейхарту. В донесении Рейхарта Потапову от 27 марта 1864 г. говорится:* действительно, порубки были сделаны, но что вообще все упомянутые в ведомости случаи, более или менее преувеличены... *(там же, л. 7 об.).* Что же касается собственно расположения умов сельского населения в означенных имениях, то оно удовлетворительно, и к укрощению крестьян отнюдь не предвидится надобность принимать каких-либо особых мер *(там же, лл. 8 об.—9).*

244

1864 г.[1]— Из приложения к отчету А. Л. Кажевникова Александру II за 1863 г. о числе участников восстания по губернии[2]

Принимавших личное участие в мятеже — до 1600.
Из них:

Взято в плен	748
Добровольно явившихся	171
Пропало без вести	681
Оговоренных в доставлении продовольствия мятежникам и укрывательстве	72
Арестованных по подозрениям	264
Арестованных за сокрытие оружия	38
По произведенным о них делам:	
Казнено	12
Осуждено с лишением прав состояния	197
Выслано административным порядком:	
а) по решению военно-судных комиссий	10
б) по постановлениям следственных комиссий	10
Присужденных к заключению в тюрьме	7
Подверженных денежному штрафу	8
Освобождено под полицейский надзор	126
Освобождено без надзора	331
Выслано в другие губернии административным порядком	48

К 1864 г. состоит под арестом 544. [...]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 459, лл. 109 об.— 110 об. Копия, подписанная автором

[1] *Более точную дату установить не представляется возможным ввиду того, что в деле содержится только приложение к отчету без препроводительного письма.*

[2] *По данным властей, в Минской губ. действовал 21 повстанческий отряд, организаторами и руководителями которых были артиллерийский подпоручик С. Лясковский, помещик Игуменского у. Б. Свенторжецкий, отставной подпоручик П. Дыбовский, отставной штабс-капитан Машевский, б. студент Московского университета А. Трусов, канцелярист Минской прокуратуры Ю. Сущевич, прапорщик В. Миладовский, ксендз Лашкевич, ученик землемерно-таксаторских классов при Минской гимназии Т. Красовский, штабс-капитан Чижик и др. В лесах Пинского у. окончили свое существование отряды Р. Рогинского и Р. Траугутта (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 16, лл. 4, 26, 28, 33—38, 84—88, 94—134 и др.; 1864 г., д. 23, ч. 16, лл. 180—202; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 45—48, 66—70, 100—109 и др.).*

245

1864 г. февраля 5.— Показания повстанца крестьянина А. Нестеровича в Минской следственной комиссии о действиях повстанческих отрядов Л. Барановского, П. Дыбовского и Л. Ремишевского

1864 г. февраля 5 дня в присутствии комиссии крестьянин Антон Казимирович Нестерович на передопросе в отмену показания, данного 3 сего февраля, сознал следующее:

1. В шайке ротмистра Леонарда Барановского я был, поступил в таковую по наговору самого Барановского 18 или 19 апреля, чего достаточно не помню; вечером я, сын Барановского Александр[1] двое[a] Вераксов, один из них кучер ротмистра, и сам Барановский собрались секретно в его доме, он вооружил нас и, вооружась сам в лесу, отстоящем от его дома до 6 верст, отправились под Белую корчму, то [есть] под почтовую ст. Агатино. Тут присоединилось к нам еще 5 человек в лесу, между ими знакомый мне был только один Емиль Дыбовский. Это было уже на другой день по выходе из Новиков, вечером тоже.

2. Здесь же в лесу при Агатине еще прибыло несколько человек, между ими брат Дыбовского Фаддей, Франц Осипович, Сильвестр Котловский и некто Матусевич и Довнар, и под начальством ротмистра Барановского двинулись в Игуменский у. Кроме означенных лиц, я припомнил, что с Осиповичем прибыл в шайку Иван Оскерко (бывший писарем в Ячонке); Оскерко и Леонард Барановский, из Янушков. Этот Леонард, а также Матусевич вскоре от нас бежали.

3. В Игуменском у., в лесу близ дер. Чурилова, шайка наша соединилась с таковою же Зарембы, у которого было человек около 20, из которых, кроме самого Зарембы, т. е. Павла Дыбовского, более никого я не знал[2].

4. Здесь же настиг нас отряд[3], и мы без выстрела бежали. Человек несколько тут из шайки убыло, были они пойманы войском или бежали от нас, не знаю. Потом же собралось нас в лесу человек до 20 и при нас остался начальником тоже Заремба.

5. После этого более 8 недель мы бродили по лесам и болотам, ночью прошли чрез м. Узду и за сим м[естеч]ком в лесу, более 20 верст отстоящем, тоже скрывались. Во всех этих движениях шайки были Заремба,

---

[a] *В тексте* двух.

ротмистр Барановский, сын его Александр, некто Пилечка и Гарап, сих двух истинной фамилии не знаю, но знаю, что Гарап да еще Рущиц[4] были из военных — офицеры, которые присоединились к нам при следовании шайки через Игуменские леса.

6. Заремба, взяв с собою 5 неизвестных мне человек, бросил шайку около Узды и более не являлся, потом старшим остался Рущиц. Ротмистр Барановский после выбытия Зарембы вскоре сказался больным, отстал от нас в лесу и куда ушел — не знаю, он действительно был сильно слаб. Сын его, Александр, оставался в шайке, но в несколько дней[а] при неизвестном мне фольварке тоже по болезни оставлен у какого-то Мазура, и нас в шайке осталось не более 15 или 18 человек. По оставлении шайки Барановским мы еще с Рущицем бродили около двух недель, который с поводу неимения чем продовольствоваться приказал нам разойтись куда кто желает, говоря, что и он сам пойдет куда попало.

7. Это было в августе месяце. По этому приказанию начальника Рущица мы, сдав ему оружие, разошлись. Что он сделал с оружием, не знаю. При нем осталось еще человек 10 или 12, мне ни один не знакомый, а я с Иваном Оскеркою, Стасем, кучером Ивана Дыбовского, и Викентий Шарковский отправились под ст. Агатино, а отсель поодиночке разошлись по домам.

8. Когда пришел я домой, то отец меня прогнал, и я, имея при себе свидетельство мирового посредника, с таковым пошел в Несвиж к лекарю Сухому, который меня знал, как я служил еще у Полонской. Отцу и лекарю я не говорил, что был в шайке, а сказал, что был в м. Глуске. У лекаря Сухого пробыл я в виде повара и слуги недель 6, а потом он зарекомендовал на службу к Малиновскому.

9. С войсками в стычке я нигде не был и особых преступлений не сделал. Кто доставлял продовольствие шайке, не знаю, ибо за таковым ходили всегда Барановский, Пилечка и Гарап по ночам.

10. В шайке был разговор, что Гарап, Рущиц, Довнар и Пилка[б], посланные Зарембою, повесили какого-то крестьянина Бурака, который донес на Машевского, но я при исполнении сего преступления не был. О Матусевиче, бывшем в шайке, я знаю, что он бежал, куда девался — не знаю, а Александр Барановский, равно отец его Леонард, при мне никого не вешали.

Все это сознаю по истине и присовокупляю, что не явился я законной власти по убеждению тому, что о бытности моей в мятеже никто не знал.

Сверх сего, я припомнил, что Викентий Шарковский, бывший со мною в одной шайке, оставил таковую прежде и со мною домой не возвращался, а только со мною воротился Стась, кучер Дыбовского, и Иван Оскерко.

Передопрашивали: председатель полковник Рейхарт
Член надворный советник М. фон Брадке

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 443, лл. 29—31. Подлинник

[а] *Т. е. через несколько дней*
[б] *Т. е. Пилечка.*

[1] *Александр Барановский в своих показаниях в Игуменской следственной комиссии 19 ноября 1863 г. показывает, что был взят в отряд П. Дыбовского насильно во время своей поездки к родственникам в им. Станьково (там же, лл. 8—9).*

[2] *Павел Дыбовский, назначенный в марте 1863 г. военным начальником Минского у., с началом восстания в Минской губ. возглавил сформированный им повстанческий отряд, который действовал в западной части Игуменского у.*

В. Кощиц в своих воспоминаниях довольно подробно останавливался на характеристике личности П. Дыбовского и действиях его в должности начальника повстанческого отряда. Кощиц пишет, что Дыбовский не оправдал возлагавшихся на него надежд Литовским отделом и общественностью. По словам Кощица, все усилия Дыбовский направлял на то, чтобы не оскорбить русское правительство, неохотно шел на прочтение манифеста Национального правительства о безвозмездном даровании крестьянам земли, не разрешал вербовать новых людей из окрестных застенков и деревень. Вместо этого все время кружил по грязным лесным болотам, изнуряя и разочаровывая молодежь, из которой сначала исключительно состоял отряд. Узнав же в июне о решении минского воеводы сместить его с должности начальника отряда, распустил людей, а сам отправился домой. Все военные неудачи повстанческого отряда В. Кощиц объясняет несоблюдением элементарных военных требований, отсутствием должной военной дисциплины и пренебрежительным отношением к людям со стороны П. Дыбовского (см. W. Koszczyc. Указ. соч., стр. 218—222).

[3] *2 мая отряд П. Дыбовского располагался в лесу неподалеку от Валерьянова и занимал удобную позицию. Однако, услышав о приближении неприятеля, часть повстанцев побежала, бросив не предупрежденных о том товарищей, которые попали в плен.*

[4] *Под псевдонимом «Рущиц» действовал прапорщик Новоингерманландского пехотного полка Л. Ремишевский, а под псевдонимом «Гарап» (Harap) — Ф. Ельчанинов. Собрав остатки людей из рассеянного повстанческого отряда П. Дыбовского, Ремишевский в половине августа получил приказ объединиться с отрядом С. Лясковского, но предпринятые им две попытки объединения не удались, после чего отряд был распущен.*

246

1864 г. февраля 10.—Показания комиссара Минского воеводства И. Ямонта в Виленской особой следственной комиссии о структуре, составе и деятельности минской повстанческой организации[1]

10 февраля 1864 г. в Особой следственной по политическим делам комиссии дворянин Иосиф Ямонт, 23 лет, католического исповедания, показал:

По окончании в 1858 г. воспитания в Виленском дворянском институте, я поступил в С.-Петербургский университет, из которого выбыл в 1861 г. по причине глазной болезни, от которой, возвратясь к родителям, я пользовался сначала домашними средствами, а после постоянными советами виленского окулиста Цывинского. Дома же, по мере возможности, я помогал отцу моему в административных делах кн. Витгенштейна, делами которого отец мой занимался до 1863 г., передав их окончательно новому поверенному князя в июне т[ого] года.

С тех пор, не имея постоянных занятий дома, я стал чаще шляться по городу, встречая знакомых и товарищей, разговорами и прогулкою убивая время.

Между петербургскими моими товарищами я узнал В.-К. Калиновского *, которого летом 1863 г. я стал часто встречать на улицах. Всякий раз в минутных с ним разговорах я узнавал что-нибудь из интересовавших всех в то время новостей, но никогда положительно не мог

* Викентия-Константина.

узнать о занятиях Калиновского, ни об общественном его положении, конечно, подозревая в нем человека, сколько-нибудь прикосновенного к текущим обстоятельствам. На запросы мои об его квартире он мне отвечал, что живет почти на предместье, куда приходит только ночевать, проводя же весь день в городе за работой, которой у него теперь пропасть.

Это было в половине июля. Калиновский предложил мне зайти с ним к одному его знакомому, чтобы поговорить посвободнее. Мы вошли к студенту Далевскому. Здесь в разговоре, при котором Далевский не присутствовал, Калиновский сказал мне, что, зная меня в университете пылким идеалистом, он не надеялся встретить во мне столько апатичности, которая-то и развивается вследствие бездействия, между тем как своими способностями я мог бы принести пользу общему делу. Я ему на то ответил, что сам я не прочь от какой-нибудь работы [a], лишь бы она мне была по вкусу, но что на свою руку я ничего не решусь предпринять и не вступлю в никакую обязательную и ответственную должность. «Ничего легче,— ответил Кали[новски]й.—Ты любишь писать, у меня переписка большая, помоги мне в ней». Я согласился. Тогда я узнал, что В. Калиновский был комиссаром на Литве. Мы с ним уговорились сходиться в известные часы, смотря по надобности, ежедневно или через 2—3 дня на квартире Далевского, с которым меня сейчас же и познакомил.

В условные часы я являлся и, находя Калиновского, получал от него сюжет требуемой бумаги и обрабатывал ее тут же. Калиновский же в то время занимался чтением полученных корреспонденций. Или же, если его не заста[ва]л, то получал от Далевского выписку содержания требуемой бумаги, которую, составив, я оставлял у Далевского для переписки начисто, если не мог сразу написать на бланке. Так прошел весь август месяц, в течение которого я, кроме мелких ответов на разные отношения властей воеводских, написал два обширных рапорта в Варшаву о состоянии литовского восстания и положении края. Объясняя в них исключительные условия Литвы, я оспаривал пользу в присоединении вое[водст]в Ковенского и Гродненского к управлению Царства. Составил циркуляр отдела Л[итовского] к воеводам о подписании адреса к государю [2]. Составил тоже инструкцию приготовительным работам организации в вое[водст]вах Минском, Витебском и Могилевском, как не могущих впредь заявить свои стремления вооруженными действиями, и пр.[3]

Отец мой, оставляя службу у кн. Витгенштейна, заключил с ним письменный договор на двенадцатилетнее арендное владение его им. Самуэлева с 1867 г. (Минской губ. Игуменского у.), с условием подтвердить за моим отцом это имение с тех пор, с которых нынешние арендаторы Околовы согласятся на переуступку своих прав в пользу моего отца. Выгодные условия контракта, а главное новая перемежевка, могущая значительно повысить чинши с вольных чиншевиков, заставили моего отца решиться приступить сейчас же к переговорам с Околовыми. Но так как на Околовых администрация насчитывала некоторые претензии, то нужно было выждать их устранения. С этой целью отец мой просил администратора Домбровского скорее покончить расчеты с арендаторами и начать вместе со мною переговоры об условиях уступки Самуэлева. По желанию отца я решился ехать в Минск. Не связанный

[a] *Так в тексте.*

обязательным положением в организации, я предупредил Калиновского, что с первых же дней сентября не могу больше заниматься при нем. Он меня не удерживал, предложил только принять поручение по делам организации в Минске. 10 сентября я зашел на квартиру Далевского, получил инструкцию и адрес минского воев[одского] нач[альника] и 12 сентября отправился в Минск.

Содержание инструкции было следующее:

Секретарь комиссара, отправляясь в Минск, истребует от на[чальника] вое[водст]ва:

1. Сведений о состоянии организации.

2. Насколько выполняются присылаемые из отдела Л[итовского] инструкции и узнает причины их изменений.

3. Почему в Вильне не получаются из Минска материалы для заграничных корреспонденций.

4. Узнает мнение воев[одского] управ[ления] насчет средств, которыми можно было бы привлечь крестьян к мятежу.

5. Узнает, имеют ли еще в вое[водст]ве Минск[ом] значение революционные листки, и если имеют, то какого характера должны быть воззвания и пр.

6. Узнает о состоянии финансов и основания, на которых взимались с жителей подати в пользу восстания, равно поверит денежные расходы и обо всем этом донесет письменно комиссару.

Прибыв в Минск 13 сентября 1863 г., я на другой день отправился к нач[альнику] вое[водст]ва помещику Пеликше, жившему на Воловской ул. в д[оме] Ваньковича. Отдав Пеликше мою инструкцию, я стал расспрашивать о ходе дел [в] вое[водст]ве, но Пеликша отвечал мне сухо, сбивал общими местами, спрашивал, на какое время я приехал в Минск и возвращусь ли обратно в Вильно или поеду где-нибудь дальше и т. п. Я отвечал, что приехал здесь по делам семейным, устроив которые я на короткое время возвращусь в Вильно, откуда переезду на жительство в Игуменский у. Пеликша просил меня оставить мою инструкцию, для того чтобы припомнить некоторые обстоятельства, и просил приходить к нему лучше всего в сумерки. В продолжение 2 недель я несколько раз посетил Пеликшу, получал нужные объяснения [4] и, составив из них 2 корреспонденции, запечатал и с надписью «Pełn[omocny] Kom[isarz] na L[itwie]» [а] отдал Пеликше для отправления по принадлежности. Посещая Пеликшу, я никого у него не встречал из принадлежавших к организации, кроме д[окто]р[а] М. Оскерко (комиссара В. М. *), и то накануне выезда Пеликши за границу, состоявшегося в начале октября.

Поездку эту он предпринял с целью разузнать самому положение польского вопроса в Европе и в случае верных надежд на скорый и благоприятный исход дела вернуться через 3—4 недели, в противном же случае думал остаться подольше [5]. Выезжая, он мне сказал, что выезд его, как воеводы, должен быть тайною и для организации, чтобы не поколебать ее надежд, что в отсутствие его Оскерко поведет дела вое[водст]ва, а в случае надобности можно зазвать для совещаний минского уездн[ого] нач[альника] Гектора Лапицкого [б] и править вое[водст]вом от имени старого воеводы [б]. В несколько дней по выезде Пеликши

* Т. е. воеводства Минского.

[а] *Полномочному комиссару на Литве (польск.).*

[б—б] *Написано на полях.*

Оскерко решился оставить Минск и отправиться в Москву[б] и потому 13 октября утром зашел ко мне на квартиру, объявил о своем решении и, представляя скудность организации в людях, предложил принять участие в правлении вое[водст]вом в отсутствии Пеликши, вместе с людьми, которых он сейчас же мне представит. Я сразу не хотел согласиться, как человек, чуждый этой стране, но видя, что дело польское еще не разъяснено, что жалко же столько жертв, принесенных напрасно и погибших без пользы, а зная притом, что заграничные агенты сильно настаивают на удержании организации, которая, по их мнению, при всякой развязке должна принесть свою пользу, решился отправиться с Оскеркою к Торчинскому[а], у которого мы застали Г. Лапицкого и Осипа Поржецкого[7]. Оскерко, переговорив с каждым по несколько слов, познакомил нас между собою и объявил, какие обязанности он предложил всякому из нас. Лапицкий принял должность и. о. воеводы, Поржецкий — начальника Минского у., Торчинский хотя не очень-то охотно, но принял обязанности начальника города. После, вечером, Оскерко представил мне Болеслава Боровика как будущего начальника полиции, Качинского Михаила как помощника нач[альника] города, отдал мне оставшихся в воев[одской] кассе 310 руб. сер., объявил, что эта касса рублей до 300 задолжала городской кассе, передал список уездных начальников и комиссаров, каковы:

Минский у.: Поржецкий Осип — н[ачальник] у[езда], Ленский Зенон — ком[иссар] у[езда];

Игуменский у.: Новицкий (доктор) — н[ачальник] у[езда], Пекарский (доктор) — ком[иссар] у[езда];

Борисовский — организация не существует, остался только[б] б. начальник помещик Иван Свида, который, не видя возможности ничего сделать, отрекся от своих обязанностей[б];

Бобруйский: Черниховский Люциян — нач[альник] у[езда], комиссара нет;

Слуцкий: Миладовский, пересылающий корреспонденции нач[альника] у[е]зда, вроде городского агента, Могильницкий — и. д. нач[альника] уез[да];

Пинский, Мозырский, Речицкий[в] — в заведывании помощника нач[альника] вое[водст]ва Болеслава Свиды.

Из этих лиц я знаю лично: Поржецкого, Ленского, Пекарского, с прочими был только в письменных сношениях по той причине, 1) что и. д. нач[альника] вое[водства] Гектор Лапицкий не мог постоянно жить в Минске и приезжал оттуда только раз — не более два раза в неделю; 2) что канцелярию воеводского управления я сам составлял (письменная часть) и вся переписка лежала на моей обязанности.

14 сентября вечером ко мне пришел Торчинский и представил Добровольского Михаила. Первому из них я дал 12 руб. сер на уплочение долга кому-то, тяготевшего еще на старой организации.

17 сентября Торчинский и Лапицкий пришли ко мне для совещания насчет устройства организации. После многих рассуждений мы услови-

---

[а] *В тексте фамилия встречается в двух написаниях:* Турчинский *и* Торчинский.

[б–б] *Написано на полях.*

[в] *В тексте здесь и далее* Ржечицкий

лись мало-помалу завести настоящую организацию, не найдя никакого архива в городском управлении, никаких счетов в городской кассе, видя даже злоупотребление со стороны б. кассира Свенторжецкого (имени его не знаю) [8], от которого я велел Торчинскому потребовать отчетов, но тот, их сохраняя на лоскутке, списанном первоначальными буквами, не мог даже объяснить, ссылаясь во всем на распоряжения Пеликши. Я принял на себя обязанность приготовить за несколько дней нужные для того инструкции и представить их воеводе. Мы положили:

Городскими делами управлять начальнику города, а организацию соответственно четырем главным целям: 1) собрание денег, 2) вспомоществование нуждающихся, 3) собрание сведений, выполнение распоряжений высшей городской власти, 4) охранение жителей от компрометации — разделить на 4 секции под заведыванием особых начальников, из которых бы каждый подобрал под свою ответственность нужное количество людей для выполнения специальных своих обязанностей и приказаний нач[альника] гор[ода], получаемых через его помощника.

1. Секция финансовая.

Начальник ее [а] обязан найти сборщиков податей, поделить город на несколько частей, в которой бы [б], собрав сведения о состоянии владельцев домов и прочих недвижимостей, взыскать причитающиеся 10% от годового дохода. Получа сбор за особыми квитанциями, получаемыми [в] кассиром из воеводского управл[ения], доносить всякие 15 дней нач[альнику] города через его помощника о результатах поборов и расходах, которые должны быть подтверждены ассигнациями за подписью нач[альника] города. О лицах отказывающихся доносить начальству.

2. Секция опеки (попечения).

Делится на две отрасли: 1) на отрасль попечения над арестантами политическими, высылаемыми в Россию, и 2) на отрасль попечения над лицами, потерявшими вследствие настоящих обстоятельств средства к жизни, как-то: семейства повстанцев, не оставивших по себе никакого обеспечения, таких же казненных и сосланных.

3. Секция полиции.

Начальник полиции должен подобрать людей, которые бы имели самые разнородные сношения в городе, узнавали о всех толках, настроении умов, следили за проявлением общественного мнения, узнавали обо всех выезжающих в разные стороны из Минска, чтобы, воспользовавшись этим случаем, в виде частной корреспонденции пересылать в уезды распоряжения и отношения по организации; узнавать о являющихся в город разбитках [г] повстан[че]ских отрядов, доносить об нуждах их по начальству и, получив для них деньги на дорогу (согласно постановлению нач[альника] гор[ода] от 27 октября 1863 г.), высылать их сейчас же из города, оставляя в случае уважительных на то причин, засвидетельствованных полицией, [на] известный срок для окончания дел, и это с целью охранить городских жителей от преследований русских властей и самих же укрывающихся от поимки русской полицией. Полиция эта

[а] *В тексте* ей.

[б] *Так в тексте.*

[в] *В тексте* получаемые.

[г] *Rozbitek — потерпевший крушение (польск)., здесь — повстанец, уцелевший после поражения отряда.*

должна была мало-помалу вырабатываться[a], отдельные же лица изберут себе одну сферу для действий, после чего предполагалось разделить полицейское управление на циркулы, соответствующие нынешним кварталам. Но вскоре мы убедились, что этакая полиция ничего больше, как только толпа волокит, приносящих вместо полезных для организации сведений одни только городские сплетни, что эта полиция, без связей в городе, состоящая из молодых и непрактичных людей, навлечет только компрометацию, а потому порешено в декабре м[еся]це упразднить эту полицию, а по прошествии некоторого времени приступить к сформированию новой — по циркулам.

4. Паспортное бюро.

Начальник п[аспортного] б[юро] должен собирать старые паспорты и подорожные, подготовлять оные для употребления лицам, вынужденным переходить в другие уезды или губернии, а если можно, то и выбирать новые действительные билеты для опаснейших проездов и местного проживания возвращающимся из шаек.

1. Начальником первой секции был Иван Мощинский, сделанный вскоре и. д. кассира воеводского. Я велел ему завести книгу прихода и расхода, не выдавать никому ни гроша без ассигновки, скрепленной воеводскою печатью, представлять в известные сроки счеты для проверки вместе с ассигнациями и расписками получителей и, находя их справедливыми, велел составить на особой карточке счет по категориям вообще, без подробностей, подписывал его и прятал за номером в архив.

2. Второй секцией начальствовал сам н[ачальник] г[орода] Торчинский и раздавал, в виде частного вспомоществования, пособия нуждающимся, тоже посылая в острог и на дорогу ссыльным арестантам. Расходы по первой отрасли этой секции отчасти покрывались из городской кассы, отчасти из воеводской, по второй — только из воеводской.

NB. Вообще касса городская была бедна, возможные ко взысканию недоимки были давно уже взысканы, а нового побора произвести было невозможно. Воеводская же касса состояла из взносов, присылаемых из уездных касс.

3. Третьей секцией управлял сначала Боровик Болеслав, а после арестования его в ноябре месяце я призвал на эту должность Цезаря Мицкевича, б. студента Московск[ого] унив[ерситета].

Четвертой секцией заведовал Качинский Михаил.

Особой экспедиции и воеводской канцелярии у нас не существовало. Писал все я собственноручно. Постоянных средств сообщений мы не имели и пользовались случаями; только с минским уезд[ным] нач[альником] сообщались мы лично, с игуменским уезд[ным] нач[альником] — через комиссара того же уезда. Со Слуцком сношения были трудны, с Бобруйском — через Игумен или Слуцк. С Борисовским у. сношений не было, потому что еще в ноябре м[еся]це Свида, и. д. уезд[ного] н[ачальника], не видя возможности да и не находя надобности в проведении организации, не сносился с нами. С Вильном мы сообщались почтою, симпатичными[б] чернилами (cali borusicum, а как реактив — купорос), под адресом Елисаветы Петровны Козырской на почтовую ст. Едлину, до востребования. Из Вильно получали под адресом: Карлу Ивановичу Шильдеру в Минск, до востребования.

---

[a] *Так в тексте.*

[б] *Т. е. симпатическими.*

Деятельность наша была главным образом обращена на поддержание расстроенной повсюду организации. С этою целью 17 октября Лапицкий составил циркуляр, в котором доказывал, что хотя у нас вооруженное восстание и немыслимо, но организация все же необходима как сила нравственная, могущая нам принести пользу в случае успеха дипломатического вмешательства Европы[9]. Требовал подробных сведений по части финансовой и статистической да велел упразднить должности уездных референтов, возлагая их специальные обязанности на окружных. Циркуляр этот я переписал в 8 экз., из которых по одному отдал: Поржецкому, Пекарскому и Свиде (Борисовскому), 4 экз. отдал Лапицкому на уезды Слуцкий, Пинский, Мозырский и Речицкий. Прямых ответов на этот циркуляр мы ни от одного началь[ника] уезд[а] не получили. Свида (Борисовский) сказал, что мог бы еще собрать статистические разве сведения, но этих не подал. Слуцкий нач[альник] в декабре, присылая Лапицкому 4000 [руб.], велел сказать, что сведений этих он не в состоянии собрать, в переписку вдаваться не думает, а организацию может поддержать только номинально, и то не навязывая ей никаких работ, ибо, прижав[а] ее немножко посильнее, она сейчас рассыплется. Нач[альник] земли Полесской прислал вместе 1500 руб. из Мозыря и Пинска, уведомляя, что в настоящее время не может снестись еще с Речицким у., что будет стараться поддерживать организацию, но что географическое положение Полесья не позволяет ему иметь частые сведения о делах организационных. Через привезшего эти корреспонденции и деньги Лапицкий отправил приготовленных мною несколько отписей[б]: постановлений отдела Л[итовского] о паспортах, отчетах за 1863 г., форму отчетов, с подробными объяснениями характера требуемых в отчете сведений, и приказание доставить все это к концу января. (Распоряжения эти получил из Вильно первых дней декабря[в] через Теодора Ваньковича, отправляющегося на излечение за границу. Паспорт организационный, который он мне представил, именовал Ван[ь]ковича поручиком войск народовых Виленского воеводства. Ванькович отправлялся через Киев за границу, ему известны были условный между Вильном и Минском сигнал и лозунг). Того же содержания корреспонденцию я передал Поржецкому и Пекарскому.

Вынужденный по делу посессии[г] Самуэлевской отправиться в Вильно, я выехал из Минска 24 декабря вечером, желая вместе с тем выяснить перед Калиновским подробное положение, средства и дух Минского воеводства, узнать надежды и планы в будущем, а главное потребовать сведений из-за границы. Но Калиновский сам еще не имел решительных данных, обещал, снесясь с Варшавою и заграничною агентурою, прислать в Минск инструкцию дальнейшим работам, а между тем советовал лишь держаться консервативно в ожидании развязки готовящихся в Европе политических перемен. Калиновский обещал вскоре через кого-нибудь едущего в Минск прислать адресы корреспонденциям из Минска и Могилева, а[д]ресы в Вильне для личных свиданий, переменив сигнал и лозунг между Вильном и Минском. У Калиновского встретил я Парафияновича, которого первый раз видел в сентябре, на почтовой

[а] *Так в тексте.*

[б] *Odpis — копия (польск.).*

[в] *Т. е. в первых днях декабря.*

[г] *Posesja — арендованное поместье (польск.).*

ст. Молодечно, кажется, едущего в Вильно с д[октором] М. Оскерко[10]. По приезде моем в Минск в конце декабря через 2—3 дня явился ко мне Парафиянович, испрашивая у меня адресов из Вильно, но я сам не получив, не мог дать ему. Мы условились писать симпатичным чернилом в Минск на имя Шильдера, в Могилев же на имя модистки какой-то, которой фамилии не помню, ибо скоро потерял карточку с адресом. Мы тоже условились присылать к себе людей только с сигналом. Парафиянович указал мне какого-то доктора Грабовского *, говоря, что этот человек не может ничем закомпрометироваться как не принадлежащий к организации. Я же сказал ему спросить у Добровольского подобного же адреса в Минске.

В начале января, как только начались сильные аресты, мы, и так не имея уже никаких занятий в городе, положили окончательно притихнуть. Мощинский намерился уехать в Петербург, Поржецкий туда же, Торчинский, почти ничем уже не занимавшийся, готов был уехать, я хотел скорее кончить с имением Самуэлевским и перебраться туда на жительство. Бумаги и печати, которым мы не могли найти места, возясь с ними от одного к другому[а], мы сожгли с Лапицким, а печати Лапицкий решился бросить в прорубь где-нибудь.

Новогрудский у. с начала восстания присоединен был к Виленскому воеводству. В сентябре 1863 г. Оскерко привез постановление Отдела о присоединении Новогрудского у. к Минскому воеводству, но Пеликша, считая это непрактичным, просил меня написать об этом в Вильно, советуя этот уезд присоединить к Гродну, с которым Новогрудок имеет более родственных связей как некогда туда принадлежавший[б]. Указаний же Оскерко не привез никаких, потому что Вильно не могло снестись с Новогрудком и виленский воеводский н[ачальник] не знал, что там делается[в], что комиссара этого уезда Владислава Борзобогатого трудно будет отыскать, ибо он скомпрометирован, держась при отрядах повстанческих[в][11].

Окулича и Пешки — не знаю и не слыхал об них даже.

Прозор к организации, кажется, не принадлежал, потому что Пеликша в разговоре со мной о том, что до сих пор у них не было злоупотреблений, сказал, что был один только случай, которого действительности он не мог еще поверить, что Прозор, имея у себя 5000 руб. сер. складочных денег, задержал их у себя и не хотел отдать. «Но это еще до введения организации»,— прибавил Пеликша.

Керсновского, Китновского, Жука, Брилевского, Буконовского, Владислава Милевича, доктора Бронислава Мацкевича, Юзефы Баневич и Каролины Яцыны не знаю лично и не слыхал об них в организации. Милевича одного знаю, имя его Ильдефонс, служил он при гродненской люстрации, встречал я его в Петербурге у Виктора Калиновского. Летом 1863 г. Ильдефонс Милевич приехал в Вильно, был несколько раз у меня, и, как мне известно, он старался получить здесь место штатное или частное, находя свою службу в Гродно невыгодною. Спрашивал меня, не может ли мой отец отрекомендовать его к кн. Витгенштейну, но в

---

* Другого доктора я не помню.

[а] *Так в тексте.*

[б] *В тексте* принадлежащий.

[в—в] *Написано на полях.*

управлении имениями кн. Вит[генштейна] [ни] землемера, ни люстратора тогда не требовалось. В разговоре Милевич упоминал, что главный люстратор по Ковенской и Гродненской губерниям Сакович обещал дать ему место в Вильне, упоминал тоже о том, что мать его живет в Троцком у., что он ее посещал в бытность свою в Вильне.

Сношений Милевича с Калиновским я не знаю, если они и были, то очень понятно, что я не мог упоминать перед Милевичем об Калиновском, чтобы не разглашать его инкогнито, а Калиновский, в свою очередь, не видел бы надобности выказывать мне Милевича. Осторожность же Калиновского, кажется небезызвестна и самой комиссии.

С июня месяца по сентябрь я часто занимался при К. Калиновском обработкою организационных бумаг, но занятия эти не были для меня обязательными, так как я в организацию не вступал. Переписку, которую Калиновский удерживал[а] с воеводствами, я не вел постоянно, а составлял только бумаги, требующие тщательнейшей отделки (как-то: циркуляры, полемику с Варшавой, не понимавшей местных отличительных условий Литовского края, и т. п.).

И именно вследствие того, что не вел постоянно деловой переписки, я не мог следить за ходом дел в воеводствах, во-вторых, не имея никакой обязательной функции в организации, я не имел сношений с людьми, к ней не принадлежавшими. Занятия мои при Калиновском были частным трудом, отношения мои к Калиновскому не были как секретаря к комиссару, но чисто личные, так сказать «вольнонаемного», притом же, хотя бы только по простому чувству дискретности[б], не принимая обязанностей как члена организации, я не мог требовать сведений, не переходящих за ее пределы. Дел городских я вовсе не знал, в разговоре о них Калиновский выражался очень поверхностно, о Виленском вое[водст]ве он вспоминал в августе м[есяц]е, что в уездах невозможно провести организацию. В Инфлянты и Витебское воев[одств]о мне ни разу не приходилось писать ни одной бумаги.

По делу, сообщенному полковником Лосевым из Минска, о преследовании священника Русецкого Пеликшем, на требование комиссии выяснить это дело я ровно ничего сказать не могу. Пеликша передо мною не вспоминал никогда о священнике Русецком, и от посторонних лиц, а равно и знакомых мне членов организации я ничего об нем не слыхал.

Дворянин Иосиф Ямонт
Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан
Семенов, поручик Юган, поручик Гогель,
обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 438, лл. 19—22. Подлинник

[1] *О структуре, составе и деятельности минской революционной организации и судьбе ее участников см. военно-судное дело в ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 554, ч. 1 и 2, а также показания и. о. минского воеводы Гектора Лапицкого (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, лл. 22—27), рапорт виленского жандармского штаб-офицера полковника А. М. Лосева М. Н. Муравьеву от 24 февраля 1864 г. (там же, лл. 19—21) и очерки А. М. Лосева от 22 апреля 1864 г. о деятельности минской повстанческой организации (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 190, лл. 11—29).*

[2] *Циркуляр Литовского отдела воеводам о подписывании адреса царю. См. док. 30 и прим. 2 к нему.*

[а] *Т. е. поддерживал.*

[б] *Dyskretność — деликатность; умение хранить чужие тайны (польск.).*

[3] *Инструкция о приготовительных работах организации в воеводствах Минском, Витебском и Могилевском не обнаружена.*

[4] *Пояснения К. Пеликши на вопросы инструкции см. показания И. Ямонта в Виленской особой следственной комиссии от февраля 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 438, лл. 23—25). По словам И. Ямонта, К. Пеликша сообщил ему следующее:* Организация расстроена, да и никогда не была так проведена, как того требуют инструкции, потому что задача организации — чисто революционная, к выполнению же ее более всех способно среднее образованное сословие и городское население. Здесь этих элементов почти нет или они очень слабы, здесь одна шляхта, по традициям, воспитанию и нравам чисто консервативная. Вступила она, правда, на революционную дорогу, но для целей политическо-национальных, социальный же вопрос служил только средством, которого в минуту восстания нечем было заменить.

Попытки привлечь крестьян к восстанию не увенчались успехом. Восстание, поднятое его [крестьянина] экономом, писарем, доктором, паничем или чиновником, которых крестьянин знал прежде смиренными, надменными, но никогда почти не стоявшими явно на его стороне, не приобрело сразу его симпатии.

Запрещенные газеты еще имеют огромное влияние на умы минчан, в городах и в провинции, но варшавские красно-революционные листки здесь не по вкусу, они наводят какое-то уныние.

Податной сбор в Минском воеводстве производился дважды: первый до восстания или в начале его, второй — в июне и июле, по 5% каждый раз. Результат его [второго сбора] был не так успешен, как первого, вследствие уменьшившихся шансов на успех восстания... Многие уже уклонялись от пожертвований, а многие показывали меньше дохода, нежели действительно получали.

[5] *Выехав за границу в октябре, К. Пеликша так и не возвратился оттуда.*

[6] *М. Оскерко был задержан на ст. Островская Петербургско-Варшавской железной дороги 22 октября 1863 г. См. донесение офицера корпуса жандармов прапорщика Бирнбаума управляющему III отделением А. Л. Потапову от 22 октября 1863 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 428, л. 4).*

[7] *Более подробно о названном совещании см. показания А. Торчинского в Виленской следственной комиссии (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, лл. 28—29). В своих показаниях А. Торчинский говорит, что до октября 1863 г. он не принимал никакого участия в минской революционной организации, и подтверждает показания Ямонта о составе и структуре организации после октября.*

[8] *Родриг Свентожецкий.*

[9] *Циркуляр и. о. минского воеводы Г. Лапицкого от 17 октября 1863 г. о поддержании организации не обнаружен.*

[10] *В. Парафиянович в своих показаниях в Виленской следственной комиссии в январе — марте 1864 г. также упоминает об этой встрече, указывая только, что она состоялась не в Молодечно, а в Родашковичах (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, лл. 12—15).*

[11] *О составе и деятельности новогрудской повстанческой организации см. док. 249.*

247

1864 г. марта 22.— Показания прапорщика В. Миладовского в Виленской особой следственной комиссии о выезде офицеров из Петербурга для участия в восстании и повстанческом движении в Новогрудском у.

22 марта 1864 г. призванный в Особую следственную комиссию в Вильне прапорщик понтонного № 5 парка Витольд Богумилов (Феофилов) Миладовский, 27 лет, католик, уроженец Минской губ. Новогрудского у., недвижимого состояния не имеет, показал:

Все, что объявлено мною при последних допросах в присутствии рогачевского исправника относительно моего происхождения, воспитания, производства в офицеры и бытности в Николаевской инженерной академии, то верно, кроме того, что академию я оставил самовольно в апреле 1863 г. Это случилось так:

Еще прежде, задолго, в Петербурге были распространяемы всевозможные газеты, объявления, квиты[а] для сбора денег и приказы. Кем и к кому они доставлялись, мне неизвестно, большую часть из них получал от товарищей по академии, экстернов инженерного училища Александра Барановского, Плоцкой губ., и Довнара (имени не помню), Ковенской губ., кажется, Россиенского у. От кого они получали эти издания, мне неизвестно. Таким образом я получил в числе прочих приказ оставить Петербург и выехать на помощь родине не позже 1 мая, с угрозами за непослушание смертью и бесчестием. Общее течение увлекло меня. По объявлении Довнара, что надобно отправиться в Вильно, я, Довнар и Барановский выехали по железной дороге, а вслед за нами и прапорщики той же академии Киянский, Юндзилл, Ковенской губ., и, наверно, многие другие. Еще пред выездом из Петербурга Довнар получил от кого-то на издержки наши 180 руб. и адрес, к кому мы должны были обратиться в Вильно, а именно: на Замковую ул. в дом Старотеатральный к доктору Клечковскому. Сверх того Довнар имел еще два адреса; к Дюлерану и Оскерке.

По приезде в Вильно я остановился у Клечковского, а оба мои товарища — в Нишковской гостинице[б]. Через день все трое получили от Клечковского по 20 руб. каждый, мандаты на звание: для меня — поручика, а товарищи — инструкторов, вместе с назначением в Новогрудскую партию и приказание за дальнейшими наставлениями явиться в Гродне к Заблоцкому (название переулка не помню, живет в собственном доме). По данному адресу мы вошли в дом и застали доктора Заблоцкого (лет около 22), который по предъявлении нами мандатов испугался и показал нежелание с нами знакомиться, но вскоре пришел его старший брат (лет около 30) и, переговорив с нами, объявил, что он все устроит. Действительно, через короткое время он вернулся с другим господином, принесшим адрес доктора Понсета в Волковыске, по которому Заблоцкий и поручил нам отправиться на приехавшей еврейской фуре.

По прибытии в Волковыск по распоряжению доктора Понсета была приготовлена новая фура, и мы отправились далее чрез местечки Зельва, Новодворец, Мир. В дер. Березе переправились чрез Неман и достигли с. Деревны помещиков Дыбовских (в Ошмянском у. близ новогрудской границы). Весь путь этот совершили большею частью ночью, но всегда по окольным дорогам, меняя еврейских лошадей от местечка до местечка, которые, по-видимому, имелись постоянно приготовленными на подобную надобность, ибо денег мы не платили, а евреи передавали друг другу квиты. В с. Деревны нас привезли к управляющему имением старику Бересневичу. Там же застали артиллерийского офицера, приехавшего из Минска, поручика Володзько, имевшего мандат от минского воеводы на звание предводителя Новогрудской партии, под именем Янко-Коваля[в 1]. Там пробыли около 2 дней. В это время Бересневич успел собрать 10 чел[овек] из разбитой шайки Шалевича*[2] и, дав нам 2 подводы и

---

* Офицер Николаевской генеральной академии, вышедший за год пред мятежом в отставку, проживавший в Новогрудке, где находится и теперь отец его; он был взят в Мире при начале восстания, в апреле, и содержался в Новогрудке.

а *Kwit (польск.), квіт (белорусск.) — расписка, квитанция.*

б *Правильнее — гостиница Нишковского.*

в *Т. е. Янки Коваля.*

снабдив припасами, вместе с означенными людьми отправил нас четверых в Налибокские леса.

Там нашли 27 чел[овек] под командою кс. Лашкевича, в числе их новогрудских помещиков: Бохвица, Рудолтовского [а], Добошинского, Таурогинского и Врублевского *. Простояли около месяца при двух дворах однодворцев Зелинского и Садовского, которые доставляли нам всевозможные припасы. Чрез полторы недели по прибытии нашем присоединились еще 23 чел[овека] из м. Вселюба, затем 6 человек официалистов из Щорс гр. Хребтовича. Начальство над всеми людьми принял Коваль и производил учение партии, дошедшей чрез несколько времени до 65 чел[овек]. Я и Довнар командовали взводами. Вследствие нападения войск мы с этой позиции бежали, оставив все вещи и запасы у однодворца Зелинского, которого тогда не было дома. Войска, захватив все брошенное нами и арестовав Садовского, удалились. На другой день мы снова воротились к Зелинскому, и он нас перевел болотами под мызу Голендерию, кажется, помещика Пусловского, от которого отправились далее чрез Неман в Вересков, имение новогрудского предводителя дворянства. Там во время дневки Коваль сложил с себя начальство над партиею, которое, по избранию товарищей, принял я вместе с 300 руб. военной кассы.

Вследствие постоянного преследования войск мы беспрестанно меняли позиции, проходя лесами чрез Вселюб, Крамушевку, у последней простояли несколько дней, в продолжение которых присоединились к нам 32 ч[еловека] окольной шляхты, потом потянулись в Углы и Карачев. Здесь раза два навещал партию помещик Соколовский, как я предполагаю, бывший окренговым [б]. У него я виделся с военным начальником Новогрудского у. доктором Борзобогатым (старший из 3 братьев). Он привез приказание отправиться партии под Миловиды и прислал к нам проводником чиновника Землянского, который и привел нас чрез Новины до лесника Погоржельского. Последний сопутствовал нам до лесов Михайловских в им. Белая Гора, а живущий там вблизи судья слонимского уездного суда Чернявский лично провел до имения помещицы Свежинской, где, наняв для нас подводы, отправил под Миловиды. Там присоединились в числе 120 чел[овек] к партиям Слонимской, под командою офицеров Юндзилла и Лукашевича, Волковыской — Млотека (Стравинский), Пружанской — помещика Влодека и Гродненской — Ляндера (полковник Лянкевич [в], начальствовавший в то же время всем отрядом). Здесь было неоднократное нападение на нас войск [3], после чего в мае мы отступили в глубь лесов и после новой тревоги от войск разошлися по партиям, я к Ржепиховским лесам **.

---

* Все добровольно явились правительству, кроме Рудолтовского, о месте пребывания которого не знаю.

** Причем от меня отделился с 40 людьми Баранович [4]. Он присоединился после в Качаришских лесах вместе с поступившими под его команду новогрудскими помещиками: двумя братьями Домейко и Абламовичем [д].

[а] *В тексте здесь и далее ошибочно* Рудонтовского.

[б] *Okręgowy — окружной (польск.), здесь — окружной повстанческий начальник.*

[в] *Правильно — Ленкевич.*

[г] *Т. е., по-видимому, Барановский.*

[д] *В тексте* Обламовичем.

Под Миловидами я видел приезжавшими вместе из Гродно Калиновского и Заблоцкого (старшего). Какую должность имел Калиновский — не знаю, но Заблоцкий был гражданским начальником Гродненского воеводства. Тот и другой производили ревизию людей, снаряжения, поверяли, все ли выдано им на руки, что было посылаемо Жондом, и обещали выслать денег.

В Ржепиховских лесах посещал партию нашу из имения Замойских помощник главноуправляющего Нестеровича дворянин Буркат, который был одним из окренговых в Новогрудском у. Он доставлял нам разную одежду, сапоги, кожу и т. п. Из Ржепиховских лесов мы перешли в Качаришские леса около фабрики помещика Люциана Бохвица-Качаришки. Там около 2 месяцев бродили под руководством сына лесника им. Бохвица Пентковского, бывшего в шайке и хорошо знавшего все тропинки. Здесь являлся ко мне окренговый Маевский (псевдоним «Староконский»), доставил деньги и провизию. Потом, укрываясь от преследования войск, я с партиею перешел за Лахозау и направился вверх по ней, к устью р. Мшаной, где при фабрике Гута Мшаная живет лесник Мержеевский. Он провел в оставленный партией Лукашевича лагерь (Слонимского у.). Оттуда вышли при помощи лесника Пржевлоцкого (имения Юндзилла) в леса под названием Передел и, наконец, чрез Михайловские и мызу Белая Гора в леса Карачевские от них после двухдневного отдыха направились к Игнатово. Проводил нас опять Землянский. Здесь, после нападения команды казаков, партия разбежалась, оставив меня при 20 челов[еках][5]. Это было в августе.

После этого с этим остатком я возвратился в Карачаевские леса, где Маевский привез приказание остановиться для нового формирования. Но беспрестанно тревожимый войсками, я около 2 месяцев переходил с места на место, пока в октябре холод заставил всех разойтись. Все бывшие в шайке ушли представиться с повинною начальству, только я как военный не решился, это было в октябре. Из числа расходившихся я отправился к помещику Александру Тупальскому (им. Кротувка)[a]. Добкевич (новогрудский мещанин, был в арестантских ротах 7 лет) на дороге в м. Мышь был схвачен[6]. Добошинского взял отец (живет недалеко от Тупальского). Барановский поселился в отдаленной хате повара Добошинского — Каетана. Врублевский явился к начальству.

На другой день по прибытии моем Тупальский уехал в Новогрудок, предоставив мне поместиться тут же, в его деревне, у лесника Антося. Там прожил около 3 недель. К Тупальскому приезжал из м. Своятичь сын управляющего Гржибовский и, объявив, что едет в Минск, обещал мне и товарищам достать паспорты и действительно чрез 3 недели привез их несколько, печатных и писаных, и раздал мне, Барановскому и Добошинскому. Мне достался самый дурной паспорт. В сопровождении лесника Антося я доехал до Мира, оттуда нанял жидовскую фуру и добрался до Рогачева с целью взять место в дилижансе и направиться в Москву, где поступить в приказчики. Но в Рогачеве был задержан 22 ноября прошлого года.

Все это объяснил по сущей правде, ничего не утаив. На вопросы комиссии относительно организации, преимущественно новогрудской, ничего не могу добавить, потому что, кроме названных уже лиц, более никого не знаю. Должен упомянуть только еще то, что в Новогрудском у.

[a] *Правильней, по-видимому, Крутовцы.*

однюю из весьма деятельных особ, помогавших делу восстания, была сестра названного Соколовского, вдова Войниловичева. Она неоднократно разъезжала из Новогрудка в обозы, доставляла деньги, известия и приказания.

Во время моего командования никаких неистовств шайкою произведено не было. Прежде же по приказанию Янки Коваля был повешен на пикете один из налибокских крестьян, кажется, Иван, за шпионство. Псевдонима я не имел, но часто говорил, что шайкою начальствовал кс. Лашкевич, который был при шайке вроде капелана и казначея и бежал за границу, захватив до 1500 руб. военной кассы. Борзобогатый также уехал за границу.

Прапорщик понтонного № 5 парка Витольд Миладовский.

Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, ч. 1, лл. 4—8 об. Подлинник

[1] *Под именем Янки Коваля действовал отставной артиллерийский офицер штабс-капитан Владислав Володзько. См. ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 106.*

[2] *Повстанческий отряд под предводительством Шалевича был разбит 7 апреля 1863 г. в Налибокских лесах. См. док. 231.*

[3] *О сражении повстанцев с войсками под Миловидами см. док. 197—198.*

[4] *Ушедший с партией Барановского повстанец Б. Флорианович в своих показаниях сообщает, что после битвы под Миловидами* нас около 600 человек оставалось, а как было трудно доставать провизию на такое число, то мы разделились на несколько частей; я с партией отправились к Новогрудку, которая опять скопилась до 60 человек, в которой был начальником офицер из С.-Петербурга Барановский. 9 числа [июня] наша партия была рассеяна солдатами около м. Кривошина ... Кс. Лашкевич пошел в большей партии Миладовского, но куда — неизвестно *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 109, лл. 11—12).*

[5] *По-видимому, Миладовский имеет в виду нападение войск на повстанцев между деревнями Драчилово и Игнатово Новогрудского у., но оно состоялось не в августе, а 28 июня. В этот день отряд Миладовского, численностью до 130 человек, был атакован войсками. Повстанцы потеряли одного убитого и двух пленных, и на другой день войсками захвачено поодиночке 15 человек повстанцев. После поражения под Драчиловым, по свидетельству повстанца К. Урбановича, отряд распался. См. журнал военных действий в Минской губ. с 1 июня по 1 июля 1863 г. (ЦГВИА СССР, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 173—184) и показания К. Урбановича (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 334, лл. 8—9 об.).*

[6] *Константин Добкевич был взят в плен 29 октября 1863 г. На вопрос в следственной комиссии, что побудило его присоединиться к повстанцам, отвечал, что присоединиться к восстанию* побудили меня чувства патриотические и надежда реформ и улучшения, долженствовавшие последовать на родине *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 572, лл. 15—20).*

248

1864 г. мая 22.—Сообщение в газете «Минские губернские ведомости» о конфирмации М. Н. Муравьева по военно-судному делу штабс-капитана М. Чижика [1]

По военно-судному делу о штабс-капитане Московского гренадерского великого герцога Фридриха Мекленбургского полка дворянине Минской губ. Мельхиоре Осипове Чижике, сужденном по полевому уголовно-

му уложению за отлучку из службы, присоединение к мятежу и предводительствование мятежническою шайкою, г. главный начальник края конфирмациею от 9 марта определил: штабс-капитана Чижика, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на 20 лет.

Газ. «Минские губернские ведомости», 22 мая 1864 г., № 21

[1] *Прибывший накануне восстания из Петербурга М. Чижик сформировал в Борисовском у. повстанческий отряд, который выступил в ночь на 20 апреля. На пути следования повстанцы уничтожали портреты царя и дела в волостных правлениях, разгоняли этапные команды, сжигали мосты и паромы, нападали на почтовые станции, забирая лошадей и тачанки. См. док. 234.*

Позже отряд Чижика объединился с действовавшим на границе Виленского и Борисовского уездов повстанческим отрядом В. Козелла — военного начальника Вилейского у., в котором Чижик командовал одним из отделений. После разгрома отряда Козелла 16 мая при дер. Владыки Вилейского у. (из 200 повстанцев спаслось около 40, а Козелл был убит), Чижик собрал остатки повстанцев и увел их в Игуменские леса. Здесь в августе отряд Чижика соединился с отрядом С. Лясковского. В октябре, после роспуска Лясковским отряда, Чижик получил подложный паспорт и намеревался уехать за границу, но был задержан в Ельне 21 декабря 1863 г. См. журнал военных действий в Минской губ. с 16 по 27 мая (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 139, лл. 125—133), показания Конопацкого в Минском городском полицейском управлении (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 674, лл. 6—9).

249

1864 г. декабря 8, Вильно.— Из заключения Временного полевого аудиториата по военно-судному делу о новогрудской повстанческой организации [1]

Временный полевой аудиториат, рассмотрев представленное комиссиею военного суда при Виленском ордонанс-гаузе военно-судное дело о вольнопрактиковавшем враче Владиславе Борзобогатом, 35 лет (неизвестно куда скрывшемся), помещиках Минской губ.: Новогрудского и Лидского уездов Константине Осипове Кашице, 42 лет, Слуцкого у. отставном подполковнике генерального штаба Станиславе Станиславове Олендзском, 32 лет, и Новогрудского у. отставном губернском секретаре Николае Иванове Дубичинском, 34 лет, уволенном из военной службы лекаре Зеноне Новодворском, 33 лет, отставном штабс-ротмистре гр. Константине О'Рурк, 39 лет, помещике Новогрудского у., отставном инженере-капитане Адольфе Фаддееве Микульском, 44 лет отставном штабс-капитане Фоме Антонове Доманском, 40 лет, помещике Лидского у., отставном коллежском регистраторе Иосифе Адамове Пилецком, 36 лет, б. новогрудском уездном предводителе дворянства помещике Владиславе Рохове Брохоцком, 52 лет, помещиках Новогрудского у. отставном поручике Оттоне Бохвице, 29 лет, и Михаиле Ясинском, 33 лет, вольнопрактикующем враче Феликсе Станиславове Цвирко, 35 лет, помещике Новогрудского у. Александре Андрееве Тупальском, 35 лет, дворянине Минской губ. Михаиле Иванове Гржибовском, 24 лет, дворянине Новогрудского у. Фремонте Коссовском, 32 лет, мещанине Вселюбского общества того же уезда еврее Переце Лейбовиче, 42 лет, дворянах Новогрудского у. вольнопрактикующем враче Антоне Борзобогатом, 27 лет, Иосифе Борзобогатом, 32 лет, Андрее Пледевиче, 27 лет, и Иване Войниловиче, 30 лет, крестьянине Стволовичского сельского общества Новогрудского у. Каетане Тарасевиче, 35 лет, ксендзе м. Мир из дворян Слонимского у.

Гродненской губ. Александре Сенчиковском, 35 лет, крестьянине Брестянского сельского общества Новогрудского у. Семене Козаке, 50 лет, помещиках Новогрудского у. Константине Маевском, 41 года, Брониславе Ипполитове Соколовском, 29 лет, отставном штабс-ротмистре Мечиславе Иосифове Войниловиче, 45 лет, Константине Иосифове Войниловиче, 28 лет, Станиславе Петрове Абламовиче, 19 лет, и Слуцкого у. Александре Иодко-Наркевиче, 26 лет, викарном ксендзе м. Вселюб Новогрудского у. Киприяне Беликовиче, 28 лет, жене отставного штабс-ротмистра Августина Войниловича Стефании, 33 лет, крестьянине Сокольского у. Гродненской губ. Осипе Иванове Бурсе, 40 лет, несвижском городовом враче Минской губ. Донате Малькевиче, 32 лет, и дворянах Новогрудского у. Иване Сороко, 35 лет, и Болеславе Константинове Борзобогатом, 31 года (все подсудимые, за исключением еврея Лейбовича, Николая Дубичинского и Семена Козака, римско-католического исповедания, Дубичинский и Козак — православного, а Лейбович — еврейского), находит, что из подсудимых: Владислав Борзобогатый, Кашиц, Олендзский, Дубичинский, Новодворский, Микульский, Бохвиц, Соколовский, Пилецкий, Маевский и Бурса были преданы военному суду по полевому уголовному уложению за принадлежность к тайной революционной организации по Новогрудскому у. Минской губ., остальные же 25 человек — за соучастие в организации сбором денег, доставлением мятежникам припасов и одежды, содействием мятежникам присоединиться к шайкам и укрывательство в своих домах мятежников.

Из собранных следствием и судом сведений видно, что первоначальное образование тайной революционной организации в Новогрудском у. следует отнести, как в прочих губерниях здешнего края, к началу прошедшего года. В это время в Новогрудском у. является самым деятельным революционером, сильно заботящимся о развитии польской пропаганды и устройстве вооруженного восстания в уезде, проживавший в Новогрудке вольнопрактикующий врач Владислав Борзобогатый. К февралю прошедшего года, преимущественно стараниями Борзобогатого, молодежь в уезде была уже достаточно подготовлена к восстанию, и уже тогда Виленский революционный комитет, распоряжавшийся восстанием по Литве, приступил к образованию в Новогрудском у. тайной революционной организации. Для этого он назначил одного из местных помещиков, подсудимого Константина Кашица, гражданским начальником уезда, врача Владислава Борзобогатого — уездным комиссаром, а помещика отставного подполковника генерального штаба Станислава Олендзского — военным начальником в уезде с подчинением ему Слуцкого и Пинского уездов; впоследствии же, когда Кашиц добровольно удалился от участия в организации, доктор Борзобогатый стал исправлять и его должность гражданского начальника, продолжая быть и уездным комиссаром. Кроме того, Новогрудский у. в порядке революционного управления был разделен на несколько округов, но произведенное расследование для обнаружения лиц, занимавших должности окружных начальников и их помощников, дало возможность уличить в этом только помещика Николая Дубичинского и доктора Зенона Новодворского, причем расследованием открыто, что оба эти лица после побега Борзобогатого временно занимали его место, хотя особой деятельности к поддержанию восстания не выказали, тем более, что около этого времени началось распадение революционной организации в Новогрудском у. и

Владислав Борзобогатый

нанесен был правительством решительный удар вооруженному восстанию.

Вскоре действия организации совершенно прекратились, и все члены оной, оставив свои занятия, не обратились, однако ж, к правительству с повинной, и хотя уже в марте с. г. был обнаружен посредством принятых начальством мер состав революционной организации по Минской губ. и тогда же сделаны были указания на подсудимых помещиков Адольфа Микульского, Бронислава Соколовского и Иосифа Пилецкого как на членов организации в Новогрудском у., но они при допросах в принадлежании к организации не сознались, к обнаружению их преступной деятельности не представилось положительных сведений и состав новогрудской организации оставался неизвестным. Наконец, арестованный в Могилевской губ. б. начальник шайки в Новогрудском у., бежавший из службы прапорщик Миладовский при допросах в половине июня нынешнего года разъяснил, что при выезде его в апреле прошедшего года из Петербурга для принятия начальствования над шайкою Новогрудского у. ему приказано было одним из членов Виленского революционного комитета обратиться по приезде в Новогрудок к тамошнему доктору Борзобогатому и помещику Кашицу, которые названы были ему: первый —

гражданским начальником Новогрудского у., а второй — военным начальником[2]. Вследствие этого указания 17 июня нынешнего года был арестован подсудимый Кашиц, и на первом же допросе он не только откровенно и с полным чистосердечием разъяснил свое собственное участие и деятельность в составе революционной организации по Новогрудскому у., но и обнаружил других членов организации и указал на прикосновенность к оной некоторых местных жителей. При разысканиях же этих лиц по соединенным указаниям Миладовского и Кашица были арестованы еще и другие лица из числа жителей Новогрудского у., хотя не принадлежавшие непосредственно к составу организации, но имевшие сношения с революционерами, способствовавшие восстанию снабжением мятежнических шаек деньгами, продовольствием, одеждою, укрывавшие предводителя Миладовского и содействовавшие его побегу по оставлении им мятежнической шайки.

Следствием и судом в отношении всех этих лиц обнаружено:

I. О лицах, принадлежавших к составу революционной организации в Новогрудском у. и прикосновенных к оной:

В числе лиц, составлявших новогрудскую революционную организацию, обвиняются подсудимые: вольнопрактикующий врач Владислав Борзобогатый, помещики Константин Кашиц, Станислав Олендзский, Николай Дубичинский и уволенный из военного ведомства лекарь Зенон Новодворский. Относительно каждого из них по делу видно:

1) подсудимый вольнопрактикующий врач Владислав Борзобогатый, 35 лет, проживавший в гор. Новогрудке, по отзыву подсудимого помещика Адольфа Микульского и всех других знавших его членов организации был преисполнен крайними революционными идеями и еще задолго до вооруженного восстания, на последнем дворянском собрании в Минске, говорил с большим негодованием о помещиках, уклонявшихся от выражения сочувствия мятежу, и в то же время, имея по своему образованию и характеру огромное влияние на других, с самого начала противоправительственных демонстраций в крае подстрекал молодежь к противодействию правительству, склонял всех через своих агентов к вооруженному восстанию, и впоследствии, когда в некоторых местах края образовались мятежнические шайки, он выслал из города и уезда всех изъявивших готовность принять участие в восстании, сформировал из них шайку и снабдил оную вооружением, одеждою и прочими припасами. Одновременно с этим, приняв участие в тайной революционной организации по Новогрудскому у., Борзобогатый занимал сначала должность уездного комиссара, а потом был сделан гражданским начальником уезда и, находясь в этих званиях, имел постоянные сношения с Виленским революционным комитетом и деятельно заботился о поддержании мятежа в Новогрудском у.; 8 же июля прошедшего года, когда преступления его сделались известны правительству, неизвестно куда скрылся из Новогрудка и до сих пор не разыскан.

Преступная деятельность его в организации вполне доказана по делу показаниями главных членов организации, объяснивших как положение, занимаемое Борзобогатым в составе организации, так и самые его действия. Из этих лиц помещик Константин Кашиц показал, что доктор Борзобогатый, действия которого, как он заметил, руководимы были Виленским революционным комитетом, был назван ему в гор. Вильне как комиссар Новогрудского у. и когда он, Кашиц, по возвращении из

Вильны в Новогрудок в марте мес[яце] с номинациею [a], от революционного комитета объявил Борзобогатому, что восстание надо отложить до мая месяца, то Борзобогатый остался этим недоволен, заметив, что в Новогрудке и Слониме собрано им до 100 человек молодых людей, готовых принять участие в вооруженном восстании, и что далее сдерживать их готовность будет трудно; кроме того, при разговоре его, Кашица, в Вильне с членом комитета Еленским, когда он выразил, что для восстания в Новогрудском у. нет оружия и пороху, Еленский ответил, что Борзобогатый, как хороший химик, приготовит для них порох, а при другом свидании Еленский объявил, что на время отсутствия его, Кашица, из Новогрудка Борзобогатый получил приказание назначить референтов и находиться при образовавшейся шайке мятежников; по приезде же в Новогрудок Борзобогатый сообщил ему, что молодежь вступила в шайку и что сам он занял место Кашица, опасаясь невозвращения его, о чем донес и революционному комитету, но не отправился лично в шайку, имея в виду, что его участие в организации будет полезнее для действий Кашица; наконец, когда он, Кашиц, при последнем свидании с Еленским в Вильно просил об увольнении от революционной должности, то Еленский имел в виду назначить на его место Борзобогатого, а на другой день по выезде его из Новогрудка Борзобогатый прислал об этом донесение в комитет [3].

Отставной подполковник Станислав Олендзский: что в бытность его в апреле прошедшего года в Вильне капитан Сераковский, прибывший из Петербурга для принятия главного начальства над вооруженными силами на Жмуди, сообщив ему о сделанном в комитете назначении его, Олендзского, военным начальником, между прочим приказал предварительно переговорить с назначенным предводительствовать в Новогрудском у. шайками офицером Шалевичем и Борзобогатым о том, как устроить вооруженное восстание в уезде, а по прибытии его, Олендзского, в Новогрудок Борзобогатый приехал к нему на совещание вместе с Шалевичем и привез с собою топографическую карту Новогрудского у., причем сообщил ему, что к образованию шайки готово уже до 130 человек и все они хорошо вооружены и имеют достаточное число боевых припасов; после этого совещания Борзобогатый уехал в Новогрудок, чтобы поскорее разослать приказание о выступлении, а по взятии Шалевича [4] в плен предложил ему, Олендзскому, послать в шайку приказание, чтобы временное начальство над нею принял кс. Лашкевич, и вместе с тем сообщил, что для расходов по восстанию назначено собрать с помещиков деньги по числу поселенных на их землях временнообязанных крестьян, вследствие чего он, Олендзский, тут же отдал Борзобогатому 300 руб. сер. с своего собственного имения [5]. Помещик Николай Дубичинский: что служивший в революционной организации по Новогрудскому у. Люциан Бохвиц, предлагая ему занять в организации должность помощника окружного начальника, приказал обращаться во всем, что нужно будет, к занимавшему должность комиссара Борзобогатому, а этот последний в скором времени вручил ему номинации на начальника округа и его помощника, приказав первую отвести к одному из соседних помещиков; по удалении же Кашица Борзобогатый исправлял его должность, занимаясь всем в уезде и имея

---

[a] *Nominacja — назначение (польск.).*

печать гражданского начальника[6]. Уволенный из военного ведомства лекарь Зенон Новодворский: что Борзобогатый составлял единственную причину всех беспорядков в уезде и около половины марта прошедшего года предложил ему занять должность доктора в имеющей образоваться шайке в Новогрудском у.; кроме того, он, Новодворский, видел приказ от имени Виленского революционного комитета, написанный рукою Борзобогатого, которым повелевалось одному из мировых посредников в уезде оставить службу, и вообще Борзобогатый постоянно издавал разные приказы и распоряжения и между прочим отдал приказ о лишении жизни станового пристава Максимовича; наконец, перед побегом своим Борзобогатый прислал к нему, Новодворскому, через подсудимого Дубичинского печать и записку, скрепленную революционною печатью, о том, что предъявитель записки назначается комиссаром Новогрудского у. и что все должны ему повиноваться [...][7]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, ч. 3, лл. 128—138. Подлинник

[1] *Публикуется только начало заключения. Весь документ, занимающий в деле лл. 128—203, опубликовать не удалось ввиду его большого объема.*

[2] *См. показания В. Миладовского в Виленской следственной комиссии от 22 марта 1864 г. (док. 247).*

[3] *См. показания К. Кашица в Виленской следственной комиссии от 30 июня 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, ч. 1, лл. 107—115). Противник восстания, К. Кашиц в своих показаниях сообщает, что решился принять должность гражданского начальника Новогрудского у.*, чтобы хоть немного сдержать революционные стремления Борзобогатого и подобных ему личностей [...] Обдумав хорошенько все, что я должен был делать, чтобы нейтрализовать действия революционной партии, не показывая и виду о своих предположениях, я решился отвлекать и по возможности сдерживать их стремления. *К. Кашиц утверждает, что, прибыв в Новогрудок, он пытался противодействовать выступлению повстанцев в Новогрудском у. Когда вопреки его желанию восстание в уезде началось, он старался ничего не делать для того, чтобы его поддержать, большую часть времени разъезжая по своим личным делам.*

Получив приказание из Вильно непременно приступить к новым формированиям и выговор за то, что вместо возбуждения жителей он убивает в них всякую надежду, К. Кашиц, по его собственным словам, бросил все дела и, не дождавшись преемника, поехал в Вильно, чтоб заявить об отставке.

Позиция, занимаемая К. Кашицем в новогрудской повстанческой организации, подтверждается другим участником этой организации — Николаем Дубичинским, который в своих показаниях сообщает: Константин Кашиц вскоре отказался от своего соучастия в мятеже, все лето провел сначала в Риге, после С.-Петербурге, наконец, в Минске. Приезжая в свое имение, старался своим влиянием уничтожить страсти и объяснял, что комитеты уничтожены и нужно добровольно раскаяться и покориться *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, ч. 1, лл. 129—139).*

[4] *О разбитии повстанческого отряда под руководством Шалевича см. док. 231.*

[5] *Показания С. Олендзского, привлеченного к следствию и суду по делу новогрудской организации, см. док. 36.*

[6] *См. показания Н. Дубичинского в Виленской особой следственной комиссии от 12 июня 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, ч. 1, лл. 129—139). Кроме изложенных в заключении сведений, Н. Дубичинский в своих показаниях сообщает, что перед отъездом В. Борзобогатый передал ему, Дубичинскому, печать начальника Новогрудского у. и предложил занять его место, уведомив об этом Виленский комитет и получив от него соответствующие инструкции. В. Борзобогатый сообщил ему также о состоянии новогрудской организации, говоря, что* сначала делегаты предполагали управлять округами, но когда пришла надобность, то некоторые не захотели. Оставшиеся переименованы в начальников округов, а именно: Тугановский, Оттон Бохвиц и гр. Константин О'Рурк, но все они номинации не приняли, а согласились так делать, что нужно [...], а один округ оставался без начальника. Кроме окружных, начальников в парафиях и низшей организации вовсе не было, или не хотели, или не успели; по назначению была только военная организация, разделяющаяся на сотни и десятки, но и то не во всех округах и те вышли с шайкой. *Н. Дубичинский показывает, что, получив от В. Борзобогатого печать начальника Новогрудского у., он не находил нужным*

заводить новую или пополнять старую организацию, ибо знал, что в организации корень всего зла, *а печать принял не с тем*, чтобы что-нибудь делать, а что раз будучи втянут в преступление, не имел твердости поступить иначе, по той же причине не желал напрасно устраивать путей к Виленскому комитету, вовсе с ним не сообщался и никаких распоряжений от оного не получал и предоставил уезд на волю, пусть что хотят, то и делают.

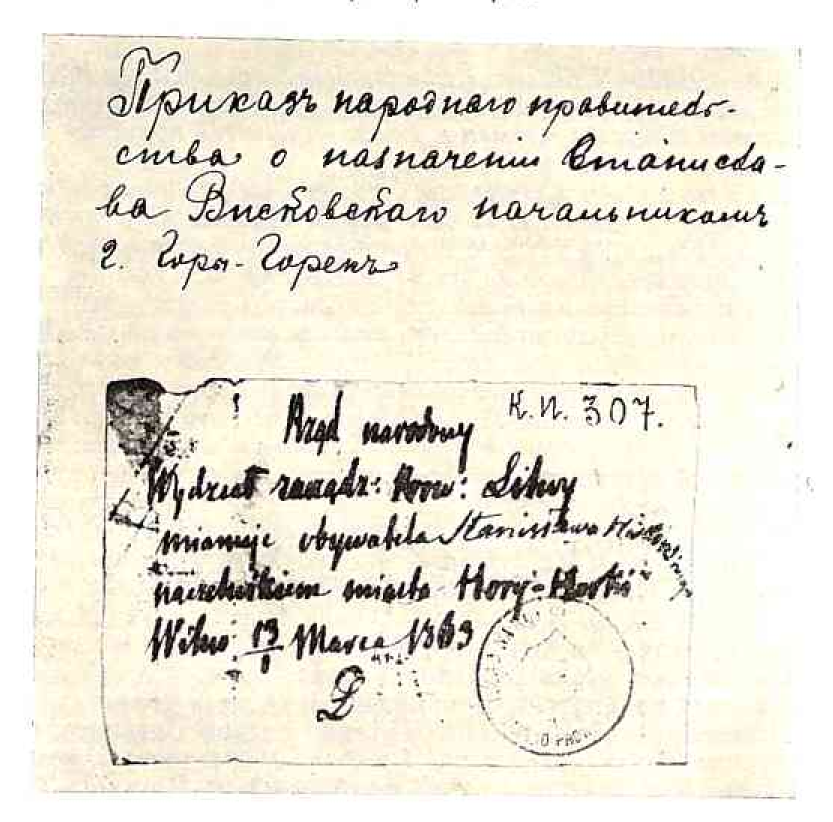
По словам Н. Дубичинского, номинации свои он сжег, а печать уничтожил.

[7] См. показания З. Новодворского в Виленской особой следственной комиссии от 20 июня 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 970, лл. 140—144). В этих показаниях З. Новодворский свое участие в организации объясняет стремлением противодействовать дальнейшему развитию повстанческого движения в уезде. С этой целью, по его словам, он, отказавшись в марте от предложения Борзобогатого занять должность врача в новогрудском повстанческом отряде, позднее сблизился с Борзобогатым и вошел в число его сотрудников.

Новодворский показывает, что после отъезда В. Борзобогатого, получив от Н. Дубичинского печать начальника Новогрудского у., он тотчас же издает циркулярное распоряжение, чтобы все члены революционного управления приостановились в своих действиях впредь до особого распоряжения, *прекратив таким образом источник пополнения повстанческих отрядов, после чего приступил к уничтожению самих отрядов,* настоятельно требовал того, чтобы они сдались, грозя в противном случае оставить их без помощи, и готов был даже дать знать власти местной, если бы не повиновались. *Однако эти утверждения З. Новодворского о своей роли в новогрудской повстанческой организации не подтверждаются показаниями других членов организации.*

250

1863 г. марта 1(13), Вильно.— Приказ Национального правительства о назначении С. Висковского начальником гор. Горы-Горок

Приказъ народнаго правительства о назначеніи Станислава Висковскаго начальникомъ г. Горы-Горецъ

К. И. 307.

Rząd narodowy
Wydział zarządz: Kraj: Litwy
mianuje obywatela Stanisława Wiśkowskiego
naczelnikiem miasta Hory-Horki
Wilno 1/13 Marca 1863

Приказ о назначении С. Висковского повстанческим начальником гор. Горы-Горок

Rząd Narodowy

Wydział zarządz[ający] prow[incjami] Litwy mianuje obywatela Stanisława Wiskowskiego naczelnikiem miasta Hory-Horki [1].

Wilno, 13 (1) marca 1863

Печать Отдела, управляющего провинциями Литвы

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 28. Подлинник

ПЕРЕВОД

Национальное правительство

Отдел, управл[яющий] пров[инциями] Литвы, назначает гражданина Станислава Висковского начальником гор. Горы-Горки [1].

Вильно, 13(1) марта 1863 г.

[1] *См. также список, составленный Горецкой следственной комиссией и представленный 17 июля 1863 г. М. Н. Муравьеву, в котором указан Станислав Висковский, как* главный распорядитель во время мятежа *в Горках, участвовал в захвате повстанцами цейхгауза и* возмущал жителей *(ЦГИА БССР, Минск, ф. 2001, оп. 3, д. 38, лл. 3—5). За участие в восстании был приговорен к смертной казни, которая затем была заменена ссылкой (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 717, лл. 5, 6—7). См. также док. 264.*

251

1863 г. марта 13.— Постановление Оршанского городнического правления об аресте дворянина В. И. Котырло по обвинению в распространении листовки общества «Земля и Воля» — «Льется польская кровь...»

1863 г. марта 13 дня в Оршанском городническом правлении доложено: вчерашнего дня, т. е. 12 сего марта, городничий в шестом часу пополудни, встретясь на улице с начальником батарейной № 5 батареи 3-й сводной артиллерийской бригады полковником Мухиным, получил от него лично печатное на большом полулисте бумаги возмутительное воззвание с синим сверху штемпелем, в кругу коего надпись: «Русского центрального народного комитета», в середине коей слова «Земля и Воля», внизу же надписано: «Прокламация Польского народного комитета» [1], причем полковник Мухин объявил, что это воззвание предъявлено ему его отряда фейерверкером Гудковым и рядовым Игнатьевым и последний сказал, что таковое получено им на улице от неизвестного прохожего человека в конверте под видом письма рядовому Петру Максимову с приложением 15 коп. Вследствие этого городничий, дознавши от упомянутого Игнатьева лично наружность и одежды вручившего ему конверт с воззванием, тотчас посредством полицейских служителей распорядился об отыскании в Орше подобного вида человека, но во весь остаток того дня и в течение ночи отыскиваемого не оказалось. Сего же дня утром городничий, припоминая, что ему случилось на улице видеть в полушубке прибывшего в Оршу к родителям служащего в Могилеве в округе путей сообщения писцом Савинича, призвал к себе родного брата его — писца Оршанского уездного казначейства Савинича, который подтвердил, что прибывший из Могилева брат его имеет нагольный полушубок. Это было уже в девятом часу утра. По уходе из городнического правления Савинича через четверть часа явился к

городничему в городническое правление писец округа путей сообщения Савинич и, спрашивая у городничего, не подозревает ли он его, Савинича, в злоумышленности, сказал по секрету, что если ему дано будет удостоверение о невинности его в сем деле, то он откроет того человека и укажет путь, где его поймать. Хотя требуемого удостоверения он получить не мог, но по убеждению городничего объявил, что подметчик воззваний отправился по дороге на Витебск и что если будет отправлена за ним погоня, то и он, Савинич, сам готов отправиться для указания его лично, почему для безошибочного заарестования человека городничий, отправляя тотчас на почтовых лошадях квартального надзирателя Богдановича, позволил ему, Савиничу, ехать с квартальным и полицейским служителем, после чего через часа полтора квартальный надзиратель доставил в городническое правление настигнутого на седьмой версте на дороге к Витебску взятого по указанию Савинича неизвестного человека. Человек этот, объявляя себя дворянином Котырло, предъявил бывший при нем паспорт, выданный 1 ноября 1862 г. за № 164 из Витебского земского суда. При обыске его в городническом правлении кроме других немногих вещей найден пятиместный револьвер и в кармане брюк такое же самое возмутительное воззвание, какое предъявлено городничему полковником Мухиным. Находясь тут, Савинич объявил, что и у него есть 1 экз. полученного от Котырло воззвания, и, отправясь в свою квартиру, принес с собою экземпляр воззвания.

Постановлено: подвергнув дворянина Котырло аресту, тотчас взять от него показание: когда, откуда он получил возмутительные воззвания, кому таковые раздавал и разбрасывал и вообще о том, откуда, с кем прибыл и куда отправлялся, и потом далее поступить по усмотрению [2].

Городничий, по армии капитан Кухарский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 885, лл. 12—13. Подлинник

[1] *Имеется в виду листовка общества «Земля и Воля» — «Льется польская кровь...», написанная А. А. Слепцовым и изданная в начале февраля 1863 г. Оригинал листовки см. там же, лл. 17—18. Текст и факсимиле листовки см. в сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2. М., 1963, стр. 77—81. В листовке приводилась цитата из манифеста Центрального национального комитета от 10 (22) января 1863 г. с подстрочным примечанием:* Прокламация Польского народного комитета.

[2] *В. И. Котырло за пропаганду среди солдат был сослан на каторгу. См. сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2, стр. 196—199.*

252

1863 г. не позднее апреля 23 [1]*.— Диспозиция военного начальника Могилевскоо воеводства Л. Звеждовского («Топора») начальникам повстанческих отрядов*

Dyspozycja

Wojenny naczelnik powiatu po otrzymaniu zawiadomienia od naczelnika wojennego województwa o dniu powstania w jego powiecie winien zebrać na dzień naznaczony wszystkich tych, którzy się zobowiązali zbrojno wystąpić.

Na punkt zbioru wybierać miejsce ustronne lub takie, gdzie jest blizko miejsce do pierwszych działań wojskowych dogodne. W takim razie wypa-

da skupić pojedyńcze osoby w partie z kilku osób złożone, rozmieszczając po kilku u obywateli i po karczmach pod [różnymi] pozorami w odległości 5 do 6 wiorst od miejsca wybranego do zbioru. Z odległych miejscowości mogą dążyć na furmankach, zabierając po drodze swoich znajomych i tak w liczbie od 4 do 5 osób zdążać na miejsce wyznaczone na kilka godzin do wybuchu.

Szczegółowe rozporządzenie winien zrobić naczelnik powiatowy cywilny, który zna miejscowość i ludzi gotowych do pierwszego wystąpienia. To zlecenie wymaga sumiennego i niezwłocznego spełnienia, albowiem następstwa mogą być ważne, w razie zaś opieszałości i lekceważenia, osoby winne śmiercią będą karane.

Każdy występujący do powstania winien być ubrany o ile można jednostajnie, stosując się do formy, która dla wojska będzie przyjęta, a mianowicie: świtka z szarego samodziału albo szarego sukna, bez szamerowania, spodnie — jakie możność pozwala, buty długie, po kolana. Czapka zwyczajna. Dobrze mieć burkę lub burnus. Z czasem będą dane wyłogi i kołnierze kolorowe i czapki hułanki z odchylonym kozerkiem.

Uzbrojenie wziąć ze sobą i jeszcze zapas dla tych, którzy nie mają. Starać się mieć dubeltówkę albo pojedynkę, kule, proch, pistony, pałasz ostry, a kto nie ma, siekierkę niewielką, osadzoną na długiej rękojeści, i rewolwer albo pistolet. Wziąć ze sobą zapas sucharów razowego chleba po 4 funta na każdego, trochę soli, kawał mięsa ugotowanego i flaszkę wódki tak, żeby ze 2 doby każden mógł siebie wyżywić.

Jak tylko zbiorą się na punkt naznaczony, wtenczas naczelnik wojenny podzieli obecnych na plutony, każden z 25 do 30 ludzi złożony. Natychmiast wytłumaczyć im szyk bojowy, a mianowicie: że w szeregi stawi się od 6 do 8 ludzi i takich szeregów może być od 3 do 4, postawieni zaś jeden za drugim formują kolumnę plutonową. Na skrzydłach w pierwszym i ostatnim szeregu stawić ludzi więcej roztropnych i zdolnych jako podoficerów. Przed plutonem — jednego jako oficera i dowódcę plutonu, a w ostatnim — jednego jako kaprala. Kilka plutonów tak uformowanych można stawić do boju w jednej linii, a dla marszu — jeden za drugim w kilka szeregów. Zawsze między plutonami zostawiać przestrzeń 8 kroków po linii frontu i na takiejże przestrzeni pluton za plutonem dla tego, by jeden pluton z drugim nigdy się nie zlewały i przez to pomieszania nie było. Dowódca oddziału łatwo może dawać osobne zlecenia każdemu plutonowi, a jeśli potrzeba, sprowadzać ich po linii i tak całym frontem atakować nieprzyjaciela. Przy każdym oddziale winna być komenda jazdy z kilku do kilkunastu ludzi złożona, co zależy od miejscowych okoliczności. Jednak zaleca się, by oddziały małe przedewszystkiem były na koniach, a ci, co nie umieją jeździć lub też koni nie mają, byli przewożeni po 5 na lekkich wózkach. Jeden będzie powoził, a wszyscy do boju stawać muszą.

Oddział powstańczy ciągle we dnie i w nocy winien wszelkie ostrożności zachowywać, by nie zostać niespodzianie napadniętym. Ostrożność winna być zachowana następna: w drodze koło oddziału winna być straż przednia złożona z 3 do 5 ludzi konnych, którzy na odległości 200 do 300 kroków postępując, wypatrują, czy nie kryje się gdzie nieprzyjaciel, czy nie ma zasadzki lub jakie niebezpieczeństwo nie grozi, co gdzie zaobserwują, natychmiast zawiadamiają naczelnika oddziału. Straż boczna z 2 do 3 ludzi, nawet pieszych złożona czujną ma uwagę na pobliskie drogi i przejścia, gdzieby mógł nieprzyjaciel się zaczaić. Zatrzymując się w miejscu, zaraz

czaty z 2 ludzi postawić należy naokoło i posłać rozjazdy po drogach, skąd nieprzyjaciel oczekiwanym być może.

Zajmując wieś lub dwór, koniecznie też same ostrożności zachować powinien i nikogo nie wypuszczać, by nieprzyjaciela nie naprowadził.

Rozlokowywać się w odrynach, gumnisku i tym podobnych budynkach, by cały oddział mógł razem zostawać. Przy broni straż ciągle zostawać powinna. Naczelnik oddziału wybiera dla siebie straż przyboczną, która mu towarzyszyć wszędzie powinna.

Charakter działań winien być partyzancki prócz punktów, gdzie się skupią znaczniejsze siły. Oddział winien być ruchliwy, czynny, nigdy na jednym miejscu dłużej nad dobę nie zostawać. Przenosić się z miejsca na miejsce szybko i na wielką przestrzeń.

Przedmiotem działań będzie niepokoić nieprzyjaciela, napadać niespodzianie na słabszego, a uchodzić przed silniejszym, żeby na straty wielkie się nie narażać.

Robić zasadzki, podejścia, napadać na transporty, poczty, dyliżanse, zabierać pieniądze i rządu moskiewskiego korespondencję, zrywać telegrafy, psuć mosty i niszczyć moskiewskie zapasy. Znosić cywilną administrację moskiewską, palić wszelkie dzieła kancelarii sądów: ziemskiego, powiatowego i innych. Gdzie siły będą znaczniejsze i okoliczność posłuży, zdobywać miasta powiatowe znosząc całą administrację i biura a zaprowadzać swoją. Po wsiach i miasteczkach czytać manifesty narodowe i pociągać lud do walki. Rozporządzenia naczelnika cywilnego wojewódzkiego co do spenienia wyroków i wyciągnienia podatku śpiesznie wypelniać.

Dla zwiększenia siły swego oddziału werbować lud, a gdzie nie będzie ochotnika, w takim razie brać rekruta, starając się jednak obchodzić się łagodnie ze wszystkimi mieszkańcami bez różnicy urodzenia i stanu. Zawiadomienie o działaniu i o wszystkim przesyłać do powiatowego cywilnego naczelnika.

Z pieniędzy danych na wydatki winien być zdany rachunek szczegółowy i dla tego przy naczelniku powiatowym wojennym musi być płatnik, któryby te rachunki prowadził. Pieniądze zdobyte na nieprzyjacielu powinno wnosić do kasy z zawiadomieniem mnie o tym, a według rozporządzenia część ich może być zapotrzebowana do kasy głównego oddziału.

Naczelnik wojenny województwa mohyłowskiego
Ludwik Topór

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471, т. 1, л. 618. Подлинник

ПЕРЕВОД

ДИСПОЗИЦИЯ

Военный начальник повета, получив от военного начальника воеводства уведомление о дне восстания в его повете, должен к указанному дню собрать всех тех, которые обязались выступить с оружием.

Сборный пункт должен быть назначен в нелюдном месте или в таком, которое было бы невдалеке от местности, подходящей для военных действий.

Прежде всего следует отдельных людей объединить в группы, состоящие из нескольких человек, под разными предлогами размещая по несколько человек в имениях и в корчмах на расстоянии 5—6 верст от места сбора. Люди из дальних местностей могут

приезжать на повозках, подбирая по пути своих знакомых, и, таким образом, группами по 4—5 человек пробраться за несколько часов до начала восстания к назначенному месту.

Подробные распоряжения должен дать поветовый гражданский начальник, знающий местность и людей, готовых к первому выступлению. Это распоряжение требует добросовестного и немедленного исполнения, так как может иметь важные последствия, в случае же нерасторопности и небрежности виновные будут наказаны смертной казнью.

Каждый участник восстания должен быть одет, по мере возможности, одинаково, в соответствии с формой, которая будет установлена для войск, а именно: свитка из серого сукна, без шнуров, брюки — какие угодно, сапоги высокие, по колено, шапка обычная. Хорошо иметь бурку или бурнус. Со временем будут выданы цветные отвороты и воротники, а также шапки-уланки с отогнутым козырьком.

С собой надо взять оружие для себя и еще про запас для тех, у которых его нет. Постараться иметь с собой двустволку или одноствольное ружье, пули, порох, пистоны, острый палаш, а у кого нет, то небольшой топорик, насаженный на длинную рукоятку, и револьвер либо пистолет. Взять с собой запас сухарей из черного хлеба по 4 фунта на человека, немного соли, кусок отварного мяса и флягу водки с таким расчетом, чтобы самому прокормиться около двух суток.

Как только люди соберутся в назначенном пункте, военный начальник должен разделить их на взводы из 25—30 человек каждый, немедленно разъяснить им боевой порядок, а именно: что ряд состоит из 6—8 человек и таких рядов может быть 3—4. Поставленные друг за другом, они составят колонну взвода. На флангах первого и последнего рядов ставить в качестве унтер-офицеров наиболее сообразительных и способных людей. Перед взводом — одного человека в качестве офицера, а в конце — одного в качестве капрала. Несколько сформированных таким образом взводов можно устанавливать для боя в один фронт, а для марша — один за другим в несколько рядов. Между взводами всегда оставлять расстояние 8 шагов по фронту и на такое же расстояние, когда взвод находится впереди, а другой за ним, чтобы один взвод никогда не смешивался с другим и чтобы не возникло замешательство. Командир отряда легко сможет ставить самостоятельные задачи каждому взводу, а в случае надобности выстраивать взводы в цепь и атаковать противника всем фронтом.

При каждом отряде должна быть конная команда (от 10 до 20 человек) в зависимости от местных условий. Однако рекомендуется, чтобы небольшие отряды в основном были верховыми, а тех, кто не умеет ездить верхом или не имеет лошади, чтобы перевозили на легких повозках по 5 человек на каждой. Один будет править, а сражаться обязаны все.

Повстанческий отряд постоянно, днем и ночью, обязан соблюдать всяческую осторожность, чтобы не подвергнуться внезапному нападению.

Для соблюдения осторожности требуется следующее.

На марше при отряде должен быть авангард, состоящий из 3—5 всадников, следующих впереди на расстоянии 200—300 шагов; они должны высматривать, не укрывается ли где-либо неприятель, нет ли засады, не угрожает ли какая-либо опасность, и о замеченном немедленно уведомлять начальника отряда. Боковое охранение, состоящее из 2—3 человек, даже пеших, бдительно следит за ближайшими дорогами и переходами, на которых мог бы притаиться неприятель. При остановках надлежит немедленно выделить охрану из 2 человек и выслать разъезды на дороги, откуда можно ожидать появления неприятеля.

Занимая деревню или имение, обязательно следует соблюдать такую же осторожность, никого не выпускать оттуда, чтобы не привел неприятеля.

Располагаться в сараях, гумнах и других постройках так, чтобы весь отряд находился в одном месте. У оружия всегда выставлять охрану. Начальник отряда выбирает для себя личную охрану, которая должна всюду за ним следовать.

Характер военных действий должен быть партизанский, за исключением тех пунктов, в которых будут сконцентрированы значительные силы.

Отряд должен быть подвижным, нигде дольше чем на сутки не задерживаться, передвигаться с места на место быстро и на большие расстояния.

Своими действиями он должен беспокоить неприятеля, внезапно нападать на более слабого, отступать перед превосходящими силами, чтобы не понести больших потерь, устраивать засады, вести разведку, нападать на транспорты, почту, дилижансы, захватывать деньги русского правительства, переписку, срывать телеграфные провода, разрушать мосты, уничтожать запасы русских, разгонять гражданскую русскую администрацию, сжигать все дела канцелярий судов земского, уездного и др. Там, где позволят силы и обстоятельства, брать уездные города, разгонять администрацию и учреждения и устанавливать свои. В деревнях и местечках читать национальные манифесты и вовлекать народ в борьбу. Распоряжения гражданского начальника воеводства об исполнении приговоров и сборе налога срочно выполнять.

Для пополнения своего отряда вербовать население, а там, где не окажется добровольцев, брать рекрутов, стараясь, однако, мягко обращаться со всем населением, независимо от сословия и происхождения. Донесения о действиях и обо всем направлять уездному гражданскому начальнику.

За деньги, полученные на расходы, надлежит подробно отчитываться, и для этого при поветовом военном начальнике должен быть казначей, который вел бы все расчеты. Деньги, захваченные у неприятеля, должны быть внесены в кассу, о чем следует меня уведомить. По распоряжению часть из них может быть востребована для кассы главного отряда.

Военный начальник Могилевского воеводства
Людвик Топор

[1] *«Диспозиция» была разработана руководителем восстания в Могилевской губ. Л. Звеждовским («Топором») и выслана начальникам повстанческих отрядов накануне выступления революционных сил, которое было назначено в ночь с 23 на 24 апреля (с 5 на 6 мая) 1863 г.*

253

1863 г. апреля 25.— Рапорт Горецкого уездного полицейского управления могилевскому губернатору А. П. Беклемишеву о захвате повстанцами гор. Горки

С 23 на 24 число сего апреля на рассвете в гор. Горках появилась шайка мятежников, уничтожившая поджогом значительную часть города; она ограбила казначейство и, забрав с собою начальника команды, вышла из города уже часу в четвертом после полудня 24 числа и, как удостоверяют жители окрестных деревень, направилась к гор. Чаусам. При открывшейся перестрелке с солдатами инвалидной команды, защищавшими город, потеря была с обеих сторон, но сколько именно убито, сведений положительных еще не собрано.

Об этом в. п. уездное полицейское управление честь имеет донести с присовокуплением, что вслед за сим подробное донесение будет представлено[1].

За исправника старший заседатель Фальковский

ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 163, л. 61. Подлинник

[1] *О захвате повстанцами гор. Горки см. также рапорт могилевского жандармского штаб-офицера А. Д. Соколова В. А. Долгорукову от 26 апреля 1863 г., в котором со-*

общалось о численности повстанческого отряда — более 200 человек, *о количестве убитых и пленных с обеих сторон; повстанцы убили 18 человек из горецкой инвалидной команды и потеряли сами убитыми 6 человек (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, лл. 3—6). События 24 апреля в Горках подробно освещены в донесениях директора Горецкого земледельческого института Р. Э. Траутфеттера и управляющего учебными фермами П. Юркевича в Горецкую следственную комиссию от 25 октября 1863 г., а также в показаниях очевидцев и участников событий, в протоколах допросов повстанцев из отряда Л. Звеждовского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677, 677б). См. док. 258, 264, а также С. Цытовіч. 1863 год у Горы-Горках быўш. Магілеўскай губ. (падзеі паўстаньня). Менск, 1929.*

254

1863 г. апреля 25, [фольв. Сельцо Болоновое].— *Рапорт пристава 3-го стана Быховского у. К. Е. Пуцилло А. П. Беклемишеву о нападении повстанцев на почтовую ст. Чечевичи и объявлении ими освобождения крестьян от барщины в с. Городище*

Сего 25 числа апреля, будучи в с. Батуни по делам службы, достоверно узнал, что шайка инсургентов в количестве до 200 человек, напав ночью в 12 час. с 24 на 25 апреля на почтовую ст. Чечевичи, взяла насильно ямщика и тройку почтовых лошадей; спалив на Бобруйском шоссе через р. Друть мост, уехали в Закупленье, а оттоль прибыли в 10 час. утра сего числа в с. Городище помещиков Сипайлов, где собирали крестьян и объявляли им свободу не служить далее барщину [1], а сами отправились в фольварок помещиков Сипайлов.

О чем в. п. на зависящее распоряжение честь имею донести.

Пристав 3-го стана Пуцилло

ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 163, л. 73. Подлинник

[1] *Действуя согласно «Диспозиции» Звеждовского (см. док. 252), начальники повстанческих отрядов собирали крестьян во всех деревнях, через которые проходили, и оглашали им повстанческий манифест о наделении крестьян землей. Из показаний отставного капитана Савицкого в мае 1863 г., находившегося в плену в отряде Звеждовского, известно, что Звеждовский говорил с крестьянами о свободе, о том, чтобы они не отбывали барщины и не платили податей (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2. д. 677, лл. 32—34); студент Горецкого земледельческого института Писарев 5 июня 1863 г. показал, что перед уходом из Горок Л. Звеждовский обращался с речью к народу, в которой говорил, что* повстанцы воюют за них, т. е. мужиков, хотят им дать совершенную свободу *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677а, лл. 189—190). Аналогично действовали и другие начальники повстанческих отрядов. Так поступили повстанцы из отряда Жуковского («Косы») 25 апреля в дер. Ходосово Чериковского у. (см. док. 260). Крестьянин Быховского у. Данила Кузмицкий показал, что начальник быховского повстанческого отряда И. Анцыпо в дер. Закупленье читал манифест, призывал крестьян не слушать русское правительство, бить солдат косами и топорами, а в дер. Ядреная Слобода отряд сжег дела волостного правления (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 586, лл. 261—264). См. также док. 255.*

255

1863 г. апреля 25, им. Закупленье Быховского у.— Жалоба помещика А. Монкевича приставу 3-го стана К. Е. Пуцилло на нападение повстанцев на его имение и отказ крестьян отбывать барщину в связи с объявленной повстанцами «свободой»

Вчерашнего числа возвратившись домой из губ[ернского] гор. Могилева, нашел я у себя там людей, которые разграбили у меня мой дом, собрав крестьян, объявили им свободу какую-то противозаконную и с тем, чтобы они не несли мне никаких повинностей[a]. Крестьяне, выслушав такое оглашение, больше не желают барщины отбывать. Какие находились у меня люди в фольварке, все меня оставили, а дворовые люди отправились вместе с толпой людей пришедших. У меня теперь в фольварке господствует ужасный беспорядок. А затем покорнейше прошу в. б. съехать ко мне на место и ввести порядок законный, который до сего времени существовал, и вместе с тем оградить меня и на будущее время от таких нападений.

Август Монкевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 938, л. 138. Заверенная копия

256

1863 г. мая 7, гор. Сенно.— Уведомление вр. и. д. мирового посредника 2-го участка Сенненского у. М. М. Королько А. П. Беклемишеву об отказе крестьян от исполнения повинностей под влиянием объявленного им повстанцами манифеста

Имею честь уведомить в. п., что вызванные мною старшины вверенного мне мирового участка для получения от меня в гор. Сенно нужных наставлений показали, что в местах, через которые прошли шайки мятежников, крестьяне, устрашенные ими угрозою смерти, перестали исполнять возложенную на них за землю повинность; лисичинский же старшина показал, что из шайки мятежников, проходившей от Столбцов на Старожище и прибывшей в с. Лисичино, несколько человек вошли в церковь во время литургии 5 числа сего месяца и прочли возмутительный манифест, объявив крестьянам, что отведенную землю они им дарят вместе с полной свободой, а старшине угрожали виселицей, если он будет отдавать какие-либо приказания. Некоторые крестьяне благодарили мятежников и целовали им руки. Потом шайка эта отправилась, по показанию старшины, через Щавры на Крупку.

Временный мировой посредник М. Королько

ЦГИА БССР (Минск), ф. 3257, оп. 1, д. 1, л. 38. Подлинник

---

[a] *В тексте* никакими повинностями.

257

1863 г. мая 12.— Приказ по войскам Виленского военного округа о введении военного положения в Могилевской губ. и Невельском, Велижском, Городокском и Суражском уездах Витебской губ.

Командующий войсками Виленского военного округа ген.-от-инфантерии Муравьев изволил признать нужным объявить на военном положении Могилевскую губ. всю и Витебской губ. уезды: Невельский, Велижский, Городокский и Суражский, о чем в дополнение приказа по войскам от 7 сего мая за № 128 [1] объявляю к сведению, а до кого касается — и к исполнению.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 163, ч. 1, л. 72. Отпуск

[1] *В приказе говорится о введении военного положения в некоторых уездах Минской губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 427, л. 10).*

258

1863 г. июня 11.— Показания младшего учителя Горыгорецкого земледельческого училища А. И. Иверсона в Горецкой следственной комиссии о восстании в гор. Горках и участии в нем студентов и преподавателей земледельческого института

Вопросы Горецкой следственной комиссии, предложенные 11 июня 1863 г. младшему учителю Горыгорецкого земледельческого училища губернскому секретарю А. Иверсону [a]:

1. Не видали ли вы каких-либо приготовлений к бывшему в гор. Горках мятежу: предосудительных сборищ, заготовления оружия и т. п., или не слыхали ли о них?

2. Не знаете ли вы имен главных зачинщиков мятежа, подговаривавших других к участию, вооружавших других и пр., или не слыхали ли о них?

3. Кого из знакомых вам лиц вы видели в отрядах мятежников?

4. Не знаете ли или не видели ли вы чего из действий лиц, находившихся в числе мятежников, как-то: кто распоряжался во время нападения на Горки, кем убиты солдаты, служитель института и ученик таксаторских классов Мочульский, кто ранил плотника института и солдат, кто поджигал дома и кто грабил казначейство?

5. Не известно ли вам, не принимали ли участие в мятеже горецкие ксендзы, помещик Цехановецкий из Вышева, проезжавший накануне мятежа чрез Горки, Фелициан Сурин, находящийся в больнице, или другие лица, если знаете, то объясните, в чем состояло это участие?

6. Сообщите все виденные или слышанные вами, даже малейшие обстоятельства, касающиеся этого мятежа.

---

[a] *В тексте* Иверсену.

1. Тотчас по прибытии моем в первый раз в конце 1861 г. на службу в Горки я заметил, что все местное польское общество, как-то: не только институтские польские преподаватели, но и все учащиеся, преимущественно студенты, составляли здесь как бы отдельную от прочего общества привилегированную корпорацию. Они знакомились близко и дружились только между собой, устраивали у себя читальные и чайные вечера, дамы их постоянно носили глубокий траур и не являлись на танцевальные и другие увеселительные собрания, даваемые директором института и прочими чиновниками. Подражая преподавателям, и самые польские студенты избегали всякого сообщества с русскими и немецкими товарищами, они весьма редко являлись в институт и большую часть времени проводили отдельными кружками в гостинице еврея Любляна, куда в последнее время никто не осмеливался, кроме поляков, ходить, опасаясь побоев и оскорблений.

Одним из самых популярных представителей и фаворитов этой польской корпорации был умерший в Горках в начале настоящего года закоснелый поляк Дымкевич, человек неизвестного происхождения, проживший в Горках без всякой гласной надобности несколько лет сряду под покровом какой-то таинственности, несмотря на то, что он был знаком лично с целым почти городом и умел приобрести низкопоклонным, коварным нравом своим доброжелателей и между русскими. Полагаю, что этот гнусный тунеядец был тайным агентом со стороны революционной партии Польши, которое заключение я основываю на том обстоятельстве, что мне неоднократно случалось слышать в народе и от студентов, что польские студенты все повиновались его воле, что все они у него, так сказать, в кармане, что они доверяют ему на хранение все свои деньги, что многие родители из поляков избрали его попечителем и руководителем своих сыновей-студентов, что он ведет большую корреспонденцию и пр. и пр. Он был похоронен польскими студентами со всевозможным по местности католическим помпом [a] и самыми ближайшими проводниками тела его были все те же поляки-студенты, которых Горки имели несчастье видеть в первых рядах вооруженных мятежников, как-то: Антонович, братья Лятосковичи, Богомолец, Высоцкий, Сурин, Червинский, Доморадский и пр.

Но начало исполнительных приготовлений к этому мятежу положено еще задолго до смерти Дымкевича, а именно ровно за год до осуществления этого кровавого замысла. В тот день польские студенты, быть может, вследствие каких-либо тайных известий или распоряжений со стороны Центрального революционного комитета, под предводительством Дымкевича и кс. Монюшки в первый раз выказали гласно мятежническое направление своего духа. Собравшись все в отстоящей на несколько верст от Горок деревушке Шимановке, они на обратном пути оттуда поздно ночью вздумали под самым городом военные маневры со штурмом. Происшествие это повлекло за собою судебное дело, краткое содержание коего следующее: по тогдашней должности моей надзирателя над студентами я рапортом от 24 апреля прошлого 1862 г. донес инспектору над студентами, что накануне того дня поздно вечером большая толпа студентов-поляков, примерно 30 человек и более, возвращаясь из Шимановки, остановилась по Оршанской дороге под самым городом.

---

[a] *Так в тексте.*

Кричали там польские песни, травили проходящих людей охотничьими собаками, трубили в рожки и, наконец, длинным строем по команде напали с одного разу на плетеную изгородь какого-то огорода длиною сажень с 15 и в одно мгновение сломали и повалили общими силами эту изгородь на землю, представляя какое-то штурмовое нападение на крепость и низвержение ее. Когда же я, следуя прямой обязанности моей службы, несмотря на раздававшиеся впереди меня частые выстрелы и лай рассвирепевших собак, с величайшею опасностью [для] собственной жизни подошел к толпе этих студентов и начал просить их от имени институтского начальства разойтись по домам, то один из студентов, проходя мимо меня, крепко захватил за галстук и оттолкнул от себя, а другой несколько раз размахивался на меня тростью и попал по плечу, между тем как прочие кричали: «Бей его, бей его! Мы их скоро всех перережем» и пр. и пр., причем со всех сторон на меня сыпались самые скверные и грязные ругательства. Совету института благоугодно было сделать по этому рапорту предварительное следствие, и на основании решения этого совета от 25 апр[еля] студенты Конча и Рокосовский, из которых первый оттолкнул меня от себя, а второй нанес удар тростью, исключены из института. В августе же месяце прибыла в Горки назначенная по высочайшему повелению следственная комиссия для переследования дела моего с Кончей и Рокосовским. Естественно, что все польские студенты на допросе комиссии опровергли мою жалобу как совершенно будто бы облыжную, почему это дело за неимением с моей стороны свидетелей осталось поныне без всяких последствий.

Будучи в апреле прошлого года еще новичком в моей должности надзирателя, потому что я за несколько только месяцев перед тем прибыл в Горки, я не думал о том, чтобы влияние Дымкевича на студентов не было известно г. инспектору над студентами, и как ни совет, ни следственная комиссия не разыскивали причины сборища польских студентов на Шимановке, и напротив того, эта комиссия предложила мне такие вопросные пункты, как будто бы я, а не студенты были виновниками случившегося беспорядка, то я решительно был лишен всякой возможности высказать официально, что эти маневры носили на себе признаки и характер чисто политической проделки. Лица же, которым я говорил об этом конфиденциально, не хотели тому верить и считали это совершенно невозможным. Между тем вскоре после смерти Дымкевича, когда я уже давно не был надзирателем, разнесся по Горкам слух, что поляки-студенты намерены сделать 19 числа февраля, в день восшествия на престол ныне царствующего великого государя императора нашего, восстание и что они намерены перерезать тогда всех чиновников. Сам Монюшко разболтал эту новость 18 числа мне и профессору Раздольскому. От временного моего преемника по надзирательской должности Кошелева я даже слышал, что накануне этого высокоторжественного праздника было вывешено в институте студентом Лятосковичем, ныне мятежником, краткое воззвание к прочим студентам-полякам о том, чтобы они собирались 19 числа в институте, но что это воззвание не имело последствий, потому что Кошелев снял его со стены и представил директору института, который запретил вывешивать его еще раз. Вслед за сим мне случайно удалось приобрести более подробные сведения о том, что студенты делали на Шимановке 23 апреля прошлого года и для какой они именно цели там собирались. Сойдясь однажды в бытность

мою уже учителем со студентом Чигулиным, я узнал от него по секрету, что польские студенты сами неоднократно говорили ему о том, что они имели в Шимановке сборище с политическою целью, т. е. что они условились там сделать в Горках бунт 19 февраля, но что этот бунт не мог в тот день осуществиться, потому что избранные ими воеводы — помещики Белеевский, Миткевич и Цехановецкий — не прибыли. Но как и 19 февраля и много времени после того прошло совершенно спокойно и в Горках не было ни малейших следов восстания, то и я в числе прочих жителей города забыл о пронесшейся молве, продолжая заниматься служебными и домашними обязанностями и полагая, что все это нелепая выдумка и глупая, необдуманная шутка.

Предосудительных сборищ и заготовления оружия мне не случалось видеть, потому что я живу в одном из зданий института, никогда не имел с поляками близкого знакомства и дружбы и весьма редко ходил в город. После восстания я узнал от разных лиц, что студенты ездили толпами за город и стреляли там в цель, что они закупали в больших количествах ружья и порох, или пули, заказывали себе ранцы, продавали за бесценок все свое имущество и пр. [1]

2. Переходя за сим на обсуждение вопроса, кто именно был главным зачинщиком мятежа в Горках, я по крайнему моему разумению и убеждению должен сказать, что виновником, главным зачинщиком было не одно какое-то отдельное лицо, а целая здешняя польская корпорация, мечтающая о золотом веке для Польши в случае, что оная восстановит свою независимость от России. Руководствуясь этими убеждениями и беспредельною моею преданностью всероссийскому престолу, я считаю себя вправе сказать, что если все наши институтские преподаватели, как-то: Гинцель, Жебенко, Козловский, Выбрановский, Венцковский и Лесневский и семейства их и не принимали прямого, так сказать, официального или исполнительного участия в самом мятеже, то они совершенно положительно знали о том, когда поляки намерены осуществить его, и сочувствовали этому делу. Нравственное это мое глубокое убеждение я основываю и подтверждаю следующими 14 пунктами, заключающими в себе факты, обстоятельства и данные, доказывающие даже, что эти господа, скрывавшие до восстания свою ненависть к России под личиною кротости и смирения, во время мятежнических действий после того времени осмелились выказать более или менее публично сочувствие свое к действиям этих государственных преступников:

а) Когда жандармские нижние чины по распоряжению губернского начальства забирали под стражу в Горках кс. Добровольского, то я в числе множества других любопытных зрителей, собравшихся на улице у костела, видел, что профессор Гинцель, сестра его, а также преподаватель Выбрановский в виду огромной толпы крестьян и евреев, крайне озлобленных на ксендзов и вообще поляков, нежно обнимали и целовали, как бы в зло зрителям, Добровольского и изъявляли ему глубокую свою горесть о его арестовании. Прочих польских преподавателей я там не видел, потому что скоро ушел, но слыхал от других, [что] все они публично нежно прощались с Добровольским и Монюшкою, чем и озлобили до крайности весь народ.

б) Я сам видел, что во все время мятежа и во время плена целого института все польские преподаватели свободно входили и выходили во все институтские ворота, тогда как никто из прочих жителей, даже

директор, никуда не выпускались за ворота под угрозой быть убитыми из ружья на месте.

в) Проснувшись во время начала мятежа от ружейных залпов и пожарного зарева, я в крайнем, неожиданном испуге отворил окно моей квартиры, находящейся в одной линии с воротами училища, и увидел, что профессор Жебенко остановился подле стоявшего здесь на пикете мятежника, ученика Зеленевского, и разговаривал с ним. Мне показалось, что Жебенко, стоявший далеко от меня и притом спиной ко мне, брал у Зеленевского из рук ружье, осматривал его и потом опять отдал. Спустя несколько времени, Зеленевский прошел мимо моего окна с каким-то незнакомым мне мятежником и, не заметив меня, вытащил из-за пазухи до половины пистолет и сказал товарищу: «Этот пистолет подкинул мне Жебенко». Полагаю, что ученикам училища, как-то: Гейнриху Бучинскому и др., об этом могло бы быть что-нибудь известно, потому что неоднократно замечал их стоявшими из любопытства недалеко от ворот во дворе.

г) После мятежа, во время всеобщего смущения по всему городу, я слыхал неоднократно от народа и евреев, что будто бы у Гинцеля хранится имущество некоторых мятежников и что будто бы Гинцель, узнав об этой молве, представил в городскую полицию официально какие-то вещи, принадлежащие будто бы мятежнику Лятосковичу, между тем как у Лятосковича подобных вещей, как-то разных дамских безделушек, никогда не бывало.

д) Слышал я от садовника Фраценштейна, что преподаватель архитектуры Выбрановский во время мятежа в Горках присутствовал при погребении мятежниками тела убитого их товарища, повстанца Доморадского, и что Выбрановский вместе с инсургентами преклонял над могилою Доморадского колена. Говорят, что и профессору Баллиону об этом известно.

е) 24 числа апреля, когда вооруженные мятежники заняли институт, многие инсургенты отправились к Жебенке на дом в гости и были там угощаемы чаем и закусками и водкою на дорогу. Прислуга Жебенко и живущего с ним в одном и том же флигеле садовника Фраценштейна и казенный столяр Фролов рассказывали, что жена Жебенко и сестра профессора Козловского плясали в это время польку от радости, что видят вооруженных инсургентов.

ж) Я слышал от многих учеников нашего училища, что ученики Громыко, Сущевич, Скаковский и Бабицкий 2-й стояли уже в рядах инсургентов, а потом возвратились в училище, где и живут поныне. Непонятно, почему инспектор Жебенко не ходатайствует об исключении этих мальчиков из училища, тем более, что Громыко перед уходом своим в ряды инсургентов написал Жебенко дерзкую ругательскую записку, о которой Жебенко, однако, молчит.

з) Многие ученики изъявляли мне ропот на то, что Жебенко за несколько часов перед мятежом приходил в училище и спрашивал, все ли поляки дома, а между тем предуведомил учеников о предстоящей им опасности от мятежников быть завербованными ими.

и) В столовой училища издавна висели в трех особенных деревянных рамках под стеклом написанные учениками роскошным почерком с украшениями молитва господня, символ веры и 10 заповедей на русском и славянском языках, которые ныне все по приказанию Жебенко сняты

со стены и отправлены на чердак училища, а когда надзиратель училища намеревался вывесить эти изображения в спальной комнате училища, то Жебенко запретил это под предлогом, что стены будут портиться.

к) Жена Жебенко, сестра ее и сестры Козловского и Гинцеля щипали корпию еще задолго до мятежа, что может быть доказано всеми почти прочими институтскими дамами, и я сам слышал разговор полячек о корпии. Профессор Раздольский рассказывал мне, что жена его видела, что старший учитель Венцковский, придя в гости к профессору Рего, принес туда с собою тряпок и при всех щипал корпию.

л) Брат Венцковского и брат жены Жебенко поступили в инсургенты, и невероятно, чтобы они ничего не говорили им о своем намерении, потому что они все жили в тесной дружбе.

м) Вся вообще польская корпорация в последнее время бегала поминутно в костел, где весьма часто слышался колокольный звон поздно вечером и даже ночью. Венцковский управлял костельным певческим хором. Преподаватели и студенты постоянно выходили из костела дружною толпою и, прохаживаясь по улице, таинственно перешептывались, избегая встреч посторонних людей.

н) Сойдясь однажды наедине с кс. Монюшкою в лектории института, я между прочим спросил его, почему он и все польские преподаватели после дела моего с Кончею и Рокосовским вдруг стали ко мне так холодны и равнодушны, он отвечал: «Мы все, поляки, живем душа в душу, и если вы пожаловались на поляков-студентов, то пожаловались и на всех нас, преподавателей, потому что дело наше общее». На вопрос мой, что он хотел этим сказать, он отвечал: «То, что вы живете в польской стране, а не в немецкой или русской»,— и вышел вон из комнаты. Зная коротко по слухам и по собственному наблюдению, что Монюшко был исполнен всякого хвастовства, пустословия и весьма неостроумного, иногда пьяного юмора, я не мог приписать этой его болтовне ни малейшей важности и потому не обратил на нее никакого внимания.

о) В начале осени прошлого года, как я узнал сегодня от институтского механика Аполлонова, польские студенты под предводительством кс. Монюшко однажды собирались в саду здешнего жителя Люлома, имевшего дом на Пацанове, и там между прочими военными упражнениями и экзерцициями заставили Монюшко освятить ведро воды, а потом стреляли в цель — в нарочно приготовленные русские государственные гербы.

п) Надзиратель над студентами Вильбуа (католик) 23 числа апреля утром послал помещику соседнего Горкам им. Романова кн. Дондукову-Корсакову записку, в которой уведомляет е. с. о том, что следующею ночью в Горках будет восстание поляков, почему он советует князю вооружить для собственной безопасности крестьян. Об этом я слышал вчера от студентов Сахарова и Горбика.

3. В рядах мятежников находились все те самые студенты-поляки, которые принимали участие в маневрах 23 апреля 1862 г. и которые хоронили Дымкевича.

4. Находившись во время мятежа не в городе, а в институте, я ничего не видел о мятежнических действиях в городе. Слыхал, что институтский служитель убит учениками.

5. О кс. Монюшке я на основании вышеписанного уверен, что он был тайным сподвижником инсургентов и содействовал им чем только

мог, распространяя пагубное свое влияние на всю без исключения польскую и вообще католическую корпорацию.

6. Все виденное и слышанное мною изложено в предыдущих пунктах.

Младший учитель губернский секретарь Александр Иванов Иверсон

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677б, лл. 188—195. Подлинник

[1] *О подготовке к восстанию студентов Горецкого земледельческого института см. также показания в Горецкой следственной комиссии вольнослушателя института Боцкого 5 июня и Козубского 12 июня 1863 г. По их словам, студенты заготовляли оружие, пики, лили пули, упражнялись в стрельбе, делали запасы хлеба, проводили сборы денег и т. п. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677а, лл. 203—205; д. 677б, лл. 155—156). См. также док. 264.*

259

1863 г. июля 21.— Показания крестьянина околицы Цыганово Марковичской вол. Гомельского у. А. Савельева в Чериковской следственной комиссии о чтении повстанцами манифеста об освобождении крестьян от повинностей и агитации за вступление в повстанческий отряд

1863 г. июля 21 дня Чериковская следственная о бывшем в Могилевской губ. восстании комиссия допрашивала по приведении к присяге нижеследующего, который показал:

Авхим Савельев, от роду имею 30 лет, вероисповедания православного, в исповеди и причастии св. тайн ежегодно бываю, под судом не был, неграмотен, крестьянин, житель околицы Цыганово.

24 прошлого апреля в среду утром рано я увидел множество людей, шедших из околицы Маковья по дороге близ Цыганова. Подойдя к Цыганову, они остановились, из них человек 5, имея при себе знамя красное с белым, заходили в Цыганово в дом дворян Останьковичей, и один из тех, бывший верхом на лошади, читал какую-то бумагу на польском языке, но что он читал, я не понял; после же он сказал, что от сегодняшнего дня пригону[а] не служить, если кто из молодых желает поступить к нам, то тому будет жалованье по 5 злотых в день, а если бог поможет, то по 10 дес. земли и до веку не будет платить никакой подати. После того все они отправились по дороге в околицу Дарнивое, некоторые пешком, а некоторые в поездах[б] и верхами на лошадях. Из знакомых мне был один только, кажется, Лагонский, бывший в прошлом году полоницким волостным писарем. Количества всех проехавших я определить с точностью не могу, а только было их порядочно много, вооружены они были ружьями со штыками, пистолетами, саблями и топорами. Более об этом ничего не знаю. Все это показал по долгу исполненной мною присяги.

В действительности сего показания по личной просьбе неграмотного Авхима Савельева расписался дворянин С. Мизгайло[в].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 733, л. 43. Подлинник

[а] *Прыгон — крепостное право, крепостнические повинности, барщина (белорусск.).*
[б] *Pojazd — экипаж, средство передвижения (польск.).*
[в] *Далее следуют неразборчивые подписи председателя и членов комиссии.*

260

1863 г. сентября 4.— Протокол дознания, составленный приставом 2-го стана Чериковского у. П. И. Силиничем, о пребывании повстанческого отряда Я. Жуковского («Косы») в им. Ходосово и присоединении крестьян к повстанцам

1863 г. сентября 4 дня Чериковского у. становой пристав 2-го стана вследствие поручения чериковского уездного исправника от 22 истекшего августа за № 69, съехав в им. Ходосово, помещика Голынского, делал дознание о последствиях набега на фольв. Ходосов, принадлежащий помещику Голынскому, шайки мятежников по заборе[а] крестьян Федора Андреева, Ивана Лукьянова, Ивана Игнатова и Игната Евменова, по которому открывается следующее: после праздника Егорова дня на третий день, т. е. 25 апреля в четверг, шайка мятежников под предводительством Яна Косы[б] расположилась на бивак в лесу под названием Зеленая дубрава, принадлежащем помещику Александру Голынскому, неподалеку от фольварка его, называемого Ходосов. Весть об этом смутила местных жителей, староста этого им. Ходосова Тимофей Илларионов ту же минуту занялся было собирать народ к преследованию шайки и сбережению деревни от набега ее, но едва успел собрать людей, предводительствовавший шайкою под названием Ян Коса с дружиною своею человек более 30 прибыв в фольварок, потребовал управляющего фольв. Ходосовым Лютынского и его старосту, в лице их собравшемуся тут народу объявил: «Что уже теперь в здешнем крае управление польского короля, русского же царя законы не имеют никакого значения; король польский дал совершенную свободу крестьянам, и поэтому крестьяне уже свободны совершенно от всех повинностей, на них до сих пор лежавших, никто не имеет права с них взыскивать ни податей, ни пригона, и если управляющий и староста с сего дня будут требовать от крестьян каких-либо послуг на экономию или уплаты податей и других денежных сборов, то они за это от него же получат пулю в лоб». Такая весть и распоряжение этого мятежника хотя и показалась крестьянам лестною, но в истине ее все сомневались и начали было между собою о сем поговаривать, тогда этот же Коса приказал отпустить водки народу, убеждал их в истине его распоряжений, приглашал следовать с ним вместе, предложил каждому по рублю серебром жалованья в сутки. Цель предпринятого ими намерения есть единственно та, чтобы крестьян сделать совершенно свободными и уравнять их происхождение с прочими сословиями. Такое угощение Косы, как объясняются крестьяне, отняло у них присутствие самосознания и расположило к нему, с этого только поводу крестьяне в числе до 20 человек: Иван Пахомов, Федор Андреев, Иван Лукьянов, Иван Игнатов, Игнат Евменов, Сергей Терехов, Василий Леонов, Федор Якимов, Ефим Павлов, Василий Иванов, Евмен Андреев, Яков Пахомов, Антон Яковлев, Дмитрий Данилов, Никифор Агеев и Лука Афанасьев отправились с ним, Косою, в Зеленую дубраву, по приходе туда из них Ивану Пахомову дано было охотничье ружье и сабля, а Сергею Терехову одно ружье, одежды же их, мятежни-

---

[а] *Т. е. после ареста.*
[б] *В тексте здесь и далее* Косса.

ков, эти два и прочие не приняли, поступить в шайку этих мятежников сильно убеждал крестьян бывший в этом фольварке управляющий Развадовский, крестьяне на убеждение его ни согласия, ни отрицания ему не делали. Спустя немалое время шайка мятежников человек, как говорят эти крестьяне, до трехсот, собравшись в поход по команде этого Косы, отправилась в фольв. Красное помещика Фаддея Чудовского и забрала всех этих крестьян с собою, распределив их кого в передовой отряд, кого к обозу, кого к ездовым, а кого прямо в провожатые с самою шайкою. Пройдя таким образом до корчмы другого им. Ходосово — помещика Каминского, многие из крестьян отрезвились или, быть может, меньше других были пьяны, сознали, что все это ведет их не к добру, что здесь заключается видимый обман, сопряженный с их неизбежным несчастием; пользуясь темнотою ночи, успели бежать, а 6 человек и среди них Иван Пахомов, Сергей Терехов, Федор Андреев, Иван Лукьянов, Иван Игнатов и Игнат Евменов следовали до самого фольв. Красного, по приходе куда к этой шайке присоединились еще какие-то две: одна следовала с дороги, идущей с м. Рясны, а другая — с дороги от околицы Петрик. Мятежники все сейчас заняли в господском доме все комнаты, подан был им ужин и кто как попало, не раздеваясь, уложился спать, фольварок был огражден их часовыми и ездовыми. Крестьян этих мятежники удержали при себе под караулом, из которого только два — Иван Пахомов и Сергей Терехов, воспользовавшись крепким сном караула их, успели скрыться, остальные четыре: Федор Андреев, Иван Лукьянов, Иван Игнатов и Игнат Евменов — остались с мятежниками, но по добровольному ли согласию или имея у себя более строгий караул, не могли бежать, то теперь открыть невозможно; два бежавшие их товарища Иван Пахомов и Сергей Терехов по приходе в Красное их уже не видали и о последствиях, их постигших, несведущи. Бежавший от мятежников Иван Пахомов передает, что в шайке этой он хорошо заметил еще в лесу Зеленой дубравы самого помещика Фаддея Чудовского, б. управляющего фольв. Ходосовым Развадовского, проживавшего в околице Лыкинке Коссаковского, а остальные ему были незнакомы; Фаддей Чудовский в Красное с Дубравы следовал с шайкой и угощал ее в своем им. Красном. Забрать приходивший в фольв. Ходосов с Яном Косою отряд мятежников крестьяне не могли, во-первых, потому, что все были пьяны и, во-вторых, более потому, что крестьяне, кроме небольшой дубины, а иные и без этого, не имея у себя никакого оружия, не решились открывать бой с мятежниками, бывшими тогда вооруженными ружьями со штыками, саблями и револьверами; попытка на бой, по соображению их, была бы совершенно для крестьян и всей деревни гибелью.

Постановил: О сем записать в настоящий протокол, который вместе с поручением, об этом предмете данным, представить на дальнейшее распоряжение чериковскому уездному исправнику, вследствие его предписания от 22 августа за № 69.

Становый пристав Силинич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1058, лл. 16—19. Подлинник

261

1863 г. октября 7.— Рапорт Могилевской следственной комиссии А. П. Беклемишеву о социальном составе участников восстания

Вследствие предложений в. п. о доставлении требуемых г. ген.-губернатором сведений о том, какие из однодворческих и шляхетских обществ и отдельных поселенцев, принадлежащих к этому сословию, принимали деятельное участие в мятеже, из коих обществ более, сравнительно с другими, поступило лиц в мятежные шайки, а также где более всего было содействия со стороны этих обществ мятежникам продовольственными припасами и другими предметами, следственная комиссия, по соображении с производящимися в ней делами и списками о лицах, участвовавших в мятеже, имеет честь донести, что все мятежные партии в Могилевской губ. составлялись из отдельных личностей и чтобы в мятеже принимали участие целые общества однодворцев или шляхтичей, из производящихся дел не видно и вообще однодворцев сравнительно с другими сословиями участвовало в мятеже самое незначительное количество.

Главными же двигателями мятежа по числу лиц, бывших в мятежных партиях, оказываются помещики, служившие в гражданской службе чиновники и воспитанники разных учебных заведений, вообще лица дворянского происхождения римско-католического вероисповедания, из которых многие не принадлежали к числу постоянных жителей Могилевской губ., а прибыли из разных западных губерний, преимущественно Минской, Виленской и Витебской.

Содействие мятежникам оказывали помещики, которые по влиянию своему на простой класс народонаселения вовлекли в мятежные партии нескольких крестьян, но число их сравнительно с числом лиц дворянского происхождения весьма незначительно и большая часть их взята насильно или обманом.

Случаев доставки продовольствия в места расположения мятежных шаек по делам вообще обнаруживается мало, так как действие мятежников в Могилевской губ. продолжалось не более нескольких дней, в течение которых они могли довольствоваться припасами, данными им в тех помещичьих фольварках, которые по пути следования шаек были ими посещаемы.

Положительной цифры лиц всей губернии, участвовавших в мятеже и содействовавших мятежникам, Могилевская комиссия указать и подробно распределить их по сословиям не может потому, что дела о мятеже производятся в разных комиссиях, учрежденных в Могилевской губ., а в числе лиц, о которых дела производились в Могилевской комиссии, состояло помещиков, дворян и чиновников собственно Могилевской губ., до 200, Минской — 24, Виленской — 20, Витебской — 14 и разных других губерний — 14; всего дворян — 272, однодворцев — 3, мещан — 2, иностранцев — 2 и крестьян — 41 человек[1].

Председатель комиссии гвардии полковник Набоков

Секретарь[a]

ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 148, лл. 35—36. Подлинник

[a] *Подпись неразборчива.*

[1] *Повстанческие отряды, действовавшие в Витебской и Могилевской губерниях весной 1863 г., состояли главным образом из студентов, офицеров, мелких чиновников, однодворцев и мещан. О составе Горецкого отряда Л. Звеждовского см. показания отставного капитана Савицкого (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677, лл. 32—34), отношение могилевского губернатора А. П. Беклемишева М. Н. Муравьеву от 16 октября 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1071, л. 6) и список воспитанников Горыгорецких земледельческих учебных заведений, присоединившихся к отряду в Горках. В списке числится 54 человека, из них 37 студентов института, 9 учеников училища и 8 учеников таксаторских классов. Все они уроженцы разных губерний, в том числе Могилевской — 16 человек, Витебской — 7, Минской — 8, Гродненской — 2 (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1863 г., д. 23, ч. 8, лл. 149—150, а также док. 263, 269 и др.). Повстанцам не удалось привлечь на свою сторону широкие слои крестьян, так как крестьяне, выступая против помещиков, против крепостного права, верили в царя, а царское правительство всячески поддерживало у них эти иллюзии, изображая восстание как заговор польских помещиков, как борьбу за возврат крепостничества. Повстанческие же аграрные декреты не обещали уничтожения помещичьего землевладения, что не отвечало основному требованию крестьян, тем самым ограничивая участие белорусских крестьян в восстании.*

Тем не менее крестьяне в ряде случаев поддерживали повстанцев и выступали на их стороне. См. док. 260.

Всюду, где повстанцы читали крестьянам свои манифесты, крестьяне переставали отбывать барщину и платить подати. См. док. 256.

По показаниям отставного капитана Савицкого, в мае 1863 г. в двух деревнях крестьяне встречали отряд Звеждовского хлебом и солью (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677, лл. 32—34); так же встречали крестьяне фольв. Склепова повстанцев Черноручского отряда, действовавшего в Могилевском у. См. доклад Могилевской следственной комиссии (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 706, лл. 9—20).

262

1863 г. октября 17.— Предписание М. Н. Муравьева командующему войсками в Могилевской губ. М. Д. Лихутину с конфирмацией по военно-судному делу повстанцев — студентов Горыгорецкого земледельческого института А. Соколова, Е. Козелло, М. Чудовского и др.

По военно-судному делу о 6 дворянах, участвовавших в действиях Горыгорецкой шайки мятежников с нападением на казармы тамошней инвалидной команды, причем некоторые из нижних чинов этой команды были взяты в плен, а другие убиты, я определяю:

Вольнослушателя Горыгорецкого института из дворян Могилевской губ. Аполлона Соколова, 21 года, как более всех других виновного, ибо он, принадлежа к числу русских дворян и исповедуя православную религию, присоединился к восстанию против отечества сознательно, по сочувствию к стремлениям мятежных поляков, что удостоверил своим собственным в суде сознанием, согласно с приговором военного суда лишить всех прав состояния и дворянского достоинства и сослать в каторжную работу в рудниках на 12 лет.

Студентов Горыгорецкого института из дворян: Евстафия Козелло, 20 лет, Мечислава Чудовского, 25 лет, и Мечислава Бржезинского, 22 годов, согласно с приговором военного суда, лишив дворянского достоинства и всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 12 лет.

Приготовлявшегося к вступлению в Горыгорецкий институт дворянина Ивана Лепковского, 18 лет, и студента этого же института дворяни-

на Эдмунда Дзердеевского, 25 лет, во внимание к молодым летам первого и к принесенному вторым на допросе в суде раскаянию в своих преступлениях, лишив обоих дворянства и всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах каждого на 6 лет.

Имущество же поименованных преступников, какое у них оказывается, конфисковать в казну, а если имение не дошло еще к ним, то наложить запрещение на имение их родителей с тем, чтобы части из оных, которые будут следовать им по наследству, были конфискованы.

Предлагаю в. п. привести решение это в исполнение и о последующем уведомить окружной штаб надписью на сем же.

Командующий войсками ген.-от-инфантерии Муравьев

ЦГВИА, ф. 9-л, оп. 92/37, 1863 г., 1 отд., 1 ст., д. 94, т. 8, лл. 449—450. Заверенная копия

263

1863 г. декабря 16.— Рапорт Могилевской следственной комиссии А. П. Беклемишеву о предводителях повстанческих отрядов и их действиях в Могилевской губ.

Секретно

По распоряжению г. ген.-от-инфантерии Муравьева, в. п. от 22 ноября за № 1104 изволили предписать комиссии собрать из имевшихся в ее производстве дел сведения о предводителях шаек, действовавших в Могилевской губ.[1] и избегнувших судебной ответственности, и, изложив отдельно действия каждого из них, постановить заключение как о том, к какой категории высочайше утвержденных 11 мая с. г. правил подлежат они по своему участию в мятеже, так и об ответственности их по имуществу по 176 ст. I кн. военно-уголовного уложения.

Получив от Оршанской комисси сведения о главных участниках мятежа, известных по ее делам, следственная комиссия на основании этого отзыва и сведений, извлеченных из своих дел, имеет честь донести, что начальниками шаек, выступивших в мятеже по Могилевской губ., кроме взятых в плен Рогачевской — Фомы Гриневича[2], Быховской — Ильдефонса Анцыпо[3] и Оршанской — Игнатия Будзиловича[a][4], были: 1) в Горецкой — Людвиг Топор (псевдоним)[5], 2) Чериковской — артиллерийский офицер Жуковский[6], 3) Могилевской, или Черноручской — Антоний[7], которого многие из лиц, бывших в этой партии, и помещик Павел Черниховский, у которого он проживал более недели до восстания, называли Полонским, а недавно пойманный, бывший в этой шайке мятежник Шалевич показывает, что действительная фамилия его Скирмонтович[8], и 4) в Сенненской — дворянин Валериан Шлягер, которого, по сведениям, сообщенным Оршанской комиссией, некоторые называют начальником, а другие — адъютантом у начальника Жебровского, или Костко[9]. Сверх того, главным двигателем мятежа оказался помещик Чериковского у. Фаддей Чудовский, убитый в том же уезде близ фольв. Летяги.

[a] *В тексте* Будзиловского.

У всех вообще начальников шаек, как видно по производящимся делам, был одинаковый план действий, который состоял в следующем, в возбуждении народонаселения, особенно крестьян, противу правительства чтением революционных манифестов, в склонении шляхты и однодворцев, преимущественно римско-католического исповедания, к поступлению в шайки, в уничтожении мостов и переправ, порче телеграфических линий, ограблении правительственных учреждений и казенных сумм и в действии, где предоставится возможность, против русских войск. Все это и было ими исполняемо, где к тому предоставились случаи и удобства, но подробных сведений о действиях каждого из начальников шаек комиссия извлечь не может потому, что дела о действиях Горецкой, Чериковской, Сенненской и Оршанской шаек производились особо учрежденными в тех городах комиссиями, от которых и представлены на рассмотрение в. п., и из дел, переданных Чериковской комиссией, видно только, что ею собраны разные сведения о действиях убитого помещика Фаддея Чудовского и делались розыски о начальнике Чериковской, или Кричевской шайки Жуковском, о службе которого формулярный список находится в представленном в. п. деле Могилевской комиссии о чиновнике Федоре Бартошевиче. Действия же Могилевской или Черноручской шайки, которою предводительствовал Антоний Полонский, или Скирмонтович, и о которой дело производилось в Могилевской комиссии, состояли в чтении возмутительных манифестов в тех местностях, через которые шайка проходила, и в действии их против русских войск близ сел. Словяны. О начальнике этой шайки по первоначальным показаниям производились розыски по Минской губ., а по показанию Шалевича, назвавшего его Скирмонтовичем, уроженцем Ковенской губ., комиссия просила ковенского губернатора о розыскании его по той губернии.

Затем, по мнению комиссии, все эти лица должны подлежать той же категории, к которой причислены начальники шаек, взятые в плен, и об ответственности их как личной, так и по имуществу комиссия полевого военного суда, на решение которой имеют поступить дела о действиях мятежнических шаек, бывших под предводительством означенных лиц, должна будет постановить решения на основании данных, собранных при производстве тех дел, а между тем, если по делам, произведенным Горецкой комиссией, обнаружено действительное название начальника Горецкой шайки, называвшегося Топором, и подтвердится показание Шалевича о том, что начальником Черноручской шайки был Скирмонтович, а не Полонский, то предстоит разыскание имений, принадлежащих как этим лицам, так и начальникам Чериковской шайки Жуковскому, Оршанской — Будзиловичу и Сенненской — Шлягеру и Жебровскому.

Для указания же действий начальников Сенненской шайки Шлягера и Жебровского, Оршанской — Будзиловича и помещика Фаддея Чудовского комиссия имеет честь представить уведомление Оршанской комиссии от 30 ноября за № 867, копия которого для сведения оставлена при делах сей комиссии[10].

Председатель комиссии гвардии полковник Набоков

Секретарь[a]

ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 25, лл. 7—9. Подлинник

[a] *Подпись неразборчива.*

[1] *На территории Могилевской губ. действовало несколько повстанческих отрядов. Общее выступление всех отрядов одновременно было назначено в ночь с 23 на 24 апреля (с 5 на 6 мая), но оно сорвалось. В первые же дни были разбиты мелкие повстанческие отряды. С бо́льшим успехом действовал отряд Л. Звеждовского.*

На подавление восстания в Могилевскую губ., кроме находившихся там до 20 рот пехоты, были двинуты дополнительные воинские силы. См. рапорт могилевского жандармского штаб-офицера А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову от 23 марта 1863 г. о численности и расположении войск в Могилевской губ. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, лл. 3—6).

[2] *Ф. Гриневич был расстрелян 16 июля 1863 г. в гор. Рогачеве за сформирование Рогачевского повстанческого отряда и предводительствование им. См. донесение А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову от 17 июля 1863 г. (там же, л. 68).*

[3] *О формировании и действиях Быховского повстанческого отряда под предводительством И. Анцыпы см. показания крестьянина Быховского у. Данилы Кузмицкого в Могилевской следственной комиссии 29 июня 1863 г. Отряд сформировался в Закупленье в апреле, Анцыпа уговаривал крестьян не платить податей, бить царских солдат и не давать рекрутов; с той же агитацией он выступал перед крестьянами в с. Городище и дер. Селец (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 586, лл. 261—264); могилевский губернатор А. П. Беклемишев доносил М. Н. Муравьеву 11 сентября 1863 г., что действия отряда Анцыпы состояли в объявлении крестьянам* полной свободы, *уничтожении моста через р. Друть, телеграфных столбов и проволоки, в сожжении дел волостных правлений и* старании возмущать крестьян к неповиновению правительству *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 930, лл. 1—3). И. Анцыпа был расстрелян по приговору военного суда в Могилеве 6 июня 1863 г. См. донесение А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, л. 57).*

[4] *И. Будзилович — подпоручик лейб-гренадерского Екатеринославского е. в. полка 7 апреля 1863 г. бежал из полка, квартировавшего в Москве, для присоединения к повстанцам. 22 апреля сформировался и начал действовать Оршанский повстанческий отряд под предводительством И. Будзиловича; с 22 по 26 апреля отряд вырос до 40 человек и действовал в соответствии с выданной ему Л. Звеждовским («Топором») диспозицией (см. док. 252). 26 апреля у м. Погостищ отряд был настигнут правительственными войсками и разбит, а Будзилович взят в плен и 8 августа 1863 г. комиссией военного суда при Смоленском батальоне внутренней стражи приговорен к смертной казни (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471, т. 1, лл. 334—344), 28 августа 1863 г. он был расстрелян в Орше. См. донесение А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову 1 сентября 1863 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, л. 70).*

О Будзиловиче и его отряде см. также выписку из военно-судного дела об отряде Будзиловича, протоколы допроса И. Будзиловича и показания других участников восстания, состоявших в его отряде, список повстанцев отряда, захваченных в бою у м. Погостищ, конфирмацию М. Н. Муравьева по делу повстанцев из отряда Будзиловича и другие документы и материалы (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471, т. 1).

[5] *В конце декабря царским властям все еще не была известна настоящая фамилия предводителя Горецкого повстанческого отряда Л. Звеждовского, отряд которого был наиболее значительным в Могилевской губ., насчитывая более 100 человек. В донесении А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову сообщалось о прибытии под конвоем в Могилев 145 повстанцев из Горецкого отряда, сложивших оружие (ЦГАОР СССР, ф. 109-и. 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, л. 8). Отряд Звеждовского, захватив в ночь на 24 апреля гор. Горки (см. док. 253), двинулся затем к Красному на соединение с другими повстанческими отрядами — И. Будзиловича и Жуковского; узнав о том, что эти отряды разбиты, Л. Звеждовский решил двигаться на соединение с повстанцами Минской губ., но под Пропойском был настигнут царскими войсками и, поняв, что ему не прорвать окружения, 30 апреля распустил отряд. О формировании отряда и его действиях см. показания очевидцев и участников событий, заключение Временного полевого аудиториата и конфирмацию М. Н. Муравьева по делу о повстанцах из отряда Л. Звеждовского, список повстанцев из отряда и другие документы и материалы (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 677, ч. 5).*

[6] *Я. Жуковский — поручик батарейной № 3 батареи 1-й сводной резервной артиллерийской бригады, бежал со службы и присоединился к восстанию. Он предводительствовал Чериковским (Кричевским) повстанческим отрядом под псевдонимом «Коса». Жуковский вербовал людей в отряд,* возмущая крестьян к бунту, объявлял им совершенное освобождение от всяких податей и повинностей. *Вместе с отрядом Звеждовского участвовал в захвате гор. Горок. По выходе из Горок 24 апреля отряд был разбит царскими войсками, Жуковскому удалось скрыться. Царские власти заочно отнесли его к* преступникам I категории. *См. заключение Временного полевого аудито-*

риата по военно-судному делу Я. Жуковского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 809, лл. 43—44).

[7] *Из доклада Могилевской следственной комиссии 29 октября 1863 г. видно, что отряд сформировался 22 апреля в фольв. Черноручье Могилевского у. и насчитывал до 40 человек. Продвигаясь по селениям и фольваркам, повстанцы читали манифест,* призывали крестьян к возмущению и обещали разные льготы. *В некоторых селениях отряд встречали хлебом и солью. На пятый день своего следования отряд был настигнут царскими войсками у м. Словяны Сенненского у. и разбит (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 706, ч. 1, лл. 9—20). См. также донесение А. Д. Соколова 7-го В. А. Долгорукову от 2 мая 1863 г. о разгроме повстанческого отряда у м. Словяны.* В числе пленных большее число помещиков и дворян Могилевской губ. и три офицера *(ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 20, лл. 27—28).*

[8] *См. предписание М. Н. Муравьева от 10 февраля 1863 г. о розыске предводителя Черноручского повстанческого отряда А. Скирмонтовича (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 108, д. 2, л. 60).*

[9] *К. Жебровский («Костка») — поручик 6-й артиллерийской бригады, бежал из С.-Петербурга 4 апреля 1863 г. для присоединения к повстанцам. По прибытии в Оршанский у. виделся с Л. Звеждовским (революционным начальником Могилевской губ.), который назначил Жебровского военным начальником Сенненского у. Отряд начал формироваться 23 апреля в им. Мальцы Сенненского у., а затем перешел в Борисовский у. и присоединился к отряду Жолтка. 7 мая повстанцы были рассеяны царскими войсками (ЦГИА БССР (Минск), ф. 296, оп. 1, д. 32, лл. 16—18). К. Жебровский был расстрелян 24 июня в Борисове.*

[10] *См. там же, лл. 10—11.*

264

1864 г. января 21.— Показания З. Миткевича в Виленской особой следственной комиссии о повстанческом движении в Могилевской губ., плане Л. Звеждовского привлечь к восстанию крестьян и расширить действия повстанцев до Волги

21 января 1864 г. в Особой следственной комиссии по политическим делам в Вильно в добавление к показаниям, данным в Могилевской комиссии, поясняю:

Сознание мое, что я был назначен Топором (Жвирждовским) его адъютантом, как равно и то, что занимал эту должность 3 дня, исполняя все данные им мне лично приказания, о чем объяснено в показаниях моих в Могилевской комиссии, справедливо.

Увлекся я и пристал к мятежникам вследствие подстрекательств Топора и его рассказов о том, что план его действий не стесняется народностью, но что его главною задачею есть не дозволить пользоваться правами исключительно одному дворянству[а], а предоставить равное право и всем другим сословиям, для чего план действий своих намеревается расширить до Волги[а]. В этом я еще более убедился из приказа Топора, писанного в Горках к начальнику Оршанской шайки Каткову (приказ этот дан мне был Топором переписать), в котором предписывалось, собрав все способное к восстанию, повесив несколько помещиков, наиболее угнетающих крестьян, и тем побудив мужиков пристать к его шайке, перейти в Смоленскую губ. и там сбросить все носящее на себе даже тень польского происхождения, он же, Топор, по соединении с партиею Косы туда же последует[б]. Кроме того, сожжение[в] Топором польских революционных манифестов, объявление крестьянам, дабы пе-

[а—а] *Подчеркнуто в тексте синим карандашом.*

[б] *Подчеркнуто в тексте синим карандашом.*

[в] *Так в тексте.*

реставали отбывать барщину, от которой уволены высочайшим манифестом 30 марта[1], приветствия и почести, отдаваемые целым отрядом вблизи Горок православному священнику, убедили меня, что план его действительно такой.

В Горки я прибыл с Топором и другими семью присоединившимися, о которых значится в моих показаниях в Могилевской комиссии, уже тогда, когда нападение было сделано и дом начальника инвалидной команды пылал, зажженный для того, чтобы заставить его прекратить перестрелку и сдаться. За пожар этот Топор хотел казнить смертию виновных в этом Висковского и Свиковского. По прибытии нашем встретил Топора старик с седою бородою и образом богородицы Ченстоховской на груди и доложил ему, что там собралось горецких 76 человек, московских студентов 17 и прибывших из Могилева 22 и что в ту ночь привезено из Москвы 75 штуцеров, из которых одна половина отправлена в Чериков. Старика этого называли Лабунским, но я сомневаюсь, чтобы это была его настоящая фамилия.

Начальниками отрядов в шайке (каждый из 30 человек) были: 1-го — Антонович, 2-го — Лятоскович, 3-го — не знаю, а по соединении с Чериковскою партиею командовал ею Жуковский.

Помещики, бывшие в партии, которых фамилии мне известные, следующие: отставной штабс-капитан Слежановский и Иосиф Хорощо из Оршанского у., Арцимович и Булгарин — из Чериковского или Климовичского, наверное не знаю.

При поездке моей во второй половине марта 1863 г. в С.-Петербург для приискания места по государственной службе, как я давно предположил себе, коль скоро не удастся получить по выборам, помещик Чериковского и Оршанского уездов Фаддей Чудовский поручил мне отвезти туда к капитану генерального штаба Сераковскому письмо, причем просил в случае выезда Сераковского в Вильно, как он это предполагал, съездить с этим письмом туда, объяснив, что найду Сераковского в гостинице Нишковского. Издержки по этой поездке Чудовский принимал на себя, так как дело шло для него о 5000 руб., которые Сераковский должен был ему прислать в счет тяжбы дяди его, Алексея Чудовского, с кн. Радзивиллом на сумму 200 тысяч руб., купленной им, Фаддеем, у Алексея Чудовского за 20 тысяч и которая по ходатайству Сераковского окончена в Сенате в пользу Чудовского. Не найдя Сераковского в Петербурге, я поехал в Вильно и, остановясь в гостинице Нишковского, действительно Сераковского нашел там и передал ему привезенное мною письмо. Ответа от Сераковского я ожидал 2 дня, и он говорил, что старается удовлетворить желание Чудовского высылкою ему просимых денег, но, наконец, дал мне к нему только 2 пакета, из которых один был весьма наполнен, сказав, что деньги вышлет после праздников. Содержание письма Чудовского и бумаг в пакетах Сераковского мне вовсе неизвестны. Пакеты Сераковского я передал Чудовскому 6 апреля у себя при проезде его в им. Привалены.

О комитете могу сказать только следующее: около 10 апреля, проезжая чрез м. Горы Могилевской губ., в постоялом доме я съехался со студентами Горыгорецкого института Доморадским, Пашковским и другими двумя, мне незнакомыми. Один из незнакомых, нездоровый, сказал, что он желает ехать к родителям в одну из губерний Царства Польского или смежную с оными, но опасается быть захваченным

в шайку. На это Доморадский ему ответил, что в Вильно может получить вид или приказ, по которому будет иметь везде свободный пропуск, и что он даст ему адрес, куда за этим обратиться в Вильно. Любопытствуя узнать этот адрес, я просил Доморадского сказать мне его, и после долгих усилий я, наконец, узнал, что это в доме Пузыно, в квартире под № 11. Название дома Пузыно осталось у меня в памяти, потому что этой фамилии есть (родственник) шурин у Чудовского, которого он в разговорах часто вспоминал. Обращающиеся к № 11 должны были, по словам, предъявлять знак в роде музыкального ключа.

Относительно упомянутых мною в этом показании личностей присовокупляю:

1. Что Топора настоящая фамилия Жвирждовский, я узнал в половине октября месяца, бывши уже в заключении.

2. Каткова настоящая фамилия Будзилович; как я слышал, расстрелян в Орше.

3. Висковский и Свиковский — студенты Горыгорецкого института; первый сослан, а второй — не знаю где.

4. Антоновича и Лятосковича видел арестованных в Могилеве.

5. Жуковский — офицер артиллерии, стоявшей в Чериков; в шайке был под псевдонимом Коса; слышал, что скрылся.

6. Слежановский содержится в Могилеве или Бобруйске. Булгарина, кажется, видел под арестом в Могилеве.

7. Про Фаддея Чудовского слышал, что убит крестьянами при потушении мятежа в Могилевской губ., другие же говорили, что скрылся.

Где находятся прочие, мною упомянутые [a], лица — не знаю.

Все изложенное мною в прошении к е. вп. главному начальнику края от 29 октября вполне справедливо, за исключением того, что я не был адъютантом у Топора.

Здислав Миткевич

К вышеизложенному еще присовокупляю: упомянутые мною 75 штуцеров, о которых Лабунский докладывал Топору, что они привезены из Москвы, и в числе которых я видел несколько наградных с вензелем высочайшего имени, как я слышал от московских студентов, находящихся в шайке, были куплены Топором у командира какого-то стрелкового батальона, расположенного в 50 верстах от Москвы, но достоверных сведений об этом не имею.

Здислав Миткевич [2]

Допрашивали: Полковник Шелгунов

Штабс-капитан Семенов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 97, лл. 194—196. Подлинник

[1] *Такого манифеста не было.*

[2] *Из заключения Временного полевого аудиториата по военно-судному делу З. Миткевича от 12 февраля 1864 г. видно, что З. Миткевич принимал деятельное участие в восстании в Могилевской губ.: он поддерживал связь со студентами Горыгорецкого земледельческого института, которые позднее присоединились к отряду Л. Звеждовского, в его имении отливались пули и заготовлялось продовольствие, он укрывал в своем доме Л. Звеждовского, упражнялся в стрельбе, а затем вступил в отряд Звеждовского в качестве его адъютанта и участвовал в нападении на Горки.*

[3] *Миткевич был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на 15 лет на каторжные работы в рудниках (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 97, лл. 202—206).*

---

[a] *Опущено ошибочно повторенное* мною.

265

1863 г. февраля 1, Динабург.— Донесение витебского жандармского штаб-офицера И. К. Турцевича В. А. Долгорукову о тревожном политическом положении в Динабургском у.

Весьма секретно

В Динабурге и в уезде довольно тревожно, по верным частным сведениям, образованы[a] члены Центрального комитета. В разных местах раздаются экземпляры «Мужицкой правды»[1], а послезавтра, в воскресенье, предполагают в разных костелах объявить изданный Центральным комитетом манифест об отдаче всем крестьянам земли даром, требуя за это восстания[2], и с угрозою помещикам и чиновникам — в случае неисполнения — наказания по польским военным законам.

Из крепости в прошлом месяце продано частным лицам весьма много пороху.

Молодежь исповедывается и причащается с какою-то особенною торжественностью, как будто в ожидании важных событий; 29 января 3 ученика Динабургской гимназии: Федор Блюм, Михаил Бейнарович и Мечислав Петкевич — бежали из города[3].

Много лиц уехали по Рижской ж. д. в Ликсну, где в декабре были беспорядки между временнообязанными крестьянами, а также по Петербургской ж. д. на ст. Корсовку, будто бы для отнятия препровождаемого транспорта с порохом. Сейчас распространился слух, что между Новоалександровском и Ликсной появилась многочисленная шайка, поэтому я поручил динабургскому исправнику немедленно ехать в Ликсну и удостовериться, в какой степени справедливы эти слухи.

В Динабургском костеле кс. Александрович 27 января говорил проповедь, что теперь надобно особенно усугубить молитву за Польшу. На днях он ездил в Вильно, кажется, для разузнания о делах политических и только что оттуда возвратился.

Так как в городе, кроме инвалидной роты, нет других войск, а все сосредоточены в крепости, то комендант вследствие моей просьбы нашел возможным расположить в городе 2-го числа две роты, а на другой день, в воскресенье, будет расположен Симбирский резервный батальон, имеющий прибыть из Пскова.

[a] *Так в тексте.*

О всем вышеизложенном донося в. с., имею честь доложить, что в случае каких-либо важных действий злоумышленников буду тотчас же телеграфировать.

Майор Турцевич

Помета В. А. Долгорукова Д[оложено] е. в. и сообщено м[инистру] в[нутренних] д[ел] 4 февраля

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 1—2. Подлинник

[1] *О распространении «Мужицкой правды» в Лепельском и Дриссенском уездах см. отношение витебского губернатора А. С. Оголина могилевскому губернатору А. П. Беклемишеву от 23 февраля 1863 г. (ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 154, лл. 82—83); а также секретное донесение архиепископа полоцкого и витебского Василия обер-прокурору Синода 6 марта 1863 г., в котором он сообщал о том, что «Мужицкая правда» распространялась между крестьянами* в великом множестве *(ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, л. 37).*

[2] *Имеются в виду или аграрные декреты Центрального национального комитета от 10(22) января 1863 г., один из которых объявлял о переходе в пользование крестьян без выкупа земельных наделов, которыми они пользовались до восстания, об отмене барщины и оброка, а другой — о наделении землей в размере трех моргов (около 1,5 десятин) каждого безземельного крестьянина, если он вступал в повстанческий отряд, или манифест Провинциального временного правительства Литвы и Белоруссии от 1 февраля 1863 г., который повторял идеи вышеназванных аграрных декретов. Так же, как и декреты Центрального национального комитета, манифест 1 февраля не обещал уничтожения помещичьего землевладения, что не отвечало основному требованию крестьян, тем самым ограничивая участие белорусских крестьян в восстании.*

[3] *См. секретное донесение динабургского коменданта А. С. Ковалевского В. А. Долгорукову от 2 февраля 1863 г., в котором дана характеристика трем ученикам Динабургской гимназии, бежавшим из города для присоединения к повстанцам (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, л. 5).*

266

1863 г. марта 4.— Отношение витебского губернатора А. С. Оголина могилевскому губернатору А. П. Беклемишеву о подготовке к восстанию в районах, пограничных между Витебской и Могилевской губерниями

Один лиозненский житель сообщил мне, что во всей окружности м. Лиозно помещики и дворяне делают разные приготовления к восстанию, особенно он указал на 4 братьев Образовских из дер. Козаны, у одно[го] из них, Иозефа, отливались пули; братьев Рогоз, племянника их Сашку, у которого постоянно съезжаются дворяне и недавно делались особенного фасона топоры; братьев Бирюленков, Бутушевича, Хорощо, Войцеховских, Пиорро, Лещинских, мирового посредника Пионтковского, его писаря и многих других. Эти приготовления делают они гласно, приглашают крестьян и евреев пособлять им на случай восстания и угрожают тем, которые от того отказываются. Обо всем этом могут подтвердить все окружные жители.

Об означенных сведениях имею честь сообщить в. п.

Гражданский губернатор Оголин

ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 161, л. 7. Подлинник

[1] *Имеются документы о подготовке к восстанию и в других местах Витебской губ. Так, витебский жандармский штаб-офицер И. К. Турцевич в своем донесении А. Л. Потапову 19 февраля 1863 г. сообщил об обнаружении в доме одного из жителей гор. Люцина пуль, дроби, пороха, ружей, форм для литья пуль (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 19—20). А. С. Оголин отношением от 23 февраля 1863 г. сообщал А. П. Беклемишеву о заготовке оружия и пороха в Дриссенском у.,* настроение умов весьма тревожное *(ЦГИА БССР (Минск), ф. 2001, оп. 3, д. 154, лл. 82—83). В м. Ветрине Лепельского у. крестьянин им. Курович С. Иванов,* искусный слесарь, *занимался* исключительно приготовлением огнестрельных оружий и других военных снарядов. *См. донесение дьячка Ветринской церкви приставу 3-го стана Лепельского у. 26 марта 1863 г. (ЦГИА БССР (Минск), ф. 2532, оп. 1, д. 3, л. 81). Предписывая 16 апреля 1863 г. лепельскому земскому исправнику принять* решительные меры *к предупреждению восстания в уезде, и. д. витебского губернатора А. И. Пятницкий одновременно сообщал, что в лесах Заскорского прихода* спрятаны значительные запасы оружия и что мятежники этой и следующей ночью полагают вербовать людей в шайки (*там же, л. 93*).

Всюду в местах подготовки к восстанию проводилась агитация крестьян за участие в нем. Об агитации помещиками крестьян и обещании дать им за участие в восстании землю см. донесение и. о. динабургского жандармского штаб-офицера Беловодского В. А. Долгорукову от 10 февраля 1863 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 13—14). Витебский губернатор А. С. Оголин доносил П. А. Валуеву 15 марта 1863 г. о подготовке к восстанию в Режицком у., в одном из имений которого помещик склонял крестьян поднять оружие словами: «Надо сделать так, чтобы не ходить на работу, не платить оброк, оброк будет большой, а подписаться дать присягу, из долота или чего другого сделать штыки» *(ЦГИА СССР, ф. 1248, оп. 1, 1863 г., д. 179. лл. 76—77).*

Сведения об агитации среди крестьян имеются также во всеподданнейшем отчете флигель-адъютанта Келлера о политическом настроении жителей Витебской губ. от 19 марта 1863 г., в котором он писал: Помещики старались склонить крестьян на сторону революционной партии разными нелепыми обещаниями, изложенными как в «Мужицкой правде», так и в манифесте так называемого Польского революционного правительства от 1 февраля 1863 г. (*очевидно, имеется в виду манифест Провинциального временного правительства Литвы и Белоруссии от 1 февраля 1863 г. См. док. 3). Из предписания вице-губернатора Витебской губ. А. И. Пятницкого лепельскому земскому исправнику от 19 марта 1863 г. видно, что в уезде распространялось* письменное воззвание к крестьянам, возбуждающее их против помещиков *(ЦГИА БССР (Минск), ф. 2532, оп. 1, д. 33, л. 71).*

267

1863 г. апреля не позднее 23 [1]*.— Приказ повстанческого военного начальника Лепельского у. военному начальнику Бешенковичского округа о захвате м. Бешенковичи и дальнейших военных действиях повстанцев*

Donoszę naczelnikowi, że mam uzbrojonych o ile można 20 ludzi; z tych może wystąpić konnych 12, pieszych lub w pojazdach — 8.

We wtorek 23 apryla, wieczorem po dziewiątej kozaków w Bieszeńkowiczach znieść. Asesora Zacharowa nie ruszać. Kasę Chreptowicza pod kwit zabrać, włościańskich pieniędzy nie ruszać albo, jeszcze lepiej — rozdać je włościanom. Załmana Rejnosa pocztarza i Szpakowskiego sekretarza asesorskiego, jako szpiegów powiesić. Konie pocztowe zabrać tak te, które stoją w samym miasteczku, jak i będące na drugim brzegu Dźwiny.

Po oczyszczeniu miasteczka i przeczytaniu manifestu przeprawić się na prawy brzeg Dźwiny i na powozach i koniach pocztowych śpieszyć na stację Kuryłowską, gdzie zabrać konie, uprząż i powozy, a nawet sznurowidło i nazad co prędzej wracać do Bieszeńkowicz. W razie niemożeb-

ności uprowadzenia koni pocztowych, porżnąć je i porąbać powozy, żeby utrudnić Moskalom prędkie komunikacje. Słupy od telegrafów porąbać i izolatory potłuc ile się da bez straty czasu około samych Kuryłowicz, poczym wracać co śpieszniej do Bieszeńkowicz (gdzie należy z góry obezpieczyć sobie przeprawę drugą, to jest niżej lub wyżej mieć zapaśne czółno na prawym brzegu) i ciągnąć na Boczejków, gdzie opanować przeprawę. Wysyłać rozjazdy po drodze lepelskiej i czekać na naczelnika wschodniej części powiatu oraz stanąć pod jego rozkazy. Boczejkowa należy bronić jak najdłużej.

Naczelnik wojskowy powiatu Lepelskiego

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 144, л. 30. Копия

ПЕРЕВОД

Докладываю начальнику, что у меня имеется 20 человек, вооруженных по мере возможности; из них могут выступить конных — 12, пеших или на повозках — 8.

Во вторник, 23 апреля, вечером в 9 часов казаков в Бешенковичах разгромить. Асессора Захарова не трогать. Кассу Хребтовича забрать под расписку. Крестьянских денег не трогать, а еще лучше — раздать крестьянам. Залмана Рейноса, почтового служащего, и Шпаковского, асессорского секретаря как шпионов повесить. Почтовых лошадей, как тех, что стоят в самом местечке, так и тех, что находятся на другом берегу Двины, забрать.

Очистив местечко и прочитав манифест, переправиться на правый берег Двины и на почтовых лошадях и повозках поспешить к ст. Куриловичи, откуда забрать лошадей, упряжь и повозки и даже путы и чем скорее возвращаться назад в Бешенковичи. В случае невозможности забрать почтовых лошадей — зарезать их, повозки разломать, чтобы затруднить русским быстрое передвижение. Телеграфные столбы срубить, а изоляторы вблизи самых Курилович, сколько возможно, без потери времени разбить. Затем срочно возвращаться в Бешенковичи (где предварительно следует обеспечить себе вторую переправу, т. е. ниже или выше иметь запасную лодку на правом берегу) и направиться на Бочейков, где захватить переправу. По Лепельской дороге высылать разъезды, ожидать прибытия начальника восточной части уезда и поступить под его командование. Бочейков следует защищать как можно дольше.

Воинский начальник Лепельского у.

[1] *Дата установлена по тексту документа.*

268

1863 г. апреля 24, Динабург.— Донесение начальника IV округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о разгроме крестьянами помещичьих имений в Динабургском и Режицком уездах

Секретно

18 апреля получил я по телеграфу известие от родной сестры моей помещицы Витебской губ. Режицкого у. Чеховичевой, что толпа буйных крестьян нахлынула на мызу, где она проживает с больным старым му-

жем, связала приехавшего недавно к ней в гости мужа ее дочери помещика Подольской губ. Винницкого у. Карла Вилямовского и дворянина Барщевского, секретаря сына ее, мирового посредника гвардии поручика Аркадия Чеховича, который в то время был в отсутствии и которого крестьяне искали тщательно по всему дому, и ушли, наконец, с угрозами, что скоро возвратятся и сожгут дом, если не найдут сына; арестованных же увели за собой неизвестно куда.

Имея уже сведения о пожарах, грабежах и неистовствах, произведенных крестьянами в Динабургском у. [1], я поспешил спасти сестру и ее семейство. При встрече в Динабурге с генералом гр. Шуваловым и витебским губернатором Оголиным узнал я от них, что Режицкий у. в волнении, и с приездом в Режицу граф дал мне в конвой 6 лейб-уральских казаков, без чего, по уверению исправника, не было никакой возможности проехать в имение сестры в 25 верстах от города, потому что во всем уезде господствует безначалие и он сам с казаками едва ушел от разъяренных крестьян, покушавшихся связать его.

Я отправился тотчас ночью и встречал во всех деревнях толпы крестьян, вооруженных кольями и косами, большею частью пьяных, хотевших меня остановить, но отступавших при виде мужественных и решительных казаков. Я убеждал их успокоиться и разойтись по домам, но они утверждали, что боятся поджогов со стороны мятежников и должны охранять дома свои. В одной деревне я нашел на дороге баррикаду из срубленных берез, встречал конных крестьян, объявлявших мне, что они посланы от мира для общего сбора крестьян в им. Ковнату помещика мирового посредника Стабровского, который ими арестован вместе со становым приставом Федоровичем, и куда они уже свезли связанных дворян. Прибыв в находившееся на моем пути окруженное толпою крестьян волостное правление, я объявил старосте мое звание и требовал прекращения сбора крестьян в им. Ковнату, потому что туда была уже отправлена по распоряжению гр. Шувалова из Режицы рота под командою полковника Левинсона для доставления арестованных в город, но приказание мое, как я после узнал, исполнено не было, и к рассвету собралось на эту мызу до 3000 человек.

С приездом моим к сестре я узнал, что окрестные помещики, не успевшие бежать в Режицу, арестованы и связаны крестьянами, из коих некоторые, не принимавшие участия в этих насилиях, приходили с остережением, что весь мир принял твердое решение не пропустить меня в Режицу, но связать всех нас. Со всем тем переезд совершился беспрепятственно, хотя дорогою видно было на холмах и в перелесках множество конных и пеших крестьян, уходивших или прятавшихся за кусты и в канавы при виде казачьих пик.

Между тем прибывший с ротою в Ковнату полковник Левинсон не умел восстановить упавшее уважение к законной власти. Он нашел там скованных или связанных 28 дворян, из коих многие, в том числе и невинные или, по крайней мере, ни в чем доселе не подозреваемые, претерпели жестокие истязания от буйных и пьяных крестьян, не дававших им даже пищи. Полковник не освободил тотчас, как бы надлежало, арестованного станового пристава Федоровича, православного исповедания, но отправил его вместе с другими под конвоем в Режицу; но хуже всего, что крестьяне обнаружили к нему, представляющему высшую полицейскую власть, явное недоверие и неуважение,

сопровождая его огромною толпою до самой железной дороги, хотя он и приказывал им разойтись, потому что имел довольно солдат для сопровождения арестантов. С приездом в Динабург политическая комиссия тотчас освободила арестованного без всякого повода пристава Федоровича и отпустила на поручительство некоторых дворян, ни в чем не обвиняемых; в том числе и мужа племянницы моей Вилямовского.

В Режице и Динабурге собиралось ко мне множество знакомых и незнакомых помещиков, умоляя о покровительстве и защите против рассвирепевших крестьян. Я встречал всех этих господ строгою и суровою речью, объявляя им, что как витебский дворянин я стыжусь ныне принадлежать к их сословию; что они сами вызвали неистовство крестьян нападением 13 апреля на транспорт с оружием и убийством сопровождавших его солдат, это послужило сигналом к восстанию против них верноподданных крестьян, и если бы великодушный и милосердный государь наш не повелел остановить порывы взволнованного народа, то они все, а равно жены и дети их несомненно заплатили бы за подлую измену жизнью; но лев великодушен в сознании своей силы, вполне достаточной для подавления мятежа и крамол, где бы они ни обнаружились; что, наконец, они осрамили меня самого, ручавшегося перед в. с., начальником моим, в спокойствии Витебской губ.; что революционное движение под топором преданного правительству крестьянского населения есть несомненный признак политического безумия, которое неминуемо должно было окончиться потоками крови виновных мятежников и невиновных жертв всего их сословия.

Из собранных мною с разных сторон достоверных сведений оказывается, что Виленский революционный комитет имел ревностных членов и в Витебской губ., которая разделена на участки под руководством сотских и тысяцких, требовавших от всех дворян присяги в безусловном повиновении комитету и обязавшихся заготовлением оружия, пороху, свинцу, сухарей, корпия, бинтов и пр. в видах повсеместного восстания в назначенный день и по данному от комитета сигналу. Говорят, что 1 мая избрано для этой цели как срок, в который оканчивается дарованная амнистия [2].

Многие из дворян сознавались мне, что безумно было бы надеяться на какой-либо успех польской революции в здешней губ., но что они как истинные поляки не могли не заявить своего патриотизма какими-либо действиями, тем более, что Революционный комитет угрожает неизбежною смертью каждому, не повинующемуся его диктаторским повелениям. Со всем тем некоторые уклонились под разными предлогами от присяги, в том числе и племянник мой Аркадий Чехович, а муж племянницы Карл Вилямовский отговорился тем, что выполнил уже присягу на своей родине в Подольской губ. В денежных же приношениях для общего дела они все участвовали без изъятия, не исключая и племянников моих.

Без сомнения, было бы весьма неосторожно и даже при нынешних обстоятельствах опасно подвергать вышедших из должного повиновения и порядка крестьян всей строгости существующих на этот предмет законов. Нельзя, с одной стороны, не оценить вполне оказанную ими приверженность к престолу, которая могла бы поколебаться вследствие строгих преследований и под влиянием злоумышленников принять даже противное направление. С другой же стороны, нельзя, мне кажется, ос-

тавить, как некоторые думают, без всякого взыскания произведенные ими пожары, грабежи и насилия, коих печальные следы поражают в особенности в Динабургском у., где разграблено вконец до 15 господских дворов и сожжено таковых 4.

Некоторые из пострадавших владельцев оказываются деятельными злоумышленниками и должны понесть законную меру наказания, другие, вероятно, останутся в подозрении за неимением положительных улик, но есть и такие, на коих не падает ни малейшего подозрения, кроме, разве, необнаруженных помышлений, которые судит один бог. Например, мызы гр. Казимира Плятера, помещицы Оскерко, помещика Реута, находящегося за границей, помещика Эверса и в Режицком у. мыза старика помещика Сабанского сожжены или разграблены без всякого политического повода, потому что на этих лиц не взведено никакого подозрения в неблагонамеренности; следовательно, такие буйственные поступки имеют чисто разбойничий характер, тем более, что у Сабанского и Плятера расхищены большие суммы денег. Последний из них ранен жестоко в плечо топором, отчего и скончался уже; а помещик Эверс с женою потерпели жестокие истязания. Далее, не говоря уже о многих связанных мировых посредниках, арестован в Режицком у. без всякого повода становой пристав, а в Динабургском и Дриссенском уездах связано было двое; и, наконец, отправленная для защиты имения Казимира Плятера малочисленная воинская команда с казаками не могла остановить свирепости крестьян, которые бросались на офицеров с топорами и разграбили и сожгли мызу в присутствии этого отряда; по моему мнению, невозможно оставить таких преступлений без заслуженного наказания и без возвращения, по возможности, похищенных у помещиков ценных вещей, к чему до сего времени деятельных мер еще не принято. Напротив же, крестьян, отбивших у мятежников 13 апреля транспорт с оружием, следует наградить, как равно тех, которые арестовали помещиков, действительно обвиняемых в преступных замыслах, но нельзя дозволить им вязать без разбора всех дворян, подвергать их жестоким истязаниям и открыто не повиноваться законным властям. Такое своеволие и непокорность неминуемо произведет новое, страшное зло: развитие анархии и социальных начал, которые легко и скоро перейдут за пределы Витебской губ.

Порядок в Режицком у. до сего времени еще не восстановлен, и бежавшие в Режицу и Динабург помещики не смеют возвращаться в свои имения, тем более, что, по получаемым со всех сторон сведениям, крестьяне крайне озлоблены, что некоторых арестованных освободили, и приготовляются связать их вторично и доставить уже прямо в Петербург; по другим сведениям, даже жизни их угрожает опасность. Продолжающаяся неурядица возбуждает еще и другое опасение: время яровых посевов настало, и если помещики будут лишены возможности приступить тотчас к обсеменению полей, то голод неизбежен, и тогда можно ожидать еще худших событий. Между тем мызы остаются решительно без всякого присмотра, и нанятые помещиками работники объявляют (как я сам от них слышал), что при всем желании они не могут приступить к исполнению своих обязанностей, потому что мир строжайше воспретил это.

Эти обстоятельства я счел долгом объяснить находящемуся в Динабурге военному начальнику Витебской губ. ген.-лейтенанту Длотовскому

с присовокуплением, что, по моему мнению, было бы полезно послать в два или три имения, в которых более бесчинствовали крестьяне, команды от прибывшего в Режицу лейб-гвардейского уланского полка с тамошним исправником для внушения крестьянам повиновения к законной власти и прекращения самоуправления, тем более, что сам исправник, бойкий и распорядительный человек, считает таковую меру необходимой. В Динабургском же уезде порядок восстановлен потому, что исправник прошел по некоторым мызам с батальоном пехоты, арестовал виновнейших в грабежах и пожарах и сделал крестьянам строгое внушение воздерживаться от своеволия и буйства.

Ген.-майор фон Гильдебрант

Помета В. А. Долгорукова Сообщил как м[инистру] в[нутренних] д[ел], так и М. Н. Муравьеву 29 апреля

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 91—100. Подлинник

[1] *О разгроме крестьянами помещичьих имений в Динабургском у. см. также рапорт батальонного командира Псковского резервного пехотного полка майора Краузе П. А. Шувалову от 16 апреля 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 141, лл. 22—23); имеются документы о разгроме имений Вышки гр. Молля и Дубна помещика Бениславского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 106, лл. 303—306; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, л. 56).*

[2] *См. также конфиденциальное письмо председателя Динабургской следственной комиссии С. Ф. Панютина П. А. Валуеву от 21 мая 1863 г. из Динабурга:* Ныне по ходу дел комиссии ясно видно, что мятеж в Витебской губ. приготовлялся более года, а не родился в один день. Ц[ентральный] к[омитет], видя бездействие местных властей, не дремал, а действовал систематически и шаг за шагом приготовлял в Белоруссии умы к идее о возможности восстания — сначала посредством распространения возмутительных листовок и воззваний. Влиянию комитета подчинялась вся шляхта, которая на мировых съездах и других сборищах собиралась не для того, чтобы рассуждать об устройстве сельского народонаселения, но для того, чтобы счесть свои силы и приготовиться к мятежу *(ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1863 г., д. 41, лл. 44—47). Однако более подробных сведений о действиях революционной организации в Витебской губ. нет, за исключением письма С. Буйницкого в Динабургскую следственную комиссию 3 мая 1863 г. по поводу нападения на транспорт с оружием у м. Креславка, в котором он упоминал о номинации тайного Центрального комитета, назначавшей его* начальником военным и всей организации, долженствующей производиться в Инфляндских уездах, организация эта не состоялась *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 141, л. 65).*

269

1863 г. апреля 25.— Донесение И. К. Турцевича В. А. Долгорукову о появлении в губернии повстанческих отрядов и присоединении к ним жителей гор. Витебска

Секретно

В ночь с 21 на 22 апреля из гор. Витебска ушли многие жители для присоединения к шайкам мятежников. Сколько можно было узнать, ушедшие направились по Могилевскому тракту к Орше. Полиция до настоящего времени не собрала еще подробных сведений, сколько именно лиц и какого сословия ушли из города [1]; положительно лишь известно, что в числе ушедших находится значительное число канцелярских чиновников, дворян и мещан, проживавших в городе, и 11 учеников Витебской гимназии от 16 до 19 лет.

Ночью 22 апреля близ ст. Дыманово, в 20 верстах от Витебска и почти на границе Могилевской губ., задержано ямщиками означенной станции и несколькими нижними чинами Витебского батальона внутренней стражи 15 человек, у коих отобрано: 5 ружей, 1 револьвер, 7 пистолетов, 1 кинжал, 42 патрона и около фунта пороху. Задержанные лица оказались: 4 канцелярских чиновника, 5 учеников Витебской гимназии и 6 учеников землемерно-таксаторских классов при той же гимназии. Все они доставлены в Витебск и содержатся под арестом.

23 апреля явились ко мне несколько крестьян им. Добрино (в 10 верстах от Витебска) помещиков Киселей и объявили, что они, заметив накануне вечером, что три их молодых помещика уехали из мызы и забрали с собою оружие, догнали их на дороге, арестовали и сдали земскому исправнику.

Из Полоцка получено 23 числа донесение от исправника, в коем он объясняет, что войска, посланные из Витебска, а также 2 роты, квартирующие в Полоцке, остаются сосредоточенными в самом городе, так как, по собранным сведениям, весьма значительная шайка мятежников из Виленской губ. направляется в Полоцкий у., где по присоединении к себе других шаек они намерены общими силами напасть на Полоцк. Из Динабурга получено сведение, что в Полоцк отправлен Галицкий резервный пехотный полк.

Становой пристав Лепельского у. 24 апреля донес начальнику губернии, что в им. Белом того уезда образовалась шайка мятежников из 50 человек, из коих один пойман — дворянин Минской губ. Ровинский.

Из Дриссенского у. 24 апреля получено сведение, что из двух шаек, там появившихся, о которых я доносил в. с. от 20 апреля за № 53, одна, числом до 100 человек, отправилась по направлению к м. Волынцам Дриссенского у., находящемуся близ Витебско-Рижского тракта, а другая шайка, численность коей неизвестна, снова появилась в Юхновицких лесах.

Майор Турцевич

Помета В. А. Долгорукова Доложено е. в. 1 мая

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 106—107. Подлинник

[1] *В дополнение к донесению управляющему III отделением А. Л. Потапову от 25 апреля 1863 г. И. К. Турцевич сообщил 29 апреля, что в ночь с 21 на 22 апреля из гор. Витебска ушло* разного звания *44 человека. Из них состоящих на службе в губернских ведомствах чиновников — 22 человека, учеников Витебской гимназии — 11, учеников землемерно-таксаторских классов — 7, дворян и мещан, проживавших в Витебске,— 4 человека (там же, лл. 112—115). По другим данным, 21 апреля из Витебска ушел 51 человек для присоединения к повстанцам,* преимущественно чиновники разных ведомств и ученики местной гимназии. *Из них 38 человек были задержаны в лесах с оружием (там же, лл. 193—194).*

270

1863 г. апреля 29.— Показания дворянина Ю. Лепковского о формировании объединенного Дриссенского и Себежского повстанческого отряда и его действиях [1]

1863 г. апреля 29 дня дворянин Юлиан Лепковский, уроженец Курляндской губ. Зельбургского у., по спросу показал следующее:

Жительство имею в Дриссенском у., в им. Козлово, принадлежащем помещику Лопатинскому, которое арендует моя матушка уже восьмой год.

Полторы недели тому назад у нас начали передавать друг другу, чтобы собирались в Юхновский лес, и так как я давно решился присоединиться к восставшим, то и отправился немедленно туда со своим младшим братом Августом Лепковским. Вместе с нами собралось с Дриссенского у. до 60 человек; на другой день в том же лесу, но в другом месте собралось еще 60 человек с Себежского у., вскоре мы соединились вместе и выбрали в предводители в ожидании настоящего начальника, который имел быть к нам, двух братьев Ольшевских. По прошествии 3 дней прибыл к нам и главный начальник, молодой человек с русыми волосами, фамилия его мне неизвестна, равно как и неизвестно то, откуда он приехал.

По прибытии начальника мы начали заниматься фронтовыми ученьями, как-то: поворотам и рассыпному строю, кроме того, каждый день совершали передвижения в Юхновском лесу, который простирается верст на 50. Отряд наш делился на 2 отделения, каждое отделение в 60 человек, в свою очередь отделения эти делились на десятки; как в отделениях, так и в десятках были старшие. При отряде находилась конница числом 16 человек и обоз сперва до 15 повозок, а потом он уменьшился до 5, так как мы, имея в виду движение в Литву, постепенно уменьшали наш обоз, дабы он не затруднял в нашем движении. Конница была вооружена ружьями, револьверами и саблями, пехота же вся имела ружья (были даже запасные ружья), а некоторые, сверх того, имели пистолеты, револьверы и кинжалы. Продовольствие мы имели частью с собой, как, например, солонину, свинину, хлеб, сухари, частью же покупали в деревнях, как, например, скот. Впрочем, подобная покупка была только раз в Себежском у. в каком-то фольварке, названия которого не знаю. Что касается до фуража, то овес имели с собою, сено же покупали по деревням.

В среду 24 апреля, когда мы остановились для отдыху не более как на 3 часа с тем, чтобы идти далее, к Лепелю, откуда мы надеялись пройти в Дисненский у., в случае же, если бы не встретили там партий, то идти далее в Свенцянский у.; в среду 24 апреля, в часу первом или во втором пополудни, когда мы отдыхали, на нас напало войско; пока мы пришли в порядок, солдаты окружили нас полукругом. Между тем мы рассыпали цепь и нам приказано было лечь, но так как я и некоторые другие, находившиеся на фланге, не расслышали этой команды и продолжали стрелять стоя, то и были наступавшими солдатами отрезаны от своих, которые, лежа врассыпную в густом лесу, были незаметны для солдат.

Увидя себя, таким образом, совершенно отрезанными, мы решились в числе 13 человек пробраться в Литву около Дисны, шли мы по солнцу, направляя наш путь к Двине. В 5 верстах от Кимнц я оставил в деревне, не знаю какой, своего брата, который был ранен 24 апреля и очень ослабел от этой раны. 27 апреля, в субботу, вечером часов в 10, мы подошли к Борбиловичам и расположились на ночлег около самого имения в лесу. На другой день часу в двенадцатом утра нас окружили в этом лесу солдаты; увидя их, мы бросились бежать, но, пробежав небольшое расстояние, увидели, что лес кончился, а началось поле и сза-

ди поля были мужики; тогда я остановился, вслед за мною остановились и другие, и мы были взяты солдатами.

К сему показанию прибавить более ничего не имею, а что все сие показал по сущей правде, в том свидетельствую дворянин Юлиан Лепковский [2].

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 832, лл. 74—75. Заверенная копия

[1] *Показания были даны, по-видимому, одному из офицеров воинской команды, захватившей Ю. Лепковского (см. конец документа). Речь идет о повстанческом отряде, сформировавшемся в первых числах апреля на границе Себежского и Дриссенского уездов (в Южновицких лесах) под предводительством артиллерийского офицера Б. Ф. Кульчицкого (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 178, лл. 48—53). 24 апреля отряд был разбит, а Кульчицкий, взятый в плен, застрелился. В донесении И. К. Турцевича В. А. Долгорукову 2 мая 1863 г. сообщалось о составе отряда Кульчицкого. Из числа взятых в плен повстанцев* Виленской губ.— 2, Ковенской — 1, Курляндской — 2, Августовской — 1 и австрийский подданный — 1, остальные 24 человека исключительно помещики, дворяне и студенты С.-Петербургского университета — уроженцы разных уездов Витебской губ., преимущественно же Себежского и Полоцкого *(ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, л. 129). Имеется список повстанцев части этого отряда, взятых в плен в Зябецких лесах (см. там же, л. 132), а также приговор военно-полевого суда при Динабургском ордонанс-гаузе от 7 июня 1863 г. по делу повстанцев из отряда Кульчицкого (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 178, лл. 134—144).*

На территории Витебской губ. сформировались и действовали и другие повстанческие отряды: в Динабургском у.— отряд Л. Плятера, см. док. 272: в Бешенковичах возникла, а 24 апреля прекратила деятельность группа повстанцев у дер. Бочейково, предводитель отряда Дык был сослан на каторгу (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 29, лл. 347—360. См. также док. 267); в апреле окончилась неудачей попытка Дмоховского создать отряд в Лепельском у., отряд был разбит 14 мая на мызе Поречье, Дмоховский был убит (см. там же, л. 155); в ночь на 22 апреля из Витебска вышла группа в 44 человека для присоединения к повстанцам (см. док. 269); была попытка сформировать повстанческий отряд и в Мариенгаузене под предводительством А. Рыка (см. док. 275).

[2] *Военно-полевой суд при Динабургском ордонанс-гаузе 7 июня 1863 г. приговорил Ю. Лепковского за добровольное вступление в отряд Кульчицкого к каторжным работам на заводах в Сибири сроком на 4 года (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1. д. 178, лл. 134—144).*

271

1863 г. мая 6.— Из письма председателя Динабургской следственной комиссии С. Ф. Панютина в Петербург [1] о социальном составе и условиях содержания заключенных в Динабургской кр. и о возможности захвата Динабурга повстанцами

Хаосу еще много, но не теряю надежды выйти из него и дойти до чего-нибудь путного. Хаос понятен, ибо крестьяне забирали всех без разбора, между арестованными много виноватых, но есть и невинные. У нас принят следующий порядок для лиц, захваченных крестьянами: простолюдинов, оказавшихся непричастными к нападению на транспорт с оружием и в делах подобного рода, но взятых в домах или случайно на дороге, мы отпускаем, подвергнув, однако же, каждого из них строгому допросу. Помещикам же и другим личностям [a], которым только одни крестьяне помешали обнаружить вполне свои враждебные

[a] *В тексте* с помещиками же и другими личностями.

действия, мы потачки не даем. При допросах этих лиц, несмотря на бесстыдную ложь, соблюдается величайшая учтивость.

В крепости нет почти одиночных помещений, арестанты помещаются по 3 и 4, а в трех палатах — от 20 до 30. Для устранения этого неудобства 10 человек еще до меня переведены в тюремный замок в одиночные покои, в том числе и Леон Плятер. Четвертого дня я осмотрел замок, как нарочно построенный для политических преступников, и нашел еще 30 отдельных комнат, куда немедленно же перевел 12 человек, в том числе 5 ксендзов и общего нашего знакомого по Мариенгаузенскому делу[2] Михаила Вейде[3], студента С.-Петербургского университета, взятого крестьянами в Режицком у. Арестанты по Мариенгаузенскому делу будут все, за исключением пятерых, помещены отдельно в тюремном замке, где надеюсь найти еще несколько номеров. Для присмотра за арестантами в тюремном замке необходим жандармский офицер и человека 4 жандармов из Петербурга *, которые бы состояли в распоряжении комиссии. Ныне присмотр очень слабый, Веловодскому и городничему нет решительно времени, смотритель же, добрый, но слабый человек, не в состоянии один управиться, и, без всякого сомнения, арестанты имеют постоянные между собою сношения, назначить же офицера из крепости нет возможности.

Действия комиссии парализированы от недостатка данных; все лица, арестованные крестьянами, представлены без всяких бумаг, но что всего хуже, что даже местные начальства делают арестования без обыска и не обращают никакого внимания на бумаги. Для устранения этой неурядицы мы обратились ко всем начальствующим лицам, прося их покорно принять надлежащие меры.

Дело Леона Плятера, который сознался во всем, что до него касается лично, но не назвал подстрекателей и чинов Центрального комитета, будет вскоре окончено. Впрочем, если он как начальник вооруженной шайки не был расстрелян в 24 часа, то уже ныне, мне кажется, всего лучше предоставить следственной комиссии порядком и обстоятельно расследовать это дело; может быть, дойдем до каких-либо открытий[4].

Приводится также к окончанию дело о бежавших из Инженерного училища трех кондукторах: Махвице, Гирдвейне и Давноровиче, которым выданы в С.-Петербурге одним из членов Центрального комитета фальшивые билеты, первому под названием дворянина Рауха, второй назван подпоручиком Бирюлевым, третий — корнетом Шнейдером; у сего последнего билет с печатью инспекторского департамента; билет посылается к министру внутренних дел завтрашний день **. Все они сознались, но не говорят, кто был член Центрального комитета, выдававший им в одном доме на Васильевском острову билеты и каждому по 60 руб.

Всех арестантов в Динабурге было в день открытия мною комиссии 123, из них освобождено 31, все они по большей части простолюдины, между ними калеки, старики и дети, нет ничего мудреного объяснить, почему они были арестованы, это очень понятно, ибо крестьяне брали всех, кто только не был одет в крестьянскую одежду. Из шайки, уничто-

---

* Здешняя команда недостаточна.

** Без сомнения, ты не оставишь расследовать это обстоятельство и употребишь все усилия, чтобы открыть предателя, которого я подозреваю в инспекторском департаменте.

женной в Дриссенском у., приведено вчера 23 человека, сегодня — 7. Мариенгуазенских будет доставлено 16, следственно, всего арестантов 128.

Урок, заданный крестьянами витебским возмутителям, был хорош, но опасен по своим последствиям; правда, если бы не крестьяне, то для правительства, не имевшего под рукою войск, хлопот было бы много. Трудно поверить, но сама крепость могла бы быть захвачена при той беспечности, которая отличала тогдашнее местное начальство. Вообрази себе, что более 3000 пудов пороху находилось в погребах почти без всякого караула; был даже склад пороха в крепости около кабака. Затем возвращаюсь к крестьянам, они, словом сказать, как ураган, положили конец всем замыслам витебских мятежников и уничтожили их, как прах.

Весьма много способствует для успокоения края назначение Михаила Николаевича[5], нельзя ли дать мне знать по телеграфу, когда он будет проезжать чрез Динабург.

ЦБ АН Лит. ССР, ф. 22, д. 7, лл. 1—4. Копия

[1] *Адресат неизвестен. Судя по содержанию письма, это какой-то крупный чиновник в Петербурге.*

[2] *Термин «Мариенгаузенское дело» произошел от названия им. Мариенгаузен Люцинского у. Витебской губ., которое явилось одним из пунктов формирования повстанческих отрядов. Здесь заготовлялось оружие, боеприпасы, продовольствие. Из Петербурга, Москвы и других мест в Мариенгаузен и его окрестности прибывали для вступления в отряд учащаяся молодежь, чиновники, дворяне. С целью привлечения к восстанию крестьян делалась попытка вести среди них агитацию при помощи распространения «Мужицкой правды». В конце декабря 1862 г. в окрестности Мариенгаузена была переведена типография «Земли и Воли». Более подробно см. док. 275 и сб. «Русско-польские связи», т. 2. М., 1963, стр. 202—262.*

[3] *М. Вейде — студент Петербургского университета, член общества «Земля и Воля», по Мариенгаузенскому процессу сослан на каторгу. Подробнее см. сб. «Русско-польские связи», т. 2.*

[4] *Л. Плятер — предводитель повстанческого отряда, отбившего 13 апреля у Креславки транспорт с оружием (см. док. 272), расстрелян в Динабурге 27 мая 1863 г. См. телеграмму военного начальника Витебской губ. Э. К. Длотовского из Динабурга М. Н. Муравьеву от 27 мая 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1799, л. 9).*

[5] *Речь идет о М. Н. Муравьеве.*

272

1863 г. мая 26, Динабург.— Конфирмация военного начальника Витебской губ. Э. К. Длотовского по военно-судному делу Л. Плятера и других 14 повстанцев, участвовавших в нападении на транспорт с оружием у м. Креславки

Рассмотрев представленное ко мне дело, произведенное в полевом военном суде, учрежденном при Динабургском ордонанс-гаузе, я нахожу, что 13 апреля с. г. около 6 час. пополудни Динабургского у. в 6 верстах от м. Креславки, в лесу напала на транспорт с оружием шайка мятежников под предводительством помещика гр. Леона Плятера и, разбив транспорт, 3 ящика взяла с собою, а телеги с бывшими на них ящиками зажгла, при этом было убито 3 рядовых и ранены тяжело ря-

довой Животинский и извозчик. По совершении преступления шайка отправилась на им. Скайсты, Вышки с тем, чтобы пробраться в леса за железной дорогой, но на другой день близ ст. Дубно была окружена крестьянами и доставлена на станцию.

В числе взятых лиц оказались: помещик Динабургского у. гр. Леон Плятер, дворяне: Виленской губ.— Бронислав Червинский и Иван Войно, Витебской — Михаил Пачинский, Августин Гржибовский, Иосиф Василевский, Иван Вишневский, Людвиг Нетецкий, однодворцы: Томаш Цытович, Иван Пашкевич, Егор Мацкевич, вольноотпущенный Юзеф Заблоцкий, крестьяне: Антон Панасевич, Яков Сянит и Иван Баур. Кроме сего, 14 апреля в 16 или 18 верстах от ст. Ружаны по подозрению в участии с мятежниками был взят дворянин Дриссенского у. Болеслав Матерно.

При производстве дела сначала в высочайше учрежденной следственной комиссии, а потом в полевом военном суде обнаружено, что гр. Леон Плятер означенные преступления учинил по приказу Центрального комитета, переданному ему неизвестным лицом, который [a] по разбитии транспорта с приведенными им из-за Двины лицами скрылся, что участвовавшие с ним дворяне Пачинский и Гржибовский были приглашены им под предлогом охоты, что он, взяв с собою находившихся у него в служении камердинера Заблоцкого, повара Баура, ловчего Цытовича, кучера Панасевича и по разбитии транспорта кучера Сянета, не объяснял им о своем намерении.

Остальные находившиеся в шайке лица — Червинский, Василевский, Вишневский, Войно, Нетецкий, Пашкевич, Мацкевич и Матерно,— что при разбитии транспорта и убийстве конвойных они не были и что вовлечены в шайку гр. Плятера одни угрозами неизвестных им лиц, а другие обманом, дворянин же Матерно, что он вовсе не был в шайке гр. Плятера, но уличается показаниями дворянина Глушанина, видевшего Матерно с оружием при разговоре с гр. Плятером вскоре после случившегося происшествия близ м. Креславки.

Гр. Леон Плятер — 27 лет, Пачинский — 40, Гржибовский — 45, Цытович — 28, Заблоцкий — 22, Панасевич — 24, Баур — 40, Червинский — 17, Василевский — 21 года, Вишневский — 22, Войно — 21 года, Нетецкий — 28, Пашкевич — 26, Мацкевич — 23 и Сеня — 20 лет.

Полевой военный суд, признавая виновными: гр. Леона Плятера в том, что, находясь в сношениях с Польским революционным комитетом, первый поднял знамя бунта в Витебской губ. и, склонив к участию в своих преступных действиях лиц, которые по своему положению и образованию состояли в его зависимости, сделал их участниками в восстании вооруженною силою против государя и правительства, в грабеже и убийстве; дворян Михаила Пачинского, Августина Гржибовского, однодворца Томаша Цытовича, вольноотпущенного Юзефа Заблоцкого, крестьян Антона Панасевича, Ивана Баура — в том, что, быв приглашены гр. Плятером на охоту и видя его преступные намерения, участвовали с ним в грабеже, убийстве и в восстании; дворян Бронислава Червинского, Иосифа Василевского, Ивана Вишневского, Ивана Войно, Людвига Нетецкого, однодворцев Ивана Пашкевича и Егора Мацкевича — в участии с гр. Плятером в восстании против государя и правитель-

[a] *Т. е. неизвестное лицо.*

ства, приговорил: помещика гр. Плятера казнить смертию расстрелянием.

Сообщников его Пачинского, Гржибовского, Цытовича, Заблоцкого, Панасевича и Баура, хотя следовало бы подвергнуть тому же наказанию, но как они были увлечены гр. Плятером собственно потому, что были в его зависимости, даровав всем им жизнь, по лишении Пачинского, Гржибовского, Цытовича и Заблоцкого всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на 4 года.

Крестьян Панасевича и Баура по лишении некоторых личных прав и преимуществ отдать в арестантские роты гражданского ведомства на 3 года.

Участвовавших с гр. Плятером в восстании против государя и правительства дворян Червинского, Василевского, Вишневского, Войно, Нетецкого, Пашкевича и Мацкевича по лишении первых четырех дворянского достоинства, а последних с потерею прав отыскивать дворянство (если на то имеют право) определить на службу рядовыми в войска отдельного Оренбургского корпуса, всех без выслуги.

Дворянина Болеслава Матерно, который, хотя на основании 364 ст. 2 кн. военно-уголовного устава по одному свидетельскому показанию еще не обвиняется, но по настоящим событиям навлекает на себя сильное подозрение в участии с гр. Плятером, а потому на основании 9 п. высочайше утвержденных правил о наложении взысканий, сослать на жительство во внутренние губернии империи.

Находя приговор полевого военного суда правильным и с законами согласным, я по предоставленной мне власти оный утверждаю с тем, чтобы дворянина Болеслава Матерно выслать на жительство под надзором полиции в один из уездных городов Пермской губ.

Крестьянина Сенята как не участвовавшего в разграблении обоза и убийстве и бывшего в шайке Плятера по приказанию своего господина освободить от ареста и отправить в место его жительства.

Ген.-лейтенант Длотовский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 412, лл. 6—9. Заверенная копия

273

1863 г. июня 3.— Акт об обнаружении на ст. Остров Псковской губ. груза пороха и патронов, отправленного прапорщиком Псковского резервного полка С. Смолкой в Вильно

1863 г. июня 3 дня [я], начальник Псковского участка полицейского управления С.-П[етер]б[ургско]-Варшавской ж. д., вследствие извещения о сомнительном товаре, доставленном на Островскую станцию, прибыл на станцию, осмотрел товар, находящийся в пяти сундуках, и, найдя его по весу довольно тяжелым, я приказал слесарю отворить замки посредством ключей; по вскрытии сундуков я нашел, что в каждом из них находится по мешку ружейного солдатского пороху, обложенного вокруг соломой и солдатскими патронами, а потому я приставил к означенным сундукам часового, стал делать дознание, по которому обнаружил, что отправителем был прапорщик Псковского резервного полка Смолка (по-

ляк), назвавший себя Малышевым. Товар предназначался к отправлению по накладной за № 710 в Вильно на имя Николая Воронова [1].

Почему, пригласив г. островского уездного исправника и дав знать г. командиру резервного полка, я приступил вместе с назначенным от полка депутатом подпоручиком Боренбаумом к подробному осмотру вещей, находящихся в сундуках, по которому оказалось: деланных солдатских боевых патрон[ов] 1164 штуки, весу 2 пуда 18 фунтов, чистого пороху 11 пудов 6 фунтов. Других же вещей никаких не найдено. Прапорщик Смолка был при полку офицером на вооружении или полковым инструктором, в тот же день с гор. Острова неизвестно куда отлучился, почему командиром полка и уездным исправником меры к разысканию приняты. При составлении сего акта сторож ст. Островской унтер-офицер Ян Чоберт объявил, что когда был прописанный товар доставлен, то он доставившего офицера спросил, что у него находится в этих сундуках, на что получил ответ, что в них лежит домашняя медная посуда и белье. Не принявши товар и найдя его сомнительным по тяжести и имея приказание от начальства станции Эмманоэля следить за всяким товаром, предварительно посмотрел сам и, удостоверясь в действительности, тотчас доложил начальнику станции Эмманоэлю.

Постановили: осматриваемый порох и патроны, как депутатом признаны принадлежащими полку, сдать в ведение командира полковника Нордштейна, копию с сего акта за моим подписом выслать гг. уездному исправнику и депутату. Верное и точное исполнение своих обязанностей сторожем Чобертом поставляем долгом свидетельствовать перед начальством.

Поручик Волькенау, исправник Савельев, подпоручик Боренбаум, начальник станции Эмманоэль

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1583, лл. 28—29. Заверенная копия

[1] *Адрес был выдуман С. Смолкой, так как следствием было установлено, что это лицо не проживает ни в Вильно, ни в Острове. При обыске в квартире С. Смолко найдена записка, на одной стороне которой была указана фамилия* Н. Воронов, *а на другой — запись карандашом:* Владиславу Станкевичу, служащему в Виленском почтамте, с передачей Боцевичевой. *Следственная комиссия полагает, что это и было действительное лицо, которое должно было получить отправленный С. Смолкой порох.*

Сын Боцевичевой прапорщик А. Боцевич, служивший в Ингерманландском полку и переведенный позднее в Самару в 4-й резервный батальон Тульского пехотного полка, был знаком по службе со Смолкой, жил в Вильно у своей матери в мае 1863 г. около 25 дней и три раза был у С. Смолко (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 316, лл. 15, 32, 37, 57—58, 72, 96—105).

274

1863 г. июня 21 (июля 3), Париж.— Письмо С. Буйницкого [1] Э. К. Длотовскому и членам Динабургской следственной комиссии о том, что он предводительствовал повстанческим отрядом при нападении у м. Креславки

Г. военному начальнику Витебской губ. ген.-лейтенанту Длотовскому и гг. членам учрежденной в гор. Динабурге по политическому делу следственной комиссии

Апреля 13 сего 1863 г. при отбитии под Креславкою транспорта с оружием один я был предводителем, начальником вооруженной партии, я собрал инсургентов, я всем распоряжался, я был вождем их с властью

неограниченною, и все они, мои сподвижники, должны были подчиняться мне беспрекословно.

Гр. Леон Плятер в рядах вооруженной этой партии был простым воином, стоял наравне со всеми прочими. Он обязан был, следовательно, безусловно исполнять все мои приказания.

Когда он впал в руки русского правительства и газеты стали отзываться об нем, называя его предводителем — начальником шайки, то я, по долгу совести, дабы спасти невинного от угрожающей ему погибели, должен был раскрыть настоящую истину. Я это сделал в письме на имя жены своей, письме, писанном мною еще во время пребывания в России, а именно 3 мая [2], обязав жену представить оное немедленно в следственную комиссию, что ею, без сомнения, и должно было быть исполнено вовремя. Теперь же, находясь вне пределов России, с ужасом и негодованием прочел я в газетах, что гр. Леон Плятер, несмотря на письменное заявление мною его невинности, признан главным виновником и предводителем восстания в Инфлянтах. По конфирмованному приговору военного суда 27 мая его расстреляли. Это преступление со стороны тех, которым была вверена участь гр. Плятера, преступление, вся тяжесть которого лежит на их ответственности: имея в руках своих документ, положительно оправдывающий его, они, видно, не озаботились даже преследованием дела.

Для вящего подкрепления справедливости слов моих и в доказательство, что никто другой, но я один был виновником происшествия 13 апреля, объявляю, что в имении моего родителя на мызе разоренной Дагде, куда я весьма часто приезжал, зарыта мною в погребе жестяная коробка (об ней я говорил уже в письме от 3 мая) с принадлежащими мне бумагами [3]. Бумаги эти относятся исключительно к восстанию и вполне доказывают, что начальником начатой в Инфлянтах польской инсургенции был я, а не кто другой. По всей вероятности, погреб пожаром не поврежден; коробку, о которой я сказал выше, легко, следовательно, найти. Кроме того, прилагаю при сем мой фотографический портрет; по нем может меня узнать артиллерийский солдат, находящийся при транспорте отбитого оружия, раненный мною.

К сему долгом считаю дополнить, что никому из моих семейных, жене даже, не было известно о принятой мною обязанности. Присяга обязывала меня держать в глубокой тайне все, что ни предпринимал я к освобождению отечества. Оставаясь верным этой присяге, я не вправе был добровольно выдавать себя в руки враждебного нам правительства, я должен был спасать себя для дальнейшего служения святому делу патриотизма. Во всяком другом случае ничто бы меня не удержало от личного заявления мною перед русским правительством о невинности гр. Леона Плятера, и я бы не вздрогнул даже на мысль о неизбежной своей погибели, лишь бы спасти невинного.

Копия этого письма пересылается мною к с.-петербургскому ген.-губернатору кн. Суворову.

Сигизмунд Буйницкий

21 июня (3 июля) 1863 г. Париж

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, лл. 1—2. Копия с копии, заверенная А. А. Суворовым [a]

---

[a] *Надпись А. А. Суворова* Эту копию я получил 30 июня при письме на мое имя. Я снял копию с копии, но не успел списать копию с письма, а письмо не в моих руках.

[1] *С. Буйницкий был арестован 15 апреля 1863 г. по подозрению в участии в захвате транспорта у м. Креславка и доставлен в Динабургскую кр. За неимением доказательств 17 апреля из-под ареста был освобожден и скрылся за границу (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 141).*

[2] *В письме 3 мая 1863 г., адресованном в Динабургскую следственную комиссию, С. Буйницкий сделал объявление о том, что разбитие транспорта с оружием в окрестностях Креславки было произведено им лично с помощью нескольких людей, в том числе и Л. Плятера,* которых он заставил силою присягнуть *(ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 141, л. 65).*

[3] *Жестяной ящик с документами революционного содержания был найден в разоренном крестьянами им. Дагде. Среди документов были: текст присяги на служение Польскому народному правительству, его приказы, бланк о назначении военным начальником, инструкции, воззвания, прокламации, денежные квитанции и другие документы. Перечень документов см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 141, лл. 24—27. По показаниям дворовой девушки, бывшей в услужении у С. Буйницкого, ящик с документами принадлежал ему (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 41, лл. 128—138).*

275

1864 г. февраля 20, Вильно.— Из заключения Временного полевого аудиториата по военно-судному делу о подготовке восстания в им. Мариенгаузен Люцинского у.

Временный полевой аудиториат, рассмотрев доставленное военным начальником инфляндских уездов Витебской, Новоалександровского — Ковенской и Дисненского — Виленской губ. военно-судное дело о проживавших в им. Мариенгаузене Витебской губ. Люцинского у. отставном поручике Рыцке [а] 2-м, 28 лет, сестрах его Марии, 20 лет, и Имельде [б], 22 лет, Рыцк, находившихся в том же имении в услужении крестьянах Люцинского у. Феликсе Мациевском, 20 лет, Эдуарде Шафе, 16 лет, Абросиме Сташкевиче, 28 лет, Антоне Богданове, 18 лет, дворянке девице Марии Карпович, 22 лет, крестьянке [в] девице Елене Шаф, 20 лет, лесничем при им. Мариенгаузен дворянине Казимире Лейтане, 22 лет, сыне управляющего принадлежащим к Мариенгаузену приселком Борисово крестьянине Ромуальде Бжезинском, 20 лет, управляющем приселком [Се]меново [г], принадлежащим к тому же имению, дворянине Онуфрие Полонском, 53 лет, проживавшем в им. Липно Витебской губ. Люцинского у. дворянине Игнатии Ульяновском, 28 лет, вольнослушателе С.-Петербургского университета Дмитрии Степанове, 23 лет, б. студенте того же университета Михаиле Вейде, 26 лет, отставном штабс-капитане Илье Жукове, 32 лет, вольнослушателе С.-Петербургского университета Станиславе Издебском, 21 года, б. столоначальнике Динабургского уездного суда Иване Будковском, 30 лет, воспитаннике Константиновского военного училища из дворян Евстафии Бейнаре, 20 лет, студентах С.-Петербургской медико-хирургической академии из дворян Фортунате

[а] *В другой транскрипции — Рык.*

[б] *В тексте встречается двоякое написание имени: Эмельда и Имельда.*

[в] *В тексте ошибочно* крестьянине.

[г] *Документ поврежден.*

Хоревиче, 20 лет, Владиславе Дышлевском, 23 лет, Михаиле Почебуте, 25 лет, студенте Московского университета Михаиле Клодницком, 20 лет, дворянах Александре Шостаке, 18 лет, Вильгельме Тржетяке [а], 19 лет, Владиславе Остроменцком, 26 лет, студенте С.-Петербургской медико-хирургической академии Эдуарде Шенатовиче, 21 лет, дворянине Януше Жарновском... [б] лет, отставном коллежском регистраторе, проживавшем в Динабурге, Адаме Чашницком, 29 лет, дворянах Витебской губ. Вацлаве Цяпинском, 25 лет, Виленской губ. Александре Буковском, 21 года, и Витебской губ. Павле Червинском, 21 года, находит, что все поименованные лица были преданы военному суду за участие в происходивших в начале минувшего года в им. Мариенгаузен (Витебской губ. Люцинского у.) и в окрестностях оного приготовлениях к восстанию, а некоторые из упомянутых лиц, в том числе отставной поручик Рыцк, штабс-капитан Жуков, дворяне Степанов, Вейде, Полонский, Будковский и Издебский,— за участие в печатании в окрестностях им. Мариенгаузен революционного журнала под названием «Земля и Воля».

Из дела видно, что им. Мариенгаузен, расположенное в Люцинском у. Витебской губ., на границе Островского у. Псковской губ., принадлежит вдове и детям умершего предводителя дворянства Витебской губ. Алине Липпе-Липской, урожденной Рыцк. В начале минувшего года в им. Мариенгаузен проживали, кроме самой Липпе-Липской, ее родной брат, вышедший незадолго перед этим, именно в октябре 1862 г., в отставку из расположенного на Кавказе 18-го стрелкового батальона, поручик Антоний Рыцк и две родные незамужние сестры Липской, Мария и Имельда Рыцк. При них в качестве прислуги состояли лакеи из крестьян Феликс Мациевский, Эдуард Шаф и Антон Богданов, буфетчик из крестьян Амбросий Сташкевич, горничные девушки дворянка Мария Карпович и сестра вышеупомянутого Шафа Елена, а также числившийся при поручике Рыцке денщик Андрей Дмитриев. Кроме того, в этом же имении состояли на службе в звании помощника лесничего дворянин Казимир Лейтан [в], проживавший постоянно в недальнем расстоянии от Мариенгаузена, в принадлежавшем к этому имению приселке Трибаново.

Кроме приселка Трибаново, к им. Мариенгаузен принадлежали расположенные в 5 и 8 верстах от самого имения приселки Борисово и Семеново, из коих первый находился в ближайшем заведывании сына тамошнего управляющего дворового человека Ромуальда Бжезинского, а второй был управляем дворянином Онуфрием Полонским. Сверх того, вблизи им. Мариенгаузен, в границах же Люцинского у. Витебской губ., расположены два имения, Липно и Боловское, из которых в первом, принадлежащем помещику Мартыну Ульяновскому, проживал постоянно его младший сын Игнатий Ульяновский, а во втором, принадлежащем помещику Горожанскому, находились на службе конторщиком дворянин Александр Вейде и лесничим брат его Людвиг Вейде.[...] [г]

[а] *В тексте ошибочно* Тржестане.

[б] *Пропуск в тексте.*

[в] *В тексте ошибочно* Лейзат.

[г] *Опущена часть документа (лл. 159—175) о деятельности в Мариенгаузене типографии общества «Земля и Воля». Этот вопрос подробно освещен в сб. «Русско-польские революционные связи», т. 2, стр. 202—262.*

Относительно бывших в Мариенгаузене приготовлений к восстанию первоначальное указание сделано было, как выше сказано, местным арендатором, гражданином Карлом Станкевичем, объяснившим, что главным распорядителем в означенных приготовлениях был подсудимый поручик Рыцк, имевший в этом участником подсудимого помещика Игнатия Ульяновского. Впоследствии указание Станкевича подтвердилось произведенным в Мариенгаузене 2 марта [1863 г.] обыском, причем в кладовой и сарае при помещичьем доме, а равно в лесу близ дома и в приселке Борисово найдено было до 40 пудов засушенного хлеба — сухарей, 19 ружей, несколько револьверов, палашей, сабель и другого оружия, более 3 бутылок пороха, 21 коробка пистонов и капсулей, до 2970 готовых патронов и около 750 штук гильз для изготовления новых патронов, до 1890 разной величины пуль, 10 форм для отливания пуль и разные к ним принадлежности. Все последние вещи, а равно и большая часть капсулей, патронов, пуль и оружия были найдены зарытыми в Мариенгаузенском лесу в двух каретных ящиках, причем вместе с оружием оказалась и салфетка с меткою начальных имен владелицы Мариенгаузенского поместья.

Обыск этот произведен был по указанию находившихся при доме лакея Эдуарда Шафа и денщика поручика Рыцка Дмитриева, после чего при дознании они, а равно лакей Мациевский и сын управляющего Борисовским приселком Бжезинский объяснили в подробности все происходившие в доме приготовления к возмущению, также обвинив в явном распоряжении всеми приготовлениями поручика Рыцка. Это впоследствии подтвердили задержанный из числа прибывших в Мариенгаузен для участия в возмущении молодых людей подсудимый Шостак, показание которого представляется по делу тем более достоверным, что оно было дано после долгого запирательства Шостака, когда он подал на высочайшее имя прошение об облегчении его участи и обещал принести в то время чистосердечное сознание, вследствие чего государю императору угодно было принять высочайшее соизволение на собственноручное принятие показаний Шостака. При следующих, однако ж, допросах Шостак, а также крестьянин Шаф отказались от всех своих показаний против Рыцка, но это отрицательство их при других обстоятельствах дела и ввиду показаний остальных свидетелей, единогласно с Шостаком и Шафом показывавших о приготовлениях к восстанию в Мариенгаузене под руководством поручика Рыцка, признано неуважительным самою комиссиею, производившею следствие, как сделанное с видимою целью скрыть преступные действия Рыцка.

Со своей стороны и подсудимый Рыцк ни при следствии, ни в военном суде не сделал прямого сознания в участии в мятеже и в распоряжениях в месте его жительства приготовлениями к восстанию, но вина его по этому предмету совершенно доказывается следующими обстоятельствами дела: 1) вышеуказанным объяснением гражданина Станкевича начальнику Псковской губ., причем он по разным дошедшим до него слухам объяснил об устраиваемом поручиком Рыцком заговоре, сборе для сей цели в Мариенгаузене подозрительных людей и заготовлении значительного количества сухарей и оружия; 2) произведенным по сему объявлению обыском в Мариенгаузене, где, как выше объяснено, были найдены в нескольких местах большие сокрытые запасы разного рода оружия, вновь заготовленные боевые припасы и до 40 пудов сушеного хлеба

и сухарей; 3) показаниями надзиравшего за работами в Мариенгаузене Лебедева, управляющего приселком Семеново Полонского и сына управляющего приселком Борисово Бжезинского, которые единогласно удостоверили, что заготовление хлеба и сухарей в Мариенгаузенских имениях началось с половины февраля по личному приказанию поручика Рыцка, причем Бжезинский при изготовлении сухарей в Борисове получил через Лебедева приказание Рыцка держать это в секрете, а потом, узнав, что заготовление сухарей делается и в других местах, усомнился в цели этого заготовления и потому остановился на одном только печении хлеба, который и был найден у него при обыске; в оправдание по сему предмету Рыцк объяснял, что упомянутые сухари приготовлялись для выделки кваса работникам, но прислуга в Мариенгаузене удостоверяла, что в Мариенгаузене квас никогда работникам не отпускался; в-четвертых, отзывами находившихся в Мариенгаузене в услужении крестьян Мациевского и Шафа, денщика Дмитриева и сына управляющего Бжезинского, которые, показав о собственном участии в приготовлении патронов, объяснили, что они делали это по приказанию поручика Рыцка сначала в комнатах самого Рыцка, а потом, когда распространился слух об их работах, в лесу, где для этого было избрано особое место, необходимый для выделки патронов порох был привозим приезжавшими к Рыцку молодыми людьми, из коих некоторые, по показанию Шафа, привозили в Мариенгаузен и оружие; в-пятых, показанием управляющего Полонского, который, подтвердив о приготовлении патронов в комнатах поручика Рыцка, объяснил, что когда он однажды заметил эту работу, то Рыцк на его удивление сказал: «Не удивляйся моей фабрике»; в-шестых, показанием двух крестьян из им. Мариенгаузен, что однажды они встретили недалеко от имения молодого шляхтича Комаровского, который, вступив с ними в разговор, расспрашивал, готовят ли в Мариенгаузене сухари, и говорил, что вскоре будет восстание; в-седьмых, единогласным показанием мариенгаузенской домашней прислуги, что в последнее время поручик Рыцк замышлял восстание и что с этой целью к нему часто приезжали разные молодые люди, имевшие при себе оружие, причем они, по отзыву денщика Дмитриева, разговаривали с Рыцком о мятеже и необходимости приготовлять оружие, при этом лакей Шаф пояснил, что Рыцк принимал к себе только таких лиц, которые имели карточки от Центрального комитета, и однажды отказывал какому-то приезжему черкесу до тех пор, пока он не привез означенной карточки; лакей же Мациевский и сын управляющего Бжезинского отозвались, что когда однажды перед приездом в Мариенгаузен станового пристава прибыли трое молодых людей, названных коморниками [a], то они были отправлены в приселок Борисово и там по приказанию, присланному из Мариенгаузена, были укрыты Бжезинским в сарае, после чего возвратились в Мариенгаузен только по отъезде станового пристава; в-восьмых, показанием управляющего Полонского, что после того, как к поручику Рыцку стали съезжаться молодые люди, он 18 или 19 февраля устроил в приселке Борисово вечеринку, на которой молодые люди, поднимая его на руках, назвали своим атаманом, а он ответил обещанием выпить за их здоровье, лишь только убьют первого русского, и потом, когда один из молодых людей хотел выстрелить в

[a] *Каморнік — землемер (белорусск.).*

висевший на стене портрет государя, то Рыцк остановил его, сказав: «Зачем по бумаге, лучше по живым»; в-девятых, показанием того же Полонского, а также сына управляющего Бжезинского, что Рыцк лично подговорил их к участию в восстании, говоря Бжезинскому, что русские солдаты имеют одноствольные ружья, а он, Рыцк, двуствольные и потому может сделать 2 выстрела, пока солдат сделает один; Полонского же заставлял возбуждать к мятежу и крестьян, объявлять, что какой-то всеобщий комитет поручил ему, Рыцку, подготовить свой приход к восстанию; в-десятых, показанием заведующего работами Лебедева, что и его Рыцк подговаривал к восстанию и прекратил подговоры только тогда, когда убедился в невозможности завербовать его, как русского; в-одиннадцатых, показанием из числа задержанных в окрестностях Мариенгаузена двух участников подготовлявшегося восстания, подсудимых Червинского и Шостака, из коих первый объяснил, что, пожелав принять участие в мятеже, он прибыл для сего из Петербурга по приказанию предводительствовавшего впоследствии шайкою мятежников в Себежском у. Кульчицкого в Мариенгаузен с письмом от Кульчицкого к поручику Рыцку, который, приняв его, отвел ему квартиру и содержал до тех пор, пока он, Червинский, не получил приказание отправиться, причем, выходя из Мариенгаузена, он был снабжен оттуда платьем и револьвером; подсудимый же Шостак показал, что перед принятием участия в мятеже, сойдясь с агентом Центрального комитета Трацевским, он был отправлен Трацевским к поручику Рыцку вместе с подсудимым Жарковским при особой карточке, на которой были написаны слова «едут двое», притом Трацевский предварил его, Шостака, что в Мариенгаузене есть фехтовальная зала, где он может научиться стрельбе в цель, после же того в бытность в Мариенгаузене, он, Шостак, присутствовал на устроенной Рыцком вечеринке, где происходил какой то разговор о государе, и, кроме того, сам Рыцк однажды говорил ему, что он приготовляется к восстанию для отделения Литвы и Польшы и имеет для этой цели много свинца, 3500 патронов и спрятанное оружие; наконец, в-двенадцатых, собственным показанием Рыцка, в коем он подтвердил случай устройства им вечеринки в приселке Борисово для съехавшихся к нему по частным будто бы надобностям молодых людей и, кроме того, сознался, что однажды он видел у приехавшего к нему неизвестного человека, назвавшегося Куреком, карточку от Центрального комитета, причем этот человек спрашивал его, можно ли в окрестностях Мариенгаузена заготовить оружие и порох, он же, Рыцк хотя тотчас отказал ему в этом, но оставил его у себя в доме, а после отъезда его через несколько дней распространились слухи, что к нему были привозимы какие-то вещи, но он, Рыцк, не обратил должного внимания на эти слухи.

Деятельным [со]участником поручика Рыцка в приготовлении в Мариенгаузене восстания по настоящему делу оказывается проживавший с ним по соседству в им. Липно помещик Игнатий Ульяновский. Обвинение на Ульяновского возникло еще до обнаружения в Мариенгаузене преступных замыслов, по обвинению соседнего к им. Липно священника Лебедева и одного крестьянина из ближайшей деревни Углова, заявлявших, что Ульяновский, подобно Рыцку, делает в своем имении приготовления к восстанию и заготовляет сухари, пули и всякого рода оружие. Вслед за тем сын управляющего приселком Борисово Бжезинский на допросе засвидетельствовал, что когда с февраля месяца 1863 г. к поручику Рыц-

ку стали съезжаться молодые люди, то Рыцк и помещик Ульяновский начали часто ездить друг к другу по ночам и при свиданиях между ними происходили тайные политические совещания о мятеже против правительства. Наконец, сами крестьяне им. Липно и принадлежащих к нему деревень, явясь к местному начальству, свидетельствовали о преступных действиях Ульяновского, указывая об укрывательстве им в своем доме до 15 неизвестных молодых людей, разъезжавших по окрестным деревням в вооруженном виде, а равно и о том, что Ульяновский при неоднократных разговорах с крестьянами по случаю освобождения их от крепостного состояния старался поселить в них враждебные чувства к государю и правительству. Вследствие этих указаний произведен был обыск в доме Ульяновского и тогда же задержаны у него четверо молодых людей, которые проживали у него без всякой надобности в течение двух недель и, как впоследствии оказалось, приехали к Ульяновскому из Петербурга с целью участвовать в приготовлявшемся в Люцинском у. восстании. Сам Ульяновский на всех вообще допросах по делу уклонился от сознания в участии в мятежных замыслах против правительства, но в этом он вполне изобличается, во-первых, доказанным по делу знакомством и близкими связями его с поручиком Рыцком, с которым он, как показали спрошенные по делу свидетели, имел частые свидания, сопровождавшиеся секретными совещаниями, и так как по настоящему делу доказано, что некоторые приготовления в Мариенгаузене, как, например, делание патронов, производились явно, то не представляется никакого сомнения, что Ульяновский, приезжавший к поручику Рыцку, по показанию подсудимых Мациевского, Шафа и денщика Дмитриева, во время самих приготовлений был свидетелем их и скрывал от начальства, разделяя преступные замыслы Рыцка; во-вторых, сделанным на Ульяновского указанием со стороны ближайших его соседей и крестьян, свидетельствовавших о нем как о деятельном заговорщике, стремившемся подготовить в своем имении восстание и содействовавшем в этом поручику Рыцку; в-третьих, по показаниям задержанного в окрестностях Мариенгаузена подсудимого Шостака, удостоверившего, что, приготовляясь к восстанию, он слышал от разных лиц, принадлежавших к революционной партии, что Ульяновский отличался сочувствием мятежу и всегда готов принять к себе и действительно принимает молодых людей из этой партии; в-четвертых, тем, что при обыске в доме Ульяновского задержано несколько молодых людей, исследование о которых доказало, что все они прибыли и жили у Ульяновского с целью принятия участия в устраивавшемся восстании, притом двое старшин соседних к им. Липно деревень [и][а] один крестьянин показали, что, кроме означенных задержанных лиц, у Ульяновского с начала великого поста[б] пребывало до 12 других молодых людей, из коих некоторые приезжали к нему на короткое время и вместе с ним ездили в ночное время в Мариенгаузен к поручику Рыцку, и наконец, в-пятых, показанием деревенских старшин Бородушки и Чупеля, а также крестьянина Солдана, что когда из них Солдан в присутствии старшин просил у Ульяновского леса для домашних потребностей, то Ульяновский, отказав в просьбе Солдана и вступив с ним в разговор, выразил свое нерасположение к правитель-

---

[а] *Документ поврежден.*
[б] *Т. е. с двадцатых чисел февраля.*

ству за изменение прежнего положения крестьян и затем добавил: «Ваш царь берет у нас, помещиков, и лес и землю, а вот у нас будет свой царь и старая Польша, как было лет за 80, наш царь не будет брать ни рекрутов, ни податей таких, как ваш царь берет». После того в разговоре с одним старшиною — Бородушкою, по показанию последнего, Ульяновский высказал намерение лично идти против русских, снова говоря «и у нас будет свой царь», при разговоре же с бессрочноотпускным рядовым Фигалеевым, как показал последний, Ульяновский на вопрос Фигалеева о сборе солдат, ответив, что он слышал об этом, прибавил: «Если я буду на сражении, то неужели ты будешь рубить меня, ведь ты одной веры».

Из числа лиц, находившихся в услужении у поручика Рыцка и содействовавших ему в приготовлениях к восстанию, более других выказал содействие служивший в Мариенгаузенском имении в качестве помощника лесничего подсудимый дворянин Казимир Лейтан. Его виновность по делу усугубляется тем, что когда он по объявлению гражданина Станкевича о принятом им участии в мариенгаузенских приготовлениях был арестован, то во время препровождения к месту следствия бежал и находился в побеге по 24 мая, при задержании же его этого числа в Себежском у. при нем оказался чужой паспорт на имя однодворца Зуевича. В отношении мест своего укрывательства в течение побега и о способе приобретения чужого паспорта подсудимый Лейтан не дал справедливого показания и затем отрекся от всякого участия в открытых в Мариенгаузене беспорядках, но преступная деятельность его в сем отношении вполне доказывается как побегом его при доставлении к месту следствия, так, во-первых, по данным гражданином Станкевичем объявлениям, в которых он объяснил, что однажды Лейтан в бытность его, Станкевича, у лесничего Квинта говорил жене последнего, что следует прятать оружие и идти за веру и отечество и что уже кто-то приехал из-за границы и требует помощи; во-вторых, показанием сына управляющего Бжезинского, что Лейтан подговаривал его присоединиться к мятежу и в бытность в Мариенгаузене местного станового пристава содействовал укрывательству трех молодых людей, прибывших в Мариенгаузен под видом коморников; в-третьих, показаниями трех человек домашней прислуги в Мариенгаузене, единогласно удостоверивших, что Лейтан по поручению поручика Рыцка деятельно занимался приготовлением патронов, и когда они выделывались в комнатах Рыцка, то он вывозил их для скрытия в лес, где также приготовлял патроны и выливал пули, после же того, как один из крестьян нашел на месте приготовления пуль обрезки от них и несколько самих пуль, то Лейтан до трех раз перевозил от одного места на другое необходимые для отливания пуль и приготовления патронов принадлежности, а потом хвалился, что Станкевич ни за что их не найдет; в-четвертых, тем, что во время следствия один из мариенгаузенских крестьян, найдя в лесу близ Мариенгаузена у обгоревшего костра несколько больших пуль и свинцовых обрезков, объявил, что у этого самого костра он прежде два раза встречал подсудимого Лейтана; в-пятых, показанием денщика Дмитриева, что Лейтан, занимаясь приготовлением патронов, сам делал на них надписи, обозначающие, к каким ружьям патроны принадлежат, и наконец, в-шестых, потому, что при сличении в присутствии следственной комиссии почерка надписей на патронах, найденных в Мариенгаузене с по-

черком Лейтана оба они оказались сходными и при самом сличении Лейтан, по замечанию[a], дрожал и был, видимо, смущен.

В отношении других лиц, составляющих домашнюю прислугу в Мариенгаузенском имении и преданных суду по настоящему делу, видно, что все они замечали готовившееся в Мариенгаузене восстание и по приказанию поручика Рыцка участвовали в приготовлениях к оному, причем: 1) сын управляющего приселком Борисово Бжезинский хранил в доме отца разное оружие и военные припасы в значительном количестве, по приказанию Рыцка приступил к заготовлению сухарей, испекши для этого до 58 хлебов, которые и были найдены у него в засохшем виде, и, наконец, участвовал в выделке гильз для патронов, для чего получил от горничной Марии Карпович 268 патронных бумажек, также найденных у него при обыске; 2) лакей из крестьян Феликс Мациевский и Эдуард Шаф по приказанию Рыцка занимались приготовлением в его комнатах патронов и вывезли из дома для сокрытия оружие и военные припасы, найденные впоследствии при производстве в Мариенгаузене обыска; Мациевский же, кроме того, возил из Мариенгаузена в бытность там пристава в приселок Борисово скрывшихся в приселке трех молодых людей, называвшихся коморниками; 3) лакей из крестьян Амбросий Сташкевич также занимался с другими людьми выделкою патронов и, кроме того, выливал в лесу вместе с подсудимым Лейтаном пули; 4) горничная дворянка Мария Карпович и крестьянка Елена Шаф, содействуя выделке патронов, заготовляли гильзы к ним, причем Мария Карпович передала Бжезинскому те 268 бумажек для гильз, которые были найдены при обыске у Бжезинского. В вышеизложенных действиях все означенные подсудимые, за исключением крестьянина Сташкевича, сами сознались на первоначальных допросах при дознании и такое сознание дворянин Бжезинский и крестьяне Мациевский и Шаф подтвердили и при следствии, и в военном суде, чем первые двое оказали содействие к обнаружению происходивших в Мариенгаузене приготовлений к восстанию, Шаф же не оказал такого содействия, ибо он впоследствии с видимою ложью отменил свои показания в отношении главных виновников по сему делу. Горничная Карпович и Елена Шаф на вторичных допросах вовсе отказались от вышесказанного ими содействия приготовлениям в Мариенгаузене, но такое отрицательство их не заслуживает никакого уважения и опровергается показаниями их соучастников; подсудимый же крестьянин Сташкевич хотя вовсе не сознался в своих преступных действиях, но положительно изобличается в них отзывами остальных лиц из мариенгаузенской прислуги.

Вместе с поименованными лицами был предан военному суду и лакей при Мариенгаузенском имении из крестьян Антоний Богданов, обвиненный подсудимым Мациевским и денщиком Дмитриевым в знании с приезжавших в Мариенгаузен молодых людях, к которым он назначался для прислуги, но Богданов в этом не сознался и к изобличению его, кроме упомянутых двух показаний, других доказательств в деле не имеется.

Сверх того, из числа служивших в Мариенгаузене лиц, указанных выше сего, участник в печатании революционного журнала «Земля и Воля» управляющий приселком Семеново дворянин Полонский причастен и к происходившим в Мариенгаузене беспорядкам тем, что он, по

---

[a] *Карандашом добавлено* комиссии.

собственному его сознанию, ведая о преступных замыслах поручика Рыцка, выпекал в приселке хлеб из доставленной Рыцком муки, каковой хлеб был потом обращаем в Мариенгаузене в сухари, при этом на Полонского возникло, по показанию лакея Шафа, обвинение в имении преступных сношений с воспитывавшимся в С.-Петербурге в Медико-хирургической академии родственником его Харевичем, от которого он, как говорил Шафу, получил письмо с просьбою уведомить его о духе народа и с обещанием Харевича прибыть в Мариенгаузен в случае сочувствия народа к мятежу с 800 студентами, но против этого обвинения Полонский не сознался и ничем по делу не изобличается.

Равным образом к обвинению в мятежных замыслах в Мариенгаузене привлечен и другой участник в печатании журнала «Земля и Воля» — подсудимый студент Михаил Вейде; он, по показанию лакея Шафа, подвергался обвинению в привозе поручику Рыцку бочонка пороха, а по отзыву подсудимого Бжезинского — в участии в вечеринке, устроенной Рыцком в приселке Борисово для совещаний о мятеже, но сам Вейде сознался только против последнего обвинения, а от доставления поручику Рыцку пороха отказался и к изобличению его в том по делу никаких доказательств не открыто. [...][a]

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 60, ч. 1, лл. 155—190 об. Подлинник

276

1864 г. марта не позднее 19[1], Вильно.— Заключение Временного полевого аудиториата по военно-судному делу крестьянина Динабургского у. Л. И. Маскалана, подозревавшегося в антиправительственной агитации среди крестьян

Временный полевой аудиториат, рассмотрев представленное военным начальником инфляндских уездов Витебской губ. военно-судное дело о временнообязанном крестьянине Динабургского у. Калунского сельского общества Людвиге Иосифове Маскалане, 37 лет, римско-католического вероисповедания, сужденном по полевому уголовному уложению за подговор крестьян к мятежу, находит, что подсудимый Маскалан служил по найму писарем в им. Борхове Режицкого у. Витебской губ., принадлежащем помещику гр. Станиславу Плятеру, а в январе настоящего года арестован по доносу одного из работников означенного имения крестьянина Петра Трупа, что подсудимый Маскалан, подговаривая его и еще трех других крестьян принять участие в мятеже и произнося при этом оскорбительные слова к священной особе государя императора, говорил, что давно ожидал беспорядков в крае для того, чтобы иметь своего царя, который будет по выборам и если окажется нехорошим, то можно будет сменить его и избрать другого и что при польском царе весь налог с крестьян будет по 30 коп. с души и за землю. Согласно с этим показали при следствии и выставленные крестьянином Трупом еще трое крестьян, но показания от них отобраны без присяги и не подтверждены никакими посторонними свидетелями, а из собственных объясне-

---

[a] *Далее следует изложение судебно-следственных материалов о других участниках подготовки восстания в Мариенгаузене и решение аудиториата (лл. 191—224 об.).*

ний крестьян видно, что подсудимый Маскалан подговаривал их к мятежу еще в апреле прошлого года и они об этом своевременно начальству не объявили; сам же подсудимый Маскалан, не сознаваясь против обвинений крестьян, объяснил, что оклеветан ими по злобе на него за строгое с ними обращение, причем он подверг трех из них разным наказаниям, против какового показания подсудимого никакого исследования не произведено.

По сим обстоятельствам Временный полевой аудиториат, признавая показания 4 крестьян как бесприсяжные и притом несвоевременные недостаточными к положительному обвинению подсудимого крестьянина Маскалана в подговоре их к мятежу и в произнесении притом оскорбительных слов к священной особе государя императора, полагает на основании 349 ст. 2 кн. военно-уголовного устава оставить подсудимого Маскалана по означенным обвинениям в подозрении и как неблагонадежного в политическом отношении согласно 9 п. высочайше утвержденных правил о порядке наложения взысканий на мятежников и их соучастников выслать в Вологодскую губ. для водворения там на казенных землях ведомства государственных имуществ.

Заключение это Временный полевой аудиториат представляет на благоусмотрение е. вп. командующего войсками Виленского округа[а].

ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 52240, л. 4. Копия

[1] *Датируется на основании резолюции М. Н. Муравьева.*

277

1864 г. марта 24, Витебск.— Конфиденциальное письмо чиновника для особых поручений при министре внутренних дел А. П. Стороженко П. А. Валуеву о политическом состоянии Витебской и Могилевской губерний и возможности нового подъема восстания

Секретно

В. вп. Петр Александрович,

Вследствие приказания вашего, переданного мне Михаилом Николаевичем Шидловским, почтительнейше честь имею донести о результатах осмотра в политическом отношении Витебской и Могилевской губерний.

Вообще в обеих губерниях тишина, благоустройство и порядок. Сельские караулы устроены на всех важных пунктах и, вооруженные по большой части огнестрельным оружием, понатертые[б], исполняют свою обязанность весьма удовлетворительно. Все правила, сообщенные в циркулярах главного начальника края, для водворения в губерниях русских начал и подавления всего, что может поддерживать польский дух и мятежные стремления, исполняются в точности. Чиновники польского происхождения постепенно заменяются русскими; так что теперь исправники и состав земской полиции почти все русские и если попадаются между ними поляки, то разве испытанной преданности к правительству.

[а] *На публикуемой копии имеется надпись о резолюции М. Н. Муравьева на подлиннике*: Согласен. 19 марта 1864 г.

[б] *Так в тексте.*

Михаил Николаевич Муравьев поручил мне обратить особенное внимание и разузнать, есть ли какой повод предполагать, что с наступлением весны могут повториться революционные попытки. Стараясь по возможности исполнить это приказание точнее и определительнее, я проникал во все слои общества, наблюдал за направлением духа как помещиков, так и простой шляхты и, сообразуясь с собранными сведениями, пришел к тому заключению, что революционный элемент не вполне еще искоренен и гнездится в среде бездомной шляхты, пролетариев, людей без всяких средств к существованию и готовых на самые отчаянные поступки. Что же касается до помещиков, то в настоящее время не только нельзя ожидать с их стороны какого-либо движения в пользу революционной пропаганды, но, напротив, они всеми средствами готовы содействовать правительству предупредить малейшие манифестации, которые могли бы взволновать крестьян и всею тяжестью обрушиться на помещиков. Режицкие события сильно напугали всю губернию [1]. Дворянство всеми мерами старается заявить перед правительством свои верноподданнические чувства и составляет адресы кругового ручательства; копия адреса люцинского дворянства, доставленная мне уездным предводителем, при этом прилагается [2].

Убеждение мое, что теперь мелкая шляхта опаснее помещиков, основано еще на нижеследующих данных:

В начале мятежа прошлого года лица, составившие шайки, делились на три категории: 1) помещики-патриоты как люди более развитые шли, сознавая общественным мнением необходимость этой жертвы, ими двигала, как они выражались, opinia [а], 2) по принуждению, угрозами, страха ради и 3) бездомные, балагулы [б], недоучившиеся студенты, гимназисты шли более из любви к искусству.

В настоящее время, когда обстоятельства так резко изменились, помещики пришиблены, разорены, самые рьяные из них сосланы или сидят в острогах и по крепостям, первые две категории окончательно уничтожились. Общественное мнение помещиков отказалось от своей инициативы, а террор Центрального комитета более никого не страшит. Но третья категория хотя и потеряла из своей среды многих, но зато значительно усиленная отставленными от должностей чиновниками, потерявшими места официалистами, выгнанными из учебных заведений гимназистами, студентами и разоренною шляхтою, с наступлением весны, когда приманчиво заблагоухают леса, при первом появлении агитатора вся эта сволочь — голодная, озлобленная, доверяющая всякому нелепому слуху, из душной хаты охотно шмыгнет до лясу [в], не имея другой цели, как весело погулять, попить, пограбить, а потом пробраться лесами в Люблинскую губ. и соединиться с галицийскими шайками.

Для предупреждения этого движения полагаю необходимым обратить особенно строгое внимание на остатки революционного элемента, тем более опасного, что в нем заключается материальная сила численности, и, пока есть время, принять следующие энергические меры к искоренению оного:

[а] *Мнение (польск.).*

[б] *Балагула (укр.), балагол (белорусск.) — извозчик; здесь — люди без определенных занятий, бродяги.*

[в] *Do lasu — в лес (польск.), здесь — в повстанцы.*

1. Во всем крае составить списки всем, которые, не имея средств к жизни и не занимая никакого места, проживают нахлебниками, хотя бы у своих родных.

2. Домохозяева, у которых они проживают, обязаны за их благонадежность ручаться, обеспечив поручительство определенною суммою денег.

3. Тех, за которых не будут ручаться или чем-нибудь они навлекут на себя подозрение, немедленно арестовать и выслать из края.

4. В тех местах, где встречается сплошное население шляхты, обязать круговой порукой и ответственностью всех за одного.

5. Местное начальство зорко должно следить за всеми пролетариями и стараться открывать в числе их более самонадеянных, отчаянных, могущих иметь влияние на прочих своих товарищей. При этом стараться иметь агентов, способных проникать в глубь сокровенных их бесед, где они высказывают свои задушевные желания и надежды; официальные агенты для этого не годятся, их надобно искать между поляками.

В Витебской губ. в последнее время распространился в разных местах слух, что 8 человек собирают деньги для поддержания революции. Один из них — главный — живет в Витебске, а 7 разъезжают по уездам. Все они вращаются в высшем слое общества и не возбуждают против себя никакого подозрения правительства. Собираемые деньги они отвозят сами и поочередно, чтобы не обратили на кого-нибудь из них внимания. По этим же слухам, восстание весною в Витебской и Могилевской губерниях не назначается, а пойдут только многие в литовские губернии, где восстание назначено жондом непременно. Если же французы объявят нам войну, то восстание будет общее во всех западных губерниях.

Начальники губерний принимают самые деятельные и энергические меры к предупреждению революционных попыток, в уездах земская полиция зорко следит за всеми лицами, сколько-нибудь неблагонадежными и подозрительными, а народ также не дремлет. Во всяком случае, я того убеждения, что восстание тогда только невозможно, когда мы будем считать его возможным и действовать с крайнею осторожностью. Многие из административных лиц того мнения, что было бы величайшею глупостью со стороны поляков формировать шайки в белорусских губерниях, но нам нельзя рассчитывать на здравый смысл поляков, для нас не так опасны европейские умы, как опасна польская глупость.

При обревизовании следственных по политическим делам комиссий Динабургской, Витебской, Могилевской и Оршанской оказалось, что, делопроизводство производилось довольно успешно, за исключением в последней. Но теперь эта комиссия соединена с Могилевскою и течение дел пойдет правильно. Содержание политических арестантов вообще хорошее, пища сытная, но в Могилеве настроение духа арестантов довольно неспокойное. Причину этому нахожу ту, что в некоторых каморах содержится по 70 и более человек.

При этом долгом считаю довести до сведения в. вп., что чиновники, присылаемые из России для замены чиновников польского происхождения, вовсе не отвечают цели своего назначения, многие из них оказываются корыстными и нетрезвого поведения. Выбор чиновников в западные губернии должен быть самый строгий и осмотрительный, с непременною ответственностью за них перед правительством местного

начальства, которому должны быть вполне известны не только служебные, но и нравственные качества каждого.

С глубочайшим высокопочтением и совершенною преданностью честь имею пребыть в. вп. покорнейший слуга Алексей Стороженко

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1863 г., д. 41, лл. 180—189. Подлинник

[1] *См. док. 268.*
[2] *Копию адреса см. в том же деле, лл. 130—131.*

278

1864 г. июня 30.—Представление витебского губернатора В. Н. Веревкина М. Н. Муравьеву о высылке из края дворянки М. П. Свирщевской за агитацию среди крестьян Гороплянской вол. Полоцкого у.

8 марта нынешнего года Гороплянское волостное правление донесло полоцкому уездному исправнику, что дочь помещицы Иозефины Свирщевской Мария летом прошлого года, прийдя на поле во время жатвы хлеба, показывая крестьянкам Евгении и Пелагее Никифоровым какую-то книжку, говорила: «Вот простой мужик Яська пишет, что если все крестьяне пойдут на защиту Польши и будут стараться освободить ее из-под власти России, то в то время не будут платить податей, а также и отбывать рекрутской повинности и будут все пользоваться дворянскими правами и помещики подарят им землю, которою ныне крестьяне пользуются».

При производстве следствия, хотя Мария Свирщевская ни в чем не созналась и при обыске у нее ничего подозрительного не найдено, но донесение Гороплянского волостного правления на Свирщевскую подтверждено присяжными показаниями временнообязанных крестьянок Евгении Никифоровой и Анны Семеновой, а потому, находя дворянку девицу Марию Свирщевскую, 23 лет, римско-католического исповедания, виновною в распространении между двумя крестьянками возмутительных идей, я полагал бы ее как неблагонадежную в политическом отношении выслать из края на жительство в одну из внутренних губерний России, выдержав ее затем 3 месяца под арестом.

Представляя мнение это и самое дело на благоусмотрение в. вп., имею честь присовокупить, что Свирщевская содержится под арестом в Витебском тюремном замке[1].

ЦГИА БССР (Минск), ф. 1430, оп. 1, д. 31558, лл. 3—4. Отпуск

[1] *По конфирмации М. Н. Муравьева М. П. Свирщевская была приговорена к тюремному заключению на 2 месяца и денежному штрафу в 50 руб. (см. там же, л. 8)*

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1863

1864

1865

1868

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

* Аннотации на фамилии, помеченные знаком *, см. в указателе тома этой же серии «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» (М., 1964).

37*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

TURINYS

ЗМЕСТ

TREŚĆ

**Восстание 1863—1864 гг.
в Литве и Белоруссии**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Технический редактор *П. С. Кашина*
Корректор *В. К. Гарди*

Сдано в набор 30/IV 1965 г. Подписано к печати 28/IX 1965 г.
Формат 70×100[1]/16. Печ. л. 40,25п. л.=51,1 усл.п.л. Уч.-изд. л. 53,6.
Тираж 1700 экз. Т-12312. Изд. № 100/65. Тип. зак. 2435.
Цена 2 р. 38 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10